

Наиме, Неймекки,
"

Polnoe Sobranie
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
Sochinenii
СОЧИНЕНИЙ

Genriha Geine
ГЕНРИХА ГЕЙНЕ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Подъ редакціею и съ биографическимъ очеркомъ
Петра Вейнберга.

Съ приложеніемъ двухъ портретовъ Гейне.

Томъ I
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКСА.

1904.

Арт. зав. А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

ИЗДАНИЕ 1925 г.

PT2320
R6A1
1904
v.1

ЖИЗНЬ
ГЕНРИХА ГЕЙНЕ.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

I.

Гейне въ шутку, безъ которой онъ такъ рѣдко могъ обойтись, называлъ себя первымъ человѣкомъ девятнадцатаго столѣтія, увѣряя иногда, что онъ родился 1-го января 1801 г. На самомъ же дѣлѣ, какъ доказано позднѣйшими изслѣдованіями, будущій великій поэтъ родился 13 декабря 1797 г.—въ Дюссельдорфѣ на Рейнѣ.

Гейне по происхожденію еврей, и предки его не могли похвалиться особенною знатностью своего родословнаго дерева. По матери нашъ поэтъ былъ «знатнѣе»: она принадлежала къ фамиліи Гельдернъ, пользовавшейся большимъ почетомъ при дворѣ и обществѣ, но за Самсона Гейне вышла уже бѣдною дѣвушкой послѣ разоренія ея отца, и мужъ ея завелъ въ Дюссельдорфѣ торговлю англійскими мануфактурными товарами, однако, шедшую плохо.

Біографы Генриха Гейне въ исторіи его развитія приписываютъ видную роль вліянію его матери; внимательно всматриваясь въ обстоятельства дѣтства и юношества нашего поэта, мы не можемъ, однако, вполне сѣгласиться съ этимъ мнѣніемъ. Правда, Бетти Гейне (имя матери поэта) была женщина очень образованная; правда, она была жаркою послѣдовательницею Ж. Ж. Руссо, и ея религіозныя убѣжденія были построены на почвѣ строгаго деизма; правда, наконецъ, что всѣ заботы о воспитаніи дѣтей лежали исключительно на ней, и она была вся поглощена этими заботами. Неоспоримо все это, но другіе, гораздо болѣе вѣскіе факты представляютъ дѣло въ совсѣмъ иномѣ

свѣтъ. Уже одно то обстоятельство, что эта женщина, какъ истая дочь рационалистическаго XVIII вѣка, ставила на первомъ планѣ разумъ и наиболѣе тревожилась мыслью о томъ, что ея Генрихъ, пожалуй, сдѣлается когда-нибудь поэтомъ—уже одно это обстоятельство, думаемъ, достаточно говоритъ въ пользу того, что своимъ собственно поэтическимъ развитіемъ Гейне обязанъ отнюдь не матери. «Въ насъ самихъ заключаются звѣзды нашего счастья», замѣчаетъ онъ въ своихъ Мемуарахъ, сообщая тутъ же, что мать «боялась поэзіи, вырывала изъ рукъ сына всякій романъ, какой находила въ нихъ; запрещала ему ходить въ театръ, отстраняла отъ всякаго участія въ народныхъ играхъ, наблюдала за его знакомствами, бранила прислугу, которая въ его присутствіи рассказывала о привидѣніяхъ,—дѣлала, однимъ словомъ, все возможное, чтобы отдалить отъ него суевѣріе и поэзію». Не отъ нея, по его собственному заявленію, унаслѣдовалъ онъ «наклонность къ фантастическому и романтическому», т. е. къ тому, что вошло самымъ существеннымъ элементомъ въ первоначальное творчество поэта; а если къ вышеприведенному прибавимъ еще одно заявленіе сына, что «на господство надъ дѣйствительнымъ направленіемъ его мысли она никогда не покушалась, и относительно его была олицетвореніемъ деликатности и любви»—то, кажется, имѣемъ достаточное основаніе утверждать, что собственно на поэтическое развитіе Гейне мать не только не оказала благоприятнаго вліянія, но даже противо-дѣйствовала ему.

Съ послѣднимъ заявленіемъ объ отсутствіи «покушенія на господство надъ дѣйствительнымъ направленіемъ мысли» сына находятся, однако, въ противорѣчій тѣ свѣдѣнія о системѣ воспитанія Генриха, которыя находимъ въ его Мемуарахъ, и которыя являются для насъ доказательствомъ, что и житейскій путь, по которому пошелъ нашъ поэтъ и съ котораго онъ не сходилъ до конца своей жизни, былъ проложенъ ему отнюдь не матерью. Всю свою систему воспитанія она сообразовала съ тѣми «широкими и блистательными планами», которые строила для своего «Гарри», усматривая въ его умственныхъ способностяхъ великолѣпные задатки для осуществленія плановъ. То она,

ослѣвленная блескомъ первой французской имперіи, подчинившей себѣ въ эту пору Германію, и видя, напримѣръ, какъ одна изъ ея подругъ, дочь желѣзнаго фабриканта, сдѣлалась женой герцога и извѣстнаго генерала — начинаетъ тоже грезить для своего Генриха «о самыхъ золотыхъ эполетахъ или о самыхъ почетныхъ должностяхъ при дворѣ Наполеона» и сообразно этому, заставляеть его учиться разнымъ военнымъ наукамъ. То съ паденіемъ имперіи она отказывается отъ этихъ стремленій и, будучи свидѣтельницей сказочнаго возвышенія дома Ротшильдовъ, рѣшаетъ, что и сынъ ея можетъ и долженъ «сдѣлаться денежной державой», вслѣдствіе чего — какъ увидимъ ниже — знакомить его съ вексельнымъ дѣломъ, съ торговлею, чрезъ посредство учителей набиваетъ его голову всевозможными предметами, имѣющими отношеніе къ сухопутной и морской торговлѣ, къ промышленности и т. п. То, когда вокругъ ея начинаютъ лопаться одно торговое предпріятіе за другимъ, она начинаетъ придумывать для сына новую карьеру и, замѣтивъ общее процвѣтаніе юридическаго, собственно адвокатскаго, сословія, рѣшаетъ, что Генриху непремѣнно надо сдѣлаться адвокатомъ — и отправляетъ его въ университетъ, слушать лекціи по юридическому факультету. Мало того: мы имѣемъ даже указаніе, что она, сперва энергически отклонившая предложеніе одного изъ учителей Генриха — окрестить этого послѣдняго въ католическую вѣру и посвятить его духовному званію, впоследствии раскаявалась, что не сдѣлала этого... И только «послѣ столькихъ фіаско, — говоритъ сынъ, безпрекословно повиновавшійся ея распоряженіямъ, — она отказалась отъ верховнаго руководства моею жизнью», — и прибавляетъ, что «именно она была виновата въ бесплодности большинства моихъ попытокъ и стремленій на общественномъ поприщѣ, такъ какъ ни одна изъ представившихся мнѣ должностей не соотвѣтствовала моей натурѣ». Это не мѣшало, однако, поэту всю жизнь питать къ матери глубочайшую, до благоговѣнія доходившую, любовь, которую онъ выразилъ и въ нѣсколькихъ изъ задушевнѣйшихъ своихъ стихотвореній. Да она и заслуживала этой любви, потому что только и жила мыслью и заботами о своихъ дѣтяхъ, и если Генрихъ

Гейне, какъ поэтъ, нисколько не обязанъ ея вліянію, то въ его умственномъ и нравственномъ развитіи вообще она все-таки не осталась безъ довольно видной роли.

Очень любилъ Гейне и своего отца; но то, что намъ извѣстно объ этомъ человѣкѣ по разсказамъ самого сына, представляетъ намъ его — несмотря на нѣжность, которою проникнуты эти разсказы—въ свѣтѣ далеко не привлекательномъ, и по крайней мѣрѣ въ такомъ, при которомъ уже ни о малѣйшемъ нравственно благотворномъ, а ужь подавно умственномъ, образовательномъ вліяніи не можетъ быть и рѣчи. Это человѣкъ добрый, помогающій бѣднымъ, насколько позволяютъ его средства, общительный, но весьма пустой, суетный, въ душѣ котораго, по очень мѣткому и образному выраженію сына, «было вѣчно-ярмарочное увеселеніе».

Но между ближайшими родственниками будущаго поэта нашелся одинъ, въ общеніи съ которымъ мальчикъ Гарри находитъ почву для разработки своихъ чисто-поэтическихъ задатковъ и своихъ склонностей къ умственной работѣ вообще. Это былъ его дядя по матери, Симонъ Гельдернъ, большой чудакъ во внѣшнихъ проявленіяхъ, съ наружностью, вызывавшею даже непочтительный смѣхъ, но съ прекраснѣйшимъ и благороднѣйшимъ сердцемъ. Бывшій воспитанникъ коллегіи іезуитовъ, гдѣ онъ окончилъ курсъ такъ-называемыхъ гуманитарныхъ наукъ, страстный библіоманъ, плохой авторъ политическихъ статей, живо интересующійся всѣми современными вопросами, этотъ человѣкъ старался сообщать племяннику свои знанія и прививать свои вкусы, дарилъ ему прекрасныя книги, отдавалъ въ его распоряженіе свою библіотеку, богатую классическими сочиненіями и лучшими современными брошюрами, и всѣмъ этимъ, какъ прямо заявлялъ впоследствии Гейне, оказывалъ большое вліяніе на его развитіе.

Симонъ Гельдернъ жилъ въ старомъ домѣ, доставшемся ему отъ отца, и чердакъ котораго представлялъ собою складъ всевозможнаго домашняго хлама, разныхъ глобусовъ, колбъ и ретортъ, свидѣтельствовавшихъ объ астрологическихъ и алхимическихъ занятіяхъ прежняго домовладѣльца, книгъ медицинскаго, фило-

софскаго и каббалистическаго содержанія. Здѣсь проводилъ цѣлыя часы будущій романтикъ, въ этой обстановкѣ все «представлялось ему облитымъ фантастическими лучами», и въ далекія, невѣдомыя пространства устремлялось его богатое воображеніе, когда въ этой таинственной пыли находилъ онъ такія вещи, какъ, напримѣръ, записная книжка одного изъ его предковъ по матери—весьма загадочнаго человѣка, странствовавшаго по всему свѣту, преимущественно по Востоку, бывшаго и набожнымъ пилигримомъ, и предводителемъ бедуинскаго племени, и чѣмъ-то въ родѣ чернокожника. Гейне, характеризуя его въ Мемуарахъ, какъ «полу-фантазера, занимавшагося пропагандою космополитическихъ, осчастливливающихъ міръ, утопій, и полуавантюриста, который, въ сознаніи своей индивидуальной силы, разрушаетъ или переступаетъ гнилыя предѣлы гнилого общества» — свидѣтельствуетъ о сильномъ вліяніи, которое производили на его дѣтское, впечатлительное воображеніе и то, что онъ могъ понять въ этой уцѣлѣвшей записной книжкѣ, и сохранившіеся въ семьѣ рассказы и традиціи объ этой таинственной личности.

Записная книжка этого дяди, какъ выше замѣчено, не могла давать мальчику значительный матеріалъ собственно для чтенія, уже потому, что большая часть ея была написана арабскими, сирійскими и коптскими буквами. За то не однимъ сокровищемъ обогатился его умъ въ вышеупомянутой библиотекѣ дяди—судя потому, что первыми книгами, которыя онъ прочелъ здѣсь, послѣ вступленія своего въ пору разумнаго дѣтства, были «Донъ Кихоть» и «Путешествіе Гулливера». Неподражаемо поэтически описалъ онъ самъ въ «Путевыхъ Картинахъ» впечатлѣніе, производившееся на него безсмертнымъ твореніемъ Сервантеса. Общеніе съ «Донъ Кихотомъ» не ограничилось у Гейне дѣтскимъ возрастомъ; книгу эту неоднократно читалъ онъ въ различные возрасты своей жизни, и на всѣхъ путяхъ этой послѣдней «преслѣдовали меня,—писалъ онъ гораздо позже,—фигуры худошаваго рыцаря и его жирнаго оруженосца, въ особености, когда я достигалъ роковаго перепутья... Можеть-быть, я тоже никто иной, какъ донъ Кихоть». Что касается «Путе-

шествія Гулливера», то чтенію его маленькимъ Гейне, конечно, нельзя не придать большого значенія въ жизни того, кому тоже суждено было сдѣлаться однимъ изъ гениальнѣйшихъ сатириковъ. Въ твореніи Свифта двѣнадцатилѣтняго Генриха, главнымъ образомъ, занимали судьбы великана, присутствіе котораго внушало столько страха и опасеній карликамъ-лилипутамъ, и, если вѣрить Гейне, въ этихъ судьбахъ онъ усматривалъ сходство съ отношеніями, Европы къ Наполеону I, отношеніями, разыгравшимися на глазахъ нашего поэта въ пору его ранней молодости. Говоримъ—«если вѣрить», потому что врядъ ли въ этомъ возрастѣ онъ способенъ былъ уже проводить такіа аналогіи.

Не подъ такими только вліяніями и впечатлѣніями росъ будущій авторъ «Путевыхъ Картинъ» и «Алманзора». Между тѣмъ какъ, съ одной стороны, его романтическая по своей натурѣ, можно даже сказать, восточная фантазія и чисто поэтическое чувство находили себѣ богатую пищу какъ въ томъ, о чемъ мы только - что рассказали, такъ и въ его любовныхъ увлеченіяхъ уже въ самые ранніе годы—съ другой стороны уже теперь развивались въ немъ сѣмена того скептицизма, внутренняго разлада, тѣхъ, однимъ словомъ, элементовъ «міровой скорби», которые впоследствии наложили такую яркую печать на поэтическое творчество Гейне. Какъ ни странно можетъ казаться это, но въ его голову, уже почти въ дѣтствѣ, начинаютъ западать философскія идеи, и притомъ такого свойства, которыми умъ наводится именно на путь пытливаго мышленія, а слѣдовательно и скептическаго отношенія ко многимъ вопросамъ, освященнымъ вѣковыми традиціями. Въ дюссельдорфскомъ лицейѣ, гдѣ Гейне получилъ свое первое образованіе, читались между прочимъ для старшихъ классовъ лекціи философіи, и профессоръ Шалмейеръ, хотя почтенный католическій священникъ, излагалъ, однако, своимъ юнымъ слушателямъ всѣ системы самыхъ свободныхъ греческихъ мыслителей. Гейне уже кончилъ курсъ въ этомъ заведеніи пятнадцати лѣтъ; вотъ, стало-быть, въ какомъ возрастѣ началъ онъ знакомиться съ этими ученіями. «Это обстоятельство—говоритъ онъ,—конечно очень важно для меня; еще мальчикомъ я долженъ былъ привыкать къ фи-

лософскимъ лекціямъ... Такимъ образомъ здѣсь (т. е. слушая лекціи Шалмейера) я рано увидѣлъ, какъ, при отсутствіи лицемерія, религія и сомнѣнія шли спокойно рядомъ, и чрезъ это во мнѣ родилось не только невѣріе, но и самое толерантное равнодушіе».

Не менѣе важности придаетъ онъ и тому обстоятельству, что родился въ концѣ скептическаго восемнадцатаго столѣтія и въ томъ городѣ, гдѣ въ пору его дѣтства господствовали не только французы, т. е. Наполеонъ, но и французскій духъ — и въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій опять называетъ себя «отчасти сыномъ французской философіи...» До какой степени эти лекціи вліяли на умъ мальчика Гейне, видно изъ одного весьма интереснаго факта, относящагося именно къ этой порѣ. Въ лицѣ Генрихъ близко сошелся съ молодымъ сыномъ одного хлѣбнаго торговца, который выгналъ юношу изъ дому за его «вольнодумство», бывшее результатомъ чтенія разныхъ философскихъ трактатовъ. Нашъ поэтъ украдкой выдался съ нимъ, и они вмѣстѣ читали философскія сочиненія—даже Спинозу—и пускались въ оживленныя пренія по вопросамъ, на которые наталивали ихъ эти страницы. Само собой разумѣется, что этого рода вещи дѣйствовали на мальчика, даже почти юношу, больше, если можно такъ выразиться, инстинктивно, что никакое отчетливое, вполне сознательное представленіе по такимъ вопросамъ въ этой молодой головѣ составить не могло,—но сѣмена во всякомъ случаѣ кидались на такую благодарную почву, что рано или поздно должны были принести свои плоды.

Этому «насажденію» философски-скептическихъ сѣмянъ въ очень значительной степени благопріятствовалъ тотъ религіозный индифферентизмъ, который находилъ себѣ мѣсто въ домѣ родителей нашего поэта. Правда, внѣшніе еврейскіе обряды исполнялись здѣсь въ точности; но это происходило отъ той же самой причины, которая заставляла Генриха Гейне, до его перехода въ христіанство—да въ душѣ и послѣ того—читать эту внѣшнюю сторону, не разрывать связи съ нею: отъ семейнаго, племеннаго чувства, отъ извѣстнаго рода благочестія относительно вѣковыхъ традицій, которое еще усиливалось несчастною

судьбою его единовѣрцевъ. Но дѣло ограничивалось именно только внѣшнею стороною. Отъ матери поэта, какъ послѣдовательницы Руссо, какъ строгой деистки, нельзя было и ожидать внутренней преданности еврейству, какъ одной изъ положительныхъ религій; что касается до отца, то въ Мемуарахъ поэта находимъ одну очень характеристическую на этотъ счетъ подробность. Самсону Гейне передали, что его Гарри насмѣхается надъ религіею, что онъ отрицаетъ Бога и т. п. По этому случаю старикъ прочелъ сыну длинную проповѣдь, въ которой между прочимъ сказалъ: «Твоя мать посылаетъ тебя учиться философіи у ректора Шалмейера. Это ея дѣло. Я съ моей стороны не люблю философіи, потому что въ ней все—суетвѣріе; а я купецъ и мнѣ нужна моя голова для веденія моихъ дѣлъ. Ты можешь быть философомъ, сколько тебѣ угодно, но прошу тебя—не говори публично, что ты думаешь, потому что мои дѣла пошли бы дурно, если бы мои кліенты узнали, что я имѣю сына, не вѣрующаго въ Бога; особенно евреи перестали бы покупать у меня бархатъ, а они честные люди и платятъ аккуратно, и имѣютъ право и основаніе держаться религіи»... Не мудрено, что окруженный такими воззрѣніями, а въ значительной степени конечно и благодаря собственной натурѣ, направленію и свойству собственнаго ума, Гейне-мальчикъ, соблюдая внѣшнія обряды еврейской религіи, относился, однако, къ нимъ и ко всѣмъ талмудическимъ утонченностямъ скептически, даже насмѣшливо...

Рано также начали шевелиться въ Гейне идеи политическаго свойства, слагаться его политическое міросозерцаніе—и это благодаря тѣмъ обстоятельствамъ, среди которыхъ приходилось расти мальчику и которыя если отразились на послѣдующей литературной дѣятельности поэта только отчасти, то во всякомъ случаѣ дали ей обильный матеріалъ. Періодъ дѣтства и первыхъ годовъ юношества Гейне былъ періодомъ полнѣйшаго позора и политическаго паденія Германіи. Вмѣстѣ съ большою частью Европы и она, въ лицѣ «рейнскаго союза», безсильно отдалась желѣзной власти Наполеона; маленькое герцогство юлихъ-бергское, гдѣ главнымъ городомъ былъ Дюссельдорфъ,

тоже не избѣжало этой участи. Въ двухъ формахъ являлось господство французовъ соотечественникамъ и согражданамъ Гейне: съ одной стороны тяжело ложились на нихъ, какъ и на всѣ народы, склонившіеся подъ властью Наполеона, подати, налоги, деспотическое управленіе и т. п., съ другой—испытывали они на себѣ благодѣтельныя проявленія того гражданскаго равенства, которымъ Наполеонъ вознаграждалъ подчинившіеся ему страны за потерю ихъ національной свободы и независимости — проявленія въ видѣ уничтоженія крѣпостного права, отмѣны запрещенія дворянамъ вступать въ бракъ съ лицами крестьянскаго и мѣщанскаго сословія, реформъ судопроизводства по французскому образцу и т. п. Для единовѣрцевъ Гейне Наполеоновское господство имѣло еще специально благотворное значеніе, такъ какъ имъ былъ сдѣланъ—благодаря установленію равноправности для евреевъ съ другими національностями относительно рекрутчины—по крайней мѣрѣ первый шагъ на пути освобожденія ихъ отъ тысячелѣтняго рабства, которое въ эту именно пору было сильнѣе, чѣмъ когда либо...

Въ такой политической атмосферѣ росъ маленькій Гейне, не видя при этомъ съ другой стороны, какъ противовѣса французскому вліянію, ничего похожего на истинный патріотизмъ. Да этому чувству и не могло быть мѣста въ нѣмецкомъ населеніи—какъ и повсюду въ Германіи—при воспоминаніи о томъ, чѣмъ была въ послѣднее время «священная римская имперія», этотъ политическій трупъ съ чисто формальнымъ, мишурнымъ значеніемъ.

Еще меньше смысла могъ имѣть нѣмецкій патріотизмъ въ населеніи еврейскомъ, испытывавшемъ на себѣ страшный гнѣтъ со стороны Германіи...

Французское вліяніе — по справедливому замѣчанію біографа Гейне, Штродтмана, — необходимо принимать во вниманіе для справедливой оцѣнки развитія нашего поэта и позднѣйшей писательской дѣятельности его; несомнѣнно, что раннее и тѣсное общеніе съ подвижными и смѣлыми элементами французской національности сообщило ему ту подвижную смѣлость и увѣренность, которою запечатлѣна большая часть произведеній на-

шего поэта; какъ несомнѣнно съ другой стороны, что эти же вліянія поселили въ душѣ ребенка первыя сѣмена той измѣнчивости характера, которая впоследствии часто выставляла въ двусмысленномъ свѣтѣ серьезность его убѣжденій.

Мы отмѣтили всѣ положительныя и отрицательныя вліянія, дѣйствовавшія на Гейне въ его дѣтствѣ. Къ отрицательнымъ надо отнести и то, что дала ему школа, т. е., какъ мы видѣли, дюссельдорфскій лицей. Дала она ему очень немного, если не считать вышеупомянутыхъ лекцій Шалмейера по исторіи филозофіи, хотя имъ, принимая въ соображеніе крайне молодой возрастъ ученика, мы не можемъ придавать положительное значеніе. Съ необыкновенно жѣткимъ, чисто Гейневскимъ остроуміемъ изобразилъ намъ самъ поэтъ свое первоначальное обученіе; въ брызжущей поразительнымъ юморомъ панорамѣ проходятъ здѣсь передъ нами эти римскіе короли, хронологія, имена существительныя на *im*, неправильные глаголы, «отличающіеся отъ правильныхъ тѣмъ, что за нихъ больше сѣкутъ», греческій языкъ, это «изобрѣтеніе дьявола», доставлявшее поэту такія муки, «которыя извѣстны только Богу», еврейскій языкъ, нѣмецкая грамматика, «тоже не дѣтская игрушка, потому что бѣднымъ нѣмцамъ, достаточно уже мучимымъ разными военными постоями, повинностями, личными налогами и всевозможными податями, приходится еще возиться съ учебникомъ Аделунга и хлопотать о винительномъ и дательномъ падежахъ», географія, которой очень трудно было учиться, потому что «въ то время французы перекраивали всѣ границы», мифологія, не стоявшая юному Гарри большого труда, ибо онъ «ужасно любилъ этихъ голыхъ боговъ, которые такъ весело управляли вселенною», — все то, однимъ словомъ, чѣмъ набивали голову этого необычайно развитого и необычайно впечатлительнаго мальчика, на ряду съ сотнями другихъ дѣтскихъ головъ. Но между тѣмъ, какъ большая часть послѣднихъ покорно усваивала всю эту премудрость, съ маленькимъ Гарри нелегко было справиться; слова его: «если бы я сдѣлался знаменитымъ писателемъ, такъ это стоило порядочнаго труда моей бѣдной матері!» относятся одинаково и къ ней, и къ остальнымъ руководителямъ будущаго поэта, на-

мекая на чувство независимости, доходившее до строптивости, гордое сознание собственного достоинства, насмѣшливое отношеніе къ окружающей посредственности, уже въ ту раннюю пору бывшія въ числѣ отличительныхъ свойствъ его натуры. Проявлялись въ немъ въ эти годы и многія другія врожденныя особенности его, изъ которыхъ инныя впоследствии получили большое развитіе и которыми онъ роднится въ очень значительной степени съ двумя другими великими поэтами одинаковаго съ нимъ пошиба: Байрономъ и нашимъ Лермонтовымъ. Это — отсутствіе сообщительности и уходъ въ себя даже относительно ближайшихъ друзей, скрывать истинныхъ чувствъ своего сердца, при гуманномъ добродушіи и чрезвычайной мягкости, нѣчто заставляющее его почти стыдиться врожденной чувствительности, стараніе съ упрямою гордостью скрывать эту чувствительность подъ рѣзкими, часто даже отталкивающими формами, молчаливость и т. п.

Очень естественно, что въ душѣ съ такими задатками — и притомъ душѣ истиннаго великаго поэта — очень рано должно было развиться и чувство любви, вѣрнѣе — влюбчивосія, какъ это бывало тоже со многими выдающимися поэтами. И здѣсь мы коснулись того чувства, которое по количественности своихъ проявленій (говорю «количественности», потому что по качеству своему эти проявленія никогда не были особенно глубоки и долговременны) — играло въ жизни Гейне весьма видную роль и нашло себѣ въ немъ величайшаго и разностороннѣйшаго истолкователя, какого только можно найти въ исторіи эротической поэзіи. Началось это, какъ только-что сказано, очень рано. Въ «Путевыхъ Картинахъ» поэтъ упоминаетъ о какой-то маленькой дѣвочкѣ Вероникѣ, которую онъ любилъ, какъ видно, еще въ совѣтѣ дѣтскіе годы, и этой маленькой — полуреальной и полуфантастической — Вероникѣ мы обязаны нѣсколькими удивительными поэтическими строками, которыя имѣютъ притомъ и историко-литературное значеніе, свидѣтельствуя о явномъ присутствіи романтическаго элемента въ поэзіи Гейне въ ту пору.

Еще сильнѣе отзывается «романтизмомъ» вторая любовь поэта — уже пятнадцатилѣтняго — по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ,

въ какомъ онъ изобразилъ ее въ послѣдствіи въ своихъ Мемуарахъ. Предметъ этой любви—дочь палача Іозефа или «красная Зефхенъ», какъ звали ее, потому что волосы ея были «красные, какъ кровь красные», удивительная, судя по описанію Гейне, красавица, «у которой каждое движеніе обнаруживаетъ ритмы ея тѣла, даже музыку души». Зефхенъ знала много народныхъ пѣсенъ и, по заявленію Гейне, поселила въ немъ, можетъ-быть, склонность къ этому роду поэзіи, т. е. къ тому роду, въ которомъ онъ съ первыхъ же шаговъ своихъ на литературномъ поприщѣ заявилъ себя такимъ великимъ мастеромъ. Да и вообще эта дѣвушка, какъ свидѣтельствуемъ онъ же, имѣла «величайшее вліяніе» на пробужденіе его поэтическаго дарованія, «вслѣдствіе чего — говоритъ онъ — мои первыя стихотворенія, «Traumbilder», написанныя вскорѣ послѣ того, отличаются мрачнымъ и жестокимъ колоритомъ, подобно обстоятельствамъ, навадивавшимъ въ ту пору свои багровыя тѣни на мою молодую жизнь и мыслительную дѣятельность». Мы охотно вѣримъ этому, хотя, конечно, далеко не одна Зефхенъ обусловила мрачно романтическій характеръ первыхъ стихотвореній Гейне, о чемъ впрочемъ будетъ еще у насъ рѣчь ниже—точно такъ же какъ съ другой стороны признаемъ сдѣланнымъ только для «краснаго слова» заявленіе, что нашъ поэтъ цѣловалъ эту дѣвушку «не только по нѣжной склонности, но также вслѣдствіе насмѣшливаго отношенія къ старому обществу и всѣмъ его темнымъ предразсудкамъ»; достаточною натяжкою и искусственностью звучатъ слова его о томъ, что эти поцѣлуи впервые зажгли въ немъ «пламя тѣхъ двухъ страстей, которымъ осталась посвященною вся послѣдующая жизнь его: любовь къ красивымъ женщинамъ и любовь къ французской революціи». Насчетъ красивыхъ женщинъ нисколько не споримъ; относительно второго—сомнѣваемся, ибо, когда рѣчь идетъ о презрѣнн, съ которымъ относятся къ гнусному ремеслу палача и, невольно, всему—хотя бы и невинному (какъ Зефхенъ),—что находится съ нимъ въ соприкосновеніи, то причемъ тутъ «старое общество и всѣ его темные предразсудки?»

Мы останавливаемся на этихъ эпизодахъ въ жизни Гейне,

конечно, не ради ихъ, такъ сказать, житейскаго значенія, ибо такового они отнюдь не имѣютъ, и если въ послѣдствіи поэтъ неоднократно обращался къ нимъ мыслью, то все это было ничто иное, какъ только чисто поэтическое воспоминаніе. Въ этомъ именно, и только въ этомъ, заключается ихъ важность; тѣмъ именно и дорожи они біографу, что онъ видитъ въ нихъ первые стимулы для творчества поэта, ибо, какъ замѣтилъ уже Байронъ (тоже полюбившій, когда ему было 8 лѣтъ)—«для того, чтобы человѣкъ сдѣлался поэтомъ, нужно, чтобы онъ или влюбился, или жилъ въ бѣдствіи». То же было и съ Гейне; рано начавши влюбляться, онъ очень рано сталъ и писать стихи, о достоинствѣ которыхъ, однако, мы судить не можемъ, такъ какъ ни одно изъ первыхъ произведеній не дошло до насъ. Но не одна любовь вызывала эти первыя поэтическія изліянія. Несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ сыграли важную роль и мѣстные условія того края, гдѣ прошли первые дѣтскіе годы Гейне, этихъ цвѣтущихъ береговъ Рейна, этой, по его словамъ, «прекрасной страны, полной любви и солнечнаго свѣта», въ которой при этомъ совмѣщается много такого, что безъ труда можетъ дѣйствовать на развитіе поэтическихъ задатковъ, особенно въ романтическомъ направленіи. Сидя ребенкомъ на берегахъ этой «голубой рѣки, въ зеркалѣ которой отражаются гористые берега со своими развалинами замковъ, лѣсами и древними городами», будущій поэтъ слушалъ рассказы какой-то «прекрасной Юанны», которая знала «самыя прелестныя сказки»,—«и когда она,—читаемъ мы въ «Путевыхъ Картинахъ»,—указывала бѣлою рукою черезъ окошко на горы, гдѣ происходило все, о чемъ она рассказывала, то со мной самимъ совершалось что-то волшебное: старые рыцари явственно вставали изъ развалинъ замковъ и били другъ друга въ желѣзную броню; Лорелея снова стояла на вершинѣ горы и пѣла свою милую, губительную пѣсню; Рейнъ шумѣлъ такъ умно-успокоительно и въ то же время обдавая такую чудною дрожью»...

Подготовленный такимъ образомъ внутренно, поставленный въ такую обстановку во внѣшнемъ отношеніи, Гарри Гейне оставилъ лицейскую скамью и вступилъ въ жизнь.

II.

Вступилъ онъ въ жизнь очень рано, всего пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, и она сразу представилась ему съ очень непривлекательныхъ сторонъ, дававшихъ обильную пищу тому сатирическому и пессимистическому возрѣнію на людей, которое глубоко лежало уже въ самой натурѣ его. Въ 1815 г. отецъ повезъ своего Гарри во Франкфуртъ, чтобы тамъ, въ центрѣ всѣхъ коммерческихъ предпріятій, сдѣлокъ и комбинацій, посвятить его торговлѣ. Мы видѣли выше, какъ мать нашего поэта, въ разгарѣ господства Наполеона, мечтала для своего Генриха о военной карьерѣ съ «самыми золотыми эполетами» и какъ съ паденіемъ Наполеона рушились эти планы, замѣнившіеся мечтами о превращеніи неудавшагося будущаго полководца въ «денежную державу». Но для этого нужна была подготовка, нужно было пройти какъ теоретическій, такъ и практической курсъ—эту-то цѣль и имѣло отправленіе будущаго поэта во Франкфуртъ, гдѣ, немедленно по прибытіи, мы видимъ его служащимъ въ конторѣ банкира Риндкопфа, за изученіемъ вексельнаго дѣла, и потомъ стоящимъ за прилавкомъ въ бакалейномъ складѣ одного изъ крупныхъ торговцевъ, для усвоенія тайнъ этого рода операций.

Все это продолжалось однако, только, два мѣсяца — больше поэтъ не могъ выдержать; но и изъ нихъ далеко не все время посвящалъ своенравный и строптивый юноша занятіямъ, на которыя обрела его родительская воля. Очень часто убѣгалъ онъ изъ своей конторы, изъ своего бакалейнаго склада, и цѣлые дни ходилъ по городу, знакомясь съ жизнью Франкфурта, съ ея отличительными явленіями, и раздражаясь все больше и больше. Съ одной стороны, жестоко оскорбляя его поэтическое чувство, предъ нимъ раскрывался во всемъ блескѣ торгашескій духъ франкфуртцевъ, для которыхъ все, не связанное съ денежными интересами и спекуляціями, не имѣло ровно никакого значенія, или имѣло значеніе чисто отрицательное; съ другой стороны, страдало его социальное и гуманное чувство при видѣ позорнаго гнета, подъ которымъ жили въ то время его сдиновѣрцы.

Положеніе евреевъ во Франкфуртѣ естественно представлялось ему съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія возмутительнымъ. Если, съ одной стороны, онъ видѣлъ все недостатки своихъ единовѣрцевъ, если съ этихъ поръ уже сталъ клѣмать въ нихъ то, на что впоследствии съ особенною силою и язвительностью обрушивалась его сатира, напр.; торгашество, мелкую изворотливость, нетерпимо враждебное отношеніе ко всякой другой религіи, всякой другой національности и т. п., то, съ другой стороны—на каждомъ шагѣ видѣлъ онъ доказательства того, что относительно ихъ христіанами попирались самыя элементарныя права, какъ чловѣческія, такъ и юридическія. Еврейское происхожденіе Гейне было для него, какъ замѣчаетъ Штротманъ, «неизсякаемымъ источникомъ любви и ненависти, смотря по тому, что имѣлъ онъ въ виду: героическое мученичество и двадцативѣковую исторію страшныхъ страданій, или ту упорную ограниченность, съ которою его соплеменники-израильтяне твердо держались устарѣлыхъ формъ и сопротивлялись успѣхамъ цивилизаціи».

И вотъ, въ одно прекрасное утро, нашъ приказчикъ бакалейнаго склада «сбѣжалъ»—и очутился въ домѣ своихъ родителей. Но мать далеко еще не отрелася отъ мысли увидѣть своего Гарри «великою денежною державою»; вотъ почему очень скоро послѣ бѣгства его изъ Франкфурта, мы находимъ его въ той же торговой сферѣ—въ Гамбургѣ. Тамъ въ эту пору занималъ видное мѣсто въ банкирскомъ мірѣ его дядя, Соломонъ Гейне, нѣсколько времени спустя—милліонеръ, одинъ изъ самыхъ крупныхъ финансовыхъ дѣятелей. Генриху Гейне приходилось, какъ увидимъ, еще нѣсколько разъ въ жизни становиться въ отношенія—почти исключительно матеріальнаго свойства—съ этимъ дядей, и притомъ отношенія, часто оканчивавшіяся не совсемъ пріятно для племянника, хотя во многихъ случаяхъ и не безъ вины со стороны этого послѣдняго. Но если о значительной части своихъ родственниковъ нашъ поэтъ почти всю свою жизнь не могъ говорить безъ желчи и злобы, если нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ прямо называлъ главными виновниками своей гибели, то къ Соломону Гейне, несмотря на происходившія между ними разногласія, онъ всегда относился съ симпатическимъ

уваженіемъ, даже любовью, за многія его выдающіяся свойства, между которыми поэтъ находитъ и родственныя съ его собственными.

Этотъ-то Соломонъ Гейне, исполняя желаніе родителей Генриха—указать ему путь, какъ сдѣлаться денежной державой, доставилъ юношѣ что-то въ родѣ коммерческой агентуры, а въ 1818 г.—необычайно комическая иронія судьбы!—мы видимъ будущаго автора «Путевыхъ Картинъ» во главѣ собственной коммисіонерской конторы подъ фирмою Гарри Гейне и К^о!.. Излишне говорить, что дѣла «фирмы» шли крайне безобразно, и нисколько не удивительно, что менѣе, чѣмъ черезъ годъ, состоялась уже ликвидація этого предпріятія; но за то этимъ якобы коммерческимъ занятіямъ нашего поэта, его постоянному общенію съ міромъ торгашей, спекулянтовъ, банкировъ и т. п. мы обязаны нѣсколькими страницами прозы и стиховъ, принадлежащими къ остроумнѣйшимъ произведеніямъ сатирическаго пера Гейне. Сѣмена, брошенныя въ этомъ отношеніи въ его умъ и душу еще во Франкфуртѣ, здѣсь находили для своего произрастанія почву еще благодарнѣе, тѣмъ болѣе, что наблюдатель сдѣлался старше на цѣлыхъ два-три года... Не найдемъ ли мы послѣ всего этого вполне естественнымъ, что Гейне въ эту пору сравнивалъ себя съ тѣми лебедями, которые въ Гамбургѣ проводятъ зиму въ томъ же замерзнувшемъ бассейнѣ рѣки Альстера, гдѣ они плаваютъ и лѣтомъ, услаждая своимъ видомъ гуляющую публику—лебедями, о которыхъ маркеръ бассейнаго ресторана говорилъ нашему поэту, что «имъ среди этого льда очень хорошо, что холодъ для нихъ очень здоровъ»?..

Но не только эта гамбургская атмосфера вліяла такъ неблагоприятно на молодого Генриха. Было еще одно чувство, волновавшее его—только въ другомъ направленіи: новая, и притомъ несчастная любовь. И если мы только-что видѣли его въ обстановкѣ, развивавшей будущаго сатирика, то здѣсь появляются на сцену обстоятельства, дающія дальнѣйшій толчокъ ему, какъ поэту лирическому. Муза его вновь пробудилась теперь для того, чтобы, какъ выражается одинъ біографъ, «только воспѣвать несчастную любовь, только славить дѣвушку, которая пренебрегла

его любовью», долго дѣлала бѣднаго Генриха самымъ жалкимъ человѣкомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ была «первымъ существомъ, создавшимъ изъ него истиннаго поэта, вызвала у него чистѣйшія, нѣжнѣйшія, сладостнѣйшія чувства и мысли, но въ то же время и рѣзкія, дикія проявленія ироніи, насмѣшки, отчаянія, и которую онъ обезсмертилъ своими пѣснями». Эта счастливица—цбо развѣ не счастье стяжать себѣ безсмертіе въ пѣсняхъ такого поэта, какъ Гейне?—была Амалия Гейне, дочь богатаго дяди Соломона. Подробныхъ фактическихъ свѣдѣній объ этой любви мы не имѣемъ, знаемъ только, что, повидимому, Амалия не раздѣляла страсти своего шестнадцатилѣтняго кузена и что нѣсколько лѣтъ спустя она вышла за купца Фридендера.

Для насъ любовь Гейне къ Амаліи важна только какъ крючокъ, если можно такъ выразиться, на который влюбленный поэтъ вѣшаетъ свои сердечныя впечатлѣнія, только какъ могущественный внѣшній поводъ къ пробужденію его поэтического чутья, его необычайнаго дара проникать въ самыя разнообразныя и самыя сокровенныя тайны чувства любви; въ стихотвореніяхъ Гейне, относящихся собственно къ этимъ годамъ его жизни, для насъ важно не то, *какъ* любилъ шестнадцатилѣтній мальчикъ, важна не фактическая сторона этихъ стиховъ, а то, какъ умѣлъ понимать и выражать любовь уже въ такую раннюю пору тотъ, кому было суждено скоро сдѣлаться однимъ изъ величайшихъ «пѣвцовъ» любви и «міровой скорби». То же самое должны мы сказать и о письмахъ, писанныхъ въ это же время и составляющихъ драгоценный біографическій матеріалъ. Они указываютъ намъ на раннее развитіе поэтического дарованія Гейне и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно опредѣляютъ уже теперь существенные отбѣнки въ характерѣ этого дарованія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ будущій Гейне, въ нѣкоторыхъ главныхъ сторонахъ его творчества, особенно въ первый періодъ, Гейне, какъ романтикъ и «байропистъ», не проявляется весьма явственно въ слѣдующемъ, напимѣръ, отрывкѣ изъ письма къ другу Христіану:

«Хотя я имѣю самыя неоспоримыя, самыя неопровержимыя доказательства тому, что она рѣшительно не любитъ меня—доказательства, которыя даже ректоръ Шалмейеръ призналъ бы

строго логическими и нимало не поколебался бы поставить въ основаніе своей собственной системы,—но мое бѣдное любящее сердце все-таки никакъ не хочетъ произнести *concedo* (уступаю) и продолжаетъ говорить: «Какое мнѣ дѣло до твоей логики? У меня своя собственная логика!» Я снова увидѣлъ ее...

Dem Teufel meine Seele,
Dem Henker sei der Leib!
Doch ich allein erwähle
Für mich das schöne Weib!

«У! Ты вздрогнулъ, Христіанъ! Дрожи, дрожи — я тоже дрожу... Сожги мое письмо. Да смилуется Богъ надъ моею грѣшною душой! Не я написалъ эти слова: ихъ написалъ блѣдный человѣкъ, сидящій на моемъ стулѣ. Это происходитъ оттого, что теперь полночь... О, Господи! Безуміе не грѣшить... Ты, ты!.. Не дыши такъ сильно, я только-что построилъ себѣ прелестный карточный домикъ, и стою на самомъ верху его, и держу ее въ моихъ объятіяхъ!.. Я сумасшедшій шахматный игрокъ. Уже при первомъ ходѣ я проигралъ королеву, но все-таки продолжаю играть и играю изъ-за королевы. Слѣдуетъ ли мнѣ продолжать?»

Когда все потеряно и нѣтъ болѣе надежды,
Тогда жизнь становится позоромъ, а смерть—долгомъ.

«Молчи, проклятый богохульствующій французъ, постыдись своего малодушнаго, хнычущаго отчаянія! Тебѣ, видно, незнакома нѣмецкая любовь? Она стоитъ смѣло и прочно на двухъ вѣчно незбылемыхъ столбахъ: благородномъ мужествѣ и вѣрѣ»...

Въ такомъ родѣ и все остальные письма, посвященные любви къ Амаліи, и мы полагаемъ, что принимая въ соображеніе возрастъ Гейне въ ту пору, когда писались такія вещи, отнюдь нельзя придавать имъ серьезное значеніе въ смыслѣ сочувствія къ страданіямъ поэта, въ смыслѣ усматриванія, на основаніи ихъ, рѣшающаго вліянія этой любви на всю послѣдующую жизнь ихъ автора; точно такъ же, какъ нельзя не находить въ ихъ тонѣ очень значительной доли напускнаго отраженія романтическихъ вѣяній и кокетничанья своею скорбью въ чисто байроническомъ духѣ...

Во всякомъ случаѣ, этотъ эпизодъ въ жизни Гейне важенъ, какъ новая ступень его поэтическаго развитія, ибо именно въ Гамбургѣ, и именно въ эту пору, была написана большая часть тѣхъ стихотвореній, которыя вошли въ появившійся довольно скоро послѣ того первый сборникъ его произведеній, и между которыми, однако,—фактъ, по нашему мнѣнію, далеко не лишенный значенія для оцѣнки общаго хода поэтическаго творчества Гейне—были и такія, которыя собственно съ любовью не имѣли ничего общаго. Блестательнѣйшимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить знаменитое до сихъ поръ стихотвореніе «Два Гренадера»—откликъ того поэтическаго поклоненія Наполеону, которое создано еще въ мальчикѣ Гарри среди уже изложенныхъ нами обстоятельствъ его дѣтства и еще довольно долго жило въ немъ, судя по нѣсколькимъ вдохновеннымъ страницамъ въ «Путевыхъ Картинахъ» — стихотвореніе, которое, выйдя изъ-подъ пера восемнадцатилѣтняго поэта, уже одно выдавало ему, такъ сказать, патентъ на званіе будущаго великаго дѣятеля въ этой области.

Но само собою разумѣется, что чѣмъ болѣе работала его муза, тѣмъ сильнѣе становилось отвращеніе въ немъ отъ купеческой дѣятельности—и родители его увидѣли, что надо имъ отказаться отъ мечтаній о своемъ Гарри, какъ будущемъ Ротшильдѣ. Къ этому присоединились «крахи» разныхъ торговыхъ предпріятій, и вотъ, въ головѣ матери создается новый планъ: сдѣлать изъ своего сына юриста и этимъ создать для него блестящую дорогу, ибо въ это время адвокатское сословіе въ Германіи процвѣтаетъ и благоденствуетъ болѣе другихъ. Обратились за совѣтомъ къ богатому дядѣ Соломону Гейне, и тотъ, убѣдившись въ полной неспособности племянника къ коммерческимъ дѣламъ, вполне призналъ рациональность материнскаго плана, мало того, согласился въ теченіе трехъ лѣтъ давать средства на обученіе будущаго свѣтила юриспруденціи и адвокатуры въ университетѣ. А поддержка эта была необходима, потому что дѣла отца Гейне были въ ту пору въ очень плачевномъ состояніи, и мать, находя, что сумма, назначенная Соломономъ Гейне, была недостаточна, чтобы обезпечить ей сыну сносное существованіе въ первые

студенческіе годы, продала еще для этой цѣли свои брилліанты. Оказать содѣйствіе и покровительство развитію собственно поэтическаго дарованія племянника — это и въ голову не приходило нашему милліонеру.

Правда, съ вопросомъ о посвященіи молодого Генриха юридическому поприщу связывался вопросъ о перемѣнѣ религіи, такъ какъ евреямъ въ то время была открыта только одна карьера — медицинская; но ни Соломонъ Гейне, ни родители нашего поэта не придавали этому условію никакого значенія, относились къ нему съ отличавшимъ ихъ религіознымъ индифферентизмомъ; притомъ же слушать лекціи по всѣмъ факультетамъ дозволялось и евреямъ, а въ три года, пока длился университетскій курсъ, могла совершиться и реформа въ законодательствѣ по этому предмету!.. Такимъ образомъ вопросъ о превращеніи молодого купца въ студента-юриста былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Мѣстомъ образованія будущаго доктора юридическихъ наукъ былъ избранъ университетъ въ Боннѣ — въ ту пору одинъ изъ лучшихъ университетовъ Германіи, гдѣ въ числѣ профессоровъ юридическаго факультета были такіе ученые, какъ Макельдей, Миттермайеръ, Велькеръ, исторію литературы читалъ Августъ Шлегель, исторію искусства — Гундесгагенъ и т. п. Въ ноябрѣ 1819 г. Генрихъ Гейне оставилъ Гамбургъ, чтобы вступить въ новый путь въ своей «карьерѣ». Каково было его душевное настроеніе въ эту пору вслѣдствіе уже извѣстныхъ намъ обстоятельствъ, видно, между прочимъ, изъ одного письма его, писаннаго уже въ 1823 г., гдѣ онъ вспоминалъ время перваго поступленія своего въ университетъ. «Моя внутренняя жизнь, — читаемъ въ этомъ письмѣ, — была печально-задумчивымъ погруженіемъ въ мрачныя дебри міра грезъ, только по временамъ освѣщавшіяся фантастическими молніями; моя внѣшняя жизнь проходила безумно, дико, цинично, отвратительно; однимъ словомъ, я дѣлалъ ее вопіющею противоположностью моей внутренней жизни, для того, чтобы эта послѣдняя не раздавила меня своею большею тяжестью».

Говоря о своемъ «безумномъ, дикомъ» и т. п. образѣ жизни,

Гейне намекалъ на тѣ кутежи и оргіи, которымъ онъ предавался въ гамбургскій періодъ, съ цѣлью заглушить страданія, причинявшіяся ему несчастной любовью къ Амаліи. Такъ по крайней мѣрѣ казалось ему самому, и съ этимъ объясненіемъ соглашаются тѣ біографы, которые не понимаютъ, что подобный дикій, циничный образъ жизни совершенно невозможенъ, когда человѣкъ любить истинно, серьезно и глубоко, и долженъ быть прежде всего приписанъ просто чувственнымъ наклонностямъ человѣка, каковыя у нашего поэта были развиты въ очень сильной степени. Какъ бы то ни было, но пребываніе въ Гамбургѣ нельзя не считать замѣтнымъ фазисомъ въ жизни Гейне, и въ этомъ отношеніи есть значительная доля правды въ словахъ біографа Прельса, когда онъ говоритъ: «Безпутная жизнь, въ которую кинулся поэтъ въ Гамбургѣ, не могла не остаться безъ вліянія на его сердечную и умственную жизнь, которой она дала опасное направленіе. Его скептицизмъ обрѣлъ здѣсь повую для себя пищу, и склонность къ ироніи и насмѣлкѣ получила фривольный характеръ. Если и правда, какъ говорилъ о немъ его другъ Руссо, что Гейне по временамъ выставялъ себя худшимъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, чтобы изъ ложнаго стыда скрывать благородныя движенія своей души, то это происходило все-таки чаще отъ того, что ему доставляло удовольствіе не только суетно любоваться самимъ собой, но и осмѣивать самого себя; чаще же всего, къ сожалѣнію, эти темныя изображенія собственной личности слишкомъ близко совпались съ тѣмъ, что было на самомъ дѣлѣ».

Въ такомъ состояніи переступилъ онъ порогъ университета, принятый туда не безъ затрудненія, ибо на приѣмномъ экзаменѣ познанія его въ такихъ, напримѣръ, предметахъ, какъ математика, латинскій и греческій языки и т. п., оказались далеко неудовлетворительными, но за то достаточно подготовленный въ исторіи, а главное — близко знакомый съ лучшими произведеніями литературы какъ отечественной, такъ и иностранной, и хорошо владѣющій новыми языками — англійскимъ, французскимъ, даже итальянскимъ. Этими предметами онъ особенно усердно занялся и здѣсь, какъ и слѣдовало ожидать; что касается до

наукъ юридическихъ, то онѣ — тоже, какъ и слѣдовало ожидать — не могли привлекать его, несмотря на вышеупомянутыя громкія имена профессоровъ, тѣмъ болѣе, что на-ряду съ этими двумя-тремя, стояло много тупыхъ бездарностей. Съ отвращеніемъ вспоминаетъ онѣ и долго впоследствии о своемъ пребываніи среди этихъ кладезей юридической премудрости; съ отвращеніемъ говоритъ, что «изъ семи лѣтъ, проведенныхъ мною въ нѣмецкихъ университетахъ три прекрасныхъ, цвѣтущихъ года потрачены на изученіе нѣмецкой казуистики».

Тѣмъ сочувственнѣе относился Гейне къ лекціямъ исторіи, исторіи литературы и эстетики. Профессора этихъ предметовъ смотрѣли на него такими же сочувственными глазами, — по крайней мѣрѣ тѣ, для которыхъ въ наукѣ важна была только ея живая душа, а отнюдь не мертвая буква, и которые понимали, что именно этой живой душѣ могъ и хотѣлъ служить нашъ молодой студентъ, часто лѣнивый, часто на цѣлые дни убѣгавшій изъ аудиторіи на веселую пирушку, въ кипучую жизнь, часто до дикости оригинальный въ своихъ выходкахъ но всегда свѣжій, впечатлительный, необычайно умный и высокодаровитый. Между этими профессорами Гейне особенно любилъ и уважалъ Августа Шлегеля, одного изъ вождей такъ-называемой романтической школы, большого знатока отечественной и иностранныхъ литературъ, даровитаго переводчика Шекспира, Кальдерона и другихъ поэтовъ, съ которыми была совѣмъ незнакома нѣмецкая публика. Для молодого Гейне Шлегель представлялся «первымъ великимъ человѣкомъ», какого онѣ видѣлъ послѣ Наполеона. Стоя передъ его кафедрой и слушая его лекціи, будущій авторъ «Романтической Школы» ощущалъ «священный трепеть, пробѣгавшій по его душѣ»; и если впоследствии, по чисто-личной мстительности, онѣ обрушился на бывшаго учителя съ несправедливою рѣзкостью, даже циническимъ неприличіемъ, то въ пору боннскаго студенчества только-что приведенныя выраженія его относительно знаменитаго профессора, были совершенно искренни.

Двумя причинами обусловливались чувства Гейне къ Шлегелю: во-первыхъ, несомнѣнными достоинствами этого послѣдняго, какъ

ученаго и, главное, какъ лектора, умѣвшаго поселять въ своихъ слушателяхъ истинную, живую любовь къ предмету; во-вторыхъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что Шлегель былъ однимъ изъ главныхъ представителей нѣмецкаго романтизма, а романтической элементъ былъ такъ силенъ въ нашемъ поэтѣ, что очень явные слѣды его, очень яркія отраженія сохранились въ произведеніяхъ Гейне и въ то позднѣйшее время, когда онъ пошелъ въ области поэзіи по совсѣмъ иному пути; не даромъ вѣдь говорилъ онъ уже гораздо позже самъ о себѣ: «несмотря на мои пестребительные походы противъ романтики, я однако всегда оставался самъ романтикомъ»... Въ развитіи этого врожденнаго романтизма Шлегель несомнѣнно игралъ очень важную роль, и, быть-можетъ, правъ извѣстный критикъ Готшалъ, замѣчая, что безъ Шлегеля нашъ поэтъ едва ли обратился бы съ такимъ сочувствіемъ къ другимъ романтикамъ, едва ли бы также внесъ въ первыя свои пѣсни тотъ восточный колоритъ, который придастъ имъ такую поэтическую прелесть и который, прибавимъ, былъ навѣянъ автору «Лирическаго Intermezzo» тѣмъ, что именно въ эту пору Шлегель страстно занимался изученіемъ Востока и старался привить эту страсть и своимъ слушателямъ. Кромѣ вліянія Шлегеля въ этомъ отношеніи, оно проявилось еще въ томъ, что онъ въ значительной степени уяснилъ своему гениальному студенту значеніе Шекспира и ближе познакомилъ его съ Байрономъ. А какое впечатлѣніе производилъ авторъ «Гамлета» на молодого Генриха, видно изъ слѣдующихъ полусутильныхъ словъ его, относящихся къ нѣсколько болѣе позднему времени: «Съ Шекспиромъ я никакъ не могу чувствовать себя легко: я слишкомъ чувствую, что онъ—всесильный министръ, а я—простой столоначальникъ, и мнѣ все чудится, что вотъ-вотъ онъ отставить меня отъ должности». Что касается Байрона, то знакомство съ нимъ началось у Гейне, по всей вѣроятности, еще раньше, судя по «байроновскому» характеру многихъ изъ его первыхъ произведеній и писемъ по поводу несчастной любви къ Амаліи, характеру, который мы, признавая позднѣйшую полную самостоятельность Гейне, какъ поэта «міровой скорби», въ эту раннюю пору не можемъ не приписать вліянію именно творца «Каппа».

Да и самъ Гейне чувствовалъ и понималъ, что онъ покажется идти по дорогѣ, проложенной Байрономъ, когда говорилъ, что у него «есть съ англійскимъ поэтомъ нѣчто сходное въ характерѣ», или, когда позже, при полученіи извѣстія о смерти Байрона, писалъ: «Это былъ единственный человѣкъ, съ которымъ я чувствовалъ себя въ родствѣ—и мы во многомъ были похожи другъ на друга». Правда, странная боязнь быть принятымъ за простого подражателя Байрона заставляла нашего поэта по временамъ какъ бы отрекаться отъ этого родства и вызывала у него странныя объясненія въ родѣ слѣдующихъ: «Право, въ эту минуту у меня очень живое сознаніе, что я не иду по стопамъ Байрона, кровь моя не такъ сплинно-черна, какъ его кровь, моя горечь исходитъ только изъ орѣшковъ моихъ чернилъ, и если есть во мнѣ ядъ, то онъ вѣдь только противоядіе—противоядіе отъ тѣхъ змѣй, которыя съ такою опасностью для моеѣ жизни подстерегаютъ меня въ мусорѣ старыхъ соборовъ и замковъ. Изъ всѣхъ великихъ писателей Байронъ именно тотъ, чтеніе котораго дѣйствовало на меня непріятно-болѣзненнымъ образомъ». Но это заявленіе принадлежитъ къ числу плодовъ тѣхъ минутныхъ настроеній, которыя часто смѣняются у Гейне одно за другимъ съ калейдоскопическою быстротою и пестротою, и являются причиною того, что этотъ поэтъ и человѣкъ менѣе кого бы то ни было поддается общимъ, положительнымъ выводамъ о его характерѣ, частностяхъ его міровоззрѣнія и т. п. Возвращаясь къ роли Шлегеля въ сближеніи Гейне съ Байрономъ, по сохранившимся извѣстіямъ, усматриваемъ ее въ томъ, что, по совѣту профессора, студентъ одно время проводилъ дни и ночи за переводами на нѣмецкій языкъ произведеній англійскаго поэта, и именно его «Манфреда», хотя самъ Гейне уверяетъ, что занимался этимъ только «изъ тщеславія»: Шлегель будто бы доказывалъ своему молодому пріятелю, что Байронъ непереводимъ, и тотъ, для опроверженія этого мнѣнія, принялся за работу. Что касается до достоинства ея, то Шлегель, по словамъ переводчика, не нашелъ въ ней никакой разницы съ подлинникомъ—и кто прочтетъ теперь эти переводы, если и найдеть сужденіе Шлегеля нѣсколько преувеличеннымъ, то все-таки

признаеть въ нѣмецкомъ воспроизведеніи большія достоинства и сразу увидить, что это переводилъ поэтъ, совершенно родствен- ный по духу съ авторомъ.

Сблизившись съ нѣмецкими профессорами, Гейне нашель и между студентами нѣсколько человекъ одинаковаго съ нимъ образа мыслей, одушевленныхъ одинаковыми интересами, т. е. литературными и художественными, и изъ нихъ особенно сблизился съ Ж. Б. Руссо. Другой его товарищъ, Штейнманъ, оставилъ намъ не лишнее интереса описаніе внѣшности молодого поэта. Зимомъ одѣтый въ бѣлый фланелевый костюмъ, а лѣтомъ— въ желтую нанку, съ надвинутой совсѣмъ на затылокъ ярко красною шапкой, съ засунутыми въ карманы руками, бродилъ онъ по улицамъ Бонна, всматриваясь пристально во все окружающее и находя именно въ этихъ наблюденіяхъ обильную пищу для сатирической стороны своего ума. Черты лица его были тонкія, цвѣтъ лица бѣлый съ легкимъ румянцемъ, маленькіе усыки и постоянное ироническое выраженіе на губахъ, уголки которыхъ особенно сильно вытягивались, когда ему приходилось сострить. Изъ другихъ свидѣтельствъ знаемъ мы, что уже въ эту пору развивалось въ немъ то своего рода кокетничанье отрицательнымъ отношеніемъ къ окружающей дѣйствительности, которое впоследствии, какъ это было и съ Байрономъ, приняло болѣе значительные размѣры: какъ Байронъ былъ, на примѣръ, недоволенъ знаменитымъ скульпторомъ Торвальдсеномъ за то, что тотъ не придалъ ему въ бюстѣ достаточно мизантропическаго и разочарованнаго выраженія, такъ боннскій студентъ Гейне просить живописца, рисовавшаго его портретъ, не упустить изъ виду сатирическаго выраженія его губъ!..

Составить такой кружокъ, какой собралъ около себя Гейне, сдѣлавшійся тотчасъ же и самымъ выдающимся членомъ его, было трудно. Въ эту пору почти уже окончился тотъ періодъ нѣмецкой университетской жизни, когда студенчество было одушевлено нравственно чистыми и научными стремленіями, когда въ сердцахъ большей части молодыхъ людей, находившихся въ нѣмецкихъ университетахъ, еще пылалъ огонь патріотическаго одушевленія, который пробудили, послѣ паденія Наполеона, войны

за освобожденіе. На смѣну этого фазиса университетской жизни явился теперь другой, когда мѣсто идеальныхъ стремленій заступила грубая страсть къ попойкамъ, дракамъ, кутежамъ; когда студенчество, въ лучшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова, смѣнилось узкою, мелкою и большею частью узкою корпоративною. Тутъ же было во всемъ ходу то провиниетское проявленіе «квасного» патріотизма, которое у нѣмцевъ называлось и называется нѣмечничествомъ и тевтонствомъ и къ которому Гейне, конечно, не могъ относиться иначе, какъ съ антипатіей; по крайней мѣрѣ, мы имѣемъ его заявленіе, что ненависть его къ «тевтонамъ» зародилась въ немъ уже въ ту пору. Прибавимъ къ этому то отвращеніе, которое Гейне, по аристократичности своего *духа*, свойственной всякому гению, питалъ ко всему грубому, ко всему, въ чемъ слышалась лишенная всякаго эстетическаго чувства «чернь», ко всему, что, по его словамъ, «слишкомъ уже воняло сквернымъ сыромъ, водкой и табакомъ»; прибавимъ и такія частныя привычки, какъ некуреніе табаку и воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ — и мы легко поймемъ, почему съ огромнымъ большинствомъ боннской университетской молодежи онъ не имѣлъ ничего общаго. Тѣмъ тѣснѣе была его дружба — а чувство дружбы было сильно развито въ немъ — съ тѣми людьми, съ которыми сошелся онъ здѣсь. Конечно, и тутъ далеко не обходилось безъ «жуировки», на которую былъ такъ падокъ чувственный Гейне и въ которой главную роль играли женщины; по она нисколько не мѣшала членамъ этого кружка сходиться для обсужденія всяческихъ вопросовъ литературныхъ, научныхъ, общественныхъ, для чтенія другъ другу своихъ произведеній, вообще для умственной работы.

Гейне относился къ этимъ занятіямъ самымъ серьезнымъ образомъ, точно такъ же, какъ все серьезнѣе становилось его отношеніе къ собственной поэтической производительности; отнынѣ неизмѣннымъ правиломъ его, среди присущихъ всякому истинному дарованію мучительныхъ сомнѣній въ глубинѣ своего творчества, сдѣлалось: «будь строгъ къ самому себѣ»; и примѣненіе этого правила на дѣлѣ, въ продолженіе всей жизни поэта, мы можемъ видѣть въ многочисленныхъ, оставшихся послѣ него автографахъ

его стихотвореній, гдѣ чуть не каждая строчка перемарана и передѣлана по нѣсколько разъ; въ этомъ случаѣ онъ тоже многимъ обязанъ Шлегелю, который перечитывалъ съ нимъ его стихи и, указывая на тѣ или другія несовершенства формы, побуждалъ молодого поэта работать надъ этимъ до тѣхъ поръ, пока всѣ недостатки не оказывались устраненными.

Собственная поэтическая производительность Гейне, о которой мы только-что упомянули, находила для себя въ эту боннскую пору матеріалъ въ острыхъ воспоминаніяхъ о недавней любви, въ мірѣ средневѣковыхъ преданій и восточной поэзіи, съ которыми знакомилъ его все тотъ же Шлегель, въ чудесной рейнской обстановкѣ съ ея цвѣтущими берегами и такими же цвѣтущими дѣвухами, наконецъ, въ тѣхъ «вопросахъ», которые все сильнѣе и сильнѣе шевелились въ головѣ и терзали сердце будущаго поэта «міровой скорби», находя себѣ уже теперь видное мѣсто въ его произведеніяхъ. Подъ этими вліяніями и впечатлѣніями было написано въ Боннѣ не мало «пѣсень», этихъ истинныхъ жемчужинъ чистѣйшей лирики, балладъ и романсовъ съ ихъ рѣзко романтическимъ характеромъ, сонетовъ, гдѣ самостоятельность и своеобразность творчества автора начала уже обнаруживаться въ полномъ блескѣ; здѣсь же была начата трагедія «Алманзоръ» — все произведенія, къ которымъ намъ еще придется вернуться.

Но Гейне въ своей производительности не ограничивался только сочиненіемъ стиховъ; поэтъ работалъ и на критическомъ поприщѣ — томъ, на которомъ впоследствии онъ заявилъ себя такъ блистательно, несмотря на видимую легкость и поверхностность его замѣчаній, принесеніе иногда въ жертву остроумію справедливости и безпристрастія, парадоксальность и т. п. Первымъ плодомъ критической работы была написанная въ Боннѣ, т. е. когда автору было всего двадцать лѣтъ, статья о романтической школѣ, служащая какъ бы прологомъ къ его большому, появившемуся уже значительно позже, сочиненію «Романтическая Школа», и въ которой критическое пониманіе автора, а вмѣстѣ и его самостоятельность, сказались въ томъ, что онъ, оставаясь еще ревностнымъ приверженцемъ романтизма,

въ то же время здраво и мѣтко указывалъ на недостатки и заблужденія школы.

Въ боннскомъ университетѣ оставался Гейне недолго. 4 октября 1820 г., т. е. меньше чѣмъ черезъ годъ послѣ поступленія сюда, мы уже видимъ его студентомъ университета геттингенскаго. Что было причиною этого перехода — неизвѣстно; хотя въ одномъ изъ писемъ своихъ онъ выставяетъ причиною волю «быка» (такъ звалъ онъ въ минуты раздраженія своего дядю, Соломона Гейне), но гораздо основательнѣе, думаемъ, считать побудительнымъ въ этомъ случаѣ обстоятельствомъ надежды нашего поэта — обрѣсти болѣе обильную пищу для своей научной и литературной любознательности въ Геттингенѣ, университетъ котораго еще недавно пользовался блестящей репутаціей. Надежды эти, однако, далеко не оправдались, онъ остался даже совсѣмъ неосуществленными. «На ловца и звѣрь бѣжить»: та обстановка, въ которую попалъ будущій авторъ «Путевыхъ Картинъ» въ Геттингенѣ, могла дать только новый матеріалъ его сатирической наблюдательности, расширить еще болѣе его пессимистическое отношеніе къ жизни. И общество, среди котораго вращался нашъ поэтъ, и аудиторіи, которыя поневолѣ приходилось посѣщать ему, ибо «быкъ» настаивалъ на превращеніи молодого стихотворца въ доктора юриспруденціи, — все точно соединилось для содѣйствія мрачному настроенію, которое, нѣсколько лѣтъ спустя, нашло себѣ литературное выраженіе въ десяткѣ страницъ, навѣки обезсмертившихъ Геттингенъ и его *alma mater*. Самъ городъ, т. е. общество, представился поэту «до полна начиненнымъ присяжными, педелями, диссертаціями, прачками, компедіями, жареными голубями, гвельфскими орденами, гофратами, юстицратами и другими различными «ратами»; жителей его онъ раздѣлялъ на четыре класса, которые, впрочемъ немногимъ различались между собой: студентовъ, профессоровъ, филистеровъ и скотовъ; «классъ скотовъ самый значительный», а филистеровъ «такъ много, какъ песку, или, лучше сказать, какъ грязи въ морѣ»...

Но гораздо важнѣе то впечатлѣніе, которое оставляло въ Гейне студенческое общество, окружавшее его. Большинство молодыхъ

людей принадлежало къ ганOVERскому дворянству (Геттингенъ входилъ въ составъ ганOVERскаго королевства), дворянству той страны, «гдѣ,— писалъ Гейне въ 1826 г.,— только и видишь, что родословныя деревья, къ которымъ привязаны лошади, причемъ отъ великаго множества деревьевъ страна остается во мракѣ и, несмотря на всѣхъ своихъ лошадей, не можетъ двинуться впередъ». Въ Геттингенъ — это «милое юношество» посылали учиться, но тутъ они «сидѣли на корточкахъ въ своемъ кружкѣ и бесѣдовали только о своихъ собакахъ, лошадяхъ и предкахъ, и мало занимались новою исторіею (т. е. тою, которая могла бы послужить имъ во многихъ отношеніяхъ въ пазидаііе), а если порою и слушали ее, то въ это время мысли ихъ были поглощены созерцаііемъ такъ-называемаго графскаго стола, который—характеристическое отличіе Геттингена — былъ предназначенъ только для высокородныхъ студентовъ». Съ презрѣніемъ и негодованіемъ смотрѣлъ Гейне на этихъ молодыхъ людей, думавшихъ, что «они—цвѣтъ міра, а мы остальные—лишь трава», стремившихся «прикрыть заслугами предковъ свое собственное ничтожество», но большинство которыхъ врядъ ли могло бы достовѣрно сказать, что совершили ихъ предки, и показывало только, что имя ихъ упоминается въ «Книгѣ о Турнирахъ» Рюкснера. Глубокіе корни пускались въ душѣ нашего поэта такими, напр. эпизодами, какъ описанный въ «Путевыхъ Картинахъ» эпизодъ съ дававшимъ въ Геттингенѣ представленіе скороходомъ.

Само собой разумѣется, что молодежи такого сорта было мало дѣла до науки, тѣмъ болѣе науки живой, въ родѣ политической исторіи, исторіи культуры... Впрочемъ, судя по свидѣтельству самого же Гейне, геттингенскія кафедры представляли собой весьма мало привлекательнаго, и надъ всѣмъ господствовалъ бездушный педантизмъ. Изъ всѣхъ профессоровъ, всходившихъ на эти кафедры, авторъ «Путевыхъ Картинъ» съ уваженіемъ вспоминалъ лишь о двоихъ: о Бенекѣ и старикѣ Сарторіусѣ, особенно о послѣднемъ.

Правда, что слова Гейне мы не должны принимать въ настоящемъ случаѣ за вполне наличную монету, тѣмъ болѣе зная,

что въ геттингенскомъ университетѣ, при дѣйствительно неза-
видномъ состояніи его въ эту пору, были все-таки профессора,
занимавшіе въ наукѣ почетное мѣсто: мы должны постоянно
помнить, что это отзывы *поэта* въ крайне неблагопріятной для
него, именно какъ поэта, обстановкѣ, когда онъ, по его собствен-
нымъ словамъ, «не выходилъ изъ римскихъ Пандектовъ», когда
«римскіе казуисты опутали его умъ будто сѣрою паутиною,
сердце точно прищемилось желѣзными параграфами эгоистической
системы права, въ ушахъ то и дѣло звучало: Трибоніанъ, Юсти-
ніанъ, Гермогеніанъ и Думерьянъ...» Но въ этомъ-то именно
отношеніи и дороги намъ эти отзывы, ибо для насъ въ настоя-
щемъ случаѣ важна, конечно, не фактическая вѣрность исторіи
геттингенскаго университета, а то, какъ дѣйствовала эта атмо-
сфера на поэта, другими словами—каковы были его настоящія,
задушевные стремленія среди такой обстановки.

Понятно поэтому, какъ обрадовался нашъ поэтъ, когда черезъ
четырнадцать мѣсяцевъ послѣ поступленія въ геттингенскій
университетъ онъ уже выходилъ оттуда, еще далеко не кончивъ
курса. На этотъ разъ причиною выхода было совѣтъ особое
обстоятельство—затѣявшаяся между нимъ и однимъ студентомъ
изъ-за пустяка дуэль, которая, однако, не состоялась, такъ какъ
университетское начальство заблаговременно узнало о ней; по
послѣдствіемъ ея было тѣмъ не менѣе постановленіе совѣта объ
увольненіи Гейне изъ числа студентовъ на полгода. Онъ, однако,
не сталъ дожидаться истеченія этого срока, и по желанію и
назначенію своихъ родныхъ, которое и ему самому пришлось по
сердцу, въ концѣ февраля 1821 г. уѣхалъ въ Берлинъ для по-
ступленія въ тамошній университетъ. Здѣсь начинается новый
періодъ во внѣшней и—еще болѣе—внутренней жизни поэта.

III.

Берлинскіе дни были во многихъ отношеніяхъ свѣтлыми и
благотворными днями въ существованіи Гейне; политическая
реакція, лежавшая въ эту пору на всей Германіи вообще, рѣзко
и нисколько не стѣсняясь проявляла себя и въ Берлинѣ, по-
степенно разрушая надежды на болѣе свободное сформированіе.

государственнаго организма. Съ негодоваіемъ говорилъ (уже нѣсколько позже) нашъ поэтъ о томъ, что на разныхъ конгрессахъ, конференціяхъ и т. н. судьбами этого народа распоряжались совершенно самовольно, что государства продавали одно другому своихъ подданныхъ, или мѣнялись ими, какъ товаромъ, что въ то время, когда негодующіе нѣмцы «укутывались пурпурнымъ плащомъ германскаго героизма» и пытались величественно выступать въ немъ впередъ,—выскакивалъ на сцену «какой-нибудь политическій фигляръ» и на голову этихъ патриотовъ-героевъ «надвигалъ дурацкую шапку съ погремушками»... Естественно, что такой порядокъ вещей очень неблагоприятно отражался на печати: какъ на нее, такъ и на находящуюся съ ней въ близкой связи книжную торговлю обрушивались самыя строгія полицейскія мѣры, вслѣдствіе чего литература ограничивалась областью «изящной словесности» въ самомъ печальномъ значеніи этого слова, именно романа, дюжиннаго, «бульварнаго» за немногими только исключеніями; а журналистика по неволѣ воздерживалась отъ обсуждения какихъ бы то ни было политическихъ вопросовъ и посвящала чуть не все свои столбцы водянистымъ эстетическимъ разсужденіямъ, литературнымъ сплетнямъ, театральнымъ рецензіямъ, маленькимъ скандальчикамъ, «такъ что,—какъ жаловался позже Гейне,—кому попадались въ руки наши газеты, тотъ могъ бы подумать, что нѣмцевъ народъ состоитъ исключительно изъ болтающихъ всякій вздоръ нянюшекъ и театральныхъ рецензентовъ». За то, какъ это почти всегда бываетъ, развилась въ широкихъ размѣрахъ общественная жизнь въ иномъ направленіи.

Въ Берлинѣ дѣлалось все возможное для процвѣтанія «искусства» и «веселости». — «Опера, театръ, концерты, ассамблеи, балы, частныя вечера, маленькіе маскарады, спектакли любителей и т. д. — вотъ наши главнѣйшія развлеченія во время зимы» — писалъ Гейне. Самъ онъ на первыхъ порахъ тоже кипуче въ этотъ водоворотъ съ живымъ увлеченіемъ, кинулся какъ по своей страсти къ шумной, кипучей жизни, которая постоянно чередовалась въ немъ съ настроеніемъ совершенно противоположнымъ, такъ и по всема естественному любопытству про-

винціала, поповаго изъ скромныхъ городковъ, гдѣ до сихъ поръ протекала его жизнь, въ великолѣпную и оживленную столицу. Правда, его веселье, его увлеченіе этой жизнью имѣетъ свой особенный, специально Гейневскій характеръ: изъ многихъ мѣстъ его «Берлинскихъ Писемъ» видно, что среди увлеченія шумною жизнью Берлина поэта не оставляло сатирическое отношеніе къ дѣйствительности. На первыхъ порахъ оно было еще довольно слабо, подавляясь въ значительной степени чисто внѣшними впечатлѣніями; но чѣмъ болѣе охладѣвала первая горячка, чѣмъ болѣе ступевывался напвный и увлекающійся провинціалъ и выплывалъ наружу Генрихъ Гейне, тѣмъ сильнѣе пробуждался въ немъ насмѣшливо-критическій духъ, находившій въ окружающей дѣйствительности обильную пищу. Эту пищу дастъ ему и самъ городъ съ внѣшней стороны — городъ, «хотя выстроенный въ новомъ вкусѣ, очень красиво и правильно, но все-таки производящій какое-то скучное впечатлѣніе», городъ съ его «длинными однообразными домами, длинными и широкими улицами, вытянутыми и построеными по шнурку и большею частью по безусловной волѣ одного человѣка, вслѣдствіе чего нельзя изъ нихъ вывести никакого заключенія объ образѣ мыслей массы», городъ такой, что «если вы захотите увидѣть въ немъ хоть что-нибудь кромѣ мертвыхъ домовъ и берлинцевъ, то вамъ придется запастись для этого нѣсколькими бутылками поэзіи».

И тѣмъ не менѣе, пребываніе Гейне въ Берлинѣ имѣло для него несомнѣнно благотворное значеніе. «Изъ кладовой мертвой учености—замѣчаетъ Штротманъ,—вступилъ онъ въ средоточіе міровыхъ философскихъ идей, изъ студенчески-замкнутыхъ кружковъ и комнатки мечтающаго поэта попалъ въ общественную жизнь столицы и вошелъ въ сношенія съ лучшими представителями интеллигенціи; изъ фантастическихъ туманныхъ грезъ романтики очутился въ ярко освѣщенномъ мірѣ дѣйствительности». Важную роль въ этомъ отношеніи сыграли какъ кружки, представлявшіе собой точно оазисы въ общей умственной и нравственной пустынѣ, потому что въ нихъ на первомъ планѣ стояли интересы литературы, науки, культуры, прогресса,

такъ и то, что нашель Гейне въ аудиторіяхъ берлинскаго университета.

Что касается до кружковъ, то во главѣ ихъ—какъ это было и съ «салонами» XVIII в.—стояли большею частью женщины, между которыми главнымъ образомъ выдавались Рахиль Варнгагенъ фонъ-Энзе и Элиза Гогенгаузенъ—особенно первая. Рахиль Левинъ, дочь богатаго еврейскаго купца, впоследствии вышедшая за извѣстнаго писателя и критика Варнгагена фонъ-Энзе, была въ высшей степени даровитая, можно сказать даже, гениальная натура, въ которой притомъ умственные превосходства соединялись съ высокими нравственными достоинствами. Въ ея гостиной сходились и первоклассные дѣятели, и начинающіе таланты—и вотъ между ними въ первые же мѣсяцы своего пребыванія въ Берлинѣ появился Генрихъ Гейне съ рекомендательнымъ письмомъ отъ одного изъ друзей хозяина. Никто почти не обратилъ вначалѣ особеннаго вниманія на новаго посѣтителя, слѣднаго и болѣзненнаго молодого человѣка, съ виду совсѣмъ невзрачнаго, съ очень пріятнымъ, но тихимъ и однообразнымъ голосомъ, довольно робкаго и неповоротливаго, въ далеко не щегольскомъ костюмѣ провинціала. Но немногимъ мѣсяцамъ надо было пройти для того, чтобы авторъ стихотвореній, скоро женствовавшихъ впервые появиться въ печати и покамѣсть только декламировавшихся въ этой гостиной, занялъ здѣсь одно изъ самыхъ выдающихся мѣсть и снискалъ особое покровительство хозяйки, въ то время уже почти сорокалѣтней женщины. Рахиль и Гейне были двѣ, во многихъ отношеніяхъ родственныя натуры, которыя сближало между собой еще одно частное обстоятельство—общность происхожденія и одинаковое воззрѣніе на еврейскій «вопросъ»: она, какъ и онъ, видя, съ одной стороны, позорное въ политическомъ и общественномъ отношеніи положеніе евреевъ, съ другой—ихъ узкій фанатизмъ, племенную ненависть къ христіанамъ, торгашескія наклонности и дѣйствія, считала великимъ для себя несчастіемъ, что родилась еврейкой, и свое еврейское происхожденіе называла кинжаломъ, который какое-то сверхъестественное существо вонзило ей въ грудь, въ первую же минуту ея появленія на свѣтъ. Но неза-

висимо отъ этихъ обстоятельствъ, дарованіе Гейне само по себѣ было причиною, что и Рахиль и ея мужъ скоро стали высоко цѣнить и пропагандировать во мнѣніи другихъ произведенія молодого поэта, особенно подкупавшія ихъ тѣмъ, что въ нихъ—собственно тѣхъ, которыя были написаны въ народномъ духѣ—обнаруживалось родство съ манерою Гете въ формальномъ отношеніи. А культъ Гете стоялъ на первомъ планѣ въ Варпгагеновской гостиной, которая, какъ и нѣсколько другихъ подобныхъ кружковъ, составляла противовѣсъ тѣмъ пападеніямъ на великаго писателя, которыя шли изъ партіи противоположной. Подъ вліяніемъ Рахили и ея кружка—по крайней мѣрѣ въ значительной степени—установился и въ Гейне правильный взглядъ на автора «Фауста». Важность вліянія въ этомъ случаѣ Рахили и ея мужа не подлежитъ сомнѣнію, какъ несомнѣнно также, что эти двѣ личности вообще подѣйствовали очень благотворно на поэтическое развитіе своего молодого друга, на установленіе въ немъ правильного эстетическаго критеріума, еще болѣе строгаго отношенія къ себѣ и т. п. И не только умственно совершенствовался Гейне въ этой обстановкѣ; онъ отдыхалъ здѣсь и сердцемъ, находилъ успокоеніе своему внутреннему разладу, непрестанному напряженію своихъ нервовъ.

Въ гостиной баронесы Гогенгаузенъ господствовалъ культъ другого знаменитаго поэта — Байрона, и хозяйка, познакомившись съ произведеніями Гейне, съ своеобразностями его природы, не замедлила провозгласить его прямымъ преемникомъ автора «Чайльдъ-Гарольда» въ Германіи, и вмѣстѣ съ Рахилью Варпгагенъ быстро распространяла его извѣстность. Кружокъ баронессы, которая была и сама писательница, также состоялъ изъ выдающихся дѣятелей литературы, науки, искусства, такъ что благотворное вліяніе, оказывавшееся на Гейне Варпгагеновскимъ кружкомъ, находило себѣ дополненіе и здѣсь. Ко всему этому присоединились умственные вѣянія другого рода, исходившія, какъ уже упомянуто выше, изъ берлинскаго университета. Каково было положеніе этого послѣдняго въ ту пору, когда Гейне сидѣлъ на скамьяхъ его, видно изъ того, что нѣсколько кафедръ были заняты такими свѣтилами

науки, какъ философъ Гегель, юристъ Гансъ, санскритологъ Боппъ, эстетикъ Вольфъ. Во главѣ всего, образовавъ особенную школу, стоялъ Гегель. Гейне тотчасъ же сдѣлался горячимъ приверженцемъ освободительнаго ученія знаменитаго философа. Правда, впоследствии онъ посмѣивался надъ этой философiей, надъ ея отвлеченностью и туманностью, надъ тѣмъ, что она превращала живыхъ людей въ идеи и т. п. Но въ этомъ полутреченiи отъ Гегеля, независимо отъ проявленiя здѣсь одной изъ основныхъ склонностей Гейне — смѣяться надъ всѣмъ на свѣтѣ, даже самымъ дорогимъ для него, играли роль и спеціальныя обстоятельства, напримѣръ, желанiе оправдаться въ взводившемся на него какъ разъ въ это время обвиненiи, что онъ отъ атеизма вернулся къ пражному деизму. На самомъ же дѣлѣ Гегелевская философiя глубоко внѣдрилась въ умъ поэта. Къ лекціямъ Гегеля и бесѣдамъ его (Гейне находился и въ личныхъ сношенiяхъ съ знаменитымъ философомъ) присоединимъ лекціи Боппа, Ганса, Вольфа—и мы увидимъ, что пребыванiе Гейне въ берлинскомъ университетѣ оказывалось для него несомнѣнно очень благотворнымъ. Расширенiю его умственнаго кругозора, направленiю и упроченiю его политическихъ и социальныхъ воззрѣнiй въ томъ духѣ, въ какомъ они являлись въ его послѣдующихъ произведенiяхъ, соответствуя такъ сказать, и его органическимъ, врожденнымъ воззрѣнiямъ, способствовало также въ значительной степени общенiе его съ нѣсколькими родственными ему по духу и стремленiю молодыми людьми, занявшими потомъ видное мѣсто въ литературной и культурной жизни Германiи (напримѣръ, поэтъ Иммерманъ), и которые если подчинялись сами влiянiю будущаго автора «Путевыхъ Картинъ», сознавая присутствiе въ немъ высшей, «отмѣченной божьимъ перстомъ» природы, то безспорно оказывали и на него значительное дѣйствiе въ интеллектуальномъ отношенiи. Съ нѣсколькими изъ этихъ людей связывали нашего поэта, кромѣ интересовъ общихъ, и интересы спеціальныя; это именно—съ членами образовавшагося въ то время въ Берлинѣ «Общества культуры и науки еврейства» которое, дѣйствуя въ духѣ знаменитаго реформатора нѣмецкихъ евреевъ и философа Мендельсона (друга Лессинга), поставило себя, какъ

объяснял Гейне, цѣлью посредничества «между историческимъ іудействомъ и новѣйшею наукой, о которой предполагали, что она съ теченіемъ времени должна будетъ стать во главѣ управленія всѣмъ міромъ». Гейне примкнулъ къ этому кружку настолько же горячо, насколько презрительно и съ негодованіемъ избѣгалъ всякихъ сношеній съ тѣмъ берлинскимъ еврействомъ, которое или фанатически держалось своихъ традиціонныхъ предразсудковъ, или ставило на первомъ планѣ торгашескіе интересы; онъ не пропускалъ почти ни одного засѣданія, одно время исполнялъ даже обязанности секретаря, и такъ какъ вопросъ специально-еврейскій обсуждался здѣсь въ неразрывной связи съ вопросами общими и нравственными, политическими и социальными, то понятно, что общеніе съ этими людьми надо причислить къ благотворнымъ сторонамъ пребыванія нашего поэта въ Берлинѣ.

Но не въ такой только обстановкѣ проходила здѣсь его жизнь. Чувственные наклонности, жажда шумной, часто безпутной, цинической жизни, постоянно чередовавшаяся у Гейне съ мизантропическимъ затворничествомъ, уходомъ въ высшіе интересы, въ свой внутренній міръ, увлекали его въ другіе кружки: людей умныхъ, даровитыхъ, по совершенно безалаберныхъ, лишенныхъ нравственнаго устоя, погибавшихъ или въ сумасшествіи, или отъ другихъ тому подобныхъ причинъ, жертвами собственной несчастной природы и несчастныхъ житейскихъ обстоятельствъ. Въ такой компаніи, этомъ прототипѣ нашей современной литературной «богеми», интересы литературы занимали видное мѣсто, но занятіе ими шло среди непрерывныхъ кутежей и оргій—и Гейне принималъ въ этомъ немалое участіе, при чемъ у него, никогда ничего не пившаго, главную роль играли женщины.

Этотъ образъ жизни, продолжавшій весьма пагубно дѣйствовать на здоровье поэта, усиливавшій то, что мы видѣли уже значительно развѣвающимся при подобной же обстановкѣ въ Гамбургѣ, принялъ въ Берлинѣ еще болѣе широкіе размѣры, когда случилось извѣстіе о выходѣ замужъ Амаліи; по крайней мѣрѣ такъ объясняютъ это обстоятельство иные біографы, такъ объясняетъ это и самъ Гейне. При той, можно сказать, безпредѣльной

субъективности, которою отличалось поэтическое творчество Гейне, превращеніе дѣвицы Амаліи въ почтенную мадамъ Фридендоръ вызвало у нашего поэта цѣлый рядъ стихотвореній, гдѣ глубокое чувство, разбѣдающая иронія, звонъ бубенчиковъ дурацкаго колпака, рядомъ съ восхитительнѣйшими звуками лучшаго инструмента, все то, однимъ словомъ, чѣмъ отличаются пѣсни любви Гейне отъ пѣсенъ всѣхъ другихъ поэтовъ, появилось уже во всемъ своемъ блескѣ. Укажемъ для примѣра хотя на известное каждому стихотвореніе «Ein Jüngling liebt ein Mädchen» съ его знаменитымъ окончаніемъ:

Das ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie immer neu, и т. д.

Часть этихъ стихотвореній, вмѣстѣ съ другими, прежде написанными, появилась въ печати въ началѣ 1821 года, а въ концѣ этого года, съ нѣсколькими дополненіями, они вышли въ свѣтъ отдѣльной книжкой, доставивъ автору отъ издателя, книгопродавца Маурера, сорокъ даровыхъ экземпляровъ въ видѣ гонорара. Но могло ли огорчать молодого поэта это комически-скудное вознагражденіе послѣ того, какъ другой издатель, знаменитый Брокгаузъ, совсѣмъ отказался взять на свой рискъ печатаніе сердечныхъ изліяній невѣдомаго писателя, какого-то юноши Гейне, и въ особенности когда грандіознымъ дополненіемъ къ этому гонорару явился блистательный успѣхъ? На публику эти стихотворенія, въ которыхъ покаместъ еще не было никакого сатирическаго, политическаго и соціальнаго элемента и гдѣ авторъ выступалъ только романтикомъ, пѣвцомъ любви и поэтомъ въ народномъ духѣ—на публику они произвели громадное дѣйствіе потому, что она впервые увидѣла здѣсь въ такой удивительной формѣ то, «чего именно не доставало этому вялому, апатическому, унылому времени»—силу порывистой, живой, даже иногда дикой страсти. Критика, въ лицѣ лучшихъ представителей своихъ, радостно привѣтствовала этотъ могучій талантъ, это «новое слово» въ поэзіи: Варнгагенъ указываетъ на полную самостоятельность этихъ созданій, на необычайное умѣнье проникать въ тайны народнаго творчества

и т. п.; Иммерманъ обращалъ вниманіе на «міровую скорбь» въ стихотвореніяхъ молодого поэта и объяснялъ ее возмущеніемъ, негодованіемъ автора противъ сухости, безцвѣтности, пошлости и гнусности того, что окружало его; анонимный критикъ одного изъ лучшихъ журналовъ проводилъ параллель, между нимъ и Байрономъ, выставлялъ на видъ несомнѣнную оригинальность нѣмецкаго поэта, при видимой подражательности англійскому, и усмотрѣлъ въ произведеніяхъ Гейне, при ихъ видимомъ романтизмѣ, отсутствіе всего того, что составляло основной элементъ этого послѣдняго, и, напротивъ, присутствіе элемента противоположнаго—чисто-человѣческаго и гражданскаго.

Поощренный такимъ успѣхомъ—при чемъ, конечно, не было недостатка и въ нападеніяхъ узкой ограниченности—поэтъ съ этихъ поръ безостановочно пошелъ по новому пути: въ апрѣлѣ 1823 г. появились въ печати двѣ его трагедіи «Алманзоръ» и «Ратклифъ» и, въ приложеніи къ нимъ, сборникъ стихотвореній подъ заглавіемъ «Lyrisches Intermezzo». Первая изъ этихъ трагедій была начата, какъ мы видѣли, уже въ Геттингенѣ, вторая написана въ Берлинѣ, и, по свидѣтельству автора, окончена въ три дня. Какъ произведенія драматическія, да и во многихъ другихъ отношеніяхъ, обѣ эти пьесы плохи; но онѣ изобилуютъ лирическими красотами; главное же достоинство, главный интересъ ихъ заключается въ совершенной субъективности той и другой, въ тѣсной связи ихъ съ внутреннею и виѣшнею жизнью Гейне.

Но сердечное или головное, купленное дѣйствительнымъ опытомъ или сочиненное, настроеніе это имѣетъ для насъ большую важность, какъ дающее цѣнный матеріалъ для характеристики тогдашняго Гейне съ его внутренней стороны, важность значительнѣе той, которую эти трагедіи имѣютъ въ нашихъ глазахъ по связи ихъ съ виѣшнею жизнью поэта, и именно съ его несчастною любовью къ кузинѣ Амаліи. Въ «Алманзорѣ» къ этому автобіографическому основанію присоединился еще другой мотивъ—все тотъ же еврейскій мотивъ; по всей трагедіи проходитъ красною нитью «великая еврейская скорбь», и опять съ тѣхъ же двухъ сторонъ, съ какихъ смотрѣлъ Гейне на это

дѣло: тутъ, подъ видомъ мусульманъ, мы встрѣчаемъ и сатиру на евреевъ, особенно на тѣхъ, которые, какъ это видѣлъ Гейне въ Берлинѣ, изъ-за личныхъ выгодъ переходили въ христіанство, и сочувствіе къ еврейскому племени, какъ угнетенному, а слѣдовательно и ненависть къ притѣснителямъ, изображеннымъ здѣсь, конечно ради цензуры, въ лицѣ Фердинанда и Изабеллы...

Несравненно выше по поэтическому достоинству напечатанное вмѣстѣ съ трагедіями «Lyrisches Intermezzo» — сборникъ пѣсенъ, полныхъ удивительной гармоніи, всевозможныхъ оттѣнковъ, обаятельной прелести, пѣсенъ, въ которыхъ чистый лирикъ явился уже во всей зрѣлости, несмотря на столь молодые годы его, и которыя, составивъ его громкую славу, теперь закрѣпили ее на все будущее время: имя Генриха Гейне, еще за нѣсколько мѣсяцевъ почти никому невѣдомое, отнынѣ вписалось неизгладимыми буквами на страницы исторіи нѣмецкой поэзіи, и этотъ юноша могъ услышать, какъ вдругъ вся Германія запѣла его пѣсни, и какъ множество поэтовъ и поэтиковъ пустились наперерывъ подражать этимъ совершенно новымъ, неслыханнымъ дотогѣ въ нѣмецкой лирикѣ звукамъ. Въ то же самое время онъ заявилъ себя съ хорошей стороны — конечно въ гораздо меньшей степени, чѣмъ въ области чистой поэзіи — и какъ писатель вообще, статьями критическими, гдѣ уже теперь обнаруживались отличительныя свойства его дѣятельности на этомъ поприщѣ, и картинами общественной жизни («Письма изъ Берлина»), въ которыхъ, при ихъ слабости вообще, нельзя не видѣть особенностей чисто Гейневскаго стиля, покажѣтъ еще какъ бы пробующаго себя въ этомъ новомъ родѣ и долженствовавшаго скоро явиться въ своей неподражаемой, можно сказать, гениальной оригинальности и прелести въ «Путевыхъ Картинахъ».

Но среди этихъ литературныхъ успѣховъ, окончательно опредѣлившихъ будущую профессію нашего поэта, хотя онъ продолжалъ готовиться къ юридической карьерѣ, среди такой обстановки въ этомъ отношеніи, которая должна была вліять на его настроеніе, на его отношеніе къ жизни самымъ благопріятнымъ образомъ — эта же самая, столь блистательно начатая карьера

не замедлила обнаружить и свои тернии, дѣйствовавшіе очень раздражительно на человѣка, у котораго, уже по складу его натуры, разливалась вся желчь въ тѣхъ случаяхъ, когда другой оставался бы если не равнодушнымъ, то болѣе или менѣе спокойнымъ. Тернии эти состояли въ рѣзкихъ порицаніяхъ известной части печати и публики оппозиціонному, необычайно смѣлому, даже дерзкому отношенію Гейне ко многимъ традиционнымъ вопросамъ религіи, морали и нравовъ. Раздраженіе и негодованіе того, на кого обрушивались эти нападенія, вѣроятно, не приняло бы особенно большихъ размѣровъ, если бы этимъ дѣло и ограничилось. Но къ нимъ присоединились клеветы, инсинуаціи и т. п. приемы, отъ которыхъ Гейне пришлось потомъ страдать почти до самой смерти. Въ настоящемъ случаѣ онѣ исходили, съ одной стороны, отъ евреевъ старой партіи, которые не могли простить поэту его эпиграммъ и насмѣшекъ и обвиняли его въ антиеврейскомъ настроеніи и направленіи; съ другой стороны, ханжествующая и лицемерно-пуританская часть нѣмецкой печати, усматривая въ «Алманзорѣ» антихристіанскія тенденціи, дѣлала противъ автора этой трагедіи самыя неприличныя, часто даже гнусныя выходки. «Меня здѣсь раздражаютъ и оскорбляютъ, — писалъ онъ одному изъ своихъ друзей, — я крѣпко золь на пошлую сволочь, эксплуатирующую въ свою пользу дѣло, которому я уже до сихъ поръ принесъ столько великихъ жертвъ и за которое до конца моей жизни не перестану проливать кровь моего мозга».

Эти клеветы и сплетни тѣмъ сильнѣе вліяли на поэта, что онѣ тяжело отзывались и на его житейскихъ обстоятельствахъ: какъ намъ уже известно, въ матеріальномъ отношеніи судьба его зависѣла исключительно отъ богатаго дяди Соломона, а недоброжелатели и враги поэта въ староеврейской партіи, куда присоединялись и нѣкоторые изъ родственниковъ его, старались выставить Гейне въ неблагопріятномъ свѣтѣ именно передъ этимъ милліонеромъ—выставить какъ человѣка легкомысленнаго, распутнаго, отъ котораго нельзя ждать ничего лучшаго. Дядя и безъ того смотрѣлъ въ это время на Генриха довольно недоброжелательно, начиная убѣждаться, что изъ пребыванія молодого

человѣка въ университетѣ не выйдетъ ровно ничего относительно его юридической карьеры, и что слѣдовательно даваемые солиднымъ банкиромъ деньги на приготовленіе къ этой карьерѣ бросаются на вѣтеръ. Инсинуаціи добрыхъ родственниковъ и знакомыхъ вливались только лишними каплями въ чашу неудовольствій старика Соломона, и было время, когда поддержка съ его стороны грозила рушиться, тѣмъ болѣе, что и нашъ поэтъ далеко не всегда оказывался почтительнымъ племянникомъ: въ минуты раздраженія онъ говорилъ ему весьма рѣзкія и неслестныя вещи, напримѣръ: «знаешь, дядя, въ тебѣ самое лучшее то, что ты носишь мое имя»,—съ тѣмъ, однако, чтобы потомъ снова возвращаться къ почтительному и ласковому тону, часто даже къ заискиванію прямыми и окольными путями. Это происходило оттого, что денежный вопросъ былъ всегда «проклятымъ вопросомъ» для Гейне, и слѣдящій за исторіею его жизни можетъ, кажется, безошибочно утверждать, что не было въ ней почти ни одного дня, когда поэтъ не терпѣлъ бы матеріальной нужды и не изыскивалъ поневолѣ тѣхъ или другихъ способовъ, чтобы выйти изъ затрудненій. Причина такого положенія заключалась, однако, не только въ скудости средствъ, которыми всегда пользовался Гейне, но и въ крайнемъ, чисто поэтическомъ неумѣннѣ распоряжаться деньгами, ири киданіи ихъ направо и налево безъ всякой мысли о завтрашнемъ днѣ, при употребленіи проходившихъ сквозь его руки талеровъ то совершенно безалаберно, то для помощи другимъ нуждающимся. Въ ту берлинскую пору, о которой мы рассказываемъ, денежные ресурсы поэта, еще ничего не получавшаго за свой литературный трудъ, состояли въ 400 талерахъ, ежегодно выплачивавшихся ему дядю, съ добавленіемъ, отъ времени до времени, другихъ небольшихъ субсидій, и были, слѣдовательно, таковы, что экономный и разсудительный студентъ могъ бы безъ нужды жить на нихъ, но для Гейне, при только-что упомянутой и вполнѣ естественной непрактичности его, къ которой присоединилась и ненасытимая жажда житейскихъ наслажденій—для Гейне эти субсидіи оказывались далеко недостаточными, вслѣдствіе чего ему приходилось то и дѣло обращаться за помощью къ своимъ друзьямъ.

«Но, — замѣчаетъ профессоръ Гюферъ, — какъ ни велика была легкость, съ которою Гейне дѣлалъ набѣги на пріятельскіе кошельки, эти долги онъ платилъ, если не всегда аккуратно въ срокъ, то всегда добросовѣстно, и постоянно доказывалъ на дѣлѣ свою готовность помогать, въ ущербъ самому себѣ, нуждающимся знакомымъ и даже первымъ встрѣчнымъ». Къ денежнымъ затрудненіямъ присоединилось, какъ причина мизантропическаго состоянія, часто овладѣвавшаго поэтомъ, усиленіе нервной болѣзни, которая, выражаясь острыми головными болями и общою раздражительностью, началась, какъ мы видѣли, уже раньше, а теперь, благодаря въ значительной степени образу жизни, развивалась все больше и больше.

Одно [время] поэтъ дѣйствительно думалъ уѣхать не только изъ Берлина, но и вообще изъ Германіи, и пореселиться не въ пустынную Аравію, къ верблюдамъ, а въ шумный, давно уже притягивавшій его къ себѣ Парижъ, гдѣ «по крайней мѣрѣ, — говорилъ онъ, — мнѣ не будутъ колотить глаза тѣмъ, что я еврей», и гдѣ, какъ онъ надѣялся, еврейство не будетъ мѣшать его «карьерѣ»; стало-бытъ, и это обстоятельство входило въ число причинъ его мрачнаго настроенія. Но широкіе планы разрѣшились покаместъ только кратковременною поѣздкой въ приморское мѣстечко Куксгавенъ, съ цѣлью поправленія здоровья — поѣздкой, важной въ томъ отношеніи, что здѣсь поэтъ впервые увидѣлъ море, то море, которое онъ, по его словамъ, «любилъ, какъ свою душу», и въ которомъ, какъ въ теперешнее свое первое знакомство съ нимъ, такъ и въ послѣдующія, онъ нашелъ матеріалъ для столькихъ удивительныхъ стихотвореній. Нѣкоторыя изъ нихъ были написаны имъ уже въ Куксгавенѣ, и съ этимъ запасомъ, равно какъ и съ нѣсколькими другими литературными планами, онъ отправился въ Гамбургъ, побывавъ въ это же время на короткій срокъ въ Люнебургъ, куда переселилась его семья. Въ Люнебургъ онъ имѣлъ удовольствіе увидѣть, что мать отнеслась къ первой книжкѣ его стихотвореній совсѣмъ неодобрительно, а отецъ и совсѣмъ не читалъ ея; въ Гамбургъ, куда онъ ѣздилъ повидаться съ дядей Соломономъ, чтобы зондировать эту важную для него почву и, быть-можетъ, умягчить

се, пришлось ему убѣдиться, что поэтическая дѣятельность его оцѣнена еще меньше, чѣмъ въ Лüneбургѣ, и что если хочеть онъ и теперь, и въ будущемъ пользоваться поддержкою миллионера, то надо ему прежде всего подумать о практической, «хлѣбной» профессіи. Неудивительно поэтому, что въ Гамбургѣ мы видимъ его еще мрачнѣе настроеннымъ; и если, говоря въ одномъ изъ писемъ отсюда о «какомъ-то жестокомъ безуміи, которое овладѣваетъ его существомъ», о томъ, что «мрачный гнѣвъ лежитъ, какъ раскаленный ледяной покровъ на его душѣ», о томъ, что онъ «жаждетъ вѣчной ночи» — если такія ощущенія онъ приписываетъ тому, что видъ Гамбурга воскресилъ въ немъ воспоминаніе о недавней несчастной любви къ Амаліи, то причина эта далеко не единственная, даже второстепенная, притесненная только къ другимъ, болѣе существеннымъ; дѣлаемъ такой выводъ потому, что въ это же время, въ самомъ разгарѣ мизантропіи, поэтъ нашелъ возможнымъ увлечься какою-то новой «тайственной незнакомкой»... Дѣлать, однако, было нечего. Пока не наступило время, когда поэту можно было бы въ матеріальномъ отношеніи стоять на собственныхъ ногахъ только съ помощью своей литературной дѣятельности, надо было подчиняться той волѣ, отъ которой получались средства къ существованію; и вотъ почему, по возвращеніи изъ Гамбурга, Гейне довольно дѣятельно сталъ готовиться къ выпускному экзамену, поневолѣ рѣшившись, какъ онъ выражался, оставить стихи на лучшее время. Но само собою разумѣется, оставаться безъ поэтической производительности онъ не могъ, и если не печаталъ то продолжалъ писать.

По неизвѣстнымъ причинамъ, для окончательнаго приготовленія къ выпускному экзамену и сдачи его, Гейне отправился изъ Берлина въ ненавистный ему Геттингенъ; думаемъ, что источникъ этого страннаго поступка слѣдуетъ искать въ прихотливости многихъ поступковъ нашего поэта вообще, въ трудности для него долго оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ и постоянной жадѣ перемѣнъ, какъ слѣдствіи постояннаго внутренняго томленія и тревожнаго безпокойства. Въ Геттингенъ онъ пріѣхалъ въ январѣ 1824 г., и жизнь его попрежнему

раздѣлилась между умственными занятіями — вольными и невольными—и житейскими наслажденіями. Но наряду съ этимъ онъ является предъ нами во всемъ разгарѣ своей мизантропіи, скорби, унынія, и чтобы освѣжиться, дать успокоеніе своимъ нервамъ, поэтъ въ сентябрѣ 1824 г., воспользовавшись канкулами, отправился въ путешествіе на Гарцъ и по Тюрингіи.

Почти пѣшкомъ прошелъ онъ чудесныя мѣста и на возвратномъ пути заходилъ въ разные города—Іену, Веймаръ, Эрфуртъ, Готу и др. Очень любопытнымъ эпизодомъ этого путешествія представляется посѣщеніе нашимъ поэтомъ старика Гете въ Веймарѣ. Приѣхавъ въ этотъ городъ, онъ отправилъ къ автору «Фауста» слѣдующую записку, въ которой, сквозь большую долю искренности, мы, зная Гейне, не можемъ, однако, не усматривать нѣкоторой ироніи въ связи съ сознаниемъ собственного достоинства: «Прошу ваше превосходительство доставить мнѣ счастье постоять нѣсколько минутъ передъ вами. Не хочу обременять васъ своимъ присутствіемъ, желаю только поцѣловать вашу руку и затѣмъ уйти. Меня зовутъ Генрихъ Гейне, я рейнскій уроженецъ, недавно поселился въ Геттингенѣ, а до того жилъ нѣсколько лѣтъ въ Берлинѣ, гдѣ былъ знакомъ съ многими изъ вашихъ старыхъ знакомыхъ и почитателей и научился съ каждымъ днемъ все больше любить васъ. Я тоже поэтъ и имѣлъ смѣлость три года назадъ послать вамъ мои «Gedichte», а полтора года назадъ—«Трагедіи» съ добавленіемъ «Lyrisches Intermezzo». Кромѣ того, я боленъ, для поправленія здоровья совершилъ путешествіе на Гарцъ, и тамъ на Брокенѣ охватило меня желаніе—сходить въ Веймаръ на поклоненіе Гете. Я явился сюда, какъ пилигримъ въ полномъ смыслѣ этого слова—именно пѣшкомъ и въ изношенной одеждѣ, и ожидаю исполненія моей просьбы. Остаюсь съ пламеннымъ сочувствіемъ и преданностью—Генрихъ Гейне».

Гете принялъ молодого писателя — что онъ дѣлалъ весьма рѣдко; но судя по тому, что непосредственно послѣ этого посѣщенія Гейне въ своихъ письмахъ или ничего не говорилъ о немъ, или упоминалъ въ двухъ-трехъ словахъ, или, говоря о Гете вообще по поводу этого визита, отзывался о немъ, какъ

о поэтѣ, не особенно благосклонно, — судя по этому, падо думать, что «олимпіецъ» принялъ геттингенскаго студента со своею ему и естественною въ немъ величественностью, хотя, признаться, такой приѣмъ удивляетъ насъ, когда мы примемъ въ соображеніе, что у Гете въ это время уже давно были въ рукахъ такія стихотворенія нашего поэта, какъ «Lygisches Intermezzo». Правда, что онъ, по словамъ Гейне, въ одномъ письмѣ, «сказалъ ему много привѣтливаго и снисходительнаго», но въ первыхъ, полагаемъ, это-то «снисходительное» отношеніе и сердило автора «Intermezzo», а во-вторыхъ, если бы было сказано дѣйствительно «много привѣтливаго», то Гейне, при его самолюбіи, при его гордости собой, конечно передалъ бы весь разговоръ съ мельчайшими подробностями. Онъ же изъ этого разговора передаетъ — и съ видимою горечью — только одно: что онъ собирался сказать Гете много «возвышеннаго и глубокомысленнаго», и нашелся сказать только одно, что «на дорогѣ между Іеною и Веймаромъ сливы очень вкусны». Очевидно, что это въ разсказѣ Гейне выдумка ради остроты, но очевидно также, что тутъ скрывается и непріятная для нашего поэта дѣйствительность. Правда, въ запискахъ брата Гейне, Максимилиана, находимъ такой разсказъ о свиданіи двухъ поэтовъ, который, если вѣрить ему — а повѣрить не трудно — объясняетъ причину не особенно лестнаго приѣма со стороны Гете. «Чѣмъ вы занимаетесь въ настоящее время?» — спросилъ будто бы Гете. «Фаустомъ», — отвѣчалъ Гейне, у котораго дѣйствительно въ это время былъ въ головѣ планъ трагедіи о Фаустѣ. Понятно, что такой смѣлый отвѣтъ могъ показаться автору настоящаго, безсмертнаго «Фауста» даже дерзкимъ. «Гете, — разсказываетъ братъ нашего поэта: — былъ пораженъ и острымъ тономъ спросилъ: «Другихъ дѣлъ у васъ въ Веймарѣ нѣтъ, господинъ Гейне?» Гейне же отвѣтилъ: «Переступивъ порогъ вашего превосходства, я покончилъ въ Веймарѣ всѣ свои дѣла» — и удалился. Мы имѣемъ, однако, и другого рода свидѣтельство о впечатлѣніи, произведенномъ Гете на его молодого гостя, и свидѣтельство это исходитъ отъ того же самаго Генриха Гейне, котораго мы только-что видѣли такимъ проницательнымъ. Восемь лѣтъ спустя, вспоминая объ этомъ веймарскомъ

свиданіи, онъ писалъ: «Его наружность была такъ же значительна, какъ слово, живущее въ его произведеніяхъ, и фигура его была такъ же гармонична, свѣтла, радостна, благородна, пропорціональна, и на немъ, какъ на античной статуѣ, можно было изучать греческое искусство. Глаза его были спокойны, какъ глаза божества... Время покрыло, правда, и его голову снѣгомъ, но не могло склонить ее. Онъ продолжалъ носить ее гордо и высоко, и когда онъ говорилъ, то казалось, что ему дана возможность пальцемъ указывать звѣздамъ на небѣ путь, которымъ онъ должны слѣдовать. На его губахъ иные находятъ холодныя черты эгоизма; но и этотъ эгоизмъ свойственъ вѣчнымъ богамъ, и даже отцу боговъ, великому Юпитеру. Право, когда я посѣтилъ его въ Веймарѣ и стоялъ передъ нимъ, то невольно смотрѣлъ въ бокъ — не увижу ли подлѣ него орла съ молніями въ клювъ. Я былъ готовъ даже заговорить съ нимъ по-гречески... *)»

Путешествіе это, которому мы обязаны лучшими страницами въ «Путевыхъ Картинахъ», т. е. лучшимъ, что вышло изъ-подъ пера Гейне въ прозѣ — самъ поэтъ называлъ очень спасительнымъ для себя, сильно укрѣпившимъ его, хотя тутъ же замѣчалъ, что испытывавшіяся имъ наслажденія отравлялись слѣдовавшею за нимъ въ видѣ призрака юриспруденціею и все тѣмъ же денежнымъ заботами и затрудненіями. Но въ томъ же письмѣ къ другу, гдѣ говоритъ онъ объ этихъ впечатлѣніяхъ, находимъ

) Считаемо не лишнимъ привести здѣсь кстатіи мнѣніе Гете о Гейне, высказывавшееся имъ въ разговорахъ съ Эккерманомъ, т. е. въ позднѣйшіе годы жизни, когда авторъ «Intermezzo» былъ уже въ расцвѣтѣ своего таланта: «Нельзя отрицать, что Гейне обладаетъ многими блистательными качествами, но ему не достаетъ любви. Онъ такъ же мало любитъ своихъ читателей, какъ своихъ сопозтовъ (Mitpoeten), и больше любитъ себя; такимъ образомъ, къ нему можно примѣнить слова апостола: «И если бы я говорилъ человѣческими и ангельскими языками и не имѣлъ ихъ любви, то былъ бы я металломъ звенящимъ»... Еще на этихъ дняхъ читалъ я его стихотворенія, и богатое дарованіе его несомнѣнно, но, повторяю, ему не достаетъ любви, и поэтому онъ никогда не будетъ вліять такъ, какъ долженъ бы вліять. Его будутъ бояться, и онъ будетъ богомъ тѣхъ, которые охотно являлись бы такими же отрицателями, какъ онъ, но не пѣютъ на то дарованія».

и такія слова: «Кромѣ того (т. е. кромѣ матеріальныхъ заботъ, въ настоящую минуту я не возбуждаю особеннаго энтузіазма; я не настолькоъ глупъ, чтобы скрывать это отъ себя, и очень хорошо понимаю причины разныхъ пожатій плечъ, покачиваній головы. Словомъ, меня считаютъ обанкротившимся, и я не обвиняю ни одного разумнаго купца, который не дѣлаетъ мнѣ кредита»... Мы не знаемъ, на какомъ основаніи говорилось все это, ибо въ ту пору литературное положеніе Гейне въ лучшей части критики и публики было блистательное; вѣроятно, тутъ играло роль общее раздраженіе, при которомъ молодому поэту казалось, что его недостаточно дѣлать — тѣмъ болѣе, что онъ самъ признавалъ себя далеко не «обанкротившимся» въ умственномъ и поэтическомъ отношеніи. «Не знаю, — писалъ онъ Мозеру, — имѣютъ ли право наши эстетники видѣть во мнѣ уже угасшую свѣчу... Боже, чѣмъ когда-либо, ощущаю я въ себѣ присутствіе божества...» И онъ имѣлъ фактическое право говорить это, потому, что, кромѣ значительнаго числа прекраснѣйшихъ стихотвореній, лежавшихъ еще въ его портфель и писанныхъ послѣ «Intermezzo», создавались имъ и другія, болѣе крупныя вещи; такъ, къ этому именно времени относится начало его романа «Бахаракскій Раввинъ», которое, къ сожалѣнію, такъ и осталось только началомъ.

Но все это дѣлалось въ тѣ часы, которые поэтъ могъ урывать у себя отъ обязательныхъ юридическихъ занятій. Время экзамена приближалось. Весною 1825 г. это важное событіе совершилось, экзаменъ былъ съ грѣхомъ пополамъ выдержанъ, и 20 іюля, послѣ защиты диссертациі, авторъ «Алманзора» и «Ратклиффа» былъ возведенъ геттингенскимъ университетскимъ совѣтомъ въ степень доктора юридическихъ наукъ (третьяго разряда). Но ровно за мѣсяць до этого произошло другое событіе — гораздо болѣе важное, одно изъ тѣхъ въ жизни Гейне, предъ которымъ съ глубокимъ изумленіемъ, и притомъ изумленіемъ не особенно пріятнаго характера, останавливается биографъ—одно изъ тѣхъ, гдѣ противорѣчивость въ натурѣ и характерѣ Гейне, странная шаткость многихъ мнѣній его и взглядовъ является въ полномъ блескѣ, если умѣстно здѣсь слово

блескъ. Мы говоримъ о переходѣ его въ христіанство, и именно въ лютеранское исповѣданіе, совершившемся 28 іюня 1825 г. Тотъ самый человѣкъ, который еще недавно и письменно, и словесно, и въ печатныхъ произведеніяхъ («Алманзоръ») громилъ евреевъ, перемѣнявшихъ изъ-за личныхъ выгодъ религію; который за годъ до того писалъ своему другу Мозеру: «я считалъ бы ниже своего достоинства и пятномъ для своей чести, если бы позволялъ себѣ vykреститься только для того, чтобы получить должность въ Пруссіи» — этотъ самый человѣкъ крестился исключительно съ этою практическою цѣлью, потому что видѣлъ невозможность добиться чего-нибудь «служебнаго», т. е. болѣе или менѣе прочно обезпечивающаго существованіе, безъ перехода въ христіанство. Слабыми, не выдерживающими строгой моральной и логической критики, представляются намъ ссылки поэта въ этомъ случаѣ на то, что «метрическое свидѣтельство о крещеніи представляетъ собою билетъ для входа въ европейскую культуру», т. е. другими словами, что крестится онъ для того, чтобы вступить въ эту, закрытую для его единовѣрцевъ, культурную область; несостоятельнымъ находимъ мы и объясненіе, что нѣтъ у него достаточно силъ для того, чтобы слушать, какъ его называютъ и будутъ называть жидомъ, и т. п.; натянутымъ кажется намъ и замѣчаніе одного изъ его біографовъ, что «независимо отъ личной выгоды, которую надѣялся приобрести Гейне переходомъ въ христіанство, онъ сдѣлалъ этотъ шагъ еще потому, что позналъ, будто культура и литература его времени—христіанскія, и притомъ протестантски-христіанскія, и чувствовалъ себя сыномъ и апостоломъ ихъ». Такая личность, какъ Гейне, не нуждалась ни въ какомъ «билетѣ для входа» въ ту культуру, гдѣ ему самому суждено было сдѣлаться не простымъ участникомъ общаго движенія, а мощнымъ руководителемъ его, сознаніе чего притомъ было сильно въ немъ уже въ эти ранніе годы; такой личности, какъ Гейне, который, сверхъ того, постоянно заявлялъ о своемъ презрѣніи къ «черни», къ массѣ, нечего было и бояться вздорныхъ насмѣшекъ надъ его «жидовствомъ», которыя исходили бы только отъ невѣжественнаго, обскурантнаго меньшинства, и ужъ нисколько

не мѣшали бы ему быть «сыномъ и апостоломъ» христіанской культуры, какъ выразился о немъ—и совершенно справедливо—только-что упомянутый биографъ. Гораздо проще и искреннѣе, къ сожалѣнію, то объясненіе, которое давалъ выкрестившійся Гейне, когда писалъ своему другу Мозеру: «Я очень хорошо понимаю слова псалмопѣвца: «Господи! Давай мнѣ насущный хлѣбъ, дабы я не позорилъ Твое святое Имя!»! Весьма фатально, что во мнѣ весь человѣкъ управляется бюджетомъ! На мои принципы отсутствіе или изобиліе денегъ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія, но на мои поступки оно вліяетъ тѣмъ сильнѣе. Да, великій Мозеръ, Генрихъ Гейне очень малъ... Это не шутка, это мое серьезнѣйшее, исполненное самаго сильнаго негодованія, убѣжденіе. Не могу достаточно часто повторять тебѣ это, чтобы ты не мѣрлялъ меня масштабомъ твоей собственной великой Души. Моя душа—гуммиластиковая, она часто растягивается до безконечности, и часто стягивается до крошечныхъ размѣровъ».. Столько же искренняго и горькаго самобичеванія въ юмористическихъ словахъ другого письма тому же Мозеру: «Мнѣ было бы очень прискорбно, если бы мое свидѣтельство о крещеніи могло представиться тебѣ въ благопріятномъ свѣтѣ. Увѣряю тебя, что будь законами дозволено красть серебряныя ложки, я бы не выкрестился»... Правда, у насъ есть несомнѣнные доказательства — и со стороны самаго поэта, и со стороны другихъ, — что этотъ шагъ былъ сдѣланъ имъ послѣ долговременной и тяжелой внутренней борьбы; но тѣмъ не менѣе, онъ былъ сдѣланъ — и это безъ малѣйшаго внутренняго убѣжденія или духовнаго побужденія (при существованіи которыхъ мы, конечно, не стали бы обвинять его), а исключительно въ соображеніяхъ практическаго свойства. Но и тутъ возникаетъ вопросъ: да для чего же было Гейне, съ тѣми литературными сокровищами, которые онъ носилъ въ себѣ, задумываться о приобрѣтеніи себѣ прочнаго служебнаго положенія? Какъ могъ онъ, едва только вступившій на литературную дорогу и вступившій на нее такъ блистательно, уже теперь предвидѣть, что она не дастъ ему достаточныхъ средствъ къ существованію, и предусмотрительно стараться замѣнить ихъ другими?

Такъ или иначе, а первое вступленіе нашего поэта на житейскій путь уже самостоятельнымъ человѣкомъ сопровождалось такъ называемымъ фальшивымъ шагомъ, въ которомъ ему, впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, пришлось скоро раскаяться — раскаяться и по тяжелымъ внутреннимъ ощущеніямъ, вызваннымъ въ немъ этимъ поступкомъ, и въ виду непрактичности его. Что касается до первыхъ, то онъ, конечно, былъ вполне искрененъ, когда писалъ, что въ душѣ его «вновь возгорѣлась междуусобная война, все чувства возмущены — за меня, противъ меня, противъ всего свѣта...» А въ непрактичности своего поступка — по крайней мѣрѣ, покамѣсть, — начиналъ онъ убѣждаться уже теперь, судя по такимъ, напримѣръ, словамъ въ одномъ изъ его писемъ: «Не глупо ли? Едва я vykрестился, меня ругаютъ, какъ еврея... Я ненавижу теперь одинаково евреями и христіанами. Очень раскаиваюсь, что vykрестился. мнѣ отъ этого не только не стало лучше жить, но напротивъ того, съ тѣхъ поръ нѣтъ у меня ничего, кромѣ непріятностей и несчастія». И это убѣжденіе въ томъ, что и съ практической стороны онъ ошибся, еще болѣе раздражало его.

IV.

Черезъ мѣсяць по окончаніи курса мы находимъ Гейне въ Пордернеѣ, куда онъ, благодаря поддержкѣ дяди, поѣхалъ для укрѣпленія здоровья, и если мы упоминаемъ объ этой поѣздкѣ, нисколько не важной въ фактическомъ отношеніи, то потому, что она еще болѣе сблизила поэта съ моремъ и дала ему новый матеріалъ для поэтическаго творчества. Здѣсь волны, «журча, рассказывали поэту много чудныхъ повѣстей, лепетали много словъ, съ которыми связаны дорогія воспоминанія, много именъ, отзывающихся сладостнымъ предчувствіемъ въ сердца»; здѣсь слышалъ онъ разныя морскія преданія и легенды, которыми потомъ чудесно воспользовался въ своихъ стихахъ; отсюда писалъ онъ такія, напримѣръ, строки: «часто мнѣ думается, что море — сама душа моя; и какъ въ морѣ есть скрытыя водяныя растенія, которыя лишь въ минуту расцвѣтанья всплываютъ на его поверхность и въ минуту отцвѣтанья опять погружаются на

дно, такъ порой и изъ глубины души моей всплываютъ чудныя цвѣты, и благоухаютъ, и блещутъ, и снова исчезаютъ»; тутъ создавались и восторженные гимны морю, и необычайно-сильныя картины бури, и пѣсни любви, въ которыхъ говорилъ поэтъ о сродствѣ между его сердцемъ и этимъ необъятнымъ моремъ съ раскинувшимся надъ нимъ необъятнымъ небомъ, и звуки міровой скорби юности, который, стоя на пустынномъ берегу, съ тревогой въ груди, съ сомнѣниемъ въ голосъ, мрачно говорить волнамъ: «О, разрѣшите мнѣ, волны, загадку жизни—древнюю, полную муки загадку!.....» И многое еще, или находившееся въ непосредственной связи съ окружающею поэта природою, или выражавшее другія впечатлѣнія, другія чувства, другія мысли — только все на фонѣ этого моря, этого неба, этой грандіозной пустыни...

Пребываніе поэта въ такой обстановкѣ было, однако, недолговременное; она очень скоро смѣнилась ненавистнымъ для него Гамбургомъ. Сюда поѣхалъ онъ, чтобы вступить на «практическую» житейскую дорогу, которая все продолжала ему казаться необходимою для его существованія, здѣсь провѣдилъ онъ день за днемъ, мѣсяць за мѣсяцемъ; несмотря на ненавистную ему гамбургскую обстановку вообще и на непріятности, которыя, судя по крайней мѣрѣ по его же письмамъ, окружали его лично со всѣхъ сторонъ и состояли все въ томъ же «проклятомъ» денежномъ вопросѣ. Благодаря этому-то послѣднему, онъ и сидѣлъ въ гамбургской грязи — вслѣдствіе чего мы относимся довольно холодно къ тѣмъ жалобамъ и іереміадамъ, которыми наполнены относящіяся именно къ этому времени письма его: нельзя намъ скорбѣть, когда такой человекъ, какъ Гейне, въ самомъ расцвѣтѣ своего таланта, переноситъ разныя униженія, играетъ плачевную роль нуждающагося просителя, несмотря на выказываемую гордость, сердится и стонетъ — вмѣсто того, чтобы съ дѣйствительною гордостью, дѣйствительнымъ, а не словеснымъ только и письменнымъ презрѣніемъ кипуть все это и уйти, и жить хоть кое-какъ, хоть въ нуждѣ, но собственными ресурсами, ресурсами своего ума, своего гениальнаго таланта, своихъ знаній. Если скорбимъ мы

въ этомъ случаѣ, то отъ другой причины: оттого, что здѣсь предъ нами примѣръ, далеко не первый и далеко не послѣдній—присутствія странныхъ, nepocтнжнмо мелочныхъ и печальныхъ чертъ на ряду съ самыми высокими проявленіями челоѳѣческаго духа. Непрнятности, о которыхъ идетъ рѣчь, состояли въ противодѣствняхъ, оказывавшихся враждебными ему по разнымъ причинамъ людьми, его стараніямъ добыть себѣ возможно большее обезпеченіе со стороны богатаго дяди — что и составляло главную цѣль его пребыванія въ Гамбургѣ. Если вѣрнть его собственнымъ показаніямъ, эти люди, между которыми были и близкіе его родственники, всячески клеветали на него теперь, какъ и прежде, предъ старымъ миллионеромъ, выставляли его въ глазахъ Соломона не только лѣтяемъ, но и пьяницей, игрокомъ, развратникомъ, для чего, впрочемъ, они находили себѣ основаніе въ тѣхъ далеко не нравственныхъ наслажденіяхъ, которыми не переставалъ предаваться чувственный поэтъ. И, повидимому, наущенія ихъ не отталкивались съ презрѣніемъ и недоѳрнємъ, а напротивъ того: «въ домѣ моего дяди, — писалъ Гейне, — самые заклятые враги моеї славы пользовались всегда радушнымъ прнѣмомъ; тутъ искони господствовала *agla cattiva*, отравлявшая мое доброе имя, и всякую тварь, которая грызла это имя, встрѣчали здѣсь какъ нельзя болѣе ласково»...

Какъ всегда, однако, Гейне искупалъ, ступшевывая болѣе или менѣе неблаговидныя, мелочныя стороны въ своемъ личномъ характерѣ и образѣ дѣйствій тоже болѣе или менѣе великими—поэтическими подвигами. Такъ было и теперь. Въ томъ самомъ 1826 г., когда мы видимъ его въ такомъ странномъ и незавидномъ свѣтѣ въ Гамбургѣ, выпускаетъ онъ первый томъ своихъ «Путевыхъ Картинъ», заключавшій въ себѣ «Путешествіе на Гарцъ», циклъ стихотвореній «Возвращеніе на родину» (*Die Heimkehr*), первую часть цикла «Сѣверное Море» и нѣсколько отдѣльныхъ стихотвореній. Почти все это уже появлялось въ журналахъ, но теперь многое вышло совѣмъ въ переработанномъ видѣ. Невеликъ былъ гонораръ, полученный авторомъ отъ издателя Кампе—издателя еще самаго образованнаго и щедраго въ ту пору: всего 50 лундоровъ за первое и всѣ послѣдующія

изданія! Но тѣмъ сильнѣе было дѣйствіе, произведенное на читателя новою книгою, особенно «Путешествіемъ на Гарць». Такой высокой поэзіи въ формѣ прозы, такого блестящаго и оригинальнаго стиля, такого соединенія вдохновенной лирики, вызывающаго неудержимый смѣхъ юмора, безпощадной сатиры на лица и вещи, сатиры, сила которой увеличивалась истинно необычайнымъ остроуміемъ, такого слитія во едино ума и сердца, фантазіи и реализма въ самомъ букввальномъ значеніи этого слова, жизнерадостнаго чувства и міровой скорби — всего этого еще никогда не видѣла нѣмецкая читающая публика, да не только она — скажемъ смѣло — но и вообще европейская. А на ряду съ этими страницами стояли чудныя картины «Сѣвернаго Моря», байронически-гейневскіе звуки такихъ стихотвореній, какъ «Сумерки Боговъ», или «Ратклиффъ», сокровища чистѣйшей лирики въ циклѣ «Возвращеніе на родину»... И если самые серьезные критики-эстетики, находя, правда, въ многихъ изъ этихъ произведеній рѣзкое нарушеніе чисто эстетическихъ законовъ, тоже невольно поддавались обаянію этой поэтической оригинальности и новизны, то какое же дѣйствіе должна была производить эта книга на массу читателей, особенно на молодое поколѣніе? Независимо отъ достоинствъ чисто поэтическихъ, пульсъ современной жизни, пульсъ девятнадцатаго вѣка такъ сильно бился въ каждомъ словѣ молодого поэта, что нисколько не удивительно, если онъ сразу сдѣлался знаменосцемъ и герольдомъ новаго поклѣнія и если будущая «Молодая Германія» уже теперь начинала примыкать къ нему. Но именно поэтому, въ соединеніи съ личною и общественною сатирою «Путевыхъ Картинъ», книга заставила забыть тревогу въ противоположномъ лагерѣ. Прежде всѣхъ откликнулся жестоко заклейменный здѣсь, снискавшій этимъ себѣ безсмертіе Геттингенъ: «Путевыя Картины» были запрещены въ немъ, за нимъ послѣдовали и многіе другіе города Германіи, ибо сатира задѣвала далеко не однихъ геттингенцевъ. Не было недостатка и въ частныхъ преслѣдованіяхъ и нападеніяхъ, со стороны какъ литературныхъ завистниковъ или ограниченно близорукихъ критиковъ, такъ и людей, которые узнавали себя — основательно или неосновательно — въ нѣ-

которыхъ личностяхъ, выведенныхъ авторомъ. При подозрительности, которою всегда страдаетъ Гейне, благодаря своей всегда раздраженной, всегда впечатлительной фантазій; при его уже теперь значительной, а потомъ принявшей сильныя размѣры, склонности видѣть всюду тамъ, гдѣ ихъ не было, враговъ, тайныя козни преслѣдователей, и т. п. — при всѣхъ этихъ условіяхъ неудивительно, что все мало-мальски враждебное въ настоящемъ случаѣ, т. е. послѣ появленія его книги, дѣйствовало на него раздражающимъ, волнующимъ, даже пугающимъ образомъ. Уже извѣстное намъ свойство его — обращать узко личныя и часто мелкія невзгоды въ поводы къ взрыву тяжелыхъ чувствъ и ощущеній болѣе глубокаго свойства, — было причиною того, что и въ настоящемъ случаѣ онъ опять пришелъ къ рѣшенію оставить отечество, стараясь увѣрить себя и другихъ, что въ этомъ рѣшеніи играли главную роль «не только страсть къ блужданію по свѣту, сколько мучительныя личныя обстоятельства, напримѣръ ничѣмъ, не смывасное сврейнство»... Ъхать онъ хотѣлъ и теперь туда, куда постоянно тянуло его, т. е. въ Парижъ, причѣмъ цѣлью его было, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, «въ Парижъ ходить въ библіотеки, видѣть свѣтъ и людей и собирать матеріалы для книги, которая будетъ европейской книгой». Правда, что это не мѣшало ему почти въ то же время продолжать искать службы въ томъ же «пѣмецкомъ отечествѣ», хотя, какъ смягчающее обстоятельство, надо принять во вниманіе то, что добивался онъ профессуры въ берлинскомъ университетѣ и даже надѣялся на осуществленіе своихъ хлопотъ въ то же самое время, какъ совершалъ новый литературный «подвигъ» — и притомъ такой, который закрывалъ для него, еще больше, чѣмъ прежде, всякіе служебные пути. Мы говоримъ о второмъ томѣ «Путевыхъ Картинъ», цѣль изданія котораго авторъ такъ объяснялъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Варнгагену: «Въ это вялое, рабское время надо было чему-нибудь совершиться. Я съ своей стороны сдѣлалъ свое — и стыжусь тѣхъ жестокосердечныхъ друзей моихъ, которые хотѣли сдѣлать такъ много и теперь молчатъ. Когда войско въ полномъ сборѣ, тогда и самые трусливые рекруты очень бодры и храбры; по

петинную отвагу обнаруживает тотъ, кто стоитъ на полѣ битвы одинъ». А въ предисловіи къ французскому переводу «Путевыхъ Картинъ», уже въ 1834 г., находимъ такіа объяснительныя строки: «Эта книга, за исключеніемъ нѣсколькихъ страницъ, написана до іюльской революціи. Въ то время политическій гнетъ сковалъ всю Германію безмолвіемъ; умы впали въ летаргію отъ отчаянія, и если кто отваживался тогда говорить, то долженъ былъ выражаться тѣмъ страстнѣе, чѣмъ сильнѣе онъ отчаявался въ побѣдѣ свободы и чѣмъ озлобленнѣе выступала противъ него враждебная партія»... Второй томъ заключаетъ въ себѣ остальные части цикла «Сѣверное Море» и «Книгу Ле-Гранъ»; и имѣя главнымъ образомъ въ виду эту послѣднюю, авторъ уже до появленія ея заявлялъ, что въ ней высказывались великіе міровые интересы. «Ты увидишь, — писалъ онъ другу, — *le petit homme vit encoqe*. Наполеонъ и французская революція стоятъ тамъ во весь ростъ»... Этими словами дѣйствительно почти исчерпывалось политическое содержаніе и значеніе «Книги Ле-Гранъ», находя себѣ неподражаемое въ поэтическомъ отношеніи дополненіе въ остальныхъ ея страницахъ.

Этотъ второй томъ «Путевыхъ Картинъ» — какъ проза, такъ и стихи — произвелъ на читающую публику и на критику еще болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ первый, и, само собой разумѣется, въ двухъ видахъ: между тѣмъ какъ одни прославляли «необыкновенную смѣлость, даже геройскую отвагу», которую проявилъ здѣсь авторъ, выступившій противъ испорченнаго дворянства, клерикаловъ и общаго лицемерія этой эпохи, другіе или изливали свое негодованіе по поводу поправленія авторомъ всѣхъ традиціонныхъ законовъ эстетики, или обвиняли его въ отсутствіи патріотизма и національнаго чувства, сказавшемся какъ въ сатирѣ на нѣмцевъ; такъ и въ возвеличеніи Наполеона (истинный смыслъ чего ускользалъ отъ этихъ близорукыхъ людей) и французской революціи.

Давно уже, при мертвенности и затхлости современной нѣмецкой литературы, книга не вызывала такого волненія во всѣхъ лагеряхъ. «Много, много шуму производитъ ваша книга, — писалъ Варнгагенъ къ Гейне, — но читатели въ недоумѣніи и

колебаніи: они не зпають, не слѣдуютъ ли имъ держать ощущаемое ими удовольствіе втайнѣ, а гласно отрицать его; даже друзья ваши страшно-добродѣтельно притворяются жаждущими порядка и миролюбивыми учеными и гражданами; однимъ словомъ, страха ради рабскаго все предается порицанію». Этотъ «рабскій страхъ» былъ вызванъ положеніемъ, которое приняло нѣмецкое правительство относительно второго тома «Путевыхъ Картинъ»: теперь дѣло не ограничилось уже Геттингеномъ и нѣсколькими другими нѣмецкими городами: книга подвергнулась запрещенію въ Ганноверѣ, Пруссіи, Австріи, Мекленбургѣ и большинствѣ мелкихъ государствъ; да и самая личность поэта была, повидимому, признана въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не безопасною для государственнаго порядка (!).

Въ виду такого необычнаго дѣйствія книги, Гейне, какъ по убѣжденію, такъ и по тщеславному славолюбію, т. е. по тѣмъ стимуламъ, которые были одинаково сильны въ немъ, почувствовалъ себя призваннымъ къ роли не поэта, для котораго дороги также и интересы чистаго искусства, а писателя политическаго. «Этимъ сочиненіемъ—писалъ онъ другу,—я приобрѣлъ себѣ въ Германіи множество приверженцевъ и громадную популярность; если буду здоровъ, то могу теперь сдѣлать много; у меня теперь далеко разносящійся голосъ. Ты еще часто услышишь его гремящимъ противъ палачей мысли и похитателей священнѣйшихъ правъ. Я получу совершенно экстраординарную профессуру въ университетѣ высокихъ умовъ»...

Но въ то же время личная безопасность благоразумно требовала принятія мѣръ предосторожности, и поэтому Гейне, тотчасъ по выпускѣ второго тома, поѣхалъ на время въ Лондонъ; чтобы тамъ выждать, какіе фактическіе результаты повлечетъ за собою это изданіе. «Не боязнъ заставила меня уѣхать,—писалъ онъ,—а просто законъ благоразумія, совѣтующій каждому ничѣмъ не рисковать тамъ, гдѣ нельзя ничего выиграть». Но въ Англію влекло его еще другое существенное обстоятельство, ему хотѣлось лично ознакомиться съ государственною жизнью; имѣющею вполне парламентскій характеръ, съ свободными, въ полномъ смыслѣ этого слова, политическими учрежденіями, съ

такими великими на этомъ поприщѣ дѣятелями, какъ Георгъ Кайннигъ, со всѣмъ тѣмъ, однимъ словомъ, чего не находилъ онъ въ Германіи. И если, какъ видно изъ его «Отрывковъ объ Англіи», Англія вселяла ему отвращеніе, какъ поэту, то вызывала сго глубокое, иногда даже восторженное сочувствіе въ другомъ, политическомъ и социальномъ отношеніи.

Изъ Англіи, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Нордерфеѣ, поэтъ вернулся опять въ Гамбургъ. Тутъ онъ выпустилъ въ свѣтъ полное собраніе написанныхъ имъ до тѣхъ поръ и въ значительномъ числѣ уже бывшихъ въ печати стихотвореній подъ общимъ заглавіемъ «Книга Пѣсень», и за это изданіе, въ количествѣ десяти тысячъ экземпляровъ, да сверхъ того еще съ уступкой права на всѣ послѣдующія, авторъ имѣлъ удовольствіе получить всего пятьдесятъ лундоровъ!.. При такихъ денежныхъ ресурсахъ, къ которымъ, правда, присоединялись и скудныя субсидіи дяди, естественно, что нашъ поэтъ принялъ сѣбянное ему извѣстнымъ издателемъ, барономъ Котта, предложеніе переѣхать въ Мюнхенъ и тамъ принять на себя редакцію газеты «Politische Annalen», т. е. дѣло, для котораго онъ пригоденъ былъ менѣе, чѣмъ для чего-либо. Кромѣ чисто денежныхъ соображеній, въ согласіи поэта и въ настоящемъ случаѣ играло роль еще одно обстоятельство такого же матеріальнаго свойства—именно, продолжавшееся неосуществленіе все еще налетавшаго отъ времени до времени желанія поступить на прусскую государственную службу; но къ этому присоединилась причина и болѣе, такъ сказать, внутренняя: перспектива увидѣть себя въ той роли либеральнаго публициста, народнаго трибуна, герольда общественнаго мнѣнія, въ которую онъ уже отчасти вошелъ, благодаря нѣсколькимъ страницамъ «Книги Лес-Гранъ», и блистательный успѣхъ которой побуждалъ его смѣнить ею роль поэта-художника. Въ октябрѣ 1827 г. отправился онъ въ Мюнхенъ, и за все полугодное время своего редакторства и одновременнаго съ этимъ участія въ двухъ другихъ періодическихъ изданіяхъ того же Котты, написалъ здѣсь только часть «Отрывковъ объ Англіи», одну критическую статью и одну театральную рецензію, причемъ тутъ же сказалась не-

пригодность его для такого дѣла, какъ редактированіе политической газеты—непригодность, въ которой сознавался и самъ Гейне въ это время, ссылаясь на отсуствіе у него политическихъ познаній, на свою стилистическую манеру, не соответствующую требованіямъ чисто политической газетной статьи и т. п. Слѣдовало ему сослаться и на причину болѣе существенную: шаткость его политическихъ взглядовъ; и на свою крайнюю субъективность, въ настоящемъ случаѣ совѣтъ неумѣстную; наконецъ, не мѣшало бы ему сознаться и въ томъ нелестномъ для него обстоятельстве, что въ то самое время, когда онъ, опредѣляя *направленіе* своей газеты, писалъ Варнгагену: «я еще молодъ, у меня нѣтъ еще голодающихъ жены и дѣтей, поэтому я еще буду говорить свободно»—въ то же самое время онъ не переставалъ заботиться и хлопотать о полученіи мѣста въ государственной службѣ, хорошо зная, что ужъ тогда говорить «свободно», т. е. свободно по-гейневски, будетъ немыслимо. Правда, что предметомъ этихъ искательствъ была попрежнему университетская кафедра, но это «смягчающее обстоятельство» уничтожалось страннымъ и даже неблаговиднымъ образомъ дѣйствій: потерявъ надежду на полученіе должности въ Пруссіи, онъ направилъ свои искательства въ сторону баварскаго правительства, повелъ газету въ умѣренномъ тонѣ, сталъ избѣгать почти всѣхъ мало-мальски важныхъ и щекотливыхъ вопросовъ внутренней политики и просилъ барона Котту, когда тотъ увидится съ баварскимъ королемъ, «обратить вниманіе его величества на то, что авторъ «Путевыхъ Картинъ» сдѣлался теперь гораздо кротче, лучше и, можетъ-быть, даже совѣтъ иной, чѣмъ въ своихъ прежнихъ произведеніяхъ». «Я надѣюсь, — говоритъ онъ въ томъ же письмѣ, — что король достаточно мудръ для того, чтобы судить о клинкѣ меча по его остротѣ въ данную минуту, а не по тому хорошему или дурному употребленію, которое дѣлали изъ него въ прошедшее время»...

Когда читаешь такія вещи и воспоминаешь, что всего за годъ до этого тотъ же самый Гейне выпустилъ въ свѣтъ второй томъ своихъ «Путевыхъ Картинъ» и уже носилъ въ головѣ многое изъ того, что должно было скоро составить содержаніе

третьяго тома, гораздо болѣе «зажигательнаго», чѣмъ предыдущій—когда стояшь въ виду такихъ непостижимо противорѣчныхъ обстоятельствъ, то, кромѣ многихъ другихъ вопросовъ, задаешь себѣ и такой: не происходило ли все это, какъ у Байрона, просто отъ желанія мистифицировать, дурачить людей велѣдствіе презрѣнія къ нимъ, или не игралъ ли Гейне въ этихъ случаяхъ комедію, чтобы, притворившись раскаявшимся и до извѣстной степени благонамѣреннымъ, добиться, наконецъ, этимъ. путемъ доступа въ университетъ, а ужъ тамъ, съ кафедръ начать бы говорить то, что считалъ онъ своимъ долгомъ пропагандировать въ публикѣ. Но во-первыхъ, печатное слово доставляло ему аудиторію гораздо многочисленнѣе той, которую онъ нашель бы, взойдя на университетскую кафедру; и во-вторыхъ, не могъ же онъ не понимать, что всякое нѣмецкое правительство видѣло его насквозь и не подалось бы на его удочку, а если бы и подалось, то очень скоро удостовѣрилось бы въ своей ошибкѣ и послѣшило бы освободиться отъ неудобнаго профессора. И вотъ въ виду такихъ возраженій самому себѣ, въ виду также и трудности приписать эти служебныя искательства впечатлѣнію минуты, временному капризу, такъ какъ они обратились уже въ нѣчто постоянное, послѣдовательное, въ виду всего вышесказаннаго приходится объяснять эти, не въ пользу Гейне, какъ человѣка, говоряція обстоятельства, или непостижимымъ совмѣщеніемъ въ его натурѣ самыхъ вопіющихъ противорѣчій и противоположностей, или просто обыкновеннымъ, свойственнымъ всякому ординарному смертному желаніемъ получше и по-солиднѣе устроить свое житейское положеніе. Хочется остановиться на первомъ объясненіи; оно, правда, построено болѣе на теоретическомъ основаніи, но за то въ опору его являются многія вѣскія обстоятельства.

Дѣятельность Гейне на поприщѣ политической публицистики продолжалась на этотъ разъ очень недолго, какъ мы уже упоминали, всего полгода; но что публицистическая дѣятельность представлялась ему и теперь весьма важною и необходимою для Германіи, это видно изъ слѣдующихъ словъ его письма къ другу, когда, скоро послѣ отъѣзда своего изъ Мюнхена, онъ

услышалъ, что баронъ Котта задумалъ новое періодическое изданіе на широкихъ основаніяхъ: «Мое единственное желаніе,— говоритъ онъ,— заключается только въ томъ, чтобы существовала газета для либеральнаго образа мыслей, который въ Германіи имѣтъ мало пригодныхъ органовъ... Настоящее время—время идейной борьбы, и газеты—наши крѣпости. Я обыкновенно лѣнивъ и безпеченъ, но гдѣ, какъ въ настоящемъ случаѣ, дѣло касается содѣйствія общимъ интересамъ, тамъ никогда не найдутъ меня отсутствующимъ»...

Редактированіе «Politische Appalen», которое не прибавило ровно ничего ни къ славѣ, ни къ ущербу Гейне, онъ оставилъ одновременно съ прекращеніемъ этой газеты, и такъ какъ, само собой разумѣется, изъ его хлопотъ о поступленіи на баварскую службу ничего не вышло, то почти немедленно послѣ того онъ отправился въ составлявшее давнишній предметъ его желаній путешествіе по Италіи, посѣтилъ Верону, Бресшію, Миланъ, Ливорно, Лукку и Венецію, всюду конечно наслаждался памятниками искусства, наблюдалъ печальное существованіе бѣдной Италіи, стонавшей въ то время подъ чужеземнымъ игомъ, и въ то же самое время усердно занимался—прекрасными итальянками. Но отъ чувственныхъ и духовныхъ наслажденій, отъ наблюденій надъ политическою и общественною жизнью Италіи оторвало Гейне семейное событіе—смерть отца его. Получивъ въ Италіи извѣстіе о тяжелой болѣзни старика, онъ поспѣшилъ въ Гамбургъ, но не засталъ уже его въ живыхъ; здѣсь пробылъ онъ короткое время съ грустившею и находившеюся также матеріально въ плачевномъ положеніи матерью, оплакивая вмѣстѣ съ нею потерю дорогаго для нихъ человѣка, а затѣмъ, сильно разстроенный, раздраженный, озлобленный, какъ это бывало съ нимъ даже при малѣйшей непріятности, пріѣхалъ въ Берлинъ. Скоро послѣ того вышелъ въ свѣтъ третій томъ «Путевыхъ Картинъ», заключающій въ себѣ «Путешествіе отъ Мюнхена до Генуи» и «Луккскія Воды». Уже въ Италіи работалъ онъ надъ этимъ сочиненіемъ и, сообщая изъ Лукки Мозеру о предстоящемъ появленіи его въ печати, писалъ: «Въ Мюнхенѣ думаютъ, что я не буду уже больше выступать противъ

дворянства, потому что живу здѣсь въ фойе знати и люблю прелестнѣйшихъ аристократокъ, равно какъ и любимъ ими. Но они ошибаются. Моя любовь къ человѣческому равенству, моя ненависть къ клерикализму никогда не была сильнѣе, чѣмъ въ настоящее время, и чрезъ это я становлюсь почти одностороннимъ. Но вѣдь именно когда человѣкъ хочетъ дѣйствовать, онъ долженъ быть одностороненъ»...

Насколько оправдались эти слова въ третьемъ томѣ «Путевыхъ Картинъ», доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что книга, немедленно послѣ появленія ея, была запрещена въ Пруссіи, и авторъ считалъ свою собственную личность въ такой мѣрѣ не безопасною, что не рѣшился оставаться въ Берлинѣ, а на время уѣхалъ въ Гамбургъ. Сатира политическая въ этомъ сочиненіи опять, какъ и прежде, появилась, отчасти по цензурнымъ соображеніямъ, отчасти по общей манерѣ Гейне, на фойѣ или въ рамкѣ юмористическихъ и сатирическихъ изображеній чисто частнаго характера, причемъ несравненное остроуміе поэта представилось въ новомъ блескѣ при созданіи такихъ, напиримѣръ, безсмертныхъ типовъ, какъ маркизь Гумпелино и его слуга Гиацинтъ. Но и здѣсь читатели встрѣтились и съ новою особенностью автора «Путевыхъ Картинъ», не особенно рекомендующею его съ хорошей стороны, именно, переходившею всякія границы мстительностью въ тѣхъ случаяхъ, когда его лично слишкомъ сильно задѣвали за живое; мы говоримъ о его выходкѣ противъ гр. Платена, выходкѣ гдѣ литературное нападеніе обратилось въ настоящій пасквиль, утративъ, понятно, вслѣдствіе этого значительную часть своего дѣйствія въ глазахъ серьезныхъ и порядочныхъ людей.

Выше сказано, что боязнь за личную безопасность не позволяла автору третьяго тома «Путевыхъ Картинъ» оставаться въ Берлинѣ, и что онъ поэтому на время поселился въ Гамбургъ, гдѣ жила и овдовѣвшая мать его. Для поправленія здоровья, рѣдко приходившаго въ удовлетворительное состояніе, ѣздилъ онъ опять на Гельголандъ, тамъ отдыхалъ и физически и нравственно на берегу своего млага моря и писалъ отсюда: «Море родственная мнѣ стихія, и уже одинъ видъ ея производитъ на

меня цѣлительное дѣйствіе... Я желалъ бы, чтобъ ты видѣлъ море; быть-можетъ, тогда тебѣ стало бы понятно то сладострастное, упительное чувство, которое порождаетъ во мнѣ всякая волна. Я рыба съ горячею кровью и говорливымъ ртомъ; на сушѣ я себя чувствую, какъ рыба на сушѣ»...

Пребываніе его въ Гельголандѣ совпало со взрывомъ іюльской революціи 1830 г. въ Парижѣ. Полученное имъ здѣсь извѣстіе объ этомъ событіи подѣйствовало на него также сильно и обаятельно, какъ на всѣхъ единомышленниковъ его и въ Германіи, и въ другихъ странахъ Европы. Оно представилось ему среди «царствовавшего всюду глухого спокойствія», «пронзившею небо молніею съ громовыми раскатами и такимъ страшнымъ трескомъ, какъ будто наступалъ конецъ свѣта»,—и его письма съ Гельголанда (напечатанныя отчасти въ «Книгѣ о Берне», отчасти въ собраніи его писемъ) суть ничто иное, какъ восторженные лирическіе гимны «сына революціи», какимъ онъ называлъ здѣсь себя, требуя «цвѣтовъ! цвѣтовъ!» чтобы увѣнчать ими голову, и «лиру, чтобы запѣть боевую пѣсню!». Возвращеніе въ Гамбургъ и столкновеніе съ современною нѣмецкою дѣйствительностью, съ такими явленіями, напримѣръ, какъ совершившійся въ это время въ Гамбургѣ еврейскій «погромъ» отрезвили поэта, но тѣмъ сильнѣе раздражили сатирика-публициста, и въ этомъ настроеніи онъ выпустилъ въ свѣтъ свою новую книгу «Дополненія къ Путевымъ Картинамъ» (*Nachträge zu den Reisebildern*), часть которой была написана уже нѣсколько раньше. Здѣсь развивалась тѣ же идеи, что и въ прежнихъ сочиненіяхъ,— только теперь, по справедливому замѣчанью Штротмана, «тонъ книги показалъ, что, подобно самой этой эпохѣ, Гейне, стремившійся понять ея жизнь въ самомъ глубокомъ значеніи, сдѣлался, благодаря іюльской революціи, серьезнѣе и сталъ внимательнѣе заниматься великими современными вопросами, которыхъ онъ въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ большею частью касался только поверхностно и со смѣлымъ любопытствомъ». Почти къ тому же времени относится очень рѣзкая и энергическая брошюра его «Кальдорфъ о дворянствѣ», и такимъ образомъ политическій интересъ все болѣе и болѣе вторгался въ

гворчество поэта, отодвигая на задній планъ собственно поэтическую производительность, а одно время и почти совсѣмъ прекративши ее. Но что чисто поэтической родникъ далеко не иссякъ въ сердцѣ Гейне, что въ немъ оставались живы во всей ихъ неприкосновенности тѣ самыя струны, съ которыхъ слетали звуки «Лирическаго Интермеццо»—это ясно доказалъ напечатанный въ 1830 г. сборникъ прелестныхъ стихотвореній подъ заглавіемъ «Новая Весна» (Neuer Frühling), гдѣ любовь, теплая вѣра, глубокая задумчивость, тихій юморъ съ проблесками тутъ и тамъ міровой скорби снова нашли себѣ въ нашемъ поэтѣ гениальнаго выразителя. Но за этими стихотвореніями должно было послѣдовать долгое молчаніе Гейне, какъ поэта вообще, и совершенное исчезновеніе его съ попріица такой пменно поэзии, какая явилась передъ читателемъ въ «Новой Веснѣ». Эти стихи очень хорошо сравнилъ одинъ критикъ съ послѣднимъ нѣжнымъ прощаньемъ поэта съ музою его юности, въ испугѣ убѣгавшею отъ боевого шума современной жизни, убѣгавшею теперь, когда періодъ чистаго искусства отживалъ свое время, революція вступала въ умы и сердца писателей новой эпохи, и какъ эти писатели, такъ и ихъ публика стали питать отвращеніе къ строго замкнутой художественной формѣ стихотворной рѣчи... Политическое и социальное дѣло въ Германіи продолжалось, однако, совершенно вопреки надеждамъ, возбужденнымъ іюльской революціею, находится въ такомъ положеніи, что могло только увеличивать мизантропію, раздраженіе Гейне; и это тѣмъ болѣе, что личныя невзгоды, лишенія, непріятности и т. п. оставались съ нимъ неразлучны, все по тѣмъ же, извѣстнымъ намъ причинамъ. Постепенно усиливалось въ немъ давнишнее желаніе оставить отечество и переселиться въ Парижъ, это средоточіе свободы въ то время, какъ онъ называлъ его; непріязнь къ нѣмецкимъ порядкамъ, судя по его письмамъ, усиливалась въ немъ съ каждымъ днемъ. «Противъ Пруссіи,— писалъ онъ въ это время,—я тоже очень озлобленъ вслѣдствіе господствующей всюду лжи, столица которой Берлинъ. Тамошніе либеральные Тартюфы мнѣ отвратительны. Много негодованія выпить во мнѣ... Но тутъ опять предъ нами фактъ, сбивающій

съ толку и того, кто безусловно вѣрить всѣмъ объясненіямъ поэта, фактъ именно тотъ, что почти въ это же самое время, и немедленно послѣ выпуска такой радикальной брошюры, какъ «Кальдорфъ о дворянствѣ», авторъ ея, этотъ человѣкъ, проклинавшій и Пруссію, и всѣ нѣмецкія государства, усердно добивался полученія въ Гамбургѣ должности—синдика думы! Мы готовы были бы принять это просто за остроумную выходку въ гейневскомъ духѣ, чтобы помистифицировать ненавистныхъ его сердцу гамбургцевъ и потомъ посмѣяться надъ ними, если бы не имѣли вѣскаго тому опроверженія въ письмѣ поэта къ такому серьезному и уважаемому имъ человѣку, какъ Варнгагенъ, письмѣ, гдѣ Гейне проситъ своего друга и покровителя напечатать въ газетахъ статью въ пользу автора «Путевыхъ Картинъ», какъ будущаго думскаго синдика, статью такую, которая «вызвала бы впечатлѣніе, что избраніе Гейне въ эту должность было бы дѣло цѣлесообразное, важное и для публики пріятное». Но больше важности для біографіи представляетъ заявленіе въ другомъ письмѣ, тоже къ Варнгагену, гдѣ поэтъ писалъ: «Я стремлюсь во что бы то ни стало добыть себѣ прочное положеніе (т. е. служебное); не имѣя его, я вѣдь не могу ничего дѣлать. Если не удастся мнѣ это въ непродолжительномъ времени въ Германіи, то я отправлюсь въ Парижъ, гдѣ, къ сожалѣнію, пришлось бы мнѣ играть такую роль, при которой всѣ мои художественскіе ресурсы погибли бы, и гдѣ былъ бы санкціонированъ мой разрывъ съ туземными властителями»...

Какъ ни влекло Гейне въ Парижъ, ѣхаль онъ туда все-таки съ печальнымъ сердцемъ, предчувствуя, что ему не вернуться на родину, въ Германію. А именно разлука съ нею и была главною причиною его грусти, къ которой присоединилась также скорбь о разлукѣ съ матерью, любимую сестрою и отчасти братьями. Да, какъ это бываетъ со всѣми тѣми, которыхъ близорукіе люди и глупые шовинисты упрекаютъ въ отсутствіи любви къ отечеству только потому, что они гласно клеймятъ всѣ отечественныя язвы,—Гейне, такъ безпощадно обрушивавшійся на Германію своей сатирой, вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко любилъ ее, и именно въ этой любви заключался источникъ его

озлобленія. И съ такими разнообразными чувствами двинулся онъ въ путь послѣ того, какъ изъ его хлопотъ о думскомъ синдикатѣ и вообще о поступленіи на службу, само собою разумѣется, ничего не вышло. Средства для этого переселенія во Францію были даны дядею Соломономъ, но даны послѣ долгаго сопротивленія и, какъ думаетъ одинъ біографъ, только потому, что банкира беспокоило враждебное отношеніе къ его племяннику нѣмецкихъ правительствъ, которое, пожалуй, могло и его самого вовлечь въ разныя непріятности; не лишено справедливости замѣчаніе другого біографа по поводу этой денежной и вынужденной поддержки со стороны богатаго дяди: «Поэтъ не могъ не быть благодарнымъ гамбургскому милліонеру за тѣ средства, которыя открыли ему дорогу отъ комиссіонерской конторы къ боннскому и геттингенскому университетамъ. Но если юношѣ нѣсколько не позорно зависѣть отъ чужой поддержки, то для взрослога человѣка она рѣдко можетъ оставаться безъ ущерба для него. Уже по этой причинѣ надо смотрѣть на переселеніе Гейне въ Парижъ, какъ на несчастіе, ибо оно навсегда отняло у него возможность стоять на собственныхъ ногахъ». Почему и какъ—увидимъ ниже.

У.

Въ Парижъ Гейне пріѣхалъ въ маѣ 1831 г. Первые впечатлѣнія Парижа были таковы, что ими естественно изглаживались всякія тяжелыя чувства, всякія грустныя воспоминанія и соображенія. Веселость и живость населенія, обходительность мужчинъ, грація женщинъ, все это обаятельно дѣйствуетъ на нѣмецкаго поэта; онъ находитъ, что «этотъ парижскій воздухъ исцѣляетъ всякія раны быстрѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было», что въ высшей степени благотворно вліяетъ этотъ «сладостный ананасный ароматъ вѣжливости» на его душу, больную душу, «которая въ Германіи глотала столько табачнаго дыма, запаха кислой капусты и грубости»; первые мѣсяцы его пребыванія въ Парижъ мы видимъ его усердно посѣщающимъ театры, увеселительныя заведенія, женщинъ полусвѣта, и какое удовольствіе доставлялъ ему этотъ образъ жизни, видно между прочимъ

изъ словъ одного его письма: «Если кто-нибудь спроситъ васъ, какъ мнѣ здѣсь живется, скажите, какъ рыбѣ въ водѣ, или, вѣрнѣе, скажите, что когда въ морѣ одна рыба спрашиваетъ другую, какъ она поживаетъ, та отвѣчаетъ: какъ Гейне въ Парижѣ». Въ то же самое время онъ возвращался и въ другого рода обществѣ: благодаря рекомендательнымъ письмамъ дяди, онъ сдѣлался вхожъ въ домъ Ротшильда, и въ салонахъ знаменитаго милліонера, равно какъ и на вечерахъ другихъ парижскихъ свѣтилъ, познакомился и болѣе или менѣе близко сошелся съ такими людьми, какъ Россини, Берліозъ, Шопенъ, Листъ, Александръ Гумбольдтъ, вожаки партіи сенъ-симонистовъ, и между ними особенно Анфантенъ, и многіе другіе... Уже изъ факта общенія съ подобными личностями видно, да это конечно и совершенно естественно, что чисто житейскіе, не духовные интересы, далеко не были исключительнымъ предметомъ увлеченія и вниманія нашего поэта. Если онъ съ такимъ наслажденіемъ вдыхалъ «сладостный ананасный аромать» парижской общественности, то не менѣе отрадно дышалось ему въ политической атмосферѣ іюльской монархіи, когда «лучи іюльскаго солнца (т. е. революціи предшествовавшаго года) сверкали еще тутъ и тамъ, щеки прекрасной Лютеціи были еще румяны отъ пламенныхъ поцѣлуевъ этого солнца, и на ея груди еще не совсѣмъ завялъ букетъ невѣсты»... И если Парижъ плѣнялъ его и втягивалъ въ себя, какъ средоточіе шумной веселости, пользованія всяческими матеріальными благами, то въ то же самое время въ этомъ городѣ онъ видѣлъ «столицу не только Франціи, но и всего цивилизованнаго міра», гдѣ «собрано все, что велико любовью или ненавистью, чувствомъ или мышленіемъ, удачею или способностями, будущимъ или прошедшимъ».

Немного освоившись съ парижской жизнью, очнувшись отъ нахлынувшихъ волною первыхъ и самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній, Гейне принялся за работу. Уже задолго до переселенія въ столицу Франціи, еще только думая объ этомъ и делая эту мечту, онъ, въ числѣ другихъ причудливыхъ плановъ, намѣревался посвятить себя здѣсь дипломатической карьерѣ. Помышлялъ онъ осуществить это намѣреніе и теперь, но скоро оста-

внѣ его, вѣроятно, появивъ и самъ всю комическую чудовищность появления такой личности, какъ Гейне, въ роли осторожнаго, ловкаго, примѣняющагося ко всякимъ положеніямъ дипломата. Въ литературныхъ работахъ своихъ онъ, однако, и здѣсь пошелъ по той дорогѣ, которая такъ заманчиво улыбулась ему въ Германіи; только теперь онъ приняли уже чисто спеціальній характеръ статей почти исключительно политическаго содержанія, и притомъ по опредѣленнымъ современнымъ вопросамъ. За эту работу онъ взялся, впрочемъ, тогда, когда хорошо прозондировалъ политическую почву Франціи, ознакомился близко и подробно съ ходомъ вещей, партіями, отдѣльными личностями. До тѣхъ поръ литературная дѣятельность его вращалась нѣкоторое время въ области чистаго искусства: онъ писалъ въ газету Котты «Morgenblatt» корреспонденціи о художественной выставкѣ того года, корреспонденціи, въ которыхъ, при отсутствіи у автора всякихъ техническихъ свѣдѣній, обнаруживалось, однако, глубокое эстетическое чутье, и которыя не ограничивались обсужденіемъ достоинства выставленныхъ картинъ, а захватывали предметъ гораздо глубже, касаясь такихъ, напримѣръ, вопросовъ, какъ вліяніе соціальнаго положенія страны на развитіе искусства. Этого рода занятіе продолжалось недолго. Когда редакція очень распространенной и наиболѣе либеральной нѣмецкой газеты «Allgemeine Zeitung» предложила автору «Путевыхъ Картинъ» присылать ей изъ Парижа корреспонденціи политическаго характера, онъ съ радостью согласился и, смотря теперь на себя, какъ на избраннаго судьбою посредника между Германіей и Франціей, поставилъ себѣ задачею то, что онъ считалъ выпавшею на его долю особою миссіею—содѣйствовать литературнымъ путемъ великому дѣлу братскаго объединенія двухъ этихъ странъ, уничтоженію взаимныхъ національныхъ предразсудковъ. Эту задачу началъ онъ исполнять, стоя на почвѣ современной французской дѣйствительности, съ постоянными указаніями и намеками на Германію; его цѣлью было «уяснить пониманіе настоящаго», и онъ желалъ «всегда оставаться достойнымъ ненависти своихъ враговъ». Съ этихъ поръ, и довольно продолжительное время, мы имѣемъ дѣло съ Гейне только какъ съ писателемъ политическимъ,

публицистомъ. Корреспонденціи эти, обвинявшія все мало-мальски выдававшееся въ политической жизни Франціи, обращали на себя общее вниманіе, производили одинаково сильное впечатлѣніе на всѣ политическія партіи. Въ то же самое время, однако, благодаря тому, что Гейне-публицистъ, оставаясь неизмѣнно вѣренъ своимъ основнымъ принципамъ, въ обсужденіи частныхъ слишкомъ поддавался впечатлѣніямъ данной минуты, слишкомъ подчинялся собственной субъективности и давалъ этимъ безпрестанные поводы обвинять его въ шаткости политическихъ убѣжденій, благодаря этому, положеніе его относительно политическихъ различныхъ партій было очень странное: сегодня орлеанисты обвиняли его въ нападкахъ на кабинетъ и правленіе Людовика Филиппа, завтра они привѣтствовали его, какъ защитника ихъ лагеря; сегодня умѣренные либералы находили, что онъ хорошо служить ихъ дѣлу, завтра они открывали въ немъ сочувствіе къ ультра-революціоннымъ принципамъ и негодовали противъ него; а ультра-революціонная партія съ своей стороны, считая его сегодня совсѣмъ своимъ человѣкомъ, завтра вдругъ замѣчала въ той или другой статьѣ его, томъ или другомъ словѣ умѣренно-либеральное воззрѣніе и старалась склонить его къ полному разладу съ этою партією. Къ французамъ присоединились и нѣмцы: скопившіеся въ это время въ Парижѣ нѣмецкіе эмигранты, большинство которыхъ состояло изъ ремесленниковъ и людей самаго якобинскаго пошиба, требовали устами своихъ вожаковъ, чтобы этотъ Гейне, отъ времени до времени появлявшійся въ печати настоящимъ революціонеромъ, былъ таковымъ и на дѣлѣ, т. е. брался съ ними, участвовалъ на ихъ сходкахъ и т. д., рискуя въ противномъ случаѣ, что въ немъ заподозрять тайнаго agent provocateur австрійскаго правительства и заставить отказаться отъ роли народнаго трибуна! Все это, при извѣстной уже намъ мнительности и боязливой подозрительности Гейне, истекавшей также и изъ слишкомъ преувеличеннаго мнѣнія его о революціонномъ значеніи своихъ произведеній, поддерживало поэта въ постоянно тревожномъ состояніи по отношенію къ этимъ партіямъ, особенно къ нѣмецкому и французскому правительствамъ: непрерывно впдѣлъ онъ себя окруженнымъ шпионами,

Безпрерывно боялся, что его или арестуютъ, какъ это дѣлалось со многими политическими бѣглецами, или вышлютъ изъ Франціи по требованію французскаго посольства, и въ подобныхъ страхахъ доходилъ до такого комизма, что квартира его была извѣстна только двумъ-тремъ ближайшимъ друзьямъ... Правительства, впрочемъ дѣйствительно не дремали, особенно австрійское, въ лицѣ Меттерниха и Генца, несмотря на относительно умѣренный— по цензурнымъ соображеніямъ—тонъ корреспонденцій Гейне. Выступить прямо и открыто противъ этого, казавшагося имъ опаснымъ, врага оно не желало, и потому начало дѣйствовать тайнымъ образомъ—но не на автора корреспонденцій, зная, что съ нимъ не справиться, а на издателя газеты. И старанія руководителей австрійской политики не остались безплодными: Котта, котораго Генцъ титуловалъ своимъ «благороднымъ другомъ», скоро прекратилъ печатаніе «дерзкихъ и злобныхъ, ядовитыхъ и разнузданныхъ» писемъ Гейне. Но авторъ ихъ былъ не такой человекъ, чтобы покорно и скромно ретироваться: всѣ свои корреспонденціи онъ собралъ въ отдѣльную книгу («Французскія Дѣла»), включая сюда и все то, что въ газетѣ было исключено, и главнѣе, снабдивъ ее такимъ рѣзкимъ предисловіемъ, которое уже навсегда уничтожило для него возможность возвращаться въ отечество. Была тутъ, какъ большею частью у Гейне, причина и частная, личная: предисловіемъ этимъ хотѣлъ онъ доказать нелѣпость той клеветы его враговъ, которая, пользуясь измѣнчивостью въ его частныхъ политическихъ воззрѣніяхъ, клеймила его, какъ «продажнаго негодяя».

Дѣйствительно, надо было страдать полнымъ отсутствіемъ здраваго смысла и малѣйшей добросовѣстности, чтобы и послѣ появленія этой книги позволять себѣ усматривать въ литературныхъ дѣйствіяхъ Гейне что-либо, хоть издалека похожее на отступничество отъ своихъ основныхъ убѣжденій, тѣмъ болѣе изъ-за какого-нибудь матеріальнаго интереса. Но автору пришлось испытать теперь самымъ печальнымъ и тяжелымъ для него образомъ то, что мы видѣли уже въ значительной степени выдавшимъ на его долю и въ началѣ его публицистической дѣятельности: разнообразіе вызывавшихся этою дѣятельностью

впечатлѣній, вслѣдствіе отсутствія въ немъ, какъ въ поэтѣ *rag excellence*, чисто-публицистической стойкости и послѣдовательности. Въ то самое время, какъ его послѣднее сочиненіе подвергнулось строгому запрещенію почти во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, на него обрушивались нападенія изъ лагеря совершенно противоположнаго: радикализмъ въ лицѣ Берне рѣзко обвинялъ поэта-публициста въ шаткости и двусмысленности образа дѣйствій, въ томъ, что онъ не хотѣлъ окончательно поспорить ни съ правительствомъ и аристократами, ни съ ультра-республиканскою партіею разрушенія. Видя странность и не-пріятность своего положенія, сжатый со всѣхъ сторонъ, убѣдившись, что онъ, какъ поэтъ и художникъ, не можетъ совершенно и безповоротно принадлежать къ той или другой *партіи*, тогда какъ все теперь было дѣломъ именно партій, Гейне рѣшился отказаться покаместъ отъ политическаго писательства. Къ счастью для литературы, этотъ родъ дѣятельности замѣнилъ онъ такимъ, который гораздо болѣе соответствовалъ его способностямъ, его натурѣ, его знаніямъ: продолжая исполнять свою «миссію» посредника между Германіей и Франціей, онъ только перенесъ эту работу въ другую область—литературную, философскую и соціальную, въ широкомъ значеніи этого слова, занялся истолкованіемъ во Франціи сущности и особенностей нѣмецкаго «духа». Такъ какъ, понятно, Гейне при этомъ имѣлъ въ виду исключительно читателей французскихъ, то статьи свои онъ писалъ по-французски. Всѣ онѣ переводились потомъ авторомъ и на нѣмецкій языкъ.

Такимъ образомъ возникли, сопровождались постояннымъ и очень виднымъ успѣхомъ во французской публикѣ и критикѣ, сочиненія: «Романтическая Школа», «Къ исторіи религіи и философіи въ Германіи», «De l'Allemagne» и др. Всѣ эти страницы представляютъ автора въ видѣ умнаго, остраго, высокоталантливаго дилетанта; но подъ этою легкой формой, при обиліи самыхъ смѣлыхъ парадоксовъ, софизмовъ и т. п., наконецъ, даже при встрѣчающемся не разъ принесеніи правды въ жертву неодолимаго желанія сказать острое слово—несмотря на все это, здѣсь сплошь и рядомъ обнаруживается такое проникновеніе въ самую

суть вещей, такое глубокое пониманіе предмета не съ виѣшней, а съ духовной его стороны, какихъ можно пожелать любому изслѣдователю-спеціалисту, и все выражено въ такой простой, увлекательно-ясной формѣ, что самыя мудренныя вещи становятся совершенно понятными для непосвященнаго читателя. Никто, напимѣръ, изъ предшествовавшихъ и послѣдующихъ критиковъ и историковъ литературы не превзошелъ Гейне въ изслѣдованіи той «Романтической Школы», которой онъ и самъ былъ гениальнымъ представителемъ и побѣдоноснымъ сокрушителемъ; у другихъ изслѣдователей мы найдемъ превосходство стороны фактической, уясненіе многихъ частныхъ, гораздо болѣе научную подкладку, но ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ того, что нашъ поэтъ, для уясненія сущности нѣмецкаго романтизма и отличительныхъ чертъ поэтическаго творчества главныхъ его представителей. Большими достоинствами, при тѣхъ же вышеупомянутыхъ недостаткахъ, отличается и сочиненіе «Къ исторіи религіи и философіи»; посвященное Анфантену, главному дѣятелю септ-симонизма, изъ чего уже отчасти можно заключить о направленіи и характерѣ книги. Смѣна одного религіознаго воззрѣнія другимъ (деизмъ, пантеизмъ, христіанство), возникновеніе нѣмецкой философіи изъ протестанства, дѣятельность Лютера, Лессинга, Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля—все это представлено съ удивительной ясностью, свѣжестью и оригинальностью, и все свидѣтельствуетъ о полномъ, даже глубокомъ знакомствѣ автора съ предметомъ, хотя конечно и здѣсь строго-научный изслѣдователь, особенно если онъ проникнуть кабинетнымъ педагогизмомъ, найдетъ многое, что покажется ему поверхностнымъ, больше остроумнымъ, чѣмъ солиднымъ, больше парадоксальнымъ, чѣмъ категорически неопровержимымъ. Само собой разумѣется, что такой писатель, какъ Гейне, тѣсно связываетъ философію съ жизнью, въ развитіи философскихъ идей видитъ и развитіе дѣла пракческаго прогресса, и изъ этой точки зрѣнія выходитъ его восторженное сочувствіе къ Лютеру и Лессингу, какъ «освободителямъ» отечества; въ этомъ смыслѣ онъ называетъ Канта «Робеспьеромъ въ царствѣ мысли», въ этомъ смыслѣ и обращается къ французамъ со словами предостереженія: «Освобожде-

пой Германіи вамъ слѣдуетъ бояться больше, чѣмъ всего Священнаго Союза со всѣми кроатами и казаками». Эти статьи, появившіяся сначала въ журналѣ, были потомъ включены вмѣстѣ съ «Романтической Школой» въ книгу подъ заглавіемъ «De l'Allemagne», которую Гейне написалъ, какъ своего рода возраженіе противъ сочиненія мадамъ Сталь подъ тѣмъ же заглавіемъ, съ цѣлью исправить многія ея ошибки и пристрастныя сужденія. ~~Здѣсь~~ мы опять встрѣчаемся съ тѣми же религіозными и социальными воззрѣніями, какія высказывалъ авторъ въ предшествующихъ трудахъ, и выраженными въ такой формѣ, что эта книга подверглась запрещенію почти во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ; а когда былъ сдѣланъ нѣмецкій переводъ ея, то цензура обезобразила текстъ самымъ безжалостнымъ образомъ и вызвала этимъ новый рѣзкій протестъ со стороны автора. Къ упомянутымъ нами тремъ капитальнымъ трудамъ присоединились другіе (тоже въ прозѣ), болѣе или менѣе выдающіеся, каковы: «Флорентинскія Ночи», высоко-поэтической отрывокъ съ отчасти автобіографическимъ характеромъ, другой отрывокъ въ юмористическомъ родѣ «Записки фонъ-Шнабельвопскаго», представляющій тоже нѣкоторый біографическій матеріалъ, статьи о французской сценѣ и пр. Что касается до производительности въ стихотворной формѣ, то она проявлялась очень слабо и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи: почти единственнымъ плодомъ ея за этотъ періодъ были «Pariser Frauenbilder» (Парижскія Женщины), отличительный характеръ которыхъ—циническая чувственность, и которыя, имѣя совершенно субъективную окраску, давали врагамъ поэта очень благодарный и въ большинствѣ случаевъ основательный матеріалъ для обвиненія его въ слишкомъ усердномъ и неразборчивомъ служеніи богинѣ Афродитѣ самаго низшаго разбора.

Сдѣлавшись писателемъ французскимъ, выпуская въ свѣтъ свои произведенія большею частью на французскомъ языкѣ, Гейне, конечно, не переставалъ быть прежде всего и въ коренной сущности своей писателемъ нѣмецкимъ. Дѣйствуя на этомъ поприщѣ, какъ духовный посредникъ между Франціей и Германіей, стараясь знакомить Францію съ интеллектуальною и полп-

тическою жизнью своего отечества, онъ, однако, постоянно имѣлъ въ виду главнымъ образомъ это послѣднее, и потому все, писавшееся имъ по-французски, немедленно переводилось имъ же на нѣмецкій языкъ. Но мы уже не разъ видѣли, съ какими цензурными препятствіями приходилось ему бороться, въ какомъ обезображенномъ видѣ появлялись предъ нѣмецкими читателями его сочиненія въ тѣхъ случаяхъ, когда вообще могли они появляться, т. е. когда не подвергались совсѣмъ запрещенію. Сколько, однако, ни пришлось вынести нашему поэту, въ этомъ отношеніи, но ему предстояли еще болѣе сильныя, болѣе мучительныя испытанія. Скоро послѣ июльской революціи и подъ непосредственнымъ влияніемъ ея въ Германіи начала образовываться, а затѣмъ и получила быстрое развитіе, литературная партія, извѣстная подъ именемъ «Молодой Германіи». Столпами своими она избрала Берне и Гейне, этого послѣдняго не какъ художника вообще, тѣмъ менѣе какъ поэта, а какъ писателя политическаго; идеаломъ преобразованія государства, мечтательно задуманнаго «молодыми германцами», сдѣлалась Франція подъ июльскою монархіею; главною идеею во всѣхъ ихъ начинаніяхъ и стремленіяхъ стало новое французское государство по французскому образцу, а такъ какъ Берне и Гейне были краснорѣчивыми и энергичнѣйшими проводниками этихъ идей, то естественно, что именно за ними, по проложенному ими пути, пошли эти новые дѣятели.

Въ настоящее время большинство изъ того, что писалось «молодыми германцами», представляется намъ въ цензурномъ отношеніи достаточно невиннымъ, тѣмъ болѣе, что было тутъ много очевидно утопическаго, крайне неяснаго, шаткаго, какъ всегда бываетъ въ подобныя минуты «броженія» свѣжихъ, далеко еще не созрѣвшихъ жизненныхъ силъ. Но не такъ взглянули нѣмецкія правительства послѣ того, какъ противъ «Молодой Германіи» выступилъ съ гнуснѣйшими печатными доносами извѣстный писатель Менцель. Мало-по-малу нападенія его приняли характеръ чисто-полицейскихъ доносовъ: онъ обращалъ вниманіе нѣмецкихъ правительствъ на войну, которую «молодые германцы» вели съ христіанствомъ, моралью, бракомъ, какъ на

такую, которая должна была оказаться въ высшей степени пагубною для народа; онъ не стѣснялся при этомъ дѣлать самыя мерзкія инсинуаціи, чтобы пугать и безъ того трусливое правительство; онъ выставлялъ тѣхъ университетскихъ профессоровъ, которые участвовали въ журналѣ Гуцкова, поддерживающими связи съ «новымъ грязнымъ Маратомъ», хотя «вѣдь университеты содержатся на счетъ правительства», нестовствующими противъ христіанства, нравственности, брака, семейства, чувства стыда, Бога и безсмертія, нѣмецкой національности и т. д., и т. д.; онъ, наконецъ, игралъ на струнѣ юдофобства, тогда какъ во всей этой литературной партіи были только два еврея—Гейне и Берне, да и то какіе евреи!.. Берне отвѣчали доносчику безпощадно статью «Менцель-французѣдъ», Гейне жестоко заклеили его въ статьѣ «О доносчикѣ» (предисловіе ко второй части «Салона»); но доносы Менцеля отъ этого нисколько не утратили своего дѣйствія тѣмъ болѣе, что онъ нашелъ себѣ и другихъ достойныхъ сподвижниковъ.

Первою мѣрою правительства относительно «Молодой Германіи» былъ процессъ противъ Гуцкова, котораго посадили въ тюрьму, и хотя признали по суду оправданнымъ по обвиненію въ богохульствѣ и безнравственности и виновнымъ только въ «нападеніи на признанныя правительствомъ баденскія религіозныя общины», но присудили къ тюремному заключенію и денежному штрафу. Это произошло въ 1833 г., а 10 декабря 1835 г. состоялось постановленіе германскаго бундестага, по которому новая литературная школа была официально признана «стремящуюся самымъ дерзкимъ образомъ нападать на христіанскую религію, уничтожать существующій соціальныя порядки и разрушать всякую нравственность»; на этомъ основаніи къ ней были во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ примѣнены во всей строгости уголовные и полицейскіе законы, именно запрещено распространять сочиненія всѣхъ этихъ писателей (въ томъ числѣ, конечно, и Гейне, его даже болѣе, чѣмъ остальныхъ) какимъ бы то ни было путемъ, съ предупрежденіемъ, что книгопродавцы, которые ослушаются этого распоряженія, подвергнутся строжайшему наказанію. Постановленіе бундестага по-

влекло за собой въ пѣкоторыхъ нѣмецкихъ правительствахъ совершенно негѣпныя мѣры; такъ, напримѣръ, многіе профессора, ничѣмъ неповинные, были уволены въ отставку; въ объявленіяхъ объ изданіяхъ новыхъ журналовъ имена «молодыхъ германцевъ», если они значились въ числѣ сотрудниковъ, старательно вычеркивались; наконецъ, дошли даже до того, что запрещеніе печатанія и продажи сочиненій этихъ писателей было распространено не только на находившіяся уже въ обращеніи, но и на *будущіе* труды ихъ!

Понятно, какое дѣйствіе должно было произвести все это на Гейне. Сначала онъ не хотѣлъ вѣрить полученнымъ въ Парижѣ извѣстіямъ о неслыханномъ постановленіи; когда они подтвердились, онъ высказалъ такое же изумленіе свое этой мѣрѣ въ прошеніи, съ которымъ, собственно по отношенію къ себѣ, обратился въ бундестагъ, и которое, конечно, было оставлено безъ всякихъ послѣдствій. Уже въ 1842 г. было снято запрещеніе, наложенное на сочиненія нашего поэта, а покажѣтъ дѣло дошло даже до того, что прусское правительство погрозило редакціи «Revue des deux Mondes» запрещеніемъ впуска этого журнала въ свои владѣнія, если въ немъ будетъ продолжаться печатаніе статей Гейне во враждебномъ Пруссіи духѣ. Строгость относительно Гейне усиливалась, благодаря преслѣдованіямъ и нападеніямъ на него съ разныхъ сторонъ, такихъ даже, гдѣ они являлись ему полнымъ сюрпризомъ. Съ одной стороны, напримѣръ, Менцель, уже послѣ постановленія бундестага, писалъ: что «Гейне, прежде всего увлскаемый еврейскими антипатіями, сдѣлалъ благодарными темами, на которыхъ потомъ начала разыгрывать всевозможныя варіаціи молодая Германія, осмѣяніе христіанства и морали, нѣмецкой національности и правовъ, требованіе эманципаціи плоти, развратъ молодой Франціи, кокетничанье съ республикою» и т. п. Съ другой стороны бывшіе друзья поэта, теперь перешедшіе во враждебный лагерь, шли по стопамъ знаменитаго доносчика, и между ними, напримѣръ, Ж. Б. Руссо кричалъ на столбцахъ газетъ, что авторъ «Романтической Школы» превзошелъ въ этомъ сочиненіи даже Вольтера грязью, гримасничаньемъ и т. п., что главною тенденцію

его здѣсь было унижать и оскорблять христіанскую религію и т. д., все въ такомъ же родѣ. Подъ гнетомъ постояннаго и естественнаго раздраженія, озлобленія, скорбнаго чувства, испытывая разныя чисто-житейскія непріятности и невзгоды отчасти по своей винѣ, отчасти по чужой, подъ вліяніемъ нѣсколькихъ тяжелыхъ утратъ въ послѣдніе годы (смерть г-жи Варнгагенъ, истребленіе пожаромъ оставшихся въ Гамбургѣ рукописей его)—Гейне часто чувствовалъ упадокъ силъ и энергіи. Друзья совѣтовали ему возвратиться въ Германію; онъ отказывался на томъ основаніи, что при этомъ возвращеніи ему «пришлось бы принять положеніе, которое могло бы подвергнуть его всевозможнымъ превратнымъ толкованіямъ». А между тѣмъ и во Франціи ему съ каждымъ днемъ жилось все хуже и хуже. Въ очень значительной степени отравляли ему жизнь отношенія къ нѣмецкимъ демагогамъ и заговорщикамъ, скопившимся въ это время въ Парижѣ въ довольно большомъ количествѣ и негодовавшимъ на поэта за то, что онъ, защищая въ печати народное дѣло, лично остался въ сторонѣ отъ этихъ представителей народа, оскорблявшихъ его аристократическое, въ духовномъ смыслѣ, чувство своимъ образомъ жизни, привычками и т. п. Нападенія и обвиненія съ этой стороны, въ соединеніи часто съ клеветами, заставили поэта, наконецъ, затворить свою дверь почти для всѣхъ своихъ соотечественниковъ.

Но если съ негодованіемъ отворачивался онъ отъ тѣхъ, въ которыхъ подъ личиною патріотизма усматривалъ совсѣмъ иное, то зрѣлище истинныхъ страданій соотечественниковъ наполняло его сердце глубочайшею скорбью и сочувствіемъ. Тоска по родинѣ продолжала жить въ немъ очень глубоко, усиливаясь по мѣрѣ того, какъ усиливался разрывъ его съ нею. Но одновременно съ этимъ скрѣплялись все больше и больше узы, связывавшія его съ Франціею. Нашъ поэтъ сдѣлался «своимъ» среди всего, чтò было въ Парижѣ наиболѣе выдающагося въ области литературы, искусства, интеллигенціи вообще; его ближайшіе знакомые и друзья—Дюма, Готье, Алф. Виньи, Ж. Сандъ, Минье, Тьерри, Тьеръ, Беранже, Шопенъ, Мейерберъ, Берліозъ, Листъ; пріѣзжающіе въ Парижъ передовые люди другихъ національно-

стей тоже завязываютъ съ нимъ интимныя отношенія, и по его собственнымъ словамъ, слава его въ это время—«слава европейская».

Къ этому же времени относится событіе въ его частной жизни, которому біографы его почему-то придаютъ большое значеніе. Это—связь поэта съ Евгенією (извѣстною подъ именемъ Матильды) Мира, связь, первоначально имѣвшая форму простого сожительства, а потомъ, въ 1841 г., завершившаяся законнымъ бракомъ. Когда знакомишься съ этою исторією, то вспоминаешь множество подобныхъ фактовъ: долговременную и прочную связь человѣка, вполне выдающагося, съ женщиною, стоящею несравненно ниже его по развитію и образованію. Матильда—будемъ такъ называть ее—незаконная дочь богатаго человѣка, кинутая своимъ отцомъ, до пятнадцати лѣтъ росшая въ деревнѣ между крестьянами, а потомъ переѣхавшая въ Парижъ къ своей теткѣ-башмачницѣ, гдѣ и встрѣтилъ ее нашъ поэтъ, была женщина совсѣмъ необразованная, едва грамотная, до такой степени чуждая высшимъ умственнымъ интересамъ, что почти ни одна строка изъ написаннаго ею мужемъ не была прочитана ею, хотя, почти все было переведено на французскій языкъ; «люди говорятъ, — замѣтила она однажды, — что Непгі умный человѣкъ и написалъ много чудесныхъ книгъ; я же этого ничего не замѣчаю и должна вѣрить этому на слово». Независимо отъ отсутствія образованія, которое Гейне думалъ восполнить очень комическимъ образомъ, помѣстивъ свою возлюбленную на время въ пансіонъ для дѣвицъ, независимо отъ этого, весьма невелико было и умственное развитіе Матильды вообще: попугай, кошка, наряды, танцы, театръ, когда на сценѣ давались чувствительныя мелодрамы или балаганныя водевили—вотъ что исключительно занимало эту женщину, вотъ что наполняло всю ее жизнь. Но за то сторона сердечная была развита въ ней очень широко: доброта, мягкость при бурной вспыльчивости, изъ-за которой Гейне называлъ ее «своимъ домашнимъ Везувіемъ», пѣжная и безусловная преданность любимому человѣку шли рядомъ съ простотою, естественностью, неисчерпаемой веселостью, т. е. тѣми качествами, которыя

всего выше дѣяль въ жепципѣ нашъ поэтъ. Они-то, въ соединеніи съ красотою Матильды и ея врожденнымъ изяществомъ, граціею и подкупили его; молодая двадцатилѣтняя дѣвушка, по свидѣтельству извѣстнаго романиста Мейснера, приковала къ себѣ поэта «свою наивною болтовнею, измѣнчивымъ, но всегда веселымъ и безмятежнымъ правомъ и прсвосходнымъ сердцемъ»; да и самъ Гейне во многихъ своихъ письмахъ и устныхъ бесѣдахъ подтверждалъ то же «самое. На первыхъ порахъ—это было въ 1835 г.—поэтъ увлекся Матильдою съ тою чувственною пылкостью, которая всегда отличала его въ подобныхъ случаяхъ. Черезъ годъ, однако, у него уже начинаетъ появляться мысль о разлукѣ: сообщая другу, что они съ Матильдой живутъ «счастливо середина на половинну», онъ, однако, высказываетъ опасеніе, что «эта связь будетъ имѣть печальную развязку», и такого же рода намеки находимъ мы и въ другихъ письмахъ его. Но постоянная живость и веселость Матильды, ея кипучій нравъ, ея умѣнье, хотя и не умышленное, а врожденное, поддерживать въ своемъ Пепі почти постоянное поэтическое настроеніе отсутствіемъ всего мѣщански-прозаическаго, будничнаго, наконецъ, ея нѣжная преданность ему—все это больше и больше скрѣпляло ихъ связь; а когда наступила тяжкая болѣзнь поэта, не оставлявшая его уже до смерти, и когда эта веселая, жадная къ свѣтскимъ удовольствіямъ Матильда сдѣлалась неусыпною и нѣжной сидѣлкой при несчастномъ страдальцѣ, тогда, конечно, о разлукѣ не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что незаконная связь была закрѣплена уже законнымъ бракомъ. Что на любовь и преданность Матильды, оставшіяся неизмѣнными съ первой до послѣдней минуты сожителства, Гейне отвѣчалъ также очень нѣжными чувствами (не мѣшавшими ему, конечно, отъ времени до времени измѣнять ей)—на это есть очень много свидѣтельствъ и доказательствъ, и такимъ образомъ годы, прожитые поэтомъ со своею «Поноттою», своимъ «милымъ толстенькимъ ребенкомъ», представляются намъ, собственно по отношенію къ его домашней обстановкѣ, счастливыми, безмятежными годами. Но тѣмъ не менѣе, связь этой мы не можемъ, подобно нѣсколькимъ біографамъ, прида-

вать важное значеніе въ жизни Гейне вообще: разъединеніе высшихъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ было здѣсь слишкомъ велико для того, чтобы эта женщина могла сыграть рѣшающую роль въ судьбѣ такого человѣка, и такъ какъ на этой дорогѣ они всегда шли совершенно разными, совершенно чуждыми одна другой тропинками, такъ какъ о духовномъ общеніи здѣсь не было и помину, то на исторію отношеній Гейне къ Матильдѣ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, смотрѣть, какъ на второстепенную, интересную для біографа преимущественно тѣмъ, что въ ней находила себѣ любопытныя проявленія чувственная натура нашего поэта...

Только-что назвали мы прожитые Гейне съ Матильдой годы счастливыми и безмятежными по отношенію къ домашней обстановкѣ; надо было прибавить къ этому—если не считать матеріальныхъ невзгодъ. Къ неумѣнью поэта распоряжаться своими денежными средствами, которыя притомъ, были очень скудны, прибавилась полнѣйшая практическая безтолковость его жены. Семн тысячь франковъ, получавшихся имъ въ годъ (четыре отъ дяди и около трехъ за литературныя работы), не хватало на самое псобходимое, и онъ вошелъ въ долги, составившіе въ это время сумму въ 20 тысячь франковъ; причиною тутъ было отчасти и поручительство его за одного пріятеля въ нѣсколькихъ тысячахъ франковъ, но не малую роль играли и несчастныя биржевыя спекуляціи, въ которыя, подъ вліяніемъ знакомства съ Ротшильдомъ, отъ времени до времени пускался нашъ поэтъ, приобрѣвшій вообще эту страсть, какъ думаетъ одинъ біографъ, еще во время своего пребыванія въ гамбургской банкирской конторѣ. Ухудшенію критическаго положенія способствовало то обстоятельство, что по какимъ-то причинамъ Гейне поссорился съ дядей, и тотъ прекратилъ выдачу ему ежегодной субсидіи; для возвращенія ея поэтъ сталъ прибѣгать къ такому унизительному для него образу дѣйствій, который производитъ на знакомящагося съ этими фактами крайне тяжелое впечатлѣніе. Такъ, напримѣръ, въ одномъ журналѣ появляется энергическая замѣтка Гуцкова о тяжеломъ матеріальномъ положеніи, въ которомъ находится знаменитый авторъ

«Путевыхъ Картинъ» п столькохъ другихъ, составляющихъ честь и гордость нѣмецкой литературы, произведеній; Гейне самъ называетъ, въ письмѣ къ Детмольду, эту замѣтку «хотя написанною съ добрымъ намѣреніемъ, но возмутительною въ своей грубой откровенности» — и однако, тутъ же просить Детмольда послать ее въ Гамбургъ къ находившемуся тамъ въ это время брату его Максимилиану: «Не подавайте ему и вида, что вы получили эту статью отъ меня, — пишетъ онъ, — и замѣтите отъ себя, что, быть-можетъ, для меня было бы полезно, если бы мой дядя прочелъ ее, и она побудила бы его исполнить отъ себя то, чего требуетъ для меня общественное мнѣніе — назначить мнѣ, именно теперь гласное (?) ежегодное содержаніе... Во всякомъ случаѣ, ради Бога скройте отъ Макса, что я писалъ вамъ о такихъ противныхъ вещахъ; пусть онъ думаетъ, что только изъ третьихъ рукъ узнали вы объ усиленіи моихъ лишеній и бѣдствій».

Въ другихъ письмахъ встрѣчаемся съ еще болѣе странными и двусмысленными маневрами, все съ тою же цѣлью; и такъ хитрить, идти окольными путями, унижается изъ-за какихъ-нибудь четырехъ тысячъ франковъ человѣкъ, который еще весьма незадолго до того писалъ: «съ моимъ дядей Саломономъ Гейне я нахожусь въ самыхъ скверныхъ отношеніяхъ; онъ въ прошедшемъ году нанесъ мнѣ такое тяжелое оскорбленіе, какое въ зрѣлые годы переношишь гораздо тяжелѣе, чѣмъ въ безпечную пору молодости»... Старанія поэта, благодаря разнымъ ходатайствамъ, увѣнчались успѣхомъ: дядя сталъ снова давать ему ежегодную субсидію, а четыре года спустя, послѣ женитьбы племянника (въ 1841 г.), прибавилъ къ 4 тыс. фр. еще 800, съ обѣщаніемъ послѣ смерти поэта выплачивать половину этой пенсіи Матильдѣ. Почти въ то самое время, когда состоялось это примиреніе, Гейне получилъ еще отъ Кампе 20 тыс. франковъ, уступивъ ему за эту ничтожную сумму право изданія *всѣхъ* своихъ сочиненій въ теченіе одиннадцати лѣтъ; но все это далеко не выпутывало его изъ тисковъ. И тутъ, все съ тою же неразборчивостью, когда дѣло шло о «бюджетѣ», онъ рѣшился на шагъ, который его противникамъ легко было истолковать въ

самую дурную сторону: принялъ отъ французскаго правительства ежегодное пособіе въ 4.800 фр. изъ того фонда, который отпущался эмигрантамъ, нашедшимъ себѣ, по политическимъ причинамъ, убѣжище во Франціи. Эту субсидію онъ получалъ съ 1838 по 1848 годъ и никогда не скрывалъ этого, говоря, что видѣть въ этомъ отношеніи къ нему свидѣтельство того, какъ Франція умѣетъ чтить даже иностранцевъ съ тѣми или другими заслугами, въ противоположность Германіи, гдѣ ея собственные «сыны», какъ бы они велики ни были, часто умираютъ съ голоду; но враги поэта, каковыхъ у него между нѣмцами становилось все больше и больше, не переставали трубить, что онъ продалъ себя французскому правительству. Правда, что это обвиненіе представляется совершенно нелѣпнымъ, когда читаешь написанныя Гейне въ этотъ десятилѣтній періодъ статьи и корреспонденціи, въ которыхъ онъ не стѣсняется высказывать осужденіе многимъ дѣйствіямъ этого самаго, помогающаго ему правительства; правда, что изъ того же «фонда», который оказывалъ ему поддержку, получали ее и люди самой безукоризненной честности, съ самой незапятнанной репутаціей; но правда и то, что по вполне естественному чувству деликатной благодарности, *тонъ* этихъ статей, быть-можетъ и помимо воли автора, сдѣлался сдержаннѣе, чѣмъ и могло вызываться, при малѣйшей недоброжелательности, подозрѣніе въ подкупѣ, и во всякомъ случаѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Прельсъ, съ положеніемъ публициста несовмѣстимо принимать пособіе отъ того государства, о которомъ пишешь. Но вѣдь Гейне, какъ мы уже видѣли, самъ сознавалъ, что въ немъ «весь человѣкъ (относительно не убѣжденій, принциповъ, а поступковъ) управляется бюджетомъ»; то же повторилось и теперь... Къ денежнымъ невзгодамъ присоединились, однако, и другія, болѣе серьезныя: ухудшеніе здоровья. Тѣ припадки и симптомы, которымъ нѣсколько лѣтъ спустя предстояло разразиться такимъ страшно-трагическимъ образомъ, повторялись все чаще и чаще. Въ іюлѣ 1837 г. онъ писалъ, что «лѣвая рука его съ каждымъ днемъ становится худѣе и видимо отнимается», а скоро послѣ того наступила или, вѣрнѣе, усилилась старая болѣзнь глазъ, приняв-

шая теперь такіе разгѣры, что поэтъ одно время боялся ослабнуть.

О литературной дѣятельности Гейне въ разсматриваемый нами періодъ мы уже говорили. Постѣ появленія вышеупомянутыхъ сочиненій она не прекращалась; только то, что выходило изъ-подъ его пера, принимало все болѣе и болѣе желчную окраску. Причина этого заключалась, съ одной стороны, въ личныхъ обстоятельствахъ жизни поэта, съ другой—въ положеніи дѣлъ общественныхъ и политическихъ, въ томъ, что июльская революція не принесла ни Германіи, ни Франціи ожидавшихся плодовъ; всюду утрачивалась вѣра въ воскресеніе человѣчества, и у Гейне, при его пессимистически-реалистической натурѣ, это отчаяніе могло развиваться сильнѣе и опредѣлительнѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ. Подъ вліяніемъ личнаго раздраженія въ значительной степени создано сочиненіе «О Берне», нѣсколько страницъ котораго легли неизгладимымъ пятномъ на Гейне, какъ чловѣка; озлобленному же негодованію «рыцаря духа», какимъ называлъ себя поэтъ, обязаны своимъ возникновеніемъ поэма «Атта-Троллъ» (1842 г.), «Новыя Стихотворенія» (1844 г.) и особенно «Германія, Зимняя Сказка» (тоже въ 1844 г.).

Для того, чтобы составить себѣ ясное понятіе о памфлетѣ на Берне, чтобы сдѣлать ему вполне непристрастную оцѣнку, нужно знать во всей подробности исторію отношеній между этими двумя знаменитыми дѣятелями, нужно выискнуть въ коренную сущность этихъ двухъ натуръ—вопросъ, на которомъ мы не можемъ здѣсь остановиться. А что касается до тѣхъ, упомянутыхъ выше произведеній, въ которыхъ нашли себѣ новое выраженіе политическія и соціальныя разочарованія Гейне, то они, будучи написаны въ стихахъ, доказали, какъ ошибался авторъ, если онъ только говорилъ искренно, когда въ 1839 г. писалъ: «Я вообще имѣю мало довѣрія къ моему поэзису, собственно стихотворству; мой возрастъ, а можетъ-быть и все наше время, уже не благопріятствуетъ стихамъ, а требуетъ прозы». Поэма «Атта-Троллъ», рѣзко осмѣивавшая одностороннія крайности тогдашней пѣмечкой политической поэзиса, и этимъ даже вызвавшая со стороны противниковъ и враговъ автора упрекъ,

что онъ явился здѣсь отступникомъ отъ тѣхъ идей равенства, братства и т. п., за которыя до сихъ поръ самъ ратовалъ, это полуфантастическое, полуромантическое произведеніе изобилуетъ высокопоэтическими, въ смыслѣ даже чистаго искусства, красотою. Въ «Новыхъ Стихотвореніяхъ» Гейне вступилъ на путь сатирической лирики, съ мрачнымъ пессимизмомъ, проявившимся въ чисто-сатанинскомъ хохотѣ отчаянія и безвѣрія надъ обружавшими его въ политической и соціальной жизни Германіи явленіями, и обозначилъ этотъ новый фазисъ своего поэтического творчества произведеніями, въ которыхъ, по очень образной характеристикѣ Штротмана, «все желчь, горькая желчь, въ красиво отшлифованныхъ сосудахъ, проклятыя осужденныхъ на вѣчныя муки, язвительная насмѣшка демоновъ тьмы надъ бѣдствіями и скорбями обреченнаго на смерть, зараженнаго внутреннимъ гніеніемъ и ложью міра!» Лучшимъ же выраженіемъ этого сатирическаго направленія, «брильянтомъ нѣмецкой сатирической литературы вообще» по характеристикѣ Готшала, явилась «Зимняя Сказка», нѣчто въ родѣ поэмы, гдѣ автору болѣе, чѣмъ гдѣ либо, посчастливилось дать поэтическое выраженіе своему реалистическому воззрѣнію на политическій и соціальный строй того времени. «Зимняя Сказка» была написана послѣ поѣздки поэта въ Гамбургъ на короткое время, въ концѣ 1837 г., для свиданія съ матерью и родными и для устройства своихъ денежныхъ дѣлъ съ издателемъ его сочиненій, Кампе; а судя по написанному въ это время стихотворенію «Прощаніе съ Парижемъ», надо думать, что его влекла въ Германію и тоска по родинѣ. Хотѣлось ему, кромѣ Гамбурга, побывать и въ Берлинѣ, но друзья дали ему знать, что безопаснѣй для него держаться подалѣе отъ столицы Пруссіи; и конечно это обстоятельство, въ соединеніи съ тѣмъ, что пришлось ему увидѣть и узнать воочию, а не по разсказамъ и газетамъ только, о дѣлахъ отечества, немало способствовало успѣшенію озлобленнаго, ядовитаго тона «Зимней Сказки». Дѣйствіе ея оказалось такимъ, каковымъ и слѣдовало ожидать: во всѣхъ городахъ Пруссіи она была немедленно подвергнута строгому запрещенію, причемъ во всѣ пограничныя города послѣдовало

распоряженіе арестовать автора, какъ только онъ тамъ появится; кромѣ того, въ значительной степени оправдалось то, что предсказывалъ Гейне въ письмѣ къ другу, за недѣлю до выпуска этой книги: «Вслѣдствіе того, что сочиненіе мое,—говоритъ онъ,—не только радикально, революціонно, но и антинаціонально, противъ меня натурально возстанетъ *вся* пресса, такъ какъ она находится въ рукахъ или правительства, или націоналовъ, и можетъ быть эксплуатируема во вредъ мнѣ не политическими врагами, а чисто литературными негодьями». Что касается до денежныхъ дѣлъ, то они устроились довольно благоприятно, хотя конечно, не будь въ то время литературный гонораръ такъ скуденъ даже относительно такихъ писателей, какъ Гейне, результатъ переговоровъ поэта съ Кампе могъ бы и долженъ бы выйти гораздо лучше для перваго: контрактъ, заключенный, какъ мы видѣли выше, на одиннадцать лѣтъ, теперь былъ продленъ на вѣчныя времена на томъ условіи, что за право изданія сочиненій Гейне (до того времени написанныхъ) Кампе будетъ выплачивать ему, начиная съ 1848 г., т. е. со времени истеченія одиннадцатилѣтняго контракта, по 2.400 фр. въ годъ, а по смерти его, если бъ она случилась и раньше 1848 г., продолжать выдавать эту же сумму его вдовѣ, во все продолженіе ея жизни. Такъ какъ полученныя прежде 20 т. фр. помогли поэту погасить лежавшій на немъ долгъ, да и отъ дяди продолжалъ онъ получать около 5 т. франковъ въ годъ, то положеніе его представлялось ему достаточно обезпеченнымъ относительно и его самого, и будущности Матильды, о чемъ онъ не переставалъ думать съ самою нѣжною заботливостью. Но его ожидалъ жестокій ударъ.

Скоро, послѣ втораго возвращенія его изъ Гамбурга въ Парижъ, получилъ онъ извѣстіе о смерти Саломона Гейне. Несмотря на постоянныя разногласія и даже ссоры съ миллионеромъ-банкиромъ, поэтъ имѣлъ данныя рассчитывать, что онъ не будетъ забытъ въ духовномъ завѣщаніи, и на эту посмертную щедрость какъ онъ самъ, такъ и жена его возлагали большія надежды. И вдругъ какъ громъ ошеломляетъ его сообщеніе, что изъ оставшихся послѣ дяди многихъ миллионновъ ему, на-

равнѣ съ остальными его братьями, завѣщано всего 8 тысячъ франковъ! Но мало того: въ завѣщаніи этомъ ни однимъ словомъ не упоминалось о той пенсіи, которую словесно обязался покойный дядя выдавать поэту во все продолженіе его жизни, а женѣ его въ половинномъ размѣрѣ послѣ его смерти,—и пользуясь этимъ умолчаніемъ, сынъ и единственный наслѣдникъ старика, Карлъ, отъ выплачиванія пенсіи отказался. Гейне пришелъ въ страшное негодованіе и раздраженіе: съ одной стороны ужасала его, столь чувствительнаго къ потерямъ этого рода, перспектива значительнаго уменьшенія матеріальныхъ средствъ; съ другой—возмущался онъ до глубины души грубою скаредностью умершаго дяди, а главное—недобросовѣстностью этого Карла, который, не говоря уже о всякихъ другихъ соображеніяхъ, былъ съ поэтомъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и пользовался его заботливымъ уходомъ въ то время, когда, приѣхавъ въ Парижъ, заболѣлъ тамъ холерой.

Но чувствами и ощущеніями, вызванными этимъ инцидентомъ, Гейне не ограничился: онъ рѣшился во что бы то ни стало возратить свои права на пенсію, хотя и не имѣлъ на то никакихъ юридическихъ доказательствъ; и тутъ начался между обѣими сторонами споръ, конечно въ высшей степени позорный для богатыхъ родственниковъ человѣка, покрывшаго такую яркою славою имя Гейне, но далеко не лестный и для него самого. Крайне тяжелое впечатлѣніе производятъ письма поэта, относящіяся къ этому дѣлу, и другія свѣдѣнія о немъ. Въмѣсто того, чтобы отвѣтить гордымъ презрѣніемъ на совершенную съ нимъ гнусность, онъ съ какимъ-то остервенѣніемъ старается вырвать изъ рукъ милліонера-кузена то, что въ сущности составляетъ ничто иное, какъ милостивую подачку, и въ средствахъ къ достиженію этой цѣли не обнаруживаетъ никакой разборчивости: онъ хочетъ дѣйствовать посредствомъ газетныхъ «обличеній», просить своихъ друзей принять на себя роль этихъ обличителей, замѣчая, что «первые комья грязи, кинутые въ Карла Гейне, непременно окажутъ свое дѣйствіе», стараясь впутать общество въ эти домашнія дразги, съ надеждой, что «общественное мнѣніе легко пріобрѣтеть въ пользу поэта про-

тивъ миллионера»; онъ сегодня грозитъ величайшими скандалами, произносить слова, полныя сознанія собственного достоинства, и объявляеть, что не пойдетъ ни на какія уступки, не приметъ никакихъ предложенныхъ ему компромиссовъ и условій—а завтра униженно принимаетъ эти условія, состоящія въ томъ, что назначенная ему дядею пенсія будетъ попрежнему выдаваться, если онъ обяжется, и приметъ это обязательство также за своихъ наслѣдниковъ, никогда не выпустить въ печать ни одной строчки, мало-мальски оскорбительной для семейства Карла Гейне и родственниковъ его жены. Причина, почему Карлъ отказался выдавать пенсію, дѣйствительно заключалась въ томъ, что до него дошло извѣстіе о приготовленіи поэтомъ своихъ Мемуаровъ, въ которыхъ и Саломону Гейне, и всей его роднѣ предстояло явиться въ очень незавидномъ свѣтѣ; притомъ онъ гнѣвался на кузена и за то, что тотъ въ своихъ статьяхъ и корреспонденціяхъ иногда жестоко издѣвался надъ знаменитыми банкирами Фульдами, на племянницѣ которыхъ Карлъ былъ женатъ и которые возстановляли его противъ ненавистнаго имъ корреспондента «Allgemeine Zeitung» и французскихъ журналовъ. И какъ поэтъ, такъ и миллионеръ добились своей цѣли: первый получилъ, наконецъ, обязательство, что пенсія будетъ ему выплачиваться на прежнихъ основаніяхъ, но зато у второго очутилась въ рукахъ письменная расписка Гейне, что вышеупомянутое условіе будетъ строго исполняться. И тутъ опять передъ нами фактъ непостижимаго противорѣчія въ натурѣ нашего поэта: въ одномъ письмѣ онъ—и совершенно основательно—называетъ возвращеніе ему пенсіи со-всѣмъ «не колоссальнымъ великодушіемъ» со стороны Карла и заявляетъ, что больше ужъ никогда не обратится къ нему за помощью, несмотря на все его богатство и какъ бы дружески ни относился онъ къ нему; въ другомъ письмѣ, рассказывая о состоявшемся между ними примиреніи и о томъ, что Карлъ далъ слово выплачивать и Матильдѣ *половину* пенсіи ея мужа послѣ его смерти, онъ вдругъ умиляется, точно Богъ вѣсть какое благодѣяніе оказано ему, и «когда Карлъ,—пишетъ онъ,— для запечатлѣнія своего обѣщанія протянулъ мнѣ руку, то я

прижалъ ее къ губамъ своимъ, до такой степени глубоко потрясъ меня этотъ поступокъ»...

Единственное смягчающее обстоятельство для нашего поэта во всей этой исторіи заключается въ томъ, что болѣзнь его въ это время все увеличивалась, и въ той перспективѣ безпомощнаго состоянія, которая естественно являлась предъ нимъ среди увеличивавшихся физическихъ страданій, потеря каждаго франка могла казаться ему большимъ несчастіемъ, тѣмъ болѣе, что тутъ дѣло шло и объ участи Матильды послѣ его смерти. Какъ бы то ни было, но самый важный и плачевный результатъ этого столкновенія тотъ, что оно оказало пагубнѣйшее дѣйствіе на больного поэта въ физическомъ отношеніи и уже вполне открыло собою ужасную трагедію послѣднихъ одиннадцати лѣтъ его жизни. Если онъ преувеличивалъ, говоря въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ своихъ, что именно поступокъ его брата «разбилъ кости въ его сердца» и что онъ «умираетъ отъ этого»; если ту же самую мысль онъ высказалъ въ нѣсколькихъ, полныхъ ядовитой желчи, стихотвореніяхъ, написанныхъ уже почти на смертномъ одрѣ; если преувеличиваетъ и другъ его Лаубе, утверждая, что «сотни битвъ въ литературѣ и политикѣ не сдѣлали ни малѣйшаго вреда этому страшному вошну, но единственный ударъ, нанесенный семьею, разбилъ его»; если, однимъ словомъ, постыдныя дѣйствія семьи не были причиною наступившаго скоро послѣ того разрушенія, ибо оно началось уже раньше, то несомнѣнно, что ими данъ былъ этому разрушенію роковой и могущественный толчокъ...

Такимъ образомъ мы подошли къ послѣднему и страшному періоду въ жизни нашего поэта, періоду, предъ явленіями котораго смолкаютъ всѣ чувства, кромѣ глубочайшаго состраданія и удивленія...

VI.

На страницахъ настоящаго очерка намъ неоднократно уже приходилось встрѣчаться съ проявленіями болѣзни Гейне, проявленіями въ формѣ сильныхъ головныхъ болей, общаго перваго разстройства, ослабленія глазъ почти до слѣпоты, парализаціи руки и т. н. Такъ

какъ нѣкоторые изъ этихъ симптомовъ начали обнаруживаться уже въ ранней молодости поэта, то безспорно, что болѣзнь дѣлала въ самомъ организмѣ его. Но мы видѣли, какъ, тоже въ молодости, помогаль онъ самъ ея развитію непомѣрнымъ потворствомъ своей чувственности; и такъ какъ оно продолжалось почти въ такой же степени и далеко за предѣлами молодыхъ лѣтъ, то нисколько не удивительно, что рядомъ съ нимъ шло и развитіе болѣзни. Уже очень незадолго до ссоры съ двоюроднымъ братомъ писалъ онъ одному изъ друзей, что лѣвый глазъ у него совсѣмъ закрылся, а въ правомъ зрѣніе тоже помутилось; сильное потрясеніе, произведенное этою несчастною исторіею о наслѣдствѣ, двинуло болѣзнь впередъ исполнскими шагами. Недовольный парижскими докторами, хотя одинъ изъ нихъ, Гюби, много сдѣлалъ для облегченія его мученій, онъ думалъ ѣхать въ Берлинъ, чтобы посоветоваться съ знаменитымъ Диффенбахомъ, но не будучи увѣренъ, что личной безопасности его не предстоить ничего «непріятнаго» со стороны прусской полиціи, обратился за посредничествомъ къ одному изъ своихъ доброжелателей, великому натуралисту Александру Гумбольдту, который въ ту пору былъ въ большой милости у прусскаго короля; отвѣтъ получился отрицательный: Гумбольдту, несмотря на его усиленное ходатайство, отказали, и отказали такъ рѣшительно (не король, а высшая полиція, предъ которою и государь оказался безсиленъ), что, писалъ онъ поэту, «я считаю долгомъ просить васъ не вступать на прусскую землю». Между тѣмъ болѣзнь усиливалась; пальцы и правая нога утратили чувствительность, вслѣдствіе чего затруднилась способность движенія. Доктора послали больного на воды въ Барезжъ; ему стало еще хуже. «Мои органы,—писалъ онъ снова, — такъ ослабѣли, что я не могу писать; вотъ уже четыре мѣсяца, какъ не ѣмъ ничего, потому что трудно жевать и нѣтъ никакого ощущенія вкуса. Я тоже ужасно исхудалъ, бѣдный животъ мой плачевно уничтожился и,—прибавлялъ онъ, находя и въ это время возможность шутить и острить, — я сдѣлался похожъ на тощаго одноглазаго Аннибала...»

Но не только смѣяться могъ онъ среди невыносимыхъ стра-

даній: чувство жизни, жажда наслаждаться ею были такъ велики, что уже одно воспоминаніе о недавнемъ удовлетвореніи этой жажды доставляло ему отраду: «сладкое сознание, — говорилъ онъ въ томъ же самомъ письмѣ, — что я вель до сихъ поръ прекрасную жизнь, наполняетъ мою душу даже въ это печальное время и вѣроятно не оставитъ меня въ самые послѣдніе часы»... Мало того: такъ сильны были въ немъ чисто чувственныя склонности, что и теперь, совершенно разбитый, онъ сожалѣлъ, что хотя цѣлуетъ свою Матильду, но вслѣдствіе паралича губъ «не чувствуетъ ничего», и даже нѣсколько лѣтъ спустя, когда физическія муки его достигли апогея, выражалъ сѣтованіе и скорбь, что не существуетъ уже «для него прекрасныхъ горныхъ вершинъ, на которыя онъ могъ бы взбираться, и прекрасныхъ женскихъ губокъ, которыя онъ могъ бы цѣловать»... Но само собою разумѣется, что такія минуты, такія ощущенія бывали рѣдки: страшныя физическія боли господствовали надо всеѣмъ, и, какъ нашъ Некрасовъ, находившійся почти въ такомъ же положеніи, писалъ: «хорошо умереть — тяжело умирать», точно такъ же, буквально такъ же, Гейне находилъ ужаснымъ «не смерть (если вообще она существуетъ, — прибавлялъ онъ), а умираніе»... Навѣстившій его въ началѣ 1847 г. Лаубе нашелъ друга страшно измѣнившимся, высохшимъ какъ скелеть, обросшимъ сѣдой бородой, потому что нервная раздражительность не позволяла бритвѣ дотрагиваться до лица (до тѣхъ поръ Гейне очень гладко брился), съ сухими, въ беспорядкѣ спускавшимися на лобъ волосами, съ судорожно двигавшимися губами, съ напряженно поднятою вверхъ головою, такъ какъ зрачокъ праваго, единственно уцѣлѣвшаго, глаза могъ видѣть только сквозь открытую узкую щель между вѣками. Ожиданіе смерти среди такихъ страданій не мѣшало сохраненію необычайной бодрости духа, только по временамъ уступавшей мѣсто мрачному отчаянію, и ненарушимой ясности ума въ соединеніи съ прежнимъ живымъ интересомъ относительно политическаго и соціальнаго хода вещей. Это проявилось очень наглядно въ дни февральской революціи 1848 г., вспыхнувшей въ то время, когда болѣзнь поэта приняла еще болѣе острый и мучитель-

пый поворотъ. Правда, что сочувственное отношеніе къ «великимъ февральскимъ днямъ», какъ онъ называлъ ихъ, скоро смѣнилось у него скептическимъ, пессимистическимъ воззрѣніемъ при созерцаніи дѣйствій «временнаго правительства», въ средѣ котораго онъ находилъ многихъ «жалкихъ комедьянтовъ», замѣчая, что никогда еще «народъ, великій сирота, не вынималъ изъ революціонной урны пустыхъ билетовъ, болѣе ничтожныхъ, чѣмъ эти временные правители»; но это не уничижало въ немъ,—котораго, по замѣчанію Штротмана, даже страшная болѣзнь не могла сдѣлать консервативнымъ,—не уничтожало стремленія слѣдить за всѣмъ происходившимъ и глубокаго сожалѣнія о томъ, что переживать такое событіе, какъ февральскій переворотъ, ему приходилось въ такомъ печальномъ, безпомощномъ положеніи; «мнѣ слѣдовало бы,—писалъ онъ,—быть въ это время мертвымъ или здоровымъ». Главный интересъ его возбуждали не французскія дѣла, а тѣ результаты, которые они вызывали въ Германіи; «но,—писалъ онъ,—я не могу заниматься ими много, потому что получаемыя мною изъ отчества печальныя извѣстія дѣйствуютъ на меня такъ раздражительно, что мое здоровье только ухудшается каждый разъ, какъ дойдемъ до меня такая вѣсть»... Близкое приниманіе къ сердцу этихъ событій выразилось у него въ формѣ нѣсколькихъ корреспонденцій въ ту же «Allgemeine Zeitung» и нѣсколькихъ стихотвореній ѣдко-сатирическаго характера; но за перо публициста взялся онъ теперь уже въ послѣдній разъ, потому что этотъ 1848 годъ былъ и самымъ роковымъ въ ходѣ болѣзни поэта. Въ маѣ этого года вышелъ онъ изъ дома на прогулку, полуслѣпой, полухромой, и то была послѣдняя прогулка его: онъ вернулся домой для того, чтобы никогда уже не выйти на улицу, чтобы остаться прикованнымъ къ постели до самой смерти. Есть своего рода глубокий трагизмъ въ томъ обстоятельстве, что мѣсто, куда онъ зашелъ на этотъ разъ и откуда привезли его полуживого на квартиру, было то отдѣленіе Луврской галлерей, гдѣ хранятся произведенія античной скульптуры. Здѣсь, какъ рассказываетъ Мейснеръ—и при этомъ мы невольно вегаминаемъ «Флорентинскія Ночи» нашего поэта, гдѣ онъ, ребенокъ, является влю-

бленнымъ въ статую—здѣсь онъ остановился предъ статуею Велеры Милосской, долго уживался созерцаемъ ся и, наконецъ, горько, горько заплакалъ. «А прекрасныя губы богини улыбались, какъ всегда, и предъ нею рыдала ея несчастная жертва»!..

Какъ ни сильны были до сихъ поръ физическія страданія поэта, теперь они еще увеличались: болѣзнь была такого рода, что могла идти только прогрессируя, но въ то же время медленно приближаясь къ развязкѣ. «Вотъ уже три мѣсяца,—писалъ онъ въ это время,—какъ я терплю такія муки, какихъ не могла выдумать даже испанская инквизиція. Эта живая смерть, эта не-жизнь совершенно невыносима, когда къ ней присоединяются боли»... И все не переставая тутъ же шутить и острить надъ собою, онъ сообщалъ публикѣ, чрезъ посредство пѣмецкой газеты, что иногда въ минуты слишкомъ ужъ сильныхъ судорогъ въ спинномъ мозгу, на него «находило сомнѣніе, дѣйствительно ли человекъ, двуногій богъ, какъ увѣрялъ его профессоръ Гегель въ Берлинѣ». «Ахъ,—прибавлялъ онъ,—я уже не божественное двуногое... я уже не наслаждающійся жизнью, довольно толстый эллипъ, пѣкогда улыбавшійся печальнымъ пазарянамъ; я въ настоящее время только жалкій, умирающій еврей, я высохшій образъ скорби»!..

Для того, чтобы больной могъ хоть нѣсколько забываться, ему давали ежедневные приемы опія; слѣпота его усилилась, такъ что когда хотѣлъ онъ взглянуть на кого-нибудь, входившаго въ его комнату, то долженъ былъ съ усиліемъ приподнять верхнее вѣко праваго глаза; поги изсохли и сдѣлались мягкія, какъ хлопчатая бумага; позвоночный столбъ сталъ все больше и больше искривляться, и для уменьшенія этого мѣстнаго страданія приходилось прибѣгать къ прижиганіямъ. И въ это время черты лица его, разсказываетъ бывшій у него писатель Левинъ Шюклингъ, «какъ-то просвѣтлѣли, одухотворились: то была голова безконечной красоты, настоящая голова Христа, съ улыбкой Мефистофеля, по временамъ пробѣгавшей по этимъ блѣднымъ высохшимъ губамъ». Нисколько не удивительно поэтому, что если въ это самое время поэтъ писалъ: «жизнь для меня навѣки потеряна, а я вѣдь люблю жизнь такъ горячо,

такъ страстно», если и въ нѣсколькихъ, относящихся къ этой порѣ, стихотвореніяхъ, высказывалось то же чувство — то все-таки, говоримъ, нисколько не удивительно, что не разъ приходила ему мысль о самоубійствѣ, и судя по его собственнымъ словамъ, его руку (въ распоряженіи которой всегда находились опиумъ и карманный кинжалъ) удерживала только мысль о любимой женѣ и о многихъ произведеніяхъ, которыя ему нужно было кончить; правда, что къ женѣ онъ прибавлялъ и попугая: «не будь у меня жены и попугая, я—Господи прости мнѣ этотъ грѣхъ! — покончилъ бы съ собою, какъ римлянинъ!» Доктора, и особенно д-ръ Гюби, дѣлали все возможное, чтобы умѣрить его страданія; не видя радикально благопріятныхъ результатовъ, которые были и невозможны, больной принялся самъ читать разныя медицинскія сочиненія, чтобы узнать ближе свойство своей болѣзни; но и тутъ иронизировалъ надъ собою, какъ иронизировалъ надъ всѣмъ: «мои медицинскія занятія,— говорилъ онъ,— принесутъ мнѣ мало пользы; самое большое, что я приобрѣлъ, это возможность читать на небѣ лекціи, чтобы доказать моимъ слушателямъ, какъ дурно лѣчатъ врачи на землѣ размягченіе спинного мозга». А когда одинъ изъ докторовъ предложилъ ему еще новое успокоительное средство, то больной сдѣлалъ возраженіе, которое, думаемъ, заключаетъ въ себѣ хорошее объясненіе сущности его болѣзни вообще, съ самаго начала ея возникновенія. «Положимъ,—сказалъ онъ,—ваше средство успокоитъ мой бѣшенный подвздошный нервъ, но зато начнутъ неистовствовать другіе... Мои нервы совсѣмъ особенные—это удивительные, несчастные нервы; если бы ихъ отправить на всемірную выставку, имъ бы непременно присудили большую золотую медаль за способность причинять всевозможныя боли и страданія»...

При той общительности, которая была такъ сильно развита въ поэтѣ, когда общеніе приходилось ему имѣть съ симпатичными людьми, большое развлеченіе и утѣшеніе во время болѣзни доставляли ему визиты близкихъ знакомыхъ и друзей, особенно дамъ, «великой націи», какъ онъ называлъ женщинъ, въ компаніи которыхъ онъ и теперь веселѣлъ, даже молодѣлъ. Въ

числѣ ихъ бывали такія личности, какъ Жоржъ Сандъ, мадамъ Жиранденъ и др.; изъ обыкновенныхъ смертныхъ прекраснаго пола, доставлявшихъ въ это время больному много свѣтлыхъ минутъ и окружавшихъ его самыми нѣжными заботами и ба-ловствомъ, которое теперь было необходимо ему, какъ ребенку, надо упомянуть съ особенною благодарностью о мадамъ Жюберъ, женѣ члена парижскаго кассационнаго суда, державшей въ Парижѣ «салонъ», гдѣ сходились выдающіеся дѣятели литературы, науки и искусства и гдѣ постоянно бывалъ у нея и Гейне; теперь, во время болѣзни поэта, присутствіе ея было такъ благо-готовно для него, что даже Матильда, женщина очень ревни-вая и даже въ эту пору не долубливавшая всѣхъ этихъ усердныхъ посылительницъ, прозвала мадамъ Жюберъ «маленькой феей» и находилась съ ней въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Изъ мужчинъ навѣщали страдальца болѣе или менѣе часто, Дюма, Жераръ де-Нерваль, Теофиль Готье, Беранже, Лассаль, а когда прїѣзжали въ Парижъ тѣ изъ соотечественниковъ Гейне, съ ко-торыми онъ не переставалъ поддерживать дружескія связи, то они бывали постоянными гостями его; такъ, нерѣдко видѣлъ онъ у себя Лаубе, Мейснера, Адольфа Штара, Геббеля и др., по временамъ приносившихъ ему съ родины отрадныя для его лите-ратурнаго самолюбія вѣсти, напримѣръ, что множество его «пѣ-сенъ», клавшихся на музыку лучшими композиторами, распѣ-вались по всей Германіи, что онъ сдѣлался такимъ образомъ достояніемъ народной массы.

Но при всѣхъ страданіяхъ, больной сохранялъ удивительную мощь духа, необычайную ясность и крѣпость мышленія; можно даже сказать, что его умственное и духовное здоровье усилива-лось по мѣрѣ того, какъ все больше и больше разрушался фи-зическій организмъ. Это обнаруживалось не только въ его бесѣдахъ, которыя, когда больной могъ говорить, сверкали остро-уміемъ, свѣжестью, глубиною, разнообразіемъ, но и въ литера-турной производительности, которая не прекращалась до самой смерти. «Мое тѣло,—писалъ онъ,—терпитъ великія муки, но душа спокойна, какъ зеркало, и по временамъ имѣетъ еще свои чудесные восходы и закаты солнца». Кромѣ произведеній про-

заяческихъ, каковы «Боги въ изгнаніи», «Стихійные Духи», «Признанія» и нѣсколькихъ другихъ статей, на этомъ одѣ страданій, въ этой «матрачной могилѣ» (Matratzengruft), какъ называлъ поэтъ со своимъ ужаснымъ юморомъ тѣ двѣнадцать матрацовъ, на которыхъ онъ лежалъ—возникли удивительныя, то потрясающія по своему трагизму, то чарующія своей задушевной прелестью, то мрачно отчаянныя, то тихо задумчивыя и скорбныя стихотворенія, составившія циклы «Романцера», «Лазарь», «Послѣднія Стихотворенія», и по примѣненію къ которымъ онъ имѣлъ полное право сказать: «Какъ ослѣпленная ласточка, я буду пѣть тѣмъ прекраснѣе»... Понятно, что преобладающій тонъ во всемъ, несмотря на разнообразіе звуковъ и мотивовъ, былъ тонъ безнадежнаго песимизма, и никто не охарактеризовалъ сущности этихъ произведеній лучше самого автора, когда на замѣчаніе Мейснера: «Какіе стихи! какіе звуки! еще никогда не писали вы ничего подобнаго, и никогда ничего подобнаго не слыхалъ я!»—поэтъ отвѣчалъ: «Не правда ли? Да, я самъ знаю—это прекрасно, ужасающе прекрасно! Это жалоба, выходящая какъ бы изъ гроба, тутъ кричитъ во тьмѣ заживо погребенный. Да, да, такихъ звуковъ еще не слышала нѣмецкая лирика, да и не могла ихъ слышать, потому что до сихъ поръ ни одинъ поэтъ не находился въ такомъ положеніи».

Къ этому же времени относится работа, которую мы уже неоднократно цитировали, но о которой умышленно до сихъ поръ не говорили—именно «Мемуары». Вся исторія съ этимъ трудомъ, отъ котораго общимъ достояніемъ осталось очень небольшое число страницъ, имѣющихъ дѣло только съ дѣтскими годами автора—исторія очень странная и темная. Сущность ея въ короткихъ словахъ слѣдующая. Писаніемъ мемуаровъ Гейне занимался давно, и въ 1840 г. у него было приготовлено уже матеріала на цѣлыхъ четыре тома. Затѣмъ, вслѣдствіе извѣстнаго намъ обязательства поэта предъ Карломъ Гейне, а также, какъ онъ самъ объясняетъ, перемѣны въ его религіозныхъ убѣжденіяхъ, которыя въ этой первой редакціи мемуаровъ представлялись съ совершенно атеистическимъ характеромъ, трудъ этотъ подвергся радикальной переработкѣ и сокращеніямъ почти

наполовину, и въ 1854 г., сообщая объ этомъ своему издателью Кампе, авторъ выражалъ надежду уже въ этомъ году окончить большую часть и немедленно выпустить ихъ въ свѣтъ. Но это не осуществилось, и еще въ 1855 г., даже за нѣсколько дней до смерти, мы видимъ поэта усердно пишущимъ все тѣ же записки. Рукопись (объемъ ея, по словамъ Мейснера, видѣвшаго ее уже послѣ смерти автора, но именно только видѣвшаго, а не читавшаго, даже не просматривавшаго, такъ что, можетъ-быть, тутъ было много и другого «посмертнаго», составляя около 600 писанныхъ листовъ) рукопись осталась во владѣніи вдовы. Почему она не приступала къ печатанію «Мемуаровъ», хотя бы съ исключеніемъ всего того, что касалось родственниковъ (вѣдь не объ однихъ же нихъ говорилось, конечно, въ запискахъ), для насъ неизвѣстно и непонятно уже потому, что опубликованіе такого труда доставило бы ей значительную матеріальную выгоду; но что еще въ 1867 г., т. е. черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ смерти поэта, Мемуары были въ рукахъ Матильды, видно изъ ея собственнаго заявленія, что въ этомъ году Максимилианъ Гейне (врачъ русской службы), пріѣхавъ въ Парижъ, былъ у нея, читалъ Мемуары и тутъ же самовольно уничтожилъ значительную часть ихъ; это же подтверждается свидѣтельствомъ одного изъ родственниковъ поэта, что Матильдѣ едва удалось вырвать изъ рукъ Максимилиана нѣсколько листовъ, которые впослѣдствіи были напечатаны. Прельсъ дѣластъ по этому поводу слѣдующее замѣчаніе:

«Подобное насильственное посягательство на цѣнную собственность женщины, которая заводила уже два процесса изъ-за литературнаго наслѣдства своего мужа, и притомъ еще въ чужомъ государствѣ, было слишкомъ опасно, чтобы можно было рѣшиться на него. Я скорѣе убѣжденъ, что Максимилианъ Гейне получилъ большую часть Мемуаровъ только съ согласія вдовы, за извѣстное вознагражденіе — и что онъ или дѣйствительно уничтожилъ ихъ, или оставилъ у себя на сохраненіи. Въ пользу послѣдняго предположенія говорить то обстоятельство, что въ «Воспоминаніяхъ» Максимилиана, написанныхъ уже послѣ посѣщенія имъ Матильды, онъ говоритъ о «находящихся еще въ

рукописи Мемуарахъ». Быть-можетъ, эта задача Мемуаровъ Максимилиану находилась въ связи съ духовнымъ завѣщаніемъ умершаго въ 1865 г. Карла Гейне, гдѣ былъ пунктъ объ удвоеніи пенсіи Матильды. Что Максимилианъ Гейне предоставилъ ей для напечатанія небольшую часть записокъ, объясняется по нашему мнѣнію тѣмъ, что въ этой части блестящимъ образомъ была опровергнута унизительная характеристика отца поэта, сдѣланная Штродтманомъ въ его біографіи. Матильда же не напечатала и эту часть при своей жизни, потому что уже прежде обязалась Карлу Гейне вообще не печатать ни одной строки Мемуаровъ до тѣхъ поръ, пока ей аккуратно будетъ выплачиваться пенсія»...

Только послѣ ея смерти, перешедшая въ собственность бывшаго секретаря Гейне, г. Юлія, часть Мемуаровъ была продана за 16.000 фр. издателю журнала «Gartenlaube», гдѣ она вскорѣ послѣ того и появилась, но съ сокращеніями и измѣненіями, соотвѣтственно характеру журнала; въ исправленномъ видѣ она появилась въ 1884 г. отдѣльнымъ изданіемъ.—Читатель видитъ такимъ образомъ, что многое въ этой исторіи остается неразъясненнымъ, между прочимъ и вопросъ—почему, если рукопись Мемуаровъ дѣйствительно существуетъ, собственники ея держатъ ее взаперти, а не выпускаютъ въ свѣтъ, съ исключеніемъ всего того, что можетъ быть такъ или иначе оскорбительно для ихъ семейной чести?.. Какъ бы то ни было, но въ пользованіи публики остается покаместъ только ничтожная часть этого труда—ничтожная въ количественномъ и не особенно важная въ качественномъ отношеніи. Что касается до тона, въ которомъ были написаны всѣ уничтоженные теперь, или хранящіяся въ чьихъ-нибудь шкапахъ страницы, то о немъ можно судить по тому, что, уже дописывая послѣднія строки, Гейне съ жестокимъ смѣхомъ сказалъ присутствовавшей при этомъ женщинѣ: «Теперь они (т. е. тѣ, о которыхъ шла рѣчь въ Мемуарахъ) въ моихъ рукахъ. Мертвыми или живыми—я уже не выпущу ихъ. Берегись всякій, кто будетъ читать эти строки, если онъ осмѣливался когда-либо нападать на меня! Гейне не умираетъ, какъ первый встрѣчный, и когти тигра переживаютъ тигра»...

Женщина, о которой мы только-что упомянули, была та, которая могла въ этомъ, уже совершенно разрушенномъ организмѣ, весьма незадолго до его смерти, вызвать страстную, даже—какъ это ни удивительно—чувственную любовь, ибо только въ такомъ состояніи можно было писать: «я мертвецъ, томящійся жаждой по самымъ огненнымъ наслажденіямъ, какія доставляетъ жизнь... это ужасно»... Въ стихотвореніяхъ, вызванныхъ этою послѣднею страстью, предметъ ея обесмертенъ подъ именемъ «мушки» (*la mouche*); имя ея—Камилла Сельденъ—сдѣлалось извѣстно послѣ изданія ею воспоминаній о послѣднихъ дняхъ жизни поэта. Не останавливаясь здѣсь на касающихся ея біографическихъ подробностяхъ, замѣтимъ только, что она была нѣмецкаго происхожденія, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ сдѣлалась горячею поклонницею нашего поэта и, пріѣхавъ въ 1855 г. въ Парижъ (ей было въ то время около тридцати лѣтъ), тотчасъ же явилась къ больному съ порученіемъ отъ одного знакомаго изъ Вѣны, явилась въ ту пору, когда физическія страданія несчастнаго достигли высшей степени, когда онъ чувствовалъ себя очень одинокимъ и когда онъ писалъ: «я боленъ, какъ еобака, и борюсь со смертью и болями, какъ кошка; кошки, къ сожалѣнію, живучи»... Мейснеръ свидѣтельствуетъ о красотѣ этой женщины, о соединеніи въ ней самымъ прелестнымъ образомъ французскаго ума и остроумія съ нѣмецкой теплотою и задушевностью, и т. п., и мы не сомнѣваемся въ справедливости этихъ свѣдѣній, потому что нужны были большія физическія и умственныя достоинства, чтобы въ такомъ положеніи, въ какомъ находился поэтъ, вызвать въ немъ такую сильную привязанность: безъ своей «мушки» онъ не могъ теперь прожить ни одного дня, писалъ ей самыя нѣжныя и страстныя записки, слагалъ въ ея честь чудесныя пѣсни, диктовалъ ей свои произведенія, рассказывалъ свои воспоминанія... Любовь къ «мушкѣ» нисколько, однако, не мѣшала поэту сохранять глубокую нѣжность относительно своей Матильды; надо упомянуть также, что почти одновременно съ этимъ своимъ послѣднимъ увлеченіемъ Гейне находилъ утѣшеніе—лишенное впрочемъ, уже всякаго страстнаго характера—въ обществѣ другой женщины,

съ которой онъ познакомился лѣтъ за двадцать до этого времени, въ Булони, когда ей было всего лѣтъ двѣнадцать, и которую поэтъ тѣшилъ тогда сказками и рассказами, выдумывавшимися имъ собственно для нея. Съ тѣхъ поръ они не видѣлись; но прїѣзжая въ Парижъ въ послѣдніе годы жизни Гейне, она (фамилія ея осталась неизвѣстною, имя—Люси) успѣшила навѣстить его и была принята самымъ привѣтливымъ образомъ. Въ годъ, предшествовавшій смерти Гейне, она снова прїѣхала въ Парижъ, по желанію больного, бывала у него почти каждый день, вела съ нимъ бесѣды о предметахъ политическихъ, религіозныхъ, литературныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ получала отъ него шуточные прозвища въ родѣ «высокочитимое великобританское божество» (она была нѣмка и жила въ Англіи), причемъ себя называла «вѣрноноданнымъ и преданнымъ обожателемъ ея», слышала отъ него такія слова: «я теперь примирился со всѣмъ міромъ и пересталъ, наконецъ, роптать на Бога, Который посылаетъ мнѣ тебя, какъ прекраснаго ангела смерти; я безъ всякаго сомнѣнія скоро умру»...

И трудно было ему сомнѣваться въ близкомъ окончаніи страданій: они дѣлались совершенно невыносимыми, и только его безпримѣрная сила духа позволяла ему не только стоически относиться къ нимъ и предстоявшей скоро развязкѣ, но и теперь оставаться неисправимымъ юмористомъ. «Pouvez vous siffler?» спрашиваетъ его докторъ (т. е. «можете ли вы свистѣть?») и получаетъ въ отвѣтъ: «Hélas, non, pas même les pièces de monsieur Scribe» (т. е. «не могу даже освистывать пьесы Скриба», такъ какъ по-французски siffler значитъ свистать и освистывать). Или онъ грозитъ принести обществу покровительства животныхъ жалобу на жестокое обращеніе съ нимъ неба. Или, за нѣсколько дней до своей смерти, на вопросъ посѣтителя: «примирился ли онъ съ небомъ», отвѣчаетъ: «не беспокойтесь — Dieu me pardonnera, c'est son métier»... Въ первыхъ числахъ февраля 1856 г. съ нимъ начали все чаще и чаще дѣлаться обмороки, судороги, рвота. Но онъ не переставалъ работать и еще 13 числа писалъ шесть часовъ сряду; на увѣщанія, что такія усиленныя занятія очень вредны для него,

онъ, писавшій теперь Мемуары, отвѣчалъ, что для окончанія ихъ ему нужно всего еще дня четыре—(доказательство, что Мемуары были доведены имъ почти до конца). 16-го, послѣ обѣда, онъ сказалъ: «бумаги и карандашъ!»—Но то были послѣднiя слова его. Карандашъ выпалъ изъ рукъ, началась мучительная агонiя, и 17 февраля, въ три четверти четвертаго утра, великiй поэтъ и великiй страдалецъ успокоился навѣки. «Меня ввели,—разсказываетъ Камилла Сельденъ,—въ безмолвную комнату, гдѣ, подобное статуѣ на гробницѣ, тѣло лежало въ торжественной неподвижности смерти. Ничего уже человѣческаго въ этихъ холодныхъ останкахъ, ничего уже напоминающаго того, кто любилъ, ненавидѣлъ, страдалъ: только античная маска, на которую послѣднее успокоенiе наложило ледяную печать надменнаго равнодушия; блѣдное, точно изваянное изъ мрамора, лицо, правильныя черты, такъ сказать, обожествленныя, наводили на мысль о какой-нибудь великолѣпной аллегорiи»...

За пять лѣтъ до смерти, въ одномъ изъ своихъ завѣщанiй, (онъ написалъ ихъ нѣсколько), поэтъ, торжественно заявляя, что онъ умираетъ въ вѣрѣ въ единаго Бога, Творца мiра, Котораго молить о состраданiи къ его бессмертной душѣ, и что по метрическому свидѣтельству онъ принадлежитъ къ лютеранской религии, выражалъ, однако, волю, чтобы похоронили его безъ всякой церковной церемонiи и безъ участiя духовенства, чтобы не вскрывали его трупа и на могилѣ не произносили никакихъ рѣчей. Все это было исполнено въ точности, точно такъ же какъ и прежнее распоряженiе его — похоронить на Монмартрскомъ кладбищѣ. Въ холодное и сырое утро небольшой кружокъ друзей, между которыми были: Дюма, Теофиль Готье, Поль Сень-Викторъ, историкъ Минье и нѣсколько нѣмецкихъ журналистовъ, опустили многострадалнаго поэта въ могилу,—и нѣсколько времени спустя, иждивенiемъ Матильды, воздвигся здѣсь скромный памятникъ, съ вырѣзанными на плитѣ его двумя простыми, но многозначительными словами: «Henri Heine»... Въ 1900 г. онъ былъ замѣненъ новымъ, сдѣланнымъ въ Римѣ по заказу австрийской императрицы, супруги Франца-Иосифа, погибшей такъ трагически отъ руки убiйцы. Императрица была восторженной

поклонницей нашего поэта и на островѣ Корфу давно уже почитала его память великолѣпнымъ мавзолеемъ съ художественными изваяніями его фигуры и нѣсколькихъ дѣйствующихъ лицъ его произведеній. Зато въ Германіи, въ отчизнѣ поэта, нигдѣ не найдете вы даже чего-нибудь похожаго на памятникъ тому, чье имя должно служить украшеніемъ и гордостью этой страны. Мало того—тамъ до сихъ поръ, въ разныхъ кругахъ общества, раздастся гнусное и глупое шипѣніе умственнаго и нравственнаго потомства тѣхъ, которыхъ такъ безпощадно карала сатира великаго поэта. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда небольшой кружокъ изъ тѣхъ нѣмцевъ, которые понимаютъ великое значеніе Гейне, какъ поэта и какъ гражданина всего міра и своего собственнаго отечества, нашель, что Германія не исполняетъ одного изъ своихъ настоятельнѣйшихъ и благороднѣйшихъ долговъ, не ставя до сихъ поръ памятника автору «Путевыхъ Картинъ», «Сѣвернаго моря», «Книги Пѣсенъ», и когда составилъ комитетъ для сбора пожертвованій, — то начались протесты, столько же высоко-комичные, сколько глубоко-печальные. Такъ, муниципальный совѣтъ того города, гдѣ поэтъ родился и который онъ обезсмертилъ навсегда увлекательнѣйшими поэтическими страницами своего «Путешествія на Гарцъ», энергически воспротивился сооруженію памятника въ Дюссельдорфѣ, на томъ основаніи, что этотъ «безнравственный» членъ и поэтъ принадлежалъ, въ добавокъ, къ еврейскому племени! Такъ, когда затѣмъ выборъ членовъ Комитета палъ на Майнцъ, то «Майнцкая Газета», главный органъ противной и господствующей партіи, разразилась протестующей тирадой, въ которой принимались въ соображеніе «извѣстная всѣмъ фривольность этого писателя, его ненависть къ религіи, презрѣніе къ нѣмечинѣ» и т. д. и т. д. Но, несмотря на комичность и гнусность этой оппозиціи, она однако все-таки привела къ тому, что дѣло было положено «подъ сукно», и Богъ вѣсть, когда выйдетъ оттуда,—какъ остается до сихъ поръ «подъ сукномъ» мысль о сооруженіи въ Англійи памятника другому страшному грѣшнику—Байрону... «Es ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu...»

Петръ Вейнбергъ.

ДОБАВЛЕНИЕ.

Автобиографическій очеркъ.

(*Письмо Гейне къ Филарету Шалоу*).

Парижъ, 11 января 1835 г.

Я только-что имѣлъ честь получить ваше письмо и спѣшу дать вамъ желаемыя вами свѣдѣнія.

Я родился въ 1800 г. *) въ Дюссельдорфѣ, городѣ на Рейнѣ, который съ 1806 по 1814 г. былъ занятъ французами, такъ что я въ дѣтствѣ дышалъ воздухомъ Франціи. Первое воспитаніе я получалъ въ дюссельдорфскомъ францисканскомъ монастырѣ. Затѣмъ я поступилъ въ гимназію этого города, которая тогда была переименована въ лицей. Тамъ я прошелъ всѣ тѣ классы, гдѣ преподавались humaniora, и особенно хорошо учился въ старшемъ классѣ, гдѣ ректоръ Шальмейеръ преподавалъ философію, профессоръ Крамеръ — классическую поэзію, профессоръ Бреверъ — математику и аббатъ Донау — французскую реторику и поэтику. Эти люди еще живы, за исключеніемъ перваго, католическаго священника, который особенно заботился обо мнѣ, вълѣдствіе, кажется, того, что онъ былъ университетскимъ пріятелемъ брата моей матери, совѣтника Гельдерна, и потому, какъ я думаю, что мой дѣдушка, докторъ де-Гельдернъ, знаменитый врачъ, спасъ ему жизнь. Мой отецъ былъ негоціантъ, и довольно богатъ. Моя мать, почтенная женщина, еще живетъ, уда-

*) Ср. биографію вначалѣ.

лясь отъ большого свѣта. У меня есть сестра, Шарлотта де-Эмбденъ, и два брата, изъ которыхъ одинъ, Густавъ де-Гельдернъ (онъ принялъ фамилію моей матери) драгунскій офицеръ въ арміи е. в. императора австрійскаго, а другой, докторъ Максимилианъ Гейне — врачъ въ русской арміи, съ которою онъ перешелъ Балканы. Мои учебныя занятія, прерванныя романтическими прихотями, попытками устроиться, любовью и другими болѣзнями, были возобновлены въ 1819 г. въ Боннѣ и потомъ продолжались въ Геттингенѣ и Берлинѣ. Три съ половиною года я пробылъ въ Берлинѣ, гдѣ жилъ въ близкихъ сношеніяхъ съ самыми выдающимися въ наукахъ людьми и гдѣ страдалъ отъ разныхъ невзгодъ, между прочимъ отъ удара шпагою, нанесеннаго мнѣ нѣкимъ Шиллеромъ изъ Данцига, имя котораго я не забуду, потому что это единственный человѣкъ, сумѣвшій меня ранить самымъ чувствительнымъ образомъ. Я учился семь лѣтъ въ вышепоименованныхъ университетахъ, и въ Геттингенѣ, куда я возвратился изъ Берлина, была получена мною степень доктора правъ, послѣ экзамена и публичнаго диспута, на которомъ знаменитый Гуго, въ ту пору деканъ юридическаго факультета, не пощадилъ меня ни отъ одной схоластической формальности. Хотя этотъ послѣдній фактъ можетъ вамъ показаться довольно пустымъ, но я прошу васъ замѣтить его; потому что въ одной, недавно напечатанной противъ меня книгѣ, утверждаютъ, что мой университетскій дипломъ я купилъ. Изъ всѣхъ неправдъ, которыя печатались насчетъ моей частной жизни, эта—единственная, которую я желалъ бы видѣть опровергнутою. Какова гордость ученаго! Пусть говорятъ обо мнѣ, что я незаконнорожденный, сынъ палача, грабитель на большихъ дорогахъ, безбожникъ, плохой поэтъ—мнѣ все это смѣшно; но я терзаюсь, когда вижу, что осмѣиваютъ мое докторское достоинство (между нами будь сказано, я хоть и докторъ правъ, но юриспруденція именно та наука, которую я знаю гораздо меньше, чѣмъ другія). Въ шестнадцать лѣтъ я уже началъ писать стихи. Мои первыя стихотворенія были напечатаны въ Берлинѣ въ 1821 г. Два года спустя, появились новыя стихотворенія съ двумя трагедіями. Одна изъ трагедій была сыграна и освистана въ Брауншвейгѣ,

столицѣ герцогства этого именн. Въ 1825 г. появился первый томъ «Reisebilder». Три послѣдующихъ тома ихъ были напечатаны нѣсколько лѣтъ спустя у гг. Гофманъ и Кампе, которые и теперь издатели моихъ сочиненій. Время отъ 1826 до 1831 г. я жилъ поочередно въ Люнебургѣ, Гамбургѣ и Мюнхенѣ, и въ этомъ послѣднемъ городѣ редактировалъ съ моимъ другомъ Линднеромъ газету «Политическіе Анналы». Въ промежуткахъ я дѣлалъ поѣздки за границу. Уже двѣнадцать лѣтъ я всегда провожу осенніе мѣсяцы на берегу моря, обыкновенно на одномъ изъ маленькихъ острововъ Сѣвернаго моря. Я люблю море, какъ любовницу, и воспѣвалъ ея красоту и ея прихоти: Эти стихотворенія помѣщены въ нѣмецкомъ изданіи «Reisebilder». Изъ французскаго изданія я ихъ исключилъ, исключивъ также полемическую часть, которая касается родового дворянства, тевтомановъ и католической пропаганды. Что касается до дворянства, то объ этомъ вопросѣ я снова говорилъ въ моемъ введеніи къ книгѣ «Кальдорфъ о дворянствѣ», которую написалъ не я, какъ думаетъ нѣмецкая публика. А что касается тевтомановъ, этихъ vieilles Allemagnes, патріотизмъ которыхъ состоялъ только въ слѣпой ненависти къ Франціи, то ихъ я неутомимо преслѣдовалъ во всѣхъ моихъ писаніяхъ. Это вражда, начавшаяся еще въ ту пору, когда я принадлежалъ къ корпораціи буршества. Въ то же время я воевалъ противъ католической пропаганды нѣмецкихъ іезуитовъ, дѣлая это какъ для наказанія тѣхъ клеветниковъ, которые первые напали на меня, такъ и для удовлетворенія протестантскимъ склонностямъ. Эти склонности, правда, иногда могли завлекать меня слишкомъ далеко, потому что протестанство было для меня не только либеральною религіею, но и точкою отправленія нѣмецкой революціи, и къ вѣроисповѣданію лютеранскому я принадлежалъ не только по метрическому свидѣтельству, но и по боевому энтузіазму, который заставлялъ меня принимать участіе въ борьбѣ этой воинствующей церкви. Защищая соціальные интересы протестантизма, я вмѣстѣ съ тѣмъ никогда, однако, не скрывалъ своихъ пантеистическихъ симпатій. Изъ-за этого меня обвиняли въ атеизмѣ. Соотечественники мало свѣдущіе или злонамѣренные давно уже стали распространять

извѣстіе, что я надѣлъ сень-симонистскій кафтанъ; другіе жа-
луютъ меня въ послѣдователя юдаизма. Сожалѣю, что я не
всегда имѣю возможность вознаграждать за такія услуги. Я ни-
когда не курилъ; не люблю также пива, а кислую кашу я
въ первый разъ поѣлъ только во Франціи. Въ литературѣ я
пробовалъ свои силы на всемъ. Я сочинялъ поэмы лирическія,
эпическія и драматическія, я писалъ объ искусствѣ, о фило-
софіи, о богословіи, о политикѣ... Да простить мнѣ Господь! Вотъ
уже двѣнадцать лѣтъ, какъ обо мнѣ толкуютъ и спорятъ въ
Германіи; хвалятъ меня и бранятъ меня, но всегда страстно и
безпрерывно. Тамъ меня любятъ, ненавидятъ, *атофеозируютъ*,
поносятъ. Съ мая 1831 г. я живу во Франціи. За четыре года
я не слышалъ ни одного нѣмецкаго соловья.

Довольно. Я становлюсь грустенъ. Если вы попросите еще
свѣдѣній, дамъ ихъ вамъ очень охотно. Предпочитаю, чтобъ вы
ихъ спрашивали лично у меня. Говорите обо мнѣ хорошо, гово-
рите хорошо о нашемъ ближнемъ, какъ учить Евангеліе,— и
примите увѣреніе въ полномъ уваженіи, съ которымъ я—
и проч.

ПУТЕВЫЯ КАРТИНЫ.

Часть первая.
ПУТЕШЕСТВІЕ НА ГАРЦЪ.

(1824 г.)

Ничто не постоянно такъ, какъ непостоянство; ничто не неизмѣнчиво такъ, какъ смерть. Каждое біеніе сердца наноситъ намъ новую рану, и жизнь была бы вѣчнымъ кровопролитіемъ, не будь на свѣтѣ поэзіи. Она даетъ намъ то, въ чемъ намъ отказываетъ природа: золотое время, которое не ржавѣетъ, весну, которая не стивѣтаетъ, безоблачное небо и вѣчную юность.

Б е р н е.

Черные фраки, чулочки,
Ловко скроенныя платья,
Приторно-сладкія рѣчи,
Ласки, лобзанья, объятья...

Ахъ, кабы души съ любовью,
Съ теплою любовью въ нихъ были!
Звуки ихъ ложныхъ страданій
До смерти мнѣ опостыли!..

Въ горы отъ васъ ухожу я,
Въ горы, гдѣ набожны люди,
Въ горы, гдѣ воздухъ свѣжѣе,
Легче гдѣ дышится груди;

Въ горы, гдѣ шепчутся ели,
Воды прозрачны, гремучи,
Весело птицы щебечуть,
Гордо проносятся тучи.

Миръ вамъ, блестящія залы,
Гладкія дамы, мужчины!..
Въ горы!.. Оттуда взгляну я
Весело въ ваши долины!..

Городъ Геттингенъ, знаменитый своими колбасами и университетомъ, принадлежитъ королю ганноверскому и имѣетъ 999 домовъ, различныя церкви, повивальное заведеніе, обсерваторію, карцеръ, бібліотеку и магистратскій погребъ, въ которомъ продается очень хорошее пиво. Ручей, протекающій здѣсь, называется Леною и лѣтомъ служитъ для купанья. Вода въ немъ очень холодна и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ широка, что Людеру, для того чтобы перескочить черезъ нее, нужно было хорошенько разбѣжаться. Самый городъ красивъ и больше всего нравится, если повернуться къ нему спиною. По всей вѣроятности, онъ построенъ уже очень давно; я хорошо помню, что когда, пять лѣтъ тому назадъ, получалъ я тамъ матрикуль, то городъ имѣлъ уже тогда тотъ же самый сѣрый, стариковски-умный видъ и былъ до-полна начиненъ присяжными, педелями, диссертациями, *thés-dansants*, прачками, компендіями, жареными голубями, гвельфскими орденами, чубуками съ трубками, гофратами, юстицратами, релегаціонсратами, профаксами и другими различными факсами. Нѣкоторые утверждаютъ даже, что городъ построенъ во время переселенія народовъ и что каждая отрасль германскаго племени оставила здѣсь по одному растрепанному экземпляру своихъ членовъ, откуда и произошли вандалы, фризы, швабы, тевтоны, саксы, тюринги и т. д., которые до сихъ поръ, различаясь только цвѣтомъ шапокъ и трубокъ, шлеются толпами по Вендской улицѣ, вѣчно дерутся между собою на кровавыхъ поляхъ битвы—Разенмюлэ, Ритшенкругъ и Бовденъ, руководятся тѣми же нравами и обычаями, какіе были во время переселенія народовъ, и управляются частію вождями, которыхъ они называютъ старшими пѣтухами, частію старымъ сводомъ законовъ, называемымъ Комментаромъ и заслуживающимъ имѣть мѣсто въ *legibus barbarorum*.

Вообще геттингенскіе жители раздѣляются на студентовъ, профессоровъ, филистеровъ и скотовъ; всѣ они немногимъ различаются между собою. Классъ скотовъ самый значительный. Было бы чрезчуръ подробно исчислять здѣсь имена всѣхъ студентовъ и ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ; притомъ же, въ настоящую минуту, я не при-

помню именъ всѣхъ студентовъ, а между профессорами есть такіе, которые покамѣстъ не имѣютъ никакого имени. Число геттингенскихъ филистеровъ должно быть очень велико; ихъ такъ много, какъ песку, или, лучше сказать, какъ грязи въ морѣ, и право, когда утромъ я вижу ихъ стоящими передъ дверьми университетскаго суда, съ ихъ грязными лицами и бѣлыми счетами въ рукахъ, то едва понимаю, какъ Богъ могъ сотворить столькихъ бездѣльниковъ.

Подробности о Геттингенѣ можно найти въ топографіи его, составленной К. Ф. Г. Марксомъ. Несмотря на то, что я питаю священнѣйшую признательность къ автору, бывшему мнѣ докторомъ и доказавшему мнѣ свою любовь, я все-таки не могу безусловно хвалить его сочиненіе и долженъ порицать его за то, что онъ не достаточно сильно опровергаетъ ложное мнѣніе, будто у геттингенскихъ женщинъ слишкомъ большія ноги. Да, я долго занимался серьезнымъ опроверженіемъ этого мнѣнія, слушалъ для этого сравнительную анатомію, выписывалъ изъ бібліотеки самыя рѣдкія сочиненія, по цѣлымъ часамъ стоялъ на Вендской улицѣ, рассматривая дамскія ноги, и въ ученомъ трактатѣ, написанномъ мною, гдѣ будутъ заключаться результаты этихъ изслѣдованій, говорю: во-первыхъ, о ногахъ вообще, во-вторыхъ, о ногахъ у древнихъ, въ-третьихъ, о ногахъ слоновъ, въ-четвертыхъ, о ногахъ у геттингенскихъ женщинъ, въ-пятыхъ, свожу все, что было уже сказано объ этихъ послѣднихъ, въ-шестыхъ, рассматриваю эти ноги въ ихъ связи съ другими членами и по этому случаю распространяюсь объ икрахъ, колѣняхъ и т. д., и наконецъ, въ-седьмыхъ, если только найду достаточно большой листъ бумаги, то приложу гравированныя на мѣди изображенія ногъ геттингенскихъ дамъ.

Было еще очень рано, когда я выѣхалъ изъ Геттингена; ученый *** лежалъ еще, вѣроятно, въ постели и видѣлъ, по обыкновенію, сонъ: что онъ гуляетъ въ прекрасномъ саду, на грядкахъ котораго растутъ бѣлыя, исписанныя цитатами, бумажки; весело блестятъ онъ при солнечномъ свѣтѣ, а онъ срываетъ то ту, то другую и заботливо пересаживаетъ ихъ на новыя грядки, между тѣмъ какъ соловьи тѣшутъ старое сердце его сладчайшими пѣснями своими.

Передъ Вендскими воротами встрѣтились со мною два школьника-туземца, изъ которыхъ одинъ говорилъ другому:

«Я не хочу больше быть знакомымъ съ Теодоромъ; онъ негодяй, потому что вчера не зналъ, какъ родительный падежъ отъ mensa». Какъ ни незначительны, кажется, эти слова, я однако помню ихъ и теперъ; ихъ можно бы даже написать на выѣздныхъ воротахъ города, какъ девизъ его. Маленькіе вѣдь пицаютъ такъ, какъ большіе свистятъ, и эти слова школьника отлично показываютъ узкое, сухое чванство познаніями многоученой georgia Augusta.

На дорогѣ вѣялъ свѣжій, утренній вѣтерокъ, весело распѣвали птицы, и у меня на душѣ становилось свѣжѣе и веселѣе. Такое состояніе пришло очень кстати. Въ послѣднее время я не выходилъ изъ Пандектовъ, римскіе казуисты опутали умъ мой будто сѣрою паутиною, сердце мое точно прищемилось желѣзными параграфами эгоистическихъ системъ права, въ ухахъ то и дѣло звучало: «Трибоніанъ, Юстиніанъ, Гермогеніанъ и Думерьянъ», и нѣжную чету, сидѣвшую подъ деревомъ, я принялъ за экземпляръ *Corpus Juris* съ скрещенными руками. Дорога стала оживляться. Молодые молочницы проходили мимо меня, погонщики ословъ шли со своими сѣрыми питомцами. За Вендомъ встрѣтились со мною Шеферъ и Дорисъ. Это не идиллическая пара, воспѣтая Геснеромъ, а два тучныхъ университетскихъ педеля, которыхъ обязанность — заботливо наблюдать, чтобы студенты не дрались на дуэли и чтобы никакія новыя идеи, которыя до сихъ поръ должны по нѣсколько лѣтъ держать карантинъ передъ Геттингеномъ, не провозились контрабандой въ городъ какимъ-нибудь спекулирующимъ приватъ-доцентомъ. Шеферъ поклонился мнѣ, какъ собрату, потому что онъ тоже писатель и часто упоминалъ обо мнѣ въ своихъ полугодичныхъ отчетахъ; да онъ и кромѣ того часто цитировалъ меня и, когда не заставалъ меня дома, то всегда былъ такъ добръ, что писалъ цитату мѣломъ на двери моей комнаты. По временамъ проѣзжала телѣга, нагруженная студентами, которые оставляли городъ: одни—на время каникулъ, другіе—навсегда. Въ такомъ университетскомъ городѣ вѣчный вѣздъ и выѣздъ: каждыя три года образуется тамъ новое поколѣніе студентовъ. Это вѣчный потокъ людей, въ которомъ волна одного семестра вытѣсняетъ другую, и только старые профессора стоятъ въ этомъ общемъ движеніи непоколебимо, какъ египетскія пирамиды, съ тою, впрочемъ, разницею, что въ этихъ университетскихъ пирамидахъ не сокрыта никакая мудрость.

Изъ Миртовой рощи выѣхали двое юношей, цвѣтушихъ

здоровьемъ. Женщина, занимающаяся въ этомъ мѣстѣ своимъ горизонтальнымъ ремесломъ, проводила ихъ до дороги, ударила искусной рукой по спинѣ тощихъ лошадей и громко захохотала, когда одинъ изъ всадниковъ оказалъ ей хлыстомъ такую же любезность и по тому же самому мѣсту. Потомъ она пошла по направленію къ Бовдену, а юноши поѣхали къ Нертену, и очень остроумно орали во все горло, и весело распѣвали Россиньевскую пѣсню: «Шей пиво, милая, милая Лиза!» Долго еще слышалъ я замиравшіе въ отдаленіи звуки эти, между тѣмъ какъ скоро совсѣмъ потерялъ изъ виду милыхъ пѣвцовъ, сильно пришпорившихъ и погнавшихъ своихъ лошадей, которыя въ сущности имѣли, повидимому, нѣмецко-вѣлый характеръ. Нигдѣ не мучать этихъ животныхъ такъ, какъ въ Геттингенѣ—и часто, глядя, какъ хромая, обливающаяся потомъ кляча изъ-за клочка корма переноситъ побои отъ нашихъ рыцарей Миртовой рощи или тащить цѣлую телѣгу со студентами, я думаю: «О, бѣдное животное, должно-быть, предки твои поѣли въ раю запрещеннаго сѣна!»

Въ Нертенской гостиницѣ я снова встрѣтилъ двухъ юношей. Одинъ изъ нихъ пожиралъ салатъ изъ сельдей, другой бесѣдовалъ съ желтокожею прислужницей, Фузіей Каниной. Онъ сказалъ ей нѣсколько любезностей, а скоро пошли въ ходъ и руки. Чтобъ облегчить мою дорожную ношу, я вытащилъ изъ сумки синіе панталоны, очень замѣчательные въ историческомъ отношеніи, и подарилъ ихъ трактирному мальчику, по имени Колибри. Между тѣмъ, Буссенія, старая трактирщица, принесла мнѣ бутербродъ и изъявила сожалѣніе, что я сталъ такъ рѣдко посѣщать ее, потому что она очень любила меня.

За Нертеномъ солнце стояло ярко и высоко на небѣ. Оно очень любезно обошлось со мною и такъ согрѣло мою голову, что всѣ незрѣлыя мысли мои окончательно созрѣли. Я не хотѣлъ также пренебречь милымъ солнцемъ вѣвѣски нордгеймской гостиницы: вошелъ туда и засталъ обѣдъ уже готовымъ. Всѣ блюда были очень вкусно приготовлены и гораздо лучше понравились мнѣ, чѣмъ безвкусныя академическія кушанья—твердые, какъ кожа, варенныя безъ соли трески съ ихъ старою капустою, которыми угощали меня въ Геттингенѣ.

Успокоивъ немного мой желудокъ, я замѣтилъ въ этой же комнатѣ одного господина съ двумя дамами, собиравшихся уѣзжать. Господинъ этотъ былъ одѣтъ весь въ зеле-

лое; на немъ были даже зеленяя очки, бросавшія на его мѣдно-красный носъ оттѣнокъ яри мѣдянки; онъ походилъ на царя Навуходносора въ послѣдніе годы его жизни, когда этотъ монархъ, какъ говоритъ преданіе, питался, подобно дикому звѣрю, однимъ только салатомъ. Зеленый господинъ попросилъ меня рекомендовать ему хорошую гостиницу въ Геттингенѣ, и я посовѣтовалъ ему спросить у перваго встрѣчнаго студента адресъ Брюбахскаго отеля. Одна изъ дамъ была супруга его, высокая, объемистая барыня, съ краснымъ лицомъ въ цѣлую квадратную милю, съ ямочками на щекахъ, похожими на плевалъницы для боговъ любви; мясистый, отвислый подбородокъ казался сквернымъ продолженіемъ всего лица; полная, очень высокая грудь была, точно башнями и бастіонами, ограждена твердыми кружевами и зубчатыми воротничками и походила на крѣпость, которая конечно, точно такъ же, какъ и тѣ крѣпости, о которыхъ говоритъ Филиппъ Македонскій, не могла бы устоять противъ осла, нагруженнаго золотомъ. Другая дама, сестра первой, представляла съ нею совершенную противоположность. Если первая происходила отъ семи тучныхъ коровъ Фараона, то родоначальники второй были коровы тощія. Все лицо ея составляло одинъ большой ротъ между двумя ушами; грудь была такъ безотрадно пуста, какъ люнебургское поле; вся вывареная фигура напоминала собою даровой обѣдъ бѣдныхъ студентовъ богословія. Обѣ дамы спросили у меня въ одно и то же время: останавливаются ли въ Брюбахскомъ отелѣ порядочные люди. Я съ совершенно спокойною совѣстью отвѣчалъ утвердительно, и когда милое тріо уѣхало, поклонился ему еще разъ изъ окна. Трактиричикъ Солнца лукаво улыбнулся: онъ зналъ, конечно, что Брюбахскимъ отелемъ геттингенскіе студенты называютъ университетскій карцеръ.

За Нордгеймомъ почва дѣлается гористокъ; тамъ и самъ выступаютъ передъ глазами живописныя возвышенности. На дорогѣ попадались мнѣ навстрѣчу большею частью бунцы, сбѣшившіе на ярмарку въ Брауншвейгъ, и много женщинъ, изъ которыхъ каждая несла на спинѣ большую, величину съ добрый домъ, клѣтку, обтянутую бѣлымъ полотномъ. Въ клѣткахъ сидѣли всяческія пѣвчія птицы, щелбавшія безъ умолку, между тѣмъ какъ сами женщины весело подпрыгивали и болтали. Мнѣ показалось очень смѣшно, что птицы птицъ несутъ на рынокъ.

Ночь была уже совершенно темна, когда я пришелъ въ

Остероде. Ёсть мнѣ ничего не хотѣлось, и поэтому я сейчас же легъ въ постель. Я былъ утомленъ, какъ собака, и спалъ, какъ богъ. Во снѣ я снова перенесся въ Геттингенъ и очутился въ университетской библіотекѣ. Я стоялъ въ углу залы юриспруденціи, перелистывалъ старыя диссертациі, углубился въ чтеніе, и когда кончилъ, то съ удивленіемъ замѣтилъ, что наступила уже ночь, и свѣчи въ висячихъ хрустальныхъ канделябрахъ освѣщали залу. На часахъ сосѣдней церкви пробило двѣнадцать. Дверь залы медленно открылась, и въ нее вошла величавая, колоссальная женщина, за которою съ глубокимъ уваженіемъ слѣдовали члены и приверженцы юридическаго факультета. Женщина-исполинь, хотя уже не молодая, носила еще на лицѣ слѣды строгой красоты, каждый взглядъ ея обличалъ въ ней высокую дочь Титановъ, могущественную Ѳемиду. Въ одной рукѣ она небрежно держала мечъ и вѣсы, въ другой — пергаментный свитокъ. Два молодыхъ доктора правъ несли шлейфъ ея сѣраго, полинявшаго платья, но правой сторонѣ ея живо подпрыгивалъ тощій надворный совѣтникъ Рустикусъ, ганноверскій Ликургъ, и декламировалъ что-то изъ своего новаго законодательнаго проекта; съ лѣвой стороны прихрамывалъ крайне любезно и въ прекрасномъ расположеніи духа, *cavalier servente* Ѳемиды, тайный совѣтникъ юстиціи, Куяціусъ; онъ то и дѣло отпуская юридическія остроты и самъ такъ сердечно хохоталъ надъ ними, что даже строгая богиня по временамъ съ улыбкою наклонялась къ нему, била его по плечу большимъ пергаментнымъ свиткомъ и привѣтливо шептала: «Ахъ ты, маленькій повѣса, стригущій всѣ деревья наоборотъ!» Прочіе юристы тоже подходили ближе; каждый изъ нихъ имѣлъ что-нибудь замѣтить, надъ чѣмъ-нибудь посмѣяться — какую-нибудь новую выдуманную системочку или гипотезочку, или другой подобный выкидышекъ изъ собственной головки. Въ открытую дверь залы вошли также многіе незнакомцы, объявившіе себя великими людьми, изъ знаменитаго сословія юристовъ; все это были угловатые, подозрительные господа, съ полнымъ самодовольствіемъ опредѣлявшіе, осуждавшіе и оспаривавшіе малѣйшее словцо какой-нибудь статьи изъ Пандектовъ. И съ каждой минутой появлялись все новыя лица — старые юристы, въ старомодныхъ платьяхъ, въ бѣлыхъ, длинныхъ парикахъ, съ давно забытыми лицами, на которыхъ было написано глубокое удивленіе, что никто не обращалъ вниманія на нихъ — высокочаменитыхъ личностей прошедшаго

столѣтія. И по-своему, они приняли участіе во всеобщемъ говорѣ, пискѣ и крикахъ, которые, точно морскія волны, шумѣли все сильнѣе и оглушили высокую богиню до того, что она потеряла терпѣніе и вдругъ закричала голосомъ страшнѣйшаго исполинскаго отчаянія: «Молчите, молчите! Я слышу голосъ дорогого Прометея: язвительное могущество и нѣмое насиліе приковали невиннаго къ мученическому утесу, и вся ваша болтовня, всѣ ваши споры не освѣжать его ранъ, не разобьютъ цѣпей его!» Такъ воскликнула богиня, и ручьи слезъ побѣжали изъ глазъ ея. Все собраніе завывало, точно охваченное страхомъ смерти, своды залы затрещали, книги повалились съ полокъ, старый Мюнхаузенъ, выступивъ изъ своей рамки, напрасно старался возстановить спокойствіе—крики и шумъ становились страшнѣе и страшнѣе, и я убѣжалъ отъ этихъ бѣснующихся безумцевъ и укрылся въ исторической залѣ, на томъ благословенномъ мѣстѣ, гдѣ священныя изображенія Аполлона Бельведерскаго и Венеры Медицейской стоятъ одно возлѣ другого... И я бросился къ ногамъ богини красоты, въ созерцаніи ея я позабылъ тотъ бѣшенный шумъ, отъ котораго только-что спасся, глаза мои съ восторгомъ упивались гармоніею и вѣчною прелестью ея высокочудныхъ формъ, греческое спокойствіе разлилось по душѣ моей, а надъ головою, точно небесное благословеніе, пронеслись сладчайшіе звуки лиры Феба-Аполлона.

Просыпаясь, я продолжалъ слышать привѣтный звонъ: это стада отправлялись на пастбища, и это звенѣли ихъ колокольчики. Милое золотое солнце смотрѣло въ окно и освѣщало картины, висѣвшія по стѣнамъ. Это были изображенія изъ времени войны за освобожденіе, гдѣ очень вѣрно представлялось, какъ всѣ мы въ ту пору были героями; дальше слѣдовали сцены казни изъ времени революціи: Людовикъ XVI на эшафотѣ и другія подобныя головосѣченія, на которыя нельзя смотрѣть безъ того, чтобы не благодарить Бога, что спокойно лежишь въ постели и пьешь хорошій кофе, и чувствуешь, что голова твердо и удобно сидитъ на плечахъ.

Напившись кофе, одѣвшись, прочтя всѣ надписи на окнахъ и разсчитавшись въ гостиницѣ, я оставилъ Остероде.

Этотъ городъ имѣетъ столько-то и столько-то домовъ и различныхъ жителей, въ числѣ которыхъ есть и души, какъ подробнѣе видно изъ Готшалковой «Карманной книги для путешественниковъ по Гарцу». Передъ тѣмъ, какъ выйти

на большую дорогу, я взошелъ на развалины стараго остеродскаго замка. Онѣ состоятъ теперь только изъ половины большой башни, съ толстыми и будто выѣденными ракомъ стѣнами. Клаустальская дорога снова заставила меня подняться на гору, и, стоя на одной изъ первыхъ возвышенностей, я еще нѣсколько времени смотрѣлъ внизъ, въ долину, гдѣ Остероде, со своими красными крышами, выглядываетъ изъ зелени сосноваго лѣса, какъ мшистая роза. Солнце освѣщало его милымъ дѣтскимъ свѣтомъ. Съ уцѣлѣвшей части башни взору представляется величественная задняя сторона города.

Много и другихъ развалинъ замковъ встрѣчается въ этой мѣстности. Лучшая изъ нихъ — Гарденбергъ подлѣ Нёртена. Если у васъ сердце, какъ и слѣдуетъ, помѣщается даже на лѣвой сторонѣ, либеральной, то и тутъ вамъ трудно обойтись безъ всякаго элегическаго чувства при видѣ этихъ гнѣздъ привилегированныхъ хищныхъ птицъ, которыя оставляли въ наслѣдство своимъ слабымъ птенцамъ только сильный аппетитъ. Такое чувство ощутилъ я сегодня утромъ. Чѣмъ болѣе я удалялся отъ Геттингена, тѣмъ болѣе душа моя расплывалась, романтическое настроеніе снова овладѣло мною, и дорогою я написалъ слѣдующую пѣсню:

Подымайтесь, вы, старыя грѣзы!
Открывайся сердечная дверь!
Пѣсни сладкія, тихія слезы
Чудно рвутся наружу теперь.

Я пойду по зеленому лѣсу,
Гдѣ бѣжитъ ключевая вода,
Гдѣ олень горделивый гуляетъ
И разносятся пѣсни дрозда.

Я взойду на высокія горы,
На крутые утесы взойду,
Гдѣ развалины сѣрыя замка
Молчаливо стоятъ на виду.

Тамъ безмолвно сажусь я—и въ мысли
Мнѣ приходитъ былая пора,
Жизнь цвѣтущихъ былыхъ поколѣній
И минувшая пышность двора.

Та арена покрыта травомъ,
На которую смѣло входилъ

Гордый рыцарь и витязямъ лучшимъ
Пораженье въ борьбѣ наносилъ.

Плющъ растетъ на высокомъ балконѣ,
Гдѣ прекрасныя дамы не разъ
Побѣдителей гордыхъ сражали
Красотою и силою глазъ.

Но и тѣмъ, и другимъ смерть умѣла
Нанести пораженіе... Ахъ,
Этотъ рыцарь скелетный съ косою
Всѣхъ людей повергаетъ во прахъ!

Пройдя нѣсколько дальше, я встрѣтился съ молодымъ мастеровымъ, который шелъ изъ Брауншвейга; онъ разсказалъ мнѣ, какъ тамошнюю новость, что молодой герцогъ, на пути въ Палестину, былъ пойманъ турками и что за него требуютъ большой выкупъ. Долгое путешествіе герцога послужило, вѣроятно, основаніемъ этой легендѣ. У народа ходъ мыслей все еще имѣетъ традиціонно-баснословный характеръ, который такъ мило высказывается въ его «Герцогъ Эрнестъ». Сообщившій мнѣ теперь эту новость былъ портной, маленькій молодой человѣкъ, до того худощавый, что сквозь тѣло его, какъ сквозь туманные призраки Оссіана, можно было видѣть мерцаніе звѣздъ; вообще странное, въ народномъ духѣ, смѣшеніе веселости и меланхолии. Это послѣднее свойство особенно высказывалось въ смѣшно-трогательной манерѣ, съ которою онъ напѣвалъ удивительную народную пѣсню: «Жукъ сидѣлъ на заборѣ, зумъ, зумъ». Вотъ чѣмъ хороши мы, нѣмцы: ни одинъ изъ насъ не сумасшедшій до такой степени, чтобы не встрѣтить другаго, болѣе сумасшедшаго, который могъ бы его понять. Только нѣмецъ можетъ почувствовать эту пѣсню и, слушая ее, плакать и смѣяться до смерти. Тутъ же я увидѣлъ, какъ глубоко проникло въ жизнь народа слово Гёте. Мой тоненькій спутникъ пѣлъ по временамъ тоже стихи: «Leidvoll und freudvoll, Gedanken sind frei!» Такое извращеніе текста въ народѣ вещь довольно обыкновенная. Пѣлъ онъ также пѣсню, въ которой «Лотхенъ горюетъ у могилы своего Вертера». Портной распылся отъ сентиментальности при словахъ: «Одинокая, плачу я у того розоваго кустарника, гдѣ такъ часто подслушивалъ насъ поздній мѣсяць; печальная, брожу я у серебристаго источника, который на-

шестываль намъ сладкое блаженство». Но скоро эта пѣсня надоѣла портному, и онъ сталъ разсказывать мнѣ: «У насъ, въ кассельской артели есть пруссакъ, который самъ такія пѣсни сочиняетъ. Онъ двухъ швовъ порядочныхъ не умѣетъ сдѣлать; чуть у него въ карманѣ грошь, онъ сейчасъ же чувствуетъ жажду на два гроша, и какъ только напьется, начинаетъ принимать небо за голубой камзолъ, и льется слезами, точно дождевая труба и поетъ пѣсню съ двойною поэзію!» Я попросилъ его объяснить мнѣ это послѣднее выраженіе, но мой портной только подпрыгивалъ на своихъ козлиныхъ ножкахъ и все повторялъ: «Двойная поэзія — это двойная поэзія!» Наконецъ, я кое-какъ успѣлъ допытаться, что подъ этимъ именемъ онъ понимаетъ стихи съ двойными приемами, а именно — стансы. Между тѣмъ, постоянное движеніе и противный вѣтеръ сильно утомили рыцаря иголки. Правда, онъ еще нѣсколько разъ торжественно собирался въ путь и хвасталъ: «вотъ теперь я пойду скороходомъ». Но скоро сталъ онъ жаловаться, что у него на пяткахъ сдѣлались мозоли, и что свѣтъ черезчуръ обширенъ, и наконецъ тихо опустился на землю подъ деревомъ, покачалъ маленькой головой, какъ огорченная овца машетъ хвостомъ, и, грубо улыбаясь, сказалъ: «Акая я бѣдная кляча: опять ноги подкосились!»

Горы въ этомъ мѣстѣ становились круче, подо мною сосновые лѣса плавали, точно зеленое море, а надъ головою, на синемъ небѣ, пронеслись бѣлыя облачка. Дикость этой стороны была какъ бы укрощена ея однообразіемъ и простотою. Природа, какъ хорошій поэтъ, не любитъ слишкомъ крутыхъ переходовъ. Облака, какъ ни странна часто ихъ форма, несятъ, однако, постоянный бѣлый, или во всякомъ случаѣ мягкій оттѣнокъ, совершенно гармонирующій съ синимъ небомъ и зеленою землею, такъ что всѣ цвѣта пейзажа расплываются одинъ въ другомъ, какъ звуки тихой музыки, и каждый взглядъ на природу дѣйствуетъ живительно и успокоительно на душу и нервы. Покойный Гофманъ окрасилъ бы облака пестрою краской.—Какъ великій поэтъ, природа умѣетъ также, съ самыми ничтожными средствами, производить самые поразительные эффекты. У нея всегда одно и то же солнце, одни и тѣ же деревья, цвѣты, вода и любовь. Конечно, когда нѣтъ этой послѣдней въ сердцѣ созерцающаго ее человѣка, тогда ничтожною кажется вся картина: солнце становится ничѣмъ болѣе, какъ тѣломъ, у котораго въ діаметрѣ столько-то миль, на деревья

смотришь, какъ на вещь, годную для топлива, цвѣты начинаешь дѣлать на классы по тычинкамъ, въ водѣ видишь только мокроту.

Мальчишка, собиравній въ лѣсу хворостъ для своего больного дяди, показалъ мнѣ дорогу къ деревнѣ Лербахъ, избушки которой, съ сѣрыми крышами, тянутся въ долину на разстояніи полчаса пути. «Тамъ,—сказалъ мнѣ мальчишка,—живутъ зобастые дураки и бѣлые негры!» Этимъ послѣднимъ именемъ народъ называетъ альбиносовъ. Мальчикъ и лѣсныя деревья отлично понимали другъ друга; онъ кланялся имъ, какъ добрымъ знакомымъ, а они, шумя вѣтвями, будто отвѣчали на его привѣтствіе. Онъ свистнулъ, какъ чирикъ, кругомъ защебетали въ отвѣтъ другія птицы—и не успѣлъ я оглянуться, какъ мальчикъ, босоногий и съ лукомъ хвороста, прыжкомъ исчезъ въ лѣсной чащѣ.— Дѣти, думалъ я, моложе насъ: имъ не трудно припомнить то время, когда сами они были деревьями и птицами, и не трудно поэтому понимать тѣхъ и другихъ; а мы уже состарѣлись, и въ нашей головѣ слишкомъ много заботъ юриспруденціи и скверныхъ стиховъ. Когда-то и съ нами было иначе—и я живо припомнилъ это время, подходя къ Клаусталу. Въ этотъ чистенькій городокъ, который увидишь только тогда, когда очутишься передъ его воротами, я вступилъ какъ разъ, когда било двѣнадцать часовъ, и школьники весело высыпали изъ училища. Почти всѣ краснощекіе, съ синими глазами и бѣлыми, какъ ленъ, волосами, милыя дѣти прыгали, рѣзвились, хохотали и пробудили во мнѣ грустно-свѣтлое воспоминаніе о томъ времени, когда и я, маленькій мальчикъ, цѣлое утро проводилъ въ мрачно-католической монастырской школѣ Дюссельдорфа, не вставая съ деревянной скамейки и вынося на себѣ множество латыни, побоевъ и географіи, и точно такъ же безмѣрно радовался, когда на старой францисканской башнѣ било, наконецъ, двѣнадцать часовъ.

Клаустальскіе школьники, по моей дорожной сумкѣ, узнали, что я чужестранецъ, и очень радушно привѣтствовали меня. Одинъ изъ нихъ разсказалъ мнѣ, что у нихъ только-что былъ урокъ изъ Закона Божія, и показалъ мнѣ королевскій ганноверскій катехизисъ, по которому ихъ спрашиваютъ о христіанской религіи. Книжка эта была очень дурно издана, и мнѣ пришло въ голову опасеніе, что догматы религіи, вслѣдствіе этого, сразу производятъ на умы учениковъ непріятное, оберточно-бумажное впечатлѣніе; очень не попра-

вилось мнѣ также и то, что въ катехизисѣ, на послѣдней страницѣ, напечатана таблица умноженія, черезъ что дѣти уже въ такомъ раннемъ возрастѣ могутъ впадать въ грѣховныя сомнѣнія... Въ Пруссіи мы гораздо умнѣе и при нашемъ рвеніи обращать на путь истинный людей, такъ хорошо понимающихъ ариѳметическій счетъ, никогда не печатаемъ въ концѣ катехизиса таблицы умноженія.

Я пообедалъ въ гостиницѣ «Короны». Мнѣ подали супъ изъ самой свѣжей петрушки, синюю капусту, жареную телятину, величиною съ Чимборазо въ миниатюрѣ, и особый родъ копченыхъ сельдей; называемыхъ бюкингами, отъ имени Вильгельма Бюкинга, открывшаго ихъ; этотъ Бюкингъ, умершій въ 1447 г., былъ въ такой чести за свое открытіе у Карла V, что этотъ государь въ 1556 г. ѣздилъ изъ Миддельбурга въ Бивлидъ въ Зеландіи, единственно для того, чтобы поклониться гробу этого великаго человѣка. Какъ должно быть вкусно блюдо, когда имѣешь историческія свѣдѣнія о немъ, и оно само поѣдается тобою! Только кофе послѣ обѣда было мнѣ испорчено; ко мнѣ подсѣлъ какой-то молодой человѣкъ и началъ такъ ужасно ораторствовать, что молоко на столѣ скисло. Это былъ молодой *commis-voyageur* съ двадцатью пятью пестрыми жилетами и столькими же золотыми печатями, перстнями, булавками и т. п. Онъ походилъ на обезьяну, которая нарядилась въ красную куртку и говоритъ сама себѣ: «платье дѣлаетъ человѣка». Зналъ онъ наизусть цѣлую бездну шарадъ и анекдотовъ, которыми сыпалъ именно тогда, когда они менѣе всего были кстати. На вопросъ его, что новаго въ Геттингенѣ, я рассказалъ ему, что передъ моимъ отѣздомъ тамошній академическій сенатъ издалъ декретъ, которымъ запрещалось отрѣзывать у собакъ хвосты, подъ опасеніемъ штрафа въ три талера, на томъ основаніи, что бѣшенныя собаки носятъ хвостъ между ногами и тѣмъ отличаются отъ небѣшенныхъ, чего не можетъ быть при отсутствіи хвостовъ. Послѣ обѣда я отправился дальше, съ цѣлью осмотрѣть рудники, серебряныя мины и монетный дворъ.

Въ серебряныхъ минахъ, какъ во многихъ случаяхъ моей жизни, мнѣ не удалось видѣть серебра. На монетномъ дворѣ мнѣ повезло больше, и я видѣлъ, какъ дѣлали деньги. Правда, дальше дѣло не шло. Въ подобныхъ случаяхъ я ограничивался только созерцаніемъ, и, кажется, падай съ неба дождемъ серебряныя талеры, я и тутъ бы ничего не получилъ отъ нихъ, кромѣ ушибовъ въ голову,

между тѣмъ какъ дѣти Израиля весело собирали бы эту серебряную манну. Съ чувствомъ, въ которомъ очень комически смѣшались между собой почтеніе и сладкое волненіе, смотрѣлъ я на эти блестящіе, новорожденные талеры, взялъ въ руки одинъ изъ нихъ, только-что отчеканенный, и сказалъ ему: «О, юный талеръ, какая участь ожидаетъ тебя! сколько хорошаго и сколько дурного создашь ты! какъ будешь ты укрывать порокъ и класть заплаты на добродѣтель! какъ будутъ тебя любить и потомъ снова проклинать! сколько разъ будешь ты помогать оргіямъ, сводничеству, жи, убійству! сколько столѣтій будешь ты безостановочно проходить черезъ чистыя и грязныя руки, пока, наконецъ, обремененный преступленіями и усталый отъ грѣховъ, соединишься къ братьямъ своимъ въ лонѣ Авраамлемъ, которое перельетъ тебя, и очиститъ, и передѣляетъ для новой, лучшей, жизни — можетъ-быть, жизни невинной чайной ложки, которою когда-нибудь мой собственный праправнукъ будетъ мѣшать въ своемъ любимомъ пивномъ супцѣ!»

Спускъ въ два главнѣйшихъ клаустальскихъ рудника: Доротея и Каролина, показался мнѣ крайне интереснымъ, и я считаю не лишнимъ рассказать здѣсь о немъ подробнѣе.

За полчаса ходьбы до города стоятъ два большіяхъ, черноватыхъ зданія. Здѣсь путешественника сейчасъ же встрѣчаютъ рудокопы. Они одѣты въ темно-синія, широкія, опускающіяся ниже живота куртки и такого же цвѣта панталоны, къ задней части которыхъ пришитъ кусокъ кожи; на головахъ у нихъ маленькія войлоковыя шляпы зеленого цвѣта и совершенно безъ полей, похожія на кепки. Въ такое же платье, исключая куска кожи, одѣваютъ посягателя. Потомъ рудокопъ, засвѣтивъ свою лампочку, ведетъ его къ темному отверстию, похожему на трубу камина, спускается туда по поясъ, даетъ наставленіе, какъ держаться за перила лѣстницы, и приглашаетъ смѣло слѣдовать за нимъ. Путешествіе это совсѣмъ не опасно; но, приготовляясь къ нему, не вѣришь этому, если не знаешь внутренняго устройства рудниковъ. Странное чувство овладѣваетъ вами уже въ то время, когда приходится снимать свое платье и надѣвать точно мрачную одежду преступника. А затѣмъ приходится на четверенькахъ спускаться въ отверстие, а оно такъ черно, и Богъ его знаетъ, какъ длинна лѣстница. Скоро, однако, вы замѣчаете, что въ мрачную вѣчность ведетъ не одна лѣстница, а нѣсколько, въ каждой изъ нихъ отъ пятнадцати до двадцати ступеней, и каждая

оканчивается маленькой площадкой, на которой можно отдохнуть и съ которой новое отверстие ведет на новую лестницу. Изъ двухъ рудниковъ я прежде началъ спускаться въ Каролину. Это самая грязная и непривѣтная Каролина, какую только мнѣ приходилось видѣть. Ступени лестницы влажны до грязности. Съ одной лестницы, спускаешься на другую, предшествуемый рудокопомъ, который, то и дѣло, увѣряетъ, что опасности нѣтъ никакой: надо только, говорить онъ, твердо держаться руками за ступеньки и не смотрѣть подъ ноги, и не поддаваться головокруженію, а лучше всего не становиться на боковую доску, по которой въ настоящую минуту подымается, шумя, веревка для бочекъ, и съ которой, недѣли за двѣ, неосторожный человѣкъ полетѣлъ и свернулъ себѣ, бѣдный, шею. Тамъ, внизу, глухой шумъ и жужжаніе, вы, то и дѣло, толкаетесь о бревна и веревки, по которымъ подымають вверхъ бочки, наполненныя металломъ или просачивающеюся водою. Иногда вы попадаете въ высѣченныя галереи, называемыя Stollen, гдѣ растетъ желѣзо и гдѣ одинокій рудокопъ сидитъ цѣлый день, съ трудомъ выбивая молоткомъ изъ стѣны куски желѣза. Въ самую глубину, туда, гдѣ, по словамъ нѣкоторыхъ, уже слышно, какъ наши антиподы въ Америкѣ кричатъ: «ура, Лафайетъ!»—я не спускался; между нами будь сказано, съ меня довольно было и той глубины, куда я влѣзь: непрерывный шумъ и скрипъ, какъ-то неприятно дѣйствующее на душу движеніе машинъ, журчанье подземныхъ источниковъ, со всѣхъ сторонъ струящаяся вода, подземныя пары, и лампочка рудокопа, все блѣднѣе и блѣднѣе мерцающая въ пустынной темнотѣ. Дѣйствительно, это производило ошеломляющее дѣйствіе, у меня занималось дыханіе, и я едва держался за скользкія ступени. Я не испытывалъ того, что называютъ испугомъ; но—странное дѣло—въ этой подземной глубинѣ я вспомнилъ, что въ прошедшемъ году, около этого же времени, мнѣ привелось испытать бурю на Сѣверномъ морѣ, и я думалъ теперь, что собственно очень пріятно, когда волны качаютъ корабль, вѣтеръ играетъ въ свои звонкія трубы, среди этихъ звуковъ весело раздаются крики матросовъ—и надъ всѣмъ этимъ отрадно вѣетъ милый, свѣжій воздухъ. Да, воздухъ!.. Каждый воздуха, и снова сталъ подыматься по лестницамъ, и мой вожатый повелъ меня черезъ длинную, очень узкую, высѣченную въ горѣ, галерею, въ рудникъ Доротея. Здѣсь уже свѣжѣе и веселѣе; лестницы чище, по длиннѣе и круче,

чѣмъ въ Каролинѣ. На душѣ у меня стало легче, особенно, когда я снова увидѣлъ слѣды человѣческіе. Въ глубинѣ двигались огоньки; это рудокопы, съ своими лампочками, подымаясь вверхъ, привѣтствовали насъ обычнымъ «Glück auf» и, получивъ отъ насъ то же привѣтствіе, исчезали... И какъ дружественно-спокойное, но въ то же время мучительно-загадочное воспоминаніе — подѣйствовали на меня своими глубокомысленно-ясными взорами серьезно-набожныя, отчасти блѣдныя и таинственно освѣщенныя свѣтомъ рудниковъ, лица этихъ молодыхъ и старыхъ людей, которые цѣлый день работали въ своихъ темныхъ, уединенныхъ подземельяхъ и теперь стремились наверхъ, чтобы увидѣть привѣтный свѣтъ Божій и глаза жены и дѣтей.

Мой чичероне былъ честный, вѣрный, какъ собака, нѣмецъ. Съ глубокою радостью показалъ онъ мнѣ то мѣсто, гдѣ герцогъ Кембриджскій, во время посѣщенія рудниковъ, обѣдалъ со всею своею свитою, и гдѣ до сихъ поръ стоитъ длинный деревянный столъ и большой стулъ изъ руды, на которомъ сидѣлъ герцогъ. — «Это, — сказалъ мнѣ добрый нѣмецъ, — должно остаться здѣсь, какъ вѣчное воспоминаніе!» И потомъ сталъ съ одушевленіемъ рассказывать, сколько празднествъ давались по этому случаю, какъ вся галерея была убрана свѣчами, цвѣтами, вѣтвями, какъ одинъ рудокопъ пѣлъ и игралъ на цитрѣ, какъ развеселившійся милый, толстый герцогъ много пилъ за разное здоровье, и какъ всѣ рудокопы, а онъ, мой чичероне, въ особенности, охотно готовы умереть за милаго, толстаго герцога и за весь ганноверскій домъ... Глубокое умиленіе овладѣваетъ мною каждый разъ; когда я вижу, какъ это чувство вѣрно-подданчества высказывается въ своихъ простыхъ, природныхъ звукахъ. Это такое прекрасное чувство! И такое чисто-нѣмецкое чувство! У другихъ народовъ есть, можетъ-быть, больше и способностей, и остроумія, и веселости, но ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ такой вѣрности, какая есть въ этомъ вѣрномъ нѣмецкомъ народѣ. Если бъ мнѣ не было извѣстно, что вѣрность такъ же стара, какъ и вселенная, то я бы подумалъ, что ее изобрѣло вѣрное нѣмецкое сердце. Нѣмецкая вѣрность! Она не то, что риторическая шумиха новыхъ адресовъ. При вашихъ дворахъ, нѣмецкіе князья, слѣдовало бы пѣть, не переставая, пѣсню о вѣрномъ Экартѣ и зломъ Бургундѣ, который умертвилъ дѣтей перваго и все-таки не поколебалъ его вѣрности. У васъ вѣрнѣйшій народъ въ мірѣ, и вы ошибаетесь, когда думаете, что эта

старая, умная, вѣрная собака вдругъ взбѣсилась и хотеть укусить васъ за высокопочтенныя икры.

Подобно нѣмецкой вѣрности, лампочка рудокопа, безъ особеннаго блеска, но спокойная и надежная, освѣтила намъ дорогу черезъ лабиринтъ пещеръ и галлерей. Мы вышли изъ душевной тѣмноты подземелья, солнце снова блеснуло намъ. Glück auf!

Почти всѣ рудокопы живутъ въ Клаусталѣ и въ сосѣднемъ съ нимъ городѣ Целлерфельдѣ. Я заходилъ ко многимъ изъ этихъ славныхъ людей, смотрѣлъ на ихъ скромную домашнюю обстановку, прислушивался къ ихъ пѣснямъ, которыя они распѣваютъ, прекрасно аккомпанируя себѣ на цитрѣ, своемъ любимомъ инструментѣ; я заставлялъ рассказывать себѣ старыя горныя преданія, повторять молитвы, которыя они произносятъ, сходясь вмѣстѣ передъ тѣмъ, какъ спускаться въ мрачныя рудники—и не одну хорошую молитву проговорилъ я съ этими добрыми людьми. Одинъ старый рудокопъ началъ даже доказывать, что мнѣ слѣдовало бы остаться съ ними и сдѣлаться рудокопомъ, и, когда, несмотря на это мнѣнiе, я простился съ нимъ, то онъ далъ мнѣ порученiе къ своему брату, живущему около Гослара, и просилъ нѣсколько разъ поцѣловать за него милую племянницу.

Но какъ ни неподвижно-спокойна кажется жизнь этихъ людей, на самомъ дѣлѣ это настоящая, живая жизнь. Въ одной избѣ, за печкою противъ шкапа, сидѣла женщина, почти окаменѣвшая отъ старости—и, можетъ-быть, она сидитъ здѣсь уже цѣлую четверть столѣтiя, и ея мысли и чувства, безъ всякаго сомнѣнiя, тѣсно срослись со всѣми углами этой печки, со всѣми вырѣзками на этомъ шкапу. И шкапъ, и печки живутъ, потому что человѣкъ вдохнулъ въ нихъ часть своей души.

Только изъ такой глубокой созерцательной жизни, только изъ «непосредственности» возникла нѣмецкая волшебная сказка, особенность которой состоитъ въ томъ, что въ ней живутъ и дѣйствуютъ не только звѣри и растенiя, но и предметы, повидимому, совершенно лишены жизни. Передъ этимъ умнымъ, невиннымъ народомъ, въ тихой, безмятежной таинственности его горныхъ и лѣсныхъ хижинокъ, открылась внутренняя жизнь этихъ неодушевленныхъ предметовъ; они приняли въ глазахъ его характеръ чего-то необходимого, послѣдовательнаго, явились, какъ милая смѣсь прихотливой фантазiи съ чисто человѣческими чувствами.

Вотъ почему встрѣчаемъ мы въ этихъ сказкахъ вещи самыя волшебныя, но какъ бы совершенно естественныя; иголка и булавка приходятъ изъ артели портныхъ и пропадаютъ въ темнотѣ; соломенка и уголь хотятъ перейти черезъ ручей и теряютъ равновѣсіе; лопата и метла, стоя на крыльцѣ, ссорятся и дерутся; зеркало, по спросу вашему, показываетъ образъ прелестнѣйшей женщины; даже капли крови начинаютъ говорить — произносятъ мрачныя слова самаго безпокойнаго состраданія. По такой же самой причинѣ и въ дѣйствіи нашемъ жизнь имѣетъ для насъ такое необъятное значеніе, въ это время все равно важно для насъ, мы все слушаемъ, на все смотримъ, всѣ наши впечатлѣнія равномѣрны. Но въ послѣдующіе годы, въ нашихъ дѣйствіяхъ больше преднамѣренности, мы исключительно занимаемся тою или другою отдѣльною вещью, съ тяжелымъ трудомъ мѣняемъ чистую золотую монету созерцанія на бумажныя деньги книжныхъ опредѣленій и выигрываемъ въ широтѣ жизни то, что теряемъ въ глубинѣ ея. Тутъ ужъ мы становимся взрослыми, гордыми собою людьми; мы часто мѣняемъ квартиры, горничная наша каждый день мететъ полъ, или по своему усмотрѣнію переставляетъ мебель, которая мало интересуется насъ, или потому, что она нова, или потому, что сегодня принадлежитъ Гансу, завтра Исааку; самое платье, въ которомъ мы ходимъ, чужое для насъ; мы едва знаемъ, сколько пуговицъ на сюртукѣ, въ который мы именно въ это время одѣты; вѣдь почти каждый день мѣняемъ мы свою одежду, и ни одна часть ея не остается въ связи съ нашею внутреннею и внѣшнею исторіей; едва-едва удастся намъ припомнить, каковъ былъ видъ того коричневаго жилета, надъ которымъ всѣ когда-то такъ смѣялись и къ широкимъ полосамъ котораго прижималась, однако, съ такою любовью милая рука возлюбленной!..

Старая женщина, сидѣвшая за печкой, противъ большого шкапа, была одѣта въ платье съ цвѣтами изъ старомодной матеріи—подвѣнечное платье ея покойной матери. Правнукъ старушки, бѣлокурый и быстроглазый мальчикъ, одѣтый рудокопомъ, сидѣлъ у ногъ ея и считалъ цвѣты на ея платьѣ. Много, можетъ-быть, исторій поразказала ему старушка объ этомъ платьѣ—умныхъ, прелестныхъ исторій, которыя, конечно, не скоро позабудутся мальчикомъ и будутъ проходить передъ нимъ и въ то время, когда онъ уже сдѣлается взрослымъ человѣкомъ и станетъ рабо-

татъ въ темныхъ галереяхъ Каролины; и будетъ онъ, быть-можетъ, пересказывать ихъ, когда милой бабушки давно уже не будетъ на свѣтѣ, а самъ онъ, сѣдволосый, угасающій старикъ, усядется въ кругу своихъ внуковъ, противъ большого шкапа, за печкой.

Я и переночевалъ въ гостиницѣ Короны, куда между тѣмъ пріѣхалъ и гофратъ В. изъ Геттингена. Я имѣлъ удовольствіе засвидѣтельствовать ему свое почтеніе. Записавши свое имя въ книгѣ путешественниковъ, я сталъ перелистывать мѣсяцъ іюль и тутъ встрѣтилъ многолюбозное имя Адальберта Шамиссо, біографа безсмертнаго Шлемиля. Трактирщикъ рассказалъ мнѣ, что этотъ господинъ пріѣхалъ въ невообразимо-скверную погоду и въ такую же погоду уѣхалъ.

Утромъ, сообразивъ, что дорожный мѣшокъ мой будетъ слишкомъ тяжелъ для меня, я выбросилъ изъ него еще пару сапогъ и отправился къ Гослару. Какъ я дошелъ туда, самъ не знаю. Помню только, что я то спускался, то всходилъ на гору, смотрѣлъ оттуда внизъ не на одну прелестную долину; шумѣли тамъ серебристыя воды, щебетали милыя лѣсныя птицы, стада побрякивали колокольчиками, солнце обливало золотомъ зеленыя деревья, а надъ всѣмъ этимъ раскидывался голубой, шелковый сводъ неба, такой прозрачный, что сквозь него можно было видѣть самую Святыню Святынъ, гдѣ ангелы сидятъ у ногъ Бога... Но въ моей душѣ былъ живъ еще сонъ прошедшей ночи, и напрасно я старался выгнать его оттуда. Это была старая сказка о рыцарѣ, который спускается въ глубокой колодець, гдѣ прелестнѣйшая изъ принцессъ лежитъ, погруженная въ волшебный, непробудный сонъ. Я самъ былъ этотъ рыцарь, а колодець — мрачный клаустальскій рудникъ, и вдругъ зажглось множество свѣчей, и изъ всѣхъ боковыхъ отверстій выскочили бодрые карлики; они корчили гнѣвныя гримасы, фехтовали противъ меня своими коротенькими мечами, пронзительно дули въ рога, вызывая этимъ къ себѣ больше и больше товарищей, и страшно трясли своими широкими головами. Я ударилъ въ нихъ, кровь быстро хлынула наружу, и тутъ только я замѣтилъ, что эти головы были тѣ самые красныя, длиннородыя волчецы, которыхъ, за день передъ тѣмъ, я сбивалъ палкой на большой дорогѣ. Карлики вдругъ исчезли; я пошелъ дальше и достигъ свѣтлой, великолѣпной залы. Здѣсь, посреди комнаты, подъ бѣлымъ покрываломъ, неподвижная и нѣмая, какъ статуя,

стояла возлюбленная моего сердца; я поцѣловалъ уста ея и, клянусь живымъ Богомъ, услышалъ блаженное дыханіе души ея и сладкое дрожаніе милыхъ губъ. У меня на сердцѣ было такъ, какъ будто я услышалъ воззваніе Бога: «да будетъ свѣтъ!» и ослѣпительно сверкнулъ мнѣ въ глаза лучъ вѣчнаго свѣта. Но въ ту же минуту снова тѣма окружила меня, и все, въ хаотическомъ безпорядкѣ, ринулось къ дикому, бѣшеному морю. Дикое, бѣшеное море! Надъ кипящею поверхностью его, въ испугѣ, летѣли тѣни мертвецовъ, бѣлые саваны ихъ развѣвались по вѣтру, а за ними, шелкая хлыстомъ, летѣлъ, трава ихъ, пестрый арлекинъ, и этотъ арлекинъ—былъ я самъ. И внезапно, изъ темныхъ волнъ, высунули морскія чудовища свои безобразныя головы, и стали протягивать ко мнѣ широко-раскрытые когти, и отъ ужаса я проснулся.

Какъ, однако, часто портятъ самыя лучшія сказки! По настоящему преданію, когда рыцарь находитъ спящую принцессу, то вырѣзываетъ изъ ея дорогого покрывала кусокъ матеріи; потомъ, когда его храбрость уничтожаетъ этотъ волшебный сонъ, и красавица снова сидитъ въ своемъ дворцѣ, на золотомъ тронѣ, то рыцарь подходитъ къ ней и спрашиваетъ: «моя высокопрекрасная принцесса, знаешь ли ты меня?», а она отвѣчаетъ: «мой высокохрабрый рыцарь, я не знаю тебя». Тогда онъ показываетъ кусокъ, вырѣзанный изъ ея покрывала, который оказывается приходящимся какъ разъ въ мѣрку, они нѣжно обнимаются, раздается звонъ трубъ и празднуется свадьба.

Право, какое-то особенное несчастіе, что мои сны любви рѣдко имѣютъ такой прекрасный конецъ.

Судя по тому, что съ названіемъ Гослара связано много старыхъ, императорскихъ воспоминаній, я ожидалъ встрѣтить величественный большой городъ. Но случилось то, что случается всегда, когда смотришь на знаменитость не издадека. Я увидѣлъ какое-то гнѣздо съ большею частью узкими, лабиринтски-кривыми улицами, между которыми течетъ немного воды—вѣроятно, рѣчка Гоза; вездѣ ветхость и грязь, а мостовая такъ ухабиата, какъ гексаметръ берлинскихъ поэтовъ. Только древнія постройки—остатки стѣнъ и зубчатыхъ башенъ—придаютъ городу нѣчто пикантное. У одной изъ этихъ башенъ, по имени «Zwinger» (тюрьма), такія толстыя стѣны, что въ нихъ высѣчены цѣлыя комнаты. Площадь передъ городомъ, на которой собирается знаменитое стрѣлковое общество, представляетъ большой, пре-

красный лугъ, окруженный высокими горами. Рыночная площадь не велика; посрединѣ ея стоитъ фонтанъ, выбрасывающій воду въ большую металлическую лохань. Во время пожаровъ, въ эту лохань бьютъ нѣсколько разъ, и она издаетъ далеко разносящіяся звуки. О происхожденіи ея никто ничего не знаетъ. Говорятъ, что это чортъ поставилъ ее здѣсь разъ ночью. Въ то время люди были еще глупы, чортъ — тоже дуракъ, и они дѣлали другъ другу подарки.

Ратуша въ Госларѣ похожа на казарму, вымазанную бѣлой краской. Гильдейскій домъ, стоящій подлѣ нея, немного красивѣе. Здѣсь, въ почти равномъ разстояніи отъ земли и отъ крыши, отдѣляются статуи нѣмецкихъ императоровъ; почернѣвшія отъ дыма и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ позолоченныя; въ одной рукѣ у нихъ скипетръ, въ другой держава; видомъ онѣ похожи на изжаренныхъ университетскихъ педелей. Одинъ изъ этихъ императоровъ держитъ вмѣсто скипетра мечъ. Я никакъ не могъ догадаться, что значитъ эта замѣна, а какое-нибудь значеніе въ ней непременно есть, такъ какъ нѣмцы имѣютъ замѣчательное обыкновеніе — при всемъ, что они дѣлаютъ, также что-нибудь думать.

Въ «Руководителѣ» Готшалка я много читалъ о старомъ госларскомъ соборѣ и знаменитомъ императорскомъ креслѣ. Когда же мнѣ захотѣлось осмотрѣть и то, и другое, то я получилъ въ отвѣтъ, что соборъ уже разрушенъ, а императорское кресло перевезено въ Берлинъ. Мы живемъ въ тяжелое, знаменательное время: тысячелѣтніе соборы разрушаются, а императорскія кресла сваливаютъ въ кладовыя.

Кой-какія диковинки изъ бывшаго собора выставлены теперь напоказъ въ церкви св. Стефана. Тутъ превосходно-разрисованныя стекла, нѣсколько скверныхъ картинъ, между которыми, говорятъ, есть одна работа Луки Кранаха, потомъ деревянное распятіе и языческій жертвенникъ изъ какого-то неизвѣстнаго металла; онъ похожъ на длинный, четвероугольный ящикъ и поддерживается четырьмя каріатидами; согнувъ спину, онѣ держатъ руки надъ головами и корчатъ непривѣтно-отвратительныя рожи. Но еще болѣе непріятное впечатлѣніе производитъ большое деревянное распятіе, о которомъ я только-что упомянулъ. Это голова Іисуса Христа, съ натуральными волосами, въ терновомъ вѣнкѣ и съ окровавленнымъ лицомъ, выражаетъ предсмертное страданіе человѣка, но не Богородицаго Искушителя.

Въ этомъ лицѣ отразилась только матеріальная мука, нѣтъ поэзіи страданія. Такому изображенію приличнѣе быть въ анатомическомъ театрѣ, чѣмъ въ храмѣ божьемъ. Свѣдущая въ искусствѣ жена кистера, водившая меня по церкви, показала мнѣ еще, какъ особенно замѣчательную рѣдкость, четверугольный, черный, гладко выстроганный, покрытый бѣлыми цифрами кусокъ дерева, висящій въ видѣ лампы посреди церкви. О, въ какомъ яркомъ свѣтѣ выказывается здѣсь духъ изобрѣтательности протестантской церкви! Ибо представьте себѣ! Цифры на этомъ кускѣ дерева обозначаютъ номера псалмовъ, которые обыкновенно пишутся мѣломъ на черной доскѣ и тѣмъ дѣйствуютъ не совсѣмъ благоприятно на эстетическое чувство; теперь же, вслѣдствіе только-что упомянутаго изобрѣтенія, онѣ служатъ даже украшеніемъ церкви и достаточно замѣняютъ такъ часто не достающія здѣсь картины Рафаэля. Такіе успѣхи безконечно радуютъ меня, потому что я, какъ протестантъ и притомъ лютеранинъ, всегда глубоко огорчаюсь, когда католическіе противники начинаютъ издѣваться надъ голымъ, богозабытымъ видомъ протестантскихъ церквей.

Я остановился въ гостиницѣ; подлѣ рыночной площади, гдѣ поданный мнѣ обѣдъ показался бы еще вкуснѣе, если бы не подѣлъ ко мнѣ господинъ трактирщикъ со своимъ длиннымъ лицомъ и скучнѣйшими вопросами. Къ счастью, меня освободилъ другой пріѣзжій, который тоже долженъ былъ выдержать тѣ же вопросы и въ томъ же порядкѣ: quis? quid? ubi? quibus auxiliis? cur? quo modo? quando? Этотъ новый гость былъ старый, усталый, изношенный человекъ; судя по его словамъ, онъ объѣхалъ цѣлый свѣтъ, особенно долго жилъ въ Батавіи, заработалъ много денегъ и снова потерялъ ихъ, и теперь, послѣ тридцатилѣтняго отсутствія, возвращался въ Кведлинбургъ, мѣсто своего рожденія, «потому что,—прибавилъ онъ,—тамъ наше семейное кладбище». На это господинъ трактирщикъ сдѣлалъ очень мудрое замѣчаніе, что для души рѣшительно все равно, гдѣ бы ни было похоронено тѣло. «Имѣете ли вы письменное удостовѣреніе въ этомъ?» спросилъ пріѣзжій, и какія-то хитрыя морщины образовались около его печальныхъ губъ и потухшихъ маленькихъ глазъ. «Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—я этимъ не хотѣлъ сказать ничего дурного о чужихъ гробницахъ. Турки хоронятъ своихъ мертвыхъ гораздо лучше, чѣмъ мы; ихъ кладбища—настоящіе сады, и тамъ сидятъ они на бѣлыхъ, увѣнчанныхъ чалмами могильныхъ плитахъ,

подъ тѣнью кипариса, глядятъ себя по серьезной бородѣ и спокойно курятъ турецкій табакъ изъ длинныхъ турецкихъ трубокъ. А на китайцевъ такъ просто смотрѣтъ весело, какъ они жеманно пляшутъ вокругъ гробницъ, и молятся, и пьютъ чай, и играютъ на скрипкѣ, и украшаютъ милыя могилы вызолоченными лаковыми издѣльями, фигурками изъ фарфора, клочками пестрой шелковой матеріи, искусственными цвѣтами, разноцвѣтными фонариками... Все это очень мило! А сколько будетъ отсюда до Кведлинбурга?»

Госларское кладбище мнѣ не совсѣмъ понравилось. Но тѣмъ болѣе понравилась чудная головка, которая, въ то время, какъ я входилъ въ городъ, выглянула, съ веселой улыбкой, изъ довольно высокаго окна въ нижнемъ этажѣ одного дома. Пообѣдавъ, я снова пошелъ къ этому милому окну, но теперь на немъ стоялъ только стаканъ воды съ букетомъ бѣлыхъ колокольчиковъ. Я вскарабкался, вынулъ изъ стакана хорошенькіе цвѣты и спокойно приколотъ ихъ къ шляпѣ, нимало не заботясь о раскрытыхъ ртахъ, окаменѣлыхъ носсахъ и выпученныхъ глазахъ, съ которыми проходящіе—и особенно старухи—смотрѣли на это явное воровство. Чрезъ часъ я снова проходилъ мимо того же дома; теперь милая головка была въ окнѣ и, увидѣвъ бѣлые цвѣты на моей шляпѣ, она зардѣлась яркимъ румянцемъ и откинулась назадъ. Теперь я успѣлъ разсмотрѣть еще явственнѣе прелестное лицо ея; это было милое, прозрачное воплощеніе дыханья лѣтняго вечера, луннаго свѣта, соловьиной пѣсни и благоуханія розы. Вечеромъ, когда совсѣмъ стемнѣло, она вышла на крыльцо. Я подошелъ ближе; она медленно отступаетъ въ темныя сѣни, я за нею, схватываю ея руку и говорю: «я большой охотникъ до прекрасныхъ цвѣтовъ и поцѣлуевъ, и чего мнѣ не дадутъ добровольно, то краду». И тутъ я быстро цѣлую ее, и такъ какъ она хочетъ убѣжать, успокоительно шепчу: «завтра я ѣду и никогда не вернусь сюда». И слышу таинственное пожатіе маленькихъ ручекъ и милыхъ губъ, и, смѣясь, уѣзжаю отсюда... Да, мнѣ нельзя не смѣяться, потому что я, помимо своего вѣдома, произнесъ тѣ волшебныя слова, которыми наши красные и синіе мундиры побѣждаютъ сердца женщинъ чаще, чѣмъ своею бакенбардною любезностью: «завтра я уѣзжаю и никогда не вернусь сюда».

Изъ моей квартиры отрывался прелестный видъ на Ра-

мельсбергъ. Былъ прекрасный вечеръ. Ночь летѣла на своемъ черномъ конѣ, и длинная грива его развѣвалась по вѣтру. Я стоялъ у окна и смотрѣлъ на луну. Дѣйствительно ли живетъ на лунѣ человѣкъ? Славяне говорятъ, что имя этого человѣка—Клотарь, и что онъ увеличиваетъ объемъ луны, подливая въ нее воды. Когда я былъ еще ребенкомъ, то мнѣ рассказывали, что луна—плодъ, который, чуть поспѣетъ, срывается Богомъ и складывается, вмѣстѣ съ прежними лунами, въ большой шкапъ, стоящій на самомъ концѣ свѣта, гдѣ онъ забить досками. Подросши, я сталъ замѣчать, что свѣтъ не заключенъ въ такихъ тѣсныхъ границахъ, что человѣческій духъ ниспровергъ деревянныя преграды и открылъ всѣ семь небесъ исполинскимъ Петровымъ ключомъ—идею безсмертія. Безсмертіе! Прекрасная мысль! Кто первый вызвалъ тебя? Былъ ли то нюренбергскій бюргеръ, который, сидя въ тихій лѣтній вечеръ на порогѣ своего дома, въ бѣломъ колпакѣ на головѣ и съ бѣлою трубкою въ зубахъ, думалъ, «что какъ бы хорошо было, если бы никогда не нужно было расставаться со своей трубочкой и со своимъ дыханьемъ жизни, и такъ прозябать милые вѣчные годы!» Или былъ то молодой влюбленный, думавшій о безсмертіи въ объятіяхъ своей возлюбленной, и думавшій о немъ потому, что онъ его чувствовалъ, и въ ту минуту, кромѣ безсмертія, не могъ ничего чувствовать, ничего сознавать! Любовь! Безсмертіе! Въ моей груди стало вдругъ такъ жарко, что мнѣ показалось, будто географы сдвинули экваторъ съ мѣста, и онъ проходилъ какъ разъ въ эти минуты черезъ мое сердце. И изъ моего сердца вылились ощущенія любви, и понеслись они, полныя желаній, въ необозримую темноту. Цвѣты въ саду подъ моимъ окномъ благоухали сильнѣе. Благоуханія—это чувства цвѣтовъ, и какъ сердце человѣка чувствуетъ сильнѣе ночью, когда оно одинако и безъ свидѣтелей, такъ и цвѣты, исполненные умной стыдливости, ждутъ, кажется, ночи, чтобы отдаться безраздѣльно своимъ чувствамъ и испарить ихъ въ сладостныхъ благоуханіяхъ... Разливайтесь, благоуханія моего сердца, и за этими горами отыщите возлюбленную моихъ грѣзъ! Въ эту минуту она спитъ уже; у ногъ ея стоятъ на колѣняхъ ангелы; и когда она улыбается во снѣ, то улыбка ея—молитва, которую повторяютъ ангелы. Въ груди ея заключено небо со всѣмъ своимъ блаженствомъ, и когда она дышитъ, сердце мое трепещетъ вдали отъ нея. За шелковыми рѣсницами глазъ ея закатилось солнце, и

когда она снова откроет их, настанетъ день и запоютъ птицы, и зазвучать колокольчики стадъ, и горы заблещутъ въ своей изумрудной одеждѣ—и я подвяжу дорожную сумку и отправлюсь дальше.

Среди этихъ философическихъ размышленій и личныхъ ощущеній, меня неожиданно постигъ гофратъ Б., незадолго до того также прїѣхавшій въ Госларъ. Никогда прївѣтное благодушіе того челоѣка не могло произвести на меня такое глубокое впечатлѣніе, какъ теперь. Я уважаю его за замѣчательную плодотворную остроту ума, но еще болѣе за скромность. Я нашелъ его необыкновенно веселымъ, свѣжимъ и бодрымъ. Бодрость эту онъ еще недавно доказалъ своимъ новымъ сочиненіемъ: «Религія разума»—книгою, которая рационалистовъ такъ восхищаетъ, мистиковъ бѣситъ, а массу публики приводитъ въ волненіе. Я самъ въ настоящую минуту мистикъ, вслѣдствіе состоянія моего здоровья, потому что докторъ предписалъ мнѣ избѣгать всякихъ поводовъ къ мышленію. Тѣмъ не менѣе, я признаю неопѣненное достоинство за рационалистическими трудами Паулуса, Гурлитта, Круга, Эйхгорна, Бутервека, Вегшайдера и др. Мнѣ даже чрезвычайно выгодно, что эти люди стараются уничтожить столько старыхъ золь, особенно старый мусоръ нашихъ церковныхъ развалинь, среди котораго такъ много змѣй и вредныхъ испареній. Воздухъ въ Германіи слишкомъ густъ и слишкомъ зноенъ, и я часто боюсь задохнуться или быть задушеннымъ моими любезными братьями—мистиками въ жару ихъ любви. Поэтому я могу только благодарить добрыхъ рационалистовъ за то, что они даже черезчуръ сильно освѣжаютъ этотъ воздухъ. Вѣдь въ сущности сама природа установила для рационализма границу; подъ воздушнымъ насосомъ и у сѣвернаго полюса челоѣкъ не имѣетъ возможности существовать.

Въ ту ночь, которую я провелъ въ Госларѣ, со мной случилось нѣчто необыкновенное. До сихъ поръ еще не могу я вспомнить объ этомъ безъ страха. По натурѣ я не робокъ, и Богъ свидѣтель, что я никогда не испытывалъ особеннаго сжиманія сердца, когда, напримѣръ, отточенный клинокъ старался познакомиться съ моимъ носомъ, или когда мнѣ случалось заблудиться ночью въ пользовавшемся дурною славою лѣсу, или когда въ концертѣ мнѣ грозила опасность быть проглоченну зѣвающимъ лейтенантомъ; но духовъ я боюсь такъ же, какъ «Австрійскій Наблюдатель».

Что такое страхъ? гдѣ его источникъ: въ умѣ или въ чувствѣ? Объ этомъ предметѣ я часто спорилъ съ докторомъ Сауломъ Ашеромъ, когда мы случайно сходились въ Берлинѣ въ *Cafe-Royal*, гдѣ я долго обѣдалъ. Докторъ всегда доказывалъ, что мы боимся чего-нибудь, потому что разумъ нашъ признаетъ это страшнымъ; только разумъ, а никакъ не чувство, есть сила. Между тѣмъ, какъ я вкусно ѣлъ и пилъ, онъ все доказывалъ мнѣ превосходство разума. Въ концѣ своей рѣчи онъ обыкновенно смотрѣлъ на часы и всегда заключалъ словами: «разумъ есть высшій принципъ!» Разумъ! Каждый разъ, какъ я слышу это слово теперь, непременно все еще вспоминаю доктора Саула Ашера съ его абстрактными ногами, узкимъ трансцендентально-сѣрымъ кафтаномъ и крутымъ, леденисто-холоднымъ лицомъ, которое могло бы служить чертежною таблицею въ учебникѣ геометріи. Этотъ человѣкъ, давно уже перешедшій за пятидесятилѣтній возрастъ, былъ олицетворенная прямая линія. Стремясь постоянно къ положительному, бѣднякъ выфилософировалъ изъ своей жизни все прекрасное, всѣ солнечные лучи, всѣ вѣрованія и всѣ цвѣты, и ничего не осталось ему, кромѣ холодной, положительной могилы. Особенную неприязнь питалъ онъ къ Аполлону Бельведерскому и къ христіанству. Противъ этого послѣдняго онъ написалъ даже брошюру, въ которой доказывалъ его неразумность и несостоятельность. Онъ вообще написалъ цѣлую массу книгъ, въ которыхъ разумъ постоянно кичился своимъ собственнымъ превосходствомъ, и такъ какъ бѣдный докторъ серьезно вѣрилъ этому, то въ этомъ отношеніи онъ заслуживалъ полного уваженія. Но въ томъ-то и заключалась самая забавная штука, что онъ строилъ такую серьезно-глупую мину, когда не могъ понять то, что понимаетъ каждое дитя, именно потому что оно дитя. Я иногда посѣщалъ доктора разума въ его собственномъ домѣ и не разъ заставлялъ у него хорошенькихъ дѣвушекъ, потому что разумъ не запрещаетъ чувственности. Разъ, когда я пришелъ къ нему, слуга его сказалъ мнѣ: «господинъ докторъ только что умеръ». На меня это произвело такое же впечатлѣніе, какъ если бы онъ сказалъ: «господинъ докторъ перемѣнилъ квартиру».

Но вернемся въ Госларъ «Высшій принципъ есть разумъ!»—говорилъ я себѣ въ видѣ успокоенія, ложась въ постель. Однако, это не помогло. Я только-что прочелъ въ «Нѣмецкихъ Разказахъ» Варнгагена фонъ-Энзе. захвачен-

ных мною въ Клаусталѣ, страшную исторію о томъ, что къ человѣку, котораго хотѣлъ убить собственный отецъ, ночью явилась съ предостереженіемъ его умершая мать. Превосходное изложеніе этого случая такъ волновало меня во время чтенія, что дрожь пробѣгала по моимъ жиламъ. Притомъ, рассказы о привидѣніяхъ возбуждаютъ особенный страхъ, когда читаешь ихъ въ дорогѣ, да еще ночью, въ городѣ, въ домѣ, въ комнатѣ, гдѣ довелось быть въ первый разъ. Тутъ невольно задаешь себѣ вопросъ: какіе, можетъ-быть, ужасы совершались уже на томъ мѣстѣ, гдѣ я теперь лежу? Къ тому же, луна проливала такой двусмысленный свѣтъ въ мою комнату, по стѣнамъ двигались разныя незванныя тѣни, и когда я приподнялся на кровати, чтобы оглянуться вокругъ себя, то увидѣлъ...

Не можетъ быть ничего страшнѣе, какъ при лунномъ свѣтѣ случайно увидѣть свое лицо въ зеркалѣ. Въ ту же минуту раздался тяжеловѣсный скучный звонъ часовъ, и такой продолжительный, что послѣ двѣнадцатаго удара я подумалъ, что во время этого боя прошло полныхъ двѣнадцать часовъ и что сейчасъ начнетъ бить еще двѣнадцать. Между предпоследнимъ и последнимъ ударомъ забили другіе часы, но очень быстро, пронзительно-звонко и, быть-можетъ, сердясь на медленность своего коллеги. Когда замолкли желѣзные языки тѣхъ и другихъ и во всемъ домѣ воцарилось глубокое, мертвое молчаніе, мнѣ вдругъ показалось, что въ коридорѣ, передъ моею комнатою, что-то тащится и шлепаетъ, точно старый человѣкъ приближается нетвердою походкой. Наконецъ дверь отворилась, и въ комнату медленно вошелъ умершій докторъ Сауль Ашеръ. Холодная лихорадочная дрожь проникла меня до костей, я задрожалъ, какъ осинный листъ, и едва осмѣлился взглянуть на привидѣніе. Докторъ не измѣнился: тотъ же трансцендентально-сѣрый кафтанъ, тѣ же абстрактныя ноги и то же математическое лицо; только оно немного пожелтѣло, да губы, прежде образывавшія два угла въ $22\frac{1}{2}$ градуса, теперь были точно прищемлены, и радіусъ глазныхъ орбитъ сдѣлался больше. Шатаясь и, какъ бывало, опираясь на свою испанскую тросточку, онъ подошелъ ко мнѣ и своимъ обыкновеннымъ цыгнотнымъ діалектомъ дружески сказалъ: «Не ужасайтесь и не воображайте, что я привидѣніе; думая такъ, вы поддаетесь обманчивому дѣйствию вашей фантазіи. Что такое привидѣніе? Дайте мнѣ точное опредѣленіе его. Выведите мнѣ условія возможности существованія

привидѣній. Въ какомъ разумномъ соотношеніи могутъ находиться между собою подобныя явленія и разумъ человѣческій? Разумъ, я говорю, разумъ...» И тутъ привидѣніе пустилось въ анализъ разума, цитировало Кантову «Кристику чистаго разума» 2 часть, 1 отдѣленіе, 2 книгу, 3 главу, о различіи феноменовъ и нуменовъ, на этомъ построило проблематическое вѣрованіе въ привидѣнія, громоздило одинъ силлогизмъ на другой и окончило рѣчь свою логическимъ доказательствомъ, что привидѣнія рѣшительно не существуютъ. Я все это время обливался холоднымъ потомъ; зубы мои стучали, точно кастаньеты; изъ боязни я наклоненіемъ головы безусловно соглашался съ каждымъ словомъ, которымъ привидѣніе-докторъ доказывалъ нелѣпость боязни привидѣній. А онъ такъ увлекался своими доказательствами, что разъ въ разсѣянности вынулъ изъ кармана, вмѣсто золотыхъ часовъ, цѣлую пригоршню червей, и когда замѣтилъ ошибку, то съ комически-испуганною поспѣшностью снова спряталъ ихъ. «Разумъ есть высшій...» Но тутъ часы пробили одинъ—и привидѣніе исчезло.

На слѣдующее утро я отправился изъ Гослара, частію чтобы пойти куда глаза глядятъ, частію съ намѣреніемъ посѣтить брата клаустальскаго рудокопа. Была снова отличная, праздничная погода. Я всходилъ на холмы и горы, смотрѣлъ, какъ солнце старалось разогнать туманъ, весело бродилъ по дрожащимъ лѣсамъ... и вокругъ моей грезившей головы звучали госларскіе колокольчики-цвѣты. Горы высились въ своихъ бѣлыхъ, ночныхъ плащахъ, ели отряхивали ночной сонъ, свѣжій утренній вѣтеръ завивалъ ихъ повисшіе внизъ зеленые волосы, птицы собрались на молитву, луговая поляна блестѣла, точно золотой покровъ, усыпанный брильянтами, и пастухъ проходилъ по ней со своимъ звенящимъ стадомъ. Мнѣ предстояла опасность заблудиться: всегда берещь боковыя дороги и тропинки, думая такимъ образомъ скорѣе придти къ цѣли. На Гарцѣ то же, что въ жизни вообще. Но всегда найдутся добрые люди, которые выведутъ на прямую дорогу, и дѣлая это, они еще ощущаютъ особенное удовольствіе и съ самодовольнымъ видомъ, благосклоннымъ голосомъ объясняютъ вамъ, какой вы большой крюкъ сдѣлали, въ какія рисковали попасть пропасти и болота и насколько можете назвать себя счастливымъ, что попали во-время на такихъ опытныхъ людей, каковы они. Такого указчика встрѣтилъ я недалеко отъ Гарцбурга. Это былъ дородный госларскій гражданинъ съ лоснящимся

одутловатымъ, глупо-хитрымъ лицомъ; по его виду можно было подумать, что это онъ изобрѣлъ скотскій падежь. Мы нѣсколько времени шли вмѣстѣ, и онъ разсказалъ мнѣ много исторій съ привидѣніями; и эти разсказы были бы очень хороши, если бъ не оканчивались доказательствомъ, что привидѣній-то на самомъ дѣлѣ не было, а какой-нибудь бѣлый призракъ оказывался лѣснымъ воромъ, волшебные звуки выходили просто изъ только-что родившихся кабанятъ, а шумъ въ погребѣ былъ ничто иное, какъ мяуканье домашней кошки. «Только больной человекъ—прибавилъ мой спутникъ—думаетъ, что видитъ привидѣнія. Ну, а я-то рѣдко боленъ, иногда только страдаю кожною болѣзнью, и мнѣ каждый разъ помогаетъ слюна, которую я проглатываю натошакъ». Онъ объяснялъ мнѣ также полезность и цѣлесообразность всего существующаго въ природѣ: деревья зеленого цвѣта, потому что зеленый цвѣтъ полезенъ для глазъ. Я соглашался съ нимъ и прибавилъ, что рога-тая скотина создана Богомъ потому, что мясной бульонъ укрѣпляетъ силы человекъ, ослы—для того, чтобы ихъ можно было сравнивать съ людьми, а сами люди затѣмъ, чтобы они ѣли мясной бульонъ и не были ослиами. Спутникъ мой былъ въ восхищеніи, что нашелъ единомышленника, лицо его залоснилось еще радостнѣе и, разставаясь со мною, онъ былъ взволнованъ.

Пока этотъ человекъ оставался подлѣ меня, вся природа, казалось, лишилась своей чарующей силы. Но только-что онъ ушелъ, какъ снова заговорили деревья, и зазвучали солнечные лучи, и заплясали луговые цвѣточки, и синее небо заключило въ объятія зеленую землю. Да, я лучше его знаю: Богъ создалъ человекъ для того, чтобы онъ дивился величію вселенной. Каждый авторъ, какъ онъ ни великъ, хочетъ, чтобы его произведенія встрѣчались похвалами. И въ Библии ясно сказано, что Богъ сотворилъ человекъ для своей славы и хвалы.

Послѣ долгихъ ходовъ и переходовъ, я пришелъ, наконецъ, въ избушку брата моего клаустальскаго пріятеля, провелъ тамъ ночь и пережилъ слѣдующую прекрасную поэмъ.

I.

На горѣ стоитъ избушка,
Въ ней живетъ старикъ сѣдой;
Тамъ шумятъ вѣтвями ели;
Блещетъ мѣсяцъ золотой.

Посреди избушки кресло,
Въ немъ рѣзные всѣ края;
Кто сидитъ на немъ, тотъ счастливъ,
И счастливецъ этотъ—я.

На скамьѣ сидитъ малютка,
Опершись на локотокъ,
Глазки—звѣзды голубыя,
Ротикъ—пурпурный цвѣтокъ.

И въ прекрасныхъ этихъ звѣздахъ
Точно неба глубина;
Вотъ кладетъ лукаво пальчикъ
Къ губкамъ пурпурнымъ она.

Нѣтъ, насъ матушка не видитъ,
Пряжу пристально прядетъ,
А отецъ подь звуки лютни
Пѣсню старую поетъ.

И малютка шепчетъ тихо,
Тихо, голосъ затая...
Тутъ немало тайнъ завѣтныхъ
Отъ нея услышалъ я:

«Вотъ, какъ тетушки не стало,
Все сижу я взаперти;
Въ нашъ веселый, шумный городъ
Не съ кѣмъ больше мнѣ пойти.

«Здѣсь же холодъ и безлюдье,
Нѣтъ скучнѣ стороны;
А зимой, подь этимъ снѣгомъ,
Мы совсѣмъ схоронены.

«Ну, а я-то боязлива
И страшуся, какъ дитя,
Духовъ злыхъ, чтд ночью бродятъ,
Шутки скверныя шутя».

Вдругъ малютка замолчала,
Будто собственныхъ рѣчей
Испугавшись, и закрыла
Глазки ручкою своей.

Ели шепчутся сливѣ,
Прялка быстрая жужжитъ.

И подь звонъ отцовской лютни
Пѣсня старая звучить:

«Не страшись могучей власти
Духовъ злыхъ, ребенокъ мой:
Духи добрые на стражѣ
Днемъ и ночью надъ тобой!»

II.

Ель зелеными руками
Къ намъ въ окошечко стучить,
И нескромный, желтый мѣсяць
Гихо въ комнату глядитъ.

Ужь отецъ и мать уснули
Въ спальнѣ маленькой своей,
Мы же въ шопотъ блаженномъ,
Не смыкаемъ все очей.

— «Нѣтъ, что ты привыкъ молиться,
Мнѣ повѣрить мудрено:
Блѣдныхъ губъ твоихъ дрожанье
Не молитвой рождено.

«Этотъ злой, холодный трепеть
На меня наводитъ страхъ,
Но смиряешь ты мой ужасъ
Свѣтомъ набожнымъ въ очахъ.

«Ты, мнѣ кажется, не вѣришь,
Въ то, что чистыя сердца
Вѣрой чистой называютъ—
Въ Духа, Сына и Отца?..»

— «Ахъ, дитя, еще ребенкомъ
У родимой на рукахъ,
Вѣрилъ я въ Отца, Который
Добрь и славенъ въ небесахъ;

«Кто такъ чудно человекъ
И вселенную создалъ,
И лунѣ, звѣздамъ и солнцу
Путь по небу указалъ.

«Но, дитя мое, съ лѣтами
Стала крѣпнуть мысль моя,

Понимать я начал больше
И повѣрилъ въ Сына я—

«Сына Божьяго, Который
Намъ законъ любви открылъ
И, какъ водится, въ награду
Человѣкомъ распять былъ.

«А теперь, когда я много
Бзилъ, видѣлъ и читалъ,
Безгранично сердцемъ вѣрить
Я въ Святого Духа сталъ.

«Онъ свершилъ большія чуда
И свершаетъ ихъ всегда—
Разорвалъ онъ цѣпи рабства,
Сбилъ тирановъ города.

«Воскресилъ былое право—
Да идетъ изъ вѣка въ вѣкъ:
Нѣтъ неравенства рожденья,
Благороденъ человѣкъ.

«Злую тьму Онъ разсѣваетъ,
Духовъ темныхъ гонить прочь,
Что любовь и радость нашу
Отравляютъ день и ночь.

«Чтобъ Его свершалась воля,
Выбравъ рыцарей себѣ,
Далъ имъ гордую отвагу,
Приготовилъ ихъ къ борьбѣ.

«И мечи ихъ ярко блещутъ,
И знамена вѣютъ ихъ...
Что, малютка, ты хотѣла-бъ
Видѣть рыцарей такихъ?

«Ну, такъ вскинь свои глазенки
На меня, ребенокъ мой,
И цѣлуй меня смѣлѣе—
Рыцарь Духа предъ тобой!»

III.

За вѣтвями темной сли
Тихо прячется луна;

Наша лампа догорает,
Слабо брезжится она.

Но въ моихъ звѣздахъ сиянье
Ярко, весело горитъ,
И цвѣтокъ пурпурный пышетъ,
И малютка говорить:

«Ахъ, уродцы домовые
Хлѣбъ воруютъ все у насъ:
Вечеръ въ ящикѣ лежитъ онъ,
Утромъ пусто каждый разъ.

«Съ молока сберутъ всё сливки,
Не прикроютъ и горшка,
А за ними наша кошка
Съѣстъ остатки молока.

«Ну, а кошка вѣдь колдунья
Въ бурю, ночью, все бѣжитъ
Къ мѣсту духовъ, гдѣ въ обломкахъ
Башня старая стоитъ.

«А когда-то замокъ пышный
Возвышался гордо тамъ,
Дамы, рыцари и пажы
Въ немъ плясали по ночамъ.

«Злая фея все сгубила
Силой злого колдовства,
И теперь въ обломкахъ замка
Вьеть гнѣздо свое сова.

«Но отъ тетки я слыхала,
Будто въ свѣтѣ слово есть—
Чуть его въ такомъ-то мѣстѣ,
Въ часъ такой-то произнести—

«И опять блестящій замокъ
Изъ развалинъ встанетъ тамъ,
Снова рыцари и дамы
Въ немъ запляшутъ по ночамъ;

«Станетъ тотъ, кто скажетъ слово,
Обладателемъ всего;
Звукъ литавръ и трубъ прославить
Юность свѣтлую его!»

Такъ на розахъ милыхъ губокъ
Сказки чудныя цвѣтутъ,
И сіянье голубое
Звѣзды глазокъ въ лепетъ льютъ.

Руку свѣтлыми кудрями
Обвиваетъ мнѣ она,
И мои цѣлуетъ пальцы,
И даетъ имъ имена.

На меня глядятъ привѣтно
Стѣны скромнаго жилья,
Столъ и шкапъ, какъ будто съ ними
Мы старинные друзья.

Ходитъ маятникъ радушно,
Тихо лютня на стѣнѣ
Прозвучитъ сама собою—
И сижу я, какъ во снѣ.

Мы теперь въ томъ самомъ мѣстѣ,
И теперь тотъ самый часъ...
Слушай—смѣло я промолвлю
Слово тайное сейчасъ.

И—смотри, дитя... Свѣтлѣетъ,
Недалеко до утра,
Громче шумъ ручьевъ и елей,
Просыпается гора.

Изъ утесовъ звуки лютней,
Пѣсни духовъ пронеслись,
И лѣса цвѣтовъ роскошныхъ
Точно чудомъ разрослись.

Прихотливо, пестрымъ роемъ,
Эти сдвинулись цвѣты,
И трепещутъ сладострастьемъ
Ихъ широкіе листы.

Розы пышутъ, точно пламя,
Лилій гордые стебли,
Какъ хрустальные колонки,
Къ небу чаши вознесли

Звѣзды съ неба смотрятъ ярко,
Сладострастія полны,

Льются въ чаши гордыхъ лилій
Волны свѣта съ вышины.

Но, дитя, мы сами больше
Измѣнились въ этотъ часъ;
Шелкъ, и золото, и свѣчи,
Блещутъ весело вкругъ насъ.

Ты въ принцессу обратилась,
Замкомъ сдѣлалась изба,
Въ немъ танцуетъ и ликуетъ
Дамъ и рыцарей гурьба!

Я-жъ надъ всѣмъ, что здѣсь явилось,
Обладателемъ стою;
Славятъ трубы и литавры
Юность свѣтлую мою!

Солнце взошло. Туманъ разсѣялся, точно привидѣнія послѣ третьяго крика пѣтуха. Снова пошелъ я внизъ и вверхъ по горамъ, а предо мною катилось прекрасное солнце, освѣщая каждую минуту новыя красоты. Горный духъ видимо благопріятствовалъ мнѣ; онъ хорошо знаетъ, что поэтъ можетъ потомъ поразсказать много прекраснаго, и показалъ мнѣ въ это утро свой Гарцъ въ такомъ видѣ, въ какомъ, конечно, видѣлъ его не всякій. Но за то и меня Гарцъ увидѣлъ такимъ, какимъ немногіе видѣли меня: на рѣсницахъ моихъ дрожали такіе же драгоцѣнные перлы, какъ и въ травѣ долины, роса любви увлажала мои щеки, шумящія ели понимали меня и качали вѣтвями, какъ нѣмые люди, доказывающіе радость движеніемъ рукъ; а вдали слышались какіе-то чудно-тайнственные звуки — будто звонъ колоколовъ забытой лѣсной часовни... Говорятъ, что это колокольчики стада издають на Гарцъ такой милый, чистый и гармоническій звукъ.

Судя по солнцу, былъ полдень, когда я встрѣтилъ однаго изъ такихъ стада. Пастухъ привѣтливый бѣлокурый юноша, сказалъ мнѣ, что большая гора, у подошвы которой я стою — старый, знаменитый Брокенъ. Далеко въ окружности этого мѣста нѣтъ никакого жилья, и, поэтому, я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе пастуха — закусить съ нимъ. Мы сѣли за *déjeuner dinatoire*, состоявшій изъ хлѣба и сыра. Овцы обирали крошки, милые чистенькіе телята прыгали вкругъ насъ, и лукаво побрякивали колокольчиками,

весело смотря на насъ своими большими, довольными глазами. Мы закусили истинно по-царски; вообще мой амфи-трионъ показался мнѣ настоящимъ королемъ, и такъ какъ изъ всѣхъ королей онъ единственный, давшій мнѣ хлѣба, то я и хочу воспѣть его по-царски:

Здѣсь царемъ дитя—пастухъ.
Холмъ зеленый вмѣсто трона,
Солнце яркое надъ нимъ—
Вся изъ золота корона.

У монаршихъ ногъ легли
Льстиво овцы въ красныхъ бантахъ;
Гордой важности печать
На телятахъ-адъютантахъ.

Гофъ-актерами—козлы;
И коровы не безъ дѣла,
Какъ и птицы: флейты ихъ,
Позвонки ихъ—гофъ-капелла.

И такъ мило все звучить,
И такъ мило отвѣчаетъ
Водопадъ и темный лѣсъ...
И владыка засыпаетъ.

Въ это время край его
Псомъ-министромъ управляемъ;
Неусыпно сторожить
Онъ своимъ широкимъ лаемъ.

Дремля, шепчетъ юный царь:
«Ахъ, правленье—трудъ постылый,
Трудъ тяжелый! Поскорѣй
Мнѣ-бъ домой, къ царицѣ милой!

«И державной головой
Тихо къ ней на грудь склониться...
Вѣдь владѣнія мои
Всѣ въ глазахъ твоихъ, царица!...»

Мы дружески разстались, и я весело пошелъ вверхъ по горѣ. Скоро принялъ меня подъ свою тѣнь лѣсъ высокихъ, упирившихся въ облака, елей, къ которымъ я вообще питаю большое уваженіе. Этимъ деревьямъ не совсѣмъ легко

бываетъ расти, и юность ихъ проходить въ порядочныхъ мукахъ. Почва здѣсь усѣяна большими обломками гранита, и большинству деревьевъ приходилось выворачивать ихъ корнями для того, чтобы отыскать себѣ какую-нибудь пищу. Тамъ и сямъ камни, лежа одинъ на другомъ, образуютъ родъ арки, а на ней стоятъ деревья, опуская внизъ съ этихъ каменныхъ воротъ свои обнаженные корни, которые только у подошвы ея трогаютъ землю, такъ что они кажутся растущими въ воздухъ. А между тѣмъ, они сами вознеслись до могучей высоты, и какъ будто срѣсались съ этими камнями, стоятъ здѣсь тверже, чѣмъ ихъ комфортные собратья въ спокойныхъ лѣсахъ долинъ. Такъ и въ жизни держатся великіе люди, окрѣпшіе и закалившіеся только благодаря преодолѣнью раннихъ препятствій и мученій. По вѣтвямъ елей прыгали маленькія бѣлки, а въ тѣни деревьевъ прогуливались желтые олени. Когда я вижу это милое, благородное животное, то не могу понять, какъ образованнымъ людямъ доставляетъ удовольствіе травить и убивать его. Это животное превзошло людей великодушіемъ: своимъ молокомъ оно утоляло томительную жажду сына св. Женевьевы.

Прелестно пробивались золотые лучи солнца сквозь зеленую чашу елей. Корни деревьевъ образовывали натуральную лѣстницу. На каждомъ шагу мягкія мшистыя скамейки, потому что камни покрыты прелестнѣйшими породами мха, точно свѣтло-зелеными бархатными подушками. Отрадная прохлада и таинственное журчанье источниковъ. Тамъ и сямъ видно, какъ вода серебристою струею вѣется подъ камнями и увлажняетъ обнаженные корни и жилки деревьевъ. Когда наклонишься къ этому движенію, то будто слышишь тайную исторію образованія растений и спокойное сердцебіеніе горы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода сильнѣе пробивается изъ-подъ камней и корней и образуетъ маленькіе каскады. Славно сидѣть въ этихъ мѣстахъ! Кругомъ чудно-таинственный шумъ и жужжанье, птицы разливаются въ прерывистыхъ, полныхъ тоскливыхъ желаній, звукахъ, деревья шепчутъ точно тысяча молодыхъ дѣвичьихъ голосовъ, диковинные горные цвѣты смотрятъ вамъ въ лицо точно тысячью молодыхъ дѣвичьихъ глазъ, они простираютъ къ вамъ свои широкіе, странно вырѣзанные листья; прихотливо жерцаютъ веселые лучи солнца, умныя травки рассказываютъ другъ другу зеленыя сказки, вся природа точно околдована, таинственнѣе и таинственнѣе становятся въ ней.

старыя грёзы воскресаютъ въ душѣ, образъ милой является... ахъ, отчего такъ быстро снова исчезъ онъ!

Чѣмъ выше поднимаешься въ гору, тѣмъ ниже, карликообразнѣе становятся ели; кажется, будто онѣ все больше и больше уходятъ въ землю, на почвѣ остаются, наконецъ, только черника, красная смородина и горная трава. Здѣсь и воздухъ значительно холоднѣе. Только въ этихъ мѣстахъ впервые въ ясномъ видѣ являются удивительныя группы гранитныхъ обломковъ, часто онѣ поразительной величины. Очень можетъ быть, что это мячи, которыми злые духи играютъ въ Вальпургіеву ночь, когда вѣдьмы съѣзжаются сюда на метлахъ и вилахъ, и когда, судя по заслуживающимъ вѣроятія разговорамъ няни и прекраснымъ картинамъ мейстера Ретша къ «Фаусту», начинается здѣсь проклятое веселье. Да, одному молодому поэту, который проѣздомъ изъ Берлина въ Геттингенъ былъ на Брокенѣ въ первую майскую ночь, довелось даже увидѣть, какъ нѣсколько беллетристическихъ дамъ эстетически распивали чай на одномъ горномъ выступѣ, спокойно читали «Вечернюю Газету», признавали всемірными геніями своихъ поэтическихъ козлятъ, съ бляніемъ прыгавшихъ вокругъ чайнаго стола, и произносили окончательный приговоръ надъ всѣми явленіями нѣмецкой литературы; но когда онѣ заговорили о «Ратклифѣ» и «Алманзорѣ» и начали отвергать въ авторѣ всякую набожность и всякое христіанское чувство, тогда волосы встали дыбомъ на головѣ молодого человѣка, ужасъ охватилъ его—я пришпорилъ лошадь и поскакалъ дальше.

Въ самомъ дѣлѣ, когда взойдешь на верхнюю половину Брокена, то поневолѣ вспомнишь забавныя блоксбергскія исторіи и особенно великую, мистическую національную нѣмецкую трагедію доктора Фауста. Мнѣ все казалось, что около меня стучитъ конское копыто и вѣетъ чье-то юмористическое дыханье. Я думаю, что и Мефистофелю тяжело дышать, когда онъ взлѣзетъ на свою любимую гору; дорога здѣсь ужасно трудна, и я былъ очень радъ, когда, наконецъ, достигъ давно желанной Брокенской гостиницы.

Этотъ домъ, какъ извѣстно изъ многихъ рисунковъ, состоитъ изъ одного этажа и лежитъ на самой вершинѣ горы; онъ основанъ въ 1800 г. графомъ Штольбергъ-Вернигероде, на счетъ котораго содержится и гостиница. Стѣны здѣсь поразительной толщины; по причинѣ зимнихъ вѣтровъ и холода; крыша низка, посрединѣ ея возвышается павильонъ въ родѣ башни, а подлѣ дома стоятъ еще два маленькихъ

флигеля, изъ которыхъ одинъ въ былое время служилъ убѣжищемъ для посѣтителей Брокена.

Вступленіе въ этотъ домъ вызвало во мнѣ какое-то необыкновенное, волшебное ощущеніе. Послѣ долгаго, одинокаго пути посреди елей и утесовъ, вдругъ видишь себя въ подоблачной комнатѣ; города, горы и лѣса остаются подъ твоими ногами, а здѣсь встрѣчаешь чужое, странно собранное общество, которое принимаетъ тебя почти какъ жданаго товарища, полюблюбопытно, полуравнодушно, какъ это естественно бываетъ въ подобныхъ мѣстахъ. Домъ былъ полонъ народу, и я, какъ благоразумный человѣкъ, сейчасъ же подумалъ о ночлегѣ, о неудобствѣ сна на соломѣ. Умирающимъ голосомъ спросилъ я себѣ чаю, и тогда господинъ трактирщикъ сейчасъ же умѣлъ сообразить, что такому больному человѣку нужна хорошая постель. Ее онъ предоставилъ мнѣ въ узкой комнатѣ, въ которой уже расположился какой-то молодой купецъ—долговязый рвотный порошокъ въ коричневомъ сюртукѣ.

Въ общей комнатѣ я засталъ шумъ и движеніе: здѣсь сошлись студенты разныхъ университетовъ. Одни изъ нихъ только-что пришли и закусываютъ, другіе собираются уходить, подвязываютъ дорожную сумку, записываютъ свои имена въ памятную книгу, получаютъ отъ трактирныхъ прислужницъ вѣтки съ брокенскихъ деревьевъ; тутъ щипанье щекъ, пѣсни, прыжки, вопросы, отвѣты, пожеланья хорошаго пути, хорошей погоды. Нѣкоторые изъ уходящихъ порядочно нагрузились, и имъ прекрасныя картины природы доставляютъ двойное наслажденіе, такъ какъ пьяному все кажется въ двойномъ свѣтѣ.

Отдохнувъ, какъ слѣдуетъ, я взшелъ на башню и засталъ тамъ маленькаго господина съ двумя дамами—молодою и пожилою. Молодая была очень хороша. Великолѣпная фигура, на кудрявой головкѣ черная атласная шляпа въ формѣ шлема, бѣлыя перья которой развѣвались по вѣтру, стройные члены такъ плотно охвачены чернымъ шелковымъ плащемъ, что подъ нимъ ясно обозначались благородныя формы, а большіе, свободные глаза спокойно смотрѣли въ свободную, широкую даль.

Еще въ дѣтствѣ я только и думалъ, что о волшебныхъ чудныхъ сказкахъ, и каждую красивую даму, съ страусовыми перьями на шляпѣ, принималъ за королеву эльфъ; а чуть замѣчалъ мокроту на шлейфѣ ея платья, сейчасъ же думалъ, что она водяная фея. Теперь я иныхъ мыслей съ

тѣхъ поръ, какъ узналъ изъ естественной исторіи, что эти символическія перья принадлежатъ глубѣйшимъ птицамъ, и что дамскій шлейфъ можетъ замочиться отъ очень натуральныхъ причинъ. Взгляни я на вышеупомянутую красавицу, стоявшую въ вышеупомянутомъ видѣ на брокенской башнѣ, своими дѣтскими глазами—конечно, я подумалъ бы, что это горная фея и что именно по ея чарующему слову все внизу приняло такой чудный видъ. Да, въ истинно волшебномъ свѣтѣ являются всѣ предметы, когда въ первый разъ смотришь на нихъ съ вершины Брокена, новыя впечатлѣнія наполняютъ всѣ стороны нашего духа, и рѣзко различаясь между собою, даже противорѣча другъ другу, сплетаются въ душѣ въ одно великое, еще непонятное, смутное чувство. Но кому удастся дать себѣ ясный отчетъ въ этомъ чувствѣ, тотъ получаетъ понятіе о характерѣ горы. Этотъ характеръ—совершенно нѣмецкій, по отношенію какъ къ недостаткамъ его, такъ и къ достоинствамъ. Брокенъ—нѣмецъ. Съ нѣмецкою основательностью показываетъ онъ намъ очень явственно, точно въ исполинской панорамѣ, сотни городовъ, городковъ и деревень, большею частью лежащихъ къ сѣверу, а вокругъ—всѣ горы, лѣса, рѣки, равнины, раскинувшіеся на необозримое пространство. Но именно вслѣдствіе этого все кажется рѣзко нарисованною, часто раскрашенною спеціальною картою; нигдѣ зрѣніе не услаждается красивыми ландшафтами въ собственномъ смыслѣ этого слова; всегда вѣдь бываетъ такъ, что мы, нѣмецкіе компиляторы, заботясь о добросовѣстной передачѣ всѣхъ подробностей вмѣстѣ, никогда не подумаемъ выставить каждую подробность отдѣльно въ прекрасномъ свѣтѣ. Въ Брокенѣ есть также что-то нѣмецко-спокойное, разумное, терпѣливое, и это именно потому, что онъ можетъ такъ далеко и ясно видѣть вещи. А когда такая гора раскрываетъ свои исполинскіе глаза, то конечно она видитъ гораздо больше, чѣмъ мы, карлики, вползающіе на нее со своими слабыми глазенками. Многіе утверждаютъ, правда, что въ Брокенѣ много филистерскаго духу, и Клаудиусъ пѣлъ: «Блоксбергъ—длинный господинъ филистеръ!» Но это несправедливо. Правда, его лысая голова, которую онъ иногда прикрываетъ бѣлой туманной шапкой, придаетъ ему филистерскій видъ; но, подобно многимъ великимъ нѣмцамъ, онъ дѣлаетъ это изъ чистой ироніи. Извѣстно даже, что у Брокена бываютъ свои буршескія фантастическія минуты, напр., въ первую майскую ночь. Тогда онъ ликва. бросаетъ въ воздухъ свою туманную

шапку и, точно такъ же, какъ всѣ нѣмцы, становится чисто нѣмецки, романтически сумасшедшимъ.

Я сейчасъ же постарался вступить въ разговоръ съ красавицей, потому что наслажденіе красотами природы тогда только полно, когда можешь его высказать на мѣстѣ наслажденія. Она не блистала умомъ, но умѣла слушать съ разумнымъ вниманіемъ. Манеры истинно хорошаго тона. Я говорю здѣсь не о томъ обыкновенномъ, неповоротливомъ, отрицательномъ хорошемъ тонѣ, который знаетъ только, чего не слѣдуетъ дѣлать; но о томъ, рѣдкомъ, свободномъ, положительномъ, который опредѣлительно указываетъ намъ, что именно мы должны дѣлать, и прогоняя всякое стѣсненіе, является вмѣстѣ съ тѣмъ высшимъ ручательствомъ за сохраненіе всѣхъ общественныхъ приличій. Къ моему собственному удивленію, я выказалъ въ разговорѣ съ любознательной красавицей большія географическія познанія, назвалъ всѣ города, лежавшіе передъ нами, отыскалъ и показалъ ихъ на своей картѣ, которую, съ лицомъ настоящаго профессора, я развернулъ на каменномъ столѣ, стоявшемъ посреди площадки. Нѣкоторыхъ городовъ я не могъ отыскать, можетъ-быть потому, что искалъ ихъ больше пальцами, чѣмъ глазами, которые въ то время путешествовали по лицу красавицы и отыскивали тамъ очень живописныя мѣста. Лицо это принадлежало къ числу тѣхъ, которыя никогда не разжигаютъ страстей, рѣдко чаруютъ и всегда нравятся. Я люблю подобныя лица, потому что они успокоительно дѣйствуютъ на мое мятежное сердце. Женщина эта была еще не замужемъ, хотя находилась въ томъ цвѣтущемъ возрастѣ, который даетъ полное право на вступленіе въ бракъ. Но это явленіе повторяется каждый день: именно красивѣйшимъ дѣвушкамъ очень трудно находить себѣ мужа. Это было уже въ древности, и, какъ извѣстно, три граціи такъ и остались въ дѣвушкахъ.

Что касается до маленькаго господина, сопровождавшаго этихъ женщинъ, то я не могъ догадаться, въ какихъ отношеніяхъ находился онъ съ ними. Это была тощая странная фигура. Маленькая головка, скудно покрытая сѣдыми волосенками, падавшими по узкому лбу на зеленатовые стрекозьи глаза; круглый носъ, выступившій далеко наружу, и напротивъ того ротъ и подбородокъ, боязливо ушедшіе къ ушамъ. Это личико, казалось, было сдѣлано изъ той хрупкой, желтоватой глины, изъ которой скульпторы лѣпятъ первые образцы своихъ статуй, а когда тонкія губы сжимались, то

на щеках образовывались тысячи полукруглых тонких морщин. Маленькій человекъ не говорилъ ни слова, и только по временамъ, когда молодая дама обращалась къ нему съ дружескимъ шопотомъ, улыбался, какъ мопсъ, у котораго насморкъ.

Эта пожилая дама была матерью молодой, и у ней тоже были манеры самаго лучшаго тона. Въ глазахъ ея просвѣчивалась болѣзненная, мечтательная задумчивость, на губахъ лежала строгая набожность, но мнѣ показалось, что когда-то губы эти были прекрасны, и много смѣялись, и много поцѣлуевъ получали, и многими отвѣчали сами. Лицо ея напоминало какой-нибудь Codex Palimpsestus, въ которомъ, подъ новыми монашескими письменами текста св. отцовъ, виднѣются еще полустертые стихи древне-греческаго эротическаго поэта. Обѣ дамы были въ этомъ году со своимъ спутникомъ въ Итали и рассказали мнѣ много прекраснаго о Римѣ, Флоренціи и Венеціи. Мать много толковала о картинахъ Рафаэля въ церкви св. Петра, дочь больше говорила объ оперѣ въ театрѣ Фениче. Обѣ онѣ были въ восторгѣ отъ искусства импровизаторовъ. Мѣсто-рожденіемъ обѣихъ былъ Нюрнбергъ, но о древнемъ величіи этого города онѣ могли рассказать мнѣ не особенно много. Милое мейстерзингерство, послѣдніе звуки котораго сохранилъ намъ добрый Вагензейль, отжило свой вѣкъ, и нюрнбергскія гражданки улаждаются итальянскими бессмысленными импровизациями и пѣніемъ кашлуновъ. О святой Себадьѣ, какимъ жалкимъ патрономъ сдѣлался ты теперь.

Между тѣмъ, какъ мы бесѣдовали, стало смеркаться; воздухъ свѣжѣлъ, солнце склонилось ниже, и на площади наполнилась студентами, мастеровыми и нѣсколькими почтенными бюргерами, съ ихъ супругами и дочерьми; всѣ они хотѣли видѣть заходженіе солнца. Это возвышенная картина, настраивающая душу къ молитвѣ. Цѣлую четверть часа стояли всѣ въ серьезномъ молчаніи и смотрѣли, какъ великолѣпный огненный шаръ мало-по-малу исчезалъ на западѣ; лица озолотились вечерней зарей, руки невольно скрестились—мы будто стояли, какъ набожная община, въ стѣнахъ исполинской церкви, между тѣмъ какъ священникъ вавдымалъ надъ головою тѣло Спасителя, а изъ органа лились звуки безсмертнаго хора Палестрины.

Я совсѣмъ погрузился въ набожное молчаніе, какъ вдругъ услышалъ подлѣ себя восклицаніе: «Какъ, однако, прекрасна

природа вообще!» Слова эти вырвались из переполненной груди молодого купца, моего товарища по комнатѣ. Они разомъ вернули меня въ будничное настроеніе, и я увидѣлъ себя въ возможности наговорить дамамъ моимъ много интереснаго о захожденіи солнца, и потомъ спокойно, какъ будто ничего необыкновеннаго не произошло, проводить ихъ въ комнату. Тутъ онѣ позволили мнѣ еще съ часъ остаться съ ними. Какъ и вся земля, разговоръ нашъ вертѣлся вокругъ солнца. Мать утверждала, что закатившееся въ туманѣ свѣтло было похоже на пылающую розу, которую галантное небо бросило въ широко-раскинутый, бѣлый подвѣчный вуаль своей возлюбленной земли. Дочь улыбнулась и замѣтила, что часто созерцаніе такихъ явленій ослабляетъ впечатлѣніе, производимое ими. Мать опровергнула это ложное мнѣніе, приведя одно мѣсто изъ путевыхъ писемъ Гёте, и спросила меня—читалъ ли я Вертера? Если я не ошибаюсь, мы говорили тоже объ ангорскихъ кошкахъ, этрусскихъ вазахъ, турецкихъ шаляхъ, макаронахъ и лордѣ Байронѣ, изъ стихотвореній котораго пожилая дама очень мило и вздыхая пролепетала нѣсколько отрывковъ, касающихся захожденія солнца. Дочери, не знавшей по-английски и выразившей желаніе познакомиться съ этими стихотвореніями, я рекомендовалъ переводы моей прекрасной и умной соотечественницы, баронессы Элизы фонъ-Гогенгаузенъ, и тутъ—какъ обыкновенно я поступаю съ молодыми женщинами—не упустилъ случая горячо возстать противъ безбожія Байрона, его черствости въ любви, мрачности и Богъ знаетъ чего еще.

Окончивъ это дѣло, я еще разъ пошелъ прогуляться по Брокену, потому что на немъ никогда не бываетъ совершенно темно. Сквозь негустой туманъ я могъ различить очерки двухъ холмовъ, изъ которыхъ одинъ называется алтаремъ вѣдьмъ, а другой—каедрою чертей. Я выстрѣлилъ изъ пистолета, но эхо не отозвалось. Вдругъ слышу я подлѣ себя знакомые голоса, кто-то обнимаетъ меня и цѣлуетъ. Это мои земляки, оставившіе Геттингенъ четыре дня послѣ меня и съ крайнимъ изумленіемъ встрѣтившіе меня совершенно одинокимъ на Блоксбергѣ. Пошли рассказы, вопросы и отвѣты, хохотъ и воспоминанія, и мысленно мы снова перенеслись въ нашу ученую Сибирь, гдѣ образованность стоитъ на такой высокой степени, что медвѣдей привязываютъ въ трактирахъ, а собаки говорятъ охотнику: «добрый вечеръ».

Въ общей комнатѣ всѣ сошлись ужинать. За длиннымъ столомъ, въ два ряда голодные студенты. Прежде всего разговоръ на обыкновенную студенческую тему: дуэли, дуэли и опять дуэли. Такъ какъ большая часть общества состояла изъ студентовъ университета Галлэ, то этотъ городъ сдѣлался главнымъ предметомъ бесѣды. Стекла въ окнахъ гофрата Шюца были экзегетически освѣщены. Тутъ же рассказали, что послѣдній приемъ при дворѣ кипрскаго короля отличался особеннымъ блескомъ, что этотъ монархъ хочетъ вступить въ морганатическій бракъ съ принцессою лихтенштейнскаго дома, что онъ далъ отставку своей официальной фавориткѣ, и что по этому случаю все растроганное министерство, по предписанію правительства, плакало. Мнѣ нѣтъ нужды объяснять здѣсь, что всѣ эти обстоятельства относились къ сановникамъ галлэскаго пивного погребка. Послѣ того разговоръ зашелъ о двухъ китайцахъ, которые, за два года до этого, показывали себя за деньги въ Берлинѣ, а теперь въ Галлэ состоятъ привать-доцентами китайской эстетики. Тутъ-то пошли остроты. Кто-то пустилъ въ ходъ предположеніе, что нѣмецъ показываетъ себя за деньги въ Китаѣ, и по этому случаю сейчасъ же составили афишу, въ которой мандарины Тшингъ-Тшангъ-Тшунгъ и Ги-Га-Го удостовѣрили, что это настоящій нѣмецъ, и исчисляя всѣ выдѣлывавшіяся имъ штуки, которыя состояли преимущественно въ умѣннѣ философствовать, курить табакъ и быть терпѣливымъ, а въ концѣ афиши было еще объявлено, чтобы всѣ проходящіе смотрѣть на него въ двѣнадцать часовъ—время его кормленія—не приводили съ собой собакъ, такъ какъ собаки отымаютъ всегда у бѣднаго нѣмца его лучшей кусокъ.

Одинъ молодой бурши, недавно ѣздившій для очищенія себя въ Берлинъ, много рассказывалъ объ этомъ городѣ, но сужденія его были крайне односторонни. Онъ былъ въ танцклассѣ Высоцкаго и въ театрѣ; но о томъ и другомъ заведеніи судилъ фальшиво. «Молодость скоро на слова» и т. д. Нашъ бурши рассказывалъ о роскоши театральныхъ костюмовъ, о скандалахъ съ актерами и акрисами и т. д. Молодой человекъ не зналъ, что такъ какъ внѣшній блескъ вообще играетъ самую важную роль въ Берлинѣ, то онъ долженъ прежде всего утвердиться на подмосткахъ и что на этомъ основаніи театральному управленію приходится болѣе всего заботиться «о цвѣтѣ бороды въ такой или другой роли» и о томъ, чтобы костюмы ради вѣрности были

спиты ученымъ портнымъ по рисункамъ присяжныхъ историковъ. И это необходимо. Потому что, надѣнь Марія Стюартъ передникъ временъ королевы Анны, банкиръ Христіанъ Гумпель справедливо бы могъ жаловаться, что у него отымаютъ этимъ всякую иллюзію; а явись по недосмотру лордъ Бёрлей въ панталонахъ Генриха IV — конечно, г-жа совѣтница фонъ-Штейнцопфъ, урожденная Лиліентау, весь вечеръ не упустила бы изъ виду такого анахронизма. Но такія иллюзионныя заботы театральнoй дирекціи простираются не только на передники и панталоны, а и на облеченныхъ ими дѣйствующихъ лицъ. Такъ, говорятъ, скоро роль Отелло будетъ исполняться настоящимъ мавромъ, котораго профессоръ Лихтенштейнъ нарочно выписываетъ для этого изъ Африки; въ драмѣ: «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», роль Элаліи будетъ играть дѣйствительно погибшая женщина, Петра—настоящій дуракъ, а незнакомца—въ самомъ дѣлѣ скрытый рогоносецъ—все лица, которыхъ не зачѣмъ выписывать изъ Африки. Въ «Силѣ обстоятельствъ» роль героя будетъ отдана настоящему писателю, который уже получилъ разъ пару пощечинъ; въ «Бабушкѣ» роль Яромира будетъ играть человекъ, который на самомъ дѣлѣ уже хоть одинъ разъ ограбилъ или по крайней мѣрѣ укралъ; леди Макбетъ изобразить женщина, которая, какъ требуетъ Тикъ, по своей натурѣ, правда, очень мила, но вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти знакома съ кровавою картиной гнуснаго убійства; наконецъ, для изображенія особенно пустыхъ, глупыхъ и грубыхъ людей будетъ приглашенъ великій Вурмъ, тотъ великій Вурмъ, который такъ восхищаетъ своихъ единоплеменниковъ каждый разъ, какъ является въ своемъ истинномъ величіи. Такъ вотъ, если нашъ буршъ дурно понялъ условія берлинскаго театра, то еще менѣе уразумѣлъ онъ, что Спонтиньевскія янычарныя оперы съ ихъ трубами, слонами, литаврами и тамъ-тамомъ суть героическое средство для возбужденія воинственнаго духа въ нашемъ уснувшемъ народѣ — средство, которое предлагали съ хитрыми государственными цѣлями Платонъ и Цицеронъ. Меньше всего понялъ молодой человекъ дипломатическое значеніе балета. Едва-едва растолковалъ я ему, что въ ногахъ Гоге больше политики, чѣмъ въ головѣ Бухгольца, что всѣ пируэты его обозначаютъ дипломатическіе переговоры и каждое движеніе имѣетъ политическое значеніе; такъ, напримѣръ, когда, тоскливо наклонивъ впередъ голову, онъ широко разставляетъ руки, то этимъ намекаетъ

на нашъ кабинетъ; сто разъ повернувшись на одной ногѣ и при этомъ не дѣлая ни шага впередъ, онъ изображаетъ союзный сеймъ; сѣменя по полу, точно съ связанными ногами, онъ имѣетъ въ виду мелкихъ владѣтельныхъ особъ; качаясь точно пьяный, онъ изображаетъ европейское равновѣсіе; сжавши руки въ клубокъ, представляетъ конгрессъ; и наконецъ, мало-по-малу возносясь на высоту, нѣсколько времени покойно оставаясь въ этомъ положеніи и въ заключеніе пускаясь въ самые страшные прыжки, представляетъ нашего черезчуръ близкаго друга на востокѣ. Повязка спала съ глазъ молодого бурша, и теперь понялъ онъ, почему танцорамъ платятъ болѣе, чѣмъ великимъ писателямъ, почему балетъ служитъ неистощимую тему разговора въ дипломатическомъ корпусѣ, и почему часто хорошенькая танцовщица содержится еще частнымъ образомъ на счетъ министра, который конечно день и ночь старается, чтобы она восприняла его политическую системочку. Клянусь Аписомъ! велико число экзотериковъ между посѣтителями театра, и очень мало среди нихъ эзотериковъ. Глупая толпа стоитъ, и зѣваетъ, и дивится прыжкамъ и пируэтамъ, и изучаетъ анатомію въ позахъ г-жи Лембергъ, и хлопаетъ при антраша дѣвицы Ренишъ, и толкуетъ о граціи, гармоніи и бедрахъ, а никому невдомекъ то, что въ этихъ плясовыхъ движеніяхъ является передъ нимъ судьба нѣмецкаго народа.

Между такими разговорами не забывалось, однако, полезное, и надъ большими блюдами, добросовѣстно наполненными мясомъ, картофелемъ и т. п., происходила прилежная работа. Кушанье, однако, было скверное. Я замѣтилъ это моему сосѣду, но онъ, оказавшійся, по произношенію, швейцарцемъ, грубо отвѣчалъ мнѣ, что намъ, нѣмцамъ, незнакома какъ истинная свобода, такъ и истинное довольство малымъ. Я пожалъ плечами и возразилъ, что лучшіе княжескіе лакеи и пирожники—всюду изъ швейцарцевъ и носятъ большею частью названіе швейцаровъ, что вообще нынѣшніе швейцарскіе герои свободы, выбалтывающіе въ публикѣ столько смѣло политическаго, напоминаютъ мнѣ зайцевъ, которые въ ярмарочныхъ балаганахъ стрѣляютъ изъ пистолетовъ, поражаютъ всѣхъ дѣтей и крестьянъ своей неустрашимостью и все-таки остаются зайцами.

Сынъ Альповъ, безъ сомнѣнія, не имѣлъ намѣренія обидѣть меня: онъ, какъ говорить Сервантесъ, «былъ толстый чловѣкъ, а слѣдовательно, и добрый чловѣкъ». Но сосѣдъ

мой съ другой стороны, грейфвальдецъ, ужасно обидѣлся его замѣчаніемъ; онъ началъ доказывать, что нѣмецкая сила и простота еще не угасли, при этомъ шумно колотилъ себя въ грудь и осушилъ огромную кружку бѣлаго пива. Швейцарецъ говорилъ: «Ну, полно, полно!» Но чѣмъ успокоительнѣе говорилъ онъ это, тѣмъ сильнѣе ярился грейфвальдецъ. Это былъ человѣкъ того времени, когда вшамъ было полное раздолье и парикмахеры рисковали умереть съ голоду. Онъ носилъ длинные, висячіе волосы, рыцарскій беретъ, черный старо-германскій сюртукъ, грязную рубашку которая въ то же время исполняла должность жилета, а подъ нею медальонъ съ волосами отъ лошади Блюхера. Видомъ онъ былъ дуракъ въ натуральную величину. Я люблю дѣлать нѣкоторый моціонъ за ужиномъ, и потому вступилъ въ патріотическій споръ съ грейфвальдцемъ. Онъ высказалъ мнѣніе, что Германія должна быть раздѣлена на 33 округа. Я, напротивъ, доказывалъ, что нужно изъ нея сдѣлать 48 округовъ, потому что въ такомъ случаѣ можно будетъ составить систематическое описаніе Германіи, а вѣдь необходимо связывать жизнь съ наукой. Мой грейфвальдскій пріятель былъ въ то же время германскій бардъ и сообщилъ мнѣ по секрету, что въ настоящее время онъ пишетъ героическую поэму для прославленія Арминія и тевтобургской битвы. Я далъ ему много полезныхъ совѣтовъ для созданія этого эпоса. Такъ, я обратилъ его вниманіе на то, что онъ очень образно можетъ представить болота и утесистыя тропинки тевтобургскаго лѣса водянистыми и ухабистыми стихами и что со стороны его было бы патріотическою тонкостью, если бы въ его поэмѣ Варъ и прочіе римляне говорили только чепуху. Надѣюсь, что эта штука удастся ему, какъ и другимъ берлинскимъ поэтамъ, до такой степени, что произведетъ полнѣйшую иллюзію.

Шумъ и откровенная бесѣда за нашимъ столомъ усиливалась все больше и больше, пиво было вытѣснено виномъ, пуншевыя чаши задымились, пошли попойка, чоканье, пѣнье. Зазвучали старый *Landesvater* и чудесныя пѣсни В. Мюллера, Рюккерта, Уланда и др. Все на прекрасныя мелодіи Метфесселя. Лучше всего звучали нѣмецкія слова нашего Арндта: «Богъ, желѣзо сотворившій, рабства не хотѣлъ». А на дворѣ шумѣло, точно старая гора подгибалась намъ, и нѣкоторые покачивавшіеся друзья утверждали даже, что она весело трясла своею лысой головою и что отъ этого наша комната не стояла на мѣстѣ. Бутылки становились

пустѣе, головы полнѣе. Одинъ мычалъ, другой пѣлъ фистулою, третій декламировалъ изъ «Вины», четвертый говорилъ по-латыни, пятый проповѣдывалъ о трезвости, а шестой взлѣзъ на стулъ и ораторствовалъ: «Милостивые государи! Земля есть круглый цилиндръ, люди — отдѣльные штифтики на ней, насаженные, повидимому, безъ всякаго умысла; но цилиндръ вертится, штифтики цѣпляются то тамъ, то сямъ, и издають звуки одни часто, другіе рѣдко, и все это производитъ удивительную, сложную музыку, которая называется всемірною исторіей. Итакъ, мы будемъ говорить сперва о музыкѣ, потомъ о вселенной и наконецъ объ исторіи; но эту послѣднюю мы раздѣлимъ на положительную и шпанскія мушки»... И такъ далѣе говорилъ онъ, то остроумно, то какъ сумасшедшій.

Одинъ сентиментальный мекленбуржецъ, уткнувшій носъ въ пуншевый стаканъ и съ улыбкой блаженства вдыхавшій въ себя паръ, замѣтилъ, что у него на душѣ такъ, какъ будто онъ снова стоитъ передъ театральнымъ буфетомъ въ Шверинѣ. Другой держалъ стаканъ съ виномъ передъ глазами и внимательно смотрѣлъ на насъ въ него, точно въ зрительную трубу, между тѣмъ какъ красное вино лилось по щекамъ его въ выступившій впередъ ротъ. Грейфвальдецъ, вдругъ воодушевившись, бросился ко мнѣ на грудь и съ энтузязмомъ началъ кричать: «О, если бы ты могъ понять меня! Я влюбленъ, я счастливъ, я снова любимъ, и клянусь Богомъ, она образованная дѣвушка, потому что у ней хорошо развитая грудь, и она ходитъ въ бѣломъ платьѣ и играетъ на фортепяно». Но швейцарецъ плакалъ, и нѣжно цѣловалъ мои руки, и все жалобно пицалъ: «О, Бэбали! о, Бэбали!»

Среди всей этой шумной безтолковщины, когда тарелки учились танцовать, а стаканы летать, противъ меня сидѣли два молодыхъ человѣка, оба прекрасные и блѣдные, какъ мраморныя статуи, одинъ больше походилъ на Адониса, другой — больше на Аполлона. Легкій отгѣнокъ, кинутый виномъ на ихъ щеки, былъ едва замѣтенъ. Съ безконечной любовью смотрѣли они другъ на друга, точно одинъ могъ читать въ глазахъ другого, — и эти глаза блестяли, какъ будто въ нихъ попало нѣсколько свѣтлыхъ капель изъ той переполненной пылающею любовью чаши, которую чистый ангелъ переноситъ отъ одной звѣзды къ другой. Молодые люди говорили тихо, тоскливо-дрожащимъ голосомъ, и то были печальныя исторіи, изъ которыхъ вырывались дивно болѣзненные звуки.

«Лора тоже умерла теперь!» сказалъ одинъ и вздохнулъ— и, помолчавъ немного, рассказалъ про одну дѣвушку изъ Галле, которая была влюблена въ студента, а когда тотъ уѣхалъ, совсѣмъ перестала говорить, и мало ѣла, и плакала день и ночь, и все смотрѣла на канарейку, которую нѣкогда подарилъ ей возлюбленный. «Птица умерла, а скоро умерла и сама Лора!» такъ заключилъ рассказчикъ, и оба они снова замолчали и стали вздыхать такъ сильно, какъ будто сердце ихъ хотѣло разорваться. Наконецъ одинъ снова заговорилъ: «Душа моя печальна! Пойдемъ со мною въ ночную темноту! Мнѣ хочется вдохнуть въ себя дыханіе тучъ и лучи мѣсяца. Товарищъ моего горя! Я люблю тебя! Слова твои звучатъ, какъ шелестъ тростника, какъ журчанье источника; они отдаются въ груди моей, но душа моя печальна!»

Тутъ юноши встали. Одинъ обвилъ рукою шею другого, и оба вышли изъ шумной комнаты. Я послѣдовалъ за ними и увидѣлъ, что они вошли въ темную каморку, что одинъ, вмѣсто окна, раскрылъ большой шкапъ съ платьемъ, и оба, стоя передъ нимъ съ грустно-распротертыми руками, стали говорить поочередно. «О, вы,—воскликнулъ первый— вы, вѣянья сумрачной ночи! Какъ отрадно освѣжаете вы щеки! Какъ прелестно играете моими развѣвающимися кудрями! Я стою на облачной вершинѣ горы, подо мной лежатъ спящіе города людей и блещутъ синія воды... Чу! тамъ, въ долинѣ, зашумѣли сосны! Тамъ по холмамъ скользятъ въ туманныхъ образахъ духи отцовъ. О, если бы могъ я понестись съ вами на конѣ-тучѣ черезъ бурную ночь, черезъ волнующееся море—туда, къ высокимъ звѣздамъ! Но увы! я удрученъ страданіемъ, и душа моя печальна!» Другой юноша точно такъ же съ глубокой тоской протянулъ руки къ раскрытому шкапу, слезы брызнули изъ глазъ его и, принявъ за луну панталоны изъ желтой кожи, онъ заговорилъ къ нимъ грустнымъ голосомъ: «Хороша ты, дочь неба! Много блаженства въ спокойствіи твоего лика! Ты идешь, полная очарованія! Звѣзды слѣдуютъ къ востоку по твоимъ синеватымъ слѣдамъ! Встрѣчая тебя, радуются тучи и озабочены свѣтомъ ихъ мрачные образы. Кто сравнится въ небѣ съ тобою, о, дочь ночи? Звѣзды смущаются стыдомъ въ твоемъ присутствіи и отворачиваютъ свои зеленые блестящіе глаза. Куда убѣгаешь ты со своей дороги, когда утро мѣдлитъ ликъ твой? Есть ли у тебя, какъ у меня, свой замокъ? Или живешь ты въ тѣни горя? А сестры

твои, неужели онѣ упали съ неба—онѣ, которыя такъ радостно проводили ночь съ тобою, неужели ихъ нѣтъ больше? Да, онѣ упали, о, прекрасное свѣтило, и ты часто прячешься, чтобы ошлакивать ихъ! Но когда-нибудь настанетъ ночь, и ты тоже исчезнешь, и оставишь свои синеватыя тропинки. Тогда подымутъ свои зеленыя головы звѣзды, которыхъ такъ стыдило твое присутствіе—и весело станутъ имъ. И теперь ты еще ходишь въ своемъ лучистомъ одѣяніи и смотришь на землю изъ небесныхъ вратъ. О, вѣтры, разорвите тучи, чтобы дочь ночи свободно засіяла, и гѣсистыя горы заблестѣли, и пѣнистое море покатило волны при свѣтѣ ея!»

Въ эту минуту одинъ хорошо извѣстный пріятель, порядочный толстякъ, больше выпившій, чѣмъ съѣвшій, хотя и въ этотъ вечеръ онѣ проглотилъ по обыкновенію такую порцію мяса, какою насытились бы шесть гвардейскихъ офицеровъ и одинъ невинный младенецъ, воѣжалъ въ комнату въ слишкомъ веселомъ расположеніи духа, т. е. совершенно какъ свинья, толкнулъ не совсѣмъ деликатно обоихъ элегическихъ друзей внутрь шкапа, снова воѣжалъ и поднималъ убійственный шумъ. Гамъ въ общей залѣ дѣлался все сильнѣе и смѣшнѣе. Юноши въ шкапу стонали и визжали, что они повержены во прахъ у подножія горы; благородное красное вино выливалось у нихъ обратно изъ горла, они щедро обдавали другъ друга, и одинъ сказалъ другому: «Прости! Я чувствую, что истекаю кровью. Для чего ты будишь меня, дыханіе весны? Ты ласкаешься ко мнѣ, какъ любовница, и говоришь: «я орошаю тебя небесными каплями». Но близокъ часъ, когда я увяну, близка буря, которая разнесетъ мои листья! Завтра придетъ странникъ—придетъ тотъ, кто видѣлъ меня въ цвѣтѣ красоты, глаза его будутъ искать по полю и не найдутъ меня!» Но всѣ перекрикивалъ знакомый басъ, который на дворѣ передъ воротами съ проклятіями и ликованіями богохульно жаловался, что на всей темной Вендской улицѣ не зажженъ ни одинъ фонарь и что поэтому нельзя даже видѣть, у кого вымазали грязью окна.

Я много могу выпить — скромность не позволяетъ мнѣ сказать, сколько именно бутылокъ—и порядочно нагруженный, я пробрался въ спальню. Молодой купецъ лежалъ уже въ постели, въ своемъ бѣломъ, какъ мѣлъ, ночномъ колпакѣ и шафрано-желтой фуфайкѣ изъ гигіенической фланели. Онъ еще не спалъ и пытался завязать со мною разговоръ.

Это был уроженецъ Франкфурта-на-Майнѣ, вслѣдствіе чего онъ сейчасъ же заговорилъ о евреяхъ, которые потеряли всякое чувство прекраснаго и благороднаго и продавали англійскіе товары двадцатью пятью процентами ниже фабричной цѣны. Мнѣ захотѣлось помистифировать его, и я сказалъ ему, что я лунатикъ и заранѣе прошу его извиненія на случай, если потревожу его сонъ. На другое утро бѣднякъ сознался мнѣ, что онъ не спалъ всю ночь, боясь, чтобы я въ лунатизмъ не произвелъ несчастія пистолетами, которые лежали передъ моею постелью. Впрочемъ, и я не лучше провелъ ночь, потому что рѣшительно не спалъ. Дикія, страшныя фантастическія видѣнія... Клавирауспугъ изъ Дантова «Ада». Наконецъ мнѣ пригрезилось даже, что я присутствую при представленіи юридической оперы «Фальцидїи» — текстъ Ганса согласно теоріи наслѣдственнаго права, музыка Спонтини. Безумная грѣза! Римскій форумъ великолѣпно сіялъ, Сервиліусъ Азиніусъ Геншенусъ, сидя на преторскомъ стулѣ, гордо драпируясь въ тогу, разливался въ бурныхъ речитативахъ; Маркусъ Тулліусъ Элверзусъ, какъ *primadonna legataria*, во всей красотѣ своей милой женственности, спѣлъ полную любовной нѣги бравурную арію *quicumque civis romanus*; референдаріи, нарумяненные точно кирпичной краской, мычали, какъ хоръ несовершеннолѣтнихъ; приватъ-доценты, въ видѣ геніевъ, одѣтые въ трико тѣлеснаго цвѣта, протанцовали до-юстиніановскій балетъ и увѣнчали цвѣтами двѣнадцать таблицъ; среди грома и молніи вышелъ изъ-подъ земли оскорбленный богъ римскаго законодательства—и за этимъ трубы, тамъ-тамы, полился огненный дождь *cum omni sausa*.

Отъ этой шумной кутерьмы освободилъ меня хозяинъ гостиницы, разбудившій меня, чтобы идти смотрѣть на восхожденіе солнца. На площадкѣ засталъ я уже нѣсколько ожидающихъ, которые терли замерзшія руки; другіе, еще сонные, взбирались наверхъ нетвердымъ шагомъ. Наконецъ, вся набожная община собралась, какъ наканунѣ вечеромъ, и въ молчаніи смотрѣли мы, какъ на горизонтѣ показался маленькій ярко-красный шаръ, по небу разлился зимне-сумрачный отгѣнокъ, горы точно плавали въ волнисто-бѣломъ морѣ, и только вершины ихъ явственно выступали наружу, такъ что намъ казалось, что мы стоимъ на маленькомъ холмѣ, среди залитой водою равнины, на которой только кое-гдѣ видны сухія кочки. Чтобы закрѣпить въ па-

мяти словами все видѣнное и прочувствованное, я написалъ слѣдующее стихотвореніе:

Ужъ стало свѣтлѣй на востокѣ
При первомъ мерцаніи солнца,
И горныя выси далеко
Плывуть въ океанѣ туманномъ.

Когда-бъ сапоги скороходы
Имѣлъ я, то съ силою вѣтра
Помчался-бъ чрезъ горныя выси
Къ жилищу моея ненаглядной.

Въ постелькѣ, гдѣ милая дремлетъ,
Открылъ бы я тихо гардины,
И тихо бы въ лобъ цѣловалъ я,
И тихо въ рубиновый ротикъ.

И тише еще прошепталъ бы
Въ ушко бѣлоснѣжное милой:
«Пусть снится тебѣ, что другъ друга
Мы любимъ и вѣчно не кинемъ».

Между тѣмъ, я точно такъ же страстно желалъ видѣть завтракъ и, сказавъ моимъ дамамъ нѣсколько любезностей, посѣвшилъ внизъ, чтобы въ теплой комнатѣ выпить кофе. Да и пора было сдѣлать это: въ желудкѣ моемъ было такъ пусто, какъ въ госларской церкви св. Стефана. Но вмѣстѣ съ аравійскимъ напиткомъ пролился по моимъ членамъ теплый востокъ, восточныя розы повѣяли на меня своимъ благоуханіемъ, зазвучали милыя пѣсни восточнаго соловья, студенты превратились въ верблюдовъ, трактирныя прислужницы со своими конгревовскими глазами показались мнѣ гуріями, изъ филистерскихъ носовъ сдѣлались минареты и т. д.

Но книга, лежавшая передо мною, была не Коранъ. Чепухи въ ней было, правда, немало. Это была такъ-называемая брокенская книга, въ которой всѣ путешественники, взобравшіеся на гору, вписываютъ свои имена, а большая часть тутъ же записываютъ и свои мысли, или, за неимѣніемъ ихъ, свои чувства. Многіе выражаются даже въ стихахъ. Изъ этой книги можно видѣть, какія страшныя вещи совершаются, когда сбродъ филистеровъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, какъ, напримѣръ, при посѣщеніи

Брокена, рѣшается удариться въ поэзію. Во дворцѣ палла-говійскаго принца нѣтъ такихъ большихъ пошлостей, какъ въ этой книгѣ, гдѣ особенно ярко блещутъ господа акцизные надзиратели со своими заплесневѣлыми высокими чувствованіями, юные конторщики со своими патетическими душевными изліаніями, старонѣмецкіе диллетаны революціонеры съ ихъ общими мѣстами, берлинскіе школьные учителя съ ихъ неудавшимися восторженными фразами и т. д. Господинъ Юганъ Гагель тоже хочетъ показать иногда, что и онъ сочинитель. Тутъ описывается величественное великолѣпіе восходящаго солнца; тамъ жалуются на дурную погоду, на обманутыя ожиданія, на туманъ, закрывающій всѣ хорошія картины. «Взобрался въ туманъ и въ туманѣ спустился»—это стоячая острота, которую повторяютъ здѣсь сотни людей. Какая-то Каролина пишетъ, что, взбираясь на гору, она замочила себѣ ноги. Какая-то наивная Анхентъ запомнила эту жалобу и лаконически записываетъ: «И я во время этой исторіи замочилась». Отъ всей книги несетъ сыромъ, пивомъ и табакомъ; точно читаешь романъ Клаурена.

Между тѣмъ, какъ я такимъ образомъ пилъ кофе и перелистывалъ брокенскую книгу, въ комнату вошелъ швейцарецъ съ сильно покраснѣвшимися щеками, и съ большимъ воодушевленіемъ сталъ рассказывать о возвышенномъ зрѣлищѣ, которымъ онъ только-что наслаждался на башнѣ, когда спокойный, чистый свѣтъ солнца—символь истины—сражался съ массаами ночного тумана; это походило на багую-то битву духовъ, въ которой разгнѣванные исполины обнажали свои длинные мечи, рыцари въ полномъ вооруженіи мчались на бѣшеныхъ коняхъ, развѣвались знамена, неслись колесницы, изъ дикаго хаоса выплывали наружу дѣвовинные звѣрины образы, и, наконецъ, все это, послѣ круженія въ какихъ-то безумнѣйшихъ усложненіяхъ, становилось блѣднѣе и блѣднѣе и исчезло безъ слѣда. Этого демагогическаго явленія природы я, стало-быть, не видѣлъ, и если бы меня призвали къ слѣдственному допросу, я могъ бы подъ присягой сказать, что знаю только одно: вкусъ отличнаго кофе. Ахъ, оно было даже причиною того, что я забылъ мою прекрасную даму, а въ эту минуту она готовилась уже сѣсть въ экипажъ съ матерью и спутникомъ. Я едва успѣлъ подойти къ ней и увѣрить, что холодно. Она казалась недовольною тѣмъ, что я не пришелъ раньше, но я скоро разогналъ сердитыя морщины на ея прекрасномъ

лбу, подаривъ ей удивительный цвѣтокъ, сорванный мною наканунѣ съ опасностью жизни, на крутомъ утесѣ. Мать захотѣла узнать названіе этого цвѣтка, какъ будто находя неприличнымъ, чтобы дочь ея приколола незнакомое растение къ груди,—а цвѣтокъ дѣйствительно занялъ это завидное мѣсто, чего конечно ему и не снилось вчера на его уединенной высотѣ. На этотъ разъ молчаливый спутникъ вдругъ открылъ ротъ, счелъ тычинки цвѣтка и весьма сухо объявилъ, что онъ принадлежитъ къ восьмому классу.

Мнѣ становится досадно каждый разъ, какъ я вижу, что и милые божьи цвѣты, также какъ и людей, раздѣляютъ на касты, и соображаясь въ этомъ тоже съ внѣшними отличіями ихъ, именно съ различнаго рода тычинками. Ужъ если необходимо такое дѣленіе, такъ лучше слѣдовать системѣ Теофраста, который раздѣлялъ цвѣты больше по ихъ духовнымъ отличіямъ, именно по запаху. Что касается до меня, то я въ естественныхъ наукахъ слѣдую своей собственной системѣ и согласно ей дѣлю все на такіе предметы, которые можно ѣсть, и такіе, которыхъ ѣсть нельзя.

Впрочемъ, старшей дамѣ таинственная натура цвѣтовъ была очень знакома, и она невольно высказала мнѣ, что цвѣты, когда они еще растутъ въ саду или въ горшкахъ, очень радуютъ ее, но что, напротивъ того, каждый разъ, какъ она видитъ оторванный цвѣтокъ, тихое болѣзненное чувство наполняетъ ея сердце мечтательностью и боязливымъ трепетомъ, потому что такой цвѣтокъ вѣдь собственно трупъ, печально опускающій свою увядшую головку, словно умершее дитя. Дама почти испугалась мрачнаго оттѣнка своего замѣчанія, и я счелъ долгомъ прогнать его нѣсколькими стихами изъ Вольтера. Какъ, однако, два-три французскихъ слова могутъ вдругъ возвратитъ къ надлежащему приличному настроенію! Мы стали смѣяться, я поцѣловалъ руки, мнѣ благосклонно улыбнулись, лошади заржали, и экипажъ медленно и съ трудомъ потащился внизъ съ горы.

Студенты тоже стали собираться въ дорогу, дорожныя сумки были подвязаны, счеты, оказавшіяся сверхъ ожиданія умѣренными, заплачены, воспріимчивыя прислужницы, съ слѣдами счастливой любви на лицѣ, принесли по обыкновенію вѣтки съ брокенскихъ деревьевъ, приколоты ихъ къ нашимъ шляпамъ, получивъ за это нѣсколько поцѣлуевъ или нѣскольکو грошей—и всѣ мы двинулись внизъ съ горы, причемъ одни, между которыми былъ швейцарецъ и грейфвальдецъ, пошли по дорогѣ къ Ширке, а другіе—человѣкъ

двадцать, въ числѣ которыхъ были мои земляки и я самъ, направившись, предшествуемые проводникомъ, чрезъ такъ-называемыя «Снѣжныя Дыры», къ Ильзенбургу.

Шли мы, чуть не сломя голову. Галлэскіе студенты маршируютъ скорѣ австрійскаго ополченія. Я еще не успѣлъ оглянуться, какъ обнаженная часть горы, съ разсѣянными по ней каменистыми группами, уже осталась позади насъ, и мы вступили въ еловый лѣсъ, какимъ я видѣлъ его за день передъ этимъ. Солнце лило уже на землю свои праздничные лучи и освѣщало юмористически пестро одѣтыхъ буршей, которые весело проникали въ чащу, то пропадали, то снова показывались, въ болотистыхъ мѣстахъ перебѣгали по переложнымъ на нихъ древеснымъ пнямъ, на крутыхъ спускахъ цѣплялись за всячіе корни, пѣли на самые забавные мотивы и тутъ же получали веселые отвѣты отъ щебечущихъ птицъ, шумящихъ елей, невидимо журчащихъ источниковъ и далеко разносящагося эхо. Когда встрѣчаются веселая молодость и цвѣтущая природа—онѣ обмѣниваются своими восторгами.

Чѣмъ ниже спускались мы, тѣмъ милѣе шумѣли подземные источники, только изрѣдка какой-нибудь изъ нихъ сверкалъ между камнями и кустарниками, будто тайно высматривая—не опасно ли ему выйти на свѣтъ божій, и, наконецъ, рѣшившись, выскакивалъ небольшой волной. Тутъ имѣеть мѣсто обыкновенное явленіе: одинъ смѣльчакъ подаетъ примѣръ, и все стадо трусовъ, къ своему собственному удивленію, вдругъ воодушевляется и спѣшитъ присоединиться къ первому. Множество другихъ источниковъ ринулось изъ своихъ уголковъ, соединилось съ выскочившими прежде и скоро образовало уже значительный ручеекъ, катящійся въ горную долину безчисленными водопадами и причудливыми излучинами. Это Ильза, милая, прелестная Ильза. Она льется черезъ благословенную Ильзовую долину, окаймленную по обѣимъ сторонамъ горами, которыя постепенно становятся выше и выше и покрыты вплоть до подошвы уже не елями и другими хвойными растеніями, а по большей части ясенями, дубами и обыкновенными лиственными деревьями. Эти породы преобладаютъ на «Нижнемъ Гарцѣ», какъ называютъ восточную сторону Брокена, въ противоположность западной сторонѣ его, называющейся «Верхнимъ Гарцомъ», который дѣйствительно гораздо выше и потому гораздо благопріятнѣе для произрастанія хвойныхъ породъ.

Невозможно описать веселость, наивность и грацію, съ

которыми Ильза перебѣгаетъ по причудливымъ утесамъ, встрѣчаемымъ ею на пути, такъ что вода ея то съ дикимъ свистомъ бьетъ вверхъ или разливается пѣнистыми струями, то чистой дугой лется сквозь трещины камней, какъ изъ полныхъ кувшиновъ, и внизу снова бѣжитъ по камешкамъ, точно рѣзвая дѣвушка. Да, правду говоритъ народное преданье, что Ильза—принцесса, которая, смѣясь и полная цвѣтущей красоты, сбѣгаетъ съ горы. Какъ блеститъ на солнцѣ ея бѣлая, пѣнистая одежда! Какъ развѣваются по вѣтру серебряныя ленты на груди ея! Какъ искрятся и сверкаютъ ея алмазы! А высокіе ясени стоятъ подлѣ, словно серьезные отцы, которые съ скрытой улыбкой смотрятъ на рѣзвыя шалости милой дочери; бѣлыя березы качаютъ головами съ удовольствіемъ добрыхъ тетюшекъ и въ то же время боятся за слишкомъ отважные прыжки; гордый дубъ смотритъ, какъ сердитый дядя, которому придется заплатить за это удовольствіе; птички въ воздухѣ съ восторгомъ заявляютъ свое одобреніе; цвѣты на берегу нѣжно шепчутъ: «о, возьми насъ съ собою, возьми, милая сестрица!»—но веселая дѣвушка неудержимо прыгаетъ дальше, и вдругъ схватываетъ мечтающаго поэта, и лется на меня цвѣточный дождь звучащихъ лучей и лучезарныхъ звуковъ, и душа моя замираетъ отъ всего этого великолѣпія, и слышу я только сладкозвучный, какъ флейта, голосъ:

Я зовусь принцессой Илзой,
Въ Ильзенштейнѣ замокъ мой;
Приходи ко мнѣ—и будемъ
Мы блаженствовать съ тобой.

Я чело твое омою
Чистой, свѣжею волной,
И забудешь ты печали,
Другъ мой грустный и больной.

У меня на бѣлой груди,
Между бѣлыхъ рукъ моихъ,
Будешь ты лежать и грезить
О блаженствѣ дней былыхъ.

Зацѣлю, заласкаю,
Какъ уже заласканъ мной
Императоръ милый Генрихъ,
Нынче слящій подъ землей.

Мертвецы лежатъ въ могилахъ,
Все живущее живетъ;
Молода я и прекрасна,
Сердце весело цвѣтеть.

Приходи-жь скорѣй въ мой замокъ,
Въ мой хрустальный замокъ! Тамъ
Дамы, рыцари и пажы
Шумно пляшутъ по ночамъ.

Шпоры звонко раздаются,
Платья шелкомъ шелестятъ,
Гномы громко бьютъ въ литавры,
Барабанятъ и трубятъ,

Но, какъ Генриха, тебя я
Крѣпко, жарко обниму
И при звукѣ трубномъ уши,
Какъ и Генриху, зажму.

Безконечное ощущается блаженство, когда внѣшняя природа сливается съ нашимъ внутреннимъ міромъ, когда зеленныя деревья, мысли, пѣнье птицъ, тихая грусть, синева неба, воспоминанія и благоуханія травъ переплетаются въ плѣнительныхъ арабескахъ. Женщинамъ лучше всѣхъ знакомо это ощущеніе — и вотъ почему можетъ мелькать на губахъ ихъ такая милая улыбка невѣрія въ то время, когда мы съ школьною гордостью прославляемъ наши логическія дѣйствія, хвалимся тѣмъ, что мы такъ отлично раздѣлили все на объективное и субъективное и устали голову свою, точно въ аптекѣ, тысячью ящичковъ, гдѣ въ одномъ лежитъ умъ, въ другомъ — разумъ, въ третьемъ — остроуміе, въ четвертомъ — тупоуміе, а въ пятомъ — ничего, т. е. идея.

Погруженный въ грѣзы, я почти не замѣтилъ, что мы уже вышли изъ глубины долины и снова подымались въ гору. Дорога эта оказалась очень крутою и трудною, и не одинъ изъ насъ едва переводилъ дыханіе, подвигаясь впередъ. Но подобно нашему покойному дядюшкѣ, похороненному въ Мельнѣ, мы заранѣе воображали себѣ удовольствіе спуска, и это только усугубляло нашу веселость. Наконецъ, мы вступили въ Ильзенштейнъ.

Это — огромный гранитный утесъ, смѣло и высоко подымающійся изъ бездны. Съ трехъ сторонъ окружаютъ его высокія, покрытыя лѣсомъ, горы, но четвертая, сѣверная

сторона открыта, и съ нея виденъ лежащій внизу Ильзенбургъ съ Ильзой, пропадающей далеко въ долинѣ. На башнеобразной вершинѣ утеса воздвигнутъ большой желѣзный крестъ, и на случай нужды оставлено еще мѣсто для четырехъ человѣческихъ ногъ.

Какъ природа окружила Ильзенштейнъ относительно его положенія и формы фантастическими красотоми, такъ и преданіе пролило на него свой розовый свѣтъ. Вотъ что мы читаемъ у Готшалка: «Разсказываютъ, что здѣсь стоялъ очарованный замокъ, въ которомъ жила богатая, прекрасная принцесса Ильза. Еще теперъ по утрамъ она купается въ Ильзѣ, и кому выпадетъ на долю счастье увидѣть ее въ эту минуту, того она ведетъ въ утесъ, гдѣ стоитъ ее замокъ, и награждаетъ по-царски». Другіе разсказываютъ прелестную исторію о любви принцессы Ильзы и рыцаря фонъ-Вестенберга, которую одинъ изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ поэтовъ романтически воспѣлъ въ «Вечерней Газетѣ». Третьи опять говорятъ иначе: что съ Ильзой, прекрасною феею водъ, въ ея очарованномъ замкѣ наслаждался истинно по-царски старосаксонскій императоръ Генрихъ. Одинъ изъ новыхъ писателей, его высокородіе г. Ниманъ, написавшій путеводитель по Гарцу, гдѣ онъ исчисляетъ съ похвальнымъ прилежаніемъ и точными цифрами горныя высоты, уклоненія магнитной стрѣлки, городскіе долги и т. п., утверждаетъ однако: «Что касается преданій, существующихъ о прекрасной принцессѣ Ильзѣ, то всѣ они принадлежать къ области баснословія». Такъ говорятъ всѣ эти люди, которымъ никогда не являлась такая принцесса; но намъ, особенно покровительствуемымъ красавицами, это лучше извѣстно. И императоръ Генрихъ зналъ ее. Не даромъ же старосаксонскіе императоры такъ любили свой родной Гарць. Стоитъ только перелистать прелестную люнебургскую хронику, въ которой на странныхъ, добродушныхъ рисункахъ изображены старые добрые государи, въ полномъ вооруженіи, на своихъ боевыхъ коняхъ, со священною императорскою короной на дорогой головѣ, со скипетромъ и мечомъ въ мощныхъ рукахъ; и на добрыхъ бородатыхъ лицахъ можно ясно прочесть, какъ часто тосковали они по милымъ сердцамъ своихъ гарцскихъ принцессъ и задушевному шуму гарцскихъ лѣсовъ будучи на чужбинѣ, даже въ богатой померанцами и ядами Италіи, куда такъ часто влекло ихъ и ихъ наслѣдниковъ желаніе назваться римскими императорами—чисто германская страсть къ титуламъ, погубившая и императора, и имперію.

Я, однакоже, совѣтую каждому, стоящему на вершинѣ Ильзенштейна, не думать ни объ императорѣ и имперіи, ни о прекрасной Ильзѣ, а только о своихъ собственныхъ ногахъ. Потому что, когда я стоялъ тамъ, погруженный въ грѣзы, мнѣ вдругъ послышалась подземная музыка очарованнаго замка, и я увидѣлъ, что горы вокругъ меня стали вверхъ ногами, и красныя черепичныя крыши Ильзенбурга заплясали, и зеленыя деревья закружились въ синемъ воздухѣ, такъ что посинѣло и позеленѣло въ глазахъ моихъ, голова закружилась, и конечно я полетѣлъ бы въ пропасть, если бы въ испугѣ не удержался за желѣзный крестъ. Безъ сомнѣнія, никто не обвинить меня, что я прибѣгнулъ къ этому послѣднему средству въ такомъ опасномъ положеніи.

«Путешествіе на Гарцъ» есть и останѣтся отрывкомъ, и пестрыя нити, которыя такъ прекрасно переплелись въ немъ для составленія гармоническаго цѣлаго, вдругъ перерѣзываются здѣсь, точно ножницами неумолимой Парки. Можетъ-быть, когда-нибудь сплету я ихъ съ моими будущими пѣснями, и то, о чемъ теперь я скупю умолчать, тогда выскажется во всей полнотѣ. Во всякомъ случаѣ, вѣдь все равно, гдѣ и когда выскажешь что-нибудь, лишь бы оно высказалось. Пусть отдѣльныя произведенія остаются отрывками, если только въ своемъ соединеніи они образуютъ одно цѣлое. Этимъ соединеніемъ пополняются недостатки, сглаживаются неровности и смягчаются слишкомъ рѣзкія мѣста. Это самое можетъ случиться при чтеніи уже первыхъ страницъ «Путешествія на Гарцъ», и онѣ, конечно, произвели бы менѣе кислое впечатлѣніе, если бы читатель увидѣлъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, что неприязнь, которую я питаю къ Геттингену вообще, хотя она теперь еще сильнѣе, чѣмъ въ то время, когда я ее высказалъ, все-таки не такъ велика, какъ почтеніе, которое я чувствую къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ личностямъ его. И къ чему скрываться, что здѣсь я подразумеваю, главнымъ образомъ, того дорогаго человѣка, который уже въ годы моей юности принималъ во мнѣ такое дружеское участіе, уже тогда вселилъ въ меня глубокую любовь къ изученію исторіи, потомъ укрѣпилъ эту страсть, и черезъ это повелъ духъ мой по болѣе спокойному пути, далъ моей жизненной отвагѣ болѣе спасительное направленіе и вообще приготовилъ мнѣ тѣ историческія утѣшенія, безъ которыхъ я никакъ бы не могъ переносить повседневныя печальныя явленія. Этотъ чело-

вѣкъ—Георгъ Сарторіусъ, великій изслѣдователь исторіи и людей, глазъ котораго свѣтитъ, какъ яркая звѣзда, въ наше мрачное время, а радушное сердце открыто для всѣхъ чужихъ радостей и страданій, для тревожныхъ чувствъ нищаго и короля и для послѣднихъ стоновъ погибающихъ народовъ и ихъ боговъ.

Здѣсь я долженъ замѣтить также, что Верхній Гарцъ, описанный мною до начала долины Ильзы, далеко не имѣетъ того веселаго вида, какъ романтически-живописный Гарцъ Нижній и своею дико-суровою красотою, красотою своихъ темныхъ елей, представляетъ съ нимъ рѣзкую противоположность. Точно такъ же граціозно противоположны между собою три долины, образуемыя Ильзою, Бодэ и Зельке, если олицетворить характеръ каждой изъ нихъ. Это—три женщины, которыхъ не такъ легко отличить одну отъ другой, чтобы рѣшить, какая красивѣе.

О милой, привѣтной Ильзѣ и о томъ, какъ она мило и радушно приняла меня, я уже говорилъ и пѣлъ. Мрачная красавица Бодэ приняла меня не такъ милостиво, и когда я въ первый разъ увидѣлъ ее въ мрачномъ, какъ кузница, Рубеландѣ, она казалась очень сердитою и завернулась въ серебристый дождевой покровъ. Но на вершинѣ Ростраши она съ быстрымъ порывомъ любви сбросила его, лицо ея блеснуло мнѣ навстрѣчу въ лучезарнѣйшемъ великолѣпіи, всѣ черты задышали исполнскою нѣжною, и изъ утесистой груди ея вырвались наружу будто вздохи вожделѣнія и расплывающіеся звуки тихой скорби. Не такою нѣжною, но болѣе веселою, явилась мнѣ красавица Зельке, прекрасная, милая дама, благородная простота и ясное спокойствіе которой отгоняютъ всякую сентиментальную фамиллярность, но которая, однако, полускрытой улыбкой обличаетъ шаловливую натуру; и этому послѣднему обстоятельству я готовъ приписать маленькія непріятности, которымъ я подвергся въ долинѣ Зельке; такъ, захотѣвши перепрыгнуть черезъ воду, я шлепнулся какъ-разъ въ середину ея, потомъ, когда я вмѣсто замочившейся обуви надѣлъ туфли, у меня пропала одна изъ нихъ, вѣтеръ снесъ фуражку, колючій тростникъ исцарапалъ ноги и, къ сожалѣнію, такъ далѣе. Но всѣ эти непріятности я охотно прощаю прекрасной дамѣ; потому что она прекрасна. И въ эту минуту она является въ моемъ воображеніи со всею своею спокойною прелестью и будто говоритъ мнѣ: «вѣдь ежели я и смѣюсь, то безъ злого намѣренія; будьте такъ

добры, воспойте меня». Великолѣпная Бода тоже встаетъ въ моемъ воспоминаніи, и мрачный взоръ ея говоритъ мнѣ: «ты сходенъ со мною въ гордости и страданіи; я хочу, чтобъ ты любилъ меня». И красавица Ильза приближала сюда, кокетничая и чаруя лицомъ, осанкою и движеніями. Она удивительно похожа на чудное существо, нанолняющее блаженствомъ мои грѣзы и точно такъ же, какъ вы, смотритъ на меня съ неодолимымъ равнодушіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ глубоко, такъ безконечно, такъ прозрачно-истинно... И вотъ я Парисъ, передо мною стоятъ три богини, и я отдаю яблоко прекрасной Ильзѣ.

Сегодня первое мая, какъ море жизни разливается весна по землѣ, бѣлая пѣна цвѣтовъ виситъ на деревьяхъ, теплый, блестящій туманъ широко стелется повсюду, въ городѣ весело блестятъ стекла въ окошкахъ, на крышахъ воробьи снова вьютъ гнѣзда, по улицамъ гуляютъ люди и дивятся, что воздухъ такъ поразительно хорошъ и что у нихъ самихъ такъ чудно на душѣ, пестрыя крестьянки несутъ букеты фіалокъ, дѣти-найденыши, въ синихъ курточкахъ и съ милыми незаконнорожденными личиками, проходятъ черезъ Юнгфернштигъ и радуются, какъ будто нынче они отыщутъ своихъ родителей, нищій на мосту смотритъ такъ весело, точно онъ выигралъ въ лотерею большую сумму, даже чернаго, еще неповѣшеннаго маклера, бѣгающаго по городу со своимъ мошенническимъ, мануфактурно-товарнымъ лицомъ, солнце освѣщаетъ толерантнѣйшими лучами... я пойду за городъ.

Сегодня первое мая, и я думаю о тебѣ, красавица Ильза— или не назвать ли тебя Агнеса, такъ какъ это имя мнѣ нравится больше другихъ?—я думаю о тебѣ, и хотѣлось бы мнѣ снова взглянуть какъ ты, сверкая, сбѣгаешь съ горы. Но особенно хотѣлось бы мнѣ стоять внизу, въ долину и схватить тебя въ мои объятія... Чудный день! Вездѣ передъ моими глазами зеленый цвѣтъ, цвѣтъ надежды. Вездѣ, какъ милое чудо, распускаются цвѣты, и сердцу моему тоже хочется зацвѣсти. Это сердце тоже цвѣтокъ, и цвѣтокъ удивительный. Оно не скромная фіалка, не смѣющаяся роза, не чистая лилія, не другой какой-нибудь цвѣточекъ, радующій своею миловидностью сердце дѣвушки, прикалывающійся къ прекрасной груди, нынче вянущій и завтра снова цвѣтущій. Это сердце больше похоже на тотъ причудливый, тяжелый цвѣтокъ изъ лѣсовъ Бразиліи, который, по преданію, цвѣтетъ разъ въ сто лѣтъ. Я помню, что еще ре-

бенкомъ видѣлъ я такой цвѣтокъ. Ночью мы слышали выстрѣль, какъ изъ пистолета, а утромъ дѣти сосѣда рассказали мнѣ, что это ихъ алоэ внезапно распустилось съ такимъ трескомъ. Они повели меня въ свой садъ, и тамъ я съ удивленіемъ увидѣлъ, что это низкое, твердое растеніе со странно широкими, колючими листьями вдругъ вознеслось высоко, а надъ нимъ, точно золотая корона, распустился прелестнѣйшій цвѣтокъ. Мы, дѣти, не могли видѣть такъ высоко, и тогда любившій насъ старый, всегда улыбающійся Христіанъ приставилъ къ цвѣтку деревянную лѣстничку, и точно кошки вскарабкались мы наверхъ, и съ любопытствомъ смотрѣли на раскрытую чашечку цвѣтка, изъ которой, какъ лучи, золотистые лучи-нити, какое-то дикое, знакомое благоуханіе выходило съ неслыханнымъ великолѣпиемъ.

Да, Агнеса, не часто и не легко цвѣтетъ это сердце; сколько я помню, только одинъ разъ цвѣло оно, и это было давно, не меньше, какъ лѣтъ за сто. Какъ ни великолѣпно распустилось оно въ то время, но, вѣроятно, недостатокъ солнечнаго свѣта и теплоты привелъ его въ жалкое положеніе, если только не совсѣмъ уничтожила мрачная зимняя буря. Но теперь снова растеть и двигаться оно въ моей груди—и если ты услышишь выстрѣль, дѣвушка, не пугайся: это не застрѣлился я, это любовь моя разорвала свою почку и разразилась лучезарными пѣснями, вѣчными дифирамбами, ликующей гармоніей!

А если эта высокая любовь слишкомъ высока для тебя дѣвушка, поставь деревянную лѣстничку, и взлѣзь по ней, и смотри съ нея въ мое цвѣтущее сердце.

Еще рано, солнце совершило только половину своего пути, а мое сердце благоухаетъ уже такъ сильно, что голова моя пьянѣетъ, и я не могу понять, гдѣ оканчивается иронія и начинается небо, я населяю воздухъ своими вздохами, и хотѣлось бы мнѣ самому расплыться въ чудные атомы, слиться съ несотвореннымъ божествомъ... А что же будетъ, когда настанетъ ночь, и на небѣ появятся звѣзды, «тѣ несчастныя звѣзды, которыя могутъ сказать тебѣ...»

Сегодня первое мая, самый ничтожный лавочный приказчикъ имѣетъ сегодня право сентиментальничать—такъ неужели откажешь ты въ этомъ правѣ поэту?..

Часть вторая.

I. СЪВЕРНОЕ МОРЕ.

(1826 г.).

(ПИСАНО НА ОСТРОВЪ НОРДЕРНЕЙ).

...Туземцы большею частію страшные бѣдники и живутъ рыбною ловлей, которая начинается только въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, въ октябрѣ, въ бурную погоду. Многие изъ этихъ островитянъ служатъ также матросами на иностранныхъ купеческихъ судахъ и по цѣлымъ годамъ живутъ внѣ дома, не посылая своимъ близкимъ никакой вѣсти о себѣ. Нерѣдко они и погибаютъ въ морѣ. Я нашелъ на островѣ нѣсколькихъ бѣдныхъ женщинъ, у которыхъ всѣ мужчины семьи погибли такимъ образомъ; это случается часто, такъ какъ обыкновенно отецъ ѣдетъ въ море на одномъ и томъ же кораблѣ со своими сыновьями.

Плаваніе по морю имѣетъ для этихъ людей большую прелесть, но, несмотря на это, у всѣхъ нихъ, я думаю, на душѣ лучше всего тогда, когда они дома. Если и случится имъ заѣхать даже въ тѣ южныя страны, гдѣ солнце свѣтитъ ярче, а луна—романтичнѣе, то всѣ тамошніе цвѣты все-таки не въ состояніи заткнуть щель въ ихъ сердцахъ, и среди ароматной родины весны они томятся желаніемъ вернуться на свой песчаный островъ, въ свои маленькія хижины, къ пылающимъ очагамъ, вокругъ которыхъ ихъ ближніе, плотно укутанные въ шерстяныя куртки, сидятъ на корточкахъ и пьютъ чай, отличающійся отъ кипяченой морской воды только названіемъ, и болтаютъ на языкѣ, слушая который почти не постигаешь, какъ сами они могутъ пошмать его.

Такъ твердо и близко соединяютъ этихъ людей не столько задушевно-мистическое чувство любви, сколько привычка, естественность жизни другъ съ другомъ и другъ въ другѣ, общая всѣмъ имъ непосредственность. Тутъ одинаковая духовная высота, или—лучше сказать—духовная неизменность, и вслѣдствіе этого—одинаковыя потребности и стремленія, одинаковые результаты, опыты и взгляды, и вслѣдствіе этого—легкое взаимное пониманіе и соглашеніе. И сидятъ они уживчиво у огня въ маленькихъ хижинахъ, сдвигаются въ тѣсный кружокъ, когда становится холодно, по глазамъ видятъ, что кто думаетъ, читаютъ на губахъ другъ у друга слова прежде, чѣмъ они произнесены, хорошо помнятъ всѣ общія имъ житейскія отношенія и какимъ-нибудь единственнымъ звукомъ, единственною миной, единственнымъ нѣмымъ движеніемъ возбуждаютъ одинъ въ другомъ столько смѣха, или плача, или набожнаго настроенія, сколько мы въ равныхъ себѣ можемъ вызвать только длинными экспозиціями, экспетораціями и декламаціями. Потому что мы въ сущности живемъ въ духовномъ отношеніи одиноко; благодаря особой методѣ воспитанія, или случайно выбранному особому матеріалу для чтенія, каждый изъ насъ получаетъ особое направленіе характера; каждый изъ насъ, нравственно замаскированный, думаетъ, чувствуетъ и стремится иначе, чѣмъ другіе, и такъ много возникаетъ недоразумѣній, и даже въ очень просторныхъ домахъ совмѣстно жить такъ трудно, и повсюду намъ тѣсно, повсюду мы между собою чужіе, повсюду на чужой сторонѣ.

Въ томъ состояніи одинаковости мысли и чувства, въ которомъ находимъ мы нашихъ островитянъ, жили часто—и часто въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій—цѣлые народы. Римско-христіанская средневѣковая церковь желала, быть-можетъ, видѣрить такое состояніе въ корпораціяхъ всей Европы и съ этою цѣлью взяла подъ свою опеку всѣ житейскія отношенія, всѣ силы и явленія, всего физическаго и нравственнаго человѣка. Нельзя отрицать, что этимъ образомъ дѣйствій было основано много спокойнаго счастья, и жизнь стада цвѣсти теплѣе и интимнѣе, и искусство, какъ въ тиши выросшіе цвѣты, развернулось въ той великолѣпной красотѣ, которой мы изумляемся еще теперь и не можемъ достигнуть со всѣмъ нашимъ торопливымъ знаніемъ. Но духъ человѣческій имѣетъ свои вѣчныя права, его нельзя сковать никакими правилами и постановленіями, нельзя ублюкать никакимъ колокольнымъ звономъ.

Онъ разбилъ стѣны своей тюрьмы и разорвалъ желѣзныя помочи, на которыхъ его водило родное духовенство, и опьяненный освобожденіемъ, понесся по всей землѣ, взбирался на высочайшія вершины горъ, ликовалъ въ гордомъ сознаніи своей силы, снова вспоминалъ о старыхъ сомнѣніяхъ, пытливо размышлялъ о чудесахъ дня и считалъ звѣзды ночи. Число звѣздъ намъ до сихъ поръ еще неизвѣстно, чудеса дня нами еще не разгаданы, старыя сомнѣнія усилились въ нашей душѣ—больше ли въ ней счастья теперь, чѣмъ прежде? Мы знаемъ, что на этотъ вопросъ, когда онъ касается массъ, отвѣчать утвердительно не легко; но мы знаемъ также, что счастье, которымъ мы одолжены жи— не истинное счастье, и что за нѣсколько отдѣльныхъ, отрывочныхъ минутъ болѣе благороднаго состоянія, болѣе высокаго духовнаго подъема нами, можетъ-быть, испытано больше счастья, чѣмъ за цѣлые годы прозябанія въ слѣпыхъ, неподвижныхъ убѣжденіяхъ.

Во всякомъ случаѣ это господство средневѣковой церкви было гнетомъ самаго вреднаго свойства. Кто поручится намъ за добрыя намѣренія, о которыхъ я только-что говорилъ? Кто можетъ доказать, что тутъ порою не примѣшивался злой умыселъ? Римъ хотѣлъ господствовать постоянно, и когда нали его легіоны, онъ началъ посылать по провинціямъ догматы. Исполномъ-паукомъ сидѣлъ Римъ въ средоточіи латинскаго міра и затягивалъ его своею безконечной паутиной. Поколѣнія народовъ жили подъ нею одно за другимъ спокойной жизнью, потому что принимали за близкое небо то, что было на самомъ дѣлѣ римская ткань; только стремившійся выше духъ, различавшій эту ткань, чувствовалъ себя стѣсненнымъ и несчастнымъ, и каждый разъ, какъ онъ пытался прорвать ее, хитрый ткачъ безъ труда схватывалъ его и высасывалъ смѣлую кровь изъ его сердца;—и не слишкомъ ли дорогою цѣною покупала такая кровь воображаемое счастье тупоумной массы? Дни рабства духа прошли; ослабѣвъ отъ старости, сидитъ старый паукъ между разбитыми колоннами своего Колизея и все еще прядетъ прежнюю ткань, но она уже ничтожна и гнила и въ нее попадаютъ уже только бабочки и летучія мыши, но отнюдь не стѣверные орлы.

...Смѣшно, право: въ то время, какъ я съ такой благоклонностью распространяюсь о намѣреніяхъ римской церкви, меня вдругъ охватываетъ привычное протестантское рвеніе; которое всегда приписываетъ ей все, что есть худ-

шаго; и именно этотъ разладъ возрѣній во мнѣ самомъ снова создаетъ мнѣ картину умственной разорванности нашего времени. Чему мы удивлялись вчера, то ненавидимъ сегодня, а завтра, быть-можетъ, будемъ равнодушно осмѣивать.

Съ извѣстной точки зрѣнія все одинаково велико и одинаково мелко, и наблюдение надъ мелкою жизнью нашихъ бѣдныхъ островитянъ приводитъ мнѣ на память великіе европейскіе перевороты. И эти бѣдняки тоже стоятъ на границѣ такого новаго времени, и ихъ старое единение, старая простота нарушаются процвѣтаніемъ здѣсь морскихъ купаній, такъ какъ они ежедневно заимствуютъ у пріѣзжающихъ гостей что-нибудь новое, чего не умѣютъ согласить со своимъ исконнымъ образомъ жизни. Стояніе по вечерамъ передъ освѣщенными окнами кургауза и созерцаніе бесѣдъ кавалеровъ и дамъ, многозначительныхъ взглядовъ, гримасъ вожделѣнія, похотливыхъ танцевъ, веселаго обжорства, корыстной игры и т. п. не остаются для этихъ людей безъ дурныхъ послѣдствій, отнюдь не возмѣщаемыхъ денежными барышами, которые приносятъ съѣздъ на купанье. Этихъ денегъ не хватаетъ на вторгающіяся новыя потребности, и отсюда нарушение внутренней жизни, пагубный соблазнъ, большая скорбь. Еще въ дѣтскомъ возрастѣ я ощущалъ жгучую тоску всякій разъ, какъ мимо меня проносили открытыми прекрасно испеченные, вкусно пахнушіе пироги, изъ которыхъ мнѣ не суждено было получить ни крошки; позже кололо меня то же чувство, когда я видѣлъ на прогулкѣ по модѣ полуобнаженныхъ красавицъ, и вотъ теперь мнѣ думается, что бѣднымъ островитянамъ, живущимъ еще въ состояніи дѣтства, часто представляются поводы къ подобнымъ ощущеніямъ и что было бы недурно, если бы владѣльцы красивыхъ пироговъ и женщинъ сколько-нибудь прикрывали ихъ. Эти незакрытыя лакомства, которыми бѣдные рыбаки могутъ насыщать только глаза свои, несомнѣнно возбуждаютъ въ очень сильной степени ихъ аппетитъ, и если бы островитянки въ пору своей беременности ощущали всяческія сладкоиспеченныя желанія и стали бы даже рожать дѣтей, похожихъ на пріѣзжихъ посѣтителей, то это было бы нисколько не удивительно. Я этимъ отнюдь не намекаю на какія-нибудь безнравственныя отношенія. Добродѣтель островитянокъ вполне ограждена ихъ безобразіемъ, и особенно ихъ рыбнымъ запахомъ, который, по крайней мѣрѣ, для меня былъ невыносимъ. Притомъ же сюда на время купаній пересадили съ материка

одну персону, которая должна воспринимать въ себя всѣ грѣхи пріѣзжихъ и этимъ гарантировать островитянокъ отъ всѣхъ пагубныхъ вліяній. Но это мѣра дурная, которая пригодна не для маленькаго острова, а во всякомъ случаѣ для большаго приморскаго города, гдѣ общественныя лица служатъ какъ бы крѣпостями и громоотводами, чѣмъ гарантируется нравственность бюргерскихъ дочерей; и мнѣ, дѣйствительно, показывали въ Гамбургѣ широкую женскую фигуру, которая такимъ образомъ закрываетъ полстѣны, а равно и длинный, тощій громоотводъ женскаго рода, которымъ бываетъ защищена дѣтомъ большая Іоаннова улица.

Какъ сказано выше, добродѣтель островитянокъ покажется ограждена, и если бы ихъ дѣти стали являться на свѣтъ похожими на пріѣзжихъ гостей, я усмотрѣлъ бы въ этомъ скорѣе психологическій феноменъ и объяснилъ бы его тѣми матеріалистически-мистическими законами, которыми такъ прекрасно развиваетъ Гете въ «Избирательномъ Средствѣ».

Какое громадное число загадочныхъ явленій природы можно объяснить этими законами—изумительно. Въ прошедшемъ году морская буря перебросила меня на другой восточный фридландскій островъ; и тамъ, на стѣнѣ одной рыбацкой хижины, я увидѣлъ дрянную гравюру, съ подписью «La tentation du viellard», изображавшую старика, который среди своихъ занятій смущенъ появленіемъ голой по самую бедра женщины, вынырнувшей изъ облака. И странно: у дочери хозяина-рыбака было такое же похотливое лицо москы, какъ у женщины на этой картинѣ. Приведу и другой примѣръ: въ домѣ одного мѣнялы, жена котораго, управлявшая конторой, всегда самымъ старательнымъ образомъ разсматривала чеканку на монетахъ, я нашелъ, что дѣти были поразительно похожи на нѣкоторыхъ величайшихъ государей Европы, и когда они собирались всѣ вмѣстѣ и начинали спорить и ссориться между собою, мнѣ казалось, что передо мною маленькій конгрессъ.

Вотъ почему изображенія на монетахъ—предметъ, далеко не лишенный значенія для политиковъ. Такъ какъ люди любятъ деньги отъ всей души и копечно всегда смотрятъ на нихъ съ нѣжностью, то дѣти очень часто пріобрѣтаютъ черты лица того государя, который вычеканенъ на той или другой монетѣ, и на бѣднаго государя падаетъ подозрѣніе, что онъ отецъ своихъ подданныхъ. У бурбоновъ есть особливо основательныя причины переливать наполеондоры въ другія

монеты: они не желаютъ больше видѣть между своими французами столько Наполеоновыхъ головъ. Пруссія въ монетной политикѣ ушла дальше всѣхъ другихъ странъ; тамъ, благодаря умному примѣшиванію мѣди къ другому металлу, умѣютъ устраивать дѣло такъ, что щеки короля на новоотчеканенной монетѣ тотчасъ же становятся красными—и поэтому у дѣтей въ Пруссіи съ нѣкотораго времени видъ гораздо здоровѣе, чѣмъ прежде, такъ что истинно радуется душа, когда смотришь на ихъ цвѣтущія зильбергрошевыя личики.

Сказавъ объ испорченности нравовъ, которая грозитъ здѣшнимъ островитянамъ, я не упомянулъ о ихъ духовномъ оплотѣ—пасторѣ и церкви. Пасторъ—здоровенный мужчина, съ большой головой, который, повидимому, не изобрѣлъ ни рационализма, ни мистицизма, и его важнѣйшая заслуга въ томъ, что въ его домѣ квартировала одна изъ первыхъ красавицъ здѣшняго міра. Какой видъ у его церкви—я сообщить не могу, потому что еще не былъ тамъ. Богу извѣстно, что я хорошій христіанинъ, и часто намѣреваюсь сходить въ Его домъ,—но по какой-то фатальности каждый разъ кто-нибудь помѣшаетъ мнѣ, найдется обыкновенно болѣзнь, которая задержитъ меня на дорогѣ, и если ужъ и удастся дойти до дверей храма, то вдругъ овладѣваетъ мною почему-то смѣшливое настроеніе, и тутъ ужъ я считаю за грѣхъ войти въ середину. Прощедшимъ лѣтомъ случилось со мною нѣчто въ этомъ родѣ: передъ дверьми церкви пришло мнѣ въ голову то мѣсто изъ Гетевского «Фауста», гдѣ Фаустъ, проходя съ Мефистофелемъ мимо креста, спрашиваетъ его:

«Заторопился ты чего!

Передъ крестомъ зачѣмъ поникъ глазами?»

а Мефистофель отвѣчаетъ ему на это:

«Да, это предразсудокъ—я согласенъ съ вами;

Но мнѣ противенъ видъ его».

Эти стихи, сколько мнѣ извѣстно, не были напечатаны ни въ одномъ изданіи «Фауста», и только покойный гофратъ Морицъ, знавшій ихъ изъ рукописи Гете, приводитъ ихъ въ своемъ «Филиппѣ Странникѣ». Это—уже забытый романъ, гдѣ рассказывается исторія самого автора, или вѣрнѣе—исторія нѣсколькихъ сотъ талеровъ, которыхъ не было у автора, вслѣдствіе чего его жизнь сдѣлалась цѣпью лишеній и страданій. А между тѣмъ желанія у него были самыя скромныя; на примѣръ, желаніе отправиться въ Вей-

марь и поступить въ услуженіе къ автору «Вертера» на какихъ бы то ни было условіяхъ, лишь бы только жить около того, кто изъ всѣхъ людей на свѣтѣ произвелъ на его душу сильнѣйшее впечатлѣніе.

Удивительно! Уже въ ту пору Гете вызывалъ такое восторженное чувство, а вѣдь только «наше третье подроставшее поколѣніе» въ состояніи понять его истинное величіе.

Но это самое поколѣніе произвело также и людей, въ чьихъ сердцахъ сочтиса только гнилая вода и которые поэтому желали бы въ сердцахъ другихъ изсушить всѣ родники свѣжей крови; людей съ изсякнувшею способностью къ наслажденію, которые клеветаютъ на жизнь и желаютъ сдѣлать всѣ прелести этого міра противными и для другихъ людей, для чего изображаютъ ихъ только какъ соблазнительныя приманки, разставленныя злымъ духомъ для нашего искушенія — подобно тому, какъ хитрая ключница оставляетъ въ свое отсутствіе открытою сахарницу съ сочитанными кусками, чтобы испытать воздержность горничной. И эти люди собрали вокругъ себя добродѣтельную чернь, и проповѣдуютъ ей крестовый походъ противъ великаго язычника и противъ его голыхъ боговъ, которыхъ имъ такъ хотѣлось бы замѣнить своими замаскированными глупыми чертами.

Замаскированіе—это ихъ высшая цѣль, божественная нагота приводитъ ихъ въ ужасъ, и у Сатира всегда найдется основательная причина надѣть штаны и настаивать, чтобы надѣлъ штаны и Аполлонъ. Тогда люди называютъ его добродѣтельнымъ человѣкомъ и не знаютъ, что въ Клауреновой улыбкѣ замаскированнаго Сатира больше неприличнаго, чѣмъ во всей наготѣ Вольфганга Аполлона, и что именно въ тѣ времена, когда человѣчество носило такіе широкіе штаны, что на нихъ потребно было шестьдесятъ аршинъ матеріи, нравы не были приличіе, чѣмъ теперь.

Не разсердится ли, однако, на меня дамы за то, что я говорю штаны, вмѣсто панталоны? О, какое тонкое чувство у этихъ дамъ! Въ концѣ-концовъ писать для нихъ возможно будетъ только евнухамъ, и духовнымъ служителямъ ихъ на западѣ придется быть такими же безвредными, какъ служителямъ ихъ тѣла на востокѣ.

Тутъ приходитъ мнѣ на память одно мѣсто изъ «Дневника Бертгольда»:

«Если разсудить, какъ слѣдуетъ, то выходитъ, что вѣдь всѣ мы сидимъ голые въ своихъ платьяхъ, — сказалъ док-

торъ М. одной дамѣ, которая разсердилась на него за довольно безцеремонное выраженіе».

Ганноверское дворянство очень недовольно Гете и утверждаетъ, что онъ распространяетъ антирелигіозность, а она можетъ легко породить и фальшивыя политическія воззрѣнія; между тѣмъ народъ вѣдь необходимо возвратитъ посредствомъ старой вѣры къ старой скромности и умѣренности. Слышалъ я также въ послѣднее время многіе споры о томъ—Гете ли выше Шиллера, или наоборотъ. Недавно случилось мнѣ стоять за стуломъ одной дамы, глядя на которую уже сзади можно было получить представленіе о ея шестидесяти четырехъ предкахъ, и тутъ я присутствовалъ при жаркомъ преніи на вышеупомянутую тему между нею и двумя ганноверскими nobilis, предки коихъ изображены уже на дендерскомъ зодіакѣ и изъ которыхъ одинъ, длинно-топій, меркуріемъ начиненный юноша, наружностью похожій на барометръ, прославлялъ добродѣтель и чистоту Шиллера, тогда какъ другой, тоже долговязый юноша, шепелявилъ нѣсколько стиховъ изъ «Достоинства женщины» и при этомъ улыбался такъ сладко, какъ осель, уткнувшій морду въ бочку съ сиропомъ и съ наслажденіемъ облизывающійся. Оба юнца постоянно подкрѣпляли свои мнѣнія увѣрительнымъ припѣвомъ: «Онъ выше, онъ конечно выше, дѣйствительно онъ выше, честью завѣряю васъ, что онъ выше». Дама была такъ добра, что вовлекла меня въ эту эстетическую бесѣду и спросила: «Докторъ, какого вы мнѣнія о Гете?» Я же сложилъ крестообразно на груди руки, набожно склонилъ голову и сказалъ: «Ла иллахъ иллъ аллахъ, ва Магомедъ рафуль аллахъ!»

Дама, помимо своего вѣдома, предложила самый хитрый вопросъ. Вѣдь нельзя же спросить человѣка прямо: «какого вы мнѣнія о небѣ и землѣ? что ты думаешь о людяхъ и человѣческой жизни? разумное ты созданіе или болванъ?» Но всѣ эти щекотливые вопросы заключены въ немудреныхъ словахъ: «какого вы мнѣнія о Гете?» Такъ какъ сочиненія Гете у всѣхъ насъ передъ глазами, то мы имѣемъ возможность—произносимое о нихъ кѣмъ-нибудь сужденіе тутъ же сравнить съ нашимъ собственнымъ и черезъ это получаемъ прочный масштабъ, которымъ можемъ немедленно смѣрить всѣ его мысли и чувства—и такимъ образомъ онъ безсознательно самъ произнесъ надъ собой приговоръ. Но если этимъ путемъ Гете, будучи общимъ для всѣхъ и открытымъ для созерцанія cadaго міромъ, становится для

насъ лучшимъ средствомъ узнавать людей, то, въ свою очередь, лучше всего узнавать Гете мы можемъ по его собственнымъ сужденіямъ о предметахъ, которые у всѣхъ насъ предъ глазами и мнѣнія о которыхъ были уже высказаны намъ самыми значительными людьми. Въ этомъ отношеніи мнѣ пріятнѣе всего указать на «Путешествіе по Италіи» Гете: всѣ мы—или по собственнымъ наблюденіямъ, или по наслышкѣ отъ другихъ—знаемъ Италію, и намъ легко замѣтить, какъ каждый смотритъ на нее субъективными глазами: тотъ—недовольными глазами Архенгольца, видящими только дурное; тотъ—восторженными глазами Коринны, усматривающими всюду только великолѣпное; тогда какъ Гете видитъ своимъ свѣтлымъ греческимъ окомъ все—темное и свѣтлое, не окрашиваетъ ни одной вещи своимъ душевнымъ настроеніемъ и рисуетъ намъ страну и людей тѣми истинными чертами и истинными красками, которыми надѣлилъ ихъ Богъ.

Это—заслуга Гете, которую признаютъ только позднѣйшія времена; потому что мы—большею частью люди больные—слишкомъ застряли въ нашихъ больныхъ, разорванныхъ романтическихъ чувствахъ, набранныхъ нами изъ всѣхъ странъ и вѣковъ, слишкомъ для того, чтобы намъ можно было непосредственно увидѣть, какъ здорово, цѣлостно и пластично является Гете въ своихъ произведеніяхъ. Онъ самъ замѣчаетъ это также мало; въ наивномъ невѣдѣніи своей силы онъ удивляется, когда ему приписываютъ «объективное мышленіе», и желая намъ дать свою автобіографіей критическое пособіе для оцѣнки его произведеній, не даетъ, однако, никакого масштаба для этой оцѣнки самой по себѣ, а только сообщаетъ новые факты, по которымъ можно судить о немъ; это вѣдь и естественно, такъ какъ ни одна птица не можетъ опередить на-лету самое себя.

Позднѣйшія времена откроютъ въ Гете, кромѣ этой способности пластическаго созерцанія, чувствованія и мышленія, еще многое такое, о чемъ мы въ настоящую пору не имѣемъ никакого представленія. Творенія духа вѣчно нерушимы, но критика есть нѣчто измѣняющееся, она имѣетъ источникомъ возрѣніе своего времени, сохраняетъ свое значеніе только для него, и если не принадлежитъ сама по себѣ къ области художественнаго, какова, напр., критика Шлегелевская, то умираетъ вмѣстѣ со своимъ временемъ. Каждый вѣкъ, пріобрѣтая новыя идеи, пріобрѣтаетъ и новые глаза, и отъ этого усматриваетъ весьма много новаго

въ старыхъ созданіяхъ человѣческаго духа. Какой-нибудь Шубартъ вычитываетъ теперь въ «Иліадѣ» нѣчто иное и гораздо больше, чѣмъ находили въ ней всѣ александрійскіе ученые; точно такъ же явятся нѣкогда критики, которые увидятъ въ Гете гораздо больше, чѣмъ видитъ въ немъ Шубартъ.

Какъ заболтался я, однако, о Гете! Но подобныя отступленія очень естественны, когда, какъ на этомъ островѣ, у васъ въ ухахъ постоянно шумитъ и настраиваетъ вашу душу по своей прихоти море.

Дуетъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, и вѣдьмы снова замыслили много злого. Здѣсь именно ходятъ любопытныя легенды о вѣдьмахъ, умѣющихъ заклинать бурю—какъ и вообще на сѣверныхъ моряхъ очень много суевѣрія. Моряки утверждаютъ, что нѣкоторые острова находятся подъ тайнымъ владычествомъ совершенно особыхъ вѣдьмъ и что ихъ злоба виной, когда съ проѣзжающими мимо кораблями случаются всяческія невзгоды. Въ прошедшемъ году я провелъ нѣкоторое время на морѣ, и шкиперъ нашего корабля рассказалъ мнѣ, что вѣдьмы особенно могущественны на островѣ Уайтѣ и стараются каждое судно, желавшее проѣхать въ этомъ мѣстѣ днемъ, задерживать до ночи, чтобы въ эту пору прибить его къ утесамъ или самому острову; въ такихъ случаяхъ онѣ будто бы проносятся по воздуху съ такимъ шумомъ и такъ страшно воютъ вокругъ корабля, что хлопотуну стоитъ огромнаго труда сопротивляться имъ. На мой вопросъ—кто этотъ хлопотунъ, рассказчикъ отвѣчалъ очень серьезно: «Это добрый, невидимый защитникъ кораблей, оберегающій вѣрныхъ и добропорядочныхъ моряковъ отъ несчастій, самъ за всѣмъ и вездѣ наблюдающій и заботящійся какъ о порядкѣ, такъ и о благополучномъ плаваніи». Мой славный кормчій увѣрялъ нѣсколько таинственно, что я самъ могу очень хорошо услышать этого хлопотуна въ корабельномъ трюмѣ, гдѣ онъ старается установить грузъ какъ возможно получше, отчего и происходитъ скрипъ бочекъ и ящиковъ, когда на морѣ волны, отчего по временамъ и стучать, и трещать бревна и доски; часто хлопотунъ постукиваетъ и въ наружную сторону корабля, и это относится уже къ плотнику, которому дается тѣмъ знакъ, что надо немедленно починить поврежденное мѣсто; больше же всего любитъ онъ сидѣть на брамзегелѣ въ знакъ того, что попутный вѣтеръ дуетъ или приближается. На мой вопросъ—нельзя ли и увидѣть его, я получилъ въ отвѣтъ:

нѣтъ, нельзя, да и нежелательно никому его увидѣть, потому что показывается онъ только тогда, когда ужъ нѣтъ никакого спасенія. Такого случая мой добрый шкиперъ, правда, не пережилъ еще самъ, но отъ другихъ знаетъ онъ, что въ подобныя минуты слышно, какъ хлопотунъ сперва переговаривается съ брамзегеля съ подданными ему и находящимися подъ водою духами; когда же буря усилится до крайности и кораблекрушеніе оказывается неизбѣжнымъ, онъ садится на руль, становясь тутъ видимымъ въ первый разъ, ломаетъ его и затѣмъ исчезаетъ; тѣ же, которые увидѣли его въ эту страшную минуту, немедленно вслѣдъ затѣмъ находятъ смерть въ волнахъ.

У капитана корабля, слушавшаго этотъ рассказъ вмѣстѣ со мною, появилась такая тонкая улыбка, какую я не ожидалъ бы встрѣтить на его загрубѣломъ, вѣтру и бурямъ покорномъ лицѣ; а потомъ онъ увѣрялъ меня, что дѣтъ за пятьдесятъ или даже за сто, вѣра въ хлопотуна была такъ сильна, что за столомъ на кораблѣ всегда ставили для него особый приборъ и отъ каждаго кушанья откладывали на его тарелку чуть ли не лучшей кусокъ; на нѣкоторыхъ корабляхъ это дѣлается даже до сихъ поръ...

Я здѣсь часто гуляю по берегу и вспоминаю подобныя морскія легенды. Привлекательнѣйшая изъ нихъ, конечно, исторія о летучемъ голландцѣ, котораго въ бурю видятъ несущимся съ распущенными парусами, и который иногда спускаетъ со своего корабля лодку, чтобы вручить встрѣтившимся ему морякамъ разныя письма; но съ ними не знаютъ потомъ, что дѣлать, такъ какъ они адресованы къ давно умершимъ людямъ. Припоминаю я иногда и старую, милую сказку о мальчикѣ-рыбакѣ, который однажды на берегу подслушалъ ночной хороводъ морскихъ русалокъ и потомъ сталъ ходить со своею скрипкой по всему свѣту и и околовывалъ восторгомъ всѣхъ, кому игралъ мелодію вальса русалокъ. Эту легенду разсказалъ мнѣ одинъ близкій другъ, когда мы въ Берлинѣ слушали въ концертѣ игру такого чародѣя-юноши, Феликса Мендельсона-Бартольди.

Особеннаго рода прелесть заключается въ крейсированіи вокругъ острова. Но для этого надо, чтобы погода была очень хороша, чтобы тучи принимали необычайные образы и чтобы вы лежали на палубѣ вверхъ лицомъ и смотрѣли въ небо, и при этомъ, конечно, имѣли кусочекъ неба и у себя въ сердцѣ. Въ такія минуты волны журчаньемъ своимъ нашептываютъ вамъ много чудныхъ вещей, много

словъ, въ которыхъ порхаютъ сладостныя воспоминанія, много именъ, отзвукъ которыхъ падаетъ въ душу, какъ сладостное предчувствіе... «Эвелина!» Тутъ же проплываютъ мимо васъ корабли, и вы раскланиваетесь другъ съ другомъ, точно можете видѣться каждый день. Только ночью встрѣча въ морѣ съ чужими кораблями имѣетъ въ себѣ нѣчто зловѣще-тяжелое; кажется, что мимо тебя безмолвно проплываютъ лучшіе друзья твои, которыхъ ты не видѣлъ уже много лѣтъ, и что въ эту минуту ты теряешь ихъ уже навсегда.

Я люблю море, какъ мою душу.

Часто представляется мнѣ даже, что море и есть собственно моя душа, и какъ въ морѣ есть скрытыя водяныя растенія, которыя только въ мигъ своего расцвѣта вышлываютъ на поверхность и въ мигъ отцвѣта снова уходятъ на дно, такъ и изъ глубины моей души по временамъ выплываютъ наружу чудные цвѣты, и благоухаютъ они, и блещутъ, и снова исчезаютъ... «Эвелина!»

Говорятъ, что недалеко отъ этого острова, гдѣ теперь нѣтъ ничего, кромѣ воды, находились нѣкогда прекраснѣйшія деревни и города, но что море внезапно затопило ихъ всѣ, и въ ясную погоду пловцы до сихъ еще поръ видятъ сверкающіе шпиль затонувшихъ колоколенъ, а иные слышали тамъ даже въ утренней воскресной часъ звуки благовѣста. Этотъ разсказъ справедливъ, потому что море—моя душа...

Прекрасный міръ тамъ схороненъ на днѣ,
Развалины его я вижу въ грезахъ.

(В. Мюллеръ).

И пробуждаясь, я слышу замирающіе вдаль звукъ колокола и цѣніе священныхъ голосовъ... «Эвелина!»

Гуляя по берегу, находишь въ мимо плывущихъ судахъ очень красивое зрѣлище. Когда они распустятъ ослѣпительно-бѣлые паруса, то похожи на пролетающихъ большихъ лебедей. Особенно красива эта картина, когда солнце опускается за несущимся на парусахъ кораблемъ и озаряетъ его какъ бы исполинскимъ сіяніемъ.

Охота по берегу тоже, вѣроятно, доставляетъ большое удовольствіе. Что касается меня, то я не очень-то цѣню это занятіе. Склонность къ благородному, прекрасному и доброму часто поселяется въ человѣкѣ воспитаніемъ, склонность же къ охотѣ лежитъ въ крови. Если дѣды уже съ

незапамятныхъ временъ упражнялись въ стрѣляннн дикихъ козъ, то и внукъ находить удовольствіе въ этомъ наслѣдственномъ занятіи. Мои же предки принадлежали не къ охотящимся, а гораздо больше—къ тѣмъ, за которыми охотятся, и пожелай я стрѣлять въ потомковъ ихъ бывшихъ товарищей, моя кровь возмутилась бы противъ этого. Знаю я даже по опыту, что измѣривъ разстояніе, мнѣ легче выстрѣлить въ того охотника, который желаетъ возвращенія временъ, когда и люди служили матеріаломъ для высокихъ охотъ. Эти времена, славу Богу, миновали! Если подобнымъ охотникамъ и приходится въ настоящую пору желаніе поохотиться на человѣка, то они должны заплатить ему за это, какъ было, напримѣръ, съ скороходомъ, котораго я видѣлъ два года назадъ въ Геттингенѣ. Бѣднякъ въ удушливый зной воскреснаго дня добѣгался уже до порядочной усталости, когда нѣсколько ганноверскихъ дворянчиковъ, изучившихъ тамъ humaniora, предложили ему пару талеровъ, если онъ еще разъ пробѣжитъ то же самое пространство; и онъ бѣжалъ, и былъ блѣденъ какъ смерть, и одѣтъ въ красную куртку, и слѣдомъ за нимъ въ клубахъ пыли галопировали упитанные, высокородные юноши на статныхъ коняхъ, копыта которыхъ задѣвали по временамъ задыхавшагося въ травлѣ человѣка—и это былъ человѣкъ.

Ради опыта—ибо надо мнѣ получше приучать свою кровь—я пошелъ вчера на охоту. Выстрѣлилъ я въ нѣсколькихъ чаекъ, черезчуръ ужъ безопасно летавшихъ вокругъ меня, хотя онѣ и не могли знать опредѣлительно, что я скверно стрѣляю. Я не намѣревался попасть въ нихъ, а хотѣлъ только предостеречь, чтобы онѣ въ другой разъ береглись людей съ ружьями въ рукахъ; но далъ промахъ и имѣлъ несчастіе убить на смерть одну молодую чайку. Хорошо, что то была не старая; потому что въ этомъ случаѣ что случилось бы съ бѣдными маленькими чаечками, которыя, еще не оперенныя лежатъ въ песчаныхъ гнѣздахъ большой дюны и безъ матери умерли бы съ голоду! У меня уже заранѣе было предчувствіе, что на охотѣ мнѣ не повезеть: заяцъ перебѣжалъ дорогу.

Особенно чудно становится у меня на душѣ, когда въ сумерки я брожу по берегу одинъ—позади меня плоскія дюны, передо мною волнующееся, неизмѣримое море, надо мной небо, какъ исполинскій куполь... въ эти минуты я представляюсь самому себѣ крошечнымъ, какъ муравей, а между тѣмъ моя душа такъ безконечно расширяется. Высокая простота природы, какою окруженъ я здѣсь, смиряетъ

и возвышаетъ меня въ одно и то же время и притомъ въ болѣе сильной степени, чѣмъ дѣлала это когда-либо другая величественная обстановка. Ни одинъ соборъ не былъ достаточно просторенъ для меня; моя душа, съ ея старою титанической молитвой, всегда стремилась выше готическихъ колоннъ и всегда хотѣла прорваться сквозь крышу. На вершинѣ Ротраппе колоссальныя скалы въ ихъ смѣлыхъ группировкахъ въ первыя минуты ввухили мнѣ нѣкоторое почтительное изумленіе; но это впечатлѣніе длилось недолго; душа моя была только потрясена, но не побѣждена, и эти громадныя каменные массы постепенно дѣлались въ моихъ глазахъ все меньше и меньше, и, наконецъ, представились мнѣ только ничтожными развалинами разбитаго исполинскаго дворца, въ которомъ моя душа, быть-можетъ, и помѣстилась бы съ комфортомъ.

Какъ ни смѣшно можетъ это показаться, а я все-таки не скрою, что отсутствіе пропорціональности между тѣломъ и душою отчасти мучитъ меня; здѣсь, у моря, среди величественной природы, оно по временамъ дѣлается для меня совершенно явственнымъ, и метемпсихоза часто составляетъ предметъ моего размышленія. Кому знакома та великая иронія божества, которая обыкновенно обнаруживаетъ всяческія противорѣчія между душою и тѣломъ? Кто можетъ знать, въ какомъ портномъ живетъ теперь душа Платона, и въ какомъ школьномъ учителѣ душа Цезаря? Кто скажетъ—не помѣщается ли душа Григорія VII въ тѣлѣ турецкаго султана, и подъ ласками тысячи женскихъ ручекъ не живетъ ли ей гораздо пріятнѣе, чѣмъ нѣкогда въ пурпурной мантии холостяка? И напротивъ того—сколько душъ правовѣрныхъ мусульманъ времени Али находятся, быть-можетъ, въ настоящую пору, въ нашихъ антиэллинскихъ кабинетахъ! Души двухъ разбойниковъ, распятыхъ по обѣимъ сторонамъ Спасителя, помѣстились, быть-можетъ, теперь въ толстыхъ консисторіальныхъ животахъ и пламенно радѣютъ о нравственности и добродѣтели. Душа Чингисхана, быть-можетъ, живетъ въ рецензентѣ, который ежедневно, самъ того не зная, рубитъ саблею въ критическомъ журналѣ своихъ вѣрнѣйшихъ калмыковъ и башкировъ. Какъ знать! какъ знать! Душа Пифагора перешла, можетъ-быть, въ бѣднаго кандидата, который провалился на экзаменѣ, потому что не могъ доказать Пифагорову теорему, между тѣмъ какъ въ его господахъ экзаменаторахъ живутъ души тѣхъ быковъ, которыхъ нѣкогда Пифагоръ, въ радости, что

открылъ свою теорему, принесъ въ жертву вѣчнымъ богамъ. Индѣйцы не такіе дураки, какими считаютъ ихъ наши миссіонеры; они чтутъ животныхъ за человѣческія души, присутствіе которыхъ предполагаютъ въ нихъ, и если ими основываются лазареты для инвалидовъ-обезьянъ, въ родѣ нашихъ академій, то весьма возможно, что въ этихъ обезьянахъ живутъ души великихъ ученыхъ, тогда какъ, напротивъ, у насъ совершенно очевидно, что въ нѣкоторыхъ великихъ ученыхъ заключены только обезьяньи души.

Если бы кто-нибудь могъ со всевѣдѣніемъ прошедшаго взглянуть съ заоблачныхъ высотъ на земную жизнь и суету! Когда въ ночные часы, бродя по берегу, я слышу ибнѣ волнъ, и пробуждаются во мнѣ всяческія предчувствія и воспоминанія, то становится у меня на душѣ такъ, какъ будто я нѣкогда дѣйствительно смотрѣлъ именно такимъ образомъ сверху внизъ, и отъ страха у меня такъ закружилась голова, что я упалъ на землю; кажется мнѣ также въ подобныя минуты, будто глаза мои приобрѣли такую телескопическую зоркость, что я могъ рассмотреть звѣзды на небѣ во весь ихъ ростъ и отъ этого клубящагося блеска ослѣпъ... Точно изъ глубины тысячелѣтій подымаются тогда въ мою душу самыя разнообразныя мысли—мысли древней мудрости, но онѣ такъ туманны, что я не могу понять, чего онѣ хотятъ. Одно я знаю—что всѣ наши многоумныя знанія, стремленія и произведенія всякому высшему духу должны казаться такими же маленькими, и ничтожными, какъ мнѣ показался мнѣ наукъ, на котораго я такъ часто смотрѣлъ въ геттингенской бібліотекѣ. Усердно занимаясь своимъ тканьемъ, сидѣлъ онъ на фоліантахъ всемірной исторіи, и смотрѣлъ съ такою философскою самоувѣренностью на все окружающее, и былъ пропитанъ ученымъ геттингенскимъ самомнѣніемъ и, казалось, былъ гордъ своими математическими познаніями, своей художественной работой, своимъ одинокимъ размышленіемъ... а между тѣмъ ровно ничего не зналъ онъ изъ всѣхъ тѣхъ чудесъ, что заключены въ книгѣ, на которой онъ родился, и на которой провелъ всю жизнь, и на которой умретъ, если бібліотекаръ д-ръ Л., подкрадываясь, не сгонитъ его оттуда. А кто такой этотъ подкрадывающійся д-ръ Л.? Его душа, быть можетъ, жила нѣкогда именно въ такомъ наукѣ, и теперь онъ стережетъ тѣ фоліанты, на которыхъ нѣкогда сидѣлъ—и если даже читаетъ ихъ, то все-таки истинная суть ихъ остается ему непонятна.

Что въ былыя времена происходило на той землѣ, по которой я гуляю въ настоящую пору? Одинъ археологъ, прїѣхавшій сюда купаться, утверждаетъ, что нѣкогда тутъ совершалось то поклоненіе Гертѣ, или, лучше сказать, Форсетѣ, о которомъ такъ таинственно говоритъ Тацитъ. Если только рассказчики, со словъ которыхъ сообщалъ эти свѣдѣнія Тацитъ, не ошибались и не привяли купальную будочку на колесахъ за священную колесницу богини!

Въ 1819 г. въ Боннѣ я слушалъ въ одномъ и томъ же семестрѣ четыре курса, въ которыхъ излагались большею частью нѣмецкія древности изъ самаго голубого времени—именно: 1) исторію нѣмецкаго языка у Шлегеля, который почти три мѣсяца сряду развивалъ самыя дикія гипотезы о происхожденіи нѣмецкаго народа, 2) «Германію» Тацита у Арндта, отыскивавшаго въ древне-германскихъ лѣсахъ тѣ добродѣтели, которыхъ онъ не находилъ въ современныхъ гостинныхъ, 3) германское государственное право у Гюльмана, историческія воззрѣнія котораго еще наименѣ смутны сравнительно съ другими, и 4) первобытную исторію Германіи у Радлова, который въ концѣ семестра успѣлъ добраться только до времени Сезостриса;—и вотъ въ ту пору легенды о старой Гертѣ, конечно, должны были интересовать меня больше, чѣмъ теперь. Я никакъ не хотѣлъ допустить, что ея мѣстопробываніе на Рюгенѣ и, напротивъ, переносилъ его на одинъ изъ восточно-фрисландскихъ острововъ. Молодому ученому очень прїятно придумывать свои частныя гипотезы. Но ужъ ни въ какомъ случаѣ не могло мнѣ тогда придти въ голову, что когда-нибудь буду я гулять по берегу Сѣвернаго моря, не размышляя о старой богинѣ съ патріотическимъ одушевленіемъ. А это дѣйствительно такъ вышло, и я думаю здѣсь о совершенно иныхъ, болѣе молодыхъ богиняхъ; особенно когда прохожу по тому таинственному мѣсту на берегу, около котораго еще только что самыя красивыя женщины плавали подобно русалкамъ. Ибо здѣсь ни мужчины, ни дамы не купаются подъ какимъ-нибудь прикрытіемъ, а прогуливаются себѣ просто въ открытомъ морѣ. Оттого-то купальни обоихъ половъ отдѣлены одна отъ другой, но не слишкомъ далекимъ разстояніемъ, и у кого хорошая зрительная трубка, тотъ можетъ всюду въ свѣтѣ видѣть очень много. Существуетъ легенда, что одинъ новый Актеонъ увидѣлъ такимъ манеромъ одну купающуюся Діану, и чудное дѣло! не онъ, а мужъ красавицы очутился вслѣдствіе этого съ рогами.

Купальныя телѣжки, эти дрожки Сѣвернаго моря, здѣсь только подѣзжаютъ къ водѣ и состоятъ большею частью изъ четырехугольныхъ деревянныхъ будочекъ, обтянутыхъ твердымъ полотномъ. На зимнюю пору онѣ устанавливаются въ залѣ кургауза и несомнѣнно ведутъ тамъ между собой разговоры такіе же деревянные и накрахмаленные, какъ то знатное общество, которое еще недавно вращалось въ этихъ стѣнахъ.

Говоря, однако, «знатное общество», я не имѣю въ виду добрыхъ гражданъ восточной Фрисландіи—народъ, который такъ же плоскъ и трезвъ, какъ почва, гдѣ онъ живетъ, который не умѣетъ ни пѣть, ни свистать, но за то обладаетъ талантомъ получше, чѣмъ выдѣлываніе всякихъ трелей и всякое высвистываніе—талантомъ, облагораживающимъ чело-вѣка и возвышающимъ его надъ тѣми легонькими холопскими душами, которые признаютъ только себя благородными, именно талантомъ свободы. Когда сердце бьется для свободы, то такое бѣненіе сердца такъ же почетно, какъ ударъ шпагой, посвящающій въ рыцари; и свободные фризы знаютъ это, и они заслуживаютъ свой народный эпитетъ; если не считать періода вождей, аристократія въ восточной Фрисландіи никогда не преобладала, жили тамъ только очень немногія дворянскія фамиліи, и распространяющееся теперь по странѣ, въ административной и военной сферахъ, вліяніе ганноверскаго дворянства омрачаетъ не одно свободное фрисландское сердце, и повсюду обнаруживается сочувственное отношеніе къ прежнему прусскому управленію.

Что касается, однако, общихъ германскихъ жалобъ на ганноверскую дворянскую спѣсь, то я не могу безусловно согласиться съ ними. Ганноверское офицерское сословіе подаетъ наименѣ поводовъ къ подобнымъ жалобамъ. Правда, какъ въ Мадагаскарѣ только дворяне имѣютъ право быть мясниками, такъ и въ прежнее время ганноверское дворянство пользовалось подобною же привилегію, ибо только дворяне могли дослуживаться до офицерскаго чина. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ нѣмецкомъ легіонѣ отличилось и заняло офицерскія должности столько лицъ изъ бюргерскаго класса, это дурное, привычкою освященное право уничтожилось. Да, весь составъ нѣмецкаго легіона сильно содѣйствовалъ къ смягченію старыхъ предрасудковъ, эти люди ходили далеко по свѣту, а въ свѣтѣ видишь много, особенно въ Англии, и они многому выучились, и сердце радуется, слушая, какъ они рассказываютъ о Португаліи,

Испаніи, Сициліи, Лоническихъ островахъ, Ирландіи и другихъ отдаленныхъ странахъ, гдѣ они сражались и «многихъ людей, города видѣли, разные нравы узнали»,—такъ что кажется, что слышишь новую Одиссею, для которой, къ сожалѣнію, не найдется своего Гомера. Сохранилось также между офицерами этого корпуса много англійской свободы въ нравахъ, которая традиціоннымъ ганноверскимъ обычаемъ противоположна болѣе, чѣмъ думаемъ мы въ остальной Германіи, такъ какъ обыкновенно приписываемъ примѣру Англии сильное вліяніе на Ганноверъ. Въ этой ганноверской странѣ только и видишь, что родословныя деревья, къ которымъ привязаны лошади, и отъ такого множества деревьевъ все государство въ темнотѣ, и, несмотря на всѣхъ этихъ лошадей, впередъ не подвигается. Нѣтъ, сквозь этотъ ганноверскій дворянскій лѣсъ никогда не проникалъ ни одинъ солнечный лучъ британской свободы, и никогда ни одного британскаго звука свободы нельзя было услышать среди шумнаго ржанья ганноверскихъ коней. А что такое звукъ британской свободы—я узналъ только недавно, когда въ страшнѣйшую морскую бурю увидѣлъ несшійся на парусахъ англійскій корабль, гдѣ на палубѣ стояло много людей, которые съ почти преступною строптивостью ревѣли громче волнъ и вѣтра свое старое: «Rule Britannia, rule the waves, Britons never shall be slaves!»

Всеобщія жалобы на ганноверскую дворянскую спѣсь болѣею частью обрушиваются на милую молодежь извѣстныхъ фамилій, которыя или управляютъ Ганноверомъ, или намѣрены посредственно управлять имъ. Но и эти благородные юноши скоро освободились бы отъ недостатковъ этого рода, если бы тоже потолкались немного по свѣту, или получили лучшее воспитаніе. Правда, ихъ посылаютъ въ Геттингенъ, но тамъ они сидятъ на корточкахъ въ своемъ кружкѣ, и говорятъ только о своихъ собакахъ, лошадяхъ и орденахъ, и почти не слушаютъ лекцій новой исторіи, а коли приходится имъ слушать, то въ это время умъ ихъ поглощенъ созерцаніемъ «графскаго стола», который, будучи эмблемою Геттингена, назначенъ только для высокородныхъ студентовъ. Да, несомнѣнно, что давайся молодому ганноверскому дворянству лучшее воспитаніе, не было бы поводовъ для многихъ, нынѣ раздающихся жалобъ. Но юноши ничѣмъ не отличаются отъ стариковъ. То же кичливое представленіе, что они цвѣты міра, тогда какъ всѣ остальные—только трава; то же глупое стремленіе прикры-

вать заслугами предковъ свое собственное ничтожество; то же невѣдѣніе проблематичности этихъ заслугъ, такъ какъ почти никто изъ нихъ не сообразить, что властители рѣдко удостоивали одворянивающею милостью своихъ вѣрнѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ слугъ, но очень часто—сводника, льстеца и тому подобныхъ любимцевъ-негодяевъ. Почти никто изъ этихъ кичащихся своими предками не можетъ съ точностью опредѣлить, что именно сдѣлали ихъ предки— и всѣ указываютъ только, что имена этихъ послѣднихъ упоминаются въ «книгѣ о турнирахъ» Рюкснера. Да если бы даже они и могли доказать, что эти предки, напримѣръ, присутствовали въ качествѣ крестоносцевъ при завоеваніи Іерусалима, то слѣдовало бы имъ, прежде чѣмъ ставить это въ преимущество себѣ, доказать также, что эти рыцари и честно сражались въ числѣ другихъ воиновъ, что желѣзные панталоны ихъ не были подбиты желтой трусостью, и что подъ ихъ краснымъ крестомъ билось сердце честнаго человѣка. Не будь «Иліады», а существуй только списокъ именъ героевъ, стоявшихъ передъ стѣнами Трои, и сохранись эти имена до сихъ поръ—какъ бы раздувалось родовое тщеславіе потомковъ Терсита! О чистотѣ крови я ужъ и не хочу говорить: у философовъ и конюшихъ на этотъ счетъ совсѣмъ странныя идеи.

Мое порицаніе, какъ я уже сказалъ, касается главнымъ образомъ дурнаго воспитанія ганноверскаго дворянства и рано запечатлѣвающагося въ немъ нелѣпаго представленія о важности нѣкоторыхъ, дрессировкою освященныхъ формъ. О, какъ часто приходилось мнѣ смѣяться, когда я замѣчалъ, какъ моего значенія придавали этимъ формамъ! Точно такая ужъ крайняя трудность выучиться всему этому—этой репрезентаціи, этой презентаціи, этой улыбкѣ, ничего не говорящей, этому говоренью, никакой мысли въ себѣ не заключающему, всѣмъ этимъ дворянскимъ штукамъ, на которыя добрый бюргеръ дивится точно на чудо морское, между тѣмъ какъ всякій французскій танцмейстеръ въ нихъ сильнѣе нѣмецкаго дворянина, который съ трудомъ выучивается имъ въ прилизывающей медвѣдей Лютеціи и затѣмъ передаетъ ихъ съ нѣмецкою основательностью и неповоротливостью своимъ потомкамъ. Это напоминаетъ мнѣ басню о медвѣдѣ, который плясалъ на рынкахъ, убѣжалъ отъ своего жоака-учителя, вернулся къ своимъ братьямъ-медвѣдямъ въ лѣсъ и сталъ хвастать—какое трудное искусство плясъ и какіе успѣхи сдѣлалъ онъ въ немъ; и дѣйстви-

тельно, образцамъ этого искусства, которые онъ представилъ тутъ, бѣдные звѣри не могли отказать въ удивленіи. Эта нація, какъ называютъ ее Вергеръ, составляла знатное общество, которое въ нынѣшнемъ году блестяло здѣсь на водѣ и сушѣ, и всѣ они были милые, милые люди, и всѣ хорошо играли.

Были здѣсь и владѣтельные особы, и я долженъ сознаться, что онѣ въ своихъ притязаніяхъ держались скромнѣе стоявшей ниже нихъ знати. Но лежитъ ли эта скромность уже въ сердцахъ сихъ высокооставленныхъ лицъ, или она вызывается ихъ внѣшнимъ положеніемъ—этотъ вопросъ оставляю нерѣшеннымъ. Говорю это только относительно нѣмецкихъ медиатизированныхъ князей. Съ этими людьми въ послѣднее время поступили очень несправедливо, отнявъ у нихъ верховную власть, на которую они имѣли не меньше права, чѣмъ и самые крупные государи, если только не быть, подобно моему единовѣрцу Спинозѣ, того мнѣнія, что все, неспособное держаться собственною силою, не имѣетъ и права на существованіе. Но для раздробленной на клочки Германіи было благодареніемъ, что вся эта многочисленная компанія деспотовъ въ шестнадцатую долю листа была принуждена отказаться отъ правленія. Вѣдь просто страшно подумать, какое множество этихъ особъ приходится кормить намъ, бѣднымъ нѣмцамъ. Если у этихъ медиатизированныхъ нѣтъ больше въ рукахъ скиптра, то руки ихъ все-таки продолжаютъ держать ложку, ножъ и вилку, и питаются они не овсомъ, да и овесъ обходится не дешево. Я полагаю, что отъ этого времени освободить насъ Америка. Рано или поздно президенты тамошнихъ свободныхъ штатовъ превратятся въ государей, и тогда у этихъ господъ окажется недостатокъ въ супругахъ, которыя имѣли бы уже законно-владѣтельную окраску; вотъ они и будутъ рады за предоставленіе нами имъ нашихъ принцессъ, и на каждахъ шесть таковыхъ, которыхъ они будутъ брать у насъ, мы будемъ имъ давать седьмую *gratis*, а сверхъ того въ послѣдствіи и наши молоденькіе принцы пригодятся имъ для ихъ дочерей... Вотъ почему медиатизированные князья поступили очень политично, удержавъ за собою, по крайней мѣрѣ, право одноправности рожденія, и цѣнять свои родословныя деревья такъ же высоко, какъ арабы—родословныя деревья своихъ лошадей...

На всѣхъ «водахъ» давно уже освящено привычкою право остающихся гостей нѣсколько сильно критиковать уѣхав-

шихъ; и такъ какъ я здѣсь послѣдній оставшійся гость, то могу, конечно, воспользоваться этимъ правомъ въ полной степени.

Но на островѣ въ настоящее время такъ пусто, что я представляюсь себѣ Наполеономъ на Св. Еленѣ, съ тою только разницею, что я нашелъ себѣ здѣсь развлеченіе, котораго тотъ тамъ не имѣлъ. Это именно самъ великій императоръ; имъ я занимаюсь здѣсь. Одинъ молодой англичанинъ снабдилъ меня только-что вышедшимъ сочиненіемъ Майтланда. Этотъ морякъ рассказываетъ, какимъ образомъ Наполеонъ сдѣлся ему и какъ онъ велъ себя на «Беллерофонѣ» до перехода на «Нортемберлендъ» по приказанію англійскаго министерства. Изъ этой книги становится ясно, какъ день, что императоръ, съ романтическою увѣренностью въ британскомъ великодушіи и чтобы дать, наконецъ, міру отдыхъ и спокойствіе, отправился къ англичанамъ скорѣе какъ гость, чѣмъ плѣнникъ. Это была ошибка, которую, конечно, не сдѣлалъ бы никто другой, и всего менѣе — Веллингтонъ. Но исторія скажетъ, что эта ошибка такъ прекрасна, такъ высока, такъ великолѣпна, что на нее потребно было больше величія души, чѣмъ можемъ мы проявить при всѣхъ нашихъ доблестныхъ подвигахъ.

Причина, по которой капитанъ Майтландъ издаетъ свою книгу теперь, повидимому, есть не что иное, какъ нравственная потребность самоочищенія, которую чувствуетъ каждый честный человѣкъ, впутанный злою судьбой въ двусмысленное дѣло. Но сама книга—драгоценнѣйшее пріобрѣтеніе для исторіи плѣна Наполеона, которая образуетъ послѣдній актъ его жизни, чудесно разрѣшаетъ всѣ загадки актовъ предшествовавшихъ и — какъ должна поступать истинная трагедія — потрясаетъ, очищаетъ и умиротворяетъ душу. Различіе въ характерѣ четырехъ главныхъ писателей, рассказывающихъ намъ объ этомъ плѣнѣ, особенно поскольку оно проявляется въ стилѣ и способѣ возрѣнія, вполне уясняется только при сопоставленіи ихъ между собою.

Майтландъ, холодный, какъ буря, англійскій морякъ, записываетъ событія безпристрастно и опредѣлительно, точно они — явленія природы, которыя онъ заноситъ въ свой судовой журналъ; Ласъ-Казъ, энтузіастъ-камергеръ, въ каждой написанной имъ строкѣ лежитъ у ногъ императора не какъ русскій рабъ, а какъ свободный французъ, у котораго невольно склоняются колѣни благоговѣйнымъ изумленіемъ неслыханному геройскому величію и безпредѣльной славѣ;

О'Меара, врачъ, хотя и рожденный въ Ирландіи, но все-таки истый англичанинъ и, какъ таковой, прежде бывший врагомъ императора, а теперь признающій августѣйшія права несчастія, пишетъ свободно, безъ прикрасъ, фактически, почти лапидарнымъ стилемъ; напротивъ того, не стиль, а стилеть — острая, пронизывающая манера писанія французскаго врача Антомархи, итальянца, который совершенно обдуманно упоенъ скорбнымъ чувствомъ и поэзіей своей страны.

Оба народа—французы и англичане—представили, каждый со своей стороны, по два человѣка обыкновеннаго ума и неподкупленныхъ господствующею властью, и эти присяжные засѣдатели судили императора и приговорили его: вѣчно жить, вѣчно вызывать удивленіе, вѣчно быть предметомъ сожалѣнія.

Много уже великихъ людей прошло по этой землѣ, здѣсь и тамъ усматриваемъ мы блистающіе слѣды ихъ шаговъ, и въ священные часы они туманными образами встаютъ предъ нашею душою; но такой же великій человѣкъ видитъ своихъ предшественниковъ гораздо явственнѣе; по отдѣльнымъ искрамъ ихъ свѣтящихся земныхъ слѣдовъ онъ узнаетъ ихъ сокровеннѣйшія дѣйствія, одно оставленное ими слово открываетъ ему всѣ изгибы ихъ сердца, и такимъ образомъ живутъ въ таинственномъ общеніи великіе люди всѣхъ временъ, на разстояніи тысячелѣтій кланяются они другъ другу, и смотрятъ знаменательно другъ на друга, и взгляды ихъ встрѣтятся между собой на могилахъ отжившихъ поколѣній, которыя проталкивались между ними, и они понимаютъ и любятъ другъ друга. Но для насъ, маленькихъ, лишенныхъ возможности быть въ такихъ интимныхъ отношеніяхъ съ великими людьми прошедшаго, которыхъ только слѣды и туманныя формы изрѣдка становятся намъ видны—для насъ въ высшей степени дорого, когда мы о такой великой личности узнаемъ настолько много, что намъ становится легко воспринять ее въ нашу душу во всей ея ясной жизненности и черезъ это расширить нашу душу. Такая личность—Наполеонъ Бонапарте. О немъ, о его жизни и стремленіяхъ мы знаемъ больше, чѣмъ о другихъ великихъ людяхъ этой земли, и ежедневно узнаемъ еще все больше и больше. На нашихъ глазахъ медленно выкапывается изъ могилы засыпанный божественный образъ, и съ каждой лопатой глины, скидываемой съ него, растетъ наше радостное изумленіе пропорціональности и великолѣпію обнаруживающихся бла-

городныхъ формъ, и духовные громы враговъ, пытающихся разбить великое созданіе, служатъ только къ еще болѣе блистательному освѣщенію его. Именно это дѣйствіе производятъ замѣчанія мадамъ Сталь, которыя, однако, при всей ихъ рѣзкости сводятся только къ одному — что императоръ былъ совсѣмъ не такой человѣкъ, какъ другіе, и что его духъ нельзя измѣрять никакимъ существующимъ у насъ масштабомъ.

Это одинъ изъ тѣхъ духовъ, на которые указываетъ Кантъ, когда говоритъ, что мы можемъ себѣ представить разумъ, который, будучи не дискурсивнымъ, какъ нашъ, а интуитивнымъ, вслѣдствіе этого идетъ отъ синтетически-общаго, отъ созерцанія цѣлаго, какъ такового, къ особенному, т. е. отъ цѣлаго къ частямъ. Да, то, что мы познаемъ аналитическимъ размышленіемъ и длинными умозаключеніями — этотъ духъ усматривалъ и глубоко понималъ въ одно и то же мгновеніе. Тутъ источникъ его способности понимать свое время, потворствовать его духу, никогда не оскорблять его и всегда пользоваться имъ для своихъ цѣлей.

Но такъ какъ этотъ духъ времени не исключительно революціонный, а образовался слияніемъ обоихъ направленій — революціоннаго и консервативнаго, то Наполеонъ никогда не дѣйствовалъ вполне революціонно и никогда — вполне консервативно, а постоянно — въ духѣ обоихъ воззрѣній, обоихъ принциповъ, обоихъ стремленій, которые соединились въ немъ; и сообразно этому онъ поступалъ всегда естественно, просто, велико, ни въ какомъ случаѣ не судорожно рѣзко, постоянно съ спокойной кротостью. Оттого и не интриговалъ онъ никогда мелкими частностями, и удары его всегда исходили изъ его искусства понимать массы и руководить ими. Къ запутаннымъ, медленнымъ интригамъ склонны многіе аналитическіе умы; умы же синтетическіе, интуитивные, напротивъ того, умѣютъ съ удивительной геніальностью соединять между собой представляемые имъ настоящимъ временемъ средства такимъ образомъ, что быстро могутъ употреблять ихъ въ пользу для своихъ цѣлей. Первые очень часто терпятъ неудачи, потому что никакая человѣческая мудрость не можетъ предвидѣть всѣ случайности жизни и никакія человѣческія отношенія никогда не отличаются долговременною прочностью; напротивъ того, вторымъ — людямъ интуитивнымъ, ихъ планы удаются какъ нельзя лучше, ибо они нуждаются только въ правильномъ расчетѣ того, что даетъ имъ настоящее, и дѣйствуютъ такъ быстро,

что работа ихъ не можетъ потерпѣть никакого внезапнаго, непредвидѣннаго измѣненія отъ движенія житейскихъ волнъ.

Счастливо совпали обстоятельства въ томъ отношеніи, что Наполеонъ жилъ именно въ такое время, когда особенно развилось пониманіе исторіи, склонность къ изслѣдованію и литературному воспроизведенію ея хода. Вслѣдствіе этого, благодаря мемуарамъ современниковъ, у насъ останется неизвѣстнымъ о Наполеонѣ немного, и съ каждымъ днемъ увеличивается число историческихъ сочиненій, желающихъ изобразить намъ его болѣе или менѣе въ связи съ остальнымъ міромъ. Объявленіе о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ подобной книги, принадлежащей перу Вальтеръ-Скотта, возбуждало поэтому самое живое любопытство.

Всѣмъ почитателямъ Вальтеръ-Скотта слѣдуетъ трепетать за него, ибо такая книга можетъ легко сдѣлаться русскимъ походомъ для той славы, которую онъ съ трудомъ пріобрѣлъ собѣ рядомъ историческихъ романовъ, взволновавшихъ всѣ сердца Европы больше своею темой, чѣмъ поэтической силой. Но эта тема не есть только элегическое сѣтованіе о народномъ величій Шотландіи, мало-по-малу вытѣсненномъ чуждыми нравами, чуждымъ господствомъ и чуждымъ образомъ мыслей; нѣтъ, она—великая скорбь объ утратѣ національныхъ особенностей, теряющихся во всеобщности новой культуры, скорбь, судорожно шевелящаяся теперь въ сердцахъ всѣхъ народовъ. Ибо національныя воспоминанія лежатъ въ груди глубже, чѣмъ обыкновенно кажется. Рискиньте выкопать изъ земли старыя произведенія искусства—и въ одну ночь расцвѣтетъ вновь и старая любовь съ ея цвѣтами. Это—не фигуральный оборотъ рѣчи, это—фактъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Буллахъ въ Мексикѣ откопалъ древнеязыческую каменную статую и на другой день увидѣлъ, что она за ночь увѣнчалась цвѣтами; а между тѣмъ Испанія разрушила огнемъ и мечомъ старую вѣру мексиканцевъ и въ теченіе трехъ столѣтій сильно проходила сохою и плугомъ по мексиканскимъ умамъ и засѣвала ихъ христіанствомъ. Но такіе цвѣты цвѣтутъ и въ произведеніяхъ Вальтеръ-Скотта, сами произведенія эти будятъ старыя чувства, и какъ нѣкогда въ Гренадѣ мужчины и женщины съ воплями отчаянія выбѣгали изъ своихъ домовъ, когда на улицахъ раздавалась пѣсня о вѣздѣ мавританскаго короля, вслѣдствіе чего пѣть ее было запрещено подъ страхомъ смертной казни, такъ тонъ, господствующій во всѣхъ созданіяхъ Скотта, болѣзненно потрясъ весь міръ. Этотъ тонъ

снова звучитъ въ сердцахъ нашего дворянства, видящаго разрушеніе своихъ замковъ и гербовъ; звучитъ онъ въ сердцахъ бюргера, у котораго уютно-тѣсный стародавній бытъ вытѣсняется широкою, неизвѣстною жизнью новаго времени; звучитъ онъ въ католическихъ соборахъ, откуда бѣжала вѣра, и въ раввинскихъ синагогахъ, откуда бѣжали даже вѣрующіе, звучитъ по всей землѣ, до самыхъ банановыхъ лѣсовъ Индостана, гдѣ вздыхающій браминъ предвидитъ вымираніе своихъ боговъ, разрушеніе искони созданнаго ими міроваго порядка и полную побѣду англичанъ.

Этотъ тонъ, однако, могущественнѣйшій между всѣми, какіе умѣетъ шотландскій бардъ извлекать изъ своей исполинской арфы, не подходитъ къ императорской пѣснѣ о Наполеонѣ—новомъ человѣкѣ, человѣкѣ новаго времени, человѣкѣ, въ которомъ это новое время отражается такъ ярко, что мы почти ослѣплены имъ и подъ этимъ блескомъ даже и не думаемъ вспоминать объ отжившемъ прошедшемъ и его поблекшей славѣ. По всей вѣроятности Скоттъ, сообразно свойственной ему склонности, выдвинетъ главнымъ образомъ впередъ вышеупомянутый консервативный элементъ въ характерѣ Наполеона, контръ-революціонную сторону его духа, тогда какъ другіе писатели признаютъ въ немъ исключительно принципъ революціонный. Съ этой послѣдней стороны изобразилъ бы его Байронъ, который во всей сущности своихъ стремленій составлялъ полную противоположность Скотту и вмѣсто того, чтобы подобно ему скорбѣть о гибели старыхъ формъ, чувствовалъ себя досадливо стѣсненнымъ даже тѣми, которыя еще уцѣлѣли, пытался снести ихъ съ лица земли революціоннымъ смѣхомъ и зубоскальствомъ, въ этомъ негодованіи отравлялъ священнѣйшіе цвѣты жизни своимъ мелодическимъ ядомъ и точно помѣшанный арлекинъ вонзаль ножъ себѣ въ сердце, чтобы въ видѣ забавной шутки обрызгать хлынувшею оттуда черною кровью присутствующихъ на представленіи господъ и дамъ.

Но, право, въ эту минуту мнѣ очень живо чувствуется, что я не иду по стопамъ этого преступника Байрона, моя кровь не такъ сплинно-черна, моя горечь исходитъ только изъ орѣшекъ моихъ чернилъ и если есть во мнѣ ядъ, то на самомъ дѣлѣ онъ только противоядіе—противоядіе тѣмъ змѣямъ, которыя такъ угрожающе таятся въ развалинахъ старыхъ соборовъ и замковъ. Изъ всѣхъ великихъ писателей Байронъ именно тотъ, чтеніе котораго дѣйствуетъ на меня самымъ неприятно-болѣзненнымъ образомъ, между тѣмъ

какъ Скоттъ, напротивъ того, каждымъ изъ своихъ сочиненій радуеть, успокоиваетъ и укрѣпляетъ мое сердце. Мнѣ доставляетъ удовольствіе даже подражаніе ему, какое мы находимъ у Виллибальда Алексиса, Брониковскаго и Купера; изъ нихъ первый, въ своемъ пролическомъ «Валладморѣ», ближе всѣхъ къ своему образцу и кромѣ того въ одномъ изъ позднѣйшихъ сочиненій обнаружилъ столько богатства образовъ и идей, что, конечно, была бы въ состояніи съ поэтической самобытностью, которая пользуется только внѣшнею формою Скотта, провести передъ нашею душою драгоцѣннѣйшіе моменты нѣмецкой исторіи въ цѣломъ рядѣ историческихъ новеллъ.

Но никакому истинному генію нельзя предписывать опредѣленные пути, они лежатъ внѣ всякаго критическаго расчета, и поэтому пусть смотрять, какъ на безвредную игру мысли, на высказанное мною здѣсь предубѣжденіе противъ Вальтеръ-Скоттовой исторіи императора. Слово «предубѣжденіе» употреблено здѣсь въ самомъ обширномъ смыслѣ. Одно только можно сказать съ опредѣлительностью: книга будетъ читаться отъ восхода до захода, и мы, нѣмцы, переведемъ ее*).

Мы перевели и Сегюра. Не правда ли, это прекрасная эпическая поэма? Мы, нѣмцы, тоже пишемъ эпическія поэмы, но герои ихъ существуютъ только въ нашей головѣ. Напротивъ того, герои французскаго эпоса—дѣйствительные герои, свершившіе такіе великіе подвиги и вынесшіе такіа великія страданія, какихъ мы не въ состояніи придумать на своихъ чердакахъ. А вѣдь у насъ, однако, фантазіи въ волю, тогда

*) Предшествующія страницы были написаны въ 1826 г., а въ 1828 г. появилась «Исторія Наполеона Бонапарте», соч. Вальтеръ-Скотта, и я, къ великому моему прискорбію, увидѣлъ, что мое предсказаніе объ этой книгѣ исполнилось; за то же и потеряла она полное фіаско, и со времени этого печальнаго происшествія литературная звѣзда великаго незнакомца погасла. Чрезмѣрное количество работы, взваленной имъ на себя, чтобы удовлетворить требованіямъ своихъ кредиторовъ, подорвало здоровье Вальтеръ-Скотта; тѣмъ не менѣе онъ съ трудомъ написалъ еще нѣсколько скучныхъ, почти нечлѣныхъ романовъ—и скоро послѣ того умеръ. Въ то время, когда появилась его книга о Наполеонѣ, это богохульство въ двѣнадцати томахъ, я находился въ Мюнхенѣ, гдѣ редактировалъ ежемѣсячный журналъ «Politische Annalen», и для этого изданія написана была мною рецензія этой книги, которую я впоследствии, въ 1830 году, перепечаталъ въ 4 томѣ «Путевыхъ Картинъ» («Отрывки объ Англіи», V).

Примѣчаніе Гейне къ французскому изданію «Путевыхъ Картинъ».

какъ у французовъ ея мало. Можетъ-быть, поэтому Богъ и пришелъ на помощь французамъ инымъ способомъ: имъ стоитъ только вѣрно рассказывать, что они видѣли и дѣлали въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, и у нихъ составитя такая пережитая литература, какой еще не создали никакой народъ и никакое время. Эти мемуары государственныхъ людей, солдатъ и благородныхъ женщинъ, ежедневно появляющіеся во Франціи, образуютъ легендарный циклъ, который даетъ потомству достаточно матеріала для размышленія и пѣнія и гдѣ средоточіемъ возвысится, какъ исполнское дерево, жизнь великаго императора. Сегюрова исторія русскаго похода есть пѣсня, французская народная пѣсня, принадлежащая къ этому циклу и по своему тону и содержанію стоящая наравнѣ съ эпическими произведеніями всѣхъ временъ. Поколѣніе героевъ, которое вызвали на свѣтъ изъ вѣдръ французской земли магическія слова «свобода и равенство», проходитъ въ триумфальномъ шествіи, упоенное славою и предводительствуемое самимъ богомъ славы, по свѣту, приводитъ его въ ужасъ и озаряетъ своими лучами, въ заключеніе пускается въ бурную боевую пляску на ледяныхъ поляхъ сѣвера, но ледъ ломается, и сыны огня и свободы гибнутъ отъ холода и сыновъ неволи.

Подобное описаніе или пророческое предсказаніе гибели героическаго міра составляетъ основной тонъ и содержаніе эпическихъ произведеній всѣхъ народовъ. На утесахъ Эллары и другихъ индійскихъ священныхъ гротовъ такая эпическая катастрофа высѣчена исполнскими гіероглифами, ключъ къ которымъ находится въ Магабгарагѣ; сѣверъ выразилъ эту гибель боговъ въ неменѣе каменныхъ словахъ — въ своей Эддѣ; пѣснь о Нибелунгахъ воспѣваетъ такую же трагическую судьбу, а конецъ ея имѣетъ еще совершенно особенное сходство съ Сегюровымъ описаніемъ пожара Москвы; пѣснь Роланда о Ронсевальскомъ сраженіи, слова которой забыты, но само сказаніе не умерло и еще недавно магически вызвано на свѣтъ однимъ изъ величайшихъ поэтовъ нашего отечества, Иммерманомъ, есть тоже старая пѣснь бѣдствія; наконецъ, даже самая пѣснь объ Иліонѣ прекраснѣе всѣхъ освѣщаетъ старую тему, но все-таки не превосходитъ величавостью и болѣзненнымъ чувствомъ французскую народную пѣснь, въ которой Сегюръ воспѣлъ погибель своего героическаго міра. Да, это—истинный эпосъ, героическая молодежь Франціи—прекрасный герой, рано погибающій, какъ погибли уже прежде Балдуръ, Зигфридъ, Роландъ

и Ахиллесъ, тоже павшіе жертвой несчастья и измѣны; и тѣхъ героевъ, которымъ мы удивлялись въ «Иліадѣ», встрѣчаемъ мы снова въ пѣснѣ Сегюра, встрѣчаемъ ихъ совѣтующимися между собою, ссорящимися и воюющими, какъ было нѣкогда передъ скайскими воротами; если куртка короля неаполитанскаго и представляется слишкомъ современно-пестрою. то боевой отвагой и энергіей онъ нисколько не уступаетъ Пелиду; Гекторомъ по кротости и храбрости выступаетъ предъ нами принцъ Евгенийъ, благородный рыцарь; Ней сражается, какъ Аяксъ, Бертье — Несторъ безъ мудрости, въ Даву, Дарю, Колинкурѣ и т. д. живутъ души Менелая, Одиссея, Диомеда... только самъ императоръ не находитъ себѣ равнаго, въ его головѣ Олимпъ поэмы, и если я по царственной внѣшности сравню его съ Агамемнономъ, то это потому, что ему точно такъ же, какъ и большей части доблестныхъ его соратниковъ, предстояла трагическая участь и что его Орестъ еще живъ.

Подобно произведеніямъ Скотта, въ эпосѣ Сегюра проходить тонъ, обаятельно дѣйствующій на наше сердце. Но онъ не пробуждаетъ любви къ давно минувшимъ днямъ былого; это тонъ, въ которомъ громче всего звучитъ настоящее, тонъ, воодушевляющій насъ сочувствіемъ именно къ этому настоящему.

Мы, нѣмцы, вѣдь настоящіе Петры Шлемили! Намъ тоже въ послѣднее время привелось много видѣть, много перенести, напр., воинскій постой и дворянскую сиѣсь; и мы тоже отдавали нашу благороднѣйшую кровь, напимѣръ, Англій, которая до сихъ поръ еще уплачиваетъ ежегодно порядочную сумму за отстрѣленные нѣмецкія руки и ноги ихъ прежнимъ владѣльцамъ; и мы тоже маленькими долями сдѣлали столько великаго, что если бы эти доли сложить вмѣстѣ, вышли бы величайшіе подвиги, напр., въ Тироли; и у насъ тоже пропало многое, напр., наша тѣнь, титулъ милой священной римской имперіи... А между тѣмъ, при всѣхъ этихъ утратахъ, жертвахъ, лишеніяхъ, бѣдствіяхъ и великихъ подвигахъ наша литература не создала ни одного такого памятника славы, какіе ежедневно возводятся у нашихъ сосѣдей, подобно вѣчнымъ трофеямъ. Нашимъ лейпцигскимъ книжнымъ ярмаркамъ мало приносила пользы лейпцигская битва. Слышу я, что одинъ гражданинъ Готы намѣревается восиѣть ее въ эпической формѣ; но такъ какъ ему еще неизвѣстно, къ какимъ душамъ онъ принадлежитъ, къ тѣмъ ли 100 т., что достанутся Гильдбургаузену, или

тѣмъ 150 т., что достанутся Мейнингену, или тѣмъ 160 т., что получить Альтенбургъ, то и не можетъ онъ приступить къ своему эпосу, такъ какъ пришлось бы ему начать словами: «Воспой, бессмертная душа, гильдбургаузенская душа, мейнингенская душа,—или, пожалуй, альтенбургская душа,— все равно,—воспой грѣшной Германіи искупленіе!» Это торгашество, избравшее себѣ мѣстомъ сердце нашей родины, и ея кровавая раздробленность подавляютъ всякое гордое чувство, а еще болѣе всякое гордое слово, прекраснѣйшіе подвиги наши становятся смѣшными отъ ихъ глупыхъ послѣдствій, и въ то самое время, когда мы сердито укутываемся въ пурпурный плащъ нѣмецкой геройской крови, является какой-нибудь политическій шутникъ и надѣваетъ намъ на голову колпакъ съ погремушками.

Именно для того, чтобы понять екудость и ничтожество нашей пустячной жизни, нужно сравнить литературы нашихъ сосѣдей по ту сторону Рейна и канала съ нашей пустячной литературой. Часто, прочтя «Morning-Chronicle» и находя въ каждой строкѣ его англійскій народъ съ его національностью, его конскими скачками, боксомъ, пѣтушиными боями, судомъ присяжныхъ, парламентскими преніями и т. п., я съ печальнымъ сердцемъ беру въ руки нѣмецкую газету, и отыскиваю тамъ моменты народной жизни и не нахожу ничего, кромѣ литературной бабской болтовни и театральныхъ сплетенъ.

Но ничего иного и ожидать нельзя. Когда въ народѣ подавлена всякая общественная жизнь, онъ все-таки ищетъ предметовъ для общаго обсужденія, и тутъ къ услугамъ его въ Германіи являются писатели и комедьянты. Въмѣсто конскихъ скачекъ у насъ есть книжная скачка на лейпцигскую ярмарку. Въмѣсто боксовъ мы имѣемъ мистиковъ и рационалистовъ, которые колотятъ другъ друга въ своихъ памфлетахъ до тѣхъ поръ, пока первые начнутъ признавать разумъ, а вторые потеряютъ способность слуха и зрѣнія и выустятъ въ свои умы вѣру. Въмѣсто пѣтушнихъ боевъ есть у насъ газеты, гдѣ горемыки, которыхъ за то кормятъ, начкаютъ другъ у друга доброе имя, въ то время, какъ филистеръ радостно восклицаетъ: «Смотри, это главный пѣтухъ! Вотъ у того оторвали гребешокъ! А у этого какой острый клювъ! Этому молодому пѣтушку слѣдуетъ сперва поупражнять въ писаніи свои перья, надо его пришпорить» и т. д. Въ такомъ же родѣ обладаемъ мы и судомъ присяжныхъ, и это—клякшаширныя саксонскія литературныя газеты, гдѣ

каждый дуракъ судится себѣ равными по законамъ литературнаго уголовного права, которое держится теоріи устрашенія и всякую книгу наказываетъ, какъ преступленіе. Если у автора ея окажется нѣсколько ума, степень преступленія увеличивается. Если же онъ можетъ доказать *alibi* ума, то наказаніе смягчается. Конечно, при этомъ литературномъ уголовномъ судопроизводствѣ огромнымъ недостаткомъ является и то, что судейскому усмотрѣнію предоставленъ такой просторъ, тѣмъ болѣе, что наши книжные судьи, совершенно, какъ Фальстафъ, не обязаны представлять основанія своихъ рѣшеній, а иногда даже они сами тайные грѣшники, и предвидятъ, что завтра будутъ судимы тѣми же, надъ которыми сегодня произнесли приговоръ. Молодость по нашему литературному уголовному кодексу—значительно смягчающее обстоятельство, и не одного стараго писателя присуждаютъ къ легкому наказанію въ силу того, что признають его за ребенка. Даже добытое въ послѣднее время опытомъ открытіе, что молодыми людьми, въ пору развитія ихъ физической зрѣлости, овладѣваетъ болѣзненная страсть къ подлогамъ, тоже оказало вліяніе на эстетику, и вслѣдствіе этого стали снисходительнѣе судить разныя огненные трагедіи, напр., трагедію того пламеннаго юноши, который—шутка сказать!—поджегъ царскій дворецъ въ Персеполисѣ. Имѣемъ мы—чтобъ продолжать сравненія—въ нѣкоторой степени парламентскія пренія, и тутъ я имѣю въ виду наши театральныя рецензіи; да и самъ нашъ театръ можно основательно назвать нижнею палатою, благодаря многому низменному, въ немъ процвѣтающему, благодаря кучамъ французскаго дерьма, которое наша публика поѣдаетъ совершенно спокойно, даже если ей въ тотъ же самый вечеръ дали комедію Раупаха—подобно мухѣ, которая, будучи согнана съ горшка съ медомъ, тотчасъ же садится на скверность и съ наилучшимъ аппетитомъ заканчиваетъ ею свою трапезу. Тутъ я намекаю главнымъ образомъ на «Обращенныхъ» Раупаха, которыхъ видѣлъ я прошедшею зимою въ Гамбургѣ, въ исполненіи превосходнѣйшихъ актеровъ, имѣвшихъ точно такой же большой усиѣхъ, какъ «Проказы школьниковъ», раздушенное дрянцо, данное въ заключеніе того же спектакля. На нашемъ театрѣ, однако, процвѣтаетъ не только навозъ, но и ядъ. Дѣйствительно, когда я слышу, какъ въ нашихъ комедіяхъ священнѣйшіе обычаи и чувства выводятся такимъ безнравственнымъ тономъ и съ такою легкомысленною увѣренностью, что, въ концѣ-концовъ, самъ

привыкаешь смотрѣть на нихъ, какъ на лишеныя всякаго значенія вещи, когда слышу я всѣ эти лакейскія объясненія въ любви, сентиментальныя дружескія союзы съ цѣлью совмѣстнаго надувательства, веселые планы обманыванія родителей или супруговъ, и всяческія другіе стереотипныя мотивы комедіи—ахъ, тогда овладѣваетъ мною внутренній ужасъ и безпредѣльная скорбь, и съ боязливой печалью смотрю я на бѣдныя, невинныя ангельскія головки, которымъ, конечно не безъ успѣха, преподносятся въ театрѣ подобныя вещи.

Жалобныя вздохи объ упадкѣ и искренности нѣмецкой комедіи, вылетающіе изъ честныхъ сердець, критическое рвеніе Тика и Циммермана, которымъ очищеніе нашего театра стоитъ больше труда, чѣмъ Геркулесу—работа въ конюшняхъ Авгія, потому что наши театральныя конюшни приходится очищать въ то время, когда быки еще находятся тамъ, стремленія высокодаровитыхъ людей основать романтическую комедію, превосходнѣйшая и въ высшей степени мѣткая сатира, какова, напр., «Райская птица», Роберта—ничто не помогаетъ; вздохи, совѣты, попытки, удары бича—все это шевелитъ только воздухъ, и каждое слово, на этотъ счетъ произносимое, дѣйствительно произносится на вѣтеръ.

Наша верхняя палата—трагедія, выказывается въ болѣе благоприятномъ свѣтѣ—именно относительно кулисъ, декораций и костюмовъ. Но и тутъ имѣется своя цѣль. Въ римскомъ театрѣ слоны плясали на канатѣ и высоко прыгали; дальше, однако, человѣкъ въ придумываніи штукъ пойти не могъ, и римская имперія погибла, а при этомъ случаѣ погнѣбъ и римскій театръ. На нашихъ сценахъ трагедіи также не терпятъ недостатка въ пляскахъ и прыжкахъ, но и то и другое исполняется здѣсь самими молодыми драматургами, и такъ какъ бывали случаи, что женщины вслѣдствіе большихъ прыжковъ внезапно превращались въ мужчинъ, то и женщина-поэтикъ поступаетъ въ самомъ дѣлѣ хитро, когда своими хромыми ямбами пытается дѣлать большіе александрійскіе прыжки.

Впослѣдствіи я распространю подробнѣе на эту тему—литературную нищету Германіи...

II. ИДЕИ.

КНИГА ЛЕ-ГРАНЪ.

(1826 г.).

Das geschleht der Orindur,
Unsres Thrones feste Säule,
Soll bestehn, ob die Natur
Auch damit zu Ende eile.

Müller.

ЭВЕЛИНЪ

посвящаетъ эти страницы въ знакъ дружбы
и любви
Авторъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Она была достойна любви, и онъ любилъ
ее: но онъ не былъ достоинъ любви, и она
не любила его.

(Старая пьеса).

Сударыня, знаете ли вы старую пьесу? Это удивительная пьеса, только слишкомъ меланхолическая. Я игралъ въ ней однажды главную роль, и всѣ дамы плакали; не плакала только одна, ни одной слезинки не выронила она, и въ этомъ-то именно заключалась соль пьесы, главная катастрофа.

О, эта единственная слезинка! Она до сихъ поръ еще мучительно стоитъ въ головѣ моей; когда сатана хочетъ погубить мою душу, онъ нашептываетъ мнѣ въ ухо пѣсню объ этой невыплаканной слезинкѣ, роковую пѣсню съ еще болѣе роковою мелодіей... ахъ, только въ аду можно слышать такія мелодіи!

Какъ живутъ въ елисейскихъ поляхъ—объ этомъ вы мо-

жете составить себѣ ясное понятіе уже потому, что вы заужемъ. Тамъ проводятъ время совсѣмъ великолѣпно, тамъ всевозможныя развлеченія, тамъ живетъ среди безпредѣльныхъ радостей и удовольствій... Съ утра до вечера кушаютъ, и кухня не хуже, чѣмъ въ ресторанѣ Ягора, жареные гуси летаютъ всюду, держа въ клювъ чашечки съ соусомъ, и чувствуютъ себя польщенными, когда ихъ поѣдаютъ, блестящіе отъ масла сладкіе пирожки растутъ на свободѣ, точно подсолнечники, вездѣ протекаютъ ручьи съ бульономъ и шампанскимъ, вездѣ деревья, на которыхъ развѣваются салфетки, и всѣ кушаютъ, и вытираютъ ротъ, и снова кушаютъ, не разстраивая себѣ желудка, и поютъ набожныя пѣсни, или шутятъ и забавляются съ милыми, нѣжными духами, или гуляютъ по зеленымъ полямъ, и въ широкихъ бѣлыхъ одеждахъ такъ привольно и хорошо, и ничто не нарушаетъ чувства блаженства; никакой боли, никакихъ неудобствъ, до того даже, что когда кто-нибудь случайно наступитъ другому на мозоль и скажетъ «excusez!», то этотъ другой улыбается неземною улыбкой и увѣряетъ: «отъ твоего натиска, братъ мой, совсѣмъ небожно — au contraire, мое сердце наполняется вслѣдствіе его еще болѣе сладостнымъ небеснымъ блаженствомъ».

Но за то, сударыня, объ адѣ вы рѣшительно не имѣете понятія. Изъ всѣхъ чертей вы знаете, можетъ-быть, самаго маленькаго—Вельзевульчика Амура, милаго крупье ада, а самый адъ вы только и видали, что въ оперѣ «Донъ-Жуанъ». Но для этого обманщика женщинъ, подающаго такой скверный примѣръ, адъ—конечно всегда кажется вамъ недостаточно жаркимъ, несмотря на то, что наши почтеннѣйшія театральныя дирекціи употребляютъ на изображеніе его столько огней, огненныхъ дождей, пороху и колофоніума, сколько можетъ пожелать для настоящаго ада истинный христіанинъ.

Но, между тѣмъ, въ аду дѣло ведется гораздо хуже, чѣмъ думаютъ наши директора театровъ (иначе, они не позволяли бы давать столько скверныхъ пьесъ). Въ аду просто адская жара, и когда я однажды, въ канікулярную пору, зашелъ туда, то едва могъ выдержать. Вы, сударыня, рѣшительно не имѣете понятія объ адѣ. Мы получаемъ оттуда мало официальныхъ извѣстій. Что бѣдныя души должны слушать тамъ цѣлый день скверныя проповѣди — это клевета. До этого адское мученіе еще не дошло, такихъ утонченныхъ мукъ никогда не придумаетъ Сатана. Напротивъ

того, описаніе Данте немного умѣренно и въ цѣломъ черезчуръ поэтично. На мои глаза адъ представился огромною мѣщанскою кухнею съ безконечно длинною печью, на которой стояли три ряда желѣзныхъ горшковъ, а въ нихъ сидѣли и жарились грѣшники. Въ первомъ ряду сидѣли грѣшники изъ христіанъ, и представьте себѣ—число ихъ было совсѣмъ не мало, и черти раздували подъ ними огонь съ особеннымъ рвеніемъ. Во второмъ ряду сидѣли евреи, которые постоянно кричали и которыхъ черти по временамъ поддразнивали, и выходило очень смѣшно, когда, на примѣръ, одинъ толстый ростовщикъ жаловался на черезчуръ сильную жару, а одинъ чертенокъ вылилъ ему на голову нѣсколько ведеръ воды, чтобы показать, что употребляемое въ нѣкоторомъ случаѣ обливаніе водой дѣйствуетъ весьма благотворно освѣжающимъ образомъ. Въ третьемъ ряду мучились язычники, которые, какъ и евреи, не могутъ принять участія въ небесномъ блаженствѣ и должны вѣчно жариться. Я слышалъ, какъ одинъ изъ нихъ, въ ту минуту, какъ дюжій чортъ подкладывалъ подъ него новые уголья, завопилъ изъ своего горшка: «Умилосердуйся надо мною! Я былъ Сократъ, мудрѣйшій изъ смертныхъ; я училъ истинѣ и справедливости и пожертвовалъ жизнью за добродѣтель». Но дюжій, глупый чортъ не переставалъ работать и только проворчалъ: «Толкуй тамъ! всѣ язычники должны жариться, и намъ для кого-нибудь одного нельзя дѣлать исключенія».—Могу васъ увѣрить, сударыня, что жара была страшная, а съ нею крики, вздохи, стоны, скрежетъ, вой—и среди всего этого ужаснаго шума явственно звучалъ роковой напѣвъ пѣсни о невыплаканной слезѣ...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сударыня! Старая пьеса—трагедія, несмотря на то, что героя ея никто не убиваетъ, самъ онъ не убиваетъ себя. Глаза героини прекрасны, удивительно прекрасны—сударыня, не слышите ли вы запаха фіалки?—удивительно прекрасны и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ остро выточены, что проникли въ сердце мое, какъ стеклянные кинжалы и, вѣроятно, пронзали мое тѣло насквозь—но я не умеръ отъ этихъ коварно-убійственныхъ глазъ. Голосъ героини тоже прекрасенъ—сударыня, не правда ли, только что пропѣлъ соловей?—это чудный, шелковый голосъ, это—восхитительное сплетеніе лучезарнѣйшихъ звуковъ, и сердце мое за-

путалось въ нихъ, и сдавалось, и мучилось... Я самъ (это говоритъ теперь графъ Гангесскій, и дѣйствіе происходитъ въ Венеціи), я самъ усталъ отъ этихъ мученій и хотѣлъ уже въ первомъ дѣйствіи положить конецъ пьесѣ и сорвать выстрѣломъ голову мою вмѣстѣ съ дурацкимъ колпакомъ... И пошелъ я въ галантерейную лавку на улицѣ Via Bursta, гдѣ нашель пару отличныхъ пистолетовъ въ ящикѣ; я помню до сихъ поръ очень хорошо, что подлѣ нихъ стояло много веселыхъ игрушекъ изъ перламутра и золота, желѣзныхъ сердецъ на золотыхъ цѣпочкахъ, фарфоровыхъ чашечекъ съ нѣжными девизами, табакерокъ съ красивыми картиннами, каковы, напр., чудесная исторія Сусанны, лебединая пѣснь Леды, похищеніе сабинянокъ, Лукреція, толстая добродѣтель съ обнаженною грудью, въ которую она вонзаетъ кинжалъ, покойная Бетманъ, la belle ferrière— все такія заманчивыя лица; но я все-таки купилъ пистолеты безъ всякаго торгу, купилъ потомъ пуль, пороху, отправился въ таверну и тамъ велѣлъ подать себѣ устрицъ и стаканъ рейнвейну.

Ѣсть я не могъ, а пить тѣмъ менѣе. Горячія капли капали въ стаканъ, и въ стаканѣ увидѣлъ я милую отчизну, голубой, священный Гангесъ, вѣчно сверкающій Гималай, исполинскіе банановые лѣса, въ широкихъ вѣтвистыхъ аллеяхъ котораго спокойно прохаживались умные слоны и бѣлые пилигримы, странно-мечтательные цвѣты глядѣли на меня съ тайнымъ состраданіемъ, золотыя, сказочныя птицы дико ликовали, сверкающіе лучи солнца и мило-дурацкіе голоса смѣющихся обезьянъ поддразнивали меня, изъ отдаленныхъ капищъ неслись молитвы набожныхъ жрецовъ, и среди всего этого звучалъ жалобный, изнывающій голосъ дѣйской султанши... Она порывисто бѣгала по коврамъ своего покоя, раздирала свой серебряный покровъ, опрокидывала на полъ черную рабу съ опахаломъ, плакала, кричала, неистовствовала... Но я не могъ понять ее: таверна, гдѣ я сидѣлъ, отстоитъ на три тысячи миль отъ дѣйскаго гарема, да къ тому же и прекрасная султанша уже три тысячи лѣтъ какъ умерла... И я пилъ, не останавливаясь, вино, это свѣтлое, радушное вино, но въ душѣ моей становилось все мрачнѣе и печальнѣе... Я былъ осужденъ на смерть

Когда я снова вышелъ на улицу, то услышалъ колокольный звонъ, толпа мчалась мимо; но я остановился

на углу улицы Санъ-Джіовани и произнесъ слѣдующій монологъ:

Въ старинныхъ сказкахъ есть и замки золотые,
И звуки арфы въ нихъ, и пляски юныхъ дѣвъ,
И яркій блескъ ливрей, и всюду милый запахъ,
Жасмина, миртъ и розъ... Но слово пусть одно,
Одно лишь скажется, сымающее чары—
И распадется въ прахъ мгновенно этотъ блескъ,
И старыя развалины въ болотахъ
Останутся на мѣстѣ томъ, а въ нихъ
Закараютъ однѣ ночныя птицы...
Вотъ такъ и я, своимъ единымъ словомъ,
Снялъ чары всѣ съ природы молодой...
Лежитъ она безжизненна, недвижна,
И холодна—лежитъ, какъ пышный трупъ,
Разряженный, раскрашенный красиво...
Но на устахъ ни жизни нѣтъ, ни краски,
И по носу гуляетъ рой мышей,
И тѣшится надъ позлащеннымъ платьемъ...

Вообще принято, сударыня, произносить монологи, передъ тѣмъ, какъ стрѣляться. Большая часть людей прибѣгаетъ при этомъ случаѣ къ Гамлетовскому: «быть или не быть?» Это очень хорошій монологъ, и я бы охотно произнесъ его; но своя рубаника ближе къ тѣлу, и тому, кто самъ писалъ трагедіи, въ которыхъ тоже есть прощальные монологи, какова, на примѣръ, безсмертный «Алманзоръ», очень натурально отдавать предпочтеніе своимъ собственнымъ словамъ даже передъ Шекспировскими. Во всякомъ случаѣ, подобные монологи очень полезная вещь, потому что черезъ нихъ выигрывается, по крайней мѣрѣ, время. Отъ этого именно случилось и теперь, что я довольно долго простоялъ на углу улицы Санъ-Джіовани—и, стоя тутъ, какъ человѣкъ обреченный на смерть, вдругъ увидѣлъ ее!

Она была въ своемъ шелковомъ голубомъ платьѣ и розово-красной шляпкѣ, и смотрѣла на меня такимъ кроткимъ, смерть покоряющимъ, жизнь дарующимъ взглядомъ! Сударыня, вы конечно знаете изъ римской исторіи, что когда древнія весталки встрѣчали на своемъ пути преступника, ведомаго на казнь, то имѣли право освободить его, и бѣднякъ оставался въ живыхъ. Однимъ взглядомъ своимъ она спасла меня отъ смерти, и я стоялъ передъ нею, какъ исполненный новой жизни, какъ ослѣпленный солнечнымъ

сіяніемъ ея красоты, а она прошла мимо—и оставила меня въ живыхъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

И оставила меня въ живыхъ, и я живу, а это самое главное.

Пусть другіе утѣшаются надеждой, что возлюбленная увѣнчаетъ гробницу ихъ цвѣтами и ороситъ прахъ слезами вѣрности... О, женщины! ненавидьте меня, смѣйтесь надо мною, обманывайте—но не отнимайте у меня жизни! Жизнь слишкомъ сладостна, и въ мірѣ все такъ восхитительно перепутано, этотъ міръ—грѣза упившагося языческаго бога, который ускользнулъ *à la française* изъ пирующаго собранія боговъ, и улегся спать на одинокой звѣздѣ, и самъ не знаетъ, что все то, о чемъ онъ грезитъ во снѣ, также и создается имъ—и сновидѣнія его часто принимаютъ пестрые, безумные образы, а часто и сливаются въ разумную гармонию... Илиада, Платонъ, Мараѳонская битва, Моисей, медицейская Венера, страсбургскій соборъ, французская революція, Гегель, пароходы и т. п. — все это хорошія отдѣльныя мысли въ этомъ творящемъ сновидѣніи бога... Но это не долго продолжается, богъ просыпается, и протираетъ глаза, и улыбается—и нашъ міръ расплылся въ ничто, онъ никогда не существовалъ.

Но все равно, я живу! Будь я даже эта тѣнь, являющаяся въ сновидѣніи—все-таки это лучше, чѣмъ холодное, черное, пустое небытіе смерти. Жизнь есть высшее изъ благъ, смерть — ужаснѣйшее изъ золъ. Пусть берлинскіе гвардейскіе офицеры насмѣшливо называютъ трусливымъ малодушіемъ испугъ, который ощущаетъ принцъ гомбургскій при видѣ своего открытаго гроба—у Генриха Клейста было тѣмъ не менѣе столько же мужества, сколько у его высокогрудыхъ, туго зашнурованныхъ коллегъ—и онъ, къ сожалѣнію, доказалъ это на дѣлѣ. Но всѣ сильные люди любятъ жизнь. Эгмонтъ Гете неохотно разстается съ «милою привычкою къ существованію и дѣятельности». Эдвинъ Иммермана держится за жизнь, какъ «дита за грудь матери», и хоть тяжело ему существовать по милости другого, онъ все-таки проситъ помилованія:

«Затѣмъ, что жить, дышать—есть высшее изъ благъ».

Когда Одиссей видитъ въ аду Ахиллеса во главѣ пад-

шихъ героевъ и восхваляетъ его славу не только между живыми, но и между мертвыми, то Ахиллесъ отвѣчаетъ ему:

«Нѣтъ, Одиссей благородный, напрасно со мною о смерти Ты говоришь, утѣшая меня; я готовъ бы скорѣе Въ полѣ работать, какъ бѣдный поденщикъ, и быть человѣкомъ, Въсѣ лишеннымъ довольства, наслѣдства отъ предковъ лишеннымъ Чѣмъ повелителемъ цѣлаго сонма исчезнувшихъ мертвыхъ».

... Слава Богу! я живу! Въ жилахъ моихъ кипитъ красная жизнь, подъ ногами моими дрожитъ земля, въ упоеніи любви обнимаю я деревья и мраморныя статуи, и тѣ и другія оживаютъ въ моихъ объятіяхъ. Каждая женщина—цѣлый міръ, подаренный мнѣ; я расплываюсь въ мелодіяхъ лица ея, и черезъ каждый взглядъ своего глаза получаю больше наслажденія, чѣмъ другіе, со всѣми своими членами, въ продолженіе всей своей жизни. Каждая минута для меня вѣдь безконечность; я не мѣряю времени брабантскимъ или гамбургскимъ маленькимъ аршиномъ, и мнѣ не нужны никакія обѣщанія второй жизни, потому что уже въ здѣшней жизни могу я пережить много, живя назадъ жизнью предковъ и завоевывая себѣ вѣчность въ царствѣ прошедшаго.

И я живу! Біеніе великаго пульса природы отдается и въ моей груди, и когда я ликую, тысяча голосовъ вторитъ мнѣ. Я слышу пѣсни тысячи соловьевъ. Весна послала ихъ сюда, чтобы пробудить землю отъ ея утренняго сна, и земля вздрагиваетъ отъ наслажденія; ея цвѣты—гимны, которые она въ своемъ вдохновеніи поетъ навстрѣчу солнцу... А солнце движется слишкомъ медленно; мнѣ бы хотѣлось стегнуть огненныхъ коней его, чтобы они мчались шибче... Но когда оно, шипя, опускается въ море, и встаетъ великая ночь со своими большими, полными сладострастныхъ желаній, глазами—о, тутъ только охватываетъ меня истинное блаженство, вечерній воздухъ ложится на бурноволнующееся сердце мое, словно ласкающаяся дѣвушка, и звѣзды киваютъ съ неба, и я поднимаюсь, и лечу высоко надъ маленькою землею и маленькими мыслями человѣческими!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Но когда-нибудь настанетъ день — и пламень потухнетъ въ моихъ жилахъ, въ груди моей поселится зима, бѣлыя клочья ея скудно прикроютъ мою голову и туманъ ея омрачитъ взоръ мой. Друзья мои будутъ лежать въ полусгнившихъ гробахъ, и останусь я одинъ, какъ одинокій колосъ

забытый жнецомъ, среди новаго поколѣнія, которое расцвѣтетъ вокругъ меня, съ новыми желаніями и новыми мыслями, съ глубокимъ изумленіемъ буду я слышать новыя имена и новыя пѣсни, забудутся имена старыя и забудусь я самъ, чтимый, можетъ-быть, немногими, ненавидимый многими, нелюбимый никѣмъ! И подбѣгутъ ко мнѣ юноши съ розовыми щеками, и положить въ дрожащія руки мои старую арфу и, смѣясь, скажутъ мнѣ: «Долго ты молчалъ, ты, лѣнивая сѣдая голова, спой-ка намъ снова пѣсни о грѣзахъ своей юности».

Тогда схвачу я арфу, и проснутся старыя радости и скорби, разсѣется туманъ, слезы снова зацвѣтутъ въ мертвыхъ глазахъ моихъ, снова воскреснетъ весна въ груди моей, сладкіе звуки грусти задрожать на струнахъ арфы, снова увижу я синюю рѣку, и мраморные дворцы, и прекрасныя лица женъ и дѣвъ — и спую пѣсню про цвѣты Brentы.

То будетъ послѣдняя пѣсня моя, звѣзды будутъ глядѣть на меня, какъ въ ночи моей юности, влюбленный мѣсяць снова станетъ цѣловать щеки мои, призрачныя хоры умершихъ соловьевъ зазвучать издалека, глаза мои сомкнутся въ опьяненіи, душа моя замолкнетъ, какъ струны моей арфы, въ воздухѣ разносится благоуханіе цвѣтовъ Brentы.

Дерево осѣнитъ мою гробницу. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы это была пальма, да ей не растется на сѣверѣ. Вѣрно, то будетъ липа, и подъ нею въ лѣтній вечеръ будутъ сидѣть и шептаться влюбленные; чижикъ, качаясь надъ ними на вѣткѣ и прислушиваясь, смолкъ, и моя липа привѣтно шелеститъ надъ головами счастливецъ, которые такъ счастливы, что не имѣютъ времени прочесть, что написано на бѣломъ гробовомъ камнѣ. Но когда потомъ влюбленный потеряетъ свою милую, тогда снова придетъ онъ къ знакомой липѣ, и станетъ стонать и плакать, и долго и часто будетъ смотрѣть на гробовой камень и прочтетъ на немъ надпись: «Онъ любилъ цвѣты Brentы».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сударыня! я обманулъ васъ. Я не графъ Гангесскій. Никогда въ жизни не видѣлъ я священной рѣки, никогда не видѣлъ цвѣтовъ лотоса, глядящихся въ его святыя волны. Никогда не лежалъ я въ грѣзахъ подъ индійскими пальмами, никогда не преклонялся съ молитвою передъ ягер-наутскимъ брилліантовымъ идоломъ, отъ котораго, однако, я

легко бы получил облегчение и помощь. Я точно так же былъ въ Калькуттѣ, какъ калькутское жаркое, которое мнѣ подавали вчера за обѣдомъ. Но я веду свой родъ изъ Индостана, и оттого-то мнѣ такъ привольно въ широкихъ лѣсахъ Валмикіевыхъ, героическія страданія божественнаго Рамы шевелятъ мое сердце, какъ знакомая тоска, изъ цвѣточныхъ пѣсней Калидаса расцвѣтають для меня самыя сладостныя воспоминанія, и когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна почтенная дама показывала мнѣ прекрасныя картины, привезенныя изъ Индіи ея отцомъ, бывшимъ тамъ долгое время губернаторомъ, то эти нѣжно нарисованныя, священно спокойныя лица показались мнѣ такими знакомыми, и на душѣ у меня стало такъ, какъ будто я разсматривалъ галерею своихъ собственныхъ фамильныхъ портретовъ.

Францъ Бопль—сударыня, вы конечно читали его «Надусъ» и его систему санскритскихъ спряженій — сообщилъ мнѣ много свѣдѣній о моихъ предкахъ и теперь мнѣ достоверно извѣстно, что я произошелъ изъ головы Брамы, а не изъ его мозолей; я даже думаю, что вся «Махабарата» со своими 200.000 стиховъ — не что иное, какъ аллегорическое любовное письмо, которое мой прапрадѣдъ писалъ моей прапрабабушкѣ... О, они страстно любили другъ друга, души ихъ сливались въ поцѣлуяхъ, они цѣловались глазами, они оба составляли одинъ поцѣлуй...

Заколдованный соловей сидитъ на одномъ изъ красныхъ коралловыхъ деревьевъ среди безмолвнаго океана, и поетъ пѣсню о любви моихъ предковъ; жемчуги съ любопытствомъ выглядываютъ изъ своихъ раковинъ, удивительные водяные цвѣты вздрагиваютъ отъ тоски, умныя морскія улитки, неся на спинѣ свои пестрыя фарфоровыя башенки, выползаютъ наружу, морскія розы покрываются румянцемъ стыдливости, желтыя, остроконечныя морскія звѣзды и тысящевѣтныя стеклянные головастики движутся и вытягиваются, и все суетится и слушаетъ...

Но, сударыня, эта соловьиная пѣснь слишкомъ велика для того, чтобы ее можно было привести здѣсь; она велика, какъ вселенная, уже одно посвященіе Анангасу, богу любви, не короче всѣхъ романовъ Вальтеръ-Скотта вмѣстѣ, и къ нему относится одно мѣсто изъ Аристофана, слѣдующимъ образомъ переведенное на нѣмецкій языкъ Фоссомъ:

Tiotio, tiotio, tiotinx,
Totototo, totototo, tototinx.

Нѣтъ, я не родился въ Индіи! Свѣтъ Божій увидѣлъ!

па берегахъ той прекрасной рѣки, гдѣ на зеленыхъ горахъ растеть безуміе, которое осенью срываютъ, выдавливаютъ, наливаютъ въ бочки и посылаютъ за границу. Увѣрю васъ, что вчера кто-то сказалъ при мнѣ глупость, сидѣвшую еще въ 1811 году въ одной виноградинѣ, которая въ то время росла на Иоганисбергѣ, гдѣ я самъ ее видѣлъ. Много, впрочемъ, этого безумія потребляется и самими туземцами, и здѣсь люди такіе же, какъ и въ другихъ мѣстахъ: они рождаются, ѣдятъ, пьютъ, спятъ, смѣются, плачутъ, злословятъ, дѣятельно хлопочутъ о распространеніи своей породы, стараются казаться не тѣмъ, что они есть, и дѣлать то, чего не могутъ сдѣлать, не брѣются до тѣхъ поръ, пока не вырастетъ у нихъ борода, и часто получаютъ бороду прежде разсудка, а когда получаютъ разсудокъ, то снова упиваются бѣлымъ и краснымъ безуміемъ.

Mon Dieu! Если бъ я имѣлъ вѣру, способную сдвигать горы съ мѣстъ своихъ, то Иоганисбергъ была бы именно гора, которую я заставилъ бы всегда слѣдовать за собою. Но такъ какъ у меня нѣтъ такой сильной вѣры, то я долженъ призвать на помощь фантазію, и она-то переноситъ меня самого на берега прекраснаго Рейна.

О, то предестная страна, полная любви и солнечнаго свѣта. Въ зеркалѣ голубой рѣки отражаются гористые берега со своими развалинами замковъ и лѣсами, и древними городами. Тамъ, въ лѣтній вечеръ, горожане сидятъ передъ порогами домовъ своихъ, и пьютъ изъ большихъ кружекъ, и дружески болтаютъ о томъ, что вино, слава Богу, удалось, и что въ судахъ дѣла непременно должны вестись гласно, и что Маріи-Антуанетѣ ни за что, ни про что отрубили голову, и что отъ введенія бандеролей табакъ вздорожалъ и что всѣ люди равны, и что Герресь ужасная каналья.

Я никогда не интересовался подобными разговорами и больше сидѣлъ съ дѣвушками у высокосводчатыхъ окошекъ, смѣялся ихъ смѣху, и позволялъ имъ бить меня цвѣтами по лицу, и притворялся сердитымъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не рассказывали мнѣ свои тайны или какую-нибудь важную исторію. Прекрасная Гертруда до безумія радовалась, когда я садился подлѣ нея. Это была дѣвушка, похожая на пламенную розу, и когда она разъ повисла у меня на шеѣ, то я подумалъ, что она сгоритъ и испарится благоуханіями въ рукахъ моихъ. Прекрасная Катерина расплывалась въ свой кротости, разговаривая со мною, а глаза ея были такого чистаго, глубокаго, синяго цвѣта, какого я не встрѣ-

чалъ ни у людей, ни у звѣрей, и только изрѣдка у цвѣтовъ; въ нихъ такъ славно было смотрѣться и при этомъ мечтать о такихъ отрадныхъ вещахъ! Но прекрасная Гедвига любила меня, потому что когда я подходилъ къ ней, она склоняла голову къ землѣ, такъ что черные локоны ниспадали на раздуряившееся лицо, и блестящія глаза свѣтили, какъ звѣзды на темномъ небѣ. Цѣломудренныя уста ея не произносили ни слова, и я также не могъ ничего сказать ей. Я кашлялъ, а она дрожала. Иногда она, черезъ сестру свою, просила меня не взбѣгать слишкомъ быстро на утесы и не купаться въ Рейнѣ послѣ бѣганья и послѣ питья. Разъ я слышалъ ея благочестивую молитву предъ стоявшимъ въ нишѣ ея дома образомъ Богоматери въ золотыхъ блестяхъ и съ зажженною подъ нимъ лампадкою, и явственно долетало до моего слуха, какъ она молила Матерь Божью: запретить ему лазить, пить и купаться. Я непременно влюбился бы въ эту прекрасную дѣвушку, если бъ она не обращала на меня никакого вниманія; а такъ какъ я зналъ, что она меня любитъ, то я былъ равнодушенъ къ ней. Сударыня! кто хочетъ приобрести мою любовь, тотъ долженъ обращаться со мною en canaille.

Прекрасная Юганна была тетка этихъ трехъ сестеръ, и я очень любилъ сидѣть подлѣ нея. Она знала самыя прелестныя сказки, и когда указывала бѣлою рукою черезъ окошко на горы, гдѣ происходило все, что она рассказывала, то со мной самимъ совершалось что-то волшебное, старые рыцари явственно вставали изъ развалинъ замковъ и били другъ друга въ желѣзную броню, Лорелея снова стояла на вершинѣ горы и пѣла свою очаровательно-губительную пѣсню, Рейнъ шумѣлъ такъ умно-успокоительно и въ то же время дразня до дрожи—и прекрасная Юганна смотрѣла на меня такъ странно, такъ таинственно, такъ загадочно-привѣтно, какъ будто сама она принадлежала къ сказочному міру, о которомъ говорила мнѣ. То была стройная, блѣдная дѣвушка; смертельно больная, она всегда задумывалась, глаза ея были чисты, какъ сама истина, губы скруглялись съ набожнымъ выраженіемъ, въ чертахъ лица ея лежала большая исторія, но то была исторія священная... Быть-можетъ, какая-нибудь любовная легенда? Не знаю, да у меня и не было никогда духу распросить ее объ этомъ. Когда я долго смотрѣлъ на нее, то становился спокоенъ и веселъ; на душѣ моей дѣлалось такъ, какъ будто въ ней праздновался тихій воскресный день, и ангелы служили обѣдню.

Въ эти славные часы я рассказывалъ Юганнѣ исторіи изъ моего дѣтства, и она всегда серьезно слушала ихъ, и—чудное дѣло!—когда я не могъ вспомнить какого-нибудь имени, она сейчасъ же напоминала мнѣ его. Съ удивленіемъ спрашивалъ я ее: откуда она знаетъ эти имена? и, смѣясь, отвѣчала она мнѣ, что узнала ихъ отъ птицъ, вившихъ гнѣзда подъ окошкомъ ея; и при этомъ хотѣла непремѣнно увѣрить меня, что это тѣ самыя птицы, которыхъ я еще въ дѣтствѣ покупалъ у злыхъ мальчиковъ-поселянъ и потомъ выпускалъ на волю. Я же думаю, что Юганна знала все, потому что была такъ блѣдна, и дѣйствительно, она скоро умерла. Она предвидѣла также время своей смерти и желала, чтобы я за день до этого уѣхалъ изъ Андернаха. При прощаніи она подала мнѣ обѣ руки—это были бѣлыя, милыя и чистыя, какъ святыня, руки—и сказала: «Ты очень добръ, а когда сдѣлаешься злымъ, то думай снова о маленькой, умершей Вероникѣ».

Неужели болтушки-птицы рассказали ей и это имя? А я въ часы воспоминаній такъ долго ломалъ себѣ голову и никогда не могъ припомнить это милое имя.

Теперь, когда оно снова въ памяти моей, въ ней расцвѣтаетъ также время моего дѣтства, и я снова дитя и играю съ другими дѣтьми на замковой площади въ Дюссельдорфѣ на Рейнѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Да, сударыня, тутъ я родился, и упоминаю объ этомъ обстоятельстве собственно на случай, если по смерти моей семь городовъ: Шильда, Кревинкель, Польквицъ, Бокумъ, Дюлькенъ, Геттингенъ и Шеппенштадтъ будутъ спорить о чести моего мѣсторожденія. Дюссельдорфъ—городъ на Рейнѣ, въ немъ живутъ 16.000 человекъ, да кромѣ того, похоронено нѣсколько сотъ тысячъ. И между этими послѣдними есть много такихъ, о которыхъ моя мать говоритъ, что лучше бы имъ до сихъ поръ жить на свѣтѣ; напимѣръ, мой дѣдушка и мой дядя, старый баронъ фонъ-Гельдернъ и молодой баронъ фонъ-Гельдернъ, которые были такими славными докторами и вылѣчили столькихъ людей отъ смерти и, несмотря на это, сами все-таки умерли. И набожная Урсула, носившая еще меня на рукахъ, тоже похоронена тамъ, и надъ гробницею ея растетъ розовый кустъ—она такъ любила розы при жизни своей, и все сердце ея было благоуханіе розы и доброта! Лежитъ тамъ и старый, умный

каноникъ... Боже мой, какой жалкій видъ былъ у него, когда я встрѣтился съ нимъ въ послѣдній разъ! Только и осталось у него, что духъ и пластыри, и несмотря на это, онъ занимался науками день и ночь, будто боясь, что черви найдутъ не довольно много идей въ его головѣ. [И маленький Вильгельмъ похороненъ тамъ, и я виною тому. Мы были школьными товарищами въ францисканскомъ монастырѣ и часто играли по ту сторону монастыря, гдѣ Дюссель протекаетъ между двумя каменными стѣнами, и разъ я сказалъ ему: «Вильгельмъ, достань-ка кошечку, которая туда упала»,—и онъ весело взбѣжалъ на доску, переложенную черезъ ручей, сталъ звать изъ воды кошечку, но самъ упалъ туда, и когда его вытащили, онъ былъ мокръ и мертвъ. А кошечка жила еще долго послѣ того.

Городъ Дюссельдорфъ очень красивъ, и тому, кто думаетъ о немъ на чужой сторонѣ, или кто случайно родился въ немъ, чудно становится на душѣ. Я родился въ немъ, и мнѣ все кажется, что я сейчасъ долженъ идти домой. И когда я говорю «идти домой», то подъ этимъ понимаю Болкереву улицу и домъ, въ которомъ я родился. Этотъ домъ когда-нибудь сдѣлается очень замѣчательнымъ, и старой женщиной, владѣющей имъ, я послалъ сказать, чтобы она ни подъ какимъ видомъ не продавала его, такъ какъ за весь домъ, конечно, она не получитъ теперь того, что со временемъ передадутъ «на чай» ея служанкамъ знатныя, подъ зелеными вуалями, англичанки, которымъ будутъ показывать комнату, гдѣ я увидѣлъ свѣтъ Божій, и курятникъ, куда отецъ обыкновенно запиралъ меня, когда я кралъ виноградъ, и коричневую дверь, на которой мать моя учила меня писать буквы мѣломъ... Ахъ, Боже мой, сударыня, если бы я сдѣлался когда-нибудь знаменитымъ писателемъ, такъ это стоило порядочнаго труда моей бѣдной матери.

Но слава моя спитъ еще въ каррарскихъ мрамороломняхъ; макулатурный лавровый вѣнокъ, которымъ увѣнчали мою голову, не распространилъ еще своего благоуханія по всей вселенной, и когда знатныя, подъ зелеными вуалями, англичанки пріѣзжаютъ теперь въ Дюссельдорфъ, то еще не обращаютъ никакого вниманія на знаменитый домъ, а идутъ прямо къ рыночной площади и разсматриваютъ стоящую посрединѣ ея колоссальную конную статую чернаго цвѣта. Статуя эта представляетъ курфирста Иоганна-Вильгельма. Онъ въ черной бронѣ и длинноволосомъ парикѣ съ

косою... Еще ребенкомъ слышалъ я преданіе, будто скульпторъ, отливавшій ее, съ испугомъ замѣтилъ въ самое время отлитія, что у него не станетъ металла, и тогда всѣ граждане Дюссельдорфа прибѣжали и принесли ему всѣ свои серебряныя ложки. И по цѣлымъ часамъ стоялъ я передъ этою статуею и ломалъ себѣ голову, высчитывая, сколько тутъ пошло серебряныхъ ложекъ и сколько пирожковъ съ яблоками можно было купить на все это серебро? Пирожки съ яблоками были въ то время моею страстью—теперь ихъ замѣнили любовь, истина, свобода и раковый супъ—а какъ разъ недалеко отъ статуи, у театральнаго угла, обыкновенно стоялъ курьезно испеченный, съ саблеобразными ногами паренъ въ бѣломъ фартукѣ и съ корзиною, полною соблазнительно горячихъ яблочныхъ пирожковъ, которые онъ хвалилъ тонкимъ дискантомъ, оказывавшимъ непреодолимое вліяніе: «Вотъ яблочные пирожки, совсѣмъ свѣжіе, только-что изъ печки, и какой деликатный запахъ!» Право, когда въ позднѣйшіе годы искуситель хотѣлъ вводить меня въ грѣхъ, то бралъ такой же точно заманивающій, дискантовый тонъ, и у Синьоры Джульетты я никакъ не пробылъ бы двѣнадцать часовъ сряду, еслибъ она не говорила со мною этимъ милымъ, ароматнымъ яблочно-пирожнымъ голосомъ. И, сознаюсь, никогда эти пирожки не имѣли бы для меня такой прелести, если бъ кривоногій Германъ не прикрывалъ ихъ такъ таинственно своимъ бѣлымъ фартукомъ... А эти фартуки... Но фартуки отвлекутъ меня слишкомъ далеко: я вѣдь началъ говорить о конной статуѣ, у которой въ животѣ столько серебряныхъ ложекъ и ни капли суну, и которая изображаетъ курфюрста Иоганна-Вильгельма.

То былъ, по всему вѣроятію, славный человекъ, и очень любившій искусство, и самъ очень искусный. Онъ основалъ картинную галерею въ Дюссельдорфѣ, и въ тамошней обсерваторіи до сихъ поръ показываютъ удивительно сдѣланный изъ дерева кубокъ, который курфюрстъ самъ вырѣзалъ въ свои свободные часы—ихъ было у него двадцать четыре въ день.

Въ то время у властителей не было столько мучительныхъ заботъ, сколько въ настоящее время, и корона плотно сидѣла на головѣ ихъ, а ночью они еще натягивали на нее спальный колпакъ и спали спокойно и у ногъ ихъ спокойно спали народы, и когда эти послѣдніе утромъ просыпались, то говорили: «добраго утра, отецъ!» и получали въ отвѣтъ: «добраго утра, милыя дѣти!».

Но вдругъ все перемѣнилось. Разъ, проснувшись утромъ, мы только что хотѣли сказать: «добраго утра, отецъ», какъ узнали, что-отецъ уѣхалъ, и на всемъ городѣ лежало глухое унынье, и все приняло точно похоронный видъ, и люди молчаливо проходили по площади и читали длинное объявленіе, прибитое на дверяхъ ратуши. Была сумрачная погода, а тощій портной Килианъ, несмотря на это, стоялъ въ нанковой курткѣ, которую онъ прежде носилъ только дома, и синіе шерстяные чулки опустились на немъ, такъ что обнаженные ноженки его грустно выглядывали оттуда, и тонкія губы его дрожали, между тѣмъ, какъ онъ мурлыкалъ себѣ подъ носъ прибитое объявленіе. Одинъ старый инвалидъ читалъ ту же бумагу немного громче, и при нѣкоторыхъ словахъ ея чистая слеза падала на его сѣдые, честные усы. Я стоялъ подлѣ него, и плакалъ вмѣстѣ съ нимъ, и спрашивалъ его: «о чемъ мы плачемъ», и онъ отвѣчалъ мнѣ: «курфирсть благодарить своихъ подданныхъ». И сталъ читать дальше, и когда произнесъ слова «за ихъ испытанную вѣрность», «и освобождаетъ ихъ отъ данной присяги», то заплакалъ еще сильнѣе. Чудная вещь — видѣть, какъ старый человѣкъ, въ полинявшемъ мундирѣ, съ израненнымъ солдатскимъ лицомъ, плачетъ такъ сильно! Между тѣмъ, какъ мы читали, съ ратуши сняли гербъ курфирста, все приняло суровый, мрачный видъ, точно городъ ожидалъ солнечнаго затменія, гг. совѣтники съ такимъ отставнымъ видомъ медленно проходили взадъ и впередъ, даже всемогущій полицейскій комиссаръ, казалось, не намѣренъ былъ давать никакихъ приказаній и стоялъ совершенно равнодушно и спокойно, несмотря на то, что сумасшедшій Алонзій опять плясалъ на одной ногѣ и съ глупыми гримасами гнусилъ имена французскихъ генераловъ, а пьяный, кривоногій Гумперцъ валялся въ лужѣ и пѣлъ: «Ça ira, ça ira».

А я отправился домой, и плакалъ, и жалобно повторялъ: «курфирсть благодарить своихъ подданныхъ». Мать моя стала нѣжно успокаивать меня, но я зналъ, что зналъ, не хотѣлъ ничего слушать, плача, отправился въ постель, и ночью увидѣлъ сонъ: снилось мнѣ, что свѣтъ кончился; прекрасные цвѣточные сады и зеленые луга были сняты съ земли, какъ ковры съ поля, и лежали свернутыми; полицейскій комиссаръ взлѣзалъ по лѣстницѣ и сымалъ съ неба солнце; портной Килианъ стоялъ тутъ же и говорилъ самъ съ собою: «надо мнѣ пойти домой и получше одѣться, по-потому что я умеръ и сегодня долженъ быть похороненъ».

А въ природѣ становилось темнѣе и темнѣе, скудно свѣтили на небѣ нѣсколько оставшихся звѣздъ, да и тѣ упали внизъ, какъ пожелтѣвшіе листья осенью, постепенно исчезали люди, а я, бѣдное дитя, тоскливо ходилъ туда и сюда и, наконецъ, остановился, передъ плетенымъ заборомъ какой-то опустѣвшей мызы, и тутъ увидѣлъ человѣка, ворочавшаго лопатой землю, а подлѣ него отвратительную женщину, которая держала въ фартукѣ что-то похожее на отрубленную человѣческую голову; это была луна, и женщина заботливо уложила ее въ открытую могилу, а позади меня стоялъ старый инвалидъ, и рыдалъ, и читалъ по складамъ: «курфирсть благодарить своихъ подданныхъ».

Когда я проснулся, солнце, по обыкновенію, смотрѣло ко мнѣ въ окошко, по улицамъ раздавались звуки барабана, и когда я пошелъ пожелать добраго утра отцу моему, то засталъ его сидящимъ въ бѣломъ пудеръ-мантелѣ, передъ легконогимъ парикмахеромъ, который завивая его, рассказывалъ: что сегодня въ ратушѣ будетъ произноситься присяга новому великому герцогу Іоахиму, который происходитъ изъ лучшей фамиліи и получилъ въ замужество сестру императора Наполеона; что у него очень представительная наружность и отличныя черныя кудри; что онъ скоро совершитъ вѣздъ въ городъ и безъ всякаго сомнѣнія понравится всѣмъ женщинамъ. Между тѣмъ, грохотъ барабана продолжалъ раздаваться по улицамъ, я вышелъ на крыльцо и увидѣлъ марширующее французское войско—этотъ веселый народъ славы, исходившій міръ съ пѣснями и музыкой—эти весело-серьезныя лица гренадеровъ, медвѣжьи шапки, трехцвѣтныя кокарды, сверкающіе штыки—отряды вольтижеровъ, полныхъ веселости и *point d'honneur*, и всемогущевысокаго, вышитаго серебромъ тамбуръ-мажора, который умѣлъ подбрасывать булаву свою съ позолоченной верхушкой до первыхъ этажей, а глаза и до вторыхъ, гдѣ у окошекъ сидѣли хорошенькія дѣвушки. Я порадовался, что въ домѣ нашемъ будетъ постой—чему мать моя вовсе не радовалась—и поспѣшилъ на площадь. Теперь она приняла совершенно иной видъ, казалось, что вселенную заново выкрасили, на ратушѣ красовался новый гербъ, желѣзные перила ея балкона покрыли вышитыми бархатными коврами, французскіе гренадеры стояли на часахъ, старые господа совѣтники надѣли новыя лица, и нарядились въ праздничныя платья, и смотрѣли другъ на друга по-французски, и говорили другъ другу: «*bonjour!*», изъ всѣхъ оконъ

выглядывали дамы, площадь была полна любопытными бюргерами и блестящими солдатами, и я, вмѣстѣ съ другими мальчиками, взлѣзъ на большую лошадь курфирстовой статуи и оттуда смотрѣлъ внизъ на пеструю толпу.

Питеръ, сынъ нашего сосѣда, и длинный Курцъ чуть не сломали себѣ шеи при этомъ случаѣ, и жалко, что имъ это не удалось, потому что одинъ изъ нихъ въ послѣдствіи времени убѣжалъ отъ своихъ родителей, поступилъ въ солдаты, дезертировалъ и былъ разстрѣлянъ въ Майнцѣ; а другой занялся географическими изслѣдованіями въ чужихъ карманахъ, за это былъ сдѣланъ дѣйствительнымъ членомъ одного исправительнаго заведенія, разорвалъ въ одно утро желѣзныя цѣпи, связывавшія его съ этимъ заведеніемъ и съ отчизною, счастливо переплылъ море и умеръ въ Лондонѣ отъ черезчуръ узкаго галстука, который затянулся самъ собою въ ту минуту, какъ одинъ изъ королевскихъ чиновниковъ выдернулъ доску изъ-подъ ногъ этого малаго.

Длинный Курцъ сказалъ намъ, что по случаю присяги въ этотъ день не будетъ ученья. До начала присяги намъ пришлось долго ждать. Наконецъ, балконъ ратуши наполнился пестрыми господами, знаменами и трубами, и господинъ бургомистръ, въ своемъ знаменитомъ красномъ кафтанѣ, произнесъ рѣчь, которая все растягивалась больше и больше, какъ гуммиластикъ или какъ вязаный спальный колпакъ, когда [въ него бросятъ камень... только не философскій, и до меня явственно долетали нѣкоторыя фразы, напримеръ, та, что «насъ хотять сдѣлать счастливыми», и при этихъ словахъ зазвучали трубы, замахали флагами, застучали въ барабаны и закричали «вивать!» Я тоже кричалъ «вивать» — и въ это время твердо держался за стараго курфирста; это было совсѣмъ не лишнее, потому что голова моя сильно кружилась, мнѣ казалось уже, что всѣ люди ходили на головахъ, потому что свѣтъ сталъ вверхъ ногами, а курфирстъ кивалъ мнѣ изъ-подъ своего длиннаго парика и шепталъ: «держись за меня крѣпче!» и только отъ грохота пушекъ, стрѣлявшихъ въ крѣпости, я пришелъ въ себя и осторожно слѣзъ съ лошади курфирста.

Идя домой, я снова увидѣлъ, какъ сумасшедшій Алоизій плясалъ на одной ногѣ, гнуса имена французскихъ генераловъ, а пьяный, кривоногий Гумперцъ валялся въ лужѣ и мычалъ: «*Ça îga, ça îga*», — и придя къ матери, я сказалъ ей: «насъ хотять сдѣлать счастливыми, и отъ этого сегодня нѣтъ ученья!»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

На другой день въ мірѣ снова возстановился порядокъ, и снова попрежнему началось ученье, и снова стали мы учить наизусть, какъ прежде, римскихъ королей, хронологію, имена существительныя на *im*, неправильныя глаголы, греческій языкъ, языкъ еврейскій, географію, нѣмецкую грамматику, ариѣметику... Боже мой! до сихъ поръ у меня голова кружится, и все это надо было учить наизусть! И многое изъ этого принесло мнѣ пользу въ послѣдствіи. Потому что, еслибъ я не выучилъ наизусть исторіи римскихъ царей, то мнѣ было бы рѣшительно все рано — доказаль Нибуръ или не доказаль, что они никогда не существовали. А если бъ я не зналъ хронологіи, то какъ бы въ послѣдствіи нашелся я въ Берлинѣ, гдѣ одинъ домъ похожъ на другой, какъ двѣ капли воды или какъ два гренадера, и гдѣ нельзя отыскать своихъ знакомыхъ, если не помнишь твердо номера ихъ дома? Теперь же, при посѣщеніи каждаго знакомаго, я вспоминалъ историческое событіе, годъ котораго совпадалъ съ номеромъ дома этого знакомаго, такъ что припоминая одно, легко припоминалъ и другой, и, вслѣдствіе этого также, при встрѣчѣ съ тѣмъ или другимъ знакомымъ, мнѣ приходило въ голову то или другое историческое событіе. Напримѣръ, встрѣчая своего портного, я сейчасъ же вспоминалъ Мараѣонскую битву; попадался мнѣ навстрѣчу щеголь-банкиръ Христіанъ Гумпель—онъ приводилъ мнѣ на память разрушеніе Іерусалима; сталкивался я съ португальскимъ другомъ своимъ, задолжавшимъ по уши—въ памяти моей воскресало бѣгство Магомета; сходился со мною университетскій судья, строгая справедливость котораго извѣстна каждому—я вспоминалъ смерть Амана... Да, хронологія вещь необходимая; я знаю людей, у которыхъ въ головѣ нѣтъ ничего, кромѣ двухъ-трехъ хронологическихъ цифръ, и съ ними эти люди отлично умѣли отыскивать въ Берлинѣ дома, а теперь сдѣлались уже ординарными профессорами. Что касается до меня, то хронологія была моимъ мученьемъ въ школѣ! Съ ариѣметикой дѣло шло еще хуже. Лучшее всего я понималъ вычитанье, въ которомъ есть очень практическое правило: «четыре изъ трехъ—нельзя; слѣдуетъ занять десятокъ...» Я однако совѣтую каждому въ подобномъ случаѣ занимать нѣсколькими грошами больше, потому что нельзя знать, что можетъ случиться.

Что касается до латинскаго, то вы, сударыня, не имѣете понятія, какая это сложная штука. Римлянамъ, конечно, не стало бы времени покорить вселенную, если бъ имъ сначала пришлось учиться по-латыни. Эти счастливыя знали уже въ колыбели, какія имена существительныя кончаются въ винительномъ падежѣ на *im*. А я долженъ былъ учить это наизусть, въ потѣ лица моего; но все-таки доволенъ, что узналъ ихъ. Потому что, скажи я, напримѣръ, 20 іюля 1825 года, когда мнѣ довелось защищать въ Геттингенѣ диссертацию на латинскомъ языкѣ—это стоило послушать, сударыня—такъ скажи я тогда «*sinarem*» вмѣсто «*sinarim*», быть-можетъ, присутствовавшіе фуксы замѣтили бы это, и я покрылся бы вѣчнымъ позоромъ... *Vis, buris, sitis tussis, cucumis, amussis, cannabis, sinapis*... Эти слова, произведшія въ свѣтѣ такое вліяніе, одолжены имъ тому, что они принадлежатъ къ одному опредѣленному классу и при этомъ все-таки остаются исключеніемъ; за это я глубоко уважаю ихъ, и то обстоятельство, что они всегда у меня подъ рукою въ случаѣ нужды, наполняетъ мрачные часы моей жизни внутреннимъ спокойствіемъ и утѣшеніемъ. Но *verba irregularia*—они отличаются отъ *verbis regularibus* тѣмъ, что за нихъ больше сѣкутъ—страшно трудны. Въ темныхъ коридорахъ францисканскаго монастыря, недалеко отъ класной комнаты, висѣло въ то время большое распятіе изъ сѣраго дерева—грустный образъ, который еще и теперь является мнѣ порою во снѣ и смотритъ на меня неподвижными, кровавыми глазами... Передъ этимъ распятіемъ часто стоялъ я и молился: «О, Господи, Ты, испытавшій также столько страданій, если возможно, сдѣлай такъ, чтобъ я могъ удержать въ памяти *verba irregularia!*»

О греческомъ я и говорить не хочу, потому что чувствую, что слишкомъ сильно разстрою себя. Средневѣковые монахи были не совсѣмъ неправы, утверждая, что греческій языкъ—изобрѣтеніе дьявола. Одному Богу извѣстны муки, которыя я вытерпѣлъ, учась по-гречески. Еврейскій легче давался мнѣ, потому что я всегда очень любилъ евреевъ, несмотря на то, что они до сихъ поръ распинаютъ мое доброе имя. Но все-таки съ еврейскимъ я не могъ сладить такъ, какъ сладили съ нимъ мои карманные часы, которые имѣли много тайныхъ сношеній съ ростовщиками и оттого усвоили разные еврейскіе обычаи; напримѣръ, они не шли по субботамъ, и знали библейскій языкъ, и впоследствии тоже грамматически разрабатывали его; часто въ безсонныя ночи

мои я съ-изумленіемъ слушалъ, какъ они то и дѣло повторяли: «каталъ, каталта, каталти, китталта, киттелла, китталти, покотъ, покадети, пикать, пикъ, пикъ...»

Гораздо лучше усвоилъ я себѣ нѣмецкій языкъ, а онъ тоже не дѣтская игрушка, потому что намъ, бѣднымъ нѣмцамъ, достаточно уже мучимымъ разными военными постами, повинностями, личными налогами и всевозможными податями, приходится еще возиться съ Аделунгомъ и мучить другъ друга винительнымъ и дательнымъ падежами. Значительной части нѣмецкаго языка меня выучилъ старый ректоръ Шальмейеръ, славный человекъ, еще съ дѣтства моего интересовавшійся мною. Кое-что преподавалъ мнѣ и профессоръ Шраммъ—человекъ, который написалъ сочиненіе о вѣчномъ мирѣ и въ классѣ котораго мои товарищима мальчики больше всего бѣсновались.

Я такъ расписался, что незамѣтно для самого себя болталъ здѣсь свои школьныя воспоминанія; пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы сказать вамъ, сударыня, что не моя вина, если я такъ мало выучился географіи, что въ послѣдствіи времени не умѣлъ найтись въ свѣтѣ. Дѣло въ томъ, что въ то время французы перепутали всѣ границы; каждый день на ландкартахъ государства окрашивались новой краской: то, что сегодня было голубымъ, вдругъ становилось зеленымъ, а нѣкоторыя являлись даже красно-красными; опредѣляемые учебникомъ души такъ мѣнялись и смѣшивались, что самъ чортъ не отыскалъ бы тутъ толку; измѣнялись также и произведенія земли: тамъ, гдѣ сегодня можно было видѣть только зайцевъ и охотниковъ-дворянчиковъ, завтра росла цикорія и свекла; то же дѣлалось и съ характеромъ народовъ: нѣмцы становились сообщительными, французы перестали говорить комплименты, англичане не выбрасывали за окно денегъ, венеціанцы утрачивали свое пронырство, государи получали значительныя повышенія, старымъ королямъ давали новые мундиры, новыя королевства испекались и расходились, какъ свѣжія булки, многихъ властителей, напротивъ того, выгоняли изъ ихъ владѣній и заставляли зарабатывать хлѣбъ инымъ способомъ, и нѣкоторые изъ нихъ занялись ремеслами, на примѣръ, изготовленіемъ сургучу или...—сударыня, надо же окончить этотъ періодъ потому что я началъ уже задыхаться—словомъ сказать, въ такое время трудно хорошо выучиться географіи.

Съ натуральной исторіей справиться легче, тамъ такихъ перемѣнъ не можетъ быть; тутъ есть гравюры, на которыхъ

очень опредѣлительно изображены обезьяны, кенгуру, зебры, носороги и т. п. У меня эти картины остались твердо въ памяти, и оттого въ послѣдствіи времени мнѣ случалось очень часто, при первой встрѣчѣ съ человѣкомъ, принимать его за стараго знакомаго.

Миеологія тоже не стоила мнѣ большого труда. Я ужасно любилъ этихъ голыхъ боговъ, которые такъ весело управляли вселенною. Не думаю, чтобы какой-нибудь ученикъ въ древнемъ Римѣ выучилъ наизусть лучше меня какую бы то ни было главу изъ курса миеологіи, хоть напри- мѣръ о любовныхъ интригахъ Венеры... И надо сказать правду, миеологія эта въ сущности совсѣмъ не такъ безнравственна, какъ о ней прокричали: напри- мѣръ, Гомеръ поступилъ очень цѣломудренно, давъ Венерѣ, у которой было столько любовниковъ, мужа.

Привольнѣе всего мнѣ было во французскомъ классѣ аббата д'Олуа, эмигранта-француза, написавшаго безчисленное множество французскихъ грамматикъ, носившаго рыжій парикъ и уморительно подпрыгивавшаго въ то время, какъ онъ объяснилъ намъ свой „Art poétique“ и свою Histoire allemande“. Во всей гимназій это былъ единственный человѣкъ, преподававшій исторію Германіи. Впрочемъ, и французскій языкъ имѣетъ свои трудности, и съ изученіемъ его сопряжено много военныхъ постоевъ, много барабаннаго боя, много apprendre par coeur, а главное, для этого надо быть bête allemande. Я помню до сихъ поръ, какъ будто это случилось только вчера, сколько неприятностей доставила мнѣ la religion. Разъ шесть ко мнѣ обращались съ вопросомъ: «Негу, какъ по-французски вѣра?» И всѣ шесть разъ я отвѣчалъ со слезами: „Le crédit“. Но при седьмомъ разѣ экзаменаторъ побагровѣлъ и бѣшено закричалъ: «Вѣра — по-французски religion» — и тутъ на меня посыпались побои, и всѣ товарищи стали смѣяться. Съ тѣхъ поръ я не могу слышать это слово безъ того, чтобы спина моя не блѣднѣла отъ ужаса, а щеки не краснѣли отъ стыда. И долженъ сознаться, что la crédit принесъ мнѣ въ жизни больше пользы, чѣмъ la religion... Въ эту минуту я вспоминаю, что долженъ еще пять талеровъ трактирщику «Льва» въ Болоньѣ...

Parbleu, madame, я отлично изучилъ французскій языкъ. Я знаю не только нарѣчіе простого народа (patois), но и французскій языкъ нѣмецкой аристократіи. Еще недавно, въ одномъ благородномъ обществѣ, я понималъ почти поло-

вину французскаго разговора двухъ нѣмецкихъ графинь, изъ которыхъ каждая считала себѣ сверхъ шестидесяти четырехъ лѣтъ и почти столько же предковъ. А въ Café-Royal Берлина я разъ слышалъ французскую рѣчь господина Ганса Михеля Мартенса и понималъ каждое слово, хотя ни въ одномъ изъ нихъ не было здраваго смысла. Главное дѣло узнать духъ языка, а онъ лучше всего познается съ помощью барабана. Parbleu! я много благодаренъ французскому барабанщику, долго стоявшему у насъ въ квартирѣ—человѣку съ дьявольской наружностью, но съ ангельскою душою и удивительно хорошо барабанившему.

Это была маленькая, подвижная фигурка съ страшными черными усами, изъ-подъ которыхъ сердито выглядывали красныя губы, между тѣмъ какъ огненные глаза стрѣляли во всѣ стороны.

Я, маленький мальчикъ, не отставалъ отъ него, точно репейникъ, и помогалъ ему чистить до яркаго блеска пуговицы и вытирать мѣломъ камзолъ—потому что Monsieur Le Grand желалъ нравиться,—и сопровождалъ его на часы, на сборъ, на парадъ... тутъ не было ничего, кромѣ блеска оружія и веселости... *les jours de fête sont passés!*—Monsieur Le Grand зналъ очень мало по-нѣмецки—всего нѣсколько общеупотребительныхъ выраженій: «хлѣба, поѣбловать, честь»—но за то онъ отлично умѣлъ заставить понимать себя барабаннымъ боемъ. Напримѣръ, когда я не зналъ, что значить слово „liberté“, онъ барабанилъ марсельскій маршъ—и я понималъ его. Когда я не зналъ значенія слова „égalité“, онъ барабанилъ маршъ: „*ça ira, ça ira... les aristocrates à la lanterne!*“—и я понималъ его. Когда я не зналъ, что значить слово „bêtise“, онъ билъ дессаускій маршъ, который мы, нѣмцы, какъ сообщаетъ и Гете, барабанили въ Шампаны—и я понималъ его. Разъ онъ захотѣлъ разъяснить мнѣ слово „l'Allemagne“—и для этого сталъ барабанивать ту слишкомъ однообразную исконную мелодію, которую на ярмаркахъ играютъ танцующимъ собакамъ, именно: «думъ, думъ, думъ». Я разсердился, но понять.

Такимъ же точно способомъ училъ онъ меня новой исторіи. Я хоть и не понималъ словъ, которыя онъ произносилъ, но такъ какъ онъ во время разсказа не переставалъ барабанивать, то я тутъ же обо всемъ догадывался. Надо сознаться, что это самая лучшая метода обученія. Исторію разрушенія Бастиліи, Тюильри и т. п. только тогда можно

хорошо понять, когда знаешь, какъ при этихъ обстоятель-
ствахъ барабанили

Была ли игра на барабанѣ моею врожденною способностью, или я съ дѣтства много упражнялся въ ней, только страсть къ ней лежитъ во всѣхъ членахъ моихъ, въ рукахъ и ногахъ, и невольно вырывается наружу. Разъ въ Берлинѣ сидѣлъ я на лекціи тайнаго совѣтника Шмальца—человѣка, который спасъ государство сочиненіемъ «объ опасности отъ черныхъ и красныхъ плащей». Вы должны помнить, сударыня, изъ исторіи Павзанія, что въ древности одинъ сильный заговоръ былъ открытъ крикомъ осла; вы знаете также изъ Ливія или изъ всемірной исторіи Беккера, что гуси спасли Калитолій, а Саллустій очень обстоятельно рассказалъ вамъ, что развратница-болтуня Фульвія вывела наружу страшный заговоръ Катилины.. Но возвращаюсь къ начатому. Итакъ, сидя на лекціи тайнаго совѣтника Шмальца, я слушалъ народное право. Былъ скучный лѣтній вечеръ, я сидѣлъ на скамьѣ, и слушалъ все меньше и меньше, и, наконецъ, заснулъ... но вдругъ разбудилъ меня шумъ моихъ собственныхъ ногъ, которыя не спали и вѣроятно слышали, что лекція говорила вещи, составляющія совершенную противоположность народному праву и бранила конституціонный образъ мыслей; и тогда эти ноги, которыя смотрятъ на ходъ міровыхъ событій своими маленькими мозолями яснѣе, чѣмъ г. тайный совѣтникъ своими большими, Юновыми глазами—эти бѣдныя нѣмыя ноги, не умѣющія высказывать свое мнѣніе словами, захотѣли выразить его барабаннымъ боемъ и забарабанили такъ сильно, что я чуть не попался въ большую бѣду.

Проклятыя, вѣтренныя ноги! Онѣ сыграли со мною такую же штуку, когда я однажды въ Геттингенѣ сидѣлъ на лекціи профессора Зальфельда, который съ своею угловатою подвижностью подпрыгивалъ на кафедрѣ и ужасно горячился, стараясь въ пухъ и прахъ разбранить императора Наполеона. Какъ вы забарабанили тогда, ноги мои! И я не сержусь на васъ за это, не разсердился бы и въ томъ случаѣ, если бы вы въ вашей нѣмой наивности высказались бы еще явственнѣе на своемъ ножномъ языкѣ! Могъ ли я, ученикъ Ле-Грана, слушать оскорбленіе императора! Императора! императора! великаго императора!

Чуть вспомню я о великомъ императорѣ, въ душѣ моей снова воскресаютъ зеленые, какъ лѣто, золотые образы.

Встаетъ передо мною, расцвѣтая, длинная липовая аллея, на сплетающихся вѣтвяхъ сидятъ поюшіе соловьи, шумить водопадъ, на круглыхъ грядкахъ растутъ цвѣты и задумчиво качаютъ прелестными головками... Между мною и ими было какое-то чудное сродство, накрашенные тюльпаны кланялись мнѣ спѣсиво-покровительственно, нервно-больныя лиліи кивали съ нѣжною грустью, ярко-красныя розы уже издалека улыбались мнѣ навстрѣчу, ночныя фіалки вздыхали... съ миргами и лаврами я еще не былъ въ это время знакомъ, потому что они не привлекали къ себѣ яркимъ цвѣтомъ, но съ резедою, съ которою мы теперь въ такихъ дурныхъ отношеніяхъ, я былъ особенно интименъ... Я говорю здѣсь о придворномъ дюссельдорфскомъ садѣ, гдѣ я часто лежалъ на травѣ, благоговѣнно слушая, какъ Monsieur Le Grand рассказывалъ о военныхъ дѣяніяхъ великаго императора и при этомъ билъ маршъ, который барабанили во время этихъ дѣяній,—такъ что я точно на яву видѣлъ и слышалъ все это... Мнѣ видѣлся переходъ черезъ Симплонъ, императоръ впереди, а за нимъ ползущіе вверхъ храбрые гренадеры при крикахъ испуганныхъ птицъ и гулъ ледниковъ въ отдаленіи. Видѣлъ я императора съ знаменемъ въ рукѣ на Лодійскомъ мосту; видѣлъ я императора въ сѣромъ плащѣ при Маренго; видѣлъ я императора на конѣ, въ битвѣ при пирамидахъ... ничего, кромѣ запаха пороха и мамелюковъ; видѣлъ я императора въ аустерлицкой битвѣ... у, какъ пули свистѣли на ледяной равнинѣ!.. Видѣлъ я и слышалъ битвы при Эйлау, Ваграмѣ... Нѣтъ, больше я не могъ выдержать!.. Monsieur Le Grand барабанилъ такъ, что едва не прорвалась моя собственная барабанная полость...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Но чтò сталося со мною, когда я увидѣлъ въ первый разъ, увидѣлъ своими собственными, высокоблаженными глазами—его самого, осапна! императора!

Это случилось въ той же самой аллеѣ придворнаго дюссельдорфскаго сада. Пробираясь сквозь зѣвающую толпу, я думалъ о дѣяніяхъ, о битвахъ, о которыхъ пробарабанилъ мнѣ Monsieur Le Grand, и сердце мое било генеральный маршъ; но въ то же время я думалъ о приказаніи полиціи заперцавшемъ, подъ опасеніемъ пяти талеровъ штрафу, ѣздить по серединѣ аллеи. А императоръ со своею святою ѣхалъ какъ разъ по серединѣ аллеи; деревья вздрагивали, преклонялись при его приближеніи, солнечныя лучи съ

боязливымъ любопытствомъ проглядывали сквозь зеленыя вѣтви, а по голубому небу явственно плыла золотая звѣзда. Императоръ былъ въ своемъ простомъ зеленомъ мундирѣ и маленькой, всемірно-исторической шляпѣ. Онъ ѣхалъ на бѣленькой лошаdkѣ, и она шла такъ спокойно-гордо, такъ увѣренно, такъ изячно... будь я въ то время королевскимъ прусскимъ принцемъ, я бы позавидовалъ этой лошаdkѣ. Небрежно, почти повиснувъ, сидѣлъ императоръ, одною рукою высоко держа поводъ, другою добродушно трепля по шеѣ лошади... То была лучезарно-мраморная рука—могучая рука, одна изъ двухъ рукъ, которыя связали многоголовое чудовище анархіи и прекратили поединокъ народовъ,— и она добродушно трепала по шеѣ лошади. И лицо его было тоже того цвѣта, который мы находимъ въ мраморныхъ головахъ греческихъ и римскихъ статуй. Черты этого лица были такія же благородно-пропорціональныя, какъ и у античныхъ фигуръ, и на лицѣ этомъ было написано: «Ты никакому богу не долженъ поклоняться, кромѣ меня». Улыбка, согрѣвавшая и успокоивавшая каждое сердце, мелькала на губахъ его, а между тѣмъ, всѣ знали, что стоило этимъ губамъ свиснуть—*et la Prusse n'existait plus*; стоило этимъ губамъ свиснуть—и вся священная имперія заплясала бы. А эти губы улыбались, и глаза тоже улыбались... То были глаза чистые, какъ небо; они умѣли читать въ сердцахъ людей, они разомъ понимали всѣ вещи міра сего, между тѣмъ какъ мы узнаемъ ихъ постепенно и видимъ только окрашенные ихъ тѣни... Лобъ его не былъ такъ чистъ: тутъ гнѣздились духи будущихъ битвъ, и по временамъ этотъ лобъ точно вздрагивалъ—то были творческія мысли, великія мысли въ сапогахъ-скороходахъ, съ которыми духъ императора незримо пробѣгалъ по вселенной, и я увѣренъ, что каждая изъ нихъ дала бы нѣмецкому писателю обильный сюжетъ для сочиненій на всю жизнь.

Императоръ ѣхалъ спокойно посрединѣ аллеи, ни одинъ полицейскій чиновникъ не дѣлалъ ему замѣчанія; позади его, гордо сидя на вспѣнныхъ коняхъ, вся залитая золотомъ, ѣхала свита, барабаны били, трубы звучали, подлѣ меня вертѣлся сумасшедшій Алоизій и гнусилъ имена французскихъ генераловъ, невдалекѣ мычалъ пьяный Гумперцъ, а народъ кричалъ тысячью голосовъ: «да здравствуетъ императоръ!»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Императоръ умеръ. На пустомъ островѣ Атлантическаго океана одинокая могила его, а онъ, для котораго вся земля была слишкомъ тѣсна, лежитъ спокойно подъ маленькой насыпью, гдѣ пять плакучихъ ивъ печально свѣсили внизъ свои зеленые волосы, и набожно ручеекъ пробѣгаетъ съ тоскливымъ журчаньемъ. На гробовомъ камнѣ нѣтъ никакой надписи; но Клію карандашомъ справедливости начертала на немъ невидимыя слова, которыя будутъ звучать цѣлыя столѣтія, какъ голоса таинственныхъ духовъ.

Британія! тебѣ принадлежитъ море. Но въ этомъ морѣ мало воды для того, чтобы смыть позоръ, который завѣщаль тебѣ, умирая, великій мертвецъ... А вѣдь онъ былъ твоимъ гостемъ, онъ сѣлся у очага твоего!..

До позднѣйшихъ временъ будутъ дѣти Франціи пѣть и говорить о страшномъ гостепрѣимствѣ «Беллерофона», и если эти пѣсни, полныя насмѣшки и слезъ, проникнутъ за проливъ—тогда покраснѣютъ щеки всѣхъ честныхъ англичанъ! Но когда-нибудь эта пѣсня непременно проникнетъ туда—и тогда не станетъ Британіи, падетъ во прахъ гордый народъ, обратятся въ развалины вестминстерскія гробницы, и царственный прахъ, заключающійся въ нихъ, забудется. А святая Елена сдѣлается священнымъ мѣстомъ, куда народы Запада и Востока будутъ стекаться на поклоненіе на судахъ, изукрашенныхъ флагами, и укрѣпятъ свои сердца великимъ воспоминаніемъ о дѣяніяхъ великаго человѣка, пострадавшаго при Гудсонѣ Ло, какъ сказано въ писаніи Лась-Каза, О'Меара и Антомархи!..

Странно! Трехъ величайшихъ противниковъ императора постигнула страшная участь: Лондондерри перерѣзалъ себѣ горло, Людовикъ XVIII сгнѣлъ на своемъ тронѣ, а профессоръ Заальфельдъ все еще профессоромъ въ Геттингенѣ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Былъ ясный, холодный осенній день, когда молодой человѣкъ, съ виду похожій на студента, медленно проходилъ по аллеѣ придворнаго дюссельдорфскаго сада, порою, точно шалунъ-ребенокъ, подбрасывалъ ногами листья, покрывавшіе землю; но порою также тоскливо смотрѣлъ на

обнаженные деревья, на которых висѣло еще только немного золотыхъ листьевъ. Глядя на нихъ, онъ вспоминалъ слова Главка:

«Такъ, какъ древесные листья, проходятъ людей поколѣнья:
Листья древесные вѣтеръ разноситъ и снова другіе
Съ каждою новой весною въ цвѣтущемъ лѣсу зеленѣютъ;
Такъ и людей поколѣнья: тѣ падаютъ, эти рождаются!»

Въ прежніе годы, молодой человекъ съ совѣтъ иными мыслями смотрѣлъ на эти самыя деревья: въ то время онъ былъ ребенкомъ, отыскивалъ птичьи гнѣзда или лѣтнихъ жучковъ, которые забавляли его, когда весело жужжали, наслаждались прелестнымъ міромъ и довольствовались сочно-зеленымъ листочкомъ, каплею росы, теплымъ лучомъ солнца, милымъ благоуханіемъ травъ. Тогда и въ сердцѣ мальчика было такъ свѣтло, какъ въ сердцѣ летучихъ насѣкомыхъ. Но теперь это сердце постарѣло, потухли въ немъ маленькіе солнечные лучи, завяли всѣ цвѣты, исчезнула даже прекрасная грѣза любви, и только и осталось въ бѣдномъ сердцѣ, что мужество и печаль, и—что грустиѣе всего—это было мое сердце.

Именно въ тотъ день я вернулся въ свой родимый городъ, но не хотѣлъ ночевать въ немъ и стремился въ Голдесбергъ, чтобы сѣсть у ногъ моей подруги и поговорить о маленькой Вероникѣ. Я ходилъ на могилы милыхъ. Изъ всѣхъ живыхъ друзей и родственниковъ у меня не осталось здѣсь никого, кромѣ дяди и тетки. Если и попадались мнѣ на улицахъ знакомыя лица, то никто не узнавалъ меня—и самъ городъ смотрѣлъ на меня чуждыми глазами, въ это время много домовъ выкрасили за-ново, изъ окошекъ выглядывали незнакомыя лица, вокругъ старыхъ трубъ летали тощіе воробьи, все имѣло такой мертвенный и вмѣстѣ свѣжій видъ, какъ салатъ, растущій на кладбищѣ; гдѣ прежде говорили по-французски, теперь слышался прусскій языкъ, успѣлъ даже устроиться здѣсь маленький прусскій дворикъ и люди носили придворные титулы, прежняя парикмахерша моей матери сдѣлалась гофъ-парикмахершею, и были тутъ гофъ-портные, гофъ-сапожники, гофъ-истребители клоповъ, гофъ-цѣловальники, и весь городъ казался гофъ-лазаретомъ для гофъ-умалишенныхъ. Только старый курфирстъ узналъ меня; онъ все стоялъ на старомъ мѣстѣ, только, казалось, похудѣлъ. Вѣдь постоянно, стоя посреди площади, онъ видѣлъ всю современную *misère*, а отъ этого

зрѣлица не потолстѣешь. Я былъ точно какъ во снѣ и думалъ о сказкѣ объ околдованныхъ городахъ, и быстро пошелъ къ городскимъ воротамъ, чтобы не проснуться слишкомъ рано. Въ придворномъ саду многихъ деревьевъ не доставало, многія сгнили, а четыре большихъ тополя, казавшихся мнѣ когда-то зелеными великанами, теперь сдѣлались маленькими. Нѣсколько красивыхъ, разряженныхъ дѣвушекъ гуляли по саду, точно ходячіе тюльпаны. И этихъ тюльпановъ зналъ я, когда они были еще луковичками; это вѣдь были наши сосѣди, и съ ними когда-то игралъ я въ «Принцессину башню». Зато прекрасныя дѣвушки, которыхъ я зналъ цвѣтущими розами, теперь оказались розами поблеклыми, и не по одному челу, гордое выраженіе котораго восхищало меня въ былые дни, Сатурнъ провелъ косою глубокія морщины. Только теперь, ну—увы!—слишкомъ поздно, открылъ я, что значили взгляды, которые онѣ нѣкогда бросали на уже становившагося юношею мальчика. Глубоко потрясъ меня низкій и смиренный поклонъ человѣка, котораго я прежде видѣлъ богатымъ и знатнымъ, и который теперь впалъ въ нищету, какъ и вообще всюду люди, когда разъ начинаютъ падать, то, слѣдуя Ньютону закону, падаютъ все съ большею и большею, страшною быстротою. Но въ комъ я не нашелъ никакой перемѣны, такъ это въ маленькомъ барабанѣ, который, какъ прежде, весело припрыгивалъ по дорожкѣ придворнаго сада, одной рукою приподнявъ лѣвую полу сюртука, а другою помахивая своею тонкою, камышевою тросточкой. Это было то же привѣтливое личико, котораго румянецъ сосредоточился на носѣ; это была та же конусообразная шляпенка, это была та же самая косичка, только изъ нея выглядывало нѣсколько сѣдыхъ волосковъ, на мѣсто прежнихъ черныхъ. Но какъ ни весело смотрѣлъ онъ, я все-таки зналъ, что бѣдный баронъ перенесъ въ это время много горя, личико его хотѣло скрыть это отъ меня, но сѣдые волосенки косички выдали его сзади. Но и сама косичка, казалось, хотѣла опровергнуть мое заключеніе и казалась очень весело.

Я не былъ утомленъ, но мнѣ захотѣлось посидѣть еще разъ на деревянной скамейкѣ, на которой я когда-то вырѣзалъ имя моей милой. Я едва могъ отыскать его, потому что на скамьѣ было вырѣзано много новыхъ именъ. Ахъ! нѣкогда я спалъ на этой скамьѣ и грезилъ о счастьѣ любви. «Грѣзы то же, что пѣна морская!» Вспомнилъ я и бывшя

дѣтскія игры, и былия чудныя сказки!—Но новая, фальшивая игра и новая, отвратительная сказка все путались въ эти воспоминанія, и то была исторія двухъ сердецъ, которыя измѣнили другъ другу и потомъ такъ далеко простерли свое вѣроломство, что стали обманывать самого Бога. Это скверная исторія, и когда нечего лучше дѣлать, можно плакать надъ нею. О, Господи! Когда-то міръ былъ такъ прекрасенъ, и птицы пѣли вѣчную хвалу Твою, и маленькая Вероника смотрѣла на меня спокойными глазами, и мы сидѣли передъ мраморною статуею на площади замка... по одной сторонѣ ея стоитъ старый опустѣлый замокъ, гдѣ ходятъ привидѣнія и по ночамъ прохаживается женщина безъ головы, въ черномъ шелковомъ платьѣ съ длиннымъ, шелестящимъ шлейфомъ; по другой—возвышается бѣлое зданіе, въ верхнихъ комнатахъ котораго чудно блестятъ пестрыя картины въ золотыхъ рамахъ, а въ нижнихъ помѣщалось нѣсколько тысячъ огромныхъ книгъ, на которыя я и маленькая Вероника часто смотрѣли съ любопытствомъ, когда набожная Урсула подымала насъ къ большому окошку... Послѣ, сдѣлавшись взрослымъ мальчикомъ, я каждый день взбирался въ этихъ комнатахъ по самымъ высокимъ лѣстницамъ, вынималъ самыя высокія книги и читалъ такъ много, что пересталъ бояться чего бы то ни было, тѣмъ болѣе женщину безъ головы, и, наконецъ, сталъ такимъ ученымъ, что позабылъ всѣ старыя дѣтскія игры и сказки, и картинки, и маленькую Веронику, и самое имя ея.

Но между тѣмъ, какъ я сидѣлъ на старой скамьѣ придворнаго сада, погруженный въ грѣзы о прошломъ, сзади послышался смѣшанный шумъ человѣческихъ голосовъ, оплакивавшихъ судьбу бѣдныхъ французовъ, которые во время русской войны были взяты въ плѣнъ, сосланы въ Сибирь, продержаны тамъ нѣсколько лѣтъ, несмотря на то, что міръ былъ уже заключенъ, и только теперь возвратились на родину. Я поднялъ глаза и дѣйствительно увидѣлъ этихъ осиротѣлыхъ дѣтей славы; сквозь дыры ихъ изодранныхъ мундировъ проглядывала обнаженная нищета, на измученныхъ лицахъ лежали впалые, скорбящіе глаза; но и истомленные, изувѣченные и большею частью хромые, они все-таки сохраняли военный шагъ, и—странное дѣло—впереди ихъ ковылялъ барабанщикъ со своимъ барабаномъ... Внутреннимъ ужасомъ охватило меня воспоминаніе преданія о солдатахъ, которые, павъ днемъ въ битвѣ, ночью снова встають съ поля сраженія и, предводительствуемые бара-

банщикомъ, идутъ къ своей родинѣ, и о которыхъ поется въ старой народной пѣснѣ:

Въ барабанъ онъ бьетъ и бьетъ—
Вотъ они ужъ у воротъ,
Уличкой пошли знакомой,
Траллери, треллерей, траллера,
Мимо дорогой подружки дома.

Утромъ кости ихъ стоятъ,
Какъ надгробныхъ камней рядъ,
Барабанщикъ барабанитъ—
Траллери, траллерей, траллера,
Дѣвпца на милого пусть взглянуть.

Дѣйствительно, бѣдный французскій барабанщикъ казался полуистлѣвшимся выходцемъ изъ могилы; это была какая-то маленькая тѣнь въ выпачканной, изорванной сѣрой шинели, мертвенное, желтое лицо, съ большими усами, грустно ниспадавшими на поблѣднѣвшія губы, глаза были похожи на потухшія головешки, въ которыхъ осталось еще нѣсколько искръ... и несмотря на то, по одной только изъ этихъ искръ я узналъ Monsieur Le Grand.

И онъ узналъ меня, и усадилъ меня съ собой на траву, и такъ сидѣли мы, какъ бывало, когда онъ на барабанѣ преподавалъ мнѣ французскій языкъ и новую исторію. У него былъ тотъ же знакомый старый барабанъ, и я не могъ достаточно надивиться, какъ онъ спасъ этотъ инструментъ отъ русскаго корыстолюбія. Онъ сталъ опять барабанить, какъ прежде, но уже ничего не говорилъ при этомъ. Зато, если губы его были мрачно сжаты, то тѣмъ больше высказывали глаза, побѣдоносно сверкавшіе въ то время, какъ онъ барабанилъ старые марши. Тополи около насъ задрожали, когда онъ снова заигралъ красный маршъ. И барабанилъ онъ такъ же опять, какъ прежде, про старыя битвы за свободу, про старыя сраженія, про дѣянія императора; и казалось, что барабанъ—самъ живое существо, радовавшееся, что можетъ высказать свое внутреннее наслажденіе. Снова услышалъ я грохотъ пушекъ, свистъ пуль, шумъ сраженія, снова увидѣлъ геройское мужество гвардіи, снова увидѣлъ развѣвающіяся знамена, снова увидѣлъ императора на конѣ... Но мало-по-малу въ веселые звуки эти прокрался унылый тонъ, изъ барабана вылетѣли звуки, въ которыхъ самое дикое ликованіе злобѣще смѣшивалось съ самымъ страшнымъ отчаяньемъ: точно побѣдный маршъ игрался вмѣстѣ съ похороннымъ, глаза Ле-Грана раскры-

лись широко, какъ у привидѣнія, и я увидѣлъ въ нихъ только широкую, снѣжную равнину, усѣянную трупами... то было сраженіе подъ Москвою...

Никогда я не думалъ, чтобъ старый, жесткій барабанъ могъ издавать такіе болѣзненные звуки, какіе вызывалъ теперь изъ него *Monsieur Le Grand*. То были выбарабанные слезы, и онѣ звучали все тише и тише, и какъ мрачное эхо вырвались глубокіе вздохи изъ груди Ле-Грана. А онъ становился все блѣднѣе и призрачнѣе, тонція руки его дрожали отъ холода, онъ сидѣлъ, какъ во снѣ, и водилъ своими палочками только по воздуху, и какъ будто прислушивался къ отдаленнымъ голосамъ, и, наконецъ, посмотрѣлъ на меня глубокимъ, неизмѣримо глубокимъ, умоляющимъ взоромъ... я понялъ его... и тогда голова его скатилась на барабанъ.

Monsieur Le Grand не барабанилъ больше въ этой жизни. И барабанъ его съ тѣхъ поръ не издалъ ни одного звука; онъ не долженъ былъ служить рабскимъ инструментомъ въ рукахъ враговъ свободы... я очень хорошо понялъ послѣдній, умоляющій взоръ Ле-Грана, вынулъ шпагу изъ моей палки и прокололъ барабанъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas, madame!

Но жизнь человѣческая въ сущности такъ фатально серьезна, что ее нельзя было бы перенести безъ такого соединенія патетическаго съ комическимъ. Наши поэты знаютъ это. Самыя страшныя картины человѣческаго безумія Аристофанъ показываетъ намъ только въ смѣющемся зеркалѣ остроумія; великую скорбь мыслителя, сознающаго свое ничтожество, Гёте осмѣливается высказать только въ дубоватыхъ стихахъ театра маріонетокъ; отчаяннѣйшія жалобы о бѣдствіяхъ вселенной Шекспиръ влагаетъ въ уста шута и печально трясетъ въ это время погремушками его дурацкаго колпака.

Всѣ они взяли примѣръ съ великаго родоначальника поэтовъ, который въ своей тысячаактной всемірной трагедіи умѣетъ доводить юморъ до высочайшей степени, какъ это мы видимъ каждый день: послѣ ухода героев всегда являются на сцену клоуны и «граціозо» со своими дурацкими колпаками и дубинками, послѣ кровавыхъ сценъ революціи и дѣяній императора снова выскакиваютъ толстые Бурбоны со своими старыми, отжившими шуточками и

нѣжно-легитимистскими остротами, и подлѣ нихъ граціозно припрыгиваетъ старая noblessa со своею проголодавшеюся улыбкою, а позади шествуютъ въ процессіи набожные капитуцины. Даже въ высшій паеосъ всемірной трагедіи вкрадываются комическія черты: отчаянный республиканецъ, поражающій себя, какъ Брутъ, ножомъ въ сердце, прежде, можетъ-быть, понюхаетъ, не рѣзали ли этимъ ножомъ тоже селедку, и на этой великой всемірной сценѣ все дѣлается, кромѣ того такъ, какъ и на нашихъ жалкихъ театраль-ныхъ подмосткахъ; и тутъ есть пьяные герои, государи, забывающіе свои роли, кулисы, висящія въ воздухѣ, громко раздающійся голосъ суфлера, танцовки, производящія эф-фектъ поэзіею своихъ ляшекъ, костюмы, блестящія, какъ главная вещь... А въ это время, наверху, въ царствѣ бо-говъ, сидятъ въ первомъ ряду безсмертные и смотрятъ въ бинокль внизъ, на насъ, комедіантовъ, а Юпитеръ сидитъ серьезно въ своей большой ложѣ и, быть-можетъ, скучаетъ, или разсчитываетъ, что этому театру нельзя долго продер-жаться, потому что одинъ актеръ получаетъ слишкомъ большое жалованье, а другой—слишкомъ маленькое, и всѣ играютъ очень ужъ плохо.

Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas, madame! Въ то время, какъ я оканчивалъ предыдущую главу и разска-зывалъ вамъ, какъ Monsieur Le Grand умеръ и какъ я добросовѣстно исполнилъ testamentum militaire, написанное въ его послѣднемъ взглядѣ, постучались ко мнѣ въ дверь, и въ комнату вошла бѣдная старуха, дружески спросившая меня: докторъ ли я? Я отвѣчалъ утвердительно, и тогда она очень дружески попросила меня пойти къ ней въ домъ и вырѣзать ей мужу мозоли.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Нѣмецкіе цензоры

глушья головы

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Сударыня! Подъ высиживавшими полушаріями Леды лежала уже цѣлая троянская война, и вы никакъ не поняли бы знаменитыхъ слезъ Пріама, если бы я не рассказалъ вамъ сперва о древнихъ лебединыхъ яйцахъ. Поэтому не сердитесь на меня за мои отступленія. Во всѣхъ предыдущихъ главахъ нѣтъ ни одной строчки, которая не шла бы къ дѣлу, я пишу сжато, избѣгаю всего излишняго, а иногда даже пропускаю необходимое: напримѣръ, до сихъ поръ я ни разу не цитировалъ, какъ слѣдуетъ, ни одного писателя, а между тѣмъ цитаты изъ старыхъ и новыхъ сочиненій составляютъ главное удовольствіе молодого литератора, и двѣ-три ученыхъ цитаты такъ хорошо украшаютъ самого человека. Только, пожалуйста, не подумайте, сударыня, что я поступаю такъ по недостатку знакомства съ заглавіями сочиненій. Я, кромѣ того, знаю ловкій пріемъ великихъ ученыхъ, которые отлично умѣютъ выковыривать изюминки изъ булокъ и цитаты изъ университетскихъ записокъ; я знаю также, откуда Бартель почерпаетъ виноградный сокъ. Въ случаѣ нужды я могъ бы дѣлать заемъ цитатъ у моихъ ученыхъ друзей. Мой берлинскій другъ Г., такъ сказать, маленький Ротшильдъ по отношенію къ цитатамъ и охотно дастъ мнѣ взаимы нѣсколько милліоновъ ихъ; а не будетъ у него такого количества въ наличности, такъ онъ легко перехватитъ ихъ у какихъ-нибудь другихъ космополитическихъ умственныхъ банкировъ.—Кстати, сударыня, съ трехпроцентными Беками вяло, но пятипроцентные Гегели поднялись въ гору.—Но мнѣ въ настоящее время нѣтъ еще никакой нужды дѣлать заемъ; я очень хорошо обеспеченъ на этотъ счетъ и могу прожить десять тысячъ цитатъ въ годъ; я даже изобрѣлъ, какъ фальшивыя цитаты выдавать за истинныя. Если бы какой-нибудь великій и богатый ученый, напримѣръ, Михель Беръ, захотѣлъ купить у меня это открытіе, я бы охотно продалъ его за 10.000 талеровъ; впрочемъ, согласенъ и поторговаться. Сдѣлалъ я и другое открытіе, о которомъ не хочу умолчать для спасенія литературы и сообщу его здѣсь даромъ.

Именно, по моему мнѣнію, полезно цитировать всѣхъ невѣдомыхъ авторовъ нумерами ихъ домовъ.

У этихъ «добрыхъ людей и скверныхъ музыкантовъ»—такъ обращается къ оркестру Понсъ-де-Леонъ—у этихъ невѣдомыхъ авторовъ всегда остается какой-нибудь экземпляр-

чикъ ихъ давно-забытой книжечки, и чтобы найти ее, нужно, слѣдовательно, знать нумеръ дома сочинителя. Такъ, напри- мѣръ, если бы я цитировалъ «маленькій пѣсенникъ для ремесленниковъ, сочиненіе Спитты»—гдѣ бы вы отыскиали его, милая Madame? А напиши я: «смотри маленький пѣсен- никъ для ремесленниковъ, сочиненіе П. Спитты, въ Люне- бургѣ, въ Люнеровой улицѣ, № 2, на правомъ углу»—вы, если бы сочли, что стоитъ потрудиться отыскать эту кни- жонку, нашли бы ее. Только трудиться не стоитъ.

Впрочемъ, сударыня, вы не имѣете понятія о томъ, съ какою легкостью я могу цитировать. Вездѣ я нахожу удоб- ный случай выказать мою глубокую ученость. Такъ, напри- мѣръ, заговорю я объ ѣдѣ, то сейчасъ же замѣчаю въ вы- носкѣ, что римляне, греки и евреи тоже ѣли, при этомъ вычисляю всѣ вкусныя кушанья, которыя изготовляла ку- харка Лукулла (о, горе, что я родился полутора столѣтіями позже!), и тутъ же замѣчаю, что общественные обѣды у грековъ назывались такъ-то и такъ-то, и что спартанцы ѣли скверный черный супъ... Хорошо, что я въ то время еще не жилъ: мнѣ ужасно подумать даже, что я, бѣдный человѣкъ, могъ сдѣлаться спартанцемъ, потому что супъ— мое любимое кушанье... Я думаю, сударыня, въ скоромъ времени съѣздить въ Лондонъ; но если дѣйствительно спра- ведливо, что тамъ нельзя достать супу, то тоска сейчасъ же заставитъ меня вернуться къ милымъ суповымъ чашкамъ моей родины. О кухнѣ древнихъ евреевъ я бы могъ распро- страниться очень подробно и дойти до іудейской кухни но- вѣйшаго времени; по этому случаю я цитирую всего Штейн- вега... Могъ бы я также рассказать, какъ гуманно многіе берлинскіе ученые разсуждали объ іудейской ѣдѣ; потомъ я перешелъ бы къ другимъ превосходствамъ и преимуще- ствамъ евреевъ, къ открытіямъ, которыми мы одолжены имъ, каковы, напри- мѣръ, заемныя письма.

Заговоривъ объ евреяхъ, я при этомъ случаѣ могъ бы ци- тировать Тацита, который говоритъ, что евреи поклонялись ослу въ своихъ храмахъ; а по поводу ословъ, какое широ- кое поле для цитатъ открылось бы предо мною! Сколько удивительнаго можно бы сказать о древнихъ ослахъ, въ сравненіи съ новыми! Какъ умны были первые и, ахъ! какъ глупы послѣдніе! Какъ разумно, напр., разсуждаетъ оселъ Валаама, *vid. Pentat. lib...* сударыня, у меня нѣтъ этой книги подъ рукою, и я оставляю тутъ пробѣлъ. Напро-

тивъ того, чтобъ доказать нелѣдность новыхъ ословъ, я цитирую:

Vid.
.
.
.
.
.

Нѣтъ, и здѣсь я оставляю пробѣль, а то меня потребуютъ въ судъ за оскорбленіе. Новые ослы — большіе ослы. Древніе ослы, которые были такъ высоко образованы—*vid. Gesneri De antiqua honestate asinorum, in comment. Götting. T. II, p. 32*,—повернулись бы въ могилахъ, если бъ услышали, какъ говорятъ объ ихъ потомкахъ. Въ бывшее время слово «осель» было почетнымъ названіемъ: оно означало то же, что теперь гофратъ, баронъ, докторъ философіи. Іаковъ сравниваетъ съ ослomъ своего сына Исахара, Гомеръ—своего героя Аякса, а теперь сравниваютъ съ нимъ господина фонъ***! По поводу подобныхъ ословъ, сударыня, я бы могъ зайти далеко въ исторію литературы и цитировать всѣхъ великихъ людей, бывшихъ влюбленными, напримѣръ, Абелардуса, Пикуса Мирандольскаго, Борбоніуса, Куртезіуса, Ангелуса Полиціануса, Раймундуса, Луллуса и Гейнрихуса Гейнеуса. Заговоривъ о любви, я бы цитировалъ всѣхъ людей, не курившихъ табаку, какъ, напримѣръ: Цицерона, Юстиніана, Гете, Гуго, себя—случайно мы всѣ пятеро отчасти юристы. Мабильонъ не могъ переносить даже запаха чужой трубки; въ своемъ «*Intinere germanico*», онъ, говоря о нѣмецкихъ трактирахъ, жалуется «*quod molestus ipsi fuerit tabaci grave olentis foetor*». Напротивъ того, другимъ великимъ людямъ приписываютъ любовь къ табаку. Рафаэль Торусъ написалъ гимнъ въ честь табака—сударыня, вы, можетъ-быть, еще не знаете, что Исаакъ Элезвириусъ издалъ этотъ гимнъ въ Лейденѣ, въ 1628 году, въ форматѣ *in quarto*,—а Людовикъ Киншотъ написалъ къ нему предисловіе въ стихахъ. Гревіусъ сочинилъ даже сонетъ о табакѣ. И великій Боксгорніусъ тоже любилъ табакъ. Бейль въ своемъ «*Dict. hist. et critique*» рассказываетъ о немъ, что великій Боксгорніусъ во время куренія носилъ на головѣ большую шляпу съ дырой на переднемъ полѣ, въ которую онъ часто вставлялъ свой трубку, чтобъ она не мѣшала ему заниматься. Кстати, упо-

мянувь о великомъ Боксгорніусѣ, я могъ бы цитировать всѣхъ великихъ ученыхъ, которыхъ легко бывало заставить струсить и обратить въ бѣгство. Но я ссылаюсь только на сочиненіе Югана Георга Марціуса: «De fuga literatorum», etc, etc, etc. Просматривая исторію, сударыня, мы видимъ, что всѣ великіе люди должны были хоть разъ въ жизни бѣжать: Лотъ, Тарквиній, Юпитерь, мадамъ Сталь, Навуходоносоръ, Беньовскій, Магометъ, вся прусская армія, Григорій VII, раввинъ Ицхакъ-Абарбанель, Руссо—я могъ бы привести еще много именъ, напрямѣрь тѣхъ, которыя записаны на биржѣ на черную доску.

Вы видите, сударыня, что я обладаю немалою ученостью и глубиною соображенія. Только систематизированіе еще не совсѣмъ далось мнѣ. Какъ истинный нѣмецъ, я долженъ бы начать эту книгу объясненіемъ ея заглавія, какъ всегда водилось въ священной римской имперіи. Правда, что Фидій не дѣлалъ никакого предисловія къ своему Юпитеру, точно такъ же, какъ на Венерѣ Медичейской—я ее осматривалъ со всѣхъ сторонъ—нѣтъ ни одной цитаты... Но древніе греки были греки, а нашъ братъ честный нѣмецъ не имѣетъ права совершенно отвергнуть нѣмецкую натуру, и потому я долженъ объясниться насчетъ слова «идеи», которое я выставилъ въ заглавіи этой книги.

Итакъ, сударыня, я говорю:

I. Объ идеяхъ.

A) Объ идеяхъ вообще.

a) Объ идеяхъ разумныхъ.

b) Объ идеяхъ неразумныхъ.

aa) Объ идеяхъ обыкновенныхъ.

bb) Объ идеяхъ, переплетенныхъ въ зеленый сафьянъ.

Эти послѣднія будутъ подраздѣляться на... но все это вы увидите въ свое время.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Сударыня, имѣете ли вы вообще понятіе о словѣ «идея»? Что такое идея? «Въ этомъ сюртукѣ есть нѣсколько хорошихъ идей», говорилъ мой портной, осматривая съ серьезнымъ видомъ знатока мой оберрокъ, ведущій свое начало еще отъ дней моего берлинскаго щегольства и изъ котораго теперь нужно бы сдѣлать почтенный халатъ. Прачка моя жалуется, «что пасторъ С... поселилъ въ головѣ ея дочери идеи, и она отъ этого поглупѣла и не хочетъ теперь слу-

шать никакихъ разумныхъ убѣжденій». Кучеръ Паттензенъ ворчитъ при каждомъ случаѣ: «вотъ идея! вотъ идея!» Но вчера, когда я спросилъ его, что онъ понимаетъ подъ словомъ «идея», онъ сильно разсердился и сердито проворчалъ: «Ну, ну, идея—это идея!.. Идея—всякая глупость, которую человѣкъ вообразить себѣ»... Въ такомъ же значеніи это слово употреблено гофратомъ Гереномъ, въ Геттингенѣ, въ заглавіи его сочиненія.

Кучеръ Паттензенъ—человѣкъ, который и ночью, и въ туманъ, не собьется съ дороги въ широкихъ люнебургскихъ степяхъ; гофратъ Геренъ—человѣкъ, который такъ же, умнымъ инстинктомъ своимъ, отыскиваетъ старыя караванныя дороги Востока и уже много лѣтъ бродитъ по нимъ такъ самоувѣренно и терпѣливо, какъ нѣкогда—верблюдъ древняго времени. На такихъ людей можно положиться, за такими людьми можно безбоязненно слѣдовать—и вотъ почему я назвалъ мою книгу: «Идеи».

Вслѣдствіе этого, титулъ книги имѣетъ такъ же мало значенія, какъ и титулъ автора; онъ выбранъ этимъ послѣднимъ не изъ ученаго высокоумія и ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть приписанъ его тщеславію. Сударыня, примите самое грустное увѣреніе въ томъ, что я не тщеславенъ. Замѣчаніе это необходимо, какъ вы увидите впоследствии. Я не тщеславенъ. И расти на моей головѣ цѣлый лѣсъ лавровъ, и разливайся въ моемъ молодомъ сердцѣ цѣлое море еиміама—я все-таки не сдѣлался бы тщеславенъ. Мои друзья и остальные товарищи по мѣсту и времени старательно позаботились объ этомъ. Вы знаете, сударыня, что старыя бабы, когда при нихъ восхищаются красотою ихъ ребятъ, плюютъ на этихъ послѣднихъ, для того, чтобъ похвала не слазила милыхъ малютокъ. Вы знаете, сударыня, что въ древнемъ Римѣ, когда триумфаторъ, увѣнчанный славой и украшенный пурпуромъ, вѣзжалъ въ городъ черезъ Марсово поле на золотой колесницѣ, влекомой бѣлыми конями, и точно богъ возвышался надъ торжественною процессіею ликторовъ, музыкантовъ, танцоровъ, жрецовъ, рабовъ, слоновъ, знаменосцевъ, консуловъ, сенаторовъ, солдатъ, тогда чернь бѣжала позади его и пѣла всевозможныя насмѣшливыя пѣсни. И вы знаете, сударыня, что въ Германіи много старыхъ бабъ и черни.

Итакъ, сударыня, идеи, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, такъ же далеки отъ идей Платоновыхъ, какъ Аѳины отъ Геттингена, и отъ книги моей вы должны ожидать такъ же мало,

какъ и отъ самого сочинителя ея. Право, какимъ родомъ этотъ сочинитель вообще могъ возбудить столько надеждъ, непонятно мнѣ такъ же, какъ и друзьямъ моимъ... Графиня Юлія объясняетъ это и увѣряетъ, что когда означенный сочинитель иногда дѣйствительно скажетъ что-нибудь новое и умное, такъ это онъ притворяется, а въ сущности онъ такъ же глушь, какъ и другіе. Графиня не права: я никогда не притворяюсь, у меня на умѣ то, что на языкѣ; я пишу совершенно невинно и просто, что придетъ въ голову, и не виноватъ, если скажу что-нибудь неглупое... Но въ литературѣ мнѣ везетъ больше, чѣмъ въ альтонской лотерей—желалъ бы я, чтобъ это было наоборотъ—и изъ-подъ моего пера часто выходитъ сердечная квинта или умственная кватерна—и этимъ я обязанъ Богу, ибо Онъ, отказывающій набожнѣйшимъ и добродѣтельнѣйшимъ поэтамъ во всѣхъ прекрасныхъ мысляхъ и въ пользованіи какою бы то ни было славою въ литературѣ, съ тою цѣлью, чтобъ они не были черезчуръ захваливаемы своими земными сотварями и черезъ это не забывали неба, гдѣ имъ уже уготованы хорошія мѣстечки,—Онъ тѣмъ щедрѣе надѣляетъ превосходными мыслями и земною славою нашего брата—грѣшныхъ, еретическихъ писателей, для которыхъ небо вѣдь точно заколочено гвоздями, и поступаетъ, такимъ образомъ, по божественному милосердію и состраданію, чтобы бѣдная душа, разъ что она создана, не оставалась совсѣмъ уже безъ всякой прибыли и по крайней мѣрѣ здѣсь на землѣ насладились долею того блаженства, въ которомъ отказано ей на небѣ.

Vid. Гете и авторы трактатцевъ.

Изъ этого вы увидите, сударыня, что вамъ должно читать мои сочиненія, доказывающія милосердіе и благодать Божію, я пишу съ слѣпою вѣрою въ Его всемогущество, въ этомъ отношеніи я совершенно христіанскій писатель и, говоря словами Губица, начиная писать настоящій періодъ, не знаю, какъ я его закончу и что собственно скажу, и полагаюсь въ этомъ отношеніи на волю Божью. И какъ бы я могъ писать иначе безъ этого набожнаго настроенія—въ моей комнатѣ стоитъ въ настоящую минуту разсыльный изъ типографіи Ланггофа и ожидаетъ рукописи, едва родившее слово отправляется, еще теплое и влажное, въ станокъ, то, что я чувствую и мыслю въ эту минуту, завтра полдень можетъ быть уже макулатурою.

Вамъ легко, сударыня, напомнить мнѣ правило Юр

«*popum prematur in annum*». Это правило, какъ и многія другія, можетъ быть очень хорошо въ теоріи, но въ практикѣ оно никуда не годится. Когда Гораций давалъ авторамъ этотъ знаменитый совѣтъ «оставлять сочиненія на девять лѣтъ въ портфелѣ»—слѣдовало ему также дать при этомъ наставленіе, какъ пробыть девять лѣтъ безъ пищи. Въ то время, какъ Гораций сочинялъ это правило, онъ, быть-можетъ, сидѣлъ за столомъ Мецената и ѣлъ кашуновъ съ трюфелями, пудингъ изъ фазановъ съ соусомъ изъ дичи, жаворонковыя котлеты съ тельтовскою морковью, павлиныя язмки, индійскія птичьи гнѣзда и Богъ знаетъ что еще—и все это даромъ! А мы, несчастные, послѣ рожденные, мы живемъ въ другое время, у нашихъ меценатовъ совсѣмъ иныя правила, они думаютъ, что писатели и кизилонныя ягоды всего лучше соображаютъ, когда полежать нѣкоторое время на соложѣ, они думаютъ, что собаки не годятся для охоты за образами и идеями, когда онѣ слишкомъ жирно выкормлены,—и—увы!—когда случится имъ въ кои вѣки покормить бѣдную собаку, такъ такую, которая меньше всего заслуживаетъ пищи, напимъ, моську, лижущую руки, или крошечную болонку, умѣющую проскользнуть на грудь раздушенной дамы, или теръбливаго пуделя, который знаетъ приноску и умѣетъ плясать и барабанить... Въ ту минуту, какъ я пишу эти строки, мой маленькій монсъ начинаетъ лаять позади меня... Молчи, молчи, другъ мой, я не наекалъ на тебя, потому что ты любишь меня и слѣдуешь за своимъ господиномъ въ нуждѣ и опасности, и умереть на могилѣ его съ такою же вѣрностью, какъ и нѣкоторые другія нѣмецкія собаки, которыя, будучи изгнаны изъ отечества, ложатся передъ воротами Германіи и голодаютъ, и стонуть... Простите, сударыня, за это отетупленіе, сдѣланное для того, чтобы дать моей бѣдной собакѣ удовлетвореніе; я снова возвращаюсь къ правилу Горация и его несостоятельности въ XIX столѣтіи, когда поэты не могутъ обойтись безъ стипендіи своей музѣ... *Ma foi, madame*, я не въ состояніи выдержать 24 часа, а тѣмъ менѣе девять лѣтъ, желудокъ мой не слишкомъ уважаетъ безсмертіе; обсудивъ дѣло, я предпочитаю быть безсмертнымъ только въ половинку и сытымъ вполнѣ, и если Вольтеръ соглашался отдать триста лѣтъ своей посмертной славы за хорошее пищеваденіе, такъ я предлагаю вдвое за самую пишу. Ахъ! какія отличныя, цвѣтущія кушанья бываютъ на свѣтѣ! Философъ Панглосъ правъ: напѣ міръ—самый лучшій міръ.

Но въ этомъ самомъ лучшемъ мѣрѣ надо имѣть деньги— деньги въ кармапѣ, а не рукописи въ портфель. Хозяинъ гостиницы «Англійскій Король», г. Марь, самъ писатель и тоже знаетъ правило Горація, но я не думаю, чтобъ онъ давалъ мнѣ вѣсть въ продолженіе девяти лѣтъ, если бъ я захотѣлъ приложить это правило на дѣлѣ.

Впрочемъ, и то сказать, для чего мнѣ прикладывать его? У меня такъ много хорошихъ сюжетовъ для сочиненій, что нечего долго выбирать. Пока мое сердце полно любовью, а головы моихъ ближнихъ—глупостями, до тѣхъ поръ никогда не будетъ у меня недостатка въ сюжетахъ. А сердце мое будетъ вѣчно любить,—любить, пока будутъ на свѣтѣ женщины: охолодѣетъ оно къ одной, сейчасъ же воспламенится къ другой; какъ во Франціи король никогда не умираетъ, такъ не умретъ никогда королева въ мосье сердцѣ, и постоянный крикъ его: «La reine est morte, vive la reine!» Такимъ же точно образомъ не вымретъ никогда и глупость моихъ ближнихъ, потому что мудрость существуетъ только въ единственномъ числѣ и имѣетъ свои опредѣленные границы, а глупостей и тысяча, и всѣ онѣ безграничны. Ученый казуистъ душевнаситель Шуппъ говоритъ даже, что «на свѣтѣ дураковъ больше, чѣмъ людей» (vid. *Shuppi lehre reiche-Schriften*, стр. 1121). Когда вспомнишь, что великій Шуппиусъ жилъ въ Гамбургѣ, то находишь это статистическое свидѣніе отнюдь не преувеличеннымъ. Я живу въ томъ же городѣ и могу сказать, что ощущаю истинное удовольствіе, когда подумаю, что всѣхъ дураковъ, которыхъ я вижу, я могу употребить для своихъ сочиненій: это чистый генерарь, наличныя деньги. Теперь у меня обильная жатва. Богъ благословилъ меня, дураки особенно хорошо уродились въ этомъ году, и я, какъ хороший хозяинъ, потребляю ихъ только въ небольшомъ числѣ, отбираю самыхъ лучшихъ и откладываю на будущее время. Меня часто можно встрѣтить теперь на гуляніѣ—радостнаго и веселаго. Какъ богатый купецъ, потирая отъ удовольствія руки, ходитъ между ящиками, бочками и тюками своихъ товаровъ, такъ я прохаживаюсь посреди моего народа. Всѣ вы мнѣ принадлежите, всѣ вы одинаково дороги мнѣ, и я люблю васъ, какъ вы сами любите свои деньги,—а это много значить. Недавно я отъ души сѣлся, услыхавъ, какъ одинъ изъ моихъ дураковъ съ безпокойствомъ увѣрилъ, что онъ не знаетъ, чѣмъ я буду со временемъ жить; а между тѣмъ, самъ онъ такой капиталый дуракъ, что я однимъ имъ могу жить, какъ

дѣйствительнымъ капиталомъ. Но мало того, что многіе дураки составляютъ для меня наличныя деньги; я даже назначилъ уже для извѣстныхъ цѣлей деньги, которыя могу изъ нихъ выписать. Такъ, напримѣръ, за одного мягконабитаго, толстаго милліонера я куплю себѣ одинъ съ мягкой подушкой стулъ, который француженки называютъ *chaise percée*. За его толстую милліонершу я куплю себѣ лошадь. И когда я встрѣчаю на прогулкѣ этого толстяка—скорѣе верблюду пройдетъ въ царство небесное, чѣмъ этотъ человѣкъ сквозь игольное ушко—мною овладѣваетъ странное настроеніе; хотя онъ совсѣмъ не знаетъ меня, я кланяюсь ему невольно, и онъ тоже кланяется мнѣ такъ радушно, такъ заманчиво, что я хотъ сейчасъ бы сдѣлалъ употребленіе изъ его доброты, если бъ не мѣшали мнѣ разряженные люди, проходящіе именно въ эту минуту мимо насъ. Супруга его совсѣмъ недурная женщина; правда, у нея только одинъ глазъ, но тѣмъ ярче выдается его зеленый цвѣтъ; носъ ея точно башня, смотрящая въ сторону Дамаска, грудь велика, какъ море, и по ней развѣваются всевозможныя ленты, точно флаги судовъ, вошедшихъ въ это море—уже отъ одного взгляда на нихъ можно получить морскую болѣзнь; спина ея очень красива и округлена, какъ—предметъ сравненія можно отыскать немного пониже—а для того, чтобы выткать ту фіолетово-голубую гардину, кѣторая закрываетъ этотъ «предметъ сравненія», несомнѣнно работали всю свою жизнь тысячи и тысячи шелковичныхъ червячковъ. Изъ этого вы видите, сударыня, какую лошадь я куплю себѣ! Когда я встрѣчаю эту даму на прогулкѣ, сердце мое начинаетъ биться, мнѣ кажется, что я уже готовъ вскочить на коня, я хлопаю хлыстикомъ, шелкаю пальцами и языкомъ, дѣлаю ногами всевозможныя движенія—гопъ! гопъ! И милая женщина смотреть на меня такъ задушевно, такъ разумно, она ржетъ глазомъ, раздуваетъ ноздри, кокетливо вертитъ спиной, дѣлаетъ курбеты и вдругъ пускается мелкою рысью. А я стою съ скрещенными руками и благосклонно смотрю ей вслѣдъ, и раздумываю:—на чемъ ее водить, на уздечкѣ или мундштукѣ? какимъ сѣдломъ осѣдлатъ ее—англійскимъ или польскимъ? и т. д. Люди, смотрящіе на меня въ это время, не понимаютъ, что привлекаетъ меня такъ сильно къ этой женщинѣ. Злые люди хотѣли уже встревожить ея супруга и намекали ему, что я смотрю на его половину глазами волкиты. Но моя честная мягкосафьянная *chaise percée*,

говорятъ, отвѣчала, что считаетъ меня невиннымъ, даже отчасти робкимъ молодымъ человѣкомъ, который смотритъ на нее съ особеннымъ вниманіемъ, какъ человѣкъ, чувствующій потребность войти въ болѣе близкія сношенія, но удерживаемый отъ этого стыдливымъ тупоуміемъ. Напротивъ того, моя благородная лошадь утверждала, что у меня свободный, безкорыстный, рыцарскій характеръ, и что моя предупредительная вѣжливость въ отношеніи къ ней выражала только желаніе—быть когда-нибудь приглашеннымъ къ ихъ обѣду.

Вы видите, сударыня, что я могу дѣлать употребленіе изъ всѣхъ людей, и адресъ-календарь не что иное, какъ опись моего движимаго имущества. Вслѣдствіе этого тоже я никогда не могу сдѣлаться банкротомъ, потому что даже своихъ кредиторовъ могу превратить въ источники пріобрѣтенія. Притомъ же, какъ я уже сказалъ, я живу очень экономно, дьявольски экономно. Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ я пишу эти строки, я сижу въ темной, непривѣтной комнатѣ Дюстернаской улицы, но не чувствую отъ этого ни малѣйшаго стѣсненія; вѣдь захоти я только, я могъ бы, точно такъ же, какъ мои друзья и милые, сидѣть въ прекраснѣйшемъ саду: мнѣ стоило бы только для этого реализовать моихъ водочныхъ кліентовъ. Эти послѣдніе, сударыня, состоятъ изъ испортившихся парикмахеровъ, разорившихся сводниковъ, трактирщиковъ, которымъ самимъ ѣсть нечего, бездѣльниковъ, умѣющихъ отыскать мою квартиру и за деньги, даваемые имъ на водку, рассказывающихъ мнѣ скандальную хронику своего квартала. Сударыня, вы удивляетесь, что я не выталкиваю этихъ людей разъ навсегда за двери?—что вы, сударыня? Вѣдь эти люди мои цвѣты. Когда-нибудь я опишу ихъ въ прекрасной книгѣ, и на деньги, вырученныя отъ нея, куплю себѣ садъ, и уже теперь ихъ красныя, желтыя, синія и пестрыя лица кажутся мнѣ цвѣтами этого сада. Пусть чужіе носы утверждаютъ, что эти цвѣты пахнутъ только водкой, табакомъ, сыромъ и порокомъ—мнѣ что за дѣло? Мой собственный носъ—эта труба моей головы, въ которой фантазія ходитъ внизъ и вверхъ, какъ трубочистъ,—утверждаетъ противное и слышитъ въ этихъ людяхъ только запахъ розъ, жасминовъ, фіалокъ, гвоздикъ, левкоевъ. О, какое наслажденіе буду я испытывать когда-нибудь, сидя утромъ въ моемъ саду и слушая пѣнье птицъ, и грѣя члены на солнцѣ, и вдыхая въ себя свѣжій запахъ зелени, и видомъ цвѣтовъ напоминая себѣ о старыхъ негодяхъ!

Но покаместъ я сижу еще въ темной Дюстерриской улицѣ, въ темной комнатѣ, и довольствуюсь тѣмъ, что для освѣщенія ея вѣщаю посредникѣ самаго большого обскуранта всей Германіи. «*Mais y verrez vous plus clair alors?*» Очевидно, сударыня,—но поймите меня какъ слѣдуетъ: я вѣщаю не самаго этого человѣка, а только хрустальную лампу, которую куплю себѣ на гонораръ, заработанный на немъ. Впрочемъ, я думаю, во всемъ государствѣ вдругъ стадо бы свѣтлѣе, если бы обскурантовъ вѣщали *in patria*. Но если ужъ этихъ людей нельзя вѣшать, то слѣдуетъ наклеивать на нихъ клеймо. Я опять—таки говорю фигурально—клеить *en effigie*. Правда, г. фонъ-Вейсъ—онъ бѣлъ и невиненъ, какъ лилія,—повѣрилъ, что я рассказывалъ въ Берлинѣ, будто отъ дѣйствительно клейменъ; вслѣдствіе этого дуракъ попросилъ начальство осмотрѣть его и взять письменное удостовѣреніе, что на его спинѣ не выжжено никакого герба; на это отрицательное свидѣтельство онъ смотрѣлъ, какъ на дипломъ, долженствовавшій дать ему доступъ въ лучшее общество; когда же, несмотря на это, его продолжали вытаскивать отовсюду, онъ пришелъ въ изумленіе и теперь мечетъ громъ и молнію на меня бѣднаго, и хочетъ, при встрѣчѣ со мною, застрѣлить меня изъ заряженнаго пистолета. А я, сударыня, знаете, что слѣдаю? Сударыня, на этого дурака, то-есть на гонораръ, который я получу за него, я куплю себѣ хорошую бочку рейнвейна. Упоминаю объ этомъ для того, чтобы вы не думали, что если я при встрѣчѣ съ г. фонъ-Вейсомъ становлюсь очень веселъ, то это происходитъ отъ злобной радости. Увѣряю васъ, сударыня, я вижу въ немъ только мой милый рейнвейнъ; какъ только я взгляну на него, на душѣ у меня становится пріятно и привольно, и я невольно напѣваю пѣсню: «На Рейнѣ, на Рейнѣ растутъ наши лозы», «О, какъ прелестенъ этотъ образъ!» «О, бѣлая женщина!..» Въ это время мой рейнвейнъ смотритъ очень кисло, и можно подумать, что онъ состоитъ только изъ яда и желчи; но увѣряю васъ, сударыня, что это не поддѣльное вино. Если на немъ и нѣтъ удостовѣрительнаго герба, то внатокъ все-таки сейчасъ оцѣнить его достоинство, и откупорю этотъ боченокъ съ большимъ удовольствіемъ, и если тамъ начнется слишкомъ сильное броженіе и будетъ грозить опаснымъ взрывомъ, то начальство скуетъ его нѣсколькими желѣзными обручами.

Изъ всего этого вы видите, сударыня, что вамъ нечего

безопасности обо мнѣ. Я могу смотрѣть спокойно на все въ этомъ свѣтѣ. Богъ благословилъ меня земными благами, и если Онъ не снабдилъ моего погреба большимъ количествомъ вина, то позволяетъ мнѣ работать въ своемъ виноградникѣ: я долженъ только выбирать виноградъ, чистить его, выдавливать, и у меня готовъ прозрачный Божій даръ... И если дураки и не летятъ мнѣ въ ротъ жареными, а напротивъ того, являются ко мнѣ сырыми и безвкусными, то я такъ долго умѣю вертѣть ихъ на вертелѣ, поджаривать, посыпать перцемъ и т. д., что они становятся мягкими и вкусными. Вы будете очень довольны, сударыня, въ тотъ день, когда я дамъ большой обѣдъ. Сударыня, я увѣренъ, что вы похвалите мою кухню. Вы сознаетесь, что я умѣю угощать моихъ сатраповъ такъ же роскошно, какъ нѣкогда великій Агасферъ, владѣвшій ста двадцатью провинціями отъ Индіи до мавританскаго королевства. Я приготовлю цѣлыя гекатомбы дураковъ. Этотъ толстый пьяница, который, какъ нѣкогда Юпитеръ, принялъ видъ быка и хлопочетъ объ одобреніи его Европою, будетъ бычачьимъ жаренымъ; этотъ печальный драматическій писатель, который на сценическихъ подмосткахъ, изображавшихъ печальное персидское царство, показывалъ намъ печальнаго Александра Великаго, въ образованіи котораго не принималъ участія никакой Аристотель, дастъ для моего стола отличную свиную голову, по обыкновенію кисло-сладко улыбающуюся, съ кускомъ лимона между зубами и съ лавровыми листьями, которыми искусная и опытная кухарка украситъ ее; пѣвецъ коралловыхъ губокъ, лебединыхъ шеекъ, волнующихся бѣлоснѣжныхъ холмиковъ, ляжечекъ, поцѣлуйчиковъ, именно г. Клауренъ, или, какъ его называютъ набожныя бернардинки на Фридриховой улицѣ, «отецъ Клауренъ! нашъ Клауренъ!», доставитъ всѣ тѣ кушанья, которыя онъ, съ фантазіей лакомки-кухарки, описываетъ такъ аппетитно въ своемъ ежегодно выпускаемомъ Карманномъ публичномъ домѣ—и кромѣ того, дастъ намъ особенное блюдо селеirea, «при видѣ котораго сердечко человѣка прыгаетъ отъ любви!»; умная, тощая придворная дама, у которой только голова вкусна, явится въ видѣ аналогическаго блюда, именно спаржи... И не будетъ никакого недостатка въ геттингенскихъ колбасахъ, гамбургской копченой говядинѣ, померанской гусиной грудинкѣ, бычачьихъ языкахъ, телятинѣ, трескѣ, всевозможныхъ желе, берлинскихъ пирожкахъ, вѣнскихъ тортахъ, вареньяхъ...

Сударыня, уже одна мысль обо всемъ этомъ разстроила мой желудокъ! Чортъ побери такіе пиры! Я не могу много выносить. У меня пищевареніе нехорошее. Свиная голова дѣйствуетъ на меня, какъ на остальную нѣмецкую публику... мнѣ нужно принять Вилибальдъ-Алексисовскій салатъ, имѣющій слабительное дѣйствіе. О, несчастная свиная голова съ еще болѣе несчастнымъ соусомъ, не говорящая ни по-гречески, ни по-персидски, но имѣющая вкусъ чая съ зеленымъ мыломъ! Позовите ко мнѣ моего толстаго милліонера.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Сударыня, я замѣчаю на вашемъ прекрасномъ лбу легкое облако неудовольствія, и вы, повидимому, спрашиваете, не поступаю ли я несправедливо, стряпая такимъ образомъ дураковъ, сажая ихъ на вертелъ, разрубивая, шпигуя и даже убивая такихъ, которыхъ я долженъ оставлять не съѣденными и которые служатъ только добычею острымъ клювамъ шутниковъ, между тѣмъ какъ дѣти и сироты ихъ воютъ и стонуть.

Madame c'est la guerre! Я теперь разъясню вамъ всю загадку: я самъ, правда, не изъ числа умныхъ людей, но примкнулъ къ этой партіи и уже 5.588 лѣтъ мы ведемъ войну съ дураками. Дураки считаютъ себя обиженными нами; именно они утверждаютъ, что въ мірѣ есть только одна извѣстная доза разума, и этой всей дозой умные люди завладѣли. Богъ вѣсть какъ, и въ высшей степени возмутительно, что часто одинъ человѣкъ завладѣваетъ такимъ количествомъ ума, что всѣ его сограждане и вся страна остаются во мракѣ. Въ этомъ-то заключается главная причина войны, и это истинно истребительная война. Умные, по обыкновенію, оказываются спокойнѣйшими, умѣреннѣйшими и умнѣйшими; они сидятъ, плотно запершись въ своихъ старо-аристотельскихъ сочиненіяхъ, имѣютъ много орудій, имѣютъ и огнестрѣльные снаряды, потому что вѣдь сами они изобрѣли порохъ, и по временамъ кидаютъ въ своихъ враговъ хорошо испытанныя бомбы. Но, къ сожалѣнію, эти враги слишкомъ многочисленны и умѣютъ сильно кричать, и каждый день совершаютъ преступленіе, потому что вѣдь, дѣйствительно, каждая глупость—для умныхъ преступленіе. Ихъ военныя хитрости часто очень лукаваго свойства. Нѣкоторые изъ предводителей огромной арміи остерегаются сознаваться въ тайной причинѣ войны. Они слышали, что

одинъ извѣстный фальшивый человѣкъ, который до того довелъ фальшь, что, наконецъ, написалъ даже фальшивые мемуары—именно, Фуше, сказалъ: «*Les paroles sont faites pour cacher nos pensées*». Вотъ и начали они сочинять много словъ, чтобы скрыть, что вообще у нихъ нѣтъ никакихъ мыслей, и держать они длинныя рѣчи, и пишутъ толстыя книги, и восхваляютъ единственно-благодѣтельный источникъ мыслей, именно разумъ, занимаются математикой, логикой, статистикой, улучшеніемъ машинъ, гражданскимъ чувствомъ, кормомъ лошадей и т. п.—и какъ обезьяна тѣмъ смѣшнѣе, чѣмъ въ ней болѣе видимаго сходства съ человѣкомъ, такъ и эти дураки тѣмъ смѣшнѣе, чѣмъ болѣе стараются они походить на умныхъ. Другіе предводители этой огромной арміи—люди болѣе откровенные и сознаются, что на ихъ долю выпало очень мало ума, что, можетъ-быть, они и совсѣмъ не получили его, но не могутъ не замѣтить, что въ сущности умъ очень кисель и не стѣитъ, чтобы о немъ особенно заботились. Оно, можетъ-быть, и правда, но къ несчастью они не настолько умны, чтобы умѣть доказать это. Вслѣдствіе этого они прибѣгаютъ къ всевозможнымъ уловкамъ, открываютъ въ себѣ новыя силы, объявляютъ, что эти силы дѣйствуютъ такъ же, какъ и разумъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и сильнѣе, какъ, напримѣръ, добродушіе, вѣра, вдохновеніе и т. д., и утѣшаютъ себя этимъ суррогатомъ разума, этимъ свекловичнымъ разумомъ. Но меня, бѣднаго, они ненавидятъ особенно сильно, утверждая, что я прирожденный членъ именно ихъ партіи, что я отступникъ, дезертиръ, разорвавшій самыя священныя узы, что я даже шпионъ, тайно вывѣдывающій, что они, дураки, дѣлаютъ, и потомъ отдающій ихъ на посмѣшище своимъ новымъ товарищамъ, что я, наконецъ, такъ глупъ, что не замѣчаю, какъ эти новые товарищи въ то же время смѣются надо мною и никогда не считаютъ меня равнымъ себѣ... И въ этомъ послѣднемъ случаѣ дураки совершенно правы.

Да, правда, что умные не считаютъ меня равнымъ себѣ, и я часто служу предметомъ ихъ скрытаго хихиканья. Я очень хорошо знаю это, но дѣлаю видъ, что не замѣчаю. Сердце мое тайно обливается кровью, и когда я остаюсь одинъ, то начинаю плакать. Я очень хорошо знаю, что мое положеніе неестественно; все, что я дѣлаю, умнымъ кажется глупостью, а дуракамъ—преступленіемъ. Они ненавидятъ меня, и я чувствую справедливость поговорки:

«Камень тяжелъ и песокъ есть бремя, но гнѣвъ дураковъ тяжеле того и другого». И они не безъ основанія ненавидятъ меня. Совершенно справедливо, что я разорвалъ самыя священныя узы, потому что по божескимъ и по чловѣческимъ законамъ мнѣ слѣдовало жить и умереть между дураками. И ахъ, какъ привольно жилось бы мнѣ между этими людьми! Захоти я вернуться къ нимъ, они и теперь приняли бы меня съ распростертыми объятіями. Они бы въ глазахъ моихъ вычитывали, что бы такое сдѣлать въ угоду мнѣ. Они бы каждый день приглашали меня на обѣдъ, а по вечерамъ водили въ свои чайныя общества и клубы, и я могъ бы играть съ ними въ вистъ, курить табакъ, толковать о политикѣ, и если бы сталъ вѣвать при этомъ, то за спиной моей говорили бы: «какая прекрасная душа! полная вѣры душа!» — позвольте мнѣ, сударыня, выронить слезу трогательнаго волненія — ахъ, и я шилъ бы съ ними пуншъ до тѣхъ поръ, пока меня не посѣщало бы вдохновеніе, и тогда они относили бы меня въ порт-шезъ домой, старательно заботясь, чтобъ я не простудился, и одинъ спѣшилъ бы подать мнѣ туфли, другой — шелковый халатъ, третій — бѣлый ночной колпакъ, и затѣмъ они сдѣлали бы меня экстраординарнымъ профессоромъ или президентомъ какого-нибудь миссіонерскаго общества, или директоромъ музея римскихъ раскопокъ, — потому что я былъ бы чловѣкомъ способнымъ на всякаго рода занятія, тѣмъ болше, что очень хорошо умѣю отличать латинскія склоненія отъ спряженій и не такъ легко, какъ другіе, приму сапогъ прусскаго почталіона за этрусскую вазу. Мое добродушіе, моя вѣра, мое вдохновеніе могли бы, сверхъ того, приносить много пользы въ молитвенные часы, именно для меня самого; наконецъ, мое отличное поэтическое дарованіе оказывало бы мнѣ большія услуги въ дни рожденій и свадебъ знатныхъ особъ, и было бы совсѣмъ не дурно, если бы въ большомъ національномъ эпосѣ я воспѣлъ всѣхъ тѣхъ героевъ, о которыхъ мы совершенно положительно знаемъ, что изъ ихъ истлѣвшихъ труповъ выползли черви, выдающіе себя за ихъ потомковъ.

Многіе, не родившіеся дураками и нѣкогда имѣвшіе умъ, перешли къ дуракамъ именно изъ-за всѣхъ этихъ выгодъ, живутъ между ними настоящими сибаритами; глупости, преодоленіе которыхъ стоило имъ сначала нѣкотораго труда, обратились теперь для нихъ во вторую натуру, и на нихъ надо смотрѣть уже не какъ на лицемѣровъ, а какъ на ис-

тишно вѣрующихъ. Одинъ изъ такихъ людей, въ головѣ котораго еще не совершилось полное солнечное затменіе, очень любитъ меня, и недавно, когда мы были съ нимъ одни, онъ заперъ двери и серьезно сказалъ мнѣ: «О, дуракъ, притворяющійся умнымъ, но имѣющій столько же ума, сколько рекрутъ во чревѣ матери! Развѣ ты не знаешь, что сильныя міра въ нашей странѣ возвышаютъ только того, кто самъ унижаетъ себя и говоритъ, что ихъ кровь лучше его собственной. А ты ссоришься съ нашими набожными! Неужели же такъ трудно придавать глазамъ богобоязненное выраженіе, смиренно скрепивать руки, униженно опустить голову и шептать выученныя наизусть библейскія изреченія? Вѣрь мнѣ, никакое высокопревосходительство не заплатитъ тебѣ за твое безбожіе, люди любви будутъ ненавидѣть тебя, осыпать клеветами и преслѣдовать, и ты не составишь себѣ никакой карьеры ни на небѣ, ни на землѣ».

Ахъ, все это правда! Но что же мнѣ дѣлать, когда у меня эта несчастная страсть къ разуму? Я люблю его, несмотря на то, что онъ не отвѣчаетъ мнѣ тѣмъ же. Я даю ему все, а онъ мнѣ — ничего. Я не могу оторваться отъ него. И какъ нѣкогда еврейскій царь Соломонъ, воспѣвая въ «Пѣснѣ Пѣсней» христіанскую церковь, облакалъ ее въ образъ черной страстной дѣвушки, для того, чтобы евреи ничего не замѣтили — такъ я, въ безчисленномъ множествѣ пѣсней, воспѣвалъ разумъ подъ видомъ бѣлой холодной дѣвушки, которая привлекаетъ и отталкиваетъ меня, то улыбается, то сердится и, наконецъ, поворачивается ко мнѣ спиною. Эта тайна моей несчастной любви — тайна, которую я не открываю никому, — можетъ служить для васъ, сударыня, масштабомъ для оцѣнки моей глупости; вы видите, что эта глупость необыкновеннаго свойства, величаво возвышающаяся надъ обыкновенною глупостью людей. Прочтите моего «Ратклифа», моего «Алмазвора», мое «Лирическое Intermezzo» — разумъ! разумъ! ничего, кромѣ разума! — прочтите, и васъ испугаетъ вышина моей глупости. Высоко въ воздухѣ подымается дубовый лѣсъ, высоко надъ дубовымъ лѣсомъ пролетаетъ орелъ, высоко надъ орломъ проносятся тучи, высоко надъ тучами сверкаютъ звѣзды — сударыня, не слишкомъ ли это высоко для васъ? — *en bien* — высоко надъ звѣздами сидятъ ангелы, высоко надъ ангелами вздымается — нѣтъ, сударыня, выше этого моя глупость не можетъ подняться. Она и безъ того достаточно высока. У нея самой голова кружится отъ своей собствен-

пой вышины. Она дѣлаетъ изъ меня исполнна въ сапогахъ-скороходахъ. Во время обѣда у меня на душѣ такъ, какъ будто я могъ бы съѣсть всѣхъ слоновъ Индостана и поковырять въ зубахъ страсбургскимъ соборомъ; вечеромъ я становлюсь до такой степени сентиментальнымъ, что получаю желаніе выпить весь млечный путь, забывая, что маленькія неподвижныя звѣзды могутъ остаться въ желудкѣ несваренными; а ночью штука ужъ въ полномъ разгарѣ: въ моей головѣ появляется конгрессъ всѣхъ народовъ настоящаго и прошедшаго времени—приходятъ ассиріане, египтяне, мидяне, персы, евреи, филистимляне, франкфуртцы, вавилоняне, караегеняне, берлинцы, римляне, спарганцы, турки... Сударыня, описаніе этихъ всѣхъ народовъ заняло бы здѣсь слишкомъ много мѣста; прочтите сами Геродота, Ливія, нѣмецкія газеты, Курція, Корнелія Непота, газету «Gesellschafter». А я, между тѣмъ, пойду завтракать, сегодня утромъ мнѣ не совсѣмъ весело пишется, я замѣчаю, что Господь Богъ оставляетъ меня—сударыня, я боюсь даже, что вы замѣтили это раньше меня,—да, я замѣчаю, что истинная Божья помощь сегодня совсѣмъ еще не приходила ко мнѣ.—Сударыня, я начну новую главу и расскажу вамъ, какъ послѣ смерти Ле-Грана я пришелъ въ Годесбергъ

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Пришедши въ Годесбергъ, я сѣлъ у ногъ моей прекрасной подруги, и подлѣ меня легла ея коричневая собака—и оба мы смотрѣли въ ея глаза.

Боже всемогущій! Въ этихъ глазахъ лежало все великолѣпіе земли съ цѣлымъ небомъ надъ нею!.. Глядя въ нихъ, я могъ бы умереть отъ блаженства, и если бъ умеръ, то душа моя прямо полетѣла бы въ эти глаза. О, я не въ состояніи описать ихъ! Я хочу позвать изъ дома сумасшедшихъ одного поэта, помѣшавшагося отъ любви,—и пусть онъ вызоветъ изъ бездны своего безумія образъ, съ которымъ я могъ бы сравнить эти глаза... Между нами будь сказано, я самъ достаточно помѣшанъ для того, чтобы не требовать себѣ помощника въ этомъ дѣлѣ. «Goddem!—сказаль разъ про нихъ одинъ англичанинъ:—когда они смотрятъ на васъ съ ногъ до головы такъ глубоко-спокойно—мѣдныя пуговицы на фракѣ расплываются, а съ ними и сердце». «F...e!—замѣтилъ французъ:—у нея глаза огромнѣйшаго калибра, и когда она выстрѣлитъ такимъ трид-

пяти-фунтовымъ взглядомъ — кракъ: человекъ влюбленъ». Тутъ же былъ одинъ рыжеголовый адвокатъ изъ Майнца, выразившійся такъ: «ся глаза похожи на двѣ чашки чернаго кофе». Этимъ онъ хотѣлъ сказать что-то очень сладкое, потому что самъ всегда накладывалъ безчеловѣчное количество сахару въ свое кофе... Скверныя сравненія!

Я и коричневая собака безмолвно лежали у ногъ прекрасной женщины и смотрѣли, и слушали. Она сидѣла подлѣ стараго, сѣдого солдата—рыцарской фигуры и съ шрамами на морщинистомъ лбу. Оба говорили о семи горахъ, блестящихъ при свѣтѣ прекрасной вечерней зари, о голубомъ Рейнѣ, протекавшемъ невдалекѣ, величественно и спокойно... Но что намъ было за дѣло до семигорія и до вечерней зари, и голубого Рейна, и челноковъ съ бѣлыми парусами на немъ, и до музыки, несшейся изъ одной ладьи, и до бараньей головы студента, который пѣлъ тамъ такъ тоскливо и нѣжно? Я и коричневая собака смотрѣли въ глаза подруги, въ лицо ея, блестящее розово-блѣднымъ свѣтомъ между черными косами и кудрями, какъ мѣсяцъ посреди темныхъ тучъ... То были высокія, греческія черты, смѣло округленныя губы, на которыхъ играли тоска, блаженство и дѣтская беззаботность... И когда она говорила, слова ея звучали какъ-то глубоко, точно вздохи, и вмѣстѣ съ тѣмъ вырывались съ какимъ-то быстрымъ нетерпѣніемъ, и когда она говорила, и рѣчь ея летѣла изъ прелестныхъ устъ, какъ теплый и свѣтлый цвѣточный дождь,—о, тогда вечерняя зоря ложилась на мою душу, воспоминанія дѣтства проходили по ней, звонко играя, но громче всѣхъ, точно колокольчикъ, звучалъ во мнѣ голосъ маленькой Вероники... И я схватилъ прелестную руку подруги, и прижалъ ее къ глазамъ, и держалъ ее такъ, пока не пронеслись мимо души моей эти звуки... И тогда вскочилъ я на ноги, и сталъ смѣяться; а собака лаяла, по лбу стараго генерала прошли болѣе серьезныя морщины, и я снова сѣлъ на мѣсто, и снова схватилъ прекрасную руку, и цѣловалъ ее, и говорилъ, и рассказывалъ о маленькой Вероникѣ...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Сударыня, вы желаете, чтобы я описалъ вамъ наружность маленькой Вероники. Но я не хочу этого. Васъ нельзя заставить читать больше, чѣмъ вамъ самимъ угодно; точно такъ же и я имѣю право писать только то, что желаю. Но

мнѣ хочется теперь описать вамъ прекрасную руку, которую я пѣловала въ предыдущей главѣ.

Прежде всего я долженъ сознаться, что не былъ достоинъ пѣловать эту руку. То была прекрасная рука, такая нѣжная, прозрачная, блестящая, сладкая, благоуханная, проткая, милая... право, мнѣ нужно послать въ аптеку—купить прилагательныхъ на двадцать грошей.

На среднемъ пальцѣ было надѣто кольцо съ жемчугомъ—я никогда не видалъ жемчуга, который игралъ бы болѣе жалкую роль, на безымянномъ носила она кольцо съ голубымъ антикомъ—я по цѣлымъ часамъ изучалъ на немъ археологію, на указательномъ пальцѣ помѣщался бриллиантъ—то былъ какой-то талисманъ, и пока я смотрѣлъ на него, до тѣхъ поръ блаженствовалъ, потому что гдѣ былъ онъ, тамъ былъ и палецъ со своими четырьмя товарищами, и всѣми пятью пальцами она часто была меня по губамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я былъ подвергнутъ такой манипуляціи, я твердо вѣрю въ магнетизмъ. Но она была не крѣпко, и дѣлала это, когда я заслуживалъ наказаніе какою-нибудь атеистическою выходкою, а ударивъ, сейчасъ же раскаивалась, брала пирожокъ, разламывала его надвое и подавала одну половину мнѣ, другую—коричневой собачкѣ, и, улыбаясь, говорила: «у васъ обоихъ нѣтъ вѣры, и надо васъ на этомъ свѣтѣ кормить пирожками, потому что на томъ свѣтѣ не будутъ для васъ накрывать столъ». Отчасти она была права, въ то время я дѣйствительно былъ большой атеистъ, читалъ Томаса Хейна, «Systeme de la nature», «Вестфальскій указатель» и Шлейермахера, и отронцалъ себя бороду и рассудокъ, и хотѣлъ поступить въ наргію рационалистовъ. Но когда прекрасная рука проходила по лбу моему, рассудокъ мой останавливался, и сладкія грѣзы наполняли голову, и мнѣ слышались снова набожныя церковныя жести, и я думалъ о маленькой Бероникѣ.

Вы не можете себя представить, сударыня, какъ хороша была маленькая Бероника, когда она лежала въ своемъ гробикѣ. Свѣчи, горѣвшія вокругъ, бросали мерцающій блескъ на блѣдное, смѣющееся личико, на шелковыя розетки и золотыя блестки, которыми украсили ея головку и бѣлую рубашечку... Набожная Урсула повела меня вечеромъ въ безмолвную комнату, и когда я увидѣлъ маленький трунъ, выставленный на столъ, посреди свѣчей и цвѣтовъ, то подумалъ сначала, что это какой-нибудь священный образъ изъ воска; но скоро узналъ милое лицо и спросилъ,

снѣясь, отчего маленькая Вероника такъ безмолвна? И Уреула отвѣчала мнѣ: «Это дѣлаетъ смерть».

И когда она сказала: «это дѣлаетъ смерть...» Но я не хочу рассказывать сегодня эту исторію — она затянулась бы слишкомъ далеко, мнѣ пришлось бы говорить сначала о хромой сорокѣ, которая ковыляла на площади замка и которой было триста лѣтъ отъ рѣду,—а это повергнуло бы меня въ меланхолію... Мнѣ вдругъ захотѣлось рассказать вамъ другую исторію, веселую и совершенно идущую сюда, потому что она-то и есть та исторія, которую я долженъ былъ рассказать въ этой книгѣ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Въ груди рыцаря не было ничего, кромѣ тьмы и скорби. Книжкины клеветы попали прямо въ цѣль, и когда онъ проходилъ по площади св. Марка, на душѣ его было такъ, какъ будто сердце хотѣло разорваться и истечь кровью. Ноги его подгибались отъ усталости—благородное животное травилъ цѣлый день, а день былъ лѣтній, жаркій,—съ лица его катился потъ, и садясь въ гондолу, онъ вздохнулъ глубоко. И сидѣлъ онъ безъ всякихъ мыслей въ темной комнатѣ гондолы, безъ мыслей качали его мягкія волны и несли по давно знакомому пути въ Brentu, и когда онъ остановился и вышелъ передъ знакомымъ дворцомъ, то ему сказали, что синьора Лаура теперь въ саду.

Она стояла, прислонясь къ статуѣ Лаокоона подлѣ пурпурнаго куста розъ, въ концѣ террасы, недалеко отъ плакучихъ ивъ, тоскливо склонявшихся надъ мимо текущею рѣкою. Она стояла съ улыбкой, какъ нѣжный образъ любви, благоухая рѣзами. А онъ точно очнулся отъ мрачнаго сна и внезапно будто превратился въ кротость и сладкую тоску. «Синьора Лаура! — сказалъ онъ:— я несчастенъ, меня мучатъ ненависть, нужда и ложь...» Тутъ онъ занулся и потомъ прошепталъ: «Но я люблю васъ...» И радостная слеза сверкнула въ глазахъ его, и съ влажными глазами, пылающими устами, воскликнулъ онъ: «Будь моею, дѣвушка, полюби меня!»

Таинственно-темный покровъ лежитъ надъ этимъ часомъ, ни одинъ смертный не знаетъ, что отвѣчала синьора Лаура, а когда спрашиваютъ объ этомъ ея ангела-хранителя въ небѣ, онъ закрываетъ лицо и вздыхаетъ, и молчитъ.

Долго еще стоялъ одинокій рыцарь подлѣ статуи Лаокоона, лицо его было такъ же блѣдно и измучено, какъ эта ста-

туя, бессознательно сорвалъ онъ всѣ листья розъ, раздернулъ даже молодыя почки—кустъ не цвѣлъ никогда больше послѣ этого — въ отдаленіи тосковалъ безумный соловей, плакучія ивы жалобно шептались, глухо журчали прохладныя волны Бренты, ночь наступила со своимъ мѣсяцемъ и звѣздами, и одна прекрасная звѣзда, прекраснѣе всѣхъ другихъ, скатилась съ неба.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Vous pleurez, madame?

О, да освѣщаютъ долго еще вселенную своими лучами эти глаза, проливающіе такія прекрасныя слезы, и да закроетъ ихъ въ минуту смерти теплая, дружеская рука! Мягкая подушка тоже недурная вещь въ минуту смерти, и дай вамъ Богъ имѣть ее, сударыня! И когда прекрасная усталая головка ваша упадетъ на эту подушку, и черныя локоны раскинутся по поблѣднѣвшему лицу—о, въ эту минуту да воздастъ вамъ Богъ за слезы, которыя вы пролили обо мнѣ, потому что я тотъ рыцарь, о которомъ вы плакали, я самъ тотъ странствующій рыцарь любви, рыцарь скатившейся звѣзды.

Vous pleurez, madame?

О, я знаю эти слезы! Къ чему долѣе притворяться? Вѣдь вы, сударыня, та самая прекрасная женщина, которая такъ мило плакала въ Годесбергѣ, когда я рассказывалъ печальную сказку моей жизни. Какъ жемчуги на розахъ, текли прекрасныя слезы по прекраснымъ щекамъ... Собака молчала, смолкъ доносившійся изъ Кенигсвинтера вечерній звонъ, Рейнъ журчалъ все тише и тише, ночь покрывала землю своимъ зеленымъ плащомъ, а я сидѣлъ у вашихъ ногъ, сударыня, и смотрѣлъ въ вышину, на звѣздное небо. Сначала я принялъ и ваши глаза за двѣ звѣзды. Но можно ли смѣшать со звѣздами такіе прекрасные глаза? Эти холодныя свѣтила небесныя не могутъ плакать о несчастіи человѣка, который до того несчастенъ, что не въ состояніи больше плакать.

А у меня были еще особенныя причины сразу узнать эти глаза: въ нихъ жила душа маленькой Вероники.

Я расцелъ, сударыня, что вы родились какъ разъ въ тотъ день, какъ маленькая Вероника умерла. Иоганна въ Андернахѣ предсказала мнѣ, что я снова найду въ Годесбергѣ маленькую Веронику, и я сейчасъ же узналъ ее. Вы скверно поступили, умерши какъ разъ въ то время, когда

паши прелестныя забавы только-что пошлы такъ хорошо. Съ тѣхъ поръ, какъ набожчая Урсула сказала мнѣ: «это дѣлаеть смерть», я бродилъ, одинокій и задумчивый, по большой картинной галлерей; картины уже не нравились мнѣ такъ, какъ прежде, мнѣ казалось, что онѣ вдругъ поблѣднѣли, и только въ одной сохранились краски и блескъ— вы знаете, сударыня, о какой картинѣ я говорю.

Это—изображеніе делійскаго султана и султанши его.

Помните, сударыня, какъ мы по цѣлымъ часамъ стояли предъ нею, и какъ набожная Урсула странно подсмѣивалась, когда люди замѣчали, что лица на этой картинѣ очень похожи на мое и ваше лицо? Я нахожу, что вы были тутъ дѣйствительно очень похожи, и не понимаю, какъ живописецъ представилъ васъ даже въ томъ платьѣ, въ которомъ вы въ то время ходили. Говорятъ, что онъ былъ сумасшедшій и что ему пригрезился вашъ образъ. Или, можетъ-быть, его душа сидѣла въ той большой обезьянѣ, которая въ то время служила вамъ жокеемъ? Въ такомъ случаѣ, онъ, конечно, долженъ былъ хорошо помнить серебристый покровъ, который онъ разъ испортилъ, выливъ на него красное вино. Я былъ очень радъ, что вы перестали носить этотъ покровъ; онъ не особенно хорошо шелъ къ вамъ, какъ и вообще европейскій костюмъ гораздо лучше идетъ къ женщинамъ, чѣмъ индійскій. Впрочемъ, красавица хороша въ каждомъ костюмѣ. Помните, сударыня, какъ одинъ любезный браминъ, походившій на Ганезу, бога съ слоновою хоботомъ, ѣдущаго верхомъ на мышь, сказалъ вамъ такой комплиментъ: «божественная Манека, когда она сошла съ золотого дворца Индры къ королю Висвамित्रѣ, не была, конечно, такъ хороша, какъ вы, сударыня!»

Вы, можетъ-быть, забыли это? Въдѣ всего три тысячи лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а красавицы не забываютъ такъ скоро нѣжной лести.

Что касается до мужчинъ, то индійское платье идетъ къ нимъ гораздо лучше европейскаго. О, мои розово-красныя, вышитыя цвѣтами лотоса, панталоны делійскіе! Будъ вы на мнѣ въ то время, какъ я стоялъ передъ синьорой Лаурою и умолялъ ее о любви— въ предыдущей главѣ не то было бы написано! Но—увы!—На мнѣ были тогда желтые, какъ солома, панталоны, вытканные однимъ скучнымъ китайцемъ въ Нанкинѣ... И моя погибель тутъ же была выткана—и я сдѣлался несчастнымъ.

Часто сидитъ молодой человекъ въ маленькой комнатѣ

нѣмецкой кофейни и спокойно пьеть кофе, а между тѣмъ въ широкомъ, отдаленномъ Китаѣ растутъ и цвѣтеть его погибель, и тамъ она прядется и ткется, и, несмотря на высокія стѣны китайскія, умѣетъ найти дорогу къ молодому человѣку, который принимаетъ ее за пару нанковыхъ панталонъ, беззаботно надѣваетъ ихъ и дѣлается несчастнымъ... А въ маленькой груди человѣка можетъ спрятаться много страданій, и спрятаться такъ хорошо, что самъ бѣднякъ долго не чувствуетъ ихъ, и веселье, и танцуетъ, и свиститъ, и напѣваетъ: лалара, лала, ла, ла, ла...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Она была достойна любви, и онъ любилъ ее; но онъ не былъ достоинъ любви, и она не любила его.

(Старая пьеса.)

— И изъ-за такой глупой исторіи вы хотѣли застрѣлиться?

Сударыня, когда человѣкъ хочетъ стрѣляться, то у него всегда есть достаточное основаніе для этого — вѣрите мнѣ. Но знаетъ ли онъ самъ это основаніе—другой вопросъ. До послѣдней минуты мы играемъ комедію сами съ собою, мы маскируемъ даже свое страданіе и, умирая отъ раны въ груди, жалуемся на зубную боль.

Вы, сударыня, знаете, безъ сомнѣнія, какое-нибудь средство противъ зубной боли?

А у меня была зубная боль въ сердцѣ. Это скверная боль, и ей очень хорошо помогаютъ свинецъ съ тѣмъ зубнымъ порошкомъ, который изобрѣтенъ Бертольдомъ Шварцомъ.

Какъ червякъ, грызло страданіе мое сердце, и въ томъ не виноватъ бѣдный китаецъ; я самъ принесъ это страданіе съ собою на свѣтъ. Оно лежало со мною уже въ колыбели, и мать моя, качая меня, укачивала вмѣстѣ и его, и когда я засыпалъ подъ ся пѣсни, оно тоже засыпало, и пробуждалось, чуть я открывалъ глаза. Но мѣрѣ того, какъ я подросталъ, росло и мое страданіе, и сдѣлалось, наконецъ, очень большимъ и разбило мое...

Поговоримъ лучше о другихъ вещахъ, о вѣнкахъ невѣсты, о маскарадныхъ балахъ, о весельѣ и свадебныхъ пирахъ... тра-ла-ла-ла, тра-ла, ла-ла-ла.

Часть третья.

ИТАЛІЯ.

(1828 г.).

Haf's auch und Ulrich Hutten
Mussten ganz bestimmt sich rüsten
Wider braun und blaue Kutten,
Meine gohn wie andre Christen!

Goethe.

Благородную душу вы никогда не принимаете въ расчетъ—и объ это разбивается ваша мудрость. *(Онъ открываетъ ящики въ письменномъ столѣ, вынимаетъ оттуда два пистолета, изъ которыхъ одинъ кладетъ на столъ, а другой заряжаетъ).*

«Сила Обстоятельствъ» Роберта.

I. Отъ Мюнхена до Генуи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Я самый вѣжливый человекъ въ мірѣ. Я ставлю себя въ заслугу то, что никогда не былъ грубъ на этой землѣ, гдѣ такъ много невыносимыхъ болвановъ, которые подсядутъ къ вамъ и начнутъ рассказывать про свои страданія, или даже декламировать свои стихи; съ истинно христіанскимъ терпѣніемъ я всегда спокойно выслушивалъ подобную дрянъ, не выдавая даже взглядомъ, какую ужасную скуку терпѣла моя душа. Подобно кающемуся брамину, который отдаетъ свое тѣло на жертву всякимъ гадамъ, чтобы и эти Божьи созданья были сыты, я часто по цѣлымъ днямъ выдержи-

галь патискъ самыхъ фатальныхъ чловѣческихъ отбросковъ и спокойно выслушивалъ ихъ, — п внутреннiе вздохи мои слышалъ только Онъ, награждающiй добродѣтель.

Но п житейская мудрость повелѣваетъ намъ быть вѣжливымъ и не молчать сердито, а ужъ давно не возражать сердито, когда какой-нибудь губчатый коммерци совѣтникъ или тощiй торговецъ сыромъ подсаживается къ намъ и заводитъ обще-европейскiй разговоръ словами: «сегодня прекрасная погода». Нельзя вѣдь знать, при какихъ обстоятельствахъ снова встрѣтншься съ подобнымъ филистеромъ, и тогда, пожалуй, горько раскаешься, что не отвѣчалъ ему вѣжливо: «погода очень хороша». Можетъ даже случиться, любезный читатель, что въ Касселѣ за table d'hôte тебѣ придется сидѣть рядомъ съ упомянутымъ филистеромъ, п притомъ по лѣвую сторону отъ него, и онъ окажется тѣмъ чловѣкомъ, предъ которымъ поставятъ блюдо съ жаренымъ карпомъ и который будетъ весело раздавать сго обѣдающимъ. Такъ вотъ, если останется у него зубъ противъ тебя, то онъ все будетъ передавать тарелки направо, такъ что ты не получишь уже и кончика хвоста. Ибо, — увы! — ты именно тринадцатый за столомъ, а это всегда опасно, когда сидишь отъ раздающаго влѣво, тарелки же передаются вправо. А не получить ни кусочка карпа — большое бѣдствiе; послѣ потери національной кокарды — можетъ-быть, самое большое. Филистеръ, причиняющiй тебѣ это бѣдствiе, сверхъ того, еще издѣвается надъ тобой и предлагаетъ тебѣ лавровый листъ, оставшiйся въ красномъ соусѣ... ахъ! что проку въ лавровыхъ листьяхъ, когда при нихъ пѣтъ карповъ!.. Филистеръ же прищуриваетъ глазки, и хихикаетъ, и лепечетъ: «Сегодня прекрасная погода».

Ахъ, милый другъ, можетъ случиться даже п такъ, что ты на какомъ-нибудь кладбищѣ очутишься въ могилѣ рядомъ съ этимъ самымъ филистеромъ, и когда въ судный день услышишь звукъ трубы и скажешь своему сосѣду: «Добрый другъ, потрудитесь протянуть мнѣ руку, чтобы я могъ встать, у меня лѣвая нога замерла отъ проклятаго долгаго лежанья» — то вдругъ увидишь хорошо знакомую филистерскую улыбку и услышишь язвительный голосъ: «Сегодня прекрасная погода»

ГЛАВА ВТОРАЯ.

«Сегодня прекрасная погода»...

Если бы, любезный читатель, ты слышалъ топъ, несрав-

пенный фистульно-басовый тонъ, которымъ были произнесены эти слова, да еще вдобавокъ увидѣлъ, самого произносителя, это архипрозаическое, вдовью кассу напоминающее, лицо, глупо проворные глазенки, приподнятый хитрый носъ ищейки—то сейчасъ бы узнать, что этотъ цвѣтокъ выросъ не на какомъ-нибудь обыкновенномъ пескѣ и что эти звуки—языкъ Шарлотенбурга, гдѣ по-берлински говорятъ еще лучше, чѣмъ въ самомъ Берлинѣ.

Я самый вѣжливый человекъ въ мірѣ и очень люблю гарповъ въ красномъ соусѣ, и вѣрю въ возможность выше-сказанной сцены на кладбищѣ,— и я отвѣчалъ: «Дѣйствительно, погода очень хороша».

Проготовавъ такимъ образомъ, сыпъ Шпре теперь ужъ плотно насѣлъ на меня, и я никакъ не могъ освободиться отъ его вопросовъ и собственныхъ на нихъ отвѣтовъ, въ особенности же отъ его параллелей между Берлиномъ и Мюнхеномъ—новыми Аеннами, въ которыхъ онъ не оставилъ ни одного живого мѣста.

Но я принялся усердно защищать новыя Аенны, какъ и вообще всегда защищаю мѣсто, гдѣ нахожусь въ данное время. Что на этотъ разъ страдалъ отъ меня Берлинъ—ты охотно простишь мнѣ, любезный читатель, когда я, между нами, сознаюсь тебѣ, что поступаю такъ по большей части чисто изъ политики; ибо я знаю, что какъ только начну хвалить моихъ добрыхъ берлинцевъ, тутъ и конецъ моей славы у нихъ; начнутъ пожимать плечами и шептать одинъ другому: «совсѣмъ пошлымъ становится этотъ человекъ, насъ даже хвалить». Дѣло въ томъ, что нѣтъ города, у котораго было бы меньше мѣстнаго патріотизма, чѣмъ у Берлина. Тысячи жалкихъ писателей уже прославили Берлинъ и въ прозѣ, и въ стихахъ, а хоть бы одинъ нѣтухъ въ странѣ прокричалъ объ этомъ, и хоть бы одну курицу ямъ сварили за это, и «Подъ Липами» продолжали ихъ по-прежнему считать жалкими поэтами. Съ другой стороны, обращалось такъ же мало вниманія, когда какой-нибудь кронатель-поэтъ въ своихъ парабазахъ принимался бранить Берлинъ. Но рискни кто-нибудь написать что-либо недоброжелательное противъ Польквица, Инспрука, Шильды, Позена, Кревникеля и другихъ столицъ! Какъ зашевелился бы мѣстный патріотизмъ! Причина тому слѣдующая. Берлинъ совсѣмъ не городъ; Берлинъ только даетъ для города мѣсто, гдѣ собирается масса людей, и между ними много людей умныхъ, для которыхъ рѣшительно все равно, въ какомъ

они мѣстѣ находятся; эти люди составляютъ умственный Берлинъ. Проѣзжій иностранецъ видитъ только вытянувшіеся въ длинный рядъ, однообразные дома, длинные, широкія улицы, проложенныя по шнуру и большей частью по благоусмотрѣнію одного лица и не дающія никакого понятія объ образѣ мыслей массы. Только счастливицамъ удастся угадывать кое-что изъ частныхъ мыслей обитателей, когда они смотрятъ на длинные ряды домовъ, которые, какъ и сами люди, стараются держаться подалеже другъ отъ друга, каменья во взаимной неприязни. Только однажды, въ лунную ночь, возвращаясь довольно поздно домой отъ Луттера и Вегенера, я видѣлъ, какъ это жесткое настроеніе перешло въ кроткую грусть, какъ дома, относившіеся одинъ къ другому столь враждебно, обмѣнивались между собой умиленно христіанскими взглядами и намѣревались примирительно кинуться въ объятія другъ къ другу, такъ что я, бѣдный человекъ, проходившій посредникъ улицы, боялся быть раздавленнымъ. Многіе найдутъ эту боязнь смѣшною, и самъ я улыбался, когда на слѣдующее утро уже съ трезвыми глазами проходилъ по этой самой улицѣ, и дома снова такъ прозаически зѣвали, глядя другъ на друга. Нужно, право, имѣть много бутылокъ поэзіи, если хочешь въ Берлинѣ видѣть что-нибудь, кромѣ мертвыхъ домовъ и берлинцевъ. Тутъ трудно видѣть духовъ. Въ городѣ такъ мало древностей, и онъ такъ новъ; а между тѣмъ это новое уже такъ старо, такъ завяло и такъ вымерло! Ибо, какъ я уже сказалъ, городъ возникъ по мысли не массы, а отдѣльныхъ лицъ. Великій Фрицъ между этими немногими, конечно, самый лучший; то, что онъ засталъ здѣсь, было только прочный фундаментъ, только отъ него городъ получилъ свой истинный характеръ, и не будь съ его смерти поостроено въ городѣ больше ничего, Берлинъ остался бы историческимъ памятникомъ духа того прозаически-удивительнаго героя, который съ настоящею нѣмецкою храбростію выработалъ въ себѣ рафинированное безвкусіе и цвѣтунную свободу разума, все пошлое и все хорошее своего времени. Потсдамъ, напримѣръ, является намъ именно такимъ памятникомъ, по его пустымъ улицамъ мы ходимъ, какъ по дошедшимъ до насъ сочиненіямъ философа Санъ-Суси, онъ принадлежитъ къ его *œuvres posthumes* и хотя въ настоящее время представляетъ собою только каменную макулатуру и заключаетъ въ себѣ довольно смѣшного, но мы, все-таки, смотримъ на него съ серьезнымъ интересомъ и по

временамъ подавляемъ желаніе смѣяться, точно боясь вдругъ получить ударъ по спинѣ тросточкой стараго Фрица. Но такой страхъ никогда не нападаетъ на насъ въ Берлинѣ; тутъ мы чувствуемъ, что старый Фрицъ и его тросточка не имѣютъ никакой силы, потому что иначе изъ старыхъ, просвѣщенныхъ оконъ города здраваго разсудка не выглядывало бы такъ много больныхъ обскурантныхъ лицъ, и между старыми скептически-философскими домами не поселилось бы столько глупыхъ суевѣрныхъ зданій. Я не хочу быть понятымъ невѣрно и потому положительно замѣчаю, что въ этомъ случаѣ отнюдь не намекаю на новую Вердеровскую церковь, этотъ готическій соборъ въ обновленномъ масштабѣ, который поставленъ между новыми зданіями изъ ироніи, чтобы аллегорически показать намъ, какъ пошло и нелѣпо выходило бы, если бы хотѣли снова строить старыя, давно погибшія учрежденія среднихъ вѣковъ среди новыхъ созданій новаго времени.

Вышесказанное касается только внѣшности Берлина, и если въ этомъ отношеніи сравнить съ нимъ Мюнхенъ, то можно безошибочно утверждать, что этотъ послѣдній составляетъ противоположность Берлину. Мюнхенъ именно городъ, построенный самимъ народомъ, и притомъ слѣдовавшими одно за другимъ поколѣніями, духъ которыхъ до сихъ поръ еще остается видимъ въ ихъ строеніяхъ, такъ что тамъ, какъ въ сценѣ вѣдьмъ «Макбета», передъ нами проходитъ хронологическій рядъ духовъ, начиная багровымъ духомъ среднихъ вѣковъ, выступающимъ въ вооруженіи изъ готическихъ дверей храма, и кончая образованно-свѣтскимъ духомъ нашего собственнаго времени, держащимъ передъ нами зеркало; въ которомъ каждый съ удовольствіемъ видитъ самого себя. Въ этомъ послѣдовательномъ рядѣ и заключается примирительное; варварское больше не возмущаетъ насъ, а безвкусное больше не оскорбляетъ, когда мы смотримъ на нихъ, какъ на начала и необходимые переходы. Мы серьезны, но не сердиты, когда глядимъ на этотъ соборъ варварской поры, который все еще продолжаетъ возвышаться надъ всѣмъ городомъ и хранить въ своихъ нѣдрахъ средневѣковыя тѣни и привидѣнія. Съ такимъ же отсутствіемъ неудовольствія, даже съ забавнымъ умиленіемъ обращаемъ мы взоры на гладко причесанные замки позднѣйшаго періода, неуклюже нѣмецкое обезьянство гладенькой французской неестественности, эти великолѣпныя зданія — образцы безвкусицы, съ дурацкими завитками спа-

ружи, а внутри еще парадно украшенные крикливо острыми аллегориями, позолоченными арабесками, лепными фигурами и картинами, на которых изображены покойные знатные господа: кавалеры с красными, пьяно-резвыми лицами под длинными париками, ниспадающими, как напудренные львиные гривы, дамы с стоячими туше, в стальных корсетах, крѣпко стянутых у нихъ сердце, и громадныхъ фижмахъ, тѣмъ прозаичнѣе увеличивавшихъ ихъ объемъ. Какъ уже сказано, это зрѣлище не сердить насъ, оно, напротивъ, способствуетъ живому пониманію нами настоящаго и его свѣтлыхъ сторонъ, и когда мы смотримъ на произведенія поваго времени, возвышающіяся рядомъ со старыми, то испытываемъ такое ощущеніе, какъ будто съ нашей головы сняли тяжелый парикъ, а сердце освободилось отъ стальныхъ оковъ. Я говорю здѣсь о свѣтлыхъ храмахъ искусства и благородныхъ дворцахъ, которые въ смѣломъ изобиліи возникаютъ изъ духа Кленце, великаго художника.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Но что весь городъ называютъ новыми Афинами—это, между нами будь сказано, смѣшиновато, и защищать его въ качествѣ таковыхъ мнѣ весьма трудно. Это и самымъ глубокимъ образомъ почувствовать въ разговорѣ съ берлинскимъ филистеромъ, который, хотя проговорилъ со мной нѣкоторое время, былъ достаточно невѣжливъ, чтобы отрицать въ новыхъ Афинахъ всякое присутствіе аттической соли.

— Она,—вскричалъ онъ довольно громко:—есть только въ Берлинѣ. Только тамъ найдете и остроуміе, и иронію. Здѣсь имѣется хорошее бѣлое пиво, по, право, никакой ироніи.

— Ироніи у насъ нѣтъ, — сказала Ханнерль, стройная гельнерша, пробѣгавшая мимо насъ въ эту минуту:—но всякаго другого пива сколько угодно.

Что Ханнерль приняла иронію за одинъ изъ сортовъ пива, можетъ-быть, за лучшее штеттинское—это было для меня очень прискорбно, и для того, чтобы она, по крайней мѣрѣ, вконецъ не дѣлала подобныхъ промаховъ, я началъ слѣдующимъ образомъ поучать ее: «Прекрасная Ханнерль, иронія не пиво, а изобрѣтеніе берлинцевъ, умнѣйшихъ людей на свѣтѣ, которые очень сердились, что родились на свѣтѣ слишкомъ поздно для того, чтобы изобрѣсть порохъ,

и потому старались сдѣлать изобрѣтеніе не менѣе важное и очень полезное именно для тѣхъ, кто не изобрѣлъ пороха. Въ прежнее время, любезное дитя, когда кто-нибудь совершалъ глупость, что тутъ было дѣлать? Совершившагося вѣдь не уничтожишь, и люди говорили: «Малый глупъ, какъ животное». Это было непріятно. Въ Берлинѣ, гдѣ живутъ люди самые умные, и гдѣ дѣлается наибольшее глупостей, эта непріятность чувствовалась глубже, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Министерство старалось принять противъ нея серьезныя мѣры; печатать было дозволено только крупныя глупости, маленькія же разрѣшалось употреблять только въ разговорахъ, и это дозволеніе распространили только на профессоровъ и высшихъ сановниковъ; люди же менѣе важные могли говорить свои глупости только по секрету. Но всѣ эти мѣры оказались бесполезными: придавленные глупости выступали тѣмъ сильнѣе по всякому необыкновенному поводу, имъ даже стали тайно покровительствовать свыше, опѣ гласно подымались снизу вверхъ, положеніе сдѣлалось весьма критическимъ, и вотъ, наконецъ, нашли средство дѣлать всякую появившуюся глупость какъ бы не появляющейся и даже превращать ее въ мудрость. Средство это совершенно простое и заключается въ томъ, что данную глупость надо объявить сказанною или совершенною только изъ ироніи. Такъ, милое дитя, все въ этомъ мірѣ идетъ впередъ, глупость становится ироніей, неудавшееся любопытство—сатирой, дѣйствительное безуміе—юморомъ, невѣжество—блестящимъ остроуміемъ, и ты еще въ концѣ концовъ станешь Аспазіею новыхъ Аоннъ.

Я сказалъ бы еще больше, если бь красавица Нанперль, которую я во время своей рѣчи держалъ за кончикъ передника, не вырвалась, когда со всѣхъ сторонъ стали ужъ черезчуръ бурно требовать «пива, пива!» Берлинецъ же былъ сама иронія, когда замѣтилъ, съ какимъ энтузіазмомъ получались высокія пѣнистыя кружки, и, указывая мнѣ на группу пившихъ, которые отъ всего сердца наслаждались хмельнымъ нектаромъ и диспутировали о его превосходныхъ качествахъ, съ улыбкой сказалъ: «Такъ вотъ это аонняне?»

Замѣчанія, сдѣланныя имъ при этомъ случаѣ, причинили мнѣ порядочную боль, такъ какъ я питаю совсѣмъ немалую привязанность къ нашимъ новымъ Аоннамъ, и потому я старался объяснить легкомысленному порицателю, что мы только недавно пришли къ мысли создать изъ себя новыя

Аонины, что мы только начинающіе новички и что наши великіе умы, даже вся наша образованная публика еще не совсѣмъ готовы для того, чтобы показывать себя вблизи. Все еще организуется, и мы не въ полномъ комплектѣ. «Только самыя низшія должности, любезный другъ,—прибавилъ я:— покалѣсть заняты, и вы, вѣроятно, замѣтили что, напримѣръ, въ совахъ, сикофантахъ и Фринахъ у насъ нѣтъ недостатка. Недостатокъ ощущается только въ высшемъ персоналѣ, и многимъ приходится одновременно играть нѣсколько ролей. Напримѣръ, нашъ поэтъ, воспѣвающий нѣжную греческую любовь особаго рода, долженъ былъ принять на себя и Аристофановскую грубость; но онъ можетъ дѣлать все, что угодно, у него есть все нужное, чтобы быть великимъ поэтомъ, кромѣ развѣ фантазіи и остроумія, и будь у него много денегъ, онъ былъ бы великій человѣкъ. Но чего недостаетъ намъ въ количествѣ, то возмѣщаемъ мы въ качествѣ. У насъ только одинъ великій ваятель—но это «Левъ»! У насъ только одинъ великій ораторъ, но я убѣжденъ, что Демосѣенъ не могъ бы гремѣть такъ прекрасно въ Атикѣ противъ налога на солодъ. Если мы до сихъ поръ не отравили еще ни одного Сократа, то это, право, не потому, что у насъ яда не было. И если мы еще не имѣемъ настоящаго демоса, цѣлаго народа демагоговъ, то можемъ преподнести роскошный экземпляръ этого класса, демагога по профессіи, который одинъ стоитъ цѣлаго демоса, цѣлой кучи крикуновъ, болтуновъ, трусовъ и всякой другой сволочи,—и вотъ передъ вами онъ самъ».

Я не могу преодолѣть искушеніе нѣсколько подробнѣе изобразить фигуру, представившуюся намъ въ эту минуту. Справедливо ли эта фигура утверждаетъ, что ея голова имѣетъ въ себѣ нѣчто человѣческое, и что она поэтому юридически въ правѣ выдавать себя за человѣка—этотъ вопросъ я оставляю открытымъ. Голову эту я скорѣе бы принялъ за голову обезьяны; только изъ любезности не мѣшаю ей сходить за человѣческую. Покровъ ея состоялъ изъ суконной фуражки, по формѣ похожей на шлемъ Мамбрина, жесткіе черные волосы падали низко, будучи спереди причесаны à l'enfant. На этой передней сторонѣ головы, выдавшей себя за лицо, богиня пошлости приложила свою печать, и притомъ такъ сильно, что находящійся тамъ носъ почти совсѣмъ расплюснулся; опущенные внизъ глаза, по видимому, тщетно отыскивали этотъ носъ и поэтому сморщили очень печально; вонючая улыбка играла на губахъ,

которыя были необычайно прелестны и поразительнымъ сходствомъ своимъ съ одною изъ частей тѣла могли вдохновить нашего греческаго поэта на самыя нѣжныя газели. Одѣяніе составлялъ древне-нѣмецкій кафтанъ, правда, уже нѣсколько измѣненный согласно настоятельнѣйшимъ требованіямъ ново-европейской цивилизаціи, но покроемъ все еще напоминавшій тотъ, который былъ на Арминіи въ Тевтобургскомъ лѣсу и первобытная форма котораго сохранилась такъ же таинственно традиціонно въ патриотическомъ обществѣ портныхъ, какъ нѣкогда готическое зодчество въ мистическомъ цехѣ каменщиковъ. Вымытая бѣлая тряпка, представлявшая глубоко-знаменательный контрастъ съ открытой древней нѣмецкой шеей, покрывала воротникъ этого удивительнаго кафтана, изъ длинныхъ рукавовъ его вывшивались длинныя грязныя руки, между ними обнаруживалось скучное туловище, подъ которымъ болтались двѣ короткія ноги,—вся фигура была жалко-смѣшная пародія на Аполлона Бельведерскаго.

— И это демагогъ новыхъ Аѳинъ? — спросилъ съ насмѣшливой улыбкой берлинецъ.—Ахъ, ты, Господи, да вѣдь это мой землякъ! Не вѣрю собственнымъ глазамъ. Вѣдь это тотъ, который!.. Нѣтъ, неужели?..

— Да, ослѣпленные берлинцы,—сказалъ я не безъ увлеченія:—вы не признаете вашихъ туземныхъ геніевъ и побиваете камнями вашихъ пророковъ. Мы же можемъ потреблять все!

— Но для чего пригодится вамъ эта несчастная муха?

— Она пригодна для всего, гдѣ требуется прыганье, ползанье, чувствительность, жранье, набожность, много древне-германскаго, немного латинскаго и совсѣмъ не нужно греческаго. Онъ дѣйствительно очень хорошо прыгаетъ черезъ палку, составляетъ также таблицы всевозможныхъ прыжковъ и списки всевозможныхъ вариантовъ древне-нѣмецкихъ стихотвореній. Вдобавокъ къ этому онъ представитель любви къ отечеству, не будучи нисколько опаснымъ. Ибо всѣмъ очень хорошо извѣстно, что отъ древне-нѣмецкихъ демагоговъ, въ общество которыхъ ему пришлось случайно попасть, онъ отступился во-время, когда ихъ дѣло стало нѣсколько опасно и поэтому уже не согласовалось съ христіанскими чувствами его мягкаго сердца. Но съ тѣхъ поръ, какъ опасность прошла, какъ мученики пострадали за свой образъ мыслей, какъ почти всѣ сами отказались отъ него и даже наши самые пламенные цырюльники сняли свои нѣмецкіе

кафтаны—съ тѣхъ собственно поръ и началось цвѣтущее время нашего осторожнаго спасителя отечества; онъ одинъ только удержалъ костюмъ демагога и принадлежалціи къ нему способъ выражаться; онъ все еще продолжаетъ прославлять херуска Арминія и госпожу Туснельду, точно онъ ихъ бѣлокурый внукъ; онъ все еще сохраняетъ свою германско-патріотическую ненависть къ французскому вавилонству, къ изобрѣтателю мыла, къ языческо-греческой грамматикѣ Тирша, къ Квинтилію Вару, къ перчаткамъ и ко всѣмъ тѣмъ людямъ, у кого приличный носъ. И такимъ образомъ живетъ онъ, какъ ходячій памятникъ погибшаго времени, и подобно послѣдному могикану уцѣлѣлъ онъ, одинъ изъ всей мужественной орды, онъ, послѣдній демагогъ! Вы видите, такимъ образомъ, что въ новыхъ Аѣннахъ, гдѣ еще совсѣмъ нѣтъ демагоговъ, этотъ человекъ можетъ вамъ пригодиться, мы имѣемъ въ немъ отличнаго демагога, который вмѣстѣ съ тѣмъ такой ручной, что облизываетъ всѣ плевательницы и жретъ изъ руки, жретъ орѣхи, каштаны, сыръ, сосиски, словомъ, все, что ему ни дадутъ; а такъ какъ онъ въ настоящее время единственный въ своемъ родѣ, то у насъ еще та особенная выгода, что впоследствии, когда онъ издохнетъ, сдѣлаемъ изъ него чучело и можемъ сохранять его для потомства, со шкуркой и волосами, какъ послѣдняго демагога. Я васъ прошу, однако, не говорить этого профессору Лихтенштейну въ Берлинѣ, иначе тотъ потребуетъ его для зоологическаго музея, а это могло бы послужить поводомъ къ войнѣ между Пруссією и Баварією, такъ какъ мы не выдадимъ его ни въ какомъ случаѣ. Англичане уже точатъ на него зубы и предлагали за него двѣ тысячи семьсотъ семьдесятъ семь гиней, австрійцы тоже хотѣли вымѣнять его на жирафа, но наше министерство отвѣтило: послѣдняго демагога мы не продадимъ ни за какія деньги, онъ будетъ нѣкогда гордостью нашего кабинета рѣдкостей природы и украшеніемъ нашего города.

Берлинецъ слушалъ меня, повидимому, цѣсколько разсѣянно, болѣе привлекательные предметы заняли его вниманіе, и онъ, наконецъ, остановилъ мою рѣчь словами:

— Позвольте, пожалуйста, перебить васъ, но скажите— что это за собака бѣжитъ тамъ?

— Это ужъ другая собака.

— Ахъ, вы меня не поняли; я говорю вопъ о той большой бѣлой собакѣ безъ хвоста.

— Это, почтоинѣйшій, собака новаго Алкивиада.

— Но,—замѣтилъ берлинецъ:— скажите, гдѣ же самъ новый Алкивиадъ?

— Правду говоря,—отвѣчалъ я:—эта должность еще не занята, и покамѣстъ у насъ есть только собака.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Мѣсто, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ, называется Богенгаузенъ, или Нейбурггаузенъ, или вилла Гомпешъ, или Монгеласгартенъ, или Шлессель; впрочемъ, нѣтъ надобности и называть его, когда хочешь поѣхать туда изъ Мюнхена, извозчикъ пойметъ васъ уже по извѣстному подмигиванью, указывающему на желаніе выпить, по извѣстному заранѣе блаженному киванью головой и тому подобнымъ пояснительнымъ гримасамъ. Тысячи выраженій имѣеть арабъ для меча, французъ для любви, англичанинъ для вѣшанья, нѣмецъ для питья, а новый аѳинянинъ даже для мѣстъ, въ которыхъ онъ пьетъ. Пиво въ вышеупомянутомъ мѣстѣ дѣйствительно очень хорошо, даже въ Пританеѣ (*vulgo* Боккелеръ) оно не лучше, вкусъ у него совсѣмъ превосходный, особенно на той высокой террасѣ, откуда видишь Тирольскія Альпы. Я часто сидѣлъ тамъ прошедшею зимою и смотрѣлъ на покрытыя снѣгомъ горы, которыя, блестя при солнечномъ освѣщеніи, казались вылитыми изъ чистаго серебра.

Въ то время и въ моей душѣ была зима, мысли и чувства были точно занесены снѣгомъ, сердце засохло и умерло, а къ этому еще присоединились несносная политика, скорбь объ одномъ умершемъ миломъ дитяти, остатокъ стараго раздраженія и насморкъ. Кромѣ того, я пилъ много пива, потому что меня увѣряли, что пиво уничтожаетъ густоту крови. Но и самый лучший аттическій сортъ не приносилъ пользы мнѣ, уже въ Англии пріучившемуся къ портеру.

Наконецъ, насталъ день, когда все совершенно измѣнилось. Солнце появилось на небѣ и напоило землю, стараго ребенка, своимъ лучистымъ молокомъ, горы трепетали отъ радости, и обильно текли ихъ снѣжныя слезы, трещали и ломались ледяные покровы озеръ, земля раскрыла свои голубые глаза, изъ ея груди выступили любящія цвѣты и звучащія лѣса,—зеленые чертоги соловьевъ, вся природа улыбалась, и эта улыбка называлась весна. Тутъ и во мнѣ пачалась новая весна, новые цвѣты выросли изъ сердца, чувство свободы расцвѣло, какъ розы, расцвѣло и тайное страстное томленіе, какъ молодыя фіалки, между которыми,

конечно, было и немало бесполезной крапивы. Могила моих желаний надежда снова покрыла своею радостною зеленью, вернулись и мелодии поэзии, как перелетные птицы, которые зиму провели на теплом юге и снова отыскивают оставленное гнездо на севере, и оставленное северное сердце снова зазвучало и зацвело, как прежде, — только я не знаю, как все это случилось. Черноволосое или белокурое солнце опять пробудило весну в моем сердце и поцелуями вновь вызвало к жизни все, спавшие в этом сердце цветы, и улыбкой снова привлекло туда соловьев? Не сама ли это родственная со мной природа искала отголоска в моей груди и радостно отражалась в ней со своим новым весенним блеском? Не знаю, но думаю, что на террасе в Богенгаузен, в виду Тирольских Альп, подпало мое сердце под эти новые чары. Часто в те часы, когда я сидел там, погруженный в мысли, мне представлялось, что из-за этих гор с любопытством выглядывает молодое лицо чудной красоты, и я желал иметь крылья, чтобы полететь в его резиденцию — Италию. Часто тоже я чувствовал на себе влияние запаха лимонов и апельсинов, несшееся с гор, лаская и много обещая, чтобы приманить меня в Италию. Однажды даже, в золотых вечерних сумерках, я на вершине одной горы увидел этот образ совершенно ясно, во весь рост — увидел молодого бога весны; цветы и лавры венчали его радостную голову, и улыбающимися глазами, и цветущими устами он говорил: «Я люблю тебя, приходи ко мне в Италию!»

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Естественно поэтому, что во взгляде моем светило грустное томление в то время, как я, придя в отчаяние от обещавшего быть безконечным филистерского разговора, смотрел на чудесные тирольские горы и глубоко вздыхал. Но мой берлинский филистер принять именно этот взгляд и этот вздох за новые разговорные нити, и стал тоже вздыхать: «Ах, да, мне тоже хотелось бы быть теперь в Константинополе! Ах! Видеть Константинополь было всегда единственным желанием моей жизни, а в настоящее время русские навечно заняли уже, ах, Константинополь! Видели вы Петербург?» Я отвечал отрицательно и попросил рассказать мне о Петербурге. Но не он сам, а его зять, г. камергерихтеррат, был там прошедшим летом, и оказывается, что это совсем един-

ственный городъ.—«А были вы въ Копенгагенѣ?» Когда я и на этотъ вопросъ отвѣчалъ отрицательно и попросилъ у него описанія этого города, онъ весьма хитро улыбнулся и съ очень довольнымъ видомъ покачалъ головкой, и сталъ честию увѣрять меня, что я не могу составить себѣ о Копенгагенѣ никакого представленія, если не побывалъ въ немъ самъ. «Это,—замѣтилъ я:—не сдѣлается такъ скоро; въ настоящее время я хочу предпринять другое путешествіе, которое задумалъ уже нынѣшней весной—именно, въ Италію».

Когда мой собесѣдникъ услышалъ эти слова, онъ внезапно вскочилъ со стула, три раза повернулся на одной ногѣ и заплѣлъ: «Тирили! Тирили!»

Это послужило мнѣ послѣднимъ толчкомъ. «Ѣду завтра»—тутъ же рѣшилъ я. Не хочу больше медлить, хочу какъ можно скорѣе увидѣть страну, которая можетъ самага сухого филистера привести въ такое восторженное состояніе, что онъ при упоминаніи ея вдругъ начинаетъ пѣть перепеломъ. Укладывая дома мои вещи въ чемоданъ, я все продолжалъ слышать звуки этого тирили, и мой братъ Максимилианъ Гейне, провожавшій меня на слѣдующій день до Тироля, не могъ понять, почему я во всю дорогу не сказалъ ни одного разумнаго слова и непрерывно тирилировалъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

«Тирили, тирили!» Я живу, я чувствую сладкую скорбь существованія, я чувствую всѣ радости и муки міра, я страдаю за благо всего человѣчества, я искупаю его грѣхи, но я и наслаждаюсь ими.

И не только съ людьми, но и съ растеніями чувствую я ихъ; тысячи зеленыхъ языковъ рассказываютъ мнѣ прелестнѣйшія исторіи, они знаютъ, что я чуждъ человѣческой гордости, и съ самыми маленькими полевыми цвѣточками говорю я такъ же охотно, какъ съ высочайшими елями. Ахъ, я вѣдь знаю, что творится съ такими елями! Изъ глубины долинъ онѣ поднимаются высоко къ небу, превосходятъ даже самые смѣлые утесы... Но долго ли длится это великолѣпіе? Много-много два-три жалкихъ столѣтія, а затѣмъ онѣ валятся, уставши отъ старости, и гниваютъ на землѣ. А ночью изъ расщелинъ утесовъ выползаютъ злобные сычи и вдобавокъ еще издѣваются надъ ними: «Вотъ вы, сильные ели, вы думаете, что можете мѣряться

съ горами, а теперь лежите на землѣ сломанныя, между тѣмъ какъ горы все еще стоятъ несокрушимыя».

Орлу, сидящему на своемъ любимомъ утесѣ, становится очень грустно на душѣ, когда онъ слышитъ подобныя издѣвательства. Онъ думаетъ въ эти минуты о своей собственной судьбѣ. И онъ тоже не знаетъ, на какой глубинѣ придется ему лежать гдѣ-нибудь. Но звѣзды сверкаютъ такъ умиротворяюще, лѣсныя воды шумятъ такъ утѣшительно, и собственная душа своимъ бѣніемъ такъ гордо заглушаетъ всѣ малодушныя мысли, что онъ скоро забываетъ ихъ. А когда еще покажется солнце, то онъ снова чувствуетъ себя такимъ, какъ прежде, и взлетаетъ къ этому солнцу, и когда уже совсѣмъ близко отъ него, то поетъ ему про свою радость и про свои муки. Его собратья, животныя, особенно люди, думаютъ, что орелъ не можетъ пѣть, но они не знаютъ, что онъ поетъ только тогда, когда улетитъ изъ ихъ области, что изъ гордости онъ хочетъ, чтобы его слышало только солнце. И онъ правъ: вѣдь кому-нибудь изъ его пернатой родни могла бы вдругъ придти охота рецензировать его пѣніе. Я испыталъ на себѣ, каковы эти критики: пѣтухъ становится на одну ногу и кудахтаетъ, что у пѣвца совсѣмъ нѣтъ души; индюкъ клохчетъ, что у него нѣтъ истинной серьезности; голубка воркуетъ, что онъ не знаетъ истинной любви; гусь гогочетъ, что онъ не имѣетъ научныхъ познаній; каплунъ кричитъ, что онъ безстрастенъ; снигирь свиститъ, что онъ, къ сожалѣнію, чуждъ всякой религіи; воробей чирикаетъ, что онъ недостаточно производителенъ... Удавы, сойки, филины — все это кричитъ, стонетъ и скрипитъ... Только соловей стоитъ въ сторонѣ отъ этихъ критикъ, ему нѣтъ дѣла ни до кого въ мірѣ, только пурпурная роза его единственная мысль, единственная пѣснь, съ страстнымъ желаніемъ порхаетъ онъ вокругъ пурпурной розы и вдохновенно бросается въ возлюбленныя шипы и истекаетъ кровью, и поетъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Есть въ нѣмецкой отчизнѣ одинъ орелъ, солнечная пѣснь котораго звучитъ такъ могущественно, что ее слышать и здѣсь внизу, и даже соловьи прислушиваются къ ней, забывая всѣ свои мелодическія скорби. Это ты, Карлъ Иммерманъ, и о тебѣ очень часто вспоминалъ я въ той странѣ, которую ты такъ прекрасно воспѣлъ. Какъ могъ я проѣзжать черезъ Тироль, не думая о твоей «Трагедіи»? Само

собою разумѣется, что я видѣлъ вещи совсѣмъ въ другомъ освѣщеніи; но, тѣмъ не менѣе, я удивлялся поэту, который изъ глубины своей души съ такой вѣрностью дѣйствительности возсоздалъ то, чего онъ никогда не видалъ. Болѣе всего забавляло меня, что «Трагедія въ Тироляхъ» запрещена въ Тироляхъ. Я вспоминалъ слова, которыя писалъ мнѣ мой другъ Мозеръ, когда извѣщалъ меня, что запрещена вторая часть моихъ «Путевыхъ Картинъ»: «Но правительству нѣтъ никакой надобности запрещать эту книгу, потому что ее и безъ этого будутъ читать».

Въ Инспрукъ, въ гостиницѣ «Золотого Орла», гдѣ жилъ когда-то Андрей Гоферъ, гдѣ еще каждый уголокъ оклеенъ его портретами и воспоминаніями о немъ, я спросилъ хозяина, г. Нидеркирхнера, много ли еще можетъ онъ рассказать мнѣ о знаменитомъ постояльцѣ. Тутъ старикъ весь разлился въ краснорѣчіи и, умно подмигивая глазами, подъ секретомъ сообщилъ, что теперь эта вся исторія уже напечатана, но очень запрещена; и когда послѣ этого онъ повелъ меня въ темную комнатку, гдѣ у него хранятся его реликвіи изъ тирольской войны, то вынулъ изъ грязной синей бумаги уже значительную зеленую книжку, въ которой я, къ моему удивленію, призналъ «Трагедію въ Тироляхъ» Иммермана. Не безъ справедливой гордости сообщилъ я ему, что человекъ, написавшій эту книгу, — мой другъ. Тутъ г. Нидеркирхнеръ выразилъ желаніе узнать объ этомъ человекѣ какъ можно больше. Я рассказалъ ему, что это человекъ заслуженный, крѣпкаго тѣлосложенія, очень честный и очень искусный въ писательствѣ, такъ что въ этомъ отношеніи найдется ему мало равныхъ. Но что Иммерманъ пруссакъ, этому г. Нидеркирхнеръ ни за что не хотѣлъ вѣрить, и съ улыбкой состраданія вскричалъ: «Невозможно, невозможно!» Онъ твердо стоялъ на томъ, что Иммерманъ тиролецъ и участвовалъ въ тирольской войнѣ — «иначе какъ бы онъ могъ знать все это?»

Странная причуда народа! Онъ желаетъ получать свою исторію изъ рукъ поэта, а не историка. Онъ не требуетъ вѣрнаго изложенія голыхъ фактовъ, но хочетъ, чтобы эти факты снова переработались въ ту первобытную поэзію, откуда они возникли. Это знаютъ поэты, и не безъ тайнаго злорадства передѣлываютъ они по своему произволу народныя воспоминанія, можетъ-быть, для того, чтобы подсмѣяться надъ гордо сухими исторіографами и пергаментными хранителями государственныхъ архивовъ. Немало позабавило

меня, когда на послѣдней ярмаркѣ я увидѣлъ въ лавкѣ исторію Велизарія, изображенную въ яркихъ раскрашенныхъ картинахъ, и притомъ не по исторіи Прокопія, а совершенно точно по трагедіи Шенка. «Вотъ такъ-то поддѣлываютъ исторію,—сказалъ мой ученый другъ, сопровождавшій меня:—въ ней и рѣчи нѣтъ о мщеніи оскорбленной жены, о взятомъ въ плѣнъ сынѣ, о любви дочери и т. п. новыхъ порожденіяхъ сердечнаго чувства.» Но дѣйствительно ли это недостатокъ? Дѣйствительно ли нужно возбуждать противъ поэтовъ тяжбу за такія поддѣлки? Нѣтъ, я отвергаю обвиненіе. Исторія поэтами не поддѣлывается. Они передаютъ смыслъ ея совершенно вѣрно, хотя бы посредствомъ ими же изобрѣтенныхъ фигуръ и обстоятельствъ. Есть народы, которымъ ихъ исторія можетъ быть передана только этимъ поэтическимъ способомъ, на примѣръ, индійцы.

А между тѣмъ, такія пѣсни, какъ Махабарата, передаютъ смыслъ индійской исторіи гораздо правильнѣе, чѣмъ любой сочинитель учебниковъ со всей своей хронологіей. Въ этомъ же отношеніи я смѣю утверждать, что романы Вальтеръ-Скотта иногда вѣрнѣе передавали духъ англійской исторіи, чѣмъ Юмъ; по крайней мѣрѣ, Сарторій совершенно правъ, когда онъ, въ своихъ дополненіяхъ къ Шпитлеру, причисляетъ эти романы къ источникамъ англійской исторіи.

Съ поэтами бываетъ то же, что съ ясновидящими, которые внутреннее чувство, испытываемое ихъ душой отъ дѣйствительно внѣшнихъ причинъ, какъ бы маскируютъ, выдумывая на мѣсто этихъ причинъ совершенно другія, внѣшнія, которыя, однако, настолько равносильны первымъ, что вызываютъ то же самое чувство. Такъ и въ «Трагедіи» Иммермана многія внѣшнія частности созданы совершенно произвольно, но самъ герой, средоточіе чувства, выдуманъ тождественно. И если эта созданная фигура кажется чѣмъ-то въ родѣ сновидѣнія, то и тутъ нѣтъ отступленія отъ правды. Баронъ Гормайеръ, который въ этомъ отношеніи можетъ быть самымъ компетентнымъ судьей, недавно, когда я имѣлъ удовольствіе говорить съ нимъ, обратилъ мое вниманіе на это обстоятельство. Мистическая внутренняя жизнь, суевѣрная религіозность, эпическій элементъ Андрея Гофера, Иммерманъ воспроизвелъ совершенно вѣрно. Онъ съ полной точностью воссоздалъ этого вѣрнаго голубя, который съ блестящимъ мечомъ въ клювѣ, какъ воинственная любовь, такъ героически леталъ по горамъ Тироля, пока мантуанская пуля не поразила его вѣрное сердце.

Но болѣе всего дѣлаетъ честь поэту такое же вѣрное изображеніе противника Гофера, изъ котораго онъ не сдѣлалъ бѣшеннаго Геслера, чтобъ этимъ еще болѣе возвысить своего любимаго героя: какъ Гоферъ является у него голубемъ съ мечомъ, такъ Геслеръ выступаетъ, какъ орелъ съ маслячной вѣтвью.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Въ гостиницѣ г. Нидеркирхнера, въ Инспрукѣ, висятъ въ полномъ согласіи, рядомъ одинъ съ другимъ, портреты Андрея Гофера, Наполеона Бонапарта и Людвигъ Баварскаго.

Самый Инспрукъ неудобобитаемый, мизерный городъ. Можетъ-быть, видъ у него нѣсколько болѣе умный и комфортный зимою, когда высокія горы, въ которыя онъ замкнутъ, покрыты снѣгомъ, и повсюду слышенъ грохотъ лавинъ, и повсюду трещить и блещетъ ледь.

Когда я увидѣлъ эти горы, ихъ вершины были окутаны тучами, какъ зелеными чалмами. Тутъ видна Мартинова стѣна, мѣсто дѣйствія самой прелестной изъ имперскихъ легендъ, какъ и вообще воспоминаніе о рыцарственномъ Максѣ до сихъ поръ еще цвѣтеть и звучить въ Тироли.

Въ придворной церкви стоятъ извѣстныя статуи государей и государынь изъ австрійскаго дома и ихъ предковъ, между которыми многія такія, которыя, конечно, до нынѣшняго дня не могутъ понять, какимъ образомъ онѣ удостоились этой чести. Онѣ стоятъ во весь свой ростъ, вылитыя изъ желѣза, вокругъ гробницы Максимилиана; но такъ какъ церковь мала, и потолокъ низокъ, то вамъ кажется, что вы видите черныя восковыя фигуры въ ярмарочной лавчонкѣ. На пьедесталѣ большею частію прописаны имена тѣхъ высокихъ особъ, которыхъ онѣ представляютъ. Въ то время, когда я разсматривалъ эти статуи, въ церковь вошли англичане: тощій господинъ съ вытянутымъ лицомъ, съ заложеными подъ мышки широкаго жилета пальцами и держа въ пасти кожаный Guide des Voyageurs; вслѣдъ за нимъ—его долговязая подруга жизни, уже не совсѣмъ молодая, но еще достаточно красивая дама, а позади—красная портерная рожа съ бѣлыми, какъ пудра, обшлагами сюртука такого же краснаго цвѣта и держа на деревянныхъ рукахъ цѣлый грузъ перчатокъ миледи, альпійскихъ цвѣтовъ и монса.

Этотъ триумвиратъ прошелъ гускомъ къ верхнему концу

церкви, гдѣ сынъ Альбіона сталъ объяснять своей супругѣ статуи, исполняя это по своему *Guide des Voyageurs*, въ которомъ подробно прописано: первая статуя—король Хлодовикъ французскій, вторая—король Артуръ англійскій, третья—Рудольфъ габсбургскій и т. д. Но такъ какъ бѣднѣйшій англичанинъ началъ читать не снизу вверхъ, какъ предполагалъ путеводитель, а сверху внизъ, то онъ впадалъ въ самыя забавныя ошибки, которыя становились еще комичнѣе, когда онъ доходилъ до какой-нибудь женской статуи, которую принималъ за мужскую, или наоборотъ, вслѣдствіе чего не понималъ, почему Рудольфъ габсбургскій изображенъ въ женскомъ платьѣ, а королева Марія, напротивъ, въ желѣзныхъ панталонахъ и съ слишкомъ длинной бородой. Я, охотно помогающій всякому моими познаніями, замѣтилъ, что подобныя вещи требовались, вѣроятно, тогдашнимъ костюмомъ, а можетъ-быть, это была и особенная воля высокихъ особъ—быть вылитыми именно въ такомъ видѣ, отнюдь ни въ какомъ-нибудь другомъ. Вѣдь могла бы точно такъ же придти и теперешнему императору охота изобразить себя въ старомодномъ кафтанѣ или даже въ пеленкахъ. Кто сталъ бы ему возражать противъ этого?

Монсъ критически залааялъ, лакей вытаращилъ глаза, его господинъ высморкался, а миледи сказала: «*A fine exhibition, very fine indeed!*»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Бриксенъ былъ второй большой тирольскій городъ, гдѣ я остановился. Онъ лежитъ въ долинѣ, и когда я пріѣхалъ, онъ былъ весь залитъ туманомъ и вечерними тѣнями. Сумеречная тишина, меланхолическое позваниваніе колоколовъ, овцы шли въ свои стойла, люди—въ церковь, повсюду тяжелый запахъ ладана и высушеннаго сѣна.

«Іезуиты въ настоящее время въ Бриксенѣ»,—прочелъ я незадолго передъ тѣмъ въ газетѣ «Гесперусъ».—На всѣхъ улицахъ я оглядывался, ища ихъ, но не увидѣлъ ни одного человѣка, похожаго на іезуита, за исключеніемъ развѣ толстяка, въ треугольной священнической шляпѣ и по-священнически выкроенномъ черномъ сюртукѣ, который былъ старъ и изношенъ и представлялъ разительную противоположность съ блестящими новыми черными панталонами.

«Это, впрочемъ, не можетъ быть іезуитъ»,—сказалъ я, наконецъ, самъ себѣ, потому что всегда представлялъ себѣ іезуитовъ нѣсколько худощавѣе. Но дѣйствительно ли суще-

ствують еще іезуиты? Иногда мнѣ кажется, что ихъ существованіе ничто иное, какъ химера, что они являются привидѣніями въ нашихъ головахъ только потому, что мы все еще боимся ихъ, между тѣмъ какъ опасность давно прошла, и всѣ усердныя нападки на іезуитовъ напоминаютъ мнѣ людей, которые, когда дождь давно уже пересталъ, все еще идутъ по улицѣ съ раскрытыми зонтиками. Да, мнѣ кажется иногда, что чортъ, дворянство и іезуиты существуютъ только до тѣхъ поръ, пока въ нихъ вѣрятъ. Относительно чорта мы можемъ утверждать это вполне положительно, потому что только люди, слѣпо вѣрующіе, видѣли его до сихъ поръ. Точно такъ же и относительно дворянства, мы черезъ нѣсколько времени убѣдимся на опытъ, что *bonne société* перестаетъ быть *bonne société*, какъ скоро добрый бюргеръ перестанетъ быть настолько добръ, чтобы считать его за *bonne société*. Но іезуиты? По крайней мѣрѣ, они уже не носятъ своихъ старыхъ панталонъ. Старые іезуиты лежатъ въ гробу, со своими старыми панталонами, желаніями, міровыми планами, интригами, отличіями, ядами, и то, что мы видимъ теперь крадущимся по свѣту, въ новыхъ блестящихъ панталонахъ, есть не столько ихъ духъ, сколько ихъ привидѣніе, нелѣпное привидѣніе, которое ежедневно словомъ и дѣломъ старается доказать намъ, какъ мало странно оно; и дѣйствительно, оно напоминаетъ намъ исторію подобнаго же привидѣнія въ Тюрингенскомъ лѣсу, которое людей, боявшихся его, освободило отъ этого страха тѣмъ, что на глазахъ у всѣхъ сняло свой черепъ съ плечъ и показывало всякому, что внутри его совершенно пусто.

Не могу не рассказать здѣсь, что я нашелъ случай внимательнѣе рассмотреть толстяка въ блестящихъ новыхъ панталонахъ, чтобы убѣдиться, что онъ не іезуитъ, а совершенно обыкновенная Божья тварь. Именно, я засталъ его въ столовой моей гостиницы, гдѣ онъ ужиналъ въ компаніи длиннаго, тощаго, называвшагося превосходительствомъ, человѣка, который такъ былъ похожъ на стараго холостяка-дворянина, изображеннаго Шекспиромъ, что казалось, будто природа совершила плагиатъ. Оба приправляли свою трапезу ласками, которыя они расточали прислужницѣ и отъ которыхъ совершенно тошнило эту милую, чудно-красивую дѣвушку, такъ что она стремительно вырвалась, когда одинъ хлопнулъ ее по задней части, а другой постарался даже обнять. При этомъ они отпускали свои грубѣйшія сальности, которыхъ дѣвушка, какъ имъ было извѣстно, не могла

не слышать, такъ какъ ей нужно было оставаться въ комнатѣ, чтобы прислуживать гостямъ, а также и для того, чтобы накрыть на столъ для меня. Но когда циничность сдѣлалась уже совершенно невыносимой, молодая дѣвушка вдругъ оставила все, выбѣжала изъ комнаты и только черезъ нѣсколько минутъ вернулась, держа на рукахъ ребенка, котораго она и не выпускала все послѣдующее время своей работы, несмотря на то, что этимъ очень затрудняла себя. Но зато оба сотрапезника—духовное лицо и дворянинъ—теперь уже не позволяли себѣ никакого приставанья къ дѣвушкамъ, которая продолжала имъ служить безъ суровости, но съ какой-то странной серьезностью; разговоръ принялъ другой оборотъ, оба пустились теперь въ обычную болтовню о крупномъ заговорѣ противъ трона и алтаря. Они соглашались другъ съ другомъ касательно необходимости принятія строгихъ мѣръ и нѣсколько разъ протягивали другъ другу руки священнаго союза.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Для исторіи Тироля сочиненія Іосифа фонъ-Гоймайера необходимы. Для новѣйшей исторіи они даже самый лучший, часто единственный, источникъ. Для Тироля онъ то же, что Іоганнъ Миллеръ для Швейцаріи; параллель между этими двумя источниками напрашивается къ намъ сама собою. Они какъ бы сосѣди по комнатѣ, оба въ своей молодости съ одинаковымъ одушевленіемъ любящіе свои родныя Альпы, оба прилежные, пытливые, обладающіе историческимъ образомъ мыслей и направленіемъ чувствъ—Іоганнъ Миллеръ, настроенный больше энически, погруженный духомъ въ исторію прошедшаго, Іосифъ Гоймайеръ, чувствующій быстрое, увлекаемый больше въ настоящее, безкорыстно жертвующій жизнью за то, что ему было дорого.

Сочиненіе Бертольди «Война тирольскихъ поселянъ въ 1810 году»—умно и прекрасно написанная книга, и если есть въ ней недостатки, то они возникли отъ того, что авторъ, какъ свойственно благороднымъ умамъ, ниталъ очевидное сочувствіе къ угнетенной партіи, и потому что событія, въ то время, когда онъ ихъ описывалъ, были еще окружены пороховымъ дымомъ.

Многія замѣчательныя событія того времени совсѣмъ не записаны и живутъ только въ памяти народа, который теперь ужъ не охотно говоритъ о нихъ, такъ какъ при этомъ выплываютъ воспоминанія о многихъ несбывшихся надеж-

дахъ. Бѣднымъ тирольцамъ пришлось тоже испытать очень много, и когда въ настоящее время вы спрашиваете ихъ, получили ли они въ награду за свою вѣрность все, что обѣщали имъ въ тяжелую пору, то они добродушно пожимаютъ плечами и наивно говорятъ: «Можетъ-быть, это обѣщали не такъ ужъ серьезно; императору приходится слишкомъ о многомъ думать, такъ что тутъ многое и позабудешь».

Утѣштесь, бѣдняки, вы не единственные, которымъ было обѣщано что-нибудь. Вѣдь случается же на большихъ корабляхъ торговцевъ неграми, что во время большихъ бурь, когда корабль въ опасности, прибѣгаютъ къ помощи тѣхъ черныхъ людей, которые валяются тамъ внизу, въ темныхъ корабельныхъ люкахъ; тутъ разбиваютъ ихъ желѣзные цѣпи и клятвенно обѣщаютъ имъ подарить свободу, какъ только, благодаря ихъ работѣ, будетъ спасенъ корабль. И тутъ черные идиоты съ ликованіемъ выбѣгаютъ на свѣтъ Божій, и съ криками «ура!» спѣшатъ къ насосамъ, накачиваютъ воду и изо всѣхъ силъ помогаютъ, гдѣ только можно помочь; взлѣзаютъ на мачты, прыгаютъ, сворачиваютъ канаты, однимъ словомъ, работаютъ до тѣхъ поръ, пока не прошла опасность. Но послѣ того, само собою разумѣется, ихъ снова отводятъ въ люкъ, снова совершенно удобно сковываютъ цѣпями, и въ своемъ мрачномъ бѣдствіи они предаются демагогическимъ размышленіямъ насчетъ обѣщаній этихъ торговцевъ человѣческими душами, вся забота которыхъ послѣ минувшей опасности состоитъ въ томъ, чтобы выгодноѣ вымѣнять еще нѣсколько душъ...

O, navis, referent in mare te novi
Fluctus—etc.

Когда мой старый учитель объяснялъ намъ эту оду Горация, въ которой сенатъ сравнивается съ кораблемъ, онъ дѣлалъ разныя политическія соображенія, которые потомъ прекратилъ, когда совершилось лейпцигское сраженіе, и весь нашъ классъ былъ распущенъ.

Мой старый учитель зналъ все заранѣе, и когда мы получили первое извѣстіе объ этомъ сраженіи, онъ покачалъ сѣдою головой. Теперь я знаю, что означало это качаніе. Скоро пришли болѣе точныя свѣдѣнія, и всѣ украдкой показывали другъ другу картины, на которыхъ пестро и назидательно было изображено, какъ высокопоставленные полководцы на полѣ битвы преклоняли колѣни и благодарили Бога.

— Да, они имѣли основаніе благодарить Бога,—замѣтилъ мой учитель и улыбнулся, какъ онъ обыкновенно улыбался, когда объяснялъ Саллюстія:—императоръ Наполеонъ такъ часто колотилъ ихъ, что, въ концѣ концовъ, могли и они тоже выучиться этому у него.

А затѣмъ явились союзники и скверныя стихотворенія въ честь освобожденія, Германъ и Туснельда, крики «ура», и женскій союзъ, и отечественныя жолуди, и вѣчное хвастовство лейпцигскимъ сраженіемъ, и опять лейпцигское сраженіе, и конца не было этому.

— Эти люди,—замѣтилъ мой учитель:—то же, что оиванцы, когда они при Леветрѣ разбили, наконецъ, хоть одинъ разъ непобѣдимыхъ спартапцевъ и затѣмъ ужъ не переставали хвастаться этимъ сраженіемъ, такъ что Антистенъ сказалъ о нихъ: они похожи на мальчишекъ, которые не могутъ придти въ себя отъ радости, когда имъ удастся хоть одинъ разъ поколотить своего учителя. Милыя дѣти, было бы гораздо лучше, если бы насъ самихъ поколотили.

Вскорѣ послѣ того старикъ умеръ, на его могилѣ растетъ прусская трава и на ней пасутся благородные кони нашихъ подновленныхъ рыцарей.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Тирольцы красивы, веселы, честны, храбры и непостижимо ограничены. Они здоровое человѣческое племя, можетъ-быть, потому, что они слишкомъ глупы для того, чтобы имѣть возможность быть больными. Я назвалъ бы ихъ и благороднымъ племенемъ, потому что въ средствахъ своего пропитанія они очень разборчивы, а въ привычкахъ очень чистоплотны, только нѣтъ въ нихъ и тѣни сознанія достоинства личности. Тирольцы обладаютъ какимъ-то улыбающимся, юмористическимъ рабствомъ, которое имѣетъ почти ироническую окраску, но совершенно искренно въ нихъ.

Женщины въ Тиролѣ такъ привѣтливо встрѣчаютъ васъ, мужчины такъ крѣпко жмутъ вамъ руку и при этомъ у нихъ такой сердечно-нарядный видъ, что можно подумать—они принимаютъ васъ за своего близкаго родственника, по крайней мѣрѣ, за своего равнаго. Но на самомъ дѣлѣ ничего этого нѣтъ: они при этомъ никогда не забываютъ, что они только простые люди, а вы знатный господинъ, которому, конечно, нравится, когда простые люди подходятъ къ нему безъ особенной робости. И въ этомъ случаѣ они руководятся правильнымъ природнымъ инстинктомъ. Самыя

закоренѣлые аристократы довольны, когда у нихъ являются случаи снисходить къ младшимъ братьямъ, ибо, именно благодаря этому, они чувствуютъ, какъ высоко поставлены они сами. У себя дома тирольцы практикуютъ это рабство бесплатно, на чужбинѣ они стараются кое-что заработать этимъ. Они продаютъ свою личность, продаютъ свою національность. Эти пестро одѣтые продавцы одѣяль, эти бодрые тирольскіе буа, странствующие по свѣту въ своихъ національныхъ костюмахъ, охотно позволяютъ вамъ сыграть съ ними какую-нибудь шуточку, но взамѣнъ того вы должны что-нибудь купить у нихъ.

Семейство Райнеръ, бывшее въ Англіи, понимало это дѣло еще лучше, да у нихъ притомъ еще былъ хорошій совѣтникъ, прекрасно знавшій духъ англійской аристократіи. Отсюда хорошій пріемъ, которымъ они пользовались въ средоточіи европейской знати, въ the west end of the town. Когда прошедшимъ лѣтомъ въ блестящихъ концертныхъ залахъ лондонскаго фешенебельнаго свѣта я увидѣлъ на сценѣ этихъ тирольскихъ пѣвцовъ, одѣтыхъ въ ихъ національное платье, и услышалъ тѣ пѣсни, которыя такъ навивно и набожно распѣваются въ тирольскихъ Альпахъ и такъ мило отзываются и въ нашемъ сѣверо-нѣмецкомъ сердцѣ, — тогда все въ моей душѣ извратилось въ горькое неудовольствіе, одобрительная улыбка аристократическихъ губъ уколола меня въ сердце, какъ змѣя, и стало у меня на душѣ такъ, какъ будто я увидѣлъ грубѣйшее оскорбленіе цѣломудрія нѣмецкаго слова и профанацию чужеземной чернью прекраснѣйшихъ мистерій нѣмецкой духовной жизни. Я не могъ аплодировать вмѣстѣ съ другими этому безстыдному торгашеству самымъ сокровеннымъ, стыдливымъ, и одинъ швейцарецъ, вышедшій изъ залы точно съ такимъ же чувствомъ, какъ мое, замѣтилъ совершенно правильно: «Мы, швейцарцы, тоже отдаемъ много за деньги — наши лучшіе сыры и нашу лучшую кровь, но звукъ альпійскаго рожка слышать на чужбинѣ намъ очень тяжело, а ужъ шпрать на немъ за деньги еще тяжелѣе».

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Тироль очень красивъ, но самые красивые пейзажи не могутъ приводить насъ въ восторгъ при мрачной погодѣ и такомъ же душевномъ настроеніи. Это настроеніе у меня всегда слѣдствіе погоды, и такъ какъ на дворѣ шелъ дождь, то и внутри меня была скверная погода. Только по време-

намъ рѣшался я высовывать голову изъ коляски, и тутъ видѣлъ высочайшія горы, смотрѣвшія на меня очень серьезно и кивавшія мнѣ съ желаніемъ добраго пути своими громадными головами и длинными облачными бородами. Мѣстами усматривалъ я вдали синеватую горку, которая, какъ будто, становилась на цыпочки и съ большимъ любопытствомъ смотрѣла черезъ плечи другихъ горъ, вѣроятно для того, чтобы увидѣть меня. При этомъ повсюду шумѣли лѣсные источники, какъ сумасшедшіе кидались они внизъ съ высотъ и собирались въ темныхъ ложбинахъ долинъ. Люди сидѣли въ своихъ красивенькихъ, чистыхъ домикахъ, разбѣянныхъ на самыхъ крутыхъ склонахъ и даже на вершинахъ горъ, — милыхъ чистыхъ домикахъ, обыкновенно украшенныхъ длинной балкообразной галлереей, которая, въ свою очередь, украшена бѣлымъ, образками, цвѣточными горшками и дѣвичьими лицами. Домики эти и раскрашены красиво, большею частію въ бѣлый и зеленый цвѣтъ, точно и они одѣты въ тирольское туземное платье съ зелеными подтяжками на бѣлой рубашкѣ. Когда я смотрѣлъ на такіе домики подъ непрерывнымъ дождемъ, сердце мое часто хотѣло выйти изъ груди и отправиться къ этимъ людямъ, которые, конечно, сидѣли тамъ совершенно сухіе и довольные. «Тамъ,—думалъ я,—живется, вѣроятно, очень пріятно и задушевно, и старая бабушка рассказываетъ самыя таинственныя исторіи.» Между тѣмъ, какъ мой экипажъ неумолимо проѣзжалъ мимо, я еще не разъ оглядывался назадъ, чтобы увидѣть, какъ изъ маленькихъ трубъ поднимались синеватые столбы дыма, а дождь шелъ все сильнѣе и сильнѣе, какъ внѣ меня, такъ и во мнѣ—до такой степени, что изъ глазъ моихъ почти выходили капли воды.

Часто также вздымалось мое сердце и, несмотря на дурную погоду, взлѣзало наверхъ къ людямъ, жившимъ тамъ на горахъ и, можетъ-быть, только разъ-другой за всю свою жизнь сходявшихъ внизъ и мало знающихъ о томъ, что совершается здѣсь, внизу. Вотъ отчего они всегда остаются набожными и счастливыми. Изъ политики знаютъ они только, что у нихъ есть императоръ, носящій бѣлый мундиръ и красныя панталоны; это рассказалъ имъ старый дядя, слышавшій это въ Инспрукѣ отъ смуглаго Сеперля, бывшаго въ Вѣнѣ. Когда патріоты забрались къ нимъ наверхъ и краснорѣчиво сообщили имъ, что теперь у нихъ государь который ходитъ въ синемъ мундирѣ и бѣлыхъ панталонахъ, тогда они схватились за свои ружья и поцѣловали женъ

дѣтей, и спустились съ горъ, и стали умирать на полѣ битвы за бѣлый мундиръ и за милые красные панталоны.

Въ сущности одно и то же—за что мы умираемъ, лишь бы за что—нибудь милое намъ, и такая теплая, вѣрная смерть лучше холодной, лишенной всякой вѣрности жизни. Уже однѣ пѣсни о такой смерти, милыя рифмы и свѣтлыя слова согрѣваютъ наше сердце, когда хотятъ омрачить его влажные туманы и назойливыя заботы.

Много подобныхъ пѣсенъ звучало въ моемъ сердцѣ, когда я проѣзжалъ тирольскія горы. Привѣтливые сосновые лѣса навѣвали мнѣ въ память многія забытыя слова любви. Особенно въ тѣ минуты, когда съ такой непостижимой грустью смотрѣли на меня большія синія горныя озера, думалъ я снова о двухъ дѣтяхъ, которыя такъ любили другъ друга и вмѣстѣ умерли. Это устарѣвшая исторія, въ которую теперь и не вѣрить никто, и которую я самъ знаю только по нѣсколькимъ строкамъ пѣсни:

Было двое дѣтей королевскихъ,
Но сойтись не могли никогда,
Хоть и сильно другъ друга любили:
Глубока была слишкомъ вода!

Эти слова сами собою снова звучали во мнѣ, когда я на одномъ берегу одного изъ этихъ синихъ озеръ увидѣлъ маленькаго мальчика, а на другомъ маленькую дѣвочку, обонихъ въ пестромъ туземномъ платьѣ, въ зеленыхъ, украшенныхъ ленточками шляпкахъ на головахъ, и они привѣтливо кланялись другъ другу...

Но сойтись не могли никогда,
Глубока была слишкомъ вода!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Въ южномъ Тиролѣ погода прояснилась, итальянское солнце давало уже чувствовать свою близость. Горы становились все теплѣе и все болѣе блестящи. Я видѣлъ уже виноградныя лозы, вившіяся по нимъ, и могъ уже чаще высовываться изъ экипажа. Но когда я высовываюсь, то высовывается вмѣстѣ со мною и мое сердце, а съ сердцемъ—вся его любовь, его грусть, его безуміе. Часто случалось, что отъ этого бѣдное сердце разрывали шипы, когда оно дотрагивалось до кустовъ розъ, стоявшихъ на пути, а тирольскія розы совсѣмъ недурны. Проѣзжая черезъ Штейнахъ и глядя на площадь, на которой Иммерманъ за-

ставляетъ дѣйствовать своего Гофера съ его товарищами, я нашель, что площадь для собраній инсургентовъ слишкомъ мала, но для того, чтобы влюбяться на ней, все еще достаточно велика. Тутъ стоятъ всего два-три бѣлыхъ домика, и изъ одного окошка выглядывала маленькая мѣщаночка и цѣлилась, и стрѣляла въ меня своими большими глазами. Не прокатись мой экипажъ быстро и останься у нея время зарядить еще разъ, я бы, конечно, былъ убитъ выстрѣломъ. Я закричалъ, кучеру: «Ступай скорѣй, съ такой красавицей Эльзи шутить нельзя, тутъ совсѣмъ лишись головы!» Какъ основательный путешественникъ, я долженъ также сообщить, что госпожа трактирщица въ Штерцингѣ весьма, правда, старая женщина, но за то имѣетъ двухъ молодыхъ дочурокъ, которыя весьма пріятно согрѣваютъ сердце у всякаго входящаго въ ихъ домъ. Но тебя не могу я забыть, о, прекраснѣйшая изъ всѣхъ, красавица-пряха, на границѣ Италіи! О! если бы ты дала мнѣ нить своей пряжи, какъ сдѣлала Ариадна съ Тезеемъ, чтобы провести меня сквозь лабиринтъ этой жизни, минотавръ былъ бы теперь ужъ побѣжденъ, я любилъ бы тебя и цѣловалъ бы, и никогда бы не покинулъ!

«Когда женщина улыбается, это хорошій знакъ», — говоритъ одинъ китайскій писатель; а одинъ нѣмецкій писатель былъ такого же мнѣнія, когда въ южномъ Тиролѣ, гдѣ начинается Италія, онъ проѣзжалъ мимо горы, у подошвы которой, на не очень высокой каменной плотинѣ стоялъ одинъ изъ тѣхъ домиковъ, которые такъ ласково смотрятъ на насъ своими милыми балконами и наивной живописью. По одной сторонѣ его стояло большое деревянное распятіе, служившее опорой молодой виноградной лозѣ, такъ что получалось какое-то мрачно-радостное впечатлѣніе, глядя, какъ жизнь обнимала смерть, и какъ зеленые сочные гроздья обвивали окровавленное тѣло и распятыя руки и ноги Спасителя. Съ другой стороны домика стояла круглая голубятня, пернатое населеніе которой летало взадъ и впередъ, и одинъ особенно граціонный бѣлый голубь сидѣлъ на красивой верхушкѣ крыши, возвышавшейся точно набожный каменный вѣнецъ священной ниши надъ головой красавицы-пряхи. Она сидѣла на маленькомъ балконѣ и прила не по нѣмецкой методѣ, но тѣмъ старымъ способомъ, по которому обвитый льномъ гребень держится подъ рукою, а выпряденная нитка бѣжитъ по свободно движущемуся веретену. Такъ пряли дочери царей въ Греціи, такъ прядутъ еще теперь паркы

и всѣ итальянки. Она пряла и улыбалась, неподвижно сидѣлъ голубь, позади самага дома возвышались высокія горы, синѣвшія вершины которыхъ освѣщались солнцемъ такъ, что онѣ походили на серьезную охранительную стражу изъ великановъ съ блестящими шлемами на головахъ.

Она пряла и улыбалась и, кажется, крѣпко запряла мое сердце въ то время, какъ экипажъ нѣсколько медленнѣе проѣзжалъ мимо, сдерживаемый широкимъ теченіемъ Эйзаха, стремившагося по другой сторонѣ дороги. Милыя черты цѣлый день не выходили у меня изъ памяти. Повсюду видѣлъ я это милое лицо, которое, казалось, было изваяно греческимъ скульпторомъ изъ благоуханій бѣлой розы. Лицо такое воздушно-нѣжное, такое блаженно-благородное, какое, можетъ-быть, грезилось этому художнику въ его юношескіе годы, въ цвѣтущую весеннюю ночь. Глаза ея, конечно, не могъ себѣ представить въ грезяхъ никакой грекъ, и еще менѣе могъ бы онъ понять ихъ, но я видѣлъ ихъ и понималъ, понималъ эти романтическія звѣзды, которыя такъ волнебно освѣщали древнее великолѣпіе. Цѣлый день я видѣлъ эти глаза, и снились мнѣ они и въ слѣдующую ночь. Тутъ снова сидѣла она и улыбалась, голуби летали вокругъ нея, какъ ангелы любви, и бѣлый голубь тоже мистически шевелилъ надъ ея головою своими крыльями, позади ея поднимались еще величественнѣе стражи въ своихъ шлемахъ, предъ ней несли источники все бурнѣе и неукротимѣе, виноградныя лозы обвивались съ тревожной поспѣшностью вокругъ деревяннаго распятія, которое болѣзненно шевелилось и открывало страждущіе глаза, истекало кровью изо всѣхъ ранъ... А она все пряла и улыбалась, и на ниткѣ ея пряжи, подобно пляшущему веретену, висѣло мое собственное сердце.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

По мѣрѣ того, какъ солнце распѣвало на небѣ все прекраснѣе и великолѣпнѣе и накидывало на горы и замки золотые покровы, въ моемъ сердцѣ тоже становилось все жарче и свѣтлѣе. Грудь моя снова вся наполнилась цвѣтами, а они выходили наружу, разрастались высоко надъ моею головою, и сквозь цвѣты моего сердца снова улыбалась мнѣ прекрасная пряха. Погруженный въ такія грезы, самъ сдѣлавшись грезой, я пріѣхалъ въ Италію, и такъ какъ во время своего путешествія отчасти забылъ, что ѣду туда, то почти испугался, когда на меня взглянули всѣ эти большіе

итальянскіе глаза и пестро-суетливая итальянская жизнь хлынула мнѣ навстрѣчу, горячая и жужжащая.

Это случилось въ городѣ Триентѣ, куда я прибылъ въ одно прекрасное воскресенье послѣ обѣда, въ ту пору, когда жаръ стихаетъ, и итальянцы встаютъ и начинаютъ гулять по улицѣ. Этотъ городъ, уже старый и полуразрушенный, лежитъ въ широкомъ кругу цвѣтущихъ зеленыхъ горъ, которыя, какъ вѣчно юные боги, смотрятъ на гнилое созданіе человѣческихъ рукъ. Полуразрушенный и гнилой лежитъ тутъ же и старый замокъ, который нѣкогда господствовалъ надъ городомъ—причудливое строеніе причудливыхъ временъ, съ выступами, остроконечными верхушками, зубцами и широкою круглою башнею, въ которой теперь живутъ только совы и австрійскіе инвалиды. Самъ городъ остроенъ тоже очень причудливо, и какъ-то странно становится на душѣ при первомъ взглядѣ, который вы кидаете на эти старобразные дома съ ихъ потускнѣвшими фресками, съ ихъ изломанными статуями святыхъ, съ ихъ башенками, уголками, рѣшетчатыми окошечками и тѣми выдающимися впередъ фронтонами, которые въ формѣ эстрады покоятся на сѣрыхъ, одряхлѣвшихъ отъ старости столбахъ, тоже нуждающихся въ подпоркахъ. Зрѣлище это было бы черезчуръ печально, если бы природа не освѣжала эти вымершіе камни новою жизнью, если бы милыя виноградныя лозы не обвивались нѣжно и любовно вокругъ этихъ полуразрушенныхъ колоннъ, какъ юность вокругъ старости, и если бы изъ этихъ мрачныхъ сводчатыхъ оконъ не выглядывали еще болѣе милыя лица дѣвушекъ, улыбающихся при видѣ нѣмецкаго чужеземца, который бродитъ по этимъ цвѣтущимъ руинамъ какъ лунатикъ.

Я былъ, дѣйствительно, какъ во снѣ, въ такомъ снѣ, когда хочешь вспомнить что-нибудь, о чемъ тоже когда-нибудь грезилъ. Я поочередно смотрѣлъ то на дома, то на людей, и мнѣ почти казалось, что эти дома видѣлъ я нѣкогда въ ихъ лучшіе дни, когда ихъ прекрасная живопись блестяла еще яркими красками, когда золотыя украшенія на карнизахъ оконъ еще не такъ почернѣли и когда мраморная Мадонна съ ребенкомъ на рукахъ не была еще лишена своей чудно красивой головы которую теперь нечестивое время такъ грубо сбросило на землю. И лица старыхъ женщинъ казались мнѣ такъ знакомыми, мнѣ чудилось, что они вырѣзаны изъ тѣхъ старыхъ итальянскихъ картинъ, которыя я нѣкогда ребенкомъ видѣлъ въ дюссельдорфской галлерей.

Точно такъ же и старики представлялись мнѣ хорошо знакомыми изъ давно забытыхъ временъ, и они смотрѣли на меня серьезными глазами, точно изъ глубины цѣлаго тысячелѣтїя. Даже у смѣлыхъ молодыхъ дѣвушекъ былъ какой-то тысячелѣтній вымершій видъ и въ то же самое время нѣчто цвѣтущее, живое, нагонявшее на меня даже ужасъ, отрадный ужасъ, какой я чувствовалъ нѣкогда, когда въ одинокую полночь прижалъ губы свои къ губамъ Марїи, чудной женщины, у которой въ то время не было никакого недостатка и порока, кромѣ того, что она была мертвая. Но тутъ пришлось мнѣ посмѣяться надъ самимъ собою, и теперь мнѣ показалось, будто весь этотъ городъ ничто иное, какъ прекрасная повѣсть, которую я нѣкогда прочелъ, даже которую самъ сочинилъ, и что я теперь колдовствомъ превращенъ въ мое собственное стихотвореніе и пугаюся образомъ моего собственнаго созданїя. «А можетъ-быть,—думалъ я,—все это, дѣйствительно, только сонъ»,—и охотно заплатилъ бы я талеръ за то, чтобы кто-нибудь далъ мнѣ пощечину только для того, чтобы я могъ узнать, бодрствую я или сплю.

Очень могло, однако, случиться, что я за этотъ товаръ заплатилъ бы еще дешевле, когда на углу площади натолкнулся на толстую торговку овощами; но она удовольствовалась тѣмъ, что бросила мнѣ въ лицо нѣсколько дѣйствительныхъ винныхъ ягодъ, чѣмъ убѣдила меня, что я нахожусь въ самой дѣйствительной дѣйствительности, на рыночной площади въ Триентѣ подлѣ большого фонтана, изъ мѣдныхъ драконовъ и дельфиновъ котораго привѣтливо и ободрительно била серебряно-прозрачная вода. Влѣво стояло старое палаццо, стѣны котораго были раскрашены пестро аллегорическими фигурами, а на террасѣ его нѣсколько сѣрыхъ австрїйскихъ солдатъ дрессировались въ будущіе герои. Справа стоялъ готическій ломбардскій капризный домикъ, внутри котораго чудесный легкій голосъ дѣвушки распѣвалъ такъ смѣло и весело, что старыя стѣны дрожали отъ радости и дряхлости, между тѣмъ какъ наверху, изъ остроконачнаго окошка, выглядывала черная, лабиринтски завитая комедьянтская прическа, подъ которой находилось рѣзко очерченное тончее лицо, нарумяненное только съ лѣвой щеки и походившее поэтому на широжокъ, поджаренный только съ одной стороны. А передо мной, въ срединѣ, стоялъ старый соборъ, ни большой, ни мрачный, но похожій на веселаго старика, который радушно приглашалъ меня войти въ него.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Когда я откинул зеленый шелковый занавѣсъ, закрывавшій входъ въ соборъ, и вошелъ въ Божій домъ, то сердце и тѣло мое пріятно освѣжились отраднымъ воздухомъ, наполнявшимъ его, и миротворно волшебнымъ свѣтомъ, который пробивался на молящихся сквозь пестро-разрисованныя окна. То были большею частью женщины, длинными рядами стоявшія на колѣняхъ предъ низкими скамейками. Онѣ молились только неслышнымъ движеніемъ губъ и при этомъ постоянно обмахивались большими зелеными вѣерами, такъ что не было слышно ничего, кромѣ непрерывнаго таинственнаго шопота, и ничего не видно, кромѣ движенія вѣеровъ и развѣвающихся вуалей. Скрипъ моихъ шаговъ на-рушилъ много набожныхъ размышленій, и большіе католическіе глаза смотрѣли на меня полулюбопытно, полупривѣтливо, какъ будто совѣтовали мнѣ тоже преклонить колѣна и тоже дать набожное отдохновеніе моей душѣ. Дѣйствительно, такой соборъ съ его полусвѣтомъ и отрадной прохладой есть очень пріятное мѣстопробываніе, когда на улицѣ ярко свѣтитъ солнце и очень жарко. Объ этомъ не имѣютъ никакого понятія въ нашей протестантской сѣверной Германіи, гдѣ церкви не построены такъ комфортабельно, гдѣ свѣтъ такъ нагло прорывается сквозь неразрисованныя сухоразсудочныя окна, и даже холодныя проповѣди недостаточно защищаютъ отъ жары. Говорите, что хотите, но католицизмъ хорошая лѣтняя религія. Такъ хорошо садиться на скамьяхъ этихъ старыхъ соборовъ, такъ наслаждаешься тамъ прохладной набожностью, священнымъ *dolce far niente*, молишься и грѣшишь въ мысляхъ, Мадонны съ такимъ прощеніемъ киваютъ тебѣ изъ своихъ нишъ и, по-женски чувствуя, прощаютъ тебѣ даже тогда, когда въ свои грѣшныя мысли ты влетаешь ихъ собственные прекрасныя черты. А вдобавокъ ко всему этому, въ каждомъ углу стоитъ еще коричневая будочка совѣсти, въ которой можно освобождаться отъ своихъ грѣховъ.

Въ одной изъ такихъ будочекъ сидѣлъ молодой монахъ съ серьезнымъ лицомъ. Лицо дамы, исповѣдывавшейся ему въ своихъ грѣхахъ, было закрыто отъ меня частью ея бѣлой вуалью, частью боковыми досками исповѣдальни, но оттуда, все-таки, высовывалась рука, которая какъ бы приковала меня къ себѣ. Я не могъ перестать смотрѣть на эту руку, синевагатыя жилки и аристократическій блескъ бѣлыхъ паль-

девѣ были такъ странно знакомы мнѣ, что вся сила грезъ моей души пришла въ движеніе, чтобы представить себѣ лицо, которое могло бы принадлежать этой рукѣ. То была прекрасная рука, и не такая, какую находятъ у молодыхъ дѣвушекъ, которыя, будучи полуовечками, полурозами, имѣютъ только лишенная всякой мысли, растительно-животныя руки. Въ той же рукѣ было нѣчто духовное, нѣчто исторически прелестное, какъ въ рукахъ тѣхъ красивыхъ мужчинъ, которые или очень образованы, или много страдали. Эта рука имѣла притомъ въ себѣ что-то до такой степени трогательно-невинное, что казалось, какъ будто ей не было надобности исповѣдываться вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ тѣломъ и какъ будто она не хотѣла слышать, что говорила ей обладательница, и ожидала внѣ исповѣдальни, когда та окончитъ исповѣдь. Но это длилось долго, вѣроятно, дамѣ пришлось каяться во многихъ грѣхахъ. Я не могъ ждать дольше, душа моя напечатлѣла невидимо прощальный поцѣлуй на прекрасной рукѣ, рука вздрогнула въ ту же минуту, и притомъ такъ странно, какъ вздрогнула рука мертвой Маріи, когда я прикасался къ ней. «Боже мой!—подумалъ я,—зачѣмъ мертвая Марія въ Триентѣ?»—и поспѣшилъ уйти изъ собора.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Когда я снова пошелъ по рыночной площади, вышеупомянутая овощная торговка поклонилась мнѣ очень дружески и очень интимно, какъ будто мы были старые знакомые. «Все равно,—подумалъ я,—какъ завязывать знакомства, лишь бы только быть знакомымъ». Нѣсколько брошенныхъ въ лицо винныхъ ягодъ, конечно, не всегда могутъ быть очень хорошею рекомендаціей, но я и торговка смотрѣли теперь другъ на друга такъ привѣтливо, какъ будто мы обмѣнялись самыми лучшими рекомендательными письмами. Впрочемъ, наружность этой женщины была совсѣмъ недурна. Правда, она была уже того возраста, когда время отмѣчаетъ наши служебные годы роковыми черточками на лбу; но это дѣлало ее еще корпулентнѣй, и то, что потеряла она на годахъ, то выиграла въ всѣхъ. При этомъ лицо ея продолжало носить слѣды большой красоты, и, какъ на старыхъ горшкахъ, было на немъ написано: «Любить и быть любимымъ—величайшее счастье на землѣ». Но самую большую прелесть придавала ей прическа: завитые локоны, сильно напудренные, щедро утучненные помадой и идиллически перевитые

бѣлыми пѣтами-колокольчиками. Я смотрѣлъ на эту женщину съ такой внимательностью, съ какою антикваріи разглядываетъ выкопанные имъ мраморные торсы, на этой живой человѣческой развалинѣ я могъ еще изучить очень много, я могъ открыть на ней слѣды всѣхъ цивилизацій Италіи: этрусской, римской, готической, ломбардской, вплоть до напудренной новой, и крайне интереснымъ представлялся мнѣ цивилизованный видъ этой женщины въ противоположность съ ея промысломъ и ея страстными движеніями. Не менѣе интересны были для меня предметы ея торговли: свѣжій миндаль, который я никогда не видѣлъ въ его зеленой шелухѣ, и ароматно-свѣжія винныя ягоды, лежавшія большими грудами, какъ у насъ груши. Заняли меня и большія корзины съ свѣжими лимонами и апельсинами и—чудесное зрѣлище!—въ одной изъ большихъ корзинокъ лежалъ тутъ же удивительно красивый ребенокъ, державшій въ рукахъ бѣлый колокольчикъ и звонившій въ него въ каждомъ промежуткѣ между раздававшимися въ это время ударами большого соборнаго колокола; при этомъ дитя съ такой блаженной и беззаботной улыбкой смотрѣло вверхъ на синее небо, что и въ моей душѣ воскресли вновь самыя смѣшныя дѣтскія прихоти, и я, какъ ребенокъ, остановился передъ веселыми корзинами и сталъ лакомиться, и пустился въ разсужденіе съ торговкой.

По моему ломаному итальянскому говору она приняла меня сначала за англичанина, но я сознался ей, что я только нѣмецъ. Она тотчасъ же стала задавать мнѣ географическіе, экономическіе, гортологическіе, климатическіе вопросы насчетъ Германіи и удивлялась, когда я тоже сознался ей, что у насъ совсѣмъ не растутъ лимоны, что тѣ немногіе лимоны, которые мы получаемъ изъ Италіи, намъ приходится сильно выжимать, когда мы желаемъ сдѣлать себѣ пуншъ, и что съ отчаянія мы подливаемъ въ него какъ можно больше рома.

— Ахъ, милая женщина, — сказала я ей: — въ нашей сторонѣ очень холодно и сыро, наше лѣто ничто иное, какъ выкрашенная зеленой краской зима, даже солнце у насъ должно носить фланелевую фуфайку, если не хочетъ простудиться; при этомъ желтомъ фланелевомъ солнечномъ свѣтѣ нашимъ плодамъ невозможно созрѣвать. Видъ у нихъ сердитый и зеленый и, между нами сказать, единственно зрѣлые плоды, какіе мы имѣемъ, это печеные яблоки. Что касается винныхъ ягодъ, то и ихъ, какъ лимоны и апельсины,

мы должны выписывать изъ чужихъ странъ, а вслѣдствіе длиннаго путешествія, онѣ становятся глупы и мучнисты; только самый скверный сортъ можемъ мы получать изъ пер-выхъ рукъ, и онъ такъ горекъ, что тотъ, кто ихъ получаетъ даромъ, долженъ сверхъ того возбуждать процессъ за оскорбленіе его личности. Миндаль у насъ только засушенный. Однимъ словомъ, не имѣемъ мы никакихъ благородныхъ фруктовъ, есть у насъ только крыжовникъ, груши, орѣхи, сливы, да тому подобная чернь.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Я дѣйствительно былъ радъ, что тотчасъ же по прибытіи моемъ въ Италію завязалъ хорошее знакомство, и если бы важныя чувства не тянули меня къ югу, то я покамѣстъ остался бы въ Триентѣ, у доброй торговки, около добрыхъ винныхъ ягодъ и миндаля, у маленькаго звонаря и, если говорить правду, у красавицъ двушекъ, плавно проплы-вавшихъ мимо меня. Не знаю, одобрятъ ли другіе путе-шественники употребленный здѣсь эпитетъ «красавицъ», но мнѣ триентинки очень и очень понравились. Это были именно тотъ сортъ, который я люблю, — а люблю я эти блѣдныя, эгегическія лица, на которыхъ большіе черные глаза свер-каютъ съ такой милой болѣзненностью; и люблю и смуглый цвѣтъ этихъ гордыхъ шей, которыя любилъ и цѣловалъ уже Фей; я люблю даже эти перерѣзные затылки съ ихъ пурпурными точечками, точно тамъ клевали сладострастные птицы, но болѣе всего люблю я эту гениальную походку, эту нѣмую музыку тѣла, эти члены, которые двигаются въ самыхъ сладкозвучныхъ ритмахъ, роскошныя, гибкія, бо-жественно-сладострастные, до смерти лѣнивыя, но тутъ же и воздушно величавыя, и всегда высоко поэтическія. Я люблю все это, какъ люблю и самую поэзію, и эти мело-дически двигающіяся фигуры, этотъ удивительный человѣ-ческій концертъ, шелестившій около меня, нашель отголо-сокъ въ моемъ сердцѣ и пробудилъ въ немъ родственные звуки.

Теперь это не была уже волшебная сила перваго потря-сенія, сказочность дико чуждаго зрѣлища; тутъ уже спокой-ный духъ разсматривалъ эти женскіе образы восторженно-разсудительными глазами, какъ читаетъ истинный критикъ прекрасное стихотвореніе. А при такомъ созерцаніи откры-ваешь много, много печальнаго, богатство прошедшаго, бѣд-ность настоящаго и оставшуюся не разрушенною гордость

Очень бы хотѣли дочери Триента наряжаться такъ, какъ наряжались тутъ во время вселенскаго собора, когда весь городъ цвѣлъ въ бархатъ и шелку. Но изъ собора вышло мало проку, бархатъ полинялъ, шелкъ растрепался, а у бѣдныхъ дѣтей не осталось ничего, кромѣ жалкой мишуры, которую въ будніе дни они старательно берегутъ и въ которую наряжаются только по воскресеньямъ. Но у многихъ нѣтъ и этихъ остатковъ былой роскоши, и они должны довольствоваться всяческими обыкновенными и дешевыми фабрикаціями нашего столѣтія. И вотъ тутъ являются многіе трогательные контрасты между тѣломъ и одеждой: точно очерченный ротъ, повидимому, имѣетъ право повелѣвать по-царски, а между тѣмъ на него бросаетъ язвительную тѣнь жалкая кисейная шляпенка съ изорванными бумажными цвѣтами; самая гордая грудь вздымается подъ пелеринкой изъ дешевыхъ фальшивыхъ кружевъ, и самыя умныя бедра облегаютъ глупѣйшій ситецъ. О, скорбь! твое названіе—ситецъ, и притомъ коричнево-полосатый ситецъ! Потому что—увы!—ничто не дѣйствовало на меня такъ грустно, какъ видъ одной триентинки, которая фигурой и цвѣтомъ лица походила на мраморную богиню, а это антично-благородное тѣло было одѣто въ платье изъ коричнево-полосатаго ситца, такъ что казалось, какъ будто каменная Ниобея вдругъ развеселилась и переодѣлась въ наше новое мѣщанское платье и съ нищенской гордостью и величавой беспомощностью ходитъ по улицамъ Триента.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Когда я вернулся въ трактиръ dell Grand Europa, гдѣ заказалъ себѣ хорошій pranzo, то у меня на душѣ стало дѣйствительно такъ печально, что я не могъ уже ѣсть, это много значить. Я сѣлъ предъ дверью сосѣдней ботанической оранжереи и съѣлъ мороженымъ и говорилъ самъ съ собою:

«Причудливое сердце! Ну, вотъ, ты теперь въ Италиі отчего же ты не тирилируешь? Быть-можетъ, старыя немцы и маленькія змѣи, такъ глубоко заползли въ тебя, теперь пріѣхали вмѣстѣ съ тобою въ Италию и радуются, и именно ихъ ликованіе вызываетъ въ твоихъ груди ту живописную скорбь, которая такъ странно колеблется тамъ, и прыгаетъ, и шипитъ? Да отчего и не радоваться этимъ старымъ печалямъ? Здѣсь въ Италиі вѣдь такъ хорошо, даже самое страданіе здѣсь такъ прекрасно, въ этихъ мраморныхъ дряхлыхъ дворцахъ вздохи звучатъ гораз-

романтичнѣе, чѣмъ въ нашихъ чистенькихъ домикахъ съ черепичными крышами. Подъ этими лавровыми деревьями плачешь гораздо сладострастнѣе, чѣмъ подъ нашими брюзгливо зубчатыми елями, и подъ идеальными тучками голубого неба Италіи томишься гораздо отраднѣе, чѣмъ подъ пепельно-сѣрымъ нѣмецкимъ будничнымъ небомъ, на которомъ даже облака строятъ честныя мѣщанскія рожи и зѣваютъ необыкновенно скучно! Оставайтесь въ моей груди, вы, скорби, нигдѣ вы не найдете такого хорошаго пріюта. Вы милы и дороги мнѣ, и нигдѣ не умѣютъ лучше меня холить васъ и ухаживать за вами, и я сознаюсь, что вы доставляете мнѣ много удовольствія. Но вообще, что такое удовольствіе? Удовольствіе ничто иное, какъ въ высшей степени пріятная боль!»

Этому монологу мелодраматически аккомпанировала раздававшаяся передъ ботегой и привлекавшая сюда цѣлый кружокъ слушателей музыка. То было странное тріо, состоявшее изъ двухъ мужчинъ и одной молодой дѣвушки, игравшей на арфѣ. Одинъ изъ этихъ двухъ мужчинъ, одѣтый по зимнему, въ бѣлый байковый сюртукъ, былъ коренастый мужчина съ толстымъ и краснымъ лицомъ бандита, горѣвшимъ среди черныхъ волосъ головы и бороды, какъ угрожающая комета. А между ногъ его помѣщался громадный контрабасъ, по которому онъ бѣшено водилъ смычкомъ, какъ будто только-что въ Абрупскихъ горахъ повалилъ бѣднаго путешественника и намѣревался какъ можно скорѣе перерѣзать ему горло. Другой былъ старикъ, длинный, худощавый, дряхлыя ноги котораго болтались въ износившемся черномъ платьѣ, а бѣлые, какъ снѣгъ, волосы представляли очень жалкую противоположность съ его комическимъ пѣніемъ и дурацкими прыжками. Печально уже видѣть, когда старый человѣкъ изъ нужды принужденъ пускаться на шутство и продавать за деньги то почтеніе, которое должны люди питать къ его годамъ; но еще печальнѣе, когда онъ продѣлываетъ такія вещи въ присутствіи или даже въ сообществѣ своего ребенка. А эта дѣвушка была дочь стараго буффо, и она аккомпанировала на арфѣ неприличнѣйшимъ шуткамъ сѣдого отца, или представляла арфу въ сторону и пѣла комическій дуэтъ, гдѣ онъ изображалъ влюбленнаго стараго щеголя, а она — его молодую, капризную любовницу. При этомъ дѣвушка была почти ребенокъ, казалось даже, какъ будто здѣсь дитя, не достигшее еще полного дѣвическаго возраста, сдѣлали жен-

щиной, и притомъ, женщиной совсѣмъ не нравственной. Въ этомъ и заключается источникъ блѣдно-немогущей вялости и вздрагивающаго недовольства этого прекраснаго лица, гордыя черты котораго какъ бы издѣвались надъ всякимъ состраданіемъ; отсюда скрытая печаль глазъ, блестящихъ такъ вызывающе подъ своими черными триумфальными арками; отсюда глубокіе звуки скорби, такъ зловѣще противоположные улыбающимся прекраснымъ губамъ, изъ которыхъ они излетали; отсюда болѣзненность крайне нѣжныхъ членовъ, которые были едва-едва прикрыты коротенькимъ полинявшимъ платицею фіолетоваго цвѣта. При этомъ на старой соломенной шляпѣ раздѣвались рѣзко пестрыя атласныя ленты, а грудь украшала весьма символически открытая почка розы, которая, казалось, была насильственно раскрыта, а не естественно распустилась изъ своей зеленой оболочки. И надъ этой несчастной дѣвушкой, надъ этой весной, на которую уже губительно повѣяла смерть, была распростерта неописуемая прелесть, грація, обнаруживавшаяся въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ движеніи, въ каждомъ звукѣ, и не совсѣмъ исчезающая даже тогда, когда она съ выгнутымъ впередъ тѣльцемъ и иронической похотливостью танцевала навстрѣчу старому отцу, который точно такъ же безнравственно, съ выпяченнымъ толстымъ животомъ, подвигался къ ней. Чѣмъ наглѣе были ея движенія, тѣмъ болѣе глубокое состраданіе внушала она мнѣ, и когда вслѣдъ затѣмъ ея пѣніе вылетѣло изъ груди мягко и чудно, какъ будто просило прощенія, тогда въ моей груди заликовали маленькія змѣи и отъ удовольствія закусили себѣ хвосты. Показалось мнѣ, что и роза смотритъ съ мольбой на меня, разъ даже я увидѣлъ, какъ она задрожала, поблѣднѣла — но въ ту же самую минуту треди дѣвушки тѣмъ веселѣе понеслись въ воздухъ, старикъ заблеялъ по-козлиному еще влюбленнѣе, и красная громадная рожа стала терзать свой контрабасъ съ такой злобой, что онъ испустилъ ужающе-комическіе звуки, и слушатели заликовали еще бѣшенѣе.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

То была чисто итальянская музыкальная пьеса изъ какой-нибудь любимой оперы-буффо, того удивительнаго рода оперы, который даетъ самый свободный просторъ юмору, и гдѣ юморъ можетъ предаться всей своей скачущей веселости, своей бѣшеной воспримчивости, своей смѣющейся тоскѣ и всему одушевленію смерти, соединенному съ страстной

любовью къ жизни. То была пьеса совершенно въ манерѣ Россини, какая самымъ прелестнымъ образомъ обнаруживается въ «Севильскомъ Цырюльникѣ».

Люди, презирающіе итальянскую музыку и произносящіе осужденіе этому роду оперы, когда-нибудь понесутъ за это заслуженное наказаніе и, быть-можетъ, осуждены всю вѣчность не слышать ничего, кромѣ фугъ Себастьяна Баха. Въ этомъ отношеніи я очень скорблю о многихъ изъ моихъ коллегъ, напримѣръ, о Рельштабѣ, который тоже не избѣгнетъ этой кары, если до своей смерти еще не обратится къ Россини. Россини, *divino maestro*, солнце Италіи, ты, распространяющій свои звучащіе лучи по всему міру, прости моимъ соотечественникамъ, которые поносятъ тебя на писчей бумагѣ и на кляксѣ-папирѣ! Но я наслаждаюсь твоими золотыми звуками, твоими мелодическими свѣтилами, твоими искрящимися бабочкиными грезами, которыя такъ чудесно летаютъ вокругъ меня и цѣлуютъ мое сердце, какъ будто бы губами грацій! *Divino maestro*, прости моимъ бѣднымъ соотечественникамъ, которые не видятъ твоей глубины, потому что ты прикрываешь ее розами, и для которыхъ ты недостаточно основателенъ, недостаточно тяжелъ мыслями, потому что ты летаешь такъ легко, потому что у тебя такія божественныя крылья!.. Право, чтобы любить теперешнюю итальянскую музыку и понимать ее любовью, нужно имѣть передъ глазами самый народъ, его небо, его характеръ, его выраженіе лица, его страданія, его радости, словомъ, всю его исторію, начиная отъ Ромула, основавшаго священно-римскую имперію, до новѣйшаго времени, когда она совершенно погибла въ царствованіе Ромула Августа II-го. Въ этой бѣдной, поращенной Италіи вѣдь запрещено говорить, и она можетъ обнаруживать свои чувства только посредствомъ музыки. Все ея негодованіе противъ чужеземнаго господства, ея восторженное сочувствіе къ свободѣ, ея отчаяніе въ сознаніи своего безсилія, ея грусть при воспоминаніи о прошедшемъ великолѣпнн, при этомъ тайныя надежды ея, ея жадное ожиданіе помощи—все это маскируется въ тѣ мелодіи, которыя скользятъ отъ карикатурнаго упоенія жизни до элегической мягкости, и въ тѣ пантомимы, которыя переходятъ отъ льстивыхъ ласкъ до угрожающаго гнѣва.

Это экзотерическій смыслъ оперы-буффо. Экзотерическіе часовые, въ присутствіи которыхъ она поется и представляется, и понятія не имѣютъ о значеніи этихъ веселыхъ любовныхъ исторій, любовныхъ страданій и любовныхъ по-

дозрѣваній, подъ которыми итальянецъ скрываетъ свои смертоноснѣйшія мысли объ освобожденіи, какъ Гармодій и Аристокитонъ скрывали свои кинжалы въ миртовыхъ вѣнкахъ. Это все вздорныя дурачества, говоритъ экзотерической часовой—и хорошо, что онъ ничего не замѣчаетъ. Потому что иначе импрессарио вмѣстѣ со своей примадонной и primo удомо скоро перешли бы на тѣ подмостки, которые представляютъ крѣпость; была бы наряжена слѣдственная комиссія; всѣ опасныя для государства трели и революціонныя колоратуры были бы записаны въ протоколъ; множество арлекиновъ, запутанныхъ въ различныя развѣтвленія преступныхъ происковъ, точно такъ же, какъ Таргалия, Бригелла, даже старый осторожный Панталоне были бы арестованы; у болонскаго доктора опечатали бы бумаги, онъ самъ былъ бы оставленъ въ сильномъ подозрѣніи, и Коломбина совсѣмъ бы выплакала глаза отъ этого семейнаго несчастія. По моему же мнѣнію, такое бѣдствіе не обрушится еще на этихъ добрыхъ людей, потому что итальянскіе демагоги хитрѣе бѣдныхъ нѣмцевъ, которые, имѣя точно такіе же замыслы, замаскировывались черными дураками въ черныхъ дурацкихъ колпакахъ, и при этомъ имѣли такой поразительно печальный видъ, а дѣлая свои основательно дурацкіе прыжки, которые они называли гимнастическими упражненіями, принимали такія опасныя позы и строили такія серьезныя фізіономіи, что правительства, наконецъ, обратили на это вниманіе и должны были посадить ихъ въ тюрьму.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Маленькая арфистка, по всей вѣроятности, замѣтила, что въ то время, когда она пѣла и играла, я часто смотрѣлъ на розу, приколотую у нея на груди, и когда послѣ того я бросилъ не совсѣмъ маленькую монету на оловянную тарелку, въ которую она собирала свой гонораръ, она плутовски улыбнулась и украдкой спросила меня, не желаю ли я получить ея розу? Я же самый вѣжливый человѣкъ въ мірѣ и ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ бы обидѣть розу, хотя бы даже такую, благоуханіе которой уже отчасти испарилось. Если, думалъ я, она уже не совсѣмъ свѣжо пахнетъ и не имѣетъ уже запаха добродѣтели, какъ роза саронская, такъ что мнѣ до этого за дѣло, когда у меня такой сильный насморкъ! Притомъ же, только люди такъ придиричивы въ этомъ отношеніи. Мотылекъ же не спрашиваетъ сначала у цвѣтка: цѣловалъ ужъ тебя кто-нибудь другой? А цвѣтокъ

не спрашивает у мотылька: летал ли ты уже вокруг какого-нибудь другого цветка? Къ этому присоединилось еще то, что наступила ночь, а ночью, думалъ я, всѣ цветы сѣры—самая грѣшная роза точно такъ же, какъ и самая добродѣтельная петрушка. Однимъ словомъ, безъ особенно большого колебанія я отвѣчалъ маленькой арфисткѣ «*Si, signora...*»

Не думай только ничего дурного, любезный читатель. Стемнѣло, и звѣзды смотрѣли такъ ясно и такъ набожно въ мое сердце. Но въ этомъ сердцѣ дрожало воспоминаніе о мертвой Маріи. Я снова думалъ о той ночи, когда я стоялъ предъ постелью, на которой лежало прекрасное блѣдное тѣло съ кроткими нѣмыми губами... Я снова думалъ о странномъ взглядѣ, который бросила на меня старуха, сторожившая у гроба и передавшая мнѣ свою должность. Я снова думалъ о ночной фіалкѣ, стоявшей на столѣ въ стаканѣ и такъ странно пахнувшей...

Снова заставило меня вздрогнуть сомнѣніе, дѣйствительно ли вѣтеръ потушилъ лампу? Дѣйствительно ли въ комнатѣ не было никого третьяго?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Вскорѣ послѣ того я легъ, скоро заснулъ и погрузился въ причудливыя грезы. Я снова увидѣлъ себя за нѣсколько часовъ назадъ, снова приѣхалъ въ Триентъ, снова изумлялся, какъ прежде, и теперь тѣмъ болѣе, такъ какъ по улицамъ вмѣсто людей прохаживались только цветы. Гуляли тутъ пылающія, сладострастно обмахивавшіяся вѣерами, гвоздики, кокетничающіе бальзамины, гіацинты съ красивыми густыми болокольчиками, а вслѣдъ за ними множество усатыхъ нарцисовъ и неуклюжихъ рыцарскихъ шпоръ. На углу улицы ссорились двѣ маргаритки. Изъ окна одного стараго дома болѣзненной наружности выглядывалъ крапленый левкой въ весьма странной пестрой одеждѣ, а позади его раздавался мило благоухающій голосъ фіалки. На балконѣ большого дворца на площади собралось все дворянство, высокая знать, именно тѣ лиліи, которые не работаютъ и не прядутъ и, однакоже, мнятъ себя столько же великолѣпными, какъ царь Соломонъ во всемъ своемъ великолѣпїи. Показалось мнѣ, что я увидѣлъ тамъ и толстую торговку, но когда я всмотрѣлся ближе, то оказалась только спрятанная на зиму луковица, которая тотчасъ же на меня накинулась: «Чего тебѣ нужно здѣсь, незрѣлое растеніе, кислый огурецъ,

дрянной простой цвѣтокъ объ одной тычинкѣ? Вотъ погоди, я полью тебя!» Отъ страха я укрылся въ соборъ и чуть не раздавилъ старую хромающую старуху, за которою несли молитвенникъ аяютины глазки. Въ соборѣ же было снова очень пріятно, длинными рядами стояли тюльпаны всѣхъ цвѣтовъ и набожно шевелили головами. Въ исповѣдальнѣ сидѣлъ черный хрѣнъ, и предъ нимъ стоялъ на колѣняхъ цвѣтокъ, лица котораго не было видно, но оно издавало такое знакомое, поѣргающее въ трепеть, благоуханіе, что я снова вспомнилъ о ночной фіалкѣ, стоявшей въ той комнатѣ, гдѣ лежала мертвая Марія.

Когда я снова вышелъ изъ собора, меня встрѣтила похоронная процессія исключительно изъ розъ съ черными вуалями и бѣлыми носовыми платками и, ах! на носилкахъ лежала рано уничтоженная роза, съ которой я познакомился на груди маленькой арфистки. Теперь она была еще граціознѣе, чѣмъ прежде, но бѣла, какъ мѣль—бѣлый трупъ розы. Гробъ опустили въ землю около маленькой часовни, много тутъ было плача и рыданій, наконецъ, вышелъ старый полевой макъ и произнесъ длинную проповѣдь, въ которой онъ много болталъ о добродѣтеляхъ покойной, о земной юдоли, скорби, о лучшемъ существованіи за гробомъ, о любви, надеждѣ и вѣрѣ—и все это гнусливо-пѣвучимъ тономъ—длинная, водянистая рѣчь, такая длинная и скучная, что я отъ нея проснулся

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Мой веттурино запрягъ своихъ клячъ раньше Гелиоса, и уже въ полдень мы пріѣхали въ Алу. Тутъ извозчики останавливаются обыкновенно на нѣсколько часовъ, чтобы переменить экипажъ.

Ала уже чисто итальянское гнѣздо. Положеніе ея живописно: на склонѣ горы, мимо протекаетъ рѣка, весело зеленя виноградныя лозы обвиваютъ тутъ и тамъ нищенскіе заплатанные и чуть не падающіе другъ на друга дворцы. На углу косой площади, которая не больше птичьяго двора, написано огромными, гигантскими буквами: Piazza di San Marco. На каменномъ обломкѣ большого староитальянскаго герба сидѣлъ маленькій мальчикъ и просилъ милостыню. Яркое солнце освѣщало его наивную спину, въ рукахъ держалъ онъ бумажный образокъ, который по временамъ съ жаромъ цѣловалъ. Маленькая, чудно-красивая дѣвочка стояла подлѣ въ задумчивомъ созерцаніи и по временамъ

аккомпанировала мальчику на деревянной дѣтской трубѣ. Гостиница, гдѣ я остановился и пообѣдалъ, была тоже чисто итальянскаго рода. Вверху, у перваго этажа, открытая эстрада съ видомъ на дворъ, гдѣ стояли разбитыя телѣги и лежали кучи навоза, гуляли индюки съ глупо-красными мѣшками подъ клювами и прогуливались гордые павлины, а полдюжины оборванныхъ загорѣлыхъ мальчишекъ искали другъ у друга въ головѣ по методѣ Бэля и Ланкастера. По этой эстрадѣ, вдоль изломанныхъ желѣзныхъ перилъ, проходятъ въ широкую, высокую комнату. Полъ изъ мрамора, въ срединѣ широкая постель, на которой играютъ свадьбу блохи; повсюду грандіозная грязь. Хозяинъ прыгалъ взадъ и впередъ, чтобы узнавать мои желанія. Онъ былъ въ зеленомъ сюртукѣ и съ крайне подвижнымъ лицомъ, на которомъ помѣщался длинный горбатый носъ съ красной волосатой бородавкой, сидѣвшей по срединѣ, какъ обезьяна въ красной курткѣ на спинѣ верблюда. Онъ прыгалъ взадъ и впередъ, и при этомъ казалось, что красная обезьяна на его носу тоже прыгала. Но прошелъ цѣлый часъ прежде чѣмъ онъ принесъ мнѣ хоть что-нибудь, и когда я бранился за это, то онъ клялся, что я уже прекрасно говорю по-итальянски.

Мнѣ пришлось долго довольствоваться отраднымъ запахомъ жаркаго, доносившимся до меня изъ кухни безъ дверей, находившейся противъ моей комнаты, и гдѣ мать и дочь сидѣли рядомъ и пѣли, ошпыывая куриць. Первая была замѣчательно корпулентна; груди необычайно роскошно выступали впередъ, но были все-таки малы въ сравненіи съ колоссальною заднею частью, такъ что онѣ казались только Институтами Юстиніана, а задняя часть—ихъ распространеннымъ толкованіемъ, т. е. Пандектами. Дочь, не очень высокая, но плотно сформированная особа, повидимому, тоже имѣла склонность къ корпулентности, но ея цвѣтущій жиръ ни въ какомъ случаѣ нельзя было сравнить съ старымъ саломъ матери. Черты ея лица были не кроткія, не юношески очаровательныя, но прекрасно пропорціональны, благородно античны; волосы и глаза жгуче-черные. У матери, напротивъ, черты лица были плоскія, тупыя, розово-красный носъ, синіе глаза, точно фіалки, вываренныя въ молокѣ, и бѣлые, какъ лиліи, напудренные волосы. По временамъ туда являлся хозяинъ il signor padre, спрашивалъ какую-нибудь посудину или другую вещь, на что ему спокойнымъ речитативомъ отвѣчали, чтобы онъ искалъ самъ. Тогда

онъ, щелкнувъ языкомъ, начиналъ рыться въ шкапахъ, пробовалъ изъ горшковъ, въ которыхъ варилось кушанье, обжигалъ себѣ ротъ и снова упрыгивалъ изъ кухни, а съ нимъ—его носовой верблюдъ и красная обезьянка. Вслѣдъ ему раздавались веселыя трели, какъ дружескія издѣвательства и семейныя шуточки.

Но это мирное, почти идиллическое хозяйничанье вдругъ прервалъ ударъ грома: угловатый парень съ разбойничьимъ лицомъ ворвался въ кухню и прокричалъ что-то такое, чего я не понималъ. Когда обѣ женщины отрицательно покачали головой, онъ впалъ въ самое безумное бѣшенство и сталъ изрыгать огонь и пламень, какъ маленькій разсердившійся Везувій. Хозяйка, повидимому, испугалась и начала шептать успокоительныя слова, но она произвели совершенно противоположное дѣйствіе, такъ что бѣшенный человѣкъ схватилъ желѣзную лопату, разбилъ нѣсколько несчастныхъ тарелокъ и бутылокъ и ударилъ бы также бѣдную женщину, не схвати дочь длиннаго кухоннаго ножа и не пригрозилъ убить его тотчасъ же, если онъ не уберется. Прекрасное было зрѣлище, когда эта дѣвушка, блѣдная, какъ смерть, и онѣмѣвшая отъ гнѣва, стояла, точно мраморное изваяніе, съ губами, такими же блѣдными, глазами глубокими и убійственными, вздувшейся синей жилкой поперекъ лба, черными кудрями, развѣвавшимися, какъ змѣи, въ рукахъ со своимъ окровавленнымъ ножомъ. Меня охватилъ трепеть восторга, потому что я видѣлъ передъ собою живую Медею, такую, какая грезилась мнѣ въ мои молодыя ночи, когда я засыпалъ на милой груди Мельпомены, мрачно прекрасной богини.

Во время всей этой сцены *signor padre* ни на шагъ не вышелъ изъ своей коленки, съ дѣловымъ спокойствіемъ подымалъ онъ осколки съ пола, собиралъ тарелки, которыя еще остались въ живыхъ, и вслѣдъ затѣмъ принесъ мнѣ супъ съ пармезаномъ, жаркое твердое и крѣпкое, какъ нѣмецкая вѣрность, раки красныя, какъ любовь, и на десертъ—тушеный лукъ, вызвавшій у меня изъ глазъ слезы умиленія. — «Это ничего не значитъ, это обыкновенная метода Пьетро», сказалъ онъ, когда я съ удивленіемъ указалъ ему на кухню; и дѣйствительно, послѣ того, какъ виновникъ ссоры удалился, казалось, что тамъ ровно ничего не произошло; и мать, и дочь снова сидѣли рядомъ, пѣли и очищывали курицу.

Счетъ убѣдилъ меня, что и *signor padre* тоже хорошо

понималъ науку ошипованія, и когда я, несмотря на это, сверхъ уплаты, далъ ему еще на водку, то онъ отъ удовольствія чихнулъ такъ сильно, что обезьянка чуть-чуть не свалилась со своего мѣста. Послѣ этого я привѣтливо кивнулъ головой въ кухню, привѣтливо отвѣчали мнѣ оттуда, и скоро я сидѣлъ въ замѣненномъ экипажѣ и быстро катился по ломбардской равнинѣ, а вечеромъ приѣхалъ въ старый знаменитый городъ Верону.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Пестрая сила новыхъ явленій подѣйствовала на меня въ Триентѣ только сумрачно и смутно, какъ что-то сказочное; но въ Веронѣ она охватила меня, какъ сильное лихорадочное сновидѣніе, полное жаркихъ красокъ, рѣзко очерченныхъ формъ, призрачныхъ звуковъ трубы и отдаленнаго стука оружія. Тутъ было много дряхлыхъ дворцовъ, которые смотрѣли на меня такъ пристально, какъ будто хотѣли довѣрить мнѣ старую тайну и только робѣли предъ шумомъ толпившихся людей и просили меня вернуться сюда снова ночью. Но, несмотря на шумъ и несмотря на яростное солнце, лившее на землю свой багровый свѣтъ, нѣсколько старыхъ темныхъ башенъ все-таки успѣли сказать мнѣ два-три значительныхъ слова. Тутъ и тамъ слышалъ я шопотъ разбитыхъ колоннъ, а когда взошелъ на маленькую лѣстницу, которая вела къ Piazza de' Signori, то камни рассказали мнѣ страшно кровавую исторію, и я прочелъ на углу площадки слова: «Scala Ammazziati».

Верона, древній всемірно-знаменитый городъ, расположенный по обѣимъ сторонамъ Этча, была всегда какъ бы первой станціей для германскихъ переселенцевъ, народовъ, которые оставляли свои холодные сѣверные лѣса и переходили черезъ Альпы, чтобы повеселиться подъ чужими солнечными лучами милой Италіи. Нѣкоторые изъ нихъ шли дальше, а другимъ достаточно нравилось уже здѣсь, и они устраивали тутъ себѣ родину и надѣвали шелковыя домашнія платья, и мирно гуляли между цвѣтами и кипарисами до тѣхъ поръ, пока новые пришлецы, которые еще не сняли своего свѣжаго желѣзнаго платья, не приходили изъ-за сѣвера и вытѣсняли ихъ—исторія, повторявшаяся часто и которую историки называютъ переселеніемъ народовъ. Гуляя въ настоящее время по улицамъ Вероны, повсюду находишь причудливые слѣды тѣхъ дней, точно такъ же, какъ слѣды болѣе древнихъ и болѣе позднихъ временъ. Римляны осо-

бенно папоминають амфітеатръ и триумфальныя арки; о времени Теодориха, Дитриха Бернскаго, о которомъ нѣмцы до сихъ поръ еще поютъ и рассказываютъ, воспоминаешь, глядя на баснословные остатки столькихъ византійски доготическихъ зданій; очень странныя развалины папоминають короля Албоина и его бѣшеныхъ лонгобардовъ; богатые легендами памятники—Карла Великаго, паладины котораго стоятъ у дверей собора, высѣченные изъ камня, такими же франкски-грубыми, какими они были, конечно, при жизни... Городъ кажется какой-то большой гостиницей народовъ, и точно такъ же, какъ, прїѣзжая въ гостиницу, обыкновенно пишешь свое имя на стѣнахъ и окнахъ, точно такъ же тамъ каждый народъ оставилъ слѣды своего присутствія, часто, правда, письменами совершенно непонятными, такъ какъ многія нѣмецкія племена въ то время еще не умѣли писать и должны были ограничиваться разрушеніемъ чего-нибудь на память—что было также достаточно, такъ какъ эти развалины говорятъ еще явственнѣе, чѣмъ красивыя буквы. Варвары, поселившіеся теперь въ старой гостиницѣ, не преминутъ оставить такіе же памятники своего милого пребыванія, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни скульпторовъ, ни поэтовъ, съ помощью которыхъ они могли бы удержаться въ памяти людей болѣе кроткими средствами.

Я въ Веронѣ остался только одинъ день, непрерывно дивясь никогда не виданному, сегодня смотря на древнія зданія, завтра на людей, кишавшихъ между ними съ таинственной поспѣшностью, и затѣмъ снова на божественно голубое небо, которое охватывало все это странное цѣлое, какъ драгоценная рамка, и черезъ это сдѣлало изъ него какъ бы огромную картину. Но очень своеобразно, когда видишь самого себя въ картинѣ, на которую только-что смотрѣлъ и когда улыбаются въ ней тебѣ разныя фигуры, особенно женскія—какъ случилось со мною на Piazza delle Erbe. Это именно овощный рынокъ, и тутъ было весьма много забавныхъ фигуръ женщинъ и дѣвушекъ, полныя нѣги лица съ большими глазами, чудесныя тѣла, очаровательно желтыя, наивно-грязныя, созданныя гораздо больше для ночи, чѣмъ для дня. Бѣлый или черный вуаль, который носятъ на головѣ городскія женщины, былъ такъ коварно повязанъ на груди, что скорѣе обнаруживалъ, чѣмъ скрывалъ прекрасныя формы. Дѣвушки носили шиньоны, приколотые одной или нѣсколькими золотыми стрѣлами, а иногда и серебряной палочкой съ головкой въ формѣ жолудя. На

крестьянкахъ были большею частью тарелкообразныя соломенные шляпочки съ привязанными на одной сторонѣ головы кокетливыми цвѣтами. Костюмъ мужчинъ былъ менѣе отличенъ отъ нашего, и только громадныя черныя бороды, выглядывавшія изъ-за галстуковъ, нѣсколько поразили меня здѣсь, когда я впервые увидѣлъ эту моду. Но когда глядяваешься пристально въ этихъ людей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, тогда на ихъ лицахъ и во всемъ ихъ существѣ открываешь слѣды цивилизаціи, которая отъ нашей отличается тѣмъ, что не вышла изъ средневѣкового варварства, а имѣетъ начало еще во время римлянъ, никогда не была совершенно уничтожена и только видоизмѣнялась каждый разъ сообразно характеру властителя страны. Цивилизація у этихъ людей отнюдь не имѣетъ той поразительно новой политуры, которая существуетъ у насъ, гдѣ стволы дубовъ только вчера вырублены и обтесаны и все еще пахнутъ свѣжимъ лакомъ. Такъ и кажется, что вся эта людская толпа на Piazza delle Erbe съ теченіемъ времени только постепенно перемѣняла свои одежды и манеру говорить, и что духъ и нравы измѣнились тамъ очень мало. Но зданія, окружающія эту площадь, не имѣли возможности также легко идти впередъ вмѣстѣ съ временемъ; отъ этого, однако, видъ ихъ не менѣе пріятенъ, и, глядя на нихъ, душа наша испытываетъ странное волненіе. Тутъ стоятъ высокіе дворцы въ венеціанско-ломбардскомъ стилѣ съ безчисленнымъ количествомъ балконовъ и веселыхъ фресокъ; въ срединѣ возвышается единственная колонна, стоитъ фонтанъ и каменная святая; здѣсь вы видите расписаннаго красными и бѣлыми полосами Подесту, возвышающагося за величественными стрѣльчатыми воротами; тамъ снова старая четырехугольная колокольня, наверху которой стрѣлки и циферблатъ часовъ наполовину разрушены, такъ что кажется, что время хотѣло уничтожить самое себя... Надъ всей площадью лежатъ тѣ романтическія чары, которыя такъ прелестно вѣютъ на насъ изъ фантастическихъ стихотвореній Людовика Аріосто и Людовика Тика. Близко отъ этой площади стоитъ домъ, который считаютъ дворцомъ Капулетовъ, потому что надъ внутренними воротами его высѣчена изъ камня шляпа. Это теперь грязная харчевня для извозчиковъ и кучеровъ, и надъ ней въ видѣ вывѣски виситъ красная жестяная шляпа, вся въ дыркахъ. Недалеко отсюда, въ церкви, показываютъ часовню, въ которой, по преданію, была обвѣчана несчастная чета. Поэтъ охотно

посѣщаетъ эти мѣста, хотя и самъ смѣется надъ легковѣрностью своего сердца. Я засталъ въ этой часовнѣ одну только женщину, жалко поблекшее существо, которая, послѣ долгаго колѣнопреклоненія и молитвы, встала съ тяжелымъ вздохомъ, съ удивленіемъ посмотрѣла на меня большими безмолвными глазами и, наконецъ, пошла на улицу съ какъ бы разбитыми членами.

Недалеко отъ этой площади находятся и гробницы Скалигеровъ. Онѣ такъ же странно великолѣпны, какъ и эта гордая фамилія, и жаль, что онѣ стоятъ въ углу, гдѣ должны какъ бы тѣсниться одна къ другой, чтобы занимать какъ можно меньше мѣста, и гдѣ для посѣтителей тоже остается немного мѣста, чтобы рассмотреть ихъ, какъ слѣдуетъ. Тутъ намъ кажется, что мы видимъ въ символическомъ изображеніи историческую судьбу этой фамиліи; она тоже занимаетъ маленькій уголокъ въ общей итальянской исторіи, но этотъ уголокъ биткомъ набитъ блескомъ подвиговъ, пышностью нравовъ и надменнымъ великолѣпіемъ. И какъ въ исторіи, такъ и на этихъ памятникахъ, видишь гордыхъ желѣзныхъ рыцарей на желѣзныхъ коняхъ, и между ними великолѣпнѣе всѣхъ—Канъ Гранде, дядя, и Мастино, племянникъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О веронскомъ амфитеатрѣ говорили много, тамъ достаточно мѣста для наблюдений, и нѣтъ такихъ наблюдений, которыхъ нельзя было бы вмѣстить въ кругъ этого знаменитаго зданія. Оно выстроено совершенно въ томъ серьезномъ стилѣ, красота котораго состоитъ въ законченной прочности, и какъ всѣ общественныя строенія римлянъ, выражаетъ собою духъ, который есть ничто иное, какъ духъ самого Рима. А Римъ? Есть ли человѣкъ, до такой степени здорово-невѣжественный, чтобы у него при этомъ имени тайно не задрожало сердце, и чтобы по крайней мѣрѣ традиціонный страхъ не потрясъ его мыслительную силу? Что касается меня, то сознаюсь, что я ощущалъ больше тревожное чувство чѣмъ радость, когда думалъ, что скоро буду ходить по почвѣ стараго Рима. Старый Римъ вѣдь теперь умеръ,—такъ успокаивалъ я робѣвшую душу,—и ты счастливъ тѣмъ, что можешь смотрѣть на его прекрасный трупъ безъ всякой ответственности для себя. Но вслѣдъ за этимъ снова возникало во мнѣ Фальстафовское опасеніе: а что, если онъ еще не совсѣмъ умеръ и только притворяется умер-

шимъ и вдругъ встанеть предо мною—это было бы ужасно!

Въ то время, когда я посѣтилъ амфитеатръ, тамъ разыгрывалась комедія. Въ срединѣ его была построена маленькая деревянная палатка, и въ ней представлялся итальянскій фарсъ, и зрители сидѣли подѣ открытымъ небомъ, частью на маленькихъ стульчикахъ, частью на высокихъ каменныхъ скамейкахъ стараго амфитеатра. Сидѣлъ тутъ и я, и смотрѣлъ на штуки и ссоры Бригеллы, Тартали, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ сидѣлъ нѣкогда римлянинъ и смотрѣлъ на своихъ гладиаторовъ и травлю звѣрей. Разстилавшееся надо мною небо, голубая хрустальная чаша, было такое же, какъ и въ то время. Постепенно темнѣло, звѣзды начинали мерцать на небѣ, Труфальдино смѣялся, Смеральдина плакала, наконецъ, явился Панталоне и соединилъ ихъ руки. Публика зааплодировала и весело отправилась по домамъ. Вся эта игра не стоила ни капли крови но за то была только игра. Игры римлянъ, напротивъ, совсѣмъ не были игры, этихъ людей никогда не забавляло то, что дѣлалось только притворно, для этого имъ не доставало дѣтской безмятежности души, и насколько они были серьезны сами, настолько же и въ ихъ играхъ высказывалась самая кровавая, самая неподкрашенная серьезность. Они не были великіе люди, но благодаря своему положенію, были больше, чѣмъ остальные дѣти земли, потому что жили въ высококомъ Римѣ. Какъ только они сходили со своихъ семи холмовъ, тотчасъ же становились маленькими. Отсюда та мелкость, которую мы открываемъ тамъ, гдѣ дѣйствуетъ ихъ частная жизнь. Геркуланъ и Помпея, эти палимпсесты природы, на которыхъ теперь снова откашывается древній каменный текстъ, показываютъ путешественнику римскую частную жизнь въ маленькихъ домишкахъ, съ крохотными комнатками, которыя представляютъ такую разительную противоположность съ колоссальными зданіями, служащими выраженіемъ общественной жизни, этими театрами, водопроводами, фонтанами, большими дорогами, мостами, развалины которыхъ вызываютъ до сихъ поръ наше изумленіе. Но въ томъ именно и дѣло: какъ грекъ великъ идей искусства, еврей—идеей священнѣйшаго духа, такъ римляне велики идей ихъ вѣчнаго Рима, велики всюду, гдѣ они въ водушевленномъ увлеченіи этой идеей сражались, писали и строили. Чѣмъ больше становился Римъ, тѣмъ больше расширялась эта идея. Отдѣльныя личности терялись въ ней, великіе люди, еще продолжающіе выдаваться, подняты только

этой идеей, и она дѣлаетъ мелкоту маленькихъ еще замѣтнѣе. Римляне поэтому были въ одно и то же время величайшими героями и величайшими сатириками; героями, когда они дѣйствовали, между тѣмъ какъ думали о Римѣ, сатириками—когда они думали о Римѣ въ то время, какъ обсуждали дѣйствія своихъ товарищей. Смѣриваемая такимъ громаднымъ масштабомъ, какъ идея Рима, даже самая крупная личность должна была казаться карликомъ и вслѣдствіе этого дѣлаться жертвой насмѣшки. Тацитъ самый жестокой мастеръ въ этой сатирѣ именно потому, что онъ глубже всякаго другого чувствовалъ величіе Рима и мелкость людей. Совершенно въ своей стихіи онъ тогда, когда можетъ рассказать, какъ злые языки на форумѣ разсуждали о какомъ-нибудь позорномъ поступкѣ императора; совершенно злобно счастливъ онъ тогда, когда можетъ сообщить о какой-нибудь сенаторской бѣдѣ, напримѣръ, о неудавшейся лести.

Я долго еще гулялъ между высокими скамейками амфитеатра, погруженный мыслями въ прошедшее. Какъ всѣ зданія при вечернемъ свѣтѣ всего нагляднѣе обнаруживаютъ живущій въ нихъ духъ, такъ и эти стѣны разсказывали мнѣ своимъ отрывочнымъ лапидарнымъ стилемъ глубоко серьезныя вещи; онѣ говорили о людяхъ стараго времени, и мнѣ казалось при этомъ, что я вижу передъ собою ихъ самихъ, вижу бѣлыя тѣни надо мною въ темномъ циркѣ. У меня на душѣ было такъ, какъ будто бы я видѣлъ Гракховъ съ ихъ вдохновенными мученическими глазами. «Тиверій Семпроній!—крикнулъ я внизъ:—я буду вмѣстѣ съ тобою подавать голосъ за аграрный законъ!» Видѣлъ я и Цезаря, онъ шелъ подъ руку съ Маркомъ Брутомъ. «Такъ вы снова примирились?»—сказалъ я. «Мы думали,—со смѣхомъ отвѣчалъ мнѣ Цезарь:—что оба правы, я не зналъ, что былъ еще одинъ римлянинъ, кромѣ меня—и считалъ себя поэтому въ правѣ спрятать Римъ въ карманъ, и такъ какъ этотъ римлянинъ былъ именно мой сынъ, Маркъ, то онъ счелъ себя въ правѣ умертвить меня за это!» За ними обоими крался Тиверій Неронъ на туманныхъ ногахъ и съ неопредѣленнымъ выраженіемъ лица. Видѣлъ я тутъ и женщину, между ними и Агриппину съ ея прекраснымъ властолюбивымъ лицомъ, которое вызывало какое-то странное состраданіе, какъ старая мраморная статуя, въ чертахъ которой скорбь какъ бы окаменѣла. Кого ищешь ты, дочь Германика? Я уже слышалъ ея жалобы... Какъ вдругъ раз-

дался глухой звонъ колокола и фатальный барабанный бой вечерней зари. Гордые римскіе духи исчезли, и я снова очутился въ христіанско-австрійской современности.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

На площади La Bra, какъ только стемнѣетъ изящный свѣтъ Вероны прогуливается или сидитъ на маленькихъ стульчикахъ предъ кофейнями и глотаетъ шербетъ, вечернюю прохладу и музыку. Тутъ сидитъ такъ хорошо, мечтающее сердце убаюкиваетъ себя сладостными звуками и само звучитъ въ отвѣтъ на нихъ. По временамъ, когда загремятъ трубы, оно закачается, точно опьянѣвшее, и вторить этимъ звукамъ, какъ полный оркестръ. А затѣмъ душа снова ярко освѣщена веселымъ солнцемъ, цвѣточныя чувства и воспоминанія съ черными глубокими глазами пышно распускаются, а надъ ними гордо, и медленно, и вѣчно проходятъ мысли, точно цѣпи облаковъ.

Я гулялъ еще долго послѣ полуночи по улицамъ Вероны, которыя постепенно пустѣли и какъ-то странно звучали. Въ полусвѣтѣ луны едва высились зданія и статуи и блѣдно и болѣзненно смотрѣли на меня мраморныя лица. Я поспѣшилъ пройти мимо гробницъ Скалигеровъ, потому что мнѣ казалось, будто San Grande съ тою вѣжливостью, которую онъ всегда оказывалъ поэтамъ, собирается слѣзть со своего коня и сдѣлаться моимъ проводникомъ. «Сиди, сиди,—крикнулъ я ему:—мнѣ не нужно тебя, мое сердце лучшій чичероне и рассказываетъ мнѣ всѣ исторіи, происходившія въ этихъ домахъ, и рассказываетъ во всей подробности, называя даже имена и числа годовъ и мѣсяцевъ».

Въ ту минуту, какъ я подошелъ къ римскимъ триумфальнымъ аркамъ, оттуда выскользнулъ черный монахъ, и вдалекѣ раздалось нѣмецкое ворчливое: «кто идетъ?» «Другъ» — провиждалъ чей-то веселый дискантъ.

Но какой женщиной принадлежалъ голосъ, проникшій съ такой зловѣщей сладостью мнѣ въ душу въ то время, когда я восходилъ на лѣстницу Аммацати? То было пѣніе, какъ бы выходившее изъ груди умирающей ласточки, пѣніе смертельно нѣжное, какъ бы зывающее о помощи, находя отзвукъ въ каменныхъ домахъ. На этомъ самомъ мѣстѣ Антоніо делла-Скала убилъ своего брата, Бартоломео, какъ разъ въ то время, какъ Бартоломео шелъ къ своей возлюбленной. Мое сердце сказало мнѣ, что она все еще си-

дять въ своей комнатѣ, и ожидаетъ своего возлюбленнаго, и поетъ только для того, чтобы заглушить свои грустные предчувствія. Но скоро и пѣсни, и голосъ показались мнѣ какъ близко знакомыми, я уже раньше слышалъ эти шелковые, ужасающіе, истекающіе кровью звуки, они опутывали меня, какъ мягкія, умоляющія воспоминанія и... О ты, глупое сердце,—сказалъ я самому себѣ:—неужели ты забыло уже пѣсню о больномъ мавританскомъ царѣ, которую такъ часто пѣла мертвая Марія? И этотъ самый голосъ—неужели ты не знаешь голоса мертвой Маріи?

Медленные звуки преслѣдовали меня по всѣмъ улицамъ до гостинницы Due Torre до моей спальни, даже во снѣ... И тутъ я снова увидѣлъ мою милую умершую жизнь, увидѣлъ ее, прекрасною и неподвижною, старая прачка снова удалась съ загадочнымъ косвеннымъ взглядомъ, ночная фіалка благоухала, я снова поцѣловалъ милыя губы, и дорогой трупъ медленно поднялся для того, чтобы отдать мнѣ поцѣлуй.

Знай я только, кто загасилъ огонь!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

«Ты знаешь ли страну, гдѣ померанць цвѣтеть?»

Знаешь ли ты эту пѣсню? Вся Италія изображена въ ней, но изображена вздыхающими красками тоски. Въ своемъ «Итальянскомъ Путешествіи» Гете описалъ Италію нѣсколько подробнѣе, и когда онъ рисуетъ, то у него всегда оригиналь передъ глазами, и на вѣрность очерковъ и красокъ можно вполне положиться. Я считаю поэтому удобнымъ здѣсь разъ навсегда указать на «Итальянское Путешествіе» Гете, тѣмъ болѣе, что онъ до Вероны доѣхалъ тѣмъ же путемъ, черезъ Тироль. Я говорилъ объ этой книгѣ уже раньше, прежде чѣмъ познакомился съ матеріаломъ, который онъ обработалъ, и нахожу теперь мнѣніе, высказанное мною по чутью, вполне подтвержденнымъ. Дѣйствительно, мы видимъ всюду въ этой книгѣ основанное на фактахъ пониманіе природы. Гете держать передъ ней зеркало, или, лучше сказать, онъ самъ зеркало природы. Природа хотѣла узнать, какой у нея видъ, и для этого создала Гете. Даже мысли, намѣренія природы онъ имѣетъ способность отражать, и горячаго гетеніанца, особенно въ жаркіе каникулярные дни, не слѣдуетъ упрекать, когда тождество отраженія зеркала съ самими предметами, которые оно отражаетъ, такъ поражаетъ его, что онъ признаетъ за

этимъ зеркаломъ даже творческую силу, силу создавать подобныя предметы. Нѣкій господинъ Эккерманъ написалъ однажды книгу о Гете, въ которой онъ совершенно серьезно увѣряетъ: Если бы Господь Богъ при создании міра сказалъ Гете: «милый Гете, Я свое дѣло кончилъ, Я теперь все создалъ, исключая птицъ и деревьевъ; Я былъ бы тебѣ признателенъ, если бы вмѣсто Меня ты создалъ еще эти пустячки»,—то Гете создалъ бы этихъ животныхъ и эти растенія совершенно въ духѣ остального творенія, именно создалъ бы птицъ съ перьями, а деревья зеленаго цвѣта.

Въ этихъ словахъ есть правда, и я даже того мнѣнія, что Гете исполнилъ бы свое дѣло даже еще лучше, чѣмъ самъ Создатель вселенной, и что онъ, напримѣръ, сотворилъ бы господина Эккермана гораздо правильнѣе, и именно съ перьями и зеленаго цвѣта. Дѣйствительно, большая ошибка, что на головѣ господина Эккермана не растутъ никакихъ зеленыхъ перьевъ, и Гете постарался устранить этотъ недостатокъ тѣмъ, что выписалъ изъ Іены докторскую шляпу и собственноручно надѣлъ ее на эту голову.

Кромѣ «Итальянскаго Путешествія» Гете слѣдуетъ рекомендовать еще «Италію» леди Морганъ и «Коринну» мадамъ Сталь. Чего недостаетъ этимъ женщинамъ относительно таланта, чтобы не казаться мелкими рядомъ съ Гете, то возмѣщаютъ онѣ мужественнымъ настроеніемъ, котораго не достааетъ поэту, ибо леди Морганъ говорила какъ мужчина, она впускала своими словами скорпіона въ сердца наглыхъ наемниковъ, и мужественны и сладостны были трели этого благоухающаго соловья свободы. Точно такъ же, какъ всѣмъ извѣстно, была мадамъ Сталь весьма милой маркитанткой въ войскѣ либераловъ, и бодро бѣгала она по рядамъ сражающихся со своимъ боченкомъ энтузіазма, и подкрѣпляла усталыхъ и сама участвовала въ битвѣ, сражаясь лучше, чѣмъ самыя лучшіе.

Что касается вообще путевыхъ описаній Италіи, то В. Миллеръ недавно сдѣлалъ обзоръ ихъ въ журналѣ «Гермесъ». Число этихъ замѣтокъ легіонъ. Между старыми нѣмецкими писателями въ этой области болѣе всѣхъ выдаются умомъ или своеобразностью: Морицъ, Архенгольцъ, Бартельсъ, славный Зейме, Арядтъ, Мейеръ, Бенковицъ и Рефусъ. Новые знакомы мнѣ меньше, и только немногіе изъ нихъ доставили мнѣ удовольствіе и пользу. Между ними назову сочиненія безвременно умершаго Э. Мюллера: «Римъ, римляне и римлянки»,—ахъ, онъ былъ нѣмецкій поэтъ!—

заѣмъ путешествіе Корфалидеса, немножко суховатое, далѣе, Лесмана «Цизальпинскіе Листы», отчасти слишкомъ пространные, и наконецъ, «Путешествія по Италіи съ 1822 года Фридриха Тирша, Людовика Шорна, Эдуарда Гергада и Лео фонъ-Кленце». Этого сочиненія появилась только одна часть, и оно заключаетъ большую часть статьи моего милаго, благороднаго Тирша, гуманный глазъ котораго выглядываетъ изъ каждой строки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Kennst du das Land, wo die Citronen blühen,
Im dunkeln Laub die Goldorangen glühen,
Ein sanfter Wind vom blauen Himmel weht,
Die Myrte still und hoch der Lorber steht,
Kennst du es wohl?

Dahin, dahin

Möcht ich mit dir, o mein Geliebter, ziehn!

...Но не ѣзди туда только въ началѣ августа, когда днемъ тебя жарить солнце, а ночью пожираютъ блохи. Совѣтую тебѣ также, мой милый читатель, не ѣздить изъ Вероны въ Миланъ въ почтовой каретѣ.

Я совершилъ поѣздку въ компаніи шести бандитовъ, въ тяжелой *carozza*, которая для предохраненія отъ слишкомъ сильной пыли была со всѣхъ сторонъ такъ тщательно закрыта, что я не могъ замѣтить почти ничего изъ красотъ мѣстной природы. Только два раза по пути до Брешии мой сосѣдъ открылъ немного кожаный фартукъ, чтобы сплюнуть. Въ одинъ изъ этихъ разовъ я не увидѣлъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ вспотѣвшихъ елей, которыя, повидимому, очень страдали въ своихъ зеленыхъ зимнихъ одеждахъ отъ душнаго солнечнаго жара; въ другой разъ я увидѣлъ кусочекъ удивительно прозрачнаго голубого моря, въ которомъ отражались солнце и одинъ тощій гренадеръ. Этотъ гренадеръ, австрійскій Нарпись, съ дѣтской радостью дивился, какъ зеркальная поверхность озера съ точностью передавала ему всѣ его движенія, когда онъ дѣлалъ на плечо или на караулъ, или прицѣливался къ выстрѣлу.

О самой Брешии я тоже могу рассказать немного, потому что воспользовался временемъ моего пребыванія въ этомъ городѣ для того, чтобы хорошо пообѣдать. Нельзя обвинять бѣднаго путешественника, если онъ удовлетворяетъ голодъ тѣлесный прежде, чѣмъ духовный. Но я былъ достаточно добросовѣстенъ для того, чтобы прежде, чѣмъ снова сѣсть въ экипажъ, собрать нѣсколько свѣдѣній о Брешии у same-

гиге гостиницы, и тутъ я узналъ, между прочимъ, что городъ имѣеть 40 тысячъ жителей, ратушу, 21 кофейню, 20 католическихъ церквей, домъ умалишенныхъ, синагогу, звѣринецъ, острогъ, больницу, такой же хорошій театръ и висѣлицу для тѣхъ воровъ, которые крадутъ суммы ниже ста тысячъ талеровъ.

Въ полночь я пріѣхалъ въ Миланъ и остановился у г. Вейхмана, нѣмца, устроившаго свой отель совсѣмъ на нѣмецкій манеръ. Это лучшая гостиница во всей Италіи, сказали мнѣ нѣсколько знакомыхъ, встрѣченныхъ мною здѣсь и очень дурно отзывавшихся объ итальянскихъ гостиницахъ и блохахъ. Тутъ я только и слышалъ, что гнѣвныя исторійки объ итальянскихъ грабительствахъ, и особенно сэръ Вильямъ ругался и увѣрялъ, что если Европа голова всего міра, то Италія воровская шапка на этой головѣ. Этому бѣдному баронету въ гостиницѣ Croce bianco, въ Падуѣ, пришлось заплатить цѣлыхъ двѣнадцать франковъ за тощій завтракъ, а въ Виченцѣ одинъ человѣкъ потребовалъ у него на водку за то, что поднялъ ему перчатку, которую тотъ уронилъ, влѣзая въ экипажъ. Его дядя Томъ говорилъ, что всѣ итальянцы мошенники, за исключеніемъ единственнаго обстоятельства—что они не воруютъ. Будь у него болѣе привлекательная наружность, то онъ бы сдѣлалъ и другое замѣчаніе, именно, что всѣ итальянки—мошенницы. Третій въ этомъ союзѣ былъ мистеръ Ливеръ, котораго я оставилъ въ Брайтонѣ молодымъ теленкомъ, а теперь снова нашелъ въ Миланѣ въ видѣ boeuf à la mode. Онъ былъ одѣтъ совершенно какъ денди, я никогда еще не видѣлъ человѣка, который лучше его умѣлъ бы производить своей фигурой углы. Когда онъ всовывалъ пальцы въ карманы своего жилета, то кистью руки и каждымъ пальцемъ образовывалъ нѣсколько угловъ. Даже ротъ его былъ раскрытъ въ видѣ четырехъугольника. Къ этому присоединилась угловатая голова, сзади узкая, сверху острая, съ короткимъ лбомъ и очень длиннымъ подбородкомъ. Между англійскими знакомыми, которыхъ я снова увидѣлъ въ Миланѣ, находилась также толстая тетка Ливера; подобно жирной лавинѣ спустилась она съ Альпійскихъ горъ въ компаніи двухъ бѣлоснѣжныхъ, снѣжнохолодныхъ, снѣговыхъ гусенятъ миссъ Полли и миссъ Молли.

Не обвиняя меня въ англomanіи, любезный читатель, если я въ этой книгѣ слишкомъ часто говорю объ англичанахъ; они теперь въ Италіи слишкомъ многочисленны,

чтобы можно было оставлять ихъ безъ вниманія; они проѣзжаютъ черезъ эту страну цѣлыми роями; пристають во всѣхъ гостиницахъ, бѣгаютъ взадъ и впередъ повсюду, чтобы все увидѣть, и нельзя себѣ представить ни одного итальянскаго лимоннаго дерева безъ англичанки, обнюхивающей его, и ни одной галереи безъ толпы англичанъ. которые со своимъ «путеводителемъ» въ карманѣ ходятъ по этимъ галереямъ и удостовѣряются, все ли, упомянутое въ книгѣ, какъ замѣчательное, находится еще на своемъ мѣстѣ. Когда видишь, какъ этотъ бѣлокурый, краснощекий народъ, съ его ярко отполированными экипажами, пестрыми лакеями, ржущими скаковыми лошадьми, барышнями подъ зелеными вуалями, съ любопытствомъ тянется чрезъ Альпы по всей Итали, то кажется, что передъ вами совершается щегольское переселеніе народовъ. И дѣйствительно, сынъ Альбіона, хотя онъ ходитъ въ бѣломъ бѣльѣ и за все платитъ наличныя деньги, все-таки остается цивилизованнымъ варваромъ въ сравненіи съ итальянцемъ, который, напротивъ, представляетъ собою перешедшую въ варварство цивилизацію. Первый обнаруживаетъ въ своихъ нравахъ и обычаяхъ сдержанную грубость, второй—разнузданную тонкость. И сами эти блѣдныя итальянскія лица съ выраженіемъ страданія въ глазахъ, съ болѣзненно нѣжными губами, насколько аристократичны они въ сравненіи съ неподвижными британскими лицами, пышущими своимъ плебейскимъ здоровьемъ! Весь итальянскій народъ внутренно боленъ, а больные люди всегда аристократичнѣе здоровыхъ, потому что только больной человекъ есть человекъ, его члены имѣютъ исторію страданія, они одухотворены. Я думаю даже, что посредствомъ страданія животныя могли бы дѣлаться людьми. Я видѣлъ однажды умирающую собаку, которая въ своихъ предсмертныхъ мукахъ смотрѣла на меня почти человѣчески.

Страдальческое выраженіе лица явственнѣе всего у итальянцевъ, когда говоришь съ ними о несчастіи ихъ отечества, а къ этому представляется въ Миланѣ немало случаевъ. Это самая больная рана въ груди итальянцевъ, и они вздрагиваютъ, какъ только слегка коснешься ея. Тутъ происходитъ у нихъ движеніе плечъ, наполняющее насъ страннымъ состраданіемъ. Одинъ изъ моихъ бриттовъ считалъ итальянцевъ равнодушными въ политическомъ отношеніи, потому что они, повидимому, равнодушно слушали, когда мы, иностранцы, политизировали о католиче-

ской эмансипации и итальянской войны; и сь нашей стороны было довольно несправедливо говорить объ этомъ насмѣшливо въ присутствіи блѣднаго итальянца сь черной, какъ смоль, бородой. Вечеромъ, наканунѣ этого дня, мы были на представленіи новой оперы въ театрѣ Scala и слушали страшный шумъ и гвалтъ, который обыкновенно имѣеть мѣсто въ этихъ случаяхъ. «Вы, итальянцы,—сказалъ мой бриттъ блѣдному челоуѣку:—повидимому, вымерли для всего, кромѣ музыки, и только музыка можетъ васъ одушевить»: «Вы несправедливы къ намъ,—сказалъ блѣдный и повелъ плечами:—ахъ,—со вздохомъ прибавилъ онъ:—Италія сидитъ, элегически мечтая на своихъ развалинахъ, и когда по временамъ, заслышавъ мелодію какой-нибудь пѣсни, она вдругъ просыпается и порывисто вскакиваетъ, то это одушевление вызывается не самою пѣсню, а скорѣе старыми воспоминаніями и чувствами, которыя тоже пробудила пѣсня, которыя Италія всегда носила въ своемъ сердцѣ и которыя теперь вдругъ энергически зашумѣли—и вотъ что означаетъ тотъ безумный шумъ, который вы слышали въ театрѣ».

Быть-можетъ, это признаніе нѣсколько разъясняетъ и тотъ энтузіазмъ, который вызываютъ по ту сторону Альпъ оперы Россини или Мейербера. Если видѣлъ я когда-нибудь челоуѣческое неистовство, то это было при представленіи *Crociato in Egitto*, когда музыка мѣстами переходила изъ мягкаго, тоскливаго тона въ ликующую скорбь. Это бѣшенство называется въ Италіи *furore*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Хотя мнѣ, милый читатель, уже теперь представляется случай угостить тебя моими художественными воззрѣніями при упоминаніи о Брерѣ и Амброзіанѣ, но я пропущу мимо тебя чашу сію и ограничусь только замѣчаніемъ, что тотъ острый подбородокъ, который придаетъ оттѣнокъ сентиментальности картинамъ ломбардской школы, я видѣлъ и на улицахъ Милана у нѣсколькихъ ломбардскихъ красавицъ. Для меня было всегда чрезвычайно поучительно, когда я могъ сравнивать сь произведеніями той или другой школы и оригиналы ихъ, служившіе имъ моделями; характеръ школы при этомъ лучше уяснялся для меня. Такъ, напримѣръ, на ярмаркѣ въ Роттердамѣ, Янъ Стинъ въ его божественнѣйшей веселости сдѣлался для меня вдругъ совершенно понятнымъ; такъ и впоследствии на Лонгъ-Арис

я уяснил себѣ правдивость формъ и энергичность духа флорентинцевъ, на площади св. Марка—правдивость красокъ и мечтательную поверхность венеціанцевъ. Поѣзжай въ Римъ, милая душа моя, и, быть-можетъ, ты тамъ подынешься до созерцанія идеальности и до пониманія Рафаэля.

Не могу, однако, оставить неупомянутой одну достопримѣчательность Милана, которая во всѣхъ отношеніяхъ есть величайшая достопримѣчательность—именно, соборъ.

Издали кажется, какъ будто онъ вырѣзанъ изъ бѣлой почтовой бумаги, а вблизи пугаешься, видя, что это рѣзное издѣліе сдѣлано изъ несомнѣннаго мрамора. Безчисленныя статуи святыхъ, покрывающія все зданіе, выглядывающія отовсюду изъ-подъ готическихъ крышекъ и стоящія вверху на всѣхъ острияхъ, этотъ каменный народъ можетъ почти свести съ ума. Когда же смотришь на все зданіе нѣсколько дальше, то находишь его весьма красивымъ, колоссально милымъ, игрушкой для дѣтей исполиновъ. При полночномъ лунномъ свѣтѣ онъ представляетъ самое лучшее зрѣлище, тогда всѣ бѣлые каменные люди сходятъ со своей высоты, и прохаживаются съ вами по площади, и нашептываютъ вамъ на ухо старыя исторіи, совсѣмъ секретныя исторіи о Галеаццо Висконти, начавшемъ постройку собора, и Наполеонѣ Бонапартѣ, впоследствии продолжавшемъ ее.

— Знаешь,—сказалъ мнѣ одинъ очень странный святой, который былъ сдѣланъ уже въ новѣйшее время и изъ новѣйшаго мрамора:—знаешь, мои старшіе товарищи не могутъ понять, изъ-за чего императоръ Наполеонъ такъ ревностно заботился о продолженіи постройки. Но я это знаю очень хорошо: онъ понималъ, что этотъ огромный каменный домъ будетъ очень полезнымъ зданіемъ во всякомъ случаѣ и не перестанетъ годиться и тогда, когда католичества уже не будетъ на свѣтѣ.

Когда католичества уже не будетъ... Я почти испугался, услышавъ, что есть въ Италиіи святыя, которые говорятъ такія рѣчи, и притомъ же на площади, гдѣ стоятъ и ходятъ австрійскіе часовые въ медвѣжьихъ шапкахъ и съ ружьями. А между тѣмъ, мой каменный чудакъ отчасти правъ. Внутренность собора усладительно прохладна лѣтомъ, и сидѣть тутъ очень пріятно, и онъ не утратилъ бы этого достоинства и при измѣнившемся образѣ мыслей.

Окончаніе собора было одной изъ любимыхъ мыслей Наполеона, онъ уже былъ недалекъ отъ своей цѣли, когда его владычество сокрушилось. Австрійцы заканчиваютъ теперь

это дѣло. Продолжается также постройка знаменитой триумфальной арки, которая должна заключить собою симплонскую дорогу. Конечно, статуя Наполеона не будетъ, какъ это было назначено прежде, стоять на вершинѣ этой арки. Но тѣмъ не менѣе, великій императоръ оставилъ статую, которая гораздо лучше и прочнѣе мрамора, которую не можетъ укрыть отъ нашихъ взоровъ ни одинъ австріецъ. Когда мы всѣ давно уже будемъ скошены косою времени и развѣяны по воздуху, какъ полевая трава, этотъ памятникъ будетъ все еще стоять неприкосновенно, новое поколѣніе выростетъ изъ земли, будетъ съ сокрушеніемъ смотрѣть на этотъ образъ и снова уходить въ землю, и время, неспособное разрушить такой образъ, будетъ стараться окутывать его легендарнымъ туманомъ, и колоссальная исторія его сдѣлается, наконецъ, мифомъ. Быть-можетъ, черезъ нѣсколько тысячелѣтій какой-нибудь хитроумный ученый неопровержимо докажетъ въ своей глубокомысленной диссертациі, что Наполеонъ Бонапарте совершенно тождествененъ съ тѣмъ, другимъ титаномъ, который похитилъ у боговъ огонь и за это преступленіе былъ прикованъ на одинокомъ утесѣ, стоящемъ посреди моря, и отданъ на произволь коршуна, который ежедневно клевалъ его сердце.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Пропу тебя, любезный читатель, не считать меня безусловнымъ бонапартистомъ; я поклоняюсь не дѣйствіямъ, а только генію человѣка, какъ бы ни назывался этотъ человѣкъ: Александръ, Цезарь или Наполеонъ. Безусловно люблю я Наполеона только до 18 брюмера — тутъ измѣнилъ онъ свободѣ, и это сдѣлалъ онъ не изъ необходимости, но изъ тайной любви къ аристократизму. Наполеонъ Бонапарте былъ аристократъ, аристократическій врагъ гражданскаго равенства, и колоссальнымъ недоразумѣніемъ было то, что европейская аристократія, въ лицѣ Англии, воевала противъ него съ такой смертельной враждой; ибо, хотя онъ и намѣревался провести нѣкоторое измѣненіе въ личномъ составѣ этой аристократіи, но все-таки сохранилъ бы неприкосновенной большую часть ея и ея основной принципъ, онъ бы возродилъ эту аристократію, тогда какъ теперь она лежитъ во прахѣ, благодаря старческой слабости, потери крови и усталости отъ своей послѣдней, конечно, самой послѣдней побѣды.

Любезный читатель, мы согласимся здѣсь съ тобою разъ

навсегда — я восхваляю не подвигъ, но только человѣческій духъ, подвигъ есть только одежда духа, и исторія есть ничто иное, какъ старый гардеробъ человѣческаго духа. Но любовь любитъ иногда и старыя платья, и точно такъ же люблю я плащъ Маренго.

«Мы теперь на полѣ сраженія Маренго». Какъ возликовало мое сердце, когда почтальонъ произнесъ эти слова! Въ компаніи одного очень вѣжливаго лифляндца, который скорѣе разыгрывалъ русскаго, я вечеромъ выѣхалъ изъ Милана и на слѣдующее утро присутствовалъ при восхожденіи солнца надъ знаменитымъ полемъ битвы.

Здѣсь генераль Бонапарте такъ сильно хлебнулъ изъ чаши славы, что въ опьяненіи сдѣлался консуломъ, императоромъ, завоевателемъ міра, и могъ отрезвиться только на островѣ св. Елены. Съ нами случилось то же самое; мы тоже опьянѣли, мы тоже пережили все это во снѣ, мы тоже проснулись и, отрезваясь, пускаемся во всевозможныя разумныя размышленія. И тутъ намъ по временамъ кажется, что военная слава — устарѣвшее удовольствіе, что войны получили болѣе благородное значеніе, и что Наполеонъ, быть-можетъ, былъ послѣдній завоеватель.

И дѣйствительно, представляется такъ, какъ будто теперь борются болѣе за духовные интересы, чѣмъ за матеріальные, и какъ будто всемірная исторія, — исторія уже не разбойниковъ, а умовъ. Главный рычагъ, который до сихъ поръ такъ производительно умѣли приводить въ движеніе честолюбивые и корыстолюбивые государи для своихъ частныхъ цѣлей, именно національность съ ея тщеславіемъ, ея ненавистью, теперь износился и сгнилъ. Съ каждымъ днемъ исчезаютъ все болѣе и болѣе глупыя національныя предрасудки, всѣ рѣзкія отличія погибаютъ въ общности европейской цивилизаціи. Въ Европѣ нѣтъ ужъ никакихъ націй, а существуютъ только партіи, и съ удивленіемъ видишь, какъ эти партіи, несмотря на самыя разнообразныя краски свои, отлично узнаютъ другъ друга и, при многихъ отличіяхъ въ языкѣ, очень хорошо понимаютъ одна другую. Какъ есть матеріальная государственная политика, такъ есть теперь и духовная политика партій, и какъ государственная политика изъ малѣйшей войны, которая вспыхнула бы между двумя ничтожнѣйшими державами, сдѣлала бы сейчасъ же обще-европейскую войну, въ которую должны были бы вмѣшаться всѣ государства болѣе или менѣе усердно, во всякомъ случаѣ, съ интересомъ, точно такъ же теперь не можетъ про-

изойти въ мірѣ ни малѣйшей борьбы безъ того, чтобы эта политика партій тотчасъ же не усмотрѣла въ ней общедуховнаго значенія и чтобы самыя отдаленныя и разнородныя партіи не были принуждены принять въ ней участіе за или противъ.

Вслѣдствіе существованія этой политики партій, которую я называю политикой духовной, потому что ея интересы духовнаго свойства и ея *ultima rationes* сдѣланы не изъ металла, вслѣдствіе этого образуются теперь точно такъ же, какъ чрезъ посредство государственной политики, двѣ большія массы, которыя враждуютъ одна съ другою и сражаются между собою рѣчами и взглядами. Лозунги и представители этихъ двухъ большихъ партійныхъ массъ мѣняются ежедневно; нѣтъ недостатка въ запутанности, часто возникаютъ величайшія недоразумѣнія. Эти недоразумѣнія, благодаря дипломатамъ этой духовной политики, т. е. писателямъ, скорѣе усиливаются, чѣмъ уменьшаются. Но если головы заблуждаются, то сердца тѣмъ не менѣе чувствуютъ, чего они хотятъ, и время настоятельно пробивается впередъ со своей великой задачей. Но въ чемъ заключается великая задача нашего времени?

Это эмансипація. Эмансипація не только ирландцевъ, грековъ, франкфуртскихъ евреевъ, вестъ-индскихъ негровъ и т. п. угнетеннаго народа, но эмансипація всего міра, особенно Европы, которая сдѣлалась совершеннолѣтней и теперь освобождается отъ желѣзныхъ узъ привилегированнаго сословія, аристократіи. Пусть себѣ нѣкоторые философы-ренегаты свободы продолжаютъ ковать тончайшія цѣпи доводовъ, чтобы доказать намъ, что милліоны людей созданы, какъ выючныя животныя нѣсколькихъ тысячъ привилегированныхъ рыцарей, они все-таки не убѣдятъ насъ въ этомъ до тѣхъ поръ, пока, какъ говоритъ Вольтеръ, не докажутъ намъ, что первые родились на свѣтъ съ сѣдлами на спинахъ, а вторые со шпорами на ногахъ.

Каждое время имѣетъ свою задачу, и путемъ разрѣшенія ея двигается человѣчество все впередъ и впередъ. Прежнее неравенство, основанное въ Европѣ феодальной системой, было, можетъ-быть, необходимо, или составляло необходимое условіе для прогресса цивилизаціи. Но теперь оно останавливаетъ этотъ прогрессъ, теперь оно возмущаетъ образованныя сердца. Французовъ, народъ общественный, это неравенство, наиболѣе несогласное съ принципами общества, естественно раздражаетъ сильнѣе, чѣмъ кого бы то ни было,

и они постарались насильно добыть себѣ равенство, принявшись рубить головы тѣхъ, которые во что бы то ни стало хотѣли подыматься выше другихъ, и такимъ образомъ революція сдѣлалась сигналомъ для освободительной войны человечества.

Восхвалимъ французовъ! Они позаботились о двухъ величайшихъ потребностяхъ человеческого общества: о хорошей пищѣ и гражданскомъ равенствѣ. Въ поваренномъ искусствѣ и свободѣ сдѣлали они самые крупные шаги впередъ, и если когда-нибудь всѣ мы, какъ равноправные гости, соберемся на великій пиръ примиренія и будемъ въ хорошемъ расположеніи духа,—ибо что можетъ быть лучше компаніи равныхъ за аппетитнымъ столомъ? — тогда первый тостъ мы провозгласимъ за французовъ. Конечно, пройдетъ еще достаточно времени, пока можно будетъ справить этотъ пиръ, пока эмансипація вступитъ въ свои права; но вѣдь придетъ же, наконецъ, эта пора, соберемся мы, примиренные и равноправные, за однимъ и тѣмъ же столомъ; и тогда мы будемъ соединены и станемъ въ союзѣ сражаться противъ другихъ мірскихъ золь, быть-можетъ, въ концѣ концовъ, даже противъ смерти, которая своею строгою системою равенства, по крайней мѣрѣ, оскорбляетъ насъ не такъ, какъ аристократизмъ своимъ смѣющимся ученіемъ неравенства.

Не улыбайся, позднѣйшій читатель. Всякое время вѣрнѣе, что его борьба самая важная изъ всѣхъ остальныхъ. Въ этомъ, собственно, и состоитъ вѣра времени, въ этой вѣрѣ оно живетъ и умираетъ, и будемъ мы также жить и умирать въ этой религіи свободы... Наша священная борьба представляется намъ самой важной изъ всѣхъ, какія когда-нибудь велись на этой землѣ, хотя историческое предчувствіе говоритъ намъ, что нѣкогда наши внуки будутъ, быть-можетъ, смотрѣть на эту борьбу съ такимъ же равнодушіемъ, съ какимъ мы глядимъ теперь на борьбу первыхъ людей, которымъ приходилось сражаться съ такими же жадными чудовищами, драконами и хищниками-великанами.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

На полѣ сраженія Маренго размышленія палятся на человѣка такими толпами, что можно подумать—это тѣ самыя мысли, которыя внезапно появились здѣсь у многихъ и бродятъ теперь, какъ потерявшія своихъ хозяевъ собаки. Я люблю поля сраженія, потому что, какъ ни страшна война, она все-таки свидѣтельствуетъ о духовномъ величій чело-

вѣка, имѣвшаго силу возстать противъ своего могущественнѣйшаго врага — смерти. А тутъ еще это поле сраженія, гдѣ свобода танцевала роскошную свободную пляску на кровавыхъ розахъ! Франція была въ то время женихомъ, она пригласила на свадьбу весь міръ, и какъ поется въ пѣснѣ:

Лихо справили мы стоворъ!
Колотили не горшки,
А дворянскія башки!

Но, увы, каждый шагъ, дѣлаемый впередъ человѣчествомъ, стоитъ цѣлыхъ потоковъ крови. Не слишкомъ ли ужъ это дорого? Развѣ жизнь отдѣльнаго человѣка не стоитъ столько же, сколько жизнь цѣлаго поколѣнія? Ибо каждый отдѣльный человѣкъ есть уже цѣлый міръ, который съ нимъ родился и съ нимъ умираетъ, надъ каждымъ гробовымъ камнемъ лежитъ всемірная исторія... Но будемъ молчать; такъ говорили бы мертвые, павшіе на этомъ полѣ, а мы живемъ, и станемъ и впередъ сражаться въ священной войнѣ за освобожденіе человѣчества.

— Кто думаетъ теперь о Маренго!—сказалъ мой спутникъ, лифляндецъ изъ Россіи, въ то время, когда мы проѣзжали по полю.—Теперь всѣ глаза устремлены на Балканскій полуостровъ, гдѣ мой землякъ Дибичъ приводитъ въ порядокъ чалмы на головахъ турокъ, и въ нынѣшнемъ еще году мы возьмемъ Константинополь. Вы вѣдь расположены къ русскимъ?

Это былъ вопросъ, на который я отвѣтилъ бы всюду охотнѣе, чѣмъ на полѣ сраженія Маренго... Я увидѣлъ въ утреннемъ туманѣ человѣка въ треугольной шляпѣ и съромъ боевомъ плащѣ. Онъ мчался быстро, какъ мысль, вдалекѣ слышались какъ бы призрачные звуки: *Allons, enfants de la patrie!* и, тѣмъ не менѣе, я отвѣчалъ: «да, я расположенъ къ русскимъ».

И дѣйствительно, при постоянной странной смѣнѣ лозунговъ и представителей въ великой борьбѣ, обстоятельства сложились такъ, что самый пламенный другъ революціи видитъ спасеніе міра только въ побѣдѣ Россіи... Странная перемѣна! Еще два года назадъ мы признали знаменосцемъ свободы англійскаго министра, и вой ненависти высокородныхъ торіевъ противъ Георга Канинга руководилъ въ то время нашимъ выборомъ; въ аристократически неблагородныхъ оскорбленіяхъ, которымъ онъ подвергался, мы видѣли гарантію его вѣрности; и когда онъ умеръ мученической смертью, тогда мы облеклись въ трауръ,

и восьмое августа было отмѣчено, какъ святой день въ календарѣ свободы. Но затѣмъ мы снова унесли знамя изъ Англіи и поставили его въ Петербургѣ, и избрали его носителемъ императора Николая, рыцаря Европы, который защищалъ греческихъ вдовъ и сиротъ отъ азіатскихъ варваровъ и заслужилъ свои шпоры въ такой благородной борьбѣ. Снова враги свободы слишкомъ явно выдали себя, мы опять воспользовались рѣзкостью ихъ ненависти, чтобы увидѣть, въ чемъ наша польза и наше благо. Снова повторилось обыкновенное явленіе, что нашими представителями мы обязаны скорѣе большинству голосовъ нашихъ враговъ, чѣмъ собственному выбору, и разсматривая курьезно составленную общину, которая молилась небу о спасеніи Турціи и гибели Россіи, мы скоро замѣтили, кто собственно нашъ другъ, или, вѣрнѣе говоря, кто составляетъ ужасъ нашихъ враговъ. Какъ, я думаю, смѣялись на небѣ, слыша доносившіяся туда въ одно и то же время изъ устъ Веллингтона, великаго муфтія, папы, Ротшильда перваго, Меттерниха и цѣлой стаи рыцарчиковъ, дворянчиковъ, священниковъ и турокъ, молитвы за одно и то же—за спасеніе полумѣсяца!

Все, что болтали до сихъ поръ алармисты объ опасности, которой мы подвергаемся вслѣдствіе усиленія могущества Россіи, неосновательно и глупо. По крайней мѣрѣ мы, нѣмцы, здѣсь ничѣмъ не рискуемъ, развѣ что нѣкоторымъ увеличеніемъ или уменьшеніемъ порціи нашего рабства; но объ этомъ не стоитъ думать тутъ, гдѣ дѣло идетъ о приобрѣтеніи величайшаго блага—объ освобожденіи отъ остатковъ феодализма и клерикализма. Намъ угрожаютъ господствомъ желѣзной русской руки, но я охотно почувствую ее на себѣ, если буду увѣренъ, что она схватила и нашихъ враговъ. Пари держу, однако, что они, какъ это было и всегда, будутъ вилять хвостами передъ новой силой, и граціозно улыбаться, и предлагать свою готовность къ самымъ постыднымъ услугамъ, и за это выпрашивать себѣ—такъ какъ ужъ безъ битвы нельзя будетъ обойтись—привилегію битвы почетнаго, точно такъ, какъ это бываетъ въ Сіамѣ, гдѣ знатнаго человѣка, присужденнаго къ наказанію, кладутъ въ шелковый мѣшокъ и бьютъ раздушенными палками, тогда какъ обыкновенныхъ смертныхъ наказываютъ въ полотняномъ мѣшкѣ и палками отнюдь не такъ хорошо пахнущими. Ну, что же, эту привилегію, такъ какъ она единственная, мы имъ, особенно англійской аристокра-

ти, уступимъ охотно, лишь бы только ихъ поколотили. Правда, всякій изъ насъ не можетъ забыть, что именно эта аристократія вынудила у деспотизма Великую Хартію и что именно Англія, оставляя неприкосновеннымъ гражданское сословное неравенство, обезпечила, однако, свободу личную; что Англія была убѣжищемъ свободныхъ умовъ въ то время, когда деспотизмъ угнеталъ весь материкъ; но все это *tempē possati!* Англія со своими аристократами теперь все-таки погибаетъ, свободные умы въ случаѣ нужды находятъ себѣ теперь болѣе надежный пріютъ, и если бы вся Европа превратилась въ одну большую тюрьму, то все-таки осталось бы отверстіе, чтобы уйти отсюда. Это отверстіе—Америка и, слава Богу, оно еще больше, чѣмъ сама тюрьма.

Но все это смѣшныя опасенія. Если въ отношеніи свободы сравнить Англію съ Россіей, то даже у самаго боязливаго человѣка не останется колебанія, къ какой партіи ему примкнуть. Свобода въ Англіи вышла изъ историческихъ событій, въ Россіи изъ принциповъ. Какъ на этихъ событіяхъ, такъ и на ея духовныхъ результатахъ лежитъ печать среднихъ вѣковъ. Вся Англія окаменѣла въ средне-вѣковыхъ учрежденіяхъ, которымъ нѣтъ обновленія и за которыми аристократія укрылась и ожидаетъ войны на смерть. Но тѣ принципы, изъ которыхъ возникла свобода русская, или, вѣрнѣе говоря, изъ которыхъ она ежедневно развивается все больше и больше—это либеральныя идеи нашего новѣйшаго времени. Русское правительство проникнуто этими идеями, его неограниченный абсолютизмъ есть скорѣе диктатура для непосредственнаго проведенія въ жизнь этихъ идей. Это правительство не имѣетъ своихъ корней въ феодализмъ и клерикализмъ; напротивъ, Россія демократическое государство, я назвалъ бы его даже государствомъ христіанскимъ, если бы хотѣлъ примѣнить это, часто злоупотребляемое слово въ его отраднѣйшемъ, самомъ космополитическомъ смыслѣ, потому что русскіе, уже благодаря объему ихъ государства, свободны отъ узкосердечія языческаго національнаго чувства. Они космополиты, или, по крайней мѣрѣ, космополиты на шестую долю, такъ какъ Россія составляетъ почти шестую часть обитаемаго міра.

И, право, когда при мнѣ какой-нибудь русскій нѣмецъ, въ родѣ моего спутника лифляндца, расплывается въ хвастливой патріотической болтовнѣ и говоритъ о «нашей» Россіи и «нашемъ» Дибичѣ, то мнѣ кажется, что я слышу селедку,

которая выдаетъ океанъ за свое отечество, а Кита за своего земляка.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

«Я расположенъ къ русскимъ», сказалъ я на полѣ сраженія Маренго и на нѣсколько минутъ вышелъ изъ экипажа, чтобы предаться утреннимъ набожнымъ размышленіямъ.

Точно подь триумфальной аркой изъ колоссальныхъ облачныхъ массъ подымалось солнце побѣдоносное, ясное, спокойное, общаая прекрасный день. Но у меня на душѣ было, какъ у бѣднаго мѣсяца, который еще стоялъ на небѣ, постепенно блѣднѣя. Онъ пропелъ свой одинокій путь, прошелъ его въ скучное, ночное время, когда счастье спало, и жили только призраки, совы и грѣхи; а теперь, когда рождался молодой день съ его ликующими лучами и благоухающей утренней зарей, теперь приходилось ему исчезнуть, и онъ бросилъ послѣдній печальный взоръ на великое всемірное свѣтило и исчезъ, какъ ароматическій туманъ. Чудесный сегодня будетъ день!—крикнулъ мой спутникъ изъ экипажа.—Да, будетъ прекрасный день,—тихо повторило мое молящееся сердце и задрожало отъ тоски и радости. О, да, будетъ прекрасный день; одно солнце свободы согрѣетъ землю блаженнѣе, чѣмъ аристократія всѣхъ звѣздъ вмѣстѣ; расцвѣтетъ новое поколѣніе, которое зачнется въ свободномъ добровольномъ объятіи, а не на ложѣ принужденія и подь контролемъ умственныхъ надсмотрщиковъ. Вмѣстѣ съ свободнымъ рожденіемъ въ людяхъ явятся на свѣтъ свободныя мысли и чувства, о которыхъ мы, рожденные рабами, не имѣемъ и понятія... О! у нихъ тоже не будетъ и понятія о томъ, какъ страшна была ночь, въ темнотѣ которой намъ приходилось жить, и какъ ужасно было намъ бороться съ отвратительными призраками, тупыми совами и лицемѣрными грѣшниками! Намъ, бѣднымъ бойцамъ, приходилось тратить всю жизньъ на подобную борьбу, и теперь, когда разгорается день побѣды, мы такіе блѣдные! Пламя солнечнаго восхода уже не зарумянитъ нашихъ щекъ и не будетъ въ состояніи согрѣть наши сердца. Мы умремъ, какъ уходящій мѣсяцъ; слишкомъ коротокъ жизненный путь человека, въ концѣ котораго стоитъ неумолимая могила.

Не знаю, право, заслужилъ ли я, чтобы мой гробъ украсили когда-нибудь лавровымъ вѣнкомъ. Поэзія, какъ я ни любилъ ее, была все-таки для меня только священной

игрушкой или освященнымъ средствомъ для небесныхъ цѣлей. Я никогда не придавалъ большой цѣны славы поэта, и хвалить ли или порицають мои пѣсни—до этого мнѣ мало дѣла. Но на мой гробъ вы должны будете положить мечъ, потому что я всегда былъ храбрымъ солдатомъ въ войнѣ за освобожденіе человѣчества.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Во время полуденнаго зноя мы укрылись во францисканскомъ монастырѣ, помѣщавшемся на значительномъ возвышеніи и со своими мрачными кипарисами и бѣлыми монахами смотрѣвшимъ въ весело-зеленыя долины Апенинъ, какъ охотничій замокъ вѣры. Это было прекрасное зданіе, да и вообще мнѣ пришлось увидѣть еще нѣсколько замѣчательныхъ монастырей и церквей, кромѣ картезіанскихъ домовъ въ Монцѣ, которые я видѣлъ только снаружи. Часто не зная я, чему болѣе удивляться, красотѣ ли мѣстности, или величію старыхъ церквей, или такому же великому, твердому, какъ камень, настроенію ихъ создателей, которые конечно, могли предвидѣть, что только ихъ позднѣйшіе потомки будутъ въ состояніи окончить такія зданія и которые, несмотря на это, спокойно закладывали фундаментъ и ставили камень на камень, пока смерть не отрывала ихъ отъ работы, и мѣсто ихъ заступали новые строители, тоже въ свое время оптравившіеся на вѣчный покой—всѣ съ твердой вѣрой въ вѣчность католической религіи и съ твердымъ упованіемъ на такой же образъ мыслей послѣдующихъ поколѣній, которыя будутъ продолжать строить то, чего не докончили предки.

Это была вѣра времени, и старые строители жили и умерли въ этой вѣрѣ. И вотъ теперь лежатъ они предъ дверьми старыхъ церквей, и надо желать, чтобы сонъ ихъ былъ непробудный, и чтобы смѣхъ новаго времени не тревожилъ ихъ. Желательно это особенно для тѣхъ, что лежатъ предъ однимъ изъ тѣхъ старыхъ соборовъ, которые такъ и остались недоконченными; для нихъ было бы очень дурно, если бы они ночью вдругъ проснулись и при блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца увидѣли свою неоконченную работу, и скоро бы замѣтили, что время дальнѣйшей постройки прекратилось, что вся ихъ жизнь была бесполезна и глупа.

Такъ говорить теперешнее время, имѣющее новую задачу, новую вѣру.

Я слышалъ нѣкогда въ Кельнѣ, какъ одинъ маленькій

мальчикъ спрашивалъ свою мать, почему не доканчиваютъ наполовину отстроенныхъ соборовъ. Это былъ красавецъ мальчикъ, я поцѣловалъ его въ умные глаза, и такъ какъ мать не знала, что отвѣтить ему, то я объяснилъ: теперь у людей есть другія дѣла.

Недалеко отъ Генуи, на вершинѣ Апенинъ, видно море, между зелеными горными вершинами проглядываютъ голубыя воды, и усматриваемые тутъ и тамъ корабли точно хотятъ перенестись на всѣхъ парусахъ черезъ горы. Но когда это зрѣлище является передъ вами при наступленіи сумерекъ, въ тѣ часы, когда послѣдніе солнечные лучи начинаютъ свою причудливую игру съ первыми вечерними тѣнями, и всѣ краски и формы тумана сливаются между собою, тогда вы чувствуете себя совершенно въ сказочномъ мірѣ. Экипажъ со стукомъ катится съ горы, дремлющія въ душѣ прелестнѣйшіе образы ея пробуждаются и снова привѣтливо киваютъ вамъ, и вамъ снится, наконецъ, что вы въ Генуѣ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Этотъ городъ старый безъ старины, тѣсный безъ милой уютности и отвратителенъ выше всякой мѣры. Онъ построенъ на утесѣ у подошвы амфитеатральныхъ горъ, которыя какъ бы обнимаютъ прекраснѣйшій морской заливъ. Генуэзцы вслѣдствіе этого получили отъ природы лучшую и безопаснѣйшую гавань. Такъ какъ городъ, какъ выше сказано, стоитъ на единственномъ утесѣ, то, ради сбереженія мѣста, дома пришлось строить очень высокими, а улицы прокладывать очень узкими, вслѣдствіе чего онѣ почти всѣ темны, и только по двумъ изъ нихъ можетъ проѣзжать экипажъ. Но дома служатъ здѣсь жителямъ, большею частію купцамъ, только складомъ товаровъ, а въ ночное время—ночлегомъ, цѣлый же день они торгашествуютъ по городу или сидятъ предъ своими дверьми или, вѣрнѣе, въ дверяхъ, потому что иначе имъ приходилось бы прикасаться колѣнами къ сидящимъ напротивъ.

Со стороны моря, особенно къ вечеру, городъ болѣе красивъ. Въ эти часы онъ лежитъ на берегу моря, какъ поблѣднѣвшій скелетъ выброшеннаго гигантскаго животнаго, темныя муравьи, называющіе себя генуэзцами, ползаютъ вокругъ него, синія морскія волны плещутъ на него, журча какъ бы колыбельную пѣсню, а мѣсяцъ, блѣдный глазъ ночи, печально смотритъ сверху.

Въ саду дворца Дорія старый морской герой стоитъ въ видѣ Нептуна въ большомъ водяномъ бассейнѣ. Но статуя обветшала и обезображена, вода высохла, и чайки гнѣздятся въ черныхъ кипарисахъ. Подобно мальчику, у котораго всегда въ головѣ видѣнныя имъ комедіи, я при имени Дорія тотчасъ же вспомнилъ о Фридрихѣ Шиллерѣ, благороднѣйшемъ, если не величайшемъ нѣмецкомъ поэтѣ.

Несмотря на упадокъ большинства дворцовъ прежнихъ властителей Генуи, нобилей, они, однако, очень красивы и полны роскоши. Помѣщаются они большею частью на двухъ большихъ улицахъ, называемыхъ *Strada nuova* и *Бальби*. Дворецъ Дураццо самый замѣчательный. Тутъ есть хорошія картины, и между ними Веронезовъ «Христосъ», у котораго Магдалина вытираетъ вымытыя ноги. Она такъ красива, что почти бонтятся, чтобы ее не соблазнили еще разъ. Я долго стоялъ передъ ней, но, ахъ, она не подняла на меня глазъ!.. Тутъ нашель я тоже нѣсколькихъ голландцевъ и превосходныя картины Рубенса. Эти послѣднія вполне проникнуты колоссальной веселостью этого нидерландскаго титана, духовныя крылья котораго были такъ могучи, что онъ взлеталъ на небо, несмотря на то, что къ его ногамъ было привѣшано сто центнеровъ голландскаго сыру. Я не могу пройти мимо малѣйшей картинки этого великаго живописца, чтобы не принести ей дань моего изумленія и восторга, тѣмъ болѣе, что теперь становится въ модѣ смотрѣть на него, пожимая плечами, вслѣдствіе отсутствія въ немъ идеальности. Историческая школа въ Мюнхенѣ особенно выдается этой точкой зрѣнія. Посмотрите только, съ какимъ надменнымъ пренебреженіемъ проходитъ длинноволосый корнелиянецъ по залѣ Рубенса. Но, можетъ-быть, заблужденіе молодыхъ можно понять, если принять въ соображеніе громадную противоположность между Петромъ Корнелиемъ и Петромъ-Павломъ Рубенсомъ. Болѣе рѣзкую противоположность нельзя даже выдумать, и, тѣмъ не менѣе, мнѣ иногда кажется, что между ними обоими существуетъ почти сходство, которое я могу больше чувствовать, чѣмъ видѣть. Быть-можетъ, въ нихъ скрыты тѣ соотечественныя особенности, которыя находятъ тихій родной отголосокъ въ третьемъ ихъ соотечественникѣ—во мнѣ. Это тайное родство отнюдь не состоитъ, однако, въ нидерландской веселой безмятежности и привязанности къ яркимъ краскамъ, смѣющихся во всѣхъ картинахъ Рубенса, такъ что кажется, будто онъ рисовалъ ихъ въ вселомъ опьяненіи рейнскимъ виномъ, ме-

жду тѣмъ какъ вокругъ него раздавалась плясовая ярмарочная музыка. Дѣйствительно, картины Корнеліуса представляются написанными скорѣе на страстной недѣлѣ въ то время, когда печальное гнѣие процессій раздавалось по улицамъ и находило отголосокъ въ мастерской и сердцѣ живописца. Сходство между ними заключается больше въ производительности, въ смѣлости творчества, въ гениальной первобытности; оба—рожденные живописцы и принадлежатъ къ циклу тѣхъ великихъ мастеровъ, большинство которыхъ процвѣтало въ пору Рафаэля, т. е. во время, которое еще могло оказывать свое непосредственное вліяніе на Рубенса, но отъ нашего времени отличается такъ сильно, что фигура Петра Корнеліуса почти пугаетъ насъ, что онъ иногда представляется намъ какъ бы духомъ одного изъ великихъ живописцевъ рафаэлевскаго періода, вышедшимъ изъ могилы, чтобы нарисовать еще нѣсколько картинъ, мертвымъ творцомъ, который самъ себя вызвалъ изъ могилы силою похороненнаго вмѣстѣ съ нимъ и продолжающаго жить въ немъ слова жизни. Когда мы смотримъ на его картины, то онѣ глядятъ на насъ глазами XV столѣтія; призрачны ихъ одежды, точно шелестятъ онѣ предъ нами въ полночный часъ, волшебной силой проникнуты тѣла, написанныя съ правильностью сна, глубоко истинныя, только крови нѣтъ въ нихъ, нѣтъ пульсирующей жизни, краски. Да, Корнеліусъ творецъ, но когда мы глядимъ на его созданія, то намъ кажется, что они не могутъ долго жить, что всѣ они нарисованы за часъ до ихъ смерти, что во всѣхъ живетъ грустное предчувствіе умиранія. Образы Рубенса, несмотря на ихъ безмятежную веселость, вызываютъ въ нашей душѣ такое же чувство. Они тоже, повидимому, носятъ въ себѣ задатки смерти, и намъ чудится, что вотъ-вотъ вдругъ поразить ихъ ударъ именно вслѣдствіе избытка ихъ жизни, вслѣдствіе ихъ румянаго полнокрівія. Въ этомъ-то, можетъ-быть, состоитъ то тайное сродство, которое мы такъ странно чувствуемъ при сравненіи обоихъ мастеровъ. Чрезвычайная веселость въ нѣкоторыхъ картинахъ Рубенса и глубочайшая скорбь въ произведеніяхъ Корнеліуса вызываетъ въ насъ, можетъ-быть, одно и то же чувство. Но откуда эта скорбь у нидерландца? Тутъ, можетъ-быть, дѣйствуетъ именно печальное сознаніе, что онъ принадлежитъ къ давно исчезнувшему времени и что его жизнь — мистическая по-смертная миссія, потому что, увы, онъ не только единственный великій живописецъ, остающійся теперь въ живыхъ.

но, можетъ-быть, и послѣдній, которому придется рисовать на этой землѣ; предъ нимъ, до времени Караччи, продолжительная темнота, а сзади его снова сгущаются тѣни, его рука—свѣтлая одинокая рука духа въ ночи искусства, и картины, которыя она рисуешь, носятъ на себѣ печальную печать такой суровой, рѣзкой отчужденности. Я никогда не могъ смотрѣть на эту послѣднюю рисующую руку безъ тайнаго содроганія, когда видѣлъ самого живописца, маленькаго, быстрога человѣка съ горящими глазами; и въ то же время, однако, эта рука возбуждала во мнѣ чувство самаго задушевнаго благочестія, такъ какъ я вспоминалъ, что она нѣкогда нѣжно ложилась на мои маленькіе пальцы и помогала мнѣ проводить контуры лица въ ту пору, когда я ребенкомъ учился рисовать въ дюссельдорфской академіи.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Собраніе портретовъ генуэзскихъ красавицъ, показываемое во дворцѣ Дураццо, я никакъ не могу оставить безъ упоминанія. Ничто на свѣтѣ не можетъ настраивать нашу душу печальнѣе, чѣмъ видъ такихъ портретовъ красавицъ, умершихъ уже нѣсколько столѣтій назадъ. Меланхолически проползаютъ въ насъ мысли, что отъ оригиналовъ этихъ портретовъ, отъ всѣхъ этихъ красавицъ, которыя были такъ милы, такъ кокетливы, такъ остроумны, такъ плутоваты и такъ мечтательны, отъ всѣхъ этихъ майскихъ головокъ, съ апрѣльскими причудами, отъ всей этой женской весны не осталось ничего, кромѣ этихъ пестрыхъ тѣней, которыя живописецъ, тоже давно сгнившій, какъ и онѣ, нарисовалъ на гниломъ кусочкѣ полотна, который тоже со временемъ распадается въ прахъ и разсѣется. Такъ проходитъ безслѣдно всякая жизнь, прекрасная точно такъ же, какъ и безобразная; смерть, сухой недантъ, такъ же мало падить розу, какъ и чертополохъ; онъ не забываетъ и одинокую былинку въ отдаленнѣйшей пустынѣ, онъ разрушаетъ основательно и непрерывно, и повсюду видимъ мы, какъ онъ растаптываетъ растенія и животныхъ, людей и ихъ созданія и даже тѣ египетскія пирамиды, которыя, повидимому, сопротивляются его бѣшеной жадѣ разрушенія. Онѣ только трофеи его могущества, памятники прошедшаго, древнія гробницы царей.

Но еще злѣе, чѣмъ это сознаніе вѣчнаго умиранія, жестокаго, зіяющаго уничтоженія, охватываетъ насъ мысль, что мы умираемъ даже не какъ подлинники, но какъ копіи

давно исчезнувшихъ людей, которые умственно и тѣлесно были похожи на насъ, и что послѣ насъ снова будутъ рождаться люди, которые опять будутъ совершенно похожи на насъ и будутъ чувствовать и мыслить, какъ мы, и которыхъ смерть точно такъ же уничтожить—безотрадно-вѣчная повторяющаяся игра, причѣмъ рождающаяся земля постоянно должна производить на свѣтъ, и производить больше, чѣмъ можетъ уничтожить смерть, такъ что въ этомъ затруднительномъ положеніи ей приходится заботиться больше о сохраненіи породы, чѣмъ объ оригинальности индивидуумовъ.

Чуднымъ образомъ охватилъ меня мистическій трепеть этой мысли въ то время, какъ я во дворцѣ Дураццо смотрѣлъ на портреты генуэзскихъ красавицъ, и между ними на одинъ, вызвавшій въ моей душѣ сладостную бурю, при воспоминаніи о которой еще теперь дрожать у меня вѣки. Это былъ портретъ мертвой Маріи.

Надсмотрщикъ галлерей увѣрялъ, правда, что это портретъ генуэзской герцогини, и прибавилъ цитероновскимъ тономъ: «Онъ нарисованъ Джорджио Барбареллидель-Кастель-Франко де-Тревиджіоре, прозваннымъ Джорджионе; это былъ одинъ изъ величайшихъ живописцевъ венеціанской школы, родился въ 1477 г., умеръ въ 1511 году».

— Совершенно согласенъ, синьоръ custode, портретъ похожъ, хотя онъ и написанъ за два столѣтія впередъ; но это не бѣда. Рисунокъ правиленъ, краски положены превосходно, складки платья на груди сдѣланы чудесно. Будьте добры, снимите его на нѣсколько минутъ со стѣны, я хочу сдуть только пыль съ губъ, а также прогнать паука, который сидитъ въ углу рамки; Марія всегда питала отвращеніе къ паузамъ.

— Eccellenza, повидимому, знатокъ?

— Можетъ-быть, синьоръ custode. У меня талантъ расстрогиваться, глядя на нѣкоторыя картины, и въ эти минуты я чувствую нѣкоторую влажность въ глазахъ. Но что я вижу! Кѣмъ нарисованъ этотъ портретъ человѣка въ черномъ плащѣ?

— Его рисовалъ тоже Джорджионе. Образцовое произведеніе!

— Будьте любезны, синьоръ, снимите его тоже со стѣны и подержите съ минуту около зеркала, чтобы мнѣ можно было сравнить, похожъ ли я на него.

— Eccellenza не такъ блѣдны. Этотъ портретъ тоже образ-

цовое произведеніе Джіорджіоне. Онъ былъ соперникъ Тиціана, родился въ 1477 г., умеръ въ 1511 г.

Милый читатель, Джіорджіоне я люблю гораздо больше, чѣмъ Тиціана, и особенно благодаренъ ему за то, что онъ нарисовалъ Марію. Ты, конечно, поймешь такъ же хорошо, какъ и я, что Джіорджіоне нарисовалъ этотъ портретъ для меня, а не для какого-нибудь стараго генуэзца. И онъ очень похожъ, до молчанія смерти похожъ, не опущено даже болѣзненное чувство въ глазахъ, чувство, которое было вызвано больше воображеніемъ, чѣмъ пережитыми страданіями и которое было очень трудно нарисовать. Весь портретъ точно вздохомъ перенесенъ на полотно. Человѣкъ въ черномъ плащѣ тоже хорошо нарисованъ, и хитро-сентиментальныя губы очень похожи, совсѣмъ какъ живыя, точно собираются рассказать исторію... Это исторія о рыцарѣ, который хотѣлъ воскресить свою возлюбленную поцѣлуемъ, и когда свѣча погасла...

II. Луккскія воды.

КАРЛУ ИММЕРМАНУ,

поэту, посвящаетъ эти страницы въ знакъ радостнѣйшаго почтенія

Авторъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ ту минуту, какъ я вошелъ въ комнату къ Матильдѣ, она только-что застегнула послѣднюю пуговицу зеленой амазонки и собиралась надѣть шляпку съ бѣлыми перьями. Увидѣвъ меня, она быстро отбросила шляпку и со своими развѣвающимися золотыми кудрями бросилась ко мнѣ навстрѣчу.

— Докторъ неба и земли!—воскликнула она и по старой привычкѣ схватила меня за оба уха и поцѣловала съ самой забавной сердечностью.—Какъ поживаете, безумнѣйшій изъ смертныхъ? Какъ я счастлива, что снова вижу васъ! Потому что никогда не найду я во всемъ этомъ мѣрѣ чело-вѣка болѣе помѣшаннаго. Дураковъ и глупцовъ достаточно, и имъ часто оказываютъ честь принимать ихъ за помѣшан-ныхъ, но истинное помѣшательство такъ же рѣдко, какъ истинная мудрость; оно, можетъ-быть, ничто иное, какъ мудрость, которая съ досады, что она все знаетъ, знаетъ всѣ гнусности этого мѣра, принимаетъ мудрое рѣшеніе помѣшаться. Жители востока умный народъ, они чтутъ сумасшедшаго точно такъ же, какъ пророка, а мы, напротивъ, принимаемъ каждаго пророка за сумасшедшаго.

— Но, миледи, почему вы мнѣ не написали?

— Увѣряю васъ, докторъ, я написала вамъ длинное письмо и поставила на адресъ: «Отдать въ Новомъ Бед-ламѣ». Но такъ какъ васъ, вопреки всякому ожиданію,

тамъ не оказалось, то письмо отправили въ Санъ-Люце, а такъ какъ и тамъ васъ не нашли, оно было послано въ другое подобное же заведеніе и такимъ образомъ обошло всѣ дома умалишенныхъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, послѣ чего мнѣ его вернули съ отмѣткой, что джентльменъ, обозначенный на адресѣ, еще не засаженъ. И дѣйствительно, какъ это вы устроили, что остаетесь до сихъ поръ на свободѣ.

— Устроилъ искусно, миледи. Повсюду, гдѣ я ни проѣзжалъ, я умѣлъ украдкой пробираться мимо дома умалишенныхъ; надѣюсь, что это мнѣ удастся и въ Итали.

— О, другъ, здѣсь вы въ полной безопасности, потому что, во-первыхъ, вблизи нѣтъ ни одного такого дома, а во-вторыхъ—здѣсь мы полные господа.

— Мы, миледи? Вы, стало-быть, и себя причисляете къ нашимъ? Позвольте же мнѣ напечатлѣть на вашемъ лбу братскій поцѣлуй.

— Ахъ, я хочу сказать, мы, пріѣхавшіе на воды, и между ними я еще самая здравомыслящая; судя по этому, вы можете легко составить себѣ понятіе о самыхъ помѣшанныхъ, особенно Юліи Максфильдъ, которая постоянно утверждаетъ, что зеленые глаза обозначаютъ весну души. Затѣмъ у насъ есть еще двѣ молодыя красавицы...

— Конечно, англійскія красавицы, миледи?

— Докторъ, что означаетъ этотъ насмѣшливый тонъ? Желто-жирныя, макаронныя лица въ Итали ужъ не пришлись ли вамъ по вкусу такъ, что вы утратили способность понимать британскія...

— Плюмпуддинги съ коринковыми глазами, ростбифныя груди, украшенныя въ видѣ фестоновъ бѣлыми полосами хрѣна, гордые пастеты?..

— Было время, докторъ, когда вы приходили въ восторгъ каждый разъ, какъ красавица англичанка?..

— Да, это было въ то время! Я еще и теперь не прочь поклоняться вашимъ соотечественницамъ: онѣ прекрасны, какъ солнце, но солнце изъ льда; онѣ бѣлы, какъ мраморъ, но и какъ мраморъ холодны; на ихъ холодныхъ сердцахъ замерзаютъ бѣдные...

— Ахъ, я знаю одного, который не замерзъ тамъ и перепрыгнувъ, свѣжій и здоровый, чрезъ море, и это былъ одинъ великій нѣмецкій, дерзкій...

— Онъ, по крайней мѣрѣ, такъ сильно простудился на

британскихъ морозныхъ сердцахъ, что до сихъ поръ еще страдаетъ насморкомъ.

Миледи, повидимому, укололъ этотъ отвѣтъ. Она схватила хлысть, лежавшій между страницами какого-то романа въ видѣ закладки, хлестнула имъ по ушамъ своей бѣлой охотничьей собаки, тихо заворчавшей, поспѣшно подняла свою шляпку съ полу, быстро надѣла ее на кудрявую головку, самодовольно взглянула раза два въ зеркало и гордо сказала: «Я еще хороша!» Но вдругъ, точно по ней пробѣжала трепеть смутной скорби, она остановилась въ задумчивости, медленно стащила съ руки бѣлую перчатку, протянула мнѣ руку и съ быстротой стрѣлы угадавъ мои мысли, сказала: «Не правда ли, эта рука уже не такъ красива, какъ въ Рамсетъ? Матильда за это время много выстрадала...»

Любезный читатель, въ колоколѣ рѣдко можно замѣтить, гдѣ образовалась трещина, и только по тону замѣчаешь ее. Если бы ты слышалъ звукъ голоса, какимъ были произнесены эти слова, то сейчасъ бы узналъ, что сердце миледи—колоколъ изъ лучшаго металла, но что скрытая трещина странно заглушаетъ его самые веселые тоны и какъ бы одѣваетъ ихъ тайной печалью. Но я люблю подобные колокола, они всегда находятъ отголосокъ въ моей собственной груди. Я поцѣловалъ руку миледи почти задушевно, чѣмъ въ былое время, хотя она уже была не такъ цвѣтуща, и нѣсколько жилоекъ, выступившихъ слишкомъ голубымъ цвѣтомъ, тоже, повидимому, говорили мнѣ: «Матильда за это время много выстрадала».

Ея глазъ смотрѣлъ на меня, какъ грустная одинокая звѣзда на осеннемъ небѣ и мягко и сердечно сказала она: «Вы, повидимому, меньше любите меня, докторъ, потому что только съ чувствомъ состраданія упала только что ваша слеза на мою руку—почти какъ милостыня».

— Почему вы такъ мизерно истолковываете нѣмой языкъ моихъ словъ? Я пари держу, что бѣлая собака, ласкающаяся къ вамъ, въ настоящую минуту понимаетъ меня лучше: она смотритъ на меня, и потомъ опять на васъ, и повидимому удивляется, что люди, эти гордые властители міра, въ дунѣ такъ глубоко жалки. Ахъ, миледи, только родственная скорбь извлекаетъ у насъ слезы, и плачетъ каждый собственно о самомъ себѣ.

— Довольно, довольно, докторъ. Хорошо, по крайней мѣрѣ, то, что мы съ вами современники и нашли другъ

друга со своими глупыми слезами въ одномъ и томъ же уголкѣ земли. Большое было бы несчастіе, если бы вы жили двумя-тремя столѣтіями раньше, какъ это случилось съ моимъ другомъ Мигуэлемъ Сервантесомъ Сааведра, или родились бы столѣтіемъ позже, какъ это было съ другимъ близкимъ другомъ моимъ, котораго имени я даже не знаю, именно потому, что онъ получить его только при своемъ рожденіи въ 1900 году!.. Расскажите мнѣ, однако, какъ вы жили съ тѣхъ поръ, какъ мы не видѣлись?

— Я занимался своимъ обыкновеннымъ дѣломъ, миледи: все катилъ и катилъ большой камень, и чуть я его дока- тывалъ до половины горы, онъ вдругъ снова катился внизъ, и я опять долженъ былъ подталкивать и подталкивать его вверхъ. И эта работа будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока я самъ улягусь подъ большимъ камнемъ, и господинъ каменщикъ напишетъ на немъ большими буквами: здѣсь покоится въ Бозѣ...

— Бога ради, докторъ, перестаньте, не будьте меланхо- личны; смѣйтесь, или я...

— Нѣтъ, не печочите; я лучше самъ буду смѣяться.

— Ну, вотъ и прекрасно. Вы еще мнѣ нравитесь точно такъ же, какъ и въ Рамсетѣ, гдѣ мы въ первый разъ сблизились...—и наконецъ, еще больше, чѣмъ сблизились.

— Да я буду веселъ. Это хорошо, что мы снова свидѣ- лись, и великій нѣмецкій... снова доставить себѣ удоволь- ствіе рисковать у васъ своею жизнью.

Глаза миледи засмѣялись, какъ солнечный свѣтъ послѣ легкаго дождя. Ея хорошее настроеніе снова заблестѣло, когда вошелъ Джонъ, и съ самымъ тупымъ лакейскимъ па- ёсомъ доложилъ о приходѣ его превосходительства, мар- киза Христофора ди-Гумнелино.

— Милости просимъ. Вы, докторъ, сейчасъ познакоми- тесь съ однимъ изъ перовъ нашего сумасшедшаго царства. Не смущайтесь его наружностью, особенно его носомъ. Этотъ человекъ обладаетъ превосходными свойствами, напр., большимъ количествомъ денегъ, здравымъ разсудкомъ, жаждой воспринимать всѣ глупости нашего времени. При этомъ онъ влюбленъ въ мою зеленоглазую подругу, Юлію Мак- фильдъ, и называетъ ее своею Юліей, а себя—ея Ромео, и декламируетъ, и вздыхаетъ... А лордъ Макфильдъ, кузень, которому Юлія довѣрена ея мужемъ—неусыпный аргусъ...

Я уже хотѣлъ замѣтить, что Аргусъ сторожилъ корову, когда дверь широко раскрылась, и къ моему величайшему

удивленію ввалился мой старый другъ, банкиръ Христіанъ Гумпель со своей зажиточной улыбкой и благословеннымъ животомъ. Послѣ того, какъ его лоснящіяся, широкія губы достаточно вытерлись объ руку миледи и выпустили изъ себя обычные вопросы о здоровьѣ, онъ узналъ также меня— и друзья кинулись другъ другу въ объятія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Предостереженіе Матильды, чтобы я не смущался носомъ этого человѣка, было достаточно основательно, и онъ дѣйствительно чуть-чуть не выкололъ мнѣ глазъ. Я не хочу сказать ничего дурного объ этомъ носѣ, напротивъ, онъ былъ самой благородной формы, и именно онъ давалъ моему другу право прибавить къ своей персонѣ, по крайней мѣрѣ, титулъ маркиза. Дѣйствительно, только по носу его было видно, что онъ принадлежалъ къ настоящему дворянству, что онъ происходилъ отъ самой древней фамиліи міра... Съ тѣхъ поръ, правда, фамилія эта нѣсколько опустилась, такъ что со времени Карла Великаго принуждена поддерживать свое существованіе большею частью торговлей старыми панталонами и билетами гамбургской лотереи, нисколько, однако, не ослабляя своей родовой гордости и не отказываясь отъ надежды когда-нибудь снова возвратить себѣ свои старыя имущества, или, по крайней мѣрѣ, получить достаточное эмигрантское вознагражденіе, если исполнится обѣщаніе, которымъ ее водятъ за носъ уже цѣлыхъ два тысячелѣтія. Не сдѣлались ли ея носы такими длинными именно вслѣдствіе того, что ее такъ долго водятъ за носъ? Или, можетъ-быть, эти длинные носы нѣчто въ родѣ мундира, по которому служащіе въ этой арміи узнаются ихъ полководцами даже тогда, когда они оттуда дезертируютъ? Маркизь Гумпелино былъ одинъ изъ такихъ дезертировъ, онъ продолжалъ носить свой мундиръ, и мундиръ этотъ былъ очень блестящъ, усѣянъ крестиками и звѣздочками изъ рубиновъ, украшенъ орденомъ Краснаго Орла въ миниатюрѣ и другими орденами.

— Видите ли, — сказала миледи: — это мой любимый носъ; я не знаю на этой землѣ цвѣтка прекраснѣе его.

— Этотъ цвѣтокъ, — замѣтилъ, ухмыляясь, Гумпелино: — я не могу положить на вашу прекрасную грудь безъ того, чтобы не присоединить къ нему и мое цвѣтущее лицо, а это приложеніе, можетъ-быть, оказалось бы для васъ неудобнымъ въ сегодняшнюю жару; но я приношу вамъ не

менѣе драгоцѣнный цвѣтокъ, въ этихъ мѣстахъ очень рѣдкій...

При этихъ словахъ маркизъ развернулъ принесенный имъ свертокъ изъ мягкой бумаги и съ медленной заботливостью вынулъ оттуда удивительно красивый тюльпанъ.

Едва миледи увидѣла этотъ цвѣтокъ, какъ закричала во все горло: «Убийство, убийство! Вы умертвить меня хотите, прочь, прочь, съ этой ужасной вещью!..» При этомъ она дѣлала такія движенія, точно собирались дѣйствительно убить ее: закрывала глаза руками, бѣшено бѣгала по комнатѣ, проклинала носъ и тюльпанъ Гумпелино, звонила, топала ногами, била собаку хлыстомъ такъ, что та громко лаяла, и когда Джонъ вошелъ, она, какъ Кинъ въ «Королѣ Ричардѣ», крикнула: «Коня, коня! царство за коня!» и какъ вихрь вылетѣла изъ комнаты.

— Курьезная женщина! — произнесъ Гумпелино, неподвижный отъ изумленія, все еще держа въ рукѣ тюльпанъ; вслѣдствіе чего, онъ походилъ на одинъ изъ тѣхъ идоловъ, которые изображаются на древнихъ индійскихъ памятникахъ съ цвѣтами лотоса въ рукахъ; я же зналъ эту барыню и ея идиосинкразію гораздо лучше, меня выше всякой мѣры забавляло это зрѣлище, и я раскрылъ окно и крикнулъ: «Миледи, что мнѣ подумать о васъ? Что это такое: разумъ, приличіе, въ особенности же—любовь ли это?»

И тутъ со смѣхомъ долетѣлъ ко мнѣ дикій отвѣтъ:

Когда я на конѣ, то поклонусь,
Что безпредѣльно я люблю тебя!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

«Курьезная женщина!»—повторилъ Гумпелино, когда мы отправились съ визитомъ къ его двумъ пріятельницамъ—синьорѣ Летиціи и синьорѣ Франческѣ, съ которыми онъ хотѣлъ меня познакомить. Такъ какъ квартира этихъ барынь была на довольно отдаленной возвышенности, то я тѣмъ признательнѣе оцѣнилъ доброту моего тучнаго друга, который находилъ восхожденіе на гору довольно затруднительнымъ, останавливался на каждомъ холмѣ, чтобы перевести духъ, и воздыхалъ: «О, Иисусе!»

Дома на луккскихъ водахъ помѣщаются или внизу, въ деревнѣ, окруженной высокими горами, или на одной изъ этихъ горъ, недалеко отъ главнаго источника, откуда живописная группа домиковъ глядитъ въ очаровательную до-

лину. Но нѣкоторые изъ нихъ разбѣяны и по одиночкѣ на горныхъ склонахъ, и приходится съ трудомъ избираться вверхъ чрезъ виноградники, кусты миртовъ, лавры, олеандры и другія деревья и растенія—дикій рай! Я никогда не видѣлъ болѣе восхитительной картины, особенно когда смотришь внизъ на деревню съ террасы верхней купальни, гдѣ стоятъ серьезные зеленые кипарисы. Тутъ видишь мостъ, переброшенный чрезъ рѣчку, названіе которой Лима и которая, раздѣляя деревню на двѣ части, ниспадаетъ на обонхъ концахъ равнымъ каскадомъ по скаламъ и производитъ такой шумъ, какъ будто хочетъ рассказывать самыя пріятныя вещи, но не можетъ произнести ни слова вслѣдствіе раздающагося со всѣхъ сторонъ эхо.

Главнѣйшее очарованіе этой долины заключается, конечно, въ томъ обстоятельствѣ, что она не слишкомъ велика и не слишкомъ мала, что душа глядящаго на нее не насильственно расширяется, а напротивъ, равномерно наполняется чудеснымъ зрѣлищемъ, что Апенины всюду не обезображены причудливо готическими возвышенностями, подобно тѣмъ горамъ-кариатурамъ, которыя мы точно такъ же, какъ и карикатуры-людей, встрѣчаемъ въ германскихъ земляхъ, но, напротивъ, своими благородными закругленіями, весело-зелеными формами выражаютъ почти художественную цивилизацію и мелодически звучатъ въ гармоніи съ блѣдно-голубымъ небомъ.

— О, Иисусе! — вздыхалъ Гумпелино въ то время, какъ мы, уже достаточно согрѣтые труднымъ восхожденіемъ и утреннимъ солнцемъ, достигли вышеупомянутой возвышенности, усаженной кипарисами, и глядя внизъ, въ деревню, смотрѣли, какъ наша агличанка-пріятельница, верхомъ на лошади, точно романтической, сказочный образъ, неслась черезъ мостъ и, наконецъ, исчезла, тоже съ быстротою грезы. — О, Иисусе! какал курьезная женщина!—нѣсколько разъ повторилъ маркизь.—Въ обыденной жизни я еще никогда не встрѣчалъ такихъ женщинъ, и только въ комедіяхъ находишь ихъ, и я полагаю, что, напримѣръ, наша Гольцбехеръ хорошо бы сыграла такую роль. У нея есть кое-что русалочное, какъ вы полагаете?

— Я полагаю, что вы правы, Гумпелино. Когда я вѣхалъ съ ней изъ Лондона въ Роттердамъ, то капитанъ корабля выразился, что она похожа на посыпанную перцемъ розу. Въ благодарность за это сравненіе она, заставши его однажды въ каютѣ заснувшимъ, высыпала на его голову

дѣлюю перечницу; и послѣ того нельзя было подойти къ этому человѣку безъ того, чтобы не чихнуть.

— Курьезная женщина!— снова повторилъ Гумпелино:— нѣжная, какъ шелкъ, и такая же плотная, и сидитъ верхомъ не хуже меня. Лишь бы только она не разстроила въ конецъ своего здоровья этой верховой скачкой! Видѣли ли вы того длиннаго, тощаго англичанина, который на своей тощей клячѣ несли за нею, какъ галопирующая чахотка? Этотъ народъ ѣздитъ верхомъ слишкомъ страстно, отдаетъ всѣ свои деньги за лошадей. Конь леди Максфильдъ стоитъ 200 золотыхъ живыхъ луидоровъ... Ахъ, а луидоры поднялись такъ теперь высоко, и съ каждымъ днемъ еще все выше и выше поднимаются!

— Да, луидоры подымутся, въ концѣ концовъ, такъ, что бѣдный ученый, въ родѣ нашего брата, уже не въ состояніи будетъ достать ихъ.

— Вы себѣ и представить не можете, господинъ докторъ, сколько денегъ приходится мнѣ тратить и при этомъ я еще ограничиваюсь единственнымъ лакеемъ, а когда прѣзжаю въ Римъ, то нанимаю еще священника для моей домашней капеллы. А вотъ идетъ и мой Гіацинтъ.

Маленькая фигурка, показавшаяся въ эту минуту при поворотѣ холма, заслуживала скорѣе названіе огненной лилии. Передо мною былъ широкій, развѣвующійся кафтанъ ярко-пурпурнаго цвѣта, весь покрытый золотистыми позументами, блестящими на солнцѣ, и въ этомъ пурпурномъ великолѣпнн потѣла головенка, показавшаяся мнѣ хорошо знакомой. И дѣйствительно, когда я ближе всмотрѣлся въ блѣднооато озабоченное личико и дѣловито мигающіе глазенки, то узналъ человѣка, котораго ожидалъ бы скорѣе встрѣтить на горѣ Синаѣ, чѣмъ на Апенинахъ, и это былъ никто иной, какъ господинъ Гиршъ, гамбургскій гражданинъ, человѣкъ, который не только былъ всегда очень честнымъ лотерейнымъ коллекторомъ, но и понималъ толкъ въ мозоляхъ и драгоценныхъ камняхъ, такъ что онъ не только умѣлъ отличать одни отъ другихъ, но и обладалъ способностью весьма искусно вырѣзывать мозоли и съ большой точностью оцѣнивать драгоценные камни.

— Я надѣюсь, — сказалъ онъ, подойдя ближе: — что вы еще не забыли меня, хотя я уже не зовусь больше Гиршемъ. Мое имя теперь Гіацинтъ, и я камердинеръ г. Гумпеля.

— Гіацинтъ!— воскликнулъ баринъ, пораженный и встревоженный нескромностью лакея.

— Будьте спокойны, геръ Гумпли, или синьоръ Гумпелино, или синьоръ маркизь, или ваше превосходительство. Намъ нечего стѣсняться передъ этимъ господиномъ, онъ знаетъ меня, покупалъ у меня не разъ билеты, и я могу даже поклясться, что за послѣднюю покупку онъ еще остался мнѣ долженъ 7 марокъ 9 шиллинговъ... Я дѣйствительно очень радъ, докторъ, что снова вижу васъ. Вы тоже пріѣхали сюда для развлечения и удовольствія? Иначе, что тутъ дѣлать въ эту жару, и когда притомъ приходится постоянно всходить на горы и спускаться внизъ. По вечерамъ я такъ устаю, какъ будто пробѣжалъ двадцать разъ отъ Альтонскихъ воротъ до Каменныхъ, не заработавъ при этомъ ни гроша.

— О, Иисусе! — воскликнулъ маркизь: — молчи, молчи, я найму себѣ другого лакея.

— Зачѣмъ молчать! — возразилъ Гиршъ-Гиадинтъ: — вѣдь мнѣ очень пріятно, что я хоть разъ могу снова поговорить, какъ слѣдуетъ, по-нѣмецки съ человѣкомъ, котораго я уже видѣлъ въ Гамбургѣ, а чуть я подумаю о Гамбургѣ...

Здѣсь, при воспоминаніи о маленькой, усыновившей его отчизнѣ, глазенки его увлажились, и онъ со вздохомъ продолжалъ:

— Что такое человѣкъ! Прохаживаешься ты себѣ въ пріятномъ расположеніи духа предъ Альтонскими воротами, на Гамбургской горѣ, и осматриваешь тамъ достопримѣчательности: львовъ, птицъ, попугаевъ, обезьянъ, превосходныхъ людей, и катаешься на каруселяхъ, или электризуешься, и думаешь: а сколько еще я найду пріятнаго въ мѣстности, отстоящей отъ Гамбурга на 200 миль, въ сторонѣ, гдѣ цвѣтутъ померанцы и апельсины, въ Италиі! Что такое человѣкъ! Когда онъ передъ Альтонскими воротами, то ему хотѣлось бы быть въ Италиі, а пріѣхалъ онъ въ Италию, опять тянетъ его къ Альтонскимъ воротамъ! Ахъ, стой я теперь снова тамъ, и будь предо мною опять башня Михаила, и на ней часы съ большими золотыми цифрами на циферблатѣ, тѣми большими золотыми цифрами, на которыя я такъ часто глядѣлъ въ полуденную пору, когда онѣ такъ привѣтливо блестяли на солнцѣ—я бы такъ часто цѣловалъ ихъ! Ахъ, я теперь въ Италиі, гдѣ растутъ померанцы и апельсины, но когда я вижу, какъ растутъ померанцы и апельсины, то думаю о Штейнвегѣ, въ Гамбургѣ, гдѣ они обыкновенно большими кучами лежатъ на лоткахъ, и гдѣ ими можно наслаждаться совершенно спо-

койно, не имѣя надобности для этого подыматься на столько опасныхъ горъ и выносить такую жару. Божусь вамъ, синьоръ маркизь, что не будь это ради чести и ради образованія, я бы не послѣдовалъ сюда за вами. Но въ этомъ надо отдать вамъ справедливость: служить у васъ большая честь, и вмѣстѣ получаешь хорошее образованіе.

— Гіацинтъ, — произнесъ Гумпелино, нѣсколько смягченный этой лестью:—Гіацинтъ, ступай теперь...

— Знаю, знаю...

— Ничего ты не знаешь, говорю тебѣ, Гіацинтъ.

— А я говорю вамъ, геръ Гумпель, что знаю. Ваше превосходительство посылаете меня теперь къ леди Максфильдъ. Мнѣ не зачѣмъ объяснять. Я знаю ваши мысли, даже тѣ, которыя у насъ еще не появлялись и, можетъ-быть, никогда не появятся. Такого слугу, какъ я, найти не такъ легко, и я дѣлаю это только ради чести и ради образованія. И дѣйствительно, служить у васъ честь, причѣмъ и получаешь образованіе...—При этомъ словѣ онъ высморкался въ очень бѣлый носовой платокъ.

— Гіацинтъ, — сказалъ маркизь:—ты отправишься теперь къ леди Юліи Максфильдъ, моей Юліи, и отнесешь ей этотъ тюльпанъ... осторожнѣе съ нимъ, потому что онъ стоитъ 4 паоли... и скажешь ей...

— Ужъ знаю...

— Ты ничего не знаешь. Скажи ей: тюльпанъ между двѣтами...

— Ужъ знаю, вы хотите ей сказать что-нибудь посредствомъ этого цвѣтка. Я самъ въ моей лотерейной конторѣ дѣлалъ для многихъ билетовъ разные девизы.

— Говорю я тебѣ, Гіацинтъ, мнѣ не нужны никакіе твои девизы. Отнеси этотъ цвѣтокъ къ леди Максфильдъ и скажи ей:

Тюльпанъ между цвѣтами тожъ,
Что межъ сыровъ страхино;
Но больше сыра и цвѣтовъ
Тебя чтитъ Гумпелино!

— Ей-Богу, это очень хорошо!—воскликнулъ Гіацинтъ. — Ужъ вы не мигайте мнѣ, синьоръ маркизь; что вы знаете, то знаю и я, и что знаю я, то знаете вы. До свиданья, докторъ; о пустячномъ долгѣ я вамъ не напоминаю.—Съ этими словами онъ сталъ снова спускаться съ холма и без-

прерывно бормоталъ: — «Гумпелино-страхино, страхино-Гумпелино».

— Это вѣрный человѣкъ, — сказалъ маркизь: — иначе я давно бы отпустилъ его за отсутствіе въ немъ этикета. Для васъ-то это все равно. Вы понимаете меня. Какъ вамъ нравится его ливрея? На ней на 40 талеровъ позумента больше, чѣмъ на ливреѣ лакеевъ Ротшильда. Я ощущаю въ душѣ большое удовольствіе, видя, какъ онъ у меня совершенствуется. По временамъ я самъ даю ему уроки по образованію, часто говорю ему, что такое деньги. Деньги круглы и укатываются, но образованіе остается. Да, докторъ, если бы мнѣ, чего Боже сохрани, пришлось потерять всѣ свои деньги, то я все-таки останусь большимъ знатокомъ искусства, знатокомъ музыки, живописи и поэзіи. Завяжите вы мнѣ глаза и поведите по флорентинской галереѣ, и предъ какой бы картиной ни поставили бы меня, я назову вамъ живописца, нарисовавшаго ее, или по крайней мѣрѣ школу, къ которой принадлежитъ этотъ живописецъ. Музыка? Заткните мнѣ уши, и я все-таки буду слышать каждую фальшивую ноту. Поэзія? Я знаю всѣхъ актрисъ Германіи, и поэтовъ знаю наизусть. А ужъ что касается природы! Я ѣхалъ 200—300 миль, день и ночь, чтобы только увидѣть въ Шотландіи одну единственную гору. Но Италія выше всего. Какъ вамъ нравится здѣсь эта мѣстность? Какое созданіе! Взгляните на деревья, на горы, на небо, на воду. Вонъ тамъ, внизу, вѣдь правда, все точно нарисовано! Видѣли ли вы на какой-нибудь сценѣ что-нибудь красивѣе? Тутъ становишься, такъ сказать, поэтомъ. Въ голову сразу приходятъ стихи, и самъ не знаешь, откуда:

«Въ молчаніи подъ сумерекъ покровомъ,
Почіетъ доль, замолкла пѣснь лѣсовъ,
И только здѣсь, межъ дрыхлыми стѣнами,
Меланхолическое трещаніе сверчковъ».

Эти возвышенныя слова маркизь продекламировалъ съ патетическимъ умиленіемъ, глядя, какъ просвѣтленный, въ смѣющуюся, облитую утреннимъ свѣтомъ долину.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Когда я однажды, въ прекрасный весенній день, гулялъ подъ берлинскими Липами, предо мною шли двѣ женщины, долго молчавшія, и наконецъ, одна изъ нихъ сказала съ томнымъ вздохомъ: «Ахъ, эти зеленыя деревья!» На что

другая, молодая дѣвушка, спросила съ нѣкоторымъ изумленіемъ: «Мама, что вамъ до зеленыхъ деревьевъ?»

Я не могу не замѣтить, что обѣ онѣ были не въ шелковыхъ платьяхъ, хотя отнюдь не принадлежали къ черни, какъ и вообще въ Берлинѣ черни нѣтъ развѣ только въ высшихъ сословіяхъ. Но что касается того наивнаго вопроса, то онъ никогда не выходитъ у меня изъ памяти. Всюду, гдѣ я встрѣчаю фальшивое восхищеніе природой и тому подобную зеленую ложь, вопросъ этотъ забавно смѣется у меня въ душѣ. Точно такъ же заговорилъ онъ во мнѣ и при декламациі маркиза, и подмѣтивъ насмѣшку на моихъ губахъ, маркизь сердито вскричалъ: «Не мѣшайте мнѣ, у васъ нѣтъ никакого чутья чистой естественности... Вы разорванный человѣкъ, разорванное сердце, вы, такъ сказать, Байроны!»

Любезный читатель, можетъ-быть, ты принадлежишь къ тѣмъ набожнымъ птицамъ, которыя вторятъ пѣснѣ о байроповской разорванности, какую мнѣ насвистываютъ уже десять лѣтъ на всякіе тоны и какая, какъ ты только-что слышала, нашла себѣ отголосокъ даже въ черепѣ маркиза. Ахъ, любезный читатель, если ты хочешь сѣтовать о той разорванности, то сѣлуй лучше, что самый міръ разорванъ на двое, ибо такъ какъ сердце поэта есть средоточіе міра, то въ теперешнее время ему, конечно, нельзя не быть разорваннымъ. Кто хвалится, что сердце у него осталось цѣлое, тотъ признается только, что у него прозаическое, куда-то далеко въ уголь запрятанное сердце. По моему же сердцу прошла великая міровая трещина, и именно поэтому-то я знаю, что великіе боги удостоили меня своей высокой благодати и сочли достойнымъ поэтическаго мученичества.

Нѣкогда, въ древности и средніе вѣка, міръ былъ цѣлостенъ; несмотря на виѣшнія войны, все-таки существовало міровое единство, и были цѣльные поэты. Мы будемъ чтить этихъ поэтовъ и наслаждаться ими; но каждое подражаніе ихъ цѣлостности есть ложь, ложь, которую видитъ каждый здоровый глазъ, которая поэтому не можетъ избѣжать насмѣшки. Недавно я добылъ себѣ съ большимъ трудомъ въ Берлинѣ стихотвореніе одного изъ ихъ цѣлостныхъ писателей, особенно сильно сѣтовавшаго о моей байроповской разорванности, и отъ его фальшивыхъ зеленыхъ красокъ, отъ вѣжныхъ изліаній его во хвалу природѣ, въ которыхъ мнѣ слышался запахъ какъ бы свѣжаго сѣна; мое бѣдное сердце, уже и безъ того достаточно разорванное, чуть-чуть

не лопнуло отъ смѣха, и я невольно воскликнулъ: «Любезный мой интендантскій совѣтникъ, Вильгельмъ Нейманъ, что вамъ до зеленыхъ деревьевъ!»

— Вы разорванный человѣкъ, такъ сказать, Байронъ,— повторилъ маркизъ, продолжая кидать такіе же просвѣтленные взоры внизъ, въ долину, и по временамъ щелкая языкомъ отъ благоговѣйнаго изумленія:—Господи, Господи, все какъ нарисовано!

Бѣдный Байронъ! Подобное спокойное наслажденіе не было доступно тебѣ. Неужели сердце твое было испорчено въ такой степени, что природу ты могъ только видѣть, могъ даже изображать, но не могъ находить въ ней блаженство? Или, быть-можетъ, правъ былъ Шелли, когда сказалъ, что ты подстерегъ природу въ ея цѣломудренной наготѣ и за это, какъ Актеонъ, былъ разорванъ ея собаками!

Но довольно объ этомъ, мы подходимъ къ болѣе приятному предмету, именно къ дому синьоры Летиціи и Франчески, маленькому бѣлому зданію, которое какъ будто еще въ утреннемъ неглиже. Спереди у него два большихъ круглыхъ окошка, предъ которыми высоко поднявшійся виноградъ спустилъ свои длинныя лозы такъ, что кажется, что роскошныя зеленые локоны опустились на глаза дома. Уже въ дверяхъ несутся къ нимъ навстрѣчу пестрые звуки, дрожація трели, аккорды гитары и смѣхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Синьора Летиція, пятидесятилѣтняя юная роза, лежала въ постели и напѣвала и болтала со своими двумя ухаживателями, изъ которыхъ одинъ сидѣлъ предъ ней на низенькой скамейкѣ, а другой, развалившись въ большомъ креслѣ, игралъ на гитарѣ. Изъ сосѣдней комнаты тоже доносились по временамъ отрывки милой пѣсни, или еще болѣе чуднаго, милого смѣха. Маркизъ, съ той дешевой ироніей, которая иногда нападала на него, представилъ меня синьорѣ и обоимъ мужчинамъ и замѣтилъ при этомъ, что я тотъ самый Иоганъ-Генрихъ Гейне, докторъ правъ, который въ настоящее время знаменитъ въ нѣмецкой юридической литературѣ. Къ несчастію, одинъ изъ мужчинъ былъ болонскій профессоръ и притомъ юристъ, хотя его округленный, тучный животъ указывалъ, что онъ долженъ скорѣе занимать должность по сферической тригонометрии. Нѣсколько смущенный, я замѣтилъ, что пишу не подъ собственнымъ именемъ, а подъ именемъ Ярке, и это я сказалъ изъ скромности, такъ

какъ мнѣ случайно вспомнилось имя одного изъ самыхъ плачевныхъ насѣкомыхъ нашей юридической литературы. Правда, болонецъ выразилъ сожалѣніе, что еще ни разу не слышалъ этого знаменитаго имени—какъ, вѣроятно, не слышалъ и ты, любезный читатель,—но онъ не сомнѣвался, что оно скоро распространить свой блескъ по всей землѣ. При этомъ онъ откинулся къ спинкѣ кресла, взявъ нѣсколько аккордовъ на гитарѣ и пропѣлъ изъ оперы «Ассуръ»:

«О могущественная Брама,
Ахъ, услышь ты этотъ лепетъ
Изъ души невинно чистой—
Этотъ лепетъ, этотъ лепетъ!»

Мило дразнящимъ соловьинымъ эхо прозвучала въ соседней комнатѣ такая же мелодія... А между тѣмъ синьора Летиція напѣвала самымъ тонкимъ дискантомъ:

«Для тебя лишь горять эти щеки,
Для тебя лишь стучить этотъ пульсъ,
И въ отрадномъ любовномъ волненіи
Сердце полно тобою однимъ!»

И къ этому самымъ жирнымъ прозаическимъ голосомъ она прибавила:

— Бартоло, подай мнѣ плевательницу!

Тутъ со своей низенькой скамейки, на своихъ тощихъ, деревянныхъ ногахъ поднялся Бартоло и почтительно подалъ не совсѣмъ чистую плевательницу изъ голубого фарфора.

Этотъ второй ухаживатель, какъ шепнулъ мнѣ по-нѣмецки Гумпелино, былъ очень знаменитый писатель, пѣсни котораго, хотя онъ сочинилъ ихъ уже двадцать лѣтъ назадъ, еще теперь звучать по всей Италіи, и тѣмъ чудеснымъ любовнымъ огнемъ, который горитъ въ нихъ, опьяняютъ стараго и молодого; а самъ онъ въ настоящее время—бѣдный, состарѣвшійся человекъ, съ блѣдными глазами на увядшемъ лицѣ, тощими, бѣлыми волосиками на трясущейся головѣ и холодной бѣдностью въ печальномъ сердцѣ. Такой бѣдный, старый поэтъ, со своей голой деревянностью, похожъ на ту виноградную лозу, которая стоитъ зимой на холодной горѣ, сухая и лишенная вѣтвей, дрожащая отъ вѣтра и покрытая снѣгомъ въ то самое время, когда сладкій сокъ, нѣкогда вытекшій изъ нея, согрѣваетъ въ самыхъ отдаленныхъ странахъ столько бражническихъ сердецъ и вызываетъ изъ нихъ хвалу ей. Какъ знать, можетъ-быть, когда типографскій станокъ, эти тиски мысли, выдавить и меня, а мой старый выжатыи духъ можно будетъ найти только въ издательскомъ.

погребѣ Гофмана и Кампе, тогда, быть можетъ, самъ я буду сидѣть, такой же тощій и жалкій, какъ бѣдный Бартоло, на скамейкѣ около постели какой-нибудь старой инимораты и по ея приказанію подавать ей плевательницу.

Синьора Летиція извилилась предо мною, что она лежитъ въ постели и притомъ на животѣ, ибо нарывъ ниже поясицы, выскочившій отъ слишкомъ большого употребленія винныхъ ягодъ, мѣшаетъ ей, какъ прилично порядочной женщинѣ, лежать на спинѣ. Она дѣйствительно лежала, какъ нѣчто въ родѣ сфинкса; высоко завитую голову она подпирала обѣими руками, а между ними плавала ея грудь, какъ красное море.

— Вы нѣмецъ?—спросила она меня.

— Я слишкомъ честенъ, синьора, чтобы отрицать это,— отвѣчала моя милость.

— Ахъ, нѣмцы довольно честны, — со вздохомъ сказала она:—но что проку въ тѣхъ честныхъ людяхъ, которые насъ грабятъ! Вѣдь они совсѣмъ губятъ Италію! Мои лучшіе друзья сидятъ въ миланскихъ тюрьмахъ; только рабство...

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ маркизь:—не обвиняйте нѣмцевъ; мы становимся покоренными покорителями, побѣжденными побѣдителями, какъ только пріѣзжаемъ въ Италію; и видѣть васъ, синьора, видѣть васъ и падать къ вашимъ ногамъ—одно и то же.

И разложивъ на полу свой желтый шелковый платокъ, и ставъ на него на колѣни, онъ прибавилъ:—Здѣсь склоняю я колѣни и поклоняюсь вамъ отъ имени всей Германіи.

— Христофоро ди-Гумпелино,—съ томнымъ вздохомъ промолвила синьора, глубоко тронутая:—встаньте и обнимите меня.

Но чтобы нѣжный пастушокъ не испортилъ завивки и румянъ его возлюбленной, она поцѣловала его не въ пламенные губы, а въ нылающій лобъ, такъ что лицо его опустилось ниже, и руль этого лица—носъ, поплылъ по Красному морю.

— Синьоръ Бартоло!—вскликнулъ я:—позвольте и мнѣ воспользоваться плевательницей.

Синьоръ Бартоло печально улыбнулся, но не произнесъ ни одного слова, несмотря на то, что онъ послѣ Меццо-фанти считался въ Болонѣ самымъ лучшимъ преподавателемъ языковъ. Мы говоримъ неохотно, когда говорить—наша профессія. Онъ служилъ синьорѣ, какъ нѣмой рыцарь, и только по временамъ приходилось ему по ея приказанію деклами-

ровать стихотвореніе, которое двадцать пять лѣтъ назадъ онъ бросилъ ей на сцену, когда она въ первый разъ выступила въ Болоньѣ въ роли Аріадны. Въ ту пору, вѣроятно, и онъ самъ былъ густоволосъ и пылокъ, быть-можетъ, похожъ на самого Діониса, и его Летиція-Аріадна, безъ сомнѣнія, вакхически бросилась въ его цвѣтушія объятія... Эвоэ, Вакхъ! Въ то время онъ сочинялъ еще много любовныхъ стихотвореній, которыя, какъ выше упомянуто, продолжали сохраняться въ итальянской литературѣ, между тѣмъ какъ самъ поэтъ и его возлюбленная давно сдѣлались макулатурой.

Уже двадцать пять лѣтъ оставалась непоколебимой его вѣрность, и я полагаю, что до самаго своего блаженнаго конца онъ будетъ сидѣть на скамеечкѣ и по приказанію декламировать стихи, или подавать плевательницу. Профессоръ юриспруденціи почти столь же долго влачится въ любовныхъ оковахъ синьоры. Онъ ухаживаетъ за нею до сихъ поръ такъ же усердно, какъ ухаживалъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, онъ до сихъ поръ еще безжалостно пропускаетъ свои академическія лекціи, когда она требуетъ, чтобы онъ проводилъ ее туда или сюда, и онъ все еще обремененъ всѣми сервитутами истиннаго *patito*.

Преданная устойчивость этихъ обоихъ обожателей давно разрушившейся красоты есть, можетъ-быть, привычка, можетъ-быть, благоговѣйное почтеніе къ прежнимъ чувствамъ, можетъ-быть, только само чувство, сдѣлавшееся совершенно независимымъ отъ теперешняго состоянія предмета своего прежняго поклоненія и смотрящее на него только глазами воспоминанія. Такъ часто видимъ мы въ католическихъ городахъ стариковъ, преклоняющихъ на улицѣ колѣни предъ изображеніемъ Мадонны, до такой степени уже потускнѣвшимъ и обветшалымъ, что остались лишь немногіе слѣды и черты лица—до такой степени даже, что видишь только углубленіе, въ которомъ стояла картина, и лампу, еще продолжающую висѣть въ немъ. Но старики, такъ набожно стоящіе на колѣняхъ съ четками въ дрожащихъ рукахъ, привыкли дѣлать это съ самыхъ молодыхъ лѣтъ своихъ, и эта привычка продолжаетъ тянуть ихъ въ одинъ и тотъ же часъ на одно и то же мѣсто, они не замѣчаютъ обветшанія милаго образа, да и вѣдь, въ концѣ-концовъ, старость вообще дѣлаетъ людей такими близорукими и слѣпыми, что для нихъ рѣшительно все равно, видимъ или не видимъ предметъ ихъ поклоненія. Тѣ, которые вѣрятъ, не видя; во вся-

комъ случаѣ счастливѣе людей съ здоровыми глазами, которые тотчасъ же замѣчаютъ малѣйшія морщины на лицѣ своихъ мадоннъ. Ничего нѣтъ ужаснѣе такого усматриванія. Нѣкогда я думалъ, правда, что вѣроломство женщинъ самое ужасное дѣло, и чтобы выразиться какъ можно ужаснѣе, назвалъ ихъ змѣями. Но увы, теперь я знаю, что самое ужасное заключается въ томъ, что онѣ не вполнѣ змѣи, ибо змѣи могутъ каждый годъ сбрасывать съ себя старую кожу и въ новой кожѣ обновляться.

Ревновалъ ли одинъ изъ двухъ античныхъ селадоновъ, видя, что маркизъ, или, вѣрнѣе, его носъ плавать такимъ образомъ въ блаженствѣ—этого я не могъ замѣтить. Бартоло сидѣлъ спокойно на своей скамеечкѣ, перекинувъ одну ножонку на другую, и игралъ съ комнатной собачкой синьоры, однимъ изъ тѣхъ красивыхъ животныхъ, родина которыхъ Болонья и которыя поэтому извѣстны у насъ подъ именемъ болонокъ. Профессоръ тоже ненарушимо продолжалъ свое пѣніе, которое по временамъ весело заглушали, пародируя его, милые звуки въ сосѣдней комнатѣ; иногда онъ и самъ прерывалъ свое занятіе и обращался ко мнѣ съ юридическими вопросами. Когда мы не сходились въ своихъ мнѣніяхъ, онъ бралъ поспѣшно аккорды и брэнчалъ аргументами. Я же всегда поддерживалъ мое мнѣніе авторитетомъ моего учителя, великаго Гуго, который очень знаменитъ въ Болоньѣ подъ именемъ Угоне, а также Уголино.

— Великій человекъ!—воскликнулъ профессоръ, и при этомъ забрэнчалъ и запѣлъ:

«Его голоса кроткіе звуки
Въ твоємъ сердцѣ живутъ, не смолкая;
Прежде черпалъ ты въ нихъ злыя муки,
Нынче въ нихъ лишь отрада святая.

Очень почитаютъ также въ Болоньѣ Тибо, котораго итальянцы называютъ Тибальдо; но тамъ знакомы не столько съ сочиненіями этихъ людей, сколько съ ихъ главными воззрѣніями и противоположными этимъ послѣднимъ взглядами. Гансъ и Савиньи тоже, какъ оказалось, извѣстны здѣсь только по имени. Савиньи мой болонскій профессоръ считалъ ученой женщиной.

— Вотъ что!—сказалъ онъ, когда я вывелъ его изъ этого легко простительнаго заблужденія:—такъ въ самомъ дѣлѣ не женщина? Стало-быть, мнѣ сказали неправду. Мнѣ даже говорили, что синьоръ Гансъ однажды на балѣ пригласилъ

эту даму танцовать, получилъ отказъ, и это послужило поводомъ къ литературной враждѣ.

— Вамъ, дѣйствительно, сказали неправду: синьоръ Гансъ никогда не танцуетъ, уже съ той человѣколюбивой цѣлью, чтобы не вызвать землетрясенія. Это приглашеніе танцовать есть, вѣроятно, неправильно истолкованная аллегорія. Историческая школа и философская представлены здѣсь танцорами, и въ такомъ смыслѣ понимается, можетъ-быть, кадрили, составленная изъ Угоне, Тибальдо, Ганса и Савиньи. Можетъ-быть, въ такомъ именно смыслѣ и говорятъ, что синьоръ Угоне, хотя онъ и есть хромой бѣсъ юриспруденціи, выдѣлываетъ, однако, такія же красивыя па, какъ мадамъ Лемьеръ, и что синьоръ Гансъ въ послѣднее время пытался сдѣлать нѣсколько большихъ прыжковъ, благодаря которымъ его признали за танцора Гоге философской школы.

— Синьоръ Гансъ,—поправился профессоръ:—танцуетъ, значить, только аллегорически, такъ сказать, метафорически.

Но вдругъ, вмѣсто того, чтобы продолжать, онъ опять ударилъ по струнамъ гитары и подъ самое бѣшеное бречаніе заплѣлъ, какъ бѣшенный:

«Да, для всѣхъ сердець блаженство—
Это имя дорогое.
Волны-ль моря бурно воютъ,
Небо-ль скрыто въ грозныхъ тучахъ—
Слышенъ все призывъ къ Тарару,
Словно міръ весь преклонился
Передъ именемъ героя».

Что касается господина Гешена, то профессоръ даже не зналъ о его существованіи. Но это имѣло свои естественныя причины, такъ какъ слава великаго Гешена еще не проникла до Болоньи, а достигла только Поджіо, города, отстоящаго отъ Болоньи еще на четыре мили и въ которомъ нашъ ученый пробудетъ для своего удовольствія еще нѣсколько времени. Самъ Геттингенъ извѣстенъ въ Болоньѣ далеко не такъ, какъ можно бы ожидать въ благодарность уже за то, что онъ обыкновенно называетъ себя нѣмецкой Болоньей. Справедливо ли это названіе, я изслѣдовать не стану, но во всякомъ случаѣ, эти оба университета отличаются другъ отъ друга тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что въ Болоньѣ самыя маленькія собаки и самыя большіе ученые, а въ Геттингенѣ, напротивъ, самыя маленькіе ученые и самыя большія собаки.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Когда маркизь Христофоръ ди-Гумпелино извлекъ свой носъ изъ Краснаго моря, какъ нѣкогда царь Фараонъ, лицо его сіяло въ потѣющемъ самоуслажденіи. Глубоко тронутый, даль онъ синьоръ обѣщаніе, что какъ только она будетъ въ состояніи сидѣть, онъ свезетъ ее въ своемъ собственномъ экипажѣ въ Болонью. И тутъ же условились, что профессоръ поѣдетъ впередъ, а Барголо—въ экипажѣ маркиза, гдѣ онъ очень хорошо можетъ сидѣть на козлахъ и держать на колѣняхъ собачку, и что черезъ двѣ недѣли двинутся во Флоренцію, куда, между тѣмъ, прибудетъ синьора Франческа, отправляющаяся съ миледи въ Пизу. Маркизь рассчитывалъ на пальцахъ издержки и мурлыкалъ: «*Di tanti palriti*», синьора въ это время пускала громчайшія трели, а профессоръ бурно колотилъ по струнамъ гитары и пѣлъ при этомъ такія пламенные слова, что потъ капалъ у него со лба, а слезы бѣжали изъ глазъ, и все это соединялось на его красномъ лицѣ въ одну широкую рѣку. Среди этого пѣнія и бречанья дверь сосѣдней комнаты вдругъ распахнулась, и къ намъ влетѣло существо...

Васъ, музы стараго и новаго міра, даже васъ, музы, еще не открытыя, которыхъ будутъ чтить только позднѣйшія поколѣнія и появленія которыхъ я давно уже предчувствую въ лѣсу и на морѣ, васъ заклинаю я дать мнѣ краски для того, чтобы я могъ изобразить существо, которое послѣ добродѣтели есть самое великолѣпное изъ всего созданнаго. Добродѣтель—это понимается само собою—есть первое изъ всѣхъ великолѣпій. Создатель міра украсилъ ее столькими прелестями, что, казалось, не будетъ у Него возможности создать что-нибудь еще болѣе чудное; но Онъ собралъ еще разъ всѣ свои силы и въ хорошей часъ сотворилъ синьору Франческу, прелестную танцовщицу, величайшее произведеніе, появившееся на свѣтъ послѣ созданія добродѣтели, и въ которомъ авторъ его отнюдь не повторился, какъ земные мастера, въ позднѣйшихъ созданіяхъ которыхъ красоты прежнихъ снова выступаютъ, какъ бы взятые взаймы. Нѣтъ, синьора Франческа вся подлинникъ, она не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ добродѣтелью, и есть знатоки, признающіе ее столь же великолѣпной, какъ и добродѣтель, и за добродѣтелью, созданною раньше, признаютъ только преимущество старшинства. Но развѣ большой недостатокъ, когда танцовщица моложе тысячъ на шесть лѣтъ?

Ахъ, я снова вижу, какъ она выпорхнула изъ распахнувшейся двери на средину комнаты, въ то же мгновение повернулась на одной ногѣ несчетное число разъ, затѣмъ во всю длину протянулась на диванѣ, закрыла обѣими руками глаза и, задыхаясь, вскричала: «Ахъ, я такъ устала отъ спанья!» И вотъ приближается къ ней маркизь, и произноситъ рѣчь на свой ироническо-широкопочтительный тонъ, совершенно загадочно противорѣчившій его отрывистой лаконичности въ практическихъ дѣловыхъ воспоминаніяхъ и его пошлой распылчивости при сентиментальномъ настроеніи. Эта манера не была, однако, въ немъ неестественна, она, быть-можетъ, выработалась въ немъ естественно, оттого, что у него не доставало смѣлости открыто выказывать то первенство, на которое онъ, какъ ему казалось, имѣлъ право, благодаря своимъ деньгамъ и уму, вслѣдствіе чего онъ малодушно старался маскировать его словами самаго преувеличеннаго смиренія. Его широкая улыбка въ подобныхъ случаяхъ имѣла въ себѣ нѣчто неприятно забавное, такъ что слушавшіе его не знали—побить или похвалить его слѣдуетъ. Такимъ тономъ произнесъ онъ свою утреннюю рѣчь предъ синьорой Франческой, которая, еще не совсѣмъ очнувшись отъ сна, едва слушала его, и когда онъ въ заключеніе попросилъ позволенія поцѣловать ей ноги, по крайней мѣрѣ лѣвую, и для этого дѣла очень заботливо разостлалъ на полу свой желтый шелковый платокъ, и сталъ на немъ на колѣни, она равнодушно протянула ему лѣвую ногу, обутую въ прелестнѣйшій красный башмакъ, въ противоположность правой ногѣ, покоившейся въ синемъ башмакѣ—забавное кокетство, съ тою цѣлью, чтобы нѣжная и милая форма ногъ становилась еще замѣтнѣе. Почтительно поцѣловавъ маленькую ногу, маркизь всталъ со своимъ обычнымъ вздохомъ «О, Иисусе!» и попросилъ позволенія представить меня, своего друга, на что также послѣдовало сопровождаемое зѣвотою разрѣшеніе, причемъ онъ разсыпался въ похвалахъ моимъ достоинствамъ и увѣрялъ своимъ кавалерскимъ словомъ, что я превосходно воспитывалъ несчастную любовь.

Я тоже попросилъ у синьоры милостиваго разрѣшенія поцѣловать лѣвую ногу, и въ ту минуту, когда меня допустили къ этой чести, она какъ бы очнулась отъ полусна, съ улыбкой склонилась ко мнѣ, посмотрѣла на меня большими изумленными глазами, весело выпрыгнула на средину комнаты и снова повернулась безчисленное число разъ на

одной ногѣ. Я странно чувствовалъ, какъ мое сердце тоже постоянно вертѣлось вмѣстѣ съ нею и дошло, наконецъ, почти до обморока, а профессоръ въ это время весело ударялъ по струнамъ гитары и пѣлъ:

«Пѣвица оперы избрала
Меня въ мужа, невѣстой стала,
И бракъ нашъ заключился вскорѣ—
О, горе, бѣдному мнѣ, горе!
«Но оказали мнѣ услугу
Корсары: имъ свою супругу
Успѣлъ продать я очень скоро...
Прекрасно! bravo! bravo! фора!..

Синьора Франческа снова пристально осмотрѣла меня съ ногъ до головы и затѣмъ, съ довольнымъ выраженіемъ лица, поблагодарила маркиза, точно я былъ подарокъ, который онъ любезно поднесъ ей. Недостатковъ во мнѣ она нашла немного, только волосы мои показались ей слишкомъ свѣтло-коричневыми; ей бы хотѣлось, чтобы они были темнѣе, какъ волоса у аббата Чекко. Глаза мои тоже нашла она слишкомъ маленькими и болѣе зелеными, чѣмъ голубыми. Въ оплату за это мнѣ слѣдовало бы, любезный читатель, изобразить и синьору Франческу тоже съ ея недостатками, но я, право, не нашелъ ни одного въ этой прелестной, почти легкомысленно созданной, граціозной фигурѣ. Лицо тоже было божественно пропорціонально, какъ у греческихъ статуй. Лобъ и носъ составляли одну отвѣсно прямую линію. Чудесный прямой уголъ образовывала съ ней нижняя линія носа, прелестная въ своемъ короткомъ протяженіи. Точно такъ же невелико было разстояніе между носомъ и ртомъ, губы котораго едва сходились по обоимъ концамъ и скрапивались мечтательной улыбкой; подъ ними закруглялся красивый полный подбородокъ, а шея... Ахъ, добродѣтельный читатель, я захожу слишкомъ далеко, и кромѣ того, въ этомъ вступительномъ описаніи не имѣю еще права говорить о двухъ безмолвныхъ цвѣткахъ, которые блестяли предъ моими глазами, какъ бѣлая поэзія, когда синьора растегивала серебряныя запонки своего черного шелковаго платья... Любезный читатель, подыдемся лучше къ описанію лица, о которомъ я могу еще въ дополненіе сказать, что оно было прозрачное и блѣдно-желтое, какъ янтарь, что отъ черныхъ волосъ, которые блестяще гладкими овалами покрывали виски, оно получало дѣтскую округленность, и что его освѣщали какъ волшебный свѣтъ, два черныхъ, быстрыхъ глаза.

Ты видишь, любезный читатель, что я очень желалъ бы представить тебѣ основательное описаніе моего блаженства, и подобно тому, какъ другіе путешественники прилагаютъ къ своимъ произведеніямъ еще особенныя карты исторически важныхъ или въ другихъ отношеніяхъ замѣчательныхъ мѣстностей, такъ и я желалъ бы вырѣзать Франческу на мѣди. Но, ахъ какой прокъ изъ мертвой копии внѣшнихъ очертаній тѣхъ формъ, божественнѣйшая прелесть которыхъ состоитъ въ живыхъ движеніяхъ! Даже самый лучший живописецъ не въ состояніи наглядно передать ихъ, потому что живопись есть вѣдь ничто иное, какъ плоская ложь. Скорѣе могъ бы сдѣлать это скульпторъ; измѣняющимся освѣщеніемъ мы можемъ въ статуяхъ представлять себѣ отчасти движенія формъ, и факель, кидающій на нихъ свѣтъ только снаружи, какъ будто оживляетъ ихъ и внутри. Да, есть одна статуя, которая могла бы дать тебѣ, любезный читатель, мраморное понятіе о красотѣ Франчески—и это «Венера» великаго Кановы, которую ты можешь найти въ одной изъ послѣднихъ залъ палаццо Питти во Флоренціи. Я часто думаю теперь объ этой статуѣ, иногда грезится мнѣ, что она лежитъ въ моихъ объятіяхъ, и постепенно оживаетъ и, наконецъ, шепчетъ мнѣ голосомъ Франчески. Но очаровательнѣйшее, безконечнѣйшее значеніе придавалъ каждому изъ ея словъ звукъ этого голоса, и если бы я сталъ передавать тебѣ ея слова, то изъ этого вышелъ бы только сухой гербарій цвѣтовъ, получающихъ свою величайшую цѣнность телько отъ своего благоуханія. При этомъ еще она часто вскакивала и плясала, и можетъ-быть, пляска и была ея истиннымъ языкомъ. Но сердце мое плясало вмѣстѣ съ нею, и исполняло труднѣйшія па, и при этомъ обнаруживало такое танцевальное волненіе, какого я никогда не ожидалъ отъ него. Такимъ способомъ рассказала мнѣ Франческа и исторію объ аббатѣ Чекко, молодомъ парнѣ, который былъ влюбленъ въ нее въ ту пору, когда она еще плела соломенные шляпы въ долину Арно, и, по ея словамъ, я имѣлъ счастье быть похожимъ на него. При этомъ она выдѣлывала нѣжнѣйшія пантомимы, нѣсколько разъ прижимала пальцы къ сердцу, затѣмъ какъ бы вынимала ладонью оттуда нѣжнѣйшія чувства и, наконецъ, бросалась всей грудью на диванъ, прятала лицо въ подушки, протягивала ноги вверхъ и дѣйствовала ими, какъ деревянными куклами. Синяя нога представляла у нея аббата Чекко, а красная—бѣдную Франческу, и пародируя свою собственную исторію,

она изображала прощаніе обѣихъ влюбленныхъ ногъ; трогательно и вмѣстѣ забавно было зрѣлище, какъ обѣ онѣ цѣловались носками и говорили другъ другу нѣжнѣйшія вещи, а при этомъ сумасшедшая дѣвушка проливала забавно хихикающія слезы, которыя, однако, по временамъ безсознательно выходили изъ ея души глубже, чѣмъ того требовала роль. Она вложила также въ уста аббата Чекко длинную рѣчь, въ которой онъ педантическими метафорами прославлялъ красоту бѣдной Франчески, и въ манерѣ, какою она заставила отвѣчать бѣдную Франческу и копировала свой собственный голосъ въ сентиментальности прошедшаго времени, было нѣчто кукольно-печальное, странно взволновавшее меня. «Прощай, Чекко, прощай, Франческа!» таковъ былъ постоянный припѣвъ. Влюбленные ноги никакъ не могли разстаться, и когда, наконецъ, неумолимая судьба разлучила ихъ, я, обрадовался, между тѣмъ какъ странное предчувствіе шептало мнѣ, что для меня было бы несчастіемъ, если бы любящаяся чета постоянно оставалась вмѣстѣ.

Профессоръ аплодировалъ шутовскимъ бречаньемъ на гитарѣ, синьора пускала трели, собачонка лаяла, маркизь и я хлопали въ ладоши, какъ бѣшеные, а синьора Франческа встала и съ благодарностью поклонилась.

— Это, дѣйствительно, прекрасная комедія,—сказала она мнѣ:—но первое представленіе ея состоялось уже давно, и я сама теперь также стара... Угадайте, сколько мнѣ лѣтъ?— Но она не дождалась моего отвѣта, быстро продолжала: «восемнадцать лѣтъ» и при этомъ повернулась не менѣе восемнадцати разъ на одной ногѣ.—А сколько лѣтъ вамъ, dottore?

— Я, синьора, родился въ ночь на новый годъ, 1800 года.

— Да вѣдь я вамъ уже говорилъ,—замѣтилъ маркизь:— что онъ одинъ изъ первыхъ людей нынѣшняго столѣтія.

— А сколько лѣтъ дадите вы мнѣ? — вдругъ спросила синьора Летиція и, забывъ о своемъ Евиномъ костюмѣ, который до тѣхъ поръ скрывало одѣяло, такъ стремительно поднялась, что передъ нами явились не только Красное море, но и вся Аравія, Сирія и Месопотамія.

Я при этомъ ужасномъ зрѣлищѣ въ испугѣ отскочилъ и пробормоталъ нѣсколько фразъ о затруднительности рѣшенія такого вопроса, такъ какъ я видѣлъ синьору показывать только половину; но такъ какъ она спрашивала все болѣе и болѣе настоятельно, то я сказалъ ей правду, именно,

что не умѣю еще вычислять отношенія между итальянскими годами и нѣмецкими.

— А развѣ разница велика?—спросила синьора Летиція.

— Само собою разумѣется, — отвѣчалъ я: — такъ какъ жара расширяетъ всѣ тѣла, то годы въ теплой Италиі гораздо длиннѣе, чѣмъ въ холодной Германіи.

Маркизь лучше вывелъ меня изъ затрудненія, — галантно замѣтивъ, что ея красота только теперь развернулась въ самой пышной зрѣлости. «И синьора, — прибавилъ онъ: — какъ померанецъ: чѣмъ она старше, тѣмъ становится желтѣй. Такъ и ваша красота съ каждымъ годомъ дѣлается все зрѣлѣе».

Синьоръ, повидимому, это сравненіе понравилось, и она тоже созналась, что чувствуетъ себя зрѣлѣе, чѣмъ прежде, особенно сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда она еще была худенькою и въ первый разъ выступала на сценѣ въ Болоньѣ, и что ей до сихъ поръ еще не понятно, какъ она въ такомъ видѣ могла производить такой фуроръ. И тутъ она рассказала свой дебютъ въ роли Аріадны, къ чему, какъ я впослѣдствіи открылъ, она возвращалась очень часто, причемъ и синьоръ Бартоло обязанъ былъ каждый разъ декламировать то стихотвореніе, которое онъ ей тогда бросилъ на сцену. Это было хорошее стихотвореніе, полное трогательной скорби о вѣроломствѣ Тезея, полное слѣплого воодушевленія Бахусомъ и цвѣтистаго прославленія Аріадны. «*Bella cosa!*» — восклицала синьора Летиція при каждой строфѣ. Я тоже хвалилъ образы, стихъ и всю обработку этого мѣа.

— Да, оно очень хорошо, — сказалъ профессоръ:—и въ основаніи его несомнѣнно лежитъ историческая правда, ибо нѣкоторые авторы положительно сообщаютъ намъ, что Эней, одинъ изъ жрецовъ Бахуса, женился на скорбящей Аріаднѣ, когда онъ ее нашелъ покинутою на островѣ Наксосѣ, и какъ часто случается въ легендѣ, жрецъ бога превратился въ самого бога.

Я не могъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, потому что въ миѣологіи склоняюсь больше къ историческому толкованію, и возразилъ:

— Во всей сказкѣ о томъ, что Аріадна, послѣ того, какъ Тезей покинулъ ее на Наксосѣ, бросилась въ объятія Бахуса, я не вижу ничего иного, какъ аллегорію, что она предалась пьянству—гипотеза, которую раздѣляютъ со мною многіе ученые моей родины. Вы, синьоръ маркезе, вѣроятно,

знаете, что покойный банкиръ Бетманъ въ смыслѣ этой гипотезы умѣлъ такъ освѣщать свою Ариадну, что она представлялась какъ бы съ краснымъ носомъ.

— Да, да, Бетманъ во Франкфуртѣ былъ великій человекъ!—вскричалъ маркизь;—но въ эту самую минуту нѣчто важное, повидимому, пробѣжало въ его головѣ, и онъ со вздохомъ сказалъ себѣ: «Господи, Господи, я забылъ написать во Франкфуртѣ Ротшильду!» И съ серьезной, дѣловой миной, при которой исчезла всякая пародистическая шутливость, онъ поспѣшно, безъ всякихъ церемоній, простился и обѣщаль вернуться вечеромъ.

Когда онъ вышелъ, и я, какъ водится обыкновенно въ свѣтѣ, намѣревался высказать мои комментаріи о томъ именно человекѣ, благодаря добротѣ котораго я приобрѣлъ пріятнѣйшее знакомство, то, къ моему удивленію, увидѣлъ, что всѣ присутствующіе не могли достаточно нахвалиться имъ и что всѣ особенно прославляли въ самыхъ преувеличенныхъ выраженіяхъ его восторженное служеніе красотѣ, его благородно тонкое поведеніе и его безкорыстіе. Синьора Франческа также вторила этой хвалебной пѣснѣ, но созналась, что его носъ внушаетъ нѣкоторыя опасенія и всегда напоминаетъ низанскую башню. Я снова попросилъ милостиваго позволенія поцѣловать ея лѣвую ногу, и она, съ улыбающейся серьезностью, сняла красный башмакъ, а также и чулокъ, и когда я сталъ на колѣни, протянула мнѣ бѣлую цвѣтущую, лилейную ножку, которую я прижалъ къ губамъ, можетъ-быть, болѣе почтительно, чѣмъ сдѣлалъ бы это съ ногой папы. Само собою разумѣется, что я исполнилъ также должность горничной и помогъ снова натянуть чулокъ и башмакъ.

— Я вами довольна, — сказала синьора Франческа по окончаніи этого дѣла, за которымъ я не очень спѣшилъ, хотя приводилъ въ движеніе всѣ свои десять пальцевъ:—я вами довольна: вы будете часто надѣвать мнѣ чулки. Сегодня вы поцѣловали лѣвую ногу, завтра въ ваше распоряженіе будетъ отдана правая, послѣзавтра поцѣлуете вы мою лѣвую руку, а день спустя и правую. Если будете вести себя хорошо, то впослѣдствіи я предоставлю вамъ губы и т. д. Вы видите, что я охотно даю вамъ ходъ, и такъ какъ вы еще молоды, то можете далеко пойти впередъ.

И я далеко пошелъ впередъ! Въ этомъ будьте свидѣтели вы, тосканскія ночи, ты, свѣтло-голубое небо съ большими серебряными звѣздами, вы, дикіе лавровые кусты и таин-

ственные мирты, и вы, о, нимфы Апеннинскихъ горъ, порхавшія вокругъ насъ въ брачныхъ плискахъ и уносившіяся въ грезахъ въ ту лучшую пору боговъ, когда еще не было никакой готической лжи, которая дозволяетъ только слѣпныя наслажденія, ошупью, въ скрытыхъ мѣстахъ, и на каждое свободное чувство накладываетъ свой лицемѣрный виноградный листъ!

А тутъ не нужно было никакихъ особенныхъ виноградныхъ листьевъ, потому что цѣлый кустъ широко раскинутыми вѣтвями шумѣлъ надъ головами счастливецъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Что такое побой—это извѣстно, но что такое любовь—этого еще никто не разъяснилъ. Нѣкоторые натуръ-философы утверждали, что она есть нѣчто въ родѣ электричества. Это возможно потому, что въ ту минуту, какъ влюбляешься, на душѣ у насъ такъ, какъ будто электрическій токъ внезапно прошелъ изъ глазъ возлюбленной въ наше сердце. Ахъ! эти молніи самыя опасныя, и того, кто найдетъ отводъ противъ нихъ, я буду чтить выше, чѣмъ Франклина. Какъ было бы хорошо, если бы существовали маленькіе громотводы, которые можно было бы носить на сердцѣ и на которыхъ былъ бы устроенъ проводникъ для направленія ужаснаго огня въ какое-нибудь другое мѣсто! Но врядъ ли у маленькаго Амура можно отнять его стрѣлы такъ же легко, какъ у Юпитера его громы и у тирановъ ихъ скипетръ. При томъ же не всякая любовь дѣйствуетъ, какъ молнія, иногда она подстерегаетъ, какъ змѣя подъ розами, и какъ только увидитъ трещинку въ сердцѣ, такъ и проскользнетъ туда. Иногда одно слово, одинъ взглядъ, рассказъ о чемъ-нибудь совершенно незначительномъ, падаетъ въ наше сердце, какъ свѣтлое зерно, лежитъ затѣмъ тамъ всю зиму, пока не наступитъ весна и маленькое зерно не распустится пламеннымъ цвѣткомъ, благоуханіе котораго ошеломляетъ голову. То самое солнце, которое въ долинѣ Нила выводитъ изъ яицъ крокодиловъ, можетъ въ то же время въ Потсдамѣ, на Гавели, дать созрѣть зерну любви въ молодомъ сердцѣ—и тогда въ Египтѣ и въ Потсдамѣ льются слезы. Но слезы далеко еще не объясненіе... Что такое любовь? Изслѣдовать ли кто-нибудь ея сущность, разрѣшилъ ли кто-нибудь загадку? Быть-можетъ, разрѣшеніе ея причиняетъ больше муки, чѣмъ сама загадка, и сердце пугается и каменѣетъ предъ ней, какъ предъ взглядомъ

Медузы. Змѣи вьются вокругъ страшнаго слова, разрѣшающаго загадку... О, я не хочу никогда знать это разгадывающее слово; жгучее страданіе въ моемъ сердцѣ для меня еще пріятнѣе холоднаго окаменѣнія. О, не выговаривайте его вы, умершіе образы, безскорбно, какъ камень, но и безчувственно, какъ камень, проходящіе по цвѣтушимъ садамъ этого міра и блѣдными губами смѣющіеся надъ глупымъ человѣкомъ, который восхваляетъ благоуханіе розъ и жалуется на шипы.

Но если, любезный читатель, я не могу тебѣ сказать, что такое собственно любовь, то могъ бы совершенно подробно рассказать, какъ человѣкъ ведетъ себя и какъ у него на душѣ, когда онъ влюбится на Апенинахъ. Ведетъ онъ себя какъ сумасшедшій, пляшетъ по холмамъ и утесамъ и воображаетъ, что весь міръ пляшетъ вмѣстѣ съ нимъ, а на душѣ у него такъ, какъ будто міръ созданъ только сегодня и онъ первый человѣкъ. Ахъ, какъ прекрасно все!—ликуя, вскричалъ я, когда вышелъ отъ Франческа;—какъ прекрасенъ и драгоцѣненъ этотъ новый міръ! Мнѣ казалось, что я долженъ дать имя всѣмъ растеніямъ и животнымъ. Я называлъ всѣ предметы по ихъ внутреннимъ свойствамъ и по моему собственному чувству, которое такъ чудно сливалось съ внѣшнимъ міромъ. Моя грудь была источникъ откровенія, я понималъ всѣ формы и образы, благоуханіе растеній, пѣнье птицъ, свистъ вѣтра и шумъ водопадовъ. По временамъ слышалъ я и божественный голосъ: «Адамъ, гдѣ ты?» «Здѣсь я, Франческа!—воскликала я:—я обожаю тебя, потому что знаю несомнѣнно, что это ты создала солнце, луну и звѣзды, и землю со всѣми ея тварями!» И тутъ въ миртовыхъ кустахъ слышался шаловливый смѣхъ, и я говорилъ про себя съ тайнымъ восторгомъ: О, сладкое безуміе, не покидай меня!

Но только позже, когда наступили сумерки, началось истинное безумное блаженство любви. Деревья на горахъ плясали, качая тяжелыми головами, которыя уходящее солнце озаряло такимъ багровымъ свѣтомъ, что они, казалось, были опьянены своими собственными виноградными гроздьями. Внизу ручей бѣжалъ торопливо и шумѣлъ робко, какъ будто боялся, чтобъ восторженно шатающіяся горы не повалились на землю. А на небѣ, какъ свѣтлые поцѣлуи, мелькали чудесныя зарницы. «Да,—воскликнулъ я:—радостно смѣющееся небо цѣлуетъ возлюбленную землю! О, Франческа, прекрасное небо, дай мнѣ быть твоей землей, я весь,

весь земной и жадно рвусь къ тебѣ, мое небо!» Такъ восклицалъ я, и съ мольбой протягивалъ руки, и наталкивался головою на деревья, и вмѣсто того, чтобы браниться, обнималъ ихъ, и душа моя ликовала въ опьяненіи любовью—какъ вдругъ я увидѣлъ блестящую пурпурную фигуру, которая заставила меня разомъ очнуться отъ всѣхъ моихъ грезъ и вернула къ самой освѣжающей дѣйствительности.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

На дерновомъ возвышеніи, подъ широкимъ лавровымъ деревомъ, сидѣлъ Гіацинтъ, слуга маркиза, и около него Аполлонъ, его собака. Собака, впрочемъ, скорѣе стояла, такъ какъ переднія лапы она положила на пурпурныя колѣни маленькаго человѣчка и съ любопытствомъ смотрѣла, какъ онъ, держа въ рукахъ аспидную доску, по временамъ кое-что записывалъ на ней, тоскливо улыбался, покачивая головенкой, глубоко вздыхалъ и затѣмъ съ удовольствіемъ сморкался.

— Гиршъ-Гіацинтусъ!—воскликнулъ я:—за какимъ чортомъ ты здѣсь? Ужъ не стихи ли сочиняешь? Ну, чтожъ, обстановка благопріятная, Аполлонъ рядомъ съ тобою, и лавръ уже теперь виситъ надъ твоею головою.

Но я былъ несправедливъ къ бѣдняку. Онъ съ нѣжной кротостью отвѣчалъ:

— Стихи? Нѣтъ, я люблю стихи, но все-таки не пишу ихъ. Что мнѣ ихъ писать? Мнѣ въ настоящую минуту нечего было дѣлать, и я для своего удовольствія сталъ составлять списокъ тѣхъ друзей, которые нѣкогда брали лотерейные билеты въ моей конторѣ... Нѣкоторые изъ нихъ остались мнѣ даже должны—не думайте только, господинъ докторъ, что я вамъ напоминаю; время терпѣть, въ васъ я увѣренъ. Возьми вы у меня въ послѣдній разъ вмѣсто 1364-го 1365-й номеръ, теперь бы у васъ было сто тысячъ марокъ капитала, и незачѣмъ вамъ было бы таскаться здѣсь, и могли бы вы спокойно сидѣть въ Гамбургѣ, спокойно и пріятно, и могли бы, сидя на софѣ, слушать рассказы о томъ, каково живетъ въ Италіи. Богъ мнѣ свидѣтель, что я сюда поѣхалъ только изъ любви къ господину Гумпелю. Ахъ, сколько жары, и опасностей, и усталости приходится мнѣ выносить! Гдѣ только явится вздорная выдумка или сумасбродное дѣло, господинъ Гумпель ужъ тутъ, какъ тутъ—и я принужденъ не отставать отъ него. Давно

уже расстался бы я съ нимъ, если бы онъ могъ обойтись безъ меня. Ибо кто же расскажетъ потомъ дома, какимъ почетомъ пользовался онъ за границей, сколько образованія получилъ онъ? Я же, коли говорить вамъ правду, я самъ начинаю придавать большую цѣну образованію. Въ Гамбургѣ оно, слава Богу, мнѣ не нужно, но вѣдь не знаешь, что будетъ съ тобою, въ какое другое мѣсто попадешь. Теперь міръ совсѣмъ другой сталъ, и люди правы: немножко образованія все-таки очень украшаетъ человѣка. И какой почетъ отъ него! Напримѣръ, леди Максфильдъ, какъ она приняла меня сегодня и какъ чувствовала! Совершенно параллельно какъ своего равнаго, и дала мнѣ одинъ франческоне на водку, хотя цвѣтокъ стоилъ только 5 паоли. Притомъ же большое удовольствіе, когда поддержишь въ рукахъ маленькую бѣлую ножку хорошенькой дамской персоны.

Меня немало смутило это послѣднее замѣчаніе, и я подумалъ: ужъ это не колкая ли насмѣшка? Но какъ могъ этотъ бездѣльникъ уже узнать о счастіи, выпавшемъ на мою долю въ тотъ же самый день, въ тотъ же самый часъ, когда онъ былъ на противоположной сторонѣ горы? Ужъ не происходила ли тамъ такая же сцена, ужъ не проявилъ ли великій режиссеръ всемірнаго театра свою иронию въ томъ, что онъ, быть-можетъ, заставлялъ разыгрывать къ удовольствію небесныхъ зрителей еще тысячи подобныхъ сценъ, которыя въ одно и то же время пародировали одна другую? Однако, оба эти предположенія оказались неосновательными, ибо послѣ нѣсколькихъ вопросовъ и моего обѣщанія ничего не выдавать маркизу, бѣднякъ сознался мнѣ, что въ ту минуту, когда онъ подалъ ей тюдьпанъ, она еще лежала въ постели; въ то мгновеніе, когда онъ собирался начать свое прекрасное привѣтствіе, одна изъ ея ножекъ вышла изъ-подъ одѣяла, и такъ какъ онъ замѣтилъ на ней мозоль, то тотчасъ же попросилъ позволеніе вырѣзать его, а получивъ разрѣшеніе и исполнивъ это дѣло, получилъ въ награду, равно какъ и за принесеніе цвѣтка, одинъ франческоне.

— Но для меня главное дѣло высокій почетъ,—прибавилъ Гиацинтъ:—я это сказалъ и барону Ротшильду, когда имѣлъ честь вырѣзать у него мозоль. Это происходило въ его кабинетѣ, онъ сидѣлъ при этомъ на зеленомъ креслѣ, какъ на тронѣ, и говорилъ, какъ король, и вокругъ стояли его маклера, и онъ давалъ свои приказанія и отправлялъ

эстафеты ко всѣмъ королямъ, и я, вырѣзывая ему въ это время мозоль, думалъ въ душѣ: ты держишь теперь въ рукахъ ногу человѣка, который самъ держитъ въ рукахъ весь міръ, и ты тоже важный человѣкъ, ибо подрѣжь ты ему мозоль слишкомъ сильно, онъ разсердится и подрѣжетъ самыхъ могущественныхъ королей еще сильнѣе... То была счастливѣйшая минута въ моей жизни!

— Я могу себѣ представить это прекрасное чувство, господинъ Гиацинтъ. Но какого изъ Ротшильдовской династїи вы ампутировали такимъ образомъ? Великодушнаго ли британца, живущаго въ Ломбардной улицѣ, устроившаго заемный банкъ для императоровъ и королей?

— Само собою разумѣется, господинъ докторъ, я разумю великаго Ротшильда, великаго Натана Ротшильда. Натанъ мудраго, у котораго бразильскій императоръ заложилъ свою брилліантовую корону. Но я имѣлъ также честь познакомиться съ барономъ Соломономъ Ротшильдомъ во Франкфуртѣ, и если не пользовался интимностью его ноги, то все-таки онъ достаточно цѣнилъ меня. Когда господинъ маркизь сообщилъ ему, что я нѣкогда былъ лотерейнымъ коллекторомъ, то баронъ замѣтилъ очень остроумно: «Я вѣдь тоже нѣчто въ этомъ родѣ: я вѣдь оберъ-коллекторъ Ротшильдовскихъ лотерейныхъ билетовъ, и отнюдь не допущу моего коллегу обѣдать съ прислугой, онъ будетъ обѣдать за моимъ столомъ»... И какъ Богъ святъ, господинъ докторъ, я сидѣлъ рядомъ съ Соломономъ Ротшильдомъ, и онъ обращался со мною, какъ съ своимъ равнымъ, совершенно фамиліонерно. Былъ я у него и на знаменитомъ дѣтскомъ балѣ, описанномъ въ газетахъ. Такой роскоши не увижу я во всю свою жизнь. Вѣдь былъ же я въ Гамбургѣ на одномъ балѣ, который стоилъ 1.500 марокъ и 8 шиллинговъ! Но это было то же, что кучка сору въ сравненїи съ большой кучей навоза. Сколько золота и серебра, и бридьянтовъ пришлось мнѣ тамъ увидѣть! Сколько звѣздъ и орденовъ! Орденъ Сокола, Золотое Руно, орденъ Льва, орденъ Орла...: даже совсѣмъ маленькій ребенокъ, увѣряю васъ, совсѣмъ маленькій ребенокъ, былъ съ орденомъ Слона. Дѣти были прекрасно маскированы, играли въ заемъ и были одѣты королями, съ коронами на головахъ, а одинъ былъ одѣтъ совершенно такъ, какъ старый Натанъ Ротшильдъ. Онъ разыгрывалъ свою роль очень хорошо, держалъ обѣ руки въ карманахъ панталонъ, брелъ чашъ деньгами, сердито отряхивался, когда какой-нибудь изъ маленькихъ королей просилъ у него займы, и только

мальчика въ бѣломъ мундирѣ и въ красныхъ панталонахъ привѣтливо трепалъ по щекѣ и хвалилъ его: «Ты мое удовольствіе, мой любимецъ, мое украшеніе, но твой родственникъ Михель пусть убирается отъ меня подальше, я этому дураку не дамъ ни копейки, потому что онъ каждый день тратитъ людей больше, чѣмъ можетъ потратить въ одинъ годъ, и изъ-за него не одно еще несчастіе случится въ мірѣ, мои дѣла страдаютъ отъ этого». Божусь вамъ, что мальчикъ дѣлалъ свое дѣло очень хорошо, особенно когда поддерживалъ толстое дитя, завернутое въ бѣлый атласъ съ настоящими серебряными лиліями, помогаль ему ходить и по временамъ говорилъ: «Ну, ну, ну, веди ты себя только хорошо, кормись честно, смотри, чтобы тебя опять не прогнали, а то я потеряю свои деньги». Увѣряю васъ, господинъ докторъ, истинное удовольствіе было слышать этого мальчика. Да и другія дѣти, всѣ очень милыя дѣти, отлично разыгрывали свои роли—до тѣхъ поръ, пока имъ не принесли пирожки,—и вотъ тутъ они начали драться за лучшіе куски, и срывали другъ у друга съ головы короны, и кричали, и плакали, а нѣкоторые даже...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Нѣтъ на этой землѣ ничего скучнѣе чтенія описаній путешествія по Италіи. Скучнѣе развѣ только писать ихъ, и сдѣлать себя сноснымъ авторъ можетъ только въ томъ случаѣ, если какъ можно меньше говорить о самой Италіи. Несмотря на то, что я вполнѣ примѣняю этотъ искусный пріемъ, все-таки не могу обѣщать тебѣ, любезный читатель, въ слѣдующихъ главахъ много занимательнаго. Если при скучныхъ вещахъ, которыя ты встрѣтишь тамъ, станеть тебѣ очень скучно, то утѣшайся вмѣстѣ со мною, которому выпало на долю даже писать всѣ эти вещи. Совѣтую тебѣ пропускать тутъ и тамъ по нѣсколько страницъ, такимъ образомъ ты скорѣе окончишь книжку...

Ахъ какъ бы мнѣ хотѣлось сдѣлать то же самое! Не думай только, что я шучу. Коли хочешь знать серьезно мое искреннее мнѣніе насчетъ этой книги, то я совѣтую тебѣ закрыть ее уже теперь и совсѣмъ не читать дальше. Въ близкомъ будущемъ я напишу тебѣ кое-что получше, и если въ слѣдующей книгѣ, въ «Городѣ Луккѣ» мы встрѣтимся опять съ Матильдой и Франческой, то милыя образы придутся тебѣ по сердцу гораздо больше, чѣмъ настоящая и слѣдующія главы.

Слава Богу! Предъ моимъ окномъ зазвучала шарманка веселыми мелодіями. Для моей мрачной головы необходимо подобное развлеченіе, особенно потому, что мнѣ предстоитъ здѣсь описать мой визитъ къ его превосходительству, маркизу Христофоро ди-Гумпеленно. Эту трогательную исторію я опишу тебѣ очень подробно, съ буквальной точностью, въ ея самой грязной чистотѣ.

Было уже поздно, когда я пришелъ въ квартиру маркиза. Въ ту минуту, какъ я вошелъ въ комнату, Гіацинтъ былъ одинъ и чистилъ золотыя шпоры своего барина, который, какъ я могъ замѣтить сквозь полуотворенную дверь его спальни, стоялъ на колѣняхъ предъ изображеніемъ Мадонны съ Младенцемъ и большимъ распятіемъ.

Тебѣ именно нужно знать, любезный читатель, что маркизъ этотъ знатный человѣкъ, сдѣлался теперь истиннымъ католикомъ, что онъ строго исполняетъ обряды католической церкви, и даже, когда бываетъ въ Римѣ, держитъ при себѣ духовника по той же самой причинѣ, по какой въ Англии онъ содержитъ лучшихъ скороходовъ, а въ Парижѣ—самую красивую танцовщицу.

— Г. Гумпель въ настоящую минуту молится,—шепнулъ Гіацинтъ съ важной улыбкой и, указавъ пальцемъ на спальню своего господина, прибавилъ еще тише:

— Вотъ такимъ образомъ стоитъ онъ по два часа на колѣняхъ предъ изображеніемъ Мадонны съ Младенцемъ. Это чудеснѣйшая картина и стоитъ ему шестьсотъ франковъ.

— А вы, г. Гіацинтъ, отчего вы не стоите на колѣняхъ позади его? Или, быть-можетъ, вы не приверженецъ католической религіи?

— Я приверженецъ ея и вмѣстѣ съ тѣмъ не приверженецъ,—отвѣчалъ Гіацинтъ, знаменательно покачивая головою.— Это религія, пригодная для знатнаго барона, который цѣлый день можетъ ничего не дѣлать, и для знатока искусствъ. Но это не религія для гамбургца, для человѣка дѣловаго, и ужъ отнюдь не религія для лотерейнаго коллектора. Вѣдь каждый номеръ, выходящій въ лотерею, я долженъ записывать очень точно, а когда при этомъ случится мнѣ вспомнить бумъ, бумъ, бумъ католическаго колокола или услышать запахъ католическаго ладана, то я могу ошибиться и написать не то число, что нужно, а изъ-за этого можетъ произойти величайшее несчастье. Не разъ я говорилъ г. Гумпелю: «Вы, ваше превосходительство, богатый

человѣкъ и можете быть католикомъ, сколько вамъ угодно. Можете и умнѣть отъ католическаго фиміама и глушѣть, сколько хотите, отъ католическаго колокола — у васъ все-таки будетъ чтò ѣсть; я же дѣловой человѣкъ и долженъ содержать въ полномъ порядкѣ всѣ мои семь чувствъ, чтобы что-нибудь заработать». Г. Гумпель находить, правда, что это необходимо для образованія и что не будь я католикъ, я бы не понималъ картинъ, составляющихъ принадлежность образованности, не понималъ бы ни Корретшіо, ни Корратшіо, ни Карраватшіо. Но я всегда думалъ, что ни Корретшіо, ни Корратшіо, ни Карраватшіо не принесутъ мнѣ никакой помощи, если никто не будетъ брать у меня лотерейныхъ билетовъ. При этомъ я долженъ также сознаться вамъ, г. докторъ, что католическая религія не доставляетъ мнѣ никакого веселаго развлечения... Повторяю вамъ, что это совсѣмъ не религія для гамбургца.

— Но г. Гіацинтъ, какъ вамъ нравится религія протестантская?

— Она ужъ черезчуръ умна для меня, г. докторъ, и не будь въ протестантской церкви органа, ее и религіей нельзя было бы считать. Между нами будь сказано, эта религія не приноситъ никакого вреда и чиста, какъ стаканъ воды, но вмѣстѣ съ тѣмъ она не приноситъ и никакой пользы

— Повидимому, гораздо цѣлесообразнѣе кажется вамъ, милый мой, религія древне-еврейская?

— Г. докторъ, оставьте меня въ покоѣ съ древне-еврейской религіей. Ее я не пожелаю и моему злѣйшему врагу. Отъ нея только и получаешь, что стыдъ и позоръ. Вѣрьте мнѣ, это не религія, а несчастіе. Я избѣгаю всего, чтò можетъ мнѣ напомнить о ней, и такъ какъ Гиршъ еврейское слово и по-нѣмецки значить—гіацинтъ, то я даже кинулъ прежняго Гирша и подписываюсь теперь «Гіацинтъ, коллекторъ, операторъ и таксаторъ». При этомъ для меня выгодно еще и то, что на моей печати уже вырѣзана буква Г и, стало-быть, мнѣ не нужно заказывать новую. Увѣряю васъ, много въ здѣшнемъ мірѣ зависить отъ того, какъ человѣкъ называется, имя очень много значить. Когда я подписываюсь: Гіацинтъ, коллекторъ, операторъ и таксаторъ, то это звучитъ совсѣмъ не такъ, какъ просто Гиршъ; и со мной нельзя ужъ обращаться, какъ съ обыкновенной драцью.

— Любезный господинъ Пiacинтъ, кто могъ бы съ вами обращаться подобнымъ образомъ? Вы, повидимому, сдѣлали такъ много для своего образованія, что въ васъ признаешь образованнаго человѣка уже прежде, чѣмъ вы раскрыли ротъ, чтобы заговорить.

— Вы правы, г. докторъ. Въ образованіи я сдѣлалъ исполнскіе успѣхи. Не знаю, въ самомъ дѣлѣ, когда я вернусь въ Гамбургъ, съ кѣмъ мнѣ тамъ водить компанію? А что касается религіи, то я знаю, что дѣлаю. Покамѣстъ, однако, я еще могу обходиться новой еврейской синагогой; я понимаю подъ этимъ чистое Моисеево богослуженіе, съ орографическими нѣмецкими пѣснями и трогательными проповѣдями и нѣкоторыми мечтаніями, которыя для религіи необходимы. Богомъ вамъ клянусь, что для себя въ настоящее время я не желаю никакой лучшей религіи, и она заслуживаетъ, чтобы ее поддерживали. Съ своей стороны я буду все дѣлать для этого, и когда вернусь въ Гамбургъ, то буду каждую субботу, исключая тѣ, въ которыя придется лотерейный тиражъ, ходить въ новую синагогу. Къ сожалѣнію, есть люди, которые этому новому еврейскому богослуженію составляютъ дурную репутацію. Я утверждаю, что они, съ позволенія сказать, подаютъ поводъ къ расколу. Но я васъ могу увѣрить, что эта хорошая, чистая религія, быть-можетъ, отчасти черезчуръ хорошая для простого человѣка, для котораго старая еврейская религія все еще, пожалуй, очень полезна. Простому человѣку нужно какое-нибудь заблужденіе, и онъ чувствуетъ себя счастливымъ въ своемъ заблужденіи. Какой-нибудь старый еврей съ длинной бородой и въ изорванномъ кафтанѣ, который при этомъ не можетъ сказать орографически ни одного слова и отчасти даже паршивъ, чувствуетъ себя, можетъ-быть, въ душѣ счастливѣе, чѣмъ я со всей своей образованностью. Въ Гамбургѣ, напримѣръ, живетъ человѣкъ, имя котораго Мозесъ Лумпъ. Цѣлую недѣлю онъ бѣгаетъ по городу во всякую погоду со своимъ тюкомъ на спинѣ, чтобы заработать двѣ-три марки, а когда въ пятницу вечеромъ онъ возвращается домой, то находитъ тамъ зажженную лампу съ семью свѣчами, столъ, накрытый бѣлой скатертью,—и снимаетъ онъ тутъ съ себя свой тюкъ и свои саботы, садится къ столу со своей кривою женою и еще болѣе кривою дочерью, ѣстъ съ ними рыбу, сваренную въ пріятномъ бѣломъ соусѣ съ чеснокомъ, поетъ при этомъ великолѣпнѣйшія пѣсни царя Давида, радуется отъ всей души исходу

дѣтей Израиля изъ Египта, утѣшается и тѣмъ, что всѣ злодѣи, причинившіе имъ зло, наконецъ, умерли, что царь Фараонъ, Навуходоносоръ, Гаманъ, Антиохъ, Титъ и вообще подобные люди ушли на тотъ свѣтъ, а вотъ Лумпъ еще живеть и съ женой и дочкой ѣстъ рыбу... И увѣряю васъ, г. докторъ, рыба эта очень вкусна, и человѣкъ этотъ счастливъ, и нѣтъ ему никакой надобности мучить себя образованностью, сидитъ онъ вполне довольный своей религіей и въ своемъ зеленомъ халатѣ, какъ Диогенъ въ своей бочкѣ, съ наслажденіемъ смотритъ на свои свѣчи, съ которыхъ снимаетъ даже не онъ, а другой... И вѣрите мнѣ, когда свѣчи нагорятъ, а женщины, обязанной снимать съ нихъ, нѣтъ въ комнатѣ, то приди въ эту минуту самъ великій Ротшильдъ со всѣми своими маклерами, дисконтерами, экседиторами и начальниками конторъ, съ помощью которыхъ онъ завоевываетъ свѣтъ, и скажи онъ: «Мозесъ Лумпъ, проси себѣ какой-нибудь милости, все, чего ты пожелаешь, будетъ исполнено» — г. докторъ, я убѣжденъ, что Мозесъ Лумпъ спокойно отвѣтилъ бы: «сними у меня со свѣчей!» И великій Ротшильдъ съ удивленіемъ сказалъ бы: «Не будь я Ротшильдъ, я желалъ бы быть вотъ такимъ Лумпомъ».

Въ это время, какъ Гиацинтъ со своей эпической пространностью развивалъ такимъ образомъ свои воззрѣнія, маркизь всталъ со своей скамеечки и подошелъ къ намъ, все еще продолжая мурлыкать молитву. Тогда Гиацинтъ задернулъ зеленымъ покровомъ картину, висѣвшую надъ столомъ, погасилъ обѣ восковыя свѣчи, горѣвшія передъ ней, снялъ мѣдное распятіе, вернулся къ намъ и принялся его чистить съ большимъ усердіемъ. Господинъ его точно расплылся отъ жара и мягкаго настроенія. Въмѣсто сюртука на немъ было широкое синее шелковое домино съ серебряной бахромой, и носъ его уныло блестялъ, какъ влюбленный луидоръ.

— Исусе!—вдохнулъ онъ, опустившись на подушки дивана.—Не находите ли вы, г. докторъ, что у меня сегодня очень мечтательный видъ? Я очень взволнованъ. Духъ мой какъ будто унесся куда-то, я чувствую присутствіе высшаго міра...

«Въ отверстое небо мой взоръ устремленъ,
Душа утопаетъ въ блаженствѣ!..»

— Г. Гуммель,—перебилъ Гиацинтъ эту поэтическую декламацию:—вамъ бы слѣдовало принять... Кровь въ вашихъ книжкахъ снова застоялась. Я знаю, что вамъ нужно.

— Ты не знаешь!—со вздохомъ отвѣчалъ баринъ.

— Повторяю вамъ, я знаю,—возразилъ слуга и кивнулъ своимъ добродушно-участливымъ личикомъ. — Я знаю васъ насквозь, я знаю, что вы совершенная противоположность мнѣ: когда у васъ жажда, я голоденъ, и когда вы голодны, у меня жажда. Вы слишкомъ корпулентны, а я слишкомъ тощъ. У васъ богатое воображеніе, а у меня тѣмъ болѣе дѣловитости. Я практикъ, а вы діарретикъ. Однимъ словомъ, вы совершенно мой антиподексъ.

— Ахъ, Юлія! — вздыхалъ Гумпелино: — будь я желтая лайковая перчатка, которая облекала бы твою руку и цѣловала бы твою щеку! Скажите, докторъ, видѣли ли вы когда-нибудь Креллингера въ «Ромео и Юлію»?

— Конечно. И вся моя душа еще до сихъ поръ въ восторгѣ!

— Ну, въ такомъ случаѣ, — воскликнулъ маркизъ съ воодушевленіемъ, и огонь сверкнулъ изъ его глазъ и освѣтилъ носъ: — въ такомъ случаѣ вы понимаете меня! Вы знаете, что значитъ, когда я вамъ скажу—я люблю. Да, я хочу вполне открыться передъ вами. Гіацинтъ, выйди на время.

— Совсѣмъ не зачѣмъ мнѣ выходить, — сердито отвѣчалъ тотъ. — Вамъ нѣтъ надобности стѣсняться предо мною, я тоже знаю любовь и знаю...

— Ты не знаешь!—воскликнулъ Гумпелино.

— Въ доказательство, г. Гумпелино, что я знаю, мнѣ достаточно произнести имя Юліи Максфильдъ. Успокойтесь, васъ снова любятъ, но отъ этого вамъ мало проку. Зять вашей возлюбленной не выпускаетъ ее изъ глазъ и стережетъ ее день и ночь, какъ брильянтъ.

— О, я несчастный!—жалобно заговорилъ Гумпелино: — я люблю и любимъ взаимно, мы украдкой пожимаемъ другъ другу руки, мы подъ столомъ наступаемъ одинъ другому на ногу, мы подмигиваемъ одинъ другому глазами, и все-таки у насъ не бываетъ никакого удобнаго случая! Какъ часто стою я при свѣтѣ луны на балконѣ, и воображаю себѣ, что я самъ Юлія, и мой Ромео, или мой Гумпелино, назначилъ мнѣ свиданіе, и декламирую совершенно какъ Креллингеръ:

«Приди, о, ночь! Приди, о, Гумпелино,
Ты—свѣтъ во тьмѣ! На крыльяхъ ночи будешь
Поконься ты такъ, какъ свѣжій снѣгъ
На ворона спящій! Приди скорѣе, ночь
Прекрасная, чарующая! Дай мнѣ
Ромео моего, иль Гумпелино!»

— Но, увы! лордъ Максфильдъ постоянно сторожитъ насъ, и мы оба умираемъ отъ томленія. Я не доживу до того дня, когда наступитъ такая ночь, въ которую каждый готовъ отдать въ залогъ весь цвѣтъ чистой юности, чтобы, выигрывая, проиграть! Ахъ, такая ночь была бы мнѣ главнаго выигрыша въ гамбургской лотереѣ!

— Какая безумная фантазія!—воскликнулъ Гіацинтъ— главный выигрышъ, сто тысячъ марокъ!

— Да, милѣ главнаго выигрыша,—продолжалъ Гумпелино:— была бы мнѣ такая ночь. И ахъ, она уже часто общала мнѣ такую ночь при первомъ удобномъ случаѣ. Я уже воображалъ себѣ, какъ на слѣдующее утро послѣ того она будетъ декламировать, совершенно какъ Креллингеръ:

«Ужь ты идешь? Но день еще далѣко.
Въ твой робкій слухъ не жаворонка голось,
А соловья проникнулъ. Соловей
На томъ вотъ деревѣ гранатномъ ночью
Всегда поетъ. Повѣрь мнѣ, милый мой,
То соловей...»

— Главный выигрышъ за одну ночь!—нѣсколько разъ повторилъ Гіацинтъ и никакъ не могъ успокоиться.—Я высокаго мнѣнія, г. маркизь, о вашей образованности, но что въ мечтательномъ бреду вы можете зайти такъ далеко, этого я никогда не думалъ. Извольте видѣть, любовь милѣ главнаго выигрыша! Съ тѣхъ поръ, г. маркизь, какъ я нахожусь въ вашей компаніи въ качествѣ слуги, я дѣйствительно пріобрѣлъ много образованія, но тѣмъ не менѣе убѣжденъ, что даже восьмой доли главнаго выигрыша не отдаю за любовь, Боже меня сохрани! Вѣдь даже если бъ вычестъ пятьсотъ марокъ процента, то все-таки останется двѣнадцать тысячъ марокъ! Любви! Если сосчитать все, что стоила мнѣ любовь, то выходитъ въ итогъ только двѣнадцать марокъ и тринадцать шиллинговъ. Любовь? У меня тоже было много дарового счастья въ любви, которое мнѣ не стоило ни одной копейки, только иногда я par coisaisance срѣзывалъ у моей возлюбленной мозоль. Истинную, глубоко страстную привязанность я испыталъ только одинъ разъ, и это была толстая Гудель изъ Дрекваля. Она брала у меня билеты, и когда я приходилъ къ ней возобновлять ихъ, то она постоянно совала мнѣ въ руку кусокъ пирога, кусокъ очень хорошаго пирога... А иногда она давала мнѣ и варенья, и при этомъ немного ликерчику, и когда я

однажды пожаловался ей, что удрученъ заботами и печалами, то получилъ отъ нея рецептъ порошка, который употребляетъ ея мужъ. Порошокъ этотъ я принимаю и до нынѣшняго часу, онъ мнѣ очень помогаетъ; дальнѣйшихъ послѣдствій наша любовь не имѣла. Мнѣ кажется, г. маркизь, что вамъ не мѣшало бы тоже попробовать этого порошка. Первымъ дѣломъ, какъ я пріѣхалъ въ Италію, было пойти въ Миланъ въ аптеку и заказать себѣ эти порошки. Я ихъ ношу постоянно при себѣ. Погодите немного, я ихъ поищу, и коли поищу, то найду, а коли найду, то вашему превосходительству слѣдуетъ непременно принять ихъ.

Вышло бы чрезчуръ пространно, если бъ я повторилъ здѣсь тѣ комментаріи, которыми отыскиватель сопровождалъ каждую вещь, вытаскивающуюся имъ изъ кармана. Тутъ появилась на свѣтъ: 1) половина восковой свѣчи, 2) серебряный футляръ, гдѣ лежали инструменты для срѣзыванія мозолей, 3) лимонъ, 4) пистолеть, который, хотя и не заряженный, былъ завернуть въ бумагу, можетъ-быть, для того, чтобы видъ его не наводитъ ни на какія опасныя мысли, 5) напечатанный списокъ послѣдняго тиража большой гамбургской лотереи, 6) книжечка изъ черной кожи, гдѣ были записаны псалмы Давида и неуплаченные долги, 7) сухой ивовый прутикъ, завязанный какъ бы узломъ, 8) пакетикъ, обтянутый полинявшею розовой тафтой и заключавшій въ себѣ квитанцію лотерейнаго билета, нѣкогда выигравшаго пятьдесятъ тысячъ марокъ, 9) плоскій кусочекъ хлѣба, въ родѣ корабельнаго сухаря съ маленькой дырочкой посрединѣ, и, наконецъ, 10) вышеупомянутые порошки, на которые маленькій человѣкъ смотрѣлъ съ какимъ-то умилениемъ, меланхолически покачивая головой.

— Когда я подумаю,—вздыхалъ онъ:—что десять лѣтъ назадъ толстая Гудель дала мнѣ этотъ рецептъ, и что я въ настоящее время въ Италіи, и держу тотъ же рецептъ въ рукахъ, и снова читаю слова: «sal mirabile glauberi», что значить по-нѣмецки: самая лучшая и тонкая соль лучшаго сорта—ахъ, тогда становится у меня на душѣ такъ, какъ будто бы я уже принялъ этой соли, и чувствую ея дѣйствіе. Что такое человѣкъ! Я въ Италіи и думаю о толстой Гудель изъ Дрекваля! Кто бы могъ это подумать! Могу представить себѣ, какъ она сидитъ теперь въ своемъ саду, гдѣ свѣтитъ мѣсяцъ, и, безъ сомнѣнія, также поетъ соловей или жаворонокъ...

— Соловей, а не жаворонокъ! — со вздохомъ перебилъ Гумпелино и продекламировалъ:

« Соловей

На томъ вотъ деревѣ гранатномъ ночью
Всегда поеть. Повѣрь мнѣ, милый мой,
То соловей...

— Это все равно,—продолжалъ Гіацинтъ:—помоему будь хоть канарейка; птицы, которыхъ держатъ въ саду, стоятъ очень дешево. Главное дѣло теплица, и обои въ павильонѣ, и сановныя фигуры, что стоятъ предъ павильономъ! А тамъ стоятъ, напримѣръ, голый генераль изъ боговъ, и Венера Уринія, и обѣ эти статуи стоятъ триста марокъ. А посрединѣ сада Гудель устроила фонтенель... И въ эту минуту она, можетъ-быть, стоитъ тамъ, и почесываетъ себѣ носъ, и погрузилась въ мечты, и думаетъ обо мнѣ... Ахъ!

За этимъ вздохомъ послѣдовало грустное молчаніе, которое маркизь прервалъ, наконецъ, томно сдѣланнымъ вопросомъ:

— Скажи мнѣ по чести, Гіацинтъ, дѣйствительно ты убѣжденъ, что твой порошокъ подѣйствуетъ?

— Честное слово, подѣйствуетъ,—отвѣчалъ тотъ.—И почему ему не дѣйствовать? вѣдь дѣйствовалъ же онъ у меня! А развѣ я не такой же живой человекъ, какъ вы! Глауберова соль уравниваетъ всѣхъ людей. И когда Ротшильдъ принимаетъ глауберову соль, то она дѣйствуетъ у него такъ же, какъ и у всякаго мелкаго маклерчика. Я предскажу вамъ все, что будетъ. Высыплю я порошокъ въ стаканъ, налью туда воды, смѣшаю, и какъ только вы проглотите, то сдѣлаете кислую физиономію и скажете бр!.. бр!.. А затѣмъ вы услышите, какъ въ васъ забурчитъ, и странно какъ-то станетъ у васъ на душѣ, и ляжете вы въ постель и, клянусь вамъ честью, встанете, и снова ляжете, и снова встанете и т. д., и на другое утро будете чувствовать себя легко, какъ духъ съ бѣлыми крыльями, и станете плясать отъ здоровья и удовольствія, только лицо у васъ немного поблѣднѣетъ. Но я знаю, что вамъ пріятно, когда у васъ томно-блѣдный видъ, и когда у васъ томно-блѣдный видъ, пріятно на васъ смотрѣть.

Несмотря на такія краснорѣчивыя убѣжденія Гіацинта и на то, что онъ уже приготовлялъ порошокъ, пользы изъ этого вышло бы мало, если бъ маркизу не пришло внезапно на мысль то мѣсто, гдѣ Юлія выпиваетъ роковой напитокъ.

— Какого вы мнѣнія, докторъ,—вскричалъ онъ:—о Мюллеръ въ Вѣнѣ? Я видѣлъ ее въ роли Юліи, и Боже мой,

Боже мой, какъ она играетъ! Я вѣдь самый восторженнѣйшій поклонникъ Креллингера, но Мюллеръ, въ ту минуту, когда она пьетъ изъ кубка, совсѣмъ увлекла меня. Видите, — продолжалъ онъ съ трагическимъ жестомъ, взявъ въ руку стаканъ, куда Гіацинтъ всыпалъ порошокъ: — видите, вотъ такъ держала она кубокъ и съ ужасомъ, который ощущала вмѣстѣ съ нею вся публика, говорила:

«Холодный трепеть ужаса по жиламъ
Бѣжить моимъ, и жизни теплоту
Почти оледеняеть...»

И стояла она, вотъ какъ теперь стою я, и держала кубокъ у губъ, и со словами:

« . . . Повременя, Тибальди!
Ромео, я иду!.. Пью за тебя!.. »

осушила кубокъ...

— На здоровье, г. Гумпелы! — произнесъ Гіацинтъ торжественнымъ тономъ, ибо маркизъ въ своемъ увлеченіи подражаніемъ актрисѣ, осушилъ стаканъ и, изнеможенный декламацией, упалъ на диванъ.

Но она недолго оставался въ этомъ положеніи. Раздался стукъ въ дверь, и вошелъ маленькій жокей леди Макфильдъ. Съ улыбающимся поклономъ онъ подалъ маркизу записку и тотчасъ же удалился. Поспѣшно схватилъ маркизъ бумажку, и между тѣмъ, какъ онъ читалъ, его носъ и глаза сверкали отъ восторга. Но вдругъ смертельная блѣдность покрыла все его лицо, сильное смущеніе задрожало въ каждомъ мускулѣ, съ движеніемъ полного отчаянія вскопчилъ онъ, гнѣвно расхохотался, сталъ бѣгать по комнатѣ взадъ и впередъ и кричалъ:

«Горе мнѣ, посмѣшищу судьбы!»

— Что случилось, что случилось? — спрашивалъ Гіацинтъ дрожащимъ голосомъ, судорожно сжимая руками распятіе, которое онъ снова принялся чистить. — Не собираются ли на насъ напасть сегодня ночью разбойники?

— Что съ вами, г. маркизъ? — спросилъ я, тоже немало изумленный.

— Читайте, читайте! — воскликнулъ Гумпелино, кинувъ намъ полученную записку, и не переставая въ отчаяніи бѣгать по комнатѣ, при чемъ его голубое домино развѣвалось, какъ бурная туча. — Горе мнѣ, посмѣшищу судьбы!

Въ запискѣ прочли мы слѣдующія слова:

«Сладкій Гумпелино!

«На разсвѣтѣ я должна ѣхать въ Англію. Мой зять

уже уѣхалъ и ждетъ меня во Флоренціи. Теперь за мною никто не наблюдаетъ, но, къ сожалѣнію, это только на эту единственную ночь. Воспользуемся этимъ; воспользуемся нектаромъ, который подноситъ намъ любви! Выпьемъ эту чашу до послѣдней капли! Я жду, я дрожу!

Юлія Максфильдъ».

— Горе мнѣ, посмѣшицу судьбы!—воскликала Гумпелино.—Любовь хочетъ поднести мнѣ полную чашу нектара, а я, я бѣдное посмѣшище судьбы, осушилъ уже чашу глауберовой соли! Кто извлечетъ у меня изъ желудка это ужасное питье? Помогите, помогите!

— Тутъ уже не поможетъ ни одно земное существо—со вздохомъ отвѣчалъ Гіацинтъ.

— Я сожалѣю васъ отъ всей души,—сказалъ я.—Вмѣсто чаши съ нектаромъ осушить стаканъ глауберовой соли—это весьма горько! Вмѣсто трона любви ждетъ васъ другое сѣдалище!

— О, Иисусе, Иисусе! — продолжалъ кричать маркизь.— Я чувствую, какъ это питье пробѣгаетъ по всѣмъ моимъ жиламъ. «О, славный аптекаръ, питье твое дѣйствуетъ быстро!» Но это не удержитъ меня! Я поспѣшу къ ней, я упаду къ ея ногамъ, я истеку кровью!

— О крови не можетъ быть тутъ и рѣчи,—утѣшалъ Гіацинтъ:—вѣдь у васъ нѣтъ гомеридъ. Не волнуйтесь только такъ сильно!..

— Нѣтъ, нѣтъ, къ ней, въ ея объятія!.. О, ночь, о, ночь!

— Я повторяю вамъ,—продолжалъ Гіацинтъ съ философскимъ равнодушіемъ:—спокойствіе въ ея объятіяхъ будетъ для васъ невозможно, вамъ придется вставать двадцать разъ. Не волнуйтесь только. Чѣмъ болѣе вы будете бѣгать и прыгать по комнатамъ, тѣмъ быстрѣе поддѣйствуетъ глауберова соль. Ваше душевное настроеніе только помогаетъ природѣ. Переносите, какъ мужчина, что вамъ послала судьба. Что случилось такъ, можетъ-быть, хорошо, и хорошо, можетъ-быть, что такъ случилось. Человѣкъ—земное существо и не понимаетъ рѣшенія высшихъ силъ. Человѣку кажется часто, что онъ идетъ навстрѣчу своему счастью, а на его дорогѣ стоитъ, можетъ-быть, несчастіе съ палкой. Когда же простая мѣщанская палка обрушивается на дворянскую спину, тогда, г. маркизь, человѣку это очень чувствительно.

— Горе мнѣ, посмѣшицу счастья!—все еще продолжалъ бушевать Гумпелино, а его лакей спокойно говорилъ:

— Человѣкъ ожидаетъ часто чашу съ нектаромъ, а по-

лучаетъ супъ изъ розогъ, и если нектаръ сладокъ, то розги тѣмъ горше, и истинное еще счастье, что человекъ, бывшій другого, наконецъ, устааетъ, иначе другой никакъ бы не могъ вынести. Но еще опаснѣе, когда несчастіе съ кинжаломъ и ядомъ подстергаетъ человека на дорогѣ любви, такъ что онъ не можетъ быть увѣренъ за свою жизнь. Быть-можетъ, г. маркизъ, дѣйствительно хорошо, что такъ случилось, ибо, можетъ-быть, вы въ жару любви поспѣшили бы къ своей возлюбленной, а на дорогѣ налетѣлъ бы на васъ маленькій итальянецъ съ кинжаломъ въ шесть аршинъ длины, и кольнулъ бы васъ — я не хочу накликать на васъ ничего дурного — кольнулъ бы васъ въ игру. Ибо здѣсь нельзя, какъ въ Гамбургѣ, сейчасъ же позвать стражу, и въ Апенниннахъ нѣтъ ночныхъ сторожей. Или, можетъ-быть, даже, — продолжалъ неумолчный утѣшитель, нисколько не смущаясь отчаяніемъ маркиза: — можетъ-быть, даже, въ то время, какъ вы сидѣли бы самымъ удобнымъ и пріятнымъ образомъ у леди Максфильдъ, внезапно вернулся бы изъ путешествія зять, и приставилъ бы вамъ къ груди заряженный пистолетъ, и заставилъ бы васъ подписать вексель въ сто тысячъ марокъ. Не хочу накликать на васъ дурное, но предполагаю, что вы красавецъ, и леди Максфильдъ въ отчаяніи, что должна потерять своего красавца, и съ ревностью, присущею женщинамъ, не хочетъ, чтобы послѣ нея вы блаженствовали съ какой-нибудь другой... Что же она дѣлаетъ? Она беретъ лимонъ или апельсинъ, всыпаетъ туда маленькій бѣленькій порошочекъ и говоритъ: «освѣжись, мой возлюбленный, тебѣ очень жарко отъ быстрой ходьбы», и на слѣдующее утро вы, дѣйствительно, совсѣмъ похолодѣвшій человекъ. Былъ у меня знакомый, звали его Пиперъ, и былъ онъ страстно влюбленъ въ одну дѣвицу, которую звали сладко-голосый ангелочекъ, и жила она въ кофейной, а онъ жилъ на улицѣ Фулентвите...

— Я бы желалъ, Гиршъ, — бѣшено воскликнулъ маркизъ, волненіе котораго дошло до крайней степени: — я бы желалъ, чтобы у твоего Пипера изъ Фулентвите, и его ангелочка изъ кофейной, и у тебя, и у Гудели, у всѣхъ васъ была въ животѣ моя глауберова соль!

— Чего же вы на меня сердитесь, г. маркизъ! — возразилъ Гиацинтъ не безъ маленькаго раздраженія. — Чѣмъ я виноватъ, что леди Максфильдъ убѣждаетъ какъ разъ сегодня ночью и приглашаетъ васъ какъ разъ сегодня? Могъ я развѣ знать это заранѣе? Развѣ я Аристотель? Служу я,

что ли у Промысла? Я только обѣщалъ, что порошокъ по-дѣйствуетъ, и это такъ же вѣрно, какъ то, что я буду нѣ-когда въ жилищѣ блаженныхъ. А вотъ если вы будете про-должать бѣгать по комнатамъ такъ же бѣшено, какъ теперь, то онъ подѣйствуетъ еще скорѣе...

— Ну, такъ я буду сидѣть спокойно!—простоналъ Гум-пелино, топнуть о землю ногою, сердито бросился на ди-ванъ, насильно подавилъ свое бѣшенство, и господинъ и слуга долго и молча смотрѣли другъ на друга, пока, нако-нецъ, первый, послѣ глубокаго вздоха, чуть слышно произнесъ:

— Но, Гиршъ, что подумаетъ обо мнѣ она, если я не приду? Вѣдь она ждетъ меня, ждетъ нетерпѣливо, она дро-жить, она пламенѣетъ отъ любви...

— У нея очень красивая нога, — проговорилъ про себя Гиацинтъ и тоскливо покачалъ головою. Но въ его груди, повидимому, начало происходить сильное волненіе. Подъ его краснымъ кафтаномъ видно работала смѣлая мысль.

— Господинъ Гумпель, — вырвалось, наконецъ, изъ него: — пошлите меня!

При этихъ словахъ яркій румянецъ разлился по блѣдно-ватому дѣловому лицу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Когда Кандидъ пришелъ въ Эльдorado, онъ увидѣлъ на улицѣ толпу мальчиковъ, игравшихъ, вмѣсто камешковъ, золотыми слитками. Эта роскошь привела его къ заключенію, что это дѣти короля, и онъ немало удивился, когда узналъ, что въ Эльдorado золотые слитки такъ же дешевы, какъ у насъ простые камни, и что мальчишки играютъ ими. Съ однимъ изъ моихъ друзей, иностранцемъ, случилось почти то же самое, когда онъ пріѣхалъ въ Германію и сталъ впервые читать нѣмецкія книги и пришелъ въ изумленіе отъ богатства мыслей, которыя нашелъ тамъ; но скоро онъ замѣтилъ, что мысли въ Германіи такъ же не рѣдки, какъ золотые слитки въ Эльдorado, и что тѣ писатели, кото-рыхъ онъ принималъ за царей духа, были обыкновенные школьники.

Эта исторія всегда приходитъ мнѣ на мысль, когда я намѣреваюсь писать прекраснѣйшія размышленія объ искус-ствѣ и жизни, и тутъ мною овладѣваетъ смѣхъ, и я пред-почитаю удерживать свои мысли въ перѣ, или вмѣсто нихъ нацарапываю на бумагѣ какую-нибудь картинку или фигуру, и убѣждаю себя, что такія изображенія въ Германіи, отомъ

умственномъ Эльдorado, гораздо пригоднѣе самыхъ золотыхъ мыслей.

Въ рисункахъ, которые я предлагаю тебѣ, любезный читатель, теперь, ты снова увидишь знакомыя лица — Гумпелино и его Гирша-Гіацинта, и если первый изображенъ тутъ менѣе опредѣленными чертами, то я, все-таки, надѣюсь, что ты будешь достаточно проникателенъ для того, чтобы понять отрицательный характеръ безъ слишкомъ положительныхъ обозначеній. Эти послѣднія могли бы навлечь на меня процессъ за диффамацию, или нѣчто еще болѣе опасное. Ибо маркизъ очень силенъ, благодаря своимъ деньгамъ и связямъ. При этомъ онъ естественный союзникъ моихъ враговъ, онъ поддерживаеетъ ихъ субсидіями, онъ аристократъ, ультрапалистъ, только кое-что недостаетъ ему еще, но онъ, вѣроятно, выучится и этому — учебникъ у него въ рукахъ, какъ ты увидишь изъ моихъ рисунковъ.

Снова вечеръ, на столѣ стоятъ два подсвѣчника съ зажженными восковыми свѣчами, ихъ свѣтъ играетъ на золотыхъ рамкахъ иконъ, которыя, вися на стѣнахъ, кажутся живыми отъ колеблющагося огня и подвижныхъ тѣней. На улицѣ предъ окномъ стоятъ въ серебряномъ сіяніи луны, зловѣще неподвижно, мрачные кипарисы, а въ отдаленіи раздается печальная нѣсенка во славу Маріи, которую поетъ больной дѣтскій голосъ. Въ комнатѣ какъ-то особенно душно. Маркизъ Христофоро и де-Гумпелино снова сидитъ, или, вѣрнѣе, съ небрежной гордостью лежитъ на подушкахъ дивана. Благородное потѣющее тѣло снова облечено въ голубое шелковое домино. Въ рукахъ у него книга, переплетенная въ красный сафьянъ съ золотымъ обрѣзомъ, и онъ громко и томно декламируетъ изъ нея. Въ глазахъ маркиза маслянистый блескъ, какой бываетъ у влюбленныхъ котовъ, и его щеки, даже обѣ ноздри какъ-то болѣзненно блѣдны. Но, любезный читатель, эта блѣдность легко объясняется философски антропологическимъ путемъ, если сообразить, что маркизъ наканунѣ проглотилъ цѣлый стаканъ глауберової соли.

А Гиршъ-Гіацинтъ сидитъ на полу комнаты и большимъ кускомъ мѣла рисуетъ на темномъ полу, въ большомъ масштабѣ, приблизительно слѣдующіе знаки:

oo—oo—oo—oo

—

oo—oo—oo—oo

—

oo—oo—oo—oo

oo—oo—oo

oo

Эта работа, повидимому, пришлась далеко не по вкусу маленькому человечку; тяжело вздыхая при каждом наклоненіи къ полу, онъ сердито ворчить: «Спидей, трохей, ямбъ, антиспась, анапестъ!» При этомъ, для большій свободы движеній, онъ снялъ красный кафтанъ, вслѣдствіе чего обнаружались двѣ короткія скромныя ножонки въ узкихъ пурпурныхъ панталонахъ и двѣ нѣсколько болѣе длинныя тощія руки въ бѣлыхъ широкихъ рукавахъ рубашки.

— Что это за странныя фигуры? — спросилъ я послѣ нѣсколькихъ минутъ созерцанія.

— Это стопы въ натуральную величину, — вздыхая, отвѣчалъ онъ. — Мнѣ приходится эти стопы удерживать въ головѣ, и рукавъ моимъ очень больно отъ всѣхъ тѣхъ стопъ, которыя я долженъ вырисовывать теперь. Это настоящія, истинныя стопы поэзіи. Не будь это ради моего образованія, я бы къ чорту отправилъ поэзію со всѣми ея стопами. Въ настоящую минуту я беру у господина маркиза частныя уроки поэтическаго искусства. Г. маркизъ читаетъ мнѣ стихотворенія и объясняетъ мнѣ, изъ сколькихъ стопъ они состоятъ, я долженъ записывать ихъ и затѣмъ счесть, правильно ли стихотвореніе.

— Вы застаете насъ, — сказалъ маркизъ дидактически-патетическимъ тономъ:—дѣйствительно въ поэтическомъ занятіи. Я хорошо знаю, докторъ, вы принадлежите къ тѣмъ пестамъ, у которыхъ упрямая голова и которые не хотятъ понять, что стопы въ поэзіи—главное дѣло. Но образованный умъ привлекается только образованной формой. А форму эту мы можемъ узнать только отъ грековъ и тѣхъ новыхъ поэтовъ, которые по-гречески дѣйствуютъ, по-гречески думаютъ, по-гречески чувствуютъ и такимъ способомъ выражаютъ свои чувства людямъ.

— Конечно, мужчинамъ, а не женщинамъ, какъ дѣлаютъ обыкновенно неклассическіе романтическіе поэты, замѣтило мое ничтожество.

— Г. Гумпель говоритъ иногда, какъ книга, — шепнулъ мнѣ сбоку Гіацинтъ, сжалъ узкія губы, моргнулъ гордо

самодовольными глазенками и покачалъ почтительно изумленной головенкой. — Увѣрю васъ, — прибавилъ онъ нѣсколько громче: — какъ книга говорить онъ иногда, и въ это время онъ ужъ, такъ сказать, не человекъ, а высшее существо, и тутъ, чѣмъ больше я слушаю его, тѣмъ глуше становлюсь.

— А что у васъ въ настоящую минуту въ рукахъ? — спросилъ я маркиза.

— Брильянты, — отвѣчалъ онъ и подаль мнѣ книгу.

При словѣ брильянты, Гиацинтъ вскочилъ, но увидѣвъ, что это только книга, сострадательно улыбнулся. Брильянтовая же книга носила на первой страницѣ слѣдующее заглавіе:

«Стихотворенія Августа графа Платена. Штутгартъ и Тюбингенъ. Изданіе книгопродавческой фирмы Котта, 1828 года».

А на слѣдующей страницѣ было написано красивымъ почеркомъ: «Подарокъ теплой братской дружбы».

При этомъ отъ книги несло тѣмъ страннымъ запахомъ, который съ одеклономъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства, и его, можетъ-быть, слѣдовало приписать тому обстоятельству, что маркизъ читалъ эту книгу всю ночь.

— Я всю ночь не могъ сомкнуть глазъ, — жаловался онъ мнѣ: — я былъ слишкомъ взволнованъ. Чуть не двѣнадцать разъ вскакивалъ я съ постели, и къ счастью, было у меня это превосходное чтеніе, откуда я почерпалъ не только много поучительнаго для поэзіи, но и утѣшеніе для жизни. Вы видите, какъ чту я эту книгу. Въ ней цѣлы всѣ до одной страницы, а между тѣмъ, нынѣшнюю ночь неоднократно чувствовалъ я искушеніе...

— Это со многими случается, г. маркизъ.

— Я клянусь вамъ нашей Лоретской Мадонной и своей честью, — продолжалъ Гумплино: — что эти стихотворенія не имѣютъ себѣ подобныхъ. Какъ вамъ извѣстно, вчера вечеромъ я былъ въ отчаяніи, какъ сказать, au désespoir, что рокъ не позволилъ мнѣ обладать моей Юліей, — и вотъ я сталъ читать эти стихотворенія — каждый разъ, какъ мнѣ приходилось вставать, по одному стихотворенію. И то равнодушіе, которое авторъ пишетъ къ женщинамъ, имѣло слѣдствіемъ, что и мнѣ моя собственная любовная скорбь сдѣлалась противна. То и прекрасно въ этомъ поэтѣ, что онъ пламенѣетъ только къ мужчинамъ, въ одушевленіи горячей

дружбой. Нашему брату онъ оказываетъ предпочтеніе предъ женскимъ поломъ, и уже за эту честь мы должны ему быть благодарны. Въ этомъ онъ болѣе великъ, чѣмъ всѣ остальные поэты. Онъ не льститъ обыкновенному вкусу толпы, онъ излѣчиваетъ насъ отъ страсти къ женщинамъ, причиняющимъ намъ столько несчастія... О, женщины, женщины! Кто освободитъ насъ отъ вашихъ оковъ, тотъ будетъ благодѣтелемъ человѣчества! Вѣчно нужно жалѣть о томъ, что Шекспиръ не употребилъ на это свой прекрасный театралный талантъ, ибо, какъ я впервые узналъ изъ этой книги, онъ чувствовалъ не менѣе благородно, чѣмъ великій графъ Платенъ, который въ своихъ сонетахъ говоритъ о Шекспирѣ:

«Не дѣвушки капризъ покой твой нарушатъ,
Ты къ дружбѣ пламенѣль, и въ ней вкушалъ лишь сладость;
Отъ женщины сѣтей твой другъ тебя спасалъ,
И красота его—твоя печаль и радость».

Между тѣмъ какъ маркизъ съ теплотою декламировалъ эти слова, и гладкій навозъ какъ бы таялъ у него на языкѣ, Гиацинтъ корчилъ самыя противоположныя одна другой мины, въ одно и то же время сердитыя и одобрительныя, и, наконецъ, сказалъ:

— Г. маркизъ, вы говорите, какъ книга, и стихи текутъ у васъ снова такъ же легко, какъ сегодня ночью, но ихъ содерженіе мнѣ не нравится. Какъ мужчина, чувствую я себя польщеннымъ, что графъ Платенъ отдаетъ намъ предпочтеніе предъ женщиной, но, съ другой стороны, какъ другъ женщинъ, я противникъ такого мужчины. Таковъ ужъ человѣкъ. Одному нравится лукъ, другому больше по вкусу теплая дружба. Я же, какъ честный человѣкъ, долженъ искренно сознаться, что очень люблю лукъ, и кривая кухарка мнѣ милѣе самаго красиваго друга мужчины. Да, нужно сознаться, въ мужскомъ полѣ я не нахожу столько ужъ красиваго, чтобъ можно было влюбляться въ него.

Эти послѣднія слова Гиацинтъ произнесъ, оглядывая себя въ зеркало, а маркизъ, между тѣмъ, не обращалъ на него вниманія и продолжалъ декламировать:

Der Hoffnung Schaumgebäude bricht zusammen,
Wir mühn uns ach! und kommen nicht zusammen:
Mein Name klingt aus deinem Mund melodisch,
Doch reihst du selten dies Gedicht zusammen;
Wie Sonn'und Mond uns stets getrennt zu halten,
Verschworen Sitte sich und Pflicht zusammen,
Lass Haupt an Haupt uns lehnen, denn es taugen
Doin dunkles Haar, mein hell Gesicht zusammen!

Doch ach'ich träume, denn du ziehst von hinnen
Eh'noch das Glück uns brachte dicht zusammen!
Die Seelen bluten, da getrennt die Leiber,
O, wären's Blumen, die man flicht zusammen!

— Забавная поэзія!—воскликнул Гіацинтъ, бормотавшій себѣ подъ носъ рифмы этихъ стиховъ—*Sitte sich und Pflicht zusammen, Gesicht zusammen, dicht zusammen, flicht zusammen!*.. Забавная поэзія! Мой зять, когда читаетъ стихи, часто для шутки ставитъ въ концѣ каждаго стиха поочередно «спереди» и «сзади», — и я никогда не зналъ, что стихотворенія съ такими рѣмами называются газелями. Надо мнѣ попробовать—не станеть ли еще красивѣе стихотвореніе, которое продекламировалъ г. маркизь, если послѣ слова *zusammen* ставитъ каждый разъ по очереди «спереди» и «сзади». Поэзія отъ этого навѣрно станеть сильнѣе на двадцать процентовъ.

Не обращая вниманія на эту болтовню, маркизь продолжалъ декламировать газели и сонеты, въ которыхъ любящій воспѣваетъ своего красавца-друга, прославляетъ его, сѣтуетъ на него, обвиняетъ его въ холодности, составляетъ планы, какъ бы свидѣться съ нимъ, заигрываетъ съ нимъ, рѣвнуетъ, томится, проходитъ цѣлую скалу всякихъ нѣжностей, и все это такъ горячо и страстно, что можно подумать, авторь—безумно влюбленная въ мужчину дѣвушка... Странно кажется при этомъ только то, что эта дѣвушка постоянно жалуется, что любовь ея противна существующему «обычаю», что противъ этого, разлучающаго влюбленныхъ, обычая она раздражена такъ, какъ карманный воръ противъ полиціи, что она хотѣла бы обнять съ любовью «лядвси» друга, что она жалуется на «завистниковъ, вступающихъ между собою въ коварный заговоръ, чтобы мѣшать намъ и разлучить насъ», что она сѣтуетъ на оскорбленія, которыя приходится переносить ей отъ друга, что она увѣряетъ его въ своемъ желаніи хоть на минуту взглянуть на него, что она клянется: «ни однимъ слогомъ не утрашу я твоего слуха», и наконецъ, сознается:

«Желанью моему противились другіе,
И ты не внялъ ему, но въ то же время
И не отвергъ его о, другъ мой ненаглядный!»

Я долженъ засвидѣтельствовать, что маркизь, декламировалъ эти стихи очень хорошо, при этомъ достаточно вздыхалъ, стоналъ и какъ-то кокетливо ерзалъ взадъ и впередъ по дивану. Гіацинтъ постоянно повторялъ за ними

рпомы, хотя и вставлялъ отъ времени до времени совѣтъ неподобающія замѣчанія. На оды обращалъ онъ самое усиленное вниманіе. «На этомъ родѣ,—говорилъ онъ;—можно научиться гораздо больше, чѣмъ на сонетахъ и газеляхъ: такъ какъ въ одахъ сверху всегда отпечатаны стопы, то можно удобно провѣрить счетъ каждаго стихотворенія. Каждому поэту слѣдовало бы, какъ графу Платену, при самыхъ трудныхъ своихъ стихотвореніяхъ печатать сверху стиховъ стопы и говорить читателю: «Видите, я честный человѣкъ, я не хочу васъ обманывать, эти прямые и кривые черточки, которыя я ставлю предъ каждымъ стихотвореніемъ, суть, такъ сказать, *conto-finto* каждаго стихотворенія, и вы можете вычислить, сколько оно стоило мнѣ труда. Онѣ, такъ сказать, масштабъ всякаго стихотворенія, и вы можете смѣрить его, и если окажется, что не достаесть хоть одного слога, то, вотъ какъ я честный человѣкъ, можете назвать меня мошенникомъ». Но именно это выставленіе на видъ своей честности и можетъ вводить въ обманъ публику. Именно потому, что предъ стихотвореніемъ поставлены стопы, думаешь: я не хочу быть недобрыми, съ какой стати повѣрять мнѣ этого человѣка!—и вотъ вы не считаете, и оказываетесь обманутымъ. Развѣ можно постоянно все считать и считать? Теперь вотъ мы въ Италіи, и у меня достаточно времени писать стопы мѣломъ на полу, и провѣрять каждую оду. Но въ Гамбургѣ, гдѣ у меня свое дѣло, времени на это не хватитъ, мнѣ пришлось бы на слово вѣрить графу Платену, какъ вѣришь въ разныхъ кассахъ тѣмъ мѣшкамъ съ деньгами, на которыхъ написано, сколько въ нихъ сотенъ талеровъ; они переходятъ запечатанные изъ рукъ въ руки, и каждый получающій вѣритъ предшествующему, что тамъ дѣйствительно столько, сколько написано; а между тѣмъ, бывали примѣры, что праздный человѣкъ, у котораго было достаточно времени, распечатывалъ такой мѣшокъ и считалъ, и оказывалось, что пары-другой талеровъ не доставало. Могутъ поэтому мошенничества случаться и въ поэзіи. Особенно становлюсь я недобрыми, когда думаю о денежныхъ мѣшкахъ. Ибо мой зять рассказалъ мнѣ, что въ тюрьмѣ въ Одензе сидитъ теперь человѣкъ, который служилъ въ почтовомъ управленіи: онъ безчестно распечатывалъ денежные мѣшки, проходившіе черезъ его руки, и безчестно вытаскивалъ оттуда деньги, а затѣмъ снова запечатывалъ и посылалъ дальше. Когда слышишь о такихъ штукахъ, то теряешь довѣріе къ лю-

дѣлать и становиться недоувѣрчивымъ человѣкомъ. Въ настоящее время на свѣтѣ много мошенничества, и несомнѣнно, что въ поэзіи его столько же, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ.

— Честность,—продолжалъ Гіацинтъ, между тѣмъ какъ маркизъ не переставалъ декламировать, совершенно погружаясь въ чувство:—честность, г. докторъ, главное дѣло, и на всякаго нечестнаго я смотрю, какъ на мошенника, и у того, кто мнѣ представляется мошенникомъ, я не покупаю ничего и не читаю, что онъ пишетъ, однимъ словомъ, не дѣлаю съ нимъ никакого дѣла. Я не изъ тѣхъ людей, г. докторъ, которые всякимъ пустякомъ тщеславятся, но если-бъ я захотѣлъ чѣмъ-нибудь тщеславиться, то тщеславился бы тѣмъ, что я честный человѣкъ. Разскажу вамъ про одну свою благородную черту, и вы изумитесь, говорю вамъ, какъ честный человѣкъ, изумитесь. Живетъ въ Гамбургѣ одинъ человѣкъ, и торгуетъ онъ травами, и зовется онъ Клѣцхенъ; то-есть, это я называю его Клѣцхенъ, потому что мы близкіе друзья, а на самомъ дѣлѣ зовутъ его геръ Клоцъ. Жену его слѣдуетъ называть мадамъ Клоцъ. И вотъ она терпѣть не можетъ, чтобы мужъ ея бралъ у меня билеты, и когда онъ желалъ играть, то я не смѣлъ приходить къ нему домой съ билетами, а всегда онъ мнѣ говорилъ при встрѣчѣ на улицѣ: «Вотъ такой-то и такой-то номеръ хочу я получить у тебя, и вотъ тебѣ деньги, Гиринъ!» И я отвѣчалъ: «Хорошо, Клѣцхенъ!» И придя домой, запечатывалъ я этотъ билетъ въ конвертъ и надписывалъ нѣмецкими буквами: «за счетъ г. Христіана Генриха Клоца». Ну, а теперь послушайте и изумляйтесь. Былъ прекрасный весенній день, и деревья на биржѣ были совсѣмъ зеленыя, и зефиръ вѣялъ очень приятно, и солнце блестяло на небѣ, и я стоялъ у гамбургскаго банка. Проходитъ Клѣцхенъ, мой Клѣцхенъ, и подъ руку съ нимъ его толстая мадамъ Клоцъ, и кланяется онъ мнѣ, и заговариваетъ о великолѣпнн Божьей весны, дѣлаетъ затѣмъ нѣсколько патріотическихъ замѣчаній о нашей національной стражѣ и спрашиваетъ меня, какъ идутъ дѣла. Я отвѣчаю ему, что нѣсколько часовъ назадъ опять стоялъ кто-то у позорнаго столба. И вотъ въ такой бесѣдѣ, мимиходомъ, я говорю ему: «Сегодня ночью спилось мнѣ, что номеръ 1538 выигралъ большой выигрышъ». Въ эту самую минуту, между тѣмъ какъ мадамъ Клоцъ разсматриваетъ императорскихъ статистовъ при ратушѣ, онъ всовываетъ мнѣ въ

руку 12 полновѣсныхъ лундоровъ—я какъ будто еще теперь чувствую ихъ,—и прежде, чѣмъ мадамъ Клоцъ успѣла снова повернуться къ намъ, я говорю: «Хорошо, Клѣцхенъ», и иду дальше. Иду я прямо въ главную лотерейную контору и беру 1538 номеръ и, возвратясь домой, немедленно запечатываю его въ конвертъ и пишу на конвертъ: «За счетъ г. Христіана-Генриха Клоца». Что-жь дѣлаетъ Господь? Двѣ недѣли спустя, чтобы испытать мою честность, онъ выпускаетъ 1538 номеръ съ выигрышемъ въ 50.000 марокъ. Что же дѣлаетъ Гиршъ, тотъ самый Гиршъ, который въ настоящую минуту стоитъ предъ вами? Этотъ Гиршъ надѣваетъ чистое бѣлье, галстукъ, и беретъ извозчика, и вынимаетъ изъ главной конторы 50.000 марокъ, и ѣдетъ съ ними къ Клоцу. Увидѣвъ меня, Клѣцхенъ, спрашиваетъ: «Гиршъ, отчего ты сегодня такой нарядный?» Но я не отвѣчаю ни слова, и кладу на столъ большой кошелекъ съ золотомъ, и говорю весьма торжественно: «Господинъ Генрихъ Клоцъ, номеръ 1538, который вамъ благоудобно было заказать мнѣ, имѣлъ счастье выиграть 50.000 марокъ. Въ этомъ кошелькѣ я имѣю честь предложить вамъ деньги и беру смѣлость попросить у васъ квитанцію». Слыша это, онъ начинаетъ плакать, мадамъ Клоцъ тоже начинаетъ плакать, грязная горничная плачетъ, кривой приказчикъ плачетъ, дѣти плачутъ... А я? Я, такой чувствительный человекъ, не могъ, однако, плакать, и сперва упалъ въ обморокъ, и только потомъ хлынули у меня изъ глазъ, точно водопадъ, слезы, и я проплакалъ три часа сряду.

Голосъ маленькаго человѣчка дрожалъ въ то время, какъ онъ рассказывалъ, и затѣмъ торжественно вынулъ онъ изъ кармана уже упомянутый мною конвертикъ; снялъ съ него полинявшую розовую тафту и показалъ мнѣ квитанцію, въ которой Христіанъ Генрихъ Клоцъ удостовѣрялъ получение имъ 50.000 марокъ.

— Когда я умру, — сказалъ Гяцинтъ со слезами въ глазахъ:— пусть эту квитанцію положить со мною въ могилу. И когда придется мнѣ отдавать въ день страшнаго суда отчетъ о моихъ земныхъ дѣйствіяхъ, то я предстану съ этой квитанціей въ рукѣ, и когда мой злой духъ исчислитъ злые поступки, совершенные мной на землѣ, а мой добрый ангелъ захочетъ приступить къ чтенію моихъ добрыхъ поступковъ, то я скажу ему: «Молчи, я хочу только знать, правильна ли эта квитанція, дѣйствительно ли это почеркъ Христіана Германа Клоца?» И тутъ прилетитъ къ намъ

крошечный ангелъ, и скажетъ, что онъ очень хорошо знаетъ почеркъ Клѣцхенъ, и расскажетъ удивительную исторію о моемъ честномъ поступкѣ... И воспоется мнѣ хвала въ присутствіи солнца, луны и звѣздъ, и будетъ вычислено, что если изъ 50.000 марокъ честности вычестъ мои злые поступки, то мнѣ все-таки останется еще получить порядочную сумму

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Кто же этотъ графъ Платенъ, съ которымъ мы познакомились въ прошедшей главѣ, какъ съ поэтомъ и горячимъ другомъ? Ахъ, любезный читатель, этотъ вопросъ я давно уже читалъ на твоёмъ лицѣ и съ колебаніемъ приступаю къ отвѣту. Въ томъ-то и заключается невзгода нѣмецкихъ писателей, что каждаго добраго или злого дурака, котораго они выводятъ на сцену, приходится имъ сперва опредѣлять сухой характеристикой и описаніемъ личности, для того, чтобы, во-первыхъ, знали, что онъ существуетъ, а во-вторыхъ—сдѣлалось извѣстнымъ мѣсто, куда его ударить такъ, чтобы поцало въ цѣль—снизу или сверху, спереди или сзади. У древнихъ это было иначе, иначе оно и теперь у новыхъ народовъ, напримѣръ, англичанъ и французовъ, у которыхъ есть народная жизнь и вслѣдствіе этого public characters. Мы же, нѣмцы, имѣемъ, правда, цѣлый дурацкій народъ, но мало выдающихся дураковъ, которые были бы достаточно извѣстны для того, чтобы ими можно было пользоваться, какъ общепонятными характерами въ прозѣ и стихахъ. Немногіе люди этого рода, какими мы обладаемъ, дѣйствительно правы, когда придаютъ себѣ важность. Ихъ достоинства ничѣмъ неоцѣнимы, и самыя высшія притязанія съ ихъ стороны совершенно основательны. Такъ, напримѣръ, г. тайный совѣтникъ Шмальцъ, профессоръ берлинскаго университета—человѣкъ, за котораго не заплатитъ никакими деньгами; юмористическій писатель не можетъ безъ него обойтись, и онъ самъ чувствуетъ эту личную важность и незамѣнимость свою въ такой высокой степени, что пользуется каждымъ случаемъ, чтобы давать юмористическимъ писателямъ матеріалъ для сатиры, что день и ночь изыскиваетъ онъ средства, какъ бы ему сдѣлаться смѣшнымъ въ качествѣ государственнаго человѣка, сервиллиста, декана, автора, гегелианца и патриота, и такимъ способомъ фактически содѣйствовать процвѣтанію литературы, за которую онъ какъ бы приноситъ себя въ жертву.

Пѣмецкимъ университетамъ вообще надо поставить въ большую заслугу, что они болѣе, чѣмъ всякій другой цехъ, снабжаютъ пѣмецкихъ писателей всевозможными дураками, и особенно всегда цѣнили я въ этомъ отношеніи Геттингель. Въ этомъ обстоятельстве заключается также тайная причина, почему я стою за сохраненіе университетовъ, гдѣ постоянно проповѣдывали свободу промысла и уничтоженіе цехового устройства. При такомъ ошутительномъ недостаткѣ въ выдающихся дуракахъ, я заслуживаю полнѣйшую благодарность, если вывожу на сцену и дѣлаю общепотребительными новыхъ. Въ интересахъ литературы поговорю я поэтому здѣсь нѣсколько подробнѣе о графѣ Августѣ фонъ-Платенъ-Галлермпонде. Я желаю съ своей стороны содѣйствовать, чтобы онъ сдѣлался извѣстнымъ и отчасти знаменитымъ, я, такъ сказать, литературно выкормлю его, какъ дѣлаютъ ирокезцы съ тѣми плѣнными, которыхъ они хотятъ съѣсть на предстоящихъ пиршествахъ. Поступлю я въ этомъ случаѣ совершенно честно, крайне вѣжливо, какъ подобаетъ бюргеру. Матеріальной стороны, такъ называемой личности, я коснусь только потолику, потолику можно этимъ объяснить явленія духовныя, и постоянно буду въ совершенной точности указывать точку зрѣнія, съ которой я смотрѣлъ на него, а иногда даже очки, сквозь которые смотрѣлъ.

Точка зрѣнія, съ которой я увидѣлъ графа Платена въ первый разъ, была Мюнхенъ, арена его стремленій, гдѣ онъ у всѣхъ, знающихъ его, весьма знаменитъ и гдѣ, пока ему суждено оставаться въ живыхъ, онъ несомнѣнно будетъ безсмертенъ. Очки, сквозь которые я глядѣлъ на него, принадлежали нѣсколькимъ туземцамъ Мюнхена, которые въ веселые часы кидали то или другое веселое словечко на счетъ его внѣшности. Самого его я никогда не видалъ, и если хочу представить себѣ его фигуру, то всегда воспоминаю смѣнное бѣшенство, съ которымъ однажды мой другъ, докторъ Лаутенбахенъ, накинулся вообще на глупость поэтовъ, причемъ особенно говорилъ о нѣкоемъ графѣ Платенѣ, который появлялся на общественной прогулкѣ въ Эрлангенѣ съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и, устремивъ въ небо осѣдланнныя очками носъ, представлялся погруженнымъ въ поэтическое вдохновеніе. Другіе лучше отзывались о бѣдномъ графѣ и сожалѣли только о его ограниченныхъ матеріальныхъ средствахъ, заставлявшихъ его работать черезъ силу при честолюбивыхъ его стремленіяхъ—выдаться,

по крайней мѣрѣ въ качествѣ поэта. И эти люди говорили въ особенности о его предупредительной привѣтливости къ болѣе молодымъ, относительно которыхъ онъ былъ олицетвореніе скромности, ибо съ очаровательнѣйшимъ смиреніемъ просилъ у нихъ позволенія по временамъ заходить къ нимъ въ комнату, а затѣмъ простирая свою доброту такъ далеко, что приходилъ чуть не каждый день даже въ томъ случаѣ, когда ему давали самымъ явственнымъ образомъ загнѣвать несносность его посѣщеній. Такіе рассказы до известной степени трогали меня, хотя я находилъ весьма естественнымъ это отсутствіе личнаго одобренія. Напрасно жаловался часто графъ:

« . . . Ахъ, блѣнокурой юности твоей,
 Плѣнительный мой мальчикъ, непріятель
 Меланхолическій товарищъ. Ну, такъ я
 Примусь шутить, пущусь охотю въ фарсы,
 Въмѣсто того, чтобъ услаждать себя,
 Какъ дѣлалъ я до этихъ поръ, слезами.
 И небо я рѣшился умолять
 Послать мнѣ въ даръ мнѣ чуждую веселость... »

Напрасно увѣрялъ бѣдный графъ, что онъ со временемъ будетъ знаменнѣйшимъ поэтомъ, что ужъ теперь на его челѣ усматривается тѣнь отъ лавроваго листа, что своихъ милыхъ отроковъ онъ также можетъ со временемъ сдѣлать бессмертныхъ, посредствомъ непреходящихъ стихотвореній. Ахъ, именно эта знаменитость не была ни для кого пріятна и дѣйствительно, завидной нельзя ее назвать. Я помню еще, съ какою сдержанной улыбкой смотрѣли на кандидатовъ въ подобныя знаменитости нѣсколько веселыхъ друзей подъ мюнхенскими аркадами. Одинъ злодѣй-прорицатель увѣрялъ даже, что сквозь полы сюртука этого юноши онъ усмотрѣлъ тѣнь лавроваго листа. Что касается меня, любезный читатель, то я не такъ золъ, какъ ты думаешь. Я сожалѣю о бѣдномъ графѣ въ то время, когда другіе осмѣиваютъ его. Я сомнѣваюсь, что онъ дѣйствительно отомстилъ ненавистному «обычаю», хотя онъ и высказываетъ въ своихъ пѣсняхъ томное желаніе предаться такой местн. Я больше вѣрю въ оскорбленія, насмѣшки и обидные отказы, о которыхъ онъ самъ поетъ такъ трогательно. Я убѣжденъ, что относительно «обычая» онъ вообще велъ себя похвальнѣе, чѣмъ самъ желалъ, и онъ, я думаю, можетъ, какъ генераль Тилли, съ гордостью сказать о себѣ: «Я никогда не былъ пьянъ, никогда не прикоснулся къ женщинамъ и никогда не пото-

рять сраженія». Вотъ почему, безъ сомнѣнiя, говоритъ о немъ поэтъ:

«Ты юноша и нравственный, и скромный!»

Бѣдный юноша, или вѣрнѣе, бѣдный старый юноша (ибо въ то время имъ было прожито уже нѣсколько люстровъ) корнѣль тогда, если я не ошибаюсь, при эрлангенскомъ университетѣ, гдѣ ему дали кое-какое занятіе; но такъ какъ оно не удовлетворяло высокимъ стремленіямъ его духа, такъ какъ съ годами все болѣе и болѣе увеличивались его честолюбивые замыслы, и такъ какъ графъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе воодушевлялся мыслями о своемъ будущемъ величii, то онъ отказался отъ вышеупомянутаго занятія и рѣшился жить случайными подавнiями сверху и нѣкоторыми другими заслугами. Графство графа лежитъ на лунѣ, откуда, вслѣдствіе дурныхъ путей сообщенія съ Баваріей, онъ, по вычисленію Груитгуизена, начнетъ получать свои доходы только чрезъ двадцать тысячъ лѣтъ, когда луна болѣе приблизится къ нашей землѣ.

Еще раньше донъ Платенъ де-Калибрадось Галермюнде издалъ въ Лейпцигѣ у Брокгауза собраніе стихотворенiй подъ заглавіемъ: «Лирическія страницы. № 1», которыя, правда, остались неизвѣстными, несмотря на то, что, какъ онъ увѣрялъ насъ въ предисловіи, семь мудрецовъ выразили свою похвалу автору. Впослѣдствіи, по образцу Тика, онъ издалъ нѣсколько драматизированныхъ сказокъ и повѣстей, на долю которыхъ тоже выпало счастье остаться неизвѣстными немудрой толпѣ и быть читаемыми только семью мудрецами. Тогда, чтобы пріобрѣсти себѣ нѣсколько читателей и кромѣ семи мудрецовъ, графъ занялся полемикой и написалъ сатиру на знаменитыхъ писателей, преимущественно на Мюльнера, который въ ту пору пользовался уже общей ненавистью и былъ нравственно уничтоженъ, такъ что графъ явился какъ разъ въ-время, чтобы мертвому гофрату Эриндурму нанести еще ударъ, не въ голову, но по манерѣ Фальстафа, въ икру. Негодованіе на Мюльнера наполняло тогда всѣ благородныя сердца; полемика графа не могла поэтому не понравиться, и «Роковая Вилка» встрѣтила кое-гдѣ удачный пріемъ, не въ массѣ публики, но у литераторовъ, и собственно, у школьной братіи. У этой послѣдней, главнымъ образомъ, потому, что сатира его являлась подражаніемъ уже не романтическому Тику, а классическому Аристофану. Кажется, что именно

въ это время графъ поѣхалъ въ Италію: онъ уже не сомнѣвался, что можетъ жить своими стихами. Когда удостоился своей обыкновенной прозаической чести — выдать деньги на счетъ поэзіи, потому что поэзія, дочь неба, высокоорожденная, никогда сама не имѣетъ денегъ и при необходимости въ нихъ всегда обращается къ Коттѣ. Теперь графъ сталъ слагать стихи день и ночь, онъ не остался подражателемъ Тика, Аристофана, но пошелъ также по слѣдамъ Гете въ пѣснѣ, Горация—въ одѣ, Петрарки—въ сонетахъ, наконецъ, Гафиза—въ прозаическихъ газеляхъ; однимъ словомъ, онъ далъ намъ, такимъ образомъ, выборъ изъ лучшихъ поэтовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ свои собственныя «Лирическія страницы» подъ заглавіемъ: «Стихотворенія графа Платена и проч.»

Никто въ Германіи не относится къ поэтическимъ произведеніямъ благосклоннѣе меня, и я очень охотно предоставляю такому бѣдняку, какъ Платенъ, ту крошечную славу, которую онъ такъ тяжело зарабатываетъ въ потѣ лица своего. Никто не склоненъ больше меня прославлять его стремленія, его прилежаніе и его начитанность въ поэзіи и признавать его силлабическія заслуги. Мои собственныя попытки даютъ мнѣ возможность болѣе, чѣмъ всякому другому, оцѣнить метрическія заслуги графа. Тяжелый трудъ, невыразимая устоячивость, скрежетъ зубовъ въ зимнія ночи, страшныя усилія, съ которыми онъ вырабатываетъ свои стихи—все это нашъ братъ открываетъ гораздо скорѣе, чѣмъ обыкновенный читатель, для котораго гладкость, красивость и политура этихъ стиховъ графа представляются чѣмъ-то легкимъ, которому безъ размысленія пріятно увлекаться гладкой игрой словъ, точно такъ же, какъ мы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ забавляемся акробатами, пляшущими на канатѣ и становящимися внизъ головой, не думая, что эти бѣдняки приобрѣли такое костоломное искусство, такую метрику тѣла тяжелой работой въ продолженіе многихъ лѣтъ и страшнымъ голоданіемъ. Я, не испытывавшій въ сочиненіи стиховъ такихъ мученій и занимавшійся этимъ искусствомъ всегда въ соединеніи съ сытной ѣдой, я тѣмъ болѣе готовъ восхвалять графа Платена, которому это досталось и достается съ такимъ трудомъ; я готовъ свидѣтельствовать, что ни одинъ канатный плясунъ въ Европѣ не балансируетъ лучше его на слабо натянутыхъ газеляхъ, ни одинъ не исполняетъ искуснѣе его пляску между яицъ на

oo—oo— — —

oo— — —oooo и т. д.,

ни одинъ не становится такъ хорошо вверхъ ногами. Если музы и неблагосклонны къ нему, то духъ языка все-таки находится въ его полномъ распоряженіи, или, вѣрнѣе, онъ умѣетъ его насиловать, ибо свободной любви этого духа у него нѣтъ, онъ долженъ постоянно бѣгать также за этимъ юношей, и умѣетъ онъ схватывать только внѣшнія формы, которыя, несмотря на свою прекрасную закругленность, лишены всякаго благородства. Никогда тѣ глубокіе, естественные звуки, какіе мы находимъ въ народной пѣснѣ, у дѣтей и другихъ поэтовъ, не выходили изъ души Платена, не расцвѣтали оттуда поэтическимъ откровеніемъ; тяжелыя усилія, къ которымъ ему приходится прибѣгать, чтобы сказать что-нибудь, онъ называетъ «великимъ подвигомъ на словахъ»; до такой степени незнакома ему сущность поэзіи, что онъ не знаетъ даже, что слово есть подвигъ только у ритора, а у истиннаго поэта—оно событіе. Въ противоположность тому, какъ бываетъ у истинныхъ поэтовъ, языкъ у Платена никогда не былъ мастеромъ, напротивъ, онъ самъ сдѣлался мастеромъ въ языкѣ, или, скорѣе, на языкѣ, какъ виртуозъ на инструментѣ. Чѣмъ болѣе уходилъ онъ такимъ образомъ впередъ въ техническомъ отношеніи, тѣмъ болѣе высокога мнѣнія становился онъ о своей виртуозности: вѣдь умѣлъ онъ играть на всѣ лады, вѣдь перекладывалъ онъ въ стихи труднѣйшіе пассажи, иногда сочинялъ, такъ сказать, только на одной струнѣ, и сердился, если публика не аплодировала. Какъ всѣ виртуозы, выработавшіе у себя такое одностороннее дарованіе, онъ стремился только къ рукоплесканіямъ, сердито смотрѣлъ на славу другихъ, завидовалъ своимъ коллегамъ, на примѣръ, Клаурену, при малѣйшей тѣни порицанія его стихамъ сейчасъ же писалъ пасквиль въ пяти дѣйствіяхъ, контролировалъ всѣ рецензіи, гдѣ хвалили другихъ, и постоянно кричалъ: «меня недостаточно хвалятъ», недостаточно вознаграждаютъ, ибо я поэтъ поэтовъ» и т. д.

Такой жажды похвалъ и подачекъ не обнаруживалъ никогда истинный поэтъ, ни Клопштокъ, ни Гете, къ которымъ графъ Платенъ самъ причисляетъ себя, какъ третьяго, хотя каждому ясно, что онъ составляетъ триумvirатъ только съ Рамлеромъ и развѣ съ Августомъ-Вильгельмомъ Шлегелемъ. Великій Рамлеръ, какъ его называли въ его время, когда онъ, правда, безъ лавроваго вѣнка на головѣ, но съ

тѣмъ болѣе длинной косою, съ устремленными къ небу глазами, съ полотнянымъ большимъ зонтикомъ подъ рукой, гулялъ по берлинскому Тиргартену, скандируя стихи—Рамлеръ считалъ себя въ ту пору представителемъ поэзіи на землѣ. Его стихи были самые образцовые на нѣмецкомъ языкѣ, и почитатели его, къ которымъ по ошибкѣ присталъ даже Лессингъ, думали, что дальше въ поэзіи уже нельзя пойти. Почти то же самое произошло впоследствии по отношенію къ А. В. Шлегелю, поэтическая слабость котораго сдѣлалась, однако, очевидной съ тѣхъ поръ, какъ языкъ получилъ дальнѣйшую разработку, такъ что даже я, который нѣкогда считалъ пѣвца Аріона равносильнымъ дѣйствительному Аріону, теперь вижу въ немъ только заслуженнаго школьнаго учителя. Но имѣетъ ли уже теперь графъ Платенъ право смѣяться надъ нѣкогда знаменитымъ Шлегелемъ, какъ Шлегель смѣялся надъ Рамлеромъ—это для меня вопросъ. Одно знаю я, что въ поэзіи всѣ эти трое равны другъ другу, и какъ ни красиво танцуетъ на канатѣ графъ Платенъ въ своихъ газеляхъ, какъ ни искусно исполняетъ онъ свой яичный танецъ въ одахъ, какъ ни удивительно становится онъ вверхъ ногами въ своихъ комедіяхъ—все-таки онъ не поэтъ. Онъ не поэтъ—говоритъ даже неблагодарная мужская молодежь, которую онъ воспѣваетъ такъ нѣжно. Онъ не поэтъ,—говорятъ женщины, которыя, можетъ-быть (я долженъ замѣтить это въ его защиту), здѣсь не совсѣмъ безпристрастны и, быть-можетъ, благодаря открываемой ими въ немъ склонности, ощущаютъ нѣкоторую ревность, или даже усматриваютъ въ тенденціи его стиховъ опасность для того выгоднаго положенія, которое онъ до сихъ поръ занималъ въ обществѣ. Строгіе критики, снабженные хорошими очками, соглашаются съ этимъ мнѣніемъ, или выражаются съ еще болѣе суровымъ лаконизмомъ.

— Что вы находите въ произведеніяхъ графа Платена?—спросилъ я недавно одного изъ такихъ людей.

— Высиживанье,—отвѣчалъ онъ.

— Это вы говорите въ отношеніи выработанной съ большимъ трудомъ формы?—продолжалъ я.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ:—высиживанье и относительно содержанія.

Что касается содержанія стихотвореній Платена, то я, правда, не могу хвалить за него бѣднаго графа, но и не могу также безусловно предоставлять его тому цензорскому

бѣшенству, съ которымъ наши Катоны или говорятъ о немъ или умалчиваютъ. *Chacun a son goût*, — одному нравится быкъ, а другому корова Васишты. Я порицаю даже ту страшную радамантскую серьезность, съ которой въ «Берлинскомъ Ежегодникѣ» научные критики отзывались о содержаніи Платеновскихъ стихотвореній. Но таковы ужъ люди, имъ всегда легко воспламеняться, когда они говорятъ о грѣхахъ, которые имъ самимъ не доставили бы никакого удовольствія. Въ газетѣ «*Morgenblatt*» я прочелъ недавно статью: «Изъ дневника читателя», гдѣ графъ Платенъ высказывается относительно такихъ строгихъ порицателей его любви къ дружбѣ съ той скромностью, отъ которой онъ никогда не можетъ отречься и которую сохраняетъ и здѣсь. Когда онъ говоритъ, что «Гегелевскій Ежедневникъ» обвиняетъ его въ нѣкоторомъ тайномъ порокѣ «съ комическимъ паэосомъ», то, какъ легко догадаться, онъ хочетъ только предупредить порицанія другихъ людей, образъ мыслей которыхъ узналъ онъ изъ третьихъ рукъ. Но ему доставили невѣрныя свѣдѣнія: я никогда не провинюсь въ этомъ отношеніи никакимъ паэосомъ, благородный графъ для меня скорѣе забавное явленіе, и въ его сіятельной склонности къ дружбѣ я вижу только нѣчто несвоевременное, только робко-стыдливую пародію на древнее пренебреженіе существующаго «обычая». Въ томъ-то и дѣло, что эта склонность въ древности не находилась въ противорѣчій съ общественными нравами и проявлялась съ героическою откровенностью. Когда, напримѣръ, императоръ Неронъ устроилъ на выложенныхъ золотомъ и слоновою костью корабляхъ пиръшество, стоившее нѣсколькихъ милліоновъ, то онъ торжественно обвѣнчался здѣсь же съ юношей изъ мужского серала, Писагоромъ (*cuncta denique spectata quae et im in femina pox operit*), и затѣмъ зажегъ свадебнымъ факеломъ Римъ, чтобы при пламени пожара тѣмъ лучше воспѣвать погибель Трои. То былъ еще такой сочинитель газелей, о которомъ я могъ бы говорить съ паэосомъ; но только улыбку можетъ вызывать во мнѣ новый писагореецъ, который боязливо и скучно крадется въ нынѣшнемъ Римѣ по дорожкѣ дружбы, встрѣчаетъ отпоръ со стороны нелюбящей его молодежи и затѣмъ со вздохомъ поетъ свои газели при жалкомъ свѣтѣ масляной лампы. Интересно въ этомъ отношеніи сравненіе стихотвореній Платена со стихами Петронія. У Петронія рѣзкая, античная, пластично-языческая откровенность; графъ Платенъ,

напротивъ того, несмотря на усиленное выставленіе имъ на видъ классичности, трактуетъ свой предметъ скорѣе романтично, со всяческими прикрытіями, съ вздохами тоски и томленія—и, долженъ я прибавить, лицемерно. Ибо графъ маскируется иногда въ набожныя чувства, онъ избѣгаетъ точныхъ обозначеній пола, о которомъ говоритъ; ему кажется, что относительно массы онъ достаточно скрылъ себя, когда произнесъ слово «другъ», и съ нимъ бываетъ въ этихъ случаяхъ то же, что съ страусомъ, который считаетъ себя достаточно спрятавшимся, когда уткнулъ въ песокъ голову, такъ что видимымъ остался только хвостъ. Наша сіятельная птица поступила бы лучше, если бы хвостъ упрягала въ песокъ, а намъ показала голову. Дѣйствительно, онъ мужчина больше хвоста, чѣмъ головы, да и названіе мужчина вообще не подходитъ къ нему, его любовь имѣетъ пассивно пифагорейскій характеръ, онъ женщина, и притомъ женщина, для которой пріятно женское, онъ какъ бы мужская трибада. Эта боязливо стигающаяся натура проглядываетъ сквозь всѣ его любовныя стихотворенія, онъ постоянно находитъ себѣ новаго красавца—друга, повсюду въ этихъ стихотвореніяхъ видимъ мы полиандрію... повсюду видимъ птицу страуса, прячущаго только свою голову, тщеславную и безсильную птицу, у которой красивѣйшія перья и которая, однако, не можетъ летать и, сердито брюзжа, прыгаетъ по полемической песчаной пустынѣ литературы. Со своими прекрасными перьями безъ летательной силы, со своими красивыми стихами безъ поэтического взмаха, онъ составляетъ противоположность тому орлу пѣснопѣнія, который, обладая менѣе блестящими перьями, возносится, однако, на нихъ къ солнцу... я снова долженъ вернуться къ припѣву: графъ Платенъ не поэтъ.

Отъ поэта мы требуемъ двухъ вещей: въ его лирическихъ стихотвореніяхъ должны быть естественныя звуки, въ эпическихъ или драматическихъ—образы. Если онъ не можетъ документально удовлетворить этимъ требованіямъ, титулъ поэта ему не дается даже въ томъ случаѣ, когда его остальные семейныя бумаги и дворянскіе дипломы въ величайшемъ порядкѣ. Что этимъ послѣднимъ графъ Платенъ можетъ похвалиться, въ томъ я не сомнѣваюсь, и я убѣжденъ, что онъ ограничился бы улыбкой состраданія, заподозри кто-нибудь его графскій титулъ; но чуть только посмѣютъ хотя бы одною ксеніею набросить малѣйшую тѣнь на его титулъ поэта, онъ тотчасъ же обнаруживаетъ сердитос

сопротивленіе и печатаетъ на васъ пятиактныя сатиры. Это оттого, что люди тѣмъ ревнивѣе дорожатъ титуломъ, чѣмъ двусмысленнѣе и неизвѣстнѣе право, на которомъ онъ основывается. Но, быть-можетъ, графъ Платенъ и былъ бы поэтъ, живи онъ въ другое время и кромѣ того, будь онъ иной, чѣмъ теперъ. Причина отсутствія естественныхъ звуковъ въ стихахъ графа заключается, быть-можетъ, въ томъ; что онъ живетъ въ ту пору, когда ему нельзя открыто называть по имени свои истинныя чувства, когда тотъ самый обычай, который всегда враждебенъ его любви, даже запрещаетъ ему открыто сѣтовать на это, когда онъ долженъ боязливо скрывать свои ощущенія, чтобы не оскорбить ни единымъ словомъ слухъ какъ публики, такъ и «суроваго красавца». Эта боязнь подавляетъ у него всѣ естественныя звуки, на какіе онъ былъ бы способенъ, она осуждаетъ его только на метрическую обработку чувствъ другихъ поэтовъ, какъ найденнаго имъ безукоризненнаго матеріала, и въ случаѣ необходимости, на пользованіе ими для маскированія своихъ собственныхъ чувствъ. Быть-можетъ, несправедливы тѣ, которые не принимая во вниманіе его несчастнаго положенія, утверждали, что графъ и въ поэзіи хочетъ оставаться графомъ и выставлятъ на видъ свое дворянское происхожденіе, и вслѣдствіе этого выражаетъ передъ нами только чувства извѣстной фамиліи, чувства, которыя насчитываютъ у себя уже шестьдесятъ четыре предка. Живи онъ во времена римскаго Пинеагора, онъ, быть-можетъ, высказывалъ бы свои собственные чувства свободнѣе и, пожалуй, признавался бы за поэта. По крайней мѣрѣ, въ его лирическихъ стихотвореніяхъ слышались бы естественныя звуки; но въ его драмахъ образцы все-таки отсутствовали бы пока не измѣнилась бы и его чувственная натура, и онъ не сдѣлался бы инымъ. Подъ образами я понимаю здѣсь тѣ самостоятельныя созданія, которыя выходятъ изъ творческаго духа поэта вполне законченныя и вооруженныя, какъ Паллада Афина изъ головы Кроноса—живыя мечты и грезы, мистическое рожденіе которыхъ находится въ большей, чѣмъ думаютъ, чудной связи съ чувственною натурою автора, такъ что на такіе духовные роды неспособенъ тотъ, кто самъ, какъ безплотное существо, газелически расплывается въ поверхностной сентиментальности.

Но все это частныя мнѣнія писателя, и цѣнность ихъ зависитъ отъ того, насколько хотятъ вѣрить ихъ компе-

тенци. Не могу не упомянуть о постоянных увѣреніяхъ графа, что самое значительное, такое, какого теперь никто еще себѣ представить не можетъ, онъ создастъ только впоследствии, — мало того, что даже свои Иліады и Одиссеи, классическія трагедіи и разныя другія безсмертныя, колоссальныя стихотворенія онъ напишетъ только тогда, когда послѣ столькихъ-то и столькихъ-то лѣтъ достаточно къ тому приготовится. Тебѣ, любезный читатель, приходилось уже, быть-можетъ, самому читать эти изліянія сознанія собственного достоинства въ выработанныхъ съ большими усиліями стихахъ, и перспектива такого прекраснаго будущаго была для тебя, вѣроятно, тѣмъ отраднѣе, что графъ въ то же самое время всѣхъ нѣмецкихъ поэтовъ, за исключеніемъ совсѣмъ стараго Гете, изображалъ, какъ рой скверныхъ писаекъ, которые только преграда ему на путяхъ славы, и настолько безстыдны, что сами срываютъ тѣ лавры и награды, на которые одинъ онъ имѣетъ право.

Что я слышалъ на этотъ счетъ въ Мюнхенѣ — умолчу; но ради хронологіи долженъ замѣтить, что въ то время баварскій король выразилъ намѣреніе назначить кому-нибудь изъ нѣмецкихъ поэтовъ жалованье, не связывая съ этимъ никакого служебнаго положенія, каковой необычайный примѣръ могъ имѣть для всей нѣмецкой литературы прекрасныя послѣдствія. Мнѣ говорили...

Но я не хочу отступать отъ моей темы. Я началъ говорить о хвастовствахъ графа Платена, который постоянно восклицалъ: «Я поэтъ, поэтъ поэтовъ! я сочину Иліады и Одиссеи» и т. д. Не знаю, какъ относится публика къ подобнымъ хвастовствамъ, но мнѣ доподлинно извѣстно, какого мнѣнія о нихъ поэтъ, т. е. поэтъ истинный, который уже ощутилъ въ себѣ стыдливую сладость и тайный трепеть поэзии, и какъ счастливый пажъ, пользующійся скрытою благосклонностью принцессы, конечно, не станетъ хвастливо кричать о блаженствѣ этихъ ощущеній на общественныхъ рынкахъ.

Не разъ уже достаточно трунили надъ графомъ Платеномъ за такія фанфаронства, и онъ, какъ Фальстафъ, всегда находилъ себѣ оправданія. Въ этихъ оправданіяхъ помогаетъ ему талантъ, единственный въ своемъ родѣ и заслуживающій особеннаго признанія. Графъ Платень умѣетъ, именно, каждому пятнышку, пребывающему въ его собственной груди, находить нѣчто соответствующее, хотя бы и въ ничтожной степени, въ томъ или другомъ великомъ чело-

вѣкъ, и вслѣдствіе этого избирательнаго сродства пятнышекъ, сравнивать себя съ нимъ. Такъ, напримѣръ, о сонетахъ Шекспира ему извѣстно, что они обращены къ молодому человѣку, а не къ женщинѣ, и за этотъ основательный выборъ онъ восхваляетъ Шекспира, сравниваетъ съ нимъ себя—и это все, что можетъ сказать о немъ. Можно было бы написать апологію графа Платена отрицательно и утверждать, что онъ еще не провинился въ такомъ-то и такомъ-то промахѣ, потому что еще не сравнивалъ себя съ такимъ-то и такимъ-то великимъ человѣкомъ, съ чьего голоса сдѣланъ былъ имъ этотъ промахъ. Но всего геніальнѣе и изумительнѣе показалъ онъ себя въ выборѣ лица, въ жизни котораго онъ открылъ нескромныя рѣчи и чьимъ примѣромъ онъ хочетъ скрасить свое хвастовство. Вотъ ужъ для этой цѣли никогда еще не цитировались слова этого Лица, ибо это никто иной, какъ самъ Иисусъ Христосъ, на Котораго мы вѣдъ всегда смотрѣли, какъ на высшій образецъ смиренія и скромности!.. Да, то, чего не могло до сихъ поръ и въ голову придти ни одному богослову, то открылъ графъ Платень, ибо онъ докладываетъ намъ, что Христосъ, когда стоялъ передъ Пилатомъ, тоже не былъ скромень и на вопросъ Пилата: «Ты царь іудейскій?» отвѣтилъ: «Ты сказалъ». И точно такъ же говоритъ и онъ, графъ Платень: «Я поэтъ, во истину поэтъ!..» То, чего не могла добиться ненависть всѣхъ враговъ Христа, удается экзегетикѣ влюбленнаго въ самого себя тщеславія.

Точно такъ же, какъ мы знаемъ, что думаютъ о томъ, кто постоянно кричитъ такимъ образомъ о себѣ: «я поэтъ!» точно такъ же намъ извѣстно, каковы будутъ совершенно необычайныя стихотворенія, которыя еще сочинитъ графъ, когда достигнетъ надлежащей зрѣлости, и которыми будутъ такъ неслыханно превзойдены всѣ удивительныя вещи, написанныя имъ до сихъ поръ. Мы знаемъ очень хорошо, что позднѣйшія произведенія всякаго истиннаго поэта отнюдь не бываютъ значительнѣе предшествовавшихъ, какъ у женщины, чѣмъ чаще она рождаетъ, каждое новое дитя совсѣмъ не лучше и совершеннѣе прежнихъ; нѣтъ, первое дитя такъ же хорошо, какъ и второе — только рожать легче. Львица не производитъ на свѣтъ сперва кролика, потомъ зайчика, далѣе щенка, и наконецъ уже льва. Мадамъ Гете сразу родила своего львенка, и онъ съ перваго же раза далъ намъ своего Берлихингенскаго льва. Точно такъ же Шиллеръ съ перваго раза родилъ своихъ «Разбойниковъ», по

лапамъ которыхъ сейчасъ же признали ихъ львиную породу. Впослѣдствіи появились уже политура, сглаживаніе, шлифовка — «Незаконная Дочь» и «Мессинская Невѣста». Не то было съ графомъ Платеномъ, который началъ съ тяжело дававшейся ему искусственной работы и о которомъ поэтъ говорить:

«Изъ ничего совсѣмъ готовымъ молодцомъ,
Съ налакированнымъ, прилизаннымъ лицомъ,
Ты выпрыгнулъ, похожій на игрушку
Изъ выточенной пробки...»

Впрочемъ, если нужно мнѣ высказать мою сокровеннѣйшую мысль, то сознаюсь, что не считаю графа Платена такимъ большимъ дуракомъ, какимъ бы слѣдовало его считать, судя по этой хвастливости и постоянному самовоскурению. Безъ нѣкоторой доли глупости поэзія, само собой разумѣется, обойтись не можетъ; но было бы ужасно, если бы природа наваливала на одного человѣка такую большую порцію глупости, которой хватило бы на сто великихъ поэтовъ, а сама поэзія давала бы ему самую ничтожную долю. Я имѣю основаніе предполагать, что графъ самъ не вѣритъ своему собственному хвастовству и что онъ, будучи бѣднякомъ и въ жизни, и въ литературѣ, былъ принужденъ, для удовлетворенія потребностямъ минуты, сдѣлаться своимъ собственнымъ панегиристомъ и въ литературѣ, и въ жизни. Оттого и тутъ, и тамъ явленія, о которыхъ можно сказать, что они представляютъ больше психологическій, чѣмъ эстетическій интересъ; оттого въ одно и то же время плаксивѣйшее изнеможеніе души и напускная надменность; оттого жалкія причитанья насчетъ скорой смерти и хвастливыя угрозы будущимъ бессмертіемъ; оттого взрывы раздутой снѣси и приниженная покорность; оттого постоянныя жалобы, что «Котта морить его съ голода», оттого припадки католицизма и т. д.

Серьезно ли относится графъ къ католицизму—въ этомъ я сомнѣваюсь. Вообще, сдѣлался ли онъ католикомъ, какъ нѣсколько изъ его высокородныхъ друзей — не знаю. Что онъ имѣетъ это намѣреніе, объ этомъ я узналъ только изъ газетъ, которыя даже прибавляли, что графъ идетъ въ монахи и поступаетъ въ монастырь. Злые языки высказывали мнѣніе, что объѣтъ нищеты и воздержанія отъ женщинъ для него не будутъ тяжелы. Само собою разумѣется, что при этихъ извѣстіяхъ набожные колокольчики производили звонъ въ сердцахъ его друзей. Въ клерикальныхъ журналахъ раз-

давались хвалебныя пѣсни въ честь его стихотвореній; и дѣйствительно, служителямъ безбрачія должны были доставлять удовольствіе стихотворенія, содѣйствовавшія воздержанію отъ женскаго пола. Къ сожалѣнію, у моихъ стихотвореній другая тенденція, и что они не приходятся по вкусу этимъ господамъ — это могло меня огорчать, но не удивлять. Точно такъ же не удивило меня, когда за день до моего отъѣзда въ Италію я узналъ отъ моего друга, доктора Кольба, что графъ Платенъ очень враждебно настроенъ противъ меня и уже уготовилъ мою погибель въ комедіи подъ заглавіемъ «Царь Эдипъ», которая уже представлена въ Аугсбургѣ у нѣсколькихъ князей и графовъ, имена которыхъ я забылъ, или желаю забыть. Рассказывали мнѣ и другіе, что графъ Платенъ меня ненавидитъ и выступаетъ противъ меня врагомъ, и это было для меня во всякомъ случаѣ пріятнѣе, чѣмъ если бы мнѣ сообщили, что графъ стоитъ у меня за спиной, какъ любящій другъ. Что касается святыхъ людей, набожная ярость которыхъ ко мнѣ проявилась въ то же самое время, и не только благодаря моимъ антицелибатнымъ стихотвореніямъ, но и за издававшіяся мною въ ту пору «Политическія Анналы» — то и въ этомъ отношеніи я только выигрывалъ, когда явственно обнаруживалось, что я не изъ ихъ партіи. Если этимъ я намекаю, что о нихъ не говорятъ ничего хорошаго, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что я говорю о нихъ дурное. Я даже того мнѣнія, что они только изъ любви къ добру стараются набожнымъ обманомъ и богоугодными клеветами лишить всякой силы слово злыхъ и закрываютъ для него не только духовныя, но и матеріальныя источники жизни только ради этой благородной цѣли, освящающей всякое средство. Добрыхъ этихъ людей, которые въ Мюнхенѣ выступали весьма публично въ видѣ конгрегаціи, почтили весьма неосновательно именемъ іезуитовъ. Совсѣмъ они не іезуиты, иначе имъ стало бы ясно, что, напр., я, одинъ изъ злыхъ, въ худшемъ случаѣ свѣдущъ въ литературно-алхимическомъ искусствѣ чеканить изъ моихъ враговъ червонцы — такимъ образомъ, что червонцы достаются мнѣ, а удары отъ чеканки — моимъ врагамъ; имъ стало бы ясно, что подобныя удары нисколько не теряютъ своей силы и въ томъ случаѣ, когда поносится имя ударяющаго, точно такъ же, какъ для казнимаго грѣшника сила топора не становится менѣ чувствительною отъ того, что палачъ, наносящій этотъ ударъ, считается безчестнымъ человѣкомъ; а что самое главное —

имъ стало бы ясно, что моя симпатія къ антиаристократическому Фоссу и нѣкоторыя безобидныя остроты, за которыя они съ самаго начала пустились осыпать меня грязью и глупостью, имѣли источникомъ совсѣмъ не антикатолическое рвеніе. Да, конечно, они не іезуиты, а ничто иное, какъ смѣсь грязи и глупости, которыхъ я не могу ненавидѣть точно такъ же, какъ телѣгу съ навозомъ и тащащаго ее быка, и которыя всѣми усиліями достигаютъ только противоположнаго ихъ цѣли, а меня могутъ довести только до одного — заставить показать имъ, до какой степени я протестантъ, и какъ пользуюсь протестантскимъ правомъ моимъ въ его обширнѣйшихъ размѣрахъ, и какъ весело и бодро пускаю въ дѣло мой добрый протестантскій топоръ. А послѣ этого пусть они, для склоненія на свою сторону черни, заставляютъ своихъ лейбъ-поэтовъ перекладывать въ стихи розсказни старыхъ бабъ о моемъ невѣрїи; по знакомымъ ударамъ легко имъ будетъ узнавать въ бьющемъ единомышленника Лютера, Лессинга и Фосса. Само собой разумѣется, что старымъ топоромъ не буду я взмахивать съ серьезностью этихъ героевъ. потому что, глядя на моихъ враговъ, трудно мнѣ удержаться отъ смѣха по моей отчасти Эйленшпигелевской натурѣ и склонности ко всему примѣшивать шутку; но хоть и увѣнчаю я мой топоръ смѣющимися цвѣтами, это не помѣшаетъ мнѣ также сильно колотить по головѣ моихъ навозныхъ быковъ,

Я, однако, слишкомъ отклоняюсь отъ моей темы. Если не ошибаюсь, именно въ это время король баварскій назначилъ графу Платену съ вышеупомянутою цѣлью жалованье въ шестьсотъ гульденовъ — и притомъ не изъ государственной кассы, а изъ частной королевской, согласно желанію графа, видѣвшаго въ этомъ особенную милость. Объ этомъ, характеризующемъ касту, обстоятельствѣ, какъ ни незначительно оно кажется, я упоминаю только въ видѣ указанія для естествоиспытателя, который, быть-можетъ, занимается наблюденіями надъ дворянствомъ. Въ наукѣ все важно. Кто упрекнулъ бы меня, что я придаю графу Платену ужъ слишкомъ большую важность, пусть отправится въ Парижъ и послушаетъ, какъ тщательно тонкій, изящный Кювье изображаетъ въ своихъ лекціяхъ самое нечистое насѣкомое въ мельчайшихъ подробностяхъ. Мнѣ поэтому даже прискорбно, что я не могу точнѣе опредѣлить число, когда были назначены эти шестьсотъ гульденовъ; знаю только, что графъ Платенъ изготавилъ своего «Царя Эдипа» раньше того, и что этотъ Эдипъ не сдѣлался бы такимъ нусательнымъ, будь у автора больше кусать.

Въ сѣверной Германіи, куда внезапно отозвала меня смерть моего отца, получилъ я, наконецъ, чудовищное произведеніе, вылупившееся, наконецъ, изъ яйца, на которомъ такъ долго сидѣла наша прекрасноперая птица страусъ, и уже задолго до того привѣтствовавшееся набожнымъ карканьемъ ночныхъ совъ конгрегаціи и радостнымъ распусканіемъ хвоста благородныхъ павлиновъ. По ихъ словамъ, на свѣтъ должно было появиться нѣчто, не уступающее въ своей ядовитости василиску. Знакомо тебѣ, любезный читатель, сказаніе о василискѣ? Народъ рассказываетъ, что когда птица-самецъ кладетъ яйцо, какъ самка, то изъ него выходитъ ядовитое созданіе, отравляющее воздухъ, и которое можно убить, только поставивъ ему зеркало, потому что оно издыхаетъ отъ ужаса при видѣ своей собственной отвратительности.

Святая скорбь, которую я не хотѣлъ осквернять, была причиною того, что только два мѣсяца спустя, на островѣ Гельголандѣ, прочелъ я «Царя Эдипа», и тамъ, при высокомъ настроеніи, вызывавшемся во мнѣ постояннымъ созерцаніемъ великаго, смѣлаго моря, сдѣлались для меня совершенно наглядными мелкій образъ мыслей и старческое шлопанье высокороднаго автора. Этотъ шедевръ показалъ мнѣ, наконецъ, его совершенно такимъ, каковъ онъ есть, со всею его цвѣтущею увяlostью, изобиліемъ скудоумія, самомиѣніемъ безъ силы воображенія; совершенно такимъ, каковъ онъ есть—насилующимъ себя безъ силы, пикирующимъ безъ пикантности, сухою водянистою душою, печальнымъ юношею радости. И этотъ трубадуръ скорбнаго нытья, съ разслабленными тѣломъ и душой, попытался подражать самому могучему, самому богатому фантазіей и самому остроумному поэту юношескаго міра Греціи! Нѣтъ поистинѣ ничего отвратительнѣе этого конвульсивнаго безсилія, старающагося раздуться въ смѣлость, этихъ, съ великимъ трудомъ набранныхъ пасквилей, которые поросли плѣсенью застарѣлаго озлобленія, этого вымученнаго стихотворнаго подражанія духовному опьянѣнію. Понятно, что въ произведеніи графа нѣтъ и слѣда той глубокой міросокрушительной идеи, которая лежитъ въ основаніи всякой Аристофановской комедіи и которая вырастаетъ оттуда, какъ фантастически тропическое волшебное дерево, цвѣтуще украшенное мыслями, съ гнѣздами поющихъ соловьевъ и прыгающими по вѣтвямъ обезьянами. Подобную идею, съ ликованіемъ смерти и необходимою принадлежностью ея—разру-

пительнымъ фейерверкомъ, мы, конечно, не могли ожидать отъ бѣднаго графа. Средоточіе всего, первую и послѣднюю идею, основаніе и цѣль его такъ-называемой комедіи составляютъ снова, какъ и въ «Роковой Вилкѣ», ничтожныя литературныя дразги; Аристофану бѣдный графъ могъ подражать только въ нѣсколькихъ внѣшностяхъ, именно, въ тонкомъ стихѣ и грубыхъ словахъ. Говорю—грубыхъ словахъ, потому что не хочу употребить болѣе грубое выраженіе. Какъ сварливая баба, выливаетъ онъ цѣлые цвѣточныя горшки ругательствъ на головы нѣмецкихъ поэтовъ. Я отъ всего сердца прощаю графу его негодованіе, но ему все-таки слѣдовало бы нѣсколько сдержать себя. Слѣдовало бы ему отнестись съ уваженіемъ, по крайней мѣрѣ, къ нашему полу, потому что мы вѣдь не женщины, а мужчины, и слѣдовательно, принадлежимъ къ тому полу, который, по его мнѣнію, прекрасный полъ, и который онъ такъ сильно любить. Это во всякомъ случаѣ—отсутствіе деликатности, это заставить не одного юношу усумниться въ искренности его поклоненія, такъ какъ всякій чувствуетъ, что истинно любящій чтить и весь полъ, къ которому предметъ любви принадлежитъ. Пѣвецъ Фрауэнлобъ, конечно, никогда не обходился грубо ни съ одною женщиною, и поэтому господину Платену надлежало бы выказывать побольше уваженія къ мужчинамъ. А онъ, неделикатный человѣкъ! безъ церемоній рассказываетъ публикѣ, что у насъ, сѣверо-нѣмѣцкихъ поэтовъ, у всѣхъ «чесотка, для излѣченія отъ которой требуется, къ сожалѣнію, мазь, которую онъ, какъ меонитическую, предпочитаетъ всѣмъ остальнымъ». Жестче всего онъ относится къ Иммерману. Уже въ началѣ своей комедіи заставляетъ онъ Иммермана продѣлывать за ширмами вещи, которыхъ я не смѣю назвать по имени и которыхъ, однако, неопровержимо. Я даже считаю вѣроятнымъ, что Иммерманъ все это дѣлалъ. Но характеристично, что фантазія графа Платена умѣетъ даже его враговъ подсматривать *a posteriori*. Онъ не пощадилъ даже Гувальда, эту добрую, кроткую, какъ дѣвушка, душу... ахъ, можетъ-быть, именно изъ-за этой милой женственности ненавидитъ его Платень. Мюльнера, котораго нашъ авторъ, по его выраженію, уже давно «до смерти убилъ дѣйствительнымъ остроуміемъ»—этого мертвеца онъ снова выкапываетъ изъ могилы. Ни дитя, ни внукъ не остаются пощаженными. Раупахъ—жидъ:

«Жиденокъ Раупель,
Теперь, какъ Раупахъ, носъ поднявшій высоко».

«кропаеть съ похмѣля трагедіи». Еще сильнѣе достается «выкрещенному Гейне». Да, да, ты не ошибаешься, любезный читатель, это обо мнѣ идетъ рѣчь, въ «Царѣ Эдипѣ» можешь ты прочесть, какой я настоящій жидъ, какъ я, просидѣвъ нѣсколько часовъ за сочиненіемъ любовныхъ пѣсенъ, сейчасъ же послѣ того сажусь обрѣзывать червонцы, какъ я въ шабашъ сижу на корточкахъ съ длиннобородыми рожами и пою Талмудъ, какъ въ пасхальную ночь я убиваю несовершеннолѣтняго христіанина и по злобному коварству всегда выбираю для этого какого-нибудь несчастнаго писателя... Нѣтъ, любезный читатель, не хочу обманывать тебя; такихъ красиво нарисованныхъ картинъ въ «Царѣ Эдипѣ» нѣтъ, и что ихъ нѣтъ тамъ—это-то и ошибка, которую я цорицаю. У графа Платена бывають иногда самыя лучшія мотивы, и онъ не умѣетъ ими пользоваться. Будь у него только немного больше фантазій, онъ изобразилъ бы меня, но крайней мѣрѣ, въ видѣ тайнаго ростовщика; какія комическія сцены представились бы ему при этомъ! Мнѣ отъ души больно, когда я вижу, какъ бѣдный графъ пропускаетъ мимо себя всякій случай хорошо сострить! Какъ чудесно могъ бы онъ воспользоваться Раунахомъ для изображенія его Ротшильдомъ трагедій, у котораго дѣлають займы королевскія сцены! Самимъ Эдипомъ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ его комедіи, онъ тоже могъ бы воспользоваться гораздо лучше, сдѣлавъ нѣкоторыя измѣненія въ фабулѣ пьесы! Въмѣсто того, чтобы дѣлать его убійцею своего отца Лайя и мужемъ своей матери Иокасты, слѣдовало бы, напротивъ, повернуть дѣло такъ, чтобы Эдипъ убилъ свою мать и женился на своемъ отцѣ. Драматически эффектное въ такомъ произведеніи удалось бы такому поэту, какъ Платень, какъ нельзя лучше, ему помогло бы въ этомъ случаѣ направленіе его собственнаго чувства, стоило бы ему только по временамъ, подобно соловью, изливать въ пѣснѣ ощущенія собственной груди—и онъ создалъ бы пьесу, которую, если бы еще былъ живъ газетическій Ифландъ, немедленно разучили бы въ Берлинѣ, а затѣмъ стали бы давать до сихъ поръ на частныхъ сценахъ. Не могу представить себѣ ничего совершеннѣе актера Вурма въ роли такого Эдипа. Онъ превзошелъ бы самого себя. Затѣмъ, нахожу я неполитичнымъ со стороны графа увѣреніе его въ комедіи, что онъ обладаетъ «дѣйствительнымъ остроуміемъ». Или, быть-можетъ, бьетъ онъ въ этомъ случаѣ на неожиданный эффектъ, на *coup de théâtre*, что-

бы заставить публику постоянно ждать остроумія, да такъ и не дожидаться его? Или, что еще вѣроятнѣе, не хочетъ ли онъ подстрекнуть публику отыскивать въ пьесѣ дѣйствительное тайное остроуміе, и вся комедія не есть ли только игра въ жмурки, въ которой Платеновское остроуміе прячется такъ хитро, что его никогда не поймашь? Оттого, можетъ-быть, и публика въ комедіяхъ обыкновенно смѣющаяся, при чтеніи пьесы Платена такъ сердится: не удастся ей найти скрывшееся остроуміе; напрасно спрятавшееся остроуміе пищить гдѣ-то, и пищить все громче и громче: «я здѣсь, я, дѣйствительно, здѣсь!»—напрасно, публика глупа и сохраняетъ серьезное выраженіе лица. Я же, знающій, гдѣ спрятано остроуміе, отъ всего сердца смѣлся, когда читалъ о «сіятельномъ, властолюбивомъ поэтѣ», который укутывается въ аристократическій нимбъ, хвалится, что «каждое дыханіе, проходящее сквозь его зубы, сокрушаетъ» и говоритъ всѣмъ нѣмецкимъ поэтамъ:

«Да, какъ Неронъ, желалъ бы я вамъ всѣмъ
Имѣть одинъ лишь мозгъ, чтобъ остроумья
Единственнымъ ударомъ пополамъ
Разсѣчь его...»

Стихи скверные. Но скрытое остроуміе заключается здѣсь въ томъ, что графъ собственно желаетъ, чтобы мы всѣ были Нероны, а онъ, напротивъ того—нашъ единственный милый другъ Писагоръ.

Быть-можетъ, я въ похвалу графу выискалъ бы у него что-нибудь остроумное, но такъ какъ онъ въ своемъ «Царѣ Эдипѣ» напалъ на самое для меня дорогое—ибо что можетъ быть для меня дороже моего христіанства?—то никто не обвинить меня, что я, по человѣческому чувству, отношусь къ «Эдипу», этому «великому подвигу въ словахъ», съ менѣе серьезною оцѣнкой, чѣмъ къ прежнимъ подвигамъ графа.

Истинная заслуга, однако, всегда находила себѣ на граду, и безъ награды не останется и авторъ «Эдипа», хотя онъ и здѣсь, какъ всегда, подчинялся только вліянію своихъ друзей изъ знати и духовенства. Да, существуетъ у народовъ Востока старое сказаніе, что послѣдствія всякаго добраго или злого дѣла отражаются прежде всего на совершившемъ его. И настанетъ день, когда они появятся—приготовься, любезный читатель, къ тому, что я вхожу въ паюсъ и дѣлаюсь страшнымъ—настанетъ день, когда изъ тартара выйдутъ ужасныя дщери тьмы—«Эвмениды». Клянусь Стиксомъ—этою рѣкой, мы, боги, никогда не клянемся

лживо — настанетъ день когда появятся онѣ, мрачныя, искони праведныя сестры, — появятся онѣ съ багровыми отъ гнѣва лицами, по которымъ спускаются змѣи-кудри, съ тѣми самыми змѣиными бичами, которыми онѣ нѣкогда бичевали Ореста, противоестественнаго грѣшника, умертвившаго свою мать, Клитемнестру. Быть-можетъ, графъ уже теперь слышитъ шипѣніе змѣй — прошу тебя любезный читатель, вспомнить теперь «волчью долину» и музыку Саміеля, — быть-можетъ, уже теперь охватываетъ графа тайный ужасъ грѣшника, небо омрачается, кричатъ ночныя птицы, въ отдаленіи раскаты грома, сверкастъ молнія, пахнетъ сѣрой... Горе, горе! Сіятельные предки выходятъ изъ могилъ, они еще три-четыре раза восклицаютъ: горе! горе! при видѣ жалкаго внука, они умоляютъ его надѣть ихъ старые желѣзные панталоны, чтобы зацѣпить себя отъ ужасныхъ розогъ, ибо Эвмениды растерзаютъ его ими, змѣиные бичи будутъ иронически доставлять себѣ это наслажденіе, и подобно распутному королю Родриго, когда его заточили въ змѣиную башню, станеть, наконецъ, и бѣдный графъ визжать:

«Ахъ, онѣ пожираютъ, ахъ, онѣ пожираютъ
То, чѣмъ я наибольше грѣшил!»

Не приходи въ ужасъ, любезный читатель, это, вѣдь, все шутки. Эти страшныя Эвмениды ничто иное, какъ веселая комедія, которую я черезъ нѣсколько мѣсяцевъ напишу подъ этимъ заглавіемъ, и тѣ трагическіе стихи, которые только-что напугали тебя, находятся въ самой развеселой книгѣ въ свѣтѣ — «Донъ Кихотъ Ламанчскомъ», гдѣ старая, приличная придворная дама декламируетъ ихъ въ присутствіи всего двора. Я вижу — ты снова улыбаешься. Простимся же другъ съ другомъ весело и смѣясь. Если эта глава вышла нѣсколько скучною, то причиною тому былъ только предметъ ея; притомъ, я писалъ ее больше ради пользы, чѣмъ удовольствія, и если мнѣ удалось сдѣлать еще одного дурака годнымъ для литературы, то отечество будетъ мнѣ признательно за это. Скромное сознаніе этой заслуги — моя прекраснѣйшая награда.

Для тѣхъ королей, которые пожелали бы прислать мнѣ сверхъ того еще табакерку, замѣчу, что книгопродавческой фирмѣ «Гофманъ и ком.» въ Гамбургѣ поручено принимать для передачи мнѣ таковыя подношенія.

Писано поздною осенью 1829 г.

III. Городъ Лукка.

Смѣшать меня всегда англичане, которые объ этомъ второмъ поэтѣ своемъ (ибо послѣ Шекспира пальма принадлежитъ Байрону) судятъ такъ мѣщански-мелко, потому что онъ осмѣивалъ ихъ педанство, не хотѣлъ подчиняться ихъ узкимъ правамъ и обычаямъ, раздѣлять ихъ ученую вѣру, сухость ихъ была ему отвратительна, ихъ высокомеріе и лицемеріе вызывали его негодованіе. Многіе крестятся даже чуть заговорятъ о немъ, и даже женщины, хотя ихъ щеки пылаютъ отъ энтузіазма, когда онъ читаетъ его—даже онъ гласно выступаютъ съ рѣзкими нападеніями на своего тайнаго любимца.

«Письма Умершаго: отрывочный дневникъ изъ Англии» Мюнхенъ, 1830.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Окружающая природа дѣйствуетъ на человѣка—отчего же и человѣкъ не дѣйствуетъ на окружающую его природу? Въ Италіи она страстна, какъ народъ, живущій тамъ; у насъ въ Германіи она серьезнѣе, осмысленнѣе и терпѣливѣе. Жила ли когда-нибудь и природа, какъ люди, болѣе внутреннюю жизнь? Говорятъ, что сила духа Орфея могла вдохновенными ритмами приводить въ движеніе деревья и камни. Можетъ ли и теперь случиться подобное чудо? Люди и природа сдѣлались флегматичны и зѣваютъ, глядя другъ на друга. Королевскій прусскій поэтъ никогда не будетъ въ состояніи звуками своей лиры заставить танцовать Темпловскую гору или берлинскія Липы.

Природа также имѣетъ свою исторію, и это совсѣмъ не та естественная исторія, которой обучаютъ въ школахъ. Ка-

кой-нибудь изъ сѣрыхъ ящерицъ, проживающихъ уже цѣлыя тысячелѣтїя въ скалистыхъ ущельяхъ Апеннинскихъ горъ, слѣдовало бы дать въ одномъ изъ нашихъ университетовъ мѣсто совсѣмъ экстраординарной профессорши — и мы бы услышали совсѣмъ экстраординарныя вещи. Но гордость нѣкоторыхъ господъ юридическаго факультета возстала бы противъ такого назначенїя. Вѣдь завидуетъ же тайно одинъ изъ нихъ бѣдной собацѣ Фидо, боясь, что она когда-нибудь замѣнитъ его въ ученой приносцѣ.

Ящерицы съ ихъ умными хвостиками и острыми глазенками рассказали мнѣ удивительныя вещи въ то время, когда я одиноко взбирался по апеннинскимъ ущельямъ. Въ самомъ дѣлѣ, между небомъ и землею есть вещи, которыхъ не могутъ понять не только наши философы, но и обыкновенные дураки.

Ящерицы рассказывали мнѣ, что между камнями ходитъ легенда, будто богъ захотѣлъ нѣкогда сдѣлаться камнемъ, чтобъ освободить камни отъ неподвижности. Но по мнѣнїю одной старой ящерицы это совершится только тогда, когда богъ предварительно превратится во всѣ породы животныхъ и растений и освободитъ ихъ.

Только немногіе камни имѣютъ чувства, и только при свѣтѣ луны они дышатъ. Но эти немногіе камни, чувствующіе свое положеніе, страшно несчастны. Деревья въ этомъ отношенїи счастливѣе, они могутъ плакать. Но блаженнѣе всѣхъ животныя, потому что они могутъ говорить — каждое по-своему, и человекъ лучше всѣхъ. Когда-нибудь, когда весь свѣтъ будетъ освобожденъ, тогда и всѣ другія созданїя получатъ даръ слова, какъ въ тѣ первобытныя времена, о которыхъ поютъ поэты.

Ящерицы — ироническое племя и любятъ дурачить другихъ животныхъ. Но въ отношенїи ко мнѣ онѣ выказывали полное смиренїе, онѣ вздыхали такъ честно, онѣ рассказывали мнѣ исторїи объ Атлантидѣ — исторїи, которая я скоро напишу для пользы и назиданїя міра. Мнѣ было такъ задушевно хорошо у этихъ маленькихъ созданїй, какъ бы хранящихъ подъ своимъ надзоромъ тайныя лѣтописи природы. Можетъ-быть, онѣ — заколдованныя семейства жрецовъ, какъ тѣ жрецы древняго Египта, которые жили въ лабиринтныхъ гротахъ своихъ утесовъ, тоже подслушивая тайны природы? На ихъ головкахъ, тѣльцахъ и хвостикахъ цвѣтутъ такія же чудныя изображенїя, какія украшали египетскія гіероглифическія шашки и гіерофантскія одежды.

Мои маленькіе друзья выучили меня также символическому языку, съ помощью котораго я получилъ возможность говорить съ нѣмою природой. Этотъ разговоръ часто облегчаетъ мнѣ душу, особенно по вечерамъ, когда горы одѣваются призрачно милыми тѣнями, и водопады шумятъ, и всѣ растенія благоухаютъ, и быстрыя молніи сверкаютъ то тутъ, то тамъ...

О, природа, нѣмая дѣвственница! Я хорошо понимаю твое сверканіе, напрасную попытку заговорить, пробѣгающую въ видѣ молніи по твоему прекрасному лицу, и мнѣ такъ жаль тебя, что я плачу. Но тогда и ты понимаешь меня, и проясняешься, и улыбаешься мнѣ золотыми глазами. Прекрасная дѣвственница, я понимаю твои звѣзды, а ты понимаешь мои слезы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

— Ничто въ мірѣ не хочетъ идти назадъ,—сказала мнѣ одна ящерица;—все стремится впередъ, и, наконецъ, въ природѣ произойдетъ большое повышеніе по службѣ. Камни сдѣлаются растеніями, растенія—животными, животныя—людьми, а люди богами.

— Но,—вскричалъ я:—чѣмъ же тогда сдѣлаются эти добрые люди—бѣдные старые боги?

— Это ужъ какъ-нибудь уладится, любезный другъ; по всей вѣроятности, они или отрекутся отъ престола, или будутъ какимъ-нибудь другимъ почетнымъ образомъ выпущены въ отставку.

Много еще другихъ тайнъ узналъ я отъ моего гіероглифкожаго натурфилософа, но далъ ему честное слово никому не выдавать ихъ. Теперь я знаю больше, чѣмъ Шеллингъ и Гегель.

— Какого вы мнѣнія объ этихъ обоихъ?—спросила меня старая ящерица съ язвительной улыбкой, когда я однажды произнесъ при ней ихъ имена.

— Когда подумаешь,—отвѣчалъ я:—что они только люди, а не ящерицы, то нельзя не изумляться ихъ учености. Въ сущности ихъ ученіе одинаково, это—хорошо извѣстная вамъ философія тождества; только въ способѣ изображенія своихъ идей они различаются между собою. Когда Гегель излагаетъ принципы своей философіи, тогда кажется, что видишь тѣ красивыя фигуры, которыя ловкій школьный учитель умѣетъ составлять искуснымъ сопоставленіемъ всевозможныхъ цифръ, такимъ образомъ, что обыкновенный

наблюдатель видитъ въ нихъ только наружную форму, домикъ, корабликъ или солдатиковъ, между тѣмъ какъ размышляющій ученикъ можетъ различить въ этой фигурѣ рѣшеніе глубокой математической задачи. Изображенія же Шеллинга больше похожи на тѣ индѣйскія фигуры, въ которыхъ причудливыми сплетнями соединены между собою всевозможныя животныя, змѣи, птицы, слоны и тому подобныя живые ингредиенты. Этотъ способъ изложенія гораздо пріятнѣе, веселѣе, теплѣе; все тутъ живетъ, тогда какъ абстрактныя цифры Гегеля имѣютъ такой сѣрый, холодный и мертвенный видъ.

— Такъ, такъ,—замѣтила старая ящерица:—я понимаю, что вы хотите сказать; но скажите мнѣ, много ли слушателей у этихъ философовъ?

Тутъ я началъ рассказывать, какъ въ ученомъ караванъ-сараѣ Берлина верблюды собираются вокругъ колодца Гегелевой премудрости, становятся на колѣни, навьючиваются драгоценными мѣхами и пускаются въ дальнѣйшій путь по бранденбургскимъ песчанымъ степямъ. Затѣмъ я рассказаль, какъ новые аеиняне тѣснятся вокругъ источника умственного напитка Шеллинга, какъ будто онъ лучшее пиво, кранъ жизни, напитокъ безсмертія...

Желтая зависть овладѣла маленькимъ натурфилософомъ, когда онъ услышалъ, что у его товарищей такія обширныя аудиторіи, и онъ сердито спросилъ меня:—Какого же изъ этихъ двухъ вы считаете болѣе великимъ?

— Этого я не могу рѣшить,—отвѣчалъ я;—точно такъ же, какъ не могу рѣшить, кто выше: Шехнеръ или Зонгагъ, и думаю...

— Думаю! — вскричала ящерица рѣзкимъ надменнымъ тономъ глубочайшаго пренебреженія:—думаю! Развѣ кто-нибудь изъ васъ думаетъ? Мой мудрый господинъ, уже три тысячи лѣтъ я дѣлаю наблюденія надъ умственными отправленіями животныхъ; главными предметами моего изученія я сдѣлалъ людей, обезьянъ и змѣй, я занимался этими удивительными созданіями такъ же прилежно, какъ Ліоннэ своими гусеницами, и на основаніи моихъ наблюденій, опытовъ и анатомическихъ сравненій могу васъ положительно увѣрить: ни одинъ человѣкъ не думаетъ; иногда только людямъ приходитъ въ голову кое-что, и эти невольные припадки они называютъ мыслями, а нанизываніе этихъ мыслей одна на другую—мышленіемъ. Но отъ моего имени вы можете утверждать, что ни одинъ человѣкъ не думаетъ, ни одинъ

философъ не думаетъ, ни Шеллингъ, ни Гегель не думаютъ; а что касается ихъ философіи, то она ничто иное, какъ воздухъ и вода, точно такъ же какъ тучи небесныя; уже безчисленное множество такихъ тучъ гордо и самоувѣренно проходило надъ моею головою, а первый солнечный свѣтъ превращалъ ихъ въ первобытное ничто; существуетъ одна истинная философія, и она написана вѣчными гіероглифами на моемъ собственномъ хвостѣ.

При этихъ словахъ, произнесенныхъ съ презрительнымъ пафосомъ, старая ящерица повернулась ко мнѣ спиною, и въ то время, какъ она медленно уходила, я увидѣлъ на всемъ протяженіи ея хвоста удивительнѣйшія гіероглифическія изображенія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Разговоръ, приведенный мною въ предыдущей главѣ, происходилъ на дорогѣ между луккскими водами и городомъ Луккою, недалеко отъ большого каштановаго дерева, котораго дико зеленыя вѣтви отгѣняютъ ручей, и въ присутствіи стараго сѣдобородаго козла, отшельнически пасшагося тутъ. Я отправился въ городъ Лукку на свиданье съ Франческой и Матильдой, къ которымъ, согласно нашему условію, долженъ былъ явиться уже за восемь дней до того. Но въ назначенный срокъ я сѣздилъ напрасно, и теперь во второй разъ пустился въ дорогу. Я шелъ гѣшкомъ, вдоль прекрасныхъ горъ и группъ деревьевъ, гдѣ золотыя апельсины, точно дневныя звѣзды, выглядывали изъ темной зелени, а гирлянды виноградныхъ вѣтвей нарядными извилами тянулись на цѣлыя мили. Вся эта страна такъ похожа на садъ и разукрашена, какъ у насъ сельскіе пейзажи, представляемые на театрахъ; даже поселяне похожи на тѣ пестрыя фигуры, которыя при этомъ поютъ, смѣются и пляшутъ. Нигдѣ не встрѣчаются филистерскія лица. А если и есть здѣсь филистеры, то это все-таки итальянскіе, апельсиновые филистеры, а не неуклюже нѣмецкіе, картофельные. Люди здѣсь такъ же живописны и идеальны, какъ сама земля, и при этомъ каждый человѣкъ имѣетъ совершенно индивидуальное выраженіе лица и умѣетъ выдѣлять свою личность осанкою, драпировкою плаща, а въ случаѣ нужды—и движеніемъ ножа. У насъ же, напротивъ того, встрѣчаются только люди съ будничными, однообразными фізіономіями: когда ихъ двѣнадцать, они составляютъ дю-

жину, а если въ это время кто-нибудь нападаетъ на нихъ, они призываютъ полицію.

Въ луккской области, какъ и въ большей части Тосканы, мнѣ бросилось въ глаза, что женщины носятъ большія черныя шляпы изъ войлока съ висячими черными страусовыми перьями; даже на головахъ женщинъ, плетущихъ солому, такіе тяжелые уборы. Напротивъ того, мужчины ходятъ въ легкихъ соломенныхъ шляпахъ, и молодые парни получаютъ ихъ въ подарокъ отъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя сами изготовляютъ ихъ и вплетаютъ въ солому свои любовныя мысли и, можетъ-быть, также свои вздохи. Такъ и Франческа сидѣла нѣкогда между дѣвушками и цвѣтами долины Арно, и плела шляпу для саго Сессо, и цѣловала каждую соломинку, и напѣвала свою прелестную арію: *Occhie stelle mortale*;—но теперь на кудрявой головѣ, которая нѣкогда такъ красиво носила эту красивую шляпу, тонзура, а самая шляпа, старая и износившаяся, виситъ въ углу мрачной аббатской кельи въ Болоньѣ.

Я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые для сокращенія пути любятъ сворачивать съ большой дороги и поэтому нерѣдко блуждаютъ по тропинкамъ скаль и лѣсовъ, не зная, какъ выйти изъ нихъ. Это случилось со мною и здѣсь, и на свое путешествіе въ Лукку я употребилъ, конечно, вдвое больше времени, чѣмъ употребляютъ люди, идущіе по большой дорогѣ. Воробей, котораго я спросилъ, куда мнѣ слѣдуетъ идти, долго щебеталъ, но не далъ мнѣ никакого удовлетворительнаго отвѣта. Можетъ-быть, онъ и самъ не зналъ. Отъ бабочекъ и стрекозъ, сидѣвшихъ на большихъ колокольчикахъ, я не могъ добиться ни одного слова; онѣ улетали, прежде чѣмъ я доканчивалъ вопросъ, а цвѣты качали своими беззвучными колокольчатыми головами. Иногда меня звали къ себѣ дикіе мирты, хихикавшіе въ отдаленіи своими тоненькими голосками. Наконецъ, я сталъ стремительно взбираться на высочайшія вершины утесовъ и кричать: «Тучи небесныя! Посланныцы воздуха! Скажите мнѣ, гдѣ дорога къ Франческѣ? Въ Луккѣ ли Франческа? Скажите мнѣ, что она дѣлаетъ? Что танцуетъ? Скажите мнѣ все, и когда скажете все, начинайте снова говорить!»

Не удивительно, что при такомъ сильномъ припадкѣ безумія, серьезный орелъ, котораго уединенныя грезы я нарушилъ моими криками, посмотрѣлъ на меня съ презрительнымъ неудовольствіемъ. Но я охотно прощаю ему, потому что онъ никогда не видѣлъ Франчески и поэтому могъ такъ

величаво-гордо сидѣть на своемъ твердомъ утѣсѣ, и смотрѣть на небо съ такою свободною душой, или бросать на меня такіе спокойно-надменные взоры. У такого орла невыносимо гордый взглядъ, и когда онъ смотритъ на васъ, то будто говорить: «Что ты за птица? Знаешь ли ты, что я и теперь еще царь, какъ въ то героическое время, когда я держалъ въ когтяхъ грома Юпитера и украшалъ знамена Наполеона? Кто ты? Ученый ли попугай, выучившій наизусть старыя пѣсни и педантически повторяющій ихъ? Или домашняя горлица, прекрасно чувствующая и скверно воркующая? Или альманахный соловей? Или гусь, предки котораго спасли Капитолій? Или, наконецъ, домашній пѣтухъ съ рабскою душой, которому въ насмѣшку повѣсили на шею амблему смѣлаго полета, т. е. мой портретъ въ миниатюрѣ, и который харахорится, какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ орелъ?» Ты знаешь, любезный читатель, что мнѣ нѣтъ никакой причины обижаться, когда орелъ думаетъ обо мнѣ такія вещи. Взглядъ, которымъ я отвѣчалъ ему, былъ, я полагаю, еще болѣе гордъ, чѣмъ его взглядъ, и если онъ освѣдомился обо мнѣ у перваго лавроваго дерева, то узналъ, кто я такой.

Я, дѣйствительно, заблудился въ горахъ, когда наступили сумерки и лѣсныя пѣсни постепенно замолкли, а деревья начали шептаться все серьезнѣе и серьезнѣе. Возвышенная таинственность и задушевная торжественность разлились, словно дыханье Бога, въ просвѣтленной тишинѣ. Тутъ и тамъ выглядывали на меня изъ земли прекрасные темные глаза, исчезающіе въ ту же минуту. Нѣжный шопотъ игриво пробѣгалъ по моему сердцу, и незримые поцѣлуи воздушно прикасались къ моимъ щекамъ. Вечерняя заря одѣла горы точно траурнымъ плащомъ, и послѣдніе лучи солнца освѣтили ихъ вершины и сдѣлали ихъ похожими на королей съ золотыми коронами на головахъ. Я же стоялъ, какъ царь вселенной, среди этихъ вѣнчаныхъ вассаловъ, преклонявшихся предо мною въ благоговѣйномъ молчаніи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Не знаю, набожный ли человекъ тотъ монахъ, котораго я встрѣтилъ недалеко отъ Лукки. Но знаю, что его старое тѣло сидитъ уже многіе годы нищенски и голо въ грубой рясѣ; изорванные сандалии не могутъ достаточно защищать его обнаженные ноги, когда онъ по колючкамъ и камнямъ взбирается на скалы, чтобы тамъ наверху, въ горныхъ де-

ревняхъ утѣшать больныхъ, или учить дѣтей молиться... И онъ доволенъ, когда ему за это кладутъ въ мѣшокъ кусточекъ хлѣба, или даютъ пучокъ соломы, чтобы уснуть на ней.

«Противъ *этого* человѣка я не стану писать,—сказалъ я себѣ.—Когда вернусь домой въ Германію и, сидя въ своемъ креслѣ, сытый и согрѣтый, у трещащей печки за пріятною чашкой чаю, буду писать противъ католическихъ священниковъ — то противъ *этого* человѣка ничего не напишу...»

Для того, чтобы писать противъ католическихъ священниковъ, надо знать и ихъ лица. Но оригинальныя лица встрѣчаешь только въ Италіи. Нѣмецкіе католическіе священники и монахи—только скверныя подражанія, часто даже пародіи итальянскихъ; сравненіе между тѣми и другими было бы такое же, какъ между римскими и флорентинскими образами и тѣми саранчеобразными набожными физиономіями, которыя обязаны своимъ плачевнымъ существованіемъ мѣщанской кисти нюрнбергскаго городского живописца, или, пожалуй, милому простодушію назидательно настроеннаго рисовальщика изъ длинноволосо-католической ново-нѣмецкой школы.

Священники въ Италіи давно уже не церемонятся съ общественнымъ мнѣніемъ, тамошній народъ давно уже привыкъ отличать достоинство духовнаго лица отъ недостойной личности, привыкъ чтить первое даже въ томъ случаѣ, когда вторая вызываетъ презрѣніе. Именно тотъ контрастъ, который должны порождать идеальныя обязанности и права духовнаго сословія съ одной стороны, и неустранимыя потребности чувственной природы—съ другой, старое, вѣчное столкновеніе между духомъ и матеріей—именно это дѣлаетъ итальянскихъ священниковъ неизмѣнными фигурами народнаго юмора въ сатирахъ, пѣсняхъ и новеллахъ. Подобныя явленія мы встрѣчаемъ всюду, гдѣ существуетъ и подобное священническое сословіе; наприм., въ Индостанѣ. Въ комедіяхъ этой исконно набожной страны, подтвержденіе чему мы встрѣчали уже въ «Саконталѣ» и встрѣтили снова въ недавно переведенной «Васантасснѣ» — браминъ всегда играетъ комическую роль, такъ сказать жреца — *gracioso*, нисколько не нарушая этимъ того почтенія, которое воздается его жреческимъ служебнымъ отправленіямъ и его привилегированной святости, — точно такъ же, какъ итальянецъ благоговѣнно слушаетъ обѣдню или исповѣдывается у того самаго священника, котораго онъ еще наканунѣ видѣлъ

пьянымъ въ уличной грязи. Въ Германіи не то: тамошній католическій священникъ старается не только о томъ, чтобы его достоинство находило себѣ представителя въ его санѣ, но и о томъ, чтобы его санъ имѣлъ представителя въ его личности. И вслѣдствіе того, что вначалѣ онъ, можетъ-быть, дѣйствительно относился къ своему призванію совершенно серьезно, а впослѣдствіи, когда его обѣтъ цѣломудрія и смиренія испыталъ нѣкоторое столкновеніе съ ветхимъ Адамомъ, все-таки не желаетъ нарушать этотъ обѣтъ публично—вслѣдствіе этого онъ старается, по крайней мѣрѣ, казаться ведущимъ святую жизнь. Отсюда у нѣмецкихъ священниковъ ханжество, лицемѣріе, змѣниная набожность; у итальянцевъ, напротивъ того, гораздо болѣе прозрачности въ маскѣ и какая-то самодовольная, нахальная иронія.

Но какой прокъ въ подобныхъ общихъ размышленіяхъ! Они мало помогли бы тебѣ, любезный читатель, если бы тебѣ захотѣлось писать противъ католическаго духовенства. Для этого, какъ я уже сказалъ, нужно видѣть собственными глазами фізіономіи этихъ людей. Увѣряю васъ, что въ этомъ случаѣ не достигнете вы цѣли даже и тогда, когда увидите ихъ въ королевскомъ оперномъ театрѣ въ Берлинѣ. Правда, прежній генераль-интендантъ оперы дѣлалъ все возможное, чтобы наивѣрнѣе представить на сценѣ коронаціонную процессію въ «Орлеанской Дѣвѣ» и показать своимъ соотечественникамъ священниковъ всѣхъ цвѣтовъ. Но самый вѣрный костюмъ не можетъ замѣнить подлинныя лица, и истратъ дирекція хоть еще сверхсмѣтныхъ 100 т. талеровъ на золотыя епископскія митры, узорчатыя рубашки пѣвчихъ и т. п.—цѣль все-таки не была бы достигнута: протестантски разумные носы, протестующе смотрящіе на васъ подъ этими золотыми шапками, тощія анализирующія ноги, выглядывающія изъ бѣлыхъ кружевъ этихъ рубашекъ хора, вкусившіе просвѣщеніе животы, для которыхъ всѣ эти католическія одѣянія слишкомъ широки—все это постоянно напоминало бы нашему брату, что тутъ по сценѣ проходятъ не католическіе духовные, а берлинскіе свѣтскіе люди.

Мнѣ часто приходило на мысль: не поступилъ ли бы оперный генераль-интендантъ гораздо сообразнѣе съ дѣйствительностью, если бы роли католическихъ священниковъ въ этой пьесѣ онъ поручалъ не обыкновеннымъ статистамъ, а тѣмъ протестантскимъ духовнымъ, которые въ теологическихъ факультетахъ, въ «Клерикальной Газетѣ» и съ каеодры умѣютъ усерднѣе, чѣмъ кто-либо изъ ихъ собратьевъ,

проповѣдывать противъ разума, свѣтскихъ радостей и чертовщины. Иллюзія вышла бы при этомъ гораздо болѣе полная... Правда, католическіе и протестантскіе священники отличаются другъ отъ друга нѣкоторыми фізіономическими оттѣнками, но для партера они вѣдь будутъ незамѣтны, фамиліное сходство останется въ главныхъ чертахъ неизмѣненнымъ, и если генераль-интендантъ будетъ хорошо платить вышеупомянутымъ господамъ, то они, какъ всегда, будутъ своею игрой производить прекрасную иллюзію. Ей будетъ способствовать и ихъ походка,—хотя тонкій привычный глазъ всегда замѣтитъ, что она тоже отличается тонкими оттѣнками отъ походки католическихъ священниковъ и монаховъ.

Католическій священникъ ходитъ такъ, какъ будто небо его собственность; протестантскій, напротивъ того — какъ будто онъ взялъ небо въ аренду.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Наступила уже ночь, когда я пріѣхалъ въ городъ Лукку. Въ совсѣмъ иномъ видѣ представился онъ мнѣ за недѣлю до того, когда я въ дневную пору ходилъ по пустымъ улицамъ и думалъ, что судьба перенесла меня въ одинъ изъ тѣхъ заколдованныхъ городовъ, о которыхъ нѣкогда столько рассказывала мнѣ моя кормилица. Городъ былъ весь безмолвенъ, какъ могила, все представлялось такимъ поблекшимъ и вымершимъ, солнечные лучи играли на крышахъ, какъ золотая мишура на головѣ трупа, мѣстами изъ окошекъ стараго полуразрушеннаго дома вывѣшивался плющъ, какъ высохшія зеленыя слезы, всюду искривляясь тлѣніе и печально застывшая смерть, городъ казался только призракомъ города, каменнымъ привидѣніемъ среди бѣла дня. Напрасно искалъ я хоть слѣда живого существа. Помню только, что передъ старымъ палаццо лежалъ съ простертою открытою рукой спящій нищій. Помню также, что въ верхнемъ окнѣ почернѣвшаго ветхаго дома я увидѣлъ монаха, совсѣмъ высунувшаго изъ своей сѣрой рясы красную шею съ вспотѣвшею лысою головой, а рядомъ съ нимъ—полногрудую голую женщину; въ нижнемъ этажѣ, въ полуоткрытую дверь дома вошелъ маленькій мальчикъ, одѣтый чернымъ аббатомъ и несшій обѣими руками огромную толстопузую бутылъ съ виномъ. Въ ту же самую минуту прозвучалъ невдалекѣ тонкій ироническій колокольчикъ, и въ моей памяти захихикали новеллы Бокаччіо. Но эти звуки не

могли разсѣять странный ужасъ, заставившій вздрагивать мою душу. Онъ, можетъ-быть, тѣмъ сильнѣе держалъ меня въ своей власти, что солнце такъ тепло и ярко освѣщало зловѣще мрачныя зданія, а я давно замѣтилъ, что привидѣнія становятся еще страшнѣе, когда они сбрасываютъ съ себя черный плащъ ночи и показываются при яркомъ дневномъ освѣщеніи.

Когда же я снова вернулся въ Лукку теперь, восемь дней спустя, какъ изумилъ меня измѣнившійся видъ этого города! Что это такое!—воскликнулъ я, когда блескъ свѣчей ослѣпилъ мои глаза и толпы людей волнами неслись по улицамъ. Не всталъ ли это изъ гроба, какъ ночное привидѣніе, цѣлый народъ, чтобы въ безумнѣйшемъ маскарадѣ разыграть подобіе жизни? Высокіе, мрачные дома разукрашены лампами, повсюду изъ окошекъ вывѣшены пестрые ковры, почти покрывая сгнившія старыя стѣны, а къ нимъ прислонились милыя дѣвичьи лица, такія свѣжія, такія цвѣтушія, что для меня нѣтъ сомнѣнія — это сама жизнь, празднующая свое бракосочетаніе со смертью и пригласившая сюда красоту молодости. Да, это дѣйствительно былъ живой праздникъ смерти — не знаю, какъ онъ называется въ календарѣ — во всякомъ случаѣ, день поминаенія многострадальнаго мученика, ибо я увидѣлъ вслѣдъ затѣмъ святой черепъ и еще нѣсколько костей, украшенные цвѣтами и драгоценными камнями и несомые при звукахъ свадебной музыки. То была прекрасная процессія.

Впереди шли капуцины, отличавшіеся отъ другихъ монаховъ длинными бородами... За ними слѣдовали капуцины безъ бородъ, и между ними много мужественно благородныхъ лицъ, даже немало лицъ юношески-красивыхъ, къ которымъ очень шла широкая тонзура, потому что, благодаря ей, голова казалась какъ бы обвитою красивымъ волосянымъ вѣнкомъ и вмѣстѣ съ голою шейю весьма граціозно выставлялась изъ коричневой рясы. Далѣе шли рясы другихъ цвѣтовъ — чернаго, желтаго, бѣлаго, тут же надвинутыя на лобъ треугольныя шляпы, словомъ всѣ тѣ монастырскіе костюмы, которые давно знакомы намъ, благодаря стараніямъ нашего опернаго генераль-интенданта. За монашескими орденами слѣдовали собственно священники въ бѣлыхъ рубашкахъ сверхъ черныхъ панталонъ и цвѣтныхъ шапочкахъ, затѣмъ — еще болѣе знатное духовенство, укутанное въ пестрыя шелковыя покрывала, имѣя на головахъ родъ высокихъ шапокъ, вѣроятно египетскаго происхожде-

ніл... Въ заключеніе несли балдахинъ, подъ которымъ шествовалъ старикъ въ еще болѣе высокой шалкѣ и въ еще болѣе богатомъ покрывалѣ, кисти котораго поддерживали, въ видѣ пажей, два точно такъ же одѣтыхъ старика.

Передніе монахи шли съ скрещенными руками, въ серьезномъ молчаніи; но тѣ, что были въ высокихъ шапкахъ, оглашали воздухъ плачевнѣйшимъ пѣніемъ—такимъ гнусливымъ, рѣзкимъ, фальшивымъ... которое, къ счастью, можно было слышать только наполовину, такъ какъ вслѣдъ за процессіей двигалось нѣсколько отрядовъ военныхъ съ трубами и барабанами, какъ и вообще по обѣ стороны духовенства маршировали по двѣ-три пары гренадеровъ. Солдаты тутъ были почти больше, чѣмъ священниковъ; но въ настоящее время у насъ для защиты религіи держатъ большое количество штыковъ...

Когда я вижу подобную процессію, въ которой духовенство шествуетъ такъ мрачно и печально подъ гордою военною охраною, меня всегда охватываетъ чувство скорби, и мнѣ представляется, что я вижу самого Спасителя Нашего, идущаго къ мѣсту казни въ сопровожденіи копьеносцевъ. Луккскія звѣзды думали, конечно, то же, что и я; и когда я со вздохомъ подыалъ къ нимъ взоры свои, онѣ взглянули на меня своими набожными глазами такъ сочувственно, такъ свѣтло, такъ ясно. Но въ ихъ свѣтѣ не было надобности, — тысячи и тысячи лампъ, и свѣчей, и дѣвичьихъ лицъ свѣтили изъ всѣхъ оконъ, на углахъ улицъ были водружены пылающіе смоляные вѣнки, и, кромѣ, того еще при каждомъ священникѣ шель особый свѣщеносецъ. У большей части капуциновъ эту обязанность исполняли маленькіе мальчики, и ихъ юношески свѣжія личики по временамъ съ радостнымъ любопытствомъ смотрѣли вверхъ на старыя серьезныя бороды; такой бѣднякъ-капуцинъ не имѣетъ средствъ платить взрослому свѣщеносцу, и эту обязанность во время процессій долженъ исполнять для него даромъ мальчикъ, котораго онъ учитъ читать Ave Maria, или чья тетка у него исповѣдывается, отчего, конечно, отнюдь не ослабѣваетъ усердіе исполнителя. При слѣдовавшихъ за капуцинами монахахъ состояли мальчики почти такого же возраста; при нѣкоторыхъ болѣе знатныхъ орденахъ—уже взрослые люди, а свѣчи священниковъ въ высокихъ шапкахъ несли настоящіе горожане. Господинъ же архіепископъ—ибо это именно онъ шествовалъ въ горделивомъ смиреніи подъ балдахиномъ, въ сопровожденіи поддержи-

вавшихъ кисти его одѣянія сѣдыхъ пажей — господинъ архіепископъ имѣлъ по обѣ стороны по лакею, которые красовались въ голубыхъ ливреяхъ съ желтыми шнурками и церемоніально, точно они служили при дворѣ, несли бѣлыя восковыя свѣчи.

Во всякомъ случаѣ это ношеніе свѣчей я нашелъ хорошимъ учрежденіемъ, потому что, благодаря ему, могъ ясно разглядѣть лица, принадлежавшія католичеству. И я тамъ дѣйствительно, увидѣлъ ихъ, и притомъ въ самомъ лучшемъ освѣщеніи. Но что же я увидѣлъ? Да, правда, клерикальная печать не отсутствовала ни на одномъ. Но затѣмъ лица отличались одно отъ другого точно такъ же, какъ вообще различаются между собою лица. Одно было блѣдно, другое красно, этотъ носъ гордо вздымался, тотъ былъ смиренно опущенъ внизъ, тутъ искрился черный глазъ, тамъ слабо мерцалъ сѣрый... но всѣ эти лица носили слѣды одной и той же болѣзни, ужасной, неизлѣчимой болѣзни, которая вѣроятно, будетъ причиной, что мой внукъ, если ему случится черезъ сто лѣтъ присутствовать на процессіи въ Луккѣ, не найдетъ уже ни одного изъ этихъ лицъ. Боюсь, что и самъ я заразился этою болѣзью, и одно изъ послѣдствій ея — та размягченность, которая странно прокрадывается въ мою душу каждый разъ, какъ я смотрю на такое больное монашеское лицо и вижу на немъ признаки страданій, скрытыхъ подъ сѣрою рясой: оскорбленную любовь, подагру, обманутое честолюбіе, сухотку спинного мозга, раскаяніе, геморрой, сердечныя раны, нанесенныя намъ неблагодарностью друзей, клеветой враговъ и собственными нашими грѣхами — все это и еще многое другое, такъ легко умѣющее находить себѣ мѣсто и подъ грубой рясой и подъ тонкимъ моднымъ фраккомъ. О, никакого преувеличенія нѣтъ въ скорбномъ восклицаніи поэта: «Жизнь — болѣзнь, весь міръ — лазаретъ!»

«А смерть — нашъ врачъ!..» Ахъ, я не хочу говорить ничего дурного о смерти, не хочу подрывать и въ другихъ довѣрія къ ней, — ибо такъ какъ она единственный врачъ, то пусть они остаются въ убѣжденіи, что она и лучшій, и что единственное средство, ея употребляемое, — ея вѣчное лѣченіе землею, тоже самое лучшее. По крайней мѣрѣ этотъ докторъ заслуживаетъ похвалы за то, что онъ всегда подъ рукой и, несмотря на свою большую практику, никогда не заставитъ васъ долго ждать его, чуть вы потребовали его къ себѣ. Иногда онъ даже слѣдуетъ за своими паціентами

музыкѣ еще болѣе странный текстъ; по временамъ взоры мои бродятъ по погружающимся въ сумерки сводчатымъ переходамъ... Кто эта укутанная вуалью женщина, стоящая на колѣняхъ предъ образомъ Мадонны? Висящая передъ нимъ лампада кидаетъ ужасающій и вмѣстѣ милый блескъ на прекрасную Страдалицу — Мать распятаго Воплощенія Любви; но обольстительно таинственный свѣтъ падаетъ по временамъ, какъ бы украдкой, на красивыя формы молящейся. Она лежитъ, правда, неподвижная на каменныхъ ступеняхъ алтаря, но въ мѣняющемся освѣщеніи движется ея тѣнь, отъ времени до времени подбѣгаетъ ко мнѣ, потомъ снова поспѣшно удаляется, точно набожный мавръ, боязливый вѣстникъ любви въ гаремѣ — и я понимаю его. Онъ возвѣщаетъ мнѣ присутствіе своей госпожи, султанши моего сердца.

Но въ пустой церкви постепенно становится все темнѣе, мѣстами скользить вдоль колоннъ какая-нибудь неопредѣленная фигура, по временамъ доносится до меня шопотъ изъ боковой капеллы, и органъ, подобно вздыхающему иполинскому сердцу, стонетъ своими длинными, протяжными звуками...

Казалось, однако, что эти звуки никогда не замолкнутъ, что этотъ предсмертный голосъ, эта живая смерть будетъ продолжаться вѣчно; я ощущалъ такое несказанное стѣсненіе въ груди, такую невыразимую тревогу, какъ будто меня похоронили заживо, какъ будто, я давно погребенный, выпелъ изъ могилы, и вмѣстѣ съ зловѣщими ночными товарищами вошелъ въ призрачную церковь, чтобы слушать молитвы мертвыхъ и каяться въ грѣхахъ, совершенныхъ трупамъ. Иногда мнѣ казалось, что рядомъ со мною, въ таинственныхъ сумеркахъ, дѣйствительно сидитъ отошедшая въ вѣчность община, въ износившихся старофлорентинскихъ одеждахъ, съ длинными блѣдными лицами, держа въ тощихъ рукахъ украшенные золотомъ молитвенники, таинственно шепча что-то и меланхолически кивая другъ другу. Дребезжащій звонъ далекаго надгробнаго колокольчика снова напомнилъ мнѣ о больномъ священникѣ, котораго я видѣлъ въ прецессіи, и я сказалъ себѣ: онъ въ настоящее время тоже мертвый, и пришелъ сюда, чтобы отслужить первую всеобщую, — и тутъ собственно начинается печальная игра привидѣній... Но въ эту минуту внезапно поднялась со ступеней алтаря прекрасная фигура молящейся подъ вуалью...

Да, это была она — уже ея живая тѣнь спугнула бѣлыя

привидѣнія, я видѣлъ теперь только ее, я быстро послѣдовалъ за нею изъ церкви, и когда она предъ дверью откинула свой вуаль, предо мною явилось смоченное слезами лицо Франчески. Оно походило на грустную бѣлую розу, покрытую, какъ жемчугомъ, ночью росой и освѣщенную лучами мѣсяца, «Франческа, любишь ты меня?» Я спрашивалъ много, она отвѣчала мало. Я приводилъ ее въ отель Croce di Malta, гдѣ остановились она и Матильда. Улицы опустѣли, дома спали съ закрытыми глазами-окнами, только кое-гдѣ сквозь деревянныя рѣсницы пробивался свѣтъ. Но въ вышинѣ на небѣ образовалось между облаками широкое свѣтло-зеленое пространство, и въ немъ плавалъ полумѣсяцъ, какъ серебряная гондола по изумрудному морю. Напрасно просилъ я Франческу хоть одинъ разъ поднять глаза вверхъ, къ нашему старому, милому другу; головка ея оставалась мечтательно опущенной. Походка, обыкновенно такая веселая и быстрая, теперь была набожно мѣрная, шаги—мрачно католическіе, она шла какъ бы въ тактъ торжественнымъ звукамъ органа... По дорогѣ она останавливалась предъ каждымъ изображеніемъ святого и крестила себѣ голову и грудь; но когда мы прошли на площади мимо церкви св. Михаила, гдѣ мраморная мадонна съ позолоченными мечами въ сердцѣ и лампочкой въ видѣ короны на головѣ свѣтилась изъ темной ниши, тогда Франческа обвила рукою мою шею, поцѣловала меня и прошептала: Сессо, Сессо, саро Сессо.

Я принялъ эти поцѣлуи спокойно, хотя хорошо зналъ, что въ сущности они были направлены къ болонскому аббату, служителю римско-католической церкви. Какъ протестантъ, я не стѣснился присвоить себѣ имущество католическаго духовенства, и тутъ же секуляризировалъ набожные поцѣлуи Франчески. Я знаю, что ксендзовъ это взбѣситъ, они, конечно, начнутъ кричать о похищенной церковной собственности и охотно примѣнили бы ко мнѣ французскій законъ о святотатствѣ. Къ сожалѣнію, я долженъ сознаться, что вышеупомянутые поцѣлуи были единственное, чѣмъ мнѣ удалось завладѣть въ этотъ вечеръ. Франческа рѣшилась провести эту ночь только въ заботахъ о спасеніи своей души. Напрасно предлагалъ я раздѣлить съ нею это набожное занятіе: дойдя до своей комнаты, она захлопнула мнѣ передъ носомъ дверь. Напрасно простоялъ я передъ дверью еще цѣлый часъ, и просилъ впустить меня, и вздыхалъ всевозможными вздохами, и лицемѣрно плакалъ на-

божными слезами, и давалъ самыя торжественныя клятвы— само собою въ душѣ удерживая за собой право нарушить ихъ, я чувствовалъ, какъ постепенно становился иезуитомъ, я сдѣлался совсѣмъ сквернымъ и, наконецъ, даже заявилъ, что готовъ обратиться въ католика за нѣсколько часовъ...

— Франческо! — восклицалъ я:— звѣзда моихъ мыслей, мысль моей души! *vita della mia vita!* Моя прекрасная, часто лобзаемая, стройная, католическая Франческа! За нѣсколько часовъ, которые ты теперь подаришь мнѣ, я самъ сдѣлаюсь католикомъ—но именно только на нѣсколько часовъ!.. Какъ только я проснусь завтра утромъ, тотчасъ же прогоню изъ глазъ сонъ и католицизмъ, и снова буду ясно смотрѣть на солнце, и снова буду протестантски разсудительнымъ и трезвымъ, какимъ былъ до сихъ поръ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Когда на слѣдующій день солнце снова сердечно засмѣялось на своемъ небѣ, погасли окончательно мрачныя мысли и чувства, возбужденныя во мнѣ процессіею предшествующаго вечера и заставившія меня представить себѣ жизнь болѣзню, а миръ—лазаретомъ.

Весь городъ кишѣлъ веселымъ народомъ. Всюду пестро разряженные люди, мѣстами проскакиваетъ какой-нибудь черный попикъ. Все это шумѣло, и смѣялось, и болтало, почти заглушая звонъ колоколовъ, приглашавшій къ большой обѣднѣ въ соборъ. Этотъ соборъ — большая, простая церковь, пестро мраморный фасадъ которой украшенъ тѣми короткими, одна надъ другой построенными колонками, которые смотрятъ на насъ такъ мрачно и остроумно. Внутри столбы и стѣны были обтянуты краснымъ сукномъ, и радостная музыка разливалась надъ волнами двигавшейся толпы. Я вель синьору Франческу подъ руку, и когда при входѣ въ церковь подалъ ей святую воду и отъ сладостно влажнаго соприкосновенія нашихъ пальцевъ по нашимъ душамъ пробѣжала электрическая струя, то въ ту же самую минуту ощутилъ я такой электрической ударъ въ ногу, что съ испуга чуть не повалился на колѣнопреклоненныхъ крестныхъ, которые въ своихъ бѣлыхъ платьяхъ, съ длинными сережками и шейными цѣпочками изъ желтаго золота, густою толпой покрывали полъ. Посмотрѣвъ вокругъ себя, я увидѣлъ женщину, стоявшую тоже на колѣняхъ и обмахивавшуюся вѣеромъ, а за вѣеромъ усмотрѣлъ смѣющіеся

— глаза миледи. Я наклонился къ ней, и она томно прошептала мнѣ: *Delightful!*

— Бога ради! — отвѣчалъ я ей тоже шопотомъ: — будьте серьезны, не смѣйтесь, иначе вѣдь насъ выгонять отсюда.

Но напрасны были просьбы и мольбы. Къ счастью, никто не понималъ нашего языка, потому что миледи, вставши съ колѣнъ и направившись вслѣдъ за толпой къ главному алтарю, начала дурачиться, не обращая ровно ни на что никакого вниманія, точно мы стояли съ нею одни на Апенниннахъ

Только старыя фрески, украшавшія стѣны, могли, благодаря присущей имъ серьезной величавости, нѣсколько умѣрить британскую насмѣшливость. На нихъ были изображены фигуры того героическаго періода Лукки, о которомъ такъ много говорится въ историческихъ книгахъ Макиавелли, этого романтическаго Саллюстія, и духъ котораго такъ пламенно вѣетъ на насъ изъ пѣснопѣній Данте, католическаго Гомера. Правда, на этихъ лицахъ отпечатаны строгія чувства и выражены мысли средневѣковой эпохи, хотя, впрочемъ, есть тутъ немало безмолвныхъ юношескихъ устъ, на которыхъ шевелится улыбающееся признаніе, что не всѣ розы были въ ту пору ужъ совсѣмъ каменные и укутанныя густою вуалью... Во всякомъ случаѣ, однако, отъ этихъ старо-флорентинскихъ картинъ вѣетъ на насъ высшимъ духомъ, точно такъ же, какъ и въ древнихъ мраморныхъ изваяніяхъ боговъ мы находимъ истинно героическое, находимъ то, что, вопреки мнѣнію нашихъ эстетиковъ, состоитъ отнюдь не въ вѣчномъ спокойствіи безъ страсти, а напротивъ — въ вѣчной страсти безъ тревожнаго безпокойства. Тотъ же флорентинскій характеръ, быть-можетъ, какъ традиціонный отголосокъ, имѣютъ нѣсколько позднѣйшихъ масляныхъ картинъ, висящихъ въ Луккскомъ соборѣ. Особенно кинулся мнѣ въ глаза одинъ бракъ въ Капеллѣ Галилейской — произведеніе одного изъ учениковъ Андре дель Сарто, нѣсколько жестоко нарисованное и рѣзко скомпанованное. Спаситель сидитъ между красавицей невѣстой и фарисеемъ, на каменномъ скрижальномъ лицѣ котораго написано удивленіе при видѣ творимыхъ чудесъ... Гораздо мягче, почти съ венеціанскимъ колоритомъ, картина неизвѣстнаго художника, висящая тутъ же рядомъ и на которой веселая игра красокъ какъ-то чудно умѣряется трепещущею сквозь нее скорбью. Тутъ изображено, какъ Марія взяла фунтъ мази изъ дра-

гощѣннаго нефальсифицированнаго мира п, умастивъ еѹ ноги Иисуса, вытерла ихъ своими волосами. Христось сидѣть тутъ въ кругу своихъ учениковъ, полный божественной красоты и божественнаго величїя, человѣчески печально чувствуя набожное почтеніе къ Своему собственному Тѣлу, которому скоро предстоятъ такія мученїя и которому тоиерь уже подобаеть и воздаеться та честь миропомазанїя, которой удоставаются умирающіе. Съ умиленною улыбкой смотритъ Онъ на колѣнопреклоненную женщину, совершающую это дѣло милосердія, дѣло, которое не забудеться никогда, пока не перестануть существовать страдающіе люди, и всѣ грядущїя тысячелѣтїя будутъ благоухать къ усладѣ и успокоенїю всѣхъ страждущихъ людей. Кромѣ ученика, лежавшаго на груди Христа и который такъ же записалъ этотъ подвигъ Марїи, ни одинъ изъ апостоловъ, кажется, не чувствуетъ его значенїя, а вопъ тотъ съ рыжею бородой, по видимому, дѣлаеть даже, какъ сказано въ Писанїи—сердитое замѣчанїе: Почему эта мазь не продана за триста грошей, а отдана бѣднымъ? Этотъ экономическій апостоль—именно тотъ, который завѣдываетъ кассой, привычка къ денежнымъ дѣламъ сдѣлала его нечувствительнымъ ко всѣмъ безкорыстнымъ народнымъ благоуханїямъ любви, ему бы хотѣлось вымѣнять ихъ на гроши для полезной дѣли, и именно онъ, денежный мѣняла, былъ тотъ, кто продалъ Спасителя за тридцать сребренниковъ. Такимъ образомъ Евангелїе исторїею банкира изъ среды апостоловъ указало символически на злую силу обольщенїя, таящуюся въ денежномъ мѣшкѣ, и сдѣлало предостереженїе касательно вѣроломства денежныхъ дѣльцовъ. Каждый богачъ—Иуда Искаріотъ.

.....

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

.....

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Послѣ обѣдни привелось еще много увидѣть и много услышать—особенно проповѣдь высокаго коренастаго монаха, чье повелительно смѣлое, древне-римское лицо очень странно дисгармонировало съ грубою нищенскою рясою, такъ что онъ смотрѣлъ какимъ-то императоромъ бѣдности. Онъ проповѣдывалъ о небѣ и адѣ и по временамъ впадалъ въ самое бѣшеное воодушевленїе. Описанїе неба выходило у него

довольно варварски шаржированное—тутъ было много золота, серебра, драгоценныхъ камней, вкусныхъ блюдъ и винъ лучшихъ урожайныхъ годовъ; при этомъ лицо его принимало аппетитно прихлебывающее выраженіе, и отъ наслажденія онъ покачивался то въ ту, то въ другую сторону, когда, рассказывая объ ангелочкахъ съ бѣлыми крылышками, воображалъ и самого себя ангелочкомъ съ бѣлыми крылышками. Менѣе забавно, даже практически серьезно было его описаніе ада. Здѣсь нашъ проповѣдникъ былъ больше въ своей стихіи. Особенно усердствовалъ онъ противъ тѣхъ грѣшниковъ, которые перестали надлежаще католически вѣрить въ адъ и думаютъ даже, что въ настоящее время тамъ стало нѣсколько прохладнѣе, а въ концѣ-концовъ пламя и совсѣмъ погаснетъ. «Но,—восклицалъ онъ:—если бы, дѣйствительно, адскій огонь сталъ угасать, я принялся бы своимъ дыханіемъ раздувать послѣдніе тлѣющіе угли, чтобы снова вызвать прежнее страшное пламя!» И эта адская угроза не казалась слушателю гиперболою, когда онъ смотрѣлъ при этомъ на багровое лицо проповѣдника, его красную, буйволовую шею, его мощные кулаки, и слушалъ его голосъ, произносившій эти слова съ завываніемъ сѣвернаго вѣтра.

— *I like this man*,—сказала миледи.

— И вы правы,—отвѣчала я:—мнѣ тоже онъ нравится больше многихъ нашихъ кроткихъ, гомеопатическихъ душевныхъ врачей, которые всыпаютъ въ ведро моральной воды ¹/₁₀₀₀₀ разума и этимъ лѣкарствомъ назидательно призываютъ насъ къ спокойствію.

— Да, докторъ, къ его аду я чувствую почтеніе; но такое небо, какимъ онъ его изображаетъ, внушаетъ мнѣ мало довѣрія... Я вспоминаю при этомъ, какъ, еще маленькою дѣвочкой, въ Дублинѣ, часто лежала я на спинѣ въ травѣ, и смотрѣла въ небо, и раздумывала—дѣйствительно ли на небѣ столько сокровищъ въ такомъ родѣ, какъ мнѣ рассказывали, точь-въ-точь какъ рассказываетъ вотъ этотъ проповѣдникъ. Но,—соображала я:—почему же въ этомъ случаѣ не падаетъ отсюда ни брилліантовыхъ сережекъ, ни какого-нибудь жемчужнаго ожерелья, ни по крайней мѣрѣ хоть парочки сладкихъ пирожковъ,—а падаетъ только или градъ, или снѣгъ, или совершенно обыкновенный дождь? Это что-то странно—думала я...

— Зачѣмъ вы говорите это, миледи? Зачѣмъ лучше не

умалчивать объ этихъ сомнѣнiяхъ? Тѣмъ невѣрующимъ, которые съ такимъ сомнѣнiемъ, какъ вы, относитесь къ небу, не слѣдовало бы заниматься прозелитствомъ; менѣе достойно порицанiя, даже заслуживаетъ похвалу, прозелитство тѣхъ людей, которые небо наполняютъ всяческими матеріальными великолѣпiями и, не желая наслаждаться этими великолѣпiями эгоистически, для однихъ себя, приглашаютъ и своихъ собратьевъ людей къ этому наслажденiю, и только тогда остаются удовлетворенными, когда любезное приглашенiе ихъ оказывается принятымъ.

— Я, однако, всегда удивлялась, докторъ, что многіе богачи изъ этой категорiи, которые въ качествѣ президентовъ, вице-президентовъ, или секретарей миссіонерскихъ обществъ весьма усердно стараются привести на путь истины какого-нибудь изношеннаго нищаго еврея и приготовить ему мѣсто въ небѣ въ ихъ собственной компанiи, никогда не подумаютъ о томъ, чтобы сдѣлать его участникомъ ихъ наслажденiй уже на землѣ, и, напримѣръ, никогда не приглашаютъ его лѣтомъ на свои дачи, гдѣ, конечно, есть много лакомствъ, которыя уже теперь доставили бы бѣднягѣ немало наслажденiя...

— Это понятно, миледи, наслажденiя небесныя не стѣять этимъ господамъ ни гроша, а вѣдь удовольствiе испытывается нами вдвойнѣ, когда мы можемъ такъ дешево счастливить нашихъ собратьевъ людей. Но къ какимъ же наслажденiямъ можетъ приглашать человѣка невѣрующій?

— Ни къ какимъ, докторъ, кромѣ долгаго спокойнаго сна, который, однако, можетъ быть иногда весьма желателенъ для человѣка несчастнаго, особенно, когда его до тѣхъ поръ слишкомъ ужъ измучили приглашенiями къ счастью въ будущемъ.

Эти слова красавица произнесла съ рѣзкою горечью, и и не совсѣмъ безъ серьезности отвѣчала ей:

— Милая Матильда, при моемъ образѣ дѣйствиі въ здѣшнемъ мірѣ я слишкомъ широко смотрю на вещи и слишкомъ гордъ для того, чтобы руководиться только жаждою награды въ загробной жизни или боязнью наказанiй въ аду. Я стремлюсь къ добру, потому что оно прекрасно и неодолимо влечетъ меня къ себѣ, и ненавижу зло, потому что оно отвратительно и для меня прогивно. Уже мальчикомъ, при чтенiи Плутарха—а я его до сихъ поръ читаю каждый вечеръ въ постели и при этомъ иногда мной овладѣваетъ желанiе вскочить и немедленно помчаться съ экстра-почтой, и сдѣ-

латься великимъ челоѣкомъ — уже въ то время мнѣ нравился разсказъ о женщинѣ, которая ходила по улицамъ Александрии съ ведромъ воды въ одной рукѣ и зажженнымъ факеломъ въ другой, и кричала, что водой она загаситъ адъ, а факеломъ зажжетъ небо, для того, чтобы впередъ злыя дѣла не оставались неисполняемыми только изъ боязни каръ въ аду, а добрыя не совершались только изъ желанія получить награду въ небѣ. Всѣ наши дѣйствія должны исходить изъ источника безкорыстной любви, безъ соображенія о томъ, продолжается ли жизнь послѣ смерти, или нѣтъ.

— Вы, слѣдовательно, не вѣрите въ безсмертіе?

— О, миледи, вы хитрая! Мнѣ сомнѣваться въ немъ? Мнѣ, чье сердце все глубже и глубже пускаетъ корни въ отдаленнѣйшія столѣтія прошедшаго и будущаго, — мнѣ, который самъ одинъ изъ самыхъ вѣчныхъ людеѣ, у котораго каждое дыханіе — вѣчная жизнь, каждая мысль — вѣчная звѣзда, — мнѣ не вѣрить въ безсмертіе?

— Я думаю, докторъ, что нужно быть достаточно тщеславнымъ и притязательнымъ, чтобы, испытавъ уже на землѣ столько добраго и прекраснаго, требовать себѣ сверхъ того еще безсмертія на томъ свѣтѣ!.. Челоѣку, этому аристократу между животными, который мнитъ себя превосходящимъ всѣхъ остальныхъ тварей, хочется добыть себѣ и эту привилегію всяческими «богоугодными» дѣлами... О, я знаю, что значить эта судорожная улыбка, безсмертный господинъ!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Синьора попросила насъ пойти вмѣстѣ съ нею въ монастырь, гдѣ хранится чудотворный крестъ, самый замѣчательный во всей Тосканѣ.

На площади передъ соборомъ маневрировало много военныхъ, почти всѣ въ австрійскихъ мундирахъ и по командѣ на нѣмецкомъ языкѣ. По крайней мѣрѣ я слышалъ нѣмецкія слова: *Präsentiert's Gewehr! Fuss Gewehr! Schultert's Gewehr! Rechtsum! Halt!* — Мнѣ кажется, что у всѣхъ итальянцевъ — какъ до сихъ поръ и у нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ народовъ — командуютъ по-нѣмецки. Слѣдуетъ ли намъ, нѣмцамъ, гордиться этимъ? Приходится ли намъ въ мірѣ столько повелѣвать, что нѣмецкій языкъ сдѣлался даже языкомъ приказаній? Или же нами повелѣваютъ столько, что повиновеніе лучше всякихъ другихъ языковъ понимаетъ нѣмецкій?

Миледи повидимому, не любительница парадовъ и смотровъ. Она увела насъ отсюда съ ироническою боязливостью.

— Не люблю я,—сказала она:—быть вблизи этихъ людей съ саблями и ружьями, особенно, когда они маршируютъ, какъ на большихъ маневрахъ, въ огромномъ количествѣ. Мнѣ все кажется, что вотъ-вотъ какой-нибудь одинъ изъ этихъ тысячъ вдругъ сойдетъ съ ума, и оружіемъ, которое у него въ рукахъ, тутъ же положитъ меня на мѣстѣ... Или вдругъ придетъ ему въ голову такая мысль... «Чѣмъ ты рискуешь? что можешь потерять, даже въ томъ случаѣ, если тебя за это лишатъ жизни? Вѣдь каково бы ни жилось на томъ свѣтѣ—великолѣбно ли, какъ намъ обѣщаютъ, или совсѣмъ нехорошо, но во всякомъ случаѣ менѣе шести крейцеровъ въ день, которые тебѣ выдаются здѣсь, не будешь ты получать тамъ...» Поэтому позабавься, да заколи вотъ ту англичаночку съ дерзкимъ носомъ!.. Такъ развѣ тутъ не грозитъ мнѣ величайшая опасность!.. Будь я король, я раздѣлилъ бы своихъ солдатъ на два класса. Въ одномъ я поселилъ бы вѣру въ безсмертіе, для того, чтобы въ битвахъ они были храбры и не боялись смерти, и этотъ классъ я употреблялъ бы въ дѣло только для войны. Другой же я назначилъ бы для парадовъ и смотровъ, и для того, чтобы имъ никогда не приходило въ голову, что они ничѣмъ не рискуютъ, убивая кого-нибудь ради забавы, я запретилъ бы имъ подъ страхомъ смертной казни вѣрить въ безсмертіе, я даже добавлялъ бы къ ихъ хлѣбной порціи немножко масла, чтобы дѣлать для нихъ земную жизнь ужъ совсѣмъ пріятною. А первымъ, этимъ безсмертнымъ героямъ; я, напротивъ того, даже совсѣмъ бы отравлялъ жизнь, чтобы приучить ихъ вполне презирать ее и смотрѣть на дуло пушекъ, какъ на входъ въ лучшую жизнь.

— Миледи,—сказала я:—вы были бы дурнымъ правителемъ. Вы ровно ничего не знаете объ этомъ предметѣ и ничего не понимаете въ политикѣ. Читай вы газету «Юридическія Анналы...»

— Я это дѣло понимаю, можетъ-быть, лучше васъ, дорогой докторъ. Уже въ раннихъ лѣтахъ я старалась познакомиться съ нимъ. Когда я была еще маленькой, въ Дублинѣ...

— И лежала въ травѣ на спинѣ... и раздумывала... или безъ раздумья, какъ въ Ремсеттѣ...

Взглядъ, похожій на легкій упрекъ въ неблагодарности, уцалъ изъ глазъ миледи,—но затѣмъ она снова разсмѣялась и продолжала:

— Когда я была еще маленькая, въ Дублинѣ, и могла умѣститься на уголкѣ скамеечки, на которой лежали ноги моей матери, то у меня конца не было всевозможнымъ вопросамъ—какое занятіе у портного, у сапожника, у булочника, словомъ, у всѣхъ людей на свѣтѣ. И мать мнѣ объясняла: портной шьетъ платье, сапожникъ шьетъ сапоги, булочникъ печетъ хлѣбъ... А когда я разъ спросила: а что дѣлають правители? — мать отвѣчала: «они управляютъ». «Знаешь, мама,—сказала я:—будь правитель я, я бы какой-нибудь одинъ день совсѣмъ не управлялъ, только чтобы посмотреть, что тогда подѣлалось бы съ міромъ». — «Милое дитя мое,—отвѣчала мать:—такъ многіе правители и поступаютъ, и сообразно съ этимъ и идутъ дѣла въ мірѣ...»

— Ваша матушка, миледи, говорила правду. Особенно здѣсь въ Италіи есть такіе правители, и это очень замѣтно въ Пьемонтѣ и Неаполѣ...

— Но, милый докторъ, вѣдь такого итальянскаго короля несправедливо обвинять, если онъ иные дни проводитъ, совсѣмъ не управляя, вслѣдствіе черезчуръ ужъ сильной жары. Опасно только, что карбонаріи могутъ воспользоваться такими днями: въ послѣднее время я особенно замѣчала, что революціи происходили именно въ тѣ дни, когда страна не управлялась. Когда же случалось, что карбонаріи ошиблись, и въ тотъ день, когда, какъ они думали, управления не было, оно вдругъ оказывалось на лицо, — они совсѣмъ теряли голову. Поэтому карбонаріямъ слѣдуетъ быть какъ нельзя болѣе осторожными и тщательно убѣждаться, удобное или неудобное время они выбираютъ. Напротивъ того, высшая политика нашихъ правителей должна состоять въ томъ, чтобы держать въ глубокой тайнѣ, въ какіе дни они не управляютъ, и въ такіе дни хоть нѣсколько разъ садиться за свой письменный столъ и или очинивать перья, или запечатывать куверты, или графить чистые листы бумаги — все это для виду, чтобы народъ, стоящій на улицѣ и съ любопытствомъ заглядывающій въ окна апартаментовъ, оставался въ увѣренности, что страна управляется.

Между тѣмъ, какъ такія замѣчанія шуточно сыпались изъ милого ротика миледи, улыбающееся довольство плавало на полныхъ розовыхъ губкахъ Франчески. Она говорила мало. Но походка ея уже не имѣла въ себѣ того вздыхающаго самоотреченія въ соединеніи съ мистическимъ блаженствомъ, которымъ она отличалась въ предшествующій вечеръ; красавица шла теперь какъ-то побѣдоносно, каждый шагъ ея

быть точно звукъ трубы; но въ движеніяхъ ея проявлялась побѣда скорѣе духовная, чѣмъ свѣтская, сама она представляла собою какъ бы образъ торжествующаго католичества... Напротивъ того, выраженіе ея глазъ, улыбавшихся сквозь слезы, было свѣтски дѣтское, и въ пестрой толпѣ, волнами пронесившейся мимо насъ, ни одинъ костюмъ не укрывался отъ ея пытливаго взгляда. «Ессо! — восклицала она: — какая шаль! Вотъ точь-въ-точь такую долженъ мнѣ купить маркизь, когда я буду танцовать Рокселану. Ахъ, онъ обѣщаль мнѣ и крестикъ съ брилліантами!..»

Блѣдный Гумпеліно! Купить чалму ты согласишься безъ труда; но изъ-за крестика придется тебѣ вынести еще много невеселыхъ часовъ. Синьора, однако, будетъ тебя мучить и подвергать пыткамъ до тѣхъ поръ, пока ты, наконецъ, волей-неволей уступишь ей.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Церковь, въ которой находится чудотворный крестъ, принадлежитъ къ монастырю, названія котораго въ настоящую минуту я не припомню.

Когда мы вошли туда, предъ главнымъ алтаремъ стояло на колѣняхъ около дюжины монаховъ въ безмолвной молитвѣ. Только по временамъ, подобно хору, произносили они нѣсколько отрывочныхъ словъ, разносившихся какимъ-то зловѣщимъ отголоскомъ по сводчатымъ переходамъ. Церковь была темна, только чрезъ маленькія разрисованныя окна падалъ пестрый свѣтъ на лысыя головы и коричневые рясы. Тусклыми мѣдными лампы скудно освѣщали почернѣлыя фрески и образа въ алтарѣ, изъ стѣнъ выступали деревянные головы святыхъ, ярко раскрашенные и при сомнительномъ освѣщеніи казавшіяся оскалившими зубы, какъ живыя... Миледи громко вскрикнула и указала на надгробный камень, очутившійся у нашихъ ногъ, на которомъ помѣщалось рельефное изображеніе лежавшаго со скрещенными руками епископа въ митрѣ и съ посохомъ. «Ахъ! — прошептала она:—я нечаянно наступила на его голову, и теперь она приснится мнѣ...»

Понамаръ, блѣдный молодой монахъ, показалъ намъ чудотворный крестъ и рассказалъ его исторію... Франческа поцѣловала его съ пламеннымъ религіознымъ воодушевленіемъ... Миледи по-своему шутила, и на меня очень неприятно дѣйствовало ея настроеніе... Нельзя вѣдь отрицать, что страсть насмѣхаться, наслажденіе противорѣчіемъ заклю-

идіосинкразія противъ этого цвѣтка дѣйствовала такъ сильно, что она слушала меня, съ отчаяніемъ заткнувъ уши. Затѣмъ, наполовину притворно, наполовину же серьезно, какъ задѣтая заживо, она кинула на меня взглядъ горькаго укора и съ рѣзкою, выходившею изъ глубины сердца насмѣшливостію, спросила:

— А вы, дорогой цвѣтокъ, вы религіозны?

— Я, миледи, ношу въ свой душѣ всѣ существующія религіи, и благоуханіе моей души обильно возносится въ небо...

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Такъ какъ синьора Франческа не могла понимать нашу разговоръ, который мы вели большею частью по-англійски, то ей, Богъ вѣсть съ чего, представилось, что мы съ миледи споримъ насчетъ того, кто лучше—ей соотечественники, или мои. И она принялась хвалить англичанъ точно такъ же, какъ нѣмцевъ, хотя въ душѣ считала первыхъ неумѣлыми, а вторыхъ глупыми. Очень дурного мнѣнія была она о пруссакахъ, страна которыхъ, по ея географіи находится очень далеко отъ Германіи и Англій; особенно же дурного—о королѣ прусскомъ, великомъ Федерико, роль котораго ей врагъ, синьора Серафина, таячила въ прошедшемъ году въ своемъ бенефисномъ балетѣ,—какъ и вообще, что довольно странно, этотъ король, именно Фридрихъ Великій, до сихъ поръ продолжаетъ жить на итальянскихъ сценахъ и въ намири итальянскаго народа.

— Нѣтъ,—говорила въ это время обо мнѣ миледи, не обращая вниманія на милую болтовню синьоры:—нѣтъ, этотъ человѣкъ невыносимъ... Онъ не только чуть не на каждомъ шагу мѣняетъ свои убѣжденія и постоянно противорѣчитъ самому себѣ,—онъ теперь превращается даже въ миссіонера, и по моему мнѣнію онъ даже замаскированный іезуитъ. Ахъ, достопочтенный госнодинъ, совершенно напрасно вы думаете, что я такъ умна, какъ кажусь, я отнюдь не страдаю отсутствіемъ религіи, я не тюльпанъ, ни въ какомъ случаѣ не тюльпанъ, Бога ради только не тюльпань!.. Я во многое, очень многое вѣрую... ..И изъ заповѣдей Христа я всегда исполняла самую важную—любить даже своихъ враговъ... потому что, ахъ! тѣ самые люди, которыхъ я наиболее любила, всегда были, помимо моего вѣдома, моими злѣйшими врагами.

«Ради Бога, Матильда, не плачьте!» — воскликнулъ я,

когда звукъ самой болѣзненной горечи снова вылетѣлъ изъ самой веселой насмѣшливости, какъ змѣя изъ цвѣточной грядки. Мнѣ вѣдь былъ знакомъ этотъ звукъ, при которомъ остроумное кристалльное сердце удивительной женщины всегда вздрагивало, хотя и сильно, но не на долго, и я зналъ, что его можно прогнать такъ же легко, какъ онъ родился, первымъ же веселымъ замѣчаніемъ, высказаннымъ ей другимъ, или пришедшимъ ей самой въ голову. Между тѣмъ какъ она, прислонившись къ воротамъ монастырскаго двѣра, прижимала горячія щеки къ холоднымъ камнямъ и вытирала слѣды слезъ своими длинными волосами, я старался снова вызвать ея хорошее настроеніе тѣмъ, что по ея же собственной насмѣшливой манерѣ сталъ мистифицировать бѣдную Франческу и сообщать ей важнѣйшія извѣстія о семилѣтней войнѣ, которая, повидимому, такъ сильно интересовала ее и которую она считала до сихъ поръ неоконченною. Я рассказалъ ей много интереснаго о Великомъ Федерико, который изобрѣлъ прусскую монархію и въ юности прекрасно игралъ на флейтѣ, и тоже сочинялъ французскіе стихи. Франческа спросила меня, кто побѣдитъ— пруссаки или нѣмцы? Ибо какъ уже выше замѣчено, она считала первыхъ совершенно отдѣльнымъ народомъ, да и вообще въ Италіи подъ именемъ нѣмцевъ подразумѣваютъ только австрійцевъ. Синьора немало удивилась, когда я сказалъ ей, что самъ долго жилъ въ capitale delle Prussia, именно въ Berlino, городѣ, который по географіи находится совсѣмъ наверху, недалеко отъ сѣвернаго полюса. Она ужаснулась, когда я ей изобразилъ опасности, которымъ тамъ иногда подвергаешься, встрѣтивъ на улицѣ бѣлаго медвѣдя. Ибо, милая Франческа,—объяснилъ я ей—въ Шпицбергенѣ гарнизонъ состоитъ изъ слишкомъ большого количества медвѣдей, и вотъ они, отъ времени до времени, приходятъ въ Берлинъ, чтобы или изъ патріотизма посмотрѣть на «Bär und Bassa», или въ кафе Бейермана хорошо поѣсть и выпить шампанскаго, за что приходится имъ часто платить больше, чѣмъ они принесли съ собой; въ этомъ случаѣ одного изъ медвѣдей привязываютъ и держатъ въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока его товарищи не вернуться и не заплатятъ; отсюда и выраженіе «привязать медвѣдя». Многіе медвѣди живутъ въ самомъ городѣ; говорятъ даже, что Берлинъ обязанъ своимъ возникновеніемъ медвѣдямъ, и потому слѣдуетъ писать правильно не Berlin, а Bärilin *).

*) Медвѣдь—по-нѣмецки—Bär. Перев.

Городскіе медвѣди, впрочемъ, очень ручные, и нѣкоторые изъ нихъ такъ образованы, что пипутъ прекраснѣйшія трагедіи и сочиняютъ великолѣпнѣйшую музыку. Волки тамъ также не рѣдкость, и такъ какъ вслѣдствіе холода они ходятъ въ вѣршавскихъ овечьихъ шубахъ, то ихъ не такъ легко узнать. Сѣверные гуси летаютъ въ воздухѣ и распѣвають бравурныя аріи, а олени бѣгаютъ по улицамъ въ качествѣ знакоковъ искусства. Вообще же берлинцы живутъ очень умѣренно и трудолюбиво, а большинство ихъ сидитъ до пуна въ снѣгу и пишетъ догматики, назидательныя книги для дѣвушекъ образованныхъ классовъ и т. п., и при этомъ очень нравственны, потому что сидятъ до пуна въ снѣгу.

— Да развѣ берлинцы христіане?—съ большимъ изумленіемъ воскликнула синьора.

— Ихъ христіанство совсѣмъ особенное. Въ сущности у нихъ нѣтъ ровно никакого христіанства... Но такъ какъ имъ извѣстно, что христіанство въ государствѣ необходимо, то они очень краснорѣчиво стараются, по крайней мѣрѣ, обращать въ христіанство своихъ собратьевъ-людей, чувствуя, что для поддержанія его имъ самимъ съ этою задачею не справиться. Въ этомъ затруднительномъ положеніи они пользуются служебнымъ рвеніемъ бѣдныхъ евреевъ. Ихъ заставляютъ они быть какъ будто христіанами, и такъ какъ этотъ народъ за деньги и ласковыя слова позволить сдѣлать изъ себя все, что угодно, то евреевъ вышколодили уже такъ отлично въ этомъ отношеніи, что они громко ругаютъ невѣріе, свирѣлствуютъ противъ рационалистовъ, шляются по всей странѣ въ качествѣ миссіонеровъ и шпіоловъ католичества и распространяютъ назидательныя трактаты, въ церквахъ лучше всякаго другого закатываютъ глаза подъ лобъ, корчатъ самыя ханжествующія фізіономіи и имѣютъ въ обществѣ такой успѣхъ, что начинаютъ уже вызывать кое-гдѣ *jalousie de métier*, и старшіе мастера въ этомъ ремеслѣ уже втихомолку жалуются, что христіанство въ настоящее время перешло совсѣмъ въ руки евреевъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

...Огненнымъ исполиномъ шествуетъ время все впередъ и впередъ, шествуетъ спокойно, не обращая вниманія на липнѣніе подъ его ногами католическихъ клерикальчиковъ и нѣмецкихъ дворянчиковъ. Какъ воютъ они каждый разъ, когда обожгутъ себѣ хвостъ о ногу этого исполина или онъ печаянно наступитъ имъ на голову такъ сильно, что изъ нея брызнетъ мрачный ядъ! Злоба ихъ обрушивается въ этихъ случаяхъ тѣмъ коварнѣе на отдѣльныхъ дѣтѣй времени, и, будучи безсильными противъ массы, они стараются остудить свою трусливую отвагочку на индивидуумахъ.

Ахъ, надо сознаться, однако, что отъ этого удары, наносимые изъ-за угла этими господами, не становятся менѣе чувствительными для многихъ изъ бѣдныхъ дѣтѣй времени, и увы! если сѣніе славы и разливается по ранамъ побѣдителя, то онѣ все-таки сочатся кровью, и все-таки болятъ! Мученичество, претерпѣваемое подобными побѣдителями въ наши дни—мученичество странное, оно не оканчивается смѣлымъ сознаніемъ, какъ въ прежнія времена, когда обвиненные находили быстрый эшафотъ или ликующій костеръ. Сущность мученичества, состоящая въ томъ, чтобы жертвовать всѣмъ земнымъ для небесныхъ цѣлей—остается и теперь все та же; но она потеряла много своей внутренней вѣрорадостности, она сдѣлалась скорѣе покорною своей участи выносливостью, упрямымъ терпѣніемъ, пожизненнымъ умираніемъ, и тутъ случается даже, что въ сѣрые, холодные часы даже въ сердце самыхъ святыхъ мучениковъ прокрадывается сомнѣніе. Нѣтъ ничего ужаснѣе тѣхъ часовъ, въ которые Маркъ Брутъ началъ сомнѣваться въ дѣйствительности добродѣтели, за которую онъ пожертвовалъ всѣмъ! И ахъ! онъ былъ римлянинъ и жилъ въ цвѣтущую пору Стоя; мы же созданы изъ болѣе мягкаго новаго матеріала, и при этомъ видимъ еще процвѣтаніе философіи, которая за всякимъ энтузіазмомъ признаетъ только относительное значеніе и такимъ образомъ уничтожаетъ его въ себѣ самомъ, или во всякомъ случаѣ нейтрализуетъ его въ сознательное донъ-кихотство.

Холодные и умные философы! Какъ сострадательно улыбаются они, глядя со своей высоты на самоистязанія и безумства бѣднаго донъ-Кихота, и во всей своей школьной мудрости не замѣчаютъ, что это донъ-кихотство есть, однако,

самое цѣнное въ жизни, даже сама жизнь, и что этимъ донъ-кихотствомъ окрыляется для болѣе смѣлаго полета весь міръ, со всѣмъ, что въ немъ философствуетъ, музицируетъ, паншетъ землю и завааетъ! Потому что вся народная масса, вмѣстѣ съ философами, есть, помимо ихъ вѣдома, ничто иное, какъ колоссальный Санчо Панса, который, несмотря на свою трезвую боязнь побоевъ и доморошенную разсудочность, слѣдуетъ за безумнымъ рыцаремъ во всѣхъ его опасныхъ приключеніяхъ, соблазняемый обѣщанною наградой, въ которую онъ вѣритъ, потому что ее жаждетъ, но еще болѣе побуждаемый мистическимъ влияніемъ, которое энтузіазмъ всегда оказываетъ на толпу — какъ это мы видимъ во всѣхъ политическихъ и религіозныхъ переворотахъ и можемъ, пожалуй, усматривать ежедневно въ малѣйшихъ происшествіяхъ.

Такъ, напримѣръ, ты, любезный читатель, ты невольно — Санча Панса сумасшедшаго поэта, за которымъ ты слѣдуешь въ странствіяхъ и приключеніяхъ этой книги, правда, сомнительно покачивая головой — но все-таки слѣдуешь.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Странно! «Жизнь и подвиги рыцаря донъ-Кихота Ламанчскаго, описанные Магузлемъ де-Сервантесъ Сааведра» — первая книга, которую я прочелъ послѣ того, какъ уже вступилъ въ разсуждающій дѣтскій возрастъ и отчасти ознакомился съ буквеннымъ дѣломъ. Я еще очень хорошо помню ту пору, когда однажды, раннимъ утромъ, тихонько удралъ изъ дома и поспѣшилъ въ придворный садъ, чтобы тамъ безпрепятственно приняться за чтеніе «Донъ-Кихота». То былъ прекрасный майскій день, цвѣтущая весна лежала, къ чему-то прислуниваясь, въ тихомъ свѣтѣ утра и предоставила соловью, своему сладкозвучному льстецу, восхвалять ее, а онъ пѣлъ свою хвалебную пѣсню такъ ласкательно мягко, съ такимъ томно расплывающимся энтузіазмомъ, что самыя стыдливяя почки быстро раскрывались, и сладострастные травки горячѣе цѣловались съ благоухающими солнечными лучами, и деревья, и цвѣты вздрагивали отъ восторга. Я же усѣлся на старую мшистую скамью въ такъ-называемой Аллеѣ Вздоховъ, недалеко отъ водопада и услаждалъ мое маленькое сердце большими приключеніями отважнаго рыцаря. Въ моей дѣтской искренности я принималъ все это за дѣйствительно происходившее; какъ ни сиѣшны были штуки, которыя играла съ бѣднымъ героемъ

судьба, я былъ убѣжденъ, что такъ оно и должно быть, что на долю героя ужъ всегда выпадаетъ какъ осмѣяніе его, такъ и полученіе тѣлесныхъ ранъ, и первое сердце меня такъ же сильно, какъ сильно чувствовалъ я вторыя въ моей собственной душѣ. Я былъ ребенокъ и не зналъ ироніи, которую Богъ создалъ и поселилъ въ мірѣ и которой великій поэтъ подражалъ въ своемъ печатномъ маленькомъ мірѣ,—и горькія слезы проливалъ я, когда благородный рыцарь за всѣ свои доблести получалъ только неблагодарность и удары. И такъ какъ, будучи еще новичкомъ въ процессѣ чтенія, я произносилъ каждое слово вслухъ, то птицы и деревья, ручьи и цвѣты могли тоже слышать все это, а такъ какъ этимъ невиннымъ созданіямъ природы міровая иронія знакома отнюдь не больше, чѣмъ дѣтямъ, то они тоже принимали все за наличную монету и плакали вмѣстѣ со мною о страданіяхъ бѣднаго рыцаря; одинъ старый, выслуживавшій свое время дубъ даже рыдалъ, водопадъ сильнѣе трясъ своею бѣлою бородой и, казалось, бранилъ людей за ихъ скверность. Мы чувствовали, что удивленіе вызываемое геройскимъ духомъ рыцаря, не ослабѣваетъ отъ того, что левъ, не желая съ нимъ сражаться, поворачиваетъ ему спину, и его подвиги представились намъ тѣмъ достохвальнѣе, чѣмъ слабѣе и худошавѣе было его тѣло, чѣмъ дряннѣе защищавшее его вооруженіе и чѣмъ плачевнѣе кляча, носившая его на себѣ. Мы презирали низкую чернь, обращавшуюся съ бѣднымъ героемъ такъ грубо и жестоко, но еще болѣе—чернь высокую, которая, красуясь своими яркими шелковыми плащами, высокопарными фразами и герцогскими титулами, издѣвалась надъ человекомъ, такъ много превосходившимъ ее силою духа и благородствомъ чувства. Рыцарь Дульцинеи внушалъ мнѣ все больше и больше уваженія, и я все больше и больше любилъ его по мѣрѣ того, какъ уходилъ дальше въ чтеніи удивительной книги, чтѣ происходило еждневно въ томъ же самомъ саду, такъ что осенью оно было доведено уже до конца—и я никогда не забуду того дня, въ который прочелъ о плачевномъ поединкѣ, окончившемся такимъ постыднымъ пораженіемъ рыцаря!

То былъ мрачный день, отвратительныя туманныя тучи тянулись вдоль по сѣрому небу, желтыя листья болѣзненно падали съ деревьевъ, тяжелыя капли-слезы висѣли на послѣднихъ цвѣтахъ, печально склонявшихъ увядшія умирающія головки, соловьи давно уже замолчали, со всѣхъ сто-

ронъ зловѣще смотрѣлъ на меня образъ преходимости всего земного — и сердце мое готово было разорваться, когда я читалъ, какъ благородный рыцарь, ошеломленный и избытый, лежалъ на землѣ, и не подымая забрала, точно онъ говорилъ изъ могилы, сказалъ побѣдителю слабымъ, больнымъ голосомъ: «Дульцинея — красивѣйшая женщина въ свѣтѣ, а я — несчастнѣйшій рыцарь на землѣ, но неприлично, чтобы моя слабость отвергала эту истину — ударяйте копьемъ, рыцарь!»

Ахъ, этотъ свѣтящійся рыцарь серебрянаго мѣсяца, побѣдившій мужественнѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка въ мѣрѣ былъ пересѣтый цырюльникъ!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Давно это было. Много новыхъ вѣсенъ прошло съ тѣхъ поръ, но всѣ онѣ были лишены своей обаятельнѣйшей прелести, потому что, увы! я не вѣрю больше въ сладостную ложь соловья, лъстеца весны, я знаю, какъ быстро увядаетъ ея великолѣпие, и когда смотрю на самую юную почку розы, то заранѣе вижу въ душѣ, какъ она распускается, покрываясь возбужденно яркимъ румянцемъ, блѣднѣетъ и развѣвается вѣтромъ. Повсюду видится мнѣ замаскированная зима.

Но въ груди моей все еще цвѣтетъ та же пламенная любовь, которая съ томительнымъ желаніемъ возносится надъ землею, причудливо и мечтательно летаетъ по широкимъ, зіяющимъ пространствамъ неба, тамъ отталкивается холодными звѣздами и снова падаетъ домой, на маленькую землю, и со вздохами и ликованіями должна сознаться, что во всемъ созданіи все-таки нѣтъ ничего прекраснѣе и лучше человѣческаго сердца. Эта любовь — воодушевленіе, натура котораго всегда божественная, какіе бы поступки ни совершало оно. безумные или мудрые... И такимъ образомъ маленькій мальчикъ отнюдь не бесполезно тратилъ тѣ слезы, которыя онъ проливалъ надъ страданіями сумасшедшаго рыцаря, точно такъ же какъ не бесполезно тратилъ ихъ впоследствии юноша, когда его заставляла плакать смерть благороднѣйшихъ героевъ свободы, заставляли плакать и спартанскій царь Агисъ, и римляне Каіи и Тиберій Гракхъ, и парижскіе Робеспьеръ и Сень-Жюсть. Теперь, когда я облекся въ *toga virilis* и самъ хочу быть мужемъ, плачу наступилъ конецъ, и пришла пора дѣйствовать, какъ мужу, подражая великимъ предшественникамъ, чтобы, съ Божьею

помощью, въ грядущемъ быть тоже оплакиваемымъ мальчиками и юношами. Да, на нихъ только можно еще рассчитывать въ наше холодное время, ибо ихъ воспламеняетъ еще огненное дыханіе, вьющее изъ старыхъ книгъ, и потому они понимаютъ также пламенные сердца настоящаго. Юность безкорыстна въ мысляхъ и чувствахъ, и поэтому глубже всѣхъ мыслить и чувствуетъ правду, и не скупится тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о смѣломъ участіи въ словѣ и дѣлѣ. Пожилые люди эгоистичны и черствоваты; имъ интересы своихъ капиталовъ дороже интересовъ человѣчества; они предоставляютъ своимъ суденышкамъ спокойно плавать въ водосточныхъ каналахъ жизни и мало заботятся о морякѣ, который въ открытомъ морѣ сражается съ волнами; или же всползаютъ съ клейкимъ упорствомъ на высоту бургомистерства или президентства своего клуба и оттуда пожимаютъ плечами, глядя внизъ на изображенія героевъ, которыхъ буря сбросила съ колонны славы; и при этомъ еще, быть-можетъ, рассказываютъ, что и сами они въ молодости готовы были разбить себѣ голову объ стѣну препятствій, но что затѣмъ помирились со стѣной, потому что стѣна есть абсолютное, разъ навсегда установленное, само по себѣ существующее, то, что, такъ какъ оно есть, разумно, вслѣдствіе чего неразуменъ тотъ, кто не хочетъ выносить деспотично разумный, неопровержимо существующій, разъ навсегда установленный стѣнной абсолютизмъ. Ахъ, эти презрѣнные, старающіеся своею философіею вогнать насъ въ умственное рабство, все-таки почтеннѣе тѣхъ презрѣнныхъ, которые при защитѣ деспотическаго начала не ссылаются даже на разумные доводы разума, но, какъ свидущіе въ исторіи, видятъ въ немъ обычное право, къ которому люди съ теченіемъ времени мало-по-малу привыкли и которое, такимъ образомъ, неопровержимо съ точки зрѣнія права и закона.

Ахъ, я не хочу, подобно Хаму, обнажать позоръ моего отечества, но вѣдь ужасно видѣть, до какой степени у насъ сумѣли сдѣлать рабство даже болтливымъ, и какъ нѣмецкіе философы и историки истязаютъ свой мозгъ, чтобы защищать всякій деспотизмъ, какъ бы онъ ни былъ нелѣпъ и неуклюжъ, выставляя его разумнымъ или даже законнымъ. Молчаніе есть честь рабовъ, говоритъ Тацитъ; наши философы и историки утверждаютъ противное и указываютъ на орденскую ленточку въ петлѣ своего сюртука.

Впрочемъ, можетъ-быть, вы правы, и я только донъ-Ки-

хоть, и отъ чтенія всяческихъ удивительныхъ книгъ у меня помутилась голова, какъ у бѣднаго ла-манчскаго рыцаря, и Жанъ-Жакъ Руссо былъ моимъ Амадисомъ Гальскимъ, а Мирабо — моимъ Роландомъ или Аграмантомъ, и я слишкомъ ужъ вчитался въ геройскіе подвиги французскихъ па-ладиновъ и Круглаго Стола Национальнаго Конвента. Правда, мое безуміе и тѣ *idées fixes*, которыя я почерпнулъ изъ этихъ книгъ, иного рода, чѣмъ безуміе и *idées fixes* донъ-Кихота: онъ стремился возстановить погибающее рыцарство, я же, напротивъ, хочу вполне уничтожить все, что еще уцѣлѣло отъ того времени, и, слѣдовательно, мы дѣйствуемъ съ совершенно различными цѣлями. Мой коллега принимаетъ вѣтряныя мельницы за великановъ, я же, напротивъ, усматриваю въ нынѣшнихъ великанахъ только хвастливыя вѣтряныя мельницы; ему кожаные мѣха для вина представлялись могущественными волшебниками, для меня же наши теперешніе волшебники — только кожаные мѣха для вина; онъ видѣлъ въ нищенскихъ корчмахъ замки, въ погонщикахъ ослевъ — рыцарей, въ конюшенныхъ дѣвкахъ — знатныхъ дамъ, я же смотрю на наши замки, какъ на корчмы, гдѣ собирается всякая дрянь, на нашихъ кавалеровъ — какъ на погонщиковъ ослевъ, на нашихъ знатныхъ дамъ — какъ на обыкновенныхъ конюшенныхъ дѣвокъ; какъ онъ принималъ кукольную комедію за пьесу изъ государственной жизни, такъ въ моихъ глазахъ наши представленія изъ государственной жизни ничто иное, какъ кукольная комедія — но точно такъ же храбро, какъ храбрый ла-манчецъ, я колочу по деревянной трупѣ. Ахъ, отъ этого геройскаго подвига мнѣ часто приходится плохо такъ же, какъ ему, и точно такъ же, какъ онъ, много страданій выношу я ради чести дамы моего сердца. Отрекись я отъ нея изъ пустаго страха или изъ постыднаго корыстолюбія, отлично бы жилось мнѣ въ этомъ существующемъ разумномъ мірѣ, и я повелъ бы къ алтарю кабую-нибудь красавицу Мариторну, и принялъ бы благословеніе отъ зажиточныхъ волшебниковъ, и пировалъ бы съ благородными погонщиками ослевъ, и производилъ бы на свѣтъ безопасныя новеллы и другихъ мадютокъ-рабовъ! Но вмѣсто этого мнѣ, украшенному тремя цвѣтами моеи дамы, приходится постоянно драться на поединкахъ, и пробиваться съ оружіемъ сквозь несказанныя бѣдствія, и ни одной побѣды не одерживаю я безъ того, чтобы она стоила мнѣ нѣсколькихъ капель крови моего сердца. День, и ночь я въ тревогѣ, ибо эти враги такъ коварны, что многіе изъ

нихъ, хотя поражены мною на смерть, все-таки придаютъ себѣ такой видъ, какъ будто они еще живы, и принимая на себя великіе образы, могутъ отравить мнѣ и день и ночь. Сколько ужъ боли причинили мнѣ эти фатальныя привидѣнія: чуть расцвѣтало для меня что-нибудь пріятное и милое, они, эти злобнокровные духи, тайкомъ подкрадывались и растаптывали даже самыя невинныя почки. Всюду, и тамъ, гдѣ я всего менѣе могъ бы ожидать этого, открываю я на землѣ, по которой хожу, слѣды ихъ поганаго яда, и если не остерегусь, то могу пагубно поскользнуться—даже въ домѣ самыхъ близкихъ друзей моихъ. Вы, пожалуй, улыбаетесь и принимаете подобныя опасенія за чисто донъ-кихотскія фантазіи. Но боли воображаемыя все-таки остаются болями, и если человѣку почудится, что онъ проглотилъ отраву, то уже отъ этого представленія высохнешь, какъ щепка, и во всякомъ случаѣ не потолстѣешь. А что я потолстѣлъ—это клевета, но крайней мѣрѣ я не получилъ до сихъ поръ никакой толстой синекуры, хотя и обладалъ нужными для того способностями. Не найдется во мнѣ также ни кусочка жиру выгоднаго родства. Я воображаю себѣ, что были употребляемы всевозможныя средства, чтобы оставить меня топчимъ, что, когда я былъ голоденъ, меня кормили змѣями, когда ощущалъ жажду, меня поили полынью, въ сердце мое вливали ядъ, такъ что я плакалъ ядомъ и вздыхалъ огнемъ, заползали даже въ грѣзы моихъ ночей... и тутъ представляются мнѣ всѣ они, эти ужасающія личины, благородныя лакейскія лица съ оскаленными зубами, угрожающіе банкирскіе носы, убійственныя глаза, выглядывающіе изъ-подъ капюшоновъ, блѣдныя руки въ манжеткахъ съ блестящими ножами...

Живущая рядомъ со мной старуха, моя комнатная сосѣдка, тоже считаетъ меня сумасшедшимъ и утверждаетъ, что я во снѣ говорю самыя безумныя вещи, и что прошедшею ночью она явственно слышала, какъ я кричалъ: «Дульцинея красивѣйшая женщина въ свѣтѣ, а я—несчастнѣйшій рыцарь на землѣ, но неприлично, чтобы моя слабость отвергала эту истину—ударяйте копьемъ, рыцарь!»

ПОЗДНѢЙШАЯ ПРИПИСКА.

(Ноября 1830 г.).

Не знаю, какое странное благочестіе удержало меня отъ малѣйшаго измѣненія нѣсколькихъ выраженій, показав-

шихся мнѣ при позднѣйшемъ просмотрѣ предшествующихъ страницъ черезчуръ рѣзкими. Рукопись пожелтѣла уже, какъ мертвецъ, и мнѣ было какъ-то страшно уродовать ее. Все, давнымъ-давно написанное, заключаетъ въ себѣ право на неприкосновенность—и особенно эти страницы, принадлежащія въ извѣстной мѣрѣ темному прошедшему. Ибо онѣ написаны почти за годъ до третьей бурбонской геджире, въ то время, которое было гораздо рѣзче самыхъ рѣзкихъ выраженій, время когда по всему казалось, что побѣда свободы можетъ быть отсрочена еще на цѣлое столѣтіе. По крайней мѣрѣ совсѣмъ не успокоительно было смотрѣть, какъ наши рыцари принимали самоувѣренный видъ, какъ они отдавали окрашивать въ свѣжую яркую краску свои потускнѣвшіе гербы, какъ съ копьемъ и щитомъ выѣзжали на турниры въ Мюнхенъ и Потсдамъ, какъ гордо сидѣли на своихъ высокихъ коняхъ, точно собирались ѣхать въ Кведлинбургъ, чтобы отремонтировать себя заново у Готфрида Бассе. Еще невыносимѣе были торжествующіе коварные глазенки нашихъ клерикальчиковъ, которые умѣли такъ хитро прятать свои длинные уши подъ широкими шляпами, что мы ожидали отъ нихъ самыхъ цагубныхъ штукъ. Никакимъ образомъ нельзя было знать впередъ, что благородные рыцари разстрѣляютъ свои стрѣлы такъ плачевно, и большею частью анонимно, или, по крайней мѣрѣ, удиралъ быстро, отвернувъ лицо, точно летящія во всю прыть башкиры. Точно такъ же нельзя было знать впередъ, что змѣиная хитрость нашихъ клерикальчиковъ будетъ до такой степени посрамлена... Ахъ, становится почти жалко ихъ, когда видишь, какъ плохо умѣютъ они пускать въ дѣло свой самый лучшій ядъ, бросая намъ въ голову мышьякъ большими кусками вмѣсто того, чтобы золотниками и любовно всыпать его въ наши супы,—когда видишь, какъ они изъ стараго дѣтскаго бѣлья вытаскиваютъ изношенныя пеленки своихъ враговъ, чтобы вынюхать въ нихъ нечистоты, какъ они даже изъ могилъ выкапываютъ отцовъ своихъ враговъ, чтобы посмотреть—не были ли тѣ обрѣзаны... О, глупцы, которымъ вообразилось, что они открыли, что левъ принадлежитъ собственно къ кошачьей породѣ, и которые будутъ до тѣхъ поръ носиться, шипя, съ этимъ естественнонаучнымъ открытіемъ, пока великая кошка не дастъ попробовать ихъ собственному мясу свое *ex ungue leonem!* О, негодные обскуранты, которые освѣтятся только тогда, когда ихъ самихъ повѣсятъ на фонарѣ! Хотѣлось

бы натянуть на мою лиру, въ видѣ струнъ, ослиныя кишки, чтобы достойно воспѣть васъ, стриженныя глупыя головы..

Мощная радость охватываетъ меня! Въ то время, какъ я сижу и пишу, подъ моимъ окномъ раздается музыка, и по элегическому негодованію медленно тянущейся мелодіи я узнаю тотъ марсельскій гимнъ, которымъ Барбару и его товарищи привѣтствовали Парижъ, ту хороводную пѣснь свободы, при звукахъ которой швейцары въ Тюильри почувствовали тоску по родинѣ, торжествующую предсмертную пѣснь Жиронды, старую, сладостную колыбельную пѣсню...

Что за пѣсня! Она наполняетъ меня трепетомъ огня и радости и зажигаетъ во мнѣ пламенныя звѣзды энтузіазма и ракеты насмѣшки. Да, эти ракеты не должны отсутствовать въ великомъ фейерверкѣ нашихъ дней. Звучащіе огненные потоки пѣсни пусть низвергаются съ высотъ упоенія свободой смѣлыми каскадами, какъ низвергается Гангесъ съ Гималая! А ты, прекрасная Сатира, дочь праведной Ѧемиды и козлоногого Пана, окажи мнѣ свою помощь, — вѣдь ты съ материнской стороны произошла изъ рода титановъ и ненавидишь, какъ я, враговъ твоей фамиліи, ничтожныхъ узурпаторовъ Олимпа. Ссуди мнѣ мечъ твоей матери, чтобы я казнилъ это ненавистное племя, и дай мнѣ флейточку твоего отца, чтобы я засвисталъ его до смерти...

И они слышатъ уже смертельный свистъ, и ихъ охватываетъ паническій страхъ, и они снова убѣгаютъ въ звѣриныхъ образахъ, какъ въ ту пору, когда мы громоздили Пеліонъ на Оссу—

Aux armes, citoyens!

Очень несправедливы были къ намъ, бѣднымъ титанамъ, когда порицали ту мрачную дикость, съ которою мы шумно штурмовали небо... Ахъ, въ ту пору, въ преисподней Тар тара было такъ страшно и темно, и слышали мы только вой Цербера, да звонъ цѣпей, и намъ простительно, если мы оказались не совсѣмъ вѣжливыми и приличными въ сравненіи съ тѣми богами *comme il faut*, которые, будучи изящны и образованы, пьютъ столько милаго нектара, услаждаются чудесными концертами музъ въ свѣтлыхъ залахъ Олимпа.

Я не могу больше писать, потому что отъ музыки подъ окномъ пьянѣетъ моя голова, и все мощнѣе врывается въ нее пригвѣзъ:

Aux armes, citoyens!

ОТРЫВОЧНЫЯ ЗАМѢТКИ

ОБЪ

АНГЛИИ.

(Englische Fragmente).

(1828 г.).

Предисловіе автора къ первому изданію.

«Отрывки объ Англии» написаны частью для журнала «Allgemeine politische Annalen», которыя я издавалъ въ 1828 г. съ Линднеромъ;—написаны они сообразно съ потребностями того времени, и соображеніе о полезности ихъ побудило меня присоединить ихъ къ «Путевымъ Картинамъ» въ видѣ дополненія.

Мнѣ желательно, чтобы благосклонный читатель понялъ цѣль сообщенія этихъ отрывковъ. Можетъ-быть, когда потребуетъ время, я дамъ еще нѣсколько извѣстій въ этомъ родѣ. Наша литература не особенно богата ими. Хотя нѣмецкіе романисты часто изображали Англию, но Виллибальдъ Алексисъ—единственный, сумѣвшій передать вѣрными красками и очерками тамошніе мѣстности и костюмы. Кажется, онъ никогда не былъ въ самой Англии и знаетъ ея фizioномію только вслѣдствіе того чуднаго дара Провидѣнія, который дѣлаетъ для поэта ненужнымъ созерцаніе дѣйствительности. Такъ и я, одиннадцатъ лѣтъ тому назадъ, написалъ «Вильяма Ратклиффа», на котораго я тѣмъ болѣе могу сослаться здѣсь, что въ немъ заключается не только вѣрное описаніе Англии, но и зародышъ моихъ позднѣйшихъ мнѣній объ этой странѣ, которую я въ то время еще ни разу не видѣлъ.

Что касается до путевыхъ описаній Англии, то, зромѣ Архенгольда и Годе, съ тогдашнимъ положеніемъ ея ни одна книга не познакомитъ такъ наглядно, какъ появившееся въ нынѣшнемъ году въ Мюнхенѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: «Письма Умершаго; отрывочный дневникъ путешествія по Англии, Уэльсу, Ирландіи и Франціи, писанный въ 1828 и 1829 г.»¹⁾ Эта книга превосходна и во многихъ другихъ отношеніяхъ и вполне достойна похвалы, съ которою Гете и Варнгагенъ фонъ-Энзе отозвались о ней въ «Berliner Jahrbüchern für wissenschaftliche Kritik».

Генрихъ Гейне.

Гамбургъ,
15 ноября 1830.

¹⁾ Briefe eines Verstorbenen: ein fragmentarisches Tagebuch aus England, Wales, Irland und Frankreich, geschrieben in den Jahren 1828 und 1829.

I.

РАЗГОВОРЪ НА ТЕМЗѢ.

...Желтый человѣкъ стоялъ подлѣ меня на палубѣ въ ту минуту, какъ я увидѣлъ зеленый берегъ Темзы, и во всѣхъ уголкахъ души моей зазвѣли соловьи. «Страна свободы!—воскликнулъ я:—привѣтствую тебя! Привѣтствую тебя, свобода, молодое солнце обновленнаго міра! Старыя солнца его, любовь и вѣра, завяли и похолодѣли и не могутъ больше свѣтить и согрѣвать. Покинуты старыя миртовые лѣса, нѣкогда столь плотно населенные, и только унылыя горлицы вьютъ гнѣзда въ нѣжныхъ кустарникахъ. Падаютъ старыя храмы, возведенныя нѣкогда до такой исполинской высоты высокоомѣрно-набожнымъ поколѣніемъ, хотѣвшимъ утвердить зданіе своей вѣры въ самомъ небѣ, пусты и полуразрушены они, и боги, обитавшіе въ нихъ, не вѣрятъ больше въ самихъ себя. Эти боги отжили свой вѣкъ, а наше время не настолько надѣлено фантазіею, чтобы создавать новыхъ. Вся сила человѣческаго духа устремлена теперь на любовь къ свободѣ, и свобода сдѣлалась, можетъ-быть, религіею новаго времени,—и это опять религія, которую проповѣдуютъ не богатымъ, но бѣднымъ и которая имѣетъ своихъ провозвѣстниковъ, своихъ мучениковъ и своихъ искаріотовъ!»

— Юный энтузіастъ,—возразилъ мнѣ желтый человѣкъ:—вы никогда не найдете того, что ищете. Можетъ-быть, вы и правы, утверждая, что свобода—религія новаго времени, распространившаяся по всей землѣ. Но какъ нѣкогда каждый народъ, принимая христіанство, приравнивалъ его къ своимъ потребностямъ и своему характеру, такъ и теперь каждый народъ выбираетъ изъ свободы только то, что согласно съ его мѣстными нуждами и его національнымъ характеромъ.

«Англичане—народъ, живущій жизнью семейной, замкнутой; въ кругу ближнихъ своихъ ищетъ англичанинъ то душевное наслажденіе, котораго не можетъ онъ найти внѣ дома по своей врожденной беспомощной необщительности. Поэтому англичанинъ довольствуется тою свободою, которая дѣлаетъ неприкосновенными его самыя личныя права и служитъ вѣрною защитой его тѣлу, имуществу, брачнымъ узамъ, религіозному вѣрованію и даже капризамъ. Никто не свободенъ въ своемъ домѣ такъ, какъ англичанинъ; онъ—употребляя здѣсь одно знаменитое выраженіе—въ своихъ четырехъ стѣнахъ король и епископъ, и обычная поговорка его: «*my house is my castle*» вовсе не лишена основательности.

«Но если у англичанина первая потребность—потребность личной свободы, то французъ можетъ въ случаѣ нужды легко обойтись безъ нея, лишь бы ему позволили наслаждаться хоть частицею той всеобщей свободы, которую мы называемъ равенствомъ. Французы народъ не домашній, но общественный; имъ не нравится то молчаливое препровожденіе времени въ стѣнахъ дома, которое они называютъ *une conversation anglaise*; болтая безъ умолку, перебѣгаетъ французъ изъ кофейни въ казино, изъ казино въ гостиную; его легкая шампанская кровь и врожденная способность вертѣться между людьми такъ и тянутъ его къ общественной жизни; а первое условіе этой послѣдней, можно сказать, душу ея, составляетъ равенство. Развитие общественной жизни во Франціи повлекло поэтому за собою и потребность равенства; если существенную причину революціи слѣдуетъ искать въ бюджетѣ, то все-таки право голоса ей дали прежде всего тѣ остроумцы, *roturiers*, которые въ парижскихъ салонахъ, повидимому, принимались наравнѣ съ высокою знатію, но при этомъ, все-таки какою-нибудь, хотя бы даже едва замѣтною, но тѣмъ болѣе оскорбительною феодальною улыбкой, получили напоминаніе о великомъ, позорномъ неравенствѣ. А когда эта *canaille roturière* позволила себѣ приняться за сѣченіе головъ высокою знати, то она сдѣлала это, можетъ-быть, не столько для того, чтобы завладѣть имуществомъ этихъ господъ, сколько для того, чтобы унаслѣдовать ихъ предковъ и вмѣсто мѣщанскаго неравенства ввести аристократическое равенство. Что это стремленіе къ равенству было главнымъ принципомъ революціи, явное доказательство этому мы видимъ въ томъ, что французы скоро почувствовали себя довольными и счастливыми подъ правленіемъ своего великаго

императора, который, принявъ во вниманіе ихъ несовершеннѣе, держалъ ихъ свободу подѣ самой строгой опекой и оставилъ имъ только наслажденіе полнѣйшимъ, исполненнымъ громкой славой, равенствомъ.

«Вотъ почему англичанинъ переноситъ гораздо терпѣливѣе француза видѣ привилегированной аристократіи; онъ утѣшаетъ себя мыслью, что у него есть свои собственныя права, которыя не позволяютъ этой аристократіи тревожить его домашній комфортъ и касаться его домашней жизни. Да и англійская аристократія не такъ выставляетъ на показъ свои права, какъ это дѣлается на материкѣ. На улицахъ и общественныхъ гуляньяхъ Лондона вы увидите пестрыя ленты только на женскихъ чепчикахъ, а золотые и серебряные позументы только на ливреяхъ. То пестрое, красивое платье, которое служитъ у насъ обозначеніемъ привилегированнаго военнаго сословія, въ Англии нисколько не почетный знакъ отличія. Какъ актеръ, тотчасъ послѣ представленія, стираетъ съ лица своего румяны, такъ англійскій офицеръ, чуть окончилась служебная обязанность его, спѣшитъ освободиться отъ своего краснаго сюртука, и въ простомъ сюртукѣ джентльмена онъ снова джентльменъ. Только на сенджемскомъ театрѣ не исчезаютъ эти украшенія и костюмы, сохранившіеся изъ средневѣковаго мусора; тутъ развѣваются орденскія ленты, тутъ блещутъ звѣзды, тутъ шелестятъ шелковые панталоны и атласныя шлейфы, тутъ бренчатъ золотыя шпоры и старо-французскія рѣчи, тутъ отдувается рыцарь и топорщится фрейлина. Но что за дѣло свободному англичанину до придворной комедіи, разыгрывающейся на сен-джемскомъ театрѣ. Вѣдь его никогда не беспокоютъ ею, и ему никто не запрещаетъ играть такую же комедію у себя дома, и заставлять своихъ официантовъ преклонять передъ нимъ колѣна, и шалить подвязкою своей кухарки—*honny soit, dui mal у panse*.

«Что касается нѣмцевъ, то они не нуждаются ни въ свободѣ, ни въ равенствѣ. Нѣмцы—народъ спекулятивный, идеологи, мечтатели, живущіе только въ прошедшемъ и будущемъ и не имѣющіе настоящаго. Англичане и французы имѣютъ настоящее; у нихъ каждый день имѣетъ свою исторію, ознаменовывается какимъ-нибудь боемъ. У нѣмца нѣтъ ничего, за что бы онъ долженъ биться, а такъ какъ онъ началъ-было разсуждать, что могутъ же быть вещи, обладаніе которыми было бы очень полезно, то его философы очень мудро научили его сомнѣваться въ существованіи по-

добныхъ вещей. Нельзя отрицать, что и нѣмцы любятъ свободу, но они любятъ ее иначе, чѣмъ другіе народы. Англичанинъ любитъ свободу, какъ свою законную жену; онъ владѣеть ею, и если обращается съ нею не особенно нѣжно, то умѣетъ при случаѣ зацитить ее, какъ мужчина, и горе тому франту въ красномъ сюртукѣ, который проникнетъ въ ея священную спальню,—будь это волокита или полицейскій служитель. Французъ любитъ свободу, какъ свою невѣсту. Онъ пламенѣетъ за нее, онъ бросается къ ея ногамъ съ самыми пылкими клятвами, онъ дерется за нее на жизнь и смерть, онъ дѣлаетъ для нея тысячу глупостей. Нѣмецъ любитъ свободу, какъ свою старую бабушку».

Странно созданы люди! Въ отчизнѣ мы ворчимъ, каждая тамошняя глупость, каждая фальшь сердить насъ, и каждый день хочется намъ, точно дѣтямъ, уйти изъ нея и побѣгать по широкому свѣту. А когда мы придемъ, наконецъ, въ этотъ широкій свѣтъ, онъ покажется намъ слишкомъ широкимъ, и начнемъ мы тайно тосковать по узкимъ глуhostямъ и странностямъ нашей родины, и снова хочется намъ усѣсться въ старой, знакомой комнатѣ, и если можно, построить себѣ домъ за печкой, и грѣться въ ней, сидя на корточкахъ, и читать «Всеобщій Указатель Нѣмцевъ». То же самое случилось со мной во время поѣздки въ Англию. Едва скрылся изъ глазъ моихъ нѣмецкій берегъ, какъ пробудилась во мнѣ курьезная любовь къ тѣмъ тевтонскимъ лѣсамъ изъ ночныхъ колпаковъ и париковъ, которые я недавно еще оставилъ съ такою досадою—и когда отчизна ушла отъ глазъ моихъ, я нашелъ ее въ своемъ сердцѣ.

Отъ этого, можетъ-быть, голосъ мой прозвучалъ какъ-то мягко, когда я отвѣчалъ желтому человѣку: «Любезный господинъ, не браните нѣмцевъ! Если они и мечтатели, если они и грезятъ, то у нѣкоторыхъ изъ нихъ были такія прекрасныя грезы, какихъ я не промѣняю на бодрствующую дѣйствительность нашихъ сосѣдей. Такъ какъ мы всѣ спимъ и грезимъ, то, можетъ-быть, намъ легко обойтись безъ свободы—потому что наши тираны тоже спятъ и грезятъ только о своемъ тиранствѣ. Только разъ мы проснулись—когда католическіе римляне отняли у насъ свободу грезить; тутъ мы начали дѣйствовать, и побѣдили, и затѣмъ снова улеглись и стали грезить. О, милостивый государь, не смѣйтесь надъ нашими мечтателями: по временамъ, какъ лунатики, говорятъ они во снѣ чудныя вещи, и слово ихъ становится сѣменемъ свободы. Никто не можетъ предвидѣть

поворотъ вещей. Большой сплиномъ англичанинъ, пресытись своей женой, надѣнетъ ей, можетъ-быть, веревку на шею и поведетъ продавать въ Смитфильдъ. Порхающій французъ, можетъ-быть измѣнитъ своей милой невѣстѣ, и покинетъ ее, и пойдетъ выплясывать и напѣвать передъ придворными дамами (courtisanes) своего королевскаго дворца (Palais royal). Но нѣмецъ никогда не выгонитъ за дверь свою старую бабушку и всегда оставитъ ей мѣсто у очага, гдѣ она можетъ рассказывать сказки чутко слушающимъ дѣтямъ. Если когда-нибудь, чего Боже сохрани, свобода исчезнетъ въ цѣломъ мірѣ, то нѣмецкій мечтатель снова откроетъ ее въ своихъ грезахъ».

Между тѣмъ пароходъ, а на немъ и нашъ разговоръ, спустились внизъ по рѣкѣ. Солнце сѣло, и послѣдніе лучи его освѣщали гринвичскій госпиталь,—величественное дворцеобразное зданіе, состоящее собственно изъ двухъ флигелей, между которыми находится пустое пространство, а въ немъ открывается глазу зеленая, покрытая лѣсомъ гора, увѣчанная красивымъ, маленькимъ замкомъ. На водѣ между тѣмъ, шумъ отъ кораблей дѣлался больше и больше, и я удивлялся, какъ искусно эти большія суда проходятъ одно мимо другого, не сталкиваясь между собою. Тутъ кланяешься при встрѣчѣ людямъ съ серьезно привѣтливымъ лицомъ, которыхъ никогда не видѣлъ и, быть-можетъ, никогда тоже не увидишь больше. Ъдешь такъ близко, что можно протянуть руку, чтобы поздороваться и проститься въ одно и то же время. Сердце бьется при видѣ столькихъ вздымающихся парусовъ, и что-то чудное происходитъ въ немъ, когда съ берега доносятся смутный шумъ, отдаленная плясовая музыка и глухой говоръ матросовъ. Но въ бѣломъ саванѣ вечерняго тумана мало-по-малу исчезаютъ контуры предметовъ, и глазъ видитъ только лѣсъ длинныхъ и обнаженныхъ мачтъ.

Желтый человекъ все еще стоялъ подлѣ меня и задумчиво смотрѣлъ въ вышину, какъ будто отыскивалъ въ небесномъ туманѣ блѣдныя звѣзды. Не спуская глазъ съ вышины, онъ положилъ руку ко мнѣ на плечо и такимъ тономъ, какъ будто тайныя мысли невольно дѣлались словами, сказалъ: «Свобода и равенство! Нѣтъ ихъ здѣсь внизу, нѣтъ ихъ и тамъ наверху! И тамъ звѣзды неравны между собою, одна больше и свѣтлѣе, чѣмъ другая; ни одна не идетъ свободно, всѣ повинуются предписаннымъ желѣзнымъ законамъ. Свободы нѣтъ ни наверху, ни внизу!»

«Вотъ Тоуэръ!» закричалъ вдругъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ, указывая на высокое зданіе, которое, какъ призрачный, мрачный сонъ, выступало изъ покрытаго туманомъ Лондона.

II.

ЛОНДОНЪ.

Я видѣлъ удивительнѣйшее явленіе, какое только можетъ показать міръ изумленному уму, я видѣлъ его—и до сихъ поръ изумляюсь;—до сихъ поръ возвышается въ моемъ воспоминаніи этотъ каменный лѣсъ домовъ, а между ними— бурный потокъ живыхъ людей со всѣми ихъ разноцвѣтными страстями, со всѣми ихъ ужасающимъ стремленіемъ къ любви, къ голоду и къ ненависти. Я говорю о Лондонѣ.

Посылайте въ Лондонъ философа, но Бога ради, не посылайте туда поэта! Посылайте туда философа и поставьте его на углу Чипъ-сайда; онъ вынесетъ оттуда больше, чѣмъ изъ всѣхъ книгъ, продававшихся на послѣдней лейпцигской ярмаркѣ. И какъ будутъ шумѣть вокругъ него человѣческія волны, такъ развернется передъ нимъ цѣлое море новыхъ мыслей, вѣчный духъ, парящій здѣсь, повѣсть на него, самыя сокрытыя тайны общественнаго устройства вдругъ раскроются передъ нимъ, онъ явственно услышитъ и увидитъ бѣненіе пульса вселенной; потому что, если Лондонъ—правая рука вселенной, дѣятельная, могучая правая рука, то улица, ведущая отъ биржи въ Доунинстритъ, можетъ быть названа пульсомъ ея.

Но не посылайте въ Лондонъ поэта! Эта обнаженная серьезность всего окружающаго, это колоссальное однообразіе, это машинное движеніе, эта угрюмость самой радости, этотъ неизмѣримый Лондонъ, подавляютъ фантазію и разрываютъ сердце. А если еще вы пошлете туда поэта нѣмецкаго, этого мечтателя, который останавливается передъ каждымъ предметомъ будь онъ хоть оборванная нищая или блестящій магазинъ брильянтика—о, плохо придется ему, и затолкаютъ его со всѣхъ сторонъ, или, пожалуй, съ кроткимъ крикомъ: *God damn!* даже съ ногъ собьютъ. *God damn!* Проблѣтые толчки! Я сейчасъ же увидѣлъ, что у этого народа очень много дѣла. Онъ живетъ на большую ногу, онъ, не смотря на то, что въ его странѣ нища и платье стоятъ

дороже, чѣмъ у насъ, хочеть быть одѣтымъ и накормленнымъ лучше насъ; какъ прилично знатному человѣку, онъ имѣеть большіе долги, но за то, изъ хвастовства, часто бросаетъ свои гиней за окно, платитъ другимъ народамъ, чтобы они боксировали между собою для его удовольствія, даетъ еще при этомъ ихъ государямъ хороніе подарочки— и чтобы добыть деньги на всѣ эти расходы, Джонъ Буль долженъ день и ночь работать, день и ночь напрягать умъ на изобрѣтеніе новыхъ машинъ; и сидитъ онъ, и считаетъ въ потѣ лица своего, и бѣгаетъ, не оглядываясь вокругъ себя, съ гавани на биржу, съ биржи на берегъ, и поэтому ему очень простибельно, если онъ не совсѣмъ вѣжливо толкнетъ загородившаго ему дорогу бѣднаго нѣмецкаго поэта, который стоитъ, зѣвая, на углу Чипъ-сайда, передъ магазиномъ эстамповъ. God damn!

А картина, передъ которою я стоялъ на углу Чипъ-сайда, представляла переходъ французовъ черезъ Березину.

И когда, выведенный толчкомъ изъ этого созерцанія, я снова взглянулъ на бурную улицу, на которой, шумя, крича, охая и стуча, вертѣлся пестрый клубокъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей, лошадей, почтовыхъ каретъ, похоронныхъ дрогъ, то и самъ Лондонъ показался мнѣ березинскимъ мостомъ, на который ломится народъ въ безумной тревогѣ. чтобы добывать себѣ средства существованія; мостомъ, гдѣ дерзкій всадникъ топчетъ бѣднаго пѣшехода, гдѣ упавшій на землю погибъ навѣки, гдѣ самые близкіе пріатели равнодушно перелѣзаютъ черезъ трупы другъ друга, гдѣ тысячи людей, окровавленныхъ и покрытыхъ смертною блѣдностью, напрасно стараются уцѣлиться за доски моста и низвергаются въ холодную, ледяную бездну смерти!

Какъ все это не похоже на нашу милую Германію, въ которой такъ свѣтло и привольно! Какъ мечтательно-безмятежно, какъ празднично-спокойно идетъ у насъ жизнь! Спокойно проходитъ городская стража, при спокойномъ свѣтѣ солнца блещутъ мундиры и дома, на карнизахъ щебечутъ ласточки, изъ оконъ улыбаются толстыя юстицъ-ратни, на просторныхъ улицахъ много свободного мѣста: собаки могутъ прилично обнюхиваться, люди могутъ удобно стоять и разговаривать о театрѣ, и низко-низко кланяться, когда мимо проходитъ, подпрыгивая и милостиво отвѣчая на поклонъ, какой-нибудь знатный прохвостикъ или вице-прохвостикъ съ пестрыми ленточками на истертомъ сюртукѣ, или нанудренный, раззолоченный гофмаршалчикъ!

Отправляясь въ Лондонъ, я напередъ далъ себѣ слово не изумляться грандіозности этого города, о которой я такъ много слышалъ. Но со мною случилось то же самое, что съ бѣднымъ школьникомъ, который далъ себѣ слово не чувствовать ударовъ, которые ему предстояло получить. Все дѣло состояло собственно въ томъ, что онъ ожидалъ обыкновенныхъ ударовъ, обыкновенною палкою и по обыкновенному мѣсту, а получилъ необыкновенное число ихъ, тоненькою тросточкою и по необыкновенному мѣсту. Я ожидалъ увидѣть большіе дворцы, и увидѣлъ только небольшіе дома. Но именно ихъ однообразіе и ихъ необозримое количество производятъ такое сильное впечатлѣніе.

Эти кирпичные дома, вслѣдствіе сырости воздуха и дыма отъ угля, получаютъ всѣ одинаковый цвѣтъ, и именно коричневато-оливковый; всѣ они построены по одинаковому образцу, обыкновенно въ два или въ три окна шириною, въ три этажа, съ маленькими красными трубами на верху, похожими на вырванные съ кровью зубы, и такимъ образомъ, улицы, которыя они образуютъ, кажутся двумя, безконечно длинными, казарменновидными, домами. Это происходитъ вслѣдствіе того обстоятельства, что каждое англійское семейство, будь оно составлено хоть изъ двухъ человекъ, хочетъ занимать цѣлый домъ, жить въ своемъ собственномъ замкѣ, и богатые спекулянты, имѣя въ виду эту потребность, строятъ цѣлыя улицы изъ отдѣльныхъ, и въ то же время соединенныхъ между собою, домовъ.

Въ главныхъ улицахъ Сити—части Лондона, въ которой сосредоточены торговля и промышленность, гдѣ древнія зданія еще разсыяны между новыми и гдѣ фасады домовъ до крышъ закрыты вывѣсками съ саженными именами и цифрами, обыкновенно позолоченными и выпуклыми—это характеристическое однообразіе домовъ не такъ рельефно выдается, тѣмъ болѣе, что глазъ чужестранца безпрестанно занятъ здѣсь чуднымъ видомъ новыхъ роскошныхъ предметовъ, выставленныхъ въ окнахъ магазиновъ. Но не только эти предметы производятъ поразительный эффектъ, происходящій отъ того, что все, отдѣлываемое англичаниномъ, отдѣлано до тонкости, и что каждый предметъ роскоши, астральная лампа и сапогъ, чайница и женское платье блестятъ такъ finished и заманчиво—самое искусство выставить ихъ, подборъ цвѣтовъ и разнообразіе придаютъ англійскимъ лавкамъ особенную прелесть. Даже обыденные жизненные припасы являются здѣсь въ поразительномъ,

волшебномъ блескѣ, съѣстные припасы такъ и манятъ своимъ живописнымъ видомъ, даже сырая рыба лежитъ такъ красиво убранная, что веселитъ глазъ радужно-цвѣтнымъ блескомъ своей чешуи, сырое мясо лежитъ, точно нарисованное, на чистыхъ, пестрыхъ тарелочкахъ изъ фарфора, окруженное веселою петрушкою; да и всѣ вообще товары кажутся нарисованными и напоминаютъ собою блестящія, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь скромныя, картины Франца Мьериса. Только люди здѣсь не такъ веселы, какъ на произведеніяхъ голландскаго мастера; съ самыми серьезными лицами продаютъ они самыя веселыя игрушки, и покрой и цвѣтъ ихъ платья также однообразенъ, какъ и дома ихъ.

На противоположной сторонѣ Лондона, называемой «западнымъ концомъ»—the west end of the town—и служащей обиталищемъ болѣе аристократическаго и менѣе дѣловаго общества, это однообразіе еще поразительнѣе. Но здѣсь есть еще очень длинныя и очень широкія улицы, въ которыхъ дома такъ велики, какъ дворцы, но снаружи не представляютъ ничего особеннаго—развѣ только, что окна первыхъ этажей украшены желѣзными рѣшетчатыми балконами, да въ нижнихъ этажахъ тоже устроены черныя рѣшетки для предохраненія устроенныхъ въ землѣ погребовъ. Въ этой же части города находятся большіе скверы, т. е. ряды домовъ, образующіе четверугольникъ, въ срединѣ котораго помѣщается окруженный черною желѣзною рѣшеткою садъ, иногда съ какою-нибудь статуею. На всѣхъ этихъ мѣстахъ и улицахъ глазъ чужестранца никогда не поражается видомъ ветхихъ пріютовъ нищеты. Вездѣ предъ вами богатство и знатность—и только въ отдаленныхъ переулкахъ и въ темныхъ, сырыхъ переходахъ, укрылась бѣдность со всѣми своими попрошайками и со всѣми своими слезами.

Чужестранецъ, проходящій по большимъ улицамъ Лондона и не попадающій въ кварталы, исключительно обитаемые чернью, не видитъ поэтому здѣсь ничего, или, по крайней мѣрѣ, очень мало, изъ той бѣдности которая такъ сильно распространена въ Лондонѣ. Только тамъ и сямъ, при входѣ въ темный переулокъ молча стоитъ оборванная женщина съ груднымъ ребенкомъ на исхудалой груди и глазами проситъ милостыни. Если эти глаза еще прекрасны, то, можетъ быть, кто-нибудь взглянетъ въ нихъ—и ужаснется передъ цѣлымъ міромъ страданія, заключеннымъ въ этихъ глазахъ. Обыкновенные нищія здѣсь—старики, большею частію мавры они стоятъ на углахъ улицъ и, что чрезвычайно полезно,

въ грязномъ Лондонѣ, прокладываютъ для пѣшеходовъ тропинки за какую-нибудь мѣдную монету. Нищета, въ обществѣ порока и преступленія, только вечеромъ выполняетъ изъ своихъ мрачныхъ норъ. Она тѣмъ болѣе страшится дневного свѣта, чѣмъ сильнѣе противоположна надменной роскоши, блистающей повсюду; только голодъ иногда вызоветъ ее въ часъ обѣда изъ темнаго переулка, и тутъ стоитъ она съ нѣмыми, но говорящими глазами, и умоляя, смотритъ на богатаго купца, который, суетливо и бреча деньгами, спѣшитъ мимо, или на празднаго лорда, который, какъ сытый богъ, ѣдетъ на высокой лошади и изрѣдка бросаетъ равнодушно-высокомѣрный взглядъ на вертящуюся у ногъ его толпу людей, какъ будто они — ничтожные муравьи или низшаго сорта творенья, которыхъ радость и печаль не имѣютъ ничего общаго съ его собственными чувствами; потому что надъ этою сволочью, плотно приставшею къ землѣ, англійскіе аристократы парятъ, какъ созданія совсѣмъ иного рода, которыя смотрятъ на маленькую Англію, какъ на свою временную квартиру, на Италію — какъ на свой лѣтній садъ, на Парижъ — какъ на свою гостиную, на всю вселенную — какъ на свою собственность. Беззаботно и неограниченно парятъ они надъ чернью, и золото ихъ — талисманъ, осуществляющій ихъ безумнѣйшія желанія.

Несчастная нищета! Какъ страшно-мучителенъ долженъ быть твой голодъ тамъ, гдѣ другіе плаваютъ въ издѣвающейся роскоши! И если равнодушная рука и броситъ тебѣ кусокъ хлѣба, какъ горьки должны быть слезы, которыми ты оросишь его! Ты отравляешь себя своими собственными слезами. Да, ты права, когда берешь себѣ въ сообщники порокъ и преступленіе. У клейменаго преступника въ сердцѣ часто больше человѣчности, чѣмъ у этихъ холодныхъ, безукоризненныхъ джентльменовъ, въ сердцахъ которыхъ угасла сила зла, но угасла также и сила добра. Да и порокъ не всегда порокъ. Я видѣлъ женщинъ, у которыхъ на щекахъ былъ красною краскою нарисованъ порокъ, а въ сердцахъ ихъ жила небесная чистота. Я видѣлъ женщинъ... ахъ, если бы мнѣ снова увидѣть ихъ!

III. АНГЛИЧАНЕ.

Подъ аркадами лондонской биржи каждая нація имѣетъ свое опредѣленное мѣсто, и на высокоприбитыхъ дощечкахъ написаны имена: русскіе, испанцы, шведы, нѣмцы, мальтійцы, евреи, ганзейцы, турки и т. д. Въ былое время каждый купецъ становился подъ дощечкою, на которой было написано названіе его націи. Теперь вы напрасно стали бы искать его тамъ: люди ушли впередъ; гдѣ нѣкогда стояли испанцы, теперь стоятъ голландцы; мѣсто евреевъ заняли ганзейцы; гдѣ были турки, тамъ очутились русскіе; итальянцы стали на томъ мѣстѣ, которое занимали французы; даже нѣмцы ушли дальше.

И въ цѣломъ мірѣ, какъ на лондонской биржѣ, старыя дощечки остались на своихъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ одни люди ушли, а другіе заступили ихъ мѣсто — другіе, новыя головы которыхъ совсѣмъ не идутъ къ старымъ надписямъ. Старыя стереотипныя характеристики народовъ, встрѣчаемыя нами въ ученыхъ компендіяхъ и пивныхъ погребахъ, не могутъ уже приносить намъ пользу и только вводятъ въ самыя безотрадныя заблужденія. Въ послѣднемъ столѣтіи, на нашихъ глазахъ, мало-по-малу преобразовался характеръ нашихъ западныхъ сосѣдей; такое же точно преобразование мы замѣчаемъ и по ту сторону канала, со времени уничтоженія континентальной запретительной системы. Неповоротливые, молчаливые англичане толпами тянутся во Францію, для того, чтобы выучиться тамъ двигаться и говорить — и по возвращеніи ихъ оттуда, съ изумленіемъ видишь, что языкъ у нихъ развязался, что не обѣ ихъ руки лѣвыя, и что они уже недовольны своими бифштексами и плумпуддингами. Я самъ видѣлъ, какъ одинъ изъ такихъ англичанъ, въ тавистокской тавернѣ, потребовалъ сахару къ цвѣтной капустѣ, совершивъ такимъ образомъ ересь въ отношеніи къ строгой англиканской кухнѣ; кельнеръ при этомъ чуть не упалъ навзничь, такъ какъ, конечно, со времени римскаго нашествія, цвѣтная капуста въ Англии не варилась иначе, какъ въ водѣ, и поѣдалась безъ всякой сладкой приправы. Это былъ тотъ самый англичанинъ, который, несмотря на то, что я увидѣлъ его здѣсь въ первый разъ въ жизни, подошелъ ко мнѣ и началъ такую предупредительно-французскую рѣчь, что я не могъ удер-

жаться, чтобы не высказать ему, какъ я обрадовался, встрѣтивъ хоть одинъ разъ англичанина, не смотрящаго враждебно на чужестранцевъ; на что онъ, не улыбаясь и совершенно непринужденно, замѣтилъ мнѣ, что говорить со мною для того, чтобы упражняться во французскомъ языкѣ.

Крайне замѣчательно, что французы съ каждымъ днемъ становятся разсудительнѣе, глубокомысленнѣе и серьезнѣе настолько же, насколько англичане стремятся сдѣлаться легкими, поверхностными, и веселыми въ литературѣ, какъ и въ жизни. Лондонскіе станки заняты печатаніемъ фешенебельныхъ сочиненій, романовъ, дѣйствіе которыхъ происходитъ въ блестящей сферѣ высшаго свѣта, или которые отражаютъ ее въ себѣ, какъ, напр., *Almalks, Vivian Grey, Tremain, The Guards, Flirtation*; этотъ послѣдній романъ можетъ служить лучшимъ представителемъ цѣлаго отдѣла, кокетничанья чужеземными манерами и рѣчами, полновѣской тонкости, тяжелой легкости, кислой сладости, жеманной грубости, словомъ, всего невеселаго движенія этихъ деревянныхъ мотыльковъ, порхающихъ въ лондонскихъ салонахъ.

За то, какія произведенія даетъ намъ пресса французская, эта вѣрная представительница духа и наклонностей французовъ! Какъ великій императоръ ихъ употреблялъ свободное время своего плѣна на то, чтобы диктовать исторію своей жизни, открывать намъ сокровеннѣйшія тайны божественной души своей и превратить скалу св. Елены въ кафедру исторіи для суда современниковъ и поученія потомковъ — такъ и французы начали употреблять съ возможно большею пользою и славою время своихъ бѣдствій, дни своего политическаго бездѣйствія. И они тоже пишутъ исторію своихъ дѣяній; тѣ самыя руки, которыя такъ долго дѣйствовали мечомъ, снова наводятъ ужасъ на своихъ враговъ, потому что онѣ схватились за перо; вся нація занята, такъ сказать, изданіемъ своихъ мемуаровъ, и если бѣ она хотѣла послѣдовать моему совѣту, то выпустила бы одно особое изданіе *ad usum Delphini*, съ прекрасно раскрашенными изображениями взятія Бастиліи, штурма тюльрійскаго дворца и т. п.

Выше я замѣтилъ, что англичане съ каждымъ днемъ стараются сдѣлаться легче и пустѣе и влѣзаютъ въ ту обезьянью шкуру, которую французы съ себя сбрасываютъ; но къ этому я долженъ прибавить, что такое стремленіе исходитъ болѣе отъ аристократіи и дворянства, чѣмъ отъ средняго сословія. Напротивъ того, вся промышленная и торговая часть націи,

особенно купцы въ фабричныхъ городахъ и почти всѣ шотландцы, носятъ на себѣ наружную печать пѣтизма, или, вѣрнѣе сказать, пуританизма; такъ что эта набожная часть народа представляетъ такую же противоположность съ свѣтски-настроенными аристократами, какая существуетъ между кавалерами и круглоголовыми, такъ вѣрно описанными Вальтеръ-Скоттомъ въ его романахъ.

Шотландскому барду оказываютъ слишкомъ много чести, когда говорятъ, что гений его возсоздалъ по исторіи внѣшній обликъ и внутренній образъ мыслей этихъ обѣихъ партій и доказалъ свое поэтическое величіе тѣмъ, что совершенно безпристрастно, какъ судящій Богъ, обѣимъ воздалъ должное и съ обѣими обошелся съ одинаковою любовью. Стоитъ бросить одинъ взглядъ въ ливерпульскія или манчестерскія молельни и потомъ въ аристократическіе салоны Вестъ-Лондона, чтобы ясно видѣть, что Вальтеръ Скоттъ только скопировалъ то время, въ которое самъ жилъ, и одѣлъ въ старые костюмы совершенно новыя фигуры. А если еще не забывать, что, съ одной стороны, онъ, какъ шотландецъ, вслѣдствіе воспитанія и національнаго духа, самъ всосалъ въ себя пуританскій образъ мыслей, а съ другой, какъ тори, считающій себя притомъ отраслю Стюартовъ, былъ настроенъ совершенно монархически и аристократически, вслѣдствіе чего чувства и мысли его съ одинаковою любовью обращались къ тому и другому направленію и въ то же время, вслѣдствіе этой противоположности, нейтрализовались, то легко объяснить себѣ его безпристрастіе при изображеніи аристократовъ и демократовъ Кромвелевой эпохи—безпристрастіе, заставлявшее многихъ ошибочно думать, что онъ, въ исторіи Наполеона, изобразить съ такою же вѣрностію героевъ французской революціи.

Кто внимательно изучаетъ Англію, тотъ постоянно находитъ возможность наблюдать оба эти направленія, свѣтское и пуританское, въ ихъ противоположномъ процвѣтаніи и, само собою разумѣется, въ ихъ междоусобной борьбѣ. Такую возможность особенно хорошо представилъ знаменитый процессъ сэра Векфильда, веселаго малаго, который, такъ сказать, экспромптомъ увезъ дочь Турнера, богатаго ливерпульскаго богача, и женился на ней въ Гретна-Гринѣ, гдѣ живетъ кузнецъ, кующій самыя крѣпкія цѣпи. Всѣ ханжиродственники, все племя избранниковъ Божіихъ закричали: караулъ! при такомъ беззаконіи; въ ливерпульскихъ молельняхъ стали призывать небесную кару на Векфильда и его

сообщниковъ, которыхъ должна была поглотить земля, какъ поглотила она нечестивыхъ заговорщиковъ Кораха, Датана и Абирама — и въ то же время, чтобы вѣрнѣе обезпечить себя насчетъ небеснаго мщенія, призывали въ лондонскихъ судахъ гнѣвъ королевской скамьи, великаго канцлера и даже верхняго парламента на нарушителей святыхъ заповѣдей; а въ это же время посѣтители аристократическихъ салоновъ очень толерантно шутили и смѣялись надъ смѣлымъ похитителемъ дѣвушки. Этотъ контрастъ того и другого образа мыслей забавнѣйшимъ образомъ обнаружился передо мною однажды, когда я сидѣлъ въ Большой Оперѣ подлѣ двухъ толстыхъ манчестерскихъ дамъ. Онѣ въ первый разъ въ жизни посѣтили это мѣсто собранія высшаго свѣта и пришли въ неописанный ужасъ, когда начался балетъ, и прекрасныя коротко-юбчатыя танцовщицы стали выказывать свои прянно-граціозныя движенія, вытягивать свои длинныя, милыя, порочныя ноги и быстро, какъ вакханки, бросаться въ объятія навстрѣчу имъ прыгавшихъ танцоровъ; теплая музыка, первобытная одежда въ видѣ трико тѣлеснаго цвѣта, прыжки—все это вмѣстѣ выжало изъ бѣдныхъ барынь холодный потъ, и груди ихъ покраснѣли отъ досады. «Shocking! for shame, for shame!» безпрестанно со стономъ повторяли онѣ и такъ были окованы страхомъ, что не могли отнять отъ глазъ зрительной трубки и въ такомъ положеніи просидѣли до послѣдней минуты, когда занавѣсъ опустился.

Но несмотря на эти противоположныя направленія духа и жизни, въ англійскомъ народѣ все-таки существуетъ единство настроенія, состоящее именно въ томъ, что онъ чувствуетъ себя народомъ. Кавалеры и круглоголовые нашего времени, какъ бы ни ненавидѣли и ни презирали другъ друга, все-таки не перестаютъ быть англичанами; какъ таковые, они единичны и вмѣстѣ связаны, какъ растенія, выходящія изъ одной и той же почвы и съ нею чуднымъ образомъ сплетенныя. Отсюда то тайное согласіе всей англійской жизни, которое съ перваго раза кажется намъ сборищемъ путаницы и противорѣчій. Роскошь и нищета, религіозность и безвѣріе, свобода и рабство, жестокость и кротость, честность и плутовство, — всѣ эти противорѣчія въ ихъ безумнѣйшихъ крайностяхъ, а къ этому сѣрое туманное небо, со всѣхъ сторонъ шумящія машины, цифры, газовое освѣщеніе, дымящіяся трубы, газеты, кружки съ портеромъ, сомкнутые рты — все это такъ тѣсно связано другъ съ другомъ, что одно не можетъ быть мыслимо безъ дру-

гого, и то, что при раздробленіи вызывало бы удивленіе или смѣхъ, при соединеніи кажется совершенно обыкновеннымъ и серьезнымъ.

Я думаю однако, что такое впечатлѣніе мы испытываемъ всюду, и даже въ тѣхъ странахъ, о которыхъ мы имѣемъ еще болѣе странное понятіе и отъ которыхъ ожидаемъ еще болѣе поводовъ къ смѣху и изумленію. Наша страсть къ путешествіямъ, наше желаніе посмотреть чужія страны — особенно то желаніе, которое мы испытываемъ въ молодые годы — происходятъ, главнымъ образомъ, отъ ошибочнаго ожиданія необыкновенныхъ контрастовъ, отъ той духовной жажды къ маскарадамъ, вслѣдствіе которой мы представляемъ себѣ людей и образъ мыслей нашей родины въ людяхъ и образѣ мыслей чужихъ странъ и, такимъ образомъ, переряжаемъ нашихъ лучшихъ знакомыхъ въ чужеземные костюмы. Такъ, напр., когда мы думаемъ о готтентотахъ, то въ воображеніи нашемъ проходятъ дамы нашего родного города, вымазанные черною краской, между тѣмъ какъ наши молодые остряки взлѣзаютъ, какъ разбойники, на пальмовыя деревья; думаемъ мы объ обитателяхъ полярныхъ странъ — и тутъ передъ нами знакомыя лица: тетунка наша катается на собакахъ по льду, толстый господинъ конректоръ лежитъ на медвѣжьей шкурѣ и спокойно попиваетъ рыбій жиръ, госпожа сборщица акциза, госпожа инспекторша и госпожа инфибулаціонратша сидятъ вмѣстѣ на корточкахъ и жуютъ сальныя свѣчи, и т. д. Но когда мы дѣйствительно посѣтимъ эти страны, то сейчасъ же увидимъ, что тамошніе люди, такъ сказать, срослись съ нравами и одеждами, что лица идутъ къ мыслямъ, а платье — къ потребностямъ, что даже растенія, звѣри, люди и самая страна образуютъ одну, согласно настроенную, жизнь.

IV.

THE LIFE OF NAPOLEON BUONAPARTE

by Walter Scott.

Бѣдный Вальтеръ-Скоттъ! Будь ты богатъ, ты никогда не написалъ бы такой книги и не сдѣлался бы бѣднымъ Вальтеръ-Скоттомъ! Но кураторы Констебльской конкурсной массы собрались вмѣстѣ, и вычисляли, и вычисляли, а послѣ долгихъ вычисленій и дѣленій покачали головами — и у бѣд-

наго Вальтеръ-Скотта не осталось послѣ этого ничего, кромѣ лавровъ и долговъ. Тутъ случилось нѣчто необыкновенное: пѣвецъ великихъ дѣяній захотѣлъ испытать себя и въ героизмѣ, онъ рѣшался на *cessio bonorum*, лавры великаго неизвѣстнаго были оцѣнены для покрытiя большихъ извѣстныхъ долговъ—и такимъ образомъ появилась на свѣтъ съ голодной поспѣшностью, съ обанкротившимся воодушевленiемъ «Жизнь Наполеона»—книга, которой предстояло быть хорошо оплаченной потребностями любопытной публики вообще и англійскаго министерства въ особенности.

Хвалите его, смѣлаго гражданина! Хвалите его вы, всѣ филистеры всего земного шара! Хвали его и ты, милая торгашеская добродѣтель, которая готова жертвовать всѣмъ, лишь бы только уплатить въ срокъ по векселю—но у меня нѣтъ настолько мужества, чтобы также хвалить его.

Странно! Мертвый императоръ даже и въ гробу пагубенъ англичанамъ, и теперь черезъ него великiй писатель Британiи потерялъ свои лавры!

Это былъ великiй писатель Британiи—пусть говорятъ и возражаютъ, что угодно. Правда, критики его романовъ умаляли его величiе и упрекали его въ томъ, что онъ уже слишкомъ растягивается въширь, входитъ въ слишкомъ мелкiя подробности, создаетъ свои великiе образы только посредствомъ сопоставленiя массы мелкихъ чертъ и пользуется безчисленнымъ множествомъ разныхъ обстоятельствъ для созданiя сильныхъ эффектовъ. Но, по истинѣ сказать, онъ походитъ въ этомъ отношенiи на того миллионера, который размѣнялъ все свое состоянiе на мелкую монету и каждый разъ долженъ, когда ему приходится уплачивать большую сумму, нагружать два или три воза мѣшками съ грошами и пфенигами, но несмотря на то, если бы кто сталъ жаловаться на такую неприятность и на трудность считать всю эту монету, то онъ могъ бы совершенно справедливо возразить, что какъ бы то ни было, но онъ все же уплачиваетъ должную сумму, онъ же вѣдь отдаетъ ее и въ сущности такъ же кредитоспособенъ и такъ же богатъ, какъ и всякiй другой, у котораго деньги лежатъ только въ золотыхъ слиткахъ; за то у него даже есть преимущество болѣе легкаго способа размѣна, такъ какъ тотъ, который отправляется на рынокъ овощей со своими золотыми слитками, которые тамъ не имѣютъ обращенiя, не знаетъ, какъ помочь горю, а у этого каждая торговка обѣими руками будетъ хватать предлагаемые ей зильбергроши или пфениги. Но теперь такому

популярному богатству англійскаго писателя пришелъ конецъ; онъ, чьи монеты когда-то имѣли такое легкое обращеніе, что герцогиня и портниха принимали ихъ съ одинаковымъ интересомъ — онъ теперь сталъ бѣднымъ Вальтеръ-Скоттомъ. Его судьба напоминаетъ легенду о горныхъ эльфахъ, которые, лукаво благодѣтельствуя, дарили бѣднымъ людямъ деньги, ярко блестящія и оказывавшіяся очень пригодными только до тѣхъ поръ, пока имъ давали хорошее употребленіе, но разсыпавшіяся въ рукахъ пылью, лишь только ихъ употребляли для недостойныхъ цѣлей. Мѣшокъ за мѣшкомъ открываемъ мы новый подвозъ Вальтеръ-Скотта, и что же!— вмѣсто блестящихъ веселыхъ грошиковъ, находимъ тамъ только пыль и пыль! Онъ наказанъ горными эльфами Парнаса, музами, которыя, какъ и всѣ женщины съ благороднымъ сердцемъ, страстныя наполеонистки, и поэтому были вдвойнѣ возмущены противъ злоупотребленія довѣреннымъ ему духовнымъ сокровищемъ.

Достоинство и тенденція произведенія Вальтеръ-Скотта были достаточно освѣщены во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ Европы. Не только раздраженные французы, но даже и смущенные соотечественники автора высказали обвинительный приговоръ. Это общее всемірное неудовольствіе должны были также раздѣлить и нѣмцы. «Штутгардскій Литературный Листокъ» говорилъ съ трудно сдерживаемымъ пламеннымъ усердіемъ; съ холоднымъ спокойствіемъ выразился берлинскій «Ежегодникъ научной критики»; рецензентъ, которому это холодное спокойствіе далось тѣмъ легче, чѣмъ менѣе былъ ему дорогъ герой книги, характеризуетъ эту послѣднюю превосходными словами:

«Въ этомъ разказѣ не найти ни содержанія, ни красокъ, ни систематичности, ни живости. Спутанный въ поверхностномъ, но не въ глубокомъ сцѣпленіи событій, безъ всякаго выдѣленія своеобразнаго, лѣниво и нетвердыми шагами тянется богатый матеріалъ; ни одно происшествіе не является въ своемъ опредѣленномъ своеобразіи, нигдѣ не видно выдающихся пунктовъ, нѣтъ ни одного ясно изображеннаго событія, ни одно изъ нихъ не выступаетъ въ своей необходимости, связь только внѣшняя, значеніе фактовъ понимается весьма смутно. Въ такомъ изображеніи должны погаснуть всякій свѣтъ исторіи, а сама она становится не чудною, а самую обыкновенною сказкою. Разсужденія и соображенія, часто вставляемые въ разказъ—такого же рода. Нашъ читающій міръ уже давно выросъ изъ такой мизер-

ной философской страпни. Скудная примѣсь касающейся частностей морали нигдѣ не достигаетъ цѣли...».

Тому подобныя и еще худшія вещи, высказываемыя остроумнымъ берлинскимъ рецензентомъ, Варнгагаемъ фонъ-Энзе, я охотно простилъ бы Вальтеръ-Скотту. Всѣ мы люди, и самый лучший изъ насъ можетъ иногда написать и дурную книгу. Тогда обыкновенно говорятъ, что онъ ниже всякой критики, и дѣло тѣмъ и кончается. Удивительно, правда, то, что въ этомъ новомъ сочиненіи мы не находимъ даже и прекраснаго стиля Вальтеръ-Скотта. Въ безцвѣтной, будничной рѣчи напрасно разсыяны тутъ и тамъ нѣсколько красныхъ, синихъ и зеленыхъ словечекъ, напрасно тщится авторъ блестящими лоскутками изъ поэтовъ покрыть прозаическую наготу, напрасно обобранъ весь Ноевъ ковчегъ, чтобы добыть сравненія, изъ царства животныхъ, напрасно даже цитируется слово Божіе, чтобы затушевать имъ глупыя мысли. Еще удивительнѣе то, что Вальтеръ-Скотту даже не удалось тутъ примѣнить и свой врожденный талантъ въ рисовкѣ образовъ и представить хотя бы наружнаго Наполеона. Вальтеръ-Скоттъ не научился ничему изъ тѣхъ прекрасныхъ картинъ, которыя изображаютъ императора, окруженнаго своими генералами и придворными, тогда какъ всякій, разсматривающій ихъ безпристрастно, глубоко пораженъ трагическимъ спокойствіемъ и античною соразмѣрностью этихъ чертъ лица, которыя представляютъ такой потрясающе величавый контрастъ возбужденнымъ въ новомъ духѣ живописнымъ будничнымъ лицамъ нашего времени и обнаруживаютъ нѣчто божественное, сошедшее на землю. Но если шотландскій поэтъ не могъ понять образъ императора, то тѣмъ менѣе могъ онъ понять характеръ его, и я охотно прощаю ему хуленіе Бога, Котораго онъ не знаетъ. Долженъ также простить ему, что онъ считаетъ своего Веллингтона богомъ и въ апопееозѣ этого послѣдняго приходитъ въ такое благоговѣніе, что при всей способности изображать животныхъ, не знаетъ, съ какимъ его сравнить.

Но если я снисходителенъ къ Вальтеръ-Скотту и прощаю ему бессодержательность, ошибки, злословіе и глупости его книги, прощаю даже и наведенную ею на меня скуку, то все же я никакъ не могу простить ему за ея тенденцію. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ оправдательный приговоръ англійскому министерству по отношенію къ преступленію на св. Еленѣ. «Въ этомъ судебномъ процессѣ между англій-

скимъ министерствомъ и общественнымъ мнѣніемъ,—какъ выражается берлинскій рецензентъ,—Вальтеръ-Скоттъ изображаетъ изъ себя адвоката», онъ соединяетъ адвокатскія придирки со своимъ поэтическимъ талантомъ, чтобы извращать и факты, и исторію, и его кліентамъ, которые являются въ то же время и его патронами; слѣдовало бы дать ему, кромѣ гонорара, еще на водку.

Англичане только убили императора, но Вальтеръ-Скоттъ его продалъ. Это совершенно шотландская штука, истинно шотландская національная штучка, и видно, что шотландская скаредность до сихъ поръ осталась старою грязною скаредностью и не особенно перемѣнилась со дней битвы при Незби, когда шотландцы своего короля, ввѣрившагося ихъ охранѣ, продали за 400.000 фунтовъ стерлинговъ англійскимъ палачамъ. Этотъ король былъ тотъ самый Карль Стюартъ, котораго теперь такъ великолѣпно воспѣваютъ каледонскіе барды—англичанинъ убиваетъ, шотландецъ же продаетъ и воспѣваетъ.

Англійское министерство открыло своему адвокату для вышеупомянутой надобности архивъ foreign office, и Вальтеръ-Скоттъ въ девятомъ томѣ своего сочиненія добросовѣстно воспользовался документами, которые могутъ бросить благоприятный свѣтъ на его партію и неблагоприятную тѣнь на его противниковъ. Вслѣдствіе этого девятый томъ, при всей своей эстетической несостоятельности, въ чемъ онъ нисколько не уступаетъ предыдущимъ томамъ, приобретаетъ, однако, нѣкоторый интересъ: читатель ожидаетъ важныхъ документовъ, но такъ какъ не находитъ ихъ, то это служитъ доказательствомъ, что вовсе не было такихъ, которые говорили бы въ пользу англійскаго министерства—и это отрицательное содержаніе книги является важнымъ результатомъ.

Все, что только доставилъ англійскій архивъ, ограничивается нѣкоторыми правдоподобными сообщеніями благороднаго сэра Гудсона Лоу и его мирмидоновъ, также нѣкоторыми показаніями генерала Гурко, который, если дѣйствительно сдѣлалъ ихъ, то, какъ безсовѣстный измѣнникъ своего царственнаго господина и благодѣтеля, также заслуживаетъ вѣры. Я не стану изслѣдовать фактъ этихъ показаній; кажется, что они даже вѣрны, такъ какъ его подтвердилъ баронъ Штюрмеръ, одинъ изъ трехъ статистовъ великой трагедіи; но я не вижу, что можетъ быть этимъ доказано, даже въ самомъ благоприятномъ случаѣ, кромѣ

развѣ того, что сэръ Гудсонъ Лоу былъ не единственнымъ негодяемъ на островѣ св. Елены. Съ пособіями такого рода и съ жалкими внушеніями, ему сдѣланными, рассказываетъ Вальтеръ-Скоттъ исторію заточенія Наполеона и старается убѣдить насъ, что эксъ-императоръ—такъ называется Наполеона эксъ-поэтъ—не могъ сдѣлать ничего умнѣе, какъ отдаться англичанамъ, хотя онъ и долженъ былъ знать заранѣе, что его отправятъ на св. Елену; что тамъ съ нимъ обращались прелестно, такъ какъ давали ему вдоволь пить и ѣсть; и что, наконецъ, онъ, свѣжій и здоровый, умеръ, какъ хорошій христіанинъ, отъ рака въ желудкѣ.

Вальтеръ-Скоттъ, представляя намъ такимъ образомъ императора предвидѣвшимъ, до какой степени дойдетъ великодушіе англичанъ, именно до св. Елены, снимаетъ съ него обыкновенно дѣлаемый ему упрекъ, что трагическое величіе его несчастія такъ сильно воодушевило его самого, что онъ смотрѣлъ на цивилизованныхъ англичанъ, какъ на персидскихъ варваровъ, а на сенъ-джемскую бишптекскую кухню, какъ на очагъ великаго короля—и сдѣлалъ героическую глупость. Вальтеръ-Скоттъ представляетъ также императора величайшимъ писателемъ, какой когда-либо только жилъ на свѣтѣ, совершенно серьезно замѣчая, что всѣ тѣ замѣчательныя сочиненія, въ которыхъ говорится о страданіяхъ Наполеона на св. Еленѣ, диктовалъ онъ самъ.

Я не могу не сдѣлать здѣсь замѣчанія, что эта часть книги Вальтеръ-Скотта, какъ вообще и самыя сочиненія, о которыхъ онъ говоритъ здѣсь, въ особенности мемуары О'Меара, а также рассказъ капитана Мейтленда, напоминаютъ мнѣ иногда самую забавную исторію въ мірѣ, такъ что болѣзненнѣйшее негодование моей души внезапно переходитъ въ самый веселый смѣхъ. Эта исторія ничто иное, какъ «Приключенія Лемуэля Гуливера»—книга, которая меня еще въ дѣтствѣ такъ много смѣшила и гдѣ такъ забавно читать, какъ маленькіе лилипуты не знаютъ, что имъ дѣлать съ большимъ плѣнникомъ, какъ они на тысячу ладовъ вскарабкиваются на него и связываютъ его безчисленнымъ количествомъ тонкихъ волосинокъ, какъ они съ большими усиліями строятъ ему собственный большой домъ, какъ они сѣтуютъ, что имъ приходится доставлять ему ежедневно множество съѣстныхъ припасовъ, какъ они чернятъ его въ государственномъ совѣтѣ и постоянно плачутся, что онъ слишкомъ дорого стоитъ странѣ, какъ имъ хочется ли-

шить его жизни, но бояться его и послѣ смерти, потому что его труп могъ бы распространить заразу, какъ, наконецъ. они рѣшаются на достославное великодушіе и оставляютъ ему его титулъ, желая только выколоть ему глаза и т. д. Да, дилипутъ, является всюду, гдѣ только великій человекъ попадетъ между мелкими людьми, которые неустанно и самымъ мелочнымъ образомъ мучатъ его, и, въ свою очередь. сами и терпятъ отъ него довольно мученій и бѣдствій; но если бы деканъ Свифтъ написалъ свою книгу въ наше время, то въ этомъ гладко отшлифованномъ зеркалѣ увидѣли бы только исторію заточенія императора и узнали бы мучившихъ его генераловъ, со всѣми ихъ атрибутами, исключая только цвѣтъ платья и лица.

Только конецъ сказки о св. Еленѣ былъ иной—императоръ умеръ отъ рака въ желудкѣ, и Вальтеръ-Скоттъ увѣряетъ насъ, что эта болѣзнь была единственною причиною его смерти. Но и въ этомъ я не стану ему противорѣчить. Это не невозможно. Возможно, что человекъ, пытаемый въ застѣнкѣ, внезапно умираетъ совершенно естественною смертію, отъ удара. Но злые люди станутъ говорить, что его убили палачи. Злые люди разъ навсегда порѣшили смотрѣть на это дѣло совершенно иначе, чѣмъ смотрѣлъ добрый Вальтеръ-Скоттъ. Этотъ добрый человекъ, такъ твердо знающій Библию и охотно цитирующій Евангеліе, не видитъ въ этомъ возмущеніи стихій, въ этомъ ураганѣ, который поднялся при смерти Наполеона, ничего иного, какъ событіе, происшедшее также и при смерти Кромвеля; но у свѣта объ этомъ свое собственное мнѣніе. Онъ смотритъ на смерть Наполеона, какъ на ужасное злодѣяніе; чувство скорби, въ своемъ взрывѣ, переходитъ въ набожное поклоненіе; напрасно Вальтеръ-Скоттъ принимаетъ на себя роль *advocati diaboli*—приченіе покойнаго императора къ лику святыхъ потокомъ льется изъ всѣхъ благородныхъ сердецъ. Всѣ благородныя сердца европейскаго отечества презираютъ его маленькихъ палачей и великаго барда, который въ своихъ пѣсняхъ сдѣлался ихъ соумышленникомъ, музы, вдохновляютъ лучшихъ пѣвцовъ для прославленія своего любимца. и если нѣкогда онѣмѣютъ люди, то заговаряютъ камни, и мученическая скала св. Елены зловѣще выступитъ изъ морскихъ волнъ и станетъ рассказывать тысячелѣтіямъ свою чудовищную исторію.

V.

ОЛЬДЪ-БЭЛЕЙ.

Уже одно это названіе наполняетъ душу ужасомъ: сейчасъ же представляешь себѣ большое, черное, угрюмое зданіе, дворець бѣдствія и преступленія. Лѣвый флигель, образующій собственно тюрьму, служитъ для заключенія уголовныхъ преступниковъ, и тутъ видна только высокая стѣна изъ почернѣвшихъ отъ времени плитъ, въ которой находятся двѣ ниши съ такими же черными аллегорическими фигурами и если я не ошибаюсь, одна изъ нихъ изображаетъ справедливость, потому что, по обыкновенію, рука, держащая вѣсы, сломана, и остается только стѣпалъ женская фигура съ мечомъ. Почти въ срединѣ зданія помѣщается алтарь богини правосудія, именно окошко, въ которомъ ставятъ висѣлицу, а направо — зала уголовного суда, въ которой четыре раза въ годъ происходятъ засѣданія. Здѣсь устроена дверь, на которой слѣдовало бы написать то, что написано на дверяхъ Дантова Ада:

«Per me si va nella citta dolente
Per me si va nel eterno dolore,
Per me si va tra la perduta gente...

Эта дверь ведетъ на маленькій дворъ, въ которомъ собираются подонки черни для того, чтобы смотрѣть на проходящихъ преступниковъ; тутъ же стоятъ друзья и враги этихъ послѣднихъ, родственники, дѣти, нищія, слабоумные и особенно старухи, занимающіяся обсужденіемъ производящихся процессовъ и дѣлающія это, можетъ-быть, съ большою проницательностью, чѣмъ судьи и присяжные, несмотря на всю забавную торжественность и скучную юриспруденцію этихъ послѣднихъ. Помню я, передъ дверью судилища, одну старую женщину, стоявшую въ кругу своихъ кумушекъ и защищавшую бѣднаго чернаго Вильяма гораздо лучше, чѣмъ дѣлалъ это въ самой залѣ высокоученый адвокатъ обвиняемаго; когда она вытерла изодраннымъ передникомъ своимъ послѣднюю слезу на красныхъ глазахъ — вина Вильяма, казалось, уничтожилась.

Въ самой залѣ, не особенно большой, внизу, передъ такъ называемою рѣшеткою, для публики оставлено мало мѣста; за то наверху устроены по обѣимъ сторонамъ очень просторныя галлерей съ высокими скамейками, на которыхъ зрители тѣснятся, чуть не лежа другъ на другѣ.

Когда я посылить Ольдь-Бэлей, то также помѣстился въ одной изъ этихъ галлерей, которую отворила мнѣ старая привратница за одинъ шиллингъ. Я вошелъ въ ту минуту, когда присяжные встали съ своихъ мѣстъ для того, чтобы рѣшить — виноватъ или нѣтъ черный Вильямъ въ преступленіи, взводившемся на него.

И здѣсь, какъ въ другихъ лондонскихъ судилищахъ, судьи сидятъ въ сине-черныхъ тогахъ на свѣтло-фіолетовой подкладкѣ, на головахъ у нихъ напудренные парики, представляющіе часто забавный контрастъ съ черными бровями и черными бакенбардами. Они сидятъ за длиннымъ зеленымъ столомъ, на высокихъ стульяхъ, у верхняго конца залы, гдѣ на стѣнѣ выбито золотыми буквами то мѣсто изъ Библии, которое запрещаетъ лицепріятный судъ. По обѣимъ сторонамъ стола стоятъ скамейки для присяжныхъ и отведены мѣста для истцовъ и свидѣтелей. Какъ разъ противъ судей помѣщаются обвиненные; они не сидятъ на обыкновенныхъ скамейкахъ подсудимыхъ, какъ это дѣлается въ гласныхъ судахъ Франціи и рейнскихъ странъ, но стоятъ за причудливо сдѣланною перегородкою, наверху которой устроена узкая арка. Тутъ же ставится зеркало, въ которомъ судья можетъ слѣдить за каждымъ измѣненіемъ въ лицѣ обвиненнаго. Передъ обвиненными кладутся также зеленыя травы, для укрѣпленія нервовъ, и это иногда бываетъ необходимо, когда дѣло идетъ о жизни и смерти. На столѣ судей я тоже увидѣлъ такія травы — и между ними даже розу. Не знаю почему, видъ этой розы глубоко потрясъ меня. Красная, цвѣтущая роза, цвѣтокъ любви и весны, лежала на страшномъ судейскомъ столѣ Ольдь-Бэлей! Въ залѣ было такъ мрачно и душно. Все смотрѣло такъ непривѣтливо-угрюмо, такъ безумно-серьезно. У людей былъ такой видъ, какъ будто по тупымъ лицамъ ползали сѣрые пауки. Желѣзные чашечки вѣсовъ явственно стучали надъ головою бѣднаго чернаго Вильяма.

На галлерей то же образовался судъ присяжныхъ. Одна толстая дама съ краснымъ обрюзглымъ лицомъ, на которомъ маленькіе глазки блестѣли, словно свѣтящіяся червячки, замѣтила, что черный Вильямъ очень красивый малый. Сосѣдка же ея, нѣжная, пискливая душа въ тѣлѣ изъ скверной почтовой бумаги, утверждала, что онъ слишкомъ отпускаетъ свои черные волосы и рѣшительно не занимается ими, и что онъ сверкаетъ глазами, какъ господинъ Кинъ въ «Отелло». — За то, — продолжала она: — Томсонъ совсѣмъ

ной человѣкъ, со свѣтлыми и расчесанными по модѣ волосами, и человѣкъ очень даровитый, онъ немного играетъ на флейтѣ, немного рисуетъ, немного говоритъ по-французски...—И немного воруетъ,—перебила толстая дама. — Ну, это еще не большая бѣда,—замѣтила тоненькая сосѣдка;—воровать все-таки не такое варварство, какъ поддѣлывать подписи: вора, хотя бы онъ укралъ только овцу, ссылаютъ въ Ботани-Бей, а мошенника, сдѣлавшаго фальшивую подпись, вѣшаютъ безъ всякой пощады и милосердія. — Безъ пощады и милосердія!—простоналъ подлѣ меня тощій человѣкъ въ истертomъ черномъ сюртукѣ;—вѣшать! ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права убивать другого, а христіанамъ менѣ всѣхъ слѣдовало бы произносить смертные приговоры, потому что они не должны забывать, что основатель ихъ религіи, нашъ Спаситель, былъ безвинно осужденъ и распятъ!—Ну, вотъ еще!—снова начала тоненькая дама, и тоненькія губы ея засмѣялись;—да если бъ не вѣшали такихъ поддѣлывателей, такъ ни одинъ богатый человѣкъ не могъ бы быть спокоенъ за свое состояніе; на примѣръ, толстый еврей въ Ломбардъ-стритѣ, или нашъ другъ сэръ Скоттъ, подписи котораго поддѣлывали такъ искусно. А вѣдь сэръ Скоттъ пріобрѣлъ свое состояніе тяжелыми трудами; говорятъ даже, что онъ разбогатѣлъ оттого, что за деньги бралъ на себя болѣзни другихъ. И теперь еще уличные мальчишки бѣгаютъ за нимъ и кричатъ: «я дамъ тебѣ сиксъ-пенсъ, если ты возьмешь мою зубную боль; мы дадимъ тебѣ шиллингъ, если ты возьмешь горбъ Готфрида...—Любопытно,—перебила толстая:—любопытно, что черный Вильямъ и Томсонъ были до сихъ поръ отличными товарищами, вмѣстѣ жили, и ѣли, и пили, а теперь Эдвардъ Томсонъ обвиняетъ своего стараго друга въ поддѣлываніи подписей! Отчего, однако, сестра Томсона не здѣсь? Вѣдь она всюду бѣгаетъ за своимъ милымъ Вильямомъ? — Молодая, красивая женщина, на миломъ лицѣ которой лежало мрачное уныніе, какъ черный вуаль на цвѣтущей розовой вѣткѣ, стала рассказывать шопотомъ длинную плаксивую исторію, изъ которой я понялъ только, что пріятельницу рассказчицы, красавицу Мэри, крѣпко избилъ братъ и что она лежитъ при смерти. — Не называйте ее, пожалуйста, красавицею,—сердито проговорила толстая:—куда такой тощей быть красавицей! А еще какъ повѣсятъ ея Вильяма...

Въ эту минуту въ залу воротились присяжные и объявили, что обвиненный виновенъ въ поддѣлѣ чужой подписи.

Чернаго Вильяма повели изъ залы, и выходя, онъ бросилъ долгій, долгій взглядъ на Эдварда Томсона.

По одной сѣверной сагѣ, дьяволъ былъ прежде ангеломъ и жилъ въ небѣ съ другими ангелами до тѣхъ поръ, пока не вздумалъ склонять ихъ къ отпаденію отъ Бога; за это Богъ низвергнулъ его въ вѣчную тьму ада. Но во время паденія онъ все смотрѣлъ въ вышину, все смотрѣлъ на ангела, донесшаго на него, и чѣмъ глубже онъ падалъ, тѣмъ страшнѣе и страшнѣе становился его взглядъ... И, вѣроятно, это былъ недобрый взглядъ, потому что ангель, на котораго упалъ онъ, поблѣднѣлъ, и румянецъ не вернулся болѣе на его щеки, и называется онъ съ тѣхъ поръ ангеломъ смерти.

Блѣдень, какъ ангель смерти, сталъ Эдвардъ Томсонъ.

VI.

НОВОЕ МИНИСТЕРСТВО.

Прошедшимъ лѣтомъ я познакомился въ Бедламѣ съ однимъ философомъ, который таинственными взглядами и шопотомъ сообщилъ мнѣ много важныхъ свѣдѣній о происхожденіи въ мірѣ зла. Какъ большая часть его собратій, онъ также полагалъ, что тутъ, должно-быть, принято историческое основаніе. Что касается до меня, я тоже согласился съ этимъ мнѣніемъ и объявилъ, что главная причина существованія въ мірѣ зла заключается въ томъ, что Богъ создалъ слишкомъ мало денегъ.

— Ты правъ, — отвѣчалъ философъ; — когда создался міръ, на свѣтѣ было очень мало денегъ. Пришлось занимать деньги у чорта и заложить ему всю вселенную. А такъ какъ этотъ залогъ еще до сихъ поръ не выкупленъ, то изъ деликатности чорту не запрещаютъ вмѣшиваться въ управленіе міромъ и творить въ немъ смуты и зло. Но чортъ, съ своей стороны, весьма заинтересованъ въ томъ, чтобы міръ не погибъ и, слѣдовательно, не лишилась всякой цѣны данная ему закладная; вслѣдствіе этого онъ остерегается поступать слишкомъ неосмотрительно, сдерживаетъ себя, и такъ какъ для его должниковъ очевидно, что въ корыстолюбіи чорта заключается тайная гарантія сохраненія вселенной, то ему довѣряется иногда даже полное управленіе міромъ, т. е. поручается составить министерство. Въ этихъ случаяхъ

понятно, что дѣлается: Саміель получаетъ начальство надъ адскими войсками, Вельзевулъ становится канцлеромъ, Видлищупци — государственнымъ секретаремъ, старая бабушка дѣлается правительницею колоній и т. п. Эти союзники начинаютъ распоряжаться по-своему, и такъ какъ корыстолюбіе заставляеть ихъ, вопреки своему злему сердцу, смотрѣть за тѣмъ, чтобы міръ не погибъ, то они вознаграждаютъ себя за это принужденіе тѣмъ, что для хорошихъ цѣлей употребляютъ всегда самыя гнусныя средства. Недавно они довели эту методу до такой степени, что ихъ прогнали и поручили доброму духу составить новое министерство. Около этого духа сгруппировались такіе же добрые. Отрадная теплота снова разлилась по землѣ, сдѣлалось свѣтло, и злые духи исчезли. Но они все-таки не сложили когтей, тайно работаютъ противъ всего добраго, отравляютъ новые цѣлебные источники, злобно разрываютъ каждую розовую почку новой весны, разрушаютъ дерево жизни, хаотическая погибель снова грозитъ всему и, пожалуй, чорту снова поручатъ вступить въ управленіе вселенной, чтобы удержать и сохранить ее хотя бы самыми скверными средствами. Вотъ видишь, каковы вредныя послѣдствія долга».

Эти слова моего бедламскаго пріятеля были, можетъ-быть, объясненіемъ теперешней перемѣны англійскаго министерства. Пораженіе грозитъ друзьямъ Каннинга, которыхъ я называю добрыми духами Англии, потому что противники ихъ — черти ея; эти послѣдніе, имѣя во главѣ глупаго чорта Веллингтона, выпускаютъ теперь побѣдные клики. Пусть никто не обвиняетъ бѣднаго Георга — онъ долженъ былъ подчиниться обстоятельствамъ. Нельзя отрицать, что послѣ смерти Каннинга виги не были въ состояніи поддерживать спокойствіе въ Англии, потому что мѣры, принимавшіяся ими съ этою цѣлью, постоянно уничтожались торіями. Вслѣдствіе этого, король, считающій главнымъ дѣломъ сохраненіе общественнаго спокойствія, т. е. безопасность своей короны, долженъ былъ снова отдать въ руки торіевъ управленіе государствомъ. И ахъ, теперь они снова, какъ прежде, будутъ таскать въ свои мѣшки всѣ плоды народнаго трудолюбія; они, подобно правящимъ жидамъ-ростовщикамъ, будутъ повышать цѣну своего хлѣба. Джонъ Буль похудѣетъ отъ голода; онъ, наконецъ, чтобы добыть себѣ кусочекъ хлѣба, закрѣпоститъ себя великимъ вельможамъ, они запрыгутъ его въ плугъ и станутъ погонять плетью,

и онъ не посмѣетъ даже мычать, потому что съ одной стороны грозить ему герцогъ Веллингтонъ съ мечомъ, а съ другой—бьетъ его по головѣ книгою архіепископъ кентерберійскій—и во всемъ государствѣ водворится спокойствіе.

Источникъ этого зла заключается въ долгѣ, the national debt, или, какъ говорить Коббеттъ, the king's debt. Коббеттъ именно справедливо замѣчаетъ: «Между тѣмъ, какъ названію всѣхъ другихъ учреждений предшествуетъ имя короля, напр., the king's army, the king's navy, the king's courts, the king's prisons и пр., долгъ, собственно образовавшійся вслѣдствіе этихъ учреждений, никогда не называется the king's debt, и это единственный случай, въ которомъ нація дѣлаютъ честь назвать что-нибудь по ея имени».

Величайшее зло составляетъ долгъ. Правда, въ немъ заключается причина того, что англійское государство не уничтожится и что даже самые злые черти не могутъ его разрушить; но въ то же время онъ причина и того, что вся Англія сдѣлалась большою мельницею, на которой народъ долженъ день и ночь работать, чтобы кормить своихъ кредиторовъ,—что Англія, вслѣдствіе заботъ объ уплатѣ, старѣетъ и сѣдѣетъ и лишается всѣхъ свѣтлыхъ юношескихъ чувствъ,—что Англія, какъ обыкновенно случается съ сильно задолжавшими людьми, дошла до самой тупой покорности и не знаетъ, какъ помочь себѣ, несмотря на то, что въ лондонскомъ Туэрѣ хранятся 900.000 ружей и столько же сабель и штыковъ, и что съ сторожами его жирными красносюртучными мясофдами, можно было бы легко справиться.

VII.

ДОЛГЪ.

Когда я былъ еще очень молодъ, три вещи особенно интересовали меня въ газетахъ. Во-первыхъ, подъ рубрикою «Великобританія» я сейчасъ же искалъ, не подалъ ли Ричардъ Мартинъ въ парламентъ новую просьбу о болѣе кроткомъ обращеніи съ бѣдными лошадьми, собаками и ослами. Затѣмъ, подъ рубрикою «Франкфуртъ» я искалъ, не вступился ли снова передъ союзнымъ сеймомъ г. докторъ Шрейберъ за покушниковъ великогерцогскихъ гессенскихъ

извѣній. Потомъ я тотчасъ же переходилъ къ Турціи и прочитывалъ длинный *premier—Constantinople* только для того, чтобы узнать, не удушилъ ли себя шелковымъ шнуркомъ какой-нибудь новый великій визирь.

Это послѣднее обстоятельство всегда служило мнѣ самою обильною пищею для размышленій. Что деспотъ безъ всякой церемоніи душитъ своихъ рабовъ, это я находилъ весьма естественнымъ. Вѣдь случилось же мнѣ увидѣть однажды въ звѣринцѣ, какъ царь звѣрей пришелъ въ такой величественный гнѣвъ, что, конечно, разорвалъ бы многихъ невинныхъ зрителей, не будь онъ запертъ въ надежной конституціи, составленной изъ желѣзныхъ прутьевъ. Но сильно удивляло меня то обстоятельство, что послѣ удушенія старараго великаго визиря всегда находился кто-нибудь, имѣвшій охоту сдѣлаться визиремъ.

Теперь, когда я сдѣлался немного старше, и занимаюсь больше англичанами, чѣмъ ихъ друзьями-турками, мною овладѣваетъ аналогичное изумленіе, когда я вижу, что послѣ отставки англійскаго перваго министра, на его мѣсто сейчасъ же старается попасть другой, и этотъ другой— всегда челоуѣкъ, имѣющій возможность хорошо прожить и безъ этой должности, и притомъ (исключая Веллингтона) совсѣмъ не дуракъ. Удивляетъ это меня потому, что всѣ англійскіе министры, несущіе эту тяжелую должность дольше одного семестра, погибаютъ страшнѣе, чѣмъ посредствомъ шелковаго шнурка. Особенно часто это начало повторяться со времени французской революціи; заботы и лишенія увеличились въ Доунингъ-стритѣ, и бремя дѣлъ сдѣлалось почти невыносимо.

Въ былое время житейскія дѣла были гораздо проще, и остроумные поэты сравнивали государство съ кораблемъ, а министра—съ его кормчимъ. Теперь же все сдѣлалось сложнѣе и запутаннѣе, обыкновенный государственный корабль превратился въ пароходъ, и министру приходится теперь уже не управлять простымъ рулемъ, а стоять отвѣтственнымъ механикомъ среди множества машинъ, внимательно слѣдить за каждымъ винтикомъ, каждымъ маленькимъ колесомъ, смотрѣть день и ночь въ пылающую печь и постоянно потѣть отъ жары и заботъ; потому что стоитъ только ему сдѣлать малѣйшую оплошность, и котель можетъ лопнуть, и весь корабль съ экипажемъ пойти ко дну. А въ это время капитанъ и пассажиры спокойно прохаживаются по палубѣ, спокойно развѣвается флагъ на боковой мачтѣ,

и кто смотреть на это спокойное плаваніе, тотъ не подозрѣваетъ, какія опасныя машины и какія заботы и опасенія скрыты въ желудкѣ этого корабля.

Преждевременною смертью погибають эти бѣдныя отвѣтственные механики англійскаго государственнаго корабля. Трогательна ранняя смерть великаго Питта, еще трогательнѣе смерть болѣе великаго Фокса. Персиваль тоже умеръ бы отъ обыкновенной министерской болѣзни, если бы кинжалъ убійцы не отправилъ его раньше. Эта же самая министерская болѣзнь довела лорда Кестльри до такого отчаянія, что онъ перерѣзалъ себѣ горло въ Нортъ-Крей, мѣстечкѣ графства Кентъ. Лордъ Ливерпуль вслѣдствіе того же сошелъ съ ума. Каннингъ, богоподобный Каннингъ, на нашихъ глазахъ отравленный клеветами высокородныхъ торіевъ, палъ, точно больной Атласъ, подъ своимъ всемірнымъ бременемъ. Одинъ за другимъ собираются на вестминстерскомъ кладбищѣ эти бѣдныя министры, обязанные день и ночь думать о короляхъ Англій, между тѣмъ какъ эти послѣдніе, ни о чемъ не думая и здоровые, доживаютъ до самой глубокой старости.

Какъ называется, однако, великая забота, день и ночь бродящая въ головѣ англійскихъ министровъ и, наконецъ, убивающая ихъ? Она называется: *the debt*, долгъ.

Долгъ, точно такъ же, какъ патриотизмъ, религія, честь и т. п., принадлежать, правда, къ преимуществамъ человѣческаго рода—потому что животныя не имѣютъ долговъ—но въ то же время они составляютъ особое мученіе человѣческаго рода, разоряя и губя какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыя поколѣнія, какъ будто замѣняя древній *fatum* въ національныхъ трагедіяхъ нашего времени. Англія не можетъ спастись отъ этого фатума, ея министры видятъ приближеніе грозной опасности и умираютъ въ отчаянномъ сознаніи своего безсилія.

Будь я королевско-прусскій землемѣръ или членъ инженернаго корпуса, я перевелъ бы обычнымъ образомъ на зильберггроши всю сумму англійскаго долга и вычислилъ бы самымъ точнымъ образомъ, сколько разъ этими зильберггрошами можно было бы вымостить большую Фридрихову улицу или даже весь земной шаръ. Но въ ариметикѣ я никогда не былъ силенъ, и готовъ лучше передать какому-нибудь англичанину это фатальное дѣло счета англійскихъ долговъ и вычисленія по нимъ министерской скорби. Это дѣло никто не можетъ сдѣлать такъ хорошо, какъ ста-

рикъ Коббеттъ, и изъ послѣдняго нумера его Register я извлекаю слѣдующія свѣдѣнія:

«Дѣла находятся въ слѣдующемъ положеніи:

1. Это правительство, или, вѣрнѣе сказать, эта аристократія и церковь, или, пожалуй, это правительство взяло займы много денегъ, на которыя оно купило множество побѣдъ, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ—множество побѣдъ всякаго сорта и всякой величины.

2. Но я долженъ сначала объяснить, по какому поводу и съ какою цѣлью были куплены эти побѣды; поводомъ (occasion) послужила французская революція, уничтожившая всѣ *аристократическія привилегіи и десятинную подать духовенству*, цѣлью было предупрежденіе парламентской реформы въ Англіи, которая, вѣроятно, также повлекла бы за собою уничтоженіе всѣхъ аристократическихъ привилегій и десятинныхъ податей.

3. Для того, чтобы не допустить англичанъ послѣдовать примѣру французовъ, было необходимо нападать на французовъ, ставить преграды ихъ прогрессу, угрожать опасностью только-что добытой ими свободѣ, доводить ихъ до отчаянныхъ дѣйствій и, наконецъ, выставить революцію такимъ ужаснымъ дѣломъ, такую язву народовъ, чтобы подъ именемъ свободы англичане понимали только смѣсь зла, преступленій и крови, и чтобы англійскій народъ въ вызванной ужасомъ экзальтаціи былъ принужденъ, наконецъ, влюбиться въ то отвратительно-деспотическое правленіе, которое нѣкогда процвѣтало во Франціи и къ которому англичане всѣхъ временъ, начиная отъ царствованія Альфреда Великаго до Георга III, питали самое глубокое отвращеніе.

4. Для осуществленія этого плана правительству было необходимо содѣйствіе разныхъ иноземныхъ націй; вслѣдствіе этого означенныя націи получали англійскія субсидіи (subsidized), французскіе эмигранты содержались на англійскія деньги, однимъ словомъ, въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ велась война противъ того народа, который возсталъ противъ *аристократическихъ привилегій и десятинныхъ податей*.

5. Такимъ образомъ, наше правительство одержало «*несчетное число побѣдъ*» надъ французами, которые, какъ видно, постоянно терпѣли поражение; но эти наши несчетныя побѣды *покупались*, т. е. онѣ одерживались наемниками, которыхъ мы нанимали за деньги для этой цѣли, и на нашемъ жалованьи находились въ одно и тоже время

цѣлыя толпы французовъ, голландцевъ, швейцарцевъ, итальянцевъ, русскихъ, австрійцевъ, баварцевъ, гессенцевъ, ганноверцевъ, пруссаковъ, испанцевъ, португальцевъ, неаполитанцевъ, мальтійцевъ и Богъ вѣсть сколько еще другихъ націй.

6. Съ помощью этихъ наемныхъ воиновъ и нашихъ собственныхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ мы *купили* такое множество побѣдъ надъ французами, которые, бѣдняки, не имѣли денегъ, чтобы быть въ возможности сдѣлать тоже самое, что, наконецъ, подавили ихъ революцію, возстановили до нѣкоторой степени ихъ аристократію, но никакими средствами не могли возстановить также десятиныя подати.

7. Счастливо выполнивъ эту великую задачу и вслѣдствіе этого тоже выгнавъ изъ Англіи парламентскую реформу, наше правительство испустило громкое побѣдное мычаніе; при этомъ оно немало напрягало свои легкія и громко поддерживалось всѣми тѣми тварями Англіи, которыя тѣмъ или другимъ способомъ питались общественными налогами.

8. Почти два года чрезмѣрно ликовала эта, въ то время столь счастливая, нація; она торжествовала свои побѣды празднествами, народными играми, триумфальными арками, кулачными боями и т. п. увеселеніями, стоившими больше четверти милліона ф. ст.—и нижній парламентъ единогласно постановилъ выдать громадную сумму (кажется, 3 м. ф. ст.) на постройку триумфальныхъ арокъ, колоннъ и другихъ памятниковъ для увѣковѣченія «*славныхъ побѣдъ войны*».

9. Съ того времени мы имѣли счастье постоянно жить подъ управленіемъ тѣхъ самыхъ людей, которые вели наши дѣла въ вышеупомянутой славной войнѣ.

10. Съ того времени мы постоянно жили въ ненарушимомъ мирѣ съ цѣлымъ свѣтомъ; можно сказать, что и теперь этотъ миръ продолжается, несмотря на наши маленькія антрактныя драки съ турками. Поэтому нѣтъ, кажется, никакой причины, мѣшающей намъ быть счастливыми: мы вѣдъ наслаждаемся миромъ, наша земля отличается большимъ урожаемъ, и судя по признанію всемірныхъ мудрецовъ и законодателей нашего времени, мы—просвѣщенѣйшая нація на всемъ земномъ шарѣ. Дѣйствительно, у насъ повсюду заведены школы для обученія подростающаго поколѣнія; въ каждомъ церковномъ округѣ королевства мы имѣемъ не только одного ректора, или викарія, или попечителя, но, кромѣ того, шесть учителей богословія, изъ которыхъ каждый совсѣмъ иного сорта, чѣмъ его товарищи; такимъ обра-

зомъ, наша страна достаточно снабжена учебными заведениями всякаго рода, и ни одинъ житель этой счастливой страны не можетъ пребывать въ состояніи невѣжества. Въ виду этого, мы тѣмъ сильнѣе изумляемся, что человѣкъ, которому предстоитъ сдѣлаться первымъ министромъ этой счастливой страны, смотритъ на свою должность, какъ на тяжелое и опасное бремя.

11. Ахъ, на нашу долю выпало только одно несчастье, и это — истинное несчастье. Какъ выше сказано, мы купили нѣсколько побѣдъ, побѣдъ отличныхъ, эта покупка была хорошая афера, эти побѣды стоили въ три или четыре раза дороже того, что мы заплатили за нихъ—какъ обыкновенно говоритъ г-жа Туицль своему мужу, когда возвращается съ рынка домой—запросъ на побѣды былъ огромный; словомъ, мы поступили, какъ нельзя умнѣе тѣмъ, что за такую дешевую цѣну купили себѣ такую огромную порцію славы.

12. Но—сознаюсь съ сокрушеннымъ сердцемъ—мы, какъ и многіе другіе люди, *взяли займы* тѣ деньги, на которыя мы купили эти побѣды, когда нуждались въ этихъ побѣдахъ, отъ которыхъ теперь не можемъ никакимъ образомъ освободиться, какъ не можетъ освободиться отъ жены мужъ, имѣвшій разъ счастье надѣть на себя милый хомутъ.

13. Вотъ почему каждый министръ, вступающій въ управленіе нашими дѣлами, долженъ также заботиться объ уплатѣ за наши побѣды, такъ какъ, собственно говоря, за нихъ не уплачено еще ни одного пенса.

14. Правда, ему не зачѣмъ хлопотать объ уплатѣ всѣхъ денегъ, занятыхъ нами, т.-е. капитала и процентовъ разомъ; но правильно платить *проценты* онъ, къ сожалѣнію, долженъ во что бы то ни стало. А эти проценты, въ соединеніи съ жалованьемъ арміи и другими расходами, происшедшими отъ нашихъ *побѣдъ*, такъ значительны, что человѣкъ, принимающій на себя заботу объ уплатѣ этой суммы, долженъ имѣть довольно сильные нервы.

15. Въ прежнее время, когда мы еще не задавали себѣ задачи покупать побѣды и щедро снабжать себя славой, нашъ долгъ составлялъ уже немного больше *двухсотъ милліоновъ*; между тѣмъ, всѣ деньги бѣдныхъ въ Англіи и Уэльсѣ приносили ежегодно не больше *двухъ милліоновъ*, и на насъ не лежало еще то бремя, которое намъ взвалили теперь на плечи подъ названіемъ *dead-weight* и которое одолжено своимъ происхожденіемъ единственно нашей жаждѣ славы.

16. Кромѣ этихъ денегъ, *занятыхъ* у кредиторовъ, кото-

рые ссудили ихъ добровольно, наше правительство, руководимое жаждою *побѣдъ*, сдѣлало также косвенный большой заемъ у *бѣдныхъ*, т. е. оно увеличило обыкновенныя пошлыны до такой степени, что бѣдные были поставлены въ болѣе стѣснительное положеніе, чѣмъ когда-либо и что число бѣдныхъ и денегъ бѣдныхъ, приняло громадныя размѣры.

17. Въмѣсто прежнихъ *двухъ милліоновъ* деньги бѣдныхъ стали составлять ежегодно *восемь милліоновъ*; но бѣдные также пользуются, такъ сказать, гипотечнымъ правомъ, правомъ закладной; такимъ образомъ, здѣсь снова составляется долгъ въ *шесть милліоновъ*, которые надо причислить къ другимъ долгамъ, порожденнымъ нашею страстью къ славлѣ и покупкѣ *нашихъ побѣдъ*.

18. *Dead-weight* состоитъ изъ пожизненныхъ рентъ, которыя мы, подъ названіемъ пенсій, выдаемъ множеству мужчинъ, женщинъ и дѣтей, въ награду за услуги, которыя эти мужчины оказали или должны были оказать при одержаніи нашихъ побѣдъ.

19. Долгъ, заключенный этимъ правительствомъ для покупки побѣдъ, состоитъ, приблизительно, изъ слѣдующихъ суммъ:

Прибавилось къ національному долгу .	800.000.000 ф. ст.
Прибавилось къ долгу бѣдныхъ . . .	150.000.000 » »
<i>Dead-weight</i>	175.000.000 » »

Итого 1.125.000.000 ф. ст.

Т. е. *тысяча сто двадцать пять милліоновъ* составляетъ тотъ капиталъ, на который, считая по 5⁰/₁₀₀, должно платиться ежегодно 56 милліоновъ процентовъ. Дѣйствительно, таковъ онъ, приблизительно, въ настоящее время, только долгъ бѣдныхъ не вносится въ счета, представляемые парламенту, такъ какъ страна немедленно и непосредственно уплачиваетъ его въ различныхъ церковныхъ округахъ. Поэтому, если вычестъ изъ пятидесяти шести милліоновъ вышеозначенные шесть, то оказывается, что долгъ государственный и *dead-weight* поглощаютъ все остальное.

20. Но деньги бѣдныхъ составляютъ такой же *долгъ*, какъ и долгъ государственный, и оба они, очевидно, произошли изъ одного и того же источника. Страшное бремя налоговъ совсѣмъ придавило бѣдныхъ; оно отяготило и всѣхъ другихъ, но всѣ другіе сумѣли такъ или иначе сбросить его съ своихъ плечъ, и оно обрушилось, наконецъ, всею своею ужасною тяжестью исключительно на бѣдныхъ. Они лиши-

лись своихъ пивныхъ кружекъ, оловянныхъ тарелокъ, стѣнныхъ часовъ, постелей и даже ремесленныхъ инструментовъ; они лишились платья и должны были ходить въ лохмотьяхъ; они лишились мяса своихъ костей. Дальше нельзя было идти, и изъ того, что у нихъ взяли, имъ отдали нѣкоторую часть, назвавъ эту послѣднюю увеличеннымъ капиталомъ бѣдныхъ. Такимъ образомъ, этотъ капиталъ — *истинный долгъ*, имѣющій полное право на достояніе всего государства, какъ отданное ему въ залогъ. Конечно, уплату процентовъ по этому долгу можно задержать, но если бы это случилось, то лица, которымъ слѣдовало бы получить ихъ, пришли бы всею массой и потребовали бы уплаты всего капитала. Такимъ образомъ, это *дѣйствительный долгъ*, и такой, который уплатятъ до послѣдней копейки, да кромѣ того — положительно утверждаю это — ему дадутъ предпочтеніе предъ всѣми другими долгами.

21. Не слѣдуетъ поэтому слишкомъ удивляться, что люди, принимающіе на себя управление такими дѣлами, чувствуютъ всю затруднительность своего положенія. Удивляться слѣдуетъ тому, что вообще находятся люди, рѣшающіе братья за эту обузу, когда имъ не предоставляется по собственному усмотрѣнію радикально измѣнить всю систему.

22. Къ этому присоединяется слѣдующее обстоятельство: государственный долгъ и долгъ *dead-weight*, или, лучше сказать, проценты ихъ прежде платили бумажными деньгами, имѣвшими такой низкій курсъ, что 15 шиллинговъ стоили почти столько же, сколько винчестерская мѣрка пшеницы. Такъ поступали въ продолженіе очень многихъ лѣтъ; но въ 1819 г. одинъ глубокомысленный министръ, сэръ Пиль, сдѣлалъ важное открытіе, что для націи будетъ лучше, если она станетъ платить свои долги настоящими деньгами, дѣйствительными деньгами, которыхъ пять шиллинговъ, вмѣсто пятнадцати шиллинговъ бумажныхъ, стоятъ столько же, сколько винчестерская мѣрка пшеницы.

23. *Номинальная сумма* не была ни разу измѣнена. Она всегда оставалась въ одинаковомъ положеніи, никакой перемѣны не произошло, когда сэръ Пиль и парламентъ *измѣнили стоимость суммы* и потребовали, чтобы долгъ уплачивали такими деньгами, по какимъ пять шиллинговъ стоятъ столько же, сколько пятнадцать шиллинговъ того курса, по которому былъ заключенъ долгъ и платились проценты въ продолженіе очень многихъ лѣтъ.

24. Вслѣдствіе этого, отъ 1819 г. до нынѣшняго дня,

нація находилась въ самомъ безотрадномъ положеніи; ея поѣдали кредиторы, которые обыкновенно бываютъ изъ евреевъ, или, лучше сказать, изъ христіанъ, поступающихъ какъ евреи, и которыхъ нельзя было заставить не такъ жадно бросаться на свою добычу.

25. Нѣсколько попытокъ было сдѣлано для того, чтобы нѣкоторымъ образомъ смягчить послѣдствія измѣненія, сдѣланнаго въ 1819 г. въ курсѣ денегъ; но эти попытки не удались и однажды чуть не взорвали на воздухъ всю систему.

26. Помочь затруднительному положенію невозможно стараніемъ понижать ежегодную уплату долговъ государственнаго и *dead-weight*; для такого пониженія долга, для того, чтобы воспрепятствовать этому пониженію произвести великіе перевороты, для того, чтобы не допустить полмилліона людей въ Лондонѣ и вокругъ него умереть съ голода—необходимо прежде приняться за *другія* пониженія, гораздо болѣе сообразныя съ обстоятельствами, прежде чѣмъ пытаться понизить два вышеупомянутыхъ долга, или платимые на нихъ проценты.

27. Какъ мы уже видѣли, побѣды были куплены съ цѣлью недопущенія въ Англій парламентской реформы и сохраненія аристократическихъ привилегій и десятичныхъ податей; поэтому было бы страшнымъ злодѣяніемъ, если бы мы отняли законные проценты у тѣхъ людей, которые дали намъ взаймы деньги, или не платили бы ихъ тѣмъ, кто отдалъ намъ въ наймы руки, съ помощью которыхъ мы приобрѣли побѣды; мы совершили бы злодѣяніе, которое навлекло бы на насъ мщеніе Бога, если бы поступили такимъ образомъ, въ то же время оставивъ неприкосновенными доходныя почетныя должности аристократіи, ея пенсіи, синекуры, королевскія пожалованія, награды военныхъ и, наконецъ, даже десятичныя подати!

28. Такимъ образомъ, *вотъ въ чемъ, вотъ въ чемъ* заключается трудность. Кто становится министромъ, тотъ становится министромъ въ странѣ, которая имѣла большую страсть къ *побѣдамъ*, дѣйствительно приобрѣла значительное число ихъ, а съ ними и неслыханное количество военной славы, но, къ сожалѣнію, по сію пору не заплатила за всѣ эти великолѣпія и теперь предоставляетъ министру расквитаться, тогда какъ онъ не знаетъ, откуда ему взять денегъ.

Все это вещи, способныя вогнать министра въ могилу, или, по крайней мѣрѣ, свести съ ума. У Англій больше дол-

говъ, чѣмъ сколько она можетъ заплатить. Пусть только не хвастается она, что владѣетъ Индіею и богатыми колоніями. Изъ послѣднихъ парламентскихъ дебатовъ видно, что англійское государство не только не получаетъ ни гроша дохода изъ своей великой, безмѣрной Индіи, но еще само должно посылать туда по нѣсколько милліоновъ субсидіи. Эта страна приноситъ Англійи пользу только въ томъ отношеніи, что отдѣльные англичане, обогащающіеся въ ней, содѣйствуютъ своими сокровищами развитію промышленности и денежному обращенію метрополіи, а тысяча другихъ зарабатываютъ хлѣбъ службою въ индійской компаніи. Колоніи тоже не приносятъ государству никакихъ доходовъ, тоже нуждаются въ денежной поддержкѣ и способствуютъ развитію торговли и обогащенію аристократіи, члены которой по непотизму посылаются туда въ качествѣ губернаторовъ и второстепенныхъ чиновниковъ. Вслѣдствіе этого уплата національнаго долга падаетъ исключительно на Великобританію и Ирландію. Но и въ этихъ странахъ доходы ниже суммы долга. Здѣсь мы предоставимъ говорить снова Коббетту:

«Есть люди, которые, желая указать на нѣчто въ родѣ исхода изъ затруднительнаго положенія, толкуютъ о *ресурсахъ государства*. Эти люди—ученики покойнаго Колькгоуна, поимщика воровъ, написавшаго большую книгу, чтобы доказать, что нашъ долгъ не долженъ вызывать въ насъ ни малѣйшаго опасенія, потому что онъ ничтоженъ въ сравненіи съ ресурсами націи; для того же, чтобы его умные читатели могли получить ясную идею о неизмѣримости этихъ ресурсовъ, авторъ произвелъ оцѣнку всего существующаго въ государствѣ, не упустилъ изъ виду даже *кроликовъ* и, повидимому, даже сожалѣлъ, что не могъ включить въ этотъ счетъ крысъ и мышей. Онъ *оцѣнилъ* все: лошадей, коровъ, овецъ, дичь, поросятъ, кроликовъ, рыбъ, домашнюю утварь, платье, дрова и свѣчи, пряности; потомъ, сведя итогъ всѣхъ этихъ цѣнностей, прибавивъ къ нимъ стоимость имѣній, деревьевъ, домовъ, родниковъ, доходъ отъ травы и пшеницы, рѣпу и ленъ, выведя, наконецъ, изъ всего этого сумму въ Богъ вѣсть сколько тысячъ милліоновъ, захихикалъ на шотландскій лукаво хвастливый манеръ, точно индѣйскій пѣтухъ, и съ язвительной усмѣшкой сталъ спрашивать подобныхъ мнѣ людей: что-жь, и при такихъ ресурсахъ вы все еще боитесь *національнаго банкротства*?

«Этотъ чловѣкъ не думалъ о томъ, что дома необходимы людямъ для того, *чтобы въ нихъ жить*, помѣстья—

для того; чтобы они доставляли кормъ, платья—для того, чтобы прикрывать наготу, коровы—для того, чтобы онѣ давали молоко, необходимое для утоленія жажды, рогатый скоть, овцы, свиньи, птицы и кролики—для того, чтобы ихъ ѣсть. Да, чортъ побери этого безсмысленнаго шотландца—эти вещи существуютъ не для того, чтобы ихъ *продавали* и деньгами стѣ продажи платили національные долги. Онъ вѣдь умудрился причислить къ ресурсамъ націи и поденную плату, получаемую рабочими! Этотъ глупый дьяволь-сыщикъ, котораго его шотландскіе братья произвели въ доктора за то, что онъ написалъ такую превосходную книгу, повидимому, совершенно забыть, что рабочіе сами нуждаются въ своей заработной платѣ для того, чтобы добывать себѣ на нее *тщю и тѣе*. Ужъ ему за-одно оцѣнить и стоимость крови въ нашихъ жилахъ, какъ вещество, изъ котораго во всякомъ случаѣ можно дѣлать кровавыя колбасы».

Такъ говоритъ Коббеттъ. Между тѣмъ, какъ я перевожу па нѣмецкій языкъ его слова, онъ самъ, какъ живой, встаетъ въ моемъ воспоминаніи, и какъ въ прошедшемъ году я видѣлъ его за шумнымъ обѣдомъ въ тавернѣ Crown and Anchor, такъ теперь снова вижу съ его бранчивымъ краснымъ лицомъ и радикальной улыбочкой, въ которой самая ядовитая смертельная ненависть ужасающе смѣшана съ язвительною радостью—предчувствіемъ неперемѣнной гибели враговъ.

Пусть никто не обвиняетъ меня въ томъ, что я цитирую Коббетта. Если бы и можно было упрекнуть его въ нечестности, жаднѣ злословія и черезчуръ грубомъ характерѣ, то нельзя, однако, согласиться, что онъ обладаетъ большимъ краснорѣчіемъ и часто, а особенно въ приведенныхъ выше строкахъ, говоритъ правду. Онъ—цѣпная собака, нападающая съ одинаковою яростью на всякаго, кого она не знаетъ, часто кусающая за икры самаго близкаго друга дома, бесполезно лающая и именно вслѣдствіе этой привычки лаять на встрѣчнаго и поперечнаго оставляемая безъ вниманія даже тогда, когда ея лай направленъ на дѣйствительнаго вора. Потому-то знатные воры, грабящіе Англію, не считаютъ нужнымъ бросать лающему Коббетту кусокъ хлѣба, чтобъ заткнуть ему пасть. Это сильнѣе всего сердить собаку, и она точитъ голодные зубы.

Старый Коббеттъ! Собака Англіи! Я не люблю тебя, потому что мнѣ противно все грубое; но мнѣ жаль тебя до

глубины души, когда я вижу, какъ ты не можешь совраться съ цѣпи и схватить этихъ воровъ, которые, смѣясь, протаскиваютъ мимо тебя свою добычу и издѣваются надъ твоими тщетными прыжками и безсильнымъ воемъ.

VIII.

ОППОЗИЦИОННЫЯ ПАРТІИ.

Одинъ изъ моихъ друзей весьма мѣтко сравнилъ оппозиционную партію въ парламентѣ съ оппозиционнымъ экипажемъ. Извѣстно, что оппозиционнымъ экипажемъ называется общественный дилижансъ, который какая-нибудь спекулирующая компанія устраиваетъ на свой счетъ и пускаетъ въ ѣзду по такимъ дешевымъ цѣнамъ, что пассажиры охотно отдаютъ новому экипажу преимущество передъ прежними. Тогда эти послѣдніе видятъ себя въ необходимости тоже понизить свою таксу, чтобы удержать своихъ пассажировъ, но скоро являются новые оппозиционные экипажи, и старые разоряются такою конкуренціею и, наконецъ, принуждены совсѣмъ перестать ѣздить. Когда же оппозиционный экипажъ одержалъ такимъ образомъ побѣду и останется единственнымъ экипажемъ на извѣстномъ пространствѣ, то онъ начинаетъ возвышать цѣну, часто даже доводитъ ее выше цѣнъ, существовавшихъ въ вытѣсненныхъ экипажахъ, и бѣдный пассажиръ не только нечего не выигралъ, но часто еще и проигралъ; и платитъ онъ, и проклинаетъ до тѣхъ поръ, пока новый оппозиционный экипажъ возобновляетъ прежнюю тактику и являются новыя надежды и новыя разочарованія.

Какое высокомеріе овладѣло вигами, когда партія Стюартовъ пала и на англійскій престолъ вступила протестантская династія! Торіи составляли въ то время оппозицію, и Джонъ Буль, бѣдный государственный пассажиръ, имѣлъ основаніе заревѣть отъ радости, когда они снова стали во главѣ правленія. Но радость его была непродолжительна; каждый годъ ему приходилось выдавать все больше и больше денегъ за проѣздъ, онъ платилъ много, а ѣздилъ скверно, извозчики, сверхъ того, были очень грубы, пассажиры получали только толчки, около каждой тумбы экипажъ грозилъ опрокинуться — и бѣдный Джонъ возблагодарилъ Господа, своего Создателя, когда недавно вожжи государственнаго экипажа попали въ лучшія руки.

Къ сожалѣнію, и эта радость длилась недолго: новый оппозиціонный кучеръ упалъ мертвый съ козелъ, другой боязливо слѣзъ съ нихъ, когда лошади испугались, и тогда старые кучера, старые всадники съ золотыми шпорами, снова заняли свои прежнія мѣста, и прежній бичъ зашелкалъ.

Я не хочу расписывать дальше эту картину и возвращаюсь къ словамъ: виги и торіи, которыя я употребилъ выше для обозначенія оппозиціонныхъ партій; нѣкоторое объясненіе этихъ названій будетъ, можетъ-быть, тѣмъ-плотворнѣе, что они уже давно служатъ къ смѣшенію понятій, заключающихся въ нихъ.

Какъ въ средніе вѣка названіе гвельфовъ и гибеллиновъ получали самыя неопредѣленные и противоположныя значенія каждый разъ, какъ измѣнялись интересы и событія, такъ въ послѣдствіи въ Англій измѣнялось значеніе словъ виги и торіи, способъ происхожденія которыхъ едва ли можетъ быть опредѣленъ съ точностью. Одни утверждаютъ, что прежде это были насмѣшливыя прозвища, сдѣлавшіяся потомъ честными названіями партій; это, впрочемъ, часто случается; такъ, напримѣръ, гезы сами себя назвали насмѣшливымъ именемъ нищихъ — *les gueux*, какъ въ послѣдствіи якобинцы иногда называли сами себя сан-кюлотами, а нынѣшніе сервиллисты и обскуранты, можетъ-быть, въ послѣдствіи будутъ прилагать къ себѣ эти названія, какъ совершенно почетныя, чего теперь, конечно, они еще сдѣлать не могутъ. Слово «вигъ», повидимому, означало въ Ирландіи нѣчто непріятное, кислое и было употреблено тамъ въ первый разъ для насмѣшки надъ пресвитеріанами или вообще всякой новой сектою. Слово «торі», сдѣлавшееся въ это же время названіемъ партіи, означало въ Ирландіи нѣчто въ родѣ грязненькаго вора. Оба эти прозвища съ теченіемъ времени вошли въ употребленіе при Стюартахъ, во время раздоровъ между сектами и господствующею церковью.

По общепринятому мнѣнію, партія торіевъ стоитъ совершенно на сторонѣ трона и защищаетъ права короны, а виги, напротивъ того, склоняются больше на сторону народа и защищаютъ его права. Но это опредѣленіе весьма неясно и держится только въ книгахъ. На эти названія слѣдовало бы смотрѣть скорѣе, какъ на названіе узкихъ партійныхъ кружковъ. Они обозначаютъ людей, которые сходятся въ извѣстныхъ спорныхъ вопросахъ, которыхъ предки и друзья

также сходились по тому же поводу и которые, во время политических бурь, обыкновенно переносят сообща радость и бѣдствія и вражду противной партіи. О принципахъ здѣсь нѣтъ и рѣчи, члены партіи соглашаются между собой не насчетъ извѣстныхъ идей, но насчетъ извѣстныхъ мѣръ въ государственной администраціи, на счетъ уничтоженія или удержанія извѣстныхъ злоупотребленій, насчетъ извѣстныхъ билей, извѣстныхъ наслѣдственныхъ questions все равно, съ какой точки зрѣнія, большею частью по привычкѣ. Англичане не вводятся въ заблужденіе названіями партій. Когда они говорятъ о виггахъ, то не имѣютъ о нихъ такого опредѣленнаго понятія, какое мы, напр., имѣемъ о либералахъ, подъ которыми понимаемъ людей, совершенно согласныхъ между собою въ мнѣніи объ извѣстныхъ свободныхъ правахъ; англичане же, говоря о виггахъ, представляютъ себѣ внѣшній союзъ людей, изъ которыхъ каждый, судя по его образу мыслей, могъ бы самъ по себѣ образовать какъ бы отдѣльную партію и которые, какъ уже выше замѣчено, сражаются противъ торіевъ только вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ, случайныхъ интересовъ, пріятельскихъ и враждебныхъ отношеній. При этомъ мы не должны также представлять себѣ какую-нибудь борьбу противъ аристократовъ въ нашемъ смыслѣ; такъ какъ торіи, по своимъ чувствамъ, не аристократичнѣе вигговъ и часто даже не аристократичнѣе самаго сословія гражданъ, которые считаютъ аристократію столь же не измѣняемою, какъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, которое смотритъ на привилегіи дворянства и духовенства не только какъ на нѣчто полезное государству, но и какъ на природную необходимость, и готово, можетъ-быть, драться за эти привилегіи гораздо энергичнѣе, чѣмъ сами аристократы, именно потому, что оно вѣрило въ эти права сильнѣе, чѣмъ аристократія, большею частію потерявшая вѣру въ самое себя. Въ этомъ отношеніи на духъ англичанъ все еще лежитъ средневѣковая тьма; священная идея о гражданскомъ равенствѣ всѣхъ людей еще не освѣтила эту страну, и поэтому многихъ государственныхъ людей Англии, съ образомъ мыслей торіевъ, мы ни въ какомъ случаѣ не должны называть сервиллистами и причислять къ тѣмъ извѣстнымъ рабамъ-собакамъ, которые могли быть свободными и, несмотря на это, вернулись въ свою старую собачью конуру и оттуда лаютъ на солнце свободы.

Вслѣдствіе всего этого, для уразумѣнія англійской оппо-

зиці названія виговъ и торіевъ совершенно бесполезны, и справедливо замѣтилъ въ началѣ засѣданій парламента прошедшаго года Францисъ Бердеттъ, что эти названія утратили теперь всякое значеніе, а Томасъ Летбриджъ, котораго Творецъ міра и разума надѣлилъ не особенно большою долею остроумія, сказалъ, однако, по поводу этого замѣчанія Бердетта остроу, можетъ-быть, единственную въ своей жизни: «He has untoried the tories and unwhigged the whigs».

Больше значенія имѣютъ названія reformers, или radical reformers или просто radicals. Обыкновенно всѣ эти три названія считаются однозначущими; подъ всѣми ими подразумеваются люди, имѣющіе въ виду одно и то же государственное зло, стремящіеся къ одному и тому же устраненію его и отличающіеся между собою только болѣе или менѣе рѣзкою окраской. Это зло заключается въ извѣстномъ дурномъ способѣ народнаго представительства, по которому такъ-называемые rotten boroughs, забытыя, населенныя мѣстности, или, лучше сказать, олигархи, которымъ онѣ принадлежатъ, имѣютъ право посылать въ парламентъ народныхъ представителей, тогда, какъ большіе, населенные города, и именно многіе новые города фабричныя, не могутъ избирать ни одного представителя; спасительное устраненіе этого зла заключается въ такъ-называемой парламентской реформѣ. Конечно, на эту послѣднюю смотрятъ не какъ на цѣль, а какъ на средство. Надѣются, что съ помощью ея народъ получитъ возможность лучше защищать свои интересы, уничтожать аристократическія злоупотребленія и помогать себѣ въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ. Понятно, что парламентская реформа, это справедливое, законное дѣло, находитъ защитниковъ и въ средѣ умѣренныхъ людей, нимало не похожихъ на якобинцевъ; и когда этихъ людей называютъ reformers, то этому слову придаютъ совсѣмъ иное выраженіе, и въ этихъ случаяхъ оно совершенно противоположно слову radical, которое произносятъ съ совершенно другимъ удареніемъ, когда примѣняютъ его напр., къ Генту или Коббетту, и вообще къ тѣмъ рѣзкимъ революціонерамъ, которые требуютъ парламентской реформы для того, чтобы ниспровергнуть всѣ гражданскія формы и доставить побѣду корыстолюбію и полному господству черни. Вслѣдствіе этого отгѣнки въ образѣ мыслей корифеевъ этой партіи неисчислимы. Но, какъ я уже замѣтилъ, англичане очень хорошо знаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, имена не

вводятъ въ заблужденіе никого и публика отлично понимаетъ, гдѣ борьба производится только для вида и гдѣ она имѣетъ серьезный характеръ. Чисто парламентскіе раздоры въ продолженіе многихъ лѣтъ ничто иное, какъ праздная игра, турниръ, на которомъ бьются за цвѣтъ, выбранный по простой прихоти; но чуть только начинается война серьезная, каждый сгнѣшить стать подъ знамя своей естественной партіи. Это мы видѣли во время Каннинга. Самые сильные противники сошлись вмѣстѣ, когда дѣло зашло о борьбѣ за положительнѣйшіе интересы, торіи, виги и радикалы сошлись, точно одна фаланга, вокругъ отважнаго гражданина-министра, старавшагося смирить высокомеріе олигарховъ. Но я все-таки думаю, что ни одинъ высокородный вигъ, гордо сидѣвшій позади Каннинга, не преминулъ бы вступить въ прежнее Фоксгентовское родство, если бы внезапно рѣчь зашла объ уничтоженіи всѣхъ дворянскихъ правъ. Я думаю—(да простить мнѣ Господь этотъ грѣхъ!)— что даже Францисъ Бердеттъ, принадлежавшій въ юности къ самымъ рѣзкимъ радикаламъ, да и теперь еще не считающійся однимъ изъ кроткихъ reformers, тоже поспѣшилъ бы въ этомъ случаѣ занять мѣсто подлѣ сэра Томаса Летбриджа. Радикалы-плебеи чувствуютъ это очень хорошо и потому-то ненавидятъ такъ-называемыхъ виговъ, говорящихъ въ пользу парламентской реформы—ненавидятъ почти больше, чѣмъ прямо враждебныхъ имъ торіевъ.

Въ настоящую минуту англійская оппозиція состоитъ не столько изъ виговъ, сколько изъ reformers въ собственномъ смыслѣ. Глава оппозиціи въ нижнемъ парламентѣ, the leader of the opposition, безспорно принадлежитъ къ этой партіи. Я говорю о Брумѣ.

Рѣчи этого мужественнаго парламентскаго героя мы ежедневно читаемъ въ газетахъ и поэтому предполагаемъ, что образъ мыслей его извѣстенъ каждому. Менѣе извѣстны личныя характеристическія особенности, проявляющіяся при произнесеніи этихъ рѣчей; а между тѣмъ, чтобы вполне понимать эти послѣднія, нужно быть знакомымъ съ первыми. Поэтому я считаю умѣстнымъ привести здѣсь описаніе присутствія Брума въ парламентѣ, сдѣланное однимъ остроумнымъ англичаниномъ:

«На первой скамьѣ, по лѣвую руку оратора, сидитъ фигура, глядя на которую подумаешь, что она до тѣхъ поръ корпѣла при свѣтѣ своей кабинетной лампы, пока не только цвѣтъ жизни увянулъ въ ней, но и самая жизненная сила

начала уничтожаться. А между тѣмъ, именно эта, повидимому безпомощная, фигура привлекаетъ на себя взоры всего парламента; и стоитъ ей сдѣлать механическое, автоматическое движеніе для того, чтобы подняться съ мѣста, какъ всѣ стенографы позади насъ схватываются за карандаши и начинаютъ волноваться, вся галлерей плотно наполняется народомъ, и въ боковыя двери тоже тѣснится съ улицы толпа. Внизу, въ залѣ пробуждается такой же интересъ, ибо какъ только эта фигура медленно задвигается въ вертикальномъ изгибѣ своего тѣла, или—вѣрнѣе—въ вертикальномъ зигзагѣ неуклюже и крѣпко сплоченныхъ между собой линий,—парочка-другая рьяныхъ крикуновъ по обѣ стороны залы, старавшихся осадить другъ друга, быстро опускается снова на свои мѣста, точно подъ туникой оратора она замѣтила скрытое тамъ духовое ружье.

«Послѣ этого предварительнаго шума и во время мертвой тишины, наступающей за нимъ, Генрихъ Брумъ медленнымъ и осторожнымъ шагомъ приближается къ столу и останавливается тутъ въ согбенномъ положеніи, съ приподнятыми плечами, съ наклоненною впередъ головой; верхняя губа его и ноздри дрожатъ, какъ будто онъ боится произнести слово. Его видъ, вся его фигура напоминаютъ почти одного изъ тѣхъ проповѣдниковъ, которые ораторствуютъ на воздухѣ—проповѣдника не новаго времени, который привлекаетъ къ себѣ праздную толпу въ воскресенье, а древняго, старавшагося сохранять чистоту вѣры и распространять ее въ пустынѣ въ то время, когда ее изгоняли изъ городовъ и даже церквей. Звуки его голоса полны и мелодичны, но они вылетаютъ медленно, осторожно и, какъ представляется, глядя на него, съ большимъ трудомъ, такъ что не знаешь, духовная ли сила этого человѣка не можетъ совладать со своимъ предметомъ, или его физическая сила не позволяетъ ему свободно высказаться. Первый періодъ его рѣчи, или, вѣрнѣе, первые члены этого періода—(потому что съ самаго начала вы замѣчаете, что у него каждый періодъ, по формѣ и содержанию, богаче цѣлыхъ рѣчей другихъ людей)—холодны и неувѣренны, и вообще такъ далеки отъ предмета, о которомъ идетъ споръ, что слушатель не можетъ понять, какъ ораторъ перейдетъ къ этому предмету. Конечно, каждый изъ этихъ періодовъ глубоко ясенъ, очевидно выведенъ съ художественною разборчивостью изъ самыхъ отборныхъ матеріаловъ, и къ какой бы отрасли знанія онъ ни принадлежалъ, въ немъ всегда за

ключается чистѣйшая эссенція ея. Чувствуешь, что всѣ они направлены въ извѣстную сторону, и притомъ направлены съ энергическою силою; но эта сила все еще невидима, какъ вѣтеръ, и какъ неизвѣстно, откуда появляется и куда идетъ вѣтеръ, такъ неизвѣстно ея происхожденіе и направленіе.

«Когда же этихъ предварительныхъ положеній окажется достаточное число; когда ораторъ воспользовался всѣми вспомогательными положеніями, которыя человѣческая наука можетъ дать для упроченія заключительнаго вывода; когда каждое возраженіе побѣдоносно отбито однимъ ударомъ; когда все войско политическихъ и нравственныхъ истинъ стоитъ въ боевомъ порядкѣ—тогда оно подвигается впередъ на пути къ рѣшенію, плотно сомкнутое, какъ македонская фаланга, и непреодолимое, какъ войско горцевъ, идущихъ въ штыки.

«Выигравъ одинъ главный періодъ, при этихъ видимыхъ слабости и неувѣренности, за которыми скрываются дѣйствительная сила и твердость, ораторъ расправляетъ ростъ какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, и дѣлая болѣе короткое и болѣе отважное нападеніе, завоевываетъ второе главное положеніе. За вторымъ сдается третье, за третьимъ—четвертое, и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока, такъ-сказать, не покорятся всѣ принципы и вся философія спорнаго вопроса, пока каждый изъ сидящихъ въ парламентѣ, имѣющій уши, чтобъ слышать, и сердце, чтобъ чувствовать, не убѣдится въ справедливости услышанныхъ только-что истинъ также непреложно, какъ въ своемъ собственномъ существованіи, такъ что Брумъ, пожелай онъ остановиться здѣсь, уже ради этого могъ бы быть признанъ за безусловно величайшаго логика капеллы св. Стефана. Умственные ресурсы этого человѣка дѣйствительно изумительны, и онъ почти напоминаетъ ту древнесѣверную сказку, въ которой одинъ человѣкъ убилъ первыхъ знатоковъ въ каждой отрасли человѣческаго знанія и вслѣдствіе этого сдѣлался единственнымъ наслѣдникомъ умственныхъ способностей всѣхъ этихъ людей. Каковъ бы ни былъ характеръ предмета—возвышенный или обыденный, отвлеченный или практическій—Генрихъ Брумъ всегда знаетъ предметъ, и знаетъ весьма основательно. Другіе могутъ съ нимъ состязаться, могутъ даже превосходить его въ знаніи внѣшнихъ красотъ древней литературы, но никто не проникнуть глубже его тою великолѣпною и пламенною

философією, которая, какъ драгоцѣнный брильянтъ, блеститъ наружу изъ красивыхъ коробочекъ, завѣщанныхъ намъ древностью. Брумъ не говоритъ яснымъ, грамматически правильнымъ и при этомъ отчасти этикетнымъ языкомъ Цицерона; точно также его рѣчи не похожи по формѣ на рѣчи Демосѣна, хотя имѣютъ почти такую же окраску: но у него нѣтъ недостатка ни въ строго-логическихъ выводахъ римскаго оратора, ни въ страшныхъ гнѣвныхъ выраженіяхъ грека. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что никто не умѣетъ лучше Брума пользоваться въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ современными научными свѣдѣніями, такъ что эти рѣчи, даже независимо своихъ политическихъ тенденцій и политическаго значенія, достойны удивленія уже какъ просто лекціи по философіи, литературѣ и искусству.

«Совершенно невозможно, однако, анализировать характеръ этого человѣка въ то время, какъ онъ говоритъ. Когда онъ, какъ уже сказано выше, построитъ зданіе своей рѣчи на хорошей философской почвѣ и на днѣ разума; когда, еще разъ вернувшись, къ этой работѣ, онъ смѣряетъ все отвѣсомъ и аршиномъ, чтобы убѣдиться, что все въ порядкѣ, и точно щупаетъ зданіе исполнинской рукою, чтобы удостовѣриться, что оно не шатается; когда онъ свяжетъ мысли всѣхъ слушателей доводами такими же сильными, какъ канаты, порвать которые никто не въ состояніи,— тогда онъ энергически прыгаетъ на свое зданіе, вся его фигура и звукъ голоса вырастаютъ, онъ вызываетъ страсти изъ ихъ сокровеннѣйшихъ уголковъ, онъ покоряетъ и потрясаетъ разинувшихъ ротъ парламентскихъ членовъ и всю залу парламента. Тотъ голосъ, который былъ сначала такъ тихъ и безпритязателенъ, теперь походитъ на оглушительный шумъ и безконечныя волны моря; та фигура, которая, повидимому, падала подъ своей собственной тяжестью, теперь кажется надѣленной стальными нервами и мѣдными мышцами, точно она также безсмертна и непреходяща, какъ истины, только-что высказанныя ею; то лицо, которое сначала было холодно и блѣдно, какъ камень, теперь полно одушевленія и блеска, какъ будто внутренній духъ этого человѣка еще могущественнѣе произнесенныхъ имъ словъ: и изъ тѣхъ глазъ, которые сперва смотрѣли на насъ своими синими и спокойными зрачками такъ смиренно, какъ будто умоляли о снисхожденіи и прощеніи, теперь сверкаетъ метеорный огонь зажигающій во всѣхъ сердцахъ благоговѣй-

ное изумленіе. Такъ заканчивается вторая, страстная или декламаторская часть рѣчи.

«Достигнувъ того, что считается верхомъ ораторскаго искусства, какъ бы оглянувшись кругомъ для того, чтобы посмотрѣть съ насмѣшливой улыбкой на вызванное изумленіе, ораторъ снова съезживается, и голосъ его тоже превращается въ самый странный шопоть какой когда-либо вылеталъ изъ груди человѣка. Эта странная способность умѣрять, или—вѣрнѣе—совсѣмъ ослаблять силу выраженія, голосъ и движенія—способность, которою Брумъ владѣетъ въ такомъ совершенствѣ, какое не встрѣчается ни у какого другого оратора, производить удивительное впечатлѣніе, а глубоко-знаменательныя, торжественныя и почти сквозь зубы произносимыя въ концѣ слова, которыя, однако, явственно слышны до послѣдняго слога, исполнены силы волшебной, неодолимой даже тогда, когда слышишь ихъ въ первый разъ и еще не узналъ ихъ настоящаго значенія и дѣйствія. Но изъ этого охлажденія не слѣдуетъ заключать, что ораторъ или рѣчь его истощились. Эти болѣе спокойныя взгляды, эти болѣе глухіе звуки отнюдь не возвѣщаютъ начала такихъ словъ, которыми ораторъ, какъ будто почувствовать, что онъ зашелъ слишкомъ далеко, хочетъ снова успокоить своихъ противниковъ. Напротивъ, тогда это съезживание тѣла совсѣмъ не признакъ слабости, это пониженіе голоса совсѣмъ не вѣстникъ страха и покорности: это согнулся гладиаторъ, ищущій случая тѣмъ сильнѣе охватить своего противника, это прыжокъ назадъ тигра, для того, чтобы вѣрнѣе устремиться на свою добычу; это знакъ, что Генрихъ Брумъ надѣлъ на себя полное вооруженіе и взялъ въ руки самое сильное оружіе. Въ своихъ доводахъ онъ былъ ясенъ и убѣдителенъ; вызывая, точно волшебникъ, страсти, онъ явился немного высокомернымъ, но въ то же время могущественнымъ и побѣдоноснымъ; теперь же онъ кладетъ на свой лукъ послѣднюю, громаднѣйшую стрѣлу—теперь онъ будетъ страшенъ въ своихъ нападеніяхъ. Горе человѣку, въ котораго этотъ взглядъ, еще недавно столь спокойный и голубой, ударитъ пламенемъ изъ-подъ таинственной темноты этихъ опущенныхъ рѣсницъ! Горе негодяю, которому эти, шопотомъ произнесенныя слова предскажутъ гибель, носящуюся надъ его головою!

«Кто, какъ иностранецъ, сегодня, быть-можетъ, въ первый разъ пришелъ на галлерею парламента, не знаетъ, что сейчасъ произойдетъ. Онъ видитъ только человѣка, кото-

рыи убѣдилъ его своими доводами, согрѣлъ его своею страстностью и теперь, повидному, готовится сдѣлать весьма убогий, слабый выводъ этимъ страннымъ шопотомъ. О, новичокъ! если бы ты былъ знакомъ со всеми явленіями этого собранія и сидѣлъ на такомъ мѣстѣ, откуда тебѣ можно было бы видѣть всѣхъ членовъ парламента, ты скоро замѣтилъ бы, что эти члены думаютъ совсѣмъ не такъ, какъ ты, о слабомъ, убогомъ выводѣ изъ всей рѣчи; ты бы замѣтилъ, какъ многіе, пустившіеся въ плаваніе по этому бурному морю вслѣдствіе духа партіи или высомбрія, безъ нужнаго балласта и руля, теперь боязливо осматриваются кругомъ, какъ пловецъ на Китайскомъ морѣ въ ту минуту, когда на одной сторонѣ горизонта онъ видитъ мрачное спокойствіе, несомнѣнно возвѣщающее, что черезъ минуту съ другой стороны поднимется тифонъ со своимъ пагубнымъ дыханіемъ; ты бы замѣтилъ, какъ не одинъ умный человѣкъ чуть не плачетъ и объять ужасомъ, точно птичка, которая попала въ магическое сосѣдство гремучей змѣи, чувствуетъ съ ужасомъ всю опасность своего положенія и все-таки не можетъ помочь себѣ и съ жалобно-дурацкимъ видомъ идетъ въ руки врага; ты бы замѣтилъ, какъ длинный антагонистъ оратора цѣпляется трясущимися ногами за скамью для того, чтобы приближающаяся буря не унесла его съ собою; или ты бы замѣтилъ, какъ дорожный представитель какого-нибудь жирнаго графства уткнувъ оба кулака въ подушку своей скамьи, твердо рѣшившись, въ случаѣ если бы буря выкинула изъ парламента такого важнаго человѣка, какъ онъ, не выпустить, по крайней мѣрѣ, изъ рукъ своего сѣдалища и вылетѣть вмѣстѣ съ нимъ.

«Но вотъ начинается... Слова, произносившіяся такимъ глубокимъ шопотомъ, становятся, мало-по-малу, столь громкими, что покрываютъ даже восторженные клики приверженцевъ оратора; и когда, наконецъ, какой-нибудь несчастный противникъ уже пронизанъ до костей и изувѣченные члены его пробиты всевозможными оборотами рѣчи, тогда тѣло оратора, точно сокрушенное и разбитое мощью его духа, падаетъ на стулъ — и аплодисменты собранія могутъ теперь раздаваться съ неудержимою силою».

Мнѣ не посчастливилось ни разу видѣть Брума во время произнесенія такой рѣчи. При мнѣ онъ говорилъ только отрывками и о неважныхъ вещахъ, и мнѣ рѣдко приходилось при этомъ видѣть его самого въ лицѣ. Но я съ пер-

ваго же разу замѣтилъ, что всегда, чуть только онъ началъ говорить, наступала глубокая, почти боязливая тишина. Приведенное выше изображеніе его нимало не преувеличено. Фигура Брума, обыкновеннаго мужского роста, очень худощавъ; маленькая голова скудно покрыта черными волосами, плотно прилегающими къ вискамъ. Отъ этой прически блѣдное, продолговатое лицо кажется еще сухощавѣе, мускулы его постоянно находятся въ судорожномъ, неприятномъ движеніи, и кто смотритъ на нихъ, тотъ читаетъ мысли оратора еще прежде, чѣмъ онѣ высказаны. Это обстоятельство вредитъ его остроумнымъ выходкамъ, потому что для остроты и людей, просящихъ денегъ взаймы, выгодно, когда онѣ застигаютъ врасплохъ. Хотя его черное платье вплоть до покроя фрака совершенно джентльменно, но это одѣянье дѣлаетъ его похожимъ на священника. Можетъ-быть, этому сходству способствуютъ еще болѣе его частое сгибаніе спины и точно къ чему-то прислушивающаяся, ироническая гибкость всего тѣла. Однажды изъ моихъ друзей первый обратилъ мое вниманіе на присутствіе въ фигурѣ Брума этого «клерикальнаго» характера, и это тонкое замѣчаніе подтверждается вышенприведеннымъ описаніемъ. Меня же прежде всего поразилъ въ немъ видъ «адвокатскій», особенно потому, что онъ постоянно вытягиваетъ впередъ указательный палецъ и при этомъ самодовольно киваетъ наклоненною впередъ головою.

Изумительнѣе всего неутомимая дѣятельность этого чловѣка. Свои парламентскія рѣчи онъ произноситъ послѣ того, какъ проведетъ часовъ восемь въ своихъ обыкновенныхъ профессиональныхъ занятіяхъ — адвокатской практикѣ въ судахъ, или, можетъ-быть, послѣ того, какъ просидитъ половину ночи надъ сочиненіемъ статей для «Edinburgh Review», или исправленіемъ законовъ о народномъ образованіи и уголовныхъ. Первый трудъ — по народному образованію, конечно, принесетъ когда-нибудь прекрасные плоды. Второй — уголовное законодательство, которымъ Брумъ и Пиль занимаются теперь болѣе всего, можетъ-быть, самое полезное и, по крайней мѣрѣ, необходимѣйшее дѣло для Англій, потому что уголовные законы Англій еще безчеловѣчнѣе, чѣмъ ея олигархи. Началомъ своей знаменитости Брумъ обязанъ процессу королевы. Онъ сражался, какъ рыцарь за эту женщину, и, само собою разумѣется, что Георгъ IV никогда не забудетъ услугъ, оказанныхъ Брумомъ его милой женѣ. Потому-то, когда въ прошедшемъ

лирѣль побѣда осталась за оппозицію, Брумъ, все-таки, не вступилъ въ министерство, хотя въ этомъ случаѣ ему, какъ *leader of the opposition*, право этого вступленія принадлежало по древнему обычаю.

IX.

ЭМАНСИПАЦІЯ.

Если вы заговорите о политикѣ съ глупѣйшимъ англичаниномъ, онъ всегда сумѣетъ сказать вамъ что-нибудь умное. Но чуть заведется разговоръ о религіи, умнѣйшій англичанинъ не наговоритъ вамъ ничего, кромѣ глупостей. Оттого чуть поднимается въ парламентѣ вопросъ объ эмансипаціи католиковъ, спорный вопросъ, въ которомъ политика сталкивается съ религіей, начинается совершенная спутанность понятій, смѣшеніе мудрости и безмыслицы. Въ парламентскихъ совѣщаніяхъ своихъ англичане рѣдко имѣютъ возможность высказать принципъ; они только обсуживаютъ пользу или вредъ дѣла и приводятъ факты—одни *pro*, другіе *contra*.

Но фактами можно только сражаться, а не побѣждать. тутъ происходитъ только матеріальная битва, и зрѣлище подобнаго боя приводитъ намъ на память извѣстныя битвы *pro patria* нѣмецкихъ студентовъ, имѣющія результатомъ только то, что было сдѣлано столько-то и столько ходовъ, нанесено столько-то кварталъ и терць, и все-таки, ничего ими не доказано.

Въ 1827 году, что понятно само собою, возобновилась въ Вестминстерѣ битва между эмансипаціонистами и оранскою партією и, что также само собою понятно, изъ этого ничего не вышло. Лучшими бойцами эмансипаціи были: Бердеттъ, Пленкетъ, Брумъ и Каннингъ. Противники ихъ, исключая сэра Пилля, были снова извѣстные или, лучше сказать, неизвѣстные охотники за лисицами.

Искони умнѣйшіе государственные люди Англій стояли за гражданское равенство католиковъ, какъ по внутреннему чувству справедливости, такъ и по политической мудрости. Самъ Питтъ, изобрѣтатель стабилитарной системы, держалъ сторону католиковъ. Точно также Беркъ, великій ренегатъ свободы, не могъ до такой степени подавить голосъ своего сердца, чтобы дѣйствовать противъ Ирландіи. И Каннингъ

даже и тогда, когда онъ еще былъ рабомъ торіевъ, не могъ смотрѣть безъ волненія на бѣдствія Ирландіи, и на сколько были дороги ему ея интересы, это онъ съ совершенно трогательною наивностью высказалъ въ ту пору, когда его обвиняли въ вяломъ равнодушіи. Несомнѣнно, что великій человѣкъ, для достиженія великихъ цѣлей, можетъ часто дѣйствовать противъ своего убѣжденія и двусмысленно переходить отъ одной партіи къ другой; не надо забывать, что тотъ, кто хочетъ удержаться на извѣстной высотѣ, долженъ точно такъ же подчиняться обстоятельствамъ, какъ пѣтухъ на башнѣ, который, хотя и сдѣланъ изъ желѣза, но можетъ быть сломанъ и сброшенъ внизъ каждымъ сильнымъ вѣтромъ, если будетъ съ упрямствомъ стоять неподвижно и не пойметъ благороднаго искусства вертѣться, куда вѣтеръ дуетъ. Но никогда великій человѣкъ не отречется отъ чувствъ своей души до того, чтобы смотрѣть съ равнодушнымъ спокойствіемъ на бѣдствія своихъ соплеменниковъ и даже стараться усиливать ихъ. Какъ любимъ мы мать свою, такъ любимъ и землю, на которой родились, любимъ цвѣты, запахъ, лзыкъ и людей, которыхъ произвела эта земля, и никакая религія не да столько дурна, никакая политика не на столько хороша, чтобы уничтожить эту любовь въ сердцахъ своихъ послѣдователей. Беркъ и Каннингъ, хотя были тори и протестанты, но никакъ не могли возстать противъ бѣдной зеленой Ирландіи: ирландцы, распространяющіе страшное бѣдствіе и неописанное горе по всей своей отчизнѣ, люди—какъ Кестлери и Веллингтонъ.

Что масса англійскаго народа настроена противъ католиковъ и ежедневно требуетъ у парламента ограниченія ихъ правъ—это совершенно въ порядкѣ вещей. Въ человѣческой натурѣ лежитъ такая жажда угнетенія, и когда мы сами, что теперь постоянно случается, жалуемся на гражданское неравенство, то взоры наши обращены кверху, и мы видимъ только тѣхъ, которые стоятъ надъ нами и которыхъ преимущества насъ оскорбляютъ. Внизъ при подобныхъ жалобахъ мы никогда не смотримъ, и намъ и въ голову не приходитъ тѣхъ, которые, вслѣдствіе укоренившейся несправедливости, стоятъ еще ниже насъ, поднять до насъ; мы даже злимся, когда они тоже стараются взлѣзть на высоту, и мы бьемъ ихъ по головѣ. Креоль добивается правъ европейца, но надменно смотритъ на мулата и пылаетъ гнѣвомъ, когда тотъ хочетъ сравняться съ нимъ. Точно также поступаетъ мулатъ съ местицомъ, а этотъ опять съ негромъ.

Франкфуртскаго мѣшанина сердятъ привилегіи дворянства; но онъ сердится еще болѣе, когда его убѣждаютъ согласиться на эмансипацію евреевъ. У меня есть въ Польшѣ другъ, бредящій свободою и равенствомъ, но до сихъ поръ не отпускающій своихъ крестьянъ на волю.

Что касается англійскаго духовенства, то не зачѣмъ объяснять, почему съ этой стороны католики претерпѣваютъ преслѣдованіе. Преслѣдованіе иновѣрцевъ вездѣ составляетъ монополію духовенства, и англиканская церковь тоже строго удерживаетъ за собою это право. Конечно, десятинные сборы для нея главная вещь; чрезъ эмансипацію католиковъ она бы лишилась большей части своихъ доходовъ, а жертвованіе собственными интересами — талантъ, котораго одинаково лишены проповѣдники любви, какъ и грѣшныя міряне. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что та славная революція, которой Англія обязана большею долею своей теперешней свободы, произошла изъ религіознаго, протестантскаго рвенія — обстоятельство, которое налагаетъ на англичанъ какъ бы еще болѣшую обязанность быть благодарными господствующей протестантской церкви и считать ее главнымъ оплотомъ своей свободы. Многія боязливыя души изъ числа этихъ людей, можетъ-быть, дѣйствительно боятся католицизма и возстановленія его и вспоминаютъ о смитфильдскихъ кострахъ — а обжегшійся ребенокъ боится огня. Есть также трусливые парламентскіе члены, боящіеся новаго порохового заговора (большею частью пороха боятся тѣ, кто не выдумалъ его), и этимъ людямъ часто кажется, что зеленыя скамейки, на которыхъ они сидятъ въ капеллѣ св. Стефана, мало-по-малу становятся все горячѣе и горячѣе, и когда какой-нибудь ораторъ, что часто случается, произнесетъ имя Гюи Фоукса, они боязливо восклицаютъ: «Hear him, hear him!»! Наконецъ, что касается геттингенскаго ректора, занимающаго въ Англіи должность короля, то каждому извѣстна его умѣренная политика: онъ не принимаетъ сторону ни одной партіи, онъ съ удовольствіемъ видитъ, что обѣ онѣ взаимно ослабляютъ себя этою борьбою, онъ улыбается по давнему обычаю, когда онѣ миролюбиво ухаживаютъ за нимъ, онъ знаетъ все и не дѣлаетъ ничего, и въ худшемъ случаѣ предоставляетъ все на усмотрѣніе своего обер-тутора Веллингтона.

Читатели простятъ мнѣ, что я говорю въ такомъ легкомъ тонѣ о спорномъ вопросѣ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ благо Англіи, а вслѣдствіе всего этого, можетъ-

быть, косвенно и благо цѣлаго міра. Но именно, чѣмъ важнѣе предметъ, тѣмъ веселѣе надо разсуждать о немъ: кровавыя сѣчи въ сраженіяхъ, страшное теченіе косы смерти были бы невыносимы, если бы при этомъ не раздавалась оглушающая турецкая музыка съ ея веселыми трубами и литаврами. Англичане понимаютъ это, и оттого ихъ парламентъ представляетъ свѣтлое зрѣлище откровеннѣйшаго остроумія и остроумнѣйшей откровенности. При самыхъ серьезныхъ дебатахъ, въ которыхъ рѣшается вопросъ о жизни тысячи людей и спасеніи цѣлыхъ странъ, никому изъ присутствующихъ, однако, не приходитъ въ мысль состроить нѣмецко-надутую депутатскую фізіономію или приняться за французско-патетическую декламацію, и духъ ихъ, какъ и тѣло, двигается тутъ совершенно непринужденно, шутка, самоосмѣяніе, сарказмы, добродушіе и мудрость, лукавство и доброта, логика и стихи — все это ключомъ вырывается наружу въ самыхъ разноцвѣтныхъ краскахъ, такъ что парламентскія дѣтописи и для послѣдующихъ поколѣній представляютъ самое умнѣйшее чтеніе. Какая противоположность съ мрачными, клякспапирными рѣчами нашихъ южно-германскихъ палатъ, скуку которыхъ не можетъ преодолѣть самый терпѣливый чтецъ газетъ, и въ которыхъ даже запахъ можетъ заставить бѣжать здороваго читателя, такъ что поневолѣ думаешь, что эта скука нагнана съ тайнымъ умысломъ, чтобы отвадить большинство публики отъ чтенія отчетовъ въ засѣданіяхъ и такимъ образомъ, несмотря на гласность ихъ, въ сущности держать ихъ въ тайнѣ.

Такимъ образомъ, если способъ обсуждения католическаго спорнаго вопроса англійскимъ парламентомъ и не таковъ, чтобы приводить къ результатамъ, то, все-таки, чтеніе этихъ дебатовъ тѣмъ интереснѣе, что факты всегда занимательнѣе отвлеченностей, и особенно забавно, когда рассказывается выдуманная параллельная исторія, въ которой остроумно осмѣивается какой-нибудь современный, опредѣленный случай и которая, именно этимъ способомъ, счастливѣйшимъ образомъ иллюстрируетъ его. Уже при дебатахъ о тронной рѣчи, 3-го февраля 1825 года, слышали мы въ верхнемъ парламентѣ одну подобную параллельную исторію, какъ я выше называлъ ихъ, которую я здѣсь буквально перевожу. (См. *Parliamentary history and review during the session of 1825—1826*):

«Лордъ Кингъ замѣтилъ, что если Англія и можетъ называться цвѣтущею и счастливою, то не надо, однако, забы-

вать, что по ту сторону ирландскаго канала живутъ шесть милліоновъ католиковъ въ совершенно иномъ положеніи и что тамошнее дурное управленіе составляетъ позоръ для нашего столѣтія и для всѣхъ бриттовъ. Весь міръ, сказалъ онъ, теперь слишкомъ уменъ для того, чтобы прощать правительству, которыя изъ-за религіозной нетерпимости угнетаютъ своихъ подданныхъ или лишаютъ ихъ того или другого права. Ирландія и Турція—кажется, единственныя страны Европы, гдѣ цѣлое населеніе угнетено и преслѣдуемо только вслѣдствіе его вѣроисповѣданія. Великій султанъ старался обратить грековъ такимъ же точно способомъ, какимъ англійское правительство обращало ирландскихъ католиковъ, но безъ успѣха. Когда несчастные греки жаловались на свои страданія и униженно просили, чтобъ съ ними обращались хоть немного лучше, чѣмъ съ магометанскими собаками, тогда султанъ позвалъ своего великаго визиря, чтобы посовѣтоваться съ нимъ. Этотъ великій визирь былъ сначала другомъ султанши, а потомъ сталъ врагомъ ея. Вслѣдствіе этого онъ потерялъ въ значительной степени расположеніе своего государя и долженъ былъ не разъ испытывать неповиновеніе даже въ своемъ собственномъ Диванѣ, отъ своихъ собственныхъ чиновниковъ и слугъ (*Смѣхъ*). Онъ былъ врагъ грековъ. Вторымъ лицомъ въ Диванѣ, по вліянію, былъ Рейсъ-Эффенди, который смотрѣлъ дружелюбно на справедливыя требованія этого несчастнаго народа. Рейсъ-Эффенди занималъ должность министра иностранныхъ дѣлъ, и политика его заслуживала и встрѣчала повсемѣстное одобреніе. На этомъ поприщѣ онъ выказалъ необыкновенный либерализмъ и большія дарованія, сдѣлалъ много добра, придавъ правленію султана большую популярность и совершилъ бы еще больше, если бъ не былъ стѣсняемъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ своими менѣе просвѣщенными сослуживцами. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ единственный истинно-геніальный человекъ въ цѣломъ Диванѣ (*Смѣхъ*), и его считали украшеніемъ турецкаго государственнаго управленія, такъ какъ онъ былъ, кромѣ того, одаренъ и поэтическимъ талантомъ. Кіаиа-бей, министръ внутреннихъ дѣлъ, и Капуданъ-паша были опять противниками грековъ; но главою всей оппозиціи противъ притязаній этого народа былъ оберъ-муфти или глава магометанскаго вѣроисповѣданія (*Смѣхъ*). Этотъ сановникъ былъ врагомъ всякихъ нововведеній. Онъ упорно возставалъ противъ всѣхъ улучшеній въ торговлѣ, всѣхъ улуч-

шеній юстиціи, всѣхъ улучшеній во внѣшней политикѣ (*Смѣхъ*). Онъ каждый разъ выказывалъ и объявлялъ себя величайшимъ поборникомъ существующихъ злоупотребленій. Онъ былъ самый совершенный интриганъ въ цѣломъ Диванѣ (*Смѣхъ*). Въ прежнее время онъ сталъ на сторону султанши, но какъ только замѣтилъ, что можетъ черезъ это потерять свое мѣсто въ Диванѣ, то тотчасъ же обратился противъ нея, даже перешелъ къ ея врагамъ. Однажды было сдѣлано предложеніе — принять нѣсколькихъ грековъ въ составъ регулярныхъ трущъ или янычаровъ; но оберъ-муфти поднялъ противъ этого такой неистовый крикъ — подобно нашему крику: No popery — что тѣ, которые предложили эту мѣру, должны были выйти изъ Дивана. Оберъ-муфти одержалъ верхъ и, какъ только это случилось, объявилъ себя за ту самую вещь, противъ которой до того ревностно ратовалъ (*Смѣхъ*). Онъ заботился о совѣсти султана и своей собственной; но было замѣчено, что его совѣсть никогда не была въ оппозиціи съ его интересами (*Смѣхъ*). Изучивъ самымъ основательнымъ образомъ турецкую конституцію, онъ нашелъ, что она, по существу своему, магометанскаго характера (*Смѣхъ*) и поэтому должна быть враждебна всѣмъ преимуществамъ грековъ. Вслѣдствіе этого онъ рѣшился твердо поддерживать дѣло нетерпимости и скоро присоединилъ къ себѣ муллъ, имамовъ и дервишей, которые стали помогать ему въ его благородныхъ дѣйствіяхъ. Чтобы довершить картину этихъ раздоровъ въ Диванѣ, упомянемъ еще, что члены его условились между собою быть согласными въ однихъ спорныхъ вопросахъ и не согласными въ другихъ, не нарушая своего соединенія. Когда же увидѣли все зло, происходившее отъ такого Дивана, когда увидѣли, что мусульманская имперія должна погибнуть именно чрезъ эту нетерпимость къ грекамъ и эти междуусобныя распри, то пришлось молиться небу о сохраненіи отечества отъ такого кабинетнаго раскола».

Не нужно было имѣть особую проникательность, чтобы угадать, какія лица являлись здѣсь скрытыми подъ турецкими именами; еще менѣе нужно объяснять сухими словами мораль этой исторіи. Наваринскія пушки достаточно громко высказали ее, и когда со временемъ падетъ Высокая Порта — а пасть она непременно должна, несмотря на уполномоченныхъ лакеевъ Перы, не обращающихъ вниманія на негодованіе народовъ, — тогда Джонъ Буль подумаетъ въ душѣ: «вымышленными именами о тебѣ говорить».

сказка». Нѣчто подобное можетъ предчувствовать Англія и теперь, когда лучшіе публицисты ея высказываются противъ войны, вмѣшательства и очень наивно увѣряютъ, что европейскіе народы имѣли бы такое же право вступить за ирландскихъ католиковъ и заставить англійское правительство лучше обращаться съ ними. Этимъ доводятъ, какъ имъ кажется, они опровергаютъ право вмѣшательства, а на самомъ дѣлѣ только еще явственнѣе иллюстрируютъ его. Конечно, европейскіе народы имѣли бы священнѣйшее право встать вооруженною рукою за бѣдствія Ирландіи, и, конечно, это право осуществилось бы, если бы сила не была на сторонѣ несправедливости. Теперь уже сами народы, а не властители ихъ — герои новаго времени, и эти герои тоже заключили священный союзъ, и не отступаютъ другъ отъ друга тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ общемъ правѣ, о правѣ народовъ на религіозную и политическую свободу, и связаны они между собою идеею, за нее поклялись стоять они, за нее истекали кровью, и сами превратились въ идею. И отъ этого такъ одинаково болѣзненно вздрагиваютъ всѣ народныя сердца, когда гдѣ бы то ни было, хоть на крайнемъ концѣ вселенной, оскорбляется идея.

Но я отступаю отъ моей темы. Мнѣ хотѣлось рассказать о старыхъ парламентскихъ шуткахъ — а современная исторія такова, что каждую шутку она сейчасъ же обращаетъ въ серьезное. Выберу штучку еще повеселѣе предидущей — именно рѣчь, которую Спрингъ Райсъ произнесъ 26 мая того же самаго 1825 г. въ нижнемъ парламентѣ и въ которой онъ забавнѣйшимъ образомъ осмѣялъ боязнь протестантовъ, чтобы католики какъ-нибудь не одержали верхъ надъ ними (См. *Parliamentary history and review etc. Pag. 252*).

«Анно 1753 — сказалъ онъ, — въ парламентъ былъ внесенъ билль о натурализаціи евреевъ — мѣрѣ, противъ которой въ настоящее время въ нашей странѣ ничего не возразила бы даже любая старая баба, но которая въ ту пору встрѣтила сильнѣйшее противодѣйствіе и имѣла послѣдствіемъ множество прошеній изъ Лондона и другихъ мѣстъ въ такомъ же родѣ, какъ получаемыя теперь при обсужденіи билля о католикахъ. Въ прошеніи лондонскихъ гражданъ говорилось: «Если бы упомянутый билль о евреяхъ получилъ законную санкцію, то это породило бы страшную опасность для христіанской религіи, онъ погубилъ бы

государство и нашу святую церковь (*Смѣхъ*) и въ высшей степени повредилъ бы интересамъ торговли вообще и города Лондона въ особенности (*Смѣхъ*). Несмотря, однако, на этотъ строгій доносъ, канцлеръ казначейства нашель, что дѣло обошлось безъ этихъ ужасныхъ послѣдствій, когда евреевъ допустили въ Сити и даже въ Доунингъ-стритъ (*Смѣхъ*). Журналь «Энергическій Человѣкъ», указывая на безчисленныя бѣдствія, которыя должна была повлечь за собой вышеупомянутая мѣра, разразился въ своемъ доносѣ слѣдующими словами: «Я долженъ просить позволенія подробно изложить послѣдствія этого билля. У Бога есть милосердіе, но евреямъ всякое милосердіе чуждо, и они отомстятъ намъ за 1700 лѣтъ своего униженія. Если этотъ билль пройдетъ, мы всѣ сдѣлаемся рабами евреевъ — и безъ всякой надежды на спасеніе посредствомъ милости Божьей. Государь станетъ подданнымъ евреевъ и перестанетъ обращать вниманіе на свободныхъ землевладѣльцевъ. Онъ уволитъ въ отставку нашихъ британскихъ солдатъ и образуетъ болѣе многочисленную армію изъ евреевъ, которая принудитъ насъ отречься отъ нашей королевской фамилии и вмѣстѣ съ тѣмъ натурализоваться подъ скипетромъ еврейскаго короля. Проснитесь же поэтому, мои христіанскіе и протестантскіе братья! Не Аннибадь предъ вашими воротами, а еврей — и они требуютъ ключей отъ дверей вашихъ храмовъ. (*Громкій и продолжительный смѣхъ*). При дебатахъ по поводу этого билля въ нижнемъ парламентѣ одинъ западный баронъ (*Смѣхъ*) объявилъ, что если мы допустимъ натурализацію евреевъ, то подвергнемся опасности уступить имъ въ парламентѣ большинство голосовъ. «Они — такъ сказалъ онъ, — распредѣлятъ наши графства между своими племенами и продадутъ наши помѣстья съ аукціона (*Смѣхъ*). Другой членъ парламента былъ того мнѣнія, что «если билль пройдетъ, то еврей размножится такъ быстро, что займутъ самую большую часть Англій и отымутъ отъ народа какъ земли его, такъ и власть». Депутатъ отъ Лондона, сэръ Джонъ Бернардь, взглянулъ на предметъ съ болѣе глубокой, теологической точки зрѣнія — той, которая нашла себѣ полное повтореніе въ недавнемъ прошеніи изъ Лейчестера, гдѣ подписавшіеся упрекаютъ католиковъ въ томъ, что они потомки людей, сжегшихъ ихъ предковъ, — и такимъ же образомъ, — воскликнулъ нашъ депутатъ, — «еврей потомки распявшихъ Спасителя и за это прокляты Богомъ во всѣхъ послѣдующихъ поколѣніяхъ до

последняго внука». По объясненію Спринга Райса, онъ приводитъ эти цитаты, чтобы показать, что всѣ эти старыя крики и вопли были столько же основательны, сколько теперешніе по отношенію къ католикамъ. (*Слушайте, слушайте!*) Во время билля о евреяхъ издавалась шуточная «Еврейская Газета», въ которой было, между прочимъ, напечатано слѣдующее сообщеніе: «Послѣ выхода нашего предыдущаго нумера получена здѣсь почта изъ Иерусалима. На прошедшей недѣлѣ въ повивальномъ заведеніи въ Броунлоуской улицѣ было совершено публичное обрѣзаніе двадцати пяти мальчиковъ. Вчера вечеромъ въ Синедрионѣ была отвергнута большинствомъ голосовъ натурализація христіанъ. Слухъ о возмущеніи христіанъ въ Нордъ-Уэльсѣ оказался совершенно неосновательнымъ. Въ прошедшую пятницу ежегодное празднованіе распятія Христа прошло очень весело». Вотъ въ такомъ родѣ и во всѣ времена, при обсужденіи билля о евреяхъ, какъ и при обсужденіи билля о католикахъ, возбуждался самыми бессмысленными средствами въ высшей степени смѣшной оппозиціонный шумъ, и когда мы изслѣдуемъ причины подобнаго оранья, то находимъ, что онѣ всегда были однѣ и тѣ же. Знакомясь съ причинами оппозиціи противъ билля о евреяхъ въ 1753 г., мы встрѣчаемъ заявленіе, сдѣланное въ парламентѣ лордомъ Чатамомъ, какъ первымъ авторитетомъ, что «какъ онъ, такъ и большинство другихъ джентльменовъ убѣждены, что собственно религіи нѣтъ никакого дѣла до этого спорнаго вопроса и только духу преслѣдованія старой высокой церкви (the old high church's persecuting spirit) удалось увѣрить народъ въ противоположномъ». (*Слушайте, слушайте!*) То же самое творится и въ настоящемъ случаѣ, и тутъ снова ничто иное, какъ жажда исключительной власти и обладанія всѣми привилегіями, побуждаютъ старую высокую церковь настраивать народъ противъ католиковъ; Спрингъ Райсъ убѣжденъ, что многіе, пускающіе въ ходъ эти средства, тоже знали очень хорошо, какъ мало принималась во вниманіе религія при спорахъ по поводу послѣдняго билля о католикахъ — конечно, мало на столько же, какъ при билляхъ о регулированіи мѣръ и вѣсовъ, или объ опредѣленіи длины маятника по числу его колебаній. Относительно билля о евреяхъ въ тогдашней Гардвикской газетѣ тоже находится письмо доктора Бирча къ сэру Филиппу Йорку, гдѣ первый заявляетъ, что весь этотъ шумъ по поводу билля о евреяхъ имѣетъ

исключительною цѣлью оказать вліяніе на предстоящіе выборы въ парламентъ. (*Слушайте! Смѣхъ*). Въ то время случилось то, что иногда случается и въ наше время — одинъ разсудительный епископъ, именно норвичскій, выступилъ въ защиту еврейскаго билля. Д-ръ Бирчъ рассказываетъ, что за такое поведеніе этотъ епископъ, по возвращеніи въ свою епархію, подвергнулся публичнымъ оскорбленіямъ; «когда онъ поѣхалъ въ Ипсвичъ, чтобы подтвердить тамъ нѣсколькихъ юношей, то по дорогѣ его осыпали насмѣшками и требовали, чтобы онъ совершалъ обрѣзанія»; объявили также, что «въ слѣдующую субботу г. епископъ будетъ подтверждать евреевъ, а день спустя — обрѣзывать христіанъ». (*Смѣхъ*). Такимъ образомъ, крики противъ либеральныхъ мѣръ были во всѣ времена одинаково неразумны и грубы (*Слушайте его! Слушайте его!*) Вышеупомянутыя опасенія относительно евреевъ надо сравнить съ тѣмъ шумомъ, который былъ возбужденъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ биллемъ о католикахъ. Боязнь опасности, долженствовавшей, будто бы, появиться въ случаѣ предоставленія большей власти католикамъ, была такая же нелѣпая. Власть дѣлать зло, если бы католики были къ тому склонны, отнюдь не могла быть дана имъ въ такой высокой степени, въ какой они приобрѣли ее теперь именно вслѣдствіе угнетенія ихъ. Это-то угнетеніе и есть причина, почему такіе люди, какъ О'Коннелль и Шейль, сдѣлались столь вліятельными. Назначеніе этихъ лицъ въ парламентъ устроено не съ цѣлью сдѣлать ихъ подозрительными; напротивъ, ихъ должно уважать, и они оказали услуги отечеству; но, все-таки, было бы лучше, если бы власть находилась въ законахъ, а не въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, какъ бы ни были достойны почтенія эти люди. Настанетъ время, когда на сопротивленіе парламента такому предоставленію правъ будутъ смотрѣть не только съ изумленіемъ, но и съ презрѣніемъ. Религіозная мудрость прежнихъ вѣковъ часто была предметомъ презрѣнія послѣдующихъ поколѣній! (*Слушайте! Слушайте!*).

.

X.

ВЕЛЛИНГТОНЪ.

Человѣкъ этотъ имѣетъ несчастье быть счастливымъ вездѣ, гдѣ величайшіе люди міра были несчастливы—и это возмущаетъ насъ и заставляетъ ненавидѣть его. Мы видимъ въ немъ только побѣду глупости надъ гениемъ—Артуръ Веллингтонъ торжествуетъ тамъ, гдѣ погибаетъ Наполеонъ Бонапарте! Ни къ одну человѣку фортуна не была такъ иронически благосклонна: поднявъ его на щитъ побѣды, она, какъ будто, хотѣла показать всему міру его пустое ничтожество. Фортуна—женщина, и по женской натурѣ своей она, можетъ—быть, тайно сердится на человѣка, который свергнувъ ея прежняго любимца, хотя это паденіе совершилось по ея собственной волѣ. Теперь, при эмансипаціи католиковъ, она снова даетъ ему побѣду, и еще въ той битвѣ въ которой палъ Георгъ Каннингъ. Можетъ-быть, мы и любили бы Веллингтона, если бъ предшественникомъ его въ министерствѣ былъ жалкій Лондондерри; но теперь онъ былъ преемникомъ благороднаго Каннинга, многоплаканнаго, обожаемаго, великаго Каннинга—и онъ побѣждаетъ тамъ, гдѣ Каннингъ палъ. Безъ такого несчастія счастья Веллингтонъ могъ бы, пожалуй, сойти за великаго человѣка, его бы не ненавидѣли, не мѣряли бы аккуратно, по крайней мѣрѣ не тѣмъ героическимъ масштабомъ, которымъ мѣряютъ Наполеона и Каннинга, и не узнали бы, какой онъ маленькій человѣкъ.

Онъ маленькій человѣкъ, и еще меньше, чѣмъ маленькій. Французы не могли злѣе оскорбить Полиньяка, какъ сказавъ: «онъ Веллингтонъ безъ славы». Въ самомъ дѣлѣ, что останется у Веллингтона, если снять съ него фельдмаршальскій мундиръ славы?

Я представилъ здѣсь лучшую апологію (въ англійскомъ значеніи этого слова) лорда Веллингтона. Но вы удивитесь, конечно, когда я откровенно сознаюсь, что разъ я даже рассыпался въ похвалахъ этому герою. Это хорошая исторія, и я раскажу вамъ ее.

Мой цырюльникъ въ Лондонѣ былъ радикалъ, по имени мистеръ Уайтъ, маленькій, бѣдный человѣкъ въ полиняломъ черномъ платѣ съ бѣлымъ отгѣнкомъ; онъ былъ такъ худъ, что фасъ его лица казался только профилемъ, а вздохъ можно было видѣть въ груди прежде, чѣмъ они выходили

оттуда. Вздыхалъ же онъ о несчастіи старой Англїи и о невозможности когда-нибудь уплатить народный долгъ.

— Ахъ!—говорилъ онъ обыкновенно, вздыхая:—къ чему было англійскому народу заботиться о томъ, кто царствуетъ во Франціи и что французы дѣлаютъ у себя дома? Но высокое дворянство и высокая церковь боялись свободныхъ принциповъ французской революціи, и для того, чтобы подавить эти принципы, Джона Булля заставили отдавать свою кровь и свои деньги, да вдобавокъ еще входить въ долги. Теперь цѣль войны достигнута, революція подавлена, у французскихъ орловъ свободы подрѣзаны крылья, высокое дворянство и высокая церковь могутъ быть теперь спокойны, что ни одинъ изъ этихъ орловъ не перелетитъ черезъ каналъ, и высокому дворянству и высокой церкви слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, заплатить долги, которые сдѣланы собственно для нихъ, а не для бѣднаго народа. Ахъ, бѣдный народъ!..

Каждый разъ, какъ мистеръ Уайтъ произносилъ слова: «бѣдный народъ!», онъ вздыхалъ еще глубже, и постояннымъ припѣвомъ къ этимъ словамъ было, что хлѣбъ и портеръ сильно вздорожали, и что бѣдный народъ долженъ голодать, чтобы кормить толстыхъ лордовъ, охотничьихъ собакъ и пасторовъ, и что помочь этому есть только одно средство. При этомъ онъ обыкновенно начиналъ точить бритву и, проводя ею по ремню, медленно и сердито повторялъ: «лорды, собаки, пасторы!»

Но радикальный гнѣвъ его раздражался съ самою большою силою при воспоминаніи о *duke of Wellington*; онъ изрыгалъ ядъ и пѣну, чуть начиналъ говорить о немъ, и при этомъ намыливалъ мнѣ щеки съ пѣнистою яростью. Разъ мнѣ даже стало странно: онъ брилъ меня около самой шеи и, въ то же время разсыпаясь въ ругательствахъ на Веллингтона, постоянно бормоталъ: «будь онъ у меня теперь подъ бритвой, какъ вы, я бы избавилъ его отъ труда самому перерѣзать себѣ горло, какъ сдѣлалъ это его сослуживецъ и землякъ Лондондерри, въ Нортъ-Крей, въ графствѣ Кентъ,—будь онъ проклятъ!»

Я уже чувствовалъ, какъ рука этого человѣка дрожала, и изъ боязни, чтобы онъ не вообразилъ себѣ вдругъ, что я *duke of Wellington*, сталъ удерживать его порывы и усмирять его. Я затронулъ его національную гордость, представивъ ему, что Веллингтонъ споспѣшествуетъ славѣ англичанъ, что онъ всегда былъ только невинною машиною въ

третьихъ рукахъ, что онъ очень любитъ бифштексъ, и что, наконецъ... Богъ знаетъ, чего я еще не наговорилъ о Веллингтонѣ въ то время, какъ бритва лежала у моего горла.

Что меня больше всего возмущаетъ, такъ это мысль, что Артуръ Веллингтонъ будетъ почти такъ же безсмертенъ, какъ Наполеонъ Бонапарте. Въдъ осталось же незабвеннымъ имя Понтія Пилата!.. Веллингтонъ и Наполеонъ! Удивительный это феноменъ, что человѣческій умъ можетъ думать объ этихъ двухъ людяхъ въ одно и то же время. Никакія вещи не могутъ быть такъ противоположны, какъ эти два лица, даже во внѣшнемъ ихъ проявленіи. Веллингтонъ, глухой призракъ, съ пепельно-сѣрой душою въ клеенчатомъ тѣлѣ, съ деревянною улыбочкою на замороженномъ лицѣ,—и рядомъ съ нимъ образъ Наполеона, божества отъ головы до ногъ!

Этотъ образъ никогда не выходитъ изъ моей памяти. Я все еще вижу его на конѣ, съ вѣчными глазами на мраморномъ императорскомъ лицѣ, спокойно, какъ судьба, смотрящаго на мимо проходящую гвардію... въ то время онъ посылалъ ее въ Россію, и старые гренадеры смотрѣли на него, такъ страшно преданные, такъ сознательно серьезные, такъ мертвенно гордые...

Te, Caesar, morituri salutant!

Иногда прокрадывается въ меня тайное сомнѣніе, дѣйствительно ли я видѣлъ его самого, дѣйствительно ли мы были его современниками, и тогда на душѣ моей становится такъ, какъ будто образъ его, вырванный изъ маленькой рамки настоящаго, все повелительнѣе и гордѣе удаляется въ сумерки прошедшаго. Уже одно имя его звучитъ, какъ вѣсть изъ міра нашихъ предковъ, и въ немъ столько же античнаго и героическаго, сколько въ именахъ Александра и Цезаря. Оно сдѣлалось уже лозунгомъ для народовъ, и когда востокъ и западъ встрѣчаются, то понимаютъ другъ друга только посредствомъ одного этого имени.

Сколько въ немъ можетъ быть знаменательнаго и магическаго, это лучше всего понялъ я, когда однажды, въ лондонской гавани, гдѣ устроены индійскіе доки, взшелъ на палубу остъ-индскаго корабля, только-что пріѣхавшаго изъ Бенгаліи. Это было исполинское судно, нагруженное большимъ числомъ жителей Индостана. Причудливыя фигуры и группы, странные пестрые костюмы, загадочныя мины, курьезныя движенія, незнакомый звукъ языка, лигованія и

смѣха и рядомъ съ нимъ—серьезность въ нѣкоторыхъ желтыхъ лицахъ, глаза которыхъ, какъ черные цвѣты, смотрѣли на меня съ странною тоскою—все это точно околдовало меня, я вдругъ перенесся въ сказки Шехерезады, и мнѣ уже казалось, что вотъ выступать на сцену и широколиственные пальмы, и длинношейные верблюды, покрытые золотомъ слоны и другія баснословныя деревья и животныя. Суперкаргъ, находившійся на кораблѣ и такъ же мало понимавшій языкъ своихъ пассажировъ, какъ и я, сталъ мнѣ безъ конца рассказывать съ чисто-британскою ограниченностью, что все это народъ глупый, почти все магометане, собранный со всѣхъ концовъ Азіи, отъ границъ Китая до Аравійскаго моря, съ добавленіемъ нѣсколькихъ черныхъ, какъ смола, съ волосами какъ шерсть, африканцевъ.

Мнѣ въ то время такъ надоѣли западныя страны, я такъ усталъ отъ Европы, что этотъ отрывокъ восточной страны, такъ свѣтло и пестро двигавшійся здѣсь передъ моими глазами, какъ-то весело облегчилъ меня, сердце мое освѣжилось по крайней мѣрѣ нѣсколькими каплями этого напитка, по которомъ я такъ часто тосковалъ въ мрачно-гановерскія или королевско-прусскія зимнія ночи, — и эти чужеземцы могли ясно видѣть, какъ мнѣ пріятно было ихъ появленіе и съ какимъ удовольствіемъ я сказалъ бы имъ нѣсколько привѣтныхъ словъ. Что и я имъ понравился — это было видно изъ глазъ ихъ, и они тоже сказали бы мнѣ что-нибудь привѣтное, и намъ было очень прискорбно, что мы не могли понимать другъ друга. Наконецъ, я нашелъ средство выразить имъ хоть однимъ словомъ мое дружественное расположеніе: почтительно и протянувъ руку, какъ для дружескаго привѣтствія, я воскликнулъ: «Магометъ!»

Радость вдругъ озарила черныя лица чужеземцевъ, они набожно скрестили руки и, отвѣчая на мой привѣтъ, радостно воскликнули: «Бонапарте!»

XI.

ОСВОБОЖДЕНІЕ.

Если когда-нибудь у меня снова будетъ время для праздныхъ изслѣдованій, то я скучнѣйше докажу, что не Индія, а Египетъ — родина того кастоваго различія, которое уже

два тысячелѣтія умѣть переодѣваться въ платье каждой страны и обманывать каждое время на его собственномъ языкѣ, которое теперь, можетъ-быть, уже умерло, но притворяясь живымъ, все еще бродитъ между нами, пагубное и ядовитое, отравляетъ своимъ мертвечиннымъ запахомъ нашу двѣтушую жизнь и даже, какъ средневѣковой вампиръ высасываетъ изъ сердець народовъ кровь и свѣтъ. Изъ иларѣки Нила вышли не только крокодилы, умѣющіе такъ искусно плакать, но и двѣ изъ этихъ кастъ, между которыми одна притворяется плачущею еще искуснѣе, а другая превосходить крокодиловъ кровожадностью и прожорливостью.

Два глубокомысленныхъ челоуѣка изъ нѣмецкой націи открыли спасительнѣйшее средство противъ этой злѣйшей изъ всѣхъ египетскихъ язвъ и своимъ негроромантическимъ изобрѣтеніемъ — книгопечатаніемъ и порохомъ — ниспровергли господство той свѣтской и духовной іерархіи, которая образовалась изъ соединенія жреческой и военной касты—именно изъ такъ-называемой католической церкви и феодальнаго дворянства, и держала всю Европу подъ свѣтскимъ и духовнымъ игомъ. Типографскій станокъ разрушилъ то догматическое зданіе, въ которомъ римскій папа держалъ въ заточеніи умы, и сѣверная Европа снова вздохнула свободно, освободившись отъ ночного кошмара того католическаго духовенства, которое, правда, по внѣшней формѣ отступило отъ египетской сословной наслѣдственности, но по духу должно было остаться тѣмъ болѣе вѣрнымъ египетской жреческой системѣ, что оно держалось путемъ размноженія изъ рода въ родъ не естественнаго, а противоестественнаго, путемъ мамелюкообразной вербовки, какъ корпорація старыхъ холостяковъ. Точно также видимъ мы, какъ военная каста въ западной Европѣ теряетъ свою силу и власть съ тѣхъ поръ, какъ старая ремесленная рутина уже не приноситъ никакой пользы при новомъ способѣ веденія войны, ибо передъ трубнымъ звукомъ пушекъ въ настоящее время крѣпчайшія крѣпости падаютъ, какъ нѣкогда стѣны іерихонскія, желѣзный панцырь рыцаря предохраняетъ отъ свинцоваго дожда такъ же мало, какъ холщевая рубаха крестьянина; порохъ дѣлаетъ людей равными, ружье бюргера стрѣляетъ также хорошо, какъ и ружье дворянское... Народъ подымается.

Тѣ прежнія движенія, которыя мы видимъ въ исторіи ломбардскихъ и тосканскихъ республикъ, испанскихъ ком-

мунь и вольныхъ городовъ въ Германіи и другихъ странахъ, не заслуживаютъ чести быть названы народными возстаніями, тутъ выказывалось стремленіе не къ свободѣ, а къ вольностямъ, тутъ шла борьба не за права, а за справедливость; корпораціи сражались за свои привилегіи, и все оставалось въ ненарушимыхъ границахъ гильдейскаго и ремесленнаго цеховъ. Только во время реформаціи борьба сдѣлалась общою и приняла нравственный характеръ, свободу начали требовать не какъ перешедшее по преданію, но какъ первобытное, не какъ пріобрѣтенное, но какъ природенное право. Тутъ выставлялись на видъ уже не старые пергаменты, а принципы; и германскій поселянинъ, и англійскій пуританинъ ссылались на Евангеліе, изреченія котораго въ ту пору замѣняли для людей мѣсто разума, даже считались выше его, именно—сообщеннымъ челоуѣчеству посредствомъ Откровенія разумомъ Бога. Въ немъ было ясно высказано, что всѣ люди одинаково благороднаго рожденія, что высокоумное самомнѣніе строго осуждается, что богатство — грѣхъ, и что бѣдные также призваны къ наслажденію въ прекрасномъ саду Бога, общаго Отца людей.

Съ Библіею въ одной рукѣ и съ мечомъ въ другой проходили поселяне по южной Германіи, и богатые граждане высокобашеннаго Нюрнберга услышали отъ нихъ, что впередъ во всемъ государствѣ не должно быть ни одного дома, не похожаго на хижину поселянина. Такъ вѣрно и глубоко поняли они равенство. Еще, теперь, во Франконіи и Швабіи, мы видимъ слѣды этого ученія о равенствѣ, и трепетное благоговѣніе предъ Св. Духомъ охватываетъ душу путника, смотрящаго въ лунную ночь на темныя развалины замковъ—слѣдствіе крестьянской войны. Хорошо тому, кто, въ простотѣ сердца, видитъ въ этихъ развалинахъ только разрушившіяся стѣны; но челоуѣкъ развитой — а таковъ всякій, знающій исторію—видитъ въ нихъ и охоту нѣмецкаго дворянства, грубѣйшаго изъ всѣхъ дворянствъ въ мірѣ, за побѣжденными, — видитъ, какъ тысячи беззащитныхъ падали убитые, измученные пыткой, измороженные, искалѣченные, — видитъ, какъ окровавленные головы поселянъ таинственно киваютъ изъ волнующихся хлѣбныхъ полей, надъ которыми свищетъ страшный жаворонокъ, призывая къ мщенію.

Не такую страшную участь испытали англійскіе и шотландскіе братья этихъ несчастныхъ; ихъ паденіе было не

такъ позорно и бесплодно, и еще теперь въ этихъ странахъ видны плоды ихъ управленія. Но имъ не удалось построить его на прочныхъ основаніяхъ, щеголи «кавалеры» господствуютъ снова, какъ прежде, и забавляются смѣшными исторіями о старыхъ, упрямыхъ «круглоголовыхъ», прекраснымъ описаніемъ которыхъ дружественный бардъ услаждаетъ ихъ досуги. Въ Великобританіи не совершился никакой общественный переворотъ, зданіе гражданскихъ и политическихъ учреждений осталось неразрушеннымъ, господство кастъ и цеховой элементъ сохранились до нынѣшняго дня, и Англія, хотя и облитая свѣтомъ и теплотою новой цивилизаціи, продолжаетъ упорно оставаться въ средневѣковомъ положеніи, или, скорѣе, въ положеніи фешенебельныхъ среднихъ вѣковъ. Уступки, сдѣланныя въ этой странѣ либеральнымъ идеямъ, только съ трудомъ завоеваны у этой средневѣковой закостѣлости, и всѣ новыя улучшенія суть слѣдствія не принципа, а фактической необходимости, и на всѣхъ этихъ улучшеніяхъ лежитъ проклятіе полу-мѣръ, которыя непремѣнно влекутъ за собой новыя бѣдствія, новую смертельную борьбу и ея опасности. Религіозная реформація въ Англіи совершилась только наполовину, и въ голыхъ четырехъ темничныхъ стѣнахъ епископской англиканской церкви живетъ еще хуже, чѣмъ въ просторной, прекрасно выкрашенной и снабженной мягкими подушками, умственной тюрьмѣ католицизма. Политическая реформація имѣла не лучший исходъ: народное представительство находится въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи, и если сословія уже не различаются между собою платьемъ, то продолжаютъ различаться законами, прерогативами, привилегіями и другими фатальными вещами; и если собственность и личность народа зависятъ уже не отъ аристократическаго произвола, а отъ законовъ, то эти законы, все-таки, ничто иное, какъ другой родъ зубовъ, которыми аристократическое племя хватаетъ свою добычу, и другой родъ кинжаловъ, которыми оно убиваетъ народъ. Въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ деспотъ на земномъ шарѣ не сталъ бы произвольно выжимать столько налоговъ, сколько англійскій народъ долженъ платить на основаніи законовъ, и ни одинъ деспотъ древняго времени не былъ такъ жестокъ, какъ жестоки англійскіе уголовные законы, ежедневно убивающіе за покражу одного шиллинга, убивающіе съ холодною кровью буквы. Правда, съ нѣкотораго времени это мрачное положеніе начинаетъ улучшаться, корыстолюбію вельможъ и духовенства ставятся нѣкоторыя

предѣлы, народное представительство перестаетъ, хотя отчасти, быть такою большою ложью, какъ прежде, вслѣдствіе того, что нѣкоторымъ большимъ фабричнымъ мѣстамъ предоставляется право утратившаго силу голоса rotten borough; наконецъ, строгая религіозная нетерпимость смягчается тѣмъ, что дають права нѣкоторымъ другимъ сектамъ; но все это только заплаты на старомъ платьѣ, которыя продержатся весьма недолго, и глупѣйшій англійскій портной можетъ предвидѣть, что рано или поздно старое государственное платье распадется на самыя жалкіе лохмотья.

«Никто не пришиваетъ заплаты изъ новаго сукна къ старому платью, ибо новое сукно оторвется отъ стараго, и прорѣха сдѣлается еще больше. И никто не вкладываетъ сула въ старые мѣха, ибо суло прорветъ мѣха, и вино разольется, и мѣха пропадутъ. Но надо вливать вино въ мѣха новые».

Глубочайшая истина расцвѣтаетъ только изъ глубочайшей любви, и въ этомъ причина согласія мнѣній древняго проповѣдника, говорившаго противъ іерусалимской аристократіи, съ мнѣніями тѣхъ позднѣйшихъ проповѣдниковъ, которые съ высотъ парижскаго Конвента проповѣдывали трехцвѣтную истину, что не только форма государственной жизни, но и вся общественная жизнь должны быть не заплатаны, а совершенно преобразованы на новомъ фундаментѣ, даже вновь рождены.

Я говорю о французской революціи—той міровой эпохѣ, когда ученіе о свободѣ и равенствѣ такъ побѣдоносно вышло изъ того общаго источника познанія, который мы называемъ разумомъ и который есть непрестанное Откровеніе, повторяющееся въ каждой человѣческой головѣ и кладущее основу знанію... Ничто и никогда не могло сражаться съ господствомъ привилегій, съ первенствующими кастами такъ побѣдоносно, какъ сражается съ ними въ настоящее время разумъ, демократическій по своей натурѣ. Исторія революціи есть военная исторія этой борьбы, въ которой всѣ мы участвовали болѣе или менѣе; это война на смерть съ египетствомъ.

Хотя мечи нашихъ враговъ съ каждымъ днемъ становятся тупѣе, хотя нами заняты уже лучшія позиціи, но пѣсны побѣды мы, все-таки, не можемъ заглѣть раньше, чѣмъ дѣло будетъ доведено до конца. Покамѣстъ мы можемъ только въ промежуточные ночи, во время перемирія, выходить съ фо-

нарями на поле битвы, чтобы хоронить наших мертвецов... Мало пользы приносит короткая надгробная рѣчь! Клевета, этот наглый призракъ, садится на благороднѣйшія могилы...

Какъ клеветали на героевъ революціи, такъ осыпали клеветами и самое революцію. и во всевозможныхъ пасквиляхъ изображали ее, какъ пугало государей и язву народовъ. Въ школахъ заставляли дѣтей выучивать наизусть всѣ такъ-называемые ужасы революціи, а на ярмаркахъ нѣкоторое время только и показывали, что ярко раскрашенные изображенія гильотины. Нельзя, конечно, отрицать, что эту машину, которую изобрѣлъ французскій врачъ, великій мировой ортопедъ, *monsieur* Гильотень, и которою можно весьма легко отдѣлывать глупую голову отъ злого сердца, — что ее примѣняли къ дѣлу слишкомъ ужъ часто, но вѣдь это дѣлали только въ болѣзняхъ неизлечимыхъ, на примѣръ, измѣнѣ, лжи и слабости, и пациентовъ мучили недолго, ихъ не пытали и не колесовали, какъ нѣкогда въ доброе старое время мучили, пытали и колесовали тысячи и тысячи *roturiers* и *vilains*, горожанъ и крестьянъ. Что французы этою машиною обезглавили верховнаго главу своего государства—безъ сомнѣнія ужасно, и не знаешь, въ чемъ обвинять ихъ за это—въ отцеубійствѣ или самоубійствѣ; но если мы станемъ судить, принимая во вниманіе смягчающія обстоятельства, то найдемъ, что Людовикъ XVI палъ жертвою не столько страстей, сколько событій, и что тѣмъ людямъ, которые побудили народъ къ такому жертвоприношенію и которые сами во всѣ времена проливали кровь государей въ гораздо болѣе обильной мѣрѣ, не слѣдовало бы выступать въ качествѣ лишь обвинителей. Только двухъ королей—и при томъ королей больше дворянства, чѣмъ народа—принесъ народъ въ жертву, не въ мирное время, не изъ-за низменныхъ интересовъ, но въ крайне стѣсненномъ положеніи по случаю войны, когда онъ увидѣлъ, что они измѣняютъ ему, и въ то время, какъ онъ нисколько не щадилъ своей собственной крови; но несомнѣнно, что болѣе тысячи государей пали отъ руки измѣнниковъ и коварнымъ образомъ, ради корыстолюбія или пустыхъ интересовъ, подъ кинжаломъ, мечомъ и ядомъ дворянства и духовенства. Какъ посмотришь, такъ кажется, что эти касты причисляютъ убійство государей тоже къ своимъ привилегіямъ—и потому тѣмъ эгоистичнѣе оплакивали смерть Людовика XVI и Карла I...

Но клеветали не только на героев революціи и самое революцію—клеветали даже на весь нашъ вѣкъ, съ неслышанною дерзостью пародировали всю литургію нашихъ священнѣйшихъ идей, и когда слушаешь или читаешь нашихъ гнусныхъ поносителей, то народъ у нихъ—сволочь, свобода—наглость, и съ воздѣтыми къ небу глазами и набожными вздохами сѣтуютъ и сожальютъ они, что мы «фривольны» и что у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ никакой религіи. Лицемерные плуты и ханжи, смиренно крадущіеся между нами, согнувшись подъ бременемъ своихъ тайныхъ грѣховъ, осмѣливаются поносить вѣкъ, можетъ-быть, самый священный между всѣми своими предшественниками и преемниками, вѣкъ, приносящій себя въ жертву за грѣхи прошедшаго и счастье будущаго, мессія между столѣтіями, который едва ли былъ бы въ силахъ вынести свои страданія, если бы по временамъ не напѣвалъ веселаго водевиля и не отпускалъ остротъ насчетъ новыхъ фарисеевъ и садукеевъ. Колоссальныя скорби были бы невыносимы безъ такого остроумничанья и зубоскальства! Серьезность дѣйствуетъ особенно сильно тогда, когда о появленіи ея возвѣщаетъ смѣхъ, шутка. Наше время вполне похоже въ этомъ отношеніи на своихъ дѣтей между французами, которые писали ужасающе вѣтренныя книги, но, тѣмъ не менѣе, могутъ быть весьма серьезными и строгими тамъ, гдѣ серьезность и строгость необходимы; таковы, напримѣръ, Лакло и особенно—Луве де-Кувре, которые оба, когда представлялась надобность, со смѣлостью и самопожертвованіемъ мучениковъ сражались за религію, но при этомъ писали очень легкія и скандальныя вещи и, къ сожалѣнію, не имѣли никакой религіи.

Какъ будто свобода не есть та же религія! А такъ какъ она религія—наша, то мы, мѣряя тѣмъ же масштабомъ, могли бы объявить ея поносителей тоже фривольными и не имѣющими религіи.

Да, я повторяю слова, которыми началъ эти страницы: свобода есть религія нашего времени... А французы—ея избранный народъ, на ихъ языкѣ начертаны ея первыя истины и положенія, Парижъ—новая обѣтованная земля, и Рейнъ—рѣка, которая отдѣляетъ обѣтованную землю свободы отъ земли филистеровъ.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

(Писано 29 ноября 1830 г.)

Подавленное, остановившееся въ своемъ ходу время было то, когда я писалъ второй томъ «Путевыхъ Картинъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ печаталъ его.

Ахъ, вся эта книга, какъ и предшествовавшая ей сочиненія такого же характера, имѣють своимъ источникомъ современное бѣдственное положеніе. Близкимъ друзьямъ автора, знакомымъ съ его частными обстоятельствами, хорошо извѣстно, какимъ незначительнымъ побужденіямъ выступать на трибуну служить для него собственный личный интересъ и какъ велики жертвы, которыя онъ долженъ приносить за всякое свободное слово, произносившееся имъ съ тѣхъ поръ, и которое, съ Божьею помощью, будетъ онъ произносить и впередъ. Теперь слово стало дѣломъ, послѣдствія котораго неизмѣримы; вѣдь никто не можетъ съ точностью знать, не придется ли ему, въ концѣ-концовъ, выступать въ качествѣ мученика за слово.

Уже много лѣтъ напрасно жду я слова тѣхъ смѣлыхъ ораторовъ, которые нѣкогда въ собраніяхъ нѣмецкаго буршества такъ часто просили слова и такъ часто одерживали верхъ надо мною своими риторическими талантами, и говорили такимъ многообѣщающимъ языкомъ; тогда они такъ громко разглагольствовали, теперь они хранятъ такое ночное молчаніе. Какую бранью обрушивались они въ то время на французовъ, и на новый Вавилонъ, и на анти-нѣмецкихъ фривольныхъ измѣнниковъ отечества, хвалившихъ Францію! Эту похвалу оправдала великая недѣля.

Ахъ, великая парижская недѣля! Мужество, повѣявшее оттуда на Германію, вызвало, правда, нѣсколько пожаровъ... но старые полицейскіе тащатъ уже во всѣ опасныя мѣста гасительныя ведра съ водой, и прислушиваются, и обнюхиваютъ тѣмъ бдительнѣе, и куютъ тѣмъ крѣпче тайныя пѣпи, и я замѣчаю уже, какъ невидимо окружаетъ еще болѣе толстая тюремная стѣна нѣмецкій народъ.

Бѣдный, плѣненный народъ! Не отчаявайся въ своей бѣдѣ... О, если бы я могъ говорить катапультами! О, если бы я могъ стрѣлять фалариками изъ моего сердца!

На моемъ сердцѣ растаяла гордая ледяная кора его, и странная тоска прокрадывается въ меня... Любовь ли это, и притомъ любовь къ нѣмецкому народу? Или это болѣзнь?... Моя душа трепещетъ, и въ глазахъ у меня горитъ, а та-

кое состояніе неблагопріятно для писателя, который долженъ владѣть своимъ матеріаломъ и оставаться прекрасно объективнымъ, какъ того требуетъ художественная школа, и какъ поступалъ, между прочимъ, и Гёте... онъ при этомъ дожилъ до восьмидесяти лѣтъ, и былъ министромъ и имѣеть хорошій достатокъ... Бѣдный нѣмецкій народъ! Это твой величайшій человѣкъ!

...Хочется мнѣ рассказать здѣсь еще одну исторію—она уже со вчерашняго дня бродить у меня въ головѣ—это исторія изъ жизни императора Максимилиана. Но я слышалъ ее уже давно и всѣхъ подробностей не помню въ точности. Такія вещи забываются легко, когда не получаешь опредѣленнаго жалованья за то, чтобы каждые полгода заучивать наизусть старыя исторіи. Но что за важность, если вы забыли названія мѣстностей и хронологію; лишь бы помнить внутреннее значеніе разсказа, его мораль. Это-то собственно и звучитъ въ моей головѣ въ настоящемъ случаѣ и настраиваетъ меня грустно, до слезъ. Боюсь, какъ бы мнѣ не заболѣть.

Бѣдный императоръ былъ взятъ въ плѣнъ своими врагами и сидѣлъ въ тяжеломъ заточеніи. Кажется, это было въ Тиролѣ. Сидѣлъ онъ, одинокій и печальный, оставленный всѣми своими рыцарями и придворными, и никто не приходилъ къ нему на помощь. Не знаю, было ли у него уже въ то время то желтоватое, какъ сыръ, лицо, которое изображено на его Гольбейновскихъ портретахъ. Но полная презрѣнія къ людямъ нижняя губа, несомнѣнно, выступала впередъ еще рѣзче, чѣмъ на тѣхъ портретахъ. Какъ могъ онъ не презирать тѣхъ людей, которые при солнечномъ сіяніи счастья съ такою преданностью пресмыкались передъ нимъ, а теперь оставили его одного въ мрачномъ несчастіи! Но вотъ внезапно отворилась дверь тюрьмы, и вошелъ укутанный въ плащъ человѣкъ, и когда онъ снялъ плащъ, императоръ узналъ своего вѣрнаго Кунца фонъ-дербъ-Розена, придворнаго шута. Этотъ человѣкъ принесъ ему утѣшеніе и совѣтъ—и то былъ придворный шутъ.

О, нѣмецкая отчина! Дорогой нѣмецкій народъ! Я твой Кунцъ фонъ-дербъ-Розень. Человѣкъ, должность котораго состоитъ, собственно, въ томъ, чтобы развлекать, и который обязанъ былъ только увеселять тебя въ счастливые дни,—онъ проникаетъ въ твою тюрьму въ дни скорби и бѣдствія; подъ этимъ плащомъ приношу я тебѣ твой мощный скипетръ и прекрасную корону—неужели ты не узнаешь меня,

мой императоръ? Если я не въ силахъ освободить тебя, то буду, по крайней мѣрѣ, утѣшать, и около тебя будетъ кто-нибудь, кто станетъ болтать съ тобою о твоихъ страшнѣйшихъ несчастіяхъ, и ободрять тебя, и любить, и отдавать къ твоимъ услугамъ свои лучшія шутки и свою лучшую кровь... Ибо ты, мой народъ, истинный владыка и повелитель нашей страны... Если ты и лежишь теперь въ оковахъ, то, въ концѣ-концовъ, твое законное, право, все-таки, побѣдить; ужъ близокъ день освобожденія, начинается новое время... Мой господинъ, ночь миновала, и загорается утренняя заря.

— Кунцъ фонъ-дерь-Розенъ, мой шутъ, ты ошибаешься: блестящій топоръ ты принимаешь, можетъ-быть, за солнце, и твоя утренняя заря ничто иное, какъ кровь.

— Нѣтъ, мой господинъ, это дѣйствительно солнце, хотя оно и восходитъ съ запада... Вотъ уже шесть тысячъ лѣтъ, какъ оно постоянно восходило съ востока; пора же ему, наконецъ, измѣнить свое направленіе.

— Кунцъ фонъ-дерь-Розенъ, мой шутъ, ты, я замѣчаю, потерялъ позвонки съ твоего краснаго колпака, и такой странный теперь у него видъ.

— Ахъ, мой господинъ, узнавъ о вашемъ несчастіи, я такъ бѣшенъ серьезно трясъ головой, что дурацкіе позвонки упали съ колпака; но онъ отъ этого не сталъ хуже.

— Кунцъ фонъ-дерь-Розенъ, мой шутъ, что это тамъ за дверьми ломается и трещить?

— Тсс!.. Это пила и топоръ плотника, и скоро разобьется дверь вашей тюрьмы, и вы будете свободны, мой господинъ!

— Да неужели же я дѣйствительно государь? Ахъ, вѣдь это говорить мнѣ мой шутъ!

— О, не вздыхайте, милый господинъ мой, это тюремный воздухъ дѣлаетъ васъ такимъ боязливымъ... Чуть только вы освободитесь, какъ снова почувствуете въ жилахъ свою благородную кровь и сдѣлаетесь гордымъ, какъ владыка, и своенравнымъ, и милостивымъ, и несправедливымъ, и улыбающимся, и неблагодарнымъ—какъ наши нѣмецкіе властители.

— Кунцъ фонъ-дерь-Розенъ, мой шутъ, когда я снова получу свободу, что станешь дѣлать ты?

— Я пришью новые позвонки къ моему колпаку.

— А какъ мнѣ наградить твою вѣрность?

— Ахъ, милый господинъ мой, не велите умертвить меня!

ЛЮДВИГЪ БЁРНЕ.

(1840 г.).

КНИГА ПЕРВАЯ.

Имя Бёрне я услышала въ первый разъ въ лѣто отъ Рождества Христова 1815-е. Я была съ моимъ покойнымъ отцомъ на франкфуртской ярмаркѣ, куда онъ повезъ меня для того, чтобы я немного свѣтъ посмотрѣла: это дѣло образовательное. Тутъ моимъ глазамъ представилось удивительное зрѣлище. Въ такъ-называемыхъ *жизняхъ*, вверхъ по Цейлу, я увидѣла восковыя фигуры, дикихъ звѣрей, необычайныя произведенія искусства и природы. Отецъ показалъ мнѣ также большіе, какъ христіанскіе, такъ и еврейскіе магазины, въ которыхъ вы купите товаръ десятью процентами ниже фабричной цѣны и все-таки будете надуты. Показалъ онъ мнѣ также ратушу, Рёмеръ, гдѣ покупались германскіе властители десятью процентами ниже фабричной цѣны. Этотъ товаръ, наконецъ, весь вышелъ. Разъ отецъ повелъ меня въ кабинетъ для чтенія одной изъ Δ или \square ложь, гдѣ онъ часто ужиналъ, пилъ кофе, игралъ въ карты и занимался другими франмасонскими дѣлами. Между тѣмъ, какъ я углубилась въ чтеніе газетъ, одинъ молодой членъ вѣкъ, сидѣвшій подлѣ меня, шепнулъ мнѣ на ухо:

— Вотъ докторъ Бёрне, который пишетъ противъ комедьянтовъ!

Я подняла глаза и увидѣла человѣка, который искалъ какого-то журнала, нѣсколько разъ обошелъ комнату и потомъ вышелъ. Какъ ни кратковременно было это посѣщеніе, но фигура этого человѣка осталась у меня въ памяти, и еще теиерь я могу бы изобразить ее съ дипломатическою точностью. На немъ былъ черныи сюртукъ, блестящій какъ совершенно новый, и ослѣпительно бѣлое бѣлье; изъ

онъ носилъ ихъ не какъ щеголь, а съ особенною зажиточною небрежностью, даже, пожалуй, съ сердитымъ равнодушіемъ, достаточно свидѣтельствовавшимъ о томъ, что онъ недолго занимался передъ зеркаломъ повязываньемъ бѣлаго галстука и надѣлъ сюртукъ, какъ только принесъ его портной, недолго изслѣдуи, слишкомъ ли онъ узокъ, или слишкомъ широкъ.

Онъ оказался ни низкимъ, ни высокимъ, ни сухоощавымъ, ни толстымъ; лицо его не было ни румяно, ни блѣдно, но румяно-блѣдно, или блѣдно-румяно, и въ лицѣ этомъ прежде всего кидались въ глаза какая-то отталкивающая гордость, какос-то пренебреженіе, свойственное людямъ, чувствующимъ себя выше своего положенія, но сомнѣвающимся въ томъ, что люди признаютъ ихъ. Это не было то тайное величіе, которое можно открыть на лицѣ короля или генія, никогда не скрывающагося въ толпѣ; это было скорѣе то революціонное, болѣе или менѣе титаническое недовольство, которое замѣчается на лицахъ претендентовъ всякаго рода. Въ его осанкѣ, движеніяхъ, походкѣ было что-то самоуверенное, определенное, характеристичное. Не изливаются ли тайно на обыкновенныхъ людей лучи ихъ духа? Не чувствуетъ ли наше сердце присутствіе этого сіянія, котораго тѣлесные глаза наши не могутъ видѣть? Можетъ-быть, какъ матеріальная гроза дѣйствуетъ на кошекъ, такъ и моральная въ такомъ необыкновенномъ человѣкѣ дѣйствуетъ электрически на приближающіеся къ нимъ молодые, еще не ступившіе умы? Я самъ не знаю, какимъ образомъ коснулась меня искра, вылетѣвшая изъ глазъ этого человѣка, но я никогда не могъ забыть это прикосновеніе и никогда не могъ забыть доктора Бёрне, который писалъ противъ комедьянтовъ.

Да, въ то время онъ былъ театральнымъ критикомъ и упражнялся на герояхъ закулиснаго міра. Въ боннскомъ университетѣ у меня былъ товарищъ Диффенбахъ, который, гдѣ бы ни встрѣтилъ собаку или кошку, сейчасъ же отрывалъ хвостъ, чисто изъ желанія рѣзать, за что мы, слушающая страннѣйшій вой несчастныхъ животныхъ, сильно сердились на Диффенбаха, но впоследствии отъ души простили ему, такъ какъ эта страсть рѣзать сдѣлала изъ него величайшаго оператора Германіи. Точно также и Бёрне сначала упражнялся на комедьянтахъ, и то юношеское жестокосердіе, съ которымъ онъ обращался съ разными Гейгелями, Вейднерами, Урширюгами и другими певчими жигот-

пыми, бѣгающими съ тѣхъ поръ безъ хвостовъ, должно-быть прощено ему за лучшія услуги, которыя онъ въ послѣдствіи, въ качествѣ великаго политическаго оператора, оказалъ міру своею остроотточенною критикою.

Имя Бёрне паномнилъ мнѣ лѣтъ десять спустя послѣ вышеупомянутой встрѣчи Варнгагенъ-фонъ-Элизе, давній мнѣ прочитатель статьи этого человѣка, именно въ «Вѣсахъ» и «Крыльяхъ Времени». Тонъ, какимъ онъ рекомендовалъ мнѣ эти статьи, былъ значительно настоятельнѣе, а улыбка, появившаяся на губахъ находившейся при этомъ Рахили,—эта извѣстная, загадочно тоскливая, разумномистическая улыбка,—придала рекомендаціи еще бѣлыйшій вѣсъ. Рахиль, повидимому, знала Бёрне не по однимъ его литературнымъ трудамъ и, сколько я могу припомнить, увѣряла меня при этомъ случаѣ, что существуютъ письма, которыя Бёрне писалъ нѣкогда къ одной любимой женщинѣ и въ которыхъ его страстный, высокій умъ является еще въ болѣе блистательномъ свѣтѣ, чѣмъ въ напечатанныхъ произведеніяхъ. Рахиль говорила также о его стилѣ и выражалась при этомъ такъ, что каждый, незнакомый съ ея языкомъ, могъ истолковать эти выраженія совсѣмъ въ другую сторону; она говорила: «Бёрне точно такъ же не умѣетъ писать, какъ я или Жанъ-Поль». Дѣло въ томъ, что подъ словомъ «писать» она понимала спокойное изложеніе, такъ сказать, редакцію мыслей, логическую связь частей рѣчи, словомъ, то искусство строить періоды, которому она такъ восторженно удивлялась какъ у Гете, такъ и у своего мужа, и по поводу котораго мы въ то время вели почти ежедневно самыя плодотворныя дебаты. Нынешняя проза (замѣчу это мимоходомъ) создалась не безъ многихъ попытокъ, совѣщаній, противорѣчій и труда. Рахиль любила Бёрне, можетъ-быть, тѣмъ болѣе, что она сама принадлежала къ тѣмъ авторамъ, которые, если хотятъ писать хорошо, должны находиться въ нѣкотораго рода умственномъ опьяненіи; это вакханки мысли, бѣгающія вслѣдъ за богомъ въ священномъ помраченіи ума. Но при всей своей любви къ родственнымъ натурамъ, она, однако, относилась съ величайшимъ удивленіемъ къ тѣмъ разсудительнымъ ваятелямъ слова, которые все свое мышленіе, всѣ свои чувства и воззрѣнія, отрѣшивъ ихъ отъ родившей ихъ души, умѣютъ обрабатывать, какъ готовый матеріалъ, и какъ бы представлять пластически. Въ противоположность этой великой женщинѣ, Бёрне питалъ самое узкое отвращеніе къ такому

роду изложенія; въ своей субъективной ограниченности онъ не понималъ объективной свободы Гётевской манеры и художественную форму принималъ за отсутствіе чувства; онъ походилъ на ребенка, который, не понимая пламеннаго смысла греческой статуи, ощупываетъ только мраморныя формы и жалуется на холодъ.

Забывая здѣсь впередъ съ указаніемъ на отвращеніе, которое манера Гёте возбуждала въ Бёрне, я этимъ заявляю, что стиль послѣдняго уже въ то время не вызывалъ съ моей стороны безусловнаго одобренія. Не мое дѣло раскрывать недостатки этой манеры писанія; притомъ многіе правильно поняли бы всякій намекъ на то, что мнѣ больше всего не нравилось въ этомъ стилѣ. Замѣчу только, что для того, чтобы владѣть въ совершенствѣ прозаическимъ языкомъ, нужно, между прочимъ, отлично владѣть и метрическою формой. Безъ этого у прозаика не будетъ известнаго такта, отъ него будетъ ускользать словосочетанія, выраженія, цезуры и обороты, которые имѣютъ мѣсто только въ стихотворной рѣчи, и отъ этого происходитъ скрытая дисгармонія, оскорбляющая только немногія, но очень тонкія, уши.

Но какъ ни сильно я былъ расположенъ порицать вѣдливую сторону, стиль Бёрне, и особенно смотрѣть, какъ на ребяческую безпомощность, на его корстніе періоды въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ не описываетъ, а разсуждаетъ, я, тѣмъ не менѣе отдавалъ самую щедрую справедливость содержанію, сущности его статей; я чтить оригинальность, правду и вообще благородство, всюду отличавшія ихъ, и съ тѣхъ поръ уже никогда не забывалъ автора. Мнѣ сказали, что онъ все еще живетъ во Франкфуртѣ, и когда, нѣсколько лѣтъ спустя, именно въ 1827 г., мнѣ предстояло проѣхать черезъ этотъ городъ по пути въ Мюнхенъ, то я далъ себѣ слово посѣтить доктора Бёрне. Это удалось мнѣ, однако, только послѣ долгихъ разсиросовъ и блужданій по городу. Гдѣ я ни осведомлялся о мѣстѣ его жительства, вездѣ на меня смотрѣли съ удивленіемъ, и даже въ домѣ, гдѣ онъ жилъ, его или не знали, или нисколько не заботились о немъ. Странное дѣло! Когда передъ нами упоминаютъ имя отдаленнаго города, въ которомъ живетъ тотъ или другой великій человѣкъ, мы невольно представляемъ себѣ этого человѣка средоточіемъ этого города, проливающимъ лучи своей славы даже на крыши его. Каково же наше удивленіе, когда мы пріѣзжаемъ на мѣсто, хотимъ посѣтить вели-

таго человѣка, и только послѣ долгихъ разспросовъ находимъ его въ толпѣ! Такъ путешественникъ издали уже видитъ высокій шпиль городского собора, но чуть онъ въѣхалъ въ самый городъ, какъ шпиль этотъ внезапно исчезаетъ изъ глазъ, и только послѣ страствованія по многимъ кривымъ и узкимъ переулкамъ, высокая башня снова является глазамъ, рядомъ съ обыкновенными домами и лавками, которые едва-едва не закрываютъ ея.

Когда я спросилъ о Бёрне у одного маленькаго оптика, онъ отвѣчалъ мнѣ, лукаво покачивая головой: «Гдѣ живетъ д-ръ Бёрне, я не знаю, но мадамъ Воль живетъ въ Волграбенѣ». Одна старая рыжеволосая горничная, которую я тоже спросилъ, дала мнѣ, наконецъ, желанное свѣдѣніе, прибавивъ съ веселымъ смѣхомъ: «Я вѣдь служу у матери мадамъ Воль».

Я съ трудомъ узналъ этого человѣка, прежняя фигура котораго еще живо сохранялась въ моей памяти. Въ немъ не было теперь и слѣда гордаго недовольства и надменной суровости. Передо мной стоялъ веселый человѣчекъ, очень хилый, но не больной, съ головкою, покрытой черными, приглаженными волосенками, съ щеками, на которыхъ былъ даже кусочекъ румянца, съ свѣтло-коричневыми очень добрыми глазами, съ задушевностью въ каждомъ взглядѣ, каждомъ движеніи, даже въ тонѣ. Одѣтъ онъ былъ въ византійскій камзолчикъ изъ сѣрой шерсти, который плотно, словно панцирь, прилегалъ къ его тѣлу и придавалъ ему какой-то смѣшно-сказочный видъ. Онъ принялъ меня съ привѣтливостью и любовью, не прошло и трехъ минутъ, какъ мы уже вели самый интимный разговоръ. О чемъ прежде всего заговорили мы? Когда сходятся кухарки, то онѣ сейчас же начинаютъ толковать о своихъ господахъ, а когда сходятся пѣмецкіе писатели, то первый предметъ ихъ разговора—издатели ихъ сочиненій. Вслѣдствіе этого, бесѣда наша началась сужденіемъ о Котта и Камне, и когда я, послѣ нѣсколькихъ, обыкновенныхъ въ этихъ случаяхъ, жалобъ, засвидѣтельствовалъ добрыя качества послѣдняго, тогда Бёрне сообщилъ мнѣ, что онъ хочетъ разрѣшиться отъ бремени изданіемъ полного собранія своихъ сочиненій и желать бы залучить для этого предпріятія Камне. Я увѣрялъ его, что Юліусъ Камне не обыкновенный книгопродавецъ, который хочетъ только извлекать свою пользу изъ благороднаго, прекраснаго и великаго, но, что, напротивъ того, онъ часто печатаетъ при самыхъ неблагопріятныхъ

условіяхъ великія, прекрасныя и благородныя вещи, и дѣйствительно терпѣть при этомъ большіе убытки. Эти слова Бёрне слушаютъ очень внимательно, и впослѣдствіи они побудили его поѣхать въ Берлинъ и условиться съ издателемъ «Путевыхъ Картинъ» объ изданіи полнаго собранія своихъ сочиненій.

По окончаніи толковъ объ издателяхъ, начинаются взаимные комплименты двухъ писателей, разговаривающихъ между собою въ первый разъ. Я прохожу молчаніемъ то, что Бёрне говорилъ о моемъ превосходствѣ передъ нимъ, и упомяну только о маленькомъ порицаніи, которое онъ по временамъ впускалъ, капля по каплѣ, въ пѣнящуюся чашу восхваленія. Именно, онъ незадолго до того прочелъ вторую часть «Путевыхъ Картинъ» и былъ недоволенъ тѣмъ, что о разныхъ возвышенныхъ предметахъ я говорилъ съ неуваженіемъ, между тѣмъ, какъ къ Наполеону, который все-таки былъ никто иной, какъ смертный деспотъ, относился съ преувеличеннымъ почтеніемъ. Такимъ образомъ, деиствъ и либераль уже теперь ясно явился мнѣ въ лицѣ Бёрне. Повидимому, онъ не совсѣмъ долюбивалъ Наполеона, хотя, помню своего вѣдома, въ душѣ очень высоко чтилъ его. Онъ возмущался тѣмъ, что иноземные государи такъ великодушно свергнули статую Наполеона съ Вандомской колонны.

— Ахъ!—вскричалъ онъ съ горькимъ вздохомъ:— вы могли спокойно оставить его статую на прежнемъ мѣстѣ; вамъ слѣдовало только прибавить къ ней дощечку съ надписью: «восемнадцатое брюмера»—и Вандомская колонна сдѣлалась бы его заслуженнымъ позорнымъ столбомъ! Какъ любилъ я этого человѣка до восемнадцатаго брюмера! Даже до мира въ Кампо-Форміо я былъ расположенъ къ нему; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ на престоль, цѣльность его стала упадать все ниже и ниже.

— Еще сегодня утромъ,—продолжалъ Бёрне:—я удивлялся ему, когда вотъ въ этой книгѣ, лежащей на моемъ столѣ—онъ указалъ на «Исторію революціи» Тьера—читалъ превосходный анекдотъ о томъ, какъ Наполеонъ въ Удино имѣлъ свиданіе съ Кобенцелемъ и, въ жару разговора, разбилъ фарфоръ, который Кобенцель получилъ некогда въ подарокъ отъ императрицы Екатерины и, конечно, очень любилъ. Этотъ разбитый фарфоръ вызвалъ, можетъ быть, кампо-формійскій миръ. Кобенцель, вѣроятно, думалъ при этомъ: «У моего императора очень много фарфора, и

если этот молодец поѣдетъ въ Вѣну и воспламенится во время разговора, то, пожалуй, можетъ случиться несчастіе: заключу-ка я лучше съ нимъ миръ». По всей вѣроятности, въ ту минуту, когда въ Удино фарфоровый сервизъ Кобенцеля легълъ на полъ и разбился въдребезги, въ Вѣнѣ дрожалъ весь фарфоръ, и дрожали не только кофейники и чашки, но и китайскія пагоды: можетъ-быть, онѣ кивали головками сямънѣе, чѣмъ когда-либо, и мирный договоръ былъ ратификованъ. На картинахъ, выставленныхъ въ магазинахъ эстамповъ, Наполеонъ изображается обыкновенно или взлетающимъ на быстромъ конѣ на Симплонъ, или влывающимся на мостъ въ Лоди, съ развѣвающимся знаменемъ, и т. п. Но если бы я былъ живописецъ, то изобразилъ бы его въ ту минуту, какъ онъ разбиваетъ фарфоръ Кобенцеля. Это былъ его богатѣйшій послѣдствіями подвигъ. Съ тѣхъ поръ многіе короли стали бояться за свой фарфоръ, и особенно сильно опасались берлинцы за свою огромную фарфоровую фабрику. Вы не можете себѣ представить, любезнѣйшій Гейне, въ какой уздѣ держитъ чловѣка обладаніе дорогимъ фарфоромъ. Посмотрите, напримеръ, на меня: я былъ совершенно дикій чловѣкъ, когда у меня было мало вещей и ни кусочка фарфора. Съ пріобрѣтеніемъ собственности—и въ добавокъ, собственности ломкой—являются страхи и рабство. Еще недавно я имѣлъ несчастіе пріобрѣсть себѣ отличный чайный сервизъ; чайникъ былъ удивительно красиво вызолоченъ, на сахарницѣ было изображено супружеское счастье въ видѣ лобызцающей четы, на одной чашкѣ—башня св. Екатерины, на другой—гауптвахта, на остальныхъ—все родные ландшафты. Теперь я постоянно тревожусь мыслью, что по глупости пишу, можетъ-быть, слишкомъ свободно, и мнѣ вдругъ придется бѣжать. Какъ тогда успѣю я упаковать всѣ эти чашки, особенно—большой чайникъ? При послѣдней упаковке они могутъ разбиться, а оставить ихъ я не желалъ бы ни въ какомъ случаѣ. Да, мы, люди, странные чудакѣ! Тотъ самый чловѣкъ, который, для сохраненія свободы въ мнѣніяхъ, рискнетъ, можетъ-быть, спокойствіемъ и радостью своей жизни, и даже самую жизнь, не захочетъ, однако, потерять какія-нибудь двѣ-три чашки и, чтобы сохранить свой чайникъ, останется безмолвнымъ рабомъ. Право, я чувствую, какъ этотъ проклятый фарфоръ мѣшаетъ мнѣ писать; я становлюсь такимъ кроткимъ, такимъ осторожнымъ, такимъ боязливымъ... Въ концѣ концовъ я прихожу

даже къ убѣжденію, что купецъ, продавшій мнѣ этотъ сервизъ, былъ австрійскій полицейскій агентъ, и что Меттернихъ навизалъ мнѣ на шею этотъ фарфоръ, чтобы укротить меня. Да, да, вотъ отчего онъ такъ дешево достался мнѣ, и вотъ отчего купецъ такъ краснорѣчиво уговаривалъ меня купить его. Ахъ, сахарница съ супружескимъ счастіемъ была такая соблазнительная штука! Да, чѣмъ болѣе я смотрю на свой фарфоръ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что онъ исходитъ отъ Меттерниха! Я совсѣмъ не сердить на него за то, что меня стараются соблазнить такимъ путемъ. Когда противъ меня употребляютъ умныя средства, тогда я нимало не злюсь; только неуклюжесть и глупость для меня невыносимы. Напѣ же франкфуртскій сенатъ...

У меня есть свои причины на то, чтобы не передавать дальнѣйшихъ словъ Бёрне; замѣчу только, что въ концѣ своей рѣчи онъ добродушно засмѣялся и воскликнулъ:

— Но я еще достаточно силенъ для того, чтобы рабить мои фарфоровыя оковы, и пусть только попробуютъ разгоричить меня, красивый вызолоченный чайникъ полетитъ за окно вмѣстѣ съ сахарницей, и супружескимъ счастіемъ, и банней св. Екатерины, и гаунтвахтой, и родными ландшафтами, и я снова сдѣлаюсь такимъ же свободнымъ человекомъ, какимъ былъ прежде!

Юморъ Бёрне, живой образчикъ котораго я только-что привелъ, отличался отъ юмора Жанъ-Поль-Рихтера тѣмъ, что этотъ послѣдній любилъ касаться самыхъ отдаленныхъ предметовъ, между тѣмъ какъ первый; точно веселое дитя, кидался только на то, что лежало очень близко подлѣ него, и между тѣмъ, какъ фантазія туманнаго бѣйретскаго полигистора рылась по кладовымъ всѣхъ временъ и, обутая въ семимильные сапоги, тащилась по всѣмъ странамъ земного шара, Бёрне обращалъ вниманіе только на настоящій день, и предметы, занимавшіе его, всѣ помѣщались въ пространствѣ его кругозора. Онъ разсуждалъ о книгѣ, только-что прочитанной, о событіи, только-что случившемся, о камнѣ, на который онъ только-что паткнулся, о Ротшильдѣ, мимо дома котораго ежедневно проходилъ, о союзномъ сеймѣ, имѣвшемъ резиденцію на Цейлѣ, который онъ могъ ненавидѣть также въ двухъ шагахъ отъ себя. И въ заключеніе, мысли его неизменно возвращались къ Меттерниху. Его негодованіе противъ Гёте происходило, можетъ-быть, также изъ мѣстныхъ источниковъ; я говорю: источниковъ, а не причинъ, ибо если Бёрне обратилъ вниманіе на Гёте

прежде всего потому, что Франкфуртъ былъ родиною того и другого, то ненависть, которую онъ питалъ къ Гёте и которая разгоралась въ немъ все болѣе и болѣе, была ес-таки только необходимымъ слѣдствіемъ глубокаго различія, которое лежало въ природѣ этихъ двухъ людей. Тутъ дѣйствовала не мелочная зависть, а безкорыстная антипатія, повиновавшаяся врожденному влеченію; это была та вражда, которая, будучи стара, какъ самъ міръ, проявляется во всѣхъ исторіяхъ человѣческаго рода и самымъ рѣзкимъ образомъ обнаружилась въ борьбѣ еврейскаго спиритуализма съ эллинскою чувственностью—борьбѣ, которая до сихъ поръ еще не окончилась и, можетъ-быть, никогда не кончится: маленькій назарей ненавидѣлъ великаго грека, который при томъ былъ еще греческій богъ.

Въ это время только-что появилось сочиненіе Вольфганга Менцеля, и Бёрне ребячески радовался тому, что нашелся человѣкъ, отважившійся такъ безстрашно выступить противъ Гёте.

— Уваженіе,—наивно замѣтилъ онъ:—всегда мѣшало мнѣ высказать печатно тоже самое. Вотъ Менцель такъ не побоялся, и онъ честный человѣкъ и ученый; съ нимъ вамъ слѣдовало бы познакомиться; онъ доставилъ намъ много радостей; у него много отваги, онъ глубоко честный человѣкъ и великій ученый! Гёте ничтожество, онъ трусъ, лъстивый рабъ и дилетантъ.

Къ этой темѣ онъ еще нѣсколько разъ возвращался; я долженъ былъ дать ему слово, что навѣщу Менцеля въ Штутгартъ; онъ сейчасъ же написалъ мнѣ рекомендательное письмо къ нему, и я до сихъ поръ слышу, какъ онъ горло прибивилъ: «Онъ очень храбръ, онъ необыкновенно храбръ; онъ отличный, глубоко честный человѣкъ и великій ученый!»

Какъ въ мнѣніи о Гёте, такъ и въ сужденіи о другихъ писателяхъ, Бёрне выказалъ свою назарейскую ограниченность. Я говорю «назарейскую», чтобы не употреблять терминовъ ни «еврейскій», ни «христіанскій»; хотя оба они для меня синонимы и употребляются мною для обозначенія не вѣронсповѣданія, а міросозерцанія. Для меня оба они представляютъ противоположность эллинамъ, подъ которыми я тоже понимаю не отдѣльный народъ, а столько же врожденное, сколько развитое образованіемъ направленіе ума и воззрѣніе на вещи. Въ этомъ смыслѣ я могъ бы сказать: есѣ люди или «евреи», или «эллинцы», люди или съ побу-

людіямъ аскетическими враждебными образности, жадными къ одухотворенію, или съ веселымъ, гордымъ и реалистическимъ характеромъ. Такимъ образомъ «эдлинны» по временамъ встрѣчались въ нѣмецкихъ пасторскихъ семействахъ, точно такъ же, какъ были евреи, родившіеся въ Афинахъ и, можетъ-быть, происходившіе отъ Тезея. Здѣсь можно справедливо сказать, что не борода дѣласть человека евреемъ и не коса дѣласть христіанномъ. Бёрне былъ вполне назарей: его антипатія къ Гёте непосредственно истекала изъ его назарейскаго духа, его позднѣйшая политическая экзальтація имѣла основаніемъ тотъ рѣзкій аскетизмъ, то стремленіе къ мученичеству, которые вообще встрѣчаются въ республиканцахъ и которые они называютъ республиканскими добродѣтелями. Впослѣдствіи Бёрне обратился даже къ историческому христіанству, онъ впалъ почти въ католицизмъ; онъ братался со священникомъ Лампне и заговорилъ въ противнѣйшемъ кануцнскомъ тонѣ, когда, однажды, ему пришлось печатно высказать свое мнѣніе объ одномъ преемникѣ Гёте, пантеонистѣ съ радостнымъ воззрѣніемъ на жизнь. Психологически замѣчательно, какъ въ душѣ Бёрне мало-по-малу всплыло наверхъ врожденное христіанство, остававшееся до тѣхъ поръ подавленнымъ его рѣзкимъ умомъ и веселостью. Я говорю: веселостью—*gaieté*, а не радостью—*joie*; назарен бываютъ иногда въ рѣзвомъ, веселомъ расположеніи духа; это— остроумная рѣзвость бѣлочки, граціозно капризная, милая, даже блестящая, но за которою скоро наступаетъ тупая меланхолія; этимъ людямъ недостаетъ величія въ наслажденіи жизнью, которое можно найти только у создательныхъ боговъ.

Но если съ нашей точки зрѣнія, между евреями и христіанами нѣтъ большого различія, то оно тѣмъ рѣзче существуетъ въ міросозерцаніи франкфуртскихъ филистеровъ; о невыгодахъ, проистекающихъ изъ этого различія, Бёрне говорилъ очень много и очень часто въ продолженіе трехъ дней, которые я, изъ угожденія къ нему, провелъ въ вольномъ ишмерскомъ и торговомъ городѣ — Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Да, онъ съ комическою добротою вынудилъ у меня обѣщаніе подарить ему три дня изъ моей жизни; онъ не отпускалъ меня отъ себя, и я долженъ былъ бѣгать съ нимъ по городу, посѣщать разныхъ пріятелей его, а также и пріятельницъ. Папримѣръ, мадамъ Воль на Волграбенѣ. Эта

мадамъ Воль на Волграбенѣ—та извѣстная богиня свободы, которой впоследствии были адресованы «Парижскія Письма». Я увидѣлъ тощую особу, которой желтовато-бѣлое, изрытое осною лицо походило на кусокъ старой мацы. Несмотря на ея наружность и на то, что ея голосъ былъ скрипучъ, какъ дверь, двигающаяся на заржавѣвшихъ петляхъ, мнѣ все-таки правилось все, что говорила сія особа: говорила она импнно съ большимъ энтузіазмомъ о моихъ сочиненіяхъ. Помню, она привела своего друга въ большое смущеніе, когда захотѣла выболтать то, что онъ ей шепнулъ на ухо при нашемъ появленіи; Бёрне покраснѣлъ, какъ дѣвушка, когда она, вопреки его просьбамъ, выдала, что онъ ска-заль, что почтенъ моимъ посѣщеніемъ больше, чѣмъ если бы посѣтилъ его Гёте. Собираясь теперь, какого дурного мнѣ-нія былъ онъ въ то время о Гёте, я не могу принять то заявленіе за слишкомъ ужъ большой комплиментъ.

Объ отношеніяхъ Бёрне къ упомянутой дамѣ я узналъ тогда столь же мало положительнаго, сколько зналъ и другіе люди. Да мнѣ и было рѣшительно все равно, какія были эти отношенія—теплыя или холодныя, влажныя или сухія. Злые языки каламбурно утверждали, что «Herr Börne sässe bei madame Wohl auf dem Wollgraben so recht in der Wolle», а отъявленные злоязычники шипѣли, что между ими обонми существовалъ только отвлеченный союзъ душъ, что любовь ихъ платоническая.

Меня въ замѣчательныхъ людяхъ интересуесть не столько предметъ ихъ любви, сколько самое чувство любви. А это послѣднее, какъ мнѣ извѣстно, въ Бёрне было развито въ сильной степени. Какъ впоследствии, при чтеніи полного собранія его сочиненій, такъ уже и теперь во Франкфуртѣ, изъ нѣкоторыхъ намековъ я замѣтилъ, что Бёрне, въ разное время своей жизни, былъ не разъ сильно уязвленъ маленькимъ божкомъ. Особенно хорошо были знакомы ему мѣки ревности, какъ и вообще ревность лежала въ его характерѣ и заставляла его въ жизни, какъ въ политикѣ, смотрѣть на всѣ явленія сквозь желтыя очки недовѣрія. Я только-что упомянулъ, что Бёрне, въ разное время своей жизни, испыты-вались страданія любви.

— Ахъ!—сказаль онъ мнѣ разъ, вздохнувъ, какъ бы изъ глубины болѣзненныхъ воспоминаній,—въ зрѣлыя годы эта страсть еще гораздо опаснѣе, чѣмъ въ молодые. Этому трудно повѣрить, такъ какъ съ годами вѣдь развивается и человекъ и разсудокъ, а онъ могъ бы поддержать насъ

въ борьбѣ со страстью. Жалкая поддержка! Замѣтьте это себѣ: разсудокъ помогаетъ намъ побороть только тѣ маленькія прихоти, которыя мы побороли бы и безъ его вмѣшательства. Но какъ только нашимъ сердцемъ овладѣетъ великая истинная страсть, которую слѣдовало бы одолѣть ради положительнаго вреда, которымъ она грозитъ намъ,— разсудокъ оказываетъ мало помощи; мало того, эта капалья дѣлается даже союзникомъ нашего врага и вмѣсто того, чтобъ защищать наши матеріальные или нравственные интересы, даетъ займы врагу, страсти, всю свою логику, всѣ силлогизмы, всѣ свои софизмы, и въ руки нѣмого безумія кладетъ оружіе слова. Разсудокъ, будучи разсудителемъ, всегда становится на сторону сильнаго, на сторону страсти, и тотчасъ же оставляетъ ее, какъ только вліяніе времени или законъ реакціи сломать ея силу. И какъ потомъ издѣвается онъ надъ чувствами, которыя незадолго до того оправдывали съ такимъ жаромъ! Любезный другъ, никогда не довѣряйте въ страсти голосу разсудка, а когда страсть потухла, тоже не довѣряйте ему и не будьте несправедливы къ вашему сердцу!..

Показавъ мнѣ мадамъ Воль на Волграбенѣ, Бёрне хотѣлъ показать мнѣ и другія достопримѣчательности Франкфурта и бѣгалъ рядомъ со мною по улицамъ самую добродушную рысцою, въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Курьезный видъ придавали ему его коротенькій плащъ и бѣлая пляпенка, наполовину обитая чернымъ гребомъ. Черный гребъ означалъ смерть его отца, который при жизни поступалъ въ отношеніи къ сыну крайне скаречно, а теперь разомъ оставилъ ему много денегъ. Въ то время Бёрне, повидимому, еще носилъ въ себѣ пріятныя ощущенія такой перемѣны счастья и вообще находился въ зенитѣ комфорта. Онъ жаловался даже на свое здоровье, т. е. жаловался, что съ каждымъ днемъ становится здоровѣе и что съ увеличеніемъ здоровья уменьшаются его умственные способности. «Я слишкомъ здоровъ и не могу больше ничего писать»,— говорилъ онъ, шутя, а можетъ-быть, и серьезно, потому что у подобныхъ натуръ талантъ зависитъ отъ извѣстнаго болѣзненнаго состоянія, отъ извѣстной раздражительности, усиливающей въ нихъ способъ воспріятія и выраженія ощущеній и исчезающей съ возвращеніемъ здоровья. «Онъ долѣчилъ меня до глухоты»,— сказалъ Бёрне о своемъ докторѣ, къ которому онъ свелъ меня и у котораго мы съ нимъ отобѣдали.

Предметы, съ которыми Бёрне приходилъ въ случайное соприкосновеніе, не только просто занимали его умъ въ данную минуту, но дѣйствовали также непосредственно на расположеніе его духа, и въ непосредственной связи съ ихъ измѣненіемъ находилось хорошее или дурное настроеніе его. Какъ море отражаётъ въ себѣ цвѣтъ проносящихся надъ нимъ облаковъ, такъ на душѣ Бёрне отпечатлѣвалась окраска всѣхъ предметовъ, встрѣчавшихся ему на пути. Видъ красивыхъ садовъ или группы рѣзвыхъ дѣвушекъ, гессло проходившихъ мимо насъ, бросалъ на душу Бёрне точно розовый свѣтъ, и отраженіе его проявлялось въ блестящемъ остроуміи. Но когда мы вошли въ еврейскій кварталъ, черные дома его, казалось, бросили свою мрачную тѣнь на расположеніе духа Бёрне.

— Взгляните на эту улицу, — заговорилъ онъ со вздохомъ: — и попробуйте потомъ сказать что-нибудь въ похвалу среднимъ вѣкамъ! Люди, жившіе и плакавшіе на этихъ мѣстахъ, умерли и не могутъ дѣлать возраженій, когда наши сумасшедшіе поэты и еще болѣе сумасшедшіе историки, когда дураки и плуты восторгаются печатно древнимъ великолѣніемъ; но гдѣ молчатъ мертвые люди, тамъ тѣмъ громче говорятъ живые камни.

Дѣйствительно, дома этой улицы смотрѣли на меня такъ, какъ будто хотѣли рассказать мнѣ мрачныя исторіи — исторіи, которыя хорошо знаешь, но не хочешь знать, или жалеешь лучше забыть, чѣмъ возобновлять въ памяти. Такъ, помню я одинъ высокій домъ, углевая чернота котораго выступала тѣмъ рѣзче, что подъ окнами его висѣлъ цѣлый рядъ бѣлыхъ, какъ мѣлъ, салныхъ свѣчей; входъ, наполненный загороженный заржавѣвшими желѣзными прутьями, велъ въ темный подвалъ, гдѣ сырость, повидимому, ручьями текла по стѣнамъ, а изнутри доносилось къ намъ въ высшей степени странное, гнусливое пѣнье. Разбитый голосъ принадлежалъ, какъ казалось, старику, а мелодія начиналась съ самыхъ кроткихъ жалобныхъ звуковъ и потомъ, мало-по-малу, доходила до страшно-гнѣвныхъ аккордовъ.

— Что это за пѣсня? — спросилъ я у Бёрне.

— Это хорошая пѣсня, — отвѣчалъ онъ съ сердитымъ смѣхомъ: — лирическое *chef d'oeuvre*, подобное которому рядъ ли найдется въ «Альманахѣ Музъ» на нынѣшній годъ... Вы, можетъ-быть, знаете его по нѣмецкому переводу: «Мы сидѣли на рѣкахъ вавилонскихъ, наии арфы мысли на плакучихъ ивахъ» и т. д. Великолѣнное стихо-

твореніе! И старій рабби Хаймъ очень хорошо поетъ его своимъ дребезжанцимъ, истощеннымъ голосомъ; Зонтагъ пропѣла бы, можетъ-быть, звучнѣе его, но у нея не было бы столько выраженія, столько чувства... Потому что этотъ старикъ все еще ненавидитъ вавилонянъ и до сихъ поръ все еще каждый день плачетъ о гибели Иерусалима отъ руки Навуходоносора... Это несчастіе онъ никакъ не можетъ забыть, несмотря на то, что съ тѣхъ поръ случилось столько новаго и что еще недавно второй храмъ былъ разрушенъ злодѣемъ Титомъ. Я долженъ именно вамъ замѣтить, что старій рабби Хаймъ смотритъ на Тита отнюдь не какъ на *delicium generis humani*, а какъ на злодѣя, котораго также постигло мщеніе Бога... Именно, къ нему въ носъ влетѣлъ маленькій комаръ, который мало-по-малу разросся тамъ, сталъ царапать когтями по мозгу и причинялъ Титу такую безмѣрную боль, что онъ только тогда получалъ нѣкоторое облегченіе, когда нѣсколько сотъ кузнецовъ колотили подлѣ него по наковальнямъ. Удивительно, что всѣхъ враговъ дѣтей Израиля постигаетъ такой плачевный конецъ. Какъ покончилъ Навуходоносоръ—это вы знаете: онъ на старости лѣтъ превратился въ быка и долженъ былъ ѣсть траву. Посмотрите на персидскаго министра Амана—развѣ его, наконецъ, не повѣсили въ Сузѣ, въ столицѣ? А Антиохъ, царь сирійскій, развѣ не сгнилъ заживо отъ вшивой болѣзни? Позднѣйшимъ злодѣямъ, врагамъ свресеви, это все слѣдовало бы принять во вниманіе. Только что въ этомъ проку! Страшные примѣры не устрашаютъ ихъ, и еще на-дняхъ я читалъ новую брошюру противъ свресеви, написанную однимъ профессоромъ философіи, который называетъ себя *Magis amica*. Когда-нибудь будетъ онъ питаться травой, былъ онъ уже и безъ того, отъ природы; очень можетъ быть, что его и повѣсятъ, если онъ оскорбитъ любимую султаншу короля флаксенфингенскаго, а вшей у него вѣрно и теперь много, какъ у Антиоха. Лучше всего я желалъ бы, чтобъ онъ отправился въ морское путешествіе и потерпѣлъ кораблекрушеніе на сѣвероафриканскомъ берегу. Я именно недавно читалъ, что магометане, живущіе тамъ, считаютъ себя въ правѣ, на основаніи своей религіи, третировать, какъ рабовъ, всѣхъ христіанъ, которые претерпѣли кораблекрушеніе въ ихъ странѣ и попадаютъ въ ихъ руки. Они распределяютъ между собою этихъ несчастныхъ и употребляютъ каждый изъ нихъ въ дѣло, сообразно съ ихъ способностями. Такъ

еще недавно одинъ англичанинъ, посѣтивъ этотъ берегъ, нашель тамъ одного нѣмецкаго ученаго, который, претерпѣвъ кораблекрушеніе, былъ обращенъ въ раба, но оказался годнымъ только на то, чтобы высиживать яйца, подкладывавшіяся подъ него; принадлежалъ онъ къ теологическому факультету. Вотъ я и очень бы желалъ, чтобы докторъ *Magis amica* попалъ въ такое положеніе; заставъ его посидѣть, не вставая, подѣли три на яйцахъ (а если на утннхъ яйцахъ, такъ и четыре подѣли), навѣрное у него въ головѣ явились бы совершенно новыя для него мысли, и я пари держу, что онъ проклялъ бы религіозный фанатизмъ, подвергающій униженію въ Европѣ іудевъ, а въ Африкѣ—христіанъ, и осмѣливающійся даже превращать доктора теологичизма изъ человѣка въ насѣдку... Цыплята, которыхъ онъ высиживаетъ, будутъ имѣть очень толерантный вкусъ, особенно когда ихъ будутъ подавать съ соусомъ à la Marengo.

По легко понятнымъ причинамъ, я пропускаю здѣсь замѣчанія, которыми мой собесѣдникъ сыналъ въ озлобленнѣйшемъ избыткѣ въ то время, когда мы, страствуя по Франкфурту, проходили мимо того дома, гдѣ происходитъ засѣданія союзнаго сейма. Часовой спалъ послѣобѣденнымъ сномъ въ стоячемъ положеніи, а ласточки, свившія свои мирныя гнѣзда на карнизахъ оконъ, безмятежно летали вверхъ и внизъ. Ласточки означаютъ счастье—увѣрляла моя бабушка; она была очень суевѣрна.

Отъ угла улицы *Schnurgasse* до биржи намъ пришлось потолкаться; тутъ проходитъ золотая жила города, тутъ благородное торговое сословіе собирается, спекулируетъ и изъясняется на своемъ нарѣчій, которое мы въ сѣверной Германіи называемъ *Mauscheln*. Это *Mauscheln* есть ничто иное, какъ собственно франкфуртское туземное нарѣчіе, и необрѣзанное населеніе говоритъ на немъ такъ же превосходно какъ и обрѣзанное. Бѣрно выражался на этомъ жаргонѣ очень плохо, хотя онъ, какъ и Гёте, никогда не могъ совершенно отречься отъ туземнаго діалекта. Я замѣтила, что франкфуртцы, державшіеся въ сторонѣ отъ всѣхъ торговыхъ интересовъ, наконецъ, совершенно позабывали то франкфуртское нарѣчіе, которое, какъ я сказала, въ сѣверной Германіи мы называемъ *Mauscheln*.

Немного дальше, при выходѣ изъ *Saalgasse*, насъ порадовала гораздо болѣе пріятная встрѣча. Именно, мы увидѣли группу дѣтей, шедшихъ изъ училища—милыхъ маль-

чиковъ съ розовыми личками и связками книгъ подъ мышками.

Къ этимъ ребятамъ, — сказалъ Берне, — я питаю гораздо больше уваженія, чѣмъ къ ихъ отцамъ. Вотъ этого мальчуганъ съ высокимъ лбомъ думаетъ, можетъ-быть, теперь о второй пунической войнѣ и съ восторгомъ относится къ Аннибалу, и когда ему сегодня рассказывали, какъ великій карфагенянинъ уже въ дѣтствѣ поклялся мстить римлянамъ, то, держу пари, его маленькое сердце повторило эту клятву... Ненависть и гибель злему Риму! Сдержи свою клятву, мой маленькій соратникъ! Такъ бы я и распѣловалъ этого отличнаго мальчишку! А вонъ тотъ, другой ребенокъ, съ такимъ лукавымъ выраженіемъ на красивомъ личкѣ, думаетъ, можетъ-быть, о Митридатѣ, и желалъ бы когда-нибудь подражать ему... Что-жъ, и это хорошо, очень хорошо, и я тебя одобряю. Только, душа моя, сумѣешь ли и ты проглотить ядъ, подобно старому понтійскому царю? Приучайся къ этому заранее! Кто хочетъ воевать съ Римомъ, тотъ долженъ уметь переносить всевозможные яды, не только грубый мышьякъ, но и усыпляющій, фантастическій опиумъ, и даже крадущуюся aqua toffana клеветы! А какъ вамъ нравится этотъ мальчикъ съ такими длинными ногами и такъ сердито вздернутымъ носикомъ? Этого, можетъ-быть, такъ и подмываетъ сдѣлаться Катилиной; у него тоже длинные пальцы, и когда-нибудь онъ доставитъ нашимъ Цицеронамъ случай осрамиться длинными, скверными рѣчами. А вотъ тотъ, бѣдный болѣзненный мальчикъ, по всей вѣроятности, гораздо скорѣе согласился бы разыграть роль Брута... Бѣдный ребенокъ! Ты долженъ будешь довольствоваться закалываніемъ словами нѣсколькихъ старыхъ париковъ и, наконецъ бросишься не на мечъ, а на Шеллингову философію, и сойдешь съ ума! Я питаю уваженіе къ этимъ налюткамъ, которые цѣлый день интересуются самыми благородными исторіями человѣчества, между тѣмъ, какъ ихъ отцы занимаются только повышеніемъ или пониженіемъ курса государственныхъ бумагъ и думаютъ только о кофе, кониенили и мануфактурныхъ товарахъ! Я бы не прочь купить теперь маленькому Бруту сахарныхъ гренделей... Или нѣтъ, я лучше онопля бы его водкой, чтобы онъ остался маленькимъ... Только до тѣхъ поръ, пока мы не выросли, душа наша полна безкорыстія, полна мужества, полна героизма... Но мѣрѣ того, какъ растетъ тѣло, съжимается душа... Я испытываю это на самомъ себѣ... Ахъ, я былъ

великій человекъ въ ту пору, когда былъ еще маленькимъ мальчикомъ!

Когда мы вошли на Ремербергъ, Бёрне хотѣлъ ввести меня въ старый императорскій дворецъ и показать мнѣ тамъ золотую буллу.

— Я еще никогда не видалъ ея,—сказалъ онъ со вздохомъ:—а между тѣмъ съ самаго дѣтства питалъ тайное стремленіе къ этой золотой буллѣ. Ребенокомъ, я составлялъ себѣ о ней самое причудливое понятіе и считалъ ее короной съ золотыми рогами; потомъ я вообразилъ себѣ, что она—теленокъ, и только сдѣлавшись большимъ мальчикомъ, узналъ правду—именно, что она кусокъ старой кожи, нигуда негодный кусокъ пергамента, на которомъ написано, какъ императоръ и имперія взаимно продали другъ друга. Нѣтъ, лучше не будемъ смотрѣть на этотъ жалкій контрактъ, погубившій Германію; я хочу умереть, не увидѣвъ золотой буллы.

Здѣсь я также пропускаю нѣкоторые горькія замѣчанія. Была тема, которую стоило только тронуть, чтобъ вызвать наружу самыя бурныя и болѣзненные мысли, бродившія въ душѣ Бёрне; эта тема была Германія и политическое состояніе нѣмецкаго народа. Бёрне былъ патріотъ отъ головы до пятки, и отечество составляло предметъ всей любви его.

Въ тотъ же самый вечеръ мы снова проходили по еврейской улицѣ, и разговоръ снова занялъ объ обитателяхъ ея; теперь ключъ Бёрневскаго ума билъ тѣмъ веселѣе, что и эта улица, представлявшая днемъ такой мрачный видъ, была весьма радостно иллюминирована, и дѣти Израиля, какъ объяснилъ мнѣ мой чичероно, праздновали въ этотъ вечеръ свой веселый праздникъ лампады. Праздникъ этотъ былъ учрежденъ въ вѣчное воспоминаніе побѣды, которую маккавеи такъ геройски одержали надъ царемъ сирійскимъ.

— Видите ли,—сказалъ Бёрне:—это—18-е октября евреевъ, съ тою разницею, что этому маккавейскому 18 октября уже двѣ тысячи лѣтъ, и оно до сихъ поръ празднуется, тогда какъ лейпцигское 18-е октября не прожило еще пятнадцати лѣтъ и уже совсѣмъ забыто. Немцамъ слѣдовало бы ходить въ школу къ старой мадамъ Ротшильдъ, чтобы учиться у ней патріотизму. Видите этотъ маленькій домъ: въ немъ живетъ эта старуха, Леттиція, родившая столько финансовыхъ Бонапартовъ, великая мать всѣхъ займовъ, которая, однако, несмотря на всемірное господство своихъ царственныхъ сыновей, не хочетъ покинуть своей

маленькій родовой замокъ въ еврейской улицѣ и сегодня, по случаю большого радостнаго праздника, украсила свои окна бѣлыми занавѣсами. Какъ весело горятъ лампочки, которыя она засвѣтила собственными руками, чтобы отпраздновать тотъ день побѣды, когда Иуда Маккавей и его братья освободили свое отечество такъ же храбро и геройски, какъ въ наши дни Фридрихъ Вильгельмъ, Александръ и Францъ II! Когда добрая старушка смотритъ на эти лампочки, то слезы выступаютъ на ея старыхъ глазахъ, и она съ грустнымъ блаженствомъ вспоминаетъ бывшее время, когда дорогой мужъ ея, покойный Мейеръ Амшель Ротшильдъ, праздновалъ съ нею этотъ праздникъ, а сыновья ея были еще маленькими дѣтьми и приклеивали къ полу маленькія свѣчки и съ дѣтскою радостью прыгали по комнатамъ, какъ это въ обычаѣ у Израиля!

— Старикъ Ротшильдъ, — продолжалъ Бёрне: — родоначальникъ царствующей династїи, былъ отличный человекъ, олицетвореніе набожности добросердечія. У него было кроткое лицо съ острою бородкою, на головѣ всегда треугольная шляпа, а платье, болѣе чѣмъ скромное — почти бѣдное. Въ такомъ видѣ онъ ходилъ по Франкфурту, постоянно окруженный, точно придворнымъ штатомъ, бѣдными людьми, которымъ онъ раздавалъ милостыню или добрые совѣты; когда на улицѣ встрѣчался рядъ нищихъ съ утѣшенными и довольными лицами, то это было знакомъ, что тутъ только-что прошелъ старикъ Ротшильдъ. Когда я былъ еще маленькимъ мальчикомъ и однажды, въ пятницу вечеромъ, шелъ со своимъ отцомъ по еврейской улицѣ, павстрѣчу намъ попался старикъ Ротшильдъ, только-что вышедшій изъ синагоги; я цомню, что онъ, поговоривъ съ моимъ отцомъ, сказалъ и мнѣ нѣсколько привѣтливыхъ словъ и потомъ положилъ мнѣ на голову руку, чтобы благословить меня. Я твердо убѣжденъ, что этому благословенію Ротшильда я обязанъ тѣмъ, что впоследствии, несмотря на то, что я сдѣлался нѣмецкимъ писателемъ, деньги никогда не выходили у меня изъ кармана.

Не могу не вставить здѣсь замѣчанія, что Бёрне всегда жилъ въ довольствѣ и что его позднѣйшій ультра-либерализмъ отнюдь нельзя было приписать, какъ у многихъ патриотовъ, озлобленію, происходящему отъ бѣдности. Несмотря на свое богатство, — я говорю богатство, сообразно масштабу его потребностей, — онъ питалъ неспостыжливую ненависть къ богатымъ людямъ. Несмотря на то, что благословеніе отца

лежало на его головѣ, опъ ненавидѣлъ сыновей — сыновей Мейера Амшеля Ротшильда.

Насколько личныя свойства этихъ людей оправдывали эту ненависть, этого я не стапу здѣсь изслѣдовать; подробно я разсмотрю этотъ вопросъ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же мнѣ хочется только замѣтить, что наши нѣмецкіе проповѣдники свободы поступаютъ столько же несправедливо, сколько глупо, когда такъ озлобленно и кровожадно возстаютъ на домъ Ротшильда за его политическое значеніе, за его вліяніе на интересы революціи, словомъ, за его общественный характеръ. Никто не содѣйствуетъ дѣлу революціи такъ сильно, какъ именно Ротшильды... и, что можетъ показаться еще болѣе страннымъ, Ротшильды, эти банкиры государей, существованіе которыхъ могло бы подвергнуться серьезнѣйшей опасности при переворотѣ въ европейской государственной системѣ, носятъ, однако, въ душѣ сознание своей революціонной миссіи. Особенно это замѣтно на чловѣкѣ, который извѣстенъ подъ негромкимъ именемъ барона Джемса и въ лицѣ котораго теперь, послѣ смерти его снательнаго брата англійскаго, резюмировалось все политическое значеніе дома Ротшильда. Этотъ Неронъ финансоваго міра, построившій себѣ въ улицѣ Лафиттъ золотой дворецъ и, какъ неограниченный императоръ, повелѣвающій оттуда биржами, въ сущности, подобно своему предшественнику, римскому Нерону, является насильственнымъ разрушителемъ привилегированнаго патриціата и основателемъ новой демократіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, будучи однажды въ хорошемъ расположеніи духа и шляясь со мною по улицамъ Парижа рука объ руку, совершенно фамиліонерно, какъ сказалъ бы Гиршъ Гіацинтъ, баронъ Джемсъ довольно ясно растолковалъ мнѣ, какъ именно онъ самъ, своею системою государственныхъ бумагъ, такъ сказать, открылъ дорогу общественному прогрессу Европы.

— Для основанія новаго порядка вещей, — сказалъ онъ мнѣ, — необходимо стеченіе значительныхъ людей, сообща занимающихся этими вещами. Такіе люди въ прежнее время жили доходомъ отъ своихъ имѣній или должностей и вслѣдствіе этого никогда не были совершенно свободны, а напротивъ того, оставались постоянно прикованными къ какой-нибудь отдаленной поземельной собственности, или къ какому-нибудь мѣстному правительственному учрежденію; теперь же система государственныхъ бумагъ даетъ этимъ людямъ возможность свободно выбирать для себя мѣсто жительства;

они могутъ, ничего не дѣлая, жить, гдѣ имъ угодно, процѣл-
тами со своихъ государственныхъ бумагъ, своего карман-
наго состоянія, и они сходятся вмѣстѣ и образуютъ то, что
составляетъ собственно силу столицъ. А до какой степени
важно имѣть такую общую резиденцію самыхъ разнообраз-
ныхъ силъ, такую централизацию умственныхъ и социаль-
ныхъ авторитетовъ, это достаточно извѣстно. Безъ Парижа,
Франція никогда не совершила бы своей революціи; здѣсь
столько отличныхъ умовъ могли найти пути и средства для
того, чтобы вести болѣе или менѣе беззаботную жизнь, со-
общаться другъ съ другомъ и т. д. Это благоприятное по-
ложеніе вещей было вызвано въ Парижъ мало-по-малу,
цѣлыми вѣками. А система рентъ сдѣлала бы Парижъ Па-
рижемъ гораздо скорѣе, и ибъцамъ, которые очень желали
бы имѣть у себя такую же столицу, никакъ не слѣдуетъ
жаловаться на систему рентъ: она централизуетъ, она
дастъ многимъ возможность жить тамъ, гдѣ они сами по-
желаютъ, и оттуда давать человѣчеству полезныя толчки...

Съ такой точки зрѣнія смотрѣлъ Ротшильдъ на резуль-
таты своей дѣятельности. Я совершенно согласенъ съ его
взглядами, я иду даже дальше и вижу въ Ротшильдѣ одного
изъ величайшихъ революціонеровъ, основавшихъ новую
демократію. Ринелье, Робеспьеръ и Ротшильдъ для меня—
три террористическихъ имени и представляютъ собою по-
степенное исчезновеніе старой аристократіи. Ринелье раз-
рушилъ верховное господство феодальнаго дворянства и
подчинилъ его тому королевскому произволу, который или
унизилъ его придворною службою, или заставилъ гнить въ
провинціяхъ отъ дворянскаго бездѣйствія. Робеспьеръ обез-
главилъ, наконецъ, это пресмыкающееся и гнилое дворян-
ство. Но земля осталась, и новый властитель ея, новый
землевлдѣлецъ, сдѣлался такимъ же аристократомъ, какими
были его предшественники, притязанія которыхъ онъ про-
должалъ осуществлять подъ другими названіями. Тогда при-
шелъ Ротшильдъ и разрушилъ верховное господство позе-
мельной собственности возведеніемъ системы государствен-
ныхъ бумагъ на высшую степень могущества, мобилизиро-
ваніемъ большихъ имѣній и доходовъ и, такъ сказать,
пожалованіемъ деньгамъ тѣхъ преимуществъ, которые прежде
принадлежали поземельной собственности. Конечно, онъ
вмѣстѣ съ тѣмъ, основалъ и новую аристократію; но она,
какъ основанная на деньгахъ, самой непрочной стѣхи, ни-
когда не можетъ имѣть такого продолжительнаго вліянія,

какое имѣла претія аристократія, пускавшая корни въ почву, въ самой землѣ. Деньги текутъ воды, воздушно воздуха, и стоить только подумать о непрочности нынѣшней денежной аристократіи, чтобы отъ души простить ей ея дерзкое обращеніе съ людьми. Она разливается и ищарится, прежде, чѣмъ усѣбютъ оглануться.

Между тѣмъ, какъ я сооставлялъ выше имена Ринелье, Ротшильда и Робессьера, мнѣ пришло въ голову замѣчаніе, что эти три величайшихъ террориста сходны и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Такъ, напр., всѣмъ имъ обща какая-то неестественная любовь къ поэзіи: Ринелье писалъ экверныя трагедіи, Робессьеръ сочинялъ жалкіе мадригалы, а Джемсъ Ротшильдъ, когда онъ въ хорошемъ расположеніи духа, начиналъ римоцелстествовать...

Впрочемъ, все это не идетъ здѣсь къ дѣлу; главнымъ предметомъ этихъ страницъ служить террористъ не такого большого размѣра—Людвигъ Бёрне. Этотъ послѣдній, какъ мы уже съ сожалѣніемъ замѣтили, питалъ сильнѣйшую ненависть къ Ротшильдамъ, и когда мы проходили съ нимъ мимо родового дома ихъ, эта ненависть обнаруживалась уже въ его рѣчахъ такъ же рѣзко и ядовито, какъ въ послѣдствіи въ его «Парижскихъ Писемъ». Тѣмъ не менѣе, и онъ отдавалъ нѣкоторую справедливость личнымъ качествамъ этихъ людей и весьма наивно сознавался, что можетъ только ненавидѣть ихъ, но, несмотря на всѣ усилія, не находить возможности презирать или находить смѣшными.

— Потому что, видите ли, — говорилъ онъ, — у Ротшильдовъ такъ много денегъ, такая громадная масса денегъ, что они внушаютъ къ себѣ почти ужасающее уваженіе; они, такъ сказать, отождествляются съ понятіемъ о деньгахъ вообще, а деньги нельзя презирать. Притомъ эти люди употребили самое вѣрное средство избѣжать той смѣшной слабости, которой подпали многія другія баронизированныя и милліонерныя фамиліи еврейскаго міра: они воздерживаются отъ перехода въ христіанскую вѣру. Выкрещиванье вошло теперь у богатыхъ евреевъ въ моду, но такъ какъ оно совершается отнюдь не по убѣжденію, такъ какъ оно есть у нихъ только самообманъ, коли не обманыванье другихъ, и лицемерно принятое христіанство иногда представляетъ слишкомъ ужъ рѣзкую противоположность съ ветхимъ Адамомъ, то остроумію и насмѣшкѣ очень удобно и легко изощряться на нихъ. Или, можетъ-быть, вы думаете, что отъ такого рода выкрещиванья можетъ измѣниться внутренняя природа человѣка?..

— Нѣтъ, я этого не думаю.

— Я тоже не думаю, и для меня столько же грустно, сколько смѣшно видѣть эти превращенія... Противно мнѣ смотрѣть на ханжествующихъ въ католическомъ духѣ старыхъ дочерей Израиля, которыхъ я встрѣчалъ на берлинскихъ улицахъ... И еще противнѣе для меня тѣ грязные бородатые евреи, которые приходятъ изъ своихъ польскихъ клоакъ, поддаются на выгодныя для нихъ обольщенія миссіонерскаго общества въ Берлинѣ и затѣмъ на своемъ гниломъ діалектѣ сами начинаютъ проповѣдывать христіанство—при чемъ такъ ужасно воняютъ... Ихъ бы прежде всего слѣдовало облить одеколономъ...

— Любезный докторъ,—перебилъ я эту рѣчь,—въ домѣ повѣшеннаго не слѣдуетъ говорить о веревкѣ. Скажите мнѣ лучше, гдѣ теперь большіе быки, которые, какъ мнѣ когда-то рассказывалъ мой отецъ, бѣгали здѣсь во Франкфуртѣ по еврейскому кладбищу и ночью мычали такъ страшно, что нарушали спокойствіе сосѣдей?

— Вашъ отецъ—отвѣчалъ Бёрне, смѣясь:—не совсѣмъ обманулъ васъ. Въ прежнее время существовалъ обычай, по которому еврейскіе торговцы скотомъ, слѣдуя библейскому предписанію, носвящали Богу первенцевъ мужского пола отъ своихъ коровъ, и съ этою цѣлью привозили ихъ изъ всѣхъ странъ Германіи сюда во Франкфуртъ, гдѣ еврейское кладбище отводилось подъ пастбище этимъ быкамъ и гдѣ они бѣгали до своей кончины, и дѣйствительно, часто мычали такъ, что наводили ужасъ. Но старыхъ быковъ теперь уже нѣтъ въ живыхъ и теперешняя скотина уже отреклась отъ прежняго обычая, и ея червонцы спокойно остаются у себя дома... Старые быки умерли.

Не могу не упомянуть при этомъ случаѣ, что во время моего пребыванія во Франкфуртѣ, Бёрне разъ пригласилъ меня обѣдать къ одному изъ своихъ друзей, и это потому, что означенный другъ, въ твердой приверженности къ еврейскимъ обычаямъ, намѣревался угостить меня знаменитымъ блюдомъ шалеть, и дѣйствительно, я наслаждался тамъ этимъ кушаньемъ, которое, быть-можетъ, еще египетскаго происхожденія и старо, какъ пирамиды. Меня удивляетъ, что Бёрне впоследствии, когда онъ, повидимому въ припадкѣ юмористическаго настроенія, на самомъ же дѣлѣ съ плебейскими цѣлями, натравлялъ всяческими измышленіями и инсинуаціями чернь какъ на вѣнценосцевъ вообще, такъ и на одну вѣнчанную главу поэта,—меня удивляетъ, что онъ въ сво-

ихъ сочиненiяхъ никогда не разскажалъ, съ какимъ аппетитомъ, съ какимъ энтузіазмомъ, съ какимъ благоговѣніемъ, съ какимъ убѣжденіемъ, я пѣкогда, у доктора Шт , пожиралъ древне-еврейское блюдо шалеть. Но это кушанье, дѣйствительно, превосходное, и какъ нельзя болѣе прискорбно, что католичество не заимствовало у еврейства, между прочимъ, и шалеть. Быть-можетъ, оно еще намѣрено это сдѣлать въ будущемъ... и тогда евреи съ убѣжденіемъ примкнуть къ нему, потому что, какъ ясно видно, старый союзъ ихъ остается сплоченнымъ только посредствомъ шалета. Бѣрне увѣрялъ меня даже, что отступникамъ, перешедшимъ изъ этого стараго союза въ новый, стоитъ только услышать запахъ шалета, чтобы ощутить извѣстную тоску по родинѣ—синагогѣ, что шалеть есть, такъ-сказать, голосъ изъ святыни евреевъ.

Съѣздили мы также вдвоемъ въ субботу въ Борнгеймъ, чтобы тамъ выпить кофе и посмотрѣть на дочерей Израиля... Были тутъ красивыя дѣвушки, и прелестно пахло отъ нихъ шалетомъ. Бѣрне все мигалъ глазами. Въ этомъ таинственномъ миганьѣ, въ этомъ боязливо-похотливомъ миганьѣ, которое страшится внутреннего голоса, выражалось все различіе между его образомъ чувствъ и моимъ. Бѣрне именно былъ, если не по мыслямъ, то тѣмъ болѣе по чувствамъ, рабомъ назарейскаго воздержанiя; и какъ всегда бываетъ съ людьми такого рода, которые хотя и признаютъ чувственное воздержаніе за высочайшую добродѣтель, но не могутъ вполне примѣнять его на дѣлѣ, онъ только тайкомъ, дрожа и краснѣя, какъ лакомка-мальчикъ, дерзалъ вкушать отъ запретныхъ яблоковъ Евы. Но знаю, интенсивнѣе ли наслажденіе у этихъ людей, чѣмъ у насъ, лишенныхъ при этомъ прелести тайнаго пользованiя, нравственной контрабанды; вѣдь утверждаютъ же, что Магометъ для того запретилъ своимъ туркамъ пить вино, чтобы оно отъ этого казалось имъ еще вкуснѣе.

Въ большомъ обществѣ Бѣрне былъ скупъ на слова и дѣлался разговорчивъ только въ бесѣдѣ вдвоемъ, когда думалъ, что съ нимъ бесѣдуетъ человекъ одинаковаго съ нимъ образа мыслей. Что Бѣрне считалъ меня такимъ человекомъ, это было съ его стороны заблужденіемъ, сдѣланнымъ впоследствии для меня источникомъ очень многихъ непріятностей. Уже тогда во Франкфуртѣ мы гармонировали съ нимъ только въ области политики, а отнюдь не въ области философіи, или искусства, или природы, которыя были совершенно чужды ему. Вообще, характеры наши

были совершенно несходны между собою, и можетъ-быть, что источникъ этого несходства заключается не только въ нашихъ нравственныхъ, но и въ физическихъ свойствахъ.

Собственно говоря, существуетъ только два класса людей, тощій и толстый, или, лучше сказать, классъ людей, которые съ каждымъ днемъ все больше и больше худѣютъ, и такихъ, которые стъ хилаго сложенія постепенно переходятъ къ самой округленной корпуленци. Первые — опасѣвшая порода, которой Юлій Цезарь такъ боялся: «я желалъ бы, чтобъ онъ былъ толще», говорилъ онъ о Кассіѣ Брутѣ, принадлежалъ къ совершенно противоположной породѣ, и я убѣжденъ, что если бы ему не пришлось проиграть битву при Филиппахъ и по этому случаю заколоться, то онъ растолстѣлъ бы такъ, какъ и авторъ этой книги. «А Брутъ былъ славный человекъ».

Такъ какъ я здѣсь припомнилъ Шекспира, то пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы заявить, что я склоняюсь въ пользу того стариннаго варианта, въ которомъ Гамлетъ называется «толстымъ». — Достойный сожалѣнія принцъ датскій! Природа создала тебя для того, чтобы ты проводилъ жизнь въ самой счастливой тучности, а тутъ миръ вдругъ сорвался съ петель, и тебѣ привелось снова устанавливать его на мѣсто! Бѣдный толстый принцъ датскій!..

Три дня, проведенные мною во Франкфуртѣ въ сообществѣ Бёрне, протекли почти въ идиллической мирной безмятежности. Онъ при всякомъ случаѣ старался угодить мнѣ. Онъ зажигалъ ракеты своего остроумія, какъ только могъ ярче, и подобно тому, какъ въ китайскихъ фейерверкахъ самъ фейерверкеръ, наконецъ, подымается на воздухъ, окруженный трескомъ и пламенемъ, такъ и юмористическія выходы Бёрне всегда заканчивались бѣшеннымъ бриллиантовымъ огнемъ, въ который онъ самъ бросался съ безграничною смѣлостью. Онъ былъ незлобивъ, какъ дитя. До послѣдней минуты моего пребывания во Франкфуртѣ, онъ добродушно бѣгалъ рядомъ со мною и засматривалъ мнѣ въ глаза, выпытывая, не можетъ ли онъ еще чѣмъ-нибудь доказать мнѣ свою любовь. Онъ зналъ, что я ѣхалъ въ Мюнхенъ по предложенію стараго барона Котта, чтобы тамъ принять на себя редакцію «Политическихъ Аппалъ» и также посвятить свою дѣятельность нѣкоторымъ задуманнымъ литературнымъ предпріятіямъ. Въ то время заботились о томъ, чтобы создать для либеральной прессы органы, которые впоследствии могли бы имѣть благотворное вліяніе;

заботились посылать сѣмя будущности, сѣмя, на которое современники смотрѣли только враждебными глазами, такъ что Бѣдный сѣятель возмущалъ лишь досаду и оскорбленія. Всѣмъ извѣстны тѣ ядовитыя гадости, которыя ультрамонтано-аристократическая пропаганда въ Мюнхенѣ дѣлала противъ меня и моихъ друзей.

«Берегитесь сходиться въ Мюнхенѣ съ попами!» — таковы были послѣднія слова, которыя Бёрне шепнулъ мнѣ на-ухо, прощаясь со мною. Я уже сидѣлъ въ купѣ почтовой кареты, а онъ еще долго смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, печальный, какъ старый морякъ, который навсегда поселился на сушѣ и чувствуетъ состраданіе, когда видитъ молодого удалыца, въ первый разъ отправляющагося въ морское плаванье... Старикъ думалъ въ то время, что онъ навсегда распростился съ коварною стихіей и можетъ спокойно провести остатокъ дней въ безопасной гавани. Бѣдный человекъ! Боги не хотѣли доставить ему это спокойствіе. Ему снова пришлось пуститься въ открытое море, и тамъ встрѣтились наши корабли въ то время, когда свирѣпствовала страшная буря, погубившая его! Что это былъ за вой! Что это былъ за трескъ! При блескѣ желтыхъ молній, пронизывавшихъ черныя тучи, я могъ ясно видѣть, какъ мужество и безпокойство болѣзненно смѣнялись на лицѣ этого человека! Онъ стоялъ у руля своего корабля и шелъ наперекоръ бѣшеннымъ волнамъ, которыя то грозили поглотить его, то только слегка вспрыскивали, — и это представляло такую горестную и въ то же время комическую картину, что, глядя на нее, можно было плакать и смѣяться. Бѣдный человекъ! Корабль его былъ безъ якоря, а сердце — безъ надежды... Я видѣлъ, какъ рухнула мачта, какъ вѣтеръ разорвалъ снасти... Я видѣлъ, какъ онъ протянулъ ко мнѣ руку...

Я не смѣлъ схватить ее, я не смѣлъ отдать на вѣрную погибель драгоценный грузъ мой, священная сокровища, довѣренныя мнѣ... Я везъ на своемъ кораблѣ боговъ будущности.

КНИГА ВТОРАЯ.

Гельголандъ, 1 июля 1830 г.

...Я самъ утомился этой гверильясской войною и жажду спокойствія — жажду по крайней мѣрѣ такого состоянія, въ которомъ я могъ бы совершенно свободно предаваться моимъ природнымъ наклонностямъ, моему мечтательной натурѣ.

и манерѣ, моеѣ фантастической пытливости. Какая пропія судьбы, что мнѣ, до такой степени любящему лежать на нуховикахъ тихой, созерцательной жизни духа,—мнѣ именно выпало на долю выгонять моихъ бѣдныхъ соотечественниковъ изъ ихъ безмятежнаго спокойствія и втравливать въ движеніе! Я, любящій больше всякихъ другихъ занятій, слѣдить за грядущимъ тучекъ, угадывать метрическую прелесть слова, подслушивать тайны стихійныхъ духовъ и погружаться въ чудесный міръ старыхъ сказокъ,—я долженъ былъ издавать «Политическія Анналы», обсуживать современные интересы, подстрекать революціонныя желанія и постоянно дергать за носъ бѣднаго нѣмецкаго Михеля для того, чтобы онъ очнулся отъ своего здороваго исполнскаго сна... Правда, это дерганье производило въ храпящемъ гигантѣ только легкое чиханье, но никакъ не могло разбудить его... А если порою я сильно трясъ его подушку, то онъ снова примащивалъ ее себѣ влою отъ сна рукою... Разъ я съ отчаянія хотѣлъ зажечь его ночной колпакъ; но онъ былъ такъ влаженъ отъ пота мыслей, что едва-едва задымился... И Михель продолжалъ сладко улыбаться во снѣ...

Я утомленъ и жажду спокойствія. Я тоже закажу себѣ нѣмецкій ночной колпакъ и натяну его на уши. Знать бы мнѣ только, гдѣ теперь я могъ бы приклонить голову. Въ Германіи это невозможно. Каждую минуту ко мнѣ будетъ приходиться полицейскій служитель и расталкивать меня, чтобы узнать, дѣйствительно ли я сплю; уже одна эта мысль уничтожаетъ все мое спокойствіе. Однакожь, въ самомъ дѣлѣ, куда мнѣ отправиться? Опять на югъ? Въ страну, гдѣ цвѣтутъ лимоны и золотые апельсины? Ахъ, тамъ передъ каждымъ лимоннымъ деревомъ стоитъ теперь австрійскій часовой, и съ громомъ пускаетъ въ тебя страшное: «кто идетъ?» Какъ лимоны, такъ и золотые апельсины теперь очень кислы. Или на сѣверъ? Быть-можетъ, на сѣверо-востокъ? Ахъ, бѣлые медвѣди теперь опаснѣе, чѣмъ когда-либо, съ тѣхъ поръ, какъ они цивилизуются и носятъ лайковыя перчатки. Или поѣхать мнѣ снова въ проклятую Англію, гдѣ я не хотѣлъ бы даже висѣть en effigie, а ужъ подавно жить самому? Нѣтъ, ни за что въ эту презрѣнную страну, гдѣ машины дѣйствуютъ какъ люди, а люди—какъ машины. И шумъ ея, и молчаніе наводятъ такую сильную тоску! Когда меня представили здѣшнему губернатору, и этотъ завзятый англичанинъ нѣсколько минутъ стоялъ по-

редо мною неподвижно и не произнося ни одного слова, то мнѣ невольно захотѣлось посмотрѣть на него сзади, увидѣть, не забыли ли какъ-нибудь прицѣпить къ нему машину. Уже одно то обстоятельство, что островъ Гельголандъ находится подъ британскимъ владычествомъ, для меня достаточно фатально. Мнѣ иногда представляется, что я нюхаю ту скуку, которую повсюду выпускаютъ изъ себя сыны Альбіона. Въ самомъ дѣлѣ, изъ каждого англичанина выдѣляется извѣстный газъ, смертельный, удушливый воздухъ скуки — и это я замѣтилъ собственными глазами, не въ Англии, гдѣ вся атмосфера совершенно насыщена имъ, но въ южныхъ странахъ, гдѣ туристъ-британецъ шляется въ отдаленіи отъ всѣхъ другихъ людей, и гдѣ сѣрое сіяніе скуки, окружающее его голову, ясно очерчивается въ озаренномъ солнечными лучами синемъ воздухѣ. Англичане конечно, думаютъ, что ихъ скука — мѣстный продуктъ, и, чтобы избѣжать ея, они путешествуютъ по всѣмъ землямъ, скучаютъ повсюду и возвращаются домой съ *Diary of an ennuyé*. Они въ этомъ случаѣ похожи на того солдата, которому, въ то время, какъ онъ спалъ на койкѣ, товарищи натерли подъ носомъ вонючей грязью; проснувшись, онъ замѣтилъ, что въ комнатѣ скверно пахнетъ, и вышелъ на дворъ, но скоро возвратился и началъ утверждать, что и на дворѣ скверно пахнетъ, что весь свѣтъ воняетъ.

Одинъ изъ моихъ друзей, недавно возвратившійся изъ Франціи, утверждалъ, что англичане путешествуютъ по матеріку только потому, что грубая кухня ихъ родины приводитъ ихъ въ отчаяніе; что за французскими табльд'отами сидятъ толстые англичане, которые не пожираютъ ничего, кромѣ воль-о-вановъ, кремовъ, супремовъ, рагу, желе и тому подобныхъ воздушныхъ кушаній, и пожираютъ съ тѣмъ колоссальнымъ апшетитомъ, который упражнялся дома на массахъ ростбифа и йоркширскихъ плумпудинговъ, и который долженъ, наконецъ, разорить всѣхъ французскихъ трактирщиковъ. Дѣйствительно ли эксплуатація табльд'отовъ есть тайная причина, заставляющая англичанъ странствовать по свѣту? Можетъ-быть, въ то самое время, какъ мы скѣмемся надъ бѣглостью, съ которою они осматриваютъ повсюду рѣдкости и картинныя галлерей, они сами насъ мистифицируютъ, и забавное для насъ любопытство ихъ есть ничто иное, какъ плутовское прикрытие ихъ гастрономическихъ цѣлей...

Но какъ ни превосходна французская кухня, однако и

во Франціи теперь, повидимому, очень скверно. Иезуиты процвѣтають въ ней и поють триумфальныя пѣсни... Члены тамошняго правительства — тѣ же самыя глупцы, которымъ уже пятьдесятъ лѣтъ назадъ отрубили головы... Какой же изъ этого вышелъ прокъ? Они снова вышли изъ могилъ, и теперь управляютъ глупѣе, чѣмъ прежде, потому что, когда ихъ вынускали изъ царства мертвыхъ на свѣтъ Божій, многіе вторюпыхъ приставляли себѣ первую попадавшую имъ подъ руки голову, и тутъ происходили весьма пагубныя ошибки: головы иногда не приходились къ туловищамъ и къ сердцамъ, въ нихъ заключавшимся. Вотъ и видишь много, который на трибунѣ говоритъ, какъ самъ разумъ, вслѣдствіе чего мы дивимся умной головѣ, а между тѣмъ немедленно послѣ этого неисправимо сумасшедшее сердце заставляеть его же совершать самыя дурацкіе поступки... Въ ужасъ приводитъ противорѣчіе между мыслями и чувствами, принципами и страстями, словами и дѣлами этихъ принцецовъ съ того свѣта!..

Или отправиться мнѣ въ Америку, въ эту необъятную тюрьму свободы, гдѣ невидимыя цѣпи будутъ давить меня еще болѣзненнѣе, чѣмъ видимыя — дома, и гдѣ отвратительнѣйшій изъ всѣхъ тирановъ, чернь, практикуеть свое грубое господство? Ты знаешь, какъ я думаю объ этой, Богомъ проклятой, странѣ, которую я люблю, когда еще не зналъ ея... И однакожь, по долгу моего ремесла, я долженъ гласно восхвалять ея... О, милые нѣмецкіе поселенцы! Отправляйтесь въ Америку! Тамъ нѣтъ ни князей, ни дворянства, тамъ всѣ люди равны... за исключеніемъ, конечно, нѣсколькихъ милліоновъ, имѣющихъ черную или коричневую кожу и съ которыми обращаются, какъ съ собаками! Настоящее рабство, уничтоженное въ большей части сѣверо-американскихъ провинцій, возмущаетъ меня не такъ сильно, какъ жестокость, съ которою поступаютъ тамъ въ отношеніи свободныхъ черныхъ и мулатовъ. Каждый, происходящій отъ негра — даже въ самой отдаленной степени, и даже тотъ, кто свидѣтельствуетъ о такомъ происхожденіи своемъ уже не цвѣтомъ, а только строеніемъ лица, — подвергается тамъ страшнѣйшимъ мученіямъ, — мученіямъ, которыя намъ, европейцамъ, кажутся баснословными. При этомъ американцы сильно тщеславятся своимъ христіанствомъ и являются самыми усердными посѣтителями церкви. Такому лицемерію они выучились у англичанъ, которые вообще сообщили имъ самыя дурныя свойства свои. Свѣтская выгода составляетъ

ихъ дѣйствительную религію, а деньги—ихъ божество, единственное, всемогущее божество. Конечно, есть тамъ не мало благородныхъ сердецъ, въ тишинѣ оплакивающихъ всеобщее корыстолюбіе и несправедливость. Но стоятъ этимъ людямъ возстать, и ихъ постигаетъ мученичество, превосходящее всѣ европейскія понятія. Если я не ошибаюсь, то именно въ Нью-Йоркѣ случилось, что одинъ протестантскій проповѣдникъ до того возмущенъ угнетеніемъ цвѣтныхъ людей, что, презрѣвъ жестокій предрасудокъ, выдалъ свою собственную дочь замужъ за негра. Какъ только въ городѣ узнали объ этомъ истинно-христіанскомъ поступкѣ, народъ толпою бросился къ дому проповѣдника, который только бѣгствомъ спасся отъ смерти; но домъ его былъ разрушенъ, а дочь священника, бѣдная жертва, схвачена чернью и удво-лстворила ея ярости. She was lynched, то-есть, ее раздѣли до-нага, вымазали смолою, всунули въ разрѣзанную перину, и въ такомъ видѣ волочили по всему городу, ругаясь надъ несчастной...

О, свобода, ты злой сонъ!

Гельголандъ, 8 июля.

Такъ какъ вчера было воскресенье, и свицовая скука висѣла надъ всѣмъ островомъ и почти сдавила мою голову, то я съ етчальнѣе схватился за Библию... И сознаюсь тебѣ, несмотря на то, что я тайный эллистъ, книга эта не только заняла меня, но и подѣйствовала крайне назидательно. Что это за книга! Великая и обширная, какъ міръ, пускающая корни на днѣ созданія и воздымающая вершины къ голубымъ тайнствамъ ноба... Восходъ и закатъ солнца, обычанія и исполненія, рожденіе и смерть, вся драма человѣчества— все есть въ этой книгѣ... Это книга книгъ, Библия. Евреи должны были легко утѣшиться въ томъ, что они потеряли Іерусалимъ, и храмъ, и кивотъ завѣта, и золотые сосуды, и клейноды Соломона... Эта потеря вѣдь ничтожна въ сравненіи съ Библиею, неразрушимымъ сокровищемъ, которое они спасли. Если я не ошибаюсь, то это Магометъ называетъ евреевъ «народомъ книги»—названіе, которое до сихъ поръ сохранилось за ними на Востокѣ и имѣетъ глубоко знаменательный смыслъ. Книга составляетъ стержню евреевъ, ихъ владѣніе, ихъ повелителя, ихъ счастье и несчастье. Они живутъ въ мирныхъ областяхъ этой книги, въ ней пользуются они своими неотъемлемыми гражданскими правами, отсюда нельзя ихъ прогнать, тутъ не подвергаются они

презрѣнію, тутъ они сильны и достойны удивленія. Погруженные въ чтеніе этой книги, они почти не замѣчали перемѣнъ, происходившихъ вокругъ нихъ въ дѣйствительномъ мірѣ; народы возвышались и исчезали, государства расцвѣтали и вянули, революціи бурно проходили по земному шару... А они, евреи, лежали, склонясь надъ своею книгой, и вовсе не замѣчали дикой охоты времени, проносившейся надъ ихъ головами!..

Какъ пророкъ Востока назвалъ ихъ «народомъ книги», такъ пророкъ Запада обозначилъ ихъ въ своей философіи исторіи «народомъ духа». Уже въ самые первые дни своего существованія евреи, какъ мы замѣчаемъ въ Пятикнижьи, обнаруживаютъ склонность къ отвлеченному, и вся ихъ религія есть ничто иное, какъ родъ діалектики, посредствомъ которой матерія и духъ разъединяются и абсолютное признается только въ исключительной формѣ духа. Какое мрачно-изолированное положеніе должны они были занять между народами древности, которые, будучи преданы самому радостному служенію природѣ, понимали духъ скорѣе въ явленіяхъ матеріи, въ образѣ и символѣ! Какую ужасную оппозицію составляли поэтому они ярко окрашенному, кишѣвшему іероглифами Египту, или Финикіи, этому великому храму веселія богини Астарты, или даже прекрасной грѣшницѣ, милому, благоуханному Вавилону, или, наконецъ, Греціи, цвѣтущей отчизнѣ искусства!

Удивительное зрѣлище доставляется созерцаніемъ того, какъ народъ духа, мало-по-малу, совершенно освобождается отъ матеріи, совершенно спиритуализируется. Моисей снабдилъ духъ какъ бы матеріальными оплотами противъ реального патиска сосѣднихъ народовъ: вокругъ поля, на которомъ его руки посѣяли духъ, онъ насадилъ, въ видѣ охраняющаго терноваго забора, неподвижный церемоніальный законъ и эгоистическую національность. Но, когда это растеніе-духъ пустило такіе глубокіе корни и поднялось такъ высоко къ небу, что уже оказывалось невозможнымъ вырвать его изъ земли—тогда пришелъ Иисусъ Христосъ, и сломалъ церемоніальный законъ, утратившій съ этихъ поръ всякое полезное значеніе, и произнесъ даже смертельный приговоръ еврейской національности... Онъ призвалъ всѣ народы земли къ участию въ царствѣ Божіемъ, которое до тѣхъ поръ принадлежало только единственному избранному народу Бога. Онъ далъ всему человѣчеству гражданскія права... То былъ великій вопросъ освобожденія... Правда, Искупи-

тель, освободившій своихъ братьевъ отъ церемоніальнаго закона и узкой національности и создавшій единеніе народовъ, сдѣлался жертвою Своей гуманности, и іерусалимскій городской магистратъ осудилъ Его на распятіе, а чернь издѣвалась надъ Нимъ...

Но только тѣло было распято и осмѣяно, духъ возвеличился, и мученичество Побѣдителя, доставившаго духу всемірное господство, сдѣлалось символомъ этой побѣды, и все человѣчество стало съ тѣхъ поръ, *in imitationem Christi*, стремиться къ умерщвленію плоти и сверхчувственному самоуничтоженію въ абсолютномъ духѣ...

Когда снова наступитъ гармонія, когда снова выздоровѣетъ міръ отъ односторонняго стремленія къ одухотворенію, бывшаго причиною того, что заболѣли и душа, и тѣло? Весьма цѣлебное средство заключается въ политическомъ движеніи и въ искусствѣ. Наполеонъ и Гёте оказали превосходное вліяніе. Первый — тѣмъ, что заставилъ народы позволять себѣ всевозможный здоровый моціонъ; второй — тѣмъ, что сдѣлалъ насъ снова воспримчивыми къ греческому искусству и создалъ солидныя произведенія, за которыя мы можемъ крѣпко ухватиться, какъ за мраморныя статуи боговъ, чтобы не погибнуть въ туманномъ морѣ абсолютнаго духа...

Гельголандъ, 18 іюля.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ я прочелъ съ начала до конца всю первую книгу Моисея. Точно длинный караванъ, тянулся въ моемъ умѣ этотъ священный древній міръ. Верблюды идутъ медленнымъ шагомъ. На ихъ высокихъ спинахъ сидятъ укутанныя вуалями розы Ханаана. За ними — набожные пастухи, гонящіе быковъ и коровъ. Все это проходитъ по голымъ горамъ, знойнымъ песчанымъ равнинамъ, на которыхъ только мѣстами появляется и навѣваетъ прохладу какая-нибудь группа пальмъ. Слуги копаютъ колодцы. Прекрасный, тихій, лучезарный востокъ! Какъ отрадно находится подъ твоими шатрами! О, Лаванъ, если бы я могъ пасти твой стада! Я охотно прослужилъ бы тебѣ семь лѣтъ изъ-за Рахили, и затѣмъ еще семь лѣтъ изъ-за Лии! Я слышу блеяніе овецъ Іоакова, я вижу, какъ онъ держитъ передъ ними оструганныя палочки, когда онѣ въ случайную пору идутъ на водопой. Пятнистыя и съ крапинами принадлежатъ въ настоящее время намъ. Между тѣмъ, приходишь домой Рувимъ и приносить своей матери букетъ ду-

данмовъ, сорванныхъ имъ въ полѣ. Рахиль требуетъ отдачи ей дудаймовъ, и Лія соглашается, подъ условіемъ, что Іоакимъ за это будетъ спать слѣдующую ночь у нея. Что такое дудаймы? Коментаторы напрасно ломали головы надъ объясненіемъ. Лютеръ не придумалъ ничего лучше, какъ оставить за этими цвѣтами то же названіе дудаймовъ. Это, быть-можетъ, швабскіе желтолиственники. Любовная исторія Дины и молодого Сихема очень тронула меня. Но братья Дины, Симеонъ и Леви, отнеслись къ дѣлу совсѣмъ не такъ сентиментально. Отвратительно то, что они несчастнаго Сихема и всѣхъ его родственниковъ удушили съ злымъ коварствомъ, несмотря на то, что бѣдный любовникъ выражалъ готовность жениться на ихъ сестрѣ, ихъ самихъ надѣлать землями и имуществомъ, соединиться съ ними въ одну семью, несмотря и на то, что онъ съ этой цѣлью совершилъ обрѣзаніе надъ собой и всѣмъ своимъ народомъ. Обонимъ парнямъ слѣдовало бы радоваться, что ихъ сестра дѣлаетъ такую блестящую партію, такое родство оказывалось въ высшей степени полезнымъ для ихъ фамиліи, а вдобавокъ къ тому, они, сверхъ драгоценнѣйшихъ подарковъ, приобрѣтали еще такимъ путемъ хорошій кусокъ земли, который въ это именно время былъ имъ какъ нельзя болѣе нуженъ... Невозможно поступить приличнѣе, чѣмъ поступилъ этотъ влюбленный принцъ, который вѣдь въ сущности заранѣе воспользовался брачными правами только по чувству любви... Но дѣло, все-таки, совершилось—онъ обольстилъ сестру; а за такое преступленіе эти гордые и дорожащіе честию братья не знаютъ иного возмездія, кромѣ смерти... И когда отецъ призываетъ ихъ къ отвѣту за кровавое дѣло и исчисляеть выгоды, которыя доставило бы имъ родство съ Сихемомъ, они отвѣчаютъ: «Ужъ не слѣдовало ли намъ торговать дѣвствомъ нашей сестры?»

Крутые, жестокія сердца эти братья. Но подъ твердымъ камнемъ благоухаетъ самое нѣжное чувство нравственности. Странно—это чувство нравственности, обнаруживающееся въ жизни праотцевъ и при другихъ случаяхъ, не есть результатъ положительной религіи или политическаго законодательства; нѣтъ, въ то время у предковъ евреевъ не было ни положительной религіи, ни политическаго закона; и то, и другое возникло уже въ позднѣйшую пору. Я поэтому рѣшаюсь утверждать, что нравственность независима отъ догмата и законодательства, она есть чистый продуктъ здороваго человѣческаго чувства, и истинная нравственность,

разумъ сердца, будетъ жить вѣчно, если бы даже погибли церковь и государство.

Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ у насъ было какое-нибудь другое слово для обозначенія того, что мы теперь называемъ нравственностью. Иначе мы подвергаемся заблужденію смотрѣть на нравственность, какъ на продуктъ нравовъ. Романскіе народы находятся въ этомъ случаѣ въ такомъ же положеніи, произведи свое слова *pagale* отъ *pagos*. Но истинная нравственность независима отъ нравовъ народа точно такъ же, какъ отъ догмата и законодательства. Нравы—произведенія климата, исторіи, возникшихъ изъ такихъ факторовъ законодательства и догматики. Существуютъ поэтому индійскіе нравы, китайскіе, христіанскіе, но нравственность только одна, именно—человѣческая. Ее нельзя, быть-можетъ, облечь въ понятіе, и тотъ законъ нравственности, который мы называемъ моралью, есть ничто иное, какъ діалектическая игра. Нравственность обнаруживается въ поступкахъ, и только въ мотивахъ этихъ послѣднихъ, а не въ ихъ формѣ и цвѣтѣ, заключается нравственное значеніе. На заглавномъ листѣ «Путешествіе въ Японію» Головина помѣщены эниграфомъ прекрасныя слова, которыя русскій путешественникъ слышалъ отъ одного знатнаго японца: «Нравы народовъ различны, но хорошіе поступки всюду признаются таковыми».

Съ тѣхъ поръ, какъ я мыслю, я не переставалъ думать объ этомъ предметѣ, то есть о нравственности. Вопросъ о свойствахъ добра и зла, приводящій уже полтора столѣтія въ мучительное движеніе всѣ великіе умы, у меня всегда имѣлъ значеніе только въ вопросѣ о нравственности...

Изъ Ветхаго Завѣта я порою перехожу въ Новый, и здѣсь также охватываетъ меня трепетомъ всемогущество великой книги! На какую священную почву становится здѣсь нога! Приступая къ этому чтенію, нужно снимать обувь, какъ при приближеніи къ святищу.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ мѣстъ въ Новомъ Завѣтѣ представляются для меня слова въ Евангеліи отъ Іоанна, гл. 16, ст. 12, 13: «Я имѣю еще много сказать вамъ, но вы не въ состояніи въ настоящее время вынести это. Когда же придетъ Онъ, Духъ Истины, то поведетъ васъ въ чистую Истину. Ибо Онъ не будетъ говорить отъ Себя, но что услышитъ, то скажетъ, и что въ грядущемъ, то Онъ возвеститъ вамъ». Послѣднее слово, слѣдовательно, не сказано, и тутъ, можетъ-быть, звено, къ которому можно при-

крѣпнѣе новое Откровеніе. Оно начинается освобожденіемъ отъ слова, кладетъ конецъ мученичеству и основываетъ царство вѣчной радости: милленіумъ. Всѣ обѣщанія увѣнчиваются, наконецъ, самымъ щедрымъ исполненіемъ. . .

Какая великая драма — страданія Христа! И какъ глубоко мотивирована она пророчествами Вѣтхаго Завѣта! . .

Какой чудный образъ этотъ Богочеловѣкъ! Какъ мелки кажутся, въ сравненіи съ Нимъ, герои Вѣтхаго Завѣта! Моисей любитъ свой народъ съ трогательною задушевностью; какъ мать, заботится онъ о будущности этого народа. Христосъ любитъ человѣчество, это солнце согрѣваетъ всю землю теплыми лучами своей любви. Какой цѣлительный бальзамъ для всѣхъ ранъ здѣшняго міра заключается въ Его словахъ! Какой цѣлебный источникъ для всѣхъ страждущихъ—кровь Его, пролившаяся на Голгоѣ!.. Бѣлые мраморные боги Греціи были забрызганы этой кровью, и заболѣли отъ внутренняго ужаса, и никогда уже не могли выздоровѣть! Большинство ихъ, правда, уже давно носило въ себѣ изнурительную болѣзнь, и только испугъ ускорилъ ихъ смерть. Прежде всѣхъ умеръ Панъ. Знаешь ли ты сказку объ этомъ, какъ ее рассказываетъ Плутархъ? Эта древняя корабельная сказка замѣчательна въ высшей степени. Вотъ что говоритъ она:

Въ царствованіе Тиверія одинъ корабль проѣзжалъ однажды вечеромъ подлѣ острововъ Перэ, лежащихъ на берегу Этоліи. Люди, находившіеся на этомъ кораблѣ, еще не спали, и многіе изъ нихъ, только-что поужинавъ, сидѣли и пили; вдругъ, съ берега послышался голосъ, который такъ громко назвалъ по имени Фамуса (такъ назывался кормчій), что всѣ пришли въ величайшее удивленіе. На первый и на второй зовъ Фамусъ ничего не отвѣтилъ, на третій онъ отозвался; тогда голосъ еще громче сказалъ ему слѣдующія слова: «Когда ты пристанешь къ вершинѣ Палодеса, то возвѣсти, что великій Панъ умеръ!» Достигнувъ этой вершины, Фамусъ исполнилъ порученіе, съ палубы корабля воскликнулъ, обращаясь къ берегу: «Великій Панъ умеръ!» Въ отвѣтъ на это восклицаніе послышались оттуда страшные звуки скорби, смѣсь стонувъ и криковъ удивленія, какъ будто бы вылетавшихъ въ одно время изъ груди многихъ. Очевидцы рассказывали объ этомъ событіи въ Римѣ, и рассказъ вызвалъ тамъ самыя удивительныя мнѣнія. Тиверій

велѣлъ ближе разслѣдовать это дѣло и не сомнѣвался въ правдивости его».

Гельголандъ, 29 іюля.

Я опять читалъ Ветхій Заветъ. Какая великая книга! Меня поражаетъ еще больше, чѣмъ содержаніе, изложеніе, гдѣ слово является какъ бы продуктомъ природы, подобно дереву, цвѣтку, морю, звѣздамъ, самому человѣку. Слово растетъ, течетъ, искрится, улыбается неизвѣстно какъ, неизвѣстно почему, все кажется совершенно естественнымъ. Это, дѣйствительно, слово Божіе, тогда какъ другія книги свидѣтельствуютъ только о человѣческомъ остроуміи. Въ Гомерѣ, другой великой книгѣ, изложеніе есть продуктъ искусства, и если содержаніе, точно такъ же, какъ въ Библии, взято изъ дѣйствительности, то проявляется оно въ поэтическихъ образахъ, такъ сказать, переплавливается въ горниль человѣческаго духа; оно очищается духовнымъ процессомъ, который мы называемъ искусствомъ. Въ Библии нѣтъ и слѣда искусства; стиль ея—стиль записной книжки, въ которую абсолютный духъ, какъ бы безъ всякой индивидуальной человѣческой помощи, заноситъ происшествіе каждаго дня съ фактической точностью... Объ этомъ стилѣ нельзя произносить никакого приговора, можно только констатировать дѣйствіе на нашу душу, и велико, по всей вѣроятности, было затрудненіе греческихъ грамматиковъ, когда они хотѣли опредѣлять установленными эстетическими понятіями многія поразительныя красоты Библии. Лонгинъ говоритъ о возвышенности. Новые эстетики толкуютъ о наивности. Ахъ! какъ я уже сказалъ, всѣ критическія масштабы оказываются здѣсь недостаточными... Библия есть слово Божье.

Только у одного писателя нахожу я нѣчто, напоминающее этотъ непосредственный стиль. Это Шекспиръ. И у него слово выступаетъ иногда въ страшной наготѣ, пугающей и потрясающей насъ; въ Шекспировскихъ произведеніяхъ мы видимъ иногда живую истину безъ одежды искусства. Но это случается только въ отдѣльные моменты; геній искусства, можетъ-быть, чувствуя свое безсиліе, уступаетъ здѣсь на нѣсколько минутъ свою обязанность природѣ, но потомъ тѣмъ ревнивѣе удерживаетъ свое господство въ пластическомъ изображеніи и остроумномъ усложненіи драмы. Шекспиръ—въ одно и то же время еврей и грекъ, или, вѣрнѣе сказать, оба элемента—спиритуализмъ и искус-

ство, примирительно сливаются въ немъ и образуютъ одно высокое цѣлое.

Такое гармоническое сліянiе обонхъ элементовъ не есть ли, быть-можетъ, задача всей европейской цивилизаціи? Мы еще слишкомъ далеки отъ такого результата. Греть Гете, а съ нимъ и вся поэтическая партія, еще недавно выказали страстную антипатію къ Іерусалиму. Противная партія, во главѣ которой не стоитъ ни одно великое имя, а находится только нѣсколько крикуновъ, какъ, напримѣръ, Пусткухенъ, еврей Вольфангъ Менцель, еврей Генгстенбергъ, подымаетъ тѣмъ крикливѣе свои фарисейскіи нападкы противъ Афинъ и великаго язычника.

Мой сосѣдъ по комнатѣ, какой-то юстициратъ изъ Кенигсберга, пріѣхавшій сюда для купанья, считаетъ меня шатистомъ, такъ какъ каждый разъ, когда онъ удостоиваетъ меня визитомъ, застаётъ меня за Библіею. Ему бы очень хотѣлось за это немного поострить надо мною, и каждый разъ, когда онъ разговариваетъ со мною о религіи, явительная восточно-прусская улыбка мерцаетъ на его тонцемъ холостомъ лицѣ...

Другой сосѣдъ мой, живущій подо мною—ни піэтистъ, ни рационалистъ, а просто голландецъ, небрежный и маслянистый, какъ сыръ, которымъ онъ торгуетъ. Ничто не можетъ привести его въ движеніе; онъ—образъ самаго трезваго спокойствія, и голосъ его не теряетъ своей плоскости даже тогда, когда онъ разговариваетъ съ моею хозяйкой о своемъ любимомъ предметѣ—солениіи рыбы. Къ сожалѣнію, доски моего пола такъ тонки, что я долженъ иногда слышать подобныя разговоры, и въ то время, какъ вчера я разсуждалъ съ пруссакомъ о религіозныхъ предметахъ, мой голландецъ объяснялъ внизу, что три породы трески—кабельгау, лабарданъ и штокфиншъ, хотя и различаются между собою, но въ сущности составляютъ одно и то же.

Мой хозяинъ—превосходный морякъ, славящійся на всемъ островѣ своею неустрашимостью во время бурь, но при этомъ добродушный и кроткій, какъ дитя. Онъ только что возвратился изъ большого плаванія, и съ веселою серьезностью разсказалъ мнѣ о феноменѣ, который ему пришлось увидѣть вчера, 28 іюля, въ открытомъ морѣ. Разсказъ забавный. Именно, мой хозяинъ утверждалъ, что все море пахло только-что испеченными пирожками, и этотъ теплый деликатный запахъ такъ соблазнительно щекоталъ у него въ носу, что его просто стошнило. Это явленіе, видишь ли,

то же самое, что дрязнящій миражъ, который въ арабской пещаной пустынь обманываетъ жаждущаго путника видомъ освѣжительной водной равнины. Это — испеченная фата-моргана.

Гельголандъ, 1 августа.

...Ты не можешь себя представить, какъ успокоительно дѣйствуетъ на меня здѣшнее *dolce far niente*. Я не взялъ сюда съ собою ни одной книги, занимающейся современными интересами. Вся моя библиотека состоитъ изъ «Исторіи Лонгобардовъ» Павла Варнефрида, Библии, Гомера и нѣсколькихъ разсужденій о колдуньяхъ. Объ этомъ послѣднемъ предметѣ мнѣ бы хотѣлось написать интересную книжечку. Съ этою цѣлью я занимался недавно изслѣдованіями о послѣднихъ слѣдахъ язычества въ новое, крещеное время. Въ высшей степени удивительно то, что прекрасныя существа баснословнаго міра Греціи удерживались въ Европѣ такъ долго и подъ такими различными масками. А въ сущности, они сохранились и до настоящаго времени, у насъ, поэтовъ. Эти послѣдніе, со времени побѣды христіанской церкви, всегда составляли тихую общину, въ которой веселіе древне-символическаго служенія, ликующая вѣра въ боговъ передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе, посредствомъ традицій, пѣснопѣній... Но увы, *ecclesia pressa*, читавшая Гомера, какъ своего пророка, съ каждымъ днемъ подвергается большимъ и большимъ стѣсненіямъ, рвеніе черныхъ фамильяровъ съ каждымъ днемъ раздувается все опаснѣе. Не угрожаетъ ли намъ новое преслѣдованіе боговъ?

Боязнь и надежда смѣняются другъ другомъ въ моемъ умѣ, и на душѣ моей какъ-то очень смутно.

...Я снова примирился съ моремъ (ты знаешь, что мы были *en délicatesse*), и мы снова сидимъ по вечерамъ вмѣстѣ и ведемъ таинственные разговоры. Да, я хочу совершенно оставить политику и философію и снова предаться созерцанію природы и искусства. Вѣдь, право, всѣ эти мученія и труды совершенно бесполезны, и погибни я даже для всеобщаго блага, оно все-таки очень мало по-двинется впередъ. Міръ не можетъ стоять на одномъ и томъ же мѣстѣ, но постоянно совершаетъ самое бесплодное круговращеніе. Прежде, когда я еще былъ молодъ и неопытенъ, я думалъ, что если въ борьбѣ за освобожденіе чело-вѣчества и погибнуть отдѣльные бойцы, то великое дѣло

все-таки одержитъ, наконецъ, побѣду... И меня улаждали прекрасные стихи Байрона:

«Волны уходятъ одна за другою, и одна за другою разбиваются и разсыпаются на берегу, но самое море постоянно идетъ впередъ».

Ахъ, кто долго смотритъ на это явленіе природы, тотъ замѣчаетъ, что ушедшее впередъ море, послѣ извѣстнаго срока, снова возвращается въ свое прежнее русло, потомъ снова и также порывисто старается опять уйти впередъ, наконецъ, опять малодушно бросается въ бѣгство и, непрерывно повторяя этотъ маневръ, все-таки остается на одномъ и томъ же мѣстѣ... Человѣчество также движется по законамъ прилива и отлива, и, быть-можетъ, что и на духовный міръ луна оказываетъ свое планетное вліяніе...

Сегодня новый мѣсяцъ, и несмотря на всю тоскливую жажду сомнѣній, мучающую мою душу, въ нее прокрадываются странныя предчувствія... Въ эту минуту въ міръ происходитъ что-нибудь необыкновенное... Море пахнетъ пирожками, а тучи прошедшею ночью глядѣли такъ печально, такъ сумрачно...

Въ вечернія сумерки я бродилъ одинокій по берегу. Вокругъ царствовала торжественная тишина. Высокосводчатое небо походило на куполь готической церкви. Словно безчисленное множество лампъ, висѣли на немъ звѣзды, но онѣ горѣли мрачно и трепетно. Какъ водяной органъ, шумѣли волны; бурные хоралы вылетали изъ нихъ то полные болѣзненнаго отчаянія, то торжествующіе. Надо мной проносился воздушный караванъ бѣлыхъ облачныхъ образовъ, которые были похожи на монаховъ, шедшихъ въ печальной процессіи съ преклоненными головами и печальными взорами... Казалось почти, что они слѣдовали за чьимъ-то гробомъ... Кого хоронять? Кто умеръ? спрашивалъ я самъ себя. Не великій ли Панъ умеръ?

Гельголандъ, 6 августа.

«Въ то время, какъ войско короля геруловъ сражалось съ лонгобардами, онъ спокойно сидѣлъ въ своей палатѣ и игралъ въ шахматы. Онъ грозилъ смертью каждому, кто принесетъ ему вѣсть о пораженіи. Часовой, который, сидя на деревѣ, слѣдилъ за ходомъ битвы, постоянно кричалъ: «Мы побѣждаемъ! Мы побѣждаемъ!» Наконецъ, онъ съ громкимъ стономъ произнесъ: «Несчастный король! Несчастный народъ горульскій!» Тутъ король замѣтилъ, что битва про-

игра, но было уже поздно, потому что лонгобарды въ то же время проникли въ его палатку и убили его...»

Именно эту исторію читалъ я у Павла Варнефрида, когда съ материка пришелъ толстый пакетъ газетъ съ теплыми, знойно жаркими новостями. То были солнечные лучи, за-вернутые въ бумагу, и они произвели въ душѣ моей самый дикій пожаръ. Мнѣ казалось, что я могъ зажечь весь океанъ до сѣвернаго полюса тѣмъ огнемъ вдохновенія и безумной радости, который пылалъ во мнѣ. Теперь я знаю, отчего все море пахло пирожками. Течение Сены вынесло хорошую вѣсть непосредственно въ море, и прекрасныя русалки, искони сочувствующія всякому геройству, тотчасъ же дали въ своихъ хрустальныхъ дворцахъ *thé dansant* въ честь великихъ событій, и вотъ поэтому все море пахло пирожками. Я, какъ сумасшедшій, бѣгалъ по всему дому и поцѣловалъ сначала толстую хозяйку, а потомъ ея привѣтливую зубатку; я обнялъ также прусскаго юстицрата, на губахъ котораго, однако, не совсѣмъ исчезла холодная улыбка невѣрія. Даже голландца прижалъ я къ своему сердцу... Но это равнодушное жирное лицо осталось холоднымъ и спокойнымъ, и если бы само іюльское солнце упало на шею къ мингерру, онъ, я думаю, только немного вспотѣлъ бы, но отнюдь не воспламенился. Эта трезвая сухость среди всеобщаго одушевленія возмутительна. Подобно тому, какъ спартанцы приучали своихъ дѣтей къ трезвости тѣмъ, что постоянно показывали имъ пьянаго илота, такъ намъ слѣдовало бы откармливать въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ голландцевъ для того, чтобы ихъ безстрастная, рыба натура поселяла въ дѣтяхъ отвращеніе къ трезвой сухости. Въ самомъ дѣлѣ, эта голландская трезвая сухость—порокъ гораздо болѣе фатальный, чѣмъ пьянство илота. Я съ удовольствіемъ поколотилъ бы мингерра...

Но нѣтъ, прочь всякія крайности! Парижане дали намъ такой блестящій примѣръ умѣренности. Да, вы, французы, вы заслуживаете быть свободными, потому что вы носите свободу въ сердцѣ. Этимъ вы отличаетесь отъ вашихъ бѣдныхъ предковъ, страхнувшихъ съ себя тысячелѣтнее рабство, но совершавшихъ, рядомъ со своими геройскими подвигами, и тѣ безумныя злодѣянія, которыя заставляли генія челоуѣчества въ ужасѣ закрывать лицо. Теперь руки народа покрылись кровью не въ бою, но въ свалкѣ законной обороны. Народъ самъ перевязалъ раны своихъ враговъ, и когда дѣло окончилось, снова принялся за свои обыкновен-

ныя занятія, не потребовавъ за великую работу ни копейки на водку:

Страшишь раба, когда онъ дѣли посылти;
Людей свободныхъ не страшишь!

Ты видишь, въ какомъ я упоеніи, какъ я внѣ себя... Я цитирую «Колоколь» Шиллера.

И стараго ребенка, котораго неисправимое безуміе стоило гражданамъ столько крови, парижане пощадилъ чрезвычайно трогательно. Онъ такъ же, какъ король геруловъ, сидѣлъ за шахматами, когда побѣдители вторгнулись въ его палатку. Дрожащею рукою онъ подписалъ отреченіе. Онъ никогда не хотѣлъ слушать правду. Онъ преклонялъ слухъ только ко лжи своихъ придворныхъ. Они постоянно восклицали: «Мы побѣждаемъ! Мы побѣждаемъ...» Непостижима была эта увѣренность царственного безумца... Съ глубокимъ удивленіемъ посмотрѣлъ онъ вокругъ себя, когда «Journal des Débats», какъ нѣкогда часовой въ битвѣ лонгобардовъ, внезапно воскликнулъ: «Malheureux roi Malheureuse France!»

Съ нимъ, съ Карломъ X, пала, наконецъ, имперія Карла Великаго, какъ имперія Ромула пала съ Ромуломъ-Августомъ. Какъ нѣкогда начался новый Римъ, тамъ теперь начинается новая Франція.

Я все еще точно во снѣ; особенно имя Лафайета звучитъ для меня, какъ сказка, слышанная въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ снова сидитъ на конѣ, предводительствуя національной гвардіей? Я почти боюсь, что это неправда, потому что это напечатано. Мнѣ хочется самому отправиться въ Парижъ, чтобы убѣдиться собственными глазами... Какое, вѣроятно, великолѣпное зрѣлище, когда онъ проѣзжаетъ по парижскимъ улицамъ— онъ, гражданинъ обоихъ полушарій, богоподобный старецъ, серебряныя кудри котораго волнами падаютъ на священныя плечи... Старыми, милыми глазами онъ привѣтствуетъ внуковъ тѣхъ дѣдовъ, которые нѣкогда сражались съ нимъ за свободу и равенство... Шестьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся изъ Америки съ провозглашеніемъ человѣческихъ правъ, этихъ десяти заповѣдей новой міровой вѣры, которыя тамъ были открыты ему при громѣ и молніи пушекъ!.. Теперь снова развѣвается на парижскихъ башняхъ трехцвѣтное знамя, и раздается Марсельеза!

Лафайетъ, трехцвѣтное знамя, Марсельеза... Я точно въ опьянѣніи. Смѣлыя надежды страстно воздымаются во мнѣ,

какъ деревья съ золотыми плодами и дикими, все удлиняющимися вѣтвями, которыя доносятъ свою листву до отдаленныхъ облаковъ... Но облака, въ быстромъ полетѣ своемъ вырываютъ съ корнемъ эти исполинскія деревья и бѣгутъ дальне. Небо наполнено звучными скрипками, а море, я слышу снова, пахнетъ свѣженспекенными пирожками. Тамъ наверху, въ небесноглубомъ пространствѣ, постоянно раздаются радостные звуки скрипокъ, а въ смарагдовыхъ волнахъ слышится точно веселый хохотъ дѣвушекъ. Но подѣ землею трескъ и клочотаніе, земля разверзается, старые боги высовываютъ оттуда головы и съ торопливымъ удивленіемъ спрашиваютъ: «Что означаетъ это ликование, проникнувшее въ самую сердцевину земли? Что случилось новаго? Не слѣдуетъ ли намъ снова выйти изъ-подѣ земли?» Итъ, оставайтесь въ нашемъ туманномъ царствѣ, куда скоро сойdetъ къ вамъ новый товарищъ... «Какъ зовутъ его?» Вы хорошо знаете его—его, который нѣкогда низвергнулъ васъ въ царство вѣчной ночи...

Цанъ умеръ!

Гельголандъ, 10 августа.

Лафайетъ, трехцвѣтное знамя, Марсельеза...

Кончилась моя жажда спокойствія. Теперь я снова знаю, чего я хочу, что долженъ, что обязанъ дѣлать... Я сынъ революціи и снова берусь за оружіе, надѣ которымъ моя мать произнесла свое, полное чаръ, благословеніе... Цвѣтоты! цвѣтоты! Я увѣнчаю ими свою голову для смертельной битвы! И лиру, дайте мнѣ лиру, чтобы я спѣлъ боевую пѣсню. Слова, подобныя пламеннымъ звѣздамъ, которыя стрѣляютъ внизъ съ небесной высоты, и сожигаютъ чертоги, и освѣщаютъ хижины... Слова, подобныя блестящимъ метательнымъ копьямъ, которыя взлетаютъ въ седьмое небо и поражаютъ набожныхъ лицемѣровъ, прокраившихся туда въ святую святыхъ... Я весь радость и пѣснонѣніе, весь мечъ и огонь!

Можетъ-быть, я и совсѣмъ сошелъ съ ума... Изъ этихъ дикихъ, завернутыхъ въ бумагу солнечныхъ лучей, одинъ попалъ мнѣ въ мозгъ, и всѣ мои мысли горятъ яркимъ пламенемъ. Напрасно я погружаю голову въ море. Никакая вода не можетъ загасить этотъ греческій огонь. Но и съ другими дѣлается почти то же самое. И остальныхъ привѣзжихъ для купанья поразилъ парижскій солнечный ударъ, особенно берлинцевъ, которые въ нынѣшнемъ году собра-

лись здѣсь въ большомъ количествѣ и пероѣзжаютъ съ одного острова на другое, такъ что можно сказать, что Сѣверное море все наводнено берлинцами. Даже бѣдные гельголандцы ликуютъ, несмотря на то, что только инстинктомъ понимаютъ эти событія. Рыбакъ, который перевозилъ меня вчера на маленькій песчаный островъ, гдѣ я кунаюсь встрѣтилъ меня улыбкой и словами: «бѣдные люди побѣдили!» Да народъ своимъ инстинктомъ понимаетъ событія, можетъ-быть, лучше, чѣмъ мы—всѣми нашими вспомога-тельными сознаніями. Такъ, г-жа Варнгагенъ рассказывала мнѣ, что когда исходъ лейпцигской битвы былъ еще неизвѣстенъ, то горничная однажды вдругъ воѣжала въ комнату и съ испугомъ закричала: «дворянство выиграло!»

На этотъ разъ побѣду одержали бѣдные люди. «Но это принесетъ имъ мало пользы, если они не одержатъ также побѣды надъ наслѣдственнымъ правомъ!»—эти слова произнесъ восточно-прусскій юстицратъ такимъ тономъ, который крайне поразилъ меня. Не знаю, почему эти слова, кото-рыхъ я не понимаю, такъ тревожно остаются въ моей памяти. Что хотѣлъ сказать ими этотъ сухой чудакъ?

Сегодня утромъ снова получилъ пакетъ съ газетами. Я проглотилъ ихъ, какъ манну. Такое дитя, какъ я, трогательныя подробности занимаютъ еще болѣе, чѣмъ многозна-менательное цѣлое. О, какъ бы я хотѣлъ увидѣть хоть собаку Медора! Она интересуется меня больше, чѣмъ другія, которыя въ нѣсколько скачковъ принесли Филиппу Орлеанскому корону. Собака Медоръ принесла своему хозяину ружье и патронташъ, и когда ея хозяинъ палъ и вмѣстѣ съ своими героями-товарищами былъ похороненъ на луврскомъ дворѣ, бѣдная собака, точно каменное изваяніе вѣрности, усѣлась на могилѣ и неподвижно сидѣла дни и ночи, едва дотрогиваясь до предлагавшихся ей кушаньевъ и зарывая большую часть ихъ въ землю, можетъ-быть, для того, чтобы кормить своихъ похороненныхъ хозяевъ!

Я не могу больше спать, и въ моемъ раздраженномъ умѣ пробѣгаютъ самыя странныя фигуры. Недремлющія грезы, которыя толкаютъ одна другую такъ, что образы причудливо смѣшиваются между собою и, какъ въ китайскомъ фонарѣ, то становятся карликами, то вдругъ обращаются въ гигантовъ; просто съ ума сходи. Въ такомъ положеніи мнѣ иногда кажется, что мои собственные члены также получаютъ колоссальныя размѣры и что я, на неизмѣримо длинныхъ ногахъ, перебѣгаю изъ Германіи во Францію, и снова обратно.

Да, я помню, что прошедшею ночью пробѣгалъ я такимъ образомъ по всѣмъ нѣмецкимъ землямъ и земляцамъ, и стучалъ въ двери моихъ друзей, и будилъ спящихъ... Они порою смотрѣли на меня удивленными, стеклинными глазами, такъ что я самъ пугался и не могъ тотчасъ же объяснить себѣ, чего я собственно хотѣлъ и для чего я будилъ ихъ. Многихъ толстыхъ филистеровъ, которые слишкомъ отвратительно храпѣли, я знаменательно толкалъ подъ бока; и они, зѣвая, спрашивали: «да который же часъ?» Въ Парижѣ, любезные друзья, прокричалъ пѣтухъ; вотъ все, что я знаю. — За Аугсбургомъ, по дорогѣ въ Мюнхенъ, я встрѣтилъ множество готическихкихъ церквей, которыя, казалось, были готовы къ бѣгству и боязливо шатались. Я самъ, уставъ отъ бѣготин, вздумалъ, наконецъ, полетѣть и началъ передетать отъ одной звѣзды къ другой. Но эти звѣзды не населенные мѣры, какъ полагають другіе, а просто блестящіе каменные шары, пустые и безплодные. Они не падаютъ внизъ потому, что не знаютъ, гдѣ имъ можно упасть, и ходять въ вышинѣ взадъ и впередъ въ величайшемъ затрудненіи. Былъ я и въ небѣ. Ворота были отперты. Длинные высокія залы, по которымъ громко разносится эхо, съ старомодными золочеными украшеніями, совершенно пустыя; только кое-гдѣ сидѣлъ въ бархатномъ креслѣ и сладко дремалъ старый напудренный слуга въ полинявшей красной ливреѣ; во многихъ комнатахъ двери были сняты съ петель, въ другихъ плотно заперты и вдобавокъ запечатаны тремя большими казенными печатами... Наконецъ, я зашелъ въ одну комнату, гдѣ сидѣлъ за конторкой старый худоцавый человѣкъ, перебиравшій груды бумагъ. Онъ былъ въ черномъ платьѣ, совсѣмъ сѣдой, съ морщинистымъ дѣловымъ лицомъ, и спросилъ меня полушопотомъ: что мнѣ нужно? Въ наивности я принялъ его за Юпитера и обратился къ нему въ самомъ довѣрчиво интимномъ тонѣ: «Ахъ, добрѣйшій г. Юпитеръ, мнѣ бы хотѣлось выучиться гремѣть; сверкать молніями я уже умѣю... ахъ, выучите меня и гремѣть!»... Я заговорилъ съ нимъ громко. «Не говорите такъ громко»; рѣзко возразилъ старый худоцавый человѣкъ, повернулся ко мнѣ спиною и снова сталъ рыться въ своихъ бумагахъ. «Это господинъ регистраторъ», шепнулъ мнѣ одинъ изъ красныхъ служителей, поднявшись съ кресла, на которомъ онъ спалъ, и съ зѣваніемъ протирая себѣ глаза...

Панъ умеръ!

Кургафень, 19 августа.

Неприятный переѣздъ, въ открытой лодкѣ противъ вѣтра, вслѣдствіе чего, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, я страдалъ отъ морской болѣзни. Море, какъ и другія существа, платитъ мнѣ за любовь безпокойствомъ и мученіями. Сначала все идетъ хорошо, и я нахожу удовольствіе въ заманчивомъ покачиваніи. Но мало-по-малу голова моя начинаетъ кружиться, и всевозможныя баснословныя лица являються передо мною. Изъ темныхъ водоворотовъ моря выплываютъ старые демоны въ отвратительной наготѣ до пояса, они воютъ скверные, непонятные стихи и брызгаютъ мнѣ въ лицо бѣлою пѣной волнь. Еще болѣе фатальныя рожи образуются изъ тучъ, которыя опускаются такъ низко, что почти касаются моей головы и своими глупыми, фистуловыми голосами насвистываютъ мнѣ въ ухо самыя злобщія глупости. Такая морская болѣзня, правда, не опасна, но тѣмъ не менѣе она вызываетъ самыя ужасныя опущенія, способныя довести до сумасшествія. Наконецъ, въ этой лихорадочной тоскѣ, мнѣ вообразилось, что я китъ и что въ животѣ у меня сидитъ пророкъ Іона.

Но пророкъ Іона шумѣлъ въ моемъ животѣ и постоянно восклицалъ: «О Ниневія, о Ниневія, ты погибнешь! Въ твоихъ дворцахъ нищія будутъ искать у себя вшей, а въ твоихъ храмахъ вавилонскіе кирасиры будутъ кормить лошадей. Но васъ, жрецовъ Ваала, васъ схватятъ за уши, и ваши уши приколотятъ гвоздями къ дверямъ храмовъ. Да, къ дверямъ вашихъ лавокъ пригвоздятъ васъ за уши, васъ, лейбъ-хлѣбопекковъ Божіихъ; потому что вы держали фальшивыя вѣсы и продавали народу пустой, фальшиво взвѣшенный хлѣбъ! О, остриженные плуты! Когда народъ голодалъ, вы давали ему тощую, гомеопатическую, кажущуюся пищу, а когда онъ умиралъ отъ жажды, вы напивались вмѣсто его, въ крайнемъ случаѣ королямъ протягивали вы полную чашу. Но васъ, ассирійскихъ филистеровъ и грубіяновъ, васъ будутъ бить палками и прутьями, и топтать васъ ногами, и давать вамъ пощечины, и это я положительно предсказываю вамъ потому, что, во-первыхъ, я сдѣлаю все возможное, чтобы это случилось, а во-вторыхъ, я пророкъ, пророкъ Іона, сынъ Амифаи... О, Ниневія, о, Ниневія, ты погибнешь!»

Такъ почти говорилъ ораторъ, сидѣвшій въ моемъ животѣ, и при этомъ такъ сильно жестикулировалъ и поворачивался у меня въ кишкахъ, что вся внутренность моя поверну-

лезь... Наконецъ, я не могъ долѣе выносить это, и мешъ вырвало.

Когда я такимъ образомъ облегчился, то услышалъ подлѣ себя голосъ прусскаго юстипрата, говорившаго мнѣ: «Ну, слава Богу, что вамъ стало лучше. Мы сейчасъ пристанемъ къ берегу, и чашка чаю отлично поможетъ вамъ». Я послѣдовалъ его совѣту и совершенно оправился, когда высадился на берегъ и выпилъ въ кургхафенской гостиницѣ хорошую чашку чаю.

Здѣсь кипятъ гамбургцами и ихъ супругами, нуждающимися въ морскомъ купаньи. Капитаны кораблей изъ всѣхъ странъ, ожидающіе попутнаго вѣтра, также прохаживаются здѣсь взадъ и впередъ по высокимъ плотинамъ, или сидятъ въ шинкахъ, гдѣ пьютъ очень крѣпкій грогъ и ликуютъ по поводу трехъ іюльскихъ дней. На всѣхъ языкахъ раздавался въ честь французовъ заслуженный ими вивать, и обыкновенно столь скупой на слова британецъ теперь восхваляетъ французовъ такъ же краснорѣчиво, какъ и тотъ болтливый португалецъ, который сожалѣлъ, что не могъ отправить свой грузъ съ анельсинами прямо въ Парижъ, чтобъ освѣжить народъ послѣ жара битвы. Мнѣ рассказывали, что даже въ Гамбургѣ, въ томъ Гамбургѣ, гдѣ ненависть къ французамъ вкорснена глубже, чѣмъ гдѣ бы то ни было, теперь господствуетъ исключительно энтузіазмъ къ французамъ... Все забыто—Даву, ограбленный банкъ, разстрѣленные граждане, старонѣмецкіе кафтаны, скверные стихи въ честь освобожденія, отецъ Блюхеръ, нѣмецкій народный гимнъ—все забыто... Въ Гамбургѣ развѣвается трехцвѣтное знамя, тамъ звучитъ Марсельеза, даже дамы появляются въ театрахъ съ трехцвѣтными бантами на груди и улыбаются своими синими глазами, пунцовыми ротиками и бѣлыми носиками... Даже богатые банкиры, которые, вслѣдствіе революціоннаго движенія, потеряли очень много денегъ на своихъ государственныхъ бумагахъ, великодушно раздѣляютъ общую радость, и каждый разъ, какъ маклеръ объявляетъ имъ, что курсъ упалъ еще ниже, они высказываютъ тѣмъ больше удовольствія и отвѣчаютъ: «Ну, что-жъ такое! Это ничего не значитъ, ничего не значитъ!»

Да, повсюду, во всѣхъ странахъ, люди очень легко поняли значеніе этихъ трехъ іюльскихъ дней и торжествуютъ въ немъ триумфъ собственныхъ интересовъ. Великій подвигъ французовъ слишкомъ ясенъ для всѣхъ народовъ и всѣхъ пониманій, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, и въ

стѣняхъ башкировъ онъ потрясаетъ умы точно также, какъ на горахъ Андалузіи... Я вижу отсюда, какъ, при полученіи этого извѣстія, у неаполитанца останавливаются во рту макароны, а у ирландца картофель... Пульчинель способенъ схватиться за мечъ, а Пэдди выкинетъ, можетъ-быть, такую штуку, отъ которой у англичанъ пройдетъ охота смѣяться.

А Германія? Не знаю. Сдѣлаемъ ли мы, наконецъ, изъ нашихъ дубовыхъ лѣсовъ настоящее употребленіе, то-есть, устроимъ ли мы изъ нихъ баррикады для освобожденія міра? Воспользуемся ли мы, наконецъ, мы, которыхъ природа надѣлила такимъ глубокимъ умомъ, такою силою, такою отвагою, воспользуемся ли мы, наконецъ, нашими Божиими дарами, и пойдемъ ли, провозгласимъ ли, осуществимъ ли слово великаго Учителя, ученіе о правахъ человѣчества?

Теперь прошло шесть лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я, странствуя пѣшкомъ по отечеству, пришелъ въ Вартбургъ и посѣтилъ келью, въ которой жилъ докторъ Лютеръ. То былъ отличный человѣкъ, котораго я не позволю ни въ чемъ упрекнуть; онъ совершилъ исполинскій подвигъ; и мы должны вѣчно съ благодарностью цѣловать ему руки за то, что онъ сдѣлалъ.

Мы не станемъ сѣтовать на него за то, что онъ уже очень невѣжливо обшелся съ нашими друзьями, когда они захотѣли въ толкованіи божественнаго слова пойти нѣсколько дальше его самого, когда они предложили установленіе и земного равенства людей... Такое предложеніе было въ ту пору, конечно, еще несвоевременно, и мейстеръ Гемлингъ, отрубившій голову тебѣ, бѣдный Томасъ Мюнцеръ, имѣлъ въ извѣстномъ отношеніи право на такой проступокъ, потому что въ рукахъ его былъ мечъ, и рука была сильна!

Въ Вартбургъ посѣтилъ я также арсеналь, гдѣ висятъ старыя оружія, желѣзный гардеробъ среднихъ вѣковъ. Я задумчиво бродилъ по залѣ съ университетскимъ товарищемъ, молодымъ аристократомъ, отецъ котораго былъ въ то время одинъ изъ могущественнѣйшихъ маленькихъ владѣтельныхъ князей и повелѣвалъ дрожащимъ передъ нимъ клочкомъ земли. Предки его также были могущественные бароны, и молодой человѣкъ сладостно погружался въ геральдическія воспоминанія при видѣ доспѣховъ и оружія, которыя, какъ гласила прикрѣпленная надъ ними надпись, принадлежали одному рыцарю изъ его родственниковъ. Когда онъ снялъ со стѣны длинный мечъ своихъ предковъ и полюбопытствовалъ узнать, можетъ ли онъ сдержать его,

то сознался, что мечъ тяжеловатъ для него, и въ уныніи опустилъ руку. Увидѣвъ это, увидѣвъ, что рука внука слишкомъ слаба для меча дѣдовъ, я подумалъ про себя: «Германія могла бы быть свободною...»

ДЕВЯТЬ ЛѢТЬ СПУСТЯ.

Повсюду царствовало глухое спокойствіе. Солнце бросало эгегическіе лучи на широкую спину нѣмецкаго терпѣнія. Никакой вѣтерокъ не вертѣлъ мирныхъ нѣтуховъ на крышахъ нашихъ набожныхъ церквей. На вершинѣ уединеннаго утеса сидѣла птица — вѣстникъ бури; но она сонливо опустила крылья и, повидимому, сама думала, что ошиблась, и что буря еще не скоро разразится. Печально и въ уныніи сидѣла эта птица, еще незадолго до того съ такимъ шумомъ и могуществомъ пролетавшая по воздуху и возвѣщавшая доброй Германіи всевозможныя бури. Вдругъ на западѣ блеснула молнія, за нею послѣдовали громовой ударъ и страшный трескъ, какъ будто насталъ конецъ міру. Дѣйствительно, скоро пришли вѣсти о катастрофѣ, о трехъ дняхъ въ Парижѣ. Многимъ казалось уже, что они слышатъ въ отдаленіи трубу страшнаго суда. Все какъ будто предсказывало то пришествіе кончины міра, о которомъ нѣкогда дѣли въ трепетѣ и ужасѣ сѣверныя скальды; да, многимъ казалось, что исполинскій волкъ саги приступаетъ къ своему страшному мщенію и собирается поглотить міръ, какъ о томъ возвѣщено въ ужасныхъ стихахъ Эдды. Но онъ не поглотилъ его, и добрый нѣмецкій мѣсяцъ свѣтитъ до сихъ поръ такъ же тихо и нѣжно, какъ во дни Вертера и Шарлотты...

Въ промежуткѣ между моею первою и второю встрѣчею съ Бѣрне лежитъ эта іюльская революція, какъ бы раздѣляя наше время на двѣ половины. Предлагаемыя здѣсь письма могутъ дать понятіе о настроеніи, въ которомъ оставило меня великое событіе, а въ настоящемъ сочиненіи моемъ они должны служить какъ бы переходнымъ мостомъ отъ первой къ третьей книгѣ. Безъ нихъ этотъ переходъ былъ бы слишкомъ рѣзокъ. Я затруднился привести большее количество этихъ писемъ, такъ какъ въ первыхъ временное упоеніе свободой черезчуръ шумно переступало всѣ полицейскія постановленія, въ послѣдующихъ же выступаютъ слишкомъ отрезвленные размышленія, и разочарованное сердце погружается въ унылыя и отчаянныя

мысли.—Уже въ первые дни моего прибытія въ Парижъ я замѣтилъ, что на самомъ дѣлѣ вещи явились совсѣмъ не съ тѣмъ цвѣтомъ, который придавали ему издали свѣтовые эффекты моего энтузіазма. Серебряные волосы, которые въ моемъ воображеніи такъ величественно развѣвались по плечамъ Лафайета, героя обонхъ міровъ, превратились, при болѣе близкомъ созерцаніи, въ парикъ коричневаго цвѣта, скудно прикрывавшій узкій черепъ. И даже собака Медоръ, котораго я посѣтилъ на луврскомъ дворѣ и который спокойно принималъ пищу, лежа подѣ трехцвѣтными знаменами и трофеями, былъ совсѣмъ не настоящій Медоръ, а очень обыкновенная собака, присвоившая себѣ чужія заслуги, что часто случается съ французами, и, подобно многимъ другимъ, эксплуатировавшая славу іюльской революціи... Она была въ холѣ, въ нѣгѣ, она, можетъ-быть, добилась высшихъ почестей, между тѣмъ какъ настоящій Медоръ, нѣсколько дней спустя послѣ побѣды, скромно ушелъ на задній планъ, какъ истинный народъ, совершившій революцію...

Бѣдный народъ! Бѣдная собака! Sic.

Это уже старая исторія. Не для себя—съ незапамятныхъ временъ—истекалъ кровью и страдалъ этотъ народъ, а для другихъ. Въ іюлѣ 1830 г. онъ одержалъ побѣду для той буржуазіи, которая также негодна, какъ аристократы, чье мѣсто она заняла, и въ которой точно такой же эгоизмъ... Народъ отъ своей побѣды не приобрѣлъ себѣ ничего, кромѣ раскаянья и усиленія бѣдственнаго положенія. Но будьте увѣрены—когда снова ударятъ въ набатъ, и народъ схватится за ружье, онъ на этотъ разъ будетъ биться уже для себя самого и потребуетъ заслуженную награду. На этотъ разъ будутъ чествовать и кормить уже настоящаго Медора.. Богъ вѣсть, гдѣ онъ бѣгаетъ въ настоящую минуту, презираемый, осмѣиваемый и голодающій...

Но тише, мое сердце, ты ужъ слишкомъ измѣняешь себѣ..

КНИГА ТРЕТЬЯ.

...Во второй разъ я увидѣлся съ докторомъ Людвигомъ Бёрне осенью 1831 г., черезъ годъ послѣ іюльской революціи, въ Парижѣ. Я посѣтилъ его въ гостиницѣ Hôtel de Castille, и немало удивился перемѣнѣ, которая произошла во всемъ его существѣ. То небольшое количество мяса, которое прежде я замѣтилъ на его тѣлѣ, теперь совершенно исчезло; можетъ-быть, его растопили лучи іюльскаго солнца,

къ сожалѣнію проникнувіе и въ мозгъ этого человѣка. Глаза его сверкали зловѣщимъ огнемъ. Онъ сидѣлъ, или, вѣрнѣе сказать, жилъ въ широкомъ, пестромъ шелковомъ халатѣ, точно черепаха въ своей скорлупѣ, и когда по временамъ подозрительно покачивалъ своею тощей головенкой, мнѣ становилось тяжело и неприятно. Но чувство это уступило мѣсто состраданью, когда онъ высовывалъ изъ широкаго рукава свою бѣдную, исхудалую руку и протягивалъ ее для дружескаго пожатія. Въ голосѣ его дрожала какаютто болѣзненность, а на щекахъ уже появлялись чахоточныя красныя пятна. Рѣзкое недовѣріе, проглядывавшее во всѣхъ его чертахъ и движеніяхъ, было, можетъ-быть, слѣдствіемъ глухоты, которою онъ и прежде страдалъ, но которая съ тѣхъ поръ еще увеличилась и немало способствовала тому, что разговоръ съ нимъ производилъ на меня неприятное впечатлѣніе.

— Милости просимъ въ Парижъ,—сказалъ онъ.— Это очень хорошо съ вашей стороны. Я убѣжденъ, что всѣ хорошіе, самые благомыслящіе люди скоро соберутся здѣсь... Здѣсь конвентъ патріотовъ всей Европы, и для великаго дѣла должны протянуть другъ другу руки всѣ народы. Всѣмъ государимъ надо быть занятыми своимъ дѣломъ въ собственныхъ земляхъ, чтобы не имѣть возможности сообща подавить свободу въ Германіи. Ахъ, Боже мой, ахъ, Германія! Скоро настанетъ въ ней очень мрачное и очень кровавое время. Революціи ужасная вещь, но онѣ такъ же необходимы, какъ ампутаціи гнилого члена. Тутъ надо отрѣзывать скорѣе и безъ боязливаго колебанія. Всякое замедленіе влечетъ за собою опасность, и кто изъ состраданія или боязни, при видѣ большого количества крови, дѣлаетъ операцію только наполовину, тотъ поступаетъ болѣе жестоко, чѣмъ самый жестокій тиранъ. Чортъ побери всѣхъ мягкосердечныхъ хирурговъ и ихъ полумѣры! Маратъ былъ совершенно правъ — *il faut faire saigner le genre humain*, и будь отданы въ его распоряженіе тѣ триста тысячъ головъ, которыя онъ требовалъ, не погибли бы милліоны лучшихъ людей, и міръ былъ бы навсегда излѣченъ отъ стараго недуга.

— Республика—(я продолжаю предоставлять слово Бѣрнс, пропуская нѣкоторые причудливыя скачки въ сторону)— республика должна быть во что бы то ни стало установлена. Только республика можетъ насъ спасти. Пропадай они со всѣмъ, эти такъ-называемыя конституціонныя правленія,

отъ которыхъ наши нѣмецкіе палатные болтуны ожидаютъ всякаго спасенія... Конституція соотвѣтствуютъ тому политическому положенію, при которомъ привилегированныя сословія отказываются отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ правъ, а бѣдные люди, стоявшіе до того совершенно на заднемъ планѣ, вдругъ начинаютъ ликовать отъ того, что и они добились нѣкоторыхъ правъ... Но эта радость проходитъ, когда люди, вслѣдствіе своего, болѣе свободнаго, положенія, усваиваютъ идею свободы полной, совершенно неограниченной, совершенно равной для всѣхъ; что сегодня кажется намъ драгоцѣннѣйшимъ приобрѣтеніемъ, будетъ принято нашими внуками за очень жалкую сдѣлку, и малѣйшая привилегія, которую въ то время еще удержать за собой прежняя аристократія — быть-можетъ, право украшать петли своихъ сюртуковъ листьями петрушки — будетъ, возбуждать тогда столько же горечи, сколько вызывало ее нѣкогда самое жестокое крѣпостное состояніе, можетъ-быть, даже — еще болѣе глубокую горечь, потому что аристократія будетъ тѣмъ высокобраниѣе кичиться своею послѣднею петрушковою привилегіею... Только республика можетъ насъ спасти. Но прежде, чѣмъ приступить къ основанію новаго, лучшаго порядка, мы должны уничтожить послѣдніе остатки стараго. Тутъ являются слабые, лѣнливые квіетисты и бормочутъ: «эти революціонеры разрушаютъ все, не будучи въ состояніи замѣнить это разрушаемое чѣмъ-нибудь новымъ!» И при этомъ начинаютъ восхвалять средневѣковыя учрежденія, съ которыми человечеству жилось такъ спокойно и безопасно. А теперь, говорятъ они, все такъ скучно, и пусто, и мизерно, и въ жизни главную роль играютъ сомнѣніе и равнодушіе... Прежде меня страшно бѣсили эти панегиристы среднихъ вѣковъ. Но теперь я привыкъ къ этимъ пѣснямъ и сержусь только тогда, когда милые пѣвцы переходятъ въ другой тонъ и постоянно жалуются на нашу страсть къ разрушенію. По ихъ словамъ, мы только и думаемъ о томъ, какъ бы все разрушить. И какъ глупо это обвиненіе! Вѣдь нельзя же приняться за постройку прежде разрушенія стараго зданія, и тотъ, кто ломаетъ, иногда заслуживаетъ столько же, и даже больше похвалы, чѣмъ тотъ, кто строитъ, такъ какъ трудъ перваго еще важнѣе... Напримѣръ, въ моемъ городѣ, на площади св. Троицы, стояла старая церковь, пришедшая въ такой упадокъ, что всѣ боялись, что она вдругъ разрушится и задавитъ, или изувѣчитъ множество людей. Поэтому ее снесли и тѣмъ предупредили боль-

шое несчастіе, тогда какъ прежніе строители способствовали только большому счастью... А вѣдь легче обойтись безъ большого счастья, чѣмъ вынести большое несчастіе! Правда, нѣкогда въ старыхъ стѣнахъ блистало много великолѣпія, и какъ священная реликвія среднихъ вѣковъ, онѣ представляли поэтическую картину въ лунную ночь... Но кому (какъ, на примѣръ, случилось съ моимъ бѣднымъ дядей, когда онъ проходилъ мимо этого средневѣкового остатка) попадаетъ въ голову нѣсколько камней съ уцѣлѣвшаго остатка среднихъ вѣковъ, тотъ прокликаетъ почитателей старыхъ зданій и благословляетъ храбрыхъ рабочихъ, уничтожающихъ такіа опасныя руины... Да, они снесли это зданіе, они сравняли его съ землей, и теперь на томъ мѣстѣ растутъ зеленыя деревья, и дѣти играютъ на солнцѣ...

Въ этихъ рѣчахъ не было и слѣда прежняго незлобія, и юморъ Бѣрне, въ которомъ совершенно погасла добродушная веселость, сдѣлался желчнымъ, кровожаднымъ и очень сухимъ. Скачки отъ одного предмета къ другому имѣли теперь источникомъ не безумный капризъ, а капризное безуміе, и ихъ слѣдовало прежде всего приписать чтенію разнообразныхъ газетъ, которыми Бѣрне занимался въ то время день и ночь. Въ жару своихъ террористическихъ изліяній, онъ схватилъ одну изъ этихъ газетъ, лежавшихъ предъ нимъ цѣлыми кучами, и смѣясь, сказалъ:

— Вотъ тутъ вы можете прочитать, тутъ напечатано: «Германія беременна великими дѣлами!» Да, это правда, Германія беременна великими дѣлами, но роды будутъ тяжелые. И тутъ понадобится не акушерка, а акушеръ, и ему придется дѣйствовать желѣзными инструментами. Какъ вы полагаете?

— Я полагаю, что Германія совсѣмъ не беременна.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы ошибаетесь. Можетъ-быть, она родитъ урода, но все-таки родитъ. Только намъ надо избавиться отъ болтливыхъ старухъ, являющихся толпами и предлагающихъ свои акушерскія услуги. Есть между ними, на примѣръ, шлюха Роттекъ. Эта старуха даже не честный человѣкъ. Это жалкій писатель, выказывающій крошечку либеральнаго демагогизма и эксплуатирующій современный энтузіазмъ, чтобы привлечь на свою сторону массу, доставить сбытъ своимъ сквернымъ сочиненіямъ, вообще придать себѣ важность. Этотъ человѣкъ полу-лисица, полу-собака, и прячется въ волчью шкуру, чтобы выть съ волками по-волчьи. Мнѣ въ тысячу разъ любезнѣе болванъ Раумеръ—

я именно теперь читаю его «Парижскія Письма»,—это ужь совсѣмъ собака, и когда онъ ворчитъ по-либеральному, то не вводитъ въ заблужденіе никого, и каждый знаетъ, что это благонамѣренный пудель, никого не кусающій. Онъ то и дѣло бѣгаетъ по дворамъ, снуетъ по всѣмъ кухнямъ, и охотно бы воткнулъ рыло въ нашъ сунъ, если бъ не боялся получить пинка отъ своихъ высокихъ покровителей. А они дѣйствительно даютъ ему нинки и принимаютъ бѣдное животное за революціонера. Господи, Боже мой! Да вѣдь всѣ его желанія ограничиваются тѣмъ, чтобъ ему позволили свободно помахать хвостомъ, и когда онъ получаетъ это позволеніе, то съ благодарностью лижетъ золотыя шпоры укѣрмаркскаго рыцарства! Ничего нѣтъ забавнѣе такой неутомимой подвижности рядомъ съ неутомимымъ терпѣніемъ. Это яснѣе всего видно въ вышеупомянутыхъ «Письмахъ», гдѣ бѣдный песь самъ рассказываетъ на каждой страницѣ, какъ онъ спокойно стоялъ нѣсколько разъ въ хвостѣ передъ парижскими театрами... Увѣряю васъ, что онъ дѣйствительно спокойно стоялъ въ хвостѣ съ толпой, и опъ такъ простъ, что самъ рассказываетъ про это. Но чтѣ еще хуже, чтѣ вполнѣ обнаруживаетъ пошлость его души—это сознаніе, что онъ каждый разъ, какъ выходилъ изъ театра до окончанія представленія, продавалъ свою контрамарку. Правда, что онъ, какъ иностранецъ, можетъ не знать, что такая продажа унижаетъ порядочнаго человѣка; но ему стоило бы только взглянуть на людей, которымъ онъ продавалъ контрамарки, чтобы замѣтить, что это только дрожжи общества, мошенники и сводники—словомъ, люди, съ которыми порядочный человѣкъ не станеть даже говорить, а тѣмъ менѣе входить въ торговля дѣла. Очень грязенъ отъ природы долженъ быть тотъ, кто принимаетъ деньги изъ этихъ грязныхъ рукъ!

Для того, чтобы не подумали, что я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ Бѣрне о господинѣ профессорѣ Фридрихѣ фонъ-Раумерѣ, замѣчу здѣсь къ выгодѣ этого послѣдняго, что я считаю его, правда, грязнымъ, но не глухимъ. Слово грязный—считаю нужнымъ тоже положительно замѣтить—не должно приниматься здѣсь въ матеріальномъ смыслѣ. Иначе госпожа профессорша разразится страшнымъ гнѣвомъ и нанечатаетъ всѣ счета своей прачки, на которыхъ обозначено, сколько чистыхъ фуфасекъ и манишекъ ея любезный муженекъ перемѣнилъ въ теченіе года... И я убѣжденъ, что число это велико, потому что господинъ про-

фессоръ Раумеръ въ теченіе года много бѣгаетъ, и слѣдовательно потѣветъ, и слѣдовательно долженъ перемѣнять много бѣлья. Дѣйствительно, жареная слава не летитъ ему прямо въ ротъ, онъ долженъ быть постоянно на ногахъ, чтобы поймать ее, и когда онъ пишетъ книгу, ему приходится сперва много побѣгать, чтобы добыть себѣ разныя мысли и, наконецъ, позаботиться о томъ, чтобы съ трудомъ составленное произведеніе было еще достаточно поддержано литературными клакерами. Этотъ подвижной человекъ изъ сладкаго дерева—единственный въ этого рода дѣятельности, и довольно справедливо замѣтила о немъ одна остроумная женщина: «Его писаніе собственно бѣганье». Гдѣ нужно что-нибудь сдѣлать, тамъ непременно очутится Раумерхенъ изъ Ангальтъ-Дессау. Недавно онъ бѣгалъ въ Лондонъ; за три мѣсяца до этой поѣздки онъ началъ шнырять повсюду и выпрашивать себѣ, какъ милостыню, рекомендательныя письма; затѣмъ, попрыгавъ немножко въ англійскомъ обществѣ и выбѣжавъ книгу, добываетъ себѣ бѣганьемъ и издателя для англійскаго перевода этой книги; и Сара Аустинъ, моя милая пріятельница, должна поневолѣ употреблять свое перо на то, чтобы кислую, оберточно-бумажную нѣмецкую рѣчь переводить на велсеново-прекрасную англійскую, и побуждать своихъ друзей къ тому, чтобы они разбирали въ англійскихъ журналахъ этотъ переведенный продуктъ. И эти выбѣжанныя англійскія рецензіи Брокгаузъ потомъ снова заставляетъ переводить въ Лейпцигѣ на нѣмецкій, подъ заглавіемъ: «Англійскіе голоса о Фр. фонъ-Раумерѣ!»

Повторяю, я не согласенъ съ мнѣніемъ Бёрне о господинѣ фонъ-Раумерѣ; онъ грязный человекъ, но не дуракъ, какъ утверждалъ Бёрне, который, можетъ-быть, потому что самъ напечаталъ въ это время тоже «Парижскія Письма», такъ строго относился къ бѣдному сопернику и при всякомъ удобномъ случаѣ выливалъ на него самыя злыя насмѣшки.

Да, не смѣйтесь, господинъ фонъ-Раумеръ былъ въ то время соперникомъ Бёрне, «Парижскія Письма» котораго появились почти одновременно съ вышеупомянутыми письмами, въ которыхъ онъ, Раумерхенъ, переписывался изъ Парижа съ госпожею Крелинггеръ и ея супругомъ.

Раумеровы письма давно уже забыты, и мы помнимъ еще забавное впечатлѣніе, которое они произвели, появясь на литературномъ рынкѣ одновременно съ «Парижскими

Письмами» Бёрне. Что касается этихъ послѣднихъ, то я сознаюсь, что два первыхъ тома, прочитанные мной въ то время, не мало напугали меня. Я былъ пораженъ этимъ ультра-радикальнымъ тономъ, котораго меньше всего ожидалъ отъ Бёрне. Человѣкъ, который въ своей приличной, тщательно обработанной манерѣ писанія самъ инспектировалъ и контролировалъ себя, который взвѣшивалъ и вымѣривалъ каждый слогъ, прежде, чѣмъ выписывалъ его; человѣкъ, который въ своемъ стилѣ никогда не отрѣшался вполнѣ отъ привычекъ имперскаго мѣщанства своего города и, пожалуй даже, отъ боязливости, сопряженной съ его прежнею должностію; человѣкъ этотъ—бывшій полицейскій чиновникъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ—теперь ударился въ такой санкюлотизмъ мысли и выраженія, какого еще никогда не видала Германія. Боже мой! какіе страшные обороты рѣчи! какіе преступные глаголы! какіе революціонные винительные падежи! какія повелительныя наклоненія! какіе антиполицейскіе вопросительные знаки! какія метафоры, одна тѣнь которыхъ могла повлечь за собою заточеніе въ крѣпости на двадцать лѣтъ! Но, несмотря на страхъ, поселенный во мнѣ этими письмами, они пробудили во мнѣ одно очень комическое воспоминаніе, развеселившее меня почти до смѣха и о которомъ я никакъ не могу здѣсь умолчать. Да, сознаюсь, что вся личность Бёрне, какою она явилась мнѣ въ этихъ письмахъ, напомнила мнѣ стараго полицейскаго начальника, который еще во время моего дѣтства управлялъ моимъ родимымъ городомъ. Я говорю: управлялъ—потому что онъ, поддерживая общественное спокойствіе съ помощью своей неограниченной палки, поселялъ въ насъ, дѣтяхъ, глубочайшее уваженіе къ себѣ и однимъ своимъ появленіемъ разгонялъ насъ, когда мы ужъ черезчуръ шумно играли на улицѣ. Этотъ полицейскій начальникъ вдругъ сошелъ съ ума и вообразилъ себѣ, что онъ уличный мальчишка, и мы, къ нашему тревожающему изумленію, увидѣли, что онъ, этотъ всесильный властитель улицъ, вмѣсто того, чтобы устанавливать спокойствіе, сталъ приглашать насъ къ самому шумному безчинству. «Вы слишкомъ скромно держите себя, — кричалъ онъ: — вотъ я вамъ покажу, какъ надо шумѣть!» И при этомъ начиналъ реветъ по-львиному, или мяукать по-кошачьи, и звонилъ у всѣхъ домовъ такъ сильно, что обрывалъ колокольчики, и бросалъ камнями въ окна, и при этомъ не переставалъ кричать: «я научу васъ, ребята, какъ надо шумѣть!» Насъ,

маленькихъ мальчиковъ, очень забавлялъ этотъ старикъ, и мы съ восторгомъ бѣгали за нимъ до тѣхъ поръ, пока его не посадили въ сумасшедшій домъ.

Читая письма Бёрне, я въ самомъ дѣлѣ постоянно думалъ о старомъ полицейскомъ начальникѣ, и мнѣ часто казалось, что я снова слышу его голосъ: «Вотъ я васъ научу, какъ надо шумѣть!»

Въ устномъ разговорѣ Бёрне, усиленіе его политическаго бреда было менѣе замѣтно, потому что оно находилось тутъ въ связи съ страстями, свирѣпствовавшими въ кругу самыхъ близкихъ къ нему людей, постоянно находившихся наготовѣ для битвы, а нерѣдко доказывавшихъ эту готовность и фактически. Когда я посѣтилъ Бёрне во второй разъ, въ улицѣ de Provence, гдѣ онъ окончательно поселился, то въ гостиной его нашелъ такой звѣринецъ людей, какой едва ли отыщешь даже въ Jardin des Plantes. Въ глубинѣ комнаты сидѣло на корточкахъ нѣсколько нѣмецкихъ бѣлыхъ медвѣдей, которые курили, почти постоянно молчали и только повременамъ извергали самымъ низкимъ басомъ разныя отечественныя проклятія. Подлѣ нихъ пріютился польскій волкъ, въ красной шапкѣ, изрѣдка выпускавшій изъ хриплаго горла сладкоприторнѣйшія замѣчанія. Тутъ же я встрѣтилъ и французскую обезьяну, принадлежавшую къ уродливѣйшимъ обезьянамъ, какихъ я только когда-нибудь видѣлъ; она постоянно корчила рожи, для того, чтобы изъ нихъ можно было выбрать самую лучшую. Незначительнѣйшимъ субъектомъ въ этомъ Бёрневскомъ звѣринцѣ былъ господинъ *, сынъ стараго *, вино торговца во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, который, вѣроятно, сотворилъ его въ то время, когда былъ въ очень скучномъ расположеніи духа—длиннаго, тощая фигура, походившая на тѣнь склянки о-де-колона, но пахнущая далеко не такъ, какъ содержимое этой склянки. Несмотря на свой тощій видъ, онъ, какъ утверждалъ Бёрне, носилъ двѣнадцать фланелевыхъ фуфаякъ, потому что безъ нихъ совсѣмъ бы не существовалъ. Бёрне постоянно острилъ надъ нимъ.

— Представляю вамъ,—сказалъ онъ мнѣ:—*; онъ * не первой величины, но все-таки родственникъ солнца, отъ него получаетъ и свѣтъ свой... онъ вѣрноподанный родственникъ господина Ротшильда... Представьте себѣ, господинъ *, сегодня ночью мнѣ снилось, что при мнѣ повѣсили франкфуртскаго Ротшильда и что именно вы надѣли ему петлю на шею.

-Господинъ * испугался при этихъ словахъ и, какъ въ смертельномъ страхѣ, вскричалъ:—Господинъ Бёрне, умоляю васъ не продолжать... у меня есть свои причины... У меня есть на это свои причины, — повторилъ молодой человекъ нѣсколько разъ и, обратившись ко мнѣ, шепотомъ попросилъ меня послѣдовать за нимъ въ уголокъ комнаты и выслушать объясненіе о его щекотливомъ положеніи. — Видите ли, — таинственно сказалъ онъ:—мое положеніе очень щекотливое. Съ одной стороны, мадамъ Воль на Волграбенѣ— моя тетка, а съ другой стороны, жена господина Ротшильда приходится мнѣ, такъ сказать, тоже теткой. Прошу васъ, не рассказывайте въ домѣ господина барона фонъ-Ротшильда, что вы видѣли меня у Бёрне... Я имѣю на это свои причины...

Бёрне постоянно острить надъ этимъ несчастнымъ и особенно нападалъ на него за отвратительное французское произношеніе.

— Любезный мой соотечественникъ, — говорилъ онъ:— французы поступаютъ несправедливо, когда насмѣхаются надъ вами; этимъ они доказываютъ свое невѣжество. Если бы они знали по-нѣмецки, то увидѣли бы, какъ правильно построены обороты вашей рѣчи, именно съ нѣмецкой точки зрѣнія... И съ какой стати вамъ отрекаться отъ вашей національности? Я даже удивляюсь той ловкости, съ которою вы переводите на французское нарѣчіе вашъ родной языкъ, франкфуртское *Mauscheln*.. Французы невѣжественный народъ и никогда не выучатся говорить порядочно по-нѣмецки. У нихъ совсѣмъ нѣтъ терпѣнія... Мы, нѣмцы, терпѣливѣйшій и прилежнѣйшій народъ... Сколько намъ приходится учить уже въ дѣтствѣ! Сколько латыни! сколько греческаго! сколько персидскихъ царей и всѣхъ ихъ родственниковъ, до послѣдняго дѣдушки включительно!.. Я держу пари, что невѣжда-французъ даже въ старости не знаетъ еще, что мать Кира называлась госпожа Мандана и была урожденная Астіагъ. Мы же издали лучшіе учебники по всѣмъ наукамъ. «Церковная Исторія» Неандера и арифметика Мейера-Гирша—сочиненія классическія. Мы народъ мыслящій, и вслѣдствіе того, что у насъ было такъ много мыслей, что мы не могли всѣ ихъ написать—мы изобрѣли книгопечатаніе, а вслѣдствіе того, что отъ вѣчнаго мышленія и сочиненія книгъ мы часто оставались безъ хлѣба, нами изобрѣтенъ картофель.

— Нѣмецкій народъ,—промычалъ нѣмецкій патриотъ изъ своего угла:—изобрѣлъ тоже порохъ.

Бёрне быстро повернулся къ патриоту, перебившему его этимъ замѣчаніемъ, и съ саркастическою улыбкою сказалъ:

— Вы ошибаетесь, другъ мой; нельзя такъ опредѣлительно утверждать, что нѣмецкій народъ изобрѣлъ порохъ. Нѣмецкій народъ состоитъ изъ 30 милліоновъ человѣкъ. Только одинъ изъ нихъ изобрѣлъ порохъ... остальные 29.999.999 нѣмцевъ не изобрѣли пороха. Впрочемъ, порохъ хорошее изобрѣтеніе, почти такое же, какъ и книгопечатаніе; надо только дѣлать изъ него надлежащее употребленіе. Мы же, нѣмцы, пользуемся печатнымъ станкомъ для распространенія глупостей, а порохомъ — для распространенія рабства.

Вслѣдъ за этимъ, какъ будто кто-нибудь опровергалъ это ложное заключеніе, Бёрне продолжалъ:

— Пожалуй, я соглашусь, что нѣмецкая печать сдѣлала очень много добра, но зло, напечатанное ею, гораздо больше. Во всякомъ случаѣ, это справедливо по отношенію къ гражданской свободѣ... Ахъ, когда я просматриваю всю нѣмецкую исторію, то замѣчаю, что нѣмцы мало способны къ гражданской свободѣ, а напротивъ того, всегда легко изучали, какъ теоретически, такъ и практически, холопство и съ успѣхомъ примѣняли эту дисциплину не только у себя дома, но и за границей. Нѣмцы всегда были *Ludi magistri* рабства, и гдѣ оказывалось нужнымъ вколачивать въ тѣла или умы слѣпое послушаніе, тамъ брали для этого нѣмецкаго экзерцирмейстера. Мы, такимъ образомъ, распространили рабство по всей Европѣ и въ видѣ памятниковъ этого потопа, сидятъ на многихъ престолахъ Европы нѣмецкія династїи, подобно тому, какъ послѣ древнихъ наводненій мы находимъ на высочайшихъ горахъ остатки окаменѣлыхъ морскихъ существъ... И до сихъ поръ еще, чуть народъ сдѣлается свободенъ, ему на спину привязываютъ пукъ нѣмецкихъ розогъ... Даже въ священной отчизнѣ Гармодїи и Аристокитона, въ освобожденной Греціи, теперь утвердилось нѣмецкое рабство, и въ аѣинскомъ Акрополисѣ течетъ баварское пиво и господствуетъ баварская палка. Да, поистинѣ ужасно, что королю баварскому, этому маленькому тирану и скверному поэту, позволили посадить своего сына на престолъ той страны, гдѣ нѣкогда процвѣтали свобода и поэзія, страны, гдѣ есть равнина, названіе которой Марафонъ, и гора, которая называется Парнасъ! Я не могу подумать объ этомъ безъ того, чтобы не чувствовать дрожи въ мозгу!.. Прочелъ я въ сегодняшней газетѣ, что трехъ

молодыхъ людей въ Мюнхенѣ заставили стать на колѣни предъ портретомъ короля Людвига и въ чемъ-то просить прощенія... Преклонять колѣни предъ человѣкомъ, который къ тому же скверный поэтъ! Будь онъ въ моей власти, я заставилъ бы этого сквернаго поэта стать на колѣни предъ статуею музъ и просить у нихъ прощенія за свои скверные стихи, за оскорбленное величіе поэзіи! Что же вы мнѣ тожуете о тѣхъ римскихъ тиранахъ, которые избивали столько тысячъ христіанъ за то, что они не соглашались преклонять колѣни предъ ихъ портретами! Эти тираны были, по крайней мѣрѣ, властителями цѣлаго міра, отъ востока до запада, и, какъ мы можемъ заключать еще теперь по ихъ статуямъ, отличались физическою красотой. Предъ мощью и красотой преклоняться нетрудно. Но передъ безсиліемъ и безобразіемъ...

...Проницательный читатель пойметъ, конечно, безъ особенныхъ указаній, по какимъ причинамъ я не даю продолжать преступному оратору. Приведенныхъ мною фразъ достаточно, полагаю, чтобы дать понятіе о тогдашнемъ настроеніи этого человѣка; оно согласовалось съ горячностью тѣхъ нѣмецкихъ агитаторовъ, которые со времени іюльской революціи начали дикими толпами сходить въ Парижъ, и тотчасъ же собирались вокругъ Бёрне. Непонятно, какъ этотъ, прежде столь разсудительный человѣкъ, теперь позволилъ оглушить себя самому грубому шуму и увлекся самыми насильственными надеждами! Въ кругъ этого безумія онъ попалъ въ первый разъ тогда, когда средоточіемъ его былъ знаменитый книгопродавецъ Ф. Этотъ Ф., что почти невѣроятно, былъ человѣкъ совершенно по душѣ Бёрне. Красное бѣшенство, кипѣвшее въ груди перваго, трехдневная іюльская горячка, отъ которой тряслись его члены, якобинская пляска св. Витта, заставлявшая прыгать одного — нашли соотвѣтственный отголосокъ въ «Парижскихъ Письмахъ» другого. Этимъ замѣчаніемъ я хочу указать, однако, только на заблужденіе ума, а отнюдь не на заблужденіе сердца, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ. Потому что и Ф. желалъ добра Германіи, онъ былъ искрененъ, геройски храбръ, способенъ на всякое самопожертвованіе, во всякомъ случаѣ былъ честный человѣкъ, и засвидѣтельствовать это я считаю себя обязаннымъ тѣмъ болѣе, что съ тѣхъ поръ, какъ строгое тюремное заключеніе заставило его молчать, рабская клевета грызетъ его доброе имя. Его можно обвинять во многихъ неблагоразумныхъ дѣйствіяхъ, но не

возможно обвинить хоть въ одномъ двусмысленномъ; въ несчастіи онъ выказывалъ большую силу характера; былъ пламенно одушевленъ чистѣйшею гражданскою доблестью, и на дурацкій колпакъ, звенящій на головѣ его, мы должны возложить лавровый вѣнокъ. Этотъ благородный безумецъ былъ мнѣ въ тысячу разъ любезнѣе другого книгопродавца, тоже прѣхавшаго въ Парижъ для устройства нѣмецкаго перевода французской революціи и вкрадчивостью своею и гуманнымъ пискомъ походившаго на гіену, которую собираются посадить въ клѣтку... Впрочемъ, и его считали честнымъ человѣкомъ, который даже платилъ свои долги, когда выигрывалъ въ лотерею большой выигрышъ, и за такія честныя дѣйствія предложили сдѣлать его министромъ финансовъ будущей новой нѣмецкой имперіи... Между нами будь сказано, онъ долженъ былъ удовольствоваться этимъ мѣстомъ, потому что мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ Ф. уже заранѣе отдалъ Гарнье, точно такъ же, какъ императорскую корону Германіи онъ обѣщалъ капитану Зейбольду. Гарнье, правда, утверждалъ, что книгопродавецъ Ф. хотѣлъ сдѣлать этого капитана нѣмецкимъ императоромъ потому, что этотъ мошенникъ былъ ему долженъ и что иначе съ него невозможно было получить долгъ... Но это неправда и доказываетъ только злоязычіе Гарнье; Ф., быть-можетъ, по республиканскому коварству отдавалъ корону именно самому жалкому субъекту, чтобы этимъ унижить и сдѣлать смѣшною нѣмецкую монархическую власть...

Вліяніе, которымъ пользовался Ф., однако, скоро уничтожилось, когда онъ, какъ мнѣ кажется, въ ноябрѣ, оставилъ Парижъ, и мѣсто знаменитаго агитатора заступили нѣкоторые новые предводители; значительнѣйшими въ числѣ этихъ послѣднихъ были уже упомянутый Гарнье и нѣкто Вольфрумъ. Я позволяю себѣ назвать ихъ по именамъ, потому что одинъ изъ нихъ умеръ, а другому, находящемуся въ безопасной Англии, я доставлю большое удовольствіе напоминаніемъ важной роли, которую онъ игралъ въ то время; но оба они, Гарнье отчасти, а Вольфрумъ вполнѣ, черпали свое вдохновеніе изъ устъ Бёрне, который съ этихъ поръ началъ считаться душою парижской пропаганды. Безуміе осталось тоже самое, но, говоря словами Полонія, въ немъ появилась метода.

Я только-что употребилъ слово «пропаганда», но употребилъ его не въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно принимается нѣкоторыми доносчиками, понимающими подъ этимъ сло-

вомъ тайное братство, заговоръ революціонныхъ умовъ по всей Европѣ, родъ кроваваго, атеистическаго и царсубійственнаго масонства. Нѣтъ, парижская пропаганда, о которой я теперь говорю, состояла скорѣе изъ грубыхъ рукъ, чѣмъ изъ тонкихъ головъ; то были сходки нѣмецкихъ ремесленниковъ, которые собирались въ большомъ залѣ пассажа Сомонъ, или въ предмѣстьяхъ, преимущественно для того, чтобы бесѣдовать на миломъ отечественномъ языкѣ объ отечественныхъ предметахъ. Здѣсь страстные рѣчи въ духѣ рейнско-баварской «Трибуны» доводили многіе умы до фанатизма, и такъ какъ республиканизмъ такое прямое и легче понимаемое дѣло, чѣмъ, напр., конституціонная форма правленія, для уясненія которой необходимы многія другія свѣдѣнія, то прошло немного времени, какъ тысячи нѣмецкихъ ремесленниковъ сдѣлались уже республиканцами и проповѣдывали новыя убѣжденія. Эта пропаганда была гораздо опаснѣе всѣхъ тѣхъ выдуманыхъ пугалъ, которыми вышеупомянутые доносчики пугали наши нѣмецкія правительства, и писанное слово Бёрне, можетъ-быть, много уступало въ могуществовѣ его слову устному, съ которымъ онъ обращался къ людямъ, принимавшимъ его съ нѣмецкою вѣрою и распространявшимъ у себя въ отечествѣ съ апостольскимъ рвеніемъ. Чудовищно велико число нѣмецкихъ ремесленниковъ, странствующихъ во Францію и изъ нея. Вслѣдствіе этого, когда я прочелъ, какъ сѣверо-нѣмецкія газеты смѣялись надъ тѣмъ, что Бёрне взощелъ на Монмартъ съ шестьюстами портными подмастерьями и тамъ сказалъ имъ революціонную рѣчь,—то пожалъ плечами отъ состраданія, которое, однако, меньше всего относилось къ Бёрне, кидавшему въ землю сѣмя, которое рано или поздно приноситъ самые страшные плоды. Бёрне говорилъ очень хорошо, связно, убѣдительно, популярно; это была ничѣмъ не прикрытая, безыскусственная рѣчь, совершенно въ тонѣ нагорныхъ проповѣдниковъ. Миѣ привелось, правда, слышать его только одинъ разъ, именно въ пассажѣ Сомонъ, гдѣ Гарнье предсѣдательствовалъ въ «народномъ собраніи»... Бёрне говорилъ о «союзѣ печати», которому слѣдовало остерегаться аристократической формы, Гарнье гремѣлъ противъ русскаго правительства, а кривоногіи сапожный подмастерье тоже выступилъ на кафедре и началъ утверждать, что всѣ люди равны... Меня не мало разсердила эта дерзость... Это было мое первое и послѣднее посѣщеніе народнаго собранія.

Но этого посѣщенія было уже достаточно... Мнѣ хочется, любезный читатель, сдѣлать тебѣ по этому случаю одно признаніе, котораго ты никакъ не ожидаешь. Ты думаешь, можетъ-быть, что высшее честолюбіе мое всегда заключалось въ томъ, чтобы сдѣлаться великимъ писателемъ и, пожалуй даже, быть увѣнчаннымъ въ Капитоли, какъ нѣкогда мессеръ Франческо Петрарка... Нѣтъ, самую большую зависть возбуждали во мнѣ собственно великіе народныя ораторы, и я ничего такъ не желалъ, какъ обращаться къ нестрой толпѣ, собранной на общественной площади, съ великимъ словомъ, которое или разжигаетъ, или успокоиваетъ страсти, и всегда производитъ мгновенное дѣйствіе. Да, сознаюсь тебѣ съ глаза на глазъ, что въ тѣ годы неопытной молодости, когда нами овладѣваютъ комедіантскія желанія, я часто воображалъ себя въ такой роли. Я желалъ во что бы то ни стало сдѣлаться великимъ ораторомъ, и подобно Демосѣену не разъ декламировалъ на пустынномъ берегу моря, подъ шумъ и вой вѣтра и волнъ; такимъ способомъ упражняешь свои легкія и пріучаешься говорить среди сильнѣйшаго шума народнаго собранія. Нерѣдко ораторствовалъ я и на чистомъ полѣ, предъ множествомъ быковъ и коровъ, и мнѣ иногда удавалось перемычать все стадо. Труднѣе держать рѣчь передъ стадомъ барановъ. Что бы вы ни говорили этимъ бараньимъ головамъ, когда увѣщеваете ихъ добыть себѣ свободу, а не продолжать, подобно ихъ предкамъ, безповоротно идти на бойню,—онѣ отвѣчаютъ на каждый вашъ періодъ такимъ непоколебимо спокойнымъ ммээ-ммээ, отъ котораго можно совсѣмъ растеряться. Словомъ, я дѣлалъ все, чтобы быть въ состояніи выступить въ качествѣ нѣмецкаго народнаго оратора въ томъ случаѣ, если бы у насъ когда нибудь могла совершиться революція. Но, ахъ! уже на первой репетиціи я убѣдился, что въ такой пьесѣ никогда не сыграю мою любимую роль. Да если бы были живы сами Демосѣенъ, Цицеронъ, Мирабо—и они не могли бы выступить ораторами въ нѣмецкой революціи, потому что во время нѣмецкой революціи курятъ табакъ. Представьте себѣ мой испугъ, когда я посѣтилъ въ Парижѣ вышеупомянутое собраніе и увидѣлъ, что всѣ спасители отечества сидѣли съ трубками въ зубахъ, а вся зала была до такой степени наполнена дымомъ сквернаго гнастера, что я тотчасъ же почувствовалъ стѣсненіе въ груди и полнѣйшую невозможность произнести малѣйшее слово...

Я не могу выносить табачный дымъ, и убѣдился, что въ нѣмецкомъ революціонномъ движеніи роль оратора въ духѣ Бёрне и его товарищей—не по мнѣ. Вообще я замѣтилъ, что поприще нѣмецкаго оратора не усыпано розами, а тѣмъ менѣе—розами чистыми. Такъ, напримѣръ, всѣмъ этимъ слушателямъ, «милымъ братьямъ и родственникамъ», непременно надо сильно жать руку. Бёрне выражался, можетъ-быть, метафорически, когда говорилъ, что если бы сильный міра сего пожалъ ему руку, онъ положилъ бы ее послѣ этого въ огонь, чтобы очистить; я же говорю отнюдь не аллегорически, а совершенно буквально, что если народъ пожметъ мнѣ руку, я ее потомъ вымою.

Надо собственными глазами видѣть народъ во время дѣйствительной революціи, надо нюхать его собственнымъ носомъ, надо слышать его способъ выраженія собственными ушами, чтобы понять, что хотѣлъ сказать Мирабо словами: «нельзя сдѣлать революцію лаванднымъ масломъ». Пока мы читаемъ о революціяхъ въ книгахъ, все выходитъ очень красиво, и тутъ повторяется та же исторія, что съ пейзажами, которые, будучи художественно выгравированы на бѣлой веленовой бумагѣ, имѣютъ такой чистый, такой привѣтливый видъ; а посмотришь на нихъ въ натурѣ—они, быть можетъ, выигрываютъ въ грандіозности, но въ подробностяхъ представляютъ очень грязное и непривлекательное зрѣлище; вырѣзанный на мѣди навозъ не воняетъ, а черезъ вырѣзанное на мѣди болото легко перейти вбродъ глазами.

Добродѣтель или безуміе побуждали Бёрне съ наслажденіемъ вдыхать въ себя сквернѣйшія зловонія и съ удовольствіемъ кататься въ плебейской грязи? Кто разрѣшить намъ загадку этого человѣка, который выросъ въ самомъ мягкомъ шелку, потомъ гордыми порывами выказывалъ свой внутренній аристократизмъ и въ концѣ своей жизни вдругъ перешелъ къ плебейскому тону и банальнымъ манерамъ демагога самаго низшаго класса? Возбуждало ли въ немъ бѣдственное положеніе отечества страшнѣйшій гнѣвъ, или душу его охватила мучительная скорбь о погибшей жизни?.. Да, можетъ быть, это послѣднее предположеніе справедливо; онъ видѣлъ, что за всю эту жизнь ничего не сдѣлалъ всѣмъ своимъ умомъ и всею своею умѣренностью, ни для себя, ни для другихъ, и теперь закрылъ голову, или, выражаясь помѣщански, натянулъ себѣ колпакъ на уши и на глаза, чтобы больше ничего не видѣть и не слышать, и кинулся въ воющую бездну... Это всегдашній ресурсъ, остающійся

намъ тогда, когда мы приходимъ къ тому рубежу, гдѣ впереди насъ нѣтъ уже никакихъ надеждъ, гдѣ всѣ цвѣты завяли, гдѣ тѣло утомлено, а душа полна досады... Я не ругаюсь, что и самъ не стану когда-нибудь въ подобныхъ обстоятельствахъ поступать точно также... Какъ знать? Можетъ-быть, къ концу моей жизни я преодолѣю отвращеніе къ табачному дыму, и выучусь курить, и стану говорить самыя неумытыя рѣчи самой неумытой публикѣ...

Перелистывая недавно «Парижскія Письма» Бёрне, я натолкнулся на одно мѣсто въ нихъ, которое составляетъ странное созвучіе съ тѣмъ, что только-что вырвалось у меня. Вотъ это мѣсто:

«Вы спросите, можетъ-быть, съ удивленіемъ, какъ я, жалкій человѣкъ, дошелъ до того, что сопоставилъ себя съ Байрономъ? Чтобы отвѣчать на это, я долженъ рассказать вамъ то, чего вы еще не знаете. Когда духъ Байрона, въ своемъ путешествіи черезъ чистилище, прилетѣлъ на землю, чтобы переночевать на ней одну ночь, то онъ прежде всего остановился у меня. Но моя квартира рѣшительно не понравилась ему, онъ поспѣшно убрался изъ нея и вернулся въ отель Байрона. Долго это огорчало меня, долго меня мучила мысль, что я сдѣлался такою ничтожностью, рѣшительно ничего не достигнулъ. Но теперь это прошло, я позабылъ про это и спокойно живу въ моей бѣдности. Мое несчастіе въ томъ, что я родился въ среднемъ сословіи, для котораго совѣмъ не гожусь. Будь мой отецъ владѣтель милліоновъ, или нищій, будь я сынъ знатнаго человѣка или бродяги — я несомнѣнно достигнулъ бы чего-нибудь. Но я сдѣлался маятникомъ мѣщанскихъ стѣнныхъ часовъ, качался вправо, качался влѣво, и долженъ былъ постоянно возвращаться на середину».

Это писалъ Бёрне 20 марта 1831 г. Предсказанія его о самомъ себѣ не сбылись, точно такъ же, какъ не сбывались его предсказанія о другихъ. Мѣщанскіе стѣнные часы сдѣлались набатнымъ колоколомъ, звонъ котораго распространялъ боязнь и ужасъ. Я уже говорилъ, какіе необузданные звонари дергали за веревку этого колокола, я уже намекалъ, что Бёрне служилъ органомъ современныхъ страстей и что его сочиненія должны быть разсматриваемы не какъ продуктъ ума одного человѣка, а какъ документъ нашего политическаго періода «бури и натиска». Въ этомъ періодѣ стояли на первомъ планѣ и возводили общее волненіе на степень кипяченія польскія и рейнско-баварскія

событія; какъ тѣ, такъ и другія на духъ Бёрне имѣли сильнѣйшее вліяніе.

Столько же пламенно, сколько односторонне было восторженное сочувствіе къ дѣлу Польши, и когда эта мужественная страна пала, несмотря на изумительную храбрость ея сыновъ, у Бёрне прорвались всѣ плотины терпѣнія и рассудка. Печальная участь тѣхъ несчастныхъ, которые длинными траурными рядами проходили по Германіи, чтобы затѣмъ собраться въ Парижъ, была дѣйствительно способна тронуть всякое чувствительное сердце до самой глубины его. Но къ чему, дорогой читатель, напоминать тебѣ объ этихъ печальныхъ вѣщахъ? Ты собственными плачущими глазами видѣлъ прохожденіе поляковъ черезъ Германію и знаешь, что спокойный, тихій нѣмецкій народъ, такъ терпѣливо переносящій свои собственные невзгоды, былъ до такой степени потрясенъ состраданіемъ и гнѣвомъ при видѣ этихъ несчастныхъ, что мы были почти готовы сдѣлать для чужеземцевъ то, чего никогда не сдѣлали бы для самихъ себя, именно совершить революцію — въ пользу Польши.

Да, сильнѣе всякихъ начальственныхъ притѣсненій и демагогическихъ происковъ взбунтовало нѣмецкаго Михеля прохожденіе поляковъ, и большою ошибкой подлежащихъ нѣмецкихъ правительствъ было то, что они не препятствовали этому прохожденію. Еще болѣе значительная ошибка заключалась, конечно, въ томъ, что они не позволили полякамъ остаться въ Германіи болѣе продолжительное время, — ибо при болѣе продолжительномъ пребываніи, эти рыцари свободы сами бы разрушили ту, въ высшей степени опасную симпатію, которую они вызвали къ себѣ въ нѣмцахъ. Но они быстро прошли чрезъ Германію, не имѣли времени посредствомъ правды и поэтического вымысла дискредитировать одинъ другого, и опасное для государства волненіе улеглось.

Да, мы, нѣмцы, были почти готовы совершить революцію — и это не вслѣдствіе гнѣвнаго негодованія и необходимости, какъ дѣлаютъ другіе народы, а изъ состраданія, изъ сентиментальности, изъ трогательнаго сочувствія къ нашимъ бѣднымъ гостямъ и друзьямъ полякамъ

Всякая революція — несчастіе, но еще большее несчастіе — революція неудавшаяся; а такую угрожало намъ переселеніе въ Германію этихъ сѣверныхъ друзей, которые внесли

бы въ наши дѣла ту безпорядочность и ту ненадежность, которыми они погубили и самихъ себя. Ихъ вмѣшательство было бы для насъ тѣмъ болѣе пагубно, что нѣмецкая неопытность охотно подчинилась бы совѣтамъ той маленькой польской хитрости, которая выдаетъ себя за политическую мудрость, а нѣмецкая скромность, подкупленная свойственною полякамъ изящною рыцарственностью, отдала бы въ ихъ руки важнѣйшія предводительскія должности... Меня въ ту пору не мало пугала въ этомъ отношеніи популярность поляковъ

Я сказалъ выше о «маленькой польской хитрости». Полагаю, что это выраженіе не подвергается никакому правильному толкованію; вѣдь оно вышло изъ устъ человѣка; сердце котораго забилося для Польши раньше всѣхъ другихъ и который уже задолго до польской революціи говорилъ и страдалъ за этотъ народъ. Во всякомъ случаѣ, считаю нужнымъ еще болѣе смягчить это выраженіе, прибавивъ, что оно относится къ 1831 и 1832 годамъ, когда поляки не имѣли еще даже элементарныхъ свѣдѣній въ великой наукѣ свободы, и политика представлялась имъ ничѣмъ инымъ, какъ сплетеніемъ бабихъ хитростей и коварства, однимъ словомъ—манифестаціею той «маленькой польской хитрости», къ которой они находили въ себѣ особенно большое дарованіе.

Эти поляки были какъ бы сынами своей отечественной средневѣковой эпохи, и нося въ своей головѣ цѣлые первобытные лѣса невѣжества, они ринулись въ Парижъ, а здѣсь вошли или въ партіи республиканцевъ, или въ ризницы католической школы, потому что для того, чтобы быть республиканцемъ, не требуется много познаній, а чтобы быть католикомъ, можно ровно ничего не знать—надо только вѣрить. Самые умные и опытные между ними понимали революцію только въ формѣ бунта, и имъ и въ голову не приходило, что именно въ Германіи мало пользы принесешь уличнымъ шумомъ и волненіемъ. На столько же пагубенъ, на сколько забавенъ, былъ маневръ, который одинъ изъ ихъ величайшихъ государственныхъ мужей употребилъ противъ нѣмецкихъ правительствъ. При прохожденіи поляковъ онъ замѣтилъ, что одного поляка было достаточно для того, чтобы привести въ движеніе цѣлый тихій нѣмецкій городъ, и такъ какъ это былъ ученѣйшій литовецъ и отлично знавшій изъ географіи, что Германія состоитъ изъ десятковъ трехъ госу-

дарствъ, то онъ сталъ посылать отъ времени до времени по одному поляку въ столицу одного изъ этихъ государствъ... Онъ ставилъ одного поляка на одно изъ этихъ тридцати государствъ, какъ бы на номеръ рулетки, вѣроятно безъ большой надежды на выигрышъ, но спокойно разочтя, что потерять единого поляка не бѣда, а вотъ, коли онъ дѣйствительно произведетъ бунтъ, мой номеръ, стало-быть, выигралъ, и изъ этого, пожалуй, выйдетъ цѣлая революція.

Я говорю о 1831 и 1832 годахъ. Съ тѣхъ поръ протекло восемь лѣтъ, и полякамъ, точно такъ же, какъ героямъ нѣмецкаго нарѣчія, пришлось вынести много горькаго, но и полезнаго опыта, и многіе изъ нихъ могли воспользоваться страшнымъ досугомъ изгнанія для изученія цивилизаціи. Несчастіе заставило ихъ пройти серьезную школу, и они приобрѣли хорошія познанія

Польша не погибла... Съ уничтоженіемъ ея политическаго существованія не окончилась ея дѣйствительная жизнь... Этому народу суждены еще, быть-можетъ, подвиги, которые гений человѣчества цѣнить выше выигранныхъ битвъ и рыцарскаго бряцанія мечей, вмѣстѣ съ лошадинымъ топотомъ національнаго прошедшаго. Да и безъ этого предстоящаго значенія Польша никогда не погибнетъ вполне... Она будетъ вѣчно жить на самыхъ славныхъ страницахъ исторіи!!!

Кромѣ прохожденія поляковъ, я отмѣтилъ событія въ рейнской Баваріи, какъ ближайшій рычагъ, который послѣ іюльской революціи вызвалъ движеніе въ Германіи и произвелъ также сильнѣйшее вліяніе на нашихъ земляковъ въ Парижѣ. Здѣшнее народное собраніе было въ началѣ ничто иное, какъ филиальное отдѣленіе цвейбрюкенскаго союза печати. Одинъ изъ сильнѣйшихъ бипонтинскихъ ораторовъ пріѣхалъ сюда; я никогда не слышалъ его говорящимъ въ народномъ собраніи, видѣлъ его въ ту пору только случайно одинъ разъ въ кофейнѣ, гдѣ онъ, высоко поднявъ чело, возвѣщалъ новое царство и угрожалъ петлей «умѣреннымъ» измѣнникамъ, именно редакторамъ аугсбургской «Allgemeine Zeitung». (Удивляюсь, какъ въ то время у меня еще хватало смѣлости дѣйствовать въ качествѣ редактора «Allgemeine Zeitung»... Теперь времена не такія опасныя... Съ тѣхъ поръ прошло восемь лѣтъ, и тогдашній террористъ, трибунъ изъ Цвейбрюкена, въ настоящую минуту одинъ изъ самыхъ усердныхъ сотрудниковъ «Allgemeine Zeitung»...)

Изъ рейнско-баварскихъ провинцій должна была выйти нѣмецкая революція... Всѣ были увѣрены, что нѣмецкая революція начнется въ Цвейбрюкенѣ, и все въ немъ созрѣло для взрыва. Но добродушіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей помѣшало осуществленію этого антиполицейскаго предпріятія. Такъ, на примѣръ, между бипонтинскими заговорщиками былъ одинъ горлатый Брамарбасъ, шумѣвшій и бѣсновавшійся больше всѣхъ, изъ котораго ненависть къ тиранамъ лилась черезъ край ярости, чѣмъ изъ кого-либо, и ему поручили, въ видѣ перваго подвига, немедленно убить часового, занимавшаго одинъ изъ главныхъ пунктовъ. — «Какъ! — вскричалъ этотъ чело­вѣкъ, получивъ это порученіе: — мнѣ, мнѣ вы поручаете совершить такое страшное, такое отвратительное, такое кровава­дое дѣло? Я, я долженъ убить невиннаго часового? Вѣдь я отецъ семейства! И этотъ часовой, можетъ-быть, тоже отецъ семейства! Одному отцу семейства убить другого отца семейства! Убить! убить!..» Такъ какъ докторъ Писторъ, одинъ изъ цвейбрюкенскихъ героевъ, рассказавшій мнѣ эту исторію, теперь обитаетъ тамъ, гдѣ нѣтъ никакой отвѣтственности, то я могу назвать его по имени, какъ свидѣтеля. Онъ увѣрялъ меня, что нѣмецкая революція была въ то время отсрочена вслѣдствіе этой сентиментальности упомянутаго отца семейства. А между тѣмъ, это время было довольно благопріятное. Только тогда и въ дни гамбахскаго праздника всеобщій переворотъ въ Германіи можно было попытаться совершить съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ. Эти гамбахскіе дни были послѣднимъ срокомъ, который намъ дала богиня свободы; звѣзды давали благопріятное указаніе; съ тѣхъ же поръ исчезла всякая возможность удачи. Тамъ собралось очень много людей дѣла, которые сами были воспламенены серьезнымъ желаніемъ и могли рассчитывать на вѣрнѣйшую помощь. Всѣ видѣли, что наступила настоящая минута для великаго риска, и большинство охотно ставило на карту счастье и жизнь... Конечно, не страхъ въ это время развязывалъ только слово и сдерживалъ дѣло... Что же помѣшало гамбахскимъ людямъ начать революцію?

Я едва рѣшаюсь сказать это, такъ оно невѣроятно, но эту исторію я слышалъ изъ достовѣрнаго источника — отъ чело­вѣка, извѣстнаго какъ правдивый республиканецъ и который самъ засѣдалъ въ гамбахскомъ комитетѣ, гдѣ совѣщались о предстоявшей революціи; онъ-то сознался мнѣ съ глаза на глазъ, что когда зашелъ вопросъ о компетент-

ности, когда въ комитетѣ начали разсуждать о томъ, дѣйствительно ли собравшіеся въ Гамбахѣ патріоты были компетентны начать революцію во имя всей Германіи — тогда тѣ, которые совѣтовали дѣйствовать быстрѣе, должны были уступить большинству, и было постановлено: «некомпетентны».

О, Шильда, мое отечество!

Пусть извинитъ меня Венедей за то, что я разболталъ эту тайную исторію о компетентности и выставилъ его самого поручителемъ въ справедливости моихъ словъ; но это лучшая исторія, какую я только слышалъ на этой землѣ. Когда я думаю о ней, то забываю всѣ скорби этой земной юдоли, и можетъ-быть, когда-нибудь послѣ смерти, въ туманной сукѣ царства тѣней, воспоминаніе объ этой исторіи будетъ развеселять меня... Да, я убѣжденъ, что когда разскажу объ этомъ Прозерпинѣ, ворчливой супругѣ бога ада, она улыбнется, а можетъ-быть, и громко расхохочется...

О, Шильда, мое отечество!

Развѣ эта исторія не стоитъ того, чтобъ вышить ее золотыми буквами на бархатѣ, какъ вышиты стихотворенія Моллакатъ, хранящіяся въ меккской мечети?.. Во всякомъ случаѣ мнѣ хотѣлось бы переложить ее въ стихи и положить на музыку, чтобы затѣмъ пѣть ее въ видѣ колыбельной пѣсни нѣмецкимъ малюткамъ-князьямъ... Вы можете спокойно спать, и въ награду за исцѣляющую страхъ пѣсенку, которую я пропою вамъ, прошу васъ, малютки-князья, отворите тюремныя двери заточеннымъ патріотамъ... Вы тутъ ничѣмъ не рискуете, нѣмецкая революція еще далеко отъ васъ, хорошее дѣло надо дѣлать не спѣша, и вопросъ о компетентности еще не рѣшенъ...

О, Шильда, мое отечество!

Какъ бы то ни было, гамбахское празднество все-таки принадлежитъ къ удивительнѣйшимъ событіямъ въ нѣмецкой исторіи, и если вѣрить Бёрне, присутствовавшему на немъ, все на этомъ съѣздѣ, повидимому, благопріятствовала дѣлу свободы. Я давно уже потерялъ Бёрне изъ виду и снова встрѣтился съ нимъ послѣ его возвращенія изъ Гамбаха; но эта была наша послѣдняя встрѣча въ этой жизни. Мы гуляли съ нимъ по Тюильри, онъ много разсказывалъ мнѣ о Гамбахѣ и былъ еще весь полонъ ликованьемъ этого великаго народнаго праздника. Онъ не могъ достаточно нахвалиться единодушьемъ и приличіемъ, царствовавшими тамъ. Въ этомъ случаѣ онъ говорилъ правду: я узналъ и изъ другихъ источниковъ, что въ Гамбахѣ не было ника-

кихъ рѣзкихъ крайностей, не было ни пьянаго шума, ни плебейской грубости, и оргія скорѣе происходила въ мысляхъ, чѣмъ въ дѣйствіяхъ. Немало безумныхъ словъ было произнесено въ этихъ рѣчахъ, часть которыхъ впослѣдствіи появилась въ печати. Но дѣйствительное безуміе высказывалось здѣсь только шопотомъ. Бёрне разсказалъ мнѣ, что разъ, когда онъ разговаривалъ съ Зибенпфейферомъ, къ этому послѣднему подошелъ старый поселянинъ и сказалъ нѣсколько словъ на ухо, на что тотъ отрицательно покачалъ головой.—Изъ любопытства,—говорилъ мнѣ Бёрне:—я спросилъ Зибенпфейфера, чего хотѣлъ отъ него поселянинъ, и Зибенпфейферъ сознался мнѣ, что старикъ сказалъ ему: «Г. Зибенпфейферъ, если вы хотите сдѣлаться королемъ, мы вамъ устроимъ это дѣло».

— Я очень хорошо провелъ время въ Гамбахѣ, — продолжалъ Бёрне;—мы всѣ были тогда точно кровные друзья, пожимали другъ другу руки, пили брудершафтъ, и я особенно помню одного старика, съ которымъ я цѣлый часъ плакалъ, самъ не зная о чемъ. Мы, нѣмцы, великолѣпный народъ и совсѣмъ не такъ непрактичны, какъ прежде. Въ Гамбахѣ стояла также все время пріятнѣйшая майская погода, точно молоко и розы, была тамъ и одна прелестная дѣвушка, хотѣвшая цѣловать мнѣ руки, точно старому капуцину; я не допустилъ до этого, и тогда отецъ и мать дѣвушки приказали ей поцѣловать меня въ губы и увѣрили меня, что она съ величайшимъ удовольствіемъ прочла всѣ мои сочиненія. Я очень хорошо провелъ время. Тутъ же у меня украли часы. Но и это мнѣ пріятно; это хорошо, это подаетъ мнѣ надежду. Потому что это значитъ, что и между нами есть мошенники, а вслѣдствіе этого намъ тѣмъ легче будетъ успѣть. Дернулъ чортъ проклятаго Монтескье увѣрить насъ, что добродѣтель есть главный принципъ республиканца, и я очень боялся, что наша партія будетъ состоять исключительно изъ честныхъ людей и поэтому ничего не добьется. Крайне необходимо, чтобы между нами, какъ и между нашими врагами, были мошенники. Я бы очень желалъ узнать, кто именно изъ патріотовъ укралъ у меня въ Гамбахѣ часы: какъ только мы стали бы во главѣ правленія, я поручилъ бы ему полицію и дипломатію. Но я найду средство отыскать этого вора. Именно, я объявлю въ «Гамбургскомъ Корреспондентѣ», что доставившій мои часы получить въ награду сто лудоровъ. Часы стоятъ этой суммы уже какъ рѣдкость—это первые часы, украденные нѣмец-

кою свободою. Да, и мы, сыны Германіи, пробуждаемся отъ нашей сонливой честности... Трепещите, тираны, мы тоже умѣемъ воровать!

Бѣдный Бѣрне не переставалъ говорить о Гамбахѣ и объ удовольствіи, которое онъ испыталъ тамъ. Онъ, какъ будто предчувствовалъ, что въ послѣдній разъ былъ въ Германіи, въ послѣдній разъ подышалъ нѣмецкимъ воздухомъ, въ послѣдній разъ жадно упился нѣмецкими глупостями. — Ахъ! — говорилъ онъ, вздыхая: — какъ путникъ въ жаркое лѣтнее время тоскуетъ по свѣжей, прохлаждающей водѣ, такъ я часто тоскую по свѣжимъ, прохлаждающимъ глупостямъ, которыя цвѣтутъ только на почвѣ нашей отчизны. Это такія глубокомысленныя, такія меланхолически-веселыя глупости, что сердце ликуетъ при видѣ ихъ. Здѣсь, у французовъ, глупости такъ сухи, такъ поверхностны, такъ разсудительны, что непереваримы для того, кто привыкъ къ лучшему. Вотъ почему во Франціи я съ каждымъ днемъ становлюсь сердитѣе и печальнѣе, и наконецъ умру. Изгнаніе—ужасная вещь. Когда я переселюсь въ елисейскія поля, то, конечно, буду несчастливъ и тамъ, среди духовъ свѣта, которые такъ отлично поютъ и такъ пріятно пахнутъ... вѣдь они не говорятъ по-нѣмецки и не курятъ кнастера... Только въ отечествѣ мнѣ хорошо! Любовь къ отечеству! Мнѣ смѣшно, когда это слово произносятъ люди, никогда не бывшіе изгнанниками... Они могутъ точно такъ же говорить о любви къ молочной кашѣ. Любовь къ молочной кашѣ! Въ африканской песчаной пустынѣ это слово уже имѣетъ значеніе. Если я когда-нибудь буду такъ счастливъ, что возвращусь въ милую Германію, то назовите меня мошенникомъ, если я стану писать противъ какого бы то ни было сочинителя, живущаго въ изгнаніи. Если бъ не боязнь тѣхъ глупостей, которыя люди влагаютъ въ уста сидящаго въ тюрьмѣ, я бы не уѣхалъ изъ Германіи и спокойно сѣлъ бы въ тюрьму, какъ многіе другіе отличные люди, которымъ я предсказалъ ихъ судьбу, предсказалъ даже все на основаніи видѣннаго мною сна...

— Да, это былъ дурацкій сонъ, — вскричалъ Бѣрне, вдругъ расхохотавшись и перейдя, по своему обыкновенію, изъ мрачнаго тона въ веселый:—это былъ дурацкій сонъ! Къ нему подготовили меня рассказы одного ремесленника, побывавшаго въ Америкѣ. Именно, онъ рассказалъ мнѣ, что въ сѣверо-американскихъ городахъ по улицамъ ползаютъ очень большія черепахи, у которыхъ на спинахъ написано

мѣломъ, въ какой гостиницѣ и въ какой именно день онѣ попадутъ въ супъ à la tortue. Не знаю, почему этотъ рассказъ сильно поразилъ меня, почему я цѣлый день думалъ о несчастныхъ животныхъ, такъ спокойно ползающихъ по улицамъ Бостона и не знающихъ, что на спицѣ у нихъ положительно обозначены день и мѣсто ихъ гибели... И представьте себѣ, что ночью я вдругъ увидѣлъ во снѣ моихъ друзей, нѣмецкихъ патриотовъ, превращенныхъ въ такихъ черепахъ; они спокойно ползали взадъ и впередъ, а на спицѣ у каждого точно такъ же было большими буквами обозначено, въ какой день и въ какомъ мѣстѣ его вбросятъ въ проклятый суповый котель... На слѣдующій день я совѣтовалъ моимъ друзьямъ остерегаться, но не смѣлъ рассказать имъ мой сонъ, потому что они разсердились бы на меня за то, что ихъ, людей движенія, я увидѣлъ въ образѣ неповоротливыхъ черепахъ... Но изгнаніе, изгнаніе, это ужасная вещь!.. Ахъ, какъ я завидую французскимъ республиканцамъ! Они страдаютъ, но въ отечествѣ. До самой минуты смерти нога ихъ стоитъ на дорогой землѣ родины. А каково еще французамъ, которые сражаются здѣсь, въ Парижѣ, и имѣютъ передъ глазами дорогіе памятники, рассказывающіе имъ о подвигахъ ихъ предковъ, и утѣшающіе, и ободряющіе ихъ! Тутъ говорятъ камни и поютъ деревья, и любой камень проникнуть чувствомъ чести въ большей степени и проповѣдуетъ исторію человѣческаго мученичества гораздо выразительнѣе, чѣмъ всѣ профессора исторической школы въ Берлинѣ и Геттингенѣ. А эти каштановыя деревья въ Тюильри, развѣ они не поютъ тайно Марсельезу тысячами своихъ зеленыхъ языковъ?.. Это священная почва, здѣсь слѣдовало бы прогуливаться не иначе, какъ снявъ обувь... Вотъ тутъ, влѣво, терраса des Feuillants Тамъ вправо, гдѣ тянется теперь улица Риволи, происходили засѣданія якобинскаго клуба... Здѣсь, передъ нами, въ зданіи Тюильри, гремѣлъ конвентъ, собраніе титановъ, въ сравненіи съ которымъ Бонапарте, со своею молниеносной птицей, является только маленькимъ Юпитеромъ... А тамъ, напротивъ, привѣтствуетъ насъ площадь Людовика XVI... И между дворцомъ и площадью, между клубами des Feuillants и якобинскимъ, посрединѣ—лѣсъ, гдѣ каждое дерево есть цвѣтущее дерево свободы..

Но на этихъ старыхъ каштанахъ въ Тюильрійскомъ саду есть много очень гнилыхъ вѣтвей, и какъ разъ въ ту минуту, когда Берне хотѣлъ закончить послѣднюю фразу,

одинъ сукъ съ громкимъ трескомъ полетѣлъ внизъ съ значительной высоты и раздавилъ бы насъ обоихъ, если бъ мы не успѣли отскочить въ сторону. Берне, отскакившій медленнѣе меня, получилъ небольшой ушибъ въ руку и сердито проворчалъ: «Скверный знак!»

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

...И все-таки гамбахское празднество свидѣтельствовало о большомъ шагѣ впередъ, особенно если сравнить его съ другимъ празднествомъ, которое нѣкогда происходило въ Вартбургѣ также съ цѣлью возвеличенія общихъ народныхъ интересовъ. Только по внѣшнимъ явленіямъ, по случайностямъ, оба эти торжества походили другъ на друга, а отнюдь не по своей внутренней сущности. Духъ, высказавшійся въ Гамбахѣ, существенно противоположенъ духу, или скорѣе, привидѣнію, бродившему въ Вартбургѣ. Тамъ, въ Гамбахѣ, новое время восторженно пѣло свои пѣсни въ честь восхожденія солнца и пило брудершафтъ со всѣмъ человечествомъ; здѣсь же, въ Вартбургѣ, прошедшее время гнусило свои мрачныя вороныи пѣсни, и при свѣтѣ факеловъ говорились и дѣлались глупости, достойныя самыхъ тупоумныхъ средневѣковыхъ дней! Въ Гамбахѣ французскій либерализмъ говорилъ восторженнѣйшія рѣчи, и если тутъ высказывалось много неразумнаго, то по крайней мѣрѣ самъ разумъ признавался высшимъ авторитетомъ, связующимъ, разрѣшающимъ и предписывающимъ законамъ свои законы; въ Вартбургѣ, напротивъ того, господствовало ограниченное тевтоманство, много и визгливо говорившее о любви и вѣрѣ, но любовь котораго была ничто иное, какъ ненависть къ чужеземцамъ, а вѣра состояла только въ отсутствіи разума, и который въ своемъ невѣжествѣ не сумѣлъ придумать ничего лучше сожженія книгъ! Я говорю: въ невѣжествѣ, потому что въ этомъ отношеніи та прежняя оппозиція, которая извѣстна намъ подъ именемъ «старонѣмецкой», была еще величественнѣе оппозиціи новой, несмотря на то, что и эта послѣдняя не особенно блещетъ ученостью. Именно тотъ, кто сдѣлалъ въ Вартбургѣ предложеніе сжигать книги, былъ въ то же время самымъ большимъ невѣждою, какой только когда-либо гимнастировалъ на землѣ и издавалъ старонѣмецкіе варианты. По настоящему, этому субъекту слѣдовало бросить въ огонь и латинскую грамматику Бредера!

Странно! Эти, так-называемые старогерманцы, несмотря на свое невѣжество, заняли у нѣмецкой учености извѣстный педантизмъ, столько же отвратительный, сколько и смѣшной. Съ какимъ мелочнымъ буквоѣдствомъ они разсуждали о признакахъ нѣмецкой національности: Гдѣ начинается германецъ? Гдѣ онъ оканчивается? Имѣеть ли нѣмецъ право курить табакъ? Нѣтъ, утверждало большинство. Имѣеть ли нѣмецъ право носить перчатки? Да, но не иначе, какъ изъ буйволовоу кожи. (Грязный Масманъ, конечно, вовсе не носилъ перчатокъ). Но пиво нѣмецъ всегда можетъ пить, и долженъ это дѣлать, какъ истинный сынъ Германіи, потому что Тацитъ очень опредѣлительно говоритъ о германской *cerevisia*. Немало удивился я однажды, когда увидѣлъ, въ геттингенскомъ пивномъ погребѣ, съ какою основательностью мои старогерманскіе друзья изготовляли опальные списки къ тому дню, въ который они должны были, по ихъ расчетамъ, получить верховную власть. Каждый, происходившій хотя бы въ седьмомъ колѣнѣ отъ француза, еврея или славянина, приговаривался къ изгнанію. Кто написалъ малѣйшую замѣтку противъ Яна или вообще старогерманскихъ нелѣпостей, могъ готовиться къ смертной казни, и притомъ—казни топоромъ, а не гильотиной, несмотря на то, что эта послѣдняя—собственно нѣмецкое изобрѣтеніе и уже въ средніе вѣка была извѣстна подъ названіемъ «итальянской петли». Я помню, что по этому случаю зашелъ совершенно серьезный споръ о томъ, слѣдуетъ ли помѣстить въ вышеупомянутый опальный списокъ одного берлинскаго писателя, который въ первомъ томѣ своего сочиненія высказался противъ гимнастическаго искусства, потому что послѣдній томъ сочиненія еще не появился, а въ немъ авторъ могъ вѣдь высказать вещи, которыя могли придать совершенно другой смыслъ преступнымъ мнѣніямъ, заключающимся въ первомъ томѣ.

Сошли ли совсѣмъ со сцены эти мрачные дураки, такъ-называемые нѣмечники? Нѣтъ. Они только сняли съ себя свои черные кафтаны, ливрею своего безумія. Большая часть изъ нихъ перестала даже говорить на своемъ плаксиво грубомъ жаргонѣ, и замаскировавшись въ цвѣта и фразы либерализма, они были тѣмъ болѣе опасны для новой оппозиціи во время политическаго періода бури и натиска, слѣдовавшаго за іюльскими днями. Да, въ средѣ нѣмецкихъ революціонеровъ кишѣлъ цѣлый рой прежнихъ нѣмечниковъ, которые кислыми губами лепетали новые пароли и даже

пѣли Марсельезу... при чемъ корочили самыя фатальныя рожи. Между тѣмъ, дѣло шло о единодушной борьбѣ за общіе интересы, за единство Германіи, единственную прогрессивную идею, провозглашенную прежнею оппозиціею. Наше пораженіе, можетъ-быть, счастье для насъ... Мы бы дрались, не отставая другъ отъ друга, мы дѣйствовали бы очень единодушно во время битвы и даже въ часъ побѣды... но на слѣдующее утро оказалось бы разногласіе, которое можно было бы сгладить только посредствомъ *ultima ratio populi*, именно, посредствомъ итальянской петли. Конечно, близорукіе люди въ средѣ нѣмецкихъ революціонеровъ судили обо всемъ по французскимъ масштабамъ, и уже раздѣлялись на конституціонистовъ и республиканцевъ, и потомъ снова на жирондистовъ и монтаньяровъ, и на основаніи этихъ раздѣленій ненавидѣли другъ друга и клеветали одинъ на другого; но знакомые съ дѣломъ знали очень хорошо, что въ войскѣ нѣмецкой революціи были собственно только двѣ, радикально противоположныя между собою, партіи, неспособныя ни на какую мировую сдѣлку и тайно пылавшія другъ къ другу самою кровавою враждою. Какая изъ этихъ двухъ партій казалась болѣе сильною? Свѣдущіе изъ числа либераловъ не скрывали другъ отъ друга, что ихъ партія, стоявшая за принципы французскаго ученія о свободѣ, по количеству членовъ была, правда, сильнѣе, но по фанатизму и вспомогательнымъ средствамъ—слабѣе. Дѣйствительно, эти возрожденные нѣмечники составляли, правда, меньшинство, но ихъ фанатизмъ, имѣвшій скорѣе религіозный характеръ, легко пересиливалъ фанатизмъ, высиженный только разумомъ; затѣмъ, въ ихъ распоряженіи находятся тѣ могущественныя формулы, съ помощію которыхъ можно околдовать грубую чернь; слова: «отчизна, Германія, вѣра отцовъ» и т. д. электризуютъ необразованную массу гораздо сильнѣе, чѣмъ слова: «человѣчество, космополитизмъ, разумъ сыновей, истина!..» Этими я хочу сказать, что тѣ представители національности пустили на нѣмецкой почвѣ корни гораздо глубже тѣхъ, которые пущены представителями космополитизма, и что эти послѣдніе, по всей вѣроятности, уступятъ въ борьбѣ первымъ, если не поспѣшатъ предупредить ихъ... итальянской петлей.

Въ революціонное время у насъ остается выборъ только между убійствомъ и смертью.

Невозможно составить себѣ понятіе о такихъ временахъ,

не испытавъ хоть отчасти горячки, охватывающей въ эту пору людей и поселяющей въ нихъ совершенно особенный образъ мыслей и чувствованій. Невозможно произнести приговоръ надъ словами и дѣлами такого времени, когда живешь въ затишьѣ такой мирной поры, какъ теперешняя.

Не знаю, насколько выше сдѣланные намеки будутъ поняты. Наши потомки унаслѣдуютъ, можетъ-быть, наши тайныя неудачи, и нашъ долгъ—указывать имъ, какія лѣбгарства мы считали дѣйствительными. Въмѣстѣ съ тѣмъ я выше далъ понять, насколько должна была существовать извѣстная связь между мною и тѣми революціонерами, которые французское якобинство переносили на нѣмецкіе порядки... Невзирая на то, что ихъ политическія убѣжденія расходились съ моими въ области мысли, я всегда присоединился бы къ нимъ на боевыхъ поляхъ дѣла... Въдѣ у насъ съ ними были общіе враги и общія опасности!

Правда, эти революціонеры, въ своей мрачной ограниченности, никогда не понимали положительныхъ гарантій этого естественнаго союза. Притомъ я такъ далеко ушелъ впередъ ихъ, что они перестали меня видѣть, и въ своей близорукости думали, что я остался позади.

Здѣсь не мѣсто и не время говорить подробнѣе о разногласіяхъ, которыя должны были скоро послѣ іюльской революціи обнаружиться между мною и нѣмецкими революціонерами, собравшимися въ Парижѣ. Главнѣйшимъ представителемъ этихъ послѣднихъ долженъ считаться нашъ Людвигъ Бѣрне, особенно въ послѣдніе годы его жизни, когда, вслѣдствіе поражений республиканской партіи, два дѣятельнѣйшихъ агитатора, Гарнье и Вольфрумъ, сошли со сцены.

О первомъ я уже упоминалъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей, и надо отдать ему справедливость—онъ въ самой высокой степени обладалъ всѣми демагогическими талантами. Это былъ человѣкъ очень умный, съ большими познаніями и весьма краснорѣчивый. Но интригантъ. Въ разгарѣ нѣмецкой революціи Гарнье конечно игралъ бы замѣтную роль; но такъ какъ эта пьеса не была разыграна, то ему пришлось плохо. Говорятъ, что онъ долженъ былъ бѣжать изъ Парижа, потому что хозяинъ гостиницы, въ которой онъ жилъ, покушался на его жизнь—не тѣмъ, что грозилъ отравлять его кушанья, но тѣмъ, что не хотѣлъ больше отпускать ему никакихъ блюдъ иначе, какъ на чистыя деньги. Второй изъ этихъ двухъ агитаторовъ, Вольфрумъ, былъ молодой человѣкъ изъ старой

Баваріи, кажется, изъ Гофа; онъ служилъ приказчикомъ въ одномъ парижскомъ магазинѣ, но отказался отъ этой должности, чтобы посвятить всю свою дѣятельность идеямъ свободы, которые овладѣли и имъ. Это былъ славный, безкорыстный, полный чистаго энтузіазма человекъ, и я тѣмъ болѣе считаю себя обязаннымъ высказать это, что память его еще не совсѣмъ очищена отъ страшной клеветы. Именно, когда его выслали изъ Парижа, и генералъ Лафайетъ потребовалъ въ палатѣ у графа д'Аргу, тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, отчета, въ такомъ своевольномъ поступкѣ, то графъ д'Аргу высморкалъ свой длинный носъ и начиналъ утверждать, что Вольфрумъ былъ агентомъ баварскихъ іезуитовъ, и что въ его бумагахъ найдены доказательства тому. Вольфрумъ, бывшій въ это время въ Бельгіи, узнавъ изъ газетъ объ этомъ гнусномъ обвиненіи, рѣшился тотчасъ же возвратиться въ Парижъ; но, за неимѣніемъ денегъ, онъ долженъ былъ отправиться пѣшкомъ, пришелъ въ Парижъ больной отъ усталости и внутренняго волненія и долженъ былъ помѣститься въ больницѣ *Hôtel de Dieu*; тутъ онъ и умеръ подъ чужимъ именемъ.

Вольфрумъ и Гарнье всегда были вѣрными приверженцами Бёрне, но въ отношеніи къ нему не переставали сохранять извѣстнаго рода независимость и нерѣдко черпали свое вдохновеніе изъ совсѣмъ иныхъ источниковъ. Но послѣ того, какъ оба эти человека сошли со сцены, Бёрне лично выступилъ впереди парижскихъ нѣмцевъ-революціонеровъ, съ этихъ поръ управлялъ ими не черезъ посредство агентовъ своей воли, а отъ собственнаго имени, и не было у него недостатка въ придворномъ штатѣ изъ ограниченныхъ и разгоряченныхъ головъ, поклонявшихся ему съ слѣпымъ благоговѣніемъ. Среди этихъ милыхъ приверженцевъ сидѣлъ онъ во всемъ величіи своего пестраго шелковаго халата и чинилъ судъ надъ сильными міра сего, — и послѣ русскаго правительства его шумливый гнѣвъ обрушивался съ наибольшею силою на автора настоящей статьи... То, что онъ только намеками высказывалъ въ своихъ сочиненіяхъ, въ устномъ изложеніи дополнялось самымъ рѣзкимъ образомъ, а подозрительная недалновидность, совершенно овладѣвшая имъ, и какая-то безчестная добродѣтель, которая для служенія святому дѣлу не пренебрегаетъ даже ложью, короче сказать, ограниченность и самообольщеніе, увлекли этого человека даже въ болото клеветы.

Упрекъ, заключающійся въ словахъ: «подозрительная не-

дальновидность», относится здѣсь не столько къ отдѣльной личности, сколько къ цѣлой поредѣ, нашедшей полнѣйшаго представителя своего въ Максимилианѣ Робеспьерѣ, славной памяти. На этого послѣдняго Бёрне былъ въ послѣднее время чрезвычайно похожъ: такое же постоянное недовѣріе на лицѣ, кровожадная сентиментальность въ сердцѣ, сухія понятія въ головѣ... Только въ его распоряженіи не было гильотины, и онъ долженъ былъ прибѣгать къ помощи словъ и только клеветать. И этотъ упрекъ также относится больше къ природѣ, потому что—странное дѣло!—подобно іезуитамъ, якобинцы приняли ложь дозволеннымъ средствомъ войны, можетъ-быть, потому, что тѣ и другіе считали себя служителями великихъ цѣлей; первые ратовали за дѣло Божье, вторые—за дѣло человѣчества... Мы должны поэтому простить имъ за ихъ клеветы!

Но не руководила ли иногда Людвигомъ Бёрне тайная зависть? Онъ вѣдь былъ человѣкъ, и между тѣмъ, какъ ему казалось, что онъ разрушаетъ доброе имя различно мыслящаго съ нимъ человѣка только въ интересѣ республики, между тѣмъ, какъ онъ, можетъ-быть, даже ставилъ себѣ въ заслугу принесеніе этой жертвы—на самомъ дѣлѣ онъ, помимо своего вѣдома, удовлетворялъ скрытымъ наклонностямъ своей злой природы, какъ нѣкогда Максимилианъ Робеспьеръ, славной памяти!

И именно въ отношеніи ко мнѣ покойный предавался такимъ личнымъ чувствамъ, и всѣ его нападенія на меня были въ сущности ничто иное, какъ мелкая зависть, которую маленькій барабанщикъ чувствуетъ къ большому тамбуръ-мажору. Онъ завидовалъ моему высокому плюмажу, который такъ смѣло развѣвался по воздуху, моему богато-вышитому мундиру, на которомъ было столько серебра, сколько онъ, маленькій барабанщикъ, не могъ бы купить за всѣ свои деньги; завидовалъ ловкости, съ которою я махалъ тамбуръ-мажорскимъ жезломъ, любовнымъ взглядамъ, которые бросали на меня молодыя дѣвушки, и на которые я, можетъ-быть, отвѣчалъ съ нѣкоторымъ кокетствомъ!

Во многихъ изъ заблужденій, на которыя я только-что намекнулъ, были, можетъ-быть, виноваты также люди, окружавшіе Бёрне; эти милые приверженцы подстрекали его къ высказыванію многихъ скверныхъ мнѣній, и высказанное имъ устно раздувалось ими еще злостнѣе и перерабатывалось для удивительнѣйшихъ частныхъ цѣлей. При всей своей подозрительности, онъ легко поддавался обману, ни-

когда не подозрѣвалъ, что служить совершенно чужимъ страстямъ, и нерѣдко даже повиновался внушеніямъ своихъ противниковъ. Меня увѣряли, что нѣкоторые изъ шпионовъ, шныряющихъ здѣсь на счетъ извѣстныхъ правительствъ, такъ умѣли прикидываться истинными патриотами, что Бёрне совершенно довѣрялся имъ и дни и ночи водилъ съ ними компанію и строилъ заговоры.

А между тѣмъ, онъ зналъ, что его окружали шпионы, и разъ сказалъ мнѣ: «За мной постоянно шляется здѣсь одна каналья; онъ преслѣдуетъ меня на всѣхъ улицахъ, останавливается передъ всѣми домами, въ которые я вхожу, и конечно получаетъ за это отъ какого-нибудь правительства большое жалованье. Знаю я только, какое это правительство, я бы написалъ ему, что самъ хочу зарабатывать деньги, что самъ я готовъ ежедневно посылать ему добросовѣстное донесеніе о томъ, какъ я провелъ день, съ кѣмъ говорилъ, куда ходилъ; да, я согласенъ доставлять эти донесенія гораздо дешевле, даже вдвое дешевле, чѣмъ эта бестія, постоянно шляющаяся за мною, потому что мнѣ вѣдь и безъ того приходится совершать всѣ эти переходы. Можетъ-быть, я бы жилъ тѣмъ, что былъ бы своимъ собственнымъ шпиономъ.

Также сильно, можетъ-быть, еще сильнѣе, вліяла въ ту пору на Бёрне такъ-называемая мадамъ Воль, уже упоминавшаяся на этихъ страницахъ двусмысленная дама, о которой не знали съ точностью, на какой титулъ дадутъ ей право ея отношенія къ Бёрне, что она такое: возлюбленная ли его, или только жена. Ближайшіе друзья долго съ упорствомъ утверждали, что мадамъ Воль тайно съ нимъ обвинена и въ одно прекрасное утро начнетъ принимать у себя въ качествѣ госпожи докторши Бёрне. Другіе думали, что между ними существовала только платоническая любовь, какъ нѣбогда между мессиромъ Франческо и мадонною Лаурою, и конечно находили также большое сходство между сонетами Петрарки и «Парижскими Письмами» Бёрне, такъ какъ эти письма были адресованы не къ вымышленной воздушной личности, но къ мадамъ Воль; это обстоятельство усиливало, конечно, ихъ цѣнность, придавая имъ ту опредѣленную фізіономію и ту индивидуальность, которымъ не можетъ подражать никакое искусство. Если въ письмахъ отражается характеръ не только пишущаго письмо, но и получающаго, то мадамъ Воль—въ высшей степени почтенная особа. пламенно стоящая за свободу и человѣческія

права, существо, полное чувства, полное воодушевления... И действительно, мы должны вѣрить такому мнѣнію о ней, слыша, съ какою преданностью относилась эта дама къ Бёрне въ тяжелыя времена, какъ она посвящала ему всю свою жизнь, и какъ теперь, послѣ его смерти, она пребываетъ въ безутѣшной горести, занимаясь въ своемъ одиночествѣ только умершимъ. Неоспоримо, что между ними обоими существовала взаимная тѣснѣйшая склонность, но въ то самое время, когда публика находилась въ сомнѣніи—какіе изъ этой склонности могутъ возникнуть осязательные факты, въ то самое время насъ поразило однажды внезапное извѣстіе, что мадамъ Воль вышла не за Бёрне, а за одного молодого купца изъ Франкфурта... Изумленіе по поводу этого обстоятельства было усилено еще тѣмъ, что новобрачная, прїѣхавъ сюда съ мужемъ, поселилась въ одной квартирѣ съ Бёрне, и всѣ трое составили одно общее хозяйство. Мало того—говорили даже, что молодой человекъ только для того и женился на этой барынѣ, чтобы войти въ болѣе близкое соприкосновеніе съ Бёрне, и согласился на сохраненіе между Бёрне и его женой существовавшихъ между ними до того времени отношеній. Какъ я слышалъ, онъ игралъ въ домѣ роль слуги, исполнялъ самую грубую работу и сдѣлался для Бёрне очень полезнымъ разсылнымъ, который ходилъ по домамъ торговать его славой и неумолимо изрыгалъ ядъ и желчь на его противниковъ.

Дѣйствительно, этотъ супругъ мадамъ Воль не принадлежитъ къ тому хорошему сорту, который съ терпимостью въ брачныхъ отношеніяхъ соединяетъ извѣстное добродушіе и тѣмъ обезоруживаетъ всякую насмѣшку. Нѣтъ, онъ напоминаетъ скорѣе тотъ дурной сортъ, о которомъ разсказывается въ исторіи Индіи Ктезіаса. Этотъ авторъ именно сообщаетъ, что въ Индіи существуютъ рогатыя ослы, и между тѣмъ, какъ у всѣхъ остальныхъ ословъ нѣтъ никакой желчи, эти рогатыя ослы обладаютъ такимъ количествомъ ея, что ихъ мясо пріобрѣтаетъ отъ этого совсѣмъ горькій вкусъ.

Надѣюсь, никто не истолкуетъ въ дурную сторону причины, почему я привожу эти подробности изъ частной жизни Бёрне. Этимъ я хочу только показать, что были еще совсѣмъ особыя обстоятельства, побуждавшія меня держаться подальше отъ него. Вся чистоплотность моей души возмущалась при мысли войти въ малѣйшее соприкосновеніе съ его домашней обстановкой. Если сказать правду—

въ домашнемъ бытѣ Бёрне я усматривалъ безнравственность, которая была для меня противна.

Это признаніе, можетъ-быть, странно слышать отъ чловѣка, который никогда не раздѣлялъ фанатическаго негодованія такъ называемыхъ проповѣдниковъ нравственности и самъ не разъ былъ обвиняемъ ими въ ереси. Дѣйствительно ли я заслуживалъ эти обвиненія? Послѣ глубочайшаго самоислѣдованія, я могу дать себѣ аттестатъ въ томъ, что мои мысли и дѣйствія никогда не находились въ противорѣчьи съ нравственностью, тою нравственностью, которая врождена моей душѣ и, можетъ-быть, составляетъ всю мою душу, одухотворяющую душу моей жизни. Я почти пассивно повинуюсь нравственной необходимости и поэтому не имѣю никакихъ притязаній на лавровыя вѣнки и тому подобныя награды за добродѣтель. Недавно я читалъ книгу, въ которой публику увѣрили, будто я хвастаюсь тѣмъ, что на парижскихъ бульварахъ нѣтъ такой Фрины, прелести которой не были бы знакомы мнѣ. Богъ знаетъ, какъ почтенный корреспондентъ сообщилъ такіе милые анекдоты, но я могу увѣрить автора этой книги, что даже въ самые безумные годы моей молодости я сблизался съ женщиной только тогда, когда меня восторгала ея красота, это тѣлесное откровеніе божества, или великая страсть, которая тоже божественнаго происхожденія, потому что освобождаетъ насъ отъ всякихъ эгоистическихъ, мелочныхъ чувствъ и заставляетъ приносить въ жертву суетныя блага жизни, даже самую жизнь!.. Но что касается нашего Людвигъ Бёрне, то мы можемъ смѣло утверждать, что къ мадамъ Воль его влекло отнюдь не восторженное увлеченіе красотою. Точно такъ же не находятъ себѣ нравственнаго оправданія взаимныя отношенія этихъ двухъ лицъ въ великой страсти. Владѣи имъ великая страсть, они нисколько бы не постѣснились жить вмѣстѣ безъ церковнаго и гражданскаго брака; соображенія насчетъ того, что свѣтъ неодобрительно покачаетъ головой, не удержали бы ихъ отъ этого... А свѣтъ, какъ бы то ни было, справедливъ, и не сердится на пламя, если только пожаръ силенъ и неподдѣленъ, и если оно горитъ долго и красиво... Онъ безпощадно относится только къ пустому, ничтожному горѣнію соломы и издѣвается надъ этимъ боязливымъ полупламенемъ... Свѣтъ чтитъ всякую страсть, оказывающуюся истинною, и время порождаетъ и въ этомъ случаѣ извѣстнаго рода законность... Но мадамъ Воль укрывалась съ Бёрне подъ покровомъ брака еще съ

смѣшнымъ третьимъ, горькое мясо котораго иногда, быть-можетъ, приходилось ей по вкусу, между тѣмъ, какъ ея духъ насыщался сладкимъ духомъ Бёрне... Даже въ этомъ приличнѣйшемъ случаѣ, даже если дѣйствительно идеальному другу отдавалась только чистая, прекрасная душа, а грубому мужу—не совсѣмъ прекрасная и не совсѣмъ чистая оболочка,—все-таки все это домашнее сожителство имѣло своимъ фундаментомъ самую грязную ложь, оскверненный бракъ и лицемеріе, словомъ—безнравственность.

Къ перспективѣ отвращенія, грозившая появиться во мнѣ при встрѣчѣ съ домашнею обстановкою Бёрне присоединилось и непріятное чувство, возбуждавшееся его постояннымъ политиканствомъ. Вѣчныя политическія разсужденія и разсужденія; даже за обѣдомъ, который онъ часто раздѣлялъ со мною. За столомъ, когда я съ удовольствіемъ забываю всѣ житейскія непріятности, онъ портилъ мнѣ лучшія кушанья своею патріотическою желчью, которую выбалтывалъ на нихъ, такъ сказать, въ видѣ горькаго соуса. Телячьи ножки *à la maitre d'hôtel*, бывшія въ то время моимъ любимымъ безвреднымъ кушаньемъ, онъ отравлялъ іереміадами изъ отечества, которыя онъ выудилъ изъ самыхъ ненадежныхъ газетъ. А къ этому еще его проклятыя замѣчанія, отнимавшія всякій аппетитъ. Такъ, напримѣръ, онъ разъ влѣзъ за мною въ ресторанъ улицы Лепельтье, гдѣ въ то время обѣдали только политическіе бѣглецы изъ Италіи, Испаніи, Португаліи и Польши. Бёрне, знавшій ихъ всѣхъ, замѣтилъ, радостно потирая руки, что изъ всего этого общества только мы двое не приговорены своими правительствами къ смерти. «Но,—прибавилъ онъ,—я еще не потерялъ надежды дойти до этого. Рано или поздно мы будемъ всѣ повѣшены, и вы точно такъ же, какъ и я». По этому случаю я высказалъ мнѣніе, что для дѣла нѣмецкой революціи было бы дѣйствительно очень полезно, если бы наши правительства поступали немного быстрѣе и дѣйствительно повѣсили нѣсколькихъ революціонеровъ для того, чтобы остальные увидѣли, что дѣло это совсѣмъ не шутка... «Вы конечно, хотите,—перебилъ меня Бёрне,—чтобы насъ вѣшали по алфавиту, и тогда я былъ бы однимъ изъ первыхъ, и пошалъ бы уже въ букву Б, все равно, какъ Бёрне или Барухъ, а вамъ пришлось бы еще довольно долго поджидать, пока очередь дошла бы до Г.»

Все это были застольные разговоры, не очень развеселявшіе меня, и я мстилъ за нихъ тѣмъ, что приторно вы-

казывалъ чрезмѣрное, почти страстное равнодушіе къ предметамъ Бёрневскаго энтузіазма. Напримѣръ, Бёрне сердился на то, что я, по пріѣздѣ въ Парижъ, не нашелъ сдѣлать ничего лучше, какъ написать для нѣмецкихъ газетъ длинную статью о тогдашней художественной выставкѣ. Оставляю въ сторонѣ вопросъ, на сколько художественные интересы, побудившіе меня къ этой работѣ, были несомнѣстимы съ тогдашними революціонными интересами; но Бёрне видѣлъ въ этомъ доказательство моего равнодушія къ священному дѣлу человѣчества, и радость его кваснаго патріотизма омрачилась также, когда я за столомъ только и говорилъ, что о картинахъ, о «Жнецахъ» Роберта, «Юдиои» Ораса Верне, «Фаустъ» Шеффера. «Что вы дѣлали,—спросилъ онъ меня однажды,—въ первый день вашего пріѣзда въ Парижъ? Куда вы прежде всего пошли?» Онъ ожидалъ, конечно, что я назову ему площадь Людовика XVI, или Пантеонъ, гробницы Руссо и Вольтера—и лицо его приняло странное выраженіе, когда я честно сознался ему, что тотчасъ послѣ пріѣзда отправился въ Bibliothèque Royale и взялъ для просмотра рукопись Манесскаго кодекса пѣсенъ миннезенгеровъ. И это правда: давно уже я горѣлъ желаніемъ взглянуть собственными глазами на дорогіе листы, которые сохранили для насъ, между прочимъ стихотворенія Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде, величайшаго нѣмецкаго лирика. Бёрне и въ этомъ видѣлъ доказательство моего индифферентизма и обвинялъ меня въ противорѣчій съ моими политическими принципами. Понятно, что я считалъ совершенно лишнимъ разсуждать съ нимъ объ этихъ принципахъ, и когда онъ однажды сталъ доказывать, что открылъ противорѣчія и въ моихъ сочиненіяхъ, то я ограничился ироническимъ отвѣтомъ: «Вы ошибаетесь, любезнѣйшій, противорѣчія въ моихъ сочиненіяхъ нѣтъ, потому что каждый разъ, принимаясь писать, я предварительно пересматриваю политическіе принципы, высказанные въ моихъ прежнихъ статьяхъ, чтобы не впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою и чтобы никто не могъ упрекнуть меня въ измѣнѣ моимъ либеральнымъ убѣжденіямъ». Но не только за столомъ, даже и во время ночнаго отдохновенія, Бёрне надоѣдалъ мнѣ своею политическою экзальтаціею. Разъ онъ пришелъ въ полночь ко мнѣ на квартиру, разбудилъ меня отъ самаго сладкаго сна, сѣлъ передъ моею постелью и цѣлый часъ разливался въ соболѣзнованіяхъ о бѣдствіяхъ нѣмецкаго народа, и о гнусно-

стяхъ нѣмецкихъ правительствъ, и о томъ, какъ опасны русскіе для Германіи, и какъ онъ готовился писать противъ русскаго правительства и противъ союзнаго сейма...

Съ тѣхъ поръ я говорилъ съ нимъ всего два раза. Первый разъ это было на свадьбѣ одного общаго друга, который пригласилъ насъ обоихъ свидѣтелями, а второй—на прогулкѣ въ Тюильри, о которой я уже упоминалъ. Скоро послѣ того появились третья и четвертая часть его «Парижскихъ Писемъ», и я не только началъ избѣгать встрѣчи съ нимъ, но и старался дать ему замѣтить, что нарочно избѣгаю ея; послѣ этого я встрѣчалъ его два или три раза, но уже не говорилъ съ нимъ ни одного слова. При его сангвинической натурѣ это грызло его до отчаянія, и онъ придумывалъ всевозможныя средства, чтобы снова дружески сблизиться со мною, или по крайней мѣрѣ имѣть со мной объясненіе. Такимъ образомъ ни разу въ жизни я не имѣлъ съ Бёрне устнаго диспута, ни разу мы не нанесли другъ другу тяжелаго словеснаго оскорбленія: только въ томъ, что онъ напечаталъ, замѣтилъ я злобное недоброжелательство ко мнѣ—и не оскорбленное чувство собственнаго достоинства, а болѣе высокія заботы и вѣрность, которую я обязанъ соблюдать въ отношеніи къ моимъ мыслямъ и желаніямъ, побудили меня разойтись съ человѣкомъ, желавшимъ компрометировать мои мысли и стремленія. Но такое упорное отдаленіе совсѣмъ не въ моемъ характерѣ, и я, можетъ-быть, снова согласился бы говорить и быть знакомымъ съ Бёрне, тѣмъ болѣе, что люди, которыхъ я очень люблю, постоянно приставали ко мнѣ съ просьбами объ этомъ и что общіе наши друзья часто были въ затруднительномъ положеніи при приглашеніяхъ, которыя я принималъ только тогда, когда убѣждался, что господинъ Бёрне не приглашенъ... Кромѣ того, мои частные интересы побуждали меня не слишкомъ раздражать такую упорную неприязню этого злобнаго человѣка... Но стоило мнѣ только взглянуть на окружавшихъ его людей, на его вѣрныхъ приверженцевъ—и отвращеніе удерживало меня отъ всякаго новаго соприкосновенія съ Бёрне.

Такъ прошло три-четыре года, я потерялъ Бёрне изъ виду, пересталъ думать о немъ, не обращалъ даже вниманія на тѣ статьи, которыя онъ писалъ противъ меня во французскихъ газетахъ и которыя честная Германія эксплуатировала для гнусной клеветы,—когда въ одинъ осенній вечеръ получилъ извѣстіе, что Бёрне умеръ.

Какъ мнѣ сказали, смерть его произошла отъ собственного упрямства, потому что онъ долго отказывался призвать своего врача, почтеннаго доктора Зихеля. Этотъ, не только знаменитый, но и крайне добросовѣстный врачъ, который, по всей вѣроятности, спасъ бы его, пришелъ слишкомъ поздно, когда больной принялся уже самъ лѣчить себя террористическими средствами и разрушилъ весь свой организмъ.

Въ прежнее время Бёрне немного занимался медициной и зналъ эту науку какъ разъ на столько, на сколько нужно, чтобы умѣть убивать. Въ политикѣ, изученію которой онъ предался впоследствии, познанія его были не особенно значительныѣ.

Я не присутствовалъ на его похоронахъ, о чемъ здѣшніе корреспонденты не преминули сообщить въ Германію и что подало поводъ къ злонамѣреннымъ толкованіямъ. Но ничего не можетъ быть глупѣе, какъ видѣть въ этомъ обстоятельстве, которое могло быть чистою случайностью, враждебную злобу. Дураки, они не знаютъ, что нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ присутствовать на похоронахъ врага!

Я никогда не былъ другомъ Бёрне, но никогда не былъ и врагомъ его. Неудовольствіе, которое онъ по временамъ могъ возбудить во мнѣ, никогда не было особенно сильно, и онъ достаточно искупилъ его холоднымъ молчаніемъ, которымъ я отвѣчалъ на всѣ его обвиненія и коварныя нападки. Во время его жизни я не написалъ противъ него ни одной строчки, я никогда не думалъ о немъ, я совершенно игнорировалъ его, и это бѣсило его превыше всякой мѣры.

Если я говорю о немъ теперь, то дѣлаю это не изъ энтузіазма, не изъ неприязни; я могу по крайней мѣрѣ, положить руку на сердце, сказать, что мною руководитъ самое холодное безпристрастіе. Я не пишу здѣсь ни апологій, ни критической статьи, и такъ какъ при изображеніи этого человѣка я исхожу только изъ собственнаго воззрѣнія на него, то на памятникъ, который я здѣсь воздвигаю ему, слѣдуетъ, быть-можетъ, смотрѣть, какъ на статую во весь ростъ.

А онъ заслуживаетъ такого памятника, онъ—великій боецъ, который такъ мужественно бился въ аренѣ нашихъ политическихъ игръ и стяжалъ себѣ, если не лавровый, то улья, конечно, дубовый вѣнокъ.

Я воспроизвожу его образъ въ дѣйствительныхъ чертахъ, безъ идеализаціи, и чѣмъ больше онъ похожъ, тѣмъ больше

онъ дѣлаеть чести его памяти. Онъ вѣдь не былъ ни геній, ни герой, ни олимпійскій богъ. Онъ былъ человекъ, гражданинъ земли, онъ былъ хорошій писатель и великій патріотъ.

Называя Людвига Бёрне хоронимъ писателемъ и придавая ему только простой эпитетъ «хорошій», я не хочу ни возвысить, ни умалить его эстетическое достоинство. Вообще, какъ я уже сказалъ, это сочиненіе не апологія и не критика его произведеній; я высказываю здѣсь только мое личное мнѣніе. Этому мнѣнію я стараюсь дать возможно сжатую форму; вотъ почему скажу только нѣсколько словъ о Бёрне въ чисто-литературномъ отношеніи.

Если бы мнѣ нужно было найти въ литературѣ писателя, родственнаго по характеру съ Бёрне, то я прежде всего указалъ бы на Богдана Эфраима Лессинга, съ которымъ Бёрне очень часто сравнивали. Но это сходство основывается только на общихъ обоимъ внутренней энергіи, благородной волѣ, патріотической страсти и восторженномъ сочувствіи къ человечеству обоихъ этихъ людей. Однаково было тоже направленіе ихъ ума. Но тутъ и оканчивается сравненіе. Лессингъ былъ великъ тѣмъ яснымъ пониманіемъ искусства и философской спекулятивности, котораго рѣшительно недоставало бѣдному Бёрне. Въ иностранной литературѣ есть два человека; которые гораздо больше похожи на него; это Вильямъ Гацлиттъ и Поль Курье. Оба они, можетъ-быть, ближайшіе литературные родственники Бёрне, съ тою только разницею, что Гацлиттъ также превосходитъ его художественнымъ чувствомъ, а Курье отнюдь не можетъ возвыситься до Бёрневскаго юмора. Извѣстнаго рода *esprit* общъ этимъ тремъ человекамъ, хотя у cadaго изъ нихъ онъ является съ особеннымъ оттѣнкомъ: у англичанина Гацлитта онъ мраченъ и сверкаетъ, какъ солнечные лучи изъ густыхъ англійскихъ тучъ, у француза Курье онъ почти своевольно весель, шипитъ и пѣнится, какъ молодое вино Тюрингіи и по временамъ смѣло переливается черезъ край; у нѣмца Бёрне онъ имѣетъ и то, и другое свойство; онъ мраченъ и свѣтелъ, какъ кислосерьезный рейнвейнъ и странный лунный свѣтъ родины нѣмцевъ... *Esprit* Бёрне становится иногда юморомъ.

Это замѣтно не столько въ первыхъ сочиненіяхъ его, сколько въ «Парижскихъ Письмахъ». Время, мѣсто и сюжетъ здѣсь не только благопріятствовали юмору, но и были собственно причинами его проявленія. Я хочу этимъ сказать, что юморомъ въ «Парижскихъ Письмахъ», мы обя-

заны не столько таланту ихъ автора, сколько обстоятельствомъ того времени. Июльская революція, это политическое землетрясеніе, до такой степени переломала отношенія во всѣхъ сферахъ жизни и такъ перепутала между собой самыя разнообразныя явленія, что парижскому революціонному корреспонденту стояло только вѣрно передавать то, что онъ видѣлъ и слышалъ,—и получались сами собою высшіе эффекты юмора. Какъ страсть иногда замѣняетъ поэзію, и, напр., любовь или смертельный страхъ раздражаются такими вдохновенными словами, лучше какихъ не найдетъ истинный поэтъ,—точно такъ же современныя обстоятельства замѣняютъ иногда врожденный юморъ, и совершенно прозаическій, глубокомысленный писатель пишетъ истинно юмористическія сочиненія, когда изображаетъ, какъ въ зеркалѣ, забавныя и печальныя, грязныя и священные, величественныя и мелкія комбинаціи перевернутаго вверхъ дномъ мірового порядка. А если при этомъ духъ такого автора еще и самъ находится въ взволнованномъ состояніи, если такое зеркало отуманено или рѣзко окрашено его собственною страстью, тогда наружу выступаютъ безумныя картины, превосходящія даже всѣ порожденія юмористическаго генія... Тутъ рѣшетка, отдѣляющая юморъ отъ дома умалишенныхъ... Въ «Письмахъ» Бёрне нерѣдко проявляются слѣды настоящаго безумія, и навстрѣчу намъ дико кидаются чувства и мысли, которыя слѣдовало бы одѣть въ горячечныя рубашки, поставить подъ холодныя души...

Въ стилистическомъ отношеніи «Парижскія Письма» стоятъ гораздо выше, чѣмъ прежнія сочиненія Бёрне, въ которыхъ короткіе періоды, мелкая рысь вызываютъ невыносимое однообразіе и обличаютъ почти ребяческую безпомощность. Эти короткіе періоды больше и больше пропадаютъ въ «Парижскихъ Письмахъ», гдѣ разнузданная страсть порывисто переходитъ въ болѣе обширныя, болѣе полныя ритмы, и катятся колоссальныя, чреватые грозой періоды, постройка которыхъ прекрасна и закончена какъ будто высшимъ искусствомъ.

Но «Парижскія Письма», въ отношеніи къ слогу Бёрне, могутъ считаться только переходною ступенью, если сравнить ихъ съ послѣднею статьею его: «Менцель французоѣдъ» (Menzel der Franzosenfresser). Тутъ стиль его достигаетъ высшей степени развитія, и какъ въ словахъ, такъ и въ мысляхъ, господствуетъ гармонія, свидѣтельствующая о бодрѣзненномъ, но возвышенномъ спокойствіи. Эта статья—

свѣтлое озеро, въ которомъ небо отражается со всѣми своими звѣздами, а духъ Бёрне плаваетъ и ныряетъ на немъ, какъ прекрасный лебедь, спокойно стряхивая съ себя оскорбленія, которыми чернь пачкала его чистыя перья. Оттого-то эту статью справедливо называли лебединою пѣснью Бёрне. Въ Германіи съ ней мало знакомы, и разсужденія о ея содержаніи были бы здѣсь, конечно, умѣстны. Но такъ какъ она направлена прямо противъ Вольфганга Менцеля, и мнѣ поэтому случаю пришлось бы подробно говорить объ этомъ писателѣ, то я лучше снова промолчу. Не могу обойтись только безъ одного замѣчанія, и оно, къ счастью, такого рода, что отвлекаетъ отъ личной неприязни и придаетъ той враждѣ, которую питали къ Менцелю Бёрне и такъ-называемые члены такъ-называемой молодой Германіи, общее значеніе, въ которомъ нѣтъ уже рѣчи о достоинствѣ или недостаткахъ отдѣльныхъ личностей. Можетъ-быть даже, что этимъ замѣчаніемъ я представлю оправданіе поведенія Менцеля и его видимаго отступничества.

Да, онъ былъ только видимый отступникъ... только видимый... потому что онъ никогда не принадлежалъ чувствами и мыслями къ революціонной партіи. Вольфгангъ Менцель былъ одинъ изъ тѣхъ тевтомановъ, изъ тѣхъ нѣмечниковъ, которые, вслѣдствіе солнечнаго зноя іюльской революціи, были принуждены снять съ себя свои старонѣмецкіе кафтаны и рѣчи, одѣться, какъ умственно, такъ и физически, въ новое платье, скроенное по французской мѣркѣ. Какъ я уже показалъ въ началѣ этой книги, многіе изъ этихъ тевтомановъ, чтобы принять участіе въ общемъ движеніи и торжествѣ духа времени, вступили въ наши ряды, въ ряды бойцовъ за принципы революціи, и я не сомнѣваюсь, что они мужественно дрались бы въ виду общей опасности. Я боялся, что если они измѣнятъ, то не во время битвы, а послѣ побѣды; старая натура ихъ, подавленное на время нѣмечничество, снова прорвались бы наружу, они скоро начали бы своими мрачными средневѣковыми пѣснями заклинанія возбуждать противъ насъ грубую массу; и эти заклинательныя пѣсни, эта смѣсь стараго суевѣрія и демоническихъ земныхъ силъ подѣйствовали бы сильнѣе, чѣмъ всѣ доводы разума...

Менцель былъ первый, который, какъ только воздухъ сталъ свѣжѣе, снова снялъ съ вѣшалки старо-нѣмецкій мыслительный кафтанъ и съ удовольствіемъ снова началъ дѣлать гимнастическія упражненія въ аренѣ старыхъ идей.

Право, послѣ этой перемены у меня точно камень свалился съ сердца, потому что Вольфганг Менцель въ своемъ настоящемъ видѣ былъ гораздо менѣе опасенъ, чѣмъ въ своей либеральной замаскировкѣ; я готовъ былъ обнять и расцѣловать его, когда онъ снова началъ ратовать противъ французовъ и бранить евреевъ и снова выступилъ въ бой за Бога и отечество, за вѣру и нѣмецкіе дубы, и ужасающе шумѣлъ и бѣсновался! Сознаюсь, что на сколько мало пугалъ онъ меня въ этомъ видѣ, на столько же внушалъ страхъ въ прежніе годы, когда вдругъ имъ овладѣло восторженное сочувствіе къ іюльской революціи и французамъ, когда онъ началъ говорить свои патетическія, великодушныя, лафаетовскія эманципаціонныя рѣчи въ защиту правъ евреевъ, когда онъ сталъ высказывать о судьбѣ міра и людей мнѣнія, въ которыхъ скалило зубы такое безбожіе, какое едва ли можно найти у самаго отчаяннаго матеріалиста, мнѣнія, недостойныя даже тѣхъ животныхъ, которыя питаются плодами нѣмецкихъ дубовъ. Да, въ то время онъ былъ опаснѣе, въ то время, сознаюсь, я дрожалъ предъ Вольфгангомъ Менцелемъ!

Бѣрне, въ своей близорукости, никогда не понималъ истинной природы Менцеля, и такъ какъ ренегаты, наши единомышленники, измѣнившіе свой образъ мыслей, возбуждаютъ въ насъ гораздо болѣе негодованія, чѣмъ старые враги, то самымъ сильнымъ гнѣвомъ онъ пылалъ къ Менцелю. Что касается меня, издавшаго почти въ это же самое время сочиненіе противъ Менцеля, то мною руководили совсѣмъ иныя побужденія. Менцель ни разу не обидѣлъ меня, даже самыя грубыя поношенія его не нашли уязвимаго мѣста въ моей душѣ. Впрочемъ, кто читалъ мое сочиненіе, тотъ могъ замѣтить, что тутъ слово желало скорѣе раздражить, чѣмъ ранить, и имѣло главною цѣлью — вызвать рыцаря нѣмечничества не на литературное, а совсѣмъ на иное поле битвы. Менцель не удовлетворилъ моему честному желанію. Не моя вина, что публика вывела изъ этого всевозможныя непріятныя заключенія... Я самымъ великодушнымъ образомъ давалъ ему случай возстановить себя въ общественномъ мнѣніи единственнымъ поступкомъ, достойнымъ мужчины... Я ставилъ на карту кровь и жизнь... Онъ не захотѣлъ этого.

Бѣдный Менцель! Право, я не сержусь на тебя. Ты былъ совсѣмъ не хуже другихъ. Другіе гораздо коварнѣе тебя, они долѣе ходятъ въ либеральномъ переодѣваньѣ, или

сбрасываютъ маску только наполовину... Подъ этими по-
слѣдними я прежде всего подразумѣваю тѣхъ швабскихъ
камеръ-пѣвцовъ свободы, которыхъ либеральныя трели зву-
чать все тише и тише, и которые скоро снова започнутъ
старымъ пивнымъ голосомъ пѣсни 1813 и 1814 годовъ...
Да хранить васъ Господь для отечества! Вы поступили
очень постыдно, когда, желая спасти лохмотья своей попу-
лярности, принесли въ жертву Менцеля, одного изъ ближай-
шихъ вашихъ единомышленниковъ.

И потому Менцелю надо отдать справедливость въ томъ
отношеніи, что онъ подписывалъ свое настоящее имя подъ
всѣми своими ругательствами; онъ не былъ анонимнымъ
писакой и всегда вывозилъ на рынокъ свою собственную
шкуру. Послѣ каждаго ругательства, которымъ онъ обрыз-
гивалъ насъ, онъ принималъ почти добродушно молчаливый
видъ, будто готовясь къ принятію заслуженнаго наказанія.
Зато у него и не было недостатка въ писанныхъ ударахъ,
и литературная спина его исполосована до-черна, точно
спина зебра. Бѣдный Менцель! Онъ платилъ за многихъ
другихъ, которыхъ нельзя было поймать, за анонимныхъ
и псевдонимныхъ разбойниковъ, которые, спрятавшись въ
самые темные уголки журналистики, пускали оттуда свои
трусливыя стрѣлы... Какъ прикажете поймать ихъ и нака-
зать? У нихъ нѣтъ имени, которое вы можете заклеить
позоромъ, а если вамъ и удастся заставить какого-нибудь
боязливаго редактора сообщить вамъ пустыя буквы, служа-
щія этимъ людямъ именемъ, то вы отъ этого не особенно
много выиграете... Вы узнаете, что авторъ самаго нахаль-
наго пасквиля на васъ былъ никто иной, какъ тотъ жалкій
попрошайка, который, несмотря на всю свою приниженную
настойчивость не могъ выпросить у васъ ни одного грѣша...
Или, что еще прискорбнѣе, вы узнаете, что ваше доброе
имя оплевывалъ на родинѣ тотъ бездѣльникъ, который на-
дулъ васъ на двѣсти франковъ, которому вы подарили сюр-
тукъ для прикрытія его наготы, но не захотѣли дать ни
одной собственноручной строки, съ которою онъ могъ бы
появиться въ Германіи въ качествѣ вашего друга и вели-
каго собрата по поэзіи... Ахъ, эта сволочь способна высту-
пить противъ васъ подъ своимъ настоящимъ именемъ, и
тогда-то вы будете въ дѣйствительно затруднительномъ по-
ложеніи! Если вы отвѣтите, то придадите имъ на всю жизнь
важность, которую они сумѣютъ эксплуатировать, и они
поставятъ себѣ въ честь, что вы бьете ихъ тою же самою

палкой, которою были биты самые знаменитые люди... Конечно, въ этомъ случаѣ лучше всего было бы, если бы ихъ колотили вовсе не въ фигуральномъ смыслѣ, не умственной, а дѣйствительною, матеріальною палкой, какъ нѣкогда ихъ предка, Терсита...

Да, ты далъ намъ поучительный примѣръ, благородный сынъ Лаэрта, царственный страдалецъ Одиссей! Ты, мастеръ слова, превосходившій всѣхъ смертныхъ въ искусствѣ говорить! Каждому умѣлъ ты возражать и говорилъ столько же охотно, сколько побѣдоносно; только на клейкаго Терсита не хотѣлъ ты тратить ни единого слова; такого мерзавца ты считалъ недостойнымъ твоихъ словесныхъ возраженій, и когда онъ поносилъ тебя, ты, не говоря ни слова, поколотилъ его...

Если мой дядя въ Люнебургѣ прочтетъ то, что я только-что написалъ, онъ вспомнитъ, можетъ-быть, наши тамошнія прогулки, во время которыхъ я давалъ каждому нищему мальчишкѣ грошъ и при этомъ серьезно увѣщевалъ: «Любезный мальчикъ, если ты впослѣдствіи будешь заниматься литературой, и тебѣ придется писать критическія статьи для «Литературной Газеты» Брокгауза—не отдѣлывай меня въ нихъ!» Мой дядя въ то время смѣялся, да я и самъ еще не зналъ, что грошъ, въ которомъ моя мать отказываетъ нищей, можетъ такъ фаталистически дѣйствовать и въ литературѣ.

Я только-что упомянулъ о «Литературной Газетѣ» Брокгауза. Это—пещера, въ которой томятся и стонутъ несчастнѣйшіе изъ всѣхъ нѣмецкихъ писаекъ; нисходящіе туда теряютъ свое имя и начинаютъ называться нумерами, подобно каторжникамъ въ русскихъ горныхъ рудникахъ, въ свинцовыхъ минахъ Новгорода; они обязаны, какъ эти преступники, исполнять самыя ужасныя работы—напримѣръ, прославлять г. фонъ-Раумера великимъ историкомъ или Людвига Тика—ученымъ и человѣкомъ съ характеромъ, и т. д... Большая часть умираетъ отъ этихъ работъ, и хоронятъ ихъ безыменно, какъ мертвые нумера. Многіе изъ этихъ несчастныхъ, можетъ-быть даже, почти всѣ—бывшіе тевтомамы, и если они уже не носятъ старо-германскихъ кафтановъ, то попрежнему носятъ старо-германскіе штаны; они отличаются отъ своихъ швабскихъ единомышленниковъ извѣстнымъ маркскимъ акцентомъ и гораздо большею вътрренностью. Народничество было всегда въ сѣверной Германіи больше аффектаціею, если не заученною ложью,—особенно

въ Пруссіи, гдѣ даже бойцы національности напрасно старались отрекаться отъ своего славянскаго происхожденія. Въ этомъ отношеніи я больше хвалю моихъ швабовъ, которые, по крайней мѣрѣ, дѣйствуютъ честно и имѣютъ больше права напирать на чистое германство расы. Ихъ нынѣшній главный органъ, «Трехмѣсячное Обзорѣніе», издаваемое барономъ Котта, одушевлено этою гордостью, и его редакторъ, дипломатъ Келде (человѣкъ остроумный, но величайшій болтунъ въ мірѣ, вѣроятно не удержавшій въ секретѣ ни одной государственной тайны), пропитанъ насквозь чувствомъ расы, и третье слово у него всегда — германская, романская и семитическая расы... Больше всего на свѣтѣ его огорчаетъ то, что поборникъ нѣмечничества, его любимецъ Вольфгангъ Менцель, носить на своемъ лицѣ всѣ признаки монгольскаго происхожденія.

Нахожу нужнымъ замѣтить здѣсь, что скучный, объемистый пасквиль, нацарапанный на меня недавно вышеупомянутымъ «Трехмѣсячнымъ Обзорѣніемъ», я отнюдь не приписываю простой тевтоманіи, даже не личной злобѣ. Я долго думалъ, что авторъ этой статьи, нѣкто Г. Пф., хотѣлъ отомстить ея за своего друга Менцеля. Но любовь къ правдѣ заставляетъ меня сознаться въ моемъ заблужденіи. Я получилъ объ этомъ съ разныхъ сторонъ болѣе вѣрныя свѣдѣнія. — «Дружба. — сказали мнѣ недавно одинъ честный швабъ, — между Менцелемъ и вышеупомянутымъ Г. Пф. состоитъ только въ томъ, что послѣдній помогаетъ Менцелю, не знающему по-французски, своимъ знаніемъ этого языка. А что касается нападковъ на васъ, то въ нихъ совсѣмъ нѣтъ такого злого умысла; Г. Пф., былъ прежде величайшимъ поклонникомъ вашихъ произведеній, и если теперь онъ такъ пламенно возстаетъ противъ ихъ безнравственности, то это для того, чтобы придать себѣ видъ строго добродѣтельнаго человѣка и хоть отчасти сбросить съ себя тяготѣвшее надъ нимъ подозрѣніе въ занятіяхъ сократовскою любовью».

Я охотно бы избѣжалъ выраженія «сократовская любовь», но это подлинныя слова доктора Д...ра, сообщившаго мнѣ эту невинную тайну. Докторъ Д...ръ, который, конечно, не обидѣлся бы, если бы я сообщилъ его полную фамилію, — человѣкъ весьма умный и одушевленный любовью къ правдѣ, которая высказывается во всемъ его существѣ. Такъ какъ онъ въ настоящее время въ Лондонѣ, то я, безъ предварительнаго соглашенія съ нимъ, не могъ объявить его фамилію печатно; но она къ услугамъ того, кто этого пожелаетъ,

точно так же, какъ полная фамилія профессора Д...га, одного изъ почтеннѣйшихъ парижскихъ ученыхъ, въ присутствіи котораго мнѣ было повторено вышеприведенное объясненіе. Для публики же очень полезно узнать, какія побужденія скрываются иногда подъ извѣстнымъ «нравственно-религіозно-патріотическимъ нищенскимъ плащомъ».

Я только, повидимому, отдалился отъ моего предмета. Многія нападенія на покойнаго Бёрне могутъ быть отчасти объяснены вышеприведенными намеками. Это замѣчаніе можно примѣнить къ его статьѣ «Менцель французодѣ». Эта статья—защита космополитизма противъ націонализма; но изъ этой защиты видно, что у Бёрне космополитизмъ былъ только въ головѣ, а патріотизмъ пустилъ глубокіе корни въ сердцѣ, тогда какъ у его противника патріотизмъ засѣлъ только въ головѣ, а въ сердцѣ зѣвало самое холодное равнодушіе... Хитрыя слова, которыми Менцель прославляетъ свою Аѳмечину, какъ еврей-разнощикъ свой хламъ, его старыя тирады о Херускѣ Арминіѣ, Корсиканцѣ, здоровомъ снѣ растеній, Мартынѣ Лютерѣ, Блюхерѣ, лейпцигской битвѣ, которыми онъ старается пріятно щекотать гордость нѣмецкаго народа, всѣ эти отжившія фразы Бёрне умѣютъ освѣщать такъ, что ихъ комическое ничтожество является въ самомъ забавномъ видѣ; а при этомъ изъ его собственнаго сердца вылетаютъ трогательнѣйшіе, безыскусственные звуки патріотическаго чувства, вылетаютъ точно стыдливыя признанія, которыхъ человекъ уже не можетъ удержать въ послѣднюю минуту своей жизни, и которыя скорѣе рыданія, чѣмъ слова. Смерть стоитъ тутъ же и киваетъ головою, какъ неопровержимый свидѣтель правды!

Да, онъ былъ не только хорошій писатель, но и великій патріотъ!

Говоря о литературномъ достоинствѣ сочиненій Бёрне, я долженъ упомянуть здѣсь о его переводѣ «Paroles d'un croyant», который онъ сдѣлалъ также въ послѣдніе годы своей жизни, и который тоже можетъ считаться высшимъ образцомъ стиля. Но я не могу хвалить его за то, что онъ перевелъ именно эту книгу, что вообще увлекся идеями Ламинна. Вліяніе, которое имѣлъ на него этотъ священникъ, обнаруживалось не только въ этомъ переводѣ «Paroles d'un croyant», но и въ различныхъ французскихъ статьяхъ, которыя Бёрне писалъ въ то время для «Reformateur» и «Balance», въ этихъ удивительныхъ произведеніяхъ его духа, гдѣ колебаніе, отчаянное сомнѣніе въ протестантскомъ

авторитетъ разума обнаруживаются съ особенною силою, и наболѣвшее чувство стремится перейти въ католическое міросозерпаніе...

Смерть Бёрне была, можетъ-быть, счастіемъ для него... Еслибъ смерть не спасла его, мы, можетъ-быть, видѣли бы его въ настоящее время римско-католикомъ.

Какъ это возможно? Бёрне сдѣлался бы въ концѣ концовъ католикомъ? Онъ укрылся бы въ лоно католической церкви и старался бы заглушить муки своей головы звуками органа и звономъ колоколовъ? Ну, да, онъ готовъ былъ сдѣлать то, что дѣлали уже многіе честные люди, когда гнѣвъ проникалъ въ ихъ мозгъ и обращалъ въ бѣгство разумъ, и бѣдный разумъ, при прощаніи, еще давалъ имъ совѣтъ: если вы ужъ непремѣнно хотите быть сумасшедшими, то дѣлайтесь католиками, и васъ по, крайней мѣрѣ, не будутъ запирать, какъ другихъ монومانовъ.

«Съ досады дѣлаться католикомъ» — гласить нѣмецкая поговорка, которой проклятое глубокое значеніе я уяснилъ себѣ только теперъ. Въдъ католицизмъ—самый плѣнительный цвѣтокъ той доктрины отчаянія, быстрое распространеніе которой по землѣ не слѣдуетъ считать слишкомъ большимъ чудомъ, если вспомнить, въ какомъ странномъ положеніи томился весь римскій міръ... Какъ отдѣльныя личности въ отчаяніи открывали себѣ жилы и искали въ смерти убѣжища отъ тираніи цезарей, такъ масса кидалась въ аскетизмъ, въ ученіе объ умерщвленіи плоти, чтобъ разомъ сбросить съ себя тогдашнія житейскія мѹки и выступить противъ палачей-служителей господствовавшаго въ то время матеріализма...

Люди, которымъ земля не давала уже ничего, отыскали небо... Слава этому открытію! Слава ученію, влившему въ горькую чашу страждущаго человѣчества нѣсколько сладкихъ успокоительныхъ капель—капель вѣры, надежды и любви!

Людвигъ Бёрне, какъ я уже говорилъ въ первой книгѣ этого сочиненія, былъ по свойству своей натуры христіанинъ, и это спиритуалистическое направленіе должно было перейти въ католицизмъ, когда республиканцы, послѣ самыхъ страшныхъ поражений, въ отчаяніи соединились съ католическою партіею.—Насколько серьезна эта связь? Не знаю. Многіе, республиканцы, дѣйствительно могли сдѣлаться католиками съ досады. Но большая часть въ душѣ ненавидѣла своихъ новыхъ союзниковъ, и съ обѣихъ сторонъ

игралась комедія. Дѣло шло только о томъ, чтобы сражаться съ общимъ врагомъ, и въ самомъ дѣлѣ, соединеніе обоихъ фанатизмовъ — религіознаго и политическаго — въ высшей степени опасно. Но часто случается, что люди совершенно увлекаются своею ролью, и хитрая игра превращается въ неуклюжую серьезность; точно также могло случиться, что не одинъ республиканецъ до тѣхъ поръ игралъ въ католицизмъ, пока дѣйствительно не повѣрилъ въ него, и что не одинъ хитрый патеръ до тѣхъ поръ пѣлъ Марсельезу, пока она не сдѣлалась его любимую пѣсню, и онъ не могъ читать свои молитвы безъ того, чтобы не переходить въ мелодію этого боевого пѣснопѣнія.

Мы, бѣдные нѣмцы, къ сожалѣнію не понимающіе никакихъ шутокъ, приняли братанье республиканства съ католичествомъ за совершенно серьезное дѣло, и эта ошибка можетъ когда-нибудь обойтись намъ слишкомъ дорого... Какимъ родомъ многіе изъ нѣмецкихъ патріотовъ, желая бороться съ протестантскими правительствами, дѣйствуютъ заодно съ католическою партією, этого я не могу понять. Меня, которому, какъ извѣстно, пруссаки причинили стелько сердечныхъ огорченій, никто, надѣюсь, не заподозритъ въ слѣпой симпатіи къ Буруссіи; поэтому я могу свободно заявить, что въ борьбѣ Пруссіи съ католическою партією желаю побѣды первой... И это потому, что необходимымъ слѣдствіемъ пораженія ея было бы отпаденіе отъ Германіи нѣсколькихъ нѣмецкихъ провинцій, рейнскихъ земель.— Но что за дѣло набожнымъ мюнхенцамъ до того, какъ говорить на Рейнѣ, по-французски или по-нѣмецки? Съ нихъ довольно и того, что тамъ богослуженіе совершается на латинскомъ языкѣ. У католическихъ поповъ нѣтъ отечества; у нихъ только одинъ отецъ, одинъ папа, въ Римѣ.

А что отпаденіе рейнскихъ земель, ихъ возвращеніе католической Франціи, есть дѣло рѣшенное между героями католической партіи и ихъ французскими союзниками—это извѣстно всякому. Къ числу этихъ союзниковъ принадлежить съ нѣкотораго времени одинъ извѣстный эксъ-якобинецъ, который теперь носитъ корону и находится въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми коронованными іезуитами Германіи... Набожное торгашество! Измѣна ханжи отечеству!

Само собою понятно, что нашъ бѣдный Бѣрне, который попался на удочку не только къ сочиненіямъ Ламинэ, но и къ его личности, и помимо своего вѣдома принималъ участіе въ проискахъ римско-католическихъ вербовщиковъ —

понятно, что нашъ бѣдный Бѣрне никогда не подозрѣвалъ, какая опасность грозитъ Германіи отъ соединенія католической и республиканской партій. Онъ не подозрѣвалъ и этой связи, онъ, у котораго нераздѣльность Германіи всегда лежала на сердцѣ такъ же сильно, какъ у пишущаго эти строки. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи я могу дать ему самое блестящее свидѣтельство. «Ни одного нѣмецкаго ночного горшка не уступлю я Франціи!» вскричалъ онъ однажды въ пылу разговора, когда кто-то замѣтилъ, что Франція, естественный представитель революціи, должна снова получить въ свое владѣніе рейнскія земли, чтобы чрезъ это приобрѣсть болшую возможность противодѣйствія аристократически абсолютической Европѣ.

— Не уступлю ни одного ночного горшка! — кричалъ Бѣрне, гнѣвно шагая взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Понятно, — замѣтилъ третій, — что мы не уступимъ французамъ ни одного дюйма нѣмецкой земли, но намъ слѣдовало бы уступить имъ нѣсколько нашихъ соотечественниковъ, безъ которыхъ мы можемъ во всякомъ случай обойтись. Чтò бы вы сказали, если бы мы отдали французамъ напр. Раумера и Роттека?

— Нѣтъ, нѣтъ, — вскричалъ Бѣрне, переходя отъ сильнѣйшаго гнѣва къ хохоту: — даже Раумера или Роттека я не уступлю, потому что въ такомъ случаѣ наша коллекція была бы неполною; я хочу удержать Германію всю, въ ея настоящемъ видѣ, съ ея цвѣтами и чертополохами, съ ея великанами и карликами... Нѣтъ, даже этихъ двухъ ночныхъ горшковъ я не уступлю французамъ!

Да этотъ Бѣрне былъ великій патріотъ, можетъ-быть, самый великій, который сосалъ изъ груди своей мачихи, Германіи, пламенинѣйшую жизнь и горчайшую смерть! Въ душѣ этого человѣка ликовала и сочилась кровью трогательная любовь къ отечеству, которая, будучи стыдливаго характера, какъ всякая любовь, охотно пряталась подъ слова недовольства и порицанія, но въ то время, когда за нею не наблюдали, тѣмъ съ большею силою вырывалась наружу. Когда Германія дѣлала всевозможныя глупости, которыя могли имѣть дурныя послѣдствія, когда у нея не хватало бодрости на то, чтобы принять спасительное лѣкарство, дать себѣ вырѣзать бѣльмо или выдержать другую небольшую операцію, тогда Людвигъ Бѣрне шумѣлъ, ругался, топалъ ногами и посылалъ все ко всѣмъ чертямъ; когда же предвидѣнное несчастье дѣйствительно случилось, когда

Германію начинали топтать или бить до крови, тогда онъ переставалъ бѣсноваться, тогда этотъ бѣдный безумецъ хныкалъ и, рыдая, доказывалъ, что Германія лучшая и прекраснѣйшая страна въ мірѣ, и что нѣмцы—прекраснѣйшій и благороднѣйшій народъ, просто жемчугъ-народъ, и что нѣтъ никого умнѣ нѣмцевъ, и что даже дураки въ Германіи умные люди, и что неотесанность ея ничто иное, какъ глубокое чувство, и при этомъ онъ начиналъ сильно тосковать по милымъ толчкамъ и пинкамъ родины, и иногда являлось у него желаніе покушать сочной нѣмецкой глупости, какъ у беременной женщины—ягодъ. Жить далеко отъ отечества также сдѣлалось для него истиннымъ мученіемъ, и не одно злое слово въ его сочиненіяхъ было вырвано у него этимъ страданіемъ. Кто не знакомъ съ изгнаніемъ, тотъ не понимаетъ, какими рѣзкими красками окрашивается оно наши душевныя мѹки и какую тьму, и какой ядъ проливаетъ оно въ наши мысли. Данте написалъ свой «Адъ» въ изгнаніи. Только тотъ, кто жилъ въ изгнаніи, знаетъ также, что значитъ любовь къ отечеству, любовь къ отечеству со всѣмъ ея сладкимъ ужасомъ и томительною скорбью! Къ счастью для нашихъ патріотовъ, обязанныхъ жить во Франціи, эта страна представляетъ много сходства съ Германіею: почти тотъ же климатъ, та же растительность, тотъ же образъ жизни. «Какъ должно быть страшно изгнаніе тамъ, гдѣ нѣтъ этого сходства!—сказалъ мнѣ разъ Бѣрне во время нашей прогулки по Jardin des Plantes;—какъ ужасно должно быть на душѣ, когда видишь вокругъ себя только пальмы и тропическія растенія и совершенно чуждыхъ, дикихъ животныхъ въ родѣ кэнгуру и зебра... Къ нашему счастью, цвѣты во Франціи тѣ же, что и у насъ дома: фіалки и розы совершенно похожи на нѣмецкія, и такъ же, какъ у насъ, быки, коровы и ослы терпѣливы и неполосаты и птицы покрыты перьями и поютъ во Франціи совершенно такъ же, какъ въ Германіи, и даже смотря на собакъ, бѣгающихъ по Парижу, я переносюсь мыслью за Рейнгъ, и сердце мое говоритъ мнѣ: да вѣдь это наши нѣмецкія собаки!»

Извѣстнаго рода тупоуміе долго не замѣчало въ сочиненіяхъ Бѣрне этой любви къ отечеству. Видя это тупоуміе, онъ съ большимъ состраданіемъ пожималъ плечами; а когда старыя бабы, задыхаясь отъ усталости, тащили дрова для его костра, онъ могъ совершенно безмятежно восклицать: «sancta simplicitas!» Но когда іезуитская злоба бросала по-

дозрѣніе на его патріотизмъ, имъ овладѣвало всеистребляющее негодованіе. Въ эти минуты гнѣву его нѣтъ предѣловъ, и какъ оскорбленный титанъ, онъ мечетъ смертельнѣйшими каменными плитами въ шипящихъ змѣй, ползających у его ногъ. Тутъ онъ вступаетъ въ свои полныя права, тутъ мужественный гнѣвъ его пылаетъ самымъ благороднымъ огнемъ. Удивительно хорошо слѣдующее мѣсто изъ «Парижскихъ Писемъ», направленное противъ Ярке, который нѣсколько отличался отъ другихъ противниковъ Бёрне двумя достоинствами: умомъ и приличіемъ:

«Этотъ Ярке удивительный человекъ. Его вызвали изъ Берлина въ Вѣну, гдѣ половину жалованья онъ получаетъ отъ Генца. Но онъ не стоилъ и сотой части этой половины, или заслуживалъ во сто разъ больше, смотря по тому, за что надо было платить Генцу—за хорошее или худое. Этого католика и сошедшаго съ ума Ярке я очень люблю, потому что онъ служитъ мнѣ, какъ, вѣроятно, и многимъ другимъ, для полезной игры и пріятнаго препровожденія времени. Годъ назадъ онъ началъ издавать политическій еженедѣльный журналъ. Это—разговорная camera obscura; тутъ передъ читателемъ проходятъ всѣ симпатіи и антипатіи, желанія и проклятія, надежды и опасенія, радости и страданія, опасенія и безумная отвага, всѣ цѣли и средства монархистовъ и аристократовъ, съ ихъ тѣнями. Добрый Ярке! Онъ обличаетъ все, онъ предостерегаетъ всѣхъ. Самыя сокровенныя тайны большого свѣта онъ начертываетъ на стѣнѣ моей маленькой комнаты. Я знаю отъ него и рассказываю теперь вамъ обо всемъ, что эти господа намѣрены сдѣлать съ нами. Они хотятъ истребить не только плоды, и цвѣты, и листья, и вѣтви, и стволы революціи, но и ихъ корни, глубочайшіе, широчайшіе и прочнѣйшіе корни, хотя бы на этихъ корняхъ осталась вся державшая ихъ земля. Придворный садовникъ Ярке переходитъ съ ножомъ, пилой и топоромъ съ одного поля на другое, изъ одной земли въ другую, отъ одного народа къ другому. Вырвавъ изъ земли и предавъ сожженію всѣ революціонные корни, разрушивъ настоящее, онъ возвращается къ прошедшему. Срубивъ революціи голову послѣ того, какъ несчастная обвиненная потерпѣла наказаніе, онъ запрещаетъ ея давно умершей, давно сгнившей бабушкѣ выходить замужъ; онъ дѣлаетъ прошедшее дочерью настоящаго. Развѣ это не безуміе? Нынѣшнимъ лѣтомъ онъ ревностно ратовалъ противъ гамбахскаго празднества. Невинное празднество! Волкъ — союзный сеймъ,

остановившись пить воду въ рѣкѣ, сталъ выговаривать овцѣ—нѣмецкому народу, пившему тутъ же пониже, что она мутитъ его воду и что поэтому онъ долженъ ее съѣсть. Господинъ Ярке—языкъ этого волка. Онъ вырываетъ съ корнемъ революцію въ Баденѣ, рейнской Баваріи, Гессенѣ, Саксоніи, англійскій билль о реформѣ, польскую, бельгійскую и французскую іюльскую революцію; затѣмъ защищаетъ божественныя права дона Мигуэля. Такъ онъ идетъ все дальше назадъ и назадъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ онъ растерзалъ Лафайета, не Лафайета іюльской революціи, но того, который за пять десятковъ лѣтъ передъ тѣмъ сражался за американскую свободу и первую французскую революцію. Ярке, ползающей по саногамъ Лафайета! Мнѣ казалось, что я вижу собаку, роющую землю у подошвы высочайшей пирамиды, съ мыслью опрокинуть ее! Постоянно назадъ и назадъ! На этихъ дняхъ онъ подкапывался своею лопатой подъ англійскую революцію 1688 г., имѣющую сто пятьдесятъ лѣтъ отъ роду. Скоро дойдетъ очередь до старшаго Брута, выгнавшаго Тарквиніевъ, а потомъ и до другихъ, гораздо выше... Но пусть г. Ярке не забываетъ, что какъ только онъ справится съ этими послѣдними, дальнѣйшее присутствіе его въ Вѣнѣ будетъ признано излишнимъ. И тогда прощай гофратство, прощай жалованье. Не сомнѣваюсь, что онъ будетъ настолько уменъ, чтобы оставить не вырваннымъ хоть этотъ одинъ корень гамбахскаго праздника.

«Это тотъ самый Ярке, о которомъ я говорилъ вамъ въ прошедшемъ письмѣ, причѣмъ обѣщаль сообщить кое-что изъ того, что онъ написалъ обо мнѣ. Это касалось, конечно, не только меня, но и другихъ; несомнѣнно, однако, что, главнымъ образомъ имѣлъ онъ въ виду меня. Прошедшимъ лѣтомъ онъ помѣстилъ въ «Политическомъ Еженедѣльникѣ» статью: «Германія и Революція». Въ ней заключается слѣдующее мѣсто. Трудно рѣшить, чему слѣдуетъ тутъ удивляться больше—вѣжливой злобѣ или величавой глупости.

«Вотъ это мѣсто изъ статьи Ярке:

«Впрочемъ, совершенно справедливо, что тѣ принцыпы, о которыхъ мы говорили выше, никогда не могутъ перейти творчески въ дѣйствительную жизнь, что Германія никогда не сдѣлается республикою по покрою нынѣшнихъ оболыстителей народа, что свобода и равенство, о которыхъ они толкуютъ, никогда не могутъ быть установлены даже сиюю террора; я даже почти увѣренъ, что сами отважнѣйшіе

представители дурного направленія только играютъ въ страшную игру съ высшими благами Германіи, что они сами отлично понимаютъ, что этотъ путь ведетъ къ безвозвратной гибели, и только для того съ хитрымъ расчетомъ продолжаютъ вести дѣло оболщенія, чтобы великимъ всемірно-историческимъ актомъ отомстить за гнетъ и позоръ, переносившійся въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій народомъ, къ которому они принадлежатъ по своему происхожденію».

«О, господинъ Ярке, это ужъ слишкомъ нехорошо! II когда вы писали эти строки, то не были еще австрійскимъ совѣтникомъ, а только прусскою противоположностью этого; какъ же вы будете неистовствовать, когда получите должность члена вѣнсской государственной канцеляріи? Что вы упрекаете насъ въ нечестивости, съ которою мы будто бы хотимъ сдѣлать нѣмецкій народъ несчастнымъ, потому что онъ сдѣлалъ насъ самихъ несчастными—это мы прощаемъ криминалисту и его прекрасной теоріи вмѣняемости. Что вы приписываете намъ хитрость, съ которою мы, подъ личиною любви, стараемся погубить нашихъ враговъ—этимъ мы должны быть обязаны іезуиту, который думалъ этими словами похвалить насъ. Но что вы считаете насъ настолько глупыми, что мы можемъ отдать синицу въ рукахъ за журавля въ небѣ—за это вы должны дать намъ отвѣтъ, господинъ Ярке! Какъ? Развѣ, если бы мы ненавидѣли нѣмецкій народъ, стали бы мы посвящать всѣ свои силы на то, чтобы вывести его изъ позорнѣйшаго униженія, въ которомъ онъ погрязъ, помочь ему освободиться отъ свинцовой тираніи, лежащей на немъ тяжелымъ бременемъ, отъ высокомерія его аристократовъ, надменности его князей, издѣвательства всѣхъ знатныхъ шутовъ, клеветы всѣхъ наемныхъ писателей—и все это для того, чтобы отдать его на произволъ небольшимъ, скоропреходящимъ и столь высокопочтеннымъ спасностямъ свободы? Если бы мы ненавидѣли нѣмцевъ, то писали бы такъ, какъ вы, господинъ Ярке. Но жалованья мы за это не брали бы; потому что и во грѣховномъ мщеніи есть нѣчто, могущее быть оскверненнымъ въ своей святости».

Заподозрѣніе патріотизма Бёрне въ приведенномъ мѣстѣ статьи возбуждало въ немъ неудовольствіе, котораго никогда не могъ вызвать простой упрекъ въ еврейскомъ происхожденіи. Его забавляло даже, когда враги, видя безукоризненность его дѣйствій, только и могли обвинять его что въ

принадлежности къ племени, которое нѣкогда наполняло весь міръ славою и, несмотря на всѣ претерпѣнные униженія, все еще не утратило своего древняго священнаго характера. Бѣрне даже гордился часто этимъ происхожденіемъ, высказывая, правда, эту гордость на свой юмористическій ладъ. Дѣйствительно, евреи сдѣланы изъ того тѣста, изъ котораго лѣпятъ боговъ; сегодня ихъ топчутъ ногами, завтра передъ ними падаютъ на колѣни; между тѣмъ, какъ одни изъ нихъ валяются въ отвратительнѣйшей грязи торгашества, другіе достигаютъ высшей вершины человѣчества... Евреи—народъ духа, и каждый разъ, какъ они возвращаются къ своему основному принципу, они становятся великими и блистательными и пристыживаютъ и побѣждаютъ своихъ неуклюжихъ притѣснителей. Глубокомысленный Розенкранцъ сравниваетъ ихъ съ исполиномъ Антеемъ, съ тою только разницею, что Антей пріобрѣталъ новыя силы каждый разъ, какъ прикасался къ землѣ; съ евреями же это случается тогда, когда они снова приходятъ въ соприкосновеніе съ небомъ. Удивительное соединеніе самыхъ рѣзкихъ крайностей! Между тѣмъ, какъ въ числѣ этихъ людей вы можете встрѣтить всевозможныя уродливыя проявленія пошлой грубости, тутъ же вы найдете идеалы чистѣйшей человѣчественности, и какъ нѣкогда они повели міръ по новымъ путямъ прогресса, точно такъ же, можетъ-быть, что и въ будущемъ міру предстоитъ получить отъ нихъ еще не одно откровеніе...

— Природа,—сказаль мнѣ однажды Гегель:—крайне причудлива; тѣми самыми орудіями, которыя нужны ей для выполненія возвышенныхъ цѣлей, она пользуется и для самыхъ низкихъ отправленій; такъ, напримѣръ, тотъ членъ, на котораго возложена высочайшая миссія—распространеніе рода человѣческаго, служитъ также для...

Тѣ, которые жалуются на темный смыслъ сочиненій Гегеля, тутъ очень хорошо поймутъ его, и если говоря вышеприведенныя слова, онъ не имѣлъ въ виду именно дѣтей Израиля, то ихъ все-таки можно примѣнить къ этимъ послѣднимъ.

Какъ бы то ни было, очень возможно, что это племя еще не совсѣмъ выполнило свое призваніе, и это замѣчаніе, можетъ-быть, именно отнесено къ судьбѣ Германіи. И Германія ждетъ своего освободителя, земного Мессію... короля земли, вооруженнаго скипетромъ и мечомъ, и этотъ освободитель Германіи, можетъ-быть, тотъ самый, котораго такъ жадно ждутъ сыны Израиля...

О, дорогой, горячо ожидаемый Мессія!

Гдѣ онъ теперь, отчего онъ медлитъ? Можетъ-быть, онъ еще не родился, а можетъ-быть, лежитъ гдѣ-нибудь уже цѣлое тысячелѣтіе, спрятавшись и выжидая, когда ударитъ настоящій великій часъ освобожденія. Кто онъ такой? Старый ли Барбаросса, спящій въ Кифгейзерѣ на своемъ каменномъ стулѣ, и спящій такъ давно, что бѣлая борода его уже проросла сквозь каменный столъ?.. Только по временамъ онъ трясеть во снѣ головою и сверкаетъ полузакрытыми глазами, иногда хватается за мечъ... и снова погружается въ тяжелый тысячелѣтній сонъ!

Нѣтъ, не императоръ Рыжая-Борода освободитъ Германію, какъ думаетъ народъ нѣмецкій, сонливый, грезящій народъ, который и своего Мессію не можетъ представить себѣ иначе, какъ въ образѣ стараго сонливца.

Вотъ евреи имѣютъ совсѣмъ иное понятіе о своемъ Мессіи, и когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я былъ въ Польшѣ и водилъ знакомство съ краковскимъ великимъ раввиномъ, Манассе бенъ-Нафтали, то на сердцѣ у меня становилось очень радостно и привольно каждый разъ, какъ онъ говорилъ о Мессіи... Я уже не помню, въ какой книгѣ Талмуда заключаются подробности, которыя передавалъ мнѣ со всею точностію великій раввинъ, да и вообще я удержалъ въ памяти только главныя черты этого описанія. Мессія, говорилъ мнѣ раввинъ, родился въ тотъ самый день, когда Іерусалимъ былъ разрушенъ тираномъ Титомъ Веспасіаномъ, и съ тѣхъ поръ живетъ онъ въ превосходнѣйшемъ дворцѣ неба, окруженный блескомъ и радостью, съ короною на головѣ, совсѣмъ, какъ король... только руки его скованы золотыми цѣпами!

— Какъ!—спросилъ я съ изумленіемъ:—что же значатъ эти золотыя цѣпи!

— Онъ необходимы,—отвѣчалъ великій раввинъ, посмотрѣвъ на меня хитрыми глазами и глубоко вздохнувъ;— безъ этихъ цѣпей Мессія, въ тѣ часы, когда онъ выходитъ изъ терпѣнія, можетъ вдругъ послѣшить на землю и приняться; такимъ образомъ, слишкомъ рано за дѣло освобожденія. А нашъ Мессія не совсѣмъ спокойный ночной колпакъ. Онъ красивый, очень стройный, но необыкновенно сильный человекъ; цвѣтушъ, какъ молодость. Впрочемъ, образъ жизни его весьма однообразенъ. Большую часть утра онъ проводитъ въ обычной молитвѣ, или смѣется и шутитъ со своими слугами, переодѣтыми ангелочками, которые

отлично поютъ и играютъ на флейтѣ. Затѣмъ ему расчесываютъ длинные волосы, умащаютъ ихъ разными благовоніями и одѣваютъ его въ царственное пурпурное платье. Цѣлое послѣ-обѣда онъ изучаетъ каббалу. Къ вечеру онъ призываетъ своего стараго канцлера, который такой же переодѣтый духъ, какъ и сопровождающіе его четыре дюжихъ совѣтника. Канцлеръ изъ большой книги читаетъ все, что произошло въ этотъ день... Тутъ попадаются всевозможныя исторіи, слушая которыя Мессія или весело улыбается, или трясетъ головой съ недовольнымъ видомъ... Когда же онъ узнаетъ о притѣсненіяхъ, которымъ подвергають его народъ, имъ овладѣваетъ страшнѣйшій гнѣвъ, и онъ кричитъ такъ, что небо дрожить... Тогда четыре дюжихъ совѣтника хватають его за руки, боясь, чтобы онъ не поспѣшилъ на землю, и конечно, имъ бы не справиться съ нимъ, не будь его руки скованы золотыми цѣпями... Его успокоиваютъ также кроткими рѣчами о томъ, что время еще не приспѣло, не пробилъ настоящій часъ освобожденія, и тогда онъ падаетъ, наконецъ, на постель, закрываетъ руками лицо и плачетъ...

Почти въ этихъ выраженіяхъ Манассе бенъ-Нафтали въ Краковѣ объяснилъ мнѣ свое мнѣніе, съ указаніемъ на Талмудъ. Послѣ этого я не разъ вспоминалъ его рассказъ, особенно во время, непосредственно слѣдовавшее за іюльской революціей. Да, въ дурные дни мнѣ казалось даже, что я слышу собственными ушами шумъ золотыхъ цѣпей и вслѣдъ за нимъ отчаянное рыданіе...

О, не отчаявайся, прекрасный Мессія, ты, желающій освободить не только дѣтей Израиля, какъ воображаютъ себѣ суевѣрные евреи, но и все страждущее человѣчество! О, не разрывайтесь, золотыя цѣпи! О, держите его еще нѣкоторое время скованнымъ, чтобы онъ не пришелъ слишкомъ рано, этотъ освободитель!..

КНИГА ПЯТАЯ.

...«Политическія событія того времени (1799 г.) имѣютъ весьма печальное сходство съ послѣдними событіями въ Германіи, съ тою только разницею, что тогда чувство свободы процвѣтало больше въ сердцахъ ученыхъ, поэтовъ и вообще литераторовъ, а теперь оно высказывается тутъ гораздо меньше, но съ гораздо большею силою въ средѣ дѣйствующей массы, между ремесленниками и промышлен-

никами. Во время первой революціи свинцовал, чисто нѣмецкая спячка лежала на всемъ народѣ, и во всей Германіи царствовало какое-то грубое спокойствіе, между тѣмъ какъ въ литературномъ мірѣ происходило самое дикое броженіе и волненіе. Самый неизвѣстный писатель, жившій въ какомъ-нибудь отдаленномъ уголкѣ Германіи, принималъ участіе въ этомъ движеніи; почти по инстинктивной симпатіи, не имѣя никакихъ точныхъ свѣдѣній о ходѣ политическихъ дѣлъ, онъ чувствовалъ свое социальное значеніе и высказывалъ его въ своихъ сочиненіяхъ. Этотъ феноменъ напоминаетъ мнѣ большія морскія раковины, которыя мы употребляемъ иногда въ видѣ украшенія своихъ каминовъ и которыя, находясь даже въ большомъ отдаленіи отъ моря, вдругъ начинаютъ шумѣть, когда тамъ наступаетъ время прилива, и волны ударяются о берегъ. Когда здѣсь, въ Парижѣ, этомъ великомъ человѣческомъ океанѣ, революціонныя волны вышли изъ береговъ, когда здѣсь разразилась буря, тогда по ту сторону Рейна шумѣли и заплѣнились нѣмецкія сердца... Но они были такъ отчуждены отъ всѣхъ, ихъ окружали только безчувственный фарфоръ, чайныя чашки и кофейники и китайскія лагоды, которыя механически кивали головами, какъ будто знали, въ чемъ дѣло. Ахъ! нашимъ бѣднымъ предшественникамъ въ Германіи пришлось дорогою цѣною заплатить за свои революціонныя симпатіи... Юнкерство и духовенство изощрались надъ ними въ грубѣйшихъ и пошлѣйшихъ коварствахъ. Нѣкоторые изъ нихъ бѣжали въ Парижъ и тамъ погибли въ бѣдности и страданіяхъ. Недавно я встрѣтился съ однимъ слѣпымъ соотечественникомъ, который еще съ того времени живетъ въ Парижѣ; я встрѣтился съ нимъ въ Пале-Рояль, куда онъ пришелъ погрѣться на солнцѣ. Жалко было смотрѣть на него: такъ онъ былъ блѣденъ и худъ, и такъ беспомощно шелъ, опираясь о стѣны домовъ. Мнѣ сказали, что это старый датскій поэтъ Гейбергъ. Видѣлъ я тоже недавно мансарду, въ которой умеръ гражданинъ Георгъ Форстеръ. Но друзьямъ свободы, оставшимся въ Германіи, пришлось бы еще гораздо хуже, если бы Наполеонъ и его французы не успѣли покорить насъ. Наполеонъ, конечно, никогда не подозрѣвалъ, что самъ онъ былъ спасителемъ идеологіи. Безъ него нашихъ философовъ, вмѣстѣ съ идеями, истребили бы висѣлицею и колесованіемъ. Но, несмотря на это, нѣмецкіе друзья свободы, слишкомъ республикански настроенные, чтобы поклоняться Наполеону, а вмѣстѣ съ тѣмъ и

слишкомъ благородные для того, чтобы стать на сторону чужеземца, погрузились съ тѣхъ поръ въ глубокое молчаніе. Они ходили печальные, съ разбитымъ сердцемъ, съ замкнутыми устами. Когда Наполеонъ палъ, они улыбнулись, но тоскливо, и не нарушили молчанія; они не приняли почти никакого участія въ патриотическомъ энтузіазмѣ, сильно ликовавшемъ въ то время въ Германіи съ соизволенія высшаго начальства. Они знали, что знали, и молчали. Такъ какъ эти республиканцы ведутъ очень цѣломудренную, простую жизнь, то обыкновенно они доживаютъ до глубокой старости, и когда началась іюльская революція, многіе изъ нихъ еще были въ живыхъ, и немало удивлялись мы, глядя на этихъ старыхъ чудаковъ, которыхъ мы привыкли видѣть согбенными и почти тупоумно молчаливыми, но которые теперь вдругъ подняли головы и привѣтно улыбались намъ, молодымъ, пожимали намъ руки и рассказывали веселыя исторіи. Одинъ изъ нихъ даже пѣлъ при насъ;—это было въ кофейнѣ—онъ пѣлъ марсельскій гимнъ, и тутъ мы выучили мелодію и прекрасныя слова, и скоро пѣли мы ихъ лучше самого старика, потому что онъ иногда въ лучшей строкѣ или смѣялся, какъ полоумный, или плакалъ, какъ дитя. Всегда хорошо, когда такіе старики остаются въ живыхъ, чтобы учить молодыхъ пѣснямъ. Мы, молодые, никогда не забудемъ ихъ, и нѣкоторые изъ насъ будутъ передавать ихъ тѣмъ внукамъ, которые еще не родились... Но многіе изъ насъ до того времени сгніють или на родинѣ въ темницахъ, или на чужбинѣ въ мансардахъ»...

Эти строки, извлеченныя изъ моего сочиненія «De l'Allemagne» (ихъ нѣтъ въ нѣмецкомъ изданіи) я писалъ лѣтъ шесть тому назадъ, и теперь, когда я перечитываю ихъ, на душу мою, словно влажные тѣни, ложатся всѣ тѣ безотрадныя муки, о которыхъ въ то время я имѣлъ только смутное предчувствіе. По самымъ пламеннымъ ощущеніямъ моимъ течетъ точно ледяная вода, и жизнь моя ничто иное, какъ болѣзненное оупѣніе. О, холодная зимняя пещера, въ которой мы живемъ, стуча зубами отъ стужи!.. О, смерть, бѣлый снѣговикъ, окутанный безконечнымъ туманомъ, къ чему киваешь ты такъ язвительно насмѣшливо!..

Счастливы тѣ, которые спокойно истлѣваютъ въ родныхъ темницахъ... потому что эти темницы—отечество съ желѣзными рѣшетками, и сквозь эти рѣшетки вѣетъ нѣмецкій воздухъ, и тюремщикъ, если онъ не совсѣмъ нѣмъ, гово-

рять по-нѣмецки!.. Сегодня уже шесть лѣтъ, какъ до слуха моего не доносится ни одинъ нѣмецкій звукъ, и все, что я пишу и думаю, съ трудомъ облекается въ иностранные обороты рѣчи... О тѣлесномъ изгнаніи вы, можетъ-быть, имѣете понятіе, но объ изгнаніи духовномъ можетъ судить только нѣмецкій писатель, который принужденъ цѣлый день говорить по-французски, писать по-французски и даже ночью, лежа на груди возлюбленной, вздыхать по-французски! Мои мысли тоже изгнанники, онѣ сосланы въ страну чужеземнаго языка.

Счастливы тѣ, которымъ на чужбинѣ приходится бороться только съ бѣдностью, голодомъ и холодомъ—все естественными бѣдствіями... Сквозь окна ихъ мансардъ улыбаются имъ небо и всѣ его звѣзды... О, золотое страданіе въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ, на сколько безконечнѣ твои муки!.. Полная отчаянія голова должна завивать свои волосы, если еще не умащать ихъ благовоніями, и гнѣвные губы, готовые проклинать небо и землю, должны улыбаться, и все улыбаться...

Счастливы тѣ, у которыхъ великая скорбь отняла, наконецъ, послѣднюю частичку ихъ разсудка и которые находятъ вѣрную гибель въ Шарантонѣ или Бисетрѣ, какъ бѣдный Ф..., бѣдный Б..., бѣдный Л... и многіе другіе, меньше знакомые мнѣ... Клѣтка, въ которой они заперты, кажется имъ милою отчизною, а въ своихъ горячечныхъ рубашкахъ они принимаютъ себя за побѣдителей всякаго деспотизма, за гордыхъ гражданъ свободнаго государства... Но все это они точно такъ же хорошо могли бы найти и у себя дома.

Только минута перехода отъ разума къ помѣшательству—скверная, ужасная минута... Я прихожу въ ужасъ, когда вспоминаю, какъ Ф... пришелъ ко мнѣ въ первый разъ и началъ серьезно доказывать, что въ великій союзъ народовъ надо принять также обитателей луны и самыхъ отдаленныхъ звѣздъ. Но какъ увѣдомить ихъ о нашихъ предложеніяхъ? Вотъ чемъ заключался для него главный вопросъ. Другой патріотъ, съ этою же цѣлью, придумалъ родъ колоссальнаго зеркала, посредствомъ котораго прокламаціи, написанныя исполинскими буквами, должны отражаться въ воздухѣ, чтобы все челоуѣчество могло читать ихъ, не встрѣчая помѣхи со стороны цензора и полиціи... Какой опасный для государственнаго порядка проектъ!.. А между тѣмъ, о немъ не упоминается въ донесеніяхъ союзнаго сейма о революціонной пропагандѣ!

Но счастливые всѣхъ мертвые, лежащіе въ гробахъ на кладбищѣ Лашеза, какъ ты, бѣдный Бёрне!

Да, счастливы томящіеся въ родныхъ темницахъ, счастливы живущіе въ мансардахъ и терпящіе физическія бѣдствія, счастливы сумасшедшіе въ госпиталяхъ, и счастливые всѣхъ мертвые! Что касается меня, пишущаго эти строки, то я считаю себя ужъ не совсѣмъ достойнымъ сожалѣнія, потому что нѣкоторымъ образомъ участвую въ счастіи всѣхъ этихъ людей, посредствомъ той удивительной восприимчивости, той невольной симпатіи, той болѣзни души, которая свойственна поэтамъ и для которыхъ мы не умѣемъ прибрать настоящаго названія. Если днемъ я и прохожу по шумнымъ улицамъ Вавилона, здоровый тѣломъ и веселый, то вѣрьте мнѣ, какъ только настанетъ вечеръ, въ сердцѣ моемъ начинаютъ звучать меланхолическія арфы, и даже ночью гремятъ въ немъ всѣ литавры и цимбалы скорби, цѣлый янычарскій оркестръ міровой мѹки, и начинается страшно шумная маскарадная процессія!

О, какія грѣзы! Грѣзы темницы, нищеты, безумія смерти! Крикливая смѣсь сумасшествия и мудрости, пестрый, отравленный супъ, имѣющій вкусъ кислой капусты и пахнущій апельсинными цвѣтами! Какое ужасное ощущеніе, когда ночныя грѣзы издѣваются надъ дневною суетой, когда изъ пламенныхъ маковыхъ головокъ ироническія привидѣнія взглядываютъ наружу и дразнятъ, и горные лавры превращаются въ сѣрые чертополохи, и соловьи начинаютъ пѣть насмѣшливыя пѣсни...

Въ моихъ грѣзахъ я обыкновенно сижу на угловой тумбочкѣ улицы Лафиттъ, въ сырой осенній вечеръ когда мѣсяцъ бросаетъ длинныя полосы свѣта на грязную мостовую бульвара, такъ что грязь кажется позолоченною, а иногда даже усыпанною блестящими брилліантами... Люди, проходящіе мимо меня, тоже ничто иное, какъ блестящая грязь; аферисты, игроки, дешевые писаки—фальшивые монетчики мысли, еще болѣе дешевыя женщины, которымъ, правда, приходится лгать только тѣломъ, сытые сибариты, которыхъ кормятъ въ Café de Paris и которые въ этотъ часъ стремятся въ Académie de Musique, въ этотъ храмъ порока, гдѣ Фанни Эльслеръ танцуетъ и улыбается... Тутъ же шумятъ кареты и прыгаютъ лакеи, пестрые, какъ тюльпаны, и пошлые, какъ ихъ почтенные господа. И если я не ошибаюсь, въ одномъ изъ этихъ дерзкихъ золотыхъ экипажей сидитъ бывший сигарный фабрикантъ, Агуадо и его бѣше-

ныя лошади обдають сверху до низу грязью мое розово-красное трико... Да, къ моему собственному изумленію, я весь одѣтъ въ розово-красное трико, въ такъ-называемое платье тѣлеснаго цвѣта, потому что осеннее время, да и климатъ не позволяютъ ходить совершенно голымъ, какъ это дѣлалось въ Греціи, при Оермопилахъ, гдѣ царь Леонидъ и его триста спартанцевъ, наканунѣ битвы, танцовали совершенно голые, увѣнчавъ головы цвѣтами... Именно такъ, какъ Леонидъ на картинѣ Давида, одѣтъ я въ то время, когда я въ грѣзахъ моихъ сижу на тумбочкѣ улицы Лафиттъ, гдѣ проклятый кучеръ господина Агуадо обдаеть грязью мое трико... Эта каналья кучеръ пачкаетъ даже мой цвѣточный вѣнокъ, прекрасный вѣнокъ, который я ношу на головѣ, но который, между нами будь сказано, уже порядочно высохъ и не имѣетъ больше никакого запаха... Ахъ, эти цвѣты были свѣжи и радостны въ то время, когда я увѣнчалъ себя ими, думая, что на слѣдующій день мнѣ придется участвовать въ битвѣ, въ священной смертельной битвѣ за отечество. Это время давно уже прошло, съ досадою и въ бездѣйствіи сижу я на углу улицы Лафиттъ и жадно ожидаю битвы, а между тѣмъ цвѣты на моей головѣ вянуть, да и самые волосы покрываются сѣдиною, и сердце заболѣваетъ въ груди... Господи! Какъ долго тянется время въ такомъ праздномъ ожиданіи... а тутъ еще я начинаю приходить въ уныніе... Я вижу, какъ люди, проходящіе мимо, съ состраданіемъ смотрятъ на меня и шепчуть другъ другу: «бѣдный безумецъ!»

Какъ ночныя грѣзы издѣваются надъ моими дневными мыслями, точно такъ же иногда случается, что эти дневныя мысли потѣшаются надъ безумными ночными грѣзами—и онѣ правы, потому что во снѣ я часто дѣйствую, какъ настоящій болванъ. Недавно мнѣ снилось, что я совершилъ большое путешествіе по всей Европѣ, только не въ экипажѣ, а на превосходномъ кораблѣ. Это было очень удобно, когда на дорогѣ попадались рѣка или море. Но это случилось рѣдко, а обыкновенно мнѣ приходилось ѣздить по сушѣ, что представляло большія затрудненія, такъ какъ я былъ принужденъ перетаскивать свой корабль черезъ широкія равнины, лѣсныя тропинки, трясины и даже высокія горы, пока опять достигалъ рѣки или моря, гдѣ могъ свободно плавать. Но обыкновенно, какъ я только-что сказалъ, мнѣ приходилось тащить мой корабль, что стоило мнѣ большой потери времени и немаловажныхъ усилій, такъ что отъ

досады и усталости я, наконецъ, проснулся. Утромъ же, спокойно сѣдя за кофе, я правильно сообразилъ, что совершилъ бы это путешествіе гораздо удобнѣе и скорѣе, если бы не имѣлъ никакого корабля, а шель все пѣшкомъ, какъ обыкновенный горемыка.

Впрочемъ, результатъ все одинъ, какъ бы мы ни совершали большое путешествіе—пѣшкомъ, или на лошадахъ, или на кораблѣ... Въ концѣ концовъ, всѣ мы приходимъ въ одну и ту же гостиницу, въ одинъ и тотъ же скверный шинокъ, гдѣ двери отпирають лопатой, гдѣ комната такъ узка, такъ холодна, такъ темна, но гдѣ такъ хорошо, почти слишкомъ хорошо, спится...

Возстанемъ ли мы отъ этого сна? Странно! Мои дневныя мысли отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно, а ночныя грѣзы, чисто по духу притиворѣчія—утвердительно. Такъ, напримѣръ, мнѣ недавно снилось, что я съ разсвѣтомъ отправился на кладбище и тамъ, къ величайшему моему удивленію, увидѣлъ, что у каждой могилы стояла пара отлично вычищенныхъ сапогъ, точно въ гостиницѣ передъ комнатами постояльцевъ... Это представляло очень странную картину: на всемъ кладбищѣ царствовало кроткое молчаніе, усталые пилигримы земли спали, могила подлѣ могилы, а вычищенные сапоги, стоявшіе длинными рядами, блистали въ свѣжѣмъ утреннемъ свѣтѣ, такіе богатые надеждами, такіе полные обѣщаній, какъ лучезарное доказательство будущаго пробужденія нашего...

Я не могу съ точностью опредѣлить мѣсто на кладбищѣ Лашеза, гдѣ могила Бѣрне. Заявляю это здѣсь положительно, потому что при его жизни меня нерѣдко посѣщали путешествующіе нѣмцы, спрашивая, гдѣ живетъ Бѣрне, а теперь меня постоянно спрашиваютъ, гдѣ онъ похороненъ. Сколько мнѣ извѣстно по рассказамъ другихъ, онъ лежитъ на правой сторонѣ кладбища, посреди генераловъ имперіи и актрисъ Théâtre Français... посреди мертвыхъ орловъ и мертвыхъ попугаевъ.

Въ газетѣ «*Zeitung für elegante Welt*» я прочелъ недавно, что буря опрокинула крестъ на могилѣ Бѣрне. Одинъ изъ новыхъ поэтовъ воспѣлъ это происшествіе въ прекрасномъ стихотвореніи, да и вообще Бѣрне, въ котораго при жизни такъ часто кидали самыми гнилыми яблоками прозы, теперь послѣ смерти окуривается самыми благоуханными стихами. Народъ любитъ закидывать камнями своихъ пророковъ, чтобы имѣть возможность тѣмъ глубже чтить

пхъ останки; собаки, сегодня лаявшія на насъ, завтра съ благоговѣніемъ цѣлуютъ наши кости!..

Какъ я уже сказалъ, я не пишу здѣсь ни апологіи, ни критики человѣка, составляющаго предметъ этого сочиненія. Я рисую только портретъ его, съ точнымъ указаніемъ времени и мѣста, когда и гдѣ онъ позировалъ. При этомъ я не скрываю, какое благоприятное и неблагоприятное настроеніе было во мнѣ во время этихъ сеансовъ. Этимъ я даю лучшей масштабъ для довѣрія, котораго заслуживаютъ мои показанія.

Но если это постоянное констатированіе моей личности есть, съ одной стороны, лучшее средство для того, чтобы читатель самъ произнесъ приговоръ, то, съ другой стороны, я считаю себя обязаннымъ изобразить въ этомъ сочиненіи и мою собственную личность, такъ какъ вслѣдствіе сплетенія самыхъ разнородныхъ обстоятельствъ, какъ друзья, такъ и враги Бёрне, говоря о немъ, непременно заводили болѣе или менѣе доброжелательно или зложелательно рѣчь о моей дѣятельности. Аристократическая партія въ Германіи, хорошо зная, что умѣренность моей рѣчи для нея гораздо опаснѣе кровожадности Бёрне, старалась выставить меня единомышленникомъ и товарищемъ этого послѣдняго, чтобы взвалить на меня извѣстную солидарность съ его политическимъ безуміемъ. Радикальная партія, вмѣсто того, чтобы разоблачить эту военную хитрость, напротивъ, поддерживала ее, чтобы въ глазахъ массы выставить меня своимъ товарищемъ и черезъ это эксплуатировать авторитетъ моего имени. Гласно выступать противъ подобныхъ интригъ было невозможно; этимъ я только навлекъ бы на себя подозрѣніе, что отрекаюсь отъ Бёрне для того, чтобы пріобрѣсть благосклонность его враговъ. Поэтому Бёрне доставилъ мнѣ истинное удовольствіе, когда не только отрывочными фразами, но и длинными статьями началъ публично нападать на меня и самъ разъяснилъ публикѣ различіе мнѣній, существовавшее между нами. Это нападеніе сдѣлалъ онъ именно въ шестомъ томѣ своихъ «Парижскихъ Писемъ», въ двухъ статьяхъ, перепечатанныхъ имъ во французской газетѣ «Le Réformateur». Эти статьи, на которыя, какъ выше сказано, я никогда не отвѣчалъ, снова подали поводъ говорить обо мнѣ каждый разъ, какъ рѣчь заходила о Бёрне, но теперь, конечно, ужъ совсѣмъ въ другомъ тонѣ. Аристократы осыпали меня самыми коварными похвалами, они почти до смерти вознесли меня: я у нихъ снова сдѣлался

великимъ поэтомъ, потому что убѣдился, что не могу долѣе играть мою политическую роль, смѣшной радикализмъ. Напротивъ того, радикалы начали нагадать на меня гласно (тайно они всегда это дѣлали), они не оставляли во мнѣ ни одного здороваго мѣста, отвергали во мнѣ всякій характеръ и призывали только, какъ поэта. Да, я, такъ сказать, получилъ политическую отставку и былъ съ пенсіономъ отправленъ на Парнасъ. Кто знакомъ съ двумя вышеупомянутыми партіями, тотъ легко оцѣнить великодушіе, съ которыми онѣ оставили мнѣ титулъ поэта. Одни видятъ въ поэтѣ только мечтательнаго приверженца бездѣйственныхъ идеаловъ. Другіе ничего не видятъ въ поэтѣ; ихъ сухая пустота не откликается на поэзію даже малѣйшимъ звукомъ.

Что составляетъ характеристическое свойство поэта— объ этомъ мы не станемъ здѣсь разсуждать. Но не можемъ не высказать своего мнѣнія о понятіи, которое обыкновенно соединяется съ словомъ «характеръ».

Что понимается подъ словомъ «характеръ»?

Характеръ имѣетъ тотъ человекъ, который живетъ и дѣйствуетъ въ опредѣленномъ кругу опредѣленныхъ возрѣній на жизнь, такъ сказать, отождествляется съ этимъ кругомъ и никогда не впадаетъ въ противорѣчіе со своими мыслями и чувствами. Вслѣдствіе этого, когда дѣло идетъ о гениальныхъ, превосходящихъ свое время, умахъ, тогда масса не можетъ рѣшить, есть ли у нихъ характеръ, или нѣтъ, потому что масса не достаточно дальнозорка для того, чтобы разсмотрѣть кругъ, въ которомъ вращаются эти высокіе умы. Да, такъ какъ масса не знаетъ предѣловъ желаній и потребностей этихъ высшихъ умовъ, то весьма часто случается, что въ ихъ дѣйствіяхъ она не видитъ ни права на эти дѣйствія, ни необходимости въ нихъ, и тогда умственно слѣпые и близорукіе начинаютъ жаловаться на произволъ, непослѣдовательность, безхарактерность. Менѣе даровитые люди, которыхъ болѣе поверхностное и узкое міросозерцаніе доступно для взора и изслѣдованія, и которые, такъ сказать, разъ навсегда провозгласили на общественной площади и популярнымъ языкомъ программу своей жизни — эти люди скорѣе понимаются почтенною публикой: у нея есть штабъ для всѣхъ дѣйствій ихъ, она при этомъ радуется своей собственной понятливости, какъ разрѣшенной загадкѣ, и съ восторгомъ говоритъ: «вотъ это характеръ!»

Тотъ человекъ несомнѣнно долженъ быть признанъ ограниченнымъ, котораго ограниченная толпа легко понимаетъ

и опредѣлительно прославляетъ, какъ «характеръ». Для писателей это легкое пониманіе еще опаснѣе, потому что ихъ дѣйствія заключаются собственно въ словахъ, и то, что публика чититъ въ ихъ произведеніяхъ, какъ характеръ, есть ничто иное, какъ рабская преданность данной минутѣ, какъ отсутствіе пластическаго спокойствія, отсутствіе искусства.

Мнѣніе, что характеръ писателя узнается по его писательской манерѣ, не безусловно справедливо, оно примѣняется только къ той массѣ авторовъ, которою руководитъ только вдохновеніе данной минуты и которая больше повинуется слову, чѣмъ повелѣваетъ имъ. Къ художникамъ это мнѣніе вовсе не можетъ быть примѣнено, потому что они властители слова, употребляютъ его для какой угодно цѣли, придаютъ ему какую угодно форму, пишутъ объективно, и ихъ характеръ не обнаруживается въ ихъ стилѣ.

На вопросъ: характеръ ли Бёрне, между тѣмъ, какъ другіе только поэты, — на этотъ бесплодный вопросъ мы можемъ отвѣтить только сострадательнѣйшимъ пожатіемъ плечъ.

«Только поэты!»... Мы никогда не станемъ настолько сильно порицать нашихъ противниковъ, чтобы подводить ихъ подъ одну категорію съ Дантомъ, Мильтономъ, Сервантесомъ, Камюэнсомъ, Филиппомъ Сиднеемъ, Фридрихомъ Шиллеромъ, Вольфгангомъ Гёте, которые были только поэты... Между нами будь сказано, эти поэты, даже послѣдній, иногда выказывали характеръ!

«Они имѣютъ глаза и не видятъ, они имѣютъ уши и не слышатъ, они имѣютъ даже носъ и не обоняютъ». Эти слова очень хорошо примѣняются къ грубой массѣ, которая никогда не пойметъ, что безъ внутренняго единства невозможно никакое умственное величіе, и то, что собственно должно быть названо характеромъ, принадлежитъ къ необходимѣйшимъ атрибутамъ поэта.

Впрочемъ, различіе между характеромъ и поэтомъ было въ первый разъ указано самимъ Бёрне, и онъ самъ подготовилъ дорогу тѣмъ постыднымъ обвиненіямъ, которыми его приверженцы слышали впоследствии на пишущаго эти строки. Въ «Парижскихъ Письмахъ» и вышеупомянутыхъ статьяхъ журнала «Réformateur» уже достаточно шипѣлось о моемъ безхарактерномъ поэтизированіи и моей поэтической безхарактерности, и уже въ нихъ ползаютъ и извиваются самыя ядовитыя инсинуаціи. Не опредѣленными словами, но все-

возможными намеками меня заподозрѣваютъ тамъ въ самомъ двусмысленномъ образѣ мыслей, если уже не въ совершенномъ отсутствіи его. Точно такимъ же образомъ обвиняютъ меня не только въ индифферентизмѣ, но и въ противорѣчій съ самимъ собою. Слышатся тутъ даже такіе шипящіе звуки, которые... (могутъ ли краснѣть мертвецы въ могилахъ?) — да, я не избавлю умершаго отъ этого постыднаго обвиненія: онъ намекалъ даже на мою продажность...

Прекрасное, сладкое спокойствіе, которымъ я наслаждаюсь въ эту минуту въ сокровеннѣйшей глубинѣ души! Ты достаточно награждаешь меня за все, что я сдѣлалъ, и за все, чѣмъ я презрительно пренебрегалъ... Я не стану защищаться ни противъ упрека въ индифферентизмѣ, ни противъ обвиненія въ продажности. Прежде, при жизни инсинуаторовъ, я считалъ это недостойнымъ себя, теперь молчанія требуетъ даже приличіе. Ужаснымъ зрѣлищемъ была бы полемика между смертью и изгнаніемъ! — Ты протягиваешь мнѣ изъ гроба просящую прощенія руку?.. Я безъ злобы протягиваю тебѣ мою... Смотри, какъ она прекрасна и чиста! Ея никогда не марало пожатіе руки ни черни, ни грязнаго золота враговъ народа... Собственно говоря, вѣдь ты ни разу не оскорбилъ меня... Вѣдь во всѣхъ твоихъ инсинуаціяхъ нѣтъ ни на одинъ лундоръ правды!

То мѣсто въ «Парижскихъ Письмахъ», въ которыхъ Бёрне нападаетъ на меня самымъ яркимъ образомъ, въ то же время такъ хорошо характеризуетъ его самого, его стиль, его страстность и его слѣпоту, что я не могу не привести его здѣсь. Несмотря на самое озлобленное желаніе, онъ никогда не былъ въ состояніи ранить меня, и все, что какъ здѣсь, такъ и въ статьяхъ журнала «Réformateur», онъ говорилъ противъ меня, я читалъ такъ равнодушно, какъ будто дѣло касалось не меня, а Навуходносора, царя вавилонскаго, или калифа Гарунъ-аль-Рашида, или Фридриха Великаго, который всѣ пасквили на себя, прибывавшіеся на берлинскихъ улицахъ слишкомъ высоко, приказывалъ перебивать ниже, чтобы публика могла лучше читать ихъ. Вышеупомянутое мѣсто помѣчено Парижемъ, 24 февраля 1833 года, и гласитъ такъ:

«Попытаться ли мнѣ найти разумное слово для опредѣленія Гейневскихъ «Französische Zustände»? Не рѣшаюсь на эту попытку. Мухобразное неудовольствіе, которое жужжало вокругъ моей головы при чтеніи этой книги и садилось то на то, то на другое ощущеніе, такъ раздосадовало

меня, что я не могу ручаться—не говорю, за правильность моего приговора, потому что такого высокоумнаго ручательства я никогда не принимаю на себя—но даже за безпристрастіе его. Но при этомъ я остался настолько разсудителенъ, чтобы понять, что въ этомъ неприятномъ настроеніи духа виноватъ не Гейне, а я. Тотъ, кто подобно ему владѣеть такими большими секретами, какъ умѣнемъ находить въ трехсотлѣтней безчеловѣчности австрійской политики возвышенную устойчивость, а въ королѣ баварскомъ—одного изъ благороднѣйшихъ и умнѣйшихъ государей, какіе только были на престолахъ, или умѣнемъ объявлять короля французь, точно его трясеть лихорадка, сегодня хорошимъ, на слѣдующій день—дурнымъ, на третій—опять хорошимъ, на четвертый—опять дурнымъ; кто находитъ смѣлымъ и величавымъ то, что господа Ротшильды во время холеры спокойно оставались въ Парижѣ, а на безкорыстные труды пѣмеккихъ патриотовъ смотреть съ комической стороны; и кто, при всемъ этомъ мягкосердечіи, еще смотритъ на себя, какъ на человѣка съ твердымъ характеромъ,—кто, говорю я, владѣеть такими секретами, у того могутъ быть секреты еще важнѣе, объясняющіе загадочный смыслъ этой книги; мнѣ же они незнакомы. Я могу переносить себя не только въ мысли и чувства другого человѣка, но и въ его кровь и нервы, могу становиться у источниковъ всѣхъ его мыслей и чувствъ и съ неутомимымъ терпѣніемъ слѣдить за ихъ теченіемъ. Но при этомъ я долженъ не приносить въ жертву мое собственное бытіе, а только на время устранять его отъ себя. Я могу снисходительно смотрѣть на дѣтскія игры, на страсти юноши. Но когда, въ минуту самой кровавой битвы, мальчишка, гонящійся на полѣ сраженія за бабочками, попадаетъ мнѣ подъ ноги; когда, въ минуту величайшаго бѣдствія, между тѣмъ какъ мы горячо молимся Богу, молодой фатъ, стоящій подлѣ насъ въ церкви, только и дѣлаетъ, что глазѣетъ на молодыхъ дѣвушекъ и перемигивается и перешоптывается съ ними,—тогда, не будь сказано въ обиду нашей философіи и гуманности, мы не можемъ не сердиться.

«Гейне—художникъ, поэтъ, и для того, чтобы признаніе его таковымъ было полное, ему не достаетъ только своего собственнаго признанія. Именно потому, что ему часто хочется быть еще къ-то, кромѣ поэта, онъ часто сбивается съ дороги. Кто, подобно Гейне, выше всего ставитъ форму, тотъ долженъ и держаться только ея, потому что, чуть

только случится ему переступить через край сосуда, как онъ погружается въ безграничное и тонетъ на песчаномъ днѣ. Кто признаетъ искусство своимъ божествомъ и тутъ же, смотря по расположенію духа, обращается съ молитвами къ природѣ, тотъ въ одно и то же время является преступникомъ противъ искусства и природы. Гейне выпрашиваетъ у природы ея нектаръ и цвѣточную пыль и строитъ ея ульи изъ воска искусства; но онъ не строитъ улей для того, чтобы хранить въ немъ медь, а собираетъ медь для того, чтобы наполнить улей. Оттого-то онъ не трогаетъ, когда плачетъ, потому что вы знаете, что слезами онъ только поливаетъ свои цвѣточные гряды. Оттого-то онъ не убѣждаетъ даже тогда, когда говоритъ правду, потому что въ правдѣ онъ любитъ только прекрасное. Но правда не всегда прекрасна, она не всегда остается прекрасною. Проходитъ много времени, пока она зацвѣтетъ, а отцвѣтаетъ она прежде, чѣмъ принесетъ плоды. Гейне поклонялся бы нѣмецкой свободѣ, если бъ она была въ полномъ цвѣту; но такъ какъ, по причинѣ холодной зимы, она закрыта навозомъ, то онъ не признаетъ и презираетъ ее. Съ какимъ прекраснымъ одушевленіемъ онъ говорилъ о битвѣ республиканцевъ въ церкви св. Маріи и о ихъ геройской смерти! То была счастливая битва, въ которой бойцы могли выказать прекрасное сопротивленіе тираніи и умереть прекрасною смертью за свободу! Но если бъ въ этой битвѣ не было столько прекраснаго, а для этого потребовалась бы только другая мѣстность, гдѣ республиканцевъ можно было бы разогнать и изловить—Гейне посмѣялся бы надъ нею. То, что сдѣлалъ Брутъ, Гейне могъ возвеличить всею силою своего дарованія; но если бы какой-нибудь портной вытащилъ окровавленный кинжалъ изъ груди обезчещенной молодой швеи и этимъ подстрекнулъ глухихъ, лѣнивыхъ гражданъ къ самоосвобожденію, Гейне сталъ бы смѣяться надъ этимъ. Если бы въ ту приснопамятную минуту, когда Франція очнулась отъ своего тысячелѣтняго сна и поклялась, что не будетъ больше спать, Гейне посадили въ залу Мяча (Jeu de Paume), онъ сдѣлался бы самымъ отчаяннымъ якобинцемъ, самымъ бѣшенымъ врагомъ аристократизма и съ наслажденіемъ изрѣзалъ бы въ одинъ день всѣхъ дворянъ и властителей. Но замѣть онъ въ карманѣ огнедышащаго Мирабо трубку съ красно-черно-золотой кисточкой, къ чорту свобода! И онъ ушелъ бы оттуда, и сталъ бы писать прекрасные стихи въ честь прекрасныхъ глазъ Маріи-Антуанеты. Если онъ въ

своей книгѣ славить абсолютизмъ, то причина заключалась не только въ томъ, что это былъ простой оборотъ рѣчи, пытавшійся выкинуть самую отчаянную штуку, и не въ томъ также, что авторъ, какъ онъ говоритъ, политически чистъ сердцемъ; нѣтъ, онъ поступилъ такимъ образомъ потому, что хотѣлъ сохранить во рту чистый и пріятный вкусъ, а въ тотъ день, когда писалъ эти строки, вѣроятно, видѣлъ какого-нибудь нѣмецкаго либерала поѣдавшимъ колбасу съ капустой.

«И какъ можно вѣрить тому, кто самъ ни во что не вѣритъ?.. Изнѣженный Гейне, при своей сибаритской натурѣ, можетъ проснуться отъ паденія на него цвѣточнаго листка; какъ же могъ онъ спокойно спать на свободѣ, которая такъ жестка и сучковата? Пусть же онъ и остается въ отдаленіи отъ нея. Кого утомляетъ малѣйшая неровность дороги, кто сбивается съ толку отъ малѣйшаго противорѣчія, тотъ пусть не ходитъ, не думаетъ, ложится въ постель и закрываетъ глаза. Гдѣ такая правда, въ которой не было бы хоть небольшой доли лжи? Гдѣ такая красота, которая не имѣетъ своихъ пятенъ? Гдѣ такая возвышенная вещь, рядомъ съ которой не стоитъ смѣшное? Природа сочиняетъ рѣдко, а стиховъ не пишетъ никогда; кому не нравится ея проза и безриemenность, тотъ пусть обращается къ поэзіи. Природа управляетъ по-республикански, она предоставляетъ каждой вещи дѣйствовать, какъ угодно, до тѣхъ поръ, пока злодѣяніе созрѣетъ, и уже послѣ этого наказываетъ. У кого слабые нервы и кто боится опасностей, тотъ пусть служитъ искусству, абсолютному искусству, которое вычеркиваетъ каждую грубую мысль прежде, чѣмъ она сдѣлается фактомъ, и оттачиваетъ каждое дѣйствіе до тѣхъ поръ, пока оно сдѣлается слишкомъ тонкимъ для того, чтобы быть злодѣяніемъ.

«Гейне имѣетъ въ моихъ глазахъ такое огромное достоинство, что, какъ бы онъ ни высоко цѣнилъ себя, я не всегда найду эту оцѣнку чрезмѣрною. Поэтому я упрекаю его не въ этой чрезмѣрности, а въ томъ, что вообще онъ слишкомъ цѣнитъ дѣятельность отдѣльныхъ людей, хотя въ его собственной книгѣ ясно и прекрасно доказано, что нынче отдѣльныя личности уже ничего не значатъ, что даже Руссо и Вольтеръ не имѣли бы теперь никакого значенія, потому что теперь дѣйствуютъ хоры, а лица только говорятъ. Но что мы такое, когда насъ много? Ничто иное, какъ герольды народа. Когда мы громко и внятно возвышаемъ то,

что повѣстить поручено намъ партіями, къ которымъ мы принадлежимъ, тогда насъ хвалятъ и награждаютъ; когда же мы говоримъ не внятно или измѣннически сообщаемъ ложную новость, насъ бранятъ и наказываютъ. Это-то забывается Гейне, и такъ какъ, подобно многимъ другимъ, онъ думаетъ, что можетъ погубить какую-нибудь партію или помочь ей, то считаетъ себя очень важнымъ; ему снятся друзья и враги, и такъ какъ онъ не знаетъ, куда идетъ и куда хочетъ идти, то не знаетъ тоже, гдѣ стоятъ его враги, и гдѣ друзья, ищетъ ихъ то тутъ, то тамъ, и нигдѣ не находитъ. Намъ, остальнымъ жалкимъ людямъ, природа дала, къ счастью, только *одну* спину, такъ что ударовъ судьбы мы боимся только съ *одной* стороны; у бѣднаго же Гейне двѣ спины, онъ боится ударовъ аристократовъ и ударовъ демократовъ, и, чтобы избѣжать тѣхъ и другихъ, принужденъ въ одно и то же время идти впередъ и назадъ.

«Чтобы понравиться демократамъ, Гейне говоритъ, что іезуитски-аристократическая партія въ Германіи преслѣдуетъ его и клеветаетъ на него, потому что онъ смѣло идетъ противъ абсолютизма. Потомъ, чтобы понравиться аристократамъ, онъ говоритъ, что смѣло боролся съ якобинствомъ, что онъ хорошій роялистъ и будетъ вѣчно монархическаго образа мыслей, что въ одномъ парижскомъ модномъ магазинѣ, гдѣ ему приходилось бывать прошлымъ лѣтомъ, онъ среди восьми модистокъ и ихъ восьми любовниковъ—всѣхъ шестнадцать съ крайне опаснымъ республиканскимъ образомъ мыслей—оставался единственнымъ роялистомъ, и что поэтому демократы покушаются на его жизнь. Вотъ буквально его слова въ одномъ мѣстѣ: «Клянусь Богомъ, я не республиканецъ; я знаю, что если республиканцы побѣдятъ, то они перерѣжутъ мнѣ горло». И въ другомъ: «Если бѣ возмущеніе 5 іюня не окончилось неудачей, имъ бы легко удалось наказать меня смертью, на которую они обрекли меня. Я охотно прощаю имъ эту глупость». А я нѣтъ. Тѣхъ республиканцевъ, которые были бы настолько глупы, что думали бы, что имъ, для достиженія цѣли, надо устранить съ дороги Гейне, слѣдовало бы запереть въ сумасшедшій домъ.

«Такимъ образомъ Гейне думаетъ, что онъ смѣло борется то съ абсолютизмомъ, то съ якобинствомъ. Но какъ можно бороться съ человѣкомъ, отъ котораго отворачиваешься, этого я не понимаю...

«Если есть на свѣтѣ человѣкъ, которому природа судила

быть честнымъ человѣкомъ, то это Гейне, и на этой дорогѣ онъ могъ бы составить свое счастье. Онъ не можетъ лице-мѣрить въ продолженіе пяти минутъ, двадцати строкъ, дня, половины печатнаго листа. Предлагайте ему корону, онъ и за нее не будетъ въ состояніи удержаться отъ улыбки, отъ насмѣшки, отъ остроты; а когда, не понимая своего собственнаго характера, онъ все-таки лжетъ; все-таки лице-мѣрить, кажется серьезнымъ, когда ему хочется смѣяться, и смиреннымъ, когда на губахъ его насмѣшка, тогда каж-дый тотчасъ же замѣчаетъ это, и это притворство доста-вляетъ ему не прибыль, а только упреки. Ему нравится играть роль іезуита либерализма. Я уже сказалъ разъ, что эта игра можетъ принести пользу хорошему дѣлу; но такъ какъ эта роль приноситъ хорошей доходъ, то честный че-ловѣкъ долженъ не брать ея на себя, а предоставлять дру-гимъ. Такимъ-то образомъ, на смѣхъ лучшимъ сторонамъ своего характера, Гейне находитъ удовольствіе въ томъ, чтобы дипломатизировать и дѣлать свои зубы тюремною рѣшеткою своихъ мыслей, сквозь которую каждый явственно видитъ ихъ и при этомъ смѣется. Потому что до умѣнья скрывать, что у него есть что скрыть, онъ еще не дошелъ въ искусствѣ притворства. Когда графъ Мольтке старается вовлечь его въ войну перьями по поводу вопроса о дво-рянствѣ, онъ проситъ оставить эту войну, «потому что именно въ то время мнѣ казалось опаснымъ гласно обсу-ждать такъ, какъ я это обыкновенно дѣлаю, вопросъ, кото-рый игралъ такую страшную роль въ страстяхъ того вре-мени». Этой страстности борьбы противъ дворянства, для-щейся уже въ теченіе помноженныхъ на пятьдесятъ трех-сотъ шестидесяти пяти дней, ни Мольтке, ни Гейне, никто другой не могли придать силу страшнѣе той, которую она и безъ того имѣетъ. Значитъ, чтобъ говорить о чемъ-ни-будь съ горячностью, надо выжидать, чтобы страсть, кото-рой это что-нибудь можетъ дать пищу, погасла, и потомъ снова воспламенить ее? Это, конечно, мудрость дипломатовъ. Гейне говоритъ, что онъ знаетъ что-то, могущее очистить Лафайета отъ упрека въ принятіи участія въ іюньскомъ возмущеніи, но «весьма понятная скромность» мѣшаетъ ему высказаться явственно. Если Гейне такимъ путемъ сдѣ-лается министромъ, то будь я проклятъ, если буду въ со-стояніи занимать должность его тайнаго секретаря и смо-рѣть на него съ утра до вечера безъ того, чтобы не смѣяться».

Я отъ души хотѣлъ бы привести здѣсь и двѣ статьи изъ «Réformateur», но три затрудненія мѣшаютъ мнѣ сдѣлать это; во-первыхъ, онѣ заняли бы слишкомъ много мѣста, во-вторыхъ, онѣ написаны по-французски, и поэтому мнѣ пришлось бы самому переводить ихъ, въ-третьихъ, я справлялся въ десяти кабинетахъ для чтенія, и нигдѣ не могъ отыскать ни одного экземпляра «Réformateur», изданіе котораго уже прекратилось. Но содержаніе этихъ статей мнѣ довольно хорошо извѣстно. Онѣ заключали въ себѣ самыя хитрыя намеки на отступничество и непослѣдовательность, всевозможныя обвиненія въ чувственности, тамъ же брали подъ свою охрану отъ моихъ нападеній и католицизмъ, и т. д.—О защитѣ противъ нихъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи; настоящее сочиненіе, которое не должно быть ни апологіей умершаго, ни критикой на него, не имѣетъ также цѣлью оправданія того, кто остался въ живыхъ. Довольно того, что я сознаю честность моихъ желаній и моихъ мнѣній, и когда бросаю взглядъ на свое прошедшее, то въ душѣ моей пробуждается почти радостная гордость при видѣ большого куска дороги, который я уже прошелъ. Будетъ ли мое будущее ознаменовано такими же успѣхами?

Говоря искренно, я сомнѣваюсь въ этомъ. Я чувствую странную умственную усталость; если въ послѣднее время умъ мой и не создавалъ многого, то все-таки онъ постоянно былъ на ногахъ. Что касается до того, хорошо или худо было то, что я вообще создавалъ въ этой жизни, объ этомъ мы не станемъ спорить. Довольно того, что эти созданія были велики; я замѣчалъ это по болѣзненному расширенію души, изъ которой они выходили... замѣчаю и по ничтожному росту карликовъ, которые стоятъ передъ ними и съ головокруженіемъ смотрятъ на нихъ... Взгляды ихъ не достигаютъ до вершины, и карлики только носами толкаются о пьедесталы памятниковъ, которые я воздвигнулъ въ литературѣ Европы, къ вѣчной славѣ нѣмецкаго духа. Совершенно ли чисты эти памятники? Совершенно ли они безъ недостатковъ и грѣховъ? Сказать правду, и на этотъ вопросъ я не могъ дать вполне опредѣлительный отвѣтъ. Но тѣ недостатки, которые маленькіе люди умѣютъ отыскивать въ нихъ, доказываютъ только ихъ собственную чопорную ограниченность. Они напоминаютъ мнѣ маленькихъ парижскихъ зѣвакъ, которые, при воздвиженіи обелиска на площади Людовика XVI, высказывали свои мнѣнія о достоинствѣ или полезности этого памятника. По этому случаю

были обнаружены самыя забавныя филистерскія соображенія. Одинъ чахоточный, тощій портной утверждалъ, что красный камень не довольно твердъ для того, чтобы долго сопротивляться сѣверному климату, и что снѣгъ скоро разломаетъ его, а вѣтеръ опрокинетъ. Имя этого бѣдняка Petit-Jean, онъ шилъ очень скверные сюртуки, изъ которыхъ ни одна тряпка не дойдетъ до потомства, да и самъ онъ лежитъ уже на кладбищѣ Лашеза. А красный камень все еще непоколебимо стоитъ на площади Людовика XVI, и будетъ стоять еще цѣлыя столѣтїя, несмотря на снѣга, вѣтеръ и болтовню портныхъ!

Забавнѣйшею вещью при воздвиженіи обелиска было слѣдующее происшествіе.

На томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь этотъ большой камень, было найдено до того нѣсколько маленькихъ скорпионовъ, вѣроятно, вышедшихъ изъ скорпионовыхъ яицъ, которыя были захвачены при упаковкѣ обелиска въ Египтѣ, высиженныхъ въ Парижѣ солнечнымъ зноемъ. Эти скорпионы вызвали со стороны зѣвакъ страшное негодованіе; они проклинали камень, которому Франція теперь была обязана ядовитыми скорпионами, новымъ бичомъ, который долженъ быть сдѣлаться источникомъ страданій для дѣтей и внуковъ... И зѣваки уложили маленькихъ чудовищъ въ шкапулку и отнесли ихъ къ полицейскому комиссару квартала Магдалины, гдѣ тотчасъ же былъ составленъ протоколъ... Да и надо было поторопиться, потому что черезъ нѣсколько часовъ бѣдныя животныя издохли...

Точно такъ же при воздвиженіи великихъ умственныхъ обелисковъ также могутъ появляться всякаго рода скорпионы, маленькія ядовитыя животныя, которыя, можетъ-быть, тоже происходятъ изъ Египта и тоже скоро издохнуть и будутъ забыты, а великій памятникъ все будетъ стоять величественно и непоколебимо, на удивленіе позднѣйшимъ поколѣніямъ...

Странная исторія, однако, съ этимъ луксорскимъ обелискомъ, который французы перетащили изъ древняго Мицраима и поставили въ видѣ украшенія посреди страшной площади, на которой 21 января 1793 года они торжествовали свой ужасный разрывъ съ прошедшимъ. По присущей французамъ легкомысленности они, быть-можетъ, воздвигнули здѣсь памятникъ, произносящій проклятіе всякому, кто дерзнетъ наложить руку на голову фараона!

Кто разгадаетъ этотъ голосъ былыхъ вѣковъ, эти древніе

героглифы? Может-быть, въ нихъ не заключается проклятіе, а рецептъ для излѣченія ранъ нашего времени! О, если бы кто-нибудь разобралъ ихъ! Если бы кто-нибудь произнесъ спасительныя слова, похороненныя въ этихъ изображеніяхъ!.. Может-быть, въ нихъ написано, гдѣ течетъ скрытый источникъ, изъ котораго человѣчество должно пить, чтобы исцѣлиться, гдѣ струится тайная вода жизни, о которой кормилица столько рассказывала намъ въ дѣтскихъ сказкахъ, и по которой мы такъ томимся теперь, сдѣлавшись большими стариками. Гдѣ течетъ вода жизни? Мы ищемъ и ищемъ...

Ахъ, пройдетъ еще много времени прежде, чѣмъ мы отыщемъ великое цѣлебное средство; до тѣхъ поръ еще долго придется намъ сильно хворать, и будутъ появляться всевозможные шарлатаны съ домашними средствами, которыя будутъ только усиливать болѣзнь. Тутъ прежде всего придутъ радикалы, прописывающіе радикальное лѣченіе, которое, однако, дѣйствуетъ только наружнымъ образомъ, потому что развѣ только уничтожаетъ общественную коросту, но не внутреннюю гнилость. А если имъ и удастся на короткое время избавить страждущее человѣчество отъ страшнѣйшихъ мукъ, то это дѣлается только въ ущербъ послѣднимъ слѣдамъ красоты, до тѣхъ поръ остававшимся у больного; гадкій, какъ вылѣчившійся филистеръ, встанетъ онъ съ постели и въ отвратительномъ госпитальномъ платьѣ, пепельно-сѣромъ костюмѣ равенства станетъ прозябать со дня на день. Вся переходившая изъ поколѣнія въ поколѣніе безмятежность, вся сладость, все благоуханіе цвѣтовъ, вся поэзія будутъ вычеркнуты изъ жизни, и отъ всего этого останется только Раумфордъ супъ полезности.— Красота и гений не найдутъ себѣ никакого мѣста въ общественной жизни нашихъ новыхъ пуританъ, и начнутъ подвергаться оскорбленіямъ и угнетеніямъ, еще гораздо плачевнѣе тѣхъ, которыя они испытывали при существованіи стараго порядка... Потому что красота и гений тоже своего рода цари, не могутъ жить въ обществѣ, гдѣ каждый, съ неудовольствіемъ сознавая свою посредственность, старается принизить всякое высшее дарованіе до самаго пошлаго уровня.

Многіе короли уходятъ, а съ ними уходятъ и послѣдніе поэты. «Поэтъ долженъ идти рядомъ съ королемъ»—этимъ словамъ надо придать теперь совсѣмъ иное значеніе. Безъ вѣры въ авторитетъ не можетъ выдвинуться впередъ ни-

какой великий поэт. Какъ скоро его частную жизнь начинаютъ освѣщать безжалостнѣйшій свѣтъ прессы, и повседневная критика точить, какъ червякъ, и грызеть его слова — у пѣсни поэта также отымается возможность внушать людямъ необходимое почтеніе къ ней. Когда Данте проходилъ по улицамъ Вероны, народъ указывалъ на него пальцами и шепталъ: «Онъ былъ въ аду!» Развѣ иначе онъ могъ бы такъ вѣрно изобразить адъ со всѣми его муками? Насколько глубже при такой почтительной вѣрѣ дѣйствовали рассказы Франчески Римини, Уголино и всѣхъ тѣхъ страдальческихъ фигуръ, которыя вышли изъ его духа...

Нѣтъ, онѣ не только вышли изъ его духа, онѣ не сочинилъ ихъ, онѣ ихъ пережилъ, онѣ ихъ чувствовалъ, онѣ видѣлъ ихъ, осязалъ, онѣ дѣйствительно былъ въ аду, онѣ былъ въ городѣ проклятыхъ... онѣ былъ въ изгнаніи!..

Сухое будничное настроеніе новыхъ пуританъ распространяется уже по всей Европѣ точно сѣрая сумерки, предшествующія суровому зимнему времени... Что значать бѣдныя соловьи, которые въ нѣмецкомъ поэтическомъ лѣсу вдругъ мелодически зарыдали болѣзненнѣе, но и слаще, чѣмъ когда-либо? Они поютъ тоскливое прости! Последнія нимфы, которыхъ пощадило христіанство, убѣгаютъ въ самую глухую чашу! Въ какомъ печальномъ положеніи видѣлъ я ихъ тамъ прошедшею ночью!..

Какъ будто отъ того, что муки дѣйствительности недостаточно сильны, меня терзаютъ еще ночныя привидѣнія... Рѣзкими символическими письменами рисуетъ мнѣ сонъ великое страданіе, которое я охотно скрылъ бы отъ себя, и едва смѣю высказывать трезвыми и понятными звуками свѣтлаго дня...

Прошедшею ночью мнѣ снились большой дикій лѣсъ и скверная осенняя ночь. Въ большомъ дикомъ лѣсу, среди высочайшихъ деревьевъ, попадались по мѣстамъ свѣтлыя пространства, но и они были наполнены призрачно бѣлымъ туманомъ. Тутъ и тамъ, сквозь густой туманъ привѣтливо пробивались тихіе лѣсные огоньки. Подойдя къ одному изъ нихъ, я замѣтилъ всевозможныя темныя тѣни, двигавшіяся вокругъ пламени; но только совершенно приблизившись, я съ точностью различилъ стройныя фигуры и ихъ меланхолически милыя лица. То были прекрасныя, нагія женщины, похожія на нимфъ, которыхъ мы видимъ на сладострастныхъ картинахъ Джуліо Романо, и которыя, цвѣтя роскошною молодостью, граціозно лежатъ и веселятся подъ зеле-

ными вѣтвями... Ахъ! теперь моимъ глазамъ представилась далеко не такая веселая картина. Женщины моего сна, хотя все еще украшенные прелестью вѣчной молодости, носили, однако, на себѣ признаки тайнаго физическаго и нравственнаго разрушенія; члены ихъ все еще очаровывали чудною пропорціональностью, но холодное страданіе отчасти высушило и заморозило ихъ, и даже на лицахъ, несмотря на улыбающуюся вѣтреность, вздрагивали слѣды бездонно глубокой скорби... вмѣсто того, чтобы лежать, подобно нимфамъ Джуліо, на мягкомъ дернѣ, онѣ сидѣли на твердой землѣ, подъ полубоженными дубами, гдѣ вмѣсто влюбленныхъ лучей солнца, на нихъ падалъ мутный паръ сырой осенней ночи... По временамъ одна изъ этихъ красавицъ вставала, выхватывала изъ костра горящую головню, махала ею, точно тирсомъ, надъ головой и старалась стать въ одну изъ тѣхъ невозможныхъ танцевальныхъ позъ, которыя мы видимъ на этрусскихъ вазахъ... Но скоро, съ печальною улыбкой, какъ побѣжденная усталостью и ночнымъ холодомъ, она снова падала къ огню. Особенно одна изъ этихъ женщинъ наполнила мое сердце почти сладострастнымъ состраданіемъ. То была высокая фигура, но руки ея, ноги, грудь и щеки были еще гораздо худощавѣе, чѣмъ у другихъ, что, однако, производило не отталкивающее, а скорѣе чарующе-привлекающее впечатлѣніе. Не знаю, какъ это случилось, но прежде, чѣмъ я успѣлъ очнуться, я уже сидѣлъ рядомъ съ нею у огня и согрѣвалъ моими горячими губами ея руки и ноги, дрожавшія отъ холода; въ это же время я игралъ ея черными влажными косами, спадавшими съ греческаго лица съ прямымъ носомъ на трогательно холодную, гречески скудную грудь... Да, ея волосы были почти лучезарнаго чернаго цвѣта, точно такъ же, какъ и ея брови, въ роскошной чернотѣ сходявшіяся одна съ другою, что придавало ея взгляду странное выраженіе томной дикости.— Сколько тебѣ лѣтъ, несчастное дитя?—спросилъ я.— Не спрашивай меня о моихъ лѣтахъ,—отвѣчала она съ полутоскливымъ, полупреступнымъ смѣхомъ;—если-бъ даже я сдѣлала себя на тысячу столѣтій моложе, то и тогда оставалась бы довольно старою! Но на дворѣ становится все холоднѣе, меня одолеваетъ дремота, и если ты одолжишь мнѣ свое колѣно въ видѣ подушки, то очень обяжешь твою покорную слугу...

Между тѣмъ, какъ она лежала у меня на колѣняхъ, и спала, и по временамъ хрипѣла во снѣ, какъ умирающая.

подруги ея вели шопотомъ всевозможные разговоры, изъ которыхъ я понялъ очень мало, потому что греческій языкъ, на которомъ онѣ говорили, былъ совсѣмъ не тотъ, которому я учился въ школѣ, и потомъ у старика Вольфа... Только и могъ я понять, что онѣ жаловались на дурныя времена, и боялись, что они сдѣлаются еще хуже, и намѣревались уйти еще дальше въ лѣсъ... Вдругъ въ отдаленіи раздались грубые крики черни... Она кричала, не помню уже, что... Тутъ же насмѣшливо звенѣли католическіе колокольчики... а мои лѣсныя красавицы становились все блѣднѣе и худощавѣе, пока, наконецъ, совершенно расплылись въ туманѣ, и самъ я, зѣвая, проснулся.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ 1-му тому.

Къ стр. 112. Людеръ былъ геттингенскій студентъ, славившійся своею силою, умѣньемъ драться на рапирахъ и вообще гимнастическою ловкостью.

Къ стр. 114. Тутъ у автора непереводаемая игра словъ: *citiren* и *Citation* означаютъ не только цитировать и цитата, но и призывать къ суду (здѣсь университетскому) и призывъ.

Къ стр. 117. Подъ «Рустикусомъ» подразумѣвается геттингенскій профессоръ Антонъ Бауэръ, извѣстный криминалистъ. Подъ «Куяціусомъ» — знаменитѣйшій юристъ своего времени (по римскому праву), пользовавшійся большимъ уваженіемъ и со стороны Гейне — Густавъ Гуго. Куяціусъ (собственно *Jacques de Cujas*), съ которымъ Гейне здѣсь его сравниваетъ, былъ извѣстный французскій юристъ 16-го ст. — «Стригущій всѣ деревья» — намекъ на объясненіе вышеупомянутымъ Гуго одного спорнаго мѣста въ *Corpus Juris* насчетъ обрѣзыванія деревьевъ.

Къ стр. 118. Баронъ Мюнхгаузенъ, бывшій попечителемъ геттингенскаго университета при основаніи его.

Къ стр. 120. Жизнь Эрнеста II, герцога швабскаго (ум. въ 1030 г.), давала нѣмецкой народной поэзіи, начиная съ 12-го в., обильный матеріалъ для сказаній, стихотвореній и т. п.

Къ стр. 121. Рѣчь идетъ объ извѣстномъ романтикѣ Гофманѣ, который со способностями писателя соединялъ дарованіе и живописца.

Къ стр. 125. Въ то время Лафайетъ жилъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ качествѣ «гостя американской націи».

Къ стр. 136. Ашеръ — знакомый Гейне, еврей, прилежно занимавшійся философіей и бывшій ревностнымъ послѣдователемъ Канта. — «Австрійскій Наблюдатель» — прежняя официальная вѣнская газета, отличавшаяся своею глупостью.

Къ стр. 148. «Ратклиффъ» и «Алманзоръ» — двѣ трагедіи Гейне. Гейне въ ту пору обдумывалъ планъ трагедіи о Фаустѣ.

Къ стр. 150. Клаудіусъ, современный поэтъ; эти слова — изъ его знаменитой рейнской пѣсни.

Къ стр. 152. Палимпсестъ — древняя рукопись на пергаментѣ, буквы которой стерты или закрашены, для того чтобы на ихъ мѣстѣ можно было написать новыя слова.

Къ стр. 154. Христіанъ Шюцъ, извѣстный филологъ, основатель, вмѣстѣ съ Виландомъ, знаменитой въ то время іенской газеты «Allgemeine Literaturzeitung», профессоръ въ Галлѣ.

Къ стр. 155. Христіанъ Гумпель—см. 2-ю часть «Путевыхъ Картинъ» (Путешествіе въ Италію). Лихтенштейнъ—профессоръ зоологіи въ Берлинѣ и основатель тамошняго зоологическаго сада. Бухгольдъ—авторъ «Исторіи Наполеона Бонапарте» и издатель нѣсколькихъ историко-политическихъ журналовъ.

Къ стр. 156. См. «Донъ-Кихоть», ч. I, гл. 2.

Къ стр. 161. Имѣется въ виду Lex Falcidia—законъ о наслѣдствѣ, изданный въ 40 г. до Р. Х. по предложенію трибуна Фалцідія.—Гансъ—знаменитый юристъ, авторъ сочиненія «Наслѣдственное право въ его историческомъ развитіи».—Имѣется въ виду геттингенскій профессоръ Гешенъ. Подъ Элверусомъ подразумѣвается геттингенскій профессоръ Элверсъ, ученикъ Гуго.—«Quicumque civis romanus— слова, которыми начинается 2-я глава Lex Falcidia.—Cum omni causa», т. е. со всѣмъ, сюда принадлежащимъ.

Къ стр. 162. Конгревъ (англичанинъ) изобрѣлъ названныя по его имени зажигательныя ракеты.

Къ стр. 163. Дворецъ принца паллагонійскаго (Pallagonia) описанъ Гёте въ его «Italienische Reise».—Клауренъ (псевдонимъ Карла Гейна—Heun)—авторъ пользовавшихся одно время большою популярностью и отличавшихся слащавою непристойностью разсказовъ, стихотвореній и драмъ.

Къ стр. 167. Этимъ «дядюшкой» Гейне называетъ Тилля Эйленшпигеля, знаменитаго народнаго шута, по имени котораго названа не менѣ знаменитая народная книга «Eulenspiegel», собраніе шутовскихъ анекдотовъ, разсказовъ и т. п. Тилль Эйленшпигель ум. въ 1350 г. и похороненъ въ Мельнѣ, близъ Любека.

Къ стр. 178. Неизвѣстно почему Гейне называетъ извѣстный автобиографическій романъ Морица (1790 г.) «Антонъ Странникъ» (Anton Reiser) «Филиппомъ». Морицъ былъ пламенный почитатель и близкій знакомый Гёте; приведенные здѣсь стихи въ настоящее время печатаются во всѣхъ изданіяхъ «Paralipomena zu Faust».

Къ стр. 179. Отрывки изъ дневника Карла Бертольда — романъ Освальда (псевдонимъ), пользовавшійся въ свое время большою извѣстностью.

Къ стр. 180. «Дендерскомъ зодіакъ». Рѣчь идетъ о храмѣ въ египетской деревнѣ Дендра, построенномъ въ царствованіе Клеопатры и славившемся изображеніемъ зодіака на его крышѣ.

Къ стр. 181. Архенгольдъ — извѣстный историкъ и публицистъ, очень неодобрительно отнесшійся къ Италиі въ своемъ сочиненіи «Англія и Италія».—Коринна—героиня романа г-жи Сталь «Corinne ou l'Italie», гдѣ, напротивъ, Италія изображена въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ.—«Онъ удивляется». Это удивленіе (по поводу замѣчанія Гейнрота въ его «Антропологіи») Гёте высказываетъ въ своей статьѣ «Bedeutende Fördernis durch ein einziges geistreiches Wort».

Къ стр. 187. Во французскомъ переводѣ «Нордерней» (принадлежащемъ, какъ извѣстно, самому Гейне) вмѣсто «д-ра Л.» поставленъ «старый бібліотекаръ Стифель».

Къ стр. 189. «Нѣмецкій легіонъ»—отрядъ, составленный англійскимъ правительствомъ изъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ распушенной въ 1803 г. ганноверской арміи.

Къ стр. 190. Скачущая лошадь—ганноверскій государственный гербъ.

Къ стр. 195. Г-жа Сталь дѣлаетъ эти замѣчанія въ своей книгѣ «Dix années d'exil».

Къ стр. 203. Въ подлинникѣ послѣ словъ: «я распространюсь подробно на эту тему—литературную нищету Германіи»—слѣдуетъ: «А покамѣстъ, въ видѣ приятной замѣны ея, привожу здѣсь ксеніи, вышедшія изъ-подъ пера моего высокаго единомышленника, Иммермана. Остальные наши единомышленники, безъ сомнѣнія, поблагодарятъ меня за сообщеніе этихъ стиховъ, которые я, за немногими исключеніями, готовъ охотно признать за мои собственные мысли». — И затѣмъ напечатанъ рядъ «ксеній», имѣющихъ предметомъ неутѣшительныя явленія современной нѣмецкой литературы.

Къ стр. 207. Via Bursta—улица въ Гамбургѣ.—Бетманъ—знаменитая актриса того времени.

Къ стр. 208. Монологъ этотъ изъ трагедіи Гейне «Алманзоръ», написанный еще въ первой юности.

Къ стр. 209. «Принцъ Гомбургскій» — трагедія Клейста, который служилъ въ военной службѣ, гдѣ ему пришлось перенести много тяжелаго и бѣдственнаго.

Къ стр. 212. Въ комедіи Аристофана «Птицы» слова пѣсни соловья прерываются этими звуками «тіотіо, тіотіо» и т. д.

Къ стр. 213. Герресь—публицистъ и ученый, ревностный защитникъ ультрамонтанства.

Къ стр. 223. «Каталь, каталта» и т. д. еврейскія глагольныя формы.

Къ стр. 226. Шмальцъ, ректоръ и профессоръ берлинскаго университета, вызвалъ общее негодованіе своимъ сочиненіемъ «Исправленіе одного мѣста въ Вантуринской хроникѣ на 1808 г.», въ которомъ онъ выставлялъ истинно-патріотическія стремленія тогдашней молодежи пагубно революціонными.

Къ стр. 235. «Докторъ ли я?»—Гейне былъ докторъ юридическихъ наукъ.

Къ стр. 236. Михель Беръ, братъ Мейербера, авторъ драмъ «Парія», «Струэнзе» и др.—«Понсъ де Леонъ» — комедія Клеменса Брентано. Приведенныя здѣсь слова ея взяты изъ разговора двухъ дѣйствующихъ лицъ.

Къ стр. 237. Штейнвегъ—улица въ Гамбургѣ, населенная почти исключительно евреями.

Къ стр. 238. «Потребуютъ въ судъ за оскорбленіе». Здѣсь въ подлинникѣ тотъ же непереводаемый каламбуръ со словомъ Citigen, что и на стр. 114.

Къ стр. 239. Здѣсь непереводаемая игра словомъ Bockshorn; выраженіе «in's Bockshorn jagen» значитъ утратить, заставить струсить и т. п.

Къ стр. 241. Губиць—писатель для народа.

Къ стр. 242. Философъ Панглось—въ романѣ Вольтера «Кандидъ или Оптимизмъ».

Къ стр. 247. Подъ «великииъ пьяницеиъ» (въ подлин. Philosophens) подразумѣвается, какъ думаютъ, знаменитый философъ Шеллингъ, на реакціонной образъ мыслей котораго Гейне рѣзко попалъ въ своей статьѣ о книгѣ «Кальдорфъ о дворянствѣ». — «Печальный драматическій писатель» — Юхтриць, авторъ скверной трагедіи «Александръ и Дарій». Слѣдующія затѣмъ слова объ «искусной и опытной кухаркѣ» относятся къ Тику, написавшему предисловіе къ этой драмѣ. — «Карманный публичный домъ» — собраніе сочиненій Клаурена, которое

онъ выпускалъ по одному тому ежегодно въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, подъ заглавіемъ «Шутка и Серьезное».

Къ стр. 254. Томасъ Пейнъ (Paine), англійскій либеральный писатель и политикъ (1737—1809), авторъ сочиненія «The rights of men». — «Système de la nature» — сочиненіе извѣстнаго энциклопедиста, барона Гольбаха, совместно съ другими его товарищами по «Энциклопедіи», бывшее самымъ полнымъ выраженіемъ матеріализма 18-го ст. — «Вестфальскій (собственно, рейнско-вестфальскій) Указатель» — одинъ изъ либеральнѣйшихъ журналовъ того времени, въ которомъ сотрудничалъ и Гейне въ первую пору своей дѣятельности.

Къ стр. 261. «Кропатель-поэтъ» въ подлинникѣ After-Poet; мы не рѣшились перевести буквально; здѣсь имѣется въ виду Платенъ (см. ниже), нападавшій на Берлинъ въ своемъ «Романтическомъ Эдипѣ» — драмѣ въ древне-греческомъ стилѣ съ Аристофановскими «парабазамъ».

Къ стр. 262. Лутгеръ и Вегенеръ — извѣстная въ то время кофейная въ Берлинѣ, главное мѣсто сборища берлинскихъ beaux-esprits.

Къ стр. 263. «Соборъ варварской поры» — берлинская Frauenkirche.

Къ стр. 264. Клентце — знаменитый архитекторъ, украсившій Мюнхенъ многими превосходными зданіями.

Къ стр. 266. «Поэтъ, воспевающій греческую любовь» — Платенъ. См. касающіяся его главы въ этомъ отдѣлѣ «Шталінъ» и ниже примѣчанія. — «И это — Левъ!» Имя этого скульптора — Löwe, что по нѣмецки значитъ левъ.

Къ стр. 268. Въ изображаемой здѣсь фигурѣ Гейне выводитъ писателя-нѣмечника Масмана, автора многихъ стихотвореній въ древне-германскомъ духѣ и издателя «Памятниковъ нѣмецкаго языка и литературы по рукописямъ 8—16 ст.» — «Греческій поэтъ», о которомъ говорится нѣсколько ниже — тотъ же Платенъ. — О Лихтенштейнѣ см. прим. къ стр. 155.

Къ стр. 272. Заглавіе пьесы Иммермана — «Трагедія въ Тироля» главное дѣйствующее лицо — Андрей Гоферъ.

Къ стр. 274 Сарторій (извѣстный историкъ), редактировалъ и снабдилъ своими замѣчаніями сочиненіе Шпитлера «Очерки исторіи европейскихъ государствъ». — Баронъ Гормейръ — австрійскій исторіографъ, былъ во время тироляскаго возстанія правительственнымъ комиссаромъ въ Тироля и написалъ, между прочимъ, «Исторію Андрея Гофера».

Къ стр. 275. По легендѣ, у Мартиновой стѣны императоръ Максимилианъ (въ 1493), гонимый за дикою козой, упалъ съ лошади и скатился на край пропасти, но былъ спасенъ появившимся ангеломъ.

Къ стр. 277. Дворянинъ, изображенный Шекспиромъ — Товія въ комедіи «Что вамъ угодно».

Къ стр. 283. «Умирять за бѣлый мундиръ и красные панталоны». По пресбургскому миру (1805) Тироль перешелъ къ Баваріи, чѣмъ въ 1809 г. было вызвано возстаніе тирольтцевъ противъ Баваріи и французовъ.

Къ стр. 284. Въ пьесѣ Иммермана «Андрей Гоферъ» Эльзи — имя жены трактирщика Эчмана.

Къ стр. 295. Релльштабъ — писатель и журналистъ, редакторъ «Vossische Zeitung».

Къ стр. 296. Тарталія, Бригелла, Панталоне, болонскій докторъ — постоянныя типическія дѣйствующія лица итальянской commedia dell'arte.

Къ стр. 301. Кровавая исторія, о которой здѣсь упомянуто, разсказана на стр. 307.

Къ стр. 304. «Фальстафовское опасеніе»—см. «Генрихъ IV» Шекспира, ч. I, д. 5, сц. 4.

Къ стр. 309. Мысль, выраженную Экерманомъ въ его книгѣ «*Beiträge zur Poesie mit besonderer Hinweisung auf Goethe*» Гейне передалъ не буквально, а перефразировалъ по-своему, вполнѣ сохранивъ, впрочемъ, смыслъ.

Къ стр. 313. Брера—дворецъ въ Миланѣ. Амброзіана — библіотека тамъ же. Янъ Стинъ—знаменитый голландскій живописецъ XVII в.

Къ стр. 320. Бедамъ—домъ умалишенныхъ въ Лондонѣ. С. Люде—другой домъ умалишенныхъ тамъ же.

Къ стр. 335. Стихи изъ «Генриха IV» Шекспира.

Къ стр. 336. Юлія Гольцбехеръ—извѣстная актриса.

Къ стр. 340. Начальные стихи изъ «Элегій» Маттисона.

Къ стр. 342. Нейманъ—военный интендантъ, авторъ разсказовъ и стихотвореній.—Ярке—доцентъ уголовного права въ боннскомъ университетѣ; въ политическомъ и религіозномъ отношеніи — ультраконсерваторъ.

Къ стр. 343. «Ассуръ» (первоначальное заглавіе — «Тараръ») — опера Бомарше, музыка Сальери.

Къ стр. 345. «Сервитуты истиннаго patito» — т. е. тяжелыя обязанности истиннаго влюбленнаго.

Къ стр. 372. Кандидъ въ Эльдорадо—изъ романа Вольтера «Кандидъ».

Къ стр. 375. Начинающееся съ этой страницы издѣвательство Гейне надъ Платеномъ (извѣстнымъ нѣмецкимъ поэтомъ) — издѣвательство, въ нѣкоторыхъ частностяхъ слишкомъ ужъ циничное и вообще несправедливое, есть слѣдствіе того чисто личнаго мнѣнія, которое нерѣдко руководило Гейне въ его литературныхъ нападеніяхъ: оно вызвано насмѣшками—впрочемъ, тоже очень неблагоприятными, грубыми и совсѣмъ неостроумными—Платена въ его пьесѣ «Романтичскій Эдипъ», надъ Гейне и Иммерманомъ, которыми Платенъ отвѣчалъ на двѣ изъ «ксеній» Иммермана, напечатанныхъ въ концѣ «Нордерней» Гейне (см. примѣч. къ стр. 203) и гдѣ онъ былъ слегка задѣтъ, какъ писатель.

Къ стр. 376—377. Напечатанные на этой страницѣ стихи Платена (изъ отдѣла «Газели») въ переводѣ не имѣли бы въ настоящемъ случаѣ никакого смысла, вслѣдствіе чего они приведены здѣсь въ подлинникѣ.

Къ стр. 384. Стихъ Иммермана въ сонетѣ «Правда и Вымыселъ». Сатира Платена «на знаменитыхъ писателей» — его комедія въ Аристофановскомъ духѣ, «Роковая Вилка» — Гофратъ Эриндуръ—это графъ Гуго Эриндуръ, главное дѣйствующее лицо пьесы Мюльнера «Вина», четыре стиха которой приведены эпитафюмъ къ «Книгѣ Ле-Гранъ».

Къ стр. 386. Рамлеръ—авторъ многихъ высокопарныхъ одъ.

Къ стр. 388. «Одному нравится быкъ» и т. д. По индійскому сказанію, у набожнаго отшельника Васишты была божественная корова, которая могла снабжать человѣка всевозможными благами; царь Висвамित्रа всячески домогался отнять ее у владѣльца, но корова помогла этому послѣднему одержать верхъ надъ Висвамитрой.—Петроній (ум. въ 67 г. по Р. Х.)—римскій писатель, авторъ романа, изображающаго въ самомъ рѣзкомъ свѣтѣ безнравственность римскихъ императоровъ.

Къ стр. 393. Стихи Иммермана въ сонетѣ «Раннее Совершенство». — Котта—извѣстный издатель въ то время.

Къ стр. 395. Объ Эйденшпигель см. прим. къ стр. 167.

Къ стр. 397. Фрауэнлобь-миннезингеръ 14-го ст. Настоящее имя его Генрихъ фонъ-Мейсенъ; Фрауэнлобь (Frauenlob—хвалитель женщинъ)—его литературное прозвище, сообразно съ характеромъ его стихотвореній.

Къ стр. 400. Приведенные стихи взяты изъ «Донъ Кихота» (Т. 2-й, гл. 33), гдѣ рассказъ объ этомъ королѣ Родриго и его восклицаніи.

Къ стр. 403. Въ «честномъ словѣ не выдавать тайнъ»—намекъ на Шеллинга, который придавалъ глубокую таинственность своей «философіи откровенія». Онъ не печаталъ своего ученія, а сообщалъ его только устно, да и то въ недосказанномъ видѣ.

Къ стр. 404. Шехнеръ и Зонтагъ—знаменитыя пѣвицы того времени.—Лионнэ, выдающийся французскій энтомологъ.

Къ стр. 408. Васантасена—не заглавіе пьесы, а имя главнаго дѣйствующаго лица въ индійской драмѣ «Мриххакати» (во 2-мъ ст. по Р. X.); Васантасена—байдерка, влюбленная въ брамина и имъ любимая.—Gracioso—шутъ въ испанской старой комедіи; то же, что clown въ англійской.

Къ стр. 428. «Bär und Bassa» «Медвѣдь и Паша»—оперетка Карла Блюма, дававшаяся на берлинской сценѣ. — Медвѣдь по-нѣмецки Bär.—«Городскіе медвѣди, впрочемъ, очень ручные» и т. д. Здѣсь опять игра словъ. Рѣчь идетъ о драматургѣ Михаилѣ Беръ и его братѣ, знаменитомъ композиторѣ Мейерберѣ (беръ, нѣм. Bär—медвѣдь).

Къ стр. 429. Думаютъ, что, говоря объ этихъ лицемѣрахъ-евреяхъ, Гейне имѣлъ въ виду извѣстнаго профессора Неандра, который былъ еврейскаго происхожденія (настоящее имя—Давидъ Мендель).

Къ стр. 434. Въ словахъ о томъ, что все существующее разумно—намекъ на философію Гегеля, главное положеніе которой, какъ извѣстно, что все дѣйствительное разумно и все разумное дѣйствительно.

Къ стр. 435. «Амадисъ»—одинъ изъ знаменитѣйшихъ рыцарскихъ романовъ. Роландъ и Аграмантъ (правильно Malagys d'Aigremont)—дѣйствующія лица изъ также знаменитаго средневѣковаго сказанія «Четыре сына Гаймона»: Роландъ—храбрѣйшій воинъ, Аграмантъ—волшебникъ.

Къ стр. 437. Готфридъ Бассе—нѣмецкій книгопродавецъ, издававшій большею частью книги для народа.

Къ стр. 438. Барбару, марселецъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся жирондистовъ, погибшій на эшафотѣ въ 1794 г. «Марсельеза» (авторъ которой Руже де Лиль) сдѣлалась впервые извѣстна въ Парижѣ чрезъ посредство прѣхавшихъ въ Парижъ марсельскихъ друзей Барбару, откуда она и получила свое названіе.—«Швейцары въ Тюильри». Извѣстно, что названіе швейцарами (Suisse, Schweizer) привратниковъ произошло оттого, что эту должность въ первое время занимали швейцарцы; въ русскій языкъ слово «швейцаръ» вошло въ этомъ случаѣ въ измѣненной формѣ.

Къ стр. 444. Подъ С.-Джемскимъ театромъ понимается здѣсь жизнь англійскаго двора, мѣстопробываніе котораго—С.-Джемсъ.—«Шалить подвязкою»—намекъ на орденъ Подвязки; сюда же относятся слова «onni soit» и т. д., составляющія девизъ этого ордена.—«Народъ спекулятивный»—въ смыслѣ «спекулятивности» философской.

Къ стр. 446. Смятфильдъ—мясной рынокъ въ Лондонѣ.

Къ стр. 447. Чипъ-Сайдъ, одна изъ самыхъ оживленныхъ улицъ въ Лондонѣ.

Къ стр. 454. Гретпа-Гринъ—деревушка въ шотландскомъ графствѣ Демфри, гдѣ вѣнчались тѣ, которымъ не давали согласія на бракъ ихъ родители. Браки эти считались законными, когда (и безъ благословенія церкви) совершались гражданскимъ порядкомъ, т. е. заявленіемъ о взаимномъ согласіи повѣнчаться передъ официальнымъ свидѣтелемъ; въ Гретпа-Гринъ случайно должность мирового судьи долго занималъ кузнецъ. Законность такихъ браковъ уничтожена парламентарскимъ актомъ въ 1856 г.

Къ стр. 455. «Королевская скамья» (Kings Bench)—одно изъ высшихъ уголовныхъ судилищъ Англіи въ то время.

Къ стр. 456. «Кураторы Констебльской массы». Рѣчь идетъ о банкротствѣ банкирскаго дома Беллентейнъ и Констебль, причемъ на В. Скотта, бывшаго участникомъ въ этомъ дѣлѣ, обрушился долгъ въ 117 т. ф. ст.

Къ стр. 457. Cessio bonorum—терминъ римскаго законодательства, значить уступка имущества.

Къ стр. 460. Foreign office—министерство иностранныхъ дѣлъ.

Къ стр. 463. Оальдъ-Балей—одна изъ улицъ лондонскаго Сити, гдѣ находится пьюгетскій смирительный домъ.—«Per me si va» и т. д.; т. е. «Черезъ меня (дверь) идутъ въ городъ печали, черезъ меня идутъ въ вѣчную скорбь, черезъ меня идутъ къ погибшимъ людямъ».

Къ стр. 465. Ботани-Бей—мѣсто ссылки англійскихъ преступниковъ (около Южнаго Валлиса).

Къ стр. 466. Бедламъ—главный домъ умалишенныхъ въ Лондонѣ.

Къ стр. 467. Виплиуцаи—мексиканскій богъ войны, духъ зла.—Саміель—одно изъ названій сатаны.—Георгъ Кашинпъ—знаменитый государственный дѣятель Англіи (ум. въ 1827 г.), противникъ Веллингтона и аристократической партіи. Слова «бѣдный Георгъ» относятся къ нему же.

Къ стр. 468. Коббетъ—англійскій публицистъ, писавшій въ антирелиистскомъ направленіи.

Къ стр. 469. Въ улицѣ Доунгъ-Стритъ помѣщаются главныя правительственныя установленія.

Къ стр. 470. Вильямъ Питтъ (ум. въ 1806), одинъ изъ знаменитѣйшихъ государственныхъ мужей Англіи, держался контра-революціонной политики.—Но менѣе знаменитъ Фокъ, политическій соперникъ Питта (ум. тоже въ 1806), другъ французской революціи.—Персиваль, министръ, послѣдователь Питта, былъ застрѣленъ однимъ биржевымъ маклеромъ.—Кестлбри, маркизъ Лондондерри—одинъ изъ самыхъ заплотыхъ реакціонеровъ, игралъ также главную роль въ паденіи Наполеона.—Ливерпуль—министръ, консервативнаго направленія.

Къ стр. 477. Колькгоунъ—статистики и политико-экономистъ, авторъ сочиненія: «О населеніи, богатствѣ, могуществѣ и ресурсахъ британскаго государства»; его практическая дѣятельность выразилась въ принятіи очень успѣшныхъ мѣръ для прекращенія дерзкихъ кражъ, которымъ подвергались корабли на Темзѣ.

Къ стр. 482. Бёрдеттъ, радикальный депутатъ, въ старости перешелъ въ партію тори. Приведенныя здѣсь слова представляютъ непереводаемый каламбуръ.—Лей Гептъ (Leigh Hunt) былъ въ политической дѣятельности своей защитникомъ политическаго и религіознаго радикализма; онъ былъ также и писатель, но въ литературѣ

приобрѣлъ себѣ извѣстность не столько сочиненіями, сколько отношеніями къ Байрону.

Къ стр. 483. Брумъ (Brougham), знаменитый парламентскій дѣятель и ораторъ (ум. въ 1868), оказалъ много важныхъ услугъ въ законодательной сферѣ.

Къ стр. 489. Георгъ IV, разведшійся со своею женой черезъ годъ послѣ брака, хотѣлъ лишитъ ее по суду королевскихъ правъ и преимуществъ, но процессъ, благодаря особенно участию Брума, принялъ неблагоприятный для короля оборотъ, устранимый только смертью королевы.

Къ стр. 490. Бёркъ (Burke)—государственный дѣятель и писатель, во время американской войны за освобожденіе былъ ревностнымъ защитникомъ народныхъ правъ, но во время французской революціи сдѣлался самымъ упорнымъ, почти бѣшенымъ противникомъ ея — Робертъ Пиль — государственный дѣятель, которому католическая партія обязана своею аманципаціею.

Къ стр. 492. На смитфильдской базарной площади въ Лондонѣ въ прежнія времена совершались казни, и въ царствованіе Маріи Тюдоръ тамъ было казнено много протестантовъ.—Въ капеллѣ св. Стефана, до пожара 1834 г., происходили засѣданія нижняго парламента.—Гюн Фоуксъ (Fawkes), протестантъ, обратившійся въ фанатическаго католика, ставшій во главѣ извѣстнаго порохового заговора и, по открытіи его, казненный. — «Hear him» — значитъ: «слушайте!» (обычное восклицаніе слушателей во время парламентскихъ рѣчей) — Въ Германіи каждое владѣтельное лицо есть вмѣстѣ съ тѣмъ ректоръ университета своей страны; по личной связи Гаповера и Англіи, англійскій король былъ ректоромъ геттингенскаго университета.—Туторами называются старшіе надзиратели въ университетѣ.

Къ стр. 494. Подъ «великимъ визиремъ» подразумѣвается здѣсь Веллингтонъ, образовавшій въ 1828 г. министерство, главными членами котораго были Элленбороу, Линдгерстъ, Робертъ Пиль и графъ Эбердинъ. Въ словахъ «онъ былъ врагомъ султанши» — намекъ на бракоразводный процессъ короля Георга IV (см. выше, примѣчаніе къ стр. 489). — «Оберт-муфти» — архіепископъ кентербѣрійскій.

Къ стр. 500. Принцъ Полиньякъ, въ бытность свою (въ 1829 г.) министромъ иностранныхъ дѣлъ, содѣйствовалъ своими мѣрами въ значительной степени взрыву июльской революціи, послѣ котораго онъ былъ приговоренъ къ вѣчному тюремному заключенію и «гражданской смерти».

Къ стр. 505. Послѣ словъ «призывая къ мнѣнію» опущены у насъ находящіяся съ первыми въ связи слова «подобно свисткамъ Гельфенштейна». Въ 1525 г. послѣ взятія Вейсберга, крестьяне гнали графа Гельфенштейна сквозь свои пики и косы, сопровождая эту операцію игрою на пронзительныхъ свисткахъ.

Къ стр. 507. О rotten boroughs см. стр. 432.

Къ стр. 509. Лалло — одинъ изъ дѣятельныхъ приверженцевъ первой революціи, авторъ сатиры противъ фаворитки короля, Дюбарри, и знаменитаго романа «Les faisons dangereuses». — Луве де Кувре, журналистъ, авторъ романа «Приключенія Фобласа».

Къ стр. 515. Тонъ и характеръ статьи «Людвигъ Бёрне» вызвали, при ея появленіи, негодованіе, во многихъ отношеніяхъ несправедливое и пристрастное, но справедливое относительно тѣхъ, имѣвшихъ характеръ уже чисто личнаго пасквиля, страницъ, гдѣ Гейне говорилъ о г-жѣ Воль. Приготовляя къ печати, уже чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ появленія этой статьи, полное собраніе своихъ сочиненій,

Гейне заявлять свосму издателью желаніе, чтобы вышеупомянутыя страницы были исключены. Съ этими исключеніями появилось и известное изданіе Шродтмана. Мы послѣдовали примѣру послѣдняго критическаго изданія Эльстера и печатаемъ неприличную выходку автора, потому что, во-1-хъ, она находится въ связи съ остальнымъ, а во-2-хъ, служить образчикомъ той личной мстительности, которая составила одно изъ нехорошихъ свойствъ великаго поэта.

Къ стр. 516. Гейгель—театральный антрепренеръ во Франкфуртѣ.— Вейднеръ—актеръ.—Объ Урширюнгѣ свѣдѣній нѣтъ.

Къ стр. 517. «Вѣсы» (Wage) и «Крылья Времени» (Zeitschwinden)—журналы, которые редактировалъ Бёрне во Франкфуртѣ.—Рахиль—жена Варнгагена фонъ-Энзе, знаменитая своимъ умомъ, литературною дѣятельностью и особенно громаднымъ вліяніемъ, которое она имѣла на тогдашнее умственное движеніе въ Германіи.—«Любимая женщина», о которой говорила Рахиль—жена доктора Герца, Генриета, въ которую Бёрне былъ страстно влюбленъ, будучи студентомъ; (продуктъ этой страсти—«Письма молодого Бёрне къ Генриетѣ Герцъ»).—Жанъ-Поль (Жанъ-Поль Рихтеръ)—знаменитый писатель-юмористъ.

Къ стр. 520. Кобенцель, австрійскій дипломатъ, подписавшій кампоформійскій договоръ, былъ заклятый противникъ идей, вызванныхъ и распространенныхъ первою французскою революціей.

Къ стр. 523. Упоминаемое здѣсь сочиненіе Менцеля—«Нѣмецкая литература»; въ немъ авторъ выступилъ ожесточеннымъ и смѣшнымъ противникомъ Гёте. Въ одномъ изъ послѣдующихъ томовъ нашего изданія будутъ напечатаны рецензіи Гейне на это сочиненіе. (Замѣтимъ кстати, что этотъ Менцель—тотъ самый, котораго тотъ же Бёрне безпощадно залеймилъ, нѣсколько лѣтъ спустя, въ своей знаменитой статьѣ «Менцель-французодѣ»).

Къ стр. 524. Ламнэ (Lamennais), знаменитый проповѣдникъ, авторъ «Paroles d'un croyant», «Essai sur l'indifference en matière de religion» и др. былъ ревностный католикъ, но держался при этомъ чисто демократическихъ и даже социалистическихъ воззрѣній, чѣмъ оказывалъ сильное вліяніе на умственную жизнь Франціи въ тридцатыхъ годахъ (между прочимъ, на такихъ писателей, какъ Ж. Сандъ).—Подъ «пантенстомъ съ радостнымъ воззрѣніемъ на жизнь» Гейне подразумѣвалъ самого себя.

Къ стр. 525. «Маца»—высушенный прѣсный хлѣбъ, употребляемый евреями въ пищу въ праздникъ Пасхи.—Каламбуръ «Nerr Berge sässe» и т. д. основанъ на созвучіи словъ Wol (какъ собственное имя) и Wolle—шерсть, хлопчатая бумага; въ переводѣ онъ значитъ: «Бёрне сидится у г-жѣ Воль на Волграбенѣ, какъ въ хлопчатой бумагѣ» (т. е. мягко и тепло).

Къ стр. 528. «Броннора противъ евреевъ». Дѣло идетъ о сочиненіи профессора философіи Фриса: «Объ опасности, грозящей благосостоянію и характеру нѣмцевъ отъ евреевъ».

Къ стр. 530. Aqua toffana,—медленно, но смертельно дѣйствующій ядъ, употреблявшійся особенно въ Италіи; изобрѣтательницей его считалась итальянка Тоффанія или Тоффана.

Къ стр. 531. Лепиція—имя матери Наполеона, которое Гейне приписываетъ къ старухѣ Ротшильдъ, какъ къ «родившей столькохъ финансовыхъ Бонапартовъ».

Къ стр. 533. О Гиршѣ Гиацинтѣ и выраженіи «фамилонерно» см. въ этомъ томѣ «Путешествіе въ Италію».

Къ стр. 538. Юлій Цезарь о Кассіѣ — и слова «а Брутъ былъ главный человѣкъ» см. «Юлій Цезарь» Шекспира.

Къ стр. 540. Повѣшеніе (или вообще казнь) en effigie,—казнь чучела осужденнаго человѣка вмѣсто его самого, если онъ находится въ отсутствіи; слѣд. казнь заочная.

Къ стр. 544. «Пророкъ запада»—философъ Гегель.

Къ стр. 546. Цвѣты «дудаимы» въ русскомъ переводѣ Библіи названы «мандрагоры». Мы оставили «дудаимы» въ виду замѣчанія Гейне тутъ же насчетъ перевода Лютера.

Къ стр. 550. Пустухентъ—евангелической священникъ, беллетристъ и педагогическій писатель, приобрѣвшій особенную извѣстность своими пародіями (довольно жалкими) на «Вильгельма Мейстера» Гете. — О Менцелѣ см. выше.—Герстенбергъ, профессоръ богословія, крайній лютеранинъ и противникъ протестантства, авторъ, между прочимъ, рѣзкой критики на романъ Гёте «Избирательное Сродство».—Изъ строкъ, въ связи съ которыми поставлены эти имена, видно, въ какомъ смыслѣ Гейне называлъ ихъ «евреями».

Къ стр. 551. «Ecclesia pressa», т. е. угнетенная церковь; такъ называетъ себя католическая церковь въ тѣхъ государствахъ, гдѣ она въ свѣтскихъ дѣлахъ подчинена общимъ государственнымъ законамъ.

Къ стр. 554. Стихи «Страшисъ раба» и т. д. не изъ «Пѣсни о Колоколѣ» Шиллера, а изъ стихотворенія «Слова Вѣры» (Worte des Glaubens). — Впослѣдствіи, во французскомъ изданіи 2-й книги «Людвигъ Бёрне» Гейне замѣнилъ слова: «я цитирую «Колоколъ» Шиллера» поправкою. «я цитирую самые банальные стихи Шиллера».

Къ стр. 555. Извѣстно, что такъ-называемый «греческій огонь» имѣетъ ту особенность, что не гаснетъ въ водѣ.

Къ стр. 559. «Ограбленный банкъ». Даву потребовалъ отъ города Гамбурга контрибуцію въ 48 миллион. марокъ, и такъ какъ городъ не могъ ее уплатить, то французскій маршалъ наложилъ арестъ на всѣ кассы и денежные запасы банка.

Къ стр. 560. Пэдди—прозваніе ирландца, такое же, какъ Джонъ Буль—англичанина.—Томасъ Мюнцеръ—предводитель крестьянскаго возстанія, провозгласившій свободу и общее равенство людей, казненный въ 1525 г.

Къ стр. 565. Роттекъ, извѣстный историкъ, видный дѣлатель либеральной партіи.—Раумеръ—знаменитый историкъ, умѣренный либераль.

Къ стр. 567. Сара Аустинъ—англійская писательница, много потрудившаяся въ дѣлѣ ознакомленія англичанъ съ нѣмецкою литературой.—Г-жа Креллигеръ—знаменитая актриса; ея мужъ—крупный негодянтъ.

Къ стр. 569. Обозначенный здѣсь «звѣздочкой» человѣкъ носилъ фамилію Штернъ (Stern по-нѣмецки звѣзда; такимъ образомъ слова: «онъ * не первой величины» надо читать: «онъ звѣзда по первой величины»). Этого самаго Штерна Гейне выставилъ въ личности Назенштерна въ «Бахаракскомъ Раввинѣ».

Къ стр. 573. Книгопродавецъ Ф.—штутгартскій книгопродавецъ Франкъ, участвовавшій въ нѣсколькихъ вооруженныхъ возстаніяхъ.

Къ стр. 577. Рейнско-баварскія событія—послѣдствія гамбахскаго празднества, выразившіяся въ многихъ изгнаніяхъ, арестахъ и т. п.

Къ стр. 582. Яковъ Вендеи—одинъ изъ главныхъ вожаковъ либеральной партіи, былъ изгнанъ изъ Германіи, а затѣмъ даже изъ Парижа. Гейне находился съ нимъ снѣрва въ дружескихъ отноше-

віяхъ, потомъ между ними произошёлъ разрывъ.—Моллакатъ—стихотворенія семи поэтовъ домагометанскаго времени, вывѣшенные на стѣнѣ Каабы.

Къ стр. 583. Зибенпфейфъ — либеральный публицистъ. — Воръ, укравшій у Бёрне часы, былъ, дѣйствительно, открытъ: оказалось, что это сдѣлалъ его цырюльникъ.

Къ стр. 585. Клубъ des Feuillants (во время 1-й революціи) старался объ установленіи во Франціи конституціи по образцу англійской; но въ началѣ 1791 г. чернь уничтожила его.

Къ стр. 586. Празднество въ Вартбургѣ происходило въ 1816 г. въ память Лютера, который перевелъ Библію, какъ извѣстно, въ Вартбургѣ. Староцѣмчичи воспользовались этимъ случаемъ для самыхъ забавныхъ и нелѣпныхъ проявленій своего квасного патриотизма.—Человѣкъ, «сдѣлавшій въ Вартбургѣ предложеніе сжигать книги»—Масманъ, тотъ самый «цѣмчичъ» Масманъ, котораго Гейне такъ безпощадно осмѣялъ въ своемъ «Путешествіи по Италіи». О «гимнастикованіи» упомянуто здѣсь потому, что Масманъ принималъ самое дѣятельное участіе въ распространеніи «Гимнастическихъ обществъ» (Turngesellschafte), которымъ староцѣмчичская партія придавала не только чисто патриотическое, но и политическое значеніе.

Къ стр. 57. Надъ тѣлесною нечистоплотностью Масмана (какъ здѣсь «грязный Масманъ») Гейне смѣется неоднократно, видя въ ней одно изъ свойствъ приеущихъ вообще этимъ ярымъ тевтоманамъ.

Къ стр. 586. «Манесскій Сборникъ» — устарѣвшее названіе рукописнаго сборника лирическихъ пѣсень, до 1848 г. находившагося въ парижской Bibliothèque Nationale. — Вальтеръ Фогельвейде — знаменитѣйшій мпеззингеръ.

Къ стр. 599. Гацлитъ—англійскій писатель начала нынѣшняго столѣтія, одинъ изъ лучшихъ истолкователей Шекспира. — Поль-Луи Курье, французскій публицистъ и сатирикъ начала нынѣшняго столѣтія.

Къ стр. 600. О Менцелѣ Гейне писалъ задолго до появленія своего сочиненія о Бёрне, именно въ 1828 г. по поводу книги Менцеля «Нѣмецкая литература». (См. прим. къ стр. 523). Затѣмъ, въ 1837 г. рѣзко написалъ на него въ статьѣ «О доносахъ». Обѣ эти статьи будутъ напечатаны въ одномъ изъ послѣдующихъ томовъ нашего изданія.

Къ стр. 604. «Свинцовыя мины Новгорода» мы оставили умышленно, какъ своего рода курьезъ.

Къ стр. 605. Г. П. — Густавъ Пфидеръ, авторъ статьи «Heines Schriften und Tendenz».

Къ стр. 606. Выраженіе «правственпо-религіозно-поэтической ипшенскій плацъ» употребилъ Гёте, высказывая свое мнѣніе (въ 1831 г.) о стихотвореніяхъ того же Густава Пфидера. Гейне, критикуя его, нѣсколько измѣнилъ, поставивъ вмѣсто «поэтической» — «патриотической». — «Paroles d'un croquant» — одно изъ самыхъ знаменитыхъ сочиненій Ламне (о немъ см. выше, примѣчаніе къ стр. 524), отличавшееся ультра-демократическимъ характеромъ.

Къ стр. 610. «Sancta simplicitas» — слова, произнесенныя Яномъ Гусомъ на кострѣ, когда онъ увидѣлъ, что убогая старуха тащила долѣю, чтобы подбавить его въ костеръ.

Къ стр. 611. Ярке — профессоръ и писатель ультра-консервативнаго направленія въ религіозныхъ и политическихъ вопросахъ; о немъ Гейне упоминаетъ и въ главѣ «Дукскія воды» (см. въ этомъ томѣ).

Къ стр. 612. Донъ-Мигуэль, восставшій въ 1832—34 г. за португальскій престолъ со своимъ братомъ, бразильскимъ императоромъ Педро I.

Къ стр. 614. Розенкранцъ (1879 г.)—очень выдающійся историкъ литературы и эстетикъ.

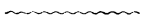
Къ стр. 619. Шарантонъ и Бисетръ—деревни около Парижа, съ большими домами умалишенныхъ.

Къ стр. 620. Агуадо, маркизь дель Гвадалквивиръ, крупный парижскій банкиръ въ сороковыхъ годахъ. Былъ сперва солдатомъ, потомъ занялся торговыми дѣлами и приобрѣлъ громаднаго богатства и значительное политическое вліяніе.

Къ стр. 628. «Приснопамятная минута»—20-е іюня 1789 г.

Къ стр. 634. Румфордъ, родомъ американецъ, генераль въ баварской службѣ (ум. въ 1814 г.), изобрѣлъ для войска супъ (по его имени названный) изъ очень дешевыхъ и очень питательныхъ продуктовъ.

Къ стр. 637. Фридрихъ Августъ Вольфъ — знаменитый эллинистъ, профессоръ берлинскаго университета.

Оглавление

І ТОМА.

	СТР.
Жизнь Генриха Гейне. Биографич. очеркъ <i>П. И. Вейнберга.</i>	3
Добавленіе. Автобіографическій очеркъ. (Письмо Гейне къ Филарету Шалю)	105
Путевыя картины. Переводъ <i>П. И. Вейнберга.</i>	
I ч. Путешествіе на Гарцъ.	111
II ч. I. Съверное море (1826 г.)	173
II. Идеи. Книга Ле-Гранъ (1826 г.).	204
III ч. Италія.	
I. Отъ Мюнхена до Генуи.	259
II. Лукскія воды	330
III. Городъ Лукка	401
Отрывочныя замѣтки объ Англіи (1828 г.). Переводъ <i>П. И. Вейнберга.</i>	439
Людвигъ Бёрне. Переводъ <i>П. И. Вейнберга.</i>	513
Примѣчанія къ I тому.	638

